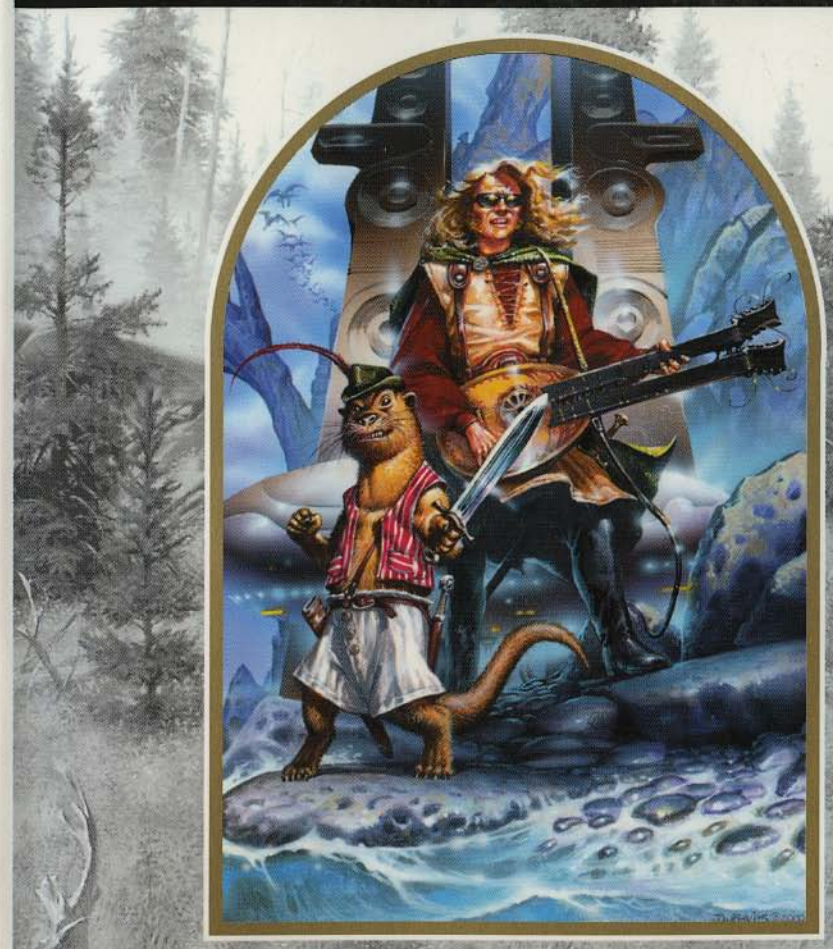
МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР В ЖАНРЕ «ФЭНТЕЗИ»

Алан Дин
ФОСТЕР

Чародей с гитарой
Том 2

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ДВУХ ТОМАХ

Алан Дин
ФОСТЕР



Чародей с гитарой

Алан Дин
ФОСТЕР
Чародей
с гитарой

Алан Дин
ФОСТЕР

Время перехода

•

Сын чародея с гитарой

•

Инфернальная музыка

«Александр Корженевский»
«ЭКСМО»
2005

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Алан Дин

ФОСТЕР

Чародей с гитарой

Том 2

«Александр Корженевский»
«ЭКСМО»
2005

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Ф 81

Alan Dean FOSTER
THE TIME OF THE TRANSFERENCE
Copyright © 1987 by Tranx, Inc
«SON OF SPELLSINGER»
Copyright © 1993 by Tranx, Inc
CHORUS SKATING
Copyright © 1994 by Tranx, Inc

Серийное оформление художника *А. Саукова*
Серия основана в 2001 году

Фостер А. Д.
Ф 81 Чародей с гитарой. Том 2: Фантастические произведения/ Пер. с англ. — М.: Изд-во Александр Корженевский, Изд-во Эксмо, 2005. — 800 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

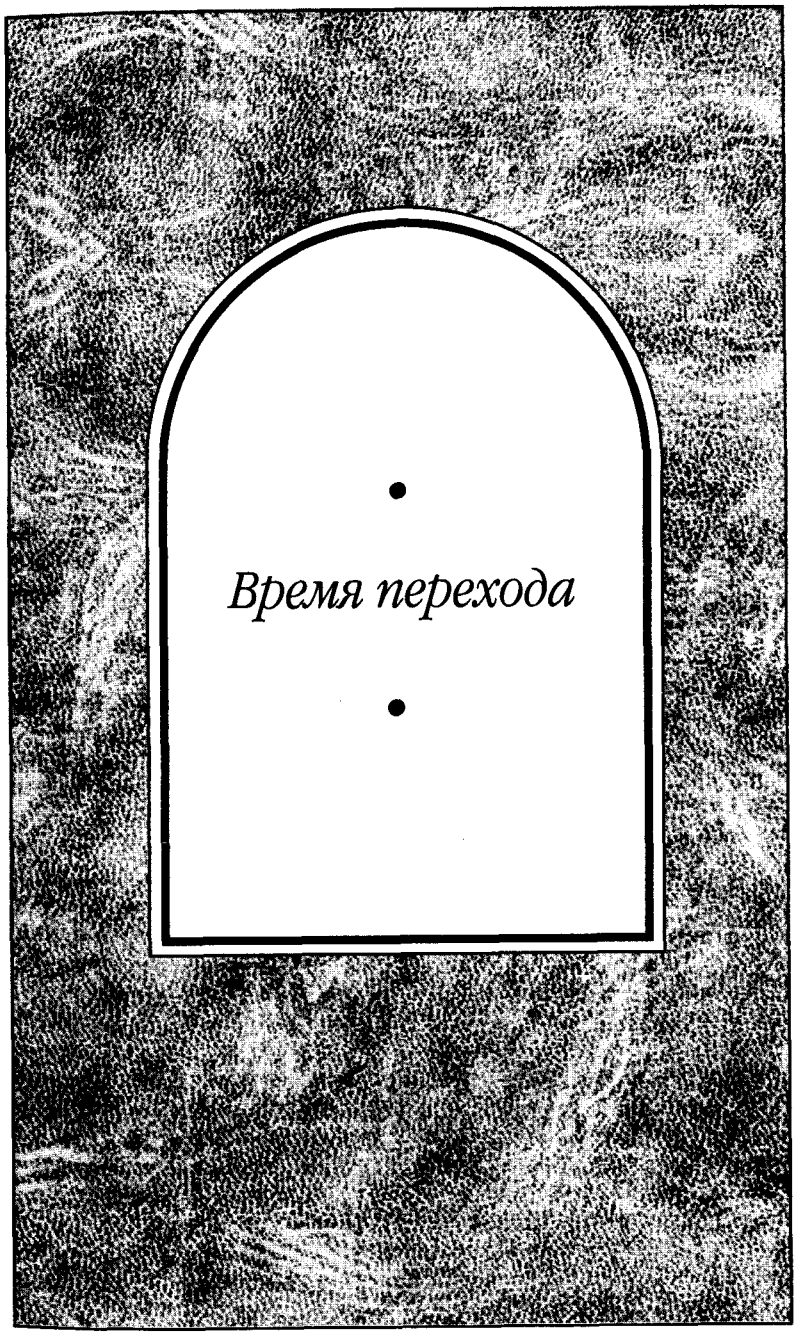
ISBN 5-04-010088-4

Джонатан Томас Меривезер — простой американский студент — случайно попадает в волшебную страну, где он оказывается в довольно странной компании вместе со вздорным выдром по имени Мадж и излишне эмансипированной девицей Талеей. Любовь к рок-музыке неожиданно помогает главному герою выпутываться из сложных ситуаций, хотя, как показывает практика, пение под гитару приводит иногда к довольно странным результатам.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Перевод. А. Филонов, Г. Корчагин, 2002
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005
© Издание на русском языке. Изд-во «Александр Корженевский», 2005

ISBN 5-04-010088-4



Ричарду, Карен, Мишель и Доун Хиршхорн посвящаю я это небольшое странствие по проселкам жизни.

Кузен А.Д.Ф.

Глава 1

— Джон-Том, в дереве кто-то есть!

— А? Чего? — откликнулся он, выплывая из бездны забытья. В плечо тут же впилась женская рука.

— Я сказала, что в дереве кто-то есть! — настойчиво повторил знакомый, мелодичный, как всегда, голос.

Сделав над собой нечеловеческое усилие, Джон-Том открыл один глаз: ветви дома и окружающих дубраву колокольных деревьев вызолотил свет луны. Никаких намеков на утро и никаких признаков восхода солнца хотя бы в обозримом будущем. Никаких подозрительных звуков.

— Спи, Талея, — поворачиваясь на другой бок, пробормотал он. — Нет здесь никого.

— Да не в нашем дереве, идиот! — возмущенно прошептала она. — А в Древе этого старого хрена.

— Конечно, в Древе кто-то есть. — Джон-Том велел сознанию погрузиться в сон, но подсознание лишь посмеялось над этим требованием. — Там Клотагорб и Сорбл.

— Чародей спит мертвым сном, а как шумит пьяный Сорбл, я знаю. Том, на этот раз что-то не так. Поверь мне, я разбираюсь в ночных шумах.

— Небось с той поры, как подкрадывалась к невинным горожанам в темных аллеях? — садясь и продирая глаза, пробормотал он. И тут же получил кулачком по ребрам.

— Не шути. Те времена остались в прошлом. Джон-Том, я серьезно. — Талея выглянула в пробитое в древесине окно. — У меня в голове не укладывается, как ты можешь спать в таком тарараме. Они там орали и вопили добрых полчаса. Естественно, пока я тебя добудилась, все утихомирилось.

Наступившую тишину нарушили донесшиеся из-за клумбы сдавленные проклятия и звон бьющейся посуды. Талея тут же сверкнула глазами.

— Ну?! Только не говори, что теперь не слышал.

Так толком и не проснувшись, Джон-Том отбросил одеяло и нахмурился.

— Где уж там, слышу. Значит, у них вечеринка или что-нибудь в этом роде. Это ведь не первый случай, когда он принимает гостей. Иные маги со ста граммов совершенно дуреют.

— Если у них вечеринка, что ж нас не пригласили? Ты же знаешь, как костлявый комод любит демонстрировать твою музыкальность.

— Значит, не вечеринка! Может, к Клотагорбу приехали друзья издалека и он не хочет, чтоб им мешали.

— Да мне плевать, будь они хоть с другой планеты! У меня завтра масса дел, и нужно хорошенько выспаться. — Талея яростно подбоченилась.

Джон-Том уставился на сидящую рядом женщину. Лунный свет рельефно обрисовал все изгибы ее тела, и мысли певца тут же приняли иной оборот, переключившись с непрекращающейся суматохи в соседнем дереве на более близкий предмет.

— Не нужно тебе спать, ты и без того прекрасна.

Он протянул к ней руки, но Талея увернулась.

— Ну уж нет! — Она одарила мужа полной решимости улыбкой. — Не за тем я тебя будила. Во всяком случае, теперь не время. — Тут она чуточку смягчилась. — Может, сходишь и попросишь их угомониться, а? Хоть они и чародеи.

Будто в подкрепление ее просьбы из черепашьего Древа донесся новый шквал шума.

Он с вожделением посмотрел на жену, потом выскользнул из-под одеял, торопливо сунул ноги в тапочки и натянул теплый халат — в этом году зима сдавала свои позиции неохотно. Хотя Клотагорб умудрился пространственно расширить внутренний объем Древа и обеспечить его жильцов просторной квартирой, однако он еще не изобрел способа обогреть ее, не спалив дотла самого Древа.

Подойдя к единственному в спальне окошку, Джон-Том посмотрел на расположенный за спящей лужайкой исполинский древний дуб, который чародей называл своим домом. Внутри вроде бы мелькал свет, хотя не исключено, что это иллюзия, порожденная побочным действием пространственного заклятия. Если это действительно факел или светильная колба, то скорее всего Клотагорб снова застал своего ученика за возней с химикатами и гоняется за ним по всему Древу. Юноша высказал свое предположение, даже не оборачиваясь, потому что стоило ему увидеть наготу Талеи, как все остальное было бы забыто напрочь.

Он прожил с женой уже несколько месяцев — достаточно долго, чтобы заметить ее самозабвенное пристрастие и к любовным утехам, и к обшариванию чужих карманов. Джон-Тому пришлось изрядно помучиться, чтобы совладать с последней из упомянутых привычек, весьма и весьма для него огорчительной. Расширенное заклинанием Древо было подарком от Клотагорба.

Как саркастически заметила Талея, подарок этот призван был удержать молодого чаропевца под боком у наставника, дабы Джон-Том всегда был на подхвате, если вдруг понадобится мальчик на побегушках, миссия которого может завершиться летальным исходом. Впрочем, это ничуть не помешало ей принять дар.

— Клотагорб — величайший маг мира, и не мне указывать ему, как себя вести, — заявил юноша.

Талея натянула стеганое одеяло до подбородка.

— Ах, тебе нужно оправдание, чтобы предстать перед ним? Ладно, скажи ему, что твоя милая скромница Талея безжалостно пилила тебя, пока не осталось ничего другого, кроме как пойти и преподнести его разбушевавшейся милости нижайшую просьбу заткнуться — хотя бы до утра. Я уверена, что, будучи величайшим магом мира, он может обезглавить Сорбла молча. А если там вечеринка, поинтересуйся, почему нас не позвали. — Тут она внезапно села. — Как ты думаешь, там действительно пустяковое дело, а?

— Не знаю. — Джон-Том оглянулся на окна. — Клотагорбу почти триста лет, а за три века можно нажить уйму врагов. Но до сих пор он ни разу не бодрствовал в столь поздний час.

С другой стороны поляны вновь донесся грохот мебели и звон посуды. А что, если в опасности отнюдь не Сорбл?

Отойдя от окна, он прошел в глубь спальни и открыл резной трехстворчатый зеркальный шкаф, в котором помимо одежды, обуви и прочих пожитков стоял футляр, выточенный из цельного куска таранного дерева. В его выстеленных мягкой тканью недрах покоился странный инструмент с двойным набором струн.

— Если ты считаешь, что там какие-то проблемы, — заметила наблюдавшая за его манипуляциями Талея, — то не лучше ли взять боевой посох?

Джон-Том прижал дуару к груди и начал подкручивать колки.

— Если там вечеринка, то, ввалившись с оружием, я буду выглядеть сущим дураком. Если же Клотагорб всего-навсего гоняется за Сорблом, может, мне удастся его утихомирить. Так что лучше мне вооружиться этим, чем посохом.

— Это с твоим-то голосом? — Она вновь натянула одеяло до самых глаз, и голос зазвучал приглушенно. — Возвращайся побыстрей. Если ты заставишь их заткнуться, мы сами сможем немножко побуянить.

— Лежи как лежишь, — пятясь к двери, приказал Джон-Том. — Не шевелись — глазом не успеешь моргнуть, как я вернусь.

Талея моргнула и насмешливо пробормотала:

— Как, ты уже вернулся?

Джон-Том развернулся и быстро зашагал к выходу, прикидывая, взять ли фонарь, и тут же решил, что не стоит: воспламе-

няющие песни пока удавались ему плохо, а драгоценный запас спичек таял на глазах. Осталось всего четыре штуки. Кроме того, в ясном небе сияла почти полная луна, так что света хватало.

Холодный ночной воздух драл горло, как рашпиль, и Джон-Том поплотнее завернулся в халат, подоткнув толстый воротник под самый подбородок. Судя по положению луны, было три или четыре часа утра. Неподходящее время для пробуждения добропорядочного гражданина, и уж вовсе не удачный час для прогулок по заледеневшим цветам в тапочках на босу ногу. В этом призрачном лунном свете певец в пуховом халате являл собой нелепое зрелище, хотя видеть его могли лишь ночные летучие ящерицы да фосфоресцирующие древесные пресмыкающиеся.

Подойдя к дереву чародея, он задержался и заглянул в окно гостиной. Там царила тьма — значит, вряд ли это вечеринка. За стеклянной крышей лаборатории ничего любопытного тоже не обнаружилось.

Не исключено, что это всего лишь очередная склока мага с фамулусом, угрюмо подумал Джон-Том, а я, как дурак, выбрался из теплой постели и покинул теплую женщину, чтобы узнать, что драчуны улеглись спать как раз перед моим появлением. Ну, раз уж он здесь, надо хоть тщательно все проверить, чтобы развеять опасения Талеи.

С тем юноша и пошел вокруг дерева. От исполинского ствола в землю под небольшим углом уходил толстый — в половину человеческого роста — корень. Сбоку в нем виднелась дверь, запертая на массивный висячий замок, но вела она не в погреб под корнями, а в заднюю часть кухни чародея.

Пара подходящих аккордов на дуаре — и замок открылся. Заклинание сработало бы скорее, но Джон-Том никак не мог его запомнить. Распахнув дверь, он заглянул внутрь. Света по-прежнему не было, но на этот раз вроде бы донесся приглушенный рокот беседы, говорящих было несколько, и тон их далек был от дружелюбия. К важному рассудительному голосу Клотагорба примешивался визгливый говорок Сорбла, но слышны были и чужие голоса.

Чародеям время от времени случается принимать гостей в неурочный час, но подобные встречи всегда происходят не в кухне, а в гостиной. Джон-Том заколебался и даже собрался было сходить за боевым посохом из таранного дерева, но передумал. Раз уж отказался взять его, то, вернувшись, выставит себя перед Талеей дураком. К тому же, имея при себе дуару, он не нуждается ни в каком оружии.

Ощупью спустившись по ступенькам в глубь Древа, он оказался в кладовой, забитой запасами консервированных раков и водорослей, бутылками и банками со специями, приправами и соусами и множеством всевозможных яств, предназначенных

для услаждения утонченного вкуса двухсотпятидесятилетней черепахи.

Осторожно открыв дверь кладовки, Джон-Том оглядел кухню, озаренную слабым сиянием светильной колбы. Голоса из глубины дома доносились теперь намного отчетливее. В конце узкого коридора направо находилась лаборатория, а прямо — столовая. Тихонько прикрыв за собой дверь, юноша на цыпочках обогнул плиту, ставшую для филина Сорбла местом отбывания ежедневной каторги, и прижался к перегородке между кухней и столовой.

Слова зазвучали совершенно отчетливо, и интонация была отнюдь не вежливой.

— Где оно?! Колдун, мне надоело без конца задавать один и тот же вопрос!

Прижав дуару к груди, Джон-Том тихонько приоткрыл дверь. Светильные колбы в столовой горели в полный накал, и происходящее было видно совершенно отчетливо. Сорбл с плотно прижатыми к бокам крыльями был прикручен к стулу, когтистые лапы спутаны веревкой, клюв перевязан. Клотагорба привязали к другому стулу посреди комнаты, отодвинув обеденный стол в сторону.

Упрямому колдуну противостояла троица, по виду которой легко можно было заключить, что подобные типы вряд ли способны поддержать приятную беседу на вечеринке. Один из них, высокий мускулистый волк, опершись о рукоять боевого топора, ковырял в зубах, поблескивая единственным глазом. В другой глазнице сверкал большой золотистый топаз, бросая на стены желтые, как моча, блики.

Рядом с ним сидел, развалившись в кресле, большой виверровый кот. Его меч покоился в ножнах, зато в лапе он держал исходящее паром ведро. А справа от кота стоял дородный детина, взявший инициативу в разговоре на себя. Привлекательным этого представителя морских свинок — или как там его, морской свинтус, что ли? — назвать было трудновато. Будучи всего четыре фута ростом, он вынужден был тянуться изо всех сил, чтобы выглянуть из-за спинки стула, к которому привязали Клотагорба. Каждый скачок обозленного и раздосадованного свинтуса сопровождался звяканьем тонкой кольчуги. Шея его была изуродована отвратительными, так и не заросшими шерстью шрамами.

Клотагорб целиком, вместе с головой, руками и ногами, ушел в свой панцирь, так что склонившемуся над ним морскому свинтусу приходилось кричать прямо в верхнее отверстие панциря.

— Вылазь оттуда, черт тебя дери! Мне надоело разговаривать с черепушкой!

Он хотел было сунуть туда лапу, но вовремя одумался и, отступив на шаг, кивнул коту. К ужасу своему, Джон-Том увидел,

что ведро заполнено густой кипящей жижей, которую кот собирался вылить на Клотагорба.

Угроза оказалась достаточно действенной, и чародей медленно приподнял голову над краем панциря, щурясь на свет. Его шестиугольные очки косо сидели на клюве. Должно быть, Клотагорба и Сорбла застали врасплох, во время сна, и они не успели ничего предпринять.

— Я в последний раз предлагаю вам шанс убраться подобру-поздорову. — Клотагорб брезгливо потянул носом. — Я величайший чародей мира, и то, что я привязан к стулу, не помешает мне обратить вас в ходячие сосуды скорби. Я медленно и мучительно очищу ваши скелеты от плоти, и лишь мое добросердечие и сострадание к вашему вопиющему невежеству и слабоумию пока еще удерживают меня от подобного шага!

Волк заколебался и сверкнул единственным глазом на предводителя, но угроза мага ничуть не смутила главаря разбойников.

— Типичный черепаший вздор! Да если бы ты мог что-нибудь с нами сделать, давно бы уж сделал, но без своих зелий и порошков ты — как без рук. Твои пустые угрозы истощили мое и без того слабое терпение. В последний раз требую: говори, где золото?!

— В последний раз говорю, — раздраженно пробормотал Клотагорб, — нет у меня золота! У меня есть занятия поважнее, чем накопление бесполезного состояния. Мой дом богат лишь знаниями — несравненным сокровищем, до которого вам никогда не добраться вашими грязными лапами. Мой ученик может подтвердить, что у меня на руках никогда не бывает суммы, превышающей хозяйственные затраты, каковые не выходят за пределы разумного.

При столь явной попытке переключить внимание грабителей на Сорбла тот беспокойно заерзал, и его огромные желтые глаза стали еще больше.

В ответ морской свинтус плюнул на чистый пол.

— Да всем и каждому известно, что чародеи всегда держат сокровища на подхвате. — Его заплывшие глазки стремительно забегали по сторонам. — В этом Древе таятся несметные богатства, носом чую.

Он снова поглядел Клотагорбу в глаза, и его усы затрепетали.

— Скоро рассвет, и я уже устал болтать попусту. Только у меня и дел — зазря навещать всяких старперов! — Главарь кивнул виверре. — Валяй, поглядим, как старому фокуснику понравится обливание, которое согреет его лучше, чем панцирь!

Кот ухмыльнулся и приподнял бурлящее ведро. Клотагорб молчал, пока не показалась первая капля горячей жидкости, а потом подал голос:

— Нет-нет, погодите! Я скажу.

Не опуская ведра, кот вопросительно посмотрел на главаря.

— Ладно, так уже лучше. Для величайшего чародея мира потерять немножко золота — не такая уж великая утрата. — Морской свинтус придвинул свою щетинистую морду к самому клюву колдуна. — Ну что ж, говори, где тайник, и побыстрее!

— Будьте добры, секундочку! Только отдышусь.

Предводитель шайки резким жестом приказал коту отойти, и Клотагорб продолжал:

— Мне надо подумать, ведь я очень стар и давненько не проверял свои сбережения. Несомненно, даже ваши крохотные мозги уже сообразили, что в этом Древе намного больше комнат, нежели можно предположить с виду.

— Мне приходилось видеть, как работает пространственное заклятие. — Морской свинтус беспокойно похлопал по рукоятке меча. — Не надейся произвести впечатление или остановить меня.

— Успокойтесь, пожалуйста. — Клотагорб прикрыл глаза и склонил голову. — Мне надо сосредоточиться.

До сей поры одна лишь репутация Клотагорба держала грабителей на расстоянии, но эти трое оказались то ли куда более дерзкими, то ли куда более глупыми, чем остальные. Они были слишком невежественны, чтобы бояться, но это никоим образом не уменьшало угрозы, которую они представляли для старого чародея.

Это просто троица обычных головорезов. Ну что ж, справиться с ними будет довольно легко.

Отступив на шаг, Джон-Том пинком распахнул дверь, и та грохнула о стену с эффектом пушечного выстрела. Кот едва не выронил ведро с горячей жижей, которой собирался пытать Клотагорба, морской свинтус подскочил от неожиданности и в полете развернулся на сто восемьдесят градусов, а волк поднял топор, ощерил клыки и занял оборонительную позицию.

Джон-Том поглядел на троицу сверху вниз, прекрасно осознавая, насколько он возвышается над самым рослым из громил.

— Что-то рановато для игр и развлечений. — Игнорируя волка и виверрового кота, Джон-Том обращался непосредственно к морскому свинтусу. — А значит, всякая здравомыслящая тварь, которая надеется дожить до утра, должна отправиться в постель. К усатым мешкам жира, не умеющим вести себя в приличном обществе, это тоже относится. У вас пять секунд, чтобы смотаться отсюда, пока я не смешал вас с грязью.

С этими словами, заранее наметив подходящий мотив, он взял на дуаре несколько аккордов. Кот отпрыгнул, швырнув ведро в сторону, и жижа расплескалась по полу. Волк сморщился, как, впрочем, и Сорбл, но Клотагорб даже бровью не повел.

— Мальчик мой, что-то я не припоминаю случая, когда мне приходилось хвалить твое умение рассчитать время, поскольку

обычно это не лезет ни в какие ворота. Но на этот раз ты искупил все прежние погрешности. Спасибо, что вызволил меня из непристойного положения.

Насторожившись, но отнюдь не теряя с перепугу штанов, морской свинтус оглянулся на связанного колдуна.

— А это что еще за певчий безоружный дурак, осмеливающийся бросать нам вызов, да еще будучи одетым в одну пижаму?

— Это Джон-Том, — отвечал Клотагорб. — Если я — величайший из магов, то он — величайший чаропевец мира. И хотя, как вы изволили заметить, я лишен доступа к своим зельям и порошкам, обратите внимание, что его инструмент могущества при нем. Несколькими отрывками песен он может раскрутить мир, как волчок, или выщипать шерсть у неосмотрительных незваных гостей. — Он поглядел мимо морского свинтуса. — Сжалься над ними, Джон-Том. Я знаю, как ты вспыльчив, но пока что мы не пострадали.

Затем маг обратил предостерегающий взор на виверрового кота.

— У вас еще есть возможность стремительно покинуть сию обитель, сохранив свои дурно зарекомендовавшие себя головы на плечах. Если вы не воспользуетесь предоставленным вам шансом убраться подобру-поздорову, я ни за что не отвечаю, ибо не в силах без конца сдерживать чаропевца.

Волк начал потихоньку отступать в сторону дальней двери.

— Слышь, Сквиг, кажись, лучше нам его послушать.

— Ага, уж больно не по-нашему он выглядит, — дребезжащим голосом согласился кот.

Но морской свинтус, уже чуявший поживу, не хотел признать поражение так близко от желанной цели.

— А, так ты чаропевец?

С этими словами он извлек из висевших на поясе ножен короткий толстый клинок. Джон-Том, старательно игнорируя блеснувший нож, посмотрел противнику в глаза.

— Вот именно, толстопузый. Силами, превышающими твое понимание, я поверг демонов во прах, позволил пертурбаторам свободно резвиться среди звезд, побил в поединке инопланетных чародеев и целую рать Броненосного народа. А теперь — забирай своих жидконогих клевретов и изыди, иначе мой гнев обрушится на ваши головы!

Блестящий образчик пышных угроз, но, увы, безрезультатный. Морской свинтус взмахнул ножом, выписав лезвием замысловатую кривую.

— А если мой нож обрушится на тебя? Раз уж мне не добраться до твоей глотки — пожалуй, я начну с ног и выпущу кровь из твоих жил.

— Ну что ж, начнем с небольшой серенады.

И Джон-Том пустил в ход песню. Многомесячная практика

в Древе посреди погрузившегося в белое молчание заснеженного, промороженного мира, дала свои плоды — при первых же звуках дуары воздух наполнил аромат волшебства.

Он тщательно выбрал нужную песню — она должна была обратить оружие незваных гостей против них самих. Так и случилось. К несчастью, заклинание подействовало с непредсказуемой избирательностью, ставшей для Джон-Тома роковой. В комнате находилось несколько предметов, подвергшихся воздействию магии: боевой топор волка, нож морского свинтуса и меч виверры. Но, кроме меча, у виверрового кота имелся и естественный вид вооружения, во много раз превосходящий по мощи все остальные, вместе взятые. И состояло оно из мускусных желез, расположенных сзади. Именно это оружие чаропение обрушило на грабителей, а заодно и на невинных жертв: столовую заполнила невообразимая вонь.

Отшвырнув свой грозный топор, волк зажал пасть обеими лапами и бегом помчался к двери. Морской свинтус занес нож, но остановился столь внезапно, будто наткнулся на стену, потом перегнулся пополам и начал выметывать на пол сегодняшний обед — равно как и ленч, и завтрак, и непереваренные остатки вчерашнего салата. Кот как единственный из присутствующих, способный перенести собственные миазмы, ухватил шефа за шиворот и поволок вслед за волком.

Тем временем Клотагорб снова нырнул в панцирь, воспользовавшись этой ничтожной защитой от пагубного воздействия испарений, а вот Сорбл бессильно сотрясался в своих путах от бесконечных спазмов. Сдерживаясь изо всех сил, Джон-Том плавно перешел к песне, источающей мед и благоухание. Хоть ему и удалось победить непрошеных посетителей, не пролив ни капли крови, поединок все равно обернулся грязным делом.

Виверра, волк и морской свинтус обратились в бегство, а подкативший к горлу желудок Джон-Тома по мере пения потихоньку утихомирился.

Клотагорб наконец выглянул из-под панциря. Смаргивая слезы с увлажнившихся глаз, он удовлетворенно потянулся, и, хотя выглядел слегка одуревшим, последующие слова произнес с оттенком похвалы:

— Чудесная работа, мой мальчик. Война не знает правил, но в следующий раз постарайся избрать иной способ обращения врага в паническое бегство.

Со стороны Сорбла донеслись невнятные звуки неудовольствия. Перья филина слиплись от измаравшей их блевотины, а уж запах в столовой стоял такой, будто здесь только что эксгумировали давно похороненный труп.

Джон-Том на трясущихся ногах заковылял к стулу наставника.

— Простите, сэр. Это не совсем то, что я имел в виду, но

когда у тебя перед носом размахивают ножом, особо разборчивым быть не приходится.

— На практике никогда не выходит то, что имеешь в виду, — глубокомысленно кивнул чародей. — Иди, помоги мне разобраться с этими путами. — Стараясь распутать связывающие его веревки, он головой указал в сторону комода. — Разделочные ножи в нижнем ящике. Они быстрей справятся с этими узлами, нежели мои толстые пальцы. — Оглянувшись на ведущую в коридор дверь, он слегка усмехнулся. — Похоже, мы больше не увидим наших разбойничков. Я уверен, что они не захотят заглянуть еще разок.

— Я бы не стал упрекать их за это. — Манипулируя одной рукой, пальцами другой Джон-Том зажимал нос. — Я и сам готов бежать отсюда без оглядки.

Отыскав указанный Клотагорбом ящик, Джон-Том выбрал самый большой мясницкий нож и повернулся, чтобы освободить чародея. И тут его правую ногу вдруг пронзила жуткая боль. Не потрудившись поглядеть под ноги, он наступил на лежавший кверху лезвием боевой топор волка, брошенный во время поспешного бегства. В итоге лезвие разрезало тонкую подошву тапки надвое — от мизинца до пятки. Рана получилась неглубокая, но ужасно болезненная.

Потеряв равновесие, Джон-Том оперся о спинку ближайшего стула, но тот опрокинулся, и юноша полетел на пол. Боль в раненой ноге не позволила ему устоять.

Ни падение, ни сломанный стул нимало его не тревожили. Гораздо больше его волновал предмет, на который чаропевец приземлился, упав вместе со стулом. Он услышал пронзивший тишину тошнотворный хруст. Даже Сорбл, целиком поглощенный своим затруднительным положением, издал невольный крик ужаса.

Джон-Том стремительно перекатился вправо, заранее зная, что это — запоздалая и тщетная предосторожность. Слишком поздно. Теперь уж ничего не поправишь, разве что удастся запустить время вспять, но никакие страстные желания тут не помогут. Не обращая внимания на кровоточащую ногу, он медленно сел и уставился на плоды своего падения.

Потом склонился, чтобы поднять жалкие щепки, в которые превратилась его незаменимая, бесценная умолкшая дуара.

Глава 2

Гриф был сломан в нескольких местах, дека напоминала раскваше нную коричневую дыню. Тоненькие проволочки и перегородки резонатора годились теперь разве что на зубочистки. Дуара была практически полностью уничтожена и являла собой жалкую пародию на гордый инструмент, каким была всего мгновение назад.

Клотагорб наконец выпутался из веревок, слез со стула и подошел поближе, чтобы осмотреть обломки.

— Потребны ли тебе кладези моей чародейской мудрости и обширный опыт в подобных вопросах?

Не в силах проронить ни слова, Джон-Том лишь молча кивнул. Клотагорб осторожно провел ладонью по обломкам, накрутил на палец болтающиеся струны и поднял глаза на своего рослого друга.

— Ты вышиб из нее дух напрочь.

— Я и без трехсотлетнего кладезя мудрости могу сказать то же самое, — с горечью ответил юноша.

— Я лишь подчеркнул серьезность содеянного тобой. Мне ни разу не доводилось видеть человека, способного упасть с изяществом.

— Уж с черепахами-то дело обстоит иначе?

— Нам нет нужды углубляться в посторонние предметы. По-моему, это не твоя вина.

Джон-Том был слишком взбешен своей неуклюжестью, чтобы расплакаться.

— Впервые вы правы. Я просто неуклюжий увалень и заслужил это, потому что не гляжу, куда ступаю своими большими ногами.

— Когда вы оба закончите обмениваться любезностями и соболезнованиями, не будет ли кто-нибудь добр развязать меня? — подал голос Сорбл, извиваясь в своих путах. — Мне нужно вымыться, по крайней мере, полдюжины раз.

— Так сказать, устами замаранных глаголет истина. Жизнь не перестает поражать меня. — Но, несмотря на сарказм тона, Клотагорб собственноручно развязал своего ученика, не решившись просить об этом Джон-Тома. — Я бы сказал, семь будет в самый раз. Тому, кто привычен к экзотическим запахам, следовало бы получше владеть своим желудком.

— Простите, хозяин, что я не наделен вашим самообладанием. — Сорбл соскользнул со стула и попытался отряхнуть крылья. — По-моему, залп кормовых орудий кота был произведен в мою сторону.

— Никаких извинений. Ступай мыться. Твой запах по омерзительности уступает лишь твоей наружности. Поторопись привести себя в надлежащий вид. Ныне перед нами стоит проблема посерьезнее вторжения жалких разбойников. Надлежит разобраться со сломанной дуарой.

Когда Сорбл заковылял прочь на негнущихся лапах, чародей присоединился к Джон-Тому, любовно раскладывающему останки инструмента на обеденном столе.

— Уж лучше б вы отдали им золото, сэр, — жалобно пробормотал юноша.

— Да не мог я сделать этого, Джон-Том! Как я им уже сказал, у меня нет злата.

Чародей потрогал пальцем обломки дуары и пристально оглядел их сквозь толстые линзы очков.

— И что теперь? — спросил Джон-Том. — Без дуары мне не сотворить музыки, а без музыки не сотворить волшебства. Сэр, вы сумеете ее починить?

— Я чародей, мальчик мой, а не создатель свистулек и бирюлек. Я могу сдвинуть горы, разнести их по камешку. А вот чтобы воздвигнуть их — да и вообще что-либо — заново, требуется опыт несколько иного рода. Починить простую флейту или барабан я еще в состоянии, но такое, — он указал на стол, — мне не по плечу, и я не стыжусь признаться в этом. Подобная задача не по силам почти никому, кроме нескольких мастеров, каждый из которых — единственный в своем роде. Чтобы восстановить дуару, нужен дар понимания музыки сфер. А мне медведь на ухо наступил — тем более что у меня вообще нет ушей.

Джон-Том уловил, куда клонит маг.

— И, пожалуй, надеяться, что один из таких мастеров проживает в Линчбени или где-нибудь неподалеку, было бы наивно.

— Боюсь, до них многие лиги пути. Починить сломанный инструмент легко, разрушенное волшебство — куда труднее. А вернуть к жизни нечто вроде твоей дуары, сочетающей в себе и то и другое, — почти невозможно. Мне понаслышке известен лишь один мастер, у которого, может — повторяю, может, — хватит мастерства для воссоздания твоего инструмента. Зовут его Кувир Кулб. Говорят, проживает он в городе Стрелакат-Просад, что расположен в джунглях к югу от Чеджиджи.

— Даже не представляю, где это.

— Потому что ты никогда не забирался так далеко на юг, мальчик мой. Кстати сказать, и я тоже. Это долгое странствие.

Это мы уже проходили, вздохнул Джон-Том.

— Я почему-то сразу это понял.

— Благодаря хорошей памяти, а отнюдь не проницательности. Чеджиджи — порт на южном побережье Глиттергейста. Если хочешь починить свой инструмент, придется тебе идти туда.

— Не знаю, сэр, прямо не знаю. — Джон-Том сел в чистое, не испачканное рвотой кресло. — Я ни разу не отправлялся в долгие странствия без дуары. Чем я смогу защитить себя?

— Как это ни огорчительно, придется тебе положиться на свое боевое умение и на сообразительность. — По тону колдуна было неясно, относится ли его пренебрежение к какому-то одному из талантов Джон-Тома или к обоим сразу. — Если мне не удалось за этот год развить твой ум, то как учитель я ничего не стою. Будь ты волшебником или чаропевцем, чародеем или шулером,

некромантом или стряпчим, — в конечном итоге именно сообразительность решает, кто выживет, а кто уйдет в небытие.

Джон-Тому удалось выдавить бледную улыбку.

— Вы были хорошим наставником, сэр, и я научился многому. Просто мне жутковато при мысли, что надо разыскать Кувира Кулба, не полагаясь на чаропение.

— Мальчик мой, тебе не впервой победоносно выходить из невзгод. Я верю в тебя. Помни, что на этот раз ты отправляешься не на обычные поиски опасных приключений, а всего лишь на длительную экскурсию, и только. Тебе всего-навсего надо отыскать ремесленника, который сможет починить сломанную вещь. Не вижу, что опасного может с тобой случиться.

Слова Клотагорба немного приободрили юношу. В самом деле, стоит ли тревожиться и унывать? Ведь ему приходилось и прежде много путешествовать, а зачастую и противостоять сверхъестественным силам, а в этот раз ничего подобного не ожидается. Все это надуманные страхи.

Да, но одну опасность все-таки преодолеть придется, и притом в ближайшем будущем.

— Проклятье, даже не представляю, как сказать Талее, что я опять ухожу.

— А вот с этим, мальчик мой, тебе придется справиться без всякого волшебства.

Колдун сочувственно улыбнулся.

— Куда ты собрался? Да нет, я прекрасно слышала. Слышала, но ничего не понимаю.

— Талея, у меня просто нет выбора. Как ни крути, а идти надо. Да и Клотагорб советует. Мне не хочется уходить — но куда годится чаропевец без инструмента?

Глядя, как мечется Талея взад-вперед по полутемной спальне, Джон-Том почувствовал, что возражать становится все труднее. Ее прозрачная ночная сорочка, подаренная благодарными жителями Оспенспри, мерцала, как сиреневый туман, и открывала взору гораздо больше, чем скрывала. Ткань пронизывали подвижные малиновые звездочки, блуждавшие с места на место, как светящийся планктон на гребне ночной волны. При этом они по каким-то неизвестным причинам предпочитали самые выпуклые части тела.

Талея остановилась у окна, и лунный свет, усилив и без того ошеломляющее воздействие сорочки, почти сломил сопротивление Джон-Тома.

— А почему Клотагорб не идет? — наконец шепнула она.

— Клотагорб — величайший чародей мира, и не бегает на посылках у студентов. Это у него все бегают на посылках.

— Удобная позиция. Порой мне кажется, что все его причитания по поводу преклонных лет — сплошная туфта.

Ее гнев утих так же внезапно, как и вспыхнул, и Талея, подбежав к Джон-Тому, крепко обняла его.

— Как мне хочется, чтоб ты остался, Джонни-Том! Ты столько пережил с той поры, как тут очутился. Мы почти и не побыли вместе, а ты опять собрался куда-то на край света.

— Талея... — Взяв ее лицо в ладони, он повернул ее голову, чтобы заглянуть подруге в глаза. — Я хочу этого не больше твоего, но я просто вынужден! Чаропение не подделаешь. Дуару надо чинить.

— А ты не можешь заклинать другим инструментом?

— Пытался, — покачал он головой. — Своими успехами в магии я в равной степени обязан и своему пению, и дуаре — они неотделимы друг от друга.

— А может, тогда купишь другой такой же?

— О свет моих очей, другого такого же не существует. Ах, если б все было так просто! Только эта дуара наделена особыми свойствами, которые в сочетании с моим голосом позволяют творить чудеса. Ни того, как струны вплетаются в ткань реальности и покидают ее, ни замысловатых хитросплетений резонансной камеры заменить не удастся — только восстановить, а Клотагорбу это не по зубам. Да и не только ему — вообще никому в Колоколесье и даже в Поластринду. Придется искать этого Кувира Кулба.

Талея крепко прижалась к молодому человеку, и температура внутри Древа заметно возросла.

— Мне не хочется потерять тебя, Джон-Том. Ты почти год не выходил у меня из головы, пока я не нашла тебя, и я не хочу теперь расставаться. Ты столько раз пускался в опасные вылазки, что я опасаюсь, как бы удача не покинула тебя. Даже отошедшая от дел воровка может оценить шансы. Настанет час, когда судьба отвернется от тебя. Я не могу тебя отпустить. Ну не могу!

Не в силах сдерживаться, Талея разрыдалась у него на плече, и Джон-Том растерялся, не зная, оттолкнуть ли ее, пробормотать что-нибудь утешительное или просто позволить выплакаться.

И тут ему в голову пришло нечто настолько очевидное, что просто удивительно, как это не произошло раньше.

— А почему бы нам не отправиться вместе? Ты ни разу не видела Глиттергейста. Устроим себе морской круиз, отдохнем по-настоящему, и плевать, сколько там займет дорога до Стрелакат-Просада.

Глаза Талеи мгновенно высохли. Она отступила на шаг, внезапно сменив печаль на ярость.

— По-твоему, я должна бросить все и ринуться за тобой в бессрочный морской вояж? — Она обвела спальню рукой. — Дерево обставлено лишь наполовину. Через два дня из Линчбени

придет драпировщик, а потом еще надо выбрать ковры — как по-твоему, можно все это сделать за один день?!

— Ну, я...

— И не думай! Ты хоть раз пробовал заказать ковер для дерева? Все круглое и волнистое, ни одного более-менее прямого угла! Или, по-твоему, я до скончания дней своих должна расхаживать по стружкам, как твой драгоценный чародей-маразматик? Не выйдет, Джон-Том!

Теперь она кружила по комнате, как коршун над жертвой. Джон-Том не питал иллюзий на тот счет, какая роль отведена ему в этом небольшом домашнем спектакле. Талею буквально переполняла безудержная энергия, сделавшая в свое время эту маленькую женщину столь привлекательной для него. Беда в том, что на сей раз водопад энергии обрушился на его голову, а не на вражескую.

— Через неделю придут маляры — надо кое-где покрасить древесину. Я не намерена всю жизнь провести в доме, где все стены одного цвета, хоть они и дубовые! А ты хочешь, чтоб я все бросила и загуляла на пару с тобой?! Нет, ну ты и наглец, Джон-Том!

Неужели это та самая Талея, много-много месяцев назад попросившая его загрузить в фургон одну из жертв своего грабежа? Та самая, являвшая собой воплощение огневолосого вспыльчивого кошмара и действовавшая языком ничуть не хуже, чем ножом? А ныне Брунгильда в миниатюре превратилась в почтенную матрону.

— О-хо-хо, Талея, да ты одомашнилась!

— Ты мне тут еще обзываться будешь?! — Она яростно погрозила пальцем. — Собираешься удрать и заставить меня решать все в одиночку?! — Она наступала на Джон-Тома, пока он не уперся спиной в стену. — Ты не посмеешь! Останешься здесь и поможешь мне с обстановкой, оттенками, узорами, драпировками и оформлением клумб!

— Талея, если дуара не будет починена, я не смогу заниматься чаропением, а если я не смогу заниматься чаропением, то не смогу заработать на жизнь. А если я не смогу заработать на жизнь, то нечем будет платить малярам, ковровщикам и цветоводам.

Воздев было указующий перст, Талея раздумала негодовать и поднесла его к губам, чтобы осмыслить новое обстоятельство.

— Да. Пожалуй, верно. Хотя я в любой момент могу вернуться к работе, так что прокормимся. Я чуть подрастратила навыки, но...

Теперь настала очередь Джон-Тома разозлиться.

— Не смей! Ты теперь добропорядочная дама.

— Сколько тебе говорить, не обзывайся!

— Я не позволю тебе лупить прохожих по голове в темном

переулке! И как тебе только в голову пришло возвращаться к разбою и грабежам?

— Элементарно. Я много лет занималась этим и на хорошем счету в Гильдии злоумышленников. Я регулярно плачу взносы, а если попадусь, ты в любой момент сможешь навестить меня в тюрьме. Зато будешь рядом.

— И не думай. — Джон-Том постарался произнести это тоном, не терпящим возражений. — Останешься здесь и будешь заниматься тем, о чем говорила, — обставишь и украсишь дерево как тебе заблагорассудится.

— Я могла бы работать только по выходным, — жалобно предложила Талея. — Хороший вор и за выходные может недурно заработать.

— Да нет же, черт возьми!

— Ну, хоть один крохотулечка-грабежик в неделю? — совсем упавшим голосом попросила она.

Он раздраженно перевел дыхание.

— Уж и не знаю, как тебе объяснить, Талея, но попытаюсь еще разок. Там, откуда я прибыл, на подобные занятия смотрят косо не только с точки зрения закона, но и с точки зрения морали. Мне это не по нутру.

— В твоем мире ужасно нудная жизнь.

Талея скрестила руки на груди и надулась.

— Я признаю, что здесь этика более, ну, либеральная, что ли, — но таковы уж мои принципы. Да и потом, не могу же я сидеть дома на шее у жены!

— А почему бы и нет? — искренне удивилась Талея. — Большинство знакомых мне мужчин с радостью ухватились бы за такую возможность.

— Я не отношусь к большинству. Максимум, на что я способен, — это бросить чаропение и волшебство и зарабатывать на жизнь как простой музыкант.

— Это с твоим-то голосом? — ввернула Талея, но, увидев выражение лица Джон-Тома, поспешила его утешить. Гнев ее испарился чуть ли не быстрей, чем вспыхнул. — Пожалуй, вы правы — ты и твой твердобрюхий, твердолобый старый мошенник. Ты должен идти, а я останусь и буду заниматься древесным хозяйством до твоего возвращения.

Даже невооруженным глазом было видно, что маленькая женщина больше уговаривает себя, а не мужа.

— В конце концов, на этот раз тебе на надо спасать мир. Просто длинная прогулка, вроде отпуска. Правда?

— Правда, — с любовью улыбнулся он. — А ты в самом деле хочешь остаться? Предстоит славное приключение.

— Встреча с тем колдуном и его пертурбатором исчерпала мою любовь к приключениям, — усмехнулась Талея. — Джон-Том, я предпочитаю маленькие безопасные приключеньица, а не

ужасающие сотрясения основ мироздания, на которые напарываешься ты. Уж лучше буду дома наслаждаться сознанием, что я замужняя женщина, пока ты не вернешься. Для меня это пока в новинку. Довольно приключений. — На ее лицо набежала тень. — Как ты думаешь — может, я просто старею? Ведь через три месяца мне стукнет двадцать три.

Джон-Том чмокнул ее в щеку.

— По-моему, Талея, ты не взрослеешь. Сдается мне, ты даже в девяносто будешь не прочь раскроить кому-нибудь череп или пошарить в карманах.

— Вот за это я и люблю тебя, Джонни-Том, — умеешь сказать девушке приятное. Ступай, чини свою дуару. Не торопись и не лезь на рожон.

— Вот увидишь, мигом обернусь. Я просто отправляюсь в длительный круиз. Опасаться нечего.

Он притянул жену к себе, приблизил свои уста к ее, и...

Наверху раздался грохот. Талея вывернулась из объятий, мгновенно забыв о нежном умиротворении и снова впадая в ярость.

— А заодно забери с собой в дальние-предальние края эту невыносимо мерзкую водяную крысу и постарайся сбыть с рук где-нибудь посреди океана!

Сверху снова донесся грохот — не такой громкий, как в первый раз, но ничуть не приятнее.

Идея обзавестись чердаком была здесь в диковинку. Но если в деревьях бывают подвалы, твердил Джон-Том магу, то почему бы не сделать чердак? Клотагорб пожал плечами и уступил. В конце концов, это ведь свадебный подарок, а пространственно расширить дерево вверх ничуть не труднее, чем вниз. Чердак пригодился для хранения нераспакованных свадебных подарков, лишней мебели, домашних припасов и прочего скарба, который некуда приткнуть, а выбрасывать жалко, потому что он явно может когда-нибудь пригодиться. Туда отправились: аляповатая скульптура — подарок одного из друзей Клотагорба, целый арсенал лат и оружия — предмет восторгов Талеи, с которым она нипочем не хотела расстаться вопреки требованиям Джон-Тома перейти к нормальной мирной жизни, да еще вечно голодный пятифутовый неряха и сквернослов из племени выдр.

С потолка посыпалась древесная труха, и Джон-Том прищурился.

— Сомневаюсь, что Мадж настроен путешествовать.

— Его мнения никто не спрашивает, — отрезала Талея. — Просто прикажи, и все.

— Но Мадж — мой друг. Нам довелось вместе перенести не одно испытание, и я чувствую себя в долгу перед ним за помощь в последнем путешествии.

— Все старые долги давно сочтены. Помнишь, что он сказал

после нашей свадьбы? Что задержится всего на несколько деньков, что ему всего-то и надо прикорнуть где-нибудь, задрав ноги, на недельку. Джон-Том, с тех пор прошел не один месяц, и все это время он слонялся тут без дела. То кладет лапы на мою лучшую мебель, то наследит повсюду после каждого купания, и — что хуже всего — он смердит и отвратительно ведет себя за столом.

— Все выдры отвратительно ведут себя за столом, — пробормотал Джон-Том, понимая, сколь неубедителен подобный аргумент. — Их не назовешь дисциплинированным племенем.

— Дисциплинированной задницей! Даже отъявленные мартовские коты не такие чокнутые. Я надеялась, что, когда мы поженимся, Мадж угомонится, но он только разошелся. Уж и не знаю, сколько раз я ловила его на том, что он подглядывал за мной во время купания.

— Это должно тебе льстить. У тебя ведь ни шерстинки, а Мадж на таких обычно даже и не смотрит.

— Ты думаешь?! Так знай, ты тоже не избег его внимания. Помимо всех прелестей, он страдает еще и крайней степенью сатириаза. Этот выдр готов трахать все, что шевелится и не шевелится. Порой мне кажется, что последнее он даже предпочитает, потому что оно не может удрать.

— Продолжай, Талея. Мадж не посмеет притронуться к тебе даже когтем.

— Да ему и не требуется! Ему достаточно лишь поглядеть на самку, хотя ты этого и не поймешь. Как бы то ни было, — тут она возвысила голос, ничуть не тревожась, что разговор может услышать все Колоколесье, не говоря уж о чердачном жильце. — Я хочу, чтоб в моем доме и духу его не было вместе с шерстью, когтями и нечищеными зубами. А теперь есть отличный повод: скажи ему, что отправляешься в новое путешествие, а он нужен тебе в качестве проводника и компаньона. Не это ли ты всегда ему говорил? — На лице Талеи заиграла хищная улыбка. — Прекрасная возможность утащить его с собой, да и бросить где-нибудь.

— Талея, я просто не смогу...

Развернувшись на пятке, она отправилась к гардеробу и начала копаться в его недрах, расшвыривая одежду во все стороны.

— Черт, и куда это сабля запропастилась?

— Талея, не глупи.

— Не глупить? — не оглядываясь, бросила она. — Или ты уберешь отсюда эту крысу в целости, или я уберу ее по частям. Ага!

Талея наконец извлекла из нижнего ящика свою старую саблю. Джон-Том знал, что, несмотря на полнейшее несоответствие фосфоресцирующей ночной рубашки и булатного клинка, в ратном деле его жена будет почище иного солдата. Прислонив-

шись к стене, он подождал, пока Талея направится к двери, а потом негромко сказал:

— А тебе не кажется, что для поединка подошло бы несколько более существенное обмундирование?

Оглядев себя, Талея мгновенно убедилась, что едва одета и вряд ли готова к схватке.

— Не волнуйся. — Подойдя к тихо изнемогавшей от бешенства жене, Джон-Том мягко отобрал у нее саблю и отложил в сторону. — Обещаю забрать Маджа с собой, раз тебе этого хочется. Тем более движение пойдет ему на пользу. А то, что он нынче не в форме, отчасти и на твоей совести. Никто и не подозревал, что вдобавок к умению владеть саблей, луком со стрелами, копьем, ножом, палицей, булавой и топором ты ничуть не хуже управляешься с кастрюлями и плитой. Мадж от твоей стряпни оброс жирком, да и я тоже. Как только мне удастся убедить его, что на этот раз — никакого риска, а платить за все буду я, он охотно ко мне присоединится. Таков уж Мадж — его так и тянет в неизведанные края, повидать новые страны и города.

— Еще бы, вдруг удастся повидать неизведанный бордель. Так обещаешь забрать его с собой?

— Обещаю.

Талея обняла мужа за шею и приподнялась на цыпочки. Теперь их отделяли друг от друга лишь ночная рубашка да халат, а это не в счет.

— В таком случае чего ж мы теряем время на разговоры, когда можем без лишних слов быть там?

Она кивнула на измятую постель. Джон-Том сглотнул.

— А может, мне следует начать сборы, раз уж мы не спим?

Талея мягко потащила мужа к кровати.

— Перед долгим странствием нужно отдохнуть. Я помогу тебе собраться. Прежде всего надо найти твой посох, и как раз сейчас я этим и займусь.

Глава 3

Джон-Том хотел выйти в путь пораньше, но когда Талея наконец позволила ему выползти из кровати, солнце стояло уже высоко. Раскинувшись посреди матраса в окружении сбившихся комом кремовых простынь, она смотрела на одевающегося мужа, видом своим напоминая ванильный сироп посреди шоколадного пломбира.

— Может, мне отложить отправление на недельку-другую? — предложил юноша.

Талея рассмеялась и села, сбросив одеяло и тряхнув длинными, до плеч, рыжими кудрями.

— Не стоит. Еще ночь такого «отдыха» — и мы с тобой не сможем таскать ноги.

Натягивая сапоги, он с трудом — из-за трясущихся коленей — удерживал равновесие то на одной, то на другой ноге.

— Ты не знаешь, где мой старый заплечный мешок?

Талея молча кивнула.

— Приготовь смену одежды, побольше вяленого мяса, чтоб было чем заморить червячка в пути, ну и все, что сочтешь необходимым. Да, и еще мой посох. А пока будешь укладываться, я настропалю Маджа.

— Жаль, что ты не можешь оставить свой посох здесь.

— Извини, но он может понадобиться мне в дороге. — Тут же пришлось уворачиваться от метко запущенной подушки. — Останки дуары уже упакованы. Можешь привязать их поверх рюкзака. — Джон-Том притопнул одной ногой, потом другой. — Без инструмента на груди я буду чувствовать себя голым.

Талея откинулась на вторую подушку.

— Я предпочла бы, чтобы ты остался, Джонни-Том. Но раз уж идешь, я ежедневно буду думать о том, что ты в безопасности и хорошо проводишь время. Выбери самый удачный маршрут, чтобы обернуться поскорее. — Подняв глаза к потолку, она добавила: — И не забудь перед уходом вынести мусор.

Джон-Том скривился и вышел.

В конце коридора была спиральная лестница. Взбираясь на чердак, Джон-Том прокручивал в уме, что скажет Маджу. Вытащить выдра из дома будет не легче, чем вырвать зуб.

— Мадж! — Приподняв люк, он заглянул внутрь. — Мадж, ты спишь?

В ответ — ни звука. Из-за остроконечного потолка стоять в полный рост можно было лишь в центре чердака, забитого подарками, изрядная часть которых была преподнесена благодарными жителями Оспенспри — города, недавно спасенного Джон-Томом и Клотагорбом от пагубного воздействия пертурбатора. Большинство подношений остались нераспакованными.

Свет на чердак проникал через круглое слуховое оконце, под которым стояла красиво отделанная бронзой и бирюзой кровать — дар одного из видных граждан Линчбени, старого приятеля Клотагорба. На чердак ее сослали за неудобство: несмотря на изысканность, кровать была рассчитана на обитающих в этом мире коротышек. Талее она подходила идеально, а вот длинные ноги Джон-Тома свисали через край. Но они все равно решили ее оставить — того и гляди кроватка понадобится паре маленьких чаропевцев. Так что пока она нашла приют на чердаке.

Ныне же кровать была занята мохнатым клубком, напоминающим грязный ковер. Голову Мадж сунул под одеяло в изножье постели, зато нижняя часть его гибкого туловища возносилась вверх, а хвост трепетал, как флажок, выдавая непристойное содержание сновидений выдра. Спал Мадж так же беспокойно, как и жил, чем давал Талее еще один повод для упреков. Он метался по кровати с грохотом, заглушить который не могли даже звукопоглощающие заклинания Клотагорба. Но что хуже — он бродил во сне, да еще и разговаривал, в результате чего обнаружилось, что в бессознательном состоянии он пересыпает свою речь непристойностями куда обильнее, чем наяву.

Джон-Том склонился над разоспавшимся гостем.

— Мадж! Маджи-Ваджи! Пора вставать. — Не выдержав, он гаркнул над спрятанной под одеялом головой выдра: — Да проснись же, черт тебя дери!

Зад выдра медленно опустился, будто проколотая шина, а из-под смятых простынь в изножье кровати вынырнула голова, сонно заморгавшая карими глазками.

— Уф, че за дерьмовый переполох! Че случилось, приятель?

— У меня, а теперь и у тебя срочное дело.

Мадж нахмурился и облизнулся.

— Какие дела в такую рань? Все порядочные персоны еще спят.

— Мадж, уже скоро ленч.

— Ленч?!

Внезапно в глазах выдра не осталось и следа сонливости. Гибкой молнией вылетев из постели, он начал стремительно одеваться.

— Чего ж сразу-то не сказал? Завтрак я уже прошляпил, так? Ну ничего, как-нибудь отыграюсь. Кореш, говори, какие смачные яства дорогуша Талея сготовила нам для доброго перекуса?

— Мадж, тебе нечего проглотить, кроме горькой пилюли. Ночью в дом чародея ворвалась шайка головорезов, чтобы ограбить его. Я проснулся, подкрался потихоньку и дал им от ворот поворот.

— Так ты ж самоотверженный герой, парень, я всегда говорил!

— Нет, ты всегда говорил, что я круглый идиот, раз сую свой нос в чужие проблемы. Но это к делу не относится. Я упал на дуару и сломал ее.

Это остудило пыл выдра.

— Сломал дуару, гришь? Сильно?

— В щепки. Клотагорб говорит, что если ее и можно починить, то под силу это только мастеру по имени Кувир Кулб, живущему в городе Стрелакат-Просад.

— Не слыхал. — Мадж фыркнул носом, зашевелив усами, потом склонился над маленьким зеркальцем и начал прихорашиваться. — Ну, всякому случается время от времени неожиданно выбраться на небольшую прогулку.

— Вот именно. И ты идешь со мной.

— Чево-о-о?! — Мадж оторвался от зеркальца и пристроил зеленую фетровую шляпу с пером между ушами. — Без обеда?!

— Нет, — раздраженно буркнул Джон-Том. — Сперва поедим. .

— Тада ладно. — Покончив с одеванием, выдр неторопливой походкой направился к лестнице. — А где этот Стрелакат? У Гнилых Горшков? Или к востоку от Поластринду?

— Ни там, ни там. В глубь от южного побережья Глиттергейста.

— Аж у самого Ярровла?! — Мадж помедлил, потом пожал плечами. — А, всего-то несколько дней пути общественным транспортом. Небольшая смена обстановки мне не повредит. Искупнемся?

— Мадж, Стрелакат-Просад расположен в джунглях к югу от Чеджиджи, то бишь за океаном. Когда я назвал южное побережье, я имел в виду южное побережье.

Мадж подозрительно покосился на приятеля.

— А ты знаешь, скока туда добираться, приятель?

— Представляю.

— Тада представь еще одну вещь: я не в счет. Я сыт по горло странствиями в дальние края, особо в твоей компании, вот так. С теми, хто тянется за тобой, Джон-Том, вечно случается чтой-нибудь скверное.

— На этот раз проблем не будет. Мы всего лишь несем дуару в починку, а вовсе не мчимся миру на выручку.

— Говори напрямик, чувак: мы вовсе никуда не мчимся. И потом, у меня кишка тонка для второго океанского вояжа. Одного раза с тобой хватит до конца дней. Я остаюсь тут как тут.

— Не хотел я затевать этот разговор, Мадж, но ты оставался «тут как тут» с самой нашей с Талеей свадьбы.

— Точно, и не думай, что я не умею ценить гостеприимство. Я наслаждался каждым днем и каждым блюдом, а заодно и компанией.

— У Талеи иное мнение по этому вопросу, — негромко возразил Джон-Том.

— Ах, эта огненноволосая милашка с голой кожей! — задумчиво проговорил Мадж. — Завсегда таит истинные чувства под маской раздражения. И все чтоб показать миру, какая она крутая. Ежели она говорит «да» — это значит «нет», а ежели «нет» — то «да».

— Несколько часов назад она извлекла свою саблю. По-моему, это значит «нет».

— Какое чувство юмора! Ты счастливый мужик, Джон-Том, — хихикнул выдр.

— Насколько я понимаю, — сухо продолжал молодой человек, — она собиралась подняться сюда и вынуть сердце у тебя из груди.

— Обхохочешься с твоей Талеей!

Мадж потряс головой.

— И если начистоту, — Джон-Том бросил взгляд в сторону лестницы, — по-моему, я слышу ее шаги.

Улыбка выдра мгновенно погасла, уступив место на мохнатой физиономии выражению бескрайнего ужаса, и он метнулся за кровать.

— Не подпускай ее ко мне, парень! Я ж знаю, что щас она просто шизанутая — никого не слушает, даже тебя.

Джон-Том с трудом сдержал улыбку.

— По-моему, она спускается — но ненадолго. Ничего не обещаю, но если ты согласен составить мне компанию — кажется, я смогу утихомирить ее ровно настолько, чтобы успеть смотаться без кровопролития.

— Говоришь, надо пересечь Глиттергейст? — неуверенно пробормотал Мадж.

— А когда сойдем на берег, — неторопливо кивнул Джон-Том, — еще невесть сколько брести по джунглям.

Мадж молча прикинул шансы, а потом ответил:

— Сдается мне, лучше так, нежели испытывать судьбу, када Талея размахивает саблей.

— Да неужто ты испугался въедливой девчонки?

— Ты не видел, как «въедливая девчонка» сражается, а я видал. Она безжалостна, как Магистрат в день повешения.

Джон-Том повернулся и начал спускаться.

— Так ты идешь со мной или нет?

— Дай подумать еще секундочку, приятель! — взмолился выдр.

— Я слышу, как она мечется с саблей по комнате. Похоже, она в хорошей форме.

— Ладно, ладно. — Выдр выбрался из-за кровати. — Тока держи ее от меня подальше, а?

— Пошли уж. На сытый желудок все выглядит не так скверно, хотя... — Тут Джон-Том бросил взгляд на до предела растянувшее ремень брюшко выдра. — Похоже, твой желудок давно не испытывал голода.

— Точно! Всегда лучше сперва пожрать, а потом уж говорить. И потом, она орудует половником лучше, чем саблей.

И Мадж поторопился спуститься вслед за хозяином дома.

— Отличное блюдо, милашка. — Мадж откинулся на спинку стула, словно хотел жестом подчеркнуть комплимент, стирая с губ жир и кусочки пищи. — За все те годы, что мы с тобой шмонали карманы недостойных граждан, избавляя их от раздутых кошельков, ты ни разу даже не намекнула, что готовишь не хуже, чем пыряешь ножичком.

— У каждого есть скрытые таланты, Мадж.

Разговаривая, Талея одновременно прибирала на плите. Расширительное заклинание Клотагорба не обеспечило отдельной столовой, так что грубо срубленный обеденный стол располагался посреди кухни.

— Не без того. — Выдр удовлетворенно кивнул. — И в чем, по-твоему, состоит мой?

— По-моему, из тебя вышел бы отличный торговец, — ответила Талея, вытирая руки мокрой тряпкой. — Ты всегда быстро работал языком... Почти как пятками.

— Ох-хо, все дамы мне так говорят. Но что за смысл таскаться по свету с кучей товаров, чтоб их продать, ежели проще и чище избавлять народ от бабок, не отягощая его взамен хламом?

— Смысл в штуке под названием «мораль», — вставил Джон-Том, приканчивая остатки ленча.

— Мораль, мораль, дай-ка подумать... — нахмурился выдр. — Я наверняка слыхал это слово раньше, парень, но не возьму в толк, что оно значит. Это какой-то фрукт или что? Растет где-то на севере, да?

Джон-Том смог лишь укоризненно покачать головой. Мадж соскользнул со стула и потянулся.

— Да, я провел тут несколько чудных деньков передыха, но я завсегда знаю, када становлюсь в тягость. Нет, не уговаривайте меня остаться. — Он предостерегающе поднял лапу, хотя хозяева вовсе не намеревались его отговаривать. — Не в моем нраве испытывать великодушие друзей. Вижу, настало время старине Маджу иттить дальше. Говорят, в Гнилых Горшках нынче можно найти какую-никакую работенку. Думаю смотаться туда и разнюхать обстановку, так сказать.

Джон-Том отложил вилку.

— Постой-ка! Ты ничего не забыл?

— Забыл? — Выдр что-то забормотал себе под нос, потом просветлел. — Ах да, разумеется! Не волнуйся, перед уходом я уложу манатки в котомку и возьму оружие. Не в духе старины Маджа шастать без лука, разве нет?

— Конечно, нет. Особенно учитывая, какое дальнее странствие нам предстоит.

— Нам? Дальнее странствие? А-а, ты о том коротеньком плавании. Оно наверняка пойдет тебе на пользу, приятель. Море с тобой в ладу. Када вернешься, разыщи меня, чтоб обо всем рассказать.

Джон-Том ощутил, как чувство юмора покинуло его.

— Ты забыл еще кое о чем. Не помнишь, что идешь со мной? Ты же согласился!

— Вздор! Парень, неужто ты всерьез? Ну, ежели б твоя жизнь была в опасности или еще что серьезное — я бы поспешил тебя прикрыть, будь спокоен!

— Значит, по-твоему, сломанная дуара — это несерьезно?

— Можа, для тебя и серьезно, — пожал плечами Мадж, — а больше ни для кого. Это ж не я виноват, а? Я ж говорил, ежели б ты собирался спасать мир...

— То ты от рвения спотыкался бы о собственные ноги, так надо понимать? — ровным голосом проговорил Джон-Том. — А теперь слушай сюда, Мадж. Сейчас ты поднимешься к себе и соберешь шмотки, но не для похода в Гнилые Горшки. Через полчаса мы отправляемся в Ярровл.

— Ярровл? Приятель, нечего мне делать в Ярровле! — Темные глаза выдра взирали с ледяным хладнокровием. — Могу составить тебе компанию на денек-другой, тока чтоб убедиться, что ты идешь нужной дорогой, а потом, приятель, клянусь, однажды ночью потихоньку вроде как растворюсь в лесу.

— Прежде ты ни разу так не поступал.

— Просто мне совесть не позволяла. А теперь, зная, что тебе не угрожает никакая жуткая опасность, и не задумаюсь.

— Сделаешь, как велит Джон-Том.

Оба спорщика обернулись и уставились на Талею.

— Рыжая шкурка, да неужто и ты рассчитываешь на мою нравственность?

— Не буду я рассчитывать на то, чего не существует. — Талея перешла от раковины к комоду, в котором держала бумаги, пошарила там и извлекла на свет несколько скрепленных между собой листков, быстро просматривая их во время разговора. — «Выдр Мадж. Накладные расходы».

Мадж, разинув рот, вытаращился на нее, потом перевел взгляд на Джон-Тома, но тот тоже был в недоумении.

— Кров и стол, трехразовое питание, иногда четырехразовое, вечерняя закуска, доставка в Линчбени и обратно, стирка... Сообщить итог или сперва огласить весь список?

— Эй, милашка, погоди-ка вшивую секундочку! Я ж твой разлюбезный старинный дружок, так ведь? Я что, требовал плату, када выручал тебя из сырой темницы или прикрывал твою задницу от тайного клинка? Что ж тада за базар насчет расходов?

— Если хочешь, возьми для справки. — Талея вручила ему бумаги. — У меня есть второй экземпляр.

Мадж быстро пробежал список глазами.

— Это вопиющая фигня, вот так! Это не тока незаконно и аморально, а жутко оскорбительно. И после этого она еще называется подругой юности!

— Осмотрительной подругой. Ты же сам меня этому учил. Но, разумеется, — тут Талея сладко улыбнулась, — мы могли бы и забыть об этом.

— Тут ты до чертиков права. — Мадж изорвал бумаги в клочья и с достоинством выложил их на середину стола. — Думала

устроить мне обалденную подлянку? Это годится разве что на подтирку.

— Как ты, несомненно, заметил, туалетная бумага тоже вошла в список, — невозмутимо ответила Талея. — И вопреки твоим словам, это нормальный контракт. Принятие услуг предусматривает согласие оплатить причиненные хлопоты. Этому меня научил Джон-Том.

— Адвокатишка вшивый, — буркнул выдр, сверкнув глазами на Джон-Тома. — Раз я в гостях, то и платить ни за что не уговаривался.

— Судья-то этого не знает. Мадж, как по-твоему, кому он поверит? — Талея подошла и потрепала его по загривку. Мадж отстранился, но без злости. — Честной, добропорядочной жене известного горожанина или заслуженно пользующемуся дурной славой расхитителю вроде тебя?

— Расхитителю?! — Выдр повернулся к Джон-Тому. — Нет, ты послушай эту самку, приятель! Ты портишь ее, вот так.

— Ну не знаю. — Джон-Том откинулся на спинку стула. — По-моему, она не так уж испорчена.

— Ну так как, Мадж? — Талея перевела взгляд на мужа. — Ты был прав. Это почти так же весело, как пырнуть кого-нибудь.

— О свет моих очей, в моих краях одно другого стоит.

Мадж тяжело осел, но Талея не отставала.

— Ну же, водяная крыса, отвечай! Поплывешь или будешь платить?

Выдр втянул голову и потупился, демонстрируя непревзойденный дар впадения в панику. Наконец он исподлобья глянул на Джон-Тома.

— Поклянись, что это не увертка. Ты ведь не вешаешь лапшу на уши, чтоб впутать бедного Маджа в еще одно жутко опасное для жизни путешествие к черту в зад?

Джон-Том торжественно воздел правую руку.

— Клянусь, что мы совершим лишь небольшую морскую прогулку ради ремонта дуары. Я не жду никаких бед и не намерен их искать.

— Угу, — буркнул Мадж и повернулся к хозяйке дома. — А что будет, када вернемся?

— Порву все экземпляры счета.

— Да чихал я на счет! — Он облизал усы и губы. — Я смогу стать обратно на постой?

— Только через мой труп.

— А что, ежели вместо обещанного Джон-Томом пикника нарвемся на шухер?

— Я похороню тебя на заднем дворе — больше ничего не обещаю. Я не против твоего соседства, если не приходится ни кормить, ни слушать, ни обонять тебя.

— Вот за что я тебя люблю, милашка, что ты великодушна до

опупения, прямо как выдра. — Несмотря на горечь своих слов, Мадж тут же улыбнулся, он просто не умел долго оставаться мрачным. — Ну, ладно. Ежели кому и позволить захомутать себя, так разве тока наисмачнейшей мегере во всем Колоколесье. — Он встал перед Джон-Томом. — Что ж, парень, я с тобой, но предупреждаю: ежели вздумаешь ваньку валять, я свалю от тебя быстрей, чем старый холостяк с бабского съезда.

— Мадж, обещаю, никаких фокусов. Мы с тобой просто отдохнем и насладимся чудесной прогулкой, а в конце уладим небольшое дельце с мастером — и сразу домой, вот и все. Я ни разу не забирался так далеко на юг и не плавал так долго. Поездка будет весьма познавательной.

— Во-во, это меня и смущает. Все наши поездки оказывались до хрена познавательными.

Тут Мадж углядел недоеденный ломоть свежеиспеченного деликатесного токлайского хлеба, бросился и сграбастал его с тарелки, не предложив будущему спутнику даже кусочка.

Глава 4

Заплечные мешки едва не лопались от аппетитных даров кухни Талеи. Закинув их за плечи, озабоченный чаропевец и его не рвущийся в путь приятель задержались у дома Клотагорба, чтобы перед дорогой засвидетельствовать свое почтение. Чародея они застали распинающим Сорбла за какую-то провинность, в то время как филин во всеуслышание заявлял, что она является лишь плодом воображения. Утомившись от продолжительных нравоучений, маг занялся отбывающим Джон-Томом.

— Хоть Талея и не нуждается ни в какой опеке, я присмотрю за ней во время твоей отлучки, Джон-Том. Мне заранее жаль всякого, кто потревожит ее.

— Мне тоже. Хоть Талея и способна постоять за себя, я принимаю вашу заботу о ней с благодарностью. А как вы-то сами, сэр?

— Правду сказать, мой мальчик, давненько я не был в такой хорошей форме. — Клотагорб искоса оглянулся поверх пенсне. — А если удастся вколотить своему никчемному фамулусу в голову хоть немного ума, то все пойдет еще лучше. Время покажет, сможет ли Сорбл превзойти уровень бездонной бочки. Я только что завершил обширное страховое заклятие для города Фолькларя и теперь намерен наведаться туда самолично, дабы проверить его действие. — Тут он склонил голову и поверх очков поглядел на прислонившегося к стволу скучающего Маджа. — Я вижу, ты делаешь успехи. Убедить этого индивидуума отправиться с тобой можно лишь чудом.

— Это чудо сотворила Талея.

— Я всегда подозревал, что вдобавок к явным эта женщина наделена еще и глубинными дарованиями, — понимающе кивнул Клотагорб.

— Жаль, что не удалось заткнуть их поглубже, — заметил Мадж. Слух у выдр чрезвычайно острый.

— Мадж, кончай. Она моя жена.

Но это предупреждение лишь заставило Маджа ухмыльнуться еще шире. Махнув на него рукой, Джон-Том снова повернулся к наставнику, кивнув на свой посох из таранного дерева.

— Хоть он и со мной, но без дуары я будто голый.

— Мальчик мой, не думай о том, чего нет. Скоро Кувир Кулб восстановит ее. Быть может, ты сумеешь упросить его сделать новый комплект интерпространственных струн. Имеющиеся у тебя не вечны, хоть и из металла. Далее: когда ты доберешься до Ярровла и забронируешь места до Чеджиджи, я советую тебе посетить один магазинчик в торговом районе. Его называют по имени владельца, каковым является Изфан ак-Акманджяндор по прозвищу Изя-Шизя. Он несколько эксцентричен, вследствие чего стал местной притчей во языцех, и в основном имеет дело с драгоценными, уникальными предметами. Торгует часами, игрушками... и музыкальными инструментами.

Джон-Том ощутил внезапное волнение.

— Вы считаете, что он может...

— Нет, мальчик мой. Это под силу одному лишь Кувиру Кулбу. Но кто знает, что там Изя-Шизя прячет под прилавком? Говорят, его товары столь же эксцентричны, как и он сам. Быть может, в его загашниках ты отыщешь что-нибудь на свой вкус.

— Вторую дуару?

— Надеяться на это было бы чересчур опрометчиво — но кто знает? Во всяком случае, стоит сходить и проверить.

— Мадж, слыхал? Если на складах этого купца найдется вторая дуара, нам не придется тащиться в Стрелакат-Просад.

— Страстно желанный оборот, кореш, да тока я б не стал зарекаться. — Говоря это, выдр карманным ножиком чистил когти. — Сдается мне, что ежели б такие могучие дуары, как твоя, валялись где попало, от певцов с претензией на заклинателей негде было б укрыться.

— Раз Клотагорб считает, что магазин стоит навестить, то мы непременно туда заглянем.

— Мне без разницы. — Мадж пожал плечами. — Я в этой вылазке наемник, вот так.

— Не самоуничижайся. Я всегда ценил твои советы, и сейчас ценю их ничуть не меньше прежнего.

— Да неужто? — Выдр перестал ковырять под ногтями и ткнул ножом в сторону Джон-Тома. — Тада вот тебе маленький советик: пока ты не прикончил себя и тех несчастных, что по

глупости оказались рядом, завязывай с этим чаропением и займись приличным делом.

— Мадж, я обучен лишь чаропению — да еще юриспруденции.

— Не думал, что мой язык повернется сказать такое, но лучше уж живой законник, чем покойный чаропевец.

— Спасибо за совет, но так просто ты от похода не отделаешься.

— Просто? Черт, ты еще узнаешь меня, парень! Я еще тока разогреваюсь, вот так.

Они купили места в направлявшемся на юг экипаже, в городке под названием Вурмет пересели на другой и после нескольких дней дорожной тряски оказались в Ярровле. Там река Вертихвостка вливалась в Глиттергейст, и хлопоты в порту не затихали ни на секунду; грузы перекочевывали с барж и плоскодонок на борта океанских судов или на подводы, развозившие товары по многочисленным городам и поселкам, рассеянным по обширному Колоколесью.

Найти магазинчик Изи-Шизи труда не составило, но жалюзи в нем были опущены, хотя надпись на окне гласила:

«Открыто с 8 до 8».

Джон-Том попытался заглянуть в сводчатое окно сквозь жалюзи.

— Ничего и никого.

— Да откуда ж? Ты разве забыл, что говорил его чародейство? Этот лавочник лемурского рода. У него открыто с восьми вечера до восьми утра, а не наоборот.

— Теперь вспомнил. Значит, мы пришли слишком рано, а не слишком поздно, — Джон-Том сверился с ближайшими городскими часами. — Вполне успеем поесть.

Мадж в предвкушении еды облизнулся.

— Значица, будет ужин! Зальем его пинтой-другой, а?

— Никакой выпивки. Не время и не место, Мадж. Сперва сядем на корабль, а потом, если уж ты так настроен, можешь напиваться до потери пульса. Но если ты основательно наклюкаешься в чужом городе, я вряд ли сумею тебя найти. Ты, когда надерешься, вечно пускаешься в бесцельные блуждания.

— Вовсе нет, — не без достоинства ответил выдр. — Я никогда не «надираюсь». Бываю навеселе, иногда пьянею, но чтоб надраться — никогда! Это слово ваще не про меня — звучит, будто лошадь задирают.

— Да, метафора не так уж плоха, — согласился Джон-Том, направляясь вдоль улицы. В ответ выдр издал непристойный звук.

Вернувшись после ужина, они увидели горящий за жалюзи свет. Восемь еще не пробило, и пришлось несколько минут обо-

ждать снаружи, пока владелец магазина не отпер его для посетителей. На индри были холщовые брюки и жилет, из-под которого виднелась черно-белая шкура. Блестящие желтые глаза лавочника скрывались за розовыми очками с тонкими линзами.

— Входите же, входите! Вы рановато, друзья мои, а может, и поздновато — это уж как сами предпочитаете.

Магазин Изи был просто восхитителен: полки забиты причудливыми часами самого разнообразного вида, небольшими механическими игрушками, музыкальными шкатулками и миниатюрными вертепами. Но внимание Джон-Тома моментально поглотила правая стена, увешанная коллекцией музыкальных инструментов. Многие из них были для него в диковинку, а некоторые выглядели настолько необычно, что по виду было не угадать, следует ли их отнести к числу ударных, струнных или духовых.

На центральном столбе, будто грозди фруктов, висели маленькие барабанчики. Исполинские охотничьи рога соседствовали с тоненькими флейтами, а на полу красовалась свирель, выделанная из цельного древесного ствола. Весила она, должно быть, никак не менее сотни фунтов, а в отверстия для пальцев спокойно вошел бы кулак Джон-Тома.

— Медвежья свирель, — писклявым голосом, чем-то напоминающим его товар, пояснил Изя. — Я продал прежнему владельцу ее копию из дерева куда более легкой породы, а ее принял в качестве частичной оплаты. Она здесь уже давненько.

— Неудивительно. Поднять ее под силу лишь другому медведю.

— Истинно так, но мне нравится смотреть, как посетители пытаются это сделать. Иногда крупным кошкам это удается, но у них слабоваты легкие, чтобы заставить ее звучать. А чем я могу помочь вам, сэр? По вашей осанке и наряду я заключаю, что вы состоятельны, хотя с удовольствием принимаете компанию лиц куда менее значительных. Я с большим удовольствием всячески послужу вам, как только ваш друг поставит золотую музыкальную шкатулочку в витрину, из которой извлек ее.

Джон-Том развернулся и сверкнул глазами на Маджа. Тот стыдливо извлек музыкальную шкатулку в виде клавикордов изящной работы из внутреннего кармана жилета и поставил обратно в открытую витрину прямо перед собой.

— Я тока хотел взглянуть на нее поближе, приятель. Я подумывал купить эту чудную штучку, вот так.

— Конечно, и потому проверял, удобно ли ее будет носить в кармане.

— Несомненно, весьма удобно, — доброжелательно кивнул Изя. — Вам следует знать, друзья мои, что прозвище мое дано вследствие моей страстной привязанности к пляскам, а вовсе не из-за деловой несостоятельности.

— Ф-фых. — Мадж демонстративно профланировал к часам, не уступавшим в размерах ему самому. — А это можно поглядеть, или вы считаете, что я попытаюсь свалить с ними, када вы отвернетесь?

— В присутствии выдры я всегда готов к любым неожиданностям. — Индри с улыбкой повернулся к Джон-Тому. — А что по вкусу вам, друг мой? Что я могу вам продать? Хронометр?

— Меня волнует не время, а кое-что другое. Я чаропевец.

Изя пристально взглянул на покупателя поверх очков.

— Истинно, абсолютно, именно так? Неужели чаропевец? Ни разу не встречал лично, хотя однажды до меня дошли слухи.

— При мне разбитая дуара. — Джон-Том указал на привязанный к заплечному мешку сверток. — Вы ведь не сумеете ее починить?

— Дуара? Это за пределами моих скудных познаний, друг мой, творец волшебной музыки. Я не дилетантствую в колдовстве.

— Значит, вряд ли у вас в продаже найдется другая такая же?

— Вай-вай, то, что я лично не имею дела с магией, вовсе не означает, что я не могу или не хочу торговать ее атрибутами. Но к печальному, огорчительному несчастью, у меня не имеется желаемой вами дуары. Честно говоря, за все годы, что я торгую по этой части, я даже ни разу не окинул таковую оком. Однако у меня найдутся один-два предмета, которые могли бы вам сгодиться.

Первый извлеченный из-под стойки инструмент напоминал флейту-пикколо, одержимую синдромом Пиноккио: от центральной трубки наподобие ветвей отходили трубочки поменьше. Сделанная из падуба флейта была инкрустирована перламутром.

— Играть на ней затруднительно, хлопотно, проблематично, но сказывают, что в хороших руках она может вызывать дождь и снег.

— Я не метеоролог, мне нужно что-нибудь более универсальное.

— Ясно, понятно, недвусмысленно.

Изя отложил флейту и достал карманный аккордеон. По бокам располагалось всего по четыре клавиши. Джон-Том из чистого любопытства испробовал инструмент. Мадж поморщился.

— Искусный музыкант может с его помощью создавать еду и питье, качество каковых зависит от сладости пения.

— Тада забудем об нем, — вмешался Мадж. — Ежели б наша жисть зависела от мелодичности его рулад, мы б уже сто раз окочурились. — Он отрывисто кивнул на инструмент. — А пытаясь сделать этим пищу, мы подохнем с голоду.

Джон-Том ответил выдру грозным взором, но все-таки вернул аккордеон.

— Все равно я не умею на нем играть.

— Тогда, вероятно, предположительно, должно быть, мне придется вручить вам предмет, каковым вы сумеете воспользоваться в действительности, — с огорченным видом заявил Изя.

При первом взгляде на извлеченный из запирающегося ящика инструмент глаза Джон-Тома вспыхнули от восторга, но после более пристального осмотра пыл его несколько поугас. Несмотря на сходство с его собственным инструментом, это была не дуара — дека поменьше и попроще, другие регуляторы и всего один набор струн. Над отверстием резонатора струны обретали некоторую бесплотность, но в другом измерении все-таки не исчезали.

— Суар. — Изя небрежно коснулся струн. — Этот красавчик принадлежал одному безмозглому фокуснику, вынимавшему его лишь по праздникам.

Мадж прошествовал к стойке, чтобы рассмотреть инструмент получше.

— Набиваешь цену, востроглазый? Он хоть играет?

— Так мне сказывали, хотя прежнего владельца вряд ли можно было назвать мастером по части заклинаний. Быть может, в более искусных руках...

Индри замолчал, не договорив.

— Очень похож на обычную мандолину, — заметил Джон-Том, берясь за суар. — И если бы не это, — он указал на исчезающие струны, — я бы подумал, что вы пытаетесь всучить мне обычный музыкальный инструмент.

— Это за триста золотых? Ну что вы!

— Триста зол... — Мадж поперхнулся, потом положил лапу на руку Джон-Тома. — Пошли отсюда, кореш. Не думал, что встречу грабителя почище себя, но таки встретил.

— Слишком дорого, — сказал Джон-Том.

— Как скажете, — с напускным равнодушием ответил Изя. — Покупатель все равно найдется. Музыка идет за гроши, но магия стоит недешево.

Джон-Том помедлил и на пробу пробежался пальцами по струнам. Касаться одинарного набора было непривычно, зато суар очень напоминал родную электрогитару, чего о дуаре не скажешь.

— Можно, я его испытаю?

— Разумеется, конечно, всенепременно. — Индри смерил Маджа ледяным взором. — Не хочу, чтобы думали, что я стараюсь обвести вас вокруг пальца.

Джон-Том выбрал «Пинк Флойд» и исполнил несколько пылких строф из «Денег». Результат не оправдал ожиданий, зато доказал, что лавочник — не мошенник. В воздухе сгустилась небольшая тучка, неуверенно поплавала по магазину и разродилась миниатюрной молнией; но вместо грома раздался лязг кассового аппарата, и в подставленную ладонь индри полился дождь монет. В конце концов дождь унялся, и тучка развеялась, но лишь после того, как на прилавке блестящей грудой улеглись ровно триста крупных монет. Единственной проблемой было то, что они оказались не золотыми, а серебряными.

— На большее я не способен, — виновато сообщил Джон-Том.

— Вот и ладно. — Изя обозрел груду серебра. — Ведь это же суар, а не дуара.

— Но магия работает. С ним я могу заниматься чаропением. — Джон-Том держал инструмент на вытянутых руках. — Могуществом он обладает, а вот силы в нем нет. Мне надо только поумерить свои желания. Вы согласитесь принять в уплату серебро и, — он задумался, — пять золотых? Нам еще предстоит оплатить морское путешествие.

— По рукам! Допустимо, годится, приемлемо.

Мадж подошел к Джон-Тому вплотную.

— Приятель, ты мог бы поторговаться и взять его куда дешевле.

— Дешевле чего, Мадж? Мы и так получили его за песню.

Выдр бросил на блестящую груду голодный взгляд.

— Тада как насчет того, кореш, чтоб устроить еще одну пробу? Тока ради развлечения, а?

— Мадж, тебе-то уж следует знать, что результата от песни можно добиться лишь один-единственный раз, тем более с суаром. У него просто не хватит на это могущества.

— Жаль. Ну, по крайней мере ты снова чаропевец, и да поможет нам небо!

— Это не дуара, — кивнул Джон-Том, — но это лучший после дуары инструмент. При грамотном применении он поможет нам вернуться в целости и сохранности. — Юноша повернулся к восхищенному лавочнику. — Спасибо, Изя. Может, когда и увидимся.

— Искренне, весьма надеюсь, наверняка, друг мой.

Выйдя на улицу, Мадж засеменил рядом со своим рослым другом.

— Я-то думал, у тебя денег едва-едва на дорогу до этого Стреляного Кота и обратно, а ты отдал этому глазастому ворюге целых пять золотых!

— Ну и что, Мадж? Зато у нас есть он. — Джон-Том похлопал по суару.

— Я так и думал, что ты это скажешь, — вздохнул выдр.

— Да что ты, Мадж, разве забыл, что однажды я уже напел корабль? А если учесть, сколько я за последнее время учился и упражнялся, почему бы не напеть и второй? Этим мы сэкономим деньги и по пути сможем позволить себе немного роскоши.

— Во-во, например, остаться в живых, — буркнул Мадж.

— Выше голову, ты же видел, что я умею.

— Потому и тревожусь.

— Не стоит. Давай найдем уютную таверну и хорошенько выспимся. А утром отыщем пустой причал, и я напою яхту с автопилотом или что-то вроде.

— Или что-то вроде, — пробормотал Мадж, но едва слышно.

Вопреки настояниям Джон-Тома, предпочитавшего творить заклинания без лишних глаз, Мадж ухитрился согнать целую толпу зрителей, желавших увидеть чаропевца за работой.

— Налетай, честной народ! Тока сегодня! Спешите насытиться зрелищем! Настоящий живой чаропевец! Таинственное и загадочное искусство! — Он заступил дорогу прогуливающемуся купцу. — Эй, сэр денежный мешок, ну-ка, доводилось вам видать настоящую магию? Я имею в виду настоящую магию — при свете дня, без всяких там трюков и хреновин!

— Нет, но я...

— Увидите, как чаропевец наколдует из ничего целый корабль! Клянусь, вы ни разу не видели ничего подобного за всю свою незамысловатую скучную растительную жисть, а?

— Нет, но я...

— А, значит, не видал миленький экипаж из множества голеньких красотулек? Причем их будет стока, скока уместится на бизань-мачте сверху донизу!

Купец внезапно остановился и попытался посмотреть поверх голов других ротозеев.

— Сколько? — В его голосе зазвучал энтузиазм.

Перебирая струны суара и решая, какую песню выбрать, Джон-Том изо всех сил старался игнорировать роящуюся за его спиной возбужденную толпу. Перед ним раскинулась ярровлская гавань. Морские парусники гордо возносили вверх свои мачты, между ними сновали суденышки помельче. Соленый ветер доносил запахи заморских товаров и покрывающих берег нечистот.

Хватит ли мастерства, чтобы сотворить элементарную транспортную песнь перед толпой праздношатающихся зевак? Не это ли называют профессионализмом? Тут вразвалочку подошел Мадж, поигрывая набитым кошельком и ухмыляясь в усы — судя по всему, весьма довольный собой.

— Нехило, приятель. Можа, в этом чаропении все-таки чтой-то есть. Мы с тобой на пару, да с нашими талантами, явно не пропадем!

— Не забывай, Мадж, что я должен сотворить судно, а не то тебе придется вернуть деньги.

— Эй, пора бы и поглядеть на магию, — крикнул небольшой черный медведь в серебристой тоге и кожаной фуражке. Ему эхом вторили несколько зрителей, которых ждали другие дела. Задержка с началом представления выводила их из себя.

— Наверно, тебе стоило обождать, пока я потренируюсь на

более простом заклинании, — склонившись к уху выдра, прошептал Джон-Том. — Не забывай, это ведь не дуара.

— Приятель, я в тебя верю. — Мадж похлопал друга по плечу. — Ты не подведешь ни меня, ни их. Ты ж сам вечно твердил, что мечтаешь выступать перед публикой.

— Да, но это касалось только пения, а не магии. — Юноша с беспокойством оглядел нескольких вооруженных до зубов зрителей. — И не о такой аудитории я мечтал.

— Слушай сюда, парень. Я из кожи вон лезу, собираю деньги на целое путешествие и еще чуток, а ты тут ломаешься! Это недостойно чаропевца. Что б сказало его чародейство, ежели б узнало о столь огорчительном недостатке уверенности в своих силах?

— Лучше бы ты не обещал им чересчур много, вот и все. Обнаженный дамский экипаж! Я не намерен вызывать ничего подобного.

— Верняк, но они-то этого не знают. — Мадж подмигнул. — О, еще парочка клиентов. Я тихонько отваливаю и сую их в толпу, а ты пока начинай.

Он исчез среди выстроившихся полукругом зевак. Два тигровых кота-маргуайя разглядывали Джон-Тома широко распахнутыми глазами.

И как можно было позволить выдру подговорить себя на такое? Теперь ничего не остается, как попытаться. В случае неудачи всегда можно вернуть собранные Маджем деньги. Наконец выбрав песню, Джон-Том взял пробный аккорд; играть на одинарных струнах суара намного легче, и незачем огорчаться.

Полуприкрыв глаза и пытаясь сосредоточиться на водной глади рядом с причалом, он запел; толпа моментально притихла.

Несмотря на все усилия Джон-Тома, первая песня не вызвала ничего, кроме недовольного ворчания аудитории. Приступая к следующей попытке, он чувствовал себя вполне уверенно. Инструмент слушался каждого движения пальцев; вдобавок и голос сегодня звучал лучше обычного.

Ни одного гничия.

Прибой накатывал на берег, плавник бился о сваи причала, толпа смотрела без всякой симпатии. Не та песня, решил Джон-Том. Инструмент тоже не тот, но тут уж ничего не попишешь. Попробуем другую мелодию, и побыстрее.

Теперь дело пошло на лад — должно быть, надо было просто разогреться. Воздух над водой наполнился сиянием. Из толпы послышались ахи да охи, облепившие сваи крабы разбежались, но хотя кое-кто из зрителей клялся, что видит туманно проступающие над водой контуры, ничто не материализовалось.

— Где эта дерьмовая ладья? — не сдержался элегантно одетый кенгуру.

— Да, и где дамы? — поинтересовался высокий заяц, стоящий рядом с ним.

— Это бесплатно покажут в любой таверне, — рявкнул крупный зевака в заднем ряду.

— Я еще не разогрелся, — ответил Джон-Том, хотя этот лепет не убедил даже его самого.

— Ты говорил это после первой песни, — прошипел покрытый шрамами одноухий рысь, поигрывая чем-то коротким, острым и закругленным. — Или показывай, или давай деньги обратно.

— Магия — не наука, — взмолился Джон-Том. — Бывает, что она и не срабатывает.

— Нам гарантировали чудо!

— Отдайте мое золото! — крикнула из толпы рослая обезьяна.

— В каком смысле гарантировали? — спросил Джон-Том у рыси. — Кто может гарантировать чудо?

— Водяная крыса, дружок твой. — На изогнутом ноже сверкнул луч солнца.

— Мадж? Неужели? — Джон-Том вгляделся в пеструю толпу, состоявшую из самых разнообразных животных. Вот только выдр там не было. Ни единой. — Мадж!

Итак, тот пропал с полным мешком денег. Похоже, угроза Талеи обратиться к законным властям Линчбени утратила свою силу. Заполучив в лапы немного наличности, выдр не замедлил отбыть в неизвестном направлении, бросив Джон-Тома на произвол все более угрюмой и злой толпы, которой была «гарантирована» демонстрация настоящего чуда. А этого Джон-Том не мог обещать даже Клотагорбу, не говоря уж о сборище только что лишившихся денег горожан.

— Послушайте, поймите же, я никакой магии не обещал. Могу попытаться — только это и под силу любому чаропевцу. Все обещания исходили от выдра.

— С этим мы не спорим. — Голос принадлежал приземистому длинноусому кроту, глазевшему на Джон-Тома сквозь толстые, необычайно темные стекла очков и помахивавшему при этом четырехдюймовым костяным клинком. — Но он смылся, менестрель, а ты тут.

— Я не менестрель. — Джон-Том возвышался над толпой и теперь старался воспользоваться преимуществами своего роста, чтобы произвести как можно более внушительное впечатление. — Я — чаропевец.

— Тогда докажи, — бросил крот, — но только разноцветное мельтешение не в счет.

— И докажу, черт подери! — Джон-Тома трясло — частично от ярости, частично от страха. — Я сказал, что сотворю корабль, — значит, сотворю!

Пока он спорил с толпой, в голову пришла куда более подходящая песня. Совершенно успокоившись, юноша снова обернулся к водам залива Ярр. И снова запел, и снова его пальцы заплясали по струнам — но в этот раз над водой начало формироваться нечто более существенное, нежели разноцветные огни. Вокруг не кружили любопытствующие гничии, но на этот раз песня пелась не для них — главной заботой была она сама.

Проблема частично состояла в том, что не так уж много рок-песен рассказывает о кораблях и парусниках. Джон-Том не решился снова воспользоваться «Шлюпом Джон Б.» ансамбля «Бич Бойз» — это было бы равнозначно поражению. Так что теперь он пел песню собственного сочинения, положив импровизированный текст на музыкальную тему Уолтера Шарфа для старого телесериала Кусто. Добавим немного регги и что там еще подходит для композиции, призванной сотворить подходящий корабль. Пожалуй, даже удастся создать копию прославленной «Калипсо». Пусть местные воротят нос сколько хотят, пока им не утерли его современным дизельным судном. Несколько зевак выбрались из толпы и позорно бежали, но большинство продолжало зачарованно глазеть.

Да-да, наколдуем «Калипсо» вместе с радаром и хитроумной электроникой! Значит, вы сомневаетесь в наших способностях? Ничего, двойные струны или одинарные — вы еще узнаете, что такое чаропевец!

Над разволновавшейся поверхностью залива, вспыхивая и переливаясь, кружили яркие огни, а когда приблизился финал трепетной импровизации, огни притухли и сблизились, сгущаясь в розовое пылающее облако, которое в конце концов разлетелось и открыло взорам легко покачивающееся на волнах судно.

На носу красовались золотое изображение морского царя и надпись «КАЛИПСО». К несчастью, на мелкой ряби плясала не сама знаменитая «Калипсо» и даже не ее пристойная копия.

Это была надувная резиновая лодка-зодиак, которой команда Кусто пользовалась для коротких поездок. Вид не очень-то впечатляющий.

— Что за черт?! — Рысь подался вперед и впился глазами в черное резиновое творение.

— Оно, конечно, плавает, только это наверняка не судно, — прокомментировал кто-то из задних рядов.

— Разумеется, судно. — Джон-Том был и рассержен, и расстроен одновременно. — Любому идиоту ясно, что это судно. А что же еще?

— Да не судно. — Одетый в шорты и рубашку с широкими рукавами крыс спустился в мутную воду, чтобы пощупать черные бока зодиака. — Это всего лишь пузырь. — Он похлопал по прикрепленному к корме навесному мотору. — А для чего эта курьезная железяка?

Первоначальный испуг зевак мало-помалу уступал место ощущению, что их надули. Для них понятие морского судна воплощалось в деревянной постройке длиной в причал и высотой с

трехэтажный дом, с хитросплетениями такелажа и вздувающимися парусами. Связка черных пузырей уж никак сюда не вписывалась. В руках зрителей замелькали ножи, а на лицах их появилось кровожадное выражение. Они-то ждали корабль, они уплатили за корабль и намерены получить приличный корабль, чтоб ему было пусто, или сделают его из шкуры так называемого чаропевца, растак его и его предков до седьмого колена!

Да, а где же команда из соблазнительных красоток?

— Ладно, — кивнул Джон-Том. — Я докажу, что это судно.

— Подушка это, — прорычал рысь, делая шаг вперед. Оскалившись, он продемонстрировал нечищеные клыки. — Знаешь, что я думаю? Облапошили нас, вот что я думаю!

— Да судно же это, гори оно синим пламенем!

Стараясь не выдать своего беспокойства, Джон-Том спустился в воду, оттолкнул крыса и забрался на корму. Нос зодиака чуть приподнялся. Толпа заволновалась и с громким ропотом сбилась у самой воды.

— Видите? Связка подушек не удержала бы мой вес на плаву. А это — волшебное весло.

Юноша опустил винт в воду, мысленно молясь, чтобы мотор завелся.

— Металлолом какой-то.

Крот пялился на мотор сквозь свои толстые стекла очков.

— Нет, я докажу. Смотри! Надо только нажать на эту кнопку.

Джон-Том тут же проделал это. Двигатель взревел, и толпа слегка попятилась. Мотор закашлял, дернулся и заглох.

— Осы! — завопил рысь. — У него там осы!

— Не вижу, — возразил крыс. — Это липа. Он пытается запугать нас фокусами!

Толпа бросилась вперед. Вознося самые горячие за всю свою короткую жизнь молитвы, Джон-Том снова вдавил кнопку зажигания и держал ее нажатой. «Ну же, детка, — мысленно умолял он, — поехали же, поехали!»

Мотор выбросил облако черного дыма в морду подступающему рысю, взревел и погнал суденышко по спокойной глади залива, грохоча, как заплутавший гоночный мотоцикл. Следом устремилось несколько остроконечных предметов, но они упали, не долетев до лодки. В качестве дополнения полетели не менее острые словечки — эти цели достигли, но особого вреда не нанесли.

И что теперь? Неопровержимое доказательство того, что наколдованный предмет действительно судно, никоим образом не утихомирило разъяренных зрителей. Должно быть, все еще ждут обещанный экипаж, решил Джон-Том. Они продолжали скакать по берегу, выкрикивая неслышные проклятия и сопровождая их непристойными жестами. Придется подождать, а с наступлением ночи вернуться в устье реки, найти там уединенную стоянку и

попытаться под покровом темноты бесславно вернуться в Линчбени.

Но сперва надо пробраться между снующими по глади залива судами. Как раз в этот момент на зодиак надвигался исполинский катамаран, направляющийся в сторону моря. В его двойном трюме располагались дешевые места, а каюты для пассажиров первого класса — на верхней палубе; груз же лежал в натянутой между корпусами сетке. Это позволяло катамаранам швартоваться, размещая корпуса по обе стороны невысокой пристани, что значительно упрощало разгрузку.

Джон-Том переложил руль влево, но катамаран тоже развернулся, словно хотел наехать на него. Корпуса несли по две мачты: одну с квадратными парусами для скорости и одну с треугольными для маневренности. Как раз маневры-то и пришлись Джон-Тому не по вкусу. Неужели кто-то из зрителей связался со своим другом или родственником, командующим кораблем? Конечно, резиновая лодка может уйти от любого судна в ярровлской гавани, но мысль, что весь город восстал против него с такой быстротой, повергла певца в уныние.

Когда правый борт поравнялся с ним, оттуда что-то вылетело. Джон-Том инстинктивно зажмурился, но это была всего лишь веревка. Над перилами виднелась знакомая физиономия.

— Нечего там торчать, как клоп на стене, приятель! — крикнул Мадж. — Хватай и вяжи!

Джон-Том недоверчиво уставился на выдра, потом развернул лодку и наддал ходу, чтобы догнать катамаран. Ухватившись за веревку, он привязал ее к проушине на носу судна и заглушил двигатель, пока команда подтягивала зодиак к борту. Затем сбросили штормтрап. Осторожно взобравшись по раскачивающемуся трапу на палубу, он оказался в окружении любопытствующих матросов и хорошо одетых пассажиров. Ухмыляющийся Мадж приветственно взмахнул лапой и отступил подальше. Джон-Том откинул волосы со лба и бросился на выдра.

— Погоди-ка, кореш! Знаю, что ты подумал.

— Нет, не знаешь — иначе давно бы прыгнул за борт!

Мадж продолжал потихоньку отступать, прекрасно понимая, что легко сможет увернуться.

— Парень, одумайся! Ты и впрямь считаешь, что можешь наколдовать этой пародией на дуару пристойный корабль, а?

— А почему бы и нет?

— А потому, что не смог этого с дуарой, вот почему!

Джон-Том застыл. В самом деле, он пропел свои песни трижды, а потянул лишь на резиновую лодку. Отличное судно для разведки озера или плавания вверх по реке, но пересекать на ней океан, да еще когда пара галлонов топлива подойдет к концу, — по меньшей мере неразумно.

— Как тока я увидел, что твое чаропение вроде как не пош-

ло, — продолжал выдр, — я двинулся искать способ свалить потихому, ежели чего. Славный корабль, сговорчивый капитан — согласен довезти нас аж до островного королевства Оранжель. Это полпути к Чеджиджи. Оттуда мы без проблем доберемся до южного берега — так говорит капитан. Он даже за приличную плату внес небольшую поправку в курс, чтоб вытянуть тебя из воды. Благодаря твоему выступлению денег у нас хватает.

— Мадж, но ты же гарантировал зрителям чудо! Уж тебе-то следует знать, что чаропение далеко не непогрешимо — тем более что мне пришлось играть на второсортном инструменте. А если б я не сумел наколдовать эту лодчонку и удрать на ней? Что тогда?

— Ну-ну, не будем расстраиваться из-за того, что могло случиться. На самом-то деле ты сбацал чудную лодочку, и она спокойненько умчала тебя прочь от вонючих невежественных зевак. Разумеется, ежели б она не получилась, а ты бы плавал хуже твоих критиков, я б отправился домой печальным и богатым, чтоб выразить свои соболезнования твоей возлюбленной и вернуться к веселью после того, как оброню слезу-другую по безвременно ушедшему другу. Но все это фигня, раз ты тут, целый и невредимый, и выглядишь лучше, чем када пел.

— Очень уж хладнокровно ты все это продумал.

— Парень, этот мир — не теплая постелька, как я уже говорил. Но все не так уж скверно, так ведь? Я позаботился о том, чтоб среди алчной аудитории не было типов, плавающих лучше тебя. Ни единой выдры!

По мере того как беглец и его надувная лодка утрачивали прелесть новизны, матросы и прилично одетая публика понемногу расходились.

— Хватит говорить о тревогах и бедах, которые не случились. — Мадж широким жестом обвел море и небо. — Смотри, какой чудный денек! Мы плывем в эту Засаду Старого Крота, и притом с шиком. Вот погоди, увидишь каюту, что я для тебя взял! Разве ты не этого хотел?

— Пожалуй, — чуть ли не шепотом неохотно признал Джон-Том.

— То-то и оно! — Мадж радостно кивнул. — А када доберемся до Оранжеля, сможем продать эту твою надувную хреновину за кругленькую сумму, а?

— Чтобы ее нормально надуть, потребуется несколько дюжин типов с железными легкими.

— Или один колдун, — возразил выдр. — Но че влезать в частности? Это покупатель сам должен сообразить. А ежели тебя уже сейчас совесть мучает, позволь уладить дело старине Маджу.

— Ну да, чтобы опять драпать из города?

— Можа, ты и станешь великим чаропевцем, — печально заметил выдр, — но ни в жисть не споешь такой песни, чтоб грамотно вести дела. Пошли, капитан хочет с тобой познакомиться. Он ни разу не встречал настоящего живого чаропевца, а я сказал, что ты лучший из всех, кто держал в руках дуару. Он пригласил нас сегодня отобедать за его столом. — Тут Мадж развязно подмигнул. — А я пригласил парочку дамочек подходящей породы составить нам компанию.

— Мадж, забудь об этом. Теперь я женатый человек.

— Ну и славная же поездочка нас ждет!

Выдр с отвращением плюнул за борт.

Глава 5

Вопреки своему предсказанию, Мадж во время плавания отнюдь не погибал от скуки. После нескольких безуспешных попыток заинтересовать своего рослого друга в понемногу разыгрывающейся на борту возне и грызне из-за представительниц противоположного пола, Мадж в конце концов начал проводить большую часть времени в трюме, среди пассажиров второго класса. Там он мог пить и играть вовсю, не слыша настойчивых увещеваний Джон-Тома не передергивать: попавшись на жульничестве при игре в карты или кости посреди океана, убежать некуда.

Да и Джон-Том наслаждался жизнью на борту уверенно шедшего на юг корабля. Море было спокойным, ветерок — ласковым, но устойчивым, а солнце — теплым и нежным. Благодаря обилию специй здешняя кухня радовала вкус новизной. А каждые несколько дней на широкой кормовой палубе давали представление профессиональные танцоры и музыканты.

Джон-Том прикинул, что на борту около сорока пассажиров. Значит, на корабле, считающемся грузовым, довольно много свободного места. Команда вела себя услужливо и ненавязчиво. Для полного счастья не хватало только Талеи — тем более что он был здесь единственным человеком.

Три четверти пути до Оранжеля осталось позади, когда Мадж приковылял однажды с таким видом, что Джон-Том, лениво загоравший сразу на двух шезлонгах, тут же испуганно сел.

— Что-то случилось, Мадж?

Тот в ответ пробулькал нечто вроде «ага».

— Ты неважно выглядишь.

Джон-Том положил руку на плечо выдра и крепко сжал его. Мадж удивленно заморгал, будто увидел друга впервые.

— А-а, это ты, приятель. Это хорошо. Что ты говоришь? А-а, у меня все путем, вот так. То есть, мне так кажется. А ежели подумать, то не знаю.

— Съел что-нибудь не то?

В ответ выдр зашелся кашлем, потом мечтательно улыбнулся.

— Пошли со мной, парень. Кой-чего покажу.

Джон-Том позволил отвести себя к внутреннему борту правого корпуса, в котором находилась их каюта. Между корпусами была натянута защитная сеть, и некоторые пассажиры резвились в импровизированном бассейне, не боясь нападения акул. При движении катамарана течение относило их к корме, где они выбирались по лесенке, проходили по узкому мостику в начало бассейна, и все повторялось снова.

— Ты ее видишь?

— Где?

Джон-Том перегнулся через перила. В бассейне плескалось около дюжины пассажиров; потом он заметил одну самку, стремительно двигавшуюся в воде. У него на глазах она окончила заплыв, вскарабкалась на верхнюю палубу, где отряхнулась, утерлась полотенцем и с комфортом устроилась в шезлонге, чтобы позволить солнцу довершить дело. На ней было надето лишь узенькое бикини, служившее скорее для украшения, чем для прикрытия.

Мадж оперся локтями о перила, положил морду на лапы и со вздохом сказал:

— А теперь я спрошу напрямик, кореш. Ты хоть раз видал в этом или каком другом мире творение из плоти и крови хоть вполовину такое красивое?

В этот момент предмет его вожделений повернулся в кресле, извлек из сумочки кружевной платочек и начал вытирать усы — по одному за раз. Джон-Том еще с минуту разглядывал мадемуазель выдру, пока его внимание не привлекло выражение физиономии Маджа. Мечтательность, читавшаяся там и прежде, теперь дошла до предела, ничуть не напоминая знакомого неудовлетворенно-похотливого взгляда. Тут было замешано что-то другое.

— Звать ее Виджи, — рассеянно, будто с заоблачных высот, сообщил Мадж. — Она скупает дары леса, а сейчас едет домой после делового вояжа вверх по Вертихвостке. По-моему, земля вращается вокруг нее.

Ни его голос, ни стиль речи, ни осанка не оставляли места для сомнений, и лишь естественное недоверие не позволяло Джон-Тому сделать давно напрашивающийся вывод. Это событие было равнозначно нарушению законов природы — будто великие пирамиды в Гизе рассыпались во прах за один день.

— Мадж, да ты влюбился!

— Заметил, надо же!

Мадж ни на секунду не отводил взгляда от вытянувшейся в шезлонге очаровательницы с лоснящимся коричневым мехом.

— Да нет, Мадж, я в том смысле, что ты влюбился на самом деле. Вожделение тут ни при чем. Это у тебя на лбу написано.

— Должно быть, ты прав, чаропевец. Ни разу не переживал ничего подобного, вот так. У меня все внутри прямо как желе из трясучки.

— Ты знаешь, как ее звать, — значит, вы знакомы. Представь-ка ей меня!

— Что, прямо сейчас?!

— А почему бы и нет?

— Ну, не знаю... А-а, ну да. Пошли, приятель.

Джон-Том позволил Маджу отвести себя на центральную палубу. Дама дремала, и юноша вынужден был подтолкнуть друга, поскольку тот мог бы преспокойно стоять и глазеть на свою красавицу до самого Оранжеля.

— Янтарная мордашка, дорогуша, ты не спишь?

Она распахнула глаза и быстро окинула взглядом обоих.

— Привет, Мадж!

Джон-Том мысленно отметил, что голос у нее нежный и успокаивающий, обтекающий каждую гласную, напоминая выдру, что вьется вокруг рыбы, играя и дразня ее перед тем, как проглотить. И тут же обратил внимание, что черные бездонные глаза пристально изучают его.

— Должно быть, это и есть тот друг, о котором ты говорил? — Она плавно выскользнула из шезлонга и еще раз отряхнула одну ногу; в лучах солнца сверкнули разлетающиеся капли. — Ну же, высокий человек, наклонитесь и поцелуйте нас!

Джон-Том неуверенно оглянулся на Маджа, но тот лишь ухмыльнулся в ответ; так что пришлось наклониться, чтобы торопливо коснуться губами мохнатой щеки. Однако реакция выдры гораздо быстрей человеческой, и Джон-Том получил в губы выдрин поцелуй по полной программе, состоявший из серии молниеносных чмоканий и щекочущих прикосновений мокрых усов, слегка попахивающих макрелью. Касание холодного черного носа завершило этот своеобразный контакт, напоминающий лобзание пропахшего рыбой отбойного молотка.

Подавшись назад и склонив голову на плечо, Виджи искоса глянула на Джон-Тома.

— А он застенчив. Ты не говорил, что он застенчив.

— Он женат, он чаропевец, да еще и прибыл из другого мира. Ты что ж, милашка, думала, что он нормальный?

— Чаропевец? Навряд ли.

Прямолинейна, как трактор, подумал Джон-Том, беспокойно поежившись под испытующим взором. Племя выдр расшаркиваться не привыкло. Виджи протянула лапу и взъерошила мех у Маджа на лбу, как раз под козырьком зеленой шляпы; прозрачный материал купальника, обтекая ее грациозное тело, заставил мех засиять в лучах полуденного солнца, будто начищенную бронзу.

— Значит, ты его лучший друг?

Джон-Том удивленно взглянул на Маджа. Тот пожал плечами.

— Ну, за неимением лучшего. И потом, здесь есть ты.

— Вот это похоже на истину, — кивнул Джон-Том.

— Джон-Том, что я должна думать о твоем приятеле? Он пытается затащить меня в постель с момента знакомства. По-твоему, мне следует уступить?

— А, э, друзья, ну, я, то есть... — Увидев ухмылки на мордах обоих выдр, юноша запнулся и умолк.

Мадж одной лапой обнял подругу, и та не стала ни сопротивляться, ни уворачиваться.

— Она просто дразнит тебя, приятель. Уж тебе-то пора знать повадки выдр. Об этой малости мы уже позаботились.

— Да, и немало потрудились, чтобы поставить это на правильную основу, — мило добавила она.

— Ага. Осчастливлен знакомством, Виджи. А теперь, если позволите, откланяюсь: мне пора выставлять себя дураком в другом месте.

— Не стоит, — пожурила его Виджи. — Прости, если я тебя смутила. Мадж сказал, что тебя очень легко вогнать в краску, и я хотела убедиться в этом. А теперь присядь с нами. — Она ухватила Джон-Тома за руку и чуть ли не силой усадила в пустой шезлонг рядом с собой, потом села сама и сплела короткие задние ноги на животе; подобный хребтодробительный номер может выдержать лишь позвоночник выдры. — Ну, вот! А теперь расскажи мне о себе.

— А разве Мадж не успел? — отводя взгляд, поинтересовался Джон-Том.

— Да, но я знаю Щипача достаточно долго, чтобы понять, что вдобавок к прочим талантам он еще и неисправимый враль. Так что расскажи мне о себе, о нем и обо всем остальном, что сочтешь интересным. Я вся обратилась в слух. — В доказательство она пошевелила торчавшими на макушке коричневыми ушками. — Мадж говорит, что ты надежен, честен и откровенен, а также наивен и невежественен.

— Ясно. — Джон-Том взглянул на спутника, но тот внезапно заинтересовался плескавшейся за бортом водой. — С удовольствием. Когда я впервые повстречал Маджа и вытащил его из сточной канавы в Линчбени, где он валялся в стельку пьяный...

Корабль содрогнулся от возмущенного рева героя рассказа.

В последующие дни Мадж почти неотлучно находился при Виджи. Чем больше Джон-Том общался с ней, тем больше она ему нравилась. Виджи оказалась одной из тех редких выдр, которым игривость и умение наслаждаться жизнью не мешали успешно ориентироваться в экономике. Большинству выдр просто не хватает терпения, чтобы заниматься коммерцией.

Рассказы об их странствиях и приключениях Виджи слушала с широко раскрытыми глазами — да и неудивительно, ведь

Джон-Том с Маджем чего только не испытали за последний год! А когда выдр начинал чересчур приукрашивать похождения, Джон-Том своевременно впрыскивал в самовосхваляющие фантазии друга изрядную дозу реализма.

Он с радостью отметил, что Мадж пользуется взаимностью и обычный курортный роман постепенно перерастает в нечто куда более глубокое и существенное. Так что уход спутника странствий к возлюбленной был бы ничуть не удивителен — тем более что Мадж никогда особо не выплясывал от радости по поводу знакомства с чаропевцем.

Джон-Том же, со своей стороны, весьма ценил своего неуемного друга, несмотря на все его прошлые прегрешения. Быть может, Виджи окажется достаточно сильной и невозмутимой, чтобы наконец приучить Маджа к оседлости; тот нуждается в таком влиянии, если хочет дожить до старости. Рекламировать его перед Виджи тоже не требуется — Мадж и сам с этим отлично справляется, а Виджи достаточно разумна и восприимчива, чтобы пропускать мимо ушей девяносто пять процентов речей своего воздыхателя. Оставшихся пяти хватит за глаза.

Наблюдать за их крепнущей взаимной привязанностью, видя, как Мадж из хладнокровного обольстителя превращается в заботливого опекуна, было весьма приятно. Наконец-то гуляка и пропойца начал задумываться и прислушиваться к окружающим.

Но в один прекрасный день — а вернее, ужасную ночь — и старые, и новые надежды вдруг разлетелись вдребезги.

Под утро, когда все пассажиры и большинство членов экипажа мирно спали, вдруг раздался сигнал тревоги. Прозвучал он только благодаря отваге и бдительности одного из ночных вахтенных, храброго маленького маки с могучими легкими, предотвратившего несчастье.

При первом же ударе сигнального колокола Мадж был уже на ногах, надевая одежду и хватая оружие. Джон-Том еще сражался с брюками, когда в каюту ввалились два вооруженных до зубов броненосца. Оба были едва-едва четырех футов ростом и размахивали короткими изогнутыми саблями. У одного голова была повязана окровавленным цветастым платком. Одеты они были явно не для дипломатического приема.

Вломившись в дверь, первый тут же напоролся на саблю Маджа, пронзившую ему глотку как раз между подбородком и верхом панциря. Кровь хлынула ручьем. Второй броненосец ринулся на выдра, но тот ухитрился увернуться, прикрывшись телом убитого. Нападающий был так поглощен схваткой с Маджем, что не заметил Джон-Тома в противоположном углу. Толстый конец посоха воспользовался этим недосмотром и погасил свет в глазах агрессора.

— Благодарю, приятель! — бросил выдр, выбираясь из-под

своей жертвы. Сверху доносились крики, к которым порой примешивался визг. — Пошли, всыплем им перцу!

Осторожно выглянув в коридор и убедившись, что там ни души, выдр, а за ним Джон-Том побежали в дальний конец к ведущему наверх трапу.

— Парень, быстрей!

Джон-Том пытался бежать и одновременно попасть ногой в штанину.

— Тороплюсь изо всех сил — но не сражаться же мне без штанов!

— Почему бы и нет? Что ты предпочтешь — стыд или смерть?

Полуодетый Джон-Том стал босиком подниматься следом за другом, почесывая голую грудь. На палубе они оказались в центре царивших во тьме резни и полной неразберихи.

У правого борта был пришвартован старый, потрепанный кеч — очевидно, все-таки достаточно ходкий, чтобы взять на абордаж куда более крупный катамаран. Там так и роились головорезы и бандиты самого разного толка, продолжавшие перебираться через планшир на палубу мирного судна.

Их план был столь же очевиден, как и намерения: дождавшись темноты, тихонько пробраться на борт и вырезать команду прямо в постелях, а затем без спешки захватить груз и пассажиров. К несчастью для них, бдительный маки пожертвовал собой и геройски погиб, объявляя тревогу. Она подняла на ноги не только команду, но и пассажиров, изрядная часть которых не так уж плохо владела оружием. А поскольку дело происходило не в самом цивилизованном из миров, то большая часть мирных граждан имели при себе хоть какое-то средство защиты. В результате расклад сил оказался отнюдь не в пользу пиратов, которых мало-помалу оттесняли к кечу.

Некоторые корсары ухитрились помародерствовать в первые минуты переполоха, пока не подоспели защитники катамарана, и теперь торопились к своему кораблю с охапками награбленного. Палуба стала скользкой от пролитой крови, затрудняя передвижение, и это было обороняющимся только на руку.

Энергичный капитан Магрифф возглавил контратаку. Матросы молча и решительно следовали за барсуком-командиром, врубаясь при поддержке пассажиров в ряды пиратов и понемногу одолевая их.

Нескольких неудачливых бандитов зарубили при попытке прорваться к своему судну. Уцелевшие же пошвыряли наворованное вниз, съехали по канатам и, перерезав их, отчалили, осыпаемые проклятиями и оскорблениями оставшихся на борту катамарана.

Джон-Том и Мадж прислушались к спору капитана и помощников: часть из них настаивала на том, что надо поднять

большой парус и пуститься за бандитами вдогонку, но Магрифф был категорически против.

— Прервите излияния, господа! Ночью незачем гоняться за призраками. На минутку забудьте о призывах сердца, прислушайтесь к гласу рассудка. При сильном попутном ветре мы могли б нагнать их, но нынче дует лишь легкий бриз, да к тому ж не северный, а восточный. Нам не только придется менять курс; при таком ветре небольшое суденышко легко обойдет нас. К тому ж в темном море их могут поджидать друзья. Неумно устраивать гонку за ранеными мерзавцами, чтоб напороться на засаду из двух-трех разбойничьих кораблей. Прежде всего мы отвечаем за пассажиров и груз. Помните об этом и бросьте разговоры об отчаянных погонях. — Он подошел к кабестану. — Мистер Фойзон, проверьте груз и установите, чего мы лишились. Не забудьте заглянуть в трюм. Мне необходим список понесенного ущерба для получения страховки. Мистер Ополтин!

Высокий мускулистый моряк из породы куниц повернул к капитану окровавленную морду.

— Вы с доктором Кессвитом займетесь ранеными. Сперва пассажиры, потом матросы, в последнюю голову — командный состав.

— Есть, сэр! — и куница исчезла во тьме.

Двое матросов принесли тело погибшего маки. Спасший корабль вахтенный был едва ли трех с половиной футов ростом, его закрученный хвост плотно прилегал к спине.

— Он спас и корабль, и нас заодно, — пробормотал капитан. — Схороним как героя, по морскому обычаю. Он был добрый моряк. Наследникам компанией будет выплачена компенсация. Лично прослежу. — Магрифф повернулся к третьему помощнику. — Справьтесь у доктора и дайте мне знать, кто еще пострадал. А вы, — бросил он боцману, — приведите сюда команду, вооруженную метлами и швабрами. А еще ведрами и щетками, мистер Сивар. Все здесь убрать, чтоб палуба была как стеклышко. Впредь до новых указаний удвоить вахту. Ни к чему попадаться врасплох по новой.

Оживленный Мадж, сверкая глазами, вглядывался в тьму за бортом.

— Недурно поразвлеклись, а?

Он любил добрую схватку, особенно когда перевес был на его стороне. Оглянувшись на своего рослого товарища, выдр нахмурился.

— Э, да тебя ранили, кореш!

Джон-Том потрогал левый бок — там была подсохшая струйка крови.

— А, царапина!

Мадж все-таки пригляделся к неглубокому порезу, ухмыльнулся и кивнул.

— Так оно и есь. А помнишь, как наш добрый друг Клотагорб впервой притащил тебя в наш мир и обрушил на мою голову?

— Еще бы! Ты еще хотел меня проткнуть, но чересчур сдрейфил, чтобы ударить на совесть.

— Что?! Чтоб я сдрейфил перед голозадым пугалом вроде тебя?! Я просто не видел смысла кончать тебя, ежели можно обойтись предупредительным ударом. — Мадж всматривался в толкавшуюся на палубе толпу — все были слишком возбуждены, чтобы разойтись спать. — Интересно, где Виджи? Она нипочем не пропустила бы добрую заварушку.

— Может, проспала.

Ощутив внезапно навалившуюся усталость, Джон-Том оперся о посох: начал сказываться недосып. Судя по положению луны, было между тремя и четырьмя часами утра. Нет, все-таки ночные сражения не по мне, решил он.

— Ежели так, она будет чертовски расстроена.

Мадж устремился к ближайшим сходням, оставив Джон-Тома в одиночестве. Пассажиры начали расходиться по каютам, а экипаж возвращался на посты или к прерванному сну.

Не считая поднявшего тревогу несчастного маки, погибших среди команды и пассажиров не было, хотя без ранений не обошлось. Трупы пиратов бесцеремонно сбросили за борт.

Джон-Том уже направлялся к себе, когда ему преградил дорогу расстроенный Мадж.

— Приятель, в каюте ее нет. Не может же быть...

— Я ее не видел, — покачал головой Джон-Том. — Наверно, перешла в другой корпус. Не волнуйся, Мадж, она здесь. Должна быть здесь. Может, пошла на камбуз перекусить, а может, помогает раненым.

— Да, это в ее духе. — И выдр кротко попросил: — Не поможешь мне поискать? Очень обяжешь. Не усну, пока не найду ее.

— Ну разумеется.

Но Виджи не было ни на камбузе, ни среди хлопотавших возле раненых. Об этом сообщили капитану, и тот распорядился немедленно обыскать корабль, чтобы установить местонахождение пассажирки. Время шло, члены экипажа один за другим докладывали на мостик о безрезультатности поисков, Мадж тревожился все сильнее.

Ситуацию прояснил не матрос, а пассажирка, случайно услышавшая разговор участвующих в поисках моряков. Ее немедленно отвели на мостик, где она сообщила обо всем находившимся там Джон-Тому, Маджу, капитану и первому помощнику. Красотка-тушканчик была все еще одета в порванную в нескольких местах розовую кружевную ночную рубашку. Во время рассказа она беспокойно теребила черную кисточку на кончике хвоста. Джон-Том обратил внимание, что ее ресницы по длине не уступают ее ладошкам.

— Выдра, о которой вы говорите, была около меня. Наши каюты — там, где пираты забрались на корабль. Она выскочила на палубу с ножом.

Мадж локтем подтолкнул Джон-Тома.

— Говорил же я, Виджи не упустит добрую заварушку! — И добавил чуть погромче: — Клянусь, сейчас она отдыхает в чужой каюте.

— Боюсь, что нет, — печально ответила пассажирка. — Теперь я совершенно уверена, что видела, как агути тащил ее с корабля.

— То есть вы считаете, что она на борту пиратского судна? — сглотнув, уточнил Джон-Том.

Пассажирка кивнула; усы ее вздрагивали — вероятно, от чрезмерной впечатлительности.

— Если только еще жива, храбрая бедняжка! Я ей говорила, чтоб не лезла в драку, пока не подойдут остальные, но она даже слушать не стала.

— Да уж, это как пить дать Виджи, — пробормотал Мадж. — Значица, девушка, вы уверены, что агути утащил ее на корабль, а не плюхнулся в воду?

— Куда уж увереннее — я прислушалась, но никакого всплеска не было. — Она уткнула узкую усатую мордочку в ладошки и всхлипнула. — Лучше бы она погибла прямо здесь. Какой ужас, какой ужас!

— Вы видели, как они ее убили? — спросил Джон-Том, потому что Мадж лишился дара речи.

— С чего бы им ее убивать? — Тушканиха подняла на них заплаканные глаза. — Живая пленница стоит куда дороже, чем мертвая, да еще такая отважная и привлекательная. По-моему, капитан пиратов приказал отвести ее в трюм, чтобы не дать ей сбежать. — Она содрогнулась. — Жуткий тип! Я решила, что это капитан, потому что он с мостика отдавал приказы. Это большой леопард — почти такой же большой, как вы. — Она указала на Джон-Тома. — Почти красавец, но манеры у него просто отвратительные.

Продолжая поигрывать хвостом, она поднесла палец к губам, потом встрепенулась:

— Знаете что? Тогда я не обратила внимания, но сейчас сообразила, что хвост у него какой-то не такой.

— Странное заявление, — заметил Магрифф. — Что вы имеете в виду, мадам?

— Ну, похоже на то, что вторая половина хвоста парализована и не гнется. Он ни разу не вильнул, даже не дернулся. Будто искусственный... Да-да, именно так! Искусственный! — Она явна была довольна своей догадливостью. — Этому леопарду наверняка когда-то отрубили хвост, и недостающую часть заменил протез.

Джон-Том не поверил собственным ушам. Им с Маджем доводилось встречать одного леопарда с половинкой хвоста, и они не горели желанием возобновлять старое знакомство.

— Мадж!

— Всяко бывает на свете, приятель, — мрачно бросил тот. — Старина Корробок полег, но мы-то видали, как ублюдки из его команды не так уж давно скрылись в далях этого самого океана.

Джон-Том вспомнил, как они едва ушли от кровожадного попугая-пирата Корробока. Его первым помощником был мускулистый леопард с садистскими наклонностями по имени Сашим. Двоих таких быть не могло, особенно в таком океане, как Глиттергейст.

— Интересно, сколько с ним прежних соратников?

— Без разницы, парень. Тут дело в Сашиме — этот котяра наверняка не забыл нас. Дай ему тока запустить в нас когти. Он заставит нас поджариваться на медленном огне и всю дорогу будет глядеть нам в глаза. Не из-за того, что запоздало горюет о своем неоплаканном капитане, а из-за собственной мстительности. Мы его выставили дураком, а такие коты не забывают подобного.

— Надо просто вести себя с ним как можно аккуратнее. Если хватит горючего, то, по-моему, можно догнать их на зодиаке.

— Приятель, погоди-ка чуток! А как насчет того, что я тока что сказал о Сашиме и его бандитах? Знаешь, что будет, попади мы им в лапы?

Джон-Том замялся.

— Ладно, Мадж, тебе решать. Там ведь твоя дама, а не моя. — Он подбородком указал на темный горизонт.

Выдр тупо уставился на друга, потом развернулся и нетвердой походкой двинулся к поручням.

— Виджи! — крикнул он во всю силу своих легких. — Виджи, слышишь?! Будь ты проклята, что втянула меня в это! Будь проклята от усов до кончика своего офигенно красивого хвоста и будь дважды проклята, что заставила меня влюбиться!

Джон-Том успокаивающе обнял его за плечи.

— Мадж, ты это серьезно? Или просто так?

— А я знаю, черт меня побери, кореш?! Со мной такое впервые. Черт побери, как разберешь?

— Есть один способ. — Джон-Том заглянул ему в глаза. — Стоит ли она того, чтобы умереть за нее?

— Помереть за нее... — Выдр отсутствующим взором уставился в пространство. Капитан и помощники деликатно отошли на другой конец мостика. Пассажиры давно разошлись, теперь на палубе было пусто и тихо, так что стал слышен плеск волн о борта катамарана. — Ни в жисть не считал, что стоит поднимать шум из-за дам, тем паче помирать за них. Но Виджи... Черт его знает!

— Но что ты чувствуешь в душе?

— Злобу, боль, муку. Ежели на то пошло, то и не тока в душе. Дерьмо! Что за идиотское положение!

— «Это конец, подумал Бонд, а где же пистолет?»

— Что? Ты о чем?

— Так, о своем, — Джон-Том выждал немного, потом повернулся в сторону ближайших сходней. — Пойду досыпать. Путь до Оранжеля неблизкий, а я совсем выдохся.

И тут же ощутил, как в его пояс вцепилась мохнатая лапа.

— Эй, приятель, погоди-ка чуток! Никуда ты не пойдешь!

— Да-а-а? — Джон-Том был рад, что стоит к Маджу спиной и тот не видит расплывающейся по его лицу улыбки. — А что, нас ждут какие-то дела?

— Клянусь твоей голой задницей, ты прав! Мы отправляемся за моей единственной на всю жисть, вот так!

— «Единственной на всю жизнь»? — Джон-Том оглянулся и потупился. — Это изрек ты, или мне послышалось?

— Хватит прохлаждаться попусту! Нас будет всего двое в тесной лодчонке, так что сможешь нашутиться вволю.

— Как следует понимать твое «нас будет двое»?

— Ты со мной. Забыл, что ли? Друзья до гроба. Ты прикрываешь мою спину, а я твою!

— Дай подумать, — Джон-Том преувеличенно нахмурился. — Неужели я слышу слова того самого Маджа, который вечно впадает в истерику по поводу того, что вынужден повсюду таскаться за мной следом, который неустанно клянет судьбу за то, что вынужден сопутствовать мне в аналогичных ситуациях, который вечно оплакивает тот факт, что рок сделал его моим другом?

— Тут лишь один Мадж и, так уж оно получилось, тот самый, о котором ты разглагольствуешь с пеной у рта, — разве что на чуточку изменившийся. Даже выдры меняются, знаешь ли. Так что давай не будем вякать про прошлые разногласия. Я нередко вытаскивал твою задницу из огня, о чем говорят многочисленные подпалины на моей шкуре. Ты правда считаешь, что эта твоя лодка может остаться без топлива посреди океана?

Перестроившись на деловой лад, Джон-Том прикинул шансы.

— Не знаю. Надо было уделить чуть больше внимания углеводным заклинаниям Клотагорба. С дуарой я бы еще как-то выкрутился, но с этим суаром, боюсь, лишь загажу мотор.

— Тада нам нужен парус. А с похитителями моей единственной я разберусь и без магии. Я больше доверяю другому старому другу. — Он подбросил в воздух свою короткую саблю. Та сделала тройное сальто, после чего Мадж аккуратно поймал ее лапой. — Сабля да лук, и нечего петь мне колыбельные, ведь ру-

бить я буду не дрова. — Он оглянулся на Джон-Тома. — Сашим ринется на нас, едва мы высунем нос.

— Знаю, — торжественно ответил Джон-Том.

— Жаль, что с нами нет твоей полосатой Розарык. Этой наглой морде встреча с Сашимом пришлась бы по вкусу.

— Я бы тоже не прочь принять ее в компанию, но она потопила бы лодку. — Джон-Том выглянул за борт. Надувное суденышко следовало за катамараном, будто щенок на привязи. — Думаю, мы сумеем приладить небольшую мачту, а если повезет, она нам и не понадобится. Ты сможешь взять след на воде?

— Приятель, я выдра, а не рыба.

— Тогда попробуем вызвать дельфинов — мы ведь не имеем понятия, куда уплыли пираты. — Он ткнул пальцем в темноту. — Восточный курс — не очень-то конкретное направление; хотелось бы поточнее.

Мадж подошел к Джон-Тому и положил лапы ему на пояс.

— Век буду помнить, приятель!

— Да уж конечно!

Помогая оснастить надувную лодку складной мачтой и парусом, моряки пытались отговорить друзей от этого напрасного, сопряженного со смертельным риском предприятия. Первый помощник смотрел во тьму.

— Вам нипочем их не найти. Океан слишком велик.

— Нам не придется искать их вслепую. Погони они не ждут, так что направятся к ближайшей суше. Капитан Магрифф уже сказал нам, что поблизости нет ни одного острова, так что мы настигнем их, как только они встанут на якорь, а то и раньше.

— Возможно, — откликнулся другой моряк, — но о какой именно стоянке вы говорите? Береговая линия тоже велика.

— По-моему, они направились прямо на восток, плюс-минус несколько градусов. Им нужно зализать раны, и чем скорей они высадятся, тем лучше.

— Быть может, ваше волшебное весло позволит вам настичь их ночью и потихоньку подойти с кормы, — с сомнением заметил матрос. — Вы оба не в своем уме, почище пары лунатиков.

— Вот что творит с нами любовь, — ответил Мадж.

— Но только не со мной, — возразил матрос-мартышка, проворными пальцами привязывая мешок с припасами.

На сборы ушел час. Кроме мачты, лодка в избытке была загружена провизией. Джон-Том извлек кошелек и хотел было заплатить первому помощнику-ленивцу, но тот отмахнулся обеими могучими лапами.

— Капитан сказал, что это за счет компании. — Он кивнул на лодку и моргнул своими полуприкрытыми, но живыми и бдительными глазками. — Он задекларирует это как груз, похищенный бандитами. Сказал, что, если вы настигнете их и спасете

даму да попутно перережете несколько глоток, — это окупит потери с лихвой.

Джон-Том еще не знал, на что решиться, когда выдр потянул его за рукав.

— Чего ждешь, кореш? Ты что, не слыхал, что сказал этот хренов моряк? Дарящему барсуку в зубы не смотрят.

Да, деньги еще могут пригодиться, подумал Джон-Том и сказал:

— Передайте капитану Магриффу нашу признательность и скажите, что мы не преминем поблагодарить его лично, когда прибудем в Оранжель.

— Если прибудете, в чем все мы искренне сомневаемся. Желаем удачи. — Ленивец помялся и уже другим тоном добавил: — Выдр не устает твердить, что вы настоящий чаропевец.

Джон-Том кивнул, и первый помощник продолжил:

— Добро. Только с помощью волшебства вы сможете выйти живыми из этой передряги. Однако не пойму, как оно поможет вам отыскать этих негодяев.

— Поможет. — Джон-Том занес ногу над бортом, чтобы по штормтрапу спуститься в подпрыгивающий на волнах зодиак. — Мы просто спросим у местных, куда направились пираты.

— У местных?! — Один из матросов обвел рукой горизонт. — У каких еще местных?

— Разумеется, у местной деревенщины! — прокричал Мадж, отталкивая лодку от борта.

Матросы сгрудились у перил, провожая утлое суденышко не вселяющими надежды взглядами. Кое-кто махал на прощание. Мотор завелся с третьей попытки. Джон-Том резко переложил руль вправо, и лодка, вздымая пену, заскакала по волнам, как летучая рыба.

Бортовые огни катамарана быстро исчезли в далях пустынного океана. К счастью, он был спокоен, иначе им пришлось бы выдержать жестокую качку. Джон-Том даже не представлял, как справиться со штормом, и молился в душе, чтобы этого делать не пришлось. Мадж с удобством расположился на носу лодки.

— Куда теперь, господин навигатор?

— Полагаю, на восток, пока не узнаем дорогу.

— Самое время, — резонно заметил выдр.

— Ладно, — с неохотой вздохнул Джон-Том.

Поменявшись с ним местами, Мадж сел за руль, а Джон-Том устроился на носу и приготовил суар.

В лодке имелся встроенный компас, и теперь нужно было только выяснить, куда плыть. Но вот как разобраться во тьме? Однажды, путешествуя в далекий Снаркен, они столкнулись с единственными разумными обитателями морских просторов. Теперь надо снова связаться с ними, хотя и в этом случае усилия могут быть обречены на провал: дельфины на диво несговорчи-

вы, предпочитая обрушивать на любого подвернувшегося слушателя град скверных анекдотов самого низкого пошиба.

Но попробовать стоило, потому что помочь дельфины все-таки могли. Если они видели пиратское судно и укажут направление, то Джон-Том и Мадж получат реальный шанс найти Виджи. Но о чем спеть? Откинувшись на резиновый борт, Джон-Том отметил, что в такой лодке хотя бы сидеть удобно — и то хорошо, — и начал негромко напевать морскую песню. Она вряд ли разнесется далеко над водой, но у дельфинов исключительно острый слух. Может, повезет.

Но что-то не везло. Уже всходило солнце, Джон-Том почти испелся, когда лодка от внезапного удара чуть не вылетела из воды. Увидев, что это не дельфины, а огромный косяк живности помельче, Джон-Том совсем упал духом.

Сбросив одежду, Мадж, чувствующий себя в воде как рыба, скользнул за борт. Юноша уже начал беспокоиться, когда голова выдра появилась над водой. Мадж облизывал усы, держа двух рыбешек с аккуратно откушенными головами.

— Сардины. Вкусные, но дорогу укажут навряд ли.

Забравшись в лодку, он отложил заготовленный завтрак в сторону, отряхнулся и взялся за полотенце.

— Пой в таком духе, приятель. С голодухи мы не помрем, но и не найдем того, что ищем.

Поверхность моря серебрилась от множества рыбьих косяков.

— Суар работает что надо, — продолжал Мадж, — но до могущества нормальной дуары ему далеко. Ты выпевал большой корабль, а получил этот надувной матрас, выпевал дельфинов, а получил сардин. Должно быть, это магия в пропорции.

— Что за магия в пропорции? — прочирикал незнакомый голос настолько внезапно, что Джон-Том едва не вывалился из лодки. За его спиной из воды высунулась блестящая ухмыляющаяся морда; за ней вторая, третья — будто очередь за кормежкой.

— Сработало! — Джон-Том с видом победителя посмотрел на Маджа, и тот неохотно кивнул.

— Что сработало? — поинтересовался один из дельфинов.

— Мое чаропение. Моя музыка. Я воспользовался ими, чтобы призвать вас, и вот вы здесь.

— Призвать нас? — Морские свиньи переглянулись. — Ты не звал нас, человек. Мы пришли за рыбой. Ни разу не видал ее в этих краях в таком множестве.

Два дельфина нырнули.

— Ну, как бы то ни было, результат есть, — промямлил Джон-Том. — Вместо дельфинов я вызвал сардин, а следом за рыбой и дельфины появились.

— Парень, хватит расписывать, — натягивая шорты, ответил Мадж. — Раз уж они тут, надо как-то наладить контакт.

— Контакт, — чирикнул оставшийся дельфин. — Кстати, о контакте! Вы слыхали анекдот?..

Джон-Том обнял его и ласково похлопал по макушке. Ощущение было такое, будто хлопаешь раздутую грелку — раздались громкие шлепки. Кожа у гостя была гладкая и твердая, как автомобильная покрышка.

Удивленный этим приветствием, дельфин взглянул на Маджа.

— Скажи, житель обоих миров, этот человек всегда такой?

— Он просто добрая душа, вот так.

— Сперва моя очередь, — сказал Джон-Том, разработавший план действий заранее. — Об угре и капитане...

— Хей, погоди!

Дельфин издал несколько коротких высоких трелей, напоминавших паровозные гудки в миниатюре. Через секунду лодку со всех сторон окружили дельфины, целиком обратившиеся в слух.

— Тока чтоб смешно было, — предупредил шепотом Мадж.

— Не волнуйся.

Следующие полчаса он выкладывал все, какие помнил, шуточки Ричарда Прайора и Вуди Аллена, по мере возможности сдабривая их китовыми хохмами. Слушатели то и дело прерывали его взрывами смеха.

В таком подходе был лишь один недостаток: после каждого анекдота приходилось выслушивать ответный дельфиний. А они неизменно оказывались настолько же скверными, насколько сальными и грязными. Независимо от того, дошел смысл или нет, Джон-Том с Маджем каждую историю встречали громким хохотом.

Непрерывно пополнявшийся запас пищи и анекдотов в конце концов настроил крайне переменчивых китовых на дружеский лад. Наконец убедившись, что доверие завоевано и можно не только шутить, но и просто говорить, Джон-Том задал вопрос. Дельфины начали передавать его из уст в уста, и вскоре подоспел ответ.

— Ага, я видел описанный тобой корабль сухарей. — Над бортом показался небольшой бутылконос. — И что дальше?

— Ты можешь показать, куда они поплыли?

— Легко. Следуйте за мной, и я наставлю вас на верный путь.

Он проплясал на хвосте в нужном направлении, повторив танец несколько раз, пока Джон-Том не выучил курс назубок.

— Вы что, уплываете? — спросил желтобрюхий великан. — Вы слышали еще не все новые анекдоты.

— Мы отчаянно торопимся. Кроме того, не хотелось бы услышать все сразу — побережем до следующей встречи.

— А чего торопиться? — поинтересовался бутылконос. — В принципе нам начхать, но для сухарей вы ужасно симпатичны.

Его сородичи нестройным хором выразили согласие.

Пока Мадж мысленно проклинал потерю драгоценного времени, Джон-Том изложил своим новоявленным друзьям историю нападения пиратов и похищения дамы. Последняя новость вызвала у членов стаи хор возмущенных выкриков: семейные узы для дельфинов святы.

— Однако ничем помочь не можем, — с сожалением сказал бутылконос. — Мы никогда не лезем в дела сухарей, равно как и в подробности их мелких бесцельных жизней. Но мы проводим вас, чтобы убедиться, что вы на верной дороге.

— Искренне благодарим.

— Пожалуйста, — чирикнул хор тонких голосов.

— Не пугайтесь вот этой штуки, — указал Джон-Том на мотор. — Это просто магия из другого мира. Он наделает много шума. Внизу у него лезвия, которые поранят, если подплыть к ним чересчур близко, так что лучше сдайте назад.

После пары попыток юноши включить зажигание мотор вяло затарахтел, несколько раз чихнул и заглох. Стрелка на небольшой шкале подтвердила худшие опасения Джон-Тома.

— Что, иссякла магия, приятель?

— Нет, бензин. Впрочем, это одно и то же.

— Тада поднимаем парус и будем надеяться, что не очень отстанем.

Пока они возились с мачтой, бутылконос подплыл к лодке и положил голову на борт.

— Оно не напугало нас, человек. Когда будет шумно?

— Боюсь, он умолк навеки, — ответил Джон-Том. — Заклинание утратило силу.

— Очень плохо.

Дельфин помедлил, слегка подпрыгивая в воде, потом отплыл подальше и начал чирикать что-то своим товарищам. Те подхватили его призыв, и вскоре воздух вокруг лодки зазвенел от писка и ворчливых трелей. Затем бутылконос вновь появился у лодки.

— Сухари часто возят любопытные штуковины, которые называют «веревки». У вас есть веревки?

Озадаченный Джон-Том начал рыться в запасах. Помимо распакованных Маджем парусных снастей, обнаружилось несколько бухт прочного пенькового троса. Это пригодилось им скорее, чем парус — он просто не понадобился.

Когда приготовления были закончены, бутылконос свистнул двум жителям суши:

— Готовы?

— Готовы, — ответил Джон-Том, устраиваясь понадежнее.

— Тогда держись, человек!

И они двинулись в путь: поначалу медленно, но, по мере знакомства дельфинов с импровизированной упряжью, все быстрее. Через пару минут зодиак мчался по волнам на двадцать миль в час быстрее, чем мог бы выжать мотор. То и дело убирая с лица развевающиеся на ветру длинные волосы, Джон-Том открутил навесной мотор и швырнул его за корму. Потом откинулся на надутый бок лодки и стал наблюдать, как четыре дюжины дельфинов синхронно всплывают и заныривают, увлекая крохотное суденышко вперед. Остальные члены стаи плыли рядом, высвистывая ободряющие возгласы и дожидаясь своей очереди.

Теперь появилась возможность не только выйти на след пиратского кеча, но и настичь его к утру. Порой добрый анекдот лучше всяких чудес.

Глава 6

Рассвело, но скрывшийся кеч все не показывался. Дельфины тянули без устали, пересмеиваясь, подхихикивая и устраивая соревнования: кто потянет сильнее или выдаст самую крутую хохму. Однажды Джон-Том едва не вылетел за борт, когда дельфины с правой стороны сделали очень мощный рывок. Мадж поймал его за рубашку в последний момент, а то пришлось бы худо — увлеченные собой добровольные рысаки продолжали плыть на восток, налегая на лямку и так жарко споря о том, кому это удается лучше, что не вспомнили бы о своем утерянном пассажире, пока не было бы слишком поздно.

Утро сменилось полднем, а от пиратов не было ни слуху ни духу. На востоке показался берег — полоска желтого песка на фоне высоких зарослей. Лодка замедлила ход и остановилась, дельфины начали освобождаться от упряжи. Виноватая физиономия бутылконоса вновь показалась над планширом.

— Тут мы вас покинем. Здесь мелко, и к соленой воде примешивается все больше пресной, а от нее у нас зуд по коже. Если б не это, мы дотащили бы вас до суши.

— Все в порядке. — Джон-Том помогал Маджу ставить парус. — Вы и так сделали больше чем достаточно. Жаль только, что мы не нашли кеч.

— Мы следовали точь-в-точь его курсом. Он где-то неподалеку — наверно, в последний момент развернулся и пошел к потайной стоянке. Глядите хорошенько и наверняка найдете то, что ищете.

Уж постараемся, подумал Джон-Том, разглядывая негостеприимный берег. Ему меньше всего хотелось до скончания дней бесцельно шнырять по мелководью. К тому времени след пира-

тов может и вовсе простыть, если они ускользнут по суше, уводя с собой Виджи.

Обменявшись напоследок несколькими мучительно плоскими остротами, стая развернулась и помчалась в открытое море.

Да, это надо видеть, размышлял Джон-Том, глядя, как взлетают над водой дельфины, перебрасываясь шутками и смешками, будто толпа надышавшихся веселящего газа детишек.

Пока они с Маджем плыли вдоль береговой линии, осматривая возможные стоянки, солнце стало припекать.

— Вид малообещающий, — пробормотал Джон-Том.

Берег являл собой кошмарную заболоченную путаницу кипарисовых и мангровых корней. От исполинских фикусовых лиан вниз свисали воздушные корни. Пробраться под этими хитросплетениями было можно, но в глубь зарослей они не пропускали.

— Где-то поблизости непременно должен быть пролив или бухта.

— Ты чертовски прав, парень. Даже лучший моряк на свете не пропихнет корабль размером с кеч через этот переплет. Ну, куда ж плыть?

— Пожалуй, на юг.

— А че именно туда?

— Просто по наитию. Кроме того, наши края к северу отсюда, и плавание в том направлении очень смахивало бы на отступление.

Выдр кивнул и развернул парус так, чтобы как можно эффективнее использовать силу жаркого бриза. Зодиак послушно свернул на юг.

— Наверно, они неподалеку, — ближе к вечеру предположил Джон-Том. — Дельфины были уверены, что идут нужным курсом.

— Да я гроша ломаного не дам за слова этих мокропутных пожирателей сардин. — Мадж, скрестив ноги, спиной прислонился к борту и лениво глазел на небеса. — Край тут неплох, хотя чуток сыроват.

— На ночь причалим где-нибудь, — мрачно сказал Джон-Том, — а завтра пойдем дальше на юг. Если и тогда не найдем их, то развернемся и будем искать севернее. Ни за что не поверю, что дельфины намеренно провели нас.

— Почему бы нет? Разве можно всерьез воспринимать тех, у кого и одной-то руки нет?

Джон-Том вел лодку вдоль изгибавшегося к востоку побережья. Они уже готовились привязать швартовы к корню исполинского мангра, когда Мадж внезапно выронил шкот.

— Слышь, шеф?

Джон-Том выпрямился и уставился в сторону болота. Среди

деревьев роилась мошкара, вечерний воздух наполнился шипением и уханьем летучих ящериц.

— Ничего не слышу, Мадж.

— Зато я до хрена четко слышу! — Выдр швырнул шкот обратно в лодку и указал в сумеречные заводи: — Вон там.

Ухватившись за корень, он начал подтягивать туда лодку.

— Мадж, — устало сказал Джон-Том, — если мы пойдем туда ночью, то к утру окончательно заплутаем.

— Не волнуйся, приятель! Это рядышком.

— Что «это»? Что рядышком?

— Ну что, музыка, разумеется. Вроде как праздник. Можа, это наши друзья решили чуток упиться. Можа, они достаточно пьяны, чтоб не заметить нашего прибытия. Тада мы сможем подкрасться к ним, пока они будут соображать, где их дерьмовые штаны, и уволочем милашку Виджи.

— Но я не слышу никакой музыки!

— Верь мне, кореш. Во всяком случае, верь моим ушам.

Джон-Том вздохнул и поправил парус.

— Если ушам, то ладно.

По мере того как лианы и сплетенные ветви все плотнее смыкались вокруг, предприятие казалось все более сомнительным. Богарт чертовски попотел, выводя двух африканских королев, из которых одна была кораблем, из похожего места, а им далековато до Богарта. Хорошо хоть, что жара не сказалась на Маджа — тот был ничуть не безумнее обычного.

А затем впереди действительно послышалась музыка.

Мадж стоял на носу, беспокойно принюхиваясь и насторожив круглые уши. Путаница корней и ветвей постепенно стала реже, и зодиак выплыл на гладь неспешной реки, обрамленной по берегам низко свисавшей растительностью. Ночь уже почти опустила на землю свой покров, но выдры отлично видят в темноте.

— Во!

Джон-Том, напрягая взор, сумел только разглядеть несколько лодок незнакомого вида. Пиратского кеча там не было.

— Стоит на якоре еще где-то, — пробормотал выдр. — А можа, еще в море. Чтоб пробраться через болото, им пришлось пересесть на лодки.

В лесу позади лежавших на берегу лодок горел большой костер. Это был первый участок твердого грунта, встретившийся друзьям с той самой поры, как они покинули Ярровл. На руку Джон-Тому свалилась какая-то мелкая скользкая тварь. Со сдавленным криком боли он прихлопнул ее, и оглушенная рептилия длиной около полудюйма, извиваясь, упала на дно лодки. У нее были тонкие перепончатые крылья и длинное заостренное рыло. Рука в месте укуса покраснела и опухла.

Мадж покинул пост впередсмотрящего, поднял рептилию и после беглого осмотра швырнул за борт.

— Вампир. Кровопивец. Клянусь, их тут выше головы. Во крылатая пакость, а?

— Что-то я не вижу у лодок охрану.

— А от кого их охранять? И потом, похоже, у них развлекаловка в полном разгаре. Ох-хо, да никак тут целый ряд клепаных домишек! Миленькая компания домоседов.

Назвать домами шеренгу лачуг, хижин, навесов и хибар было бы преувеличением. Правильнее сказать — просто времянки. Казалось, некоторые из них стоят вопреки силе земного притяжения. Наличие жилищ озадачило Джон-Тома.

— Мадж, что-то тут не то. Ни с того ни с сего дома, от кеча ни слуху ни духу, а пение, на мой взгляд, ничуть не похоже на хор перепившихся бандитов. Клянусь, там слышны женские голоса!

— Есть тока один способ узнать.

Привязав лодку к прибрежному кипарису, они осторожно направились в сторону деревушки. Стараясь не отставать от юркого товарища, Джон-Том клял вполголоса низко свисающие ветки и выступающие из земли корни. Меж двух лачуг был небольшой просвет, и друзья прокрались через проход в сторону света и пения. Все хибары были выстроены на приподнятых над землей помостах, без которых в этом болотистом краю просто не обойтись. Каждую весну деревушку, несомненно, заливал паводок.

На окруженной полукругом строений площади полыхал замеченный ими с реки костер. Сборный оркестр наигрывал резвый мотивчик, под который лихо отплясывала почти вся маленькая община. По одежде на пиратов они не походили. Черный нос Маджа работал на всю катушку.

— И стряпня у них не пиратская. Чудно пахнет! Знаешь что? — Он оглянулся на друга. — Я совершенно уверен, что мы попали не по адресу. Это не корсары.

— Оно, конечно, так — мы не корсары. А вот как насчет вас?

Джон-Том резко обернулся и увидел, что на них, свесившись из окна хижины, смотрит молодая ондатра. В углу рта ее дымилась трубка из кукурузного початка, а на голове была повязана желтая косынка в горошек.

— Эгей, народ! — крикнула она.

Пляска прервалась, музыка смолкла, и танцующие обернулись на крик.

— Верно, не стоит злоупотреблять гостеприимством, которого нам никто не предлагал. — Мадж рванулся обратно, но Джон-Том удержал его. Выдр вывернулся и зашипел: — Приятель, ты что?! Чего ждешь? Бегом к лодке, пока не поздно!

— И что дальше? Вслепую плыть вдоль берега, пока не наткнемся на острую корягу? Может, местные жители укажут нам путь.

— Угу, укажут нам путь в котел, — заворчал стоявший на своем Мадж.

Тут перед ними предстали лис, несколько белок и сонно помаргивающий дикобраз. Хотя потрепанный наряд лиса не отличался ни дорогими тканями, ни изысканным покроем, зато был чистым и вполне опрятным. Однако Джон-Том заметил и висевший в ножнах на поясе длинный разделочный нож. Одна из белок подошла к Маджу нос к носу и с интересом принюхалась. Тот отпрянул.

— Эй, милка, без фамильярностей! Нас даже не познакомили.

— Не обольщайся, водяная крыса. Я замужем. — Белка оглянулась на лиса. — Пахнет чистенько, кровь они не лили — то бишь, в последнее время.

— Вы не пираты, — заметил Джон-Том.

Лис и белка переглянулись и расхохотались. Дикобраз хрипло заухал.

— Мы — пираты?! — выговорил наконец лис. — Мы рыбаки, краболовы, болотный народец. А вы кто такие? — Чтобы оглядеть Джон-Тома, ему пришлось отойти: ростом лис был не выше Маджа. — Большой человек, впервые вижу большого. Пираты, говорите. Голодны?

Мысль о горячем ужине преодолела прежние опасения Маджа, а заодно и все последующие.

— Раз уж ты помянул об этом, приятель, так я сжую толику рыбки с чайком.

— Добро! — И лис гаркнул через плечо: — Валяй музыку! Приготовьте стол. — Он ухмыльнулся Джон-Тому, продемонстрировав острые зубы. — Все одно пора есть, тем паче в компании.

Положив лапу на руку высокого человека, лис повел его к выстреливающему снопы искр костру.

— Вай, Пордж, чего перестал играть?

Сидевший перед оркестриком музыкант-полевка во все глаза смотрел на Джон-Тома.

— Вай, сам не разумею.

Музыкант вновь поднес ко рту двухрядную губную гармонику. Остальные подхватили мелодию, и несколько пар принялись лихо отплясывать, но большая часть жителей потянулась к ломившимся от яств грубо сколоченным столам. Блюда пестрели красными и желтыми тонами, но был ли это естественный цвет пищи, или его придали какие-то специи, Джон-Том определить не смог. Впрочем, его это и не волновало, особенно после сухого пайка, которым пришлось целый день довольствоваться в зодиаке.

Зато не надо было бояться отравления: еда подавалась в

общих горшках, кастрюлях и жаровнях. Джон-Том и Мадж вместе с местными жителями стали накладывать яства в миски.

— Так откудова ж вы, забавная парочка? — поинтересовался лис.

— С севера, — ответил Джон-Том. Кто-то плюхнул ему в миску полный половник овощного рагу и мяса. Он оглянулся и плюхнулся на колоду, которая могла сойти за табурет. — С севера. Здесь — проездом.

Ни вилки, ни ложки никто не предложил, так что есть пришлось руками. После первого же куска глаза Джон-Тома полезли на лоб, и он, схватив стоявший поблизости большой кувшин с холодной водой, одним махом опорожнил его на треть, не теряя времени на поиски стакана.

— Кушай понемножку, — посоветовала белка.

Джон-Том кивнул и стал есть осторожно, завистливо поглядывая на Маджа, поглощавшего огнедышащую снедь в грандиозных количествах. Заметив его взгляд, выдр подошел и присел на землю рядом с колодой.

— Любопытно, что это за народ и откуда они тут? — Он обвел широким жестом деревню, костер и пирующих. — Готовят здесь офигенно, что и говорить!

— Значит, считаете нас пиратами? — Лис присел по другую сторону от Джон-Тома. — Ужасно забавно, человек. Для чего тебе пираты? Народ обычно предпочитает не встречаться с ними.

Рот совершенно онемел от непрерывного потока перца и прочих специй, и говорить было трудно. Все пространство от губ до носоглотки было заполнено искрометным сочетанием еды и питья, чем-то напоминающим карбонизированный скипидар. Джон-Том сделал усилие и сумел выдавить:

— Вчера ночью они атаковали корабль, на котором плыли мы с другом, и скрылись с его нареченной.

— Теперь ясно, — серьезно кивнул лис. — Скверный поступок. Взять чуток деньжат и товару — это дело; а насчет того, чтоб воровать людей, мы несогласные.

— А вы, случаем, не знаете стоянку этих головорезов, а? Нас уверяли, она где-то здесь.

На мгновение Джон-Тому показалось, что в глазах лиса мелькнуло странное выражение. Тот оперся локтем о землю и поглядел на заплечный мешок Джон-Тома.

— Вай, первый раз вижу такой инструмент. Курьезная штуковина. Музыкант? Может, выдашь народу чуток музыки? Кто знает, глядишь — и растрясешь чью-нибудь память!

Лис подмигнул.

— Разумеется, с удовольствием, — улыбнулся Джон-Том в ответ.

— Тока осторожно. — Мадж отставил миску. — А то еще распугаешь всех по лесам.

Джон-Том ответил ему укоризненным взором и направился к оркестрику у костра. Музыканты с любопытством поглядывали на суар. Решив не ошарашивать хозяев незнакомыми мелодиями, Джон-Том стал прислушиваться к местной музыке, чтобы настроиться на соответствующий лад. Это оказалось нетрудно: ритмы были просты, мелодии незамысловаты. В подходящий момент он заиграл, позволив ритму вести себя. Все быстрее перебирая струны, юноша и сам безумно наслаждался своей игрой, чуть ли не жалея, что держит суар, а не обычную гитару.

Будь дуара в порядке, к музыке можно было бы добавить малую толику магии, но и одной мелодии было более чем достаточно. Пирующие бросили еду, чтобы затанцевать, кружась и прыгая вокруг костра. А одна цапля выкинула такое коленце, что Джон-Том покатывался со смеху добрых полчаса.

Но несмотря на все его попытки влиться в оркестр и стать его частью, что-то не получалось. На суаре нельзя было играть по-другому, как поступали в сходных ситуациях гитаристы. И тут, будто по заказу, Джон-Том нашел то, чего не хватало. У отбивающей чечетку черепахи он отобрал инструмент, являвший собой нечто среднее между пилой и сырорезкой, но не такой острый, как они. Воспользовавшись им вместо смычка, юноша сумел заставить суар звучать почти как деревенскую скрипку.

Танцы и пение не затихли, даже когда подрались ондатра и пьяный мангуст. Потасовка только подхлестнула музыкантов, и они заиграли быстрее.

Веселье потихоньку выдыхалось, пары одна за другой разбредались в лес и по хижинам. Вскоре играли лишь черепаха да Джон-Том, но и они по взаимному согласию одновременно остановились. Пора было расходиться на ночлег. Джон-Том не чуял под собой ног от усталости, зато душа у него пела — играть так же приятно, как и творить чудеса, особенно перед отзывчивыми слушателями.

Благодарный лис проводил гостей в пустующую хижину.

— Ну, приятель, давай теперь о пиратах.

Но лис пропустил требование выдра мимо ушей.

— Вас накормили вволю?

— Ага, от пуза, но...

— Добро! Видите ли, к утру оголодаете. Может, среди ночи нежданно скоропостижно избавитесь от ужина. Болото такое. — Он хихикнул. — Остерегайтесь аллигаторов и змей, а то можете лишиться не только ужина.

Посмеиваясь себе под нос, лис побрел обратно на площадь. Джон-Том обратил внимание, что он слегка колченог. Две мыши выгребали угли из костра.

Улегшись, Джон-Том обнаружил, что постель не только мягкая, но и довольно длинная и почти вмещает его долговязое тело.

Мадж присел на краешек соседней койки.

— Ну, ты понял что-нибудь?

— Фиг его знает, приятель, — задумчиво ответил выдр. — Довольно дружелюбны. Впервые вижу такое по-приятельски настроенное сборище. Впервые вижу, чтоб такая толпа побросала все дела и ринулась развлекаться с чужаками.

— А еще я впервые вижу типов, из которых прямой ответ клещами не вытянешь.

— Можа, они чересчур развеселились, парень?

— Не исключено. А может, они не говорят о пиратах, потому что это не к добру. Вполне резонно, если мерзавцы, которых мы разыскиваем, во множестве шастают здесь. Узнаем об этом утром, если сумеем загнать в угол одного из этих жизнерадостных парнишек и привязать его к обеденному столу.

— А до той поры постараемся выспаться.

Джон-Том пробудился от прикосновения к плечу чьей-то лапы. Не слышно было ничего, кроме гвалта ночных тварей на болоте, зато в темноте виднелся склонившийся над ним мохнатый силуэт.

— Мадж? — с трудом разлепляя веки, пробормотал Джон-Том.

— Нет. Тихо, человек.

Силуэт повернулся и подкрался к постели выдра.

— Не беспокойся насчет меня, незнакомец, — услышал Джон-Том шепот своего друга. — Я проснулся, как тока ты ступил на помост.

— Вижу.

Посетитель, несомненно, видел также и отблеск луны на лезвии ножа выдра.

— Для завтрака рановато, а для пожелания сладких снов чуток поздновато. Чего надо?

— Помочь вам. Я слушал во время танцев, разговоров и всей этой чуши собачьей и услышал все до последнего. Пришел сказать вам.

Джон-Том сел. Глаза его привыкли к темноте, и теперь он видел, что ночной гость ростом и осанкой напоминает Маджа. На первый взгляд казалось, что незнакомец надел маску, чтобы изменить внешность, но затем Джон-Том сообразил, что это естественная раскраска.

— Звать меня Перестраховщик. — Во время разговора енот то и дело поглядывал в окно. — Я слышал большую часть ваших речей с лисом и прочими. Ты ищешь свою суженую.

— Во всяком случае, любимую.

— Дело как раз в любви.

На Перестраховщике был жилет и короткие штаны с дыркой сзади для пушистого серого хвоста.

— Лис сказал нам, что обсудит проблему Маджа утром, — сообщил Джон-Том и тут же увидел, как прищурились темные глаза.

— Лис говорит что угодно, лишь бы уйти от темы.

— Вы знаете что-то о пиратах?

— Еще бы об них не знать! Мы продаем им продукты и прочее, а порой двое-трое из наших помогают с работами по кораблю. Они бросают якорь чуть к югу.

— Мы просто не доплыли, — пробормотал Джон-Том себе под нос.

— Вы снабжаете их — и что с этого имеете?

— Деньги, товар. — Енот пожал плечами. — Ни то ни другое не заработано честным трудом, уж будьте покойны. Наша деревня тут отрезана от мира. Иметь с ними дело страшно выгодно, и никто не спрашивает, чем они платят.

Он возмущенно сплюнул.

— Но ты-то не таков? — Сна у Джон-Тома не осталось ни в одном глазу.

— Меня мутит от ихних грязных делишек, но Перестраховщика никто не слушает. Народ слушает лиса, который говорит, что ежели мы не продадим им продукты, то золото получит соседняя деревня или еще какая. Говорит, мы никому не пускаем кровь. А мне сдается, ежели берешь деньги, то берешь и кровь, что их запятнала, уж будьте покойны. Когда тебе платят шелковым платьем или сапогами, а на них пятна, то соображаешь, что это не по вине портного или сапожника. Вы понимаете, о чем я?

— Мы понимаем, о чем ты, приятель. — Мадж приподнял нож.

— Может, они отвезли твою даму куда-то еще и торгуют ею за золото? Только не тут. Болотный народец не промышляет живым товаром. Это по части других.

— Зачем ты нам все это говоришь? — Джон-Том торопливо одевался.

— Я спросил себя: «Перестраховщик, твои слова чего-нибудь стоят, или из тебя просто прет болотный газ?» Так что решил прийти и помочь вам, парни, потому что ваша потеря дороже золота. Не знаю, может, нас и убьют нынче ночью, но я могу свести вас к стоянке пиратов. Помогу, чем могу.

— Чертовски любезно. Только покажи, где они, а мы с Маджем сделаем остальное. Незачем тебе лезть в чужую драку и рисковать своей жизнью.

— Я? Мне жить-то незачем, — печально ответил Перестраховщик. — Два года тому назад по болоту пронесся великий шторм. Огромная волна накатила с самого моря прямиком на деревню. Большая часть наших знала, что она идет; забрались на

деревья, потом спустились и починили дома. — Он внезапно охрип. — Моя подружка и двое детенышей собирали устриц. Не поспели назад, а я не поспел предупредить их. Устриц смыло, жену и детишек смыло...

Голос енота прервался, он шумно сглотнул. В хижине наступила мертвая тишина.

— Так вот что заставляет тебя помочь нам? — наконец пробормотал Мадж.

— Вот почему я понимаю твои чувства. Моих любимых отнял шторм, твою — пираты. Со штормом ничего не поделаешь, но с пиратами можно. Так не волнуйтесь же за старика Перестраховщика, слышите вы?

— Мы слышим.

Джон-Том обдумывал его слова. Можно ли верить еноту и полностью на него положиться? Быть может, история гибели семьи была придумана, чтобы втереться в доверие? Маджу в голову пришло то же самое.

— Без обид, приятель, но откуда нам знать, что эта трагедия не была у тебя заготовлена заранее? Откуда нам знать, что ты не планируешь продать пиратам кой-чего помимо корюшки и корицы?

— Пожалуйста, ищите их сами.

Перестраховщик сделал шаг к двери, но Мадж его остановил.

— Полегче, шеф. Посуди сам, что мы должны думать?

Енот заколебался, переводя взгляд с выдра на человека.

— Ладно. На сей раз забуду, что вы говорили этакое. Скажете снова — ищи-свищи меня.

Он вывел их задами. Деревня затихла, отсыпаясь после вчерашнего кутежа.

— Теперь быстрей вперед. Я слыхал про вашу лодку.

— Что за спешка? Уклончивые ответы вовсе не означают, что нам хотят помешать.

— Как знать, как знать. Болотный народец таков — сегодня задает тебе пир горой, завтра закапывает тебя в ил. Лис и прочие наживаются на пиратах на славу, а вы забираетесь в ихний лагерь, крадете добычу и ставите под угрозу такое житье. Так что лучше без шума.

— Точь-в-точь мои мысли. — Мадж отвел с дороги ветку; спружинив, та врезалась Джон-Тому в живот. Звон мошкары перекрыли сдавленные проклятия.

— Забавная лодка, — заметил Перестраховщик, когда они добрались до зодиака. — Вот бы поглядеть на зверя, с которого сняли такую шкуру.

— Это не шкура, а искусственный материал. — Джон-Том тревожно оглянулся на деревушку. Никаких признаков погони. — Его выпустили на полиэтиленовой фабрике.

— Должно быть, чертовски красивые большие листья. —

Енот показал вниз по течению. — Плывем этой дорогой в океан, после разворачиваемся, и обратно через тайный пролив. Пробуем подобраться с другой стороны, иначе они наверняка увидят нас.

— Можешь держать пари на свою задницу, что так, — кивнул Мадж. — Их главарь чертовски подозрителен.

— Что ты сказал? Вы знакомы с этой бандой?

— Нам случалось поболтать с ними, — Мадж быстро греб вниз по реке. — У их капитана с нами счеты, так что мы быстренько и тихонько хватаем мою даму и тем же способом делаем ноги.

— О-хо-хо. Дело оборачивается интересно.

— Поверь Маджу на слово: знакомиться с этим ублюдком не стоит.

— Ладно. Сам я с ними дела почти не имел. Большей частью лис — он идет и договаривается. А вы откуда их знаете, ась?

Джон-Том и Мадж по очереди изложили проводнику историю своего знакомства с Сашимом и остальными членами экипажа Корробока. К концу рассказа показалось солнце, неуверенно выглянувшее над макушками деревьев. Между лианами и мшистыми стволами пробивались золотые снопы света. Друзья на веслах пересекли глубокую бухту и подплыли к песчаному берегу.

— Хорошее место для большого корабля, но мы зайдем с тыла. Ищем доброе укрытие для этого кожаного суденышка, проходим через лес, берем твою даму, а потом бежим что есть духу обратной дорогой. Ежели повезет, они навряд ли нас увидят.

Джон-Том, нахмурясь, оглядел небо.

— Придется дожидаться сумерек.

— Нет проблем. — Енот устраивался на дне лодки. — Спать здесь *хорошо*.

— Это под носом-то у пиратов?

— Не тревожьтесь. Они никогда не заходят в болото — держатся открытой воды и корабля. Потому и покупают еду у нас, а не добывают сами.

— А что, если они заберут Виджи и уплывут?

— Слишком много тревожишься, человек. Говоришь, они едва отбились от вас. Значит, теперь им надо передохнуть и зализать ихние раны.

— А как насчет тебя, кореш? Тебя не хватятся дома?

— Ежели и хватятся, то через две недели, пожалуй. Народ подолгу охотится и рыбачит в заводях, никто не тревожится. Вас, пожалуй, хватились, но, клянусь, они решили, что вам надоело и вы отвалили с утра пораньше. Пожалуй, лис и прочие имеют подозрения, пожалуй, они не прочь потолковать еще, но наверняка рады вашему уходу. Теперь вы больше не ихняя головная боль.

Они уверены, что вы не знаете дорогу к пиратам, так что быстрехонько забыли про вас.

К немалому удивлению Джон-Тома, он спокойно проспал весь день — усталость брала свое. Пробудившись, он увидел, что солнце уже опускается за море. Чувствуя себя хорошо отдохнувшим, он начал обдумывать, как потолковее взяться за рискованную задачу спасения Виджи.

Привязав лодку к большой дуплистой коряге, они замаскировали ее пальмовыми листьями и мхом, а затем направились в лес. Джон-Тому, как всегда, пришлось то и дело уворачиваться от ветвей и переступать через корни — хорошо еще, что до пиратского лагеря было рукой подать.

Понять это было можно заранее: по окрестностям разносились пьяный смех, выкрики, пошлые шуточки. Перестраховщик дал знак остановиться, поскольку они вышли к опушке.

Пираты избрали для якорной стоянки идеальное место: мангровые и кипарисовые заросли уступали место небольшому песчаному пляжу. Течение вымыло здесь маленькую бухту, и в нее вдавался грубо сработанный ветхий причал, у которого приткнулся кеч. На берегу возвышался большой одноэтажный барак, смахивающий на старый склад. Должно быть, давным-давно какой-нибудь полный надежд предприниматель попытался развести в этих краях плантации. Но неуступчивое болото победило, и он уехал, бросив постройки, а пираты впоследствии использовали их.

Несколько бандитов расположились совсем недалеко от опушки, все — сильно пьяные. Кто стоя, кто лежа, они сгрудились вокруг одинокого дерева, раскачивая что-то свисающее с ветки. Джон-Том едва сумел удержать рванувшегося вперед Маджа.

Запястья и лодыжки Виджи были связаны вместе одной веревкой, голова ее висела над самой землей. Кляпа во рту не было — по мнению мучителей, это придавало игре особую прелесть. Раскачиваясь туда-сюда от толчков пиратов, она все пыталась выдрать зубами клок мяса у кого-нибудь из них, а те с хохотом уворачивались, перебрасываясь шуточками. Двое держали длинные весла — чтобы уберечь пальцы, а заодно придать развлечению остроту. Пляж оглашали крепкие шлепки деревянных лопастей по шерсти.

— Дерьмовые вонючие ублюдки!

Джон-Том не снимал руки с дрожащего плеча друга.

— Спокойно, Маджи. Мы отдыхали весь день, они — нет. При таком темпе все скоро отключатся, тогда-то мы их и накроем. Не смотри туда.

— Я должен смотреть, приятель. Мне надо запомнить несколько рож.

Джон-Том верно оценил состояние пиратов. Через полчаса

последний из них, еще державшийся на ногах, дернулся, уклоняясь от раскачивающейся Виджи, и рухнул на землю. Притаившиеся в засаде друзья выждали еще минут десять, чтобы убедиться, что головорезы в полнейшем отрубе. Потом подал голос Перестраховщик:

— Надо скоренько забрать ее, уж будьте покойны!

— Верно. — Джон-Том встал и начал продираться через кусты на опушке. — И помни, Маджи: без нужды не убивать.

Енот хмуро взглянул на человека, потом перевел взгляд на выдра.

— Он всегда такое несет?

— Не обращай внимания, просто он сам не знает, что говорит. Бедный педик пал жертвой искаженных понятий об этике.

Держась бок о бок, они выскочили на поляну. Ни Сашим, ни остальные члены экипажа не появлялись. Джон-Том решил, что они спят — или на кече, или в бараке.

Измотанная многочасовой болтанкой Виджи была без сознания. Маджи поприветствовал ее принятой у выдр молниеносной серией нежных поцелуйчиков и тут же зажал лапой рот, чтобы Виджи не вскрикнула от удивления. Она тихонько укусила его.

— Самое время тебе появиться.

— С чего это ты решила, что я приду? — распутывая впившиеся в нее веревки, поинтересовался Маджи.

— Потому что я твоя единственная на всю жизнь. Ты сам твердил это на борту корабля раз пятьдесят.

— Оно так, да тока память у меня никудышняя.

— По мне, и такая сгодится. — Увидев, что Маджи поднес нож к главной веревке, удерживающей ее на весу, Виджи запротестовала. — Если не готов подхватить меня, то лучше не надо. Стоит мне упасть на мягкое место, как я расшибусь вдребезги, столько меня толкали и лупили последнюю пару дней.

— Жуть!

Маджи разрезал узлы, а Джон-Том довел дело до конца, осторожно поставив выдру на ноги. Мышцы ее так затекли, что Виджи едва стояла, не говоря уж о ходьбе. Пока она старалась размять ноги, из барака, опираясь на костыль, выбрался одноногий морской волк. Джон-Том тут же узнал в нем старого знакомого из команды Корробока — старик пытался тогда предупредить несчастного капитана, что Джон-Том и его товарищи опасны.

Бежать было поздно. Увидев их, ветеран завопил во всю свою луженую глотку.

— Эй, свистать всех наверх! Клянусь хвостом, водяная крыса и чудодей вернулись на наши головы!

Маджи прислонил Виджи к еноту, сорвал лук и вогнал в вопящую глотку оперенную затычку. Слишком поздно. Но крик этот не принес добра недавним мучителям Виджи: Перестраховщик тут же воспользовался своим коротким изогнутым ножиком, бы-

стро переходя от одного пьяницы к другому, после чего те остались лежать с перерезанными глотками там, где лежали.

Выжил только рысь, незаметно скользнувший за куст. Попутно он сделал подсечку отступавшему Джон-Тому, и тот во весь рост растянулся на песке.

— Ах, неуклюжий! — укоризненно крикнула Виджи. — Вставай же!

Но из барака уже выскакивали пираты.

— Скорей сюда, или мы покойники! — лихорадочно махал лапой Перестраховщик.

Джон-Том перекатился на колени и встал, подняв посох перед собой. Виджи с Перестраховщиком уже исчезли в зарослях, Мадж следовал за ними по пятам. Джон-Том остался посреди прогалины один как перст.

И тут на его душу снизошел великий покой — пусть уж лучше все кончится так. Мадж столько раз выручал его из всяких передряг, что достойно отплатить ему Джон-Том мог, только пожертвовав собой. В конце концов, он чужой в этом мире; уж лучше пусть Мадж и Виджи вернутся доживать свой век на родину, чем полягут на чужбине за чужака. Он нажал на потайную кнопку, из посоха с щелчком выскочил шестидюймовый клинок.

— Ну же, подходите! Чего ждете?

Бегущие пираты остановились, подозрительно разглядывая его.

— Я его знаю, — сказал мускулистый бобер с черной повязкой на левом глазу. — Он чаропевец, во как.

Окружающие утвердительно заворчали. Никто не рвался первым бросить вызов рослому человеку. Те, кто плавал еще с Корробоком, помнили, какое опустошение внес в их ряды Джон-Том со товарищи, и быстро просветили новичков.

Равновесие было зыбким. Стоит Джон-Тому броситься к лесу, как пираты зарубят его в мгновение ока. Если он пойдет в атаку — они, может, и разбегутся со страху. Но стоит одному из них не отступить и дать отпор, как остальные поймут, что рослого противника можно и не бояться. Продолжаться вечно противостояние тоже не могло; время работало на пиратов.

Он медленно отложил посох и вытащил висящий за спиной суар, втайне надеясь, что пираты подзабыли, как выглядела дуара. Если удастся наколдовать что-нибудь, ну хоть что-нибудь — пусть даже облачко безобидных гничиев, — возможно, этого хватит, чтобы разогнать врагов.

Но не успел он ударить по струнам, как сквозь ряды бандитов пробился еще один — более рослый и более мощный — и остановился на безопасном расстоянии от чаропевца. В опоясывающем широкий торс патронташе торчало с полдюжины стилетов, а хвост, лишь наполовину состоящий из плоти, крови и шерсти, подергивался.

— Приветствую, человек! Вот уж не думал, что доведется свидеться.

— Привет, Сашим. Розарык шлет тебе свои сожаления.

— Сожаления? О чем это может жалеть тигрица?

— Что не смогла попрощаться с тобой лично.

Леопард хмыкнул — он был достаточно умен, чтобы уразуметь таящийся в реплике Джон-Тома кровожадный юмор.

— Несомненно, будь у нее хоть малейший шанс, эта большая леди сделала бы из меня шубу. — Он оглядел поляну, заметив и болтающуюся на дереве веревку, и бандитов, жизнь которых капля за каплей вытекала из перерезанных глоток на землю. — Ты рисковал жизнью из-за одной-единственной самки?

— Не собираюсь объяснять свои мотивы; ты их, несомненно, сам поймешь. Раз ты помнишь меня и Розарык, то не забыл и остальных.

— А-а, ты о том обидчивом выдре, у которого не рот, а выгребная яма? Пришел один, а ушел вдвоем. Родня?

— Виджи, — Джон-Том подыскивал подходящее слово, — его невеста.

— Наконец-то удача, — кивнул леопард. — Неплохой обмен: вместо злобной зубастой самки — чаропевец.

— Какой еще обмен? Я ухожу.

Джон-Том сделал шаг назад, но Сашим не отставал.

— Нет, чаропевец, не уходишь, иначе тебя давно бы здесь не было. — Востроглазый леопард, несомненно, заметил разницу, ускользнувшую от внимания его подчиненных. — Это не тот инструмент, что был у тебя раньше. Я знаю, что чаропевец должен играть на определенном инструменте, иначе плакала его магия. Неужели ты лишился и того, и другого?

Джон-Том ударил по струнам и слегка усмехнулся.

— Сделай еще шаг, и сам узнаешь.

— Осторожней, старпом, — предупредил стоявший рядом рысь. — Помнишь, как он заколдовал нас в прошлый раз? Может, он просто издевается. Вдруг этот змей со струнами опасней прежнего?

— Если так, почему же он теряет время на болтовню, пока его друзья удирают во все лопатки?

Джон-Том вытаращился на леопарда:

— Старпом?! Он назвал тебя старпомом. Разве ты не капитан?

— Я — капитан? — удивился Сашим. — Конечно, не капитан. Я никогда не претендовал на этот пост.

Пираты зашевелились, уступая кому-то дорогу.

— Нет! Этого просто быть не может! Я собственными глазами видел, как Розарык разорвала тебя на куски.

Но вопреки фактам из полукруга почтительно расступившихся пиратов выскочил трехсполовинойфутовый попугай и мрачно поглядел на ошеломленного человека.

Глава 7

Джон-Том разобрался, что вовсе не сходит с ума: попугай не Корробок, хоть и потрясающе похож на него. Даже не будучи экспертом по части пернатых, можно было заметить у этого и прежнего капитанов чересчур много сходных черт, чтобы это было обычным совпадением. Но и отличия бросались в глаза столь же явно, как и сходство. Корробок вышагивал на протезе и похвалялся отсутствием одного глаза; у нового же все было цело и невредимо, не считая забинтованного левого крыла, покоившегося на перевязи.

— Капитан Камалк, — Сашим одарил Джон-Тома белозубой улыбкой. — Брат нашего незабвенного усопшего капитана, а также наследник его имений и титулов.

— Лучше бы он тебя не трогал, — сказал попугай, — и тогда я и дальше бы сидел за гроссбухом. Неужели ты думаешь, что этот дурачок с куриными мозгами, мой братец, занимался бизнесом в одиночку? Потому что пиратство — это бизнес, заруби себе на носу. Корробок умел управляться с кораблем и саблей, но в цифрах он был беспомощней младенца; этим заправлял я. А теперь я вынужден заправлять и тут, и там. Итак, ваше знакомство разнесло его на куски, ах-ха? А мы гадали, что с ним случилось. Какой приятный сюрприз, что виновные решили заглянуть в гости. Кажется, последний набег, не принесший особой прибыли, все-таки окупится с лихвой. Твоя смерть бальзамом прольется на сердце моего несчастного брата.

— У него не было сердца. Корробок был самым гнусным, злобным, кровожадным и продажным типом из всех, кого я имел неудовольствие встречать.

— Несомненно, брат польщен твоими словами, где бы он сейчас ни пребывал, — с довольным видом кивнул Камалк, — но тебе с того никакой корысти. Он покойник, и твою судьбу решать мне. — Он погладил клюв кончиком здорового крыла. — Сашим, что бы ты порекомендовал?

— Продать его в Снаркене. Деньги лучше мести. На рынке за чаропевца дадут куда больше, чем за вспыльчивую самку. Вот что я называю честной сделкой.

— Если удастся склонить его к сотрудничеству.

Джон-Том зачарованно слушал разговор. Ему казалось, будто он стал участником дурного сна. Двух Корробоков просто не может быть — природа не допустит появления подобной мерзости дважды. Разумеется, Камалк — птица совсем иного полета, чем его братец. Уже и теперь ясно, что этот начитанный представитель жуткой парочки куда сдержаннее и уравновешеннее, чем усопший. Правда, если обстоятельства его «бизнеса» потребуют, он, глазом не моргнув, прикажет четвертовать Джон-Тома.

— Ты утверждаешь, что он чаропевец. Я не сомневаюсь в правдивости твоих слов, но почему же тогда он не обратит нас в жаб или себя — в орла?

— Я полагаю, он лишился своего магического инструмента, — Сашим головой указал на молчащего Джон-Тома. — Этот вовсе не похож на тот, которым он побил нас на корабле вашего брата.

— Не по вкусу мне эта неопределенность. То ли дело цифры — там все на своих местах. Не верю, что он предстал перед нами этаким манером без задней мысли.

— Я понял, что он задумал! — Долговязый динго бешено махал лапой в сторону бухты.

Все обернулись. Камалк захлопал крыльями и взлетел на плечо Сашима, чтобы с этого насеста увидеть реку.

— Ни разу не встречал такого суденышка, — заметил леопард. — Должно быть, оно принадлежит волшебнику.

— Сорвалось с причала, — предположил один из пиратов.

— Нет, — возразил забивший тревогу динго, — гляньте, оно все замаскировано, заполнено мхом, ветками и прочим добром.

— Отвлекающий маневр?

Попугай искоса вопросительно взглянул на Джон-Тома, но тот, ничего не понимая, промолчал.

— Остальные прячутся внизу, — предположил динго. — Пленница и те, что ей помогли. Наверно, так.

— Пытаются проскочить у нас под носом. Проклятие! Получишь лишний стакан грога, Живопыр! — Камалк посыпал приказами: — Орейт, Томуту, берите корабельные шлюпки и отрежьте им путь. У них нет паруса.

Пираты бросились к кораблю, но прежде попугай приказал рысю и еще трем бандитам присматривать за Джон-Томом, а Сашим добавил:

— Сторожите чаропевца как зеницу ока. Если он нападет, обороняйтесь и зовите на помощь. Если попытается бежать, подрежьте ему поджилки. — Он прищурился. — Не знаю, сколько могущества у тебя осталось, человек, но когда мы вернемся с твоими товарищами, то наверняка это узнаем. Только твоя готовность к сотрудничеству удержит меня от того, чтобы выпустить кишки твоей знакомой на глазах у ее любимого. Помни об этом!

И леопард затрусил к остальным, унося на своем плече капитана. Джон-Том проводил его глазами и перевел их на свою стра-

жу. Те беспокойно переминались с ноги на ногу, подняв сабли и пики.

Что, если сблефовать?

Сторожа, оставленные для охраны этого властелина неведомых сил, пребывали в полнейшем замешательстве. Все четверо с огромным удовольствием присоединились бы к погоне за лодкой.

— Остерегайтесь! — Угроза, провозглашенная самым настоящим прокурорским тоном, заставила двух стражников отступить на пару шагов. — Мое терпение подходит к концу. Бегите, пока моя симпатия к вам не иссякла, или я воистину обращу вас в жаб, как предложил ваш старпом.

Рысь оглянулся на товарищей, ища поддержки, и не двинулся с места.

— Лучше живая жаба, чем мертвая рысь. Если мы тебя отпустим, Сашим и кэп прикончат нас, как пить дать прикончат.

Джон-Том разглядывал четверку. Кроме рыся, здесь был широкоплечий волк, вооруженный бердышом, наконечник которого был сделан из сабельного клинка, бурундук с ятаганом и очкастый медведь, размахивающий массивной палицей, утыканной шипами.

Обогнать медведя можно, но рыся и волка — вряд ли. С другой стороны, одолеть бурундука будет нетрудно, как и двух других, — но медведь уложит Джон-Тома одним взмахом палицы. Камалк знал, кому доверить охрану.

Мадж предпринял дерзкую попытку замаскировать лодку и пробраться мимо пиратского лагеря, но она не удалась. Камалк с экипажем настигнет их прежде, чем беглецы доберутся до моря и поставят парус. Доблестный поступок. Почувствовав легкое головокружение, Джон-Том поднес правую ладонь к виску.

— Приветствую тебя, о Мадж, но даже мастеру уловок и трюков не под силу одолеть их всех.

Едва он отдал честь, как на голову медведя обрушилось небольшое дерево. Косолапый закатил глаза и рухнул на землю.

— Магия! — взвизгнул бурундук и бросился бежать — прямо на вылетевший из кустов нож. Никогда не упускавший удобной возможности, Джон-Том трахнул волка толстым концом посоха по виску. Рысь не успел пробежать и десяти ярдов, как Мадж уложил его метким выстрелом из лука.

Подбежали Перестраховщик и Виджи; с момента неожиданного и столь действенного воинского салюта не прошло и минуты. Тем временем остальные пираты яростно гребли вниз по реке, предвкушая захват зодиака вместе с ветками и мхом.

— Спасибо, — кивнул Джон-Том Перестраховщику. — Привет, Виджи! Давненько не видались.

— Я бы предпочла, чтобы мы избавились от этой привычки уединяться по очереди, — улыбнулась Виджи.

— Чертовски умно, — поглядев поверх голов друзей на реку, заметил Джон-Том. — Я и сам решил, что вы пытаетесь проскользнуть мимо них.

— Признаться, — потупилась выдра, — у нас по этому поводу вышла довольно бурная сцена. Мне стыдно, но я пыталась отговорить Маджа выручать тебя.

— Забудь об этом. Я знаю, как работают мозги выдр — однажды полсвета обошел с дюжиной твоих соплеменников. Раз уж я выжил в тех условиях, то можно считать меня почти неуязвимым.

— Для человека ты просто душка!

К ним присоединился отдувающийся Мадж, задержавшийся, чтобы добить незадачливого рыся.

— Угу, пыталась отговорить Маджа спасать приятеля, вот так, но я и не думал оставлять тебя на милость ласкового Сашима и его пернатого босса. Раз я до сего дня отверг массу возможностей предоставить тебя давно заслуженной участи, то решил продолжить в том же духе.

— Вы тут все чокнутые. Безумие выдр общеизвестно, но чтобы человек... — Перестраховщик скорбно покачал головой.

— Я просто надышался их духом. — Джон-Том похлопал Маджа по плечу и кивнул в сторону реки. — Что теперь? Они почти настигли лодку.

— И просто выйдут из себя, когда вместо нас найдут там крокодила.

— Мы думали, что, потратив стока сил, они заслуживают найти хоть кого-то, — беспечно пояснил Мадж.

— Но вернувшись сюда и найдя эту четверку, — указал Джон-Том на тела стражников, — они будут вне себя. Лучше нам не дожидаться этого.

— Согласен. — Енот указал в сторону заводи. — Украсть корабль не успеваем. Слишком долго ставить паруса, а на палубе могут быть часовые. Пираты решат, что мы попытаемся добраться до ближайшего селения — это моя деревня. Так что идем в другую сторону, на юг, и очень скоро они махнут рукой и забудут нас.

— На юг? А что тут к югу?

— Поблизости — ничего. А подалее — кто ведает? Может, еще деревня. Может, найдем там согласного продать лодку. Может, просто одолжим. Но возвращаться к нам нельзя. Там они проверят первым делом, уж будьте покойны. Камалк — птица сообразительная. Заодно я думаю, лис теперь жутко разъярен из-за меня. Так что я бы пристроился к вам, если вы не против. — Он ткнул большим пальцем в сторону Маджа. — Этот выдр, он говорит, вы пытаетесь попасть в Чеджиджи. Я слыхал об том городе от других путешественников, уж будьте покойны.

Всегда стремился туда, но повода не было. Теперь-то есть, ей-богу! Надо уносить свой зад со сковородки.

— Ты действительно считаешь, что они через какое-то время откажутся от погони? Я не знаю этого Камалка, хоть он и смахивает на своего не стоящего упоминания братца, но Сашим остался в дураках уже во второй раз и вряд ли рад этому.

— Его радость роли не играет. Не он там заправляет. Пираты неплохо знают океан, а я, — енот похлопал себя по серой мохнатой груди, — мне то есть, неплохо известны болота. Земля здесь, — он показал на лес, — выше и суше. Мы намного их опережаем, а в почве достаточно влаги, чтобы залить наши следы. Ежели они собираются преследовать Перестраховщика болотом, пусть ищут следопытов куда более опытных, чем я.

Мадж затрусил следом за енотом.

— Верняк. А ежели мы от них оторвемся, тада че? Не чесать же до этого клепаного Чеджиджи пешком?

— Говорю же, мы найдем лодку. Ежели нет, сделаем.

— Мы можем и одолжить ее, как ты сказал.

Говоря это, Джон-Том смотрел на Маджа, но ответ его ошарашил.

— Не-а. Теперь это не по моей части, приятель. Я завязал, вот так.

— С чего бы это? Неужто рысь съездил рукояткой сабли тебе по черепу?

— Это не совсем по моей инициативе, — чуточку смущенно признался Мадж. Джон-Том пристально посмотрел на Виджи, но та, избегая его взгляда, продолжала решительно всматриваться вперед. — И не окончательно, но я всерьез об этом подумываю.

Тут вмешался Перестраховщик и сказал, чтоб они не тратили силы на пустые разговоры, потому что до рассвета надо уйти от разъяренных преследователей как можно дальше. При смутном свете луны енот быстро и безошибочно выбирал в густом лесу самые надежные и прямые тропы. Но им на выручку пришло не только хорошее знание Перестраховщиком здешних мест. Проспавшие весь день Джон-Том и его товарищи на славу отдохнули, а пираты не выспались, да еще пьянствовали вечером. Дальше ста ярдов в лес они не сунутся.

Но Виджи дневным отдыхом похвастаться не могла, и когда даже ее безграничные силы подошли к концу, они задержались ровно на столько, чтобы соорудить из ветвей и лиан носилки. Теперь Джон-Том и Мадж несли Виджи, а Перестраховщик по-прежнему прокладывал путь сквозь густые заросли.

Джон-Тому пришло в голову, что Камалк может и впрямь отказаться от погони — этот попугай чересчур практичен. Будь здесь Корробок, он загнал бы своих подчиненных до полного изнеможения.

Но рассчитывать на разум пиратского капитана все же не стоило, и друзья шли почти до самого рассвета. К тому времени Джон-Том и Мадж вымотались настолько, что уже не могли бежать. С общего согласия Перестраховщик объявил привал, и через несколько минут все спали.

«Мы ушли от них, погружаясь в забытье», — вяло раздумывал Джон-Том. Во сне перед его глазами то и дело появлялись два попугая: у одного не хватало ноги и глаза, а второй махал забинтованным крылом.

Вздохнув, Джон-Том перевернулся с боку на бок, пытаясь устроиться на сырой земле поудобнее, и пробормотал:

— Хорошо еще, у Камалка ранено крыло, так что он не смог полететь к лодке и увидеть, что там никого. Повезло нам.

— Повезло моим ягодицам, — фыркнула Виджи. — Когда они только-только связали меня и подвесили на дереве, он приковылял, чтобы осмотреть добычу. Так сказать, инспекция товара для определения стоимости. Он несколько забылся, и тут уж от него только перья полетели.

Темный силуэт рядом с ней негромко посвистывал — Мадж уже крепко спал.

— Понимаю. Ты укусила его, потому что он к тебе полез?

— Да нет, черт возьми! Я укусила его, потому что он оскорбил меня — этот змеев сын недооценил меня минимум на пятьдесят золотых, зеленая какашка в перьях!

— А-а.

Юноша снова прикрыл глаза, чувствуя, что быстро засыпает. На грудь ему лег листок или что-то вроде того.

Джон-Том мгновенно поднял голову. Из темноты на него таращились два желтых глаза с черными расщелинами зрачков. Мелкая тварь наподобие ящерки высунула язык — не в насмешку, а просто от любопытства, — и Джон-Том вскрикнул. В ней было не более шести дюймов, так что он тут же заглушил вырвавшийся от неожиданности вопль.

Тварь тут же взмыла в воздух. Вместо лапок у нее было четыре миниатюрных пропеллера. В шести футах от его груди она остановилась, зависнув в воздухе, как нечто среднее между колибри и игрушечным вертолетом. Среди деревьев порхало еще около дюжины ярко окрашенных насекомоядных ящериц.

Крик разбудил остальных. Моргая покрасневшими глазами, они уставились на стайку рептилий-вертолетиков, круживших над болотом. У каждой на боках виднелись светящиеся полоски.

Габаритные огни, усмехнулся Джон-Том.

Мадж и Виджи тоже видели таких ящериц впервые. Перестраховщик был потрясен невежеством спутников.

— Это вертунчики. Безобидные и очень вкусные.

Мадж хлопнул по вертунчику, спикировавшему на его морду, спутав усы выдра с червями. Джон-Том тут же с востор-

гом отметил, что ящерки с легкостью летают и вперед, и назад. При попытке протянуть к ним руку они резко отлетали, оставаясь чуть дальше пределов досягаемости. Плоские хвосты служили рулями.

Он так и уснул с жужжавшим над ухом любопытным вертунчиком.

Перестраховщик пробудился первым, когда солнце стояло уже высоко. Пиратов не было ни слышно, ни видно, так что путники задержались еще немного, чтобы быстро перекусить. Мангровые и кипарисовые заросли постепенно сменялись растительностью, предпочитающей сухую почву, — мелкими хвойными деревьями и голубыми магнолиями. Были здесь и деревья, покрытые серебристыми цветами, которые от прикосновения начинали вибрировать. Мадж заявил, что это отдаленная родня колокольных деревьев — только здешние не звенели, а гудели.

— Как мне и думалось, нашим друзьям неведомы здешние края. Они предпочитают грабеж на море. Мне сдается, с нами теперь все ладно. Стало быть, скоро мы найдем следующую деревню и наймем лодку.

— Теперь ты, наверно, можешь вернуться, — сказал еноту Джон-Том.

— Уж лучше я пойду с вами, ежели вы не против. Большая часть наших довольна болотами и плевать хотела на остальной свет. А я завсегда хотел поглядеть другие края.

— Тада держись за этого голозадого. — Мадж кивнул в сторону своего высокого друга. — Увидишь больше, чем хочешь. Знаю наверняка, потому как таскался за ним туда да сюда и никогда не мог сам выбрать маршрут.

Они прошагали весь день, но и утром следующего не обнаружили никаких признаков близости жилья. Пока не требовалось пробираться через грязь, ил и сплетающиеся лианы, Джон-Тома пеший поход не смущал — на твердой почве его длинные ноги позволяли ему держаться наравне со своими более энергичными товарищами.

Как-то раз Мадж бросил на спину Джон-Тому длинный кусок лианы и перепугал до смерти, так как юноша решил, что это змея. Виджи тут же встала на защиту человека, заявив, что подобные детские шуточки Маджу не к лицу. Хоть она и была выдрой от макушки до пят, но выдрой куда более зрелой и здравой, чем большинство сородичей. Неудивительно, что Мадж поддался ее чарам.

Около полудня они пересекали мелкую бухту, когда Перестраховщик вдруг предостерегающе поднял лапу, глядя в лес на другом берегу и усиленно принюхиваясь.

— Родня, враги или кто? — насторожился Мадж.

— Огонь. Что-то горит. Что-то большое.

Джон-Том огляделся. Деревьев вокруг почти не было.

— Переживать нечего. Даже если огонь идет в нашу сторону, лучшего укрытия нам не найти. Тут нечему гореть.

— Может, оно и так, человек, — покачал головой Перестраховщик, — но в наших местах ходят слухи, что здешний народ вытворяет с огнем забавные штуки.

Виджи с сомнением всматривалась в лес.

— Странно, что нет никакого дыма.

Послышался отдаленный гул. Глаза Перестраховщика расширились, он повернул направо и отчаянно зашлепал вниз по течению.

— Бегом! Сюда, быстро, уж будьте покойны!

Джон-Том устремился следом, толком не понимая, в чем дело.

— В чем дело? Мы посреди воды, и здесь абсолютно безопасно. Зачем бежать?

— Крадуны жгут воду!

— Бред! Зачем жечь воду, даже если это возможно? — Джон-Том оступился и едва удержался на ногах.

— Прислушайся, человек!

Действительно, гул становился все громче. Енот свернул к ближнему берегу, но до него было еще далеко.

Вот теперь стал виден и дым — но прозрачному голубому дымку предшествовал невероятный шум и волнение воды. В надвигающемся вале можно было различить отдельные фигуры — и волосы на голове у Джон-Тома встали дыбом.

Вода действительно пылала — хотя горела ли она сама, или какая-то разлитая по ее поверхности жидкость, сказать было трудно. А впереди летело обезумевшее стадо поистине эпических масштабов, состоявшее из аллигаторов, крокодилов, гавиалов и прочих зубастых обитателей мелководья. Сотни рептилий мчались в сторону моря. Нескольким удалось выскочить на берег, но большинство продолжало отчаянную гонку вниз по течению.

— Они, крадуны то есть, ловят их ради мяса и шкур. А так они их гонят, уж будьте покойны!

Перестраховщик хотел продолжить, но не успел, взмыв вместе с тремя товарищами к небесам. Болтаясь в ловчей сети, они увидели промчавшийся внизу поток обезумевших рептилий. Вокруг были развешаны сети, в которых отчаянно извивались крокодильи клубки.

— Слезь с моей башки, милашка, — орал Мадж.

— Да я вовсе не у тебя на башке, черт побери!

— Я пытаюсь вынуть свой нож. Ежели мы сможем разрезать сеть до прихода ее клепаных владельцев...

— Слишком поздно, — перебил его Перестраховщик.

Из угасающих языков пламени вынырнула дюжина туземцев — крадунов, как назвал их енот. По большей части это были крысы и мангусты футов четырех ростом. На них не было ника-

кой одежды, даже столь легкой, как у болотного народца, зато шерсть была разукрашена длинными мазками лазури и охры. Лбы были повязаны полосками ткани с кусочками крокодиловой кожи и перьями, короткие хвосты тоже украшали пучки перьев. Основным оружием служили копья, хотя некоторые туземцы держали небольшие мачете. Речь была совершенно невразумительна, и только Перестраховщик ее понимал.

— Язык вырожденцев. Они, это племя то есть, очень дикие.

— По облаве этого не скажешь, — проворчал Мадж.

— Они решают, что с нами делать.

Самый рослый мангуст приказал освободить пленников. Кто-то дернул за потайную веревку, и четверо путешественников кувырком полетели в мелкую воду. Джон-Том попытался выставить посох, но крадуны опередили его, пригрозив довольно впечатляющим копьем. Друзьям связали руки, обезоружили и повели в лес. Мадж и Виджи по пути состязались в том, кто придумает самое многоэтажное оскорбление в адрес туземцев.

Огромный рост Джон-Тома произвел на дикарей впечатление, но благоговения не вызвал. Со всех сторон десятки крадунов забивали выловленных крокодилов, превратив берега в натуральную бойню: они резали, спускали кровь и свежевали, работая быстро и ловко. Джон-Том мысленно возблагодарил небо, что у него кожа чересчур тонка, чтобы представлять интерес.

— Что они хотят с нами сделать?

В голосе Виджи звучала лишь озабоченность; повода паниковать пока что не было.

— Не ведаю. Мы стараемся держаться подальше от этих мест, мои дружки и я то есть. Они говорят о еде.

— Это не вдохновляет, — буркнул Мадж.

— Когда они отвернутся, надо попробовать вырваться, — предложил Джон-Том.

— Это со связанными-то руками? — Виджи одарила его такой улыбкой, будто он малолетний дебил. — Погляди, как они управляются с ножами! Я уверена, что с копьями — ничуть не хуже. Мы не пробежим и двадцати шагов.

Река осталась далеко позади, теперь они пробирались через кусты. Попутчиков Джон-Тома это ничуть не беспокоило, а вот его то и дело царапали иглы и попадающиеся по дороге шипы.

К вечеру их привели в деревню. Здешние строения не отличались архитектурной изысканностью родины Перестраховщика, зато выглядели куда опрятнее.

На пожилом мангусте, вышедшем из самой большой хижины поприветствовать охотников, был надет чрезвычайно замысловатый головной убор. Джон-Том с удовольствием расхохотался бы над нелепым видом вождя и сопровождающих его норок, если бы морда крадуна не говорила о том, что этот тип, не раздумывая, прикажет изрубить пленников в капусту, начиная с ног и

понемногу продвигаясь кверху. Это не игра, и тут уж не до шуток.

Старший охотник мангуст приблизился к вождю, старейшине, премьер-министру — или как там звали местного босса — и заговорил. Перестраховщик насторожил уши, пытаясь разобрать слова.

— Они решают, боги мы или нет, и как нас лучше почтить, правда? — саркастически заметила Виджи.

— Боюсь, нет. Сдается мне, они решают, кто из нас вкуснее. — Он глянул на Джон-Тома. — Сдается, удача улыбнется тебе, Джон-Том, поскольку на твоих костях больше мяса.

— Они не могут так поступить, я отказываюсь быть съеденным. Не для того я целый год сражался с пертурбаторами, чародеями, демонами и пиратами, чтобы найти бесславный конец в кастрюле!

— Можешь сказать им об этом, но не думаю, что они расчувствуются. — Енот пожал плечами.

Джон-Том напрягся, когда острые наконечники копий приблизились к нему, и не выдержал:

— Да поговори же с ними, черт подери! Скажи, что я могучий волшебник. Растолкуй им, кто такой чаропевец.

— Попробую, но ты особо не обольщайся. — Перестраховщик сделал шаг вперед.

Главный охотник и вождь повернулись к нему, и енот заговорил — хоть и не без труда, запинаясь, но вполне сносно. Судя по выражению морд туземцев, Перестраховщик изъяснялся понятным для них языком.

Когда енот закончил речь, наступило недолгое молчание. Потом вождь, оттолкнув Перестраховщика, вышел вперед и оглядел Джон-Тома с новым интересом. Самый рослый из соотечественников, он едва доставал человеку до пояса. Ощутив, что вождь тычет ему пальцем в живот, Джон-Том изо всех сил постарался не отшатнуться.

Вождь повернул голову и через плечо бросил Перестраховщику несколько слов. Тот сглотнул и перевел:

— Он, вождь то есть, говорит, что ты, наверно, очень сладкий, но он не хочет есть колдуна. Он хочет знать, какое волшебство ты можешь сотворить.

— Скажи ему, что я могу выполнить сокровенную мечту всех жителей деревни, дать им то, чего они хотят больше всего на свете.

Мадж только рот разинул.

— Ты что, приятель, совсем с катушек слетел? Это офигенно трудное дело даже для дуары, не говоря уж об этой лире недоношенной, на которой ты бренчишь теперь.

— Не волнуйся, Мадж, я знаю, что говорю. Перестраховщик, переводи.

Перестраховщик перевел дух и изложил ответ. Глаза мангуста полезли на лоб. Он отступил от человека на пару шагов и что-то сказал.

— Ежели ты это сделаешь, то он будет в полном потрясении, уж будьте покойны. Для всего племени?

— Для всего племени, — эхом откликнулся Джон-Том, глядя на вождя в упор.

На этот раз Перестраховщику даже не пришлось переводить — вождь понял ответ по тону и выражению лица Джон-Тома. Главный крадун снова что-то застрекотал, а Перестраховщик напряженно прислушался.

— Вождь велит, чтоб ты попытался, и ежели это окажется правдой, он не видит повода держать тебя здесь. Говорит, хочет знать, как ты выведаешь, кто чего хочет больше всего на свете.

— Скажи, им надо только думать об этом, а я буду знать.

Это заявление вызвало среди охотников и остальных свидетелей разговора большое оживление. Все население деревни сгрудилось вокруг пленников, подняв невероятный гвалт. Вождь вскинул обе лапы, призывая всех к молчанию, потом уселся перед Джон-Томом, скрестив короткие ноги, и бросил Перестраховщику куцую фразу.

— Вождь говорит, валяй.

— Для волшебства мне нужен мой инструмент, мой суар.

Едва енот перевел это, как один из охотников вручил суар человеку, сперва проверив, не спрятан ли внутри деки нож или какое другое оружие.

Пока Джон-Том настраивал суар, Мадж подошел к нему поближе.

— Не знаю, что ты замыслил, кореш, но этот номер не пройдет. Без дуары тебе даже на хлеб на заработать, так что не гарантируй даже одному из этих очаровательных парнишек, чего он хочет больше всего на свете, не говоря уж обо всей банде.

— Разумеется, я не смогу. Неужели ты считаешь, что я такой дурак?

— Во-во, как раз собираюсь проверить.

— Я просто хочу заставить их зациклиться на какой-то одной мысли — о чем угодно. Если все поголовно сосредоточатся на своих сокровенных мечтах, я попытаюсь погрузить их в грезы. Помнишь, как мы усыпили экипаж Корробока? Вряд ли мне это удастся сейчас, особенно без дуары, — они слишком востроглазы и бдительны. Но погрузить их в гипнотический транс я смогу — ведь полдела они сделают сами, сосредоточившись на одной мысли. А пока туземцы будут покачиваться из стороны в сторону с идиотскими ухмылками на счастливых физиономиях, мы будем уже чертовски далеко отсюда.

— Нет ничего лучше, но ежели этот номер не пройдет, они будут очень раздосадованы на нас. Ваще-то они и так не пригласили нас повеселиться с ними вместе, — буркнул Мадж и отошел прочь.

— Что он собирается делать? — поинтересовалась Виджи.

— Парализовать их изысканной красой своего голоса, любашка.

— Вели им сосредоточиться на том, чего им хочется, — сказал Джон-Том Перестраховщику. — Чтобы волшебство получилось, они должны думать только об этом и больше ни о чем. Надо отключиться от других мыслей. Я хочу, чтобы они думали изо всех сил.

Енот кивнул и перевел это вождю и всем собравшимся по соседству, а те распространили весть среди жителей деревни. Некоторые закрыли глаза, чтобы сосредоточиться получше, а остальные выжидательно уставились на Джон-Тома. Ах, если бы они были настолько же доброжелательны, насколько внимательны, подумал юноша.

Выбрав песню заранее, он ударил по струнам. Почти тотчас же над головами туземцев сгустилось слабо засветившееся зеленое облако. Столь быстрое проявление истинной магии вызвало шепот, исполненный благоговейного удивления.

К несчастью, это впечатляющее зрелище отвлекло крадунов. Джон-Том велел Перестраховщику напомнить, что не надо обращать внимания на такие вещи, или никто ничего не получит. Зато облако убедило сомневающихся, и теперь все сосредоточились что было мочи.

Во время песни появилось несколько гничиев — намного меньше, чем привлекала дуара, но достаточно, чтобы доказать, что волшебство свершается. Однако вели они себя как-то странно. Вместо того чтобы пикировать и взмывать по знакомым траекториям, они носились в воздухе короткими рывками. Двое даже ударились о землю, отскочили от нее и полетели прочь, вихляясь, будто пьяные.

Он не представлял, что означает это хаотичное движение, но времени на размышления не было. Главное, чтобы племя продолжало думать. Они начали погружаться в грезы, понемногу утрачивая контакт с реальностью, и вдруг в ноздри ударило зловоние. Странно, но его чаропение часто приводило к неожиданным побочным эффектам. Джон-Том заметил, что его товарищи тоже ощутили запах.

— Черт, что за дерьмовый аромат?

Сидевшая рядом Виджи зажала нос обеими лапами.

— Джон-Том, запах просто ужасен!

Так оно и было, но он боялся прервать пение и игру. Жуткая вонь распространялась и усиливалась.

Перестраховщик попятился на несколько шагов, кивая на ближайших туземцев:

— По-моему, разит от них.

В самом деле, крадуны все до единого — от вождя до грудных детишек — внезапно обрели совершенно непереносимый запах, но при этом вовсе не были загипнотизированы. Один за другим они открывали глаза и начинали обсуждать жуткие миазмы, источаемые их мехом. Сосед отшатывался от соседа, и воздух наполнил возмущенный ропот отвращения.

— Все ясно, — сказал Мадж, едва удерживая рвущийся наружу завтрак. — Ежели и были какие сомнения насчет нашей участи, то теперь все подтвердилось.

Джон-Том продолжал играть до тех пор, пока не стало ясно, что желаемого результата он не добьется.

— Не понимаю. Я сыграл безупречно, и слова были подходящие.

— Должно быть, дело в твоем прозношении, приятель, а можа, это оттого, что вместо дуары у тебя суар. Ты пел о вечной отраде, а они теперь пребудут в вечном смраде.

— Придется попробовать еще разок.

Не успел он это сказать, как пара охотников направилась к нему, гневно потрясая своими усеченными мачете.

— Перестраховщик, скажи им, что все будет в порядке, скажи, что я допустил ошибку, но все исправлю. Скажи же, и побыстрей!

Енот перевел. Охотники заколебались, угрожающе поглядели на человека, но вернулись на свои места. Джон-Том снова запел. Запах усложнял дело, но выбора у него не было. Зеленое облако засветилось снова. Ни у кого из зрителей не осталось и тени сомнения, что перед ними волшебник; вот только само волшебство их не очень устраивало.

Джон-Том старался изо всех сил, сосредоточившись на дикции, отчетливо выговаривая каждый слог. Снова песня дала результат, но снова не совсем тот, к которому стремился певец.

— Потрясно, кореш, — провозгласил Мадж, глазея на крадунов. — Теперь они наши друзья навек!

Аромат не исчез. Но теперь племя не только распространяло запах похуже, чем заброшенная станция очистки фекальных вод. Вторая песня внесла в их внешность еще один корректив: все туземцы, независимо от роду-племени и пола, приобрели шокирующую розовую окраску.

— Ты не смог погрузить их в отрадные грезы, — прокомментировала Виджи, — зато сделал смрадными и розовыми.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Джон-Том. — Обе песни звучали правильно.

— Лично я бы не пытался объяснять им это, парень. Нет, разозлить их еще больше тебе не грозит. Говори что хочешь, тока не ляпни, что не можешь превратить их обратно, а то они нас зажарят без масла и соли.

— Усек. — Джон-Том повернулся к еноту. — Скажи вождю,

что волшебство с первого раза не всегда работает как надо. Я прошу прощения за неприятные результаты, но после отдыха все поправлю. Когда происходит подобное чудо, надо немного обождать, чтобы не сделать еще хуже.

Ни вождь, ни его советники явно ни в грош не ставили такое объяснение, но выбора у них не было — и они, и Джон-Том понимали это. Мангуст выкрикнул приказ. Отряд разъяренных ярко раскрашенных и крайне пахучих охотников тут же погнал Джон-Тома с друзьями в конец деревни — прямиком в большую крепкую деревянную клетку. Она была подвешена на тросе из лиан к ветке высокого дерева. Пока их поднимали, пленники беспомощно перекатывались из стороны в сторону. Наконец клетка зависла футах в двадцати над землей. Поглядев вниз через решетчатое дно, они увидели туземцев, тыкавших в их сторону оружием и пальцами.

— Меня это не смущает, — заявил Мадж, — но я бы предпочел, чтоб они стояли подальше. Они жутко воняют, а уж выглядят еще того чище.

Виджи тут же зажала ему рот лапой.

— Только не смейся, милый, не смейся ни в коем случае. Не забывай: чтобы поправить дело, достаточно одного Джон-Тома, а остальных можно пустить в расход. Они этого еще не сообразили, так не давай им повода подумать об этом.

Он кивнул, и она убрала лапу.

— Надо было укусить тебя за пальцы, любка, но ты права. — Он присел на решетчатый пол клетки. — Ну что, чаропевец, как будем выпутываться на этот раз?

Джон-Том вжался в угол и погрузился в раздумья.

— Я-то думал, что как раз этим и занят. — Он уставился на суар, словно пытался одной силой желания пополнить его еще одним набором струн и более чуткими регуляторами. — Эх, был бы здесь Клотагорб!

— Чего-чего? Мы теряем уверенность в своих силах, а?

— Эй, дай роздых! По крайней мере, сейчас они не могут насадить нас на вертел. Может, волшебство получилось несколько нешаблонное, зато дало нам возможность отдышаться.

— Не самое удачное определение, Джон-Том.

Виджи обмотала нос изящным кружевным платочком.

— В толк не возьму, чего вы тут ноете! Я в свое время нюхивал и похуже.

— Ничуть не сомневаюсь, — отмахнулась она, — судя по описанию притонов, из которых Джон-Том в свое время выволакивал тебя.

— Чего-чего?! — Мадж одарил своего долговязого друга уничтожающим взглядом. — Стоило мне отвернуться на минутку, как ты тут же чтой-то набрехал?

— Только правду.

— Правду?! — всплеснул лапами выдр. — Ты что, парень, совсем, что ли, сдурел, если говоришь правду дамам?

— В каком это смысле?! — вспыхнула Виджи, и у них с Маджем завязалась бурная перепалка — не такой уж плохой способ отвлечься от мыслей о нависшей угрозе.

Перестраховщик сел и занялся чисткой когтей. Джон-Том с завистью смотрел на друзей, умеющих вовремя расслабиться.

Но что хуже всего — Джон-Том поймал себя на том, что гадает, каков он на вкус.

Глава 8

На следующее утро им дали поесть и попить, а к вечеру туземцы, судя по всему, решили, как поступить со своими незваными гостями. Полдюжины охотников начали потихоньку стравливать канат, и клетка со скрипом стала опускаться. Джон-Том вцепился в решетку и поглядел вниз.

— Думай побыстрей, приятель. Кажется, они решили, что твое волшебство вполне отдохнуло.

— Я скажу им, что надо обождать. Мне нужно еще немного времени на подзарядку аккумуляторов.

— И не рассчитывай! Погляди на их рожи — ежели твои аккумуляторы еще не зарядились, они их просто вытащат, сдается мне.

— Может, они блефуют? — предположила Виджи. — Если они убьют тебя, то некому будет вернуть им нормальный цвет и запах.

— Ежели это ничейная ситуация, чего ж они нас спускают? Верняк, что не для приятельской беседы, а оказаться на обеде я не рвусь.

— Приготовьтесь. — Перестраховщик вглядывался в лес. — Может, придется податься в бега, уж будьте покойны.

«Податься в бега... Это больше подходит киношным ковбоям — перестрелка в ущелье, осажденное ранчо и все такое. А я чаропевец. Чаропевцы не убегают. Но и не позволяют себя съесть, — в бессильном бешенстве думал Джон-Том. — Быть может, удастся как-нибудь загнать этих дикарей в угол?»

Но оказалось, что их конвоируют отнюдь не на кухню — хотя при виде встречающих Джон-Тому пришло в голову, что лучше уж было бы отправиться туда.

— Ну и ну, какая радостная встреча! — воскликнул Камалк. — Ваш поспешный уход наводит на мысль, что вы ни в грош не ставите наше гостеприимство.

При виде пиратского капитана, Сашима и прочих членов

кровожадной банды Джон-Том совсем упал духом. Убежать от попугая куда труднее, чем от суеверных дикарей.

— И как же вы нас нашли?

— Когда вы покинули наше общество, мы быстренько разослали весть по всему побережью. Деньги развязывают язык, долговязый. Гонец этого племени услыхал о предложенном нами вознаграждении. Мы поспешили сюда, как только получили весть. Мы с вождем уже уладили вопрос о цене — похоже, ему не терпится сбыть вас с рук. По-моему, он больше не верит в твое чаропение. Сашим, не будешь ли ты любезен освободить нашего друга от ноши?

— С удовольствием, сэр!

Старший помощник и пара других пиратов проворно изъяли у Джон-Тома и его друзей оружие, заплечные мешки, суар и все, что могло бы пригодиться.

— И что вы намерены с нами делать? — Задавая этот вопрос, Виджи гордо выпрямилась, хотя в отношении ее ответ был ясен заранее.

— А, еще не решил. Вот мой единогнездный братец — тот бы не колебался: не сходя с места выпустил бы вам кишки, и все тут. Будучи по натуре менее расточительным, я пока не решил, продать вас где-нибудь с выгодой или оставить ради ублажения иных, не столь деловых устремлений. Но, могу вас заверить, как только я остановлю свой выбор на чем-то определенном, вы будете уведомлены в первую очередь.

— Если вы заберете меня отсюда, я не смогу вернуть туземцам нормальный облик.

— Ты не очень-то внимателен, чаропевец, — хмыкнул Камалк. — Мы с вождем уже обсудили вызванную тобой небольшую проблемку. Их цвет уже приходит в норму, а вместе с ним и запах. Присмотрись и принюхайся.

Пират был прав: розовый цвет уже сменялся коричнево-черным, а концентрированный канализационный аромат стал менее отвратительным. Джон-Том потупился.

— Заклятие улетучивается. Когда я играл на дуаре, такого не случалось.

— Ты должен быть благодарен, — во весь рот ухмыльнулся Сашим. — На этот раз мы пришли тебе на выручку.

Остальные пираты сочли эту колкость невероятно забавной.

— А можа, я предпочел бы сковородку, — проворчал Мадж.

— Ну-ну, не такой уж я изверг. — Камалк потер глаза. — Я наверняка кончу тем, что продам вас, хотя и не всех, пожалуй. Видите ли, присутствующий здесь Сашим проникся к вам искренней симпатией и хотел бы сохранить сувенир в память о ваших многочисленных встречах. Я еще не решил, какую часть каждого из вас позволю ему оставить — это зависит от вашего

поведения с настоящего момента и до дня продажи. Помните об этом и выкиньте мысли о бегстве из головы.

— На восточном побережье Глиттергейста евнухи в цене, — пробуя пальцем лезвие ножа, сообщил леопард.

— Определенно, лучше уж прямо на сковородку, — жалобно сказал Мадж.

Их вывели из деревни цепочкой, меж двух шеренг урчавших и потрясавших оружием охотников. Но затем пираты направились не на север, а на восток.

— Ведут к морю. Где-то у берега ждет корабль, уж будьте покойны. — Перестраховщик принюхался. — Говорю же, пиратский народ держится моря. По-моему, идти нам порядком. Скоро ночь.

Он многозначительно посмотрел на Джон-Тома. Намек был достаточно прозрачен: вопреки угрозам Камалка надо попытаться бежать прежде, чем пираты отведут их на корабль. Оказавшись в открытом море, старпом выложит капитану все доводы в пользу того, как опасно оставлять пленников в живых, а то и попотчует его преувеличенным описанием способностей Джон-Тома, да и вообще сделает все возможное, лишь бы настоять, что безопаснее убить юношу и его друзей, чем пытаться обменять их на золото. Разумеется, за исключением Виджи.

Они продолжали путь и в сумерках, пока вооруженный протазаном смуглый поджарый койот не разразился проклятиями, споткнувшись в темноте о корень и расквасив нос.

— Пора остановиться, кэп, — сказал он, отряхивая свой пестрый красно-зеленый костюм. — Парням не по нраву рыскать впотьмах в поисках берега.

Команда одобрительно зароптала:

— Так точно, сэр, мы на пределе.

— День был трудный, мы немало отмахали пехом. Я за то, чтобы сделать привал.

— Чушь! — обрушился на них Сашим и ткнул пальцем вверх. — Луна светит ярче некуда.

— Лучше заночуем здесь, а утром наверстаем, — упрямо твердил койот. — Никто не знает, на что напорешься в чужом лесу среди ночи, да еще в неведомом краю.

— Неужели ты испугался простачков, от которых мы ушли? — Леопард издал горловое рычание.

— Старпом, я не боюсь ничего на свете. — Койот сплюнул на землю. — Мы просто ноги отбили, и все тут. Я сам не свой от желания скорей вернуться на борт чего-нибудь плавучего, но даже фанатикам нужно спать. Теперь мы заполучили то, за чем пришли, и смысла пороть горячку я не вижу. Никуда они не денутся.

Камалк предостерегающе положил крыло на плечо заместителя.

— Признаться, я и сам устал. Что-то измотался за последние

дни, ах-ха. Неплохое местечко для ночлега — сухо, прохладно. Даже доберись мы до берега, все равно пришлось бы провести ночь на песке, а уж потом плыть домой: течения у этих берегов коварные, и мне не хотелось бы среди ночи отдаваться на волю волн. Пусть команда поспит.

Капитан умен, подумал Джон-Том, и опасен этим, куда опаснее вспыльчивого, импульсивного Корробока. Этот умеет прислушиваться к своим людям и настраивать их друг против друга.

Сашим выставил многочисленные посты вокруг пленников и по периметру бивака — на случай, если крадуны вдруг решат, что их надули, и вернутся за своей недавней собственностью. Приставленный к пленникам толстый изукрашенный шрамами бобер злобно глазел на чародея, из-за которого лишился сна, когда все товарищи давно дрыхнут.

Джон-Том с Маджем сблизили головы и начали перешептываться, но все-таки дальнейшие события предопределило решение Виджи. Она вдруг села и плюнула на обоих. Они удивленно отпрянули друг от друга.

— Я сыта вами по горло!

— Милашка, да что с тобой? Мы своей башкой рискуем, чтоб спасти тебя от этих ублюдков, а ты из-за того, что все пошло наперекосяк, не как запланировано...

— Задница твоя запланирована! Вы не планируете, а пикируете, вы, насмешка природы! Вы не в силах справиться с непредвиденными обстоятельствами. Просто счастье, что мои «спасители» оказались троицей самых больших болванов по эту сторону Снаркена.

— А теперь послушай меня, ты, щетконосая сучка! — вскинулся Мадж.

— Да как ты, дремучая башка, смеешь обзывать *меня*? Мне больше дела нет до тебя и твоего жидкоголового недоросля! Вы не годитесь ни на роль спасителей, ни на что другое. У этой банды, — она дернула головой в сторону спящих пиратов, — по крайней мере, кишка не тонка. Возьмем хоть его. — Последовал кивок в сторону часового. — С первого же взгляда ясно, что он чересчур умен, чтобы вляпаться в такую историю. Мужики вроде него не пропадут. Они знают, что к чему, и могут о себе позаботиться.

Бобер делал вид, что его это представление не касается, но все-таки втянул живот и развернул плечи.

— Настоящий мужик с достоинством выйдет из любой ситуации, даже самой щекотливой, и не навлечет на себя кучу бед. Не так ли? — Она состроила бобру глазки, но тот сделал вид, что не заметил. Виджи начала очень соблазнительно извиваться. — У меня так давно не было хорошего любовника, что уж я и не помню толком, на что это похоже.

Бобер сглотнул, искоса одним глазом наблюдая за ее телодвижениями.

— Как ты посмотришь, — ворковала Виджи, — если мы с тобой ускользнем на несколько минут и покажем этим сосункам, чем настоящий мужчина занимается с женщиной? Вот там есть пара отличных густых кустиков.

Она стрельнула глазами направо.

— Я... Мне нельзя, — кусая губы, заявил сторож. — Если я покину пост, Сашим отрежет мне язык.

— Да ты его и не покинешь. Ведь твое дело — присматривать за нами, не так ли? Эти бесполезные кастраты надежно связаны. Кстати, и я тоже. Ай, да я же не смогу тебе помешать сделать со мной что только в голову взбредет. А ты будешь за мной присматривать, не так ли? Кроме всего прочего.

Сторож обернулся, разглядывая Джон-Тома, Маджа и Перестраховщика.

— Они могут удрать.

— А почему бы тебе не связать их за шеи? — весело предложила Виджи. — Тогда при попытке бегства они просто удушат друг друга. А если споткнутся и упадут, два других сломают шею третьему — впрочем, невелика потеря. И потом, мы ведь будем в нескольких футах отсюда.

— А откуда я знаю, что тебе можно доверять?

— Ну что может сделать такое слабое существо, как я, да еще связанное с головы до ног?

Искушение было чересчур велико. Сняв с пояса бухту толстого троса, бобер быстро связал троих пленников за шеи, настолько крепко, что пенька больно врезалась Джон-Тому в горло. Потом сторож подхватил Виджи под мышки и поволок ее в кусты. Мадж почти свернул себе шею, чтобы повернуться к Джон-Тому лицом.

— Приятель, давай поговорим!

— О чем? — Джон-Том смотрел мимо друга, на кусты, куда бобер уволок Виджи.

— О чем угодно, — выдавил Мадж, — тока бы говорить!

И они затеяли разговор, стараясь не слышать доносящийся из зарослей шум, пока Виджи не вынырнула оттуда. Одежда ее была в большем беспорядке, чем обычно, а запястья по-прежнему связаны за спиной, но выдра, сложившись пополам, быстро обработала путы своими острыми зубами.

— Как ты от него вырвалась? — спросил Джон-Том, потому что Мадж лишился голоса.

— Позволив ему делать, что он хочет, я выжидала, шепча ему на ухо приятные глупости, постанывая и посвистывая, и когда он был почти готов, я поцеловала его изо всех сил, заодно пинком вогнав ему кишки прямо в глотку, вот как! Потом ногой схватила заранее примеченный камень — и трахнула по дурной

башке. Много-много раз, пока он не перестал дрыгаться. По-моему, он больше не шевельнется.

Перестраховщика развязали последним. Пока Мадж и Джон-Том помогали ему выпутаться из веревок, Виджи снова скрылась в кустах, чтобы через миг вынырнуть с ножом и копьем сторожа.

— Надо захватить припасы и снаряжение, — сказал Джон-Том, потирая онемевшие от веревок запястья. — Ну, хотя бы мешок с дуарой.

— Насколько дорога тебе моя жисть, парень?

— Мадж, ты же знаешь, что я не могу ее бросить!

— Так я и думал, что ты это скажешь, — вздохнул выдр. — Ждите вон там. — Он указал на небольшую рощицу, даже сейчас избегая кустов, где побывала Виджи.

Затаившись в рощице, они ждали Маджа несколько минут, показавшихся часами. Джон-Том уже хотел было отправиться следом, когда выдр беззвучно вынырнул из темноты, неся на спине собственный рюкзак и волоча за собой мешок Джон-Тома. При каждом скачке свертка с дуарой Джон-Том болезненно морщился.

— Ты не мог бы обращаться с ней чуть поаккуратнее?

Проскользнув в лямки, он закинул мешок на плечи.

— Вот как? Да ты благодарить меня должен, что я рисковал, утаскивая этот клепаный мешок с дровами!

— Я действительно благодарен тебе, потому что никому другому это просто не по зубам.

— А-а, ну ладно, коли так. Пожалуй, тока я и могу. Любой другой переполошил бы там всех до единого.

И в этот момент из пиратского лагеря донесся крик, вслед за которым пара сонных голосов поинтересовалась, в чем дело.

— Значит, другой переполошил бы, а?

Виджи дала Маджу пощечину. В ответ он шлепнул ее пониже спины. Оставшимся пришлось силой растаскивать сцепившихся влюбленных.

— У нас нет на это времени, уж будьте покойны, — уговаривал Перестраховщик.

Джон-Том всматривался в лес, а по лагерю понемногу распространялась тревога.

— Куда? К берегу?

— Берег мне неведом. Мне ведом лес. — Енот указал на юг. — Идем туда.

Вначале крики и вопли пиратов стихли в отдалении, но вскоре зазвучали громче.

— Гонятся, верняк! — Мадж вприпрыжку бежал рядом с Джон-Томом. — У меня скверное предчувствие, что на этот раз они нас догонят. Мы сажаем их в лужу слишком часто.

— Согласен. — Джон-Том увернулся от низкой ветки, оцарапавшей ему макушку. — Боюсь, мнение Сашима победит.

— Живыми они нас не возьмут. — Виджи обогнула куст. — Сможем мы их опередить, а?

— Не знаю. — Джон-Том тревожно взглянул на небо. — Интересно, зажило ли крыло Камалка? Вроде бы, кроме него, в экипаже нет летунов.

— Повезло. — Мадж перескочил ручеек. — Но все равно в этой темнотище да среди леса сверху ничего не разглядишь.

Порой крики пиратов стихали, чтобы потом вернуться с новой силой, когда кто-нибудь брал след беглецов. Однажды они перешли мелкую речушку и надолго оторвались от преследователей, но в конце концов те вновь нашли их. Перестраховщик перепробовал все уловки, какие знал, но пираты не отставали, не желая больше поджимать хвосты и поднимать лапки кверху. Джон-Том понимал, что если не удастся уйти от погони ночью, то при свете дня — и подавно.

Силы начали изменять ему; сердце молотом колотило по ребрам, ноги подкашивались. У Маджа и Виджи тоже появились признаки утомления — бежать вечно не под силу даже выдре.

Внезапно Джон-Том остановился, едва не полетев по инерции головой вперед. Мадж с ходу налетел на него и злобно захрипел:

— Приятель, ты чего?! Вперед, некогда стоять!

— Погоди секундочку.

— У нас и так секундочек не хватает.

Джон-Том пропустил эти слова мимо ушей, с любопытством повернувшись куда-то влево. Мадж тревожно оглянулся, потом последовал за другом.

— Парень, ты что, рехнулся? Чего ты там ищешь?

— А ты не чуешь?

— Чего чую?

— То, что наши друзья скорее всего проглядят.

Джон-Том раздвинул ветви и радостно вскрикнул, наткнувшись на то, что искал: из-под скалистой гряды тянуло сырым холодом.

— Там должна быть пещера. И судя по силе ветра, довольно большая. Может, удастся сбить их со следа, но даже если им повезет найти вход, они вряд ли полезут за нами под землю. — Он осматривал грунт под ногами. — Тащи что-нибудь подходящее для факелов.

Вокруг было множество сухого мха. Обернув его вокруг веток, они получили вполне приемлемые светильники.

— А как мы их зажжем? — Виджи шарила по карманам. — Я не взяла огнетворку. Ты можешь спеть огневое заклятие?

— Нет, зато у меня есть вот это, — он рылся в заплечном мешке. В коробке, бывшем у Джон-Тома, когда Клотагорб вытянул его в этот мир, оставалось еще целых четыре спички. Мысленно вознеся молитву, он чиркнул одной из них и обрадовался, когда первый факел тут же вспыхнул. Виджи вытаращила глаза.

— Если это не волшебство, то что же?

— Спички. Объясню потом. — Он поджег своим факелом остальные. — Пошли. Если я пролезу, то уж остальные — наверняка.

Но Перестраховщик заступил ему дорогу.

— Мой взор в темноте лучше других, уж будьте покойны. Я иду первый. Ты следом, Джон-Том, и держись у меня в хвосте. Может, ежели я упаду в большую яму, ты сможешь за что-то уцепиться. Ежели нет, это предупредит тебя, чтоб не грохнулся.

Он ухмыльнулся, похлопал человека по плечу, а потом повернулся и проворно скользнул под гряду. Следом Джон-Том, а за ним — обе выдры.

Пещера равномерно шла под уклон, удручающе смыкаясь вокруг беглецов душной трубой. Обдирая ладони о шершавый известняк, Джон-Том уже начал гадать, так ли хороша была идея двинуть сюда, когда потолок внезапно пошел вверх, позволив выпрямиться во весь рост. В свете факелов стала видна усыпанная гравием дорожка, уходившая куда-то вперед.

— Может, хватит? — Виджи вглядывалась в темноту тоннеля. — Я не в восторге от подземелий.

— А ты в восторге, када с тебя живой обдирают шкуру? — Мадж кивком указал назад. — Ежели они найдут устье, то услышат наши голоса и углядят отсветы факелов. Чем дальше уйдем, тем безопаснее.

Перестраховщик уже был в нескольких шагах впереди.

— По-моему, там еще просторнее.

— Пошли дальше.

Джон-Том последовал за енотом. Ему всегда нравились пещеры.

Примерно в сотне футов от поверхности дно выровнялось, и в свете факелов подземный мир явил взорам беглецов свою причудливую красу. Дно пещеры, выглаженное и вылощенное бежавшей здесь много веков назад подземной рекой, было совершенно ровным и чистым, не считая упавших с потолка камней. Капавшая со сталактитов вода выбила под ними небольшие каменные чаши.

— Это живая пещера, — сказал Джон-Том, поднося факел к девственно-чистой известняковой сосульке. — Все еще растет.

— Странные они, эти пещеры. Лучше держаться от них подальше. — Мадж разглядывал пол в поисках каких-нибудь следов. — Кто знает, какие злые духи шныряют в их глубинах. Разумеется, в нашем случае мы знаем, что за злые духи шныряют поверху.

Факелы оказались очень удачными: горели медленно и ровно, а широкому извилистому проходу не было конца. Джон-

Том позволил Перестраховщику выбирать путь — чем дальше позади останутся Сашим с Камалком и остальной братией, тем спокойнее. Нужно найти удобное местечко, погасить факелы и отдохнуть.

Если пираты не найдут вход в пещеру, им придется отказаться от погони. Даже призывы старпома и капитана не заставят команду бестолково рыскать по лесу до скончания дней. А если и найдут, то вряд ли войдут, поскольку бандиты еще более суеверны, чем Мадж. Скорей всего практичный Камалк вынужден будет признать, что его опять обвели вокруг пальца. А матросы в утешение скажут, дескать, позволить волшебнику провести себя — отнюдь не преступление.

Окружающие красоты отвлекли мысли друзей от преследователей. Впереди на высоту пятнадцати футов возносился целый куст сталагмитов, сверкавших белоснежной кальцитовой поверхностью. Стены, будто драпировки, покрывали застывшие каменные волны, отзывавшиеся на стук когтей Маджа нежным музыкальным звоном. Некоторые были окрашены окисью железа, придававшей им вид огромных кусков копченой грудинки. Кое-где путь стекающей воде преграждали миниатюрные травертиновые плотинки.

С потолка свисали длинные и тонкие, как соломинки, сталактиты. На кончике каждого висело по капельке насыщенной известью воды. Один из залов был полон спиральных сталактитов, вопреки силе тяготения росших в произвольных направлениях. Здесь можно было встретить и пещерный бисер, и жемчуга, и каменные глазуньи — словом, все мыслимое многообразие удивительных и восхитительных карстовых образований. Сраставшиеся на протяжение многих эпох сталактиты и сталагмиты образовывали сталагнаты — изящные известняковые колонны. Свет факелов выхватывал из темноты крохотных бледных насекомых (должно быть, пещерных сверчков), длинные змеящиеся провода...

Длинные змеящиеся провода?!

Джон-Том наклонился и трясущейся рукой поднес факел поближе, чтобы осмотреть неподвижный кабель. Пересохшая изоляция рассыпалась, но спутать провод с чем-то еще было невозможно.

Распространяя в застоявшемся воздухе пещеры мускусный запах, Виджи заглянула ему через плечо.

— Что это за черт?

Не обращая на нее внимания, Джон-Том пошел вдоль провода. Виджи оглянулась на Маджа.

— Что случилось? Почему он не отвечает?

Мадж склонился над кабелем, отковырнул кусочек крошащейся изоляции и понюхал его, глядя другу в спину.

— Кажись, знаю. Это бред, но не больший, чем мы с ним

встречали в прежних странствиях. Но что это предвещает — добро или зло, — ведомо одному року, этому путающемуся во все дела пустобреху..

Джон-Том осмотрел узкую расщелину, из которой выходил провод. Протиснуться в нее можно было только боком. Через несколько минут он пригласил товарищей последовать за собой. Клотагорбу это не удалось бы, но Перестраховщик и выдры легко проскользнули в щель.

Они оказались в следующем зале, казалось, ничем не отличающемся от предыдущего. Кабель и дальше змеился по полу, заканчиваясь в кубическом металлическом ящике. С другой стороны выходил еще один провод, сохранившийся чуть получше, чем первый. Друзья сгрудились вокруг осматривающего ящик Джон-Тома.

— Что это? — поинтересовался Перестраховщик.

Вместо ответа Джон-Том откинул крышку — под ней красовался большой пластмассовый выключатель. Затаив дыхание, юноша повернул его по часовой стрелке. Примитивная проводка не только работала — она оказалась подключенной к какому-то источнику тока. Когда вспыхнули мощные аргоновые лампы, осветив большую часть пещеры, Мадж и Виджи непроизвольно подскочили на месте, а Перестраховщик тут же занял оборонительную позицию, скрестив лапы перед собой.

— Эй, приятель, тока без шуток! Куда ты нас приволок?

— Понятия не имею. Черт меня подери, Мадж, если я знаю.

Быстро оправившийся от изумления Перестраховщик разглядывал одну из сияющих ламп.

— Самое сильное заклинание светильной колбы, какое я видал.

— Не прикасайся, — предупредил Джон-Том. — Лампы с виду старые и, готов поклясться, раскаляются очень быстро. Этому хламу лет сорок-пятьдесят, никак не меньше.

— И куда ж дальше, приятель?

— Одно из двух, Мадж: или обратно, или вперед — вдоль кабеля, — чтобы узнать, ведет ли он в сон, ставший явью.

— Я предпочел бы, чтоб он привел к пристойной жратве, но согласен и на сон, ставший явью. Мне пока чертовски неохота чесать обратно. Виджи, ты как?

— Уж если ты настолько доверяешь Джон-Тому, то я-то уж тем более.

— Да и мне без разницы, — подхватил Перестраховщик. — Веди вперед, длинноногий.

Кабель довел их еще до одного рубильника, потом до следующего, а там и до четвертого. Поскольку мощность источника тока наверняка не беспредельна, Джон-Том методично выклю-

чал свет позади всякий раз, как включал очередную группу ламп. При такой старой проводке перегрузить ее ничего не стоит.

Затем потолок сильно понизился, и им пришлось опуститься на четвереньки. Выбравшись на более просторное место, где можно было встать во весь рост, они обнаружили еще один тоннель наподобие первого, но с одним существенным дополнением.

Прямо перед ними спиралью уходила вверх бетонная лестница.

— Что там такое, приятель? То есть, как по-твоему, что там наверху?

— Во всяком случае, наших промышляющих грабежом друзей там нет. Что же касается остального — даже боюсь предполагать.

— Если мы выйдем не в том лесу, который покинули, — спросила Виджи, — то где же, Джон-Том?

— Всяко может быть.

Он зашагал по ступенькам, уступами поднимающимся по искусственно расширенному проходу. Наверху они почувствовали, что воздух потеплел. Над отверстием была построена крыша, но несколько балок упало — то ли входом в пещеру редко пользовались, то ли редко ремонтировали.

На верхней площадке имелась двустворчатая дверь, запертая на массивный висячий замок. Джон-Том хотел было осмотреть запор, но Мадж деликатно отодвинул его в сторону.

— Ты что, забыл, с кем пришел?

При помощи ножа и еще какого-то вынутого из котомки небольшого приспособления Мадж за две минуты открыл замок и распахнул двери.

Они стояли на вершине поросшего травой холма, окруженного деревьями, совсем не похожими на те, что остались позади, — ни следа любящих песок кипарисов, сосен и лиственных реликтов. В глинистой почве было много известняковой и сланцевой крошки. Что же до растительности, то невдалеке рос самый обыкновенный дуб; чуть дальше Джон-Том распознал мексиканские акации.

Справа стоял одинокий дом, в котором не было заметно признаков жизни. Пройдя несколько десятков ярдов, друзья оказались на вершине холма; отсюда должен быть прекрасно виден далекий берег Глиттергейста — но никакой водной глади не было и в помине, только раскинувшийся на многие мили густой лес, разделенный надвое широким мощеным трактом.

Пока они озирались, на тракте показалось грузно пыхтевшее чудовище и дважды громогласно взревело.

— Что за хреновина? — опешил Мадж.

— Вид его просто ужасен, — Виджи оглянулась на Джон-Тома. — Куда ты завел нас, чаропевец?

Размером чудище не уступало нескольким слонам, вместе взятым. У него было восемнадцать ног — все круглые, как арбузы. Когда чудище с ревом уносилось на юг, перед глазами Джон-Тома мелькнула надпись на боку монстра:

«УТЮГ-БИТЮГ».

Опешив, он следил за восемнадцатиколесным тягачом, пока тот не скрылся за деревьями, и только тогда ощутил, что его тянут за рукав.

— Рассказывай, приятель! Ты ведь знаешь, где мы, а?

Джон-Том не отвечал, все так же мечтательно глядя на шоссе. Мадж махнул лапой и отвернулся.

— Ему теперь офигенно не до нас, вот так.

— Там какой-то знак.

Виджи заковыляла к покосившемуся столбику с прямоугольной деревянной табличкой, отмечавшему конец проселка. Разобрать начертанные на обороте иероглифы ей не удалось, но, быть может, Джон-Том с этим справится. Мадж за руку привел послушно шагавшего друга. Вид знакомых букв заставил человека опомниться.

— Тут сказано: «Добро пожаловать в Безымянную пещеру», а ниже помельче: «Сан-Антонио — 64 мили».

— Сан-Ад-нонио?

Мадж сдвинул брови и зашевелил усами.

Солнце уже выглянуло из-за горизонта на востоке. Хоть рассвет здесь как в нормальном мире, подумал выдр, а вслух сказал:

— Ярровл знаю, Линчбени знаю, и Поластринду, и еще полсотни городов, но про Сан-Ад-нонио ни разу не слыхивал.

— Я не думала, что в Аду так много деревьев, — разглядывая пару желудей, призналась Виджи.

— Мы не в Аду, — утешил ее Джон-Том. — Это всего лишь Техас.

— Все равно не знаю, где это.

— В моем мире. — Губы Джон-Тома понемногу растягивались в широчайшей улыбке. — Мы перешли в мой мир.

Он вернулся ко входу в пещеру.

— Безымянная пещера. Это годится. Там, должно быть, постоянный проход между моим и вашим мирами. Тот, кто обустроил эту пещеру, начал тянуть кабель на вашу сторону, но забросил это дело — может, поиздержался. Эту штуку не включали несколько лет, а то и десятилетий. Клотагорб неоднократно заявлял, что такие постоянные ворота могут существовать.

— А с чего ты решил, что они постоянные?

— Хочешь вернуться и полюбоваться на Камалка, Сашима и прочих, поджидающих нас с той стороны?

— Пока что нет, кореш. Думаю, можно поболтаться здесь денек-другой, а уж потом и назад. Не знаю, выдержу ли доль-

ше. — Мадж принюхался. — Запах тут специфический, но вовсе не такой, как ты говорил.

— Это потому, что мы далеко от больших городов — оно и к лучшему, а то такой бы переполох поднялся!

Юноша наклонился и подобрал смятую красно-коричневую жестянку с яркой этикеткой — целый год он не держал в руках ничего более прекрасного. Будто сама надежда осенила его своим крылом. Слезы заструились по щекам Джон-Тома.

— Я дома! Черт, мне все-таки удалось это!

Перестраховщик медленно огляделся.

— Значится, это и есть твой мир, э? Меня он как-то не впечатляет.

Джон-Том никак не мог заставить себя отшвырнуть ржавую банку.

— Мы вышли не в самом интересном месте и должны этому радоваться. Культурный шок для обеих сторон был бы чересчур силен. — Он перевел дух и указал на пещеру. — Лучше спрячьтесь обратно, пока я не узнаю, есть ли кто дома.

— С чего это вдруг? — насупился Мадж. — У нас дурно пахнет изо рта или еще что?

— Да нет, тут другое: в моем мире народ вроде тебя, Виджи и Перестраховщика не умеет говорить.

— А-а, в точку, приятель, ты ж рассказывал.

— Это он о чем? — поинтересовалась Виджи.

— Я тебе все растолкую, милашка, — Мадж обнял ее и повел к пещере. — Эта штука сразу в голове не укладывается, вот так.

Как только друзья спрятались, Джон-Том ступил на крыльцо дома, возрастом своим не уступавшего проводке в пещере. Ясное дело: это местечко даже колоритом Дикого Запада не тянет на приманку для туристов. Он успел дважды постучаться, прежде чем заметил прикрепленную к двери записку:

«УШЕЛ В КЕГЕЛЬБАН, БУДУ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ».

Да, хозяин умеет расслабиться, отметил Джон-Том и наудачу нажал на ручку двери, но замок был заперт. После недолгих поисков удалось отыскать и ключ, оставленный на ближайшем фонаре — то ли по деревенской доверчивости, то ли по простодушию. Пришлось немного повозиться с разболтанным замком, но вскоре он поддался.

Распахнув дверь, юноша окаменел от изумления. Отсутствие его длилось так долго, так невероятно долго, а сам он пережил столько необычайного, что вид обыденных вещей поверг его в немоту.

Все было настоящим — от почтовых открыток на проволочном стеллаже у витрины со сладостями до телефона, от шеренги оленьих рогов до кассового аппарата. Не без труда ему удалось

сдержаться, чтобы не накинуться на ближайший ряд «Милки уэев», «Бэби Рутов» и миндальных «Херши».

Уютная, облицованная сосновыми панелями гостиная старого дома была обустроена для отдыха туристов. Напротив нее была единственная спальня и тесная невыразительная кухонька, дарившая, однако, надежду на первую за год привычную трапезу. Джон-Том старательно обходил холодильник и буфетную стороной, пока не осмотрел остальные помещения. Оставались еще ванная и гараж за домом. В гараже было пусто.

Тут раздался призывный крик, и он вернулся на крыльцо: Мадж выглядывал поверх створки ведущей в пещеру двери.

— Ну что, приятель, там опасно или нет? Заходим или уходим?

— Порядок, тут никого. Заходите.

Выдры и Перестраховщик пришли в полнейший восторг от изобилия в старом доме незнакомых вещей. Но истинной сокровищницей стала для них кухня, среди сокровищ которой не последнее место заняли банки с филе тунца. Как только Джон-Том ознакомил Маджа с консервным ножом, тот просто голову потерял.

— Одно я могу сказать про твой мир, парень: с голодухи здесь не загнешься, — признался он через час, похлопывая себя по раздувшемуся животу. Потом приподнял овальную банку. — А тут что?

Джон-Том включил в кухне свет. За окнами сгущался мрак.

— Сардины. Расслабься. Не стоит поглощать все продукты за один присест — тем более что я не знаю, как заплатить хозяину хотя бы за то, что мы уже съели.

— Оставим ему долговое обязательство.

— Ты — обязательство? Это что-то новое. — Джон-Том отхлебнул холодного пива прямо из горлышка, безмерно наслаждаясь каждым глотком. — Смешно! Сколько заклинаний перебрали мы с Клотагорбом за прошлый год, сколько заумных фолиантов перелистали, а на постоянный стык между мирами напоролись случайно, спасая шкуру от своры грошовых пиратов.

— Если он действительно постоянный и не захлопнется, пока мы тут набиваем себе животы, — мрачно заметила Виджи.

Джон-Том оторвался от бутылки.

— Я думаю, что ворота не моложе самой пещеры. Во всяком случае, брошенный кабель свидетельствует, что переход оставался открытым многие годы. Вы только подумайте! Мы можем ходить из мира в мир, сколько захотим. Да по сравнению с нами Колумб — ничтожество. — Он хмыкнул. — Любопытно поглядеть, что будет, когда ты, Мадж и Перестраховщик появитесь в шестичасовых «Новостях».

— А это еще что такое?

Джон-Том принялся объяснять назначение средств массовой

информации, одновременно поджаривая себе яичницу с грудинкой, но его рассказ был бесцеремонно прерван.

— Никому не позволено дважды удрать от Камалка и остаться в живых, чтобы трепать об этом языком, даже если они и ухитрятся перебраться в мир иной.

Глава 9

Джон-Том выронил сковороду, испачкав сапоги шипящим жиром и недожаренными яйцами. В проеме двери, держа в крыльях маленький арбалет, возник Камалк. У стоявшего позади него леопарда в обеих лапах было по метательному ножу.

— Чушь! — Мадж глянул на друга. — Пожалуй, ты прав, приятель. Наверно, переход между нашими мирами постоянный, иначе и быть не может. Сам видишь, дерьмо приплыло.

Камалк скакнул в кухню, с одинаковым оживлением оглядывая новые предметы и старых знакомых.

— Демонические измышления! А демонические измышления — это деньги. Здесь много такого, из чего можно извлечь выгоду.

Джон-Том удержался от замечания, что предметы вожделений попугая тому не принадлежат, резонно полагая, что взывать к совести пирата так же бесполезно, как пытаться прошибить лбом каменную стену. Мадж пытался дотянуться до лежавшего у ног лука, когда всего в двух дюймах от его живота в стол вонзился стилет.

— И не пытайся, — входя в комнату, предупредил Сашим. — Лопнуло мое терпение. Только попробуй выкинуть какой-нибудь номер, и, что бы там ни говорил капитан, я воткну его тебе промеж глаз. Или ей.

Он мимоходом кивнул Виджи.

— Рад тебя видеть, девица.

Голос был холодней кубиков льда в морозилке и принадлежал бобру, проскользнувшему в кухню под локтем старпома. Голову его обматывали толстым слоем бинты. Это был тот самый сторож, которого приставили к ним вчера ночью, и выражение его морды не предвещало ничего хорошего. — Я упросил кэпа передать тебя под мою личную опеку. Я задолжал тебе несколько изрядных пинков, и мне не терпится вернуть долг.

— Попридержи это на потом, Уошэм. Пока что ты ничего не заслужил.

— Но, кэп, вы же сказали...

— Не сейчас, — отрубил Камалк. — В любопытное местечко вы нас завели. Нам нужен подходящий гид, который укажет наилучший способ извлечь выгоду.

— Я покажу вам дорогу на мусорную кучу.

— Да нет, чаропевец, клянусь своими перьями — или твои друзья умрут один за другим, настолько медленно и болезненно, насколько будет угодно Сашиму. Ты останешься, чтобы познакомить меня с этим миром, а остальных мы возьмем с собой как гарантию твоих добрых намерений. Мы тщательно пометили дорогу сюда. Выследить вас в пещере было нелегко.

— И как же вам это удалось?

— Ты что, мало прожил в нашем мире, чтоб не понимать этого, приятель? — фыркнул Мадж и постучал себя по блестящему черному носу.

Джон-Том совсем забыл, что в застоявшемся воздухе пещеры запах должен был застыть в воздухе, как дорожная разметка. Но даже несмотря на это, от Камалка и его команды потребовалось изрядное самообладание, чтобы пересечь мрачное подземелье и подняться по явно чужеродным бетонным ступеням. У многих ли хватило отваги? Он попытался поверх плеча леопарда заглянуть в гостиную. Каково соотношение сил? Наверняка за капитаном согласились последовать во тьму не все.

Ясно одно: из-за Маджа, Виджи и Перестраховщика Джон-Том в руках у Камалка, и, чтобы сохранить друзьям жизнь, юноше придется выполнять его приказы. Но со временем попугай пресытится дарами этого мира или придумает иной способ добывать их, и тогда их всех можно будет пустить в расход. Значит, надо что-то предпринять сейчас же.

Как ни потряс пиратов новый мир, вряд ли капитан настолько утратил бдительность, чтобы позволить человеку сыграть на суаре, да и неизвестно, сработает ли здесь магия. Пока Джон-Том лихорадочно судил да рядил, время и возможности ускользали от него — пираты успели отобрать у пленников оружие. Мадж с сожалением проводил взглядом уплывающие в чужие руки лук и саблю, Джон-Тома избавили от боевого посоха и суара. Заплечные мешки трогать не стали — должно быть, Камалк догадывался, что там не осталось ничего опасного.

Попугай, решивший не выказывать перед своим войском страха и колебаний, разглядывал газовую плиту. Понюхав духовку, он взял упавшую сковороду Джон-Тома и поставил ее на горящую конфорку.

— Устройство для стряпни. Весьма любопытно. — Он заглянул под сковороду. — А что дает огонь?

— Газ.

Эта реплика заставила нескольких пиратов расхохотаться. Камалк нахмурился и схватил стилет с полой рукояткой.

— Ты что, за дурака меня держишь? — Он ткнул клинком в брючину Джон-Тома, не разрезав ткани, но чувствительно кольнув ногу. — Я сказал, что не хочу тебя убивать, но это не означает, что я не могу чуток подпортить твою шкуру.

Джон-Том мгновенно взмок.

— Проклятье, да это же газовая плита!

— Даже Кизвиц не наделает столько газов! — хохотнул стоявший в дверном проеме тучный муравьед.

— Да это не тот газ. Видите? — Джон-Том потянулся к регулятору и едва не лишился пальца, так как Камалк ткнул лезвием в пластмассовую ручку.

— Смотри, что делаешь, человек! Я уверен, что с девятью пальцами ты покажешь мне эти устройства ничуть не хуже, чем с десятью.

Джон-Том очень медленно подрегулировал пламя.

— Видишь, как она работает? В дом по специальным трубам поступает особый газ, который подается в эту плиту. Чтобы зажечь его, нужен небольшой огонек.

— А как его погасить?

Джон-Том продемонстрировал. Камалк удовлетворенно кивнул.

— А это? — Он постучал рукояткой стилета по холодильнику.

— Сохраняет продукты от порчи.

Может, обзор новинок бытовой техники притупит бдительность попугая? Чем дольше удастся отвлекать его, тем больше останется времени на размышления, хотя что можно противопоставить банде вооруженных до зубов пиратов, толпящихся в гостиной?

— Потяни за рукоять.

Камалк послушался и тут же отскочил от дыхания морозного воздуха. Потом, моргнув, подошел поближе, чтобы оглядеть эмалированную камеру.

— Великолепно! — Он оглянулся на Сашима. — Надо взять кое-какие диковинки с собой. Продав их, мы станем самыми богатыми корсарами мира. — Тут его взгляд упал на переносной телевизор, стоявший на одной из кухонных тумб. — А это что такое?

— Телевизор. Волшебный фонарь.

Подмигнув Маджу, Джон-Том старался не выдать внезапно охватившего его возбуждения. Выражение морды выдра не изменилось, но он слегка напрягся. Камалк, прищурившись, взирал на темный экран.

— А что он делает?

— Поверни нижнюю правую ручку до конца налево, потом вытяни до щелчка.

Джон-Том внутренне подобрался. Может, повезет? Если начнется достаточно шумная передача с насилием, она может напугать пиратов и им с Маджем удастся захватить какое-нибудь оружие. Пусть будет что угодно — вестерн, военный фильм, вечерние «Новости» — лишь бы что-нибудь отталкивающее и шумное.

Но вместо этого они увидели па-де-де из «Щелкунчика» в исполнении Королевского балета. Джон-Том беспомощно чертыхнулся.

— Чудненько. — Камалк убавил громкость до приемлемого уровня и ухмыльнулся Джон-Тому. — Видишь, как быстро я осваиваю новое? Но почему на картинке только человеческий народ?

— В моем мире кое-что придется вам не по вкусу...

Но едва Джон-Том приступил к объяснениям, как свет погас.

— Никому не двигаться!

Джон-Том только-только успел заметить в голосе испанский акцент, как одновременно развернулся целый ряд событий. Камалк изрыгнул проклятие, Джон-Том рванулся к друзьям, призывая их лечь на пол, Сашим взревел и бросился вперед, и маленький дом содрогнулся от вспышки и грохота.

— Ради великого божьего чесального столба, что это? — заскулила Виджи.

— Тихо! — шикнул на нее Джон-Том. — Делай что угодно, но когда зажжется свет, ни слова. Поняла? Что бы ни случилось, ничего не говори, пока я не дам знак, что можно. Мадж, Перестраховщик, вас это тоже касается.

В гостиной царила полнейшая неразбериха. Стремясь унести ноги, пираты едва не сорвали дверь с петель. Джон-Том увидел, как они в панике кувырком несутся к тоннелю, ведущему в их родной мир. В кухне запахло порохом и кровью. Зажегся свет.

У двери, держа палец на выключателе, стоял смуглый человек лет тридцати с лишком. Его курчавые черные волосы и тонкие усики наводили на мысль, что он идеально подошел бы для массовки в «Крестном отце». Вот только обрез двенадцатого калибра, покоившийся на сгибе локтя, был отнюдь не бутафорским.

Посреди кухни навзничь растянулся леопард с зияющей в груди рваной дырой. Камалк взлетел на шкаф, таращился на труп старпома и гадал, что могло так напугать его бравый экипаж.

— Madre de dios!

Вошедший убрал руку с выключателя и уставился на труп леопарда. В двери показался второй латиноамериканец, сжимавший в руке большущий пистолет. Обозрев пятнистое тело, он перевел взгляд на Джон-Тома и его друзей.

— Что за чиорт тут происходит? — Он посмотрел на приятеля. — Я входил в дверь, а этот проклиатый зверинец едва не затоптал мениа.

— Этот кот на меня бросился. — Акцент второго не так бросался в глаза. — Чего это все звери одеты?

Мадж хотел было ответить, но осекся, когда Джон-Том, сде-

лав страшные глаза, прижал палец к губам. Выдр едва заметно кивнул. Занятые осмотром трупа Сашима, пришельцы ничего не заметили.

Владелец пистолета пробормотал: «Крус», — и упомянутый джентльмен тут же направил свой обрез в сторону Джон-Тома.

— Ты! Говори, что тут творится. Откуда эти чертовы звери? — Поглядев налево, он заметил притаившегося под кухонным столом Перестраховщика. — Такого офигенно большого енота я еще не встречал.

— Это мои животные, — ответил Джон-Том. Мадж ущипнул его за ногу, но он лишь поморщился. — Они принадлежат мне. Я дрессировщик. Это ученые цирковые звери. — Джон-Том кивком указал на Сашима. — Выключив свет, вы напугали леопарда. Он совсем безобидный. Это большая утрата.

— Клянусь богом! Он сам меня порядком напугал. Это была чистейшая самооборона. Вы тут с цирком или как? Что-то снаружи нет никаких фургонов.

— Скорее, бродячая труппа — я сам по себе. Компания меня вышвырнула, но хоть зверей отдали, и то ладно. Может, поможете? А насчет леопарда я понимаю — просто не повезло.

— Поможем? — Крус очень нехорошо ухмыльнулся. — А это что за амуниция?

Он указал на жилет и штаны леопарда, на его саблю и опоясывающий широкий торс патронташ со стилетами.

— Да говорю же, они дрессированные. Это входит в программу представления.

— Что-то я не видал таких представлений.

— Эй, а мние довелось однажды. — Глаза пистольеро вспыхнули. — В Вегасе. Знаешь этих парней, Зигфрида и Ройа? Они одеваиут зверей.

— Это ваш дом? — с невинным видом поинтересовался Джон-Том.

Крус нашел вопрос очень смешным.

— Ну, скажем, здесь у нас перевалочный пункт по пути на север. Можешь считать нас с Манко коммивояжерами. Какой большой енот! А какие номера выделывают твои звери?

— Никаких, если я им не прикажу, — пристально глядя на выдр, ответил Джон-Том. — Но я научил их все время ходить на задних лапах.

— Кончай вздор молоть!

Все взоры обратились к сидевшему на шкафу капитану. Крус одобрительно усмехнулся.

— Таких крупных попугаев я тоже не видал. Ты, должно быть, недурно на нем наживаешься?

— Что за бред несут эти два дебила?

Джон-Том напружинился, но Крусу и его партнеру реплика попугая показалась очень забавной.

— Эй, да это же просто класс! Ты сам его выучил?

— Не совсем. — В горле у Джон-Тома пересохло. — Он вроде как на лету схватывает. Очень способный. Я и сам не знаю, что он скажет в следующий раз.

— Все вы пидоры! — Пират скрестил крылья на груди. — Делайте со мной, что хотите. Я вас не боюсь.

— Соображает. — Забыв о попугае, Крус сосредоточился на его «владельце». — А вот насчет твоей сообразительности я не уверен. Ты можешь наделать бед.

— Слушайте, я согласен забыть о леопарде — кто старое помянет, тому глаз вон, ладно? Я не знал, что это ваш дом, и с радостью заплачу за еду. У меня просто не было выхода — животные оголодали. Да еще надо переловить остальных, пока не разбежались.

Джон-Том нерешительно шагнул к двери и тут же охнул от боли: Крус уткнул дуло обреза ему в живот.

— Зверушки обождут, kompadre. Тебе все равно так много не нужно. Почему б тебе не проехаться с нами? Мы высадим тебя у телефонной будки, и ты позвонишь в местный приют для животных.

— О, это не потребуется. Не хочу быть вам помехой, ребята!

Крус указал стволом на дверь.

— Ты нам не помешаешь. Готовься в путь прямо сейчас. Видишь ли, мы только заехали взять груз, который должны доставить на север, в Чикаго, и компания нам не повредит. — Лицо его помрачнело. — На выход! Если хочешь, бери зверей с собой.

— А вещи и реквизит? — Джон-Том указал на котомки и оружие.

Крус прошел пару шагов, поднял лук Маджа и посох, а потом кивнул товарищу.

— Проверь-ка их, Манко.

Тот послушно обшарил оба заплечных мешка.

— Чисто.

— Ладно, это можешь взять.

Он швырнул мешки Джон-Тому, и тот с благодарностью их подхватил.

— Что же до остальных игрушек, — Крус полюбовался саблей Маджа, поднеся ее к свету, — пожалуй, мы оставим их у себя. В Чикаго есть неплохой ломбардик. Плата за проезд, а?

Он ухмыльнулся.

Под присмотром Джон-Тома его друзей и Камалка загнали в гараж, где уже стоял грузовик. За суетой и переполохом, поднятыми пиратами, никто не слышал, как он приехал. Задняя часть четырнадцатифутового фургона была забита дешевой мебелью. Джон-Том нахмурился: простые возчики мебели пушки в рейс не берут. Их оружие Крус запер в стальном ящике с инструментами.

— Давайте.

Все послушно забрались в фургон. Шоферы закрыли дверь и с лязгом заперли ее снаружи на засов.

Окон в фургоне не было, но грузовик достаточно потрудился на своем веку, так что кое-где крыша чуть отошла от стенок, и в щели видны были звезды. По крайней мере, удушье им не грозило. Грузовик подался назад, потом, набирая скорость, устремился вперед — вне всякого сомнения, по шедшему от дома проселку.

— Джон-Том, теперь можно говорить? — подала голос Виджи.

— В каком это смысле можно теперь говорить? — Камалк был одновременно озадачен и огорчен шуткой, которую сыграла с ним судьба. — Что эти два странных человека хотят с нами сделать?

На него никто не обратил внимния.

— Можешь, Виджи.

— Не очень-то гостеприимен твой мир, человек, — неодобрительно хмыкнул Перестраховщик. — Пожалуй, что он мне не по душе. Тут всегда мечут друг в друга громы и молнии?

— Нет, просто такая уж выпала нам удача.

— Это верно, кореш, госпожа Удача ходит с тобой рука об руку. — Мадж пробирался к двери. — Ежели они завезут нас слишком далеко, нам нипочем не найти обратную дорогу.

«Мадж, если бы ты знал хоть половину того, что известно мне, — тревожно размышлял Джон-Том. — Тип по имени Крус упоминал Чикаго, а вот в Чикаго нам ехать нельзя ну никоим образом! Надо непременно вернуться в Безымянную пещеру».

— Все вы сдрейфили. — Голос Камалка источал презрение. — Даже ты, человек, и это в твоем собственном мире!

— Не без причины. Спроси у своей зеленой пернатой задницы.

— Фи! Надо встречать рок с достоинством.

— Это ты встречай свой рок с достоинством, клюворылый! Что до меня, так я буду колотить пятками и вопить. Эй, а это еще что?

— Где? — Джон-Том с трудом разглядел фигуру выдра — тот хлопотал у большого дубового сундука.

— Там чтой-то очень специфически пахнет. Любашка, дайка мою котомку, будь добра. Ах, какая хорошая девочка!

Взяв у Виджи мешок, Мадж порылся там, извлек пару металлических загогулин и занялся замком сундука. Джон-Тому это занятие казалось бессмысленным, но он не вмешивался — пусть лучше занимаются чем-нибудь, а не думают о конце.

В сундуке лежали два металлических атташе-кейса, оба запертые.

— Приятель, не можешь чуток посветить? Эти замки мне в новинку.

В заднем кармане Джон-Тома еще оставалось три спички, и

он зажег одну, поднеся ее к чемоданчику. Мадж, прищурясь, разглядывал замок.

— Офигенно коварная работа.

— Сможешь отомкнуть?

В слабом огоньке блеснули зубы ухмыльнувшегося выдра.

— Приятель, ни в одном мире нет замка, который не по зубам старине Маджу. Дай тока малость прикинуть, что к чему.

Спичка обожгла пальцы, и Джон-Том, отшвырнув ее, зажег следующую.

— Мадж, осталась только одна спичка.

— Расслабься, кореш. Я могу и на ощупь.

— Ты всегда это умел, — бросила Виджи, и обе выдры непристойно хихикнули.

Две минуты тихих трудов — и все четыре замка открыты. Мадж поднял крышку, и Джон-Том заглянул ему через плечо.

— Ни черта не вижу. Что там внутри?

— Да, считай, ничего. Тока пластиковые пакеты, набитые курьезным пахучим зельем. Вот ежели нюхнуть щепоточку...

Выдр когтем вспорол один мешочек, наклонился и сильно потянул носом.

И подскочил, будто пол под ним внезапно раскалился добела. В полете он перекувырнулся и плюхнулся на сломанный бархатный диван.

— Мадж, Мадж, ты в порядке?

— В порядке? В порядке — не то слово, приятель! Виджи, милашка, возьми и ты щепоточку, тока крохотулечную.

Выдра охотно послушалась и подпрыгнула под самый потолок.

— Эй, что это за зелье? Вы, оба, угомонитесь! Нехорошо, если наши друзья в кабине узнают, что тут происходит. — Джон-Том еле сдерживал рвущегося к чемоданчику Маджа.

— Что это?! Я скажу тебе, что это, приятель! Это чистейшая кусачая роса, вот это что такое! Тут больше, чем я ваще видал за раз, больше, чем можно себе представить. Теперь все ясно. Думаю, в твоем мире она ничуть не дешевле, чем в моем.

— Кусачая роса? — Джон-Том нахмурился, крепко призадумавшись. Долго ломать голову не пришлось.

Оружие, бизнес в Чикаго, заезд за грузом, прозрачные пакеты с курьезно пахнущим зельем.

— Мадж, порошок какого цвета?

— Ты че, парень? Белый, какой же еще?

— Боже!:.

Джон-Том плюхнулся в удачно подвернувшееся кресло. Грузовик швыряло и раскачивало на ухабах проселка, но тут уж было не до удобств.

— Это действительно все объясняет, все до точки. И фургон,

и мебель — просто ширма. Эта парочка — курьеры. Два чемодана кокаина! Боже...

Встав с кресла, Джон-Том, невзирая на протесты Маджа, запер чемоданчик, затем проверил содержимое второго — то же самое. Он прикинул вес: судя по всему, в каждом чемодане было фунтов сорок-пятьдесят чистой, неразбавленной «кусачей росы».

— Мне нужна твоя ясная голова, Мадж, а от этой дряни у тебя мозги съедут на сторону.

— Знаю, приятель, зато на какую замечательную сторону!

— Джон-Том прав, — поддержала человека Виджи. — И потом, ты же обещал удерживаться от искушений.

— Во-во, милашка, но — целый чемодан!

— Присматривай за ним, — попросил Джон-Том. — Вообще-то Мадж крепкий парень, но когда речь заходит об искушениях, проявляет непростительную слабость.

— Слабость?! Чертовы враки, а не слабость! Я могу устоять перед чем угодно, ежели подойду к этому с головой.

— Боюсь, что к этому, — Джон-Том похлопал по чемоданчику, — ты подходишь с носом. Если тебя на пять минут оставить наедине с этой дрянью — ты вычихаешь мозги через уши. Чтобы выбраться отсюда, все должны быть как стеклышко.

— И как же мы отсюдова выберемся, ваше чародейство?

— Я хочу домой, — внезапно подал голос Перестраховщик. — Обратно в нормальный мир.

— Я тоже. То есть, я хочу помочь вам вернуться домой, — ответил Джон-Том и внезапно задумался: — А я-то чего хочу? — Но не нашел ответа.

— Хей, я слышу, что говорят оба парня. — Перестраховщик прижал ухо к передней стенке фургона.

— Не может быть, — возразил Джон-Том и тут же смекнул, что спорит с енотом, способным в лесу расслышать, как в тридцати футах от него бежит по сухому листу букашка. Стараясь не шуметь, человек и выдры пробрались вперед — к своему украшенному маской товарищу. Они ждали, едва дыша.

Наконец Джон-Том не выдержал:

— Что они говорят?

— Много смеются. Говорят, что сделают с нами после приезда в какой-то Вегас.

— Вегас? Лас-Вегас? По-моему, они говорили о поездке в Чикаго.

— Так ты ничего и не понял в жизни, приятель, — покачал головой Мадж. — С чего это сообщать нам, куда они направляются?

Это не лишено смысла, решил Джон-Том. Подходящее местечко для крупных сделок — далеко от федеральных органов, масса неконтролируемой наличности, приезжие со всего света.

— Тише! — шепнул Перестраховщик, а через минуту сообщил: — Они говорят о нас.

— О нас? То есть обо всех, кроме меня?

— Ага, они хотят нас продать — в зверинец или куда еще — и наверняка получат кучу денег.

Да уж, мысленно согласился Джон-Том, пара пятифутовых выдр, такой же крупный енот и попугай, который может без умолку крыть в три этажа, — изрядное искушение для любого директора зоопарка или цирка.

— А обо мне? Они не говорили, что хотят сделать со мной?

— Тебя они продавать не хотят. — Глаза Перестраховщика блеснули во мраке. — Но и отпускать не намерены.

— Я так и думал.

Потому они и не боятся, что он наткнется на кокаин, — все равно не сможет никому об этом рассказать. Они просто выбросят труп на какой-нибудь пустынной дороге между Флагштоком и Лас-Вегасом, а стервятники проведут вскрытие куда быстрее, чем подоспеет дорожная полиция.

— Надо выбираться отсюда. Даже если бы они надумали меня выпустить, то, будь я проклят, не могу допустить, чтоб моих друзей продали в какой-нибудь вшивый балаган!

Перед его мысленным взором встало видение: Маджа и Виджи раздевают, выставляют на всеобщее обозрение в клетке посреди казино, их выстукивают и ощупывают высоколобые ученые и бездушные зоологи. Поглядите-ка на удивительных говорящих выдр! Поглядите-ка на гигантского говорящего енота!

С другой стороны, если Мадж не затоскует по соплеменникам, то будет жить, как у Христа за пазухой, наслаждаясь роскошью, азартными играми и спиртным. Лучше и не намекать впечатлительному и морально неустойчивому выдру на такую возможность. Это вряд ли придется по душе Виджи. Или?..

Ответом на этот невысказанный вопрос стало негромкое всхлипывание по соседству.

— Мадж, не нравится мне этот мир. Я хочу домой.

— Мне тоже, милашка, мне тоже. Парень, сделай же что-нибудь!

Признание развязало Джон-Тому руки.

— Мадж, им кажется, что они заперли наше оружие. Они правы?

— Дай мне три минуты, кореш.

Мадж склонился над ящиком.

Но выдр заблуждался — прошло целых четыре минуты, прежде чем замок уступил. Когда все вооружились, Джон-Том приказал собраться в задней части кузова.

— Тогда парни в кабине не услышат моего чаропения.

— Тьфу на тебя, шаман! — отозвался Камалк с покачивающегося взад-вперед гардероба. — Неужто ты думаешь, что мы

поверим, ах-ха? Дуришь только народу головы своими дохлыми шутками.

— Хочешь верь, Камалк, хочешь не верь, а мы уходим отсюда.

— Вы так думаете? Ну ладно, на случай, если вы правы... — Попугай развернулся и заорал в сторону кабины: — Эй, там, впереди! Ваши пленники собираются... вывафафф!

Перестраховщик, воспользовавшись диваном в качестве трамплина, одним прыжком добрался до пирата. Мадж помог ему спеленать отбивающегося, щелкающего клювом попугая. Намерения Камалка были ясны, как день: получить свободу ценой свободы остальных. Джон-Тому было почти жаль пиратского капитана: тот даже не представляет, в какой мир его занесло. Воспользовавшись упаковочными веревками, попугая привязали к стулу и вогнали кляп ему в клюв.

— Ну вот, о нем позаботились. — Мадж мрачно оглянулся на друга. — А теперь пора позаботиться и о нас — ежели сможешь.

— Держитесь все вместе. Не знаю, что будет, если дело выгорит.

Когда все сгрудились у его ног, Джон-Том коснулся пальцами струн суара, отчаянно сожалея о верной дуаре. Хотя бы одну-единственную приличную песню — большего от этой штамповки и не требуется. Только одну крохотную песенку!

Ничего не попишешь, придется начать.

— Приготовьтесь. Попытаюсь выпеть нас домой.

— То есть ты возвращаешься с нами, приятель? — поднял глаза Мадж. — Ты-то как? Ты ж больше всего на свете хотел вернуться. И вот ты здесь.

— Заткнись, Мадж, пока я не раздумал. Я не перенесу, если тебя, Виджи и Перестраховщика накачают наркотиками и будут обращаться с вами, как с выродками.

— Ну, ежели наркота хороша...

— Мадж! — *одернула его Виджи.* — Зачем им так поступать с нами, Джон-Том?

— Чтобы узнать, почему вы разумны. Чтобы узнать, почему вы умеете говорить.

— Твой мир ужасен. — Она содрогнулась.

— Не так уж и ужасен. Есть хорошие люди, есть и плохие — всякие, как и у вас.

— А теперь цыц, — сказал Мадж, прижимая к себе любимую. — Пусть человек сосредоточится на чаропении.

Джон-Том завел негромкую сладкую песнь. Его голос сливался с нежным перезвоном суара, заполнив кузов музыкой. Грузовик катил по ухабам, по гладкому асфальту, а он все пел, пока в горле не засаднило, пока не онемели пальцы, — и ничего.

Теперь машина ехала по шоссе, тряска прекратилась, скорость возросла. В конце концов Джон-Том сдался.

— Жаль! Неудивительно, но все равно жаль. Клотагорб не

раз твердил, что перебросить человека из мира в мир НЕЛЕГКО, но я должен был попытаться.

— Не терзай себя, приятель! Можа, будь с тобой дуара...

— Не уверен, что было бы по-другому. Я вообще не уверен, что в моем мире волшебство возможно.

— Ну и скука ж здесь тада! За нас с Виджи не беспокойся, мы-то выкрутимся — а, милашка?

— Разумеется. Как-нибудь справимся.

Но Джон-Том знал, что это не так! Если они в присутствии людей будут хранить молчание, то рано или поздно сумеют вырваться на свободу. Но что это за свобода — в чужом мире, вдали от соплеменников, без надежды на возвращение? Изгнанники в чужом краю.

— Я слышу что-то новое, — Перестраховщик прильнул к двери фургона. — За нами гонится какой-то зверь.

— Может, собаки? — Джон-Том нахмурился. Какие еще собаки на шоссе при скорости пятьдесят миль в час? — Он еще там?

— Приближается. Завывает ровным голосом.

Завывает? Его вдруг прошиб пот.

— Это полицейская сирена.

— Местные мусора? Опля, это охренительно!

— Вовсе нет. Если они нас найдут... — Джон-Том лихорадочно искал выход. — Мы окажемся в свидетелях — если им настучали, что парни везут наркотики. Если же нет — их просто отпустят. Может, не горят габаритные огни или что-нибудь в этом роде? Превышения скорости точно не было. Нет, отсюда надо выбираться сейчас же.

Теперь сирена была слышна совершенно отчетливо. Грузовик замедлил ход и съехал на обочину.

— Тихо! Мне надо послушать.

Джон-Том взобрался на стол и привстал на цыпочки, чтобы добраться до щели под крышей. Один из полицейских потребовал у Круса документы. Потом сказал:

— Откройте.

Как и следовало ожидать, ответ прозвучал вежливо, но с натяжкой.

— Эй, офицер, в чем дело? Мы ничего не нарушали. Вы же сказали, что скорость мы не превысили, машина тоже в порядке.

— Не в том дело, приятель. Обычная проверка. Ищем беспаспортных иностранцев.

О такой возможности Джон-Том не подумал. Интересно, что скажут разыскивающие нелегальных эмигрантов полицейские при виде двух гигантских выдр и пятифутового енота? Вряд ли они к этому готовы: Мадж и Виджи не предусмотрены никакими иммиграционными законодательствами.

И тут в голове всплыла старая песня группы «Дженезис», и

Джон-Том незамедлительно начал первый куплет, не тревожась, что его могут услышать Крус, держиморды или еще кто-нибудь, и жалея лишь о том, что нет здесь Фила Коллинза, чтобы поддержать его вокалом и ударными. Заслышав песню, все сбились в кучу у его ног.

— Э-эй, тут не до смеха — ты на чужбине-е-е да вне закона-а-а...

— Валяй, панчо, открывай.

Патрульный переминался с ноги на ногу позади грузовика, а Крус возился с замком, выигрывая время, чтобы придумать, как объяснить присутствие похищенного человека. Можно твердить, что этот псих подсел автостопом. А может, он просто рванет прочь вместе со зверьем, на радостях, что унес ноги.

— Ну правда, офицер, я не представляю, в каком состоянии весь этот хлам. Мы с бедняжкой Консуэлой трудились на загрузке много дней. Если все поехало, то вывалится на дорогу.

— Мы поможем, если что. — В голосе полицейского слышалась усталость. Этот патрульный, с фигурой футбольного полузащитника, был явно не настроен беседовать ночью на дороге с двумя подозрительными типами. — Открывай, или откроем в участке.

Крус понял, что больше тянуть не удастся.

— О нет, офицер, обойдемся без этого! Просто замок заело, заржавел, что ли... — Затаив дыхание, он откатил дверь. — Сами видите, только мебель и один...

Он осекся.

В фургоне была *только* мебель — ни гигантских выдр, ни енотов-переростков, ни болтливого молодого англезе. Все *исчезли.*

Полицейский посветил фонариком. В фургоне что-то зашевелилось. Луч света выхватил большого пестрого попугая со связанными крыльями и кляпом в клюве. Он изо всех сил вырывался и пытался возмущенно пискнуть, но был связан чересчур крепко.

— Разве можно так обращаться с домашними животными? — осуждающе спросил патрульный.

— Знаю, друг, — запинаясь, пролепетал Крус. — Но Консуэла не слушала и...

— Ладно, пустяки. До птиц нам дела нет. Если бы вы, парни, занимались перевозкой вымирающих животных, то захватили бы не одного, а побольше.

Выглянув из-за кузова, полицейский крикнул в сторону перегородившего дорогу патрульного автомобиля:

— Можешь отпустить их, Джей, у этих парней чисто! — И неохотно подарил Крусу профессиональную улыбку. — Извини, что задержал, приятель.

— А, ничего страшного, мон. У каждого своя работа.

Крус подождал, пока патрульный сел в машину и скрылся в теплой техасской ночи, а потом крикнул коллеге:

— Манко, мон, вали сюда! Мальчонка и его зверье удрали, но коку легавые не нашли.

Заметив на лице босса смешанную с недоумением радость, Манко заглянул в фургон.

— Ты уверен? В сундук кто-то лазил.

— Что-о-о?! — Крус запрыгнул в кузов, не обращая внимания на бьющегося в путах, брызгающего слюной попугая. — О, mierda!

И они вдвоем принялись расшвыривать мебель, нимало не тревожась, что та может разбиться об асфальт.

Через два часа, поневоле признав свое поражение, они присели у двери.

— Не понимаю, — безутешно бормотал Крус. — Дьявол, как они выбрались из будки? Когда мы с легавым открыли ее, замок был на месте. Как этот костлявый ублюдок вылез?

— Может, звери прогрызли дырку?

Крус уронил голову на руки.

— Там нет никакой дыры. Что мы скажем в Вегасе? — Он взъерошил волосы длинными пальцами. — Что какой-то студентик и его дрессированные зверюшки сделали ноги с сорока килограммами коки из запертого фургона?

— У мениа в Чили есть родниа, которую я не навещал с детства.

— Потрясающе! Вот только у нас нет денег на самолет, а возобновить свою «визу» я забыл. А у тебя как?

— Чуток «зеленых» на расходы. Но они не знают, когда нас ждать, так что есть шанс ускользнуть.

— Без денег-то?

— У нас осталсиа говориащий попугай. — Манко махнул в сторону кузова. — Можно проскользнуть в Вегас, продать его задорого, и приамиком в аэропорт.

Крус немного приободрился, оглянулся на пернатого пленника.

Тот уставился на человека до ужаса умным взором.

— А что, если нам не удастся заставить его говорить? Мы ж не дрессировщики.

— Диавол, он заговорит. Я чуток знаю таких птиц. Дай им поесть — и не сможешь заставить заткнутьсиа. Этот должен стоить целое состоиание.

— Да, этот дьявол говорит не только «Попка дурак». Может, еще удастся выпутаться! — Крус хлопнул товарища по спине. — Ладно, Манко! Едем в Вегас, сбываем мебель в каком-нибудь ломбарде и продаем попугая. Потом садимся на ближайший рейс «Аэромексико». Мне всегда хотелось повидать Южную Америку.

— Выше голову, мон!

Они закрыли фургон и помчались в кабину, не обращая внимания на бьющегося шипящего попугая, ставшего для них пропуском на волю.

Глава 10

Пляж был чересчур красив — такую белизну можно увидеть только на открытках и, как ни странно, посреди Нью-Мексико. Мелкий и искристый, как сахар, гипсовый песок девственно-чистой десятифутовой полосой отделял пальмовые заросли от залива. Прозрачная, как хрусталик горного орла, вода тихонько ласкалась к берегу, и лишь вдали у рифа пенились буруны.

Джон-Том осмотрел себя — на первый взгляд цел и невредим. Выдры, обнявшись, сидели неподалеку, а Перестраховщик на корточках разглядывал пустую раковину. Но вот Мадж выпустил подругу из объятий.

— Дьявол, куда нас занесло, приятель?

Джон-Том посмотрел вдоль берега.

— Я полагаю, к югу от того места, где мы бежали от пиратов. Разумеется, нас могло занести и на край света, но мне кажется, что мы просто переместились туда, куда довез нас грузовик. Ну и, опять же, другое время суток. Ночью сверимся по звездам.

— Насчет остальных пиратов я бы не тревожился. — Перестраховщик отшвырнул пустую раковину в сторону. — Они будут мчать без передышки до самого корабля, уж будьте покойны! Хотя теперь, по-моему, это неважно — мозгами экипажа был Камалк, а мускулами — Сашим. Без этой парочки остальные будут совсем сбиты с толку.

— Тада самое время передохнуть.

Мадж сорвал с себя шорты и жилет. Виджи не отставала, швыряя в него туфлями и загоняя в воду. Джон-Том наблюдал, как они выписывают кренделя, будто пара мохнатых дельфинов. Замысловато изогнувшись, что не под силу ни одному человеку, Мадж перевернулся на спину и крикнул в сторону берега:

— Залезай, приятель! Водичка тепленькая. Лучше б даже посвежей, но и такая сгодится.

Джон-Том замялся. Они с Маджем уже купались голышом, но Виджи ведет себя почти по-человечески. Перестраховщик, трусцой спешивший к воде, оглянулся.

— Я понял! Вы, люди, такие стыдливые потому, что на вас мало шерсти.

И енот нырнул в тихую воду лагуны.

Джон-Том мысленно чертыхнулся и мгновенно разделся. Тепловатая вода освежила его, смывая пот и грязь последних дней, стирая память о пиратах и дикарях, снимая напряжение от поездки.

— Да ему же и утонуть недолго! — заметила Виджи, следя за неуклюжими попытками Джон-Тома подражать ловкости выдр.

— Ни в коем разе, милашка, — поворачиваясь на спину и подставляя живот солнечным лучам, возразил Мадж. — Для человека он справляется будь здоров, разве что руки-ноги у него не из того места растут.

Они проплескались в лагуне весь день. Пальмовый лес изобиловал тропическими фруктами, а когда путникам захотелось чего-нибудь более существенного, выдры за несколько минут набрали груду съедобных моллюсков. Одна, особенно вкусная в жареном виде, разновидность, которую Мадж называл расколками, была представлена в таком количестве, что грозила испортить Джон-Тому талию. Расколки были плоскими снизу, а сверху их раковины покрывало множество синих шипов. Если раковину разрезать и отполировать, вышло бы отличное украшение; это вернуло мысли Джон-Тома к Талее и далекому дому, навеяв грусть. Выдры поняли его тоску и не стали ничего говорить.

Был вечер. Друзья сидели вокруг костра, разведенного Перестраховщиком на песке. Над головой сияли знакомые созвездия, подтверждая, что друзья Джон-Тома вернулись в родной мир, только к югу от пещеры. Юноша попробовал снова спеть песню чужбины, но безрезультатно. Клотагорб неоднократно предупреждал его, что столь специфические заклинания могут сработать только один-единственный раз; таким способом домой не попадешь.

Ветви ближних пальм были увешаны свежевыстиранной одеждой.

— Да что тебя грызет, парень? — наконец не выдержал Мадж. — Думаешь о своей любимой?

Он обнял Виджи, и они вместе уставились на человека.

— Жаль, что ее здесь нет.

— Дьявол, да ей лучше в добром старом Колоколесье! Клотагорб за ней приглядит. Жаль, что нас там нет! Ей-то ничего дурного не грозит.

— Я не к тому, что ей может что-то грозить. Я только гадаю, сможем ли мы вновь отыскать эту пещеру.

— А почему бы и нет, не пойму? Можа, придется чуток порыскать, но мы непременно найдем бухту, где наши веселые морячки бросали якорь, а оттуда двинемся на юг. А чего?

— Если это постоянные ворота между нашими мирами — а я убежден, что это так, — то я могу попасть домой, когда хочу.

Мадж палкой поворошил угли костра — на них пекся фрукт, по виду напоминающий плод хлебного дерева, а по вкусу — засахаренный мандарин.

— Ежели так, то чего ж нам пилить до этой самой Засады Сытого Кита?

— Разыскивая пещеру, мы рискуем снова напороться на неприятности, — пожал плечами Джон-Том. — На этот случай лучше иметь при себе целую дуару. Кроме того, мне любопытно знать, можно ли творить чудеса в моем мире, или хотя бы великую музыку. Но больше всего меня заботит Талея. Я люблю ее и...

— Уволь меня от слезливых излияний, — загородился ладонью Мадж.

— А, чтоб тебя! — Виджи заехала ему локтем по ребрам и улыбнулась юноше. — Валяй, я люблю слезливые излияния.

— Я просто не представляю жизни без нее.

— Это хорошо. Продолжай, — подзадорила она с выражением удовольствия на физиономии.

— Уж и не знаю, как быть.

— По-моему, никаких проблем. — Перестраховщик поворошил костер. — Ты идешь, чинишь свой инструмент, потом идем назад, берем твою разлюбезную, и в конце вы оба идете через переход в твой мир.

— Все не так-то просто, Перестраховщик, это меня и терзает. Талея не знает никаких других миров, кроме этого. Вспомните, как вы отреагировали на мой! А ведь мы очутились в одном из самых его простых уголков, где легче всего сориентироваться. А где-нибудь в Лос-Анджелесе вы бы просто свихнулись. Не знаю, сумеет ли Талея пройти через это.

— Не стоит недооценивать ее, приятель. Эта рыжая очень крепкая. По-моему, она справится.

— Рад, что ты так думаешь, Мадж, потому что без нее я не вернусь.

— Верняк! — Выдр вскочил, потащив Виджи за собой. — Теперь, када все улажено, милашка, хочу тебе кой-что показать.

— Мадж, я это уже видела.

— Такого — еще нет!

И они вдвоем устремились в кусты.

Джон-Том любовался притихшей лагуной. Но внезапно тишина разлетелась вдребезги, прорезанная воплем боли и удивления. Они с Перестраховщиком молча схватились за оружие и помчались к выдрам.

— Что случилось? — едва не наткнувшись на Виджи, выдохнул Джон-Том.

Ответил Мадж, скакавший на одной ноге, держась обеими лапами за другую:

— Напоролся на это дерьмо, но уже все прошло. Да, прошло.

Джон-Том опустил глаза на землю: предмет, о который в полумраке споткнулся Мадж, оказался синим дюралевым чемоданчиком. Второй такой же, полузасыпанный песком, виднелся рядом.

— Мы не заметили их прежде, потому что они приземлились в кустах, — заметила Виджи. — Должно быть, лежали совсем близко и попали под заклинание, Джон-Том.

— Один из них стоял прямо у моих ног, когда я запел в грузовике.

Он хотел поднять чемоданчик, но Мадж, опередивший его, уже возился с замками.

Сотня фунтов кокаина, расфасованного в пакеты, по-прежнему лежала там. Выдр пустился отплясывать вокруг чемоданчиков веселую сарабанду.

— Мадж, мы не можем оставить эту дрянь себе.

Застывший с поднятой ногой Мадж недоумевающе заморгал блестевшими в лунном свете глазами.

— Не можем? Дьявол, что за речи — не можем оставить? Хочешь оттащить их обратно через пещеру и вручить этим придуркам, которые хотели нас продать в рабство, а тебя и вовсе укокошить?

— Нет, конечно, но оставить их себе мы не можем. Это чертовски опасно.

— О други мои! — взвыл выдр. — Тока не надо заливать старине Маджу про этику. Тока не сейчас! — Он подхватил набитый белым порошком пакет. — Да ты знаешь, на скока тянет вот это зелье? В каком-нибудь Поластринду или Снаркене за щепотку нос отдадут, так сказать. Да нам с Виджи, нам не придется работать до самой смерти.

Джон-Том был непреклонен.

— Не для того я в битвах прокладывал себе дорогу в этом мире и учился чаропению, чтобы пасть до сбыта наркотиков.

— Чудненько! Тада позволь пасть мне. Да я лучший падатель из всех, кого ты видал. Да и потом, не одному тебе решать. Это не твое царство, а ты не клепаный император.

— Знаю.

— У остальных стока же прав на эту добычу, скока у тебя. Мы чертовски намаялись, чтоб это заслужить, верняк!

— Мадж, вопрос не в том, сколько у кого прав. Важнее, что правильно, а что — нет. Обитатели этого мира не привыкли к таким мощным наркотикам.

— Кусачая роса есть кусачая роса, в каком мире ее ни возьми, — фыркнул выдр.

— Мадж, это опасное зелье. Я не хочу быть причастным к его распространению ни в малейшей степени.

— Нет проблем, кореш! Я сам о нем позабочусь.

— Мадж, Джон-Том прав.

— В каком это смысле он прав, милашка?! — Мадж, подскочив на месте, уставился на подругу. — По-моему, он не был прав с той самой поры, как выбрался из материного лона, и с каждым днем становится все неправее.

— Если он говорит, что это опасно, — Виджи указала на чемоданчики, — то я настроена с ним согласиться. В конце концов, это пришло из его мира, а не из нашего.

— Но, милашка, — взмолился Мадж, — разве ты не понимаешь, что это может для нас значить?

— Думаю, что да, понимаю. Мадж, я веду совсем не такую жизнь, как ты. — Она виновато поглядела на Джон-Тома. — Не

все выдры такие неисправимые гедонисты, как мой разлюбезный Мадж. Кое-кому из нас ведомы высокие стремления и подобие морали. — Выдра в упор взглянула на своего милого. — Знаешь, что мы сделаем с этой иноземной отравой, сахарный мой?

Мадж отвернулся, скрывая муку.

— Не говори так, милашка, пожалуйста, не говори! Можа, оставим один пакетик?

Она покачала головой.

— Ну, полпакетика!

— Извини, Мадж. Я хочу начать нашу совместную жизнь на более высоком уровне.

— Чудненько. Ну, давай пару разочков нюхнем и...

Виджи схватила в каждую лапу по чемодану и, не в силах поднять их, поволокла по песку. Джон-Том с восторгом поспешил за ней к лагуне. Мадж ковылял рядом, то протестующе размахивая лапами, то заламывая их в мольбе.

— Не делай этого, Виджи! Ежели любишь меня, не делай!

— Я люблю тебя, Мадж, а ты, если хочешь доказать свою любовь, помоги мне.

— И не проси! Мешать не буду, хотя, клянусь всеми подземными силами, роющими тоннели, следовало бы! Но не буду. Тока не проси помочь.

— Вздор, нечего поднимать такой переполох. Вот. — Виджи опустила один чемодан. — Ты можешь сделать это, я знаю. Я знаю, сколько добра в твоей душе.

— Сейчас там сплошная рана.

— Я опорожню этот, а ты тот.

Джон-Том и Перестраховщик с берега следили, как выдры бок о бок побрели по мелкой лагуне. Над водой разнесся жуткий рыдающий вопль.

— Я и не думал, что выдра может так кричать, — заметил Перестраховщик.

— Я тоже.

Над водой взмывали белые облачка чистейшего кокаина, тут же уносимые приливом. Когда последний пакет опустел, чемоданчики бросили на берегу, чтобы те со временем мирно погрузились в белоснежный песок.

Виджи трусцой вернулась на берег. Позади нее слышался какой-то плеск. Джон-Том всматривался в залив.

— Что он там делает?

— Сидит в воде, пытаясь втянуть в нос пол-лагуны, пустая шерстяная башка. — Она презрительно покачала головой. — Но вдыхает только воду. Потом минуты три откашливается и отплевывается, а потом снова за свое. Пошли к костру. Он либо бросит это дело, либо захлебнется; носиться с ним я не намерена. Он уже достаточно взрослый, только слегка недоразвитый.

Они сидели у костра, лакомясь печеными расколками. Наконец приковылял мокрый Мадж, более взъерошенный и подавленный, чем когда-либо прежде, и плюхнулся на свое место. Глубина его отчаяния была столь велика, что он даже отказался уйти с Виджи в кусты для какого-то важного разговора.

Утро вернуло выдру обычную непоседливость — Мадж был чересчур полон жизни, чтобы долго оставаться мрачным.

— Как говорится, пришло махом — уйдет прахом. — Он перекладывал вещи в котомке поудобнее. — Пора вперед, оглядываться смысла нет.

— Быстро же ты оправился, — сказал Джон-Том.

— А что толку сокрушаться? И потом, ежели уж дал слово, так или держись до упора, или поднимай лапки кверху. — Он потерся носом о нос Виджи.

— Весьма любопытно слышать подобные речи от того, кто ни разу в жизни ничего не обещал.

— Всякая штука рано или поздно случается впервые, приятель. Я ведь и никого похожего на Виджи не встречал. Жисть держится на сплошных неожиданностях, а?

— Вот уж действительно! Перестраховщик, как по-твоему, какой путь избрать?

Енот поглядел на юг.

— Ежели тебе нужно туда, человек, то можно идти этой дорогой. Может, в этот раз нам повезет и повстречается дружелюбный народ, который продаст лодку.

И они двинулись в путь: Мадж и Джон-Том несли заплечные мешки, а Виджи налегке брела вдоль берега, нагибаясь время от времени, чтобы полюбоваться очередным вынесенным морем маленьким сокровищем. Перестраховщик шагал впереди, бдительно ловя быстрым взором малейшее движение на опушке пальмового леса.

— Интересно, что там поделывает старина Камалк и как он чувствует себя в твоем мире? — Мадж оглянулся на своего рослого друга. — Как по-твоему, у Корробока нет третьего братца?

— Будем надеяться, что нет. Двух членов этой семейки больше чем достаточно.

— Я вот думал, что есть шанс — учти, тока шанс, — что такой умный и находчивый тип может выпутаться из беды за счет своего языка. Этих двух парнишек, что собирались запродать нас в балаган, назвать сообразительными нельзя ни в каком мире. Ежели Камалк сможет убедить их, что он не просто дрессированная птичка, то сумеет заставить их работать на себя. А ежели они заявятся через переход с несколькими метателями молний вроде того, каким укокошили Сашима, то могут наделать кучу бед.

— Об этом я не подумал, — встревожился Джон-Том. Мысль о разъяренном попугае, сопровождаемом отребьем человеческо-

го мира, расстроит хоть кого. — Остается только надеяться, что никто ему не поверит.

Но, продолжая свой поход, они никак не могли выбросить из головы нарисованную Маджем картину — будто и без этого было мало тревог по пути в Чеджиджи.

— Да говорю же тебе, Ленни, ничего подобного ты не видел.

Хорошо одетый мужчина откинулся на спинку кресла, вертя в руках очки.

— Парни, кого я только не ангажировал в «Паласе» за пятнадцать лет! Нет таких номеров, чтоб я не видел.

— А я говорю, что не видел, потому что ничего подобного просто не было. Эта чертова птица уникальна. Сдуреть можно, как он говорит!

— Ага, — вклинился Манко, — то есть его не надо заставлять говорить или что. Стоит развязать клюв, как он начинает болтать без умолку. Он умнее шимпанзе.

— И большущий! — Крус продемонстрировал рост птицы, держа ладонь в метре над полом. — Ни разу не видел таких огромных попугаев.

— Макао. — Импресарио развел ладони в стороны. — Макао бывают довольно крупными.

— Но не настолько. И комплекция у него соответствующая. Можно сказать, тяжеловес.

— Ладно.

Импресарио демонстративно взглянул на настенные часы. Через пятнадцать минут предстояла встреча с четверкой шоудевиц, подготовивших специфический номер, включающий в себя жонглирование арбузами, бензопилами, горящими факелами и — что самое главное в Вегасе — ключевыми частями своего туалета. Нечто вроде «Летающих братьев Карамазовых», только с обнаженкой. С дамами можно побеседовать подольше, чем с парой уличных паяцев, хоть они и поставляли ему в прошлом хорошее зелье.

Но они говорили достаточно убедительно, чтобы пробиться через секретарский кордон, и была в их речах какая-то детская убежденность, которая заставила его призадуматься. С одной стороны, обидно терять время на всякого приблудного кретина, убежденного, что у него в голове вызрел номер на миллион долларов, но с другой, — еще обиднее на следующий вечер увидеть его имя, вспыхнувшее огромными буквами над входом в «Метро-Голдвин-Мейер Гранд» или «Циркус-Циркус». Это хороший способ оказаться за дверью, несмотря на пятнадцать лет безупречной службы, и рыскать по окраинам в поисках дешевых мясных обрезков. Импресарио разглядывал застывших в ожидании посетителей. А если они действительно напали на что-то особое?

Или украли у кого-нибудь? Может же встретиться раз в жизни абсолютно новый номер?

Да нет, все это глупости. Говорящие попугаи всегда под рукой по пятаку за дюжину. Какаду в цене благодаря старому телешоу, которое крутят до сих пор. Как его там, «Беретта», что ли? Нет, кажется, «Пистолет». Но там всегда присутствует дрессировщик, подающий птице тайные знаки. А чтоб попугай выдавал уместные реплики сам по себе — такого еще не бывало. Без руководства ему никак не обойтись, а эти парни настаивают, что он все делает в одиночку. Стоит ли рисковать пятью минутами, чтобы убедиться в этом?

Крус заметил нерешительность импресарио.

— Слушай, птица в кузове грузовика. Тебе всего-то и нужно подойти и посмотреть. — Он старался, чтобы мольба в голосе была не слишком заметна. — Клянусь тебе, Ленни, когда ты посмотришь и послушаешь его, я больше и слова не пророню — ты сам все поймешь.

— Клянешься?

— Клянусь. Присягаю.

Импресарио вздохнул и выбрался из-за стола.

— Но не отнимайте у меня время попусту, парни. И не пытайтесь надуть меня скрытым микрофоном или чем-нибудь в том же духе. Я на этих уловках собаку съел.

— Никаких фокусов, Ленни.

— Никак не могу вас раскусить, — заметил он, следуя к дверям. — На дрессировщиков вы не очень-то похожи.

— А мы и не дрессировщики, — с готовностью согласился Крус. — Мы вроде как взяли птицу в счет покрытия долга.

«Что за черт!» — подумал импресарио.

— Мы подбросили парня до города, — пояснил Крус, — а он расплатился попугаем.

— Значит, вроде как приобрели, а?

Впрочем, это неважно. Важно, чтобы у шефа глаза на лоб полезли.

Выйдя в приемную, он предупредил секретаршу, что вернется через несколько минут, и приказал задержать жонглерок, если они появятся. Потом Ленни в сопровождении Круса и Манко проследовал через главный зал казино, мимо рядов игральных автоматов и рассеянных взглядов игроков, через облицованный мрамором холл вышел на улицу, но у стоянки в его душе шевельнулось подозрение. Ленни остановился.

— А кстати, где ваш грузовик?

Не то чтоб у него с собой много денег, но осмотрительность не помешает. В конце концов, эти двое — не застенчивые провинциалы.

— Успокойся, мон. — Крус указал в дальний угол стоянки. — Вон там.

Грузовик стоял особняком невдалеке от соседствующих с казино больших торговых домов. Там же находился банк и торгующий со скидкой аптечный комплекс, а дальше — еще одно казино. Стоянка буквально купалась в ярком свете.

— А чего ж вы не принесли птицу ко мне в кабинет? — переступая большую лужу, проворчал импресарио.

— Да говорю же, он большущий! — Крус перескочил через ту же лужу. — А во-вторых, ну, он страшно матерится.

Ничего, пара таких словечек номеру не повредит, особенно в Вегасе, прикинул импресарио.

— А что еще он умеет?

— Да говорю же, мон, считай, что только в голову взбредет. Его дрессировщик чертовски знал свое дело — он говорит, как человек.

Они дошли до грузовика. Обогнув его, Крус застыл с таким видом, будто ему влепили в лоб порцию картечи.

Дверь фургона была распахнута.

Изрыгая проклятия, он запрыгнул внутрь, и импресарио услышал грохот расшвыриваемой мебели.

— Что-нибудь не так? — негромко поинтересовался он у второго латиноамериканца.

— Когда мы уходили, двиерь была закрыта. Эй, Крус, я думал, ты запер!

— Запер? — отозвался голос из кузова. — На кой черт? Чтобы никто не украл этот хлам? Веревок я не вижу — значит, он не развязался. Может, кто-то ради любопытства открыл дверь, а он выскочил. — Крус выпрыгнул из кузова, лихорадочно озирая стоянку, напрочь позабыв об импресарио. — Он где-то здесь! Крылья у него связаны, значит, улететь не мог..

— Ты уверен? — Голос импресарио был полон сарказма. — Я видел немало номеров, которые заканчивались так.

Парочка его не слушала. Манко побежал в переулок между банком и аптекой.

— Простите, ребята, но мне надо посмотреть еще один номер.

— Минуточку, — Крус удержал Ленни за локоть. — Пожалуйста, еще минуточку! Он где-то поблизости. Мы отсутствовали не так уж долго.

— Эй, сиуда!

Крус вздохнул с облегчением.

— Видишь? Я же говорил, что это умная птица.

Импресарио неохотно позволил отвести себя в переулок. Швейцар казино видел, как он уходит, и, если что, через пару минут явится следом.

Перед ними лежал даже не переулок, а довольно широкая объездная дорога. Если бы эти двое решились на грабеж, то накинулись бы на него прямо за грузовиком.

Посреди дороги стоял пожилой джентльмен, явно не при-

надлежащий к числу клиентов казино. Импресарио сразу же понял это, потому что на человеке было длинное пальто: весной в Вегасе пальто никто не носит. Запах спиртного ощущался даже сильнее, чем в переполненном баре. Став объектом неожиданного внимания, покачивающийся человек чувствовал себя явно неуютно.

— Эй, отвалите! Я ниче не делал.

— Знаем, мон. — Стоявший перед пьянчужкой Манко облизнул губы и поглядел вдоль переулка. — Мы просто кое-что потериали.

— Все что-то теряют. Вот я шесть лет как потерял в этой дыре десять тысяч. Вона там. — Субъект кивнул в сторону сверкающего огнями казино. — Никаких обид. Все было без шулерства.

Импресарио подтвердил это легким кивком.

— Большая птица. — Крус нарисовал руками в воздухе контур попугая. — Примерно вот такая.

Алкаш прищурился, пытаясь собрать разбегающиеся мысли.

— Большая птица. Напрочь повязанная?

— Ага! Она. Ты ее видел?

— Ага, я ее видал. Я и мои дружки. — Он обернулся и всем туловищем указал в конец переулка. Крус и Манко сорвались с места. Заинтересовавшийся импресарио неторопливо последовал за ними.

За мусорными контейнерами потрескивал костерок. Собравшиеся вокруг него бродяги вскинулись было, но увидев, что нежданные гости не полицейские, успокоились. Некоторые из них прислонились к стене банка, остальные лежали навзничь, глядя на звезды и вспоминая лучшие времена.

Крус шумно передохнул.

— Мы ищем птицу. Большого зеленого попугая.

— Попугая? — Один из стариков сел и нахмурился. — Не видали мы никаких попугаев.

— Эй! — взмахнул полупустой бутылкой неудачник помоложе.

— Он, должно быть, толкует про индюка. Он был ваш, а?

— Индюк? — едва ворочая языком, будто только что получил дозу новокаина, выдавил Крус. — Какой индюк?

— Большой, зеленый. Эй, слышь, мужик, мы думали, он ничейный. Он просто прискакал сюда и, ну... Кое-кто из нас три дня как толком не жрал, а он был такой крупный, что хватило на всю толпу, а раз у него крылья и ноги были уже повязаны для жарки, ну... Эй, мужик, не плачь! Это что, чей-то любимец?

Крус не в силах был ответить: закрыв лицо руками, он сотрясался от рыданий. Его дружок остановившимся взглядом глазел на кучку костей у костра.

— Это не индиук, мон. Это был попугай. Говориащий попугай. Особый говориащий попугай.

Пожав плечами, бомж прислонился к стене и поковырял в зубах.

— Не знаю насчет особости, но вкусный уж точно.

— Жаль, ребята, — вздохнул импресарио, — но мне надо посмотреть еще один номер.

— И тебе больше нечего сказать, мон? — Крус пустым взором уперся в землю. — Только жаль? Сожрали самый уникальный номер за всю историю этого городишки, а тебе просто жаль?

— Таков уж шоу-бизнес.

Глядя на белоснежный песок под ногами, голубое море и жаркое солнце посреди безоблачного неба, думал Джон-Том, и не поверишь, что на свете случаются беды.

— Интересно, скока нам еще чесать до твоего Чеджиджи? — Мадж пинком отшвырнул с дороги ракушку. — Нет, я не жалуюсь на прогулку, здешний край весьма мил — масса жратвы, и добыть ее нетрудно, — но даже рай со временем приедается.

— Понятия не имею, Мадж. Я только и помню, что город лежит к юго-западу, а мы пока что даже не свернули. На дорогу может уйти несколько недель.

— Месяцев, — вклинился Перестраховщик.

— Лично я не намерена идти пешком сотни лиг, — заметила Виджи, пальцами завивая ресницы. — Если мы в ближайшее время не встретим деревню, где сможем достать лодку, то я всерьез задумаюсь о том, чтобы остановиться и сделать ее.

— Вариант с плотом не исключен. Здесь множество подходящих для этого прямоствольных пальм.

— Верняк, кореш. А раз уж ты об этом заговорил, то как насчет того, чтоб наколдовать пилы, молотки и гвозди? А ежели подумать, то заодно и пару плотников — потому как, что касается меня, то я ни черта не смыслю в кораблестроении.

— Не робей, Мадж, однажды мы ведь уже сделали плот.

— Када держали путь в любезную Квасекву? Приятель, ты забыл об одном: ты его напел.

— Ах, да! Ну, что-нибудь придумаем. Виджи, обещаю, что тебе не придется всю дорогу до Чеджиджи идти пешком.

Мадж наклонился к подруге и шепнул на ухо:

— Этот Джон-Том, он вечно сыплет подобными обещаниями. А иногда даже сдерживает одно-два, хоть и не по своей вине. — И погромче: — Кто-нибудь, кроме меня, оголодал?

— Да ты только и делаешь, что ешь. По-моему, голод тут ни при чем.

— Без маленьких удовольствий и жить незачем, парень!

Мадж устремился в пальмовые заросли и мгновенно вернулся с несколькими кусками настоящего хлебного плода, легко разделявшимися на плоские зеленоватые ломтики.

— Еще чего б сверху положить! — Его внимание привлекло что-то у кромки прибоя. — О, то, что надо!

Присмотревшись, Джон-Том содрогнулся: выдр нарезал ломтиками вынесенную на берег большую полупрозрачную медузу.

— Мадж, ты что, собрался ее есть?! Она же ядовитая.

— Ну-ну, приятель, все, что я ел, тока полезно для здоровья, тем более офигенно вкусно!

С этими словами Мадж положил между двумя кусочками хлебного плода несколько трепещущих желеобразных ломтиков и шумно зачавкал. Вопреки опасениям Джон-Тома, он не рухнул в конвульсиях на песок, а протянул такой же сандвич Виджи, которая впилась в него зубами с большим удовольствием. Потом, роняя капли желе с усов и утирая измазанную мордашку, она подняла глаза на человека.

— Джон-Том, Мадж прав, это восхитительно. Сам попробуй!

— Вот уж не знаю, — Юноша осторожно протянул руку к сандвичу. — Там, откуда я прибыл, вкусных медуз просто не бывает.

— Мы уже попробовали, как извращен твой мир, кореш. Теперь попробуй наш.

Чувствуя тошноту, Джон-Том взял сочащийся слизью ломоть. Желудок подкатил под горло.

— Валяй, приятель, — подбодрил Мадж. — Ежели б я хотел тебя отравить, то уже сделал бы это двадцать раз.

Джон-Том зажмурился и откусил. Рот мгновенно наполнился слюной. Малина! Прожевав, он проглотил восхитительную смесь и снова впился зубами в сандвич. Виноград! К великому его удивлению, каждый последующий глоток на вкус отличался от предыдущих: черника, вишня, земляника, персик и так далее.

— Мадж, это невообразимо!

— Разумеется, раз я рекомендовал. Разве я скажу, что это удовольствие, ежели оно так себе?

— Учитывая твое упадочническое, а порой и презренное прошлое — да, скажешь. Но я тебе все простила.

Виджи постучала Маджа сандвичем по носу.

— Вот это мило!

Мадж обнял возлюбленную, и они зашагали в ногу.

— Все равно не понимаю!

Джон-Том жевал второй сандвич.

— Чего тут понимать, шеф? Как по-твоему, с чего их прозвали медузами?

— В моем мире это не так.

— У твоего мира не все дома. — Выдр издал непристойный звук. — Он смердит, хамит и грубит. Рано или поздно ты уйдешь туда через свой тоннель, пещеру или что оно там такое, но тока без меня!

— И без меня. — Виджи поежилась. — По-моему, второго раза я не перенесу.

— Понимаю. Я и не думал, что вы со мной пойдете.

Перестраховщик, ушедший вперед в поисках своих любимых устриц, теперь остановился, отыскав нечто менее съедобное, но несравненно более важное, и знаками подзывал друзей. Приблизившись, Джон-Том увидел несколько отпечатков ног. Следы были схожими, но не одинаковыми.

— Одного роду-племени. — Перестраховщик пальцами измерил отпечатки. — Лисы, волки, динго и все такое. Нечасто встретишь столь избранную компанию.

— Можа, это часть большой общины? — предположил Мадж.

— Может статься. — Енот носом указал вдоль берега. — Идут в ту сторону. Свежие, иначе бы их давно смыло. По-моему, здесь надо поостеречься, уж будьте покойны, пока не выясним, на чей задний двор нас занесло.

Они покинули открытый всем взорам пляж и углубились в заросли. Деревня оказалась совсем рядом. Располагалась она по другую сторону чистенькой речушки, на берегу которой лежало несколько оснащенных парусами долбленок. Выглядели они прочными и ходкими — особенно те, что побольше.

— Вот и транспорт! — Джон-Том уже присматривал лодку получше. — Говорил же я вам, что пешком идти не придется.

— Погоди-ка чуток, приятель. Кто знает, как здешние ребята относятся к прокату лодок, а тем более что они подумают, када мы ввалимся без приглашения. Давай-ка чуток отсидимся здесь и понаблюдаем за нашими будущими партнерами, а?

— Мне казалось, ты совсем одурел от ходьбы.

— Ну да, одурел, но не сдурел. Ты так и не понял толком нашего мира. Тока дураки бросаются туда, куда трус и не сунется, а я не дурак.

— Вспомни, как к нам отнеслись в той деревне. — Виджи выглядывала из-за большого папоротника.

— Так-то оно так, но местные жители выглядят совсем иначе.

В этом он был прав — владельцы лодок ни в чем не походили на крадунов, продавших путников пиратам. С другой стороны, как показали наблюдения, опасения Маджа были вполне оправданны, поскольку туземцы вряд ли проводили время, помогая старушкам перебираться через ручей.

Ярче всего об этом свидетельствовал загон посреди деревни, огражденный высокими деревянными стенами. Выглядел он не особо прочным, но вверху стены загибались внутрь и были утыканы шипами — с очевидным намерением помешать пленникам выбраться наружу. В данный момент там был лишь один обитатель.

На каждом жителе деревни был надет массивный ошейник, соединенный ярко раскрашенными кожаными ремешками с

тонким чеканным нагрудником. На пленнике была такая же сбруя, хотя вряд ли он надел ее добровольно. Во-первых, потому что у него ремешки были траурно-черными; ни ярких цветов, ни украшений в виде бус и крашеных перьев. Во-вторых, он беспокойно метался вдоль стены, примеряясь к ней то там, то тут. А в-третьих — он не был ни волком, ни собакой.

Джон-Том сразу же распознал масть — гнедой индейский скакун, причем на диво ладный. Но принадлежать он мог только этому миру: ни один жеребец в мире Джон-Тома не мог похвастаться парой крыльев, да еще таких больших.

— Смотрите туда.

Перестраховщик указал на широкую неглубокую костровую яму, над которой были установлены два вертела. Туземцы наполняли ее до краев дровами и скорлупой кокосовых орехов, чтобы развести жаркий огонь.

Судя по всему, деревня готовилась к большому пиру. Но кем был заточенный конь: почетным гостем или главным блюдом?

— И что вы об этом думаете? — поинтересовался Джон-Том у спутников.

— Судя по тому, как этот конь носится взад-вперед и тычется в столбы, я бы сказал, что сегодня он пойдет на ужин, — ответил Мадж. — Но тада концы с концами не сходятся.

Джон-Том кивнул. Действительно, надо быть слепым, чтобы не понять этого. Хоть стены загона загибаются внутрь и утыканы остриями, огороженное пространство открыто небу. Нервный трепет крыльев жеребца свидетельствовал, что они не переломаны и вроде бы не ранены. В результате возникает неизбежный вопрос: если конь пребывает в какой-то опасности — отчего бы ему не распахнуть свои могучие опахала и не улететь?

Глава 11

— Должно быть, надетый на нем черный ошейник — какая-то ритуальная сбруя, — Виджи тоже не давала покоя явная несообразность положения жеребца. — Даже если она из чистейшего свинца, то вряд ли настолько тяжела, чтобы не дать ему взлететь. Он такой большой и сильный!

— Да уж, полная бессмыслица, — согласился Перестраховщик.

— Нам это на руку. — Мадж указал на длинное каноэ с крепкой мачтой. — Гляньте-ка на эту красотку! Ежели мы ее умыкнем, то в один момент с комфортом домчим до Чеджиджи. Ишь ты, отплясывают! Ну, покамест они будут пировать, мы с Виджи сплаваем и освободим эту милашку от привязи. Речушку мы запросто перенырнем.

Джон-Том и не пытался скрыть, насколько поражен.

— Мадж, но нельзя же вот так просто удрать и позволить им сожрать такое красивое животное!

— Чего? — Мадж указал на Виджи. — Вот мой идеал красивого животного, с лапами заместо копыт!

— А как же быть с общностью разума у теплокровных? Ты разве забыл, что в прошлом странствии нашим лучшим другом было четвероногое?

— Разве я забуду старушку Дормас? Как можно! Но ее нынче вечером на банкет не пригласили, а этого крылатого лошака я в упор не знаю. Подумаешь, крылья!

— Неладно это, — забеспокоился Перестраховщик. — Неладно, когда говорящие и думающие твари едят друг друга.

— Да с чего вы взяли, что этот жеребчик говорит и думает? Можа, он бессловесный выродок? У него чтой-то не в порядке, верняк! Иначе какого ж черта он не улетает? Можа, он одержим стремлением к смерти?

Джон-Том не спускал глаз с неустанно кружившего по загону жеребца.

— Мы могли бы добраться до Чеджиджи гораздо быстрее, чем на лодке. Насчет его роста Виджи права — это летучий першерон. Он достаточно велик, чтобы поднять нас всех.

— Не нравится мне высота, приятель. У меня начинается воздушная болезнь, ежели я взберусь на верхушку деревца, вот так. А, все едино ты плюешь против ветра — он там, а мы тут. Нынче ночью мы стибрим лодку и завтра будем в открытом море. Самое страшное, что тебе грозит, — пару раз увидать во сне кошмары.

— По логике ты прав, Мадж, но не по сердцу.

— А что, есть другие варианты, а? — развеселился Мадж.

— Как тебе такой: допустим, мы переправляемся через реку и освобождаем его, пока туземцы готовятся к пиру.

— А как тебе, ежели мы тебя свяжем, сунем в глотку кляп и швырнем в лодку, а развяжем, када к тебе вернется здравый смысл?

— Я иду туда. Кто со мной?

Выдры переглянулись. Виджи потупилась и промолчала. Огорченный Джон-Том посмотрел на последнего члена маленького отряда.

— И ты тоже, Перестраховщик?

— Это только имя. Я иду с тобой, человек. — Енот поглядел на деревню и загон. — Неладно это, да и только.

— У вас обоих шарики заехали за ролики. Джон-Том, на этот раз ты просишь чересчур много!

— Да никакого риска! — умоляюще твердил Джон-Том. — Мы с Перестраховщиком проскальзываем в деревню, пока никто не видит, и перерезаем веревки у нескольких столбов. Потом

удираем. Тем временем вы с Виджи утащите лодку. Встретимся возле устья реки. Мы с Перестраховщиком — а может, и с конем — плывем к вам. Мы будем в открытом море прежде, чем в деревне сообразят, что главное блюдо отбыло в неведомые края.

— Отлично, приятель! Запиши это на бумажке. Мы сделаем копии и раздадим их каннибалам, чтоб они точненько знали свои клепаные роли.

Друзья дождались сумерек. Мадж проводил Перестраховщика и Джон-Тома до переправы.

— И постарайся не опоздать к лагуне, приятель. Я не стану болтаться там, дожидаясь твоего прибытия. Хватит с меня. Слышишь?!

Но Джон-Том то ли не слышал, то ли слышал, но не ответил.

— Придурки дерьмовые. Я их предупреждал.

— Не волнуйся, они справятся. — Виджи успокаивающе положила лапу на плечо выдра.

— Я волнуюсь? Да какого черта мне волноваться? У них куча времени. И у нас куча времени.

Мадж хотел обнять подругу, но она его оттолкнула.

— Так и не будем его терять. Пойдем добывать лодку.

И Виджи побежала к воде. Мадж с ворчанием последовал за ней.

Одинокий барабан вдалбливал неизменный монотонный ритм прямо в мозг. Джон-Том знал, что будет слышать этот барабан еще много дней спустя — если только их попытка удастся. Мокрый до нитки после переправы, он пробирался следом за Перестраховщиком по прибрежным зарослям. Вечер выдался жаркий, и Джон-Том чувствовал себя приятно освеженным. Никогда еще не был он так уверен в правоте своего дела.

У первой хижины они залегли.

— Видишь что-нибудь?

— Почитай, все готовятся развести большой огонь, — прошептал енот. — Тут никого не видать, не слыхать. Идем, и побыстрее!

Они перебежали небольшую площадку и оказались у загородки. Заметив незнакомцев, жеребец тревожно оглянулся через плечо и рысцой направился в их сторону.

— Кто вы и откуда явились?

Голос у него был низкий и зычный.

— Друзья — Джон-Том вглядывался во мрак позади коня. — Как ты попался?

Тем временем Перестраховщик уже перерезал веревки, скрепляющие столбы загона.

— Ехал навестить друзей. Однажды ночью на наше маленькое судно обрушился жуткий шторм, и оно затонуло. Боюсь,

многие из моих попутчиков оказались плохими пловцами. Впереди были высокие волны и скалы. Оказавшись на берегу в одиночестве, я в поисках помощи двинулся в эту сторону — и оказался в руках у этого жуткого племени.

Перестраховщик уже освободил один столб, и Джон-Том помог еноту тихонько подвязать его.

— Лучше поторопитесь. — Конь поглядывал в сторону куста. — Кстати, меня зовут Тейва. Поторопитесь, а то вас тоже съедят. Ужасный край!

— Смотря где живешь, — налегая на нож, возразил Перестраховщик.

— А почему ты не улетел? — Джон-Том указал на черный кожаный ошейник. — Вряд ли эта сбруя настолько тяжела.

Жеребец скосил глаз на ошейник.

— Нет, она совсем легкая. По-моему, это только для ритуала и ничего более. Они ее надевают на тех, кого собираются съесть. Но ограда чересчур высока, мне не перескочить.

— Я ни слова не сказал о прыжках. Почему ты не улетел?

Тейва повесил голову и упавшим голосом признался:

— Не могу.

— Вот-вот покончу с этим, — вытаскивая столб из земли, проворчал Перестраховщик. — А почему так?

— Просто не могу.

Кто-то наподдал Джон-Тому пониже спины, отправив его прямиком в только что проделанный проход. Рядом закувыркался енот. Они вскочили на ноги как раз вовремя, чтобы увидеть дюжину туземцев, устанавливающих столбы на место. Нож Перестраховщика лежал у ног мускулистого волка. Тот поднял оружие и сунул себе за пояс. Каннибалы подкрались настолько тихо, что ни Джон-Том, ни даже Перестраховщик ничего не заметили, пока не получили коленом под зад.

Покончив с оградой, туземцы оглядели новоприбывших, высунув языки и не проронив ни слова.

— Вот уж изрядные молчальники, ничего не скажешь! — Енот двинулся вперед. — По-моему, я могу одолеть этот забор.

Движение его было остановлено стрелой, вонзившейся в футе от ног. Джон-Том поднял глаза на кроны деревьев. Среди ветвей смутно прорисовывались контуры луков и горящие глаза.

— Вот они откуда объявились. Потому-то мы и не слышали, как они крадутся. Должно быть, следили за нами с тех пор, как мы вылезли из реки, и очень старались не расхохотаться.

— Да уж, изрядно опасный народ, что и говорить. Думаешь, никто не видит, а они смотрят да посматривают.

— И очень экономны. Им ничего не стоило продырявить тебе ногу. — Джон-Том подбородком указал на стрелу и отвернулся от ограды. — Делай вид, что мы влипли и подняли лапки кверху.

— Так оно и есть.

Енот грузно опустился на землю.

— Вовсе не обязательно.

— О чем ты говоришь? Вы так же беспомощны, как и я, — удивился Тейва.

— В моем посохе таятся шесть дюймов стали. — Джон-Том взмахнул посохом. — А в мешке лежит инструмент.

— По-моему, музыка тут не поможет.

— Ты не понял. Я чаропевец.

— Человек, ты не сможешь выпеть себя отсюда — просто не успеешь.

Джон-Том искоса обозрел темные силуэты на деревьях.

— Может, да, а может — нет. Так вот почему ты не улетел — боялся получить стрелу в грудь до того, как взмоешь над деревьями?

Жеребец понурился.

— О нет, это меня не тревожит. Я могу упорхнуть с такой скоростью, что лучший стрелок не успеет даже прицелиться. Но их это тоже не тревожит, потому что они знают, что я не могу улететь отсюда. Они знают, что у меня не в порядке.

Джон-Том положил руку на огромное крыло, и хотя оно было сложено, ощутил игру огромных мускулов и дрожь сухожилий толщиной с человеческую ногу. Судя по виду, этот конь мог бы спокойно летать с роялем на спине.

— По-моему, у тебя все в порядке. Если ты не боишься стрел и у тебя все нормально, то какого ж черта не улетел из этого крольчатника? — Юноша оценивающе подергал один из опоясывающих бока жеребца кожаных ремней — черную метку жертвы. — Если с тобой действительно что-то не так, то будь я проклят, если вижу, что!

— Неудивительно. Эта вещь взгляду не доступна. — Смущенный Тейва напряженно сглотнул. — Видите ли, я страдаю высотобоязнью.

Джон-Том только рот разинул. Порой начинало казаться, что рок положил ему лично познакомиться в мире Маджа со всеми до единого обладателями психических травм.

Что же до туземцев, то они с радостью приветствовали пополнение меню на целых два пункта. Дабы гости чувствовали себя как дома, к прежним двум вертелам было добавлено еще два, помельче. Костровую яму расширили. Главному блюду будут предшествовать две перемены закусок. Милостивая фортуна явно улыбнулась каннибалам, ниспослав им свежего мясца, прибывшего своим ходом и буквально просившегося на стол.

А что, с одного даже не надо снимать шкуру!

Джон-Том разглядывал загородку. Спрятанное в посохе лезвие может с легкостью перерезать веревки, но заодно привлечет

внимание прячущихся на деревьях лучников. Вряд ли те будут ждать, пока пленники убегут.

— Считай, что мы уже жаркое.

— Может, и нет — Мадж и Виджи еще на свободе.

Енот высморкался.

— Из ничего да ничего ничего не получится. Уж лучше попытаемся сами придумать, как выбраться отсюда. Не очень-то рассчитывай на своего выдра.

— Прежде он меня выручал.

— А была с ним в те времена его дама?

— В общем, нет.

— Тогда ты говоришь о другом выдре. Как ты думаешь, что ему дороже — новая жизнь с ней или старая дружба с тобой?

Вместо ответа Джон-Том отошел к Тейве и принялся разглядывать ремни, опоясывающие шею и грудь коня, гадая, наденут ли на них такую же сбрую. Рысак не обращал на него никакого внимания. В душе Джон-Том верил, что Мадж придет на выручку, но разум подсказывал, что Перестраховщик прав — надо придумать что-то самим, и побыстрее. А Тейва — прекрасная возможность для бегства. Лучше заняться им, а не оградой.

— Летучий конь боится высоты — это ж бессмыслица какая-то!

Жеребец оглянулся.

— Как и чаропевец из иного мира. И все-таки ты здесь.

Джон-Том вспомнил времена репетиторства и заговорил с конем тем тоном, каким наставлял напуганных до оглупения юристов-первокурсников:

— Послушай, перестань смотреть на костер и расслабься. У меня есть некоторый опыт в таких вопросах. Если мы этим займемся, то, быть может, отыщем средство от твоего духовного недуга.

— Я расслаблен — насколько может быть расслаблен тот, кто готовится стать главным блюдом на пиру каннибалов. Что же до предложения излечить меня, человек, то милости прошу, но должен предупредить: я нервничаю, даже вставая на дыбы, потому что голова слишком далеко от земли. На корабле я почти не выходил из каюты, потому что боялся посмотреть за борт — море было далеко внизу.

Худо дело, подумал Джон-Том и спросил:

— И давно это?

— Сколько себя помню. Жеребенком я вечно убегал и прятался от друзей, потому что не мог видеть, как вольно они парят в небе, затевая игру в прятки среди облаков, а меня приковывают к земле мои страхи. Ах, человек, разве я не пытался летать? Поверь, я очень старался!

Конь развернул великолепные крапчатые крылья и энергично захлопал ими, но стоило передним копытам оторваться на пару дюймов от земли, как он испуганно сложил крылья. В глазах его застыл ужас, все тело дрожало — с первого же взгляда было ясно, что одна лишь мысль о полете для него подобна пытке.

— Хужее не придумаешь, — покачал головой наблюдавший за ним енот.

— Я сам, — резко оборвал его Джон-Том и повернулся к жеребцу с ласковой улыбкой. — И когда же ты впервые понял, что вполне способен летать, но не можешь, потому что боишься?

— О, давным-давно, — застенчиво признался тот. — А если тебя интересует какое-то ключевое событие, некий темный секрет моего прошлого, — долго искать не придется. Мне говорили, что когда я был очень маленьким — сам я этого почти не помню, — то начал учиться летать на тренировочном поводке, как заведено. И хотя теперь верится с трудом, но меня уверяли, что я был отважнее прочих жеребят. Однажды я попытался вылететь прямо из родной конюшни и пулей пронесся через проход примерно такой же высоты, как ты, человек.

— И что же?

— Врезался. — Конь вздрогнул. — Наткнулся на низкую дверь, одно копыто зацепилось за щеколду, и я перевалился на ту сторону.

— Крепко побился?

— Вовсе нет. Видишь ли, на шее у меня был поводок, а дверь была выше меня — так что я оказался в ловушке, повиснув на ремне. Я пытался освободиться, захлопав крыльями, но их прищемило дверью. Так я висел и понемногу задыхался, пока проходившая мимо кобыла, подруга моей воспитательницы, не перекусила поводок. Однако к тому моменту я уже был без сознания. Это воспоминание не отпускает, и, если я пытаюсь взлететь, боль и страх обрушиваются на меня, и я начинаю задыхаться. Как видишь, ничего таинственного. Просто я ничего не могу с собой поделать.

— Понимаю, — кивнул Джон-Том.

— Неужели? — Тейва удивленно посмотрел на него.

— Разумеется. Тебя держит на привязи пережитый в детстве ужас. Многие знают причину своих страхов, но просто не умеют их преодолеть. Прежде всего ты должен понять, что страх этот иррационален — все это случилось давным-давно, ты был почти сосунком. Ты обязан убедить себя, что с головой у тебя все в порядке, как и с крыльями, ногами и остальными частями тела.

Джон-Том сделал пару шагов вперед, остановившись рядом — глаза в глаза — с жеребцом.

— Тейва, ты можешь одолеть свой страх, только надо объяснить это себе. Поводок — в твоей памяти, а не на шее, а память не может задохнуться. Разве то, что тебя вот-вот выпотрошат, насадят на вертел и подадут к столу, не пробуждает у тебя желания выбраться?

— Я не более, чем вы, рвусь попасть в чужие желудки, но ничего не могу с собою поделать.

Конь снова захлопал огромными крыльями. Поднятая ими пыль запорошила Джон-Тому глаза. Вот Тейва приподнялся над землей на дюйм, на два, на три, на полфута — и снова упал, роняя изо рта хлопья пены.

— Не могу, — напряженно выдавил он. — Буквально физически ощущаю впившийся в шею поводок, чувствую, как он затягивается и душит меня. Взлетев на десять футов, я потеряю сознание от недостатка воздуха и рухну на землю. Я знаю. — Глаза его горели. — Тебе неведомо это чувство, ты даже не можешь представить, каково это, так что не пытайся меня уговорить.

— Не буду.

Джон-Том старался говорить спокойно и ласково. К сожалению, костер разгорался все ярче. Некогда нежничать и цацкаться — надо действовать.

— Давайте что-то делать.

— Они оба попались, эти насмешки природы!

Мадж сидел на корточках посреди огромного каноэ, которое они угнали на пару с Виджи, и смотрел на деревню. Лодки охраняли два волка, но по счастливому стечению обстоятельств их внимание отвлек какой-то переполох в селении. Теперь Мадж понял, что было его причиной. Счастливые обстоятельства здесь вовсе ни при чем.

— Пора бы уж им показаться.

— Дадим им еще несколько минут.

Обернувшись, он попытался в темноте разглядеть подругу.

— Нет. Знаю я этого Джон-Тома, вот так. У этой бедной голозадой макаки мозгов меньше, чем у курицы. Попался он. Ну, мы сделали что могли. Я пытался его упредить, но ему ж надо непременно разыграть благородство. Он сам того хотел, сам, а мы тут ваше ни при чем. Нас ждет своя жисть. Пора отправляться.

Выдр выпрыгнул из лодки и налег на нее плечом, чтобы столкнуть с мели на песчаной косе, где они нашли временную стоянку.

Виджи склонилась к нему и, чтобы привлечь внимание, потерлась своим носом о его нос.

— Мадж, но нельзя же позволить им умереть подобным образом!

— Не нам решать, какой смертью им помирать, милашка. Они сами на это пошли. Что ж тада будет с нами, а? — Он выпрямился и, перегнувшись через борт, поцеловал Виджи, потом провел пальцем по ее усам. — Я еще не встречал таких девушек, как ты, и думать не думал, что встречу. Никогда не думал об оседлой жисти, потому как не видел в ней смысла, а теперь вижу.

Я не хочу, чтоб все полетело к черту тока из-за того, что простофиля из другого мира по дурости лезет, куда его не просят. Джон-Том откалывает эти идиотские номера с той самой поры, как я с ним познакомился, то есть как тока он очутился здесь. Я знал, что в один прекрасный день он возьмет на себя чересчур много — и конец любопытному знакомству. И вот этот день пришел. Он сам за себя все решил. Больше никому ничего не угрожает, судьба мира от него не зависит — это всего-навсего Джон-Том, и рок судил, что пора уж ему того-этого.

— А кто-то когда-то говорил, что рок ничего не значит.

— И кто этот дурак?

Она склонилась поближе.

— Ты, Мадж.

Выдр отпрянул, но уйти от ее взгляда не смог.

— Черт побери всех баб, вместе взятых! Слышь, Виджи?! Я сказал, будь ты проклята!

— Я слышу. — Она плавно скользнула за борт. — Мы с тобой проведем чудесный сеанс взаимных оскорблений и проклятий чуть попозже. Сейчас на это нет времени.

Они вместе направились к деревне, легко обогнав переплывшую им дорогу напуганную рыбу.

Неуверенные попытки Джон-Тома провести лошадиный психоанализ, прерванные скрипом отпирающихся ворот, тут же пошли прахом. Сперва он думал, что это пришли повара — но ворота распахнулись лишь для того, чтобы впустить очередную порцию закусок. Закуски бесцеремонно впихнули в загон и захлопнули ворота.

— Привет, Мадж. Привет, Виджи.

Джон-Том даже не поздоровался.

Тейва ударил копытом о землю.

— Тоже твои друзья? Человек, среди твоих знакомых хватает безрассудных глупцов.

Мадж отряхивался. Выражение глаз у него было такое, что могло бы прожечь дыру в стене толщиной в дюжину ярдов.

— Ты и половины не знаешь, четырехногий. Надо было взять мой лук, но вода б его попортила. А, все едино надо было взять и попытать судьбу. Да теперь уж офигенно поздно.

Он подбежал к воротам и обложил туземцев разнообразными эпитетами.

— Эта банда не глупа, — заметил Перестраховщик, чистивший хвост. — Или надо действовать просто-таки молниеносно, или на тебя посыплются с деревьев.

— Я суну этот драгоценный совет прямиком туда, где он принесет больше пользы, — буркнул выдр. — Жаль тока, что его не было под рукой минуты три назад. Я и не думал пялиться на деревья — в голову не пришло, что тут живут макаки. Зато теперь одна уж точно есть. — Он уставился на Джон-Тома.

— Моя вина. — Виджи медленно подошла к юноше. — Мадж не хотел идти. Наверно, он был прав, но я настаивала.

— То есть как это я не хотел?! Да чтоб я бросил своего лучшего друга на съедение и даже не попытался вытащить его отсюда?! Да ни в жисть!

Виджи через плечо молча несколько секунд разглядывала своего воздыхателя, потом обернулась к Джон-Тому.

— Все, что ты рассказывал о нем, — правда.

И она подошла к Перестраховщику, чтобы о чем-то пошептаться с ним. А Джон-Том, плюнув на риск упустить время, приблизился к другу.

— Мадж, я ценю твои усилия, жаль только, что они не увенчались успехом. Однако благодаря тебе у нас появился небольшой запас времени: им снова придется расширять кострище.

Он указал за ворота. Действительно, воодушевленные туземцы были заняты именно этим.

— Почему бы им не жарить нас просто поштучно? — проворчал выдр.

— Вот этого-то я никак и не пойму, — вмешался Тейва.

— Может, это имеет какое-то ритуальное значение. Чем роскошней банкет и чем больше дичи изжарено за раз, тем лучше виды на будущую охоту или что-то в том же духе.

Мадж скосил глаз на Джон-Тома и с горечью, безнадежно промолвил:

— Я знал, приятель, что ежели буду долго шляться с тобой, то отдам концы до времени. Знаешь, раньше в финале каждой нашей веселой прогулки ты всегда хлопал меня по плечу и говаривал: «Славно вжарили, Мадж, славно вжарили». — Он ткнул большим пальцем через плечо, в сторону костра. — Теперь я уж точно буду славно вжарен, верняк!

Потом Мадж оглядел с головы до ног крылатого жеребца.

— А ты узнал про того, из-за кого весь этот переполох? Насчет того, что он может запросто унести нас всех, ты прав. Так почему не забраться к нему на борт и не упорхнуть отседа?

— Он боится высоты, — сообщил Перестраховщик.

— Чего?! — Мадж с прищуром воззрился на енота. — Я чтой-то не расслышал.

— Я сказал, он боится высоты! — раздраженно гаркнул тот.

Мадж помолчал, переваривая новость, потом неторопливо подошел к исполинскому жеребцу и остановился чуть ли не носом к носу с ним.

— Мадж, не... — начал было Джон-Том, но заставить выдра замолчать было ничуть не легче, чем предотвратить ветхозаветный потоп.

— Значица, боишься высоты?! Это с крыльями-то, которые дадут фору сотне орлов, да еще с такими мускулищами?! — Он попытался пнуть коня в грудь, но короткие ножки не достали. —

Четырехногий трус! Крылатый маменькин сынок! Жалкая жеманная жвачная пародия на племя лошадиных! Да какой из тебя толк?!

Выдр продолжал осыпать жеребца оскорблениями, пока Тейва не спрятал голову под крыло, и лишь тогда Мадж в предельном негодовании отвернулся от него.

— Ну, спасибо, Мадж, — тряхнул головой Джон-Том, — удружил! Знаешь, как ты мне помог? Я из кожи вон лезу, внушая ему, что он может летать, пробуждаю в нем веру в себя, а ты...

— Что я, парень? Говорю правду? Жисть — не ясли, и я не намерен цацкаться и нянчиться с разными сопляками, особенно када под вопросом моя собственная жисть. — Он уселся и положил голову на лапы. — Надеюсь, при поджаривании меня щедро сдобрят шалфеем — завсегда любил шалфей.

Джон-Том снова занялся жеребцом и попытался заглянуть под крыло.

— Тейва, покажись, это тебе не поможет.

— Нет, поможет! Мне и без того худо, что погибну не только я, но и вы — потому, что хотели помочь. Мне так стыдно — хуже некуда.

Тут к загону двинулась торжественная процессия туземцев, выстроившихся в колонну по двое. Остальные затянули монотонное песнопение около костра.

— Ну пожалуйста, выгляни! — молил Джон-Том пестрое крыло. Тейва неохотно приподнял голову над перьями.

— Бесполезно, человек. Я ценю твою заботу, но это потерянное время. Все уже перепробовано.

— Может, нам удастся обвести дикарей вокруг пальца. Сделаем вид, что ты собираешься взлететь. Хотя бы собьем их с толку и получим небольшую передышку. — Юноша положил ладонь на опоясывающий коня черный ремень. — Ты не против?

— Уж лучше бы ты приготовился встретить свой последний час, но если тебе от этого легче, валяй!

Джон-Том оперся ногой о нижние ремни и вскочил на широкую мускулистую спину. С высоты он заново оценил, насколько велик и силен Тейва, размахом крыльев не уступающий спортивному самолету.

— Мадж, Виджи, Перестраховщик, садитесь позади меня!

— Чего ради, кореш? Ежели б эта бестолковая волчья сыть могла летать, то давно бы скрылась, да и мы не торчали б в этой западне.

— Делай, как он говорит, Мадж, — сказала Виджи, с помощью Джон-Тома забираясь на спину коня.

— Делай, как говорит Джон-Том, понимаете ли! Я делал так цельный год — и куда в результате вляпался?

— Ладно, делай, как говорю я: полезай сюда!

— А теперь я получаю указания от глупой бабы.

Ворча себе под нос, Мадж встал и пошел к жеребцу.

На спине у Тейвы осталось не так уж много места, и севший позади всех Мадж оказался практически на крупе, что весьма соответствовало его настроению: по мнению выдра, со дня встречи с Джон-Томом фортуна всегда поворачивалась к нему именно задом.

— Повернись к ним лицом.

— Зачем? — спросил Тейва. — Я предпочел бы не видеть фатального удара.

— Повернись к ним лицом, как велит человек! — рявкнул Мадж. — Можа, тебе это без разницы, но будь я проклят, ежели помру с копьем в заду!

Жеребец молча развернулся.

— А теперь раскрой крылья, будто собираешься взлететь, — приказал Джон-Том.

Конь с обреченным вздохом повиновался.

Ворота распахнулись. Колонна разъединилась, образовав две шеренги и выстроившись коридором от загона к костру. По проходу торжественно выступали два волка, пара динго и длинноухий лис. У каждого был нож размером с мачете.

— И снизошли помазанные на мясничество, — пробормотал Мадж. — Сдерживай их посохом скока можешь, приятель.

Джон-Том пропустил совет выдра мимо ушей, разглядывая кровопускателей. Они были украшены такими же черными ремнями, как Тейва. У шедшего последним волка была целая охапка ремешков поуже — негоже трем мелким пленникам идти на смерть без приличествующего случаю наряда.

Склонившись к уху коня, Джон-Том шепнул:

— А теперь сделай вид, что готовишься взлететь.

Тейва послушно захлопал огромными крыльями, раскинувшимися от одной стены загона до другой. На этот раз он взмыл почти на фут, но снова опустился, едва не рухнув на колени.

— Не могу, — хрипло выдохнул он. Джон-Тому показалось, что из глаз жеребца побежали слезы. — Я на это просто не способен.

— Прощай, Виджи. — Мадж подался вперед и крепко прижал подругу к себе. — Жаль, что мы проводили в постели слишком мало времени и я не успел показать, какой я великий любовник.

— А мне жаль, — пробормотала она в ответ, — что мы проводили в постели слишком много времени, и я не успела узнать, какая добрая натура скрывается в тебе под напускной грубостью и фальшивой бравадой.

— А мне просто жаль, — подхватил енот, закрывая глаза в ожидании смертельного поцелуя ножа.

— Лети! — призывал Джон-Том. — Я же знаю, что ты можешь! Ты знаешь, что можешь!

Вспомнив старую индейскую хитрость, о которой где-то читал, он наклонился и укусил коня за ухо. Тот вздрогнул, но не полетел.

— Безнадежно, други мои последние.

Мясники бормотали какую-то ритуальную чушь. «Благослови ножи наши» или что-нибудь в этом роде, подумал Джон-Том. Счет шел на минуты.

— Лети, черт тебя дери!

— Э-э, кореш!

— Мадж, не мешай!

Мадж рылся левой лапой во внутреннем кармане потрепанного жилета. Не сдержав любопытства, Джон-Том все-таки оглянулся: несомненно, Мадж хочет поднести ему какой-то последний презент, некий символ уважения, призванный навеки скрепить узы, связывавшие их, — нечто значительное. Нечто, выглядевшее точь-в-точь как квадратный пакет с белым порошком.

— Мадж! — Возмущение Виджи можно было буквально пощупать.

— Извини, милашка, наверно, я просто слабак. Никогда не даю обещаний без крохотных исключений. — Он вручил пакет Джон-Тому. — Раз время волшебных звуков миновало, настал час попробовать чуток волшебных нюхов. Дай ему щепоточку, тока помни — совсем крохотную.

— Ну да, ага, конечно.

Джон-Том сграбастал пакет, едва не выронив его в лихорадочных попытках распечатать. Увидев, как юноша вспарывает пакет посередине, Мадж скривился, будто его ужалили. Обняв коня левой рукой за шею, Джон-Том подался вперед, держа в правой руке вспоротую упаковку.

— Проклятье, да открой же глаза!

Увидев пакет, Тейва заморгал.

— Что это? Я уже покончил счеты с миром и ничего никому не должен.

— Ну да, согласен. Это поможет тебе расслабиться. Нюхни.

— Похоже на сахар. — Жеребец нахмурился. — А почему нюхать, а не пробовать?

Тон песнопений стал выше, а мясники рассыпались полукругом, чтобы пленники случайно не проскочили мимо них.

— Ну пожалуйста, вдохни чуточку. Это моя последняя просьба.

— Хоть она и глупа, но если так я могу хоть капельку искупить причиненный вам ущерб, то сделаю это.

Наклонив голову, жеребец погрузил ноздри в пакет и глубоко вдохнул. Чем-чем, а легкими он мог похвастаться: изрядная часть упаковки тут же опустела.

Прошла пара секунд. Затем один из волков поднял ритуальный клинок и ударил. Удар пришелся в пустоту.

Тейва даже не взлетел, а выстрелил свечой на пару сотен футов вверх.

Головокружительный взлет заставил Джон-Тома выронить пакет с остатками кокаина. Перестраховщик и Виджи едва удержали Маджа, собравшегося нырнуть следом. Взбивая воздух превратившимися от скорости в неясное марево исполинскими крыльями, конь парил над загоном и его ошарашенными владельцами, как колибри. У Тейвы был не только размах крыльев спортивного самолета; необычайная быстрота их движения порождала звук, напоминающий рокот мотора.

— Нет, вы только подумайте! — Жеребец поглядел вниз. — Ты был прав, человек. Ведь это земля вон там, внизу, не так ли?

Чувствуя, как сердце колотится о ребра, Джон-Том намертво вцепился в черные ремни.

— Да. И притом далековато, если честно.

Тейва закружился в воздухе.

— Боже, как тут наверху здорово! — Он снова посмотрел вниз. — Поглядите-ка, они скачут туда-сюда! Переполошились из-за чего-то...

— Надо думать, из-за нашего бегства.

— Ах да, из-за бегства! Мы ведь улизнули, не так ли? Они собирались нас убить. — Глаза жеребца потемнели. — Зажарить и сожрать нас! Скверный и подлый народишко. Надо преподать им урок.

— Нет-нет! То есть у нас нет времени преподавать им... Не-е-е-е-е-ет!!!

Сложив крылья, жеребец камнем рухнул на загон. Крик, который туземцы приняли за боевой клич, на самом деле был воплем крайнего ужаса. Волки, лисы и остальные разбежались во все стороны, но некоторые оказались нерасторопными, за что и поплатились: передние копыта Тейвы раскроили им черепа. Он повторил свои трюкаческие пике несколько раз, а потом взмыл над центром деревни и опорожнился по полной программе. Опрокинув напоследок парочку факелов, в результате чего запылало полселения, конь взлетел повыше и оглядел посеянный им хаос с лошадиным равнодушием.

— В следующий раз они дважды подумают, прежде чем есть беззащитных путников. — Он оглянулся на Джон-Тома. — Человек, я тебе обязан по гроб жизни. Чем я могу отслужить?

Лицо Джон-Тома уже приобрело зеленоватый оттенок, и составить фразу ему удалось с немалым трудом.

— Ты не можешь довезти нас до города под названием Стрелакат-Просад?

— Боюсь, что даже не догадываюсь, где это может быть.

— Тогда как насчет Чеджиджи?

— Ах, Чеджиджи?! — обрадовался конь. — Конечно, Чеджиджи я знаю.

— И побыстрее.

— А чего торопиться, приятель? — поинтересовался одуревший, но ликующий Мадж.

— Потому что у меня кружится голова, и я не знаю, сколько продержусь. Пытаясь исцелить Тейву, я как-то не удосужился сказать, что сам боюсь высоты. Всегда боялся.

— Ой, да это же здорово!

И чтобы продемонстрировать, насколько это здорово, жеребец выписал в воздухе идеальную мертвую петлю, в результате чего содержимое желудка Джон-Тома присоединилось к тем дарам, что уже были доставлены с воздуха в помощь пострадавшим туземцам.

— Боишься высоты, человек? — Жеребец заржал так, что услышала половина континента. — Что это тебе взбрело в голову?! Сдается мне, я тоже боялся высоты — уж и не представляю, почему. Я потолкую с тобой об этом как-нибудь на досуге.

— Да хоть десять раз! — Джон-Том облизал пересохшие губы. — Ну, теперь летим? Пожалуйста!

— Значит, в Чеджиджи!

Конь вытянулся в струнку, и через секунду они летели над серебрящейся гладью океана.

— Погоди, погоди секундочку!

— Мне казалось, ты просил побыстрее.

— Надо еще забрать наши вещи, — Джон-Том указал вниз. — Если тебе не слишком тяжело.

— Тяжело?! Да что мне тяжесть?

Мадж всматривался вниз, пока не засек лодку, на которой они с Виджи припрятали мешки. Тейва снова нырнул к земле с отшибающей дух стремительностью и беспокойно ждал, когда они соберут вещи.

— Если хотите, я могу взять и лодку.

— Не стоит.

Джон-Том снова оседлал широкую спину коня. Взяв оружие, провиант и обломки драгоценной дуары, они вновь взвились над водой.

В этот момент всякий находящийся на берегу и глядящий в небеса мог видеть весьма необычный силуэт, промелькнувший на фоне полной луны, и слышать восторженное ржание жеребца. А заодно поздний наблюдатель услышал бы шлепок лапы по мохнатой физиономии и женский голос:

— Только попробуй еще раз, Мадж, и я не знаю, что сделаю!

— Милашка, — жалобно ответил другой голос. — Мне ни разу не доводилось заниматься этим на спине летучей лошади.

Перебранка, ржание и рокот крыльев удалились к озаренному светом звезд горизонту.

Глава 12

Тейва готов был устремиться прямиком в открытое море, но Джон-Том не очень-то доверял навигационным способностям жеребца и не позволил тому сильно отдаляться от земли. Так что они держались суши, направляясь на юг. В конце концов береговая линия приведет их прямиком в Чеджиджи. И чем дольше тянулся полет, тем очевиднее становилось, что эта часть мира почти не населена. По пути им не попалось даже крохотной рыбацкой деревушки.

— Нехудой край. — Перестраховщик с высоты своего положения озирал пейзаж внизу. — Гадаю вот, почему такой пустой?

— Тропики, болотный край, — пояснил Джон-Том. — В джунглях не очень-то легко основать поселение.

И тут Мадж указал чуть влево.

— А ктой-то справился. Гляньте-ка туда!

— Лево руля! — скомандовал Джон-Том. Тейва слегка наклонился на левое крыло, и они начали сворачивать.

Внизу, полускрытые густыми зарослями лиан, ползучих кустарников и деревьев, проглядывали руины большого города. Могучие громады каменных пирамид и резные стены рвались из цепких объятий растительности. Колючими зубцами вздымались к небу полуразрушенные башни.

— Какие будут выводы, шеф?

— Не знаю. — Джон-Том не мог насытиться зрелищем разрушенного метрополиса. — Может, чума, а так близко от океана — может, и цунами, кто знает.

— Тада взглянем поближе, а?

— Ну и ну, Мадж! — Джон-Том удивленно оглянулся. — А я-то думал, что тебе не терпится вернуться к цивилизации.

— Так оно и есть, но в заброшенных городах обычно по уши завались забытых вещей. Тут могут быть цельные бушели зерна и сушеных овощей, а могут быть бушели и кой-чего другого.

— Вряд ли мы найдем клад, — хмыкнул Джон-Том, — но можешь поискать, если хочешь. Видишь, вон там что-то вроде большой башни? Тейва, сядь-ка на вершину, что ли.

— Как пожелаешь, друг мой, хоть мне и не по вкусу приземляться. Летать — такое наслаждение!

Взмахи крыльев жеребца стали реже, он начал медленно снижаться по спирали, пока плавно не опустился на верхнюю площадку древней пирамиды.

С земли заброшенный город производил даже более внушительное впечатление, чем с воздуха. Простираясь вдаль, он терялся в густых зарослях, так что сказать, где кончается город и начинаются джунгли, было просто невозможно.

Пирамиду венчало небольшое здание. Путники вошли в него

в надежде отыскать какие-то намеки на происхождение города и постигшую его судьбу, но ничего не нашли — ни барельефов, ни скульптур, ни потрескавшихся фризов. Джон-Тома встревожило полное отсутствие информативных или хотя бы декоративных картин — будто обитатели города намеренно старались сохранить анонимность и укрыться в тени веков. Единственное, что удалось найти, — следы написанной темперой фрески, безнадежно испорченной влагой и плесенью.

Джон-Том тронул пальцем розово-голубой фрагмент — краска осыпалась при первом же прикосновении.

— Джунгли уничтожили все, что осталось. В пустынном климате росписи уцелели бы, а тут никак.

— Не все, приятель! — донесся крик проскользнувшего под упавшей балкой Маджа. — Полезайте-ка сюда, гляньте, что я нашел!

Они по одному проползли под балкой. Джон-Том протиснулся едва-едва, а уж о Тейве не могло быть и речи, и он остался дожидаться друзей снаружи.

Обнаруженные Маджем покои сохранились куда лучше, чем все остальное, — быть может, они были изолированы от влажной атмосферы многие годы, и лишь недавно проход открылся. Фрески совершенно не пострадали. На стенах были искусно выписаны море и берег — вероятно, тот самый, что виднелся с вершины пирамиды. На мелководье резвилась рыба, дальше шли возделанные поля и сады, загадочные фантастические существа — но ни одного портрета таинственных строителей города. Они изобразили мир, в котором жили, но тщательно избегали демонстрации своего облика потомкам. В мире Джон-Тома тоже найдутся одна-две культуры, отрицающие изображение людей.

Кроме росписей, в покоях было несколько предметов из далекого прошлого. У дальней стены обнаружился туалетный столик дивной работы с креслом ему под стать. Оба были вырезаны из красноватого дерева, по твердости не уступающего стали. На столике стояло подернутое паутиной времени зеркало. Спинку кресла пронзал меч, выкованный будто только вчера — рукоятка сверкала, как отполированная, а открытую взору часть клинка покрывали непонятные надписи.

Слева от зеркала располагался золотой кубок. При ближайшем рассмотрении оказалось, что он полон воды. Нижняя половина кубка была сделана из чистейшего горного хрусталя, так что пьющий мог смотреть сквозь прозрачное донышко.

Не считая фресок и этих вещей, комната была пуста. Окна отсутствовали. Потолок составляли на диво толстые бревна того же красноватого дерева, из которого были сработаны стол с креслом. Пол покрывали упавшие сверху пластинки сланца и солома.

— Как будто хозяева только что ушли, — поежилась Виджи.

— Оно и хорошо, милашка, — покровительственно обнимая ее, сообщил Мадж. — Вот так и достаются большие состояния.

— Не вижу никакого состояния, — возразил Перестраховщик. — Вижу стол и кресло — симпатичные, но не уникальные. Может, кубок и меч чего-то стоят, а может — золото поддельное.

Мадж подошел к столику и взял кубок. Виджи затаила дыхание, будто ждала, что сейчас объявятся призраки, чтобы защитить свое достояние, но ничего не произошло. Ее приятель поднес кубок к свету и внимательно осмотрел со всех сторон.

— Ежели это подделка, то я съем свой хвост. Почему б тебе не вооружиться, Джон-Том? — Он великодушно указал на пронзивший спинку кресла клинок.

— Спасибо, но я предпочитаю свой посох.

— Тока не говори, что я не предлагал поделиться. — Выдр пожал плечами и подошел к креслу. Поплевав на ладони, он потер их друг о друга и ухватился за рукоять обеими лапами. Едва он коснулся металла, как тот заговорил. Мадж от неожиданности подскочил. Появилось слабое золотистое сияние, перебежало с рукояти на клинок, и вскоре все кресло ярко засветилось.

— Мадж, ты хватаешься за слишком многое! — Виджи торопливо пятилась к выходу.

Мадж поколебался, затем вернулся к креслу и опять ухватился за меч.

— Ну и что? Он же ничего не делает.

— Он заговорил. Я слышала.

— Я тоже, — подхватил Джон-Том.

— Я не боюсь говорящих мечей. Меня беспокоят рубящие.

— Выше, — сказал меч.

Мадж облизал губы, внезапно утратив часть решимости, но послушался и сдвинул лапы на несколько дюймов выше.

— Уже лучше.

Как магнитофон, подумал Джон-Том, подходя поближе. Те же интонации, тот же тембр, та же громкость, что и в первый раз. Это не разум, а программа. Реагирует на прикосновение живого существа, и только.

— Я воспринимаю и ответствую.

Мадж отпустил оружие, но на этот раз сияние не угасло.

— «Ответствую»? Это что за диалект?

— Тс-с, — шикнула Виджи.

— Да будет ведомо стоящему предо мною, — продолжал меч, — что я Первый и Единственный Истинный Меч. Сие кресло — мой приют, и я стою на его страже во веки веков.

— А что, ежели не во веки? — саркастично поинтересовался Мадж.

Меч не отреагировал.

— Поместившие меня сюда ведали, что лишь истинный

герой сумеет отнять у меня приют и вынести меня на свет, где я послужу к величайшей защите и немалой выгоде сего героя.

Голос и сияние угасли одновременно.

— Тьфу! — Мадж отступил. — Значица, пиши пропало. Никому никакой пользы.

— С чего ты взял? — Виджи оглядела всех по очереди. — Надо попробовать его вытащить. Может, среди нас есть истинный герой.

Маджа эта идея чрезвычайно веселила, пока Виджи не состроила ему глазки.

— Маджи, ты первый. Что бы ни случилось — ты мой истинный герой.

Мадж тут же проникся собственной значимостью.

— Это меняет дело, милашка, хотя, по-моему, я попусту теряю время. Не могу позволить, чтоб говорили, будто я пропустил просьбу дамы мимо ушей.

Он вернулся к креслу и оглядел меч со всех сторон, пока его спутники нетерпеливо дожидались. Наконец Мадж вскочил ногами на сиденье, ухватился за рукоятку меча обеими лапами и сделал могучий рывок. Усы его тряслись, морду исказила гримаса предельного напряжения.

— Идет? — не удержалась Виджи.

Мадж в конце концов оставил меч в покое, с шумом перевел дух и сгорбился.

— Что идет? Меч или грыжа? — проворчал он, слезая с кресла. — Говорил же я, что никакой не герой, тем паче истинный. Не был, не буду, и впредь не стану рваться. Меня устраивает принадлежать тебе, милашка. Давай-ка пробуй ты, мохнатый в маске!

— Было бы крайне удивительно, но почему бы не попробовать? — Енот вскочил на освободившееся сиденье и потянул за меч, особо не напрягаясь. — Жаль, но в герои силенкой не вышел.

— Может, нужна грубая сила? — разглядывая кресло, предположил Джон-Том. — Может, пропихнем кресло наружу — и Тейва попробует?

— Я не в счет, — послышался через щель голос жеребца. — Не собираюсь в герои, не нужна мне эта ответственность. Я хочу только летать. Кстати, раз уж речь зашла об этом — может, пришпорите события? У меня такое чувство, будто я торчу здесь несколько часов.

На самом деле прошло несколько минут, но Тейва уже извелся от безделья.

— Мы скоро. — Джон-Том перевел взгляд на единственную в отряде даму. — Виджи, давай!

— Что, я?

— Конечно, любашка, валяй! — Мадж подтолкнул ее впе-

ред. — То, что этот железный кусок задаваки ляпнул «герой», никак не значит, что не может быть «героини».

— А что я буду делать с эдаким-то мечом? — замялась она. — С ножом мне гораздо удобнее.

— Да с ним ты и останешься, — уговаривал Мадж, — но все едино, попробуй.

Виджи послушалась, но не смогла сдвинуть меч ни на волос. Мадж обернулся к рослому другу.

— Пожалуй, это для тебя, парень! Ежели среди нас кто и годится в истинные герои, то скорей всего ты. Или в герои, или в психушку.

Джон-Том не мог не признать, что это правда. Разве ему в прошлом году не приходилось выступать в этой роли несколько раз — и разве он не вышел из испытаний целым, невредимым, да еще и с победой? Быть может, меч только его и ждет. Быть может, невидимые, неведомые силы, поместившие меч сюда, знали, что такое оружие может понадобиться Джон-Тому в конце путешествия? Наверно, это целенаправленный дар судьбы.

Подойдя к креслу, он двумя руками ухватился за рукоять меча, выпрямился, чтобы работали не только руки, но и плечи, и ноги, и несколько раз рванул.

Меч и не шелохнулся.

— Почему б не спеть для него, приятель?

Понять выражение физиономии прислонившегося к дальней стене Маджа было невозможно, и Джон-Тому это пришлось не по вкусу. Он прервал свои потуги — хотя бы для того, чтобы отдышаться.

— И спел бы, будь у меня дуара!

Тут меч снова заговорил.

— Да будет вам ведомо — я Единственный Истинный Меч.

— Кто бы говорил, — буркнул Джон-Том, отходя от кресла.

— Чванливая железяка, а? По мне, так нет никакого прока от оружия, которое тебя забалтывает.

Мадж пнул кресло — не слишком сильно, чтобы ушибиться или повредить мебель, но достаточно крепко, чтобы получить сатисфакцию.

— У меня есть лук и сабля — так кому нужна эта штука? — Тут он заметил, с каким сожалением смотрит на заколдованный клинок Джон-Том. — Выше нос, парень! Незачем рваться в истинные герои, вполне достаточно быть обычным, заурядным, средненьким героем.

— Знаю, Мадж, просто я подумал...

— Что подумал? — проницательно глянул на него Мадж. — Что ты какой-то особенный? Что тебя занесло в этот мир с некой неведомой целью, а не просто по ошибке? Говорят, смирение душе во благо. Но у меня этого нет, так что не знаю.

— Чего нет? Смирения или души?

— А вот от этого я бы не отказалась! — Виджи плюхнулась в кресло и, не обращая внимания на торчащий меч, заглянула в стоящее наклонно зеркало и начала прихорашиваться. — Оно будет чудесно смотреться в спальне и...

Увидев озарившее зеркало нежно-розовое сияние, она умолкла на полуслове.

— Тьфу, дерьмо! — сказал Мадж. — Только не это!

И действительно, зеркало заговорило — чуть менее мелодичным голосом, чем меч.

— Да будет ведомо всем, восседающим предо мною, что я Единственное Истинное Зеркало. Все заглянувшие в мои глубины увидят себя такими, какие они есть, а не какими себя полагают — без предубеждения, без лести, без приукрашивания.

Зеркало умолкло, но розовое сияние не погасло.

— Раз уж хочешь держать его в спальне, милашка, так глянь в него мимоходом.

— А ты уверен, что это не опасно? — спросила Виджи и тут же ответила на собственный вопрос: — Нет, конечно же, не уверен. Но меч-то ничего не сделал! Ладно, в самом-то деле, чего там — это всего лишь зеркало.

Виджи склонилась к стеклу.

Оттуда глядела точная ее копия — только одетая не в обноски, в которые превратилась одежда выдры после знакомства с пиратами, каннибалами и тяжелыми обстоятельствами. Отражение было облачено в изысканное, доходящее до пола платье, искрящееся золотом и драгоценными камнями. Осанка и выражение достоинства в сочетании с этими одеяниями оставляли впечатление уверенности и власти.

— Я выгляжу красиво, — благоговейно шепнула Виджи, — поистине красиво.

— Это ж истинное зеркало, верняк, — улыбнулся ей Мадж.

— Но я похожа на королеву! У меня нет таких туалетов.

— Пока нет, — пробормотал Джон-Том. В самом деле, изображение выглядело по-царски.

Спрыгнув с кресла, Виджи кинулась Маджу в объятия.

— Как ты думаешь, что это означает?

— Либо у тебя будет тонна денег, либо нас водит за нос шутник высшего класса, — зашептал он ей на ухо.

— Дайте-ка испробую! — Перестраховщик нацелился на кресло. Выдры и Джон-Том подошли поближе, чтобы тоже видеть отражение. Вдоль витиеватой рамы пробегали розовые проблески, но отражение ничуть не отличалось от оригинала — ни на волос.

Енот подождал еще немного и покинул кресло.

— Я не огорчен, уж будьте покойны. Я такой, каким выгляжу. Бывает и хуже.

— Такова твоя истинная сущность, — негромко пробормотал Джон-Том.

— Мадж, ты следующий. — Виджи подталкивала к креслу друга.

— Эй, любашка, погоди чуток! Дай сперва подумать. Чтой-то неохота мне смотреть, каков я по правде. Судя по словам друзей, это оставляет желать лучшего.

— Давай-давай, Мадж, — это всего лишь зеркало!

— Во-во. — Мадж собрался с духом. — Готовьтесь подхватить меня, ежели сомлею.

Он осторожно уселся, положив руки на подлокотники, повернулся навстречу отражению — и увидел дряхлую выдру на последней стадии разложения. Почти весь мех поседел, а тело исхудало так, что скулы и ключицы грозили вот-вот прорвать кожу. Слева усы почти все выпали, а из уголка трясущихся губ с той же стороны стекала струйка слюны. Правый глаз бешено вращался совершенно независимо от левого. Одеждой старику служило рваное тряпье.

Отражение говорило о крайней неумеренности во всем. Этот сластолюбец ел до отвала, пил до чертиков, не отказывал себе ни в наркотиках, ни в ласках слабого пола — да ни в каких удовольствиях вообще. Несмотря на признаки старческого слабоумия, не узнать эту распутную личность было невозможно — Мадж.

Джон-Том с тревогой следил, как Мадж медленно сползает с кресла. Виджи молча крепко обняла его, а Мадж погладил ее затылок.

— Ну-ну, любашка, нечего так огорчаться.

— Неужто тебя не волнует такое? — спросил Джон-Том.

— А чего мне волноваться? — Мадж оглядел встревоженные лица друзей. — Я завсегда себя таким и видел. И потом, тут показано, какой я сейчас, а не чем я кончу. Так что выше головы! Ваши вытянутые лица, вот что меня подавляет больше всего. Теперь твоя очередь, Джон-Том.

— Вот уж не знаю...

Видение дряхлого выдра все еще стояло у Джон-Тома перед глазами. Что-то зеркало скажет о нем самом?

— Вперед, — с непривычной напористостью подал голос Перестраховщик. — Мы все сделали это, и ты должен. Ведь ты же не боишься того, что можешь увидеть?

— Боюсь.

— Смелее решайся, приятель! Не исключено, что узришь нормальное отражение, как Перестраховщик.

Теперь, когда трое его спутников испробовали зеркало на себе, идти на попятную поздно. Джон-Том поневоле уселся в кресло, поднял глаза и с беспокойством уставился в стекло.

Челюсть у него отвисла, и юноша нервно повертел головой — но ничего не изменилось.

— Джон-Том, ты в порядке? — тревожно спросила Виджи. Не дождавшись ответа, она повернулась к Маджу. — Что случилось? Что мы сделали не так?

— Можа, и ничего. Можа, нам просто не по зубам истолковать, что к чему. — Он крепко обнял подругу. — Не всякий ответ дается так уж просто.

Отражения в зеркале не было вовсе. Перестраховщик подался вперед и увидел себя, а чуть подальше — выдр. Но Джон-Тома с равным успехом могло и не быть в комнате. Енот помог ему подняться с кресла. Потрясенный юноша навалился на туалетный столик, старательно избегая контакта с возвышавшимся в центре затуманенным стеклом.

— Что бы это могло значить? Может, на самом деле меня здесь нет? Может, я и не существую вовсе? — Он ощупал грудь и ноги. — Вроде бы настоящий. Вроде бы нахожусь здесь.

— Можа, это значит, что по-настоящему ты еще не проявился, — попытался помочь Мадж. — Можа, до полноты картины чегой-то недостает. Дьявол, я завсегда думал, что у тебя винтиков не хватает.

— Мадж, мне не до шуток. Я напуган.

— Значица, самое время шутить. Во, давай пока подумаем о чем-нибудь другом. Вряд ли ты растворишься в воздухе. — Он обвел взглядом комнату и наткнулся на кубок. — Спорю на что угодно, что эта щербатая посудина болтает!

Снова взяв кубок, как в прошлый раз, Мадж вертел его так и этак, но не дождался ни слова.

— Ты проиграл, — констатировала Виджи.

— Када споришь сам с собой, милашка, проиграть невозможно, — возразил Мадж и понюхал содержимое кубка. — По запаху — дождевая вода. Надо думать, с потолка натекло. Жаль, что тут нет чего покрепче.

— У меня от этих потрясений в горле так пересохло, что я не стану привередничать.

Джон-Том взял кубок, мельком заглянул внутрь, чтобы убедиться, что там только вода, и с наслаждением выпил все до дна.

Он уже собирался поставить кубок обратно на столик, когда сосуд наполнился пульсирующим голубым дымом.

— Да будет вам ведомо, я — Единственный Истинный Кубок. Да будет ведомо стоящему предо мною, что я утоляю не только жажду плоти, но и жажду разума.

— Любопытно... — Джон-Том повертел в руках опустевший сосуд. — «Жажда разума». Что бы это могло значить?

Он снова заглянул внутрь и услышал голос во второй раз:

— Остерегайся растения моква.

Голубой дым рассеялся, оставив свежую порцию воды.

— Ну, — сказал Мадж, — «Остерегайся растения моква» — это вам не хухры-мухры!

— Что еще за моква?

Выдр показал колечко из большого и указательного пальцев.

— На нем примерно такие чашечки, полные мошек, а те жутко кусаются, вот так. Мне не нужна говорящая посуда, чтоб узнать это, — с презрением бросил он, — но я хочу пить. Дай-ка мне.

Джон-Том вручил Маджу кубок, и тот опорожнил его одним махом.

— Пусть совет оставляет желать лучшего, но водица недурна!

Кубок снова заговорил.

— Избегай траурного лескара.

— Это меня добило, — скроил рожу Мадж. — Народ, кто-нибудь знает, кто такой траурный лескар?

Виджи и Перестраховщик одновременно покачали головами.

— Эй там, поторопитесь! — подал голос Тейва.

— Минуточку! — ответил Джон-Том и посмотрел на спутников. — Ну так что, никто не знает о траурном лескаре?

— Впервые слышу, — признался Мадж.

— Ну, как бы то ни было, лучше не попадаться ему на глаза. — Оглядев кубок, Джон-Том поверх него посмотрел на даму. — Виджи, ты?

— Как ни странно, меня охватила внезапная жажда.

Она улыбнулась и взяла кубок.

Глядя, как она прихлебывает, Мадж заметил:

— Ну вот, хоть чтой-то полезное. Ежели эту рюмку-переросток переплавить, будет с четверть фунта золота.

— Мадж, да как ты можешь думать о переплавке столь уникального волшебного изделия только ради денег? — поразился Джон-Том.

— Потому что я во всем вижу деньги, вот почему.

— Представь, что умираешь от жажды посреди безводной пустыни, а этот сосуд может поить вечно!

— Ну да, представь, что я разоряюсь в Поластринду, — не смутился Мадж, — а за счет этого золотого сосуда я смогу пить вечно.

— Джон-Том прав, — укоризненно заметила Виджи. — Волшебные предметы не расплавляют.

Кубок опустел в третий раз. Пока он наполнялся, прозвучал голос:

— Покупай акции IBM за 124.

Джон-Том заморгал. Неужели кубок черпает информацию и в его мире? Взяв кубок у Виджи, он осторожно сунул его в заплечный мешок.

— Потом решим, что с ним делать, но он наверняка на что-нибудь сгодится. Пошли, пока Тейва не упорхнул без нас.

Они проползли под балкой. Ноздри жеребца затрепетали.

— Чую воду. Я бы выпил.

— Перестраховщик, будь добр, поднеси ему кубок, — вздохнул Джон-Том.

Енот послушно подержал кубок, пока конь пил, а когда укладывал, снова раздался голос:

— Решение проблемы национального долга заключается в...

Остальное заглушили мягкие вещи, лежащие в мешке.

Чужим умом не проживешь, подумал Джон-Том. Уж лучше бы сказал, как добраться до Стрелакат-Просада.

Утром следующего дня взмахи крыльев стали существенно реже; жеребец, сотни миль несший на своей спине четверых друзей, начал сдавать. Если силы неожиданно изменят ему, придется садиться прямо на океан. Далеко ли еще до Чеджиджи?

— Извините, — сказал Тейва, — но что-то мне нехорошо. У вас там случайно не осталось того белого порошка, нет?

— Хоть бы и остался — тебе сейчас нужна пища, а не это. Ты измотан, Тейва, и очередная встряска может тебя доконать. Ты еще можешь лететь?

— Не знаю. — Жеребец то и дело вскидывал опускающуюся голову. — Как-то внезапно устал. Слабею. Теряю высоту, — глотая окончания, признался он, резко провалился на несколько ярдов и начал мучительно тяжело подниматься.

— Смотрите! — Подавшись вперед, Перестраховщик показывал направление. — Там что-то есть или мне померещилось?

В море вдавалась узкая полоска земли; широкий пляж обрамлял зеленый полуостров, будто кайма на старушечьем воротничке. В дальнем конце полуострова пестрели неровные красно-коричневые пятнышки. Дома, оживился Джон-Том. Это легендарный Чеджиджи, иного и быть не может. Иного и быть не должно.

— Придется нам плыть, — сообщил Тейва, неуклонно теряя высоту.

— Черта лысого! Не для того мы сюда добирались и преодолели столько трудностей, чтобы прибыть мокрыми до нитки. Расправь крылья, Тейва, просто расправь и держи. Можно лететь и так. Спланируй туда.

— Попробую.

Распахнув пестрые крылья во всю ширь, Тейва начал полого снижаться к полуострову, поддерживаемый восходящими от нагретого берега потоками воздуха.

Джон-Том уже начал опасаться, что они упадут на мелководье, но тут Тейва наткнулся на сильный поток над голой скалой и взмыл вверх, как воздушный шар, едва не задев копытами вершины деревьев. Опустившись в полнейшем изнеможении на окраине порта, он вызвал там легкий переполох, когда тень широких крыльев закрыла солнце от напуганных прохожих.

Джон-Том и его спутники быстро слезли с коня.

— Ну, как ты? — спросил Джон-Том.

— Такое чувство, будто крылья вот-вот отвалятся. Собственно говоря, я весь вот-вот развалюсь.

— И вид у тебя не очень. По-моему, надо искать врача.

— Пусть сам себе ищет врача. — Мадж не настроен был ухаживать за больными. — Я оголодал, вот так.

— Мадж! — предостерегающе сказала Виджи. Он ответил ей угрюмым взглядом.

— Я знаю, что ты правильно произносишь мое имя, милашка, и вовсе незачем поминутно демонстрировать это.

— Будь полюбезнее с Тейвой, дорогой, — мило улыбнулась выдра, — *или получишь коленом под зад.*

— Эти двое один другого стоят, — прокомментировал Перестраховщик и отвернулся, рассматривая крытые черепицей высокие каменные дома вокруг порта. — Первый раз вижу такой город. А ежели подумать, так я и вовсе не видал больших городов.

Оштукатуренные стены, черепичные крыши, башенки и зубчатые стены делали город похожим на гибрид старинного марокканского поселения в Коста-Брава и павильона фильма «На юге Тихого океана». Друзья остановили хорька в широкополой соломенной шляпе и коротких штанах, несшего с дюжину удочек и прочее снаряжение. Пока его расспрашивали, хорек то и дело перекладывал удочки с одного плеча на другое.

— Для которого из вас? — наконец уточнил он. Джон-Том ответил жестом, и хорек прищурился от яркого солнца, поглядев на Тейву.

— А-а, значит, специалист по четвероногим! Рекомендую Корлисса и Марли. — Он удочками указал направление. — Идите вдоль Террасы до первой кирпичной дороги, а там сверните налево. Насколько припоминаю, их приемная находится невдалеке.

— Огромное спасибо.

Джон-Том пожал хорьку лапу, и спутники двинулись в указанном направлении.

Найти мощенную кирпичом дорожку оказалось нетрудно, но Тейва уже так ослабел, что с трудом преодолел пологий подъем, а его сложенные на потной холке крылья конвульсивно подергивались. Приемный покой Корлисса и Марли оказался одноэтажным *зданием с желтыми оштукатуренными стенами* и зеленой крышей. Отсюда открывался прекрасный вид на лежащую внизу бухту. На ее спокойных водах покачивалось несколько рыбацких лодок.

Корлисс оказался гиббоном с длинными руками и подчеркнуто заботливым обхождением. Пока его проворные пальцы осторожно ощупывали тело Тейвы вдоль и поперек, Марли стоял рядом, делая пометки в блокноте. Чтобы понять, что Корлисс в этой паре был руками, а Марли головой, особых познаний в медицине не требовалось. В самом деле, ведь Марли — козел, а заниматься хирургией, не имея пальцев, несколько затруднительно.

Когда Корлисс закончил осмотр, врачи провели небольшой консилиум. Потом гиббон отошел в сторонку, а Марли выпустил из зубов карандаш, и оба дуэтом объявили диагноз.

— Саммэй тяжелый случай летного переутоммлэния из всех, какие нам встречались, — добавил Марли уже соло. — Вы что, заставили этого бэдолагу пролететь полмморя?

Джон-Том кашлянул в кулак.

— Что-то вроде того. Но только мы не заставляли. Он добровольно.

— Что же до его кровяного давлэния, — Козел сверился с записями, — складывается весьммэ странная картина. Вы что, находитесь на ммэдикаммэнтозном лечении?

Он поглядел на коня сквозь толстые — добрых полдюйма — линзы очков.

— Э-э... Нет, — Тейва отвел глаза. — То есть ничего такого на постоянной основе.

— Постоянной основэ? — Доктор перевел взгляд на спутников пациента. — Что он под этим подразуммэвает?

Мадж хотел было ответить, но Виджи зажала ему рот. Джон-Том выступил вперед.

— Наша жизнь была под угрозой, а Тейва с детства страдал боязнью высоты. Чтобы преодолеть его страх, нам пришлось прибегнуть к помощи стимулятора.

— Судя по состоянию крыльев, вы его прэодолели. На обоих сильные растяжения связок. — Он покачал головой, глядя на коня. — Пока что никаких полетов, друг мой.

— Абсолютно ферботен. — Корлисс изучал правый глаз Тейвы, закапав туда лекарство, расширяющее зрачки. — И на вашем месте я бы не стал больше пользоваться этот стимулятор. Никак нельзя, если вы хотел скоро летай где-то, кроме могила.

— Я же сказал, у нас не было выбора, — беспокойно поежился Джон-Том. — Все разыгралось очень быстро, и у меня не было времени отмерить дозу.

Но гиббона это не убедило.

— Как врач, я совершенно не одобряй, кто пользуется сильный наркотик без предписание.

Мадж больше не мог сдерживаться и вырвался из лап Виджи.

— Слышь, голенастенький, нас чуть на вертел не насадили, а мы должны были судить да рядить о возможных последствиях?

— Прости, что я не смогу, как надеялся, донести вас до Стрелакат-Просада, — печально сказал Тейва Джон-Тому, — но, по-моему, лучше не пренебрегать советами докторов.

— Совершенно верно. — Джон-Том похлопал его по шее. — Ты сделал более чем достаточно, доставив нас сюда, Тейва. Остаток пути мы сможем проделать и пешком.

— Стрэлакат-Просад? — поднял голову от бумаг Марли. — А что вамм понадобилось в Стрэлакат-Просаде?

— По профессии я чаропевец, но мой инструмент, — Джон-Том продемонстрировал мешок с обломками дуары, — сильно поврежден. Мой наставник, колдун Клотагорб, утверждает, что лишь один мастер в мире способен пристойно починить его — некий Кувир Кулб, проживающий в Стрелакат-Просаде.

— Быть может, быть может. — Корлисс записывал что-то в блокноте. — Не будучи музыкант, не могу знай.

— Где б найти проводника до этой дыры? — спросил Мадж.

— Нигдэ, — ответил Марли. — Говорят, жители Стрэлакат-Просада творят дивные дэла, да только никто тамм не бываэт.

— Тада откуда ж это известно?

Корлисс подобрал большие губы и выразительно пожал плечами.

— Кто знай, откуда туристы что берут? Лично я не создан для джунгли, я сильно предпочитай берег.

— Чудесно, — буркнул Мадж, — снова твари ползучие да каннибалы.

— Я бы сказал, каннибалов нэт, — замотал бородой Марли. — Отсюда до Просада никаких каннибалов, по-ммоэму.

— Зато другие есть, — вставил Корлисс.

— Кто другие? — заинтересовался Джон-Том.

— Я не знай. Турист говорил. Путешественник говорил. Лично я держусь берег.

— Ладно, — Джон-Том больше не мог скрывать досаду. — Раз уж мы не можем найти проводника, так скажите, есть ли тут хоть кто-нибудь, способный ткнуть пальцем в нужном направлении?

Врачи переглянулись, и Марли предложил:

— Навэстите нэгоцианта Транкуса, уж он-то знаэт.

— А еще, — глубокомысленно добавил Корлисс, — кроме него, другим я не доверяй.

Глава 13

Негоциант Транкус оказался вомбатом, страдавшим ожирением, как и большинство его сородичей. Казалось, черты его лица скрываются в складках покрытой густым черным мехом тугой плоти. Поначалу он пытался отговорить путников, но они настаивали, и он согласился.

— До Просада ведет прямая дорога. Иногда, хоть и нечасто, тамошние жители приходят сюда купить то, чего не могут сделать или вырастить сами. Я слыхал, что это удивительный город, населенный талантливым и добрым народом, предпочитающим

жить своим умом. Похоже, им попасть в Чеджиджи намного легче, чем нам оказаться у них. Говорю вам об этом без радости, но с радостью продам вам припасы в дорогу.

На том и сошлись. Когда путники экипировались, купец закрыл лавку и заковылял на край города показать нужную тропу.

— Поосторожней в пути! — Он махнул толстой лапой в сторону джунглей. — Отойдешь от доброго старого Чеджиджи на несколько лиг и неведомо на что напорешься. Просад — это значит джунгли.

— А что такое Стрелакат? — поинтересовался Джон-Том.

— Черт его знает. Мы уже голову над этим сломали. Узнаете — скажите... Если только вернетесь.

— Ну, так я и знал, что услышу это, — вздохнул Мадж и направился к узкой раскисшей тропинке, ныряющей в джунгли.

— Удачи, друзья! — Вомбат махал вслед уходящему в неизвестность маленькому отряду.

Частично представители местной флоры и фауны были знакомы Маджу и Перестраховщику, но в целом джунгли представляли новый, диковинный мир. Однако пока ничто не препятствовало им. Бурдюки с водой брать не пришлось, поскольку все знали, что вода в джунглях чистая и вкусная. Повсюду во множестве росли дикие фрукты, а высокая влажность воздуха была вполне терпимой. На второй день идти по ровной тропе стало совсем легко. Походу радовались все, за исключением неумолчно жаловавшегося Маджа, но поскольку недовольство было для него нормой, никто не обращал на это никакого внимания.

Особенно заинтересовала Джон-Тома новая разновидность ящериц — вместо знакомых кожистых или оперенных крыльев у этих воздухоплавающих очаровательниц были тоненькие чешуйчатые пластинки, натянутые на косточках, крутившихся в чем-то, напоминающем карданную подвеску. Вращаясь с большой скоростью, они развивали достаточную подъемную силу, чтобы радужно окрашенные создания могли взмывать вертикально. Они умели не только парить, как Тейва, но летать боком и даже хвостом вперед. Похоже, ящерки находили особое удовольствие, паря и подпрыгивая перед шагающими вверх-вниз, будто множество змеек на резиночках.

Один особенно красочный шестидюймовый экземпляр, жужжа, вертелся перед лицом Джон-Тома минут пять, пока не скрылся среди ветвей.

— Любопытно, как они удерживаются в воздухе?

— Чего там, если учесть, что в насквозь мокром краю передвигаться любым другим способом куда разумнее, чем ходить ногами.

— Что-что, Мадж?

— Я ничего не сказал.

В самом деле, голос принадлежал не Маджу — как, впрочем, не Виджи и не Перестраховщику.

Они шагали вдоль гладкого каменного гребня пятифутовой высоты, но когда дошли до его конца, гребень повернул голову и загородил тропу; большущая пасть пресмыкающегося была полна острых зубов.

— Я сказал, что ходить ногами неумно.

Чудовище громогласно хохотнуло, сотрясаясь от восторга по поводу собственной шутки. Конвульсия пробежала по гребню, который оказался не каменным, а состоящим из плоти и крови. Хвост змеи терялся где-то в лесу, в результате чего удав напоминал дождевого червя.

— З-з-змеи н-не разговаривают.

Голос не сразу вернулся к Маджу, который вообще предпочел бы исчезнуть вместе с голосом.

— Вот как? — Массивная голова поднялась футов на двенадцать над землей и начала демонстративно озираться. — Вы полагаете, где-то в кустах засел чревовещатель?

Змей снова расхохотался, сотрясая землю.

— *Только не зли его ни в коем случае,* — *склонившись к уху* Маджа, прошипел Джон-Том.

— Злить? Сдается мне, он проводит время чертовски весело.

Но едва голова опустилась, чтобы разглядеть его, Мадж мгновенно умолк.

— Кроме всего прочего, змей моей величины не бывает. Я дракон.

Джон-Тому вспомнился их попутчик, огромный речной дракон Фаламеезар.

— Простите, но на вид вы — змея.

Монстр не обиделся.

— А что такое змея, по-вашему? Не знаете, как я погляжу. — Он вздохнул. — Я надеялся, что вы не настолько глупы, как выглядите, — он разразился очередным смехотворным землетрясением.

— Это случилось, э-э, за несколько тысячелетий до первого века, — продолжал дракон, отсмеявшись, — на заре эпох, когда один дракон оскорбил А-колдуна Ивевима Третьего и тот обрушил проклятие на этого дракона и всех его потомков. То, что вы называете змеями, — просто обезножевшие ящерицы. Я отношусь к драконам, как змея к ящерицам. Поделать с этим дефектом я ничего не могу, но очень не люблю, когда меня принимают не за того.

— Теперь ясно, почему вы разговариваете, — подытожил Джон-Том.

Общеизвестно, что драконы разговаривают — взять хотя бы Фаламеезара, который говорил даже слишком много.

— И все равно, вы самый крупный дракон из всех, каких мне доводилось видеть, с ногами или без.

— Это из-за гипофиза. Во всяком случае, колдун, который это определил, говорил так.

— Я знаком с несколькими колдунами. Может, и с этим тоже?

— Вряд ли. — Безногий дракон затрепетал от еле сдерживаемого веселья. — Я его съел. Впрочем, только попусту потратил время. Как и все настоящие колдуны, он оказался жилистым и невкусным. А вот ваша четверка выглядит весьма аппетитно.

Он мило улыбнулся.

— Тока не я. — Мадж попятился. — От меня остались шкура да кости, вот так. Ешь его, ежели голодный. Он большой и стройный и легко проскочит в желудок. Я тебе не придусь по вкусу — у меня дурно пахнет изо рта, я весь провонял потом и давно не подстригал когти на ногах. Я тебе все горло обдеру.

— Мадж, — пренебрежительно бросила Виджи, — это проявление явной трусости не делает тебе чести.

— Понимаю, милашка, но что поделать? Я и есть явный трус.

— Несколько царапинок мне не повредит. — Под кожей чудища заиграли огромные мышцы. — Нет ничего приятнее чудного полдничка... Пожалуй, кроме одного.

— И что бы это могло быть? — поинтересовался Перестраховщик, окончательно созревший, чтобы закончить жизнь в желудке дракона.

— Ну, разумеется, посмеяться от души! — Дракон чуточку расслабился. — Любому дураку известно, что смех куда питательней мяса.

— Тогда я не в счет. Сообразительностью я никогда не отличался. Мне не по зубам оглашать завещание и шутить шутки одновременно, уж будьте покойны.

— Валяй тада ты, кореш! — лихорадочно зашептал Мадж рослому другу. — Спой ему какие ни на есть смешные песенки, что ли. Что до меня, так я считаю все твои песенки дурацкими, но эта надутая гусеница вообразила себя знатоком в этом деле.

— Мадж, я могу петь рок, баллады, блюз... Даже кое-что из классики, — но я не из братьев Смазерс.

— Ежели ты чегой-нибудь не предпримешь прямо сейчас, то будешь смазанным братом, верняк! Ну пожалуйста, ну попробуй, парень, что тебе стоит?

— Да, попробуй, человек, что тебе стоит? — подхватил дракон; видно, его слух ничуть не уступал голосу. — Помоги мне забыть о несчастном стечении обстоятельств, порожденных этим отдаленным родством.

— Каких обстоятельств? — запинаясь, пробормотал Джон-Том. Когда перед тобой зияет эдакая пасть, сосредоточиться трудновато.

— Тех, что у меня нет конечностей, трупоядное ты двуногое!

Закрыв глаза, чтобы отвлечься от бездонной глотки, Джон-Том постарался припомнить хотя бы пару веселых песенок, но как ни старался, на память не пришла ни одна из уморительных частушек известных комиков. Конечно, можно спеть «Ура капитану Сполдингу» из репертуара «Энимал Крекерс», но вряд ли это произведет впечатление на змея.

Частично проблема заключалась в том, что не раз заглядывавшие смерти в лицо Джон-Том и Мадж еще не сталкивались с необходимостью поработать шутами. Одного этого уже довольно, чтобы сбить любого чаропевца с ритма и тона. Трудно играть трясущимися руками, петь сдавленным горлом, да еще и откалывать шуточки. Он немного побренчал на струнах в надежде, что музыка навеет юмористический настрой, но ничего не добился.

Вот тут-то юноша и заметил, что Мадж пререкается с Виджи. В конце концов она вытолкнула своего возлюбленного вперед, так что выдр оказался рядом с человеком.

— Я... это... знаю анекдот, вот так...

Дракон утратил интерес к Джон-Тому и перевел взгляд на выдра.

— Ты это? Ну-ну, послушаем-послушаем. Когда кончишь, я могу позволить тебе рассказать еще один — если не буду слишком голоден и останусь доволен. Но предупреждаю: угодить мне трудно. Обычно на это уходит несколько анекдотов и несколько блюд.

— Можа, сейчас повернется по-другому, начальник! Вот увидишь, от этого анекдота обхохочешься, аж ребра заболят, до слез, с ног долой — нет-нет, это я так, — голову отсмеешь, животик надорвешь.

— Браво! Рассказывай.

Джон-Том искоса глянул на своего товарища, ожидая какого-нибудь знака, намека на очередную каверзу, но Мадж просто уселся поудобнее, чтобы начать рассказ. Не зная, чем еще заняться, Джон-Том начал подыгрывать ему на суаре — быть может, музыка несколько поутихомирит их противника, а заодно украсит повествование Маджа. Несмотря на свою решимость, он никак не мог сосредоточиться на аккомпанементе: хотя он и пытался подыскать действенную песнь, рассказ выдра захватил его. Если вклиниться сейчас, старания Маджа, пустившего в ход все свое обаяние и остроумие для построения длинной запутанной истории, могут быть обречены на провал. Перестраховщик тоже прислушался, а вместе с ним и Виджи, сыгравшая главную роль в том, что выдр вступил в игру.

Дракон же слушал во все уши, переходя от небрежного любопытства к пристальному интересу. Мадж мало-помалу разошелся и для усиления эффекта начал прибегать к невероятным

акробатическим трюкам, всяческим гримасам и ужимкам, и улыбка дракона расплывалась все шире и шире. Сперва он хмыкал, потом засмеялся и, наконец, расхохотался так, что забился в конвульсиях. Джон-Том едва не лишился головы, когда мечущийся хвост чудища просвистел на волос от его макушки, попутно своротив кроны у пары деревьев. Дракон хохотал, трясся, содрогался от восторга и не захлебнулся в собственных слезах лишь потому, что отродясь не имел слезных желез.

Да и Джон-Том не мог удержаться от улыбки. Вскоре он, Виджи и Перестраховщик, держась за бока, катались по земле. Мадж едва сдерживался, чтобы досказать затяжной анекдот. Наконец он сам из последних сил закруглил его шквалом невнятных восклицаний и ударной фразой поставил идеальную точку. Финальная кульминация вызвала такую бурю истерического восторга, что с ближайших деревьев дождем посыпалась листва.

Виджи, знавшая этот анекдот, пришла в себя первой. Она жестикулировала и подмигивала, пока ее спутники не поняли, в чем дело, и вся четверка, по-прежнему изнемогая от смеха, не уползла в лес. Может, дракон и заметил их бегство, но, обессилев от хохота, все равно не способен был нагнать их.

— Ничего смешнее, — не в силах отдышаться, пролепетал Джон-Том, когда чудовище осталось далеко позади, — в жизни не слыхал.

— Знаю. — Виджи опиралась на Маджа, а тот — на нее. — Мадж рассказал мне анекдот еще на катамаране. Я смеялась, смеялась и никак не могла остановиться. Экипаж, должно быть, решил, что у меня не все дома. Я подговорила Маджа рассказать его дракону, и на этот раз получилось еще смешнее. Это место про пекарский колледж и странствующий дамский хор всегда меня добивает.

Тут Виджи упала на колени, хохоча и держась за разболевшиеся от долгого смеха бока.

— Вот уж не знаю, — утирая слезы, заметил Джон-Том. — Лично мне больше нравится, когда появляется слон.

— А шесть макак? — подсказал Мадж. — Не забудьте про шесть макак.

Это вызвало новый взрыв смеха, подкосивший всех до единого. Когда истерика подошла к концу, они просто лежали на земле, постанывая и не в силах больше смеяться. Потом собрали пожитки и побрели по тропе, ничуть не тревожась о погоне — в ближайшие дни дракону будет не до охоты. Анекдот Маджа свернул его в бараний рог, и развязать спутанное в узлы тело змею удастся не сразу.

В тот вечер, сидя у костра за ужином, Джон-Том встретился глазами с Перестраховщиком и сказал только:

— Слон.

— Шесть макак, — ответил Перестраховщик, в результате чего хохот начался снова.

В конце концов, путники, изнуренные не столько противостоянием дракону, сколько Маджевым даром рассказчика, погрузились в глубокий здоровый сон.

Назавтра тропа пошла петлять, то взбираясь по пологим склонам холмов, то сбегая вниз. По взаимному молчаливому соглашению из обиходной речи были исключены все упоминания о слонах, макаках, пекарях и прочих персонажах рассказа, удостоившегося названия «Тот Анекдот». Джон-Том не хотел больше терять время. Чащи, через которые они брели, все еще следовало считать джунглями, но постепенно исчезал самый неприятный момент — ощущение, что круглые сутки находишься в парной. На деревьях так и кишели гребенчатые ящерицы, без страха спрыгивающие вниз, чтобы посмотреть на путников. Их доверчивость свидетельствовала, что прохожие здесь появляются нечасто. Цивилизация предпочитала умеренный климат побережья, избегая обширных пространств джунглей.

Порой тоненькая тропка совсем исчезала под густым подлеском, но это не могло задержать отряд, в котором были две выдры и енот.

— В моих краях нет такого разнообразия, — заметил Перестраховщик, пожевывая незнакомый ему листик.

— В наших с Маджем — тем более, — откликнулся Джон-Том и запнулся. «В наших с Маджем краях...» Неужели он уже начал называть этот мир родиной? От этой мысли ему стало както не по себе, хотя не обязательно считать, что это сказано всерьез.

— Взять хотя бы вон то. — Енот указал на дерево, ломившееся от изобилия на ветках чего-то похожего на сплюснутые яблоки. — Похоже на былна, но не совсем.

— Ты хотел сказать «банан», — поправил Джон-Том.

— Какой банан? Я хотел сказать «былна». Человек, неужто ты не видел былна? Плод у него желтый и покрупнее. Очищается вот так. — Перестраховщик показал. — Ешь его и никак не остановишься. Хочешь съесть все, что видишь. Потому-то он так и зовется. Ежели у кого-то страшно болит живот, он держится за него и стонет, а мы уж знаем, что он был на дереве чересчур долго.

— А это, надо полагать, не манго? — Джон-Том указал на тоненькое деревце слева от тропы, щедро увешанное лиловыми плодами.

— По виду — нет, но по правде это манго. А вон то — вылитая кассия, да не она. А рядом с листьями-опахалами — как кокос, но без орехов, а вон там, где плоды вроде грибов, — ветки, будто сеть.

— Будто что?!

Джон-Том не успел договорить, как сверху обрушились сплетенные лианы. Мадж только и успел выругаться, а Перестраховщик — торопливо схватиться за нож.

— Друзья, снова приготовьтесь дорого продать свою жизнь!

Мадж пытался достать лук.

— Хотелось бы, приятель, но боюсь, на этом рынке моя сильно упала в цене.

Владельцы западни окружили пленников и прижимали их сетью к земле, пока крепко не связали им запястья — сценарий, знакомый до боли. А вот внешность охотников — нет.

— Это еще что за черти?

Юноша озадаченно разглядывал дикарей.

— Дважды черти. — Перестраховщик занимался веревками, стягивающими его запястья. — По-моему, их кличут великанами-людоедами. Ни разу не видывал, но слыхал. Так вот, братец, они вписываются в это один к одному.

— Дерьмо! А на вид они не очень-то, растрепы несчастные. — Мадж посмотрел на Джон-Тома. — Приятель, меня от этого уже тошнит.

— Меня ничуть не меньше, Мадж.

— То есть, — продолжал выдр, направляясь под конвоем в глубь джунглей, — неужто я безрассуден? Я не жадничаю. Я просто хочу хоть денек провести в твоей клепаной компании без опасения напороться на желающих убить нас, протащить под килем или поджарить. Все мои мечты сводятся к тому, чтоб, собираясь шагнуть вперед, максимум, чего бы я боялся, — это местного шерифа или сборщика налогов.

— Скорее всего тебе просто везет, — сухо ответил Джон-Том. — Неужели ты считаешь, что краеугольным камнем моих злодейских замыслов было желание свести знакомство со всеми до единого кровожадными маньяками?

— Эх, будь у меня крайне угловатый камень, — проворчал Мадж, — уж я бы знал, куда его приложить!

С людоедами-людьми Джон-Том еще справился бы, но здесь был мир Маджа, так что их конвоиры являли собой чудовищные вариации на темы местной фауны.

Справа от юноши шел гнилозубый волк. Одно его ухо торчало не на макушке, а чуть ли не на щеке, левый глаз был больше правого, а лапы — мясистые, вовсе не волчьи. Позади двигалась пара маргуайев, но симпатичные, как правило, морды этих животных искажали длинные, загнутые кверху клыки, какие-то поросячьи рыла вместо носов, огромные уши, болтавшиеся, как у такс, и завившиеся в штопор усы.

Виджи подгонял четырехфутовый урод, у которого вдоль хребта змеилось целых пять полос вместо привычной одной, но две из них почему-то переходили на один бок, а не на хвост, как положено. Один из верхних резцов монстра загибался вверх и

назад, будто костяные усики на верхней губе, а оба ввалившихся глаза съехали на одну сторону черепа. Надо же, бурундук-людоед! — удивился Джон-Том. Уже одного этого зрелища было довольно, чтобы тронуться умом. Однако ни один из конвоиров не приволакивал ноги и ни в коей мере больным не выглядел — во всяком случае, чтобы настичь любого глупца, попытавшегося бежать, здоровья у них хватит.

Был там еще капибара, выделявшийся среди прочих полнейшим отсутствием меха на спине и животе. Сверху парили два ворона с размахом крыльев фута в три, из-за шей смахивающие на грифов-недоростков. В арьергарде шагали несколько человек, отличавшихся черепами огромных размеров, заостренными выступающими вперед зубами и длинными космами шерсти на предплечьях и голенях. Они не выказывали никаких признаков сострадания даже к своему оказавшемуся в отчаянном положении сородичу.

— Интересно, куда нас ведут? — пробормотал Джон-Том.

— Разве не ясно, кореш? — Мадж буквально источал сарказм. — На местный матч по трензельболу. Вишь, у этих занюханных джентльменов не хватило нескольких парней до полного состава, так что они завербовали нас в команду.

— Насколько я понимаю, нас ведут в деревню, — предположила Виджи.

— Не волнуйтесь. Я использую против этой банды простаков суар, и мы, как всегда, выпоем себя из передряги.

— Парень, а тебе не приходило в голову, что всякий раз, когда мы вывертываемся из лап враждебных туземцев или других опасностей, растут шансы на новую стычку? Мы испытываем судьбу уже больше года, и не настал ли для нее час покинуть нас?

— Не может быть, Мадж. Ведь мы почти в Стрелакат-Просаде! Успех так близок!

— Во-во, вечно ты со своим бессмертным оптимизмом. Чтоб я сдох, ежели он не переживет тебя!

— Эй, красавчик! — К Маджу, оглядывая его с головы до пят, подошла горбатая, кривая на один глаз норка. — Тебе чего-нибудь принесть? Может, хочешь чего?

— Хочу? Еще спрашиваешь, чурбачка ты моя. Хочу уйти. Хочу миллион золотых. Хочу, чтоб дюжина миловидных гурий-выдрочек чесала мне шерсть.

— Попридержи свои желания, — наподдала ему сзади Виджи, — а то они могут рано или поздно стать навязчивыми идеями.

— Чушь. — Мадж поглядел на дикарку. — Я не против узнать, что ваша компашка хочет сделать со мной и моими друзьями.

— Это по части вождя, — буркнула норка и неделикатно плюнула в ближайший куст.

— Ну, хоть намеками!

Норка наморщила перекошенный лоб, потом ее осенило:

— Еда.

Она радостно улыбнулась и перебросила утыканную шипами палицу с одного плеча на другое.

— Эй, как тебе оптимистичная оценка наших шансов, шеф? Знакомый разговор, а?

— Выпутаемся. — Джон-Том споткнулся, но удержался на ногах. — Вот увидишь. Всегда выпутывались. Мы от пиратов ушли, от болотного народца ушли, от нормальных каннибалов ушли, а от ненормальных и подавно уйдем.

— А шансы, приятель, какие шансы? Они не в нашу пользу. Нельзя же вечно выбрасывать в кости двенадцать.

— Мне нужен только шанс сыграть. Всего несколько минут и суар.

— Знаешь, — задумчиво протянул выдр, — я почти рад попасть в жаркое. Меня так тошнит от наших блужданий по свету от одного кризиса к другому, что мой энтузиазм почти сошел на нет. — Тут он оглянулся на Виджи, и голос его смягчился. — Конечно, появилось кой-что новое, без чего мне было бы фигово.

— Расслабься, Мадж. Они не кажутся мне такими уж опасными. У них наверняка нет сверхъестественных способностей.

— У них стока зубов, что никаких способностей не требуется.

Людоеды вели настолько примитивную жизнь, что даже не удосужились выстроить что-либо мало-мальски похожее на дома и жили в пещерах на склоне большой скалы. Завидев приближающихся охотников, оттуда гурьбой высыпали детеныши. Окружив пленников, они с интересом заурчали и зачмокали, а двое смельчаков начали швырять в Маджа камешками. Тот уклонялся как мог, а потом очень ласково сказал:

— Детишки, чего б вам двоим не сходить поиграть в птичек? — И кивнул на скальный карниз футах в двадцати от земли.

К счастью для него, недоразвитый интеллект местных отроков не был в состоянии оценить ни само предложение, ни вытекающие из него последствия.

Пленников выстроили перед самой большой пещерой, чтобы вождь мог рассмотреть их. Этот медведь-мутант семифутового роста был достоин звания вождя монстров. Вдобавок к сверхъестественному росту он обладал массивной нижней челюстью с комплектом дополнительных зубов, рудиментарными рожками, выступающим гребнистым хребтом и явно добился своего положения отнюдь не силой слова. Его могучую грудь украшали заплетенные косичками лианы и ожерелья из разноцветных камней и костей. Головной убор был под стать наряду — черепа и перья многочисленных жертв.

Оглядев четверых пленников, он презрительно фыркнул на каждого по отдельности, а потом, обернувшись, вопросительно рявкнул на предводителя охотников.

— Городское племя, — ответил тот.

— Чертовски хорошо. — Медведь понимающе кивнул. — Городское племя не такое сытное, но вкус добрый.

Мадж дерзко шагнул вперед. Его макушка едва доставала вождю до паха.

— Эй, ты, вдохновенный уродище, погоди-ка чуток! Нас нельзя есть.

— А на спор?! — зарычал главный людоед.

Джон-Том шагнул вперед и встал рядом с Маджем, демонстрируя если не превосходство в размерах, то хотя бы солидарность. Во всяком случае, глядя гиганту в глаза, ему не приходилось задирать голову.

— Мадж прав, черт подери! Я сыт по горло тем, что каждый встречный-поперечный вместо приветствия стремится сожрать нас. Где же ваша благовоспитанность и традиционное хлебосольство?

Вождь озадаченно поскреб низкий лоб.

— Это ты чего толкуешь?

— Не лучше ли нам подружиться?

— Дружбу не едят.

— Если половина вашего племени вместо попыток скушать соседей научится сотрудничать с другой половиной, — расхаживая взад-вперед перед вождем и его приспешниками, назидательно начал Джон-Том, — то проблем у вас станет гораздо меньше и не придется то и дело драться друг с другом.

— Я люблю драться, — ухмыльнулся во всю пасть волк. — И кушать тоже.

— Кушать все любят. Но у цивилизованных народов не принято есть тех, кто хочет дружить с вами. Это ведет к напряженности.

— Нужны витамины и минеральные соли, — вставил окончательно сбитый с толку вождь.

Джон-Том кивнул на окружающую их зеленую стену джунглей.

— Здешний край богат, тут масса пропитания. Вам незачем есть случайных прохожих. — Он погрозил медведю пальцем. — Хватать и пожирать всякого, кто вторгнется на вашу территорию, — это дикость, недомыслие и нелепость. А в доказательство я спою вам об этом песню.

Мадж возвел очи горе и мысленно скрестил пальцы.

То ли нежданный град обвинений довел дикарей до оцепенения, то ли их заинтересовало, что же споет речистый обед, но никто не помешал Джон-Тому взять суар. Мадж тем временем попятился и зашептал на ухо своей даме:

— Он хочет попытаться напеть этой банде лапшу на уши. Я уж видал это прежде: порой помогает, а порой тока хуже становится.

Джон-Том постарался на славу — вряд ли со дня появления в

этом мире он пел более сладостные и дивные напевы. И они делали свое дело: невооруженным глазом было видно, что людоеды подпали под их власть, хотя магия была тут вовсе ни при чем. Просто Джон-Том пел о любви, о жизни и дружбе, о повседневной всеобщей доброте к ближнему и о том, что между разумными существами должно царить взаимопонимание. Он изливал в песне противоречивые чувства, которые питал к этому миру, он размышлял, как можно его улучшить, как обуздать насилие и анархию и как сплоченными усилиями превратить его в рай для всех и каждого.

По искаженным гримасами переживаний щекам и расширенным ноздрям побежали слезы. Даже вождь тихонько хлюпал носом. Наконец Джон-Том опустил суар и посмотрел ему прямо в глаза.

— Таким я вижу идеальный ход событий. Может, я чересчур наивен и оптимистичен...

— Сработал что надо, вот так. — Мадж ткнул Виджи локтем в бок.

— ...но мир должен стоять именно на этих принципах. Я уже давно это чувствовал, только не было случая излить это в песне.

Вождь всхлипнул и утер глаза кулачищем.

— Мы любим музыку. Человек, ты поешь красиво. Нельзя терять такую прелесть, потому мы не едим тебя.

Джон-Том обернулся и торжествующе ухмыльнулся друзьям. Вождь указал налево — из пещеры по соседству с его собственной вышла медведица-людоедка ростом почти с него.

— Моя дочка. Любит музыку тоже. Слушала ты?

— Слушала, — ответила она, сморкаясь в кусок дерюги, которого хватило бы на целый мешок.

— Такие добрые мысли должны быть с нами всегда. — Вождь поглядел на Джон-Тома. — Я верю в то, что ты поешь. Ты остаешься с нами и поешь все одинокие дни и ночи.

— Эй, погодите-ка! Я не против поделиться с вами мыслями и музыкой, но боюсь, что не смогу заниматься этим на постоянной основе. Видите ли, мы с друзьями выполняем миссию огромной важности и...

— Ты остаешься.

Похожий на кувалду кулак вождя разрубил воздух в дюйме от носа Джон-Тома, потом указал на стоящую рядом юную дикарку. Джон-Том подумал, что выглядит она не так уж отвратительно и даже довольно стройна — для профессионального борца.

— Ты остаешься и женишься на моей дочке.

Тпру!

— Боюсь, что не могу этого сделать.

Над юношей тут же нависла двухтонная туша медведя.

— Как так, моя дочка не понравилась?!

— Не в том дело. — Джон-Том выдавил бледную улыбку. —

Просто, э-э, из этого не будет проку. В том смысле, что мы не состоим даже в отдаленном родстве, то есть межплеменном.

— А что ты толковал о разумных племенах, работающих вместе?

— Ну да, работающих, но не живущих же — то есть я имею в виду брак и все такое.

— Он хочет сказать, ваша чудовищность, — подхватил Мадж, когда протесты Джон-Тома выродились в неразборчивый лепет, — что и сам не ведает, чего несет. Уж я-то знаю, я-то слушаю его словесный понос уже поболе года.

— А, вот еще, — быстро вставил Джон-Том. — Я женат.

— О, не проблема! — Вождь вознес обе лапы над головой, и из уст его полилась непрерывным потоком неразборчивая тарабарщина. Потом он опустил лапы и криво ухмыльнулся. — Во! Теперь ты разведенный и вольный жениться опять.

— По законам моей страны — нет.

— А хоть бы и нет, но ты живешь теперь по закону здешней страны. Подь сюда.

Медведь схватил Джон-Тома за правое запястье и чуть ли не по воздуху поволок к дочери. Она возвышалась над женихом на добрый фут и весила фунтов восемьсот.

— Дорогой!

Девица обхватила его обеими лапами, и юноше представилась редкая возможность испытать настоящие медвежьи объятия. Результатом контакта — к счастью, кратковременного — были помятые ребра, отшибленный дух да ощущение, будто он неделю провел на столе у костоправа. Должно быть, нареченная догадалась, что синюшный цвет лица вряд ли говорит о добром здравии. Пока Джон-Том взахлеб хватал ртом воздух, вождь воздел руки и торжественно оповестил племя:

— Вечером большая свадьба, все приходят, масса танцев и песен, масса еды. Хотя не из гостей, — спохватившись, добавил он.

Уточнение было встречено несколькими огорченными возгласами, но они потонули в потоке всеобщего ликования. Сия буколическая сценка тут же напомнила Джон-Тому радостную ночь шабаша из «Фантастической симфонии» с собой в главной роли[1].

— Значица, его чудовищность милосердно отпускает нас? Какое великодушие!

— Мне кажется, даже своими едва ворочающимися мозгами он сообразил, что невежливо есть товарищей жениха, — заметила Виджи.

— Ага, до свадьбы. Вот увидишь, что будет потом. А можа, не погодишь и не увидишь, потому как нам абсолютно ни к чему

[1] В пятой части «Фантастической симфонии» Г. Берлиоза герой видит во сне шабаш на Лысой горе, где становится свидетелем собственных похорон. (*Прим. перев.*)

слоняться тут и ждать выяснения. Как тока он отвернется — испаряемся.

— А как же Джон-Том?

— А что он нам? — В голосе Маджа не было и тени дружелюбия. — Он сам влез в эту милую западню, заливая про любовь, жисть и дружбу, про взаимопонимание меж разумными существами и прочую дребедень. Пусть сам себя отсюда выпевает. Мы не можем слоняться тут и ждать свадьбы, чтоб узнать, что с ним будет. Нам надо позаботиться о себе и надо делать ноги, пока наши милые хозяева настроены по-доброму... Как насчет тебя, старичок? — зашептал выдр стоявшему рядом еноту.

— Боюсь, на этот раз мне наверняка придется согласиться с тобой. Бедолага Джон-Том впутался в грандиозную сплошную неприятность. Тут я выхода не вижу, уж будьте покойны, — с сожалением хмыкнул Перестраховщик. — И лучше ему что-то придумать до наступления вечера. Заниматься любовью с горой небезопасно. Ежели она забудется, он может очнуться разломанным вдребезги, как его дуара.

Выдры вполне разделяли воззрения енота на перспективы супружеской жизни Джон-Тома.

Юношу и его суженую отвели в отдельную пещеру. Пол в ней был посыпан чистым песочком, имелись стол, стулья, пара шезлонгов на диво современного дизайна. Не зная, чем заняться, юноша прилег на один из них. Людоедка тут же пристроилась на соседнем, и дерево тревожно скрипнуло.

Покой жениха и невесты, хмыкнул он. Все равно что приемный покой хирурга. Ему не было позволено выходить, но мимо входа то и дело мелькали его товарищи — очевидно, им была предоставлена полная свобода передвижения. Это заставило мысли Джон-Тома заработать быстрее. Мадж не станет болтаться здесь до бесконечности, ожидая, пока приятель выпутается из очередного затруднения. Выдр ему друг, но не дурак; Джон-Том знал, что если в ближайшее время что-нибудь не предпримет, то останется сам по себе. А тем временем людоедка, лежа в шезлонге, со страстью взирала на него.

Устав от затянувшегося молчания и бесполезных раздумий, он подал голос:

— Знаешь ли, толку от этого не будет, я уже говорил твоему отцу.

— Откуда знаешь? Еще не пробовали.

— Да ты приглядись получше. Я вижу тебя, ты видишь меня. Я вижу различия.

— Я вижу двоих. Чего еще надо?

Да, с такой зубодробильной логикой разговор затянется.

— Ты уже была замужем?

— Однажды. Здорово было.

— Но сейчас ты свободна?

— Ага.

— А что случилось с первым мужем?

— Сломался.

— О-о?

Лучше бы закруглить беседу, лихорадочно соображал Джон-Том, но его обычно молниеносная, пусть и не всегда точная смекалка на этот раз отказала. Поскольку в эту ситуацию его вовлекли суар и песни, то вряд ли удастся выпутаться с их помощью. Эх, была бы цела дуара! Если бы да кабы... А может, другому людоеду его суженая покажется привлекательной? «И что она во мне нашла?» — ломал голову Джон-Том. Ну конечно же, дело не в его личном шарме, а в очаровавших все племя сладостных напевах.

— А как тебя зовут?

Не то чтобы ему было интересно, но молчание становилось нестерпимым.

— Апробация.

Джон-Том едва не улыбнулся: хорошенькое прозвище для не очень хорошенькой леди!

— И что будем делать дальше?

— Что хотишь. Ты будешь муж, я буду жена. Если хочешь чего, скажи мне. Жена должна угождать мужу, даже если он еще не муж. Так заведено.

— То есть как? — Сверкнувшая в мозгу догадка начала понемногу проясняться. — Ты хочешь сказать, что если я от тебя потребую что только в голову взбредет — ты обязана выполнить?

— Кроме как помочь тебе удрать.

Тупик. А может, и нет?

— И по обычаю все женщины твоего племени должны вести себя именно так?

— Именно. Так заведено. Так правильно.

Он сел, повернувшись к медведице лицом.

— А что, если я скажу, что это не только неправильно, но и противоестественно?

Массивная челюсть невесты съехала на сторону в недоуменной гримасе.

— Не понимаю, чего толкуешь.

— Предположим, я скажу — а ты должна мне верить, ведь я твой будущий муж, не забывай, — что мужчины и женщины равны, и не дело, когда одни все время угождают другим.

— Но это неправильно! Так всегда было заведено.

— Понимаю. Хотелось бы мне, чтоб тут оказалась какая-нибудь феминистка вроде Кэйт Милле или Глории Стайнем и прочитала тебе лекцию.

— Я не знаю этих имен. Они — волшебные богини?

— Кое-кто считает именно так.

Джон-Том встал и подошел к людоедке. Ее габариты внушали трепет. Исполинские лапы с длинными мощными когтями могли бы разом переломить ему хребет. От одного взгляда на жуткую морду в сердце закрадывался страх, но в глубине больших, в общем-то даже привлекательных глаз ощущались незаполненный вакуум и стремление к знаниям. Откликнется ли она на новые идеи, тем более провозглашенные чужаком?

— По-моему, я тебе нравлюсь, Апробация, хоть мы и несхожи.

— Сильно нравишься.

— Но это не означает, что ты должна жить как раба. Это не означает, что каждая женщина твоего племени должна жить как раба любого мужчины. Эта истина ничуть не меняется, говорим мы о выдрах или о людоедах. Пришли другие времена, Апробация, и настал час тебе и твоим сестрам измениться вместе с ними.

— Как это измениться?!

— Ну, примерно так...

Мадж пытался заглянуть в глубину брачной пещеры.

— Музыки не слышу, но вижу, что губы его шевелятся. Накличет старина Джон-Том словами бурю, уж я-то его знаю. Он может всяких чудес натворить и достаточно хитроумен, чтоб сбить с толку целый Магистрат. Вот увидишь, милашка. Через часик она станет изрекать благоразумные мысли.

И действительно, вскоре Апробация выскочила из пещеры, чтобы высказаться, но изрекала она отнюдь не благоразумные доводы, а буквально кипела негодованием. Когда стражи отказались выпустить Джон-Тома, она просто зашвырнула обоих в кусты.

— Не годится невесте покидать брачную пещеру до пира. — Ей заступил дорогу еще один воин, большой ягуар.

— А-а-а-а, усохни, ты, ты... самец!

И лапа, чуть-чуть не дотянувшая до размеров автомобильной шины, вошла в тесный контакт с челюстью ягуара.

Остальные воины ринулись утихомиривать разбушевавшуюся дочь вождя. До Джон-Тома никому уже не было дела, и он прошествовал мимо театра военных действий, ухмыляясь, как Чеширский Кот.

— Приготовься уходить, — бросил Мадж подруге.

— А? Хоть она и дерется с охраной, но из селения нас вряд ли выпустят.

— Просто приготовься. Все верняк, как я и говорил: Джон-Тому не всегда нужно петь, чтоб творить чудеса.

Женское население деревни отложило домашние дела и вышло из пещер, внимательно прислушиваясь к Апробации, которая провозглашала подхваченную у Джон-Тома феминистскую программу, одновременно отбиваясь от полудюжины охотников. Большинства мужчин, занимавшихся подготовкой к свадьбе, в селении не было, иначе они нашли бы речь Апроба-

ции весьма любопытной. Сбившиеся плотной толпой женщины начали недовольно ворчать и что-то выкрикивать.

— Очень интересно, — заметила Виджи, краем уха услышавшая несколько отрывочных фраз, но Мадж потянул ее за руку.

— Пошли, милашка, надо быть готовыми слинять, как тока подойдет Джон-Том.

— Крайне интересно, — упиралась она. — Ничего подобного не слыхала.

Мадж тоже кое-что расслышал и тянул Виджи чуть ли не с отчаянием.

Тут драка утихла: вернулся вождь с остальными воинами.

— Нехорошо начинать празднество без нас, — с укором сказал он. — Будет масса времени наиграться, когда свадебная церемония закончится.

— Никакой свадебной церемонии! — Всклокоченная, тяжело дышавшая Апробация была явно не настроена идти на попятную. — Да кто ты такой есть, чтоб мной командовать?!

— Кто я есть? Кто я есть?! Да я есть твой отец! Я есть вождь этого племени!

Надо было видеть его побагровевшую физиономию!

— А по какому праву?!

Онемев от возмущения, вождь пробрался сквозь ряды туземцев, расталкивая их налево и направо, и хотел влепить дочери пощечину, но она парировала удар и ответила прямым в зубы. Несколько воинов хотели схватить ее, но наткнулись на преградивших дорогу женщин. Дремотную тишину вечера взорвали вопли и рычание, воздух наполнился клочьями шерсти и шкур — словом, пыль столбом!

Уклоняясь от битвы, вождь предпочел заступить дорогу Джон-Тому, пытавшемуся на цыпочках проскользнуть мимо бранной сечи.

— Ты! Ты навлек на нас эту беду. Ты толковал с моей дочкой и забил ей голову суеверной чепухой! Что за злые чары ты сотворил? Женитьба отменяется. Обед возвращается.

Он потянулся к Джон-Тому, быстро отскочившему в сторону.

— Апробация!

Юноша выкрикнул это имя несколько раз, но она была чересчур занята пробуждением разума у мужчин путем проламывания их черепов.

Вождь подступал, скверно ухмыляясь.

— Я ем тебя сам, ем сырым, на обед. По кусочку за раз. Пожалуй, начинаю с головы.

Медведь опять протянул лапы. Джон-Том увидел, что Мадж мчится за своим реквизированным луком, но выдру никак было не поспеть вовремя. Хитромудрый план дал осечку. Мадж прав — удача в конце концов повернулась к человеку спиной.

И тут его прикрыла широченная спина, а ее обладательница взревела:

— Ты больше никого не ешь без моего позволения!

От шагов ринувшейся на вождя фигуры задрожала земля.

— Пошли, чувак! — Лук был уже у Маджа. — Уносим отсюдова ноги!

Слегка очумевший от столь бурного проявления посеянной им среди туземных дам смуты, Джон-Том позволил увести себя с поля боя. Никто не пытался их задержать, и вскоре друзья, беспрепятственно вернув свои вещи и припасы, незаметно ускользнули.

— Кто это был? — наконец промямлил Джон-Том, когда они порядком отдалились от пещер. — Кто меня спас?

— Толком не знаю, — ответила Виджи, — но по-моему, это была миссис вождь. Джон-Том, я и сейчас толком не пойму, что случилось. Ради всего святого, что ты наговорил невесте, если она и остальные женщины так взъярились?

— Правду сказать, такой реакции я не ожидал. Я всего лишь усадил ее и рассказал о...

— Стой, парень, — энергично перебил его Мадж. — Мы можем вернуться к этому попозже, а? Сейчас надо поберечь дыхание, чтоб нас отделяло от этого скопища как можно больше деревьев.

— Разумеется, но я...

— Разумеется, но ты сможешь поговорить об этом потом, када сможем присесть и поболтать, не опасаясь погони, ладно?

Джон-Том уловил, куда клонит выдр, и прикусил язык. Можно и уступить просьбе друга, ничего страшного — тем более Виджи вряд ли нуждается в помощи этой теории.

Глава 14

Каннибалам, занятым выяснением отношений, явно было не до преследования. Вряд ли они быстро вернутся к нормальной жизни.

Маджу следовало бы радоваться по поводу столь легкого избавления, а он вместо этого шел понурый, погрузившись в пучины тоски, и на все вопросы отвечал исключительно односложно. Наконец Джон-Том не выдержал:

— Мадж, тебя что-то терзает?

— Разумеется, терзает, приятель. Усталость. Я устал от вонючих джунглей, от беготни, устал мчаться за тобой на край света всякий раз, када жисть вроде начинает налаживаться. А тут еще проблема. — В виде пояснения он начал чесать левый бок, понемногу переходя на спину. — С самого Чеджиджи у меня все

зудит, а в последние дни и вовсе спасу нет. Надо думать, подцепил какую-нибудь сыпь. Хуже всего посередине спины, но туда я не дотягиваюсь.

— Милый, надо же было сказать! — Виджи остановилась и начала стаскивать с него жилет. — Дай-ка посмотрю.

Пока она осматривала спину и плечи Маджа, человек и енот получили возможность немного передохнуть.

— Ну, чего там? — не утерпел Мадж, но Виджи не отвечала. Когда она наконец подала голос, слова предназначались вовсе не Маджу.

— Джон-Том, по-моему, тебе надо на это взглянуть.

Он подошел, и открывшееся зрелище отняло у него дар речи.

Спина выдра совершенно облысела. С первого же взгляда под мышку, которую Мадж только что чесал, стало ясно, что скоро плешь доберется и сюда. Проведя лапой по ноге, Виджи собрала целую горсть шерсти.

— Да что с вами? Что стряслось?

— Боюсь, это не просто сыпь, Мадж.

— Что значит «не просто»? У меня что, проказа?

— Нет, не совсем, — пробормотала Виджи.

Мадж взвился.

— То есть как это «не совсем»?! Не будет ли кто-нибудь любезен сказать, что стряслось? Это всего-навсего клепаный зуд. Видите?

Он почесал правое предплечье, но, убрав ладонь, увидел полоску голой кожи.

— Ох вы лапочки мои! — Он в ужасе уставился на Джон-Тома. — Приятель, ты должен этому помешать! — Со лба Маджа упал клок шерсти. — Сделай чегой-нибудь, отпой это про-о-о-чь!..

Он яростно заметался туда-сюда, теряя шерсть.

— Попытаюсь, Мадж.

Джон-Том перебросил суар на грудь и пропел все подходящие песни, какие только пришли в голову, завершив попурри торжественной ведущей темой рок-оперы «Волосы». Все втуне: парша Маджа усугублялась. Когда выдр, утомившись, через несколько минут прервал свою гонку, на его теле не осталось ни волоска.

Перестраховщик разглядывал выдра со своей обычной флегматичной невозмутимостью.

— Первый раз вижу лысую выдру. Несимпатично.

— Что ж я буду дела-а-а-ать?!

— Для начала перестанешь выть, — с упреком ответил Джон-Том.

— Уж лучше б я помер!

— И перестанешь молоть вздор.

Виджи обнимала Маджа, стараясь его утешить. Потом слегка отстранилась и воззрилась на его хребет.

— По-моему, уже начало отрастать обратно.

— Не насмехайся надо мной, милашка. Я знаю, что обречен скитаться по свету в таком вот виде, голым лысым изгнанником, словно человечий выродок.

— Нет, в самом деле! — Волнение в ее голосе было неподдельным. — Погляди сам.

Виджи поднесла левую лапу Маджа к его носу. Джон-Том подошел взглянуть. Действительно, из кожи выглядывали крохотные кончики волос. Шерсть отрастала прямо на глазах. Мадж едва не запрыгал от восторга.

— Она вернется! Какое облегчение. Я уж думал, с беднягой Маджем покончено. В таком виде невозможно показаться на глаза старым знакомым. Ладно, приятели, расходитесь, а то снова занесете мне инфекцию.

К ночи коричневая блестящая шерсть, отросшая на полдюйма, покрыла все тело выдра. К утру она достигла нормальной длины. Новые шерстинки были необычайно толсты, но по цвету и на ощупь казались нормальными, и Мадж не придал такой малости никакого значения — похож на себя, и ладно.

Но к концу дня он это сходство утратил.

— И када, по-вашему, они перестанут расти? — оглядывая себя, ворчал он.

— Не волнуйся, — ласково потрепала его Виджи, — если отрастут еще, мы тебя подстрижем.

Беда была в том, что шерсть все росла, а подстричь ее было нечем, кроме сабли. Так что она все отрастала с той же невероятной скоростью и уже достигла футовой длины. Это замедлило движение отряда, поскольку Мадж то и дело наступал на покрывающую ноги шерсть и падал. Ботинки ему пришлось снять давным-давно. В конце концов он решил прибегнуть к помощи сабли, но стрижка только ускорила процесс.

К утру очередного дня отряд состоял из трех путников и одного спотыкающегося клубка шерсти. Выдру приходилось придерживать лапой свисающую на глаза челку, чтобы видеть дорогу.

— Ты похож на шотландского терьера, — заметил Джон-Том.

— Это становится офигенно нелепо, кореш. Скоро я ваще не смогу ходить.

— Тогда мы катим тебя до Стрелакат-Просада. — Перестраховщик увернулся от ветки. — Надеюсь, среди ихних мастеровых найдется цирюльник.

— Да меня тошнит от ваших умных комментариев! — злобно рявкнул Мадж. Он бы непременно заехал еноту по уху, да только едва шевелил лапами.

После полудня прошел небольшой дождь и, по странному стечению обстоятельств, шерсть тоже стала выпадать — длинными прядями. Когда на землю лег последний локон, позади оста-

лась выстеленная шерстью дорожка. Ее вполне хватило бы, чтобы набить пару изрядных матрасов. Зато Мадж снова был гол как сокол.

Но на спине уже проклевывались первые волоски, и к ночи выдра снова покрывал мех нормальной длины.

— Можа, проснувшись утром, я снова стану самим собой, — с надеждой сказал он, укутываясь в тонкое одеяло.

— Несомненно, будешь. — Устраиваясь рядом, Виджи успокоительно похлопала его. — Тебе пришлось провести пару жутких дней, но я готова поклясться, что инфекция прошла полный цикл. Ты совсем облысел, потом оброс с излишком, потом опять облысел и вернулся к норме. Конечно же, больше ничего не может произойти.

Что касается Джон-Тома, то для него главная проблема похода по джунглям состояла в том, что приходилось все время потеть, хотя никто, кроме него, не придавал этому значения. В этом мире запах пота считался вполне естественным, но Джон-Том не привык пахнуть столь сильно, как, к примеру, Мадж, и игнорировать усиливающийся аромат собственного тела ему становилось все труднее. С тем он и уснул.

На этот раз он пробудился первым. Бивуак был погружен в тишину. Виджи уютно посапывала на боку, а невдалеке спал на животе Перестраховщик. Но где же Мадж?! Неужели охваченный тоской выдр пошел побродить и рухнул неизвестно где? Стремительные переходы от полного облысения до чрезмерного избытка шерсти и обратно сказались на его импульсивной натуре самым угнетающим образом. Быстрый осмотр бивуака результатов не дал.

— Виджи! — Джон-Том крепко тряхнул ее за плечо. — Виджи, проснись!

Она мгновенно села. Не в характере выдр пробуждаться постепенно.

— Что случилось, Джон-Том?

— Мадж пропал.

Она вскочила и пошла будить Перестраховщика.

— Тут нету. — *Енот неспешно озирался.* — Не представляю, что с ним случилось, уж будьте покойны.

— Он вечно голоден, — сказала встревоженная Виджи. — Может, пошел по ягоды или еще зачем. Давайте хором позовем его и поглядим, что будет.

— Верно, — Джон-Том приставил ладони ко рту. — Ну, все вместе: раз, два, три...

— МАДЖ!

Ответ донесся немедленно, и вовсе не из дальнего уголка леса.

— Вы не будете добры заткнуться и дать мне досмотреть потрясный сон?

Голос звучал совсем рядом, но, сколько они ни озирались, не увидели источника.

— Мадж! Мадж, где ты? — Виджи подняла глаза на Джон-Тома. — Он что, стал невидимкой?

— *Ниче подобного,* — буркнул Мадж. — Вы все тут ослепли, вот что!

Джон-Том указал влево от себя.

— По-моему, он под этой клумбой.

И действительно, когда он раздвинул цветы, на него, сонно моргая, уставилась пара сердито блестевших карих глаз.

— Еще и оглохли. Я ж сказал, что хочу досмотреть сон, приятель! Разве я поднимаю тебя пинками, ежели чуток проспишь?

Джон-Том глубоко вздохнул и отступил на шаг.

— Мадж, по-моему, тебе стоит взглянуть на себя повнимательней.

— Ладно, чего там еще? — Клумба медленно села. — Лысый? Или волосатый?

Но стоило Маджу обозреть себя, как голос его превратился в разъяренный визг.

— О боже мой, что еще со мной стряслось?!

Случившееся было столь же очевидно, сколь и невероятно. За ночь шерсть Маджа приняла привычный вид с одним, но весьма серьезным отличием: небольшое утолщение на кончике каждого волоска расцвело... м-да, буйным цветом. На кончике каждого волоска красовался яркий цветок. Цветы как цветы, только лепестки потолще да поплотнее.

Виджи насчитала добрую дюжину разновидностей шерстяной флоры.

— Маргаритки, колокольчики, анютины глазки, ноготки, васильки... О Мадж, ты прекрасен! И пахнешь чудесно.

— Не хочу быть прекрасным! Не хочу пахнуть чудесно!

Убитый подобной несправедливостью Мадж, похожий на удравший с карнавала цветов фигурный букет, принялся злобно отплясывать по кругу, размахивая лапами. Во все стороны полетели лепестки. Наконец, выпустив пар, безутешный выдр уселся на землю, сжавшись в комочек. Очаровательный комочек, отметил про себя Джон-Том.

— Увы мне! Что будет с бедным Маджем?!

— Успокойся, — Джон-Том обнял цветущие плечи. Над кончиком уха выдра деловито жужжала счастливая пчелка. — Я уверен, что это пройдет так же быстро, как и все предыдущие. Подумать только — ведь это меня ты всегда обзывал буйно расцветшим идиотом!

Мадж взвизгнул и бросился на него, но Джон-Том ожидал атаки и легко уклонился. Обычно Мадж настигал его, но на этот раз был так скован своим цветущим мехом, что победа досталась юноше.

— Злодей. Кровожадный, злой, саркастичный, ухмыляющийся павиан, — ворчал выдр. Вытянув лапы перед собой, он оглядел их и вздохнул. — Вот уж унизительное положеньице!

— А с другой стороны, — удалившись на безопасное расстояние, бросил Джон-Том, — если нам придется прятаться, ты уже прекрасно замаскирован.

— Все шутишь... Я тут жутко страдаю, а моему лучшему другу тока б шутки шутить!

Джон-Том подпер подбородок ладонью и оглядел приятеля с преувеличенной серьезностью.

— Что-то не пойму: тебя надо косить или удобрять?

Даже Виджи не удержалась.

— Не волнуйся, дорогой. Я собственноручно буду поливать тебя два раза в неделю.

Мадж плюхнулся на ту клумбу, что была пониже спины.

— Ненавижу! Обоих! Каждого в отдельности! И вкупе!

— Ну, Маджи... — Виджи хотела приласкать его, но Мадж отстранился.

— Не прикасайся ко мне!

Однако во второй раз избегать ласки не стал. Виджи начала обрывать лепестки.

— Любит, не любит, любит, не любит...

Когда она кончила гадание, на спине Маджа не осталось ни лепестка. Больше цветы не распускались. Волоски, недавно служившие стеблями, были голыми.

— Видишь, Мадж? Под цветами твоя шерсть совершенно нормальна.

И они вместе занялись ощипыванием оставшихся цветов.

Волос было много, и лепестков было много, так что работы им хватило до самого Стрелакат-Просада. Когда они достигли окраин, Мадж снова выглядел и чувствовал себя самим собой. Загадочная (и красочная) болезнь прошла; оно и к лучшему, поскольку три дня методичного уничтожения лепестков крайне утомили выдр.

На дороге не было ни знака, ни вывески, и путники не вошли в Стрелакат-Просад, а скорее очутились в нем.

Ум Джон-Тома был чересчур поглощен насущными проблемами, чтобы сосредоточиться на попытках представить себе город, так что ни он, ни его спутники оказались совершенно не готовы к открывшемуся их взорам чарующему видению, мгновенно околдовавшему их. Все опасности и тяготы долгого странствия остались позади. Можно было расслабиться и отдохнуть, позволив себе поддаться очарованию несравненного поселения посреди Просада.

На окраине джунгли были не вырублены, а расчищены: деревья и кусты с крупными цветами не тронули, чтобы они красотой и ароматом оживляли окрестности. Маджу об этом никто говорить не стал, поскольку он по-прежнему весьма болезненно реагировал на любые упоминания о цветах, моментально впадая в кровожадное настроение.

Через селение вилась единственная мощенная булыжником дорога, и уже сам факт ее существования был поразителен, не говоря уж о точности, с какой камни были пригнаны друг к другу. Джон-Том мог лишь строить предположения, как горожане нашли посреди джунглей столь качественный булыжник.

Первым делом они миновали кондитерскую, источавшую столь дивные ароматы, что даже брюзжавший Мадж начал пускать слюнки. Как и все дома города, вид магазина говорил о занятиях владельца. Черепица напоминала плитки шоколада, оконные стекла — леденцы, двери и облицовка — пряник, а притолоки — глазурь. Конфетные бревна связывали лакричные веревки — однако все это было имитацией, в чем Мадж убедился, лизнув мимоходом бисквитный забор, оказавшийся на вкус совершенно деревянным.

Особняк скульптора был вырезан из белого мрамора, отполированного до такого блеска, что на нем не могла удержаться даже дождевая капелька. Дома столяров и плотников являли собой чудеса хитрой резьбы с завитушками и барельефами. Бесшовные стыки были закрыты пластинами из ценных пород. Обычно так отделывают изящную мебель.

Дом художника покрывал пейзаж, изображавший окутанные тучами горы посреди зеленых джунглей. Казалось, по фасаду пробегает радуга.

— Колдовство, — сказал Перестраховщик.

— Это не колдовство, а высочайшее искусство. Высочайшее мастерство и умение.

Прошли они и жилище каменщика, выстроенное из миллионов крохотных разноцветных кирпичиков, и особняк мебельщика, напоминающий гигантский диван, загороженный обеденным столом. Но нигде не было видно ни фасада, ни дома, говорившего, что его хозяин делает музыкальные инструменты.

В конце концов им пришлось остановиться у жилища ткачихи. Джон-Том позвонил в плетеную ивовую дверь, коричневым прямоугольником выделявшуюся на фоне стен из крашеной шерсти. Ткачиха оказалась сурчихой. Фигура одетой в простую тунику четырехфутовой мастерицы напоминала грушу. Прислонившись к притолоке, она выслушала рассказ чужаков, поразмыслила и наконец ответила:

— Не знаю, следует ли вам тревожить Кувира Кулба.

Джон-Том почувствовал некоторое облегчение — по крайней мере, они пришли куда следует, — и сказал об этом ткачихе.

— О да, вы попали в точку. — Она заглянула ему в глаза, вгляделась в черты лица. — Вы прошли долгий путь. Так говорите, вы — чаропевец?

Джон-Том снял мешок с остатками дуары и продемонстрировал содержимое.

— Да. Мой наставник, колдун Клотагорб, сказал, что во всем мире только у Кувира Кулба хватит мастерства починить дуару.

— Волшебный инструмент? — с любопытством спросила ткачиха. — Немногие у нас имеют дело с волшебством, хотя пришельцы считают иначе. Ну, вот кондитер Шомат может заставить заплясать украшения на торте и свить из леденцовых нитей паутину, которую даже паук не отличит от настоящей. Кувиру Кулбу тоже знакомы один-два трюка. — Она вздохнула, словно подводя итог в каком-то внутреннем споре. — Я могу показать, где он живет.

Сурчиха спустилась с ситцевого крыльца.

— Идите до конца главной улицы. Тропа сворачивает налево, но вы туда не ходите, а двигайте дальше. Нужный вам дом стоит невдалеке от города, у водопада за деревьями. Спутать его с другими невозможно. Но подходите осторожно. Если на ваш стук никто не откликнется, пожалуйста, уйдите столь же тихо, как и прибыли.

Джон-Том осторожно упаковал обломки дуары.

— Не волнуйтесь. Без крайней нужды я бы сюда не пришел.

— Вы не поняли меня. Видите ли, я опасаюсь, что вы пришли чересчур поздно. Кувир Кулб умирает.

Глава 15

Шагая по улице, Мадж пинками расшвыривал камешки.

— Великолепно, просто лучше некуда! Значица, мы одолели полмира, чтоб отремонтировать твой дерьмовый драндулет, а единственный чувак, *который может это сделать, облапошил нас!*

— Это еще неизвестно. — Джон-Том подтянул лямки. — Он еще не покойник. Ткачиха сказала только, что он умирает.

— Что помирает, что покойник — без разницы. По-твоему, он сможет дотащиться до верстака? Придурок хренов, не мог обождать пару недель, чтоб покончить с делишками.

— Если бы он знал о нашем появлении заранее, то, несомненно, отложил бы свою неизлечимую болезнь на потом.

— Именно так я и подумал, приятель!

Джон-Том отвел взгляд. Стоит только решить, что выдр хотя бы отчасти остепенился, как тот ляпнет что-нибудь в этом роде. Хотя по меркам сего мира его поведение не так уж и возмутительно.

Найдя нужную тропу, они свернули в лес. Путь до жилища Кувира Кулба оказался совсем коротким. Слышно его стало раньше, чем видно: дом отражал настроение хозяина. В то утро

он исполнял похоронный марш, что не вселяло особых надежд. Печальная музыка пронизывала и воздух, и землю, и даже их тела, наполняя душу тоской.

Стены дома состояли из органных труб — бамбуковых, металлических, деревянных. Связывающие их веревки вибрировали, будто скрипичные струны. Светлые балки наполняли воздух звучным гулом, будто играющий под сурдинку духовой оркестр. Шум водопада, ниспадавшего со скалы, естественным образом вплетался в мелодию. Вид дома ничуть не уступал этому концерту. Даже Мадж поддался общему настроению.

— Можа, этот парень и не знает, как исцелиться, зато в музыке разбирается. Уж лучше б он не помирал. Я готов выложить цельный золотой, чтоб поглядеть на дом, када он был здоров.

— Может, нам следует немедля уйти? — засомневался Перестраховщик. — Вернуться в город и приискать кого другого.

— Другого нет — так сказал Клотагорб. Потому-то мы и рвались сюда. Нам необходим он.

— А что, ежели он посетителей на дух не переносит, парень? А что, ежели он ваще дух испустил?

— Надо попытаться.

Ступени крыльца отзывались на шаги мелодичным звоном, как пластины ксилофона. Звонок издал переливчатую трель свирели, которой вторила флейта Пана. Дверь открыла солидная матрона-опоссумша. Бросив быстрый взгляд своих больших глаз на каждого из посетителей, она остановила его на Джон-Томе.

— По виду вы чужаки. Нас нечасто навещают. Не ведаю ни откуда вы, ни по какой надобности — но в этом доме поселилась смерть.

Джон-Том растерянно посмотрел на Маджа, но тот лишь пожал плечами: мол, мы здесь по твоей милости — сам и выпутывайся.

— Мы насчет инструмента, всего одного инструмента. Уж и не знаю, куда идти и что делать. Я прошел полмира в надежде, что мастер Кулб сумеет его починить.

— Мастер Кулб не может подняться с постели, тем паче — заменить язычок гобоя. Я Амальма, его экономка.

Опоссумша попыталась закрыть дверь.

— Погодите, умоляю! — Джон-Том сделал шаг вперед, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. — Мой чародей-наставник заявил, что только Кулбу по плечу починка моей дуары. Без него я не смогу заниматься чаропением.

Дверь чуточку приоткрылась.

— Так вы чаропевец, молодой человек?

Джон-Том лишь молча кивнул. Дверь распахнулась.

— Вас послал чародей?

Снова кивок.

— Значит, дело в магии. Воистину лишь мастер Кулб сумеет

вам помочь, если вообще сможет помочь кому-либо. — Она поколебалась, потом со вздохом решила уступить. — Раз уж вы прошли долгий путь и тут замешана магия, я узнаю, примет ли вас мастер Кулб. Но предупреждаю: он ничего не сможет сделать для вас. Быть может, порекомендует другого мастера.

Входя, Джон-Том вынужден был пригнуться, чтобы не разбить голову. Тем временем экономка не умолкала:

— Есть и другие мастера по части музыкальных инструментов, но сравняться с мастером Кулбом не может ни один. Впрочем, быть может, он знает такого, который неизвестен мне, — в конце концов, я всего-навсего экономка. Сюда, пожалуйста.

Она ввела посетителей в гостиную, где господствовал высокий камин. В трубе в лад мелодии дома жалобно завывал ветер. В комнате стояло несколько диванов в форме струнных инструментов.

— Располагайтесь, а я пока навещу мастера.

Все сели, раскрыв глаза и уши. Ветер посвистывал среди стропил, доски пола перестукивались, а оконные стекла вибрировали, как барабанные мембраны.

— Мрачное местечко, — прошептал Мадж, — чересчур возвышенное для меня.

— А чего ж ты ждал? — поинтересовался Джон-Том. — Бубенцов и смеха?

Тут вернулась экономка.

— Сегодня он плох. Впрочем, ему хуже с каждым днем.

— А что за болезнь его терзает?

— Можа, просто старость? — предположил Мадж.

Экономка смерила его взглядом.

— Да, он стар, но эта хворь напала на него в полном расцвете сил. Мастер страдает не от обычной болезни. От нее нет ни снадобий, ни отваров, ни панацей, ни пилюль. Он одержим демонами.

— Ясно. — Мадж вскочил. — Ну, спасибо за гостеприимство, мэм. Нам пора.

Джон-Том схватил его за шиворот.

— Не спеши паниковать, Мадж.

— Кто спешит? Я все продумал, вот так. Слушай, достаточно мне услыхать слово «демон», как тут же я обдуманно и взвешенно соображаю, что лучше оказаться где-нибудь подальше.

— Демоны невелики. Точнее, совсем мелкие. — Фыркнув, экономка показала их размер большим и указательным пальцами. — Вот такие. Столь странных демонов прежде не видывали. Все они облачены в одинаковые одеяния и обликом схожи... с вами.

Она потрясла Джон-Тома до глубины души, указав на него.

Заметив, какое впечатление произвели ее слова, опоссумиха торопливо уточнила:

— Не с вами лично. Я имела в виду, что они человекоподобны. — Она закатила глаза. — Почему они избрали бедного мастера Кулба, никому не причинившего вреда, не смог установить ни один эксперт в городе. Возможно, просто настал его час. Возможно, это связано со специальной фанфарой, проданной не так давно заезжему путешественнику. Наверняка мы знаем лишь одно: нечто рассердило этих демонов настолько сильно, что они налетели на бедного Кулба. Все попытки местных колдунов изгнать их провалились. Мы даже выписали чародея из Чеджиджи, но он преуспел не больше наших. Зло этих демонов коварно и неспешно. Они убивают, постепенно отравляя душу и разум, а не тело. Большинство демонов сосет кровь, но эти хуже, куда хуже: они высасывают волю. Я чувствую, что мастер скоро не сможет противостоять им. Скоро они придут за ним.

— Ирония судьбы, — сказал Мадж. — Вот стоит мой друг, дивный чаропевец, ежели таковые бывают, но он не может помочь вашему хозяину, потому что его струмент сломан. А ежели б он был цел, нас бы тут не было.

— Но у меня еще есть это. — Джон-Том взял суар. — Он не столь действенен, как дуара, но все же я могу вызвать одного-двух гничиев. Дайте мне попробовать. Ну пожалуйста!

— Не знаю, — медленно покачала головой Амальма. — Мастер Кулб и так почти не знает покоя. Не хочу, чтобы его тревожили в последние дни, а может, часы.

— Позвольте нам побеседовать с ним, — взмолилась Виджи. — Я была свидетелем могущества Джон-Тома.

Джон-Том вздрогнул, но сумел скрыть удивление. Виджи необыкновенное создание, но она все-таки выдра и при необходимости может соврать с той же невозмутимостью, что и Мадж.

— Пожалуй, разговор с вами ему не повредит, — пробормотала Амальма. — Быть может, компания пойдет ему впрок. Я сообщу мастеру, если он пробудился и в силах говорить. Посмотрим, что он скажет.

— Скажите ему, что я не просто чаропевец, а чаропевец из иного мира. Если мое волшебство удастся, оно может оказаться более действенным, нежели волшебство местных специалистов.

Экономка оглянулась.

— Я передам, хотя какая разница.

И она удалилась в другую комнату.

— Как по-твоему, приятель? Ты сможешь ему помочь?

— Не знаю, Мадж, но даже если ничего не получится, мы все-таки должны попробовать.

— Ты хочешь сказать, что ты должен попробовать. — Виджи разглядывала едва заметно пульсирующие окна. — Остальные могут лишь смотреть. Не хочу иметь ничего общего ни с какими демонами, как бы малы они ни были. — Она содрогнулась. — Допустим, их возмутит наше вмешательство. Тогда они решат заняться и нами?

— Мы вынуждены пойти на риск.

— Ну разве ты не в восторге от того, как он использует слово «мы»? — Мадж подошел к Виджи, чувствуя, что стены дома душат его. Или это просто ком в горле? — Стоит ему вляпаться, как сразу «мы» то да «мы» се.

— Если хочешь, Мадж, можешь уйти. — Джон-Том указал на коридор. — Дверь найдешь, я тебя удерживать не стану. Достаточно переступить порог.

— Не искушай меня, парень. Однажды ты хватишь с этими искушениями лишку. Значица, по-твоему, я возьму и свалю, а? Фиг вам, не доставлю я тебе такого удовольствия, ты, голопузая курносая бледная пародия на неудачника.

Мадж продолжил бы в том же духе, но тут вернулась экономка.

— Он крайне слаб, но ваш рассказ заинтересовал его. — Она тепло улыбнулась. — Видите ли, он обожает музыку, и мысль о встрече с чаропевцем, тем более из другого мира, пробудила его от спячки. Вы ведь не сочинили это, чтобы пробиться к нему, а? — Она по-матерински погрозила Джон-Тому пальцем.

— Нет, мэм. Я действительно чаропевец и действительно из другого мира.

Но в другом мире я даже не певец, мысленно уточнил он.

— Тогда пошли.

Амальма повела их в следующую комнату.

В дальнем конце диванной начиналась ведущая на второй этаж лестница. Там находилась не просто мансарда — обширное пространство чердака было превращено в уютную спальню, обставленную гардеробом, стульями, ванной в виде сплюснутой тубы и изысканной резной кроватью. Спинка в изголовье состояла из деревянных и металлических труб, а в изножье был ряд деревянных педалей.

Сейчас кровать наигрывала грустную колыбельную. Время от времени она брала фальшивую ноту, на миг смолкала, будто в смущении, а затем возобновляла игру, как старый музыкант, страдающий болезнью Паркинсона.

На кровати лежал пожилой енот-кинкаджу ростом с Маджа, но куда более хрупкого сложения. Одет Кувир Кулб был в простую ночную сорочку белого цвета и колпак с кисточкой. Сухой нос и глубоко ввалившиеся глаза красноречиво говорили о болезни. Он не спал и с прищуром, вполне естественным для разбуженного днем ночного жителя, посмотрел на вошедших. Благодаря отсутствию в спальне окон сохранялась приятная полутьма.

Амальма привстала на цыпочки, чтобы прошептать Джон-Тому на ухо:

— Постарайтесь не утомлять его — он очень слаб.

Джон-Том кивнул и подошел к кровати; остальные предпочли остаться поодаль. У кровати юноша опустился на колени, чтобы оказаться на одном уровне с кинкаджу.

— Я пересек океан и множество диковинных земель, дабы встретиться с вами, Кувир Кулб.

— Амальма поведала мне.

Тонкие губы больного изогнулись в некоем подобии улыбки. Джон-Том ощутил, как глаза его подернулись влагой. Конечно, он предполагал, что мастер окажется добрым стариком, но не ожидал встретить столь точное соответствие образу любимого дядюшки — если только енот годится на эту роль.

Высунув из-под одеяла руку, Кулб протянул ее человеку. Пожатие изящных длинных пальцев оказалось неожиданно крепким.

— Мне довелось встречаться со многими музыкантами, но прибывшего из другого мира вижу впервые. Как странно, что подобная возможность представилась мне на смертном одре.

— Не говорите так. — Джон-Том понимал, что это глупо, но не нашел иных слов. — Понимаете, я действительно чаропевец. Может, я смогу чем-нибудь помочь вам. Я и прежде многим помогал, но почти всегда при помощи нее.

Он осторожно опустил мешок с дуарой и один за другим извлек обломки. Кувир Кулб внимательно осматривал каждый, так и этак поворачивая его своими чуткими пальцами.

— Как вы ее сломали?

— Упал.

— Весьма неосторожный поступок. Эта дуара совершенно уникальна, но ее конструкция мне абсолютно незнакома. Так что, как видите, на свете есть еще один не уступающий мне по мастерству музыкальный мастер — раз он создал такой инструмент. Несомненно, в руках воистину одаренного чаропевца он мог творить великие чудеса. — Кулб вернул обломки Джон-Тому. — Увы, боюсь, этого для моего спасения недостаточно. Я был бы просто счастлив отремонтировать ваш инструмент, но ныне у меня не хватает сил даже на то, чтобы выбраться из постели.

Он помолчал, глядя в пространство, затем продолжил:

— Амальма хорошо ухаживает за мной, вполне удовлетворяя мои неприхотливые нужды, но я рад вашему визиту. Последние дни приятнее провести в компании.

— Теперь о ваших демонах; Амальма дала довольно смутное описание. Почему они в качестве жертвы избрали вас?

— Не знаю, — тяжело дыша, ответил кинкаджу. — Они просто явились как-то раз и провозгласили, что ведут мое дело — уж и не знаю, в каком смысле. Демонические премудрости. Я думал, под делом они подразумевают басовую трубу, недавно изготовленную мною, но, как выяснилось, они говорили о чем-то совершенно ином. Несомненно, Амальма поведала вам, что мы

испробовали все — чародеев и колдунов, врачей и докторов, — но никто не мог помочь мне. Я дошел даже до того, что хотел подчиниться неотступным демоническим требованиям, однако они оказались столь странными и непостижимыми, что, я полагаю, демоны изобретают их лишь для продолжения истязаний. Вам не одолеть их, молодой человек. Вы можете лишь попытаться смягчить причиняемые ими страдания. — Кинкаджу с огромным трудом приподнял голову с большущей подушки. — Вам следует уйти, а то они займутся и вами.

Джон-Том поднялся на ноги и оглядел комнату. В его голосе зазвучала решимость:

— Демонов я не боюсь, тем более мелких. Друзья мои тоже. А, Мадж? — он уставился во мрак. — Мадж!

— Ушел, — послышался голос Виджи. — Сказал, что ему надо отлить.

— У него было достаточно времени. Схожу за ним — может понадобиться его помощь.

Джон-Том шагнул к лестнице, но путь ему преградило возникшее в воздухе легкое сияние. Виджи охнула, Перестраховщик чертыхнулся. Амальма бросилась к кровати, чтобы загородить собой больного.

— Проклятье на их головы, они снова пришли по мою душу, — слабо простонал Кулб и, возвысив дрожащий голос, сказал: — Оставьте меня в покое. Почему бы вам не пить соки из кого-нибудь другого? Я ни в чем не виновен!

— Непогрешимых нет, виновны все, — ответствовал замогильный глас. — Мы не могли бы покинуть вас, даже если б пожелали. Мы ведем ваше дело... ведем ваше дело... ведем ваше дело... — эхом раскатилось по комнате.

Джон-Том не отступил ни на шаг. В наполнившем спальню бледном туманном сиянии начали формироваться силуэты, совсем не похожие на те, к встрече с которыми он приготовился. Это были очертания слов, неторопливо плавающие туда-сюда. Черные буквы свивались клубками змей и скорпионов, плясали и кувыркались, смыкаясь над постелью беспомощного старика.

Сила загадочных слов отодвинула Джон-Тома в сторону, а бедолага Кулб ушел поглубже в подушки. Слова не пытались навредить человеку — просто отшвырнули его на несколько шагов, будто пушинку.

Затем слова вспыхнули и сгустились, явив взору те самые фигуры, которые описывала Амальма. Они по двое и по трое собирались в изголовье кровати и на одеялах — крохотные безличные людишки дюйма четыре ростом. Неотличимые друг от друга невозмутимые демоны с каменными выражениями на лицах пристально глядели на кинкаджу. На каждом был серый в елочку костюм-тройка, такой же серый галстук и ботинки. Теперь появились и лица, и Джон-Том заметил, что глаза у них тоже серые, под цвет костюмов. У половины демонов имелись серые портфели величиной со спичечный коробок.

— Вы не подали документы в срок, — мрачно объявил один.

— Но я же говорил, — заскулил Кулб, — что не знаю ни о документах, ни о том, как их подавать.

— Это несущественно, — сказал другой демон.

— Незнание не освобождает от ответственности, — твердил третий.

— Мы рассмотрели то, что вы сдали. — Первый демон открыл свой портфельчик и многозначительно оглядел его содержимое. — Вы не подписали формуляр 1933-АБ.

— Пожалуйста, умоляю, я не знаю, что такое формуляр 1933-АБ.

Демон пропустил мольбу мимо ушей и безжалостно продолжал:

— В строке четвертой подпункта Н формуляра 5550 допущена ошибка.

Кинкаджу застонал.

— Ваше решение на сокращение за номером 140 подано не в надлежащем порядке.

Кувир Кулб с головой ушел под одеяло и заскулил. В тот же миг Джон-Том заметил, что каждый демон имеет раздвоенный хвост, выпущенный на волю через отверстие в безупречно отглаженных брюках. Кончики хвостов были испачканы чем-то темным — вероятно, чернилами.

— Имеются погрешности в анкете 440, не согласующейся с текущими данными.

Из открытого портфеля вылетели крохотные строки машинописного текста и впились в Кулба, будто множество шприцов. Он взвыл.

— Эй, погодите-ка!

Джон-Том выступил вперед и вгляделся в крохотные фигурки. Просто невероятно, что столь миниатюрные существа могут причинять кинкаджу такие муки. Дюжина личиков обернулась, и могущество этих пустых глаз заставило человека застыть на месте.

— Не вмешивайтесь, — сказал один из демонов, по-видимому, руководитель. — Вы не можете помочь. Никто не может помочь. Он запустил документацию и должен подвергнуться взысканию.

— Подвергнуться взысканию, — откликнулся хор демонов с бескровными лицами.

— А если вдуматься, — продолжал руководитель, — вы-то сами представили документы?

Джон-Том, запнувшись, попятился, ощутив удар исполинского невидимого кулака по животу. Дыхание вырывалось из

груди короткими болезненными всхлипами. Перестраховщик бросился на помощь, но он сделал еноту знак не вмешиваться.

— Не надо, я в порядке. — Юноша горящим взором уставился на демона. — Вы все еще не объяснили, за что истязаете бедного Кувира Кулба.

— Это вовсе не так. Он не подал документы. Всех провинившихся навещают представители МИКД — Межпространственного Исполнительного Комитета Духов, — то есть мы.

Каждому его слову с беспредельной почтительностью вторил хор демонов.

— Но он не знает, как подавать документы. Дьявол, ему и не положено подавать документы.

— Дьявол говорит иначе. Все должны подать документы. Таковы требования. Таков Закон.

— Только не здесь. Вы, ребята, избрали не только не того субъекта, но и не тот мир.

— Мы избрали нужный мир. Мы не можем избрать не тот мир. Мы непогрешимы. Нас всегда посылают куда надо. Он не подал документы и должен заплатить.

— Как он может, по-вашему, подчиняться правилам и постановлениям, о которых не знает ровным счетом ничего?

— Невежество — не оправдание, — речитативом скандировала шеренга демонов в изголовье. — Ревизия выявила пробелы в его отчетности, и ныне он призван исправить недочеты. Он должен заплатить.

— Ладно. — Джон-Том взялся за кошелек. — Сколько он задолжал? У меня есть золото.

— Деньги? — Губы начальника пренебрежительно изогнулись. — Мы пришли за его душой и намерены получить ее, а если вы, человек, будете и дальше вмешиваться, мы возьмем и вашу в возмещение ущерба. Так сказал я, Лескар, агент-директор.

— Джон-Том, — торопливо шепнула Виджи, — пророчество чаши!

Джон-Том уставился на крохотного угрожающе напыжившегося демона, гадая, была ли чаша права и насчет IBM.

— Не имеет значения, Виджи. Дуара должна быть отремонтирована. Это под силу только Кулбу, так что я должен попытаться ему помочь — да я бы в любом случае попытался. Не нравятся мне эти пройдохи-бюрократы с раскормленными задницами.

— Мы никому не нравимся, — стенали демоны. — Нам никто не нравится. Это не имеет значения. Конец предрешен.

— А это мы еще посмотрим! — Джон-Том ударил по струнам суара, лихорадочно вспоминая подходящую песню. Что может подействовать на этаких монстров? Он управлялся с ордами мертвых, ходячими скелетами, людоедами и чудищами всякого

роду-племени, но это зло — иной породы, куда более тонкое и хитрое. Песня не должна уступать ему ухищренностью.

Он начал с очередной дерзкой интерпретации пинкфлойдовских «Денег».

Хотя дуара не действовала, комната зазвенела от его голоса. Дом подхватил мелодию, поддержав ее рокотом современных ритмов. Но, какую бы песнь он ни затянул, как бы хорошо он ни играл, демоны, сосредоточившие усилия на быстро слабевшем кинкаджу, даже бровью не вели.

Наконец Перестраховщик осторожно коснулся руки Джон-Тома.

— Побереги силы. Этим их не пронять. Может статься, их ничем не пронять.

Джон-Том попросил стакан воды, и Амальма поспешила исполнить просьбу. Горло его горело: он пел без перерыва никак не менее получаса, ничем не повредив врагу. Ни один демон не исчез, продолжая неотступные разглагольствования перед Кувиром Кулбом.

— Но должен же быть способ! Должен быть.

— Может, чаропение и не годится, — задумчиво протянул Перестраховщик. — Когда я был еще щенком, бабушка рассказывала мне о магии, уж будьте покойны. Она завсегда сказывала, что волшебство должно быть под стать задаче. Не похоже, чтоб у тебя это выходило, Джон-Том.

Может, он подошел к делу не с той стороны? Но он умел творить только песни, не зная ни зелий, ни порошков, как Клотагорб. Что там твердил чародей? «Никогда не забывай, что волшебство — вопрос специфики».

Вот оно — специфика. Вместо того чтобы подгонять старые песни под обстоятельства, надо экспромтом сочинить новые; Джон-Тому уже приходилось поступать так прежде. Но какая же лирика заставит демонов остановиться?

Подобное лечи подобным. Клотагорб такого не говорил, но кто-то все-таки сказал.

Джон-Том тщательно прикинул, и лицо его озарилось. Возьмите поровну «Дайр стрейтс», «Ретт», «Экс» и «Юритмикс». Смешайте Адама Смита с Адамом Антом. Добавьте выдержки из «Экономиста» и Мартина Гринспэна. Хорошенько перемешайте — и получите одну по-изуверски конспективную песню.

Тяжелый металл экономики.

Вместо песен о любви и смерти, о мире, познании и сострадании Джон-Том начал стрелять рваными куплетами, переполненными свободой торговли, пониженными тарифами и международным стандартом налогообложения, основанным на гипотезе, а не на долларе.

Демоны опешили, потом попытались отбиться речами о протекционизме и дефиците платежного баланса, но в музыке

им было далеко до Джона-Тома. Он изо всех сил врезал ритмичной частушкой, предлагавшей упрощенный подоходный налог — и никаких вычетов, — и половина бюрократиков рассыпалась в поисках убежища, со стонами зажимая уши.

Оставшиеся контратаковали обвинением в несанкционированном изъятии, предшествующем дате первоначальной регистрации. Этот свирепый удар ниже пояса расколол у суара деку и едва не сшиб Джон-Тома с ног, но он тут же отвоевал утраченные позиции и перешел в наступление с балладой о неограниченном импорте текстиля и свободном рынке автомобилей. А когда он прихлопнул их композицией, посвященной налогу на жилплощадь, этого не могли снести даже самые крепкие. Демоны начали исчезать, загораживаясь портфелями, расплываясь сияющей серой тучей букв и неопределенных силуэтов.

А он все пел о банковских операциях и бартерных сделках, об одностраничных отчетах и прочих чудесах, пока туча не развеялась окончательно. Когда Джон-Том наконец умолк, воздух в комнате был избавлен от инфекции, и каждая его молекула была вымыта до блеска и вывешена для просушки. В горле у певца саднило, колени дрожали.

Зато Кувир Кулб, развернув плечи, стоял у кровати, уверяя всхлипывающую экономку, что если и не совсем здоров, то наверняка пребывает на пороге окончательного исцеления.

В этот торжественный момент из люка высунулась лохматая всклокоченная голова, и Мадж провозгласил:

— Проклятье, я думал, буду отливать целую неделю!

— Твое умение подгадать момент, как всегда, поразительно, — через силу едва слышно просипел Джон-Том.

Мадж молниеносно оглядел спальню.

— Момент? Какой момент? Ну, а где эти демоны, что так всех тревожат? Я готов встретиться с ними, вот так! Подать сюда демонов, больших и маленьких!

Он пулей влетел в комнату. И тут, к собственному огромному удовольствию и вечной благодарности Джон-Тома, Виджи изо всех сил дала ему коленом под зад. Пока выдры переругивались, Кувир Кулб увел остальных вниз.

— Пойдемте, друзья мои! Амальма, наши гости, несомненно, проголодались. — Он нежно обнял Джон-Тома рукой и цепким хвостом за талию, потому что выше не доставал. — А этот молодой человек наверняка испытывает жажду. Джон-Том, я починю вашу дуару. На этот счет не беспокойтесь: сделаю все, что возможно. — Он подмигнул. — И даже то, что невозможно. Но прежде следует отдохнуть. Вас утомила битва с демонами, меня — долгая хвороба. Непременно расскажите мне о своих странствиях в дальних краях и о мире, из которого прибыли, а еще мне хочется побольше узнать об этом Клотагорбе, дальновидно пославшем вас сюда.

— Легче легкого, — встрял подоспевший вместе с Виджи Мадж, все еще потирая седалище. — Это впавший в маразм старый факир, лоб у которого так же тверд, как и его панцирь.

К ночи Кулб почти совсем оправился и провел гостей в свою мастерскую. Дом тоже повеселел духом, сменив похоронный марш, игравшийся целый месяц, на задорные веселые мотивчики, которые на Бродвее прошли бы на «ура». Музыка благотворно сказалась на Джон-Томе и Кулбе, хотя Мадж счел ее занудной.

Кинкаджу осторожно разложил обломки разбитой дуары на верстаке, сделанном из отполированного до блеска белоснежного твердого дерева. Выложив последний кусочек, он вывернул мешок наизнанку, чтобы собрать пыль и мельчайшие щепочки. Сложив их в стеклянную банку, мастер и ее поставил рядом с обломками. Пока енот надевал мощные очки-лупы, Джон-Том улучил минутку для осмотра мастерской.

На верстаках и стенах было разложено и развешано множество музыкальных инструментов в разных стадиях ремонта. В воздухе стоял густой запах олифы и лака. Некоторые из рабочих инструментов, педантично разложенные по ящикам у верстаков, были настолько изящны, что вполне могли бы подойти хирургу.

— Приладим это сюда, здесь вставим новый кусочек, а этот шов можно восстановить, да-с, — вслух бормотал Кулб. Потом он поднял голову и сдвинул очки на лоб. — Я могу ее починить... кажется.

— Кажется?!

Кинкаджу потер глаза.

— Как я уже сказал, этот инструмент уникален. Труднее всего будет установить струны. Нелегко добиться идеальной настройки сразу в двух измерениях. Все ли струны на месте? — Он указал на верстак. Джон-Том кивнул. — Добро. Я ни разу не встречал подобных струн, и мне очень не хотелось бы их менять. По счастью, они металлические. Но мне еще надобна помощь, чтобы настроить их.

— Помощь ученика? — Джон-Том обвел мастерскую взглядом.

В ответ Кулб лишь улыбнулся.

По стенам висели масляные светильники в форме разнообразнейших музыкальных инструментов. За окном царила непроглядная темень. В желудках путешественников ощущалась приятная тяжесть после поданного Амальмой роскошного обеда.

Джон-Том осознал, что рядом с ним находится еще один волшебник: как еще можно назвать мастера, который из дерева, клея и жил — практически из ничего — творит саму суть музыки?

— Нет, не ученика, — кинкаджу перешел к другому верстаку, — а гничиев. Чаропевцу должны быть ведомы гничии.

— Ну да, разумеется, но я не знаю никого, кроме себя и Клотагорба, кто мог бы призвать их.

— Нам придется не только призвать их, молодой человек, но и отделить тех, которые нам надобны. Для этого несколько лет назад вместе с Акродием, мастером по медицинским инструментам, мы создали вот это.

Джон-Том пригляделся к сооружению попристальнее. Оно состояло из ряда прозрачных трубочек, расположенных одна внутри другой, как матрешки, а стенки их были пронизаны множеством тонких отверстий. Наружная трубка была почти футового диаметра, а самая тонкая внутренняя — не толще соломинки. Расположенная в самом центре, она уходила вверх и назад — в стеклянную пластину толщиной около четверти дюйма и размером примерно два на три фута, напоминавшую солнечную батарею без фотоэлементов. Кулб утверждал, что она покрыта крошечными дырочками, хотя Джон-Тому они казались лишь шероховатостями на поверхности пластины.

Внизу с нее свисали полоски из металла, дерева, стекла, пластика — словом, из всех мыслимых и немыслимых материалов. Кулб наклонился и подул на пластину. Воздух, проходящий сквозь нее, заставил язычки завибрировать, породив множество музыкальных тонов.

Основание большой стеклянной трубки кольцом окружали клавиши. На первый взгляд, они не были ни к чему подсоединены, но Джон-Том был не настолько наивен, чтобы предположить, что они там находятся просто для красоты.

— Что это? — наконец спросила Виджи.

— Дистиллятор гничиев, — гордо ответил Кулб. — Построить его было нелегко, скажу я вам! Я пользуюсь им для отделения гничиев, склонных к музыке, от имеющих иные пристрастия. Он поможет настроить вашу дуару, молодой человек. Если я смогу собрать ее воедино. А мне это не удастся, если я буду и дальше разводить с вами разговоры. Так что прошу уйти — и цыц, оставьте меня наедине с работой. Амальма позаботится о ваших нуждах. Уже поздно, вам пора спать, а я только-только пробудился. Увидимся завтра вечером.

Выходя, Джон-Том долгим взглядом попрощался с лежавшими на верстаке обломками, чувствуя себя так, будто отдавал своего единственного ребенка в чужие руки. Более умелые руки, чем твои собственные, напомнил он себе.

Амальма постелила всем в большом флигеле для гостей и, пожелав спокойной ночи, удалилась. Все быстро погрузились в сон, убаюканные тихим напевом дома и перезвоном водопада, сливающимися в нежной колыбельной.

Глава 16

Несколько дней провели они в гостях у Кулба, наслаждаясь стряпней Амальмы, осматривая местные достопримечательности и восстанавливая силы после трудного странствия. Джон-Том то и дело подвергался искушению заглянуть к Кувиру Кулбу, но не уступал, памятуя о предупреждении Амальмы, что хозяина во время работы лучше не тревожить.

И вот настал день, когда Кулб помешал их завтраку. Несмотря на усталость после проведенной у верстака ночи, он был полон тихого восторга. Правое стекло очков почти утратило прозрачность от брызг лака, а в правой лапе он все еще держал кисточку. Посмотрев Джон-Тому в глаза, Кувир улыбнулся:

— Дело сделано. Войди и взгляни.

Отодвинув недоеденный завтрак, Джон-Том вскочил и последовал за мастером, а Перестраховщик — за ним. Виджи потащила туда же протестующе ворчащего Маджа. Даже Амальма сняла фартук и пошла посмотреть, что за музыкальное чудо сотворил мастер.

Глядя на гордо показывающего восстановленную дуару Кулба, потрясенный Джон-Том подумал, что действительно иначе как чудом это не назовешь. Должны же быть заметны хотя бы трещинки — ведь дуара была не просто сломана, а буквально превращена в щепки.

Лежа на оклеенных сукном металлических кронштейнах, дуара сияла. Кулб не просто отремонтировал — он улучшил инструмент. Безнадежно разрушенные фрагменты деки он заменил драгоценными экзотическими породами дерева, причем стыки даже не были заметны. Вся дека была отполирована до зеркального блеска. Регуляторы составляли с ней единое целое.

— Можно?..

— Ну конечно, молодой человек! Ведь это же ваш инструмент, не так ли?

Отпустив зажимы, Джон-Том взялся за гриф и снял дуару с кронштейнов. Попробовал регуляторы — они поворачивались легко и плавно, без прежнего люфта и дребезга.

Даже на ощупь дерево стало другим — мягким, чуть ли не бархатным; Кулб на славу постарался, пропитав его олифой и сверху, и снизу, и даже с торцов, — но так, что поверхность не стала ни липкой, ни жирной.

Выглядели струны нормально. Они постепенно сходились над отверстием резонатора, исчезали в другом измерении, а затем вновь появлялись с другой стороны, однако когда он любовно провел ладонью по образованной ими упругой плоскости, раздался ужасно диссонансный аккорд.

— Ее еще надо настроить, — заметил весьма довольный собой Кулб.

Взяв инструмент, Кулб поместил его в двух зажимах под певучими язычками, свисающими с пластины дистиллятора гничиев. Подойдя к окружающей трубы клавиатуре, он начал играть.

Мастерскую наполнили чистые переливчатые ноты, похожие на замедленное исполнение музыки Малера на стеклянной гармонике. Кулб ударял по клавишам все энергичнее, и музыка набирала звучность и темп. На слушателей обрушился хор, состоящий из нескольких симфонических оркестров и синтезаторов. Мадж обнял Виджи, притянув ее к себе, а Перестраховщик закрыл глаза. Амальма, светясь от гордости за хозяина, понимающе кивала.

Вслед за музыкой пришло знакомое Джон-Тому и его товарищам сияние — тысячи привлеченных волшебством музыки гничиев. Они роились вокруг Кувира Кулба, укрыв его сияющей пеленой. Но еще больше их было вокруг стеклянной трубы. Постепенно они начали проникать через крошечные отверстия в один цилиндр за другим, пока самые упорные не достигли последней, центральной трубочки.

Эти отфильтрованные, особо музыкально одаренные гничии светящейся дугой устремились по змеевику к пластине конденсатора. Пластина, заполненная ими до краев, светилась так, что больно было глазам. Но и в тесном конденсаторе они не прерывали своей жизнерадостной торжественной пляски, заставляя вибрировать язычки камертонов на нижней стороне пластины. Возникшая при этом музыка вызвала у Джон-Тома слезы высочайшего упоения.

Дуара же в ответ на изливающуюся на нее музыку напряглась в своих зажимах, слегка выгнувшись кверху, но прочные струбцины крепко держали сверхъестественный инструмент, трепетом, как и все присутствующие, отвечавший на неистовствующую мелодию.

А потом все кончилось. Кувир Кулб отошел от клавиатуры. Гничии издали напоследок еще несколько неуверенных аккордов и устремились вместе с музыкой в те потусторонние выси, из которых призвал их музыкальный мастер.

Кулб глубоко вздохнул, а потом, будто намеренно разрушая очарование пережитого ими высочайшего взлета музыки, хрустнул пальцами. Подойдя к ставшей прозрачной пластине, он протянул руки под неподвижно замершими язычками и освободил дуару от зажимов. На вид та ничуть не изменилась, но когда Джон-Том принял ее из рук кинкаджу, по кончикам его пальцев пробежала едва уловимая дрожь, будто эхо отдаленного вздоха. Кулб поднял на юношу мудрый радостный взор.

— А теперь, молодой человек, испытайте свой инструмент.

Джон-Том закинул ремень на плечо и прижал дуару к груди, ощутив ее знакомое уютное прикосновение, будто инструмент стал продолжением человека. Деревянные поверхности золотились, струны блестели, как серебро.

Звуки, разнесшиеся по мастерской после первого же прикосновения к двойным струнам, были полны глубокого чувства. Удовлетворенный результатом Кувир пододвинул к себе стул.

— А теперь сыграйте, молодой человек. Не ради волшебства — ради музыки.

Джон-Том кивнул и улыбнулся старому мастеру. Возникшее между ними духовное родство выше такой малости, как межвидовые различия. Мастер должен быть вознагражден, и для этого нужно нечто торжественное и жизнеутверждающее — чествование.

Для Маджа, никогда не питавшего пристрастия к тяжелому металлу, в чествовании было слишком много чести, и он удрал из мастерской, зажав уши. За ним неохотно последовали Виджи и виновато потупившийся Перестраховщик.

Амальма хоть и морщилась, но осталась. А вот Кувир Кулб будто сбросил с плеч долой лет двадцать. Расплывшись в широченной улыбке, он начал прищелкивать пальцами и притопывать, размахивая в такт пушистым хвостом, будто метроном. Дом умолк на добрых пять минут, а потом начал подлаживаться к Джон-Тому — сперва осторожно, но постепенно все более уверенно.

Ни разу в жизни Джон-Том не был так счастлив — да и не играл так хорошо. Он приплясывал, кружился, подскакивал, выдал даже воздушное па а-ля Пит Таушенд. Когда же он, взмокнув от пота и тяжело, со вкусом дыша, закончил композицию, тишина в мастерской не наступила: Кувир Кулб, вскочив на ноги, громко зааплодировал.

— Какая глубина! Какое чувство! Какое проникновение и экспрессия! Какое буйное выражение собственной кармы.

— Вы о чем? — спросил Джон-Том, выпрямляясь.

— Как это называется?

— Это песня для моей любимой — жаль, что ее здесь нет, чтобы разделить со мной радость. «Лимонной песней» назвала ее группа тихих добродушных парней, именующих себя «Лед Зеппелин». Весьма, весьма утонченные ребята.

Кинкаджу отложил эти сведения в памяти и прошел в глубь мастерской.

— Пойдемте, молодой человек, я еще не все вам показал.

Его глаза сверкнули.

— Пожалуйста, давайте я расплачусь, пока не забыл. Только мой рюкзак в комнате.

— Никаких денег! Вы спасли мне жизнь — так не оскорбляй-

те меня этим предложением. Кроме того, вы уже вознаградили меня своей удивительно прочувствованной музыкой.

Он схватил Джон-Тома за руку и потащил за собой.

Всю заднюю стену от пола до потолка занимала картотека. До верхних ящиков можно было добраться при помощи стремянки на колесиках. Кулб поднялся на несколько ступеней, сверился с написанным крохотными буквами указателем, задержал палец в нужном месте и открыл один из ящиков. Его от края до края заполняли разноцветные бутылки пятидюймовой высоты, смахивающие на вышедшую из употребления молочную тару с той лишь разницей, что пробки были сделаны из золотистой ароматической смолы. Вынув одну бутылку, кинкаджу показал ее гостю.

— Пробка из чистого ладана. Я приобретаю его у купца, раз в год приезжающего сюда из пустынных краев. Это единственное непроницаемое вещество.

На вид бутылка была пуста, а прочесть этикетку Джон-Том со своего места не мог.

— Что это? — указал он на шкаф.

— Ну, разумеется, моя музыкальная коллекция. Я музыкальный мастер — могу починить или изготовить инструменты, издающие любые мыслимые, хоть и не слыханные доселе звуки. Могу довольно сносно играть на любом из них. Но я не композитор и творить музыку не могу. Посему, когда мною овладевает усталость или скука, я обращаюсь к своей коллекции. Музыка, создаваемая нашими маленькими друзьями, — он указал на безжизненный дистиллятор гничиев, — проходит через крошечные отверстия в пластине конденсатора. Когда на меня находит стих, я укрепляю над ней дополнительный фильтр. Он соединяется с трубкой, которую я вставляю в одну из бутылок — так я коллекционирую музыку. Частенько я не могу ее понять, но это не мешает мне наслаждаться. Я стал чем-то вроде эксперта по музыке иных пространств и миров. Гничии перемещаются между ними совершенно свободно. Вот послушайте.

Он извлек пробку. Мастерскую вновь наполнили звуки симфонического оркестра: гремела медь труб, пели струны. Когда Кулб вставил пробку на место, музыка заиграла в обратном направлении, будто некая неведомая сила засасывала ее обратно в бутылку.

— Посредством кропотливых трудов и долгих исследований я научился распознавать музыку и композиторов. — Прищурившись, он прочитал этикетку. — Это фрагмент второй части Четырнадцатой симфонии гничия, зовущегося Бетховеном.

— Но он написал только девять! — поперхнулся Джон-Том.

— При жизни — да. — Кувир погрозил гостю пальцем. — В состоянии гничия, к которому мы все неизбежно перейдем, он

продолжает творить музыку. Кажется, он родом из вашего мира. Давайте посмотрим, что у меня еще есть в этом духе.

Он выбрал бутылку и потянул пробку.

На чувства Джон-Тома воздействовал цунами оркестровой музыки. На этот раз Кулб дал дослушать до конца, пока ошеломительное крещендо не угасло в недосягаемой дали иных пространств и времен, продолжая эхом звучать лишь в памяти Джон-Тома.

Кинкаджу сверился с наклейкой.

— Должно быть, этот был любопытной личностью. Чтобы вместить произведение целиком, потребовалось три бутылки. Снова ваша симфония — Двенадцатая, Густав Малер. — Вскарабкавшись к верхнему ряду ящиков, он извлек еще бутылку. — А вот из моих любимых: «Сплетоморф для глузко и угретерша» Прист'ин'инки.

Обрушившиеся на Джон-Тома звуки были предельно чужды его слуху — атональные, но не хаотичные, диссонирующие, но не вульгарные, и очень-очень сложные.

— Этот композитор мне не знаком.

— Неудивительно, юноша. Я толком не знаю даже, из какого это измерения. Гничии не ведают границ.

— Вы слышали, какого рода музыку я играю. Бетховен и Малер — это замечательно, но нет ли у вас чего полегче, для таких дремучих, как я?

— Полегче? Вы имеете в виду — наподобие вашей собственной музыки?

Джон-Том кивнул. Кулб спустился с лестницы, открыл один из нижних ящиков и вынул бутылочку темно-пурпурного стекла.

Содержавшаяся в ней музыка хоть и была новой, но все-таки знакомой. Спутать с другой ее было невозможно — лишь один человек на свете мог извлекать из электрогитары подобные звуки, полные неуемной и одновременно упорядоченной мощи.

— Давайте отгадаю, — шепнул Джон-Том. — Джими Хендрикс?

— Да. — Кулб уставился на этикетку. — Из двойного альбома «Дух и нюх». Еще не наскучило?

— По-моему, новая музыка не может наскучить, сэр. Мне понравилась даже плетенка этого Пристинкивинки.

Он молча смотрел на шкаф — там, должно быть, тысячи песен, симфоний и прочих посмертных никем не слыханных произведений давно почивших композиторов.

— Давай перейдем на «ты». У нас есть что послушать.

Дом сотрясался от музыки весь день и изрядную часть ночи: Кувир воспроизвел для Джон-Тома фрагменты оперы Бартока «Современная Саламбо», избранные места из второго цикла «Кольца» Вагнера и почти весь альбом Джима Моррисона. В конце

концов, человек и кинкаджу уснули, утомленные предельным напряжением «Техасской хвалы» Дженис Джоплин.

Проснулись они уже при свете дня. Джон-Том горячо поблагодарил старика мастера, но тот лишь отмахнулся.

— Всякий раз, ощутив потребность освежить душу новой музыкой, — приходи в гости. Слушать музыку вдвоем вдвое приятней.

— Если я сумею попасть домой и вернуться сюда с магнитофоном и охапкой чистых кассет, то поставлю музыкальную общественность на уши до скончания веков.

— О-о, стоя на ушах, ничего не услышишь, — тихонько рассмеялся Кулб. — Могу ли я быть тебе полезен еще чем-нибудь, Джон-Том?

Несмотря на недавнее пробуждение, глаза у него слипались. Юноша понимал, что, когда солнце поднимется выше, мастер, принадлежащий к племени ночных работников, должен будет отойти ко сну.

— Только одним: не порекомендуешь ли проводника до Чеджиджи — и лучше кружным путем? По дороге сюда у нас возникли небольшие разногласия с туземцами, и мне не хочется снова встречаться с ними.

— А-а, каннибалы? Да, найти проводника, знающего другую дорогу, можно. Я бы предпочел, чтобы ты погостил подольше — у меня еще много музыки, которую мы можем послушать вдвоем.

— Я непременно вернусь, только с магнитофоном.

— Я мог бы одолжить тебе несколько бутылок.

— С магнитофоном я буду чувствовать себя увереннее. У него больше шансов уцелеть, если я грохнусь на него.

Джон-Том печально улыбнулся. Они вместе вышли из мастерской.

— Что ты намерен делать, когда вернешься в Чеджиджи?

— Попытаюсь зафрахтовать корабль, который доставил бы нас в одно местечко на востоке Глиттергейстского побережья. По-моему, мы нашли постоянный проход между моим и вашим мирами. Если он еще там, я схожу за магнитофоном и другими вещами.

— Тогда я надеюсь иметь удовольствие видеть тебя здесь снова. А также услышать твою музыку.

Человек и кинкаджу пожали друг другу руки.

Верный своему слову Кулб велел Амальме найти надежного проводника через Просад. Виджи предложила сперва навестить Тейву, а уж потом заниматься поисками неизвестно какого корабля с ненадежным экипажем.

Летучего коня они нашли в аэроконюшне на дальней окраине. Он весьма обрадовался встрече. Навеки излечившись от страха высоты, он с готовностью согласился донести друзей до восточных заводей — тем более что на сей раз ему не нужно было

надрываться в одиночку. Выиграв в карты кругленькую сумму, он в счет погашения долгов привлек к доставке своих карточных партнеров — так что и у Джон-Тома, и у остальных было по собственному рысаку.

С высоты все леса похожи один на другой, но острый взор Маджа обнаружил знакомое дерево, а уж благодаря дереву отыскали и скалистую гряду, и пещеру. Приземлившись, Джон-Том приступил к последним приготовлениям, пока крылатые кони со смехом болтали о люцерновом вине и заоблачных танцульках.

Дуара и посох из таранного дерева особого внимания привлечь не должны, и Джон-Том решил взять их с собой, а вот шапку из радужной ящеричьей кожи пришлось оставить.

Что до остальной экипировки — он заготовил кучу объяснений для любопытствующих, пока не удастся купить пару ботинок, джинсы и рубашку. На обращение золотых Клотагорба в наличные много времени не уйдет — это охотно сделают в первом же ломбарде.

— Теперь уж будь осторожен наверняка. — Перестраховщик ласково взглянул на него.

— Ты тоже. Куда теперь?

— По-моему, в родной деревне все еще ужасно разгневаны на меня, уж будьте покойны. Так что я думаю пойти с твоим парнем выдром и поглядеть, что за край это Колоколесье.

— Мы будем тебя ждать. — Неужели Виджи плачет? — Я поговорю с твоей любезной Талеей как женщина с женщиной и объясню, куда ты собрался. Джон-Том, а как ты доберешься до дома, когда вернешься? Ты ведь не знаешь, сколько будешь отсутствовать, а Тейва не может ждать до скончания века.

— Мне вообще не нужно, чтоб он ждал. Мы с Маджем прошли пешком полмира, так что небольшая прогулка к дому меня не пугает. — Он в последний раз оглядел вещи и убедился, что наготове несколько факелов. — Пожалуй, все. Тейва и его друзья донесут вас до Колоколесья и...

В грудь ему врезалась мохнатая молния, и Джон-Том чуть не упал вместе с прильнувшим к нему Маджем.

— Ты не вернешься! — неудержимо рыдал Мадж. Его черный нос и усы были всего в нескольких дюймах от лица Джон-Тома. По мохнатым щекам сбегали слезы. — Я чую, что так и будет! Как тока ты уйдешь в свой мир через эту клепаную дыру, то окажешься в знакомом окружении, среди соплеменников и позабудешь про нас! Позабудешь бедного старого Маджа, и Виджи, и этот слабоумный орех на ножках, Клотагорба, которому нужен твой присмотр в старости. И даже Талею. Ты останешься там, где удобно, приятно и безопасно, а сюда не вернешься!

Он ухватил Джон-Тома за ворот вымокшей от слез индиговой рубашки и тряхнул его.

— Слышишь, ты, мерзкая, невежественная, наивная голозадая макака? И что я буду тут без тебя делать?

— Успокойся, Мадж. — Чувствуя, что и у него самого глаза на мокром месте, Джон-Том осторожно отрывал пальцы выдра от рубашки. — Я не смогу навек бросить своего лучшего друга, хоть он и врун, мошенник, вор, пьяница и неисправимый бабник.

— От этих твоих речей, приятель, у меня на сердце как-то полегчало. — Утирая глаза и нос, Мадж отступил на шаг. — Можа, ты и вернешься, но зарекаться я б не стал. Я видал, что бывает, када возвращаешься туда, откуда пришел. Я чертовски уверен, что не поставил бы на твое возвращение и ломаного гроша.

— Если я почему-то и не вернусь, то не хочу, чтобы ты хныкал и стонал по этому поводу круглые сутки.

— Кто, я?! — Мадж выдавил подобие улыбки. — Чертова чушь! Да ни в коем разе!

— Мы неплохо провели время, а? — Джон-Том глянул в сторону пещеры. — Поставили на место кое-каких злодеев, повидали любопытные племена, распространили толику доброй воли и вообще нарушили статус-кво. Так что сожалеть не о чем.

Он опустился на колени, зажег первый факел и на четвереньках пополз в зияющее отверстие.

— Вот увидите, я вернусь. Скажите Талее, чтоб не падала духом. Я приду за ней.

— Верняк, приятель!

Выдры и Перестраховщик махали ему вслед, а Тейва бил копытом о землю. Вот только после прощальной тирады Маджа на душе остался мутный осадок.

Джон-Том карабкался по знакомому тоннелю до тех пор, пока не смог выпрямиться во весь рост. Закинув мешок за плечи, он поднес факел к земле и пошел по следам, во множестве оставленным здесь во время предыдущей экскурсии. Меньше чем через час провод в полуистлевшей изоляции привел его к расселине, отделяющей один мир от другого.

В узком коридорчике факел пришлось погасить: с другой стороны горел свет и слышались голоса. Света было вполне достаточно, чтобы одолеть остаток пути до родного мира.

Едва Джон-Том вышел, как его окликнули:

— Эй, вы!

В глаза ударил ослепительный луч мощного фонаря. Юноша зажмурился и загородился ладонью, пытаясь разглядеть крикуна.

— Что такое?

Луч опустился, голос стал тише.

— Больше не суйтесь туда. В этой пещере масса опасных провалов и неисследованных тупиков. Пока что никто не заблудился, но открывать счет сегодня нам не хочется.

— Извините.

Теперь, когда глаза привыкли к свету, Джон-Том разглядел, что на него глазеет дюжина людей — одно-два семейства, несколько молодых пар и три юнца, путешествующих в одиночку. У одного из них за спиной висел самодельный рюкзак — точь-в-точь как у Джон-Тома.

Экскурсовод опять заученно завел монотонным голосом:

— Повернувшись направо, вы увидите образование, которое мы называем «Застенчивым слоном».

Все взоры обратились в указанном направлении. Дети заохали и заахали. На появление Джон-Тома никто не обратил внимания: передние решили, что он был сзади, задние — что он вошел с экскурсоводом. Так что юноша просто присоединился к экскурсии и вместе с ней вышел в жаркий солнечный техасский полдень. Перед ним стоял старый дом, в котором пришлось столкнуться сначала с пиратами, а потом с поставщиками наркотиков; позади — вход в пещеру, у въезда на проселок — знак, сообщающий, что здесь находится достопримечательность, а вдали — шоссе, по которому тогда катил восемнадцатиколесный тягач, так напугавший друзей Джон-Тома. К югу отсюда был Сан-Антонио, а в тысяче двухстах с чем-то милях — родной Лос-Анджелес.

Обернувшись, Джон-Том увидел, как старый экскурсовод запирает вход в пещеру. В нескольких сотнях ярдов отсюда находится небольшое завихрение пространства-времени. Через этот незаметный, неуловимый переход можно попасть в мир говорящих выдр, занимающихся магией черепах, армий разумных насекомых, лютых хорьков и пиратствующих зеленых попугаев.

Как сказал бы Мадж, это офигенно нереально.

Туристы рассаживались по машинам. Джон-Том просился к нескольким, пока одна молодая пара не согласилась подбросить его до Сан-Антонио. С удобством расположившись на заднем сиденье «Вольво», он снимал заплечный мешок, когда взгляд его упал на встроенные в потолок многофункциональные часы — они показывали не только время, но и точную дату.

Он знал, что отсутствовал больше года, но одно дело абстрактное знание, а другое — его конкретное солидное воплощение в виде холодных зеленоватых букв и цифр на табло. Как отреагируют родители на его появление после годичного молчания? К счастью, он не относился к числу маменькиных сынков, звонивших домой раз в неделю. Родители привыкли к долгим периодам молчания своего занятого упорной учебой сына — но не в течение же года?!

А что скажет куратор в университете? А друзья и более-менее постоянные подружки вроде Сьюзен и Мариэлы? И им, и всем остальным придется принять на веру тщательно разработанную версию.

Ему подвернулась уникальная возможность (Джон-Том попутно отметил, что отчасти это действительно так) поработать в правительственных спецслужбах. В ответ на неизбежный вопрос, в чем состоит работа, он многозначительно улыбнется и ответит, что в данный момент не может углубляться в подробности. Тогда его родители, друзья и все остальные (будем надеяться) многозначительно кивнут в ответ и замнут тему.

А вот от университетского руководства отвертеться так просто не удастся. Придется отрабатывать внезапно брошенные занятия, ублажать профессоров. Однако Джон-Том не сомневался, что сумеет вернуть жизнь в привычную колею.

Автомобиль свернул на шоссе, направляясь на юго-восток. Мимо проносились машины, выдыхая дымное марево, напомнившее ему болотный край.

Откуда-то доносился странный аромат, и Джон-Том не сразу понял, что так пахнет сам воздух. В другом мире не было ни промышленности, ни двигателей внутреннего сгорания, и его воздух — а в общем, и обитатели сохранили девственную чистоту.

Конечно же, он вернулся. А вот Талея, его единственная любовь, осталась. Точнее — его единственная любовь в том мире. А что поделывает сейчас Мариэла? А Сьюзен? Как они проглотят байку о работе в каких-то секретных службах? Поднимет ли она его в глазах девушек?

Женщина на переднем сиденье настроила радио на местную рок-станцию, и салон заполнили медоточивые восторги торгового клана Макдоналдсов, открывших в Сан-Антонио три новых гамбургерных рая, реклама «По-Фолькс», дезодоранта и подержанных-автомобилей-се-хабла-эспаньол. «Ковбои» опять пробивались в финал. За время его отсутствия ничего не изменилось.

Или почти ничего.

...Много позже...

По дороге вдоль реки размашисто шагал великан, невероятно длинный и нескладный. Лицо у него, будто водорослями, было покрыто спутанной растительностью, а в глазах горел огонек безумия.

Заметив это явление, она не запаниковала и не кинулась бежать, а замерла на месте.

Великан увидел ее. За спиной у него были толстый деревянный посох с утолщением на конце и несколько раздутых мешков. Может, коробейник, подумала она.

— Здравствуй. — В голосе великана не слышалось никакой угрозы, скорее усталость. — И кто же мы будем?

Вместо ответа она метнулась вперед и впилась зубами ему в ногу чуть пониже колена. Завопив от боли, он заскакал на одной ноге, пытаясь стряхнуть нападающую и одновременно удержать на плечах свою поклажу. Когда длиннющая нога лягнула воздух в третий раз, она слетела и растянулась на песке.

Вскочив на ноги, она принялась яростно отплевываться, утирая рот:

— Тьфу! Тьфу! Тьфу! Воняет!

Восстановив равновесие, великан ощупал свою не так уж и пострадавшую ногу и смерил юную выдру внимательным взглядом, находясь в полной готовности увернуться или отбить следующую атаку.

— Насчет сходства не уверен, а вот наклонности узнаю! Сходи-ка скажи своему отцу, что старый друг пришел повидать его.

Юная выдра в сборчатых шортах и ожерелье из цветов сосредоточенно сдвинула брови.

— Видеть папу? Вонючка хочет видеть папу?

— Да. — Джон-Том не удержался от улыбки: когда этот пушистый комочек не пытается никому ампутировать ногу, он совершенно очарователен. — Видеть папу.

Малышка немного поразмыслила и поскакала по дороге.

— Иди за мной.

Шагая следом, Джон-Том стремился насытить душу окружающим пейзажем. Лес пребывал неизменным от века; колокольные деревья отзывались мелодичным звоном на малейшее дуновение ветерка.

Крохотная выдра почти скрылась из виду, остановилась и нетерпеливо поджидала, пока человек поравняется с ней, потом снова бросилась вперед.

— Быстро-быстро, вонючка! Ты очень медленно.

Он усмехнулся и прибавил шагу.

Малышка привела его к речушке, на пологом берегу которой стояло несколько домиков, остальные же дома выстроились вдоль кромки воды. Она указала на землянку с большой овальной дверью, взиравшую широкими окнами на воду. Когда они подошли поближе, вокруг тут же материализовалась троица юных выдр, обступивших Джон-Тома кольцом. К счастью, больше никто не захотел попробовать, каков он на вкус.

Провожатая нырнула в дом, и, ожидая ее возвращения, он опустил свою ношу на землю, но расслабиться все равно не смог, вынужденный легкими шлепками по лапкам оборонять пряжки и узлы.

— Да уж, вы яблоки от отцовской яблони на все сто!

— Кто это с отцовской яблони? — повелительно поинтересовались сзади. Джон-Том повернулся к говорившему, и глаза их встретились.

Мадж на мгновение онемел, что уже само по себе говорило об испытанном им потрясении. Оправившись, он ринулся к другу.

— Да никак привидение? — Ладони выдра и человека встретились. — Не-а, для привидения ты тяжеловат. Ну, не думал, приятель, что ты вернешься! Мы уж вроде как и не надеялись, вот так.

— На приведение дел в порядок ушло больше времени, чем я ожидал, Мадж. Привет, Виджи! — воскликнул Джон-Том, заметив появившуюся на пороге выдру в украшенном цветочной аппликацией фартуке.

— Я рада, Джон-Том, что ты вернулся. Мы беспокоились о тебе что ни день.

Маджа настойчиво дергала за жилет маленькая лапка.

— Папа знает вонючку?

Тот отмахнулся от дочери, попав ей по мордочке. Перекувырнувшись через голову, она молниеносно вскочила на ноги и прытко вернулась поглазеть на Джон-Тома, держась подальше от лап отца.

— Это человек, про которого я вам говорил.

— Джун-Тум? — Другой выдренок сунул палец в рот. — Тот, кого папа все время спасал?

— Ну, время от времени уж точно, — закашлялся Мадж.

Но заткнуть рот выдренку оказалось не так просто.

— Ты сказал, все время, папа. Спасал человека все...

— Заткнись, отпрыск! Щенки, они такие. — Он виновато улыбнулся другу: — Бестолковые, сам знаешь: недослышат да и выдумают.

— Ага, знаю.

— Тада добро, значица, пожаловать, кореш! Расскажи, чего ты делал все это время на том свете.

— Да нечего рассказывать, — пожал плечами Джон-Том. — Это тот же унылый, зловонный и опасный мир, который ты уже видел.

Он посмотрел вдоль реки. Заметив этот взгляд, Мадж подтолкнул его локтем в бок.

— Но ты ж не особо волновался насчет одной рыжеволосой самки, а, парень? Волноваться нечего. Она, так сказать, хранила домашний очаг с самого твоего ухода. Признаюсь, мы время от времени теряли надежду, а вот она — никогда. Это не в духе нашей огневолосой. Ну, была у нее пара приключеньиц, но в остальном...

— Мадж!

— Успокойся, милашка. — Он оглянулся на Виджи. — Старина Джон-Том знает, када его приятель шутит. Вперед, костлявое видение больного ока, я тебя провожу.

— И я, и я!

Малышка, испробовавшая Джон-Тома на зуб, увязалась следом. Мадж ласково взъерошил шерсть у нее на затылке.

— Это Застава. Воображает себя заградительным постом семьи.

— Она всегда ограждает ее, пытаясь урвать клок мяса из пешего незнакомца?

— Обычно, — с преувеличенным весельем ответил Мадж. — Она тебе понравится. Они все тебе понравятся. Не успеешь оглянуться, как они будут звать тебя дядюшкой.

Заметив манипуляции одного из своих непоседливых отпрысков, выдр заорал:

— Эй, Ломаджин, поставь сейчас же, или я сброшу тебя в ручей!

Они вместе разогнали выдрят, и Мадж с интересом приглядел ся к мешкам.

— Что это у тебя? Хлам из твоего мира?

— Да, сокровища. Но мне стоило бы поторопиться с их показом, пока твои отпрыски не растащили все, что плохо привязано.

— Чтоб мои детишки стащили?!

— А почему бы и нет? Ведь у их наставника самые прыткие пальцы в этом мире.

Мадж воздел одну лапу к небу, а вторую прижал к груди.

— Да чтоб я стал кухонной золой, ежели када учил плоть от плоти своей брать, что им не принадлежит! — И извиняющимся тоном добавил: — Клянусь, приятель, не учил. Они сами собой до этого дошли.

С помощью выдра Джон-Том закинул тяжелый груз за плечи. Ну, теперь недалеко — всего лишь долгая прогулка до Западной опушки.

— Если за это отвечает какой-нибудь ген, то в твоем потомстве он, несомненно, проявился.

Мадж нахмурился и неуверенно почесал затылок.

— Чтой-то я не припоминаю в своем роду никаких Ген. Ничего, они вырастут будь здоров — мать оказывает на них благотворное влияние. — Он обернулся к дочери: — Милашка, будь добра, дай папочке любимую дорожную шляпу.

Застава пулей влетела в дом и через мгновение появилась на пороге, держа красную фетровую шляпу, увенчанную двумя длинными перьями — желтым и белым. Мадж аккуратно пристроил ее между ушей.

— А что стало с зеленой?

— А что стало с твоим лицом? — Мадж кивнул на спутанную бороду. — Время уносит все, даже зеленые шляпы.

Тропа от берега свернула снова в лес.

— А все ж я ее не выбросил, — помолчав, продолжил Мадж. — Валяется где-то в комоде — вроде как в память об

наших совместных странствиях. Там что ни пятнышко — то история.

— Выходит, я вернулся лишь затем, чтобы обнаружить этакого столпа общества, отягощенного семьей и гражданским долгом. Мадж, чем ты живешь теперь?

— Ты уже спрашивал об этом. Я отвечу так же — живу вот. Я гляжу, дуара еще с тобой.

На правом плече Джон-Тома висел знакомый инструмент с двойным набором струн, сияя и сверкая, как в тот день, когда умелые руки Кувира Кулба возродили его.

Лак, которым покрыл его кинкаджу, защищал дуару не хуже брони.

— Угу. Давал там и тут небольшие концерты. Жизнь бродячего менестреля со временем становится второй натурой.

Вдали замаячила знакомая роща. За время его отсутствия тут изменилось немногое. Вековые расширенные пространственно дубы выглядели, как прежде. Цветов стало больше — явно дело рук Талеи. С нависающей над дверью Клотагорба ветви донесся знакомый вопль: Сорбл поприветствовал их и скрылся в верхнем окне, чтобы сообщить радостную весть чародею.

Все внимание Джон-Тома сосредоточилось на соседнем дереве, каждый изгиб, каждый лист которого прочно отпечатался в его памяти. Мадж заметил его взгляд и подал знак своему шумному выводку умолкнуть. Малыши были достаточно понятливы, чтобы сообразить, насколько важен для взрослых этот миг.

Дверь распахнулась. На пороге показалась Талея, ставшая чуточку старше и чуточку красивее. Она хлопотала по дому, и ее рыжие волосы были скрыты под косынкой, а талия повязана большим рабочим фартуком. Даже ветер утих, чтобы не нарушать эту картину.

Джон-Том медленно опустил поклажу на землю.

— Привет, Талея.

Она выронила метлу, ответив ему долгим взглядом.

— Джон-Том...

И медленно пошла навстречу, а он, застыв на месте, пристально вглядывался в каждую ее черточку, каждый волосок. И тут она пнула его в голень — ту самую, с которой сняла пробу Застава. Джон-Том завопил.

— «Привет, Талея. Привет, Талея»! И больше тебе нечего сказать после многолетней отлучки, ты, пустоголовый сукин сын?! Столько лет! Ни письма, ни единой вшивой открытки!

— Но, Талея, радость моя, между мирами нет почтовой связи!

Она наступала, а он, как мог, отскакивал на здоровой ноге.

— Только не выдумывай своих заумных чаропевческих оправданий! Столько лет я ждала тебя, столько лет надеялась, что

ты все же вернешься и я смогу высказать, как сердита, что ты ушел без меня.

Четверо выдрят чинно сидели неподалеку, старательно усваивая этот неожиданный урок взрослости. Мадж стоял рядом, мысленно подсчитывая круги, пока Талея гонялась за извиняющимся Джон-Томом вокруг дерева.

— Смарите внимательно, можа это вас чему-нибудь да научит, — внушал папаша потомству. — Люди вечно откалывают что-нибудь эдакое. Так они выражают свои чувства после долгой разлуки. Люди — как часы, их всегда надо заводить. Скоро у этой парочки завод кончится. Тада их охватит любовь, и они упадут друг другу в объятия.

И действительно, Талея вскоре запыхалась. Джон-Том дал ей выпустить пар и, будто следуя совету Маджа, прижал к себе. У нее хватило сил лишь на то, чтобы слабо молотить кулачками ему в грудь. Но вскоре удары сменились контактами совсем иного рода.

— Теперь дама плачет, — задумчиво сказала Застава. — Он делает ей больно?

— Нет. Они просто показывают друг другу любовь, — пояснил Мадж.

— Человеки чокнутые, — сказал Царапка, один из двух сыновей.

— Абсолютно. Все люди чокнутые, а эти двое пуще других. Зато они бывают смешными. Дадим им еще пару минут потискаться, а потом глянем, что там мой старый друг принес из своего мира, а?

Но до того, как это произошло, явился Клотагорб. Старый чародей двигался чуточку медленнее и чуточку суетливее, чем до ухода Джон-Тома, но его мудрый взор не упускал ничего.

— Хорошо, что ты снова с нами, мальчик мой. Я всегда чувствовал — с той самой поры, как ты объявился среди нас и мы разделались с Броненосным народом, — что твое место здесь. Зайдем в дом, на солнце жарковато.

Все зашли в Древо Клотагорба. Выдрята демонстрировали чудеса благовоспитанности, и Маджу приходилось лишь раз в две минуты шлепать одного или другого, чтобы не высовывались. Джон-Том сидел в своем любимом кресле, прихлебывая селесассовый чай, а Талея притулилась рядом на полу. Сорбл подавал угощение.

— Смешно: пока я жил здесь, я думал только о доме, а когда попал домой, не переставая мечтал очутиться здесь. — Джон-Том улыбнулся жене, положившей голову ему на колено. — Ну, а раз Талея осталась здесь, мое возвращение стало просто неизбежным. Дома я должен был привести в порядок дела. Я говорил всем и каждому, что выполнял секретную правительственную миссию и что, наверно, скоро придется снова уехать на более

длительный срок. Все были озадачены и смущены, особенно родители, но в конце концов проявили понимание. Сказали, что если хорошо платят и я доволен, то все к лучшему.

— Хоть ты доволен, — ввернул Мадж.

— Будучи дома, я ощутил, что сердцем, а то и разумом не гожусь на роль адвоката — стряпчего, как вы это называете. Кроме того, я обнаружил, что после чаропения быть солистом рок-группы ужасно скучно. Подумывал, не стать ли чаропевцем в родном мире, но побоялся, что к волшебству отнесутся не очень благосклонно, если оно не упаковано в целлофан, не разрекламировано по телевидению и не снабжено правительственным сертификатом.

Но я хотел быть уверенным в одном. Проход между нашими мирами может в один прекрасный день закрыться, и тогда я должен знать наверняка, что остался с той стороны, где надо. Так что я не пожалел времени на изучение своих возможностей и потребностей. Тогда-то и решил, что по-настоящему мое место здесь, и обшарил свой мир в поиске действительно важных вещей, которые хотел бы взять с собой, вещей ценных и нужных. Пришлось проявить большую разборчивость, поскольку я мог забрать только то, что донесу на своих плечах.

Встав с кресла и подойдя к груде набитых рюкзаков, Джон-Том начал развязывать узлы и расстегивать пряжки. Выдрята взволнованно заерзали.

Первым делом он извлек большую жестянку с двадцатью фунтами лучшего в мире шоколадного печенья.

— Рецепт я тоже раздобыл, — с гордостью провозгласил Джон-Том. Отставив банку в сторону, он выпутал ведерко с торчащей сверху рукояткой. — Ручная мороженица. Нам потребуется лишь каменная соль, сахар, вкусовые добавки и сотрудничество добродушной коровы.

Следующий мешок выдал несколько странных и удивительных предметов.

— Переносной телевизор, видеомагнитофон, педальный генератор — его удалось отыскать лишь на складе неликвидов.

Из третьего мешка появились на свет две коробки видеокассет с классическими мультфильмами: Дисней, Уорнер Бразер, Фляйшер и кое-что из японских новинок. Между кассетами были натыканы старые и новые песенники.

— Это для чаропения, — пояснил юноша.

Клотагорб оглядел разложенный на полу скарб.

— Я знаю о твоем мире только по твоим рассказам, мой мальчик, но даже на основании сей скудной информации я заключаю, что ты сделал блестящий выбор.

— Я хотел, чтоб вы гордились мной, Клотагорб. Ну, давайте уберем крупные предметы с дороги.

Джон-Том подхватил телевизор, Талея взяла видеомагнитофон, а Мадж сражался с генератором.

Таща его волоком, он споткнулся о выступающую дощечку. Пол проломился, генератор рухнул, а Мадж едва не последовал за ним. Все тут же подошли к краю столь неожиданно открывшейся ямы.

Тайник, случайно обнаруженный Маджем, был размером с несколько ванн. Опустив руку на дно, Джон-Том зачерпнул горсть бриллиантов, рубинов, изумрудов, жемчуга и огневиков. Содержимое тайника надо было измерять в бушелях, а не в каратах.

Хотя с тех пор много воды утекло, Джон-Том ничего не забыл и в бешенстве повернулся к колдуну.

— В прошлом году я понял, что следует сделать дополнительный шкаф, — пробормотал Клотагорб. — В Древе никогда не хватает места для хранения вещей.

Джон-Том сжал камни в кулаке и потряс им перед лицом чародея. Драгоценности, выскальзывая между пальцами, заскакали по полу.

— Поглядите-ка! Вы мне лгали. Всех этих опасностей и мук, всех трудов и лишений странствия, едва не кончившегося фатально, могло и не быть. По пути в Стрелакат-Просад мы с Маджем добрую дюжину раз заглядывали смерти в лицо, и ради чего?

— Угомонись, мальчик мой. Честно говоря, я не понимаю, из-за чего переполох.

— Не понимаете? Только не говорите, что забыли ту ночь, когда сюда вломились разбойники, а я пришел и выручил вас, попутно сломав дуару.

— Ну, конечно, помню. — Выражение лица Клотагорба было совершенно безмятежным, и держался он хладнокровно.

— И столько риска, чтобы сберечь несколько вшивых камешков?

Глаза Маджа, таращившегося на сокровища, готовы были вот-вот выскочить из орбит.

— Давай не будем легкомысленно сбрасывать со счета мотивы старого бронепуза, приятель! Похоже, у него было кой-что, за что можно заплатить одной-двумя жистями.

— Я не обманывал. Как ты должен помнить, посетители интересовались именно золотом. Ни разу не упомянули они о драгоценных камнях — только о золоте. Взгляни повнимательней — и ты не отыщешь там ни крупинки металла. Будь оно у меня, я бы весьма охотно отдал его. Но не думаешь же ты, что я должен был добровольно проинформировать их об имеющихся у меня камнях? Это было бы просто неразумно. Теперь поразмысли вот о чем: если бы ты не защитил меня, твоя дуара не пострадала бы. Следовательно, не было бы путешествия в Стрелакат-Просад. Мадж не повстречался бы с Виджи. Ты не открыл бы проход из

моего мира в твой, не смог бы вернуться домой и познать свое истинное предназначение. Пораскинь умом.

Проглотив гнев, Джон-Том послушался, хоть это было и нелегко. Мыслить логически и бесстрастно не хотелось, хотелось топать ногами, вопить и изрыгать проклятия. К несчастью, он с самого начала понимал, что обречен на поражение. Клотагорб не только прав, у него за плечами еще и двухсотпятидесятилетний опыт ведения дебатов.

— Как мне ни прискорбно это признавать, сэр, но вы правы.

— Разумеется, прав, — кротко согласился Клотагорб. — Ты чаропевец и больше никто — не стряпчий и не рок-певец, уж и не знаю, что это значит. Я твой учитель, а ты мой ученик. Это твой удел, это — твоя судьба. — Он кивком указал на Талею, а потом широким жестом обвел комнату. — А это твои друзья.

Джон-Том глубоко вздохнул и по очереди встретился взглядом с друзьями: с Маджем и Виджи, с четырьмя выдрятами, Сорблом, с Клотагорбом. Талея замкнула круг. Все возвращается на круги своя, и сегодня многое встало на места. Он вспомнил всех замечательных спутников, которых им с Маджем довелось встретить: и могучую, но женственную Розарык, и Тейву, и коалу Колина, и Пога, первого ученика Клотагорба, превращенного в феникса.

Вместе они покажут, почем фунт лиха, любой толпе бесчинствующих юнцов.

— Пожалуй, с величайшим чародеем мира не поспоришь.

— Не рекомендуется, — сказал Клотагорб.

Джон-Том улыбнулся Талее.

— Примешь меня обратно? Если странствия увеличивают любовь, то моя настолько велика, что способна вместить весь мир.

— Принять тебя обратно, такого большого, уродливого, неуклюжего, накликающего беды калеку? Только при одном условии.

— Назови его.

— Ты сбреешь с лица эту нелепую поросль, как только мы вернемся в наше дерево, а то ты похож на проклятого выдра.

Он наклонился, чтобы поцеловать жену, но тут зубки Заставы вцепились ей в ногу.

Сын чародея с гитарой

Посвящается Карлу Реслеру — другу, моряку и отменному собеседнику на воде и под водой

Глава 1

Все то, о чем повествуют эти страницы, возможно, и не произошло бы, если бы Талея не обнаружила в хлебнице демона.

Днем раньше она испекла шесть буханок сладкопряного хлеба и положила их остывать в обитый металлом деревянный ящик, тот самый, что приютился на изразцах кухонной стойки чуть левее большого овального окна, прорубленного в южной стороне дерева и выходящего на берег реки и на ивы, толпящиеся, словно подвыпившие зеваки на состязаниях рыбаков. Полдюжины караваев — многовато для одного раза, но благодаря коротенькому, зато в высшей степени практичному заклинанию мудрого и предусмотрительного Клотагорба хлеб сколь угодно долго сохранялся не только свежим, но и горячим. По части сбережения энергоресурсов зачарованная колдуном-черепахой хлебница могла заткнуть за пояс наисовременнейший холодильник.

Когда пришел час накрывать стол к ужину и Талея подошла к хлебнице, она с изумлением обнаружила там сущее диво. Диво было шести дюймов ростом и вполне человекоподобное. Из черепа торчали врастопырку два кривых рога, а еще один, маленький, выдавался вперед. Тончайшие, будто из паутины сотканные, розоватые крылышки были сложены на спине. Одеждой служили длинные темно-бордовые хлопчатобумажные штаны на бордовых же подтяжках, а обувью — сандалии на толстой резиновой подошве, из которых выпирали коготки.

Под стать разительному облику был и аппетит. От ближайшей буханки уцелела половина. Талея поймала воришку с поличным... Впрочем, это не бог весть какой подвиг, если речь идет о демонах, только и умеющих, что пакостить.

Когда она подняла крышку хлебницы, демон, застигнутый врасплох, резко обернулся; от преизрядной краюхи в малюсенькой пятерне шел пахучий парок.

— Ацмак! — вскричал воришка. — Пореон файту! — И замахал на Талею свободной рукой. — Изыди, или я обеспечу тебе поистине невыносимую послежизнь в Чистилище!

— А ну, кыш из моей хлебницы!

Причудливая угроза ни в коей мере не устрашила Талею. Не

глядя, она протянула руку к ближайшему ящику кухонного шкафа, нащупала ручку чугунной сковородки и ткнула ею в хлебницу.

Выронив ароматную добычу, демон шарахнулся в угол.

— Эмарион! Сакарат санктус!

— Не поможет. — Перевернув сковородку, Талея попыталась выковырнуть незваного гостя длинной металлической ручкой. — Убирайся! Не смей трогать мой хлеб!

Талея, будучи невелика ростом, силой обладала недюжинной, а демон, дорвавшись до выпечки, явно увлекся. В конце концов он не удержал позицию и, растопырив ручонки и ножонки, со свистом пролетел через кухню. Он пронесся в считанных дюймах над разделочным столом и шмякнулся о стекло ромбического окна в противоположной стене. Там он на мгновение завис, а затем соскользнул в раковину. Перехватив сковороду за ручку, Талея подбежала к мойке и отыскала свою жертву среди грязных тарелок и чашек.

— Ты что делал в моей хлебнице? Кто тебя подослал? Держу пари, это козни той чванливой опоссумихи, что живет выше по реке, госпожи Дженфайн! При каждой встрече она задирает нос!

Оглушенный демон безуспешно пытался встать.

— Неважнецкое из тебя проклятие, — заключила Талея.

Что-то громко зажужжало возле ее виска, и она отшатнулась, мгновенно забыв о демоне в раковине. Новый пришелец был еще меньше ростом, обладал четырьмя изумрудно-зелеными крыльями и длинным змеиным хвостом. На бандитской жабьей морде сияла злорадная ухмылка. Четыре ноги удерживали в воздухе хрустальную солонку — свадебный подарок Талеиной матери. Хозяйка попыталась выхватить посудину, но тварь проворно отлетела в сторону. В насмешливом пронзительном жужжании угадывалась каббалистическая мантра, очень похожая на мелодию из кинофильма «Моя дорогая Клементина».

— Ну, и что дальше?

Талея прицелилась и замахнулась сковородкой. Жужжаба увернулась раз-другой, а затем раздался звучный шлепок — орудие угодило в цель. Мантра оборвалась, нечисть ударилась о кухонную плиту и отскочила на пол. Солонка, целая и невредимая, откатилась в сторону. Не обращая внимания на пришибленную воровку-неудачницу, Талея опустилась на колени и подняла мамин подарок.

— Да что за чертовщина тут творится? — растерянно пробормотала она, отложив сковороду и схватив метлу. — И куда запропастился совок?

Когда она наклонилась за совком, кто-то налетел сзади. Талея резко обернулась, вскинула метлу. Нового пришельца нельзя было назвать демоном, несмотря на адскую ухмылку. Он был значительно крупнее двух гостей, с которыми хозяйка уже расправилась. Он стоял на мощных лапах, очень похожих на кенгуровые; рыбий лик ничего не выражал. Тело было покрыто чешуей цвета лаванды, только пара бирюзовых щупалец осталась голокожей; они плавно извивались в воздухе. Из макушки торчал стебелек, на нем вращался ярко-голубой фонарик.

Талея перехватила метлу поудобнее и внимательно рассмотрела вновь прибывшего.

— И как прикажешь тебя величать?

— Библь, — бибикнула тварь. Затем всем телом издала грубый звук и совершила короткий разведывательный прыжок в сторону Талеи.

— Не подходи! — Талея угрожающе замахнулась метлой и двинулась вбок, в сторону от чуланчика, где хранился совок и прочие инструменты для уборки. — Предупреждаю! Еще раз дотронешься до меня — пожалеешь!

Между тем хлеболюбивый демон уже пришел в себя и теперь как ни в чем не бывало искал съестное в буфетах. При этом его отвисшее красное брюшко качалось маятником.

— Да что же это такое? — пробормотала Талея. — Джон-Том?!

Ответа не последовало. Муж еще не вернулся с работы. Некому было заступиться за нее перед злокозненной нечистью.

— Эй! Кто-нибудь! Ау!

Она резко присела. Тварь с фонариком снова прыгнула в ее сторону, выбросив отвратительный язык.

— Я предупреждала! — Метла обрушилась на язык сбоку. Сей орган несколько раз обвил голову и кончиком шлепнул владельца по правому глазу.

— Оу! Оу-оу-оу! — Тварь отпрыгнула, попыталась распутать взбунтовавшийся язык.

Демон из хлебницы забрался на полку; провизия сыпалась на пол. Воздев метлу над головой, Талея атаковала языкатого прыгуна и вынудила его ретироваться.

— Чума на твою демоническую задницу! Не тронь мои запасы!

Когда Талея добралась до полки, демон уже скрылся из виду, зато откуда ни возьмись на нее с визгом и писком ринулось с полдюжины новых летучих привидений. Они кружили и мельтешили, а Талея отчаянно размахивала метлой, не подпуская их к своей прическе.

— Брысь! Вон! Не лезьте ко мне!

В кухне искрилась целая палитра цветов, экспонировалась обширная коллекция форм. Но все это ничуть не радовало, разве что одно существо, с радужными фасеточными глазами, худосочным телом карликовой макаки и соколиными крыльями, выглядело чуть симпатичнее остальных. Привидения нападали со всех сторон, Талея отступала под их натиском. Метла уже не спасала.

— Убирайтесь! — кричала Талея. — Добром прошу!

Они лезли изо всех щелей. Выскакивали из буфетов, прыгали с полок, вылетали из-за горшков, выползали из мойки, просачивались даже из запертой кладовки. Они лопотали, булькали, рыгали, хохотали и шипели. Они ползли, прыгали и летели. Они отвратительно пахли, в нечленораздельном бормотании угадывались непристойные слова. Они нагло лапали чистейшие тарелки и хватали со стола приготовленную на ужин еду.

Кухня заполнилась десятками тварей, ежеминутно прибывало подкрепление. Одна, с прозрачными крыльями, напоминала бабочку-вампира; ее обличье навевало бы жуть, веди она себя чуть осмысленнее. Она билась в стекло, пытаясь бежать.

Кто-то подергал левую сандалию Талеи. Она опустила голову и увидела желтую в розовый горошек змею о семи головах.

— Прошу прощения, — жалобно обратился ползучий септицефал с незнакомым Талее акцентом. — Кажется, я забрел в чужую мифологию. Вы бы не могли...

Талея взвизгнула и отпрянула.

— Вон из моей кухни! Вон из моего дома!

Ударом метлы она оглушила две головы, остальные взволнованно заспорили между собой.

Кто-то опустился ей на правое плечо. Она резко повернула голову и увидела крошечного толстячка с ангельским смирением на лице. Он целиком состоял из слоистого упругого белого вещества, которое угрожало оставить пятно на ее блузке.

— Сударыня, я не-е знаю, что тут у вас творится, но кое-где ме-еня ждут дела, и я никоим образом не же-елаю участвовать в этом бе-езобразном и неорганизованном шабаше.

— Я тут ни при чем. Я, что ли, устроила этот шабаш?

Она схватила и заломила упругую белую ручонку. Толстячок рванулся прочь, оставив конечность в руке Талеи. Крови не было, только клейкая черная жижа выступила в месте разрыва.

— Видите, что вы натворили? Теперь я не-е смогу выполнить свою миссию.

— Прости.

Она вернула толстячку ампутированную конечность.

— Мерси.

С превеликим достоинством толстячок воткнул руку на место. Затем спрыгнул, мячиком отскочил от пола и исчез в потустороннем кавардаке.

Но большинство призраков вели себя не столь вежливо. Один попытался укусить Талею за левую икру. Получив метлой, он отлетел и влепился в ножку тяжелого деревянного стола. Другое создание вознамерилось выцарапать ей глаза — у него самого все три глазницы пустовали. Метким ударом Талея отправила его на холодильник. Большой ящик задребезжал. «Придется обновить холодящее заклинание», — машинально подумала она. Все-таки

до чего же это хлопотно — быть женой волшебника! Или чаропевца. Конечно, интересно бродить по свету, крушить врата между измерениями, громить хищные чужеземные орды и разными способами выручать мир из беды. Не только интересно, но и очень благородно. Да, все так. Но при этом надо содержать в порядке собственный дом... Не стоит и пытаться, все равно ничего не получится. Чернокнижникам и чаропевцам вечно не хватает времени на такие скучные земные дела, как домоводство.

Она подобрала кастрюльку и запустила ею в очередного атакующего монстра. А тот всеми шестью лапами ловко поймал сей предмет кухонной утвари, быстро, но внимательно осмотрел и с нескрываемым удовлетворением водрузил на свой плоский череп.

— Клянусь Двенадцатью Кринолиновыми Покровами Самого Покаянного Грешника, — прорычала разгневанная Талея, — я хочу, чтобы духу вашего тут не было! Все вон! *Сейчас же*!

Рывком выдвинув ящик, она потянулась за большой сковородой, но тут же отдернула руку. В ящике резвились четверо бесенят, совершенно голых, если не считать ярких полосатых шарфов на шейках. Точно по катку, носились они по гладкой металлической поверхности; широко расставленные ножки оставляли тонюсенькие дымные следы.

— Ты не в претензии? — спросил бесенок, которого вмешательство разъяренной хозяйки отвлекло от самозабвенного катания.

— Я?! Не в претензии?! А ну, брысь из моего шкафа!

Тут ей пришлось обернуться, чтобы дать пинка какому-то любителю жевать края чужих халатов. Потом она ударила метлой по сковороде, и бесенята-фигуристы в панике кинулись врассыпную.

Внезапно она ощутила, как пол уходит из-под ног. Метла отлетела, и Талея с такой силой грянулась об пол, что едва не лишилась чувств. Она поднялась на четвереньки, посмотрела назад и вниз и увидела четверку тягловых животных — крошечных осликов и саламандр. От их великолепной тончайшей упряжи шли ремни к путам на ее лодыжках. За потусторонней упряжкой на крыше столь же диковинной кареты сидел крошечный возница; в глаза бросались его длинная черная борода и виртуозное владение кнутом. Он гулко выкрикнул неразборчивый приказ, и упряжка поволокла перепуганную Талею к хищному, зловещему и доселе не виданному ею зеву пещеры за ящиком для фруктов. Черные глубины пещеры то и дело озарялись грозными сполохами. Талея упиралась, кричала благим матом, а миниатюрные чудовища и страшилища тараторили без умолку и превращали ее кухню в руины.

Прокричав: «*Хватит*!» — она перевернулась на спину, подалась вперед и изо всех сил ударила обеими ногами. Ремни лопну-

ли, возница и тягловые животные покатились по полу. Затем, бормоча и лопоча, сгинули в черном зеве.

— Мой меч! — Талея с трудом поднялась на ноги. — Куда я положила треклятый меч?

С тех пор как она вышла за Джон-Тома, ей не часто доводилось брать в руки верное оружие. Разве что по праздникам оно помогало быстро и зрелищно приготовить жаркое для многочисленных гостей. В будние же дни оно лежало тихо-мирно, служа напоминанием о тех далеких временах, когда Талея промышляла воровством и разбоем. Но она вовсе не разучилась пользоваться мечом.

Может быть, он в ящике с ножами? Нет, там слишком мало места. За печкой? Нет, оттуда бы он торчал. В конце концов она нашла меч, неблагодарно заключенный в чулан, где коротали свой век метла, совок и мусорное ведро. Впрочем, тонкий налет копоти не сделал оружие менее опасным. Знакомое ощущение рукояти в ладонях приободрило Талею, она повернулась лицом к кишащим и мельтешащим демонам. Их стараниями кухня являла собой жалкое зрелище, повсюду валялись горшки и блюда, емкости с припасами были перевернуты, содержимое рассыпалось на столах. Пол, совсем недавно натертый до умопомрачительного блеска, был заляпан пряными соусами.

— Исчадья Зла, будьте вы все низвергнуты в Хаос, откуда пришли!

Меч описал широкую дугу, другую, третью... Талея геройски обрушилась на шумливую кучу-малу. Полетели отсеченные головы и конечности, хлынула разноцветная кровь и смешалась с разлитым медом, молоком и жидкостями для чистки. Теперь никак не обойтись без чрезвычайно сложного и невообразимо дорогого заклинания, чтобы уничтожить следы резни, и будь она проклята, если возьмется за это голыми руками. Чем бы сейчас ни занимался Джон-Том, ему придется отложить дела и помочь жене.

К ней с визгом, со щелканьем острых клешней кинулся гигантский синий паук на длинных, точно ходули, ногах. Ловко уклонившись, она рубанула, и осколки хитина забарабанили по печным изразцам. Из бреши в панцире с клокотанием полезли розовые мозги вперемешку с зеленой кровью, мгновенно погубив целый лоток печенья, которое она испекла всего неделю назад.

Это зрелище привело ее в дикую ярость, и она ураганом пронеслась по кухне. Демонические создания налетали на нее, шарахались в стороны, искали убежища в буфетах и комодах, но при всех своих успехах она не смогла остановить нашествие. Словно в насмешку, на месте погибших фурий тотчас возникали

новые. Они все прибывали, и прибывали, и прибывали. Взмывали с пола, падали с потолка, выскакивали из мойки — кошмарные твари появлялись бесконечной чередой, нисколько не обескураженные гибелью своих предшественников.

В конце концов их набилось в кухню столько, что Талея была вынуждена отступить. Она прижалась спиной к чулану. Под демоническим натиском из рук, машущих мечом, уходила сила. Вовсе не такого конца ожидала Талея, всегда верившая, что найдет свою смерть в каком-нибудь великом странствии с Джон-Томом или на худой конец тихо угаснет в ближайшем приюте для овдовевших воровок и карманниц. Но погибнуть в собственной кухне, на шабаше невесть откуда взявшейся нечисти!

Почему подвела тщательно продуманная защита дома, отчего не сработали обереги, до сих пор надежно охранявшие ее жилище от нечестивого воздействия извне? Надо признать, что в основном они предназначались для очистки воздуха от копоти и неприятных запахов, но разве не должны были они воспрепятствовать демонам, горгульям и иже с ними? Столь впечатляющее фиаско охранной магии может означать только одно: против Талеи выступает более сильное волшебство.

Волосы ее были растрепаны, халат превратился в лохмотья, но она не сдавалась. Меч рубил и колол — как в старые добрые времена, разве что руки слушались хуже, разве что быстрее таяли силы.

В то самое мгновение, когда Талея поняла, что дрожащие конечности сейчас откажут и ее захлестнет клыкастая и когтистая лавина некротических пришельцев, кто-то протопал по крыльцу у входа.

— Эй, милашка! — прозвучало громко и радостно. — Вот я и дома. Пришлось повозиться, но мы с Клотагорбом наконец нашли подходящее заклинание для подъема старого моста Тулахлыст. Это, конечно, мера временная, но...

Джон-Том вошел в кухню, и тут же кто-то небольшой, фиолетовый и воинственный прыгнул ему на грудь и ткнулся в щеку луковицеобразным клювом.

— Слышь, кент, ежели ты себе не враг, лучше не суйся, просек? У нас и без тебя проблем до фига и больше, доходит? И без доброхотов распрекрасно обойдемся, в натуре. Въезжаешь в тему?

Изумленный Джон-Том ухватил существо за короткую толстую шею. Оно забулькало, глаза чуть ли не целиком вылезли из орбит. Ни слова не говоря, чаропевец подбросил нахала и ударом ноги отправил к противоположной стене. Тварь врезалась в буфет, разбила любимую прозрачную вазу Талеи и застыла на полу.

— Что за чертовщина?

Джон-Том выпучил глаза под стать своей жертве.

— Да не стой ты столбом! — Появление мужа прибавило Талее сил, отсеченные головы и конечности чаще застучали об пол. — Сделай *что-нибудь*!

Он спохватился, что медлит, зачарованный картиной разрушения. Где дуара? Осталась в повозке? Нет, она здесь, дома. Надо бы поднастроить, но это обождет. Прежде всего необходимо прекратить этот кошмарный сон наяву. И поскорей, пока Талея еще держится.

Он помчался в гостиную, выхватил из футляра уникальный инструмент и бросился обратно, пытаясь вспомнить подходящую песню. Годы учебы под патронажем Клотагорба не пропали даром. Джон-Том теперь держался гораздо увереннее, чем тот неуклюжий юноша, который волею мага оказался в этом мире.

И все-таки он оробел, вновь увидев нечестивое столпотворение. Увы, домоводство не заняло должную нишу в истории музыки, особенно в разделе рока и металла, коим Джон-Том более или менее сносно владел.

Наконец на ум пришла старая песенка Джона Мелленкампа. Чародей заиграл и запел, чистый, сильный голос певца и переливчатый звон дуары перекрыли рев демонической орды. Из буфетов и отдушин, из щелей в полу и окнах потек розовый туман. Ленивыми водоворотами он кружился по кухне; слабо запахло ржаным хлебом с отрубями и сыром «симеллот». С последним Джон-Том ничего не мог поделать. Впрочем, запах «симеллота» — пустяк по сравнению с миазмами, коих можно было ожидать, к тому же его сейчас наименее всего интересовали сопутствующие ароматы.

Вторжение влажного тумана (а может, и запах) немедленно возымело действие. В буфетах и на полках, среди горшков и тарелок все замерло. Армия пришельцев таращилась и сопела. Одного дуновения оказалось достаточно, чтобы все, побросав добычу, с визгом и писком обратились в паническое бегство. Кривя рты и морща носы, демоны устремились в недра шкафов, в щели между половицами, в вентиляционные отверстия; сломя голову мчались они в укрытие, в родную богомерзкую среду.

Дуара пульсировала и вибрировала в опытных руках чаропевца. Невесть откуда взявшийся ветер взметнул за его плечами зеленую накидку с радужным отливом, слегка потемневшую от многократной сухой чистки. Казалось, Джон-Том противостоит мощному, но крайне локализованному шквалу. Он осторожно двинулся по кухне, и тут же сразу с нескольких сторон его яростно атаковали самые отважные пришельцы. Музыка отбросила их назад, розовый туман стянулся в веревочные петли на их шеях, его клубы уподобились дубинам и не оставили от нечисти мокрого места. Талея утвердилась на ногах, к ней вернулась уверенность в себе. Она настороженно проследовала вслед за мужем к мойке, положила в нее окровавленный меч и сокрушенно покачала головой. С клинком придется повозиться. Всем известно, до чего прилипчивы кровь и гной нечисти.

Джон-Том остановился посреди кухни и дал петуха. Восемнадцать лет практики сделали его мастером чаропения, но не избавили от застарелой слабости. Сюрпризы, преподносимые голосом, зачастую сводили на нет великолепие игры. Вот и сейчас...

На глазах у Джон-Тома демоны, не сподобившиеся убежать или имевшие глупость напасть на него, принялись раздуваться, как воздушные шары. Они полетели вверх, отскакивая сначала от мебели, а потом и от потолка. Когда Джон-Том довел песню до конца, они полопались, точно мыльные пузыри. Талея горестно вздохнула — мало беспорядка в кухне, а теперь еще и это... Не осталось ни одного пришельца, только розовый туман клубился, да в ноздрях щипало от мощного запаха сыра и ржаного хлеба. Когда пальцы Джон-Тома в последнем драматическом аккорде промчались по двойному набору струн, туман поблек и начал рассеиваться. С глубоким вздохом облегчения чаропевец повернулся к жене.

— Ну что ж... Дорогая, тебя не затруднит объяснить, что здесь произошло? — Он слегка сдвинул брови. — Опять экспериментировала с кулинарной магией? Я ведь говорил, не так уж я охоч до жаркого, чтобы ради этого переворачивать тут все вверх дном. Поспешность хороша при ловле блох, а в домоводстве она чревата, знаешь ли.

Талеин палец предостерегающе качнулся перед его носом.

— Джон-Том, нечего мне выговаривать! Я тут совершенно ни при чем.

Она подошла к форточке и попыталась открыть, но запекшаяся кровь приклеила ее намертво. Пришлось рвануть изо всех сил. Остатки розового тумана потянулись в окно, Талея поторопила их, замахав руками. Сильнейшая вонь тоже потихоньку рассасывалась, оставляя зыбкое напоминание о пикулях в укропном маринаде. Оглядев кухню, Талея едва не расплакалась. Посуда разбита, выпечка, которой отдано столько времени и души, превратилась в крошево, куда ни глянь, жуткая грязища, с мебели звучно капает мерзкая жижа. Но она не заплакала и не закричала, а лишь устало опустилась в углу, где обычно завтракала семья, на стул с чехлом из змеиной кожи.

Джон-Том бережно прислонил нагревшуюся дуару к холодильнику, пятерней откинул назад длинные волосы и сел рядом с растерянной и измученной женой.

— Ладно, стало быть, заклинаниями ты не баловалась. Тогда как ты это объяснишь?

У нее сверкнули глаза.

— Меня спрашиваешь? Ты же у нас великий чаропевец. Что,

недоброжелатель завелся? — Она тяжко вздохнула. — Я сейчас убить готова ради чашки чая.

Джон-Том нашел относительно чистую посудину.

— Со льдом или горячего?

— Ой, нет! — поспешила возразить Талея. — Только не это.

Она встала, подошла к плите и обнаружила, что огонь не погас. Наполнив водой горшок, Талея поставила его на конфорку. Не осквернённая никакими чарами огненная стихия шумно принялась за работу. Талея нашла неразбитую чашку и вернулась к столу, за которым муж размышлял над ее вопросом.

— С Клотагорбом мы старые взаимные должники, но никогда не рисковали слишком озлобить друг друга, не применяли «тяжелую артиллерию». По крайней мере, я. А он... Ты ведь знаешь, как у него порой из-за денег съезжает крыша?

— Старый скряга, — проворчала Талея.

— Для него это дело принципа.

Талея повела вокруг дрожащей рукой.

— Джон-Том, я неплохо знакома с характером обитателей Нижних Миров. Да и как иначе, ведь я твоя жена. Но все-таки я не узнала добрую половину тварей, которые тут материализовались.

Он пожал плечами.

— Новые измерения, новые демоны. Не кори себя. Даже официальные справочники приходится ежегодно обновлять.

Талея наклонилась к мужу, нежданное воспоминание вызвало у нее улыбку.

— Порой думается, нам бы жилось гораздо проще, будь мы все время в пути. Если б мы дрались, убивали, спасались благодаря своим мозгам. Все-таки весело было...

— Талея, в ту пору мы были гораздо моложе. А теперь я младший партнер Клотагорба, и на моих плечах громадное бремя ответственности. А еще дом и семья.

— Джон-Том, мне сорок один. Разве это старость?

Он слегка напрягся.

— Я этого не говорил. Между прочим, сейчас Мику Джаггеру должно быть... — Он сменил тему. — Ладно. Это не объясняет того, что здесь произошло.

Талея пожала плечами.

— Возможно, я что-то не так смешала. Или неправильно насвистывала бодрый мотивчик. А может быть, некто из Нижних Миров с давних пор точит на тебя зуб, а ты об этом забыл.

— Можно заглянуть в архивы, — задумчиво проговорил Джон-Том, — но, насколько я помню, все старые конфликты благополучно улажены, все долги заплачены.

— А ты уверен, что не оскорбил какого-нибудь важного божка или духа? Не наступил на ногу обидчивому Князю Тьмы?

— Мы с Клотагорбом регулярно просматриваем все протоколы. И очень гордимся своим опытом в этих делах. Прежде чем подписать контракт, обязательно прогоняем его через полдюжины легальных заклинаний и даем на проверку как минимум трем стряпчим, да гореть им в аду веки вечные. Дорогая, я чист. Если бы даже и оплошал, рассерженный некто пришел бы с разборкой ко мне, а не к тебе.

— В твои дела я не лезу, — возразила Талея. — Но знаю то, что происходило в кухне у меня на глазах. И снова произойдет, если ты не устранишь причину.

Она содрогнулась.

— Понимаю. — Джон-Том успокаивающе положил руку ей на плечо. — Визиты нечистой силы из других измерений не случаются с бухты-барахты. Должна быть причина. — Он насупил брови. — Значит, я все-таки сделал что-то не то. Или наоборот, чего-то не сделал.

Они помолчали. Вдруг Талея подняла голову.

— Слышишь?

Джон-Том уловил слабое ритмичное постанывание, сверхъестественную пульсацию, довольно неприятные взлеты и падения голоса где-то на грани восприятия. Звуки доносились не из Нижних Миров, а сверху. Джон-Том посмотрел на лестницу.

— Так вот оно что! — уверенно произнесла его жена. — Ты не оскорблял запредельных царьков, и не было случайной роковой ошибки. Ни при чем тут и Броненосный народ, а также Потусторонняя Враждебная Гвардия Близкой Погибели. Все гораздо хуже. — Взгляд ее силился проникнуть сквозь потолок и пронзить источник диссонанса. — Джон-Том, ты должен что-то *сделать* с этим ребенком.

Глава 2

Пока Джон-Том взбирался по винтовой лестнице в сердцевину проросшего во множество измерений древа, музыка (если можно так назвать это явление) звучала все громче. Вообще-то аккорды, проникавшие сквозь тяжеловесное заклинание-шумопоглотитель, всего лишь граничили с кошмаром, зато голос певца был столь неудобоварим, что вызывал желудочные колики.

Джон-Том остановился у двери. Здесь царившая в комнате сына какофония слышалась отчетливо. По его прикидкам, уровень громкости располагался где-то между оглушительным и необратимо разрушающим мозг. Чаропевец постарался взять себя в руки и забарабанил в дверь.

— Банкан! А ну, прекрати вопеж и открой! Поговорить надо!

Ответа не последовало. Сын либо не слышал, либо притворился, что не слышит. Джон-Том решил, что инструментальная

партия недурна, но пение, как всегда, душераздирающе громкое. Сказать по правде, Банкан всегда фальшивил так, что отец в сравнении с ним выглядел солистом из «Ла Скала». Джон-Том снова заколотил по двери.

— Банкан, слышишь меня?! Перестань выть!

Кто-то просачивался сквозь филенки. Отступив в дальний конец коридора, Джон-Том с интересом наблюдал появление двухфутового белого кита. Тот поглядел вправо-влево и поплыл по коридору, увлекая за собой на нитке деревянную лодочку с дюжиной чертенят в матросских костюмчиках с гримасами муки и обреченности на рожицах. Их хвосты едва умещались в лодке. На носу стоял крошечный демон с кожей цвета горохового супа и протезом из слоновой кости вместо ноги, его раздвоенный хвост неистово вертелся, задавая ритм гребцам, а в глазах сверкало безумие. Распевая заунывную песнь, он показывал утомленным матросам на мини-кита. Добыча и охотники доплыли до лестницы и исчезли из виду. Чуть позже снизу донесся закономерный вопль, за ним последовала яростная брань; судя по тембру и тону, супруга Джон-Тома исчерпала лимит терпения.

— Джон-Том! Или твое отродье *сейчас же* уймется, или...

Он ударил в дверь ногой.

— Банкан, последний шанс! Отопри! Не то я на несколько недель окутаю твою комнату всепоглощающим занавесом молчания!

Музыка оборвалась, а вместе с нею — душераздирающая кошачья ария. Неохотно скрипнула и чуть приотворилась дверь. Джон-Том протиснулся в комнату, обходя гроздь висящих в воздухе глаз, которые с любопытством уставились на него.

— Да ладно вам дергаться, все нормалек, — раздалось из дальнего угла. — Это всего лишь мой папа.

Джон-Том затворил за собой дверь.

— Парень, *не шути со мной. Я не хохмить сюда пришел.*

Банкан, развалившийся на кровати, принял сидячее положение.

— Да, пап, ты прав. Жизнь — чертовски трагичная штука, верно?

Джон-Том подошел к овальному окну — единственному в комнате, — посмотрел на ухоженный сад и на реку за ним. Выдержав, как ему показалось, вполне сообразную ситуации затяжную мрачную паузу, он повернулся, дабы ужалить сына ледяным взглядом. Банкан беспечно покачивал дуару на коленях. «Вот он, — с тоской подумал Джон-Том, — источник будущей головной боли». Взяв за образец свою уникальную дуару, он с помощью Клотагорба и искуснейших линчбенийских мастеров сработал новый инструмент и подарил Банкану, когда тому исполнилось двенадцать лет. С тех пор мальчик с ней почти не расставался. Хоть его дуара и не могла сравниться с отцовской, она полностью унаследовала способность рождать чудеса тем местом, где соединялись два грифа.

Впрочем, до недавних пор скромных навыков Банкана хватало лишь на невинное бренчание. Но события нынешнего утра показали, сколь драматически изменились обстоятельства. Одно дело — колдовать с помощью музыки, и совсем другое (а уж кому, как не Джон-Тому, знать об этом) — держать в узде такую грозную способность.

В сочетании с поистине ужасающим голосом музыка Банкана представляла собой серьезную угрозу для любого, кто оказывался в радиусе ее воздействия.

За несколько лет Банкан внес в инструмент кое-какие декоративные усовершенствования. Симпатичные плавные изгибы были у него не в чести, а потому он привил дуаре колючки и оснастил ее искусственными когтями. Параллельные ядовито-зеленые и алые полосы уподобили инструмент прогрессирующей мигрени.

Но чары работали. Обращаясь к сыну, Джон-Том видел, как на стыке грифов меркнет туманная смесь реального и ирреального. Вспыхивали и гасли случайные искорки. Да, эта дуара, изготовленная золотыми руками, действовала, как и надлежало орудию волшебства.

Выходит, не она виновата, а Банкан. Этого следовало ожидать, если парню всего-навсего восемнадцать. Между прочим, Джон-Том был гораздо старше и опытнее, когда познакомился с таинственной дуарой и ее замечательными возможностями.

Он отошел от окна, приблизился к сыну, сел на край постели и тут же провалился до самого пола. Казалось, это воодушевило Банкана. Юноша фальшиво пропел несколько слов, и постель тотчас выровнялась. Неплохо. Хотелось бы Джон-Тому сказать то же самое о поведении и внешности сына.

Банкан был одет во все серое с изумрудным отливом. Брюки украшены спиральной полоской, точно ноги попали в плен к зеленым смерчам, сапоги с низкими голенищами — ярко-красного цвета. Ростом он был ниже Джон-Тома (сказались материнские гены), но унаследовал его рыжие волосы. Он коротко стриг их, на висках и за ушами сбривал, а оставшееся напоминало жесткую щетку. Худощавая нескладная фигура являла собой воплощение юношеской разболтанности.

— Только посмотри на себя, — пробормотал Джон-Том, разглядывая отпрыска.

— Не могу, пап. Ближайшее зеркало в ванной.

— Видно, у тебя есть ген сарказма. До сих пор я считал его рецессивным.

Банкан ухмыльнулся, но ничего не сказал. Лучше воздержаться от смешков, пока не выяснится, что у предка на уме.

— А волосы? Ну, что хорошего в короткой стрижке? Почему бы не носить нормальные, до плеч, как у твоих друзей?

— Касвайз стрижется коротко. И Виквит.

— Касвайз и Виквит — орангутанги. По части распределения волосяных мешочков орангутанг — полная противоположность человеку, у него от природы короткая шерсть на голове и длинная — по всему телу.

— А может, я тоже хочу длинную по всему телу? Глядишь, буду спокойнее слушать бородатые песни.

Джон-Том принялся было считать про себя, но на цифре семь сдался.

— Насколько я понял, ты не догадываешься о том, что сейчас творилось внизу?

Банкан слегка напрягся.

— Нет. А что?

— Ты наголову разгромил кухню собственной матери. А что сделал с самой матерью — словами не передать.

— Чего? Я? На что ты намекаешь?

— Опять баловался чаропением?

Банкан отвернулся.

— Сколько раз я запрещал тебе заниматься этим дома?

На лице юного Меривезера отразилась досада.

— Ну, а где прикажешь репетировать?

— У реки. В Колоколесье. За школой. Где угодно, только не дома. Здесь опасно. — Голос Джон-Тома смягчился. — Банкан, у тебя неплохой природный дар. На дуаре ты, может, даже получше меня играешь. Что же касается пения... Над текстами надо работать и работать. И над голосом. Мне понадобилось восемнадцать лет, чтобы овладеть им как следует. А ты почти не контролируешь высоту и тональность. Правда, иногда это бывает несущественно.

— Спасибо, папа, — саркастично бросил Банкан, — за вотум доверия.

— Сынок, не у всех есть навыки, необходимые для волшебства и тем более для чаропения. Очень даже может оказаться, что, несмотря на явный музыкальный талант, твое истинное предназначение — в другом. Конечно, хорошо быть классным дуаристом...

Банкан задрал нос, давая понять, что комплимент принят.

— Но если это не подкреплено добротной текстовкой, последствия могут оказаться непредсказуемыми, а то и смертельно опасными.

— Папа, ты слишком долго водил дружбу с Клотагорбом.

— Ладно, выражусь иначе. Чтоб больше этого безобразия не было! — Джон-Том встал. — А теперь спустись и помоги матери.

— Ты хочешь сказать, из-за моего пения... — неуверенно начал Банкан.

Джон-Том кивнул.

— Демоны, дьяволы, бесы, злые духи — полная коллекция мерзкой нечисти. Там сущий ад.

Банкан встал и двинулся следом за отцом, сарказм уступил место раскаянию.

— Пап, я правда не хотел. Стерегся, думал, все будет нормалек. Ты скажешь маме, что я не хотел?

— Сам скажешь. — Джон-Том отворил дверь и вышел в коридор. — Банкан, этим выходкам пора положить конец. У тебя слишком мало опыта, чтобы играть в такие игры. Особенно дома. А вдруг освободишь Чудовище-Под-Кроваткой?

Банкан тащился следом.

— Да что ты, пап? Нет у меня под койкой никаких чудовищ.

— Откуда такая уверенность? У каждого ребенка младше двадцати лет живет под кроватью чудовище.

Сын поразмыслил над словами Джон-Тома.

— Пап, а у тебя оно жило, когда ты был маленьким?

— Я же говорю, тут исключений не бывает. Просто я в твоем возрасте об этом не знал. Мое чудище, — добавил Джон-Том, спускаясь по лестнице, — было все в бородавках и язвах и мечтало напичкать меня баклажанами. Я терпеть не мог баклажаны. И сейчас ненавижу. — Они задержались у кладовки. — Думаю, по убеждениям оно было республиканцем. Все, больше никакого чаропения. Нигде и никогда. Пока не окрепнет голос.

— Но, пап...

— Никаких «но»!

— Ненавижу уроки пения. Сидишь часами за партой, слушаешь глупую соловьиху. На что это мне, пап? Я ж не птица.

— Миссис Неласвист учитывает ограниченные возможности своих учеников. Она очень терпелива. — «Станешь тут терпеливой, — подумал Джон-Том, — с такими, как Банкан». — И с ее помощью ты непременно освоишь искусство вокала, конечно, если постараешься. Из лентяев и неучей чаропевцы не получаются. Или думаешь, достаточно захотеть, и силы Запределья кинутся плясать под твою дуару? Да не приди я вовремя домой, твоя мать лежала бы сейчас растерзанная в клочья, с мечом в одной руке и веником в другой.

Банкан хихикнул.

— Боевая у меня мамуля. Такая кончина как раз в ее вкусе.

— Банкан, я говорю совершенно серьезно. Впредь никакого чаропения, пока не поставишь голос и не научишься сочинять приличные тексты.

— А-а! Да разве можно этого добиться, работая с закостенелым песенным старьем?

Сей горестный упрек потряс отца.

— Банкан! «Закостенелое песенное старье», как ты изволил выразиться, классика моего мира. Добротный, крепкий, солид-

ный рок. С его помощью я сотворил уйму всяких чудес. Это прекрасная основа для чаропения.

— Пап, может, тебе и дороги эти песенки, но я-то к ним какое отношение имею? Надоело! Волшебные они или нет — вот где уже сидят. Что удивительного в том, что я себя не контролирую? Просто все это — не мое.

— Значит, надо, чтобы стало твое. А не контролируешь ты себя потому, что тебе восемнадцать, ты упрямый, наивный и неопытный, но при этом убежден, что знаешь все на свете. Может, тебе лучше подыскать другой инструмент?

Банкан зло глянул на отца.

— Но ведь у тебя только с дуарой волшебство получается.

— Правильно. Значит, надо испробовать что-нибудь принципиально другое. Резьбу по дереву, к примеру. Могу договориться с сусликом Генраком, он охотно возьмет тебя в подмастерья. Освоишь полезное ремесло. Что в этом постыдного?

— Пап, я хочу стать чаропевцем. Проблема в репертуаре, а не в моих музыкальных способностях.

— А как же быть с убогим голосишком? Банкан, положа руку на сердце, тебе не вывести приличный мотив даже за шкирку. Если не зарубишь это на носу, обязательно навлечешь беду на себя и на окружающих, как бы здорово ты ни владел дуарой. Между прочим, после Клотагорба и Семонда я здорово попотел над твоим инструментом и не пойму, зачем ты его изуродовал.

— Папа, я хочу не только классно играть. Я хочу и выглядеть классно.

— Вот, значит, почему ты предпочитаешь эти «блеклые» шмотки?

— Пап, не дави на меня, будь другом. Обещаю, больше не сорвусь. Согласен, я нынче маленько увлекся и напортачил, но это еще не повод сдаваться, и не хочу я учиться резьбе по дереву, земледелию, воровству или еще какому-нибудь традиционному ремеслу.

— Ладно. Ты обещал, я запомнил. Но все это была присказка, сказка впереди.

— Сказка? — Банкан оторопело заморгал.

— Надо что-нибудь предпринять, чтобы мать не содрала с тебя шкуру заживо. Топай за мной.

Приготовившись к самому худшему, Банкан побрел за отцом.

За ужином он был угрюм и необщителен. Но едва ли можно объяснить это головомойкой, которая предшествовала мойке кухни. В подобном расположении духа Банкан пребывал почти весь последний год.

Джон-Том, сочувствуя сыну, попытался смягчить гнев жены — дескать, мальчик не очень-то и виноват, все дело в переходном возрасте. Но Талея, выросшая совсем в другой обстановке и другом обществе, возразила, что в ее клане подобные недуги обычно лечили острым ножом.

Банкан хотел что-то сказать, но благоразумно прикусил язык. Лишь позже, когда мать выпустила львиную долю пара, он отодвинул тарелку с недоеденной змеиной колбасой и овощным гарниром.

— Мам, можно, я возьму твой меч, или мне просто отравиться, когда зубы почищу?

— Проклятье! Хоть бы пяток минут пожить без твоего дурацкого стеба!

— Ну, а что еще я могу сказать, а, мам? Извини. Я же не нарочно. Неужели, думаешь, я из вредности задумал превратить печку в саламандру? — Он помолчал несколько секунд, глядя на отца. — Просто я мечтаю стать таким, как папа. Пережить интересные приключения, совершить великие дела, заслужить славу героя. Выручать прекрасных девиц, побеждать зло и спасать мир. Неужели я хочу слишком многого?

— Сынок, позволь я тебе кое-что объясню. — Джон-Том отрезал кусок колбасы, сунул в рот и произнес, задумчиво жуя и размахивая вилкой: — Да, как-то раз я помог спасти мир, что было, то было. И скажу со всей прямотой, это занятие не из тех, которым стоит посвящать целую жизнь. Уж не говоря о том, что оно плохо сказывается на нервной системе.

— Вообще-то, милый, мне казалось, что ты спас мир дважды.

Талея поставила на стол миску, полную дымящегося кисло-сладкого картофеля, и блюдо с зеленью.

Джон-Том нахмурился:

— А по-моему, только единожды.

— Нет, дорогой, — твердо возразила жена. — Как минимум два раза.

— Да неужели? Как бы то ни было, — он снова повернулся к сыну, — судьба привела меня на этот путь, и он далеко не такой славный, каким представляется тебе. Нет, Банкан. Солидная, спокойная, безопасная магическая практика — вот что тебе нужно. Обеспечивать клиентам преуспевание с помощью бизнес-заклинаний, пластхирургическими чарами улучшать их внешность. Это всеми любимая и почитаемая профессия, и она гарантирует, помимо всего прочего, достойную жизнь.

— Пап, я не хочу в ремесленники, — запротестовал Банкан. — Я хочу геройских подвигов и великих свершений. Я хочу повидать другие страны и миры.

— Великие свершения лучше начинать с того, что я предлагаю. Для других ты еще молод и неопытен. Да и мир сейчас не нуждается в спасателях. Уж я-то знаю. Регулярно просматриваю папку «Q». Только в память о старых временах, — скороговоркой успокоил он Талею.

Банкан решил уступить.

— Так ты хочешь сказать, — спросил он отца, — что больше не будет великих свершений?

— В ближайшем будущем — нет. По крайней мере, в нашей части света. Броненосные не высовываются с тех самых пор, как мы с Клотагорбом надрали хитиновые задницы и прогнали жуков за Врата Джо-Трума. Других вояк, сравнимых с Броненосным народом по силе и агрессивности, так и не появилось. Кругом мир, и я не понимаю, Банкан, что плохого в бизнесе? Только не подумай, что я на тебя давлю. Но поверь житейскому опыту человека, которому восемнадцать лет понадобилось, чтобы справиться с плохим голосом: сейчас ты лезешь в воду, не зная броду. Если б не дуара, давно пошел бы ко дну. Нужно долго и упорно работать над голосовыми связками, до тех пор пока они не притрутся к магии. Я сначала тоже упорно не придавал этому значения, и чего добился? Только шишек понаставил. Кое-что, — мрачно заключил Джон-Том, — неподвластно даже самым могучим силам.

— Клотагорбу все подвластно, — пробормотал Банкан, — если это касается его шкуры.

Талея отвесила ему затрещину.

— Не смей так говорить о крестном дяде. Даже если он черепах. Клотагорб здорово пособил нам с отцом, а мог бы попросту сделать от ворот поворот, и был бы прав, если подумать, сколько мы ему доставили хлопот.

— Придется всерьез заняться учебой и тренировкой, — непререкаемым тоном заявил Джон-Том. — А то какой от тебя прок, если понадобится выручать мир?

— Как насчет подготовки на марше? — с надеждой поинтересовался сын.

— Не самая лучшая мысль, особенно если речь идет о борьбе с силами зла или выходцами из Запределья, — возразил отец. — Понимаю, к чему ты клонишь. Но то — совсем другое дело. Я оказался здесь против своей воли и был обречен действовать методом проб и ошибок. Всего лишь старался выжить. И если бы не Клотагорб...

— Это правда, — подтвердила Талея. — Позволь, я расскажу. Когда я познакомилась с твоим будущим отцом, он был безнадежным нытиком, никудышным слюнтяем...

— Эй, эй! — возмутился Джон-Том.

Банкан отодвинулся вместе со стулом от стола.

— Я понимаю, вы оба хотите как лучше, и обещаю хорошенько все обдумать. Но, пап, ты ведь добился того, о чем мечтал. Обошел весь этот мир, да еще вдобавок свой собственный. А я ни разу не бывал дальше Линчбени. Не выезжал из Колоколесья.

Он встал и направился к лестнице.

— Куда ты так торопишься? — крикнул ему вслед отец.

— И змею не доел, — упрекнула мать.

После обеда Джон-Том помог Талее вымыть посуду.

— Все обойдется, — пообещал он. — Это просто переходный возраст.

— Только и знаешь, что твердить... — Она протянула ему перепачканную демонической кровью миску. — В твоем мире молодежь тоже так резвится в переходном возрасте? Лично я думаю, большинство его проблем можно решить с помощью крепкой палки.

— Там, откуда я пришел, это не метод. Есть более цивилизованные средства вроде психологии.

— И дети растут, как сорная трава? — Она укоризненно покачала головой. — Ты испортишь ребенка.

Джон-Том посмотрел на лестницу.

— Не согласен. По-моему, наш разговор не прошел для него даром. Он мальчик сообразительный и играет сносно.

— Да, вот только пение яйца выеденного не стоит. Ты рядом с ним — настоящий соловей.

Талея вручила мужу большое блюдо.

Он поставил блюдо в мойку и обнял жену мокрыми мыльными руками.

— А вот за это, Талея, ты мне еще заплатишь.

В ее глазах что-то мелькнуло.

— Знал бы ты, сколько раз я это слышала. У меня во-от такой список долгов.

На какое-то время они забыли о своем несносном чаде.

Позже, когда они лежали в кухне на полу, Джон-Том поразмыслил о будущем сына и не на шутку встревожился. На то имелось множество причин. Как ни крути, прилежным учеником Банкана не назовешь. Его «неуды» изрядно отравляли жизнь отцу, который в своем мире прошел хорошую школу правоведения. Но Джон-Том понимал: дело тут не в бездарности мальчика. Просто интересы Банкана лежат в другой сфере.

Талея же не была в этом уверена:

— Джон-Том, нашему сыну никогда не стать адвокатом или врачом. Может, и есть у него особые наклонности, но только к магии, а больше ни к чему.

— Но надо же освоить хотя бы азы, — возразил он. — Например, основы зоологии для нормальных деловых отношений. Надо разбираться, насколько нужды гориллы отличаются от нужд шимпанзе.

Талея обняла мужа за шею, положила голову ему на грудь.

— Зря ты так волнуешься. Банкан с кем угодно поладит. В школе у него уйма друзей.

— Ладить и понимать — разные вещи.

Глава 3

Банкан замахнулся, но нанести удар не успел. Черный медведь-тяжеловес двинул его лапой в грудь, и юноша не устоял на ногах.

Унаследовав от отца необыкновенно высокий для жителей этого мира рост, Банкан выглядел каланчой. Но не рядом с Фасвунком. Медведь больше всех заслуживал звания первого задиры в классе. Он был не выше Банкана, зато намного шире в плечах. Фасвунк поправил сползшую на глаза желтую бандану из ящеричной кожи, подтянул штаны, тоже сшитые из желтой кожи, и поманил противника когтем.

Вокруг дерущихся столпился весь класс. Барсук Арчмер держал в лапах мяч, с которым подростки только что играли в «пятиугольник».

— Ну, давай, человек! — прорычал Фасвунк. — Думаешь, ты особенный, да? Потому что твой предок — чаропевец, да? Только мне на это начхать.

Тяжело дыша, Банкан приблизился к медведю. Он не боялся Фасвунка, однако вовсе не планировал на сегодняшний день потасовку.

— Остынь, Фасвунк, не хочу я с тобой драться. Нет у меня времени.

— Врешь, Банкан. Есть у тебя время. — Медведь сощурил глаза. — Я так понял, ты решил со всеми нами рано или поздно разделаться. Так почему бы не начать с меня? — Он фыркнул и яростно взрыхлил задней лапой землю.

— Я никогда не говорил, что хочу с кем-то разделаться. Я сказал, что всех вас сделаю. А что до моего отца, тут ты прав. Если будешь наглеть, он...

— Ну, что — он? — перебил Фасвунк. — В рыбу меня превратит? Или поставит на четвереньки? Я-то думал, ты и сам на это способен. Или за любым пустяковым заклинанием бегаешь к папочке?

— Ага, — прогнусавили в кругу зрителей, и Банкан узнал голос муравьеда Отоля. — Дуару таскать научился, а попку себе подтирать?

Кое-кто рассмеялся, но большинство хранили молчание — ждали, чем кончится стычка. Банкан зло сверкнул глазами:

— Отоль, ты будешь вторым.

Невысокий муравьед скептично хмыкнул. Фасвунк неуклюже шагнул вперед, по-борцовски согнул могучие лапы.

— Сначала придется одолеть первого, понял, ты, факир недоделаный?

С шумом втянув воздух, Банкан проверил, надежно ли держится дуара на спине, и принял боевую стойку.

— Вижу, по-хорошему не понимаешь. Ладно, сам напросился. Но только без когтей и зубов.

— Это еще почему? — ухмыльнулся Фасвунк. — Чтобы ты выгадал на своем росте? Нет уж, деремся по-честному, без ограничений.

— Ладно, черт с тобой. — Банкан сжал кулаки. — Только давай все-таки не до смерти. Не хочу, чтобы ты мне глотку разорвал.

— Да ты что, за кого меня принимаешь? Разве что надкушу в двух-трех местах. — Медведь разжал правую кисть, показывая полудюймовые когти. — Ну, может, еще нацарапаю на заднице свои инициалы.

В толпе раздались смешки.

— Ну, а я, пожалуй, — не остался в долгу Банкан, — откручу фитюльку, которую ты называешь хвостом, и засуну тебе в нос.

Фасвунк заворчал и двинулся вперед.

— Ладно, человек, поглядим, что у тебя получится.

— А ну, прекратить! — раздался решительный голос.

Кольцо зрителей мгновенно разорвалось, пропуская воспитателя Головомоя. Да и попробовало бы оно не разорваться! Для серого горилла не существовало препятствий.

Он поправил толстые очки и окинул взором драчунов. В бычью шею педеля врезался высокий белый воротник.

— Ну, в чем дело? Опять эта парочка? — Он вонзил в Банкана свирепый взгляд. — Кажется, я предупреждал, чтобы никаких потасовок?

— Так ведь это он начал.

Банкан указал на своего противника.

Грузный черный медведь не шевелился, словно его вдруг сморила дремота.

— Фасвунк? Опять?

— Что вы, воспитатель, я тут совершенно ни при чем! — невинным тоном возразил Фасвунк.

Серый горилл раздул ноздри.

— Я сыт по горло вами обоими! Ты! Ступай в класс.

— Хорошо, воспитатель. — Фасвунк повернулся и торопливо зашагал к школе, за ним потянулись разочарованные зеваки.

— Что же касается тебя...

Горилл повернулся к Банкану.

— Вы меня недолюбливаете, — упрекнул юноша. — Что бы он ни натворил, вы на его стороне.

— Я ни на чьей стороне, — с достоинством произнес горилл. — И ты должен признать, что я слишком долго терпел твои выходки.

— Если вы про тот клочок заколдованного ковра, что я на прошлой неделе положил вам в стол, то вы не так поняли. Я со-

бирался починить старый стул, на нем же обивка совсем прохудилась. Просто хотел оказать услугу.

— Да, ты оказал мне услугу, — признал Головомой. — Теперь в классном журнале какая-то неудобоваримая вязь вместо записей.

Банкан рассеянно ковырял землю носком ботинка.

— Это просто несчастный случай.

Горилл оглядел непокорного ученика с ног до головы.

— Так ты все еще хочешь пойти по стопам отца? Учти, очень скоро ты поймешь, что на избранном тобою пути необходим солидный академический багаж. Особенно он полезен для развития некоторых важнейших аспектов этой сложной профессии. В первую очередь я имею в виду голос...

— Воспитатель, хоть бы вы не критиковали! Я умею *играть*.

— Одной игры недостаточно, и я уверен, что твой отец неоднократно это подчеркивал. Все, увидимся в классе. И уж постарайся как-нибудь поладить с Фасвунком, хоть он и тюфяк без воображения.

Голос Банкана понизился до сердитого шепота:

— Придурок он, ваш любимый Фасвунк.

Головомой притворился, что не расслышал.

— И приведи себя в порядок.

Он отвернулся и чинно прошествовал к школе. Банкан проводил его взглядом. На дворе юноша остался один. Сжав зубы, он повернулся и побежал — не в школу следом за педелем, а к ближайшим деревьям. Под благодатную сень, у которой нет пристрастия к поиску изъянов. Искать утешения у колокольных деревьев, которые привечают любого и не имеют привычки давить на психику. Он бежал куда глаза глядят, а наверху позвякивали листья-колокольчики.

Бегал он хорошо, и очень скоро школа и окраина Линчбени остались далеко позади. Тот же ветерок, что шевелил листву, освежающе дул в лицо. Стеклянистые бабочки махали в ветвях мерцающими крылышками, а на полуобъеденном кусте блестели чешуйки змеегусениц. Наконец он устал и перешел на шаг.

Даже если Головомой и сочувствует ему, он все равно сообщит родителям о стычке с Фасвунком и прогуле. Такое уже случалось. А это значит, опять придется выслушивать отцовские назидания. Уж лучше бы выпорол! Но Джон-Том слишком хорошо воспитан, чтобы бить ребенка. Если б только отец знал, какую боль доставляют сыну его слова!

Впереди, совсем недалеко, текла река. Шагая по ее берегу, можно обогнуть Линчбени и пооколачиваться на противоположной окраине города с друзьями, которые бросили и школу, и идею стать учеником ремесленника. Скоро проснется мангуст Борджемонт, а может, появится и Сиссилия. Она человек, как и Банкан, только гораздо симпатичнее.

Однако он передумал и пошел на юг, углубляясь в лес. Ноги сами несли его к тому месту, куда приходили горожане с трудными и важными вопросами. Возможно, его затею нельзя назвать разумной, возможно, он поступает недостойно, но вернуться к родителям или в школу он пока не может. Значит, остается одно.

Над старым дубом-великаном нависли хмурые тучи. Но Банкана это нисколько не пугало, юноша знал, что они здесь не задержатся. Везде небо безупречно чистое, а значит, Клотагорб дома и занят делом. Что только не нависало порой над его обиталищем. Пересекались радуги, колыхалось северное сияние, низвергался тропический ливень, а то и падал шальной осколок зачарованной кометы. Ночных посетителей порой встречали менее приятные явления, например, рой элегантных темнокрылых созданий с пылающими оранжевыми глазами и липкими усиками.

Да, сколь бы грозно ни выглядели тучи, Банкан их не боялся. Он вышел из леса на опрятную лужайку, что окружала Древо, и тотчас по барабанным перепонкам ударил яростный рев, заставивший юношу встревоженно оглядеться. Из середины клубящейся тучи вынырнул тугой подвижный жгут, его заостренный кончик тыкался туда-сюда, ощупывая землю, точно некий магический бур.

«Бежать! — сверкнуло в мозгу Банкана. — Скорее к Клотагорбу! Предупредить!»

Но что, если колдуна нет дома? Вдруг какой-нибудь старый враг воспользовался отсутствием черепаха, чтобы разломать его любимое дерево?

Дуара висела за спиной, ремень давил на плечо. С музыкой у Банкана полный порядок, но вот голос и стихи! Вдруг он наломает дров? Не прогонит злого духа, а спровоцирует нападение?

Пока он колебался, смерч вспорол ухоженную лужайку и прошелся по декоративным посадкам. Во все стороны полетели сучки, листья и комья земли; даже мощная корневая система не удержала пузырчатую растительность. Целые кусты уносились в облака по воющему воздушному хоботу.

Наконец смерч коснулся самого Древа. И тут же потемнел и уплотнился, а затем ловко нырнул в полуотворенное окно верхнего этажа. Банкан услышал, как вихрь ревет где-то в глубине необыкновенного ствола.

Надо решаться. Можно побежать домой и рассказать отцу. Джон-Том наверняка знает, что делать в таких случаях. А можно... Можно предпринять что-нибудь самому. Разве не об этом он так давно мечтал?

Снимая с плеча дуару, он целеустремленно пересек лужайку, которая отделяла Клотагорбово Древо от леса. В голову так ничего и не пришло. Дверь отворилась, повергнув его в шок и изумление. Из прихожей выпорхнул некто крылатый и упитан-

ный. Огромный молодой филин завис в воздухе и неприязненно посмотрел на Банкана. Птица носила короткий красный жилет с вышитыми золотом и серебром непонятными каббалистическими символами. Когтистая нога держала метлу, другая — совок.

— Ты-ы кто-о, черт возьми-и? И что-о тебе ту-ут ну-ужно?

— Я... это... хочу поговорить с Клотагорбом.

Банкан вытянул шею, пытаясь заглянуть в дверь, но филин надежно загораживал вход. Где-то в глубине Древа завывал смерч.

— Хозяин за-анят. Ка-ак нибудь в дру-угой ра-аз.

Филин собрался уже затворить дверь.

— Постой! А ты кто?

— Мальвит, его ученик.

Тут Банкан припомнил, что Клотагорб считается со своими подмастерьями не более, чем ехидна — с термитами. Он плечом оттеснил филина и шагнул через порог.

— Я всего на минутку. Мой отец — его партнер.

— А-а! Та-ак ты-ы из гнезда Джон-То-ома? — Мальвит озабоченно оглянулся. — Это ни-ичего не меняет. Придется те-ебе уйти. Если хозяин увидит, что я-а не работаю, а-а болтаю, мне не-е по-оздоровится. И тебя-а я пустить не-е могу. Осо-обенно в тако-ой ответственный момент.

— Момент чего? — спросил Банкан.

— Мо-омент всего. Ухо-оди.

С этими словами Мальвит улетел в боковой коридор, его огромные крылья скреблись о стены. Банкан задумчиво затворил за собой дверь и двинулся по узкому проходу в глубь Древа, проникшего во многие измерения. Яркие шары освещали путь.

Он заглянул в кладовку, заваленную свитками и книгами. Там никого не было.

— Клотагорб! Магистр Клотагорб!

Войдя в кабинет, он остолбенел. Перед ним предстал, рыча и громыхая, воронкообразный вихрь. В его спиралях бешено кружились щепки и щебенка. Банкан инстинктивно отпрянул и потянулся к мечу, но тотчас вспомнил, что меч остался дома, в платяном шкафу. Приносить оружие в школу запрещалось.

Упругий вихрь скользнул ему за спину и оттеснил от двери. Банкан чувствовал плотность завитков ветра, заключенную в нем силу. Такой запросто оторвет голову. И в этот миг появился Клотагорб, с любопытством глядя на Банкана поверх очков.

— Ну, и кто у нас тут? Банкан Меривезер, если не ошибаюсь?

— Да, сударь.

Банкан повернулся лицом к вихрю и с благоговением наблюдал, как тот носится по полу, прыгает через скамейки и лихо отплясывает на хрупких инструментах.

— Сударь, я за вас испугался. Думал, это какое-то колдовское оружие ваших врагов. А теперь вижу, оно вас слушается. По

мне, так ничего не может быть страшнее визита такой вот необузданной стихии.

— Она вовсе не страшная. Самый обыкновенный пылесос.

Банкан неуверенно показал на змеящийся вихрь:

— Вот это — пылесос?

— Да. Торнадо, правда маленький. Так называет явление твой отец. Мой термин гораздо длиннее, и я предпочитаю этот. Очень полезный метеорологический феномен... конечно, если ты способен его контролировать. Иначе он такое устроит...

Черепах отвернулся и пробормотал несколько фраз, непонятных Банкану.

Торнадо послушно отпрянул от юноши и пошел мести комнату, сдувать пыль с оконных рам, выгребать мусор из-под ковров и мебели и выполнять прочие выраженные в заклинаниях требования Клотагорба.

— Очень эффективно, знаешь ли. — Колдун, не обращая внимания на смерч, толстой лапой ткнул Банкана в спину, вытеснил его в коридор и повел к другому залу. — Приходится регулярно обновлять заклинание, иначе он перестает слушаться. Ну, так что привело тебя ко мне?

Банкан оглянулся.

— По-моему, эта тварь хотела меня проглотить.

— Что поделаешь, инстинкт. Вряд ли стоит ее за это винить. Торнадо — очень действенный, уже не говоря об экологичности, способ чистки, особенно когда в доме полно труднодоступных мест.

— Экологичность? Что это?

— Сей термин я тоже позаимствовал у твоего отца. Боюсь, нам, волшебникам, не мешало бы вспоминать его почаще. Не сбрасывать токсичные отходы в третью космическую расщелину. И еще много чего не следует делать. Твой отец — умный парень, правда, немножко горяч. Впрочем, ему простительно, ведь он человек. А тебе разве не в школе положено находиться?

Банкан подавил искушение солгать величайшему в мире волшебнику.

— В школе. Но у меня проблемы.

В переднем зале Клотагорб усадил гостя на диванчик под огромным окном-панорамой, а сам расположился напротив, на стуле с прямой спинкой.

— Тебе восемнадцать. В этом возрасте у кого не бывает проблем? Все на свете беды наваливаются исключительно на твои плечи, а тебе и невдомек, как их одолеть. — Колдун повернулся направо. — Мальвит!

В тот же миг появился филин. Богато разукрашенная бандана не позволяла перьям закрывать глаза. Вместо метлы и совка он держал коврик и бутыль с жидкостью янтарного цвета.

— Чаю из чистокора нам с гостем, — распорядился волшебник. — Горячего или холодного? — уточнил он у Банкана.

«Интересно, — подумал юноша, — почему всякий раз, когда я хочу поговорить о своих трудностях, мне сразу предлагают чай?»

— Ну... горячего, пожалуй.

— Шевелись! — приказал Клотагорб.

Филин метнул в Банкана испепеляющий взгляд, но беспрекословно подчинился магистру. Вскоре он вернулся.

— Итак, мой друг, я весь внимание, — взял мягкий тон Клотагорб. Он налил себе чашку терпкой жидкости и добавил туда чайную ложку неволнуйского меда. — Что у тебя за проблемы?

— Ну, во-первых, ребята в школе знают, что мой старик — чаропевец, и все время дразнятся. С самого первого дня. И вообще меня тошнит от учебы.

— Да, твой отец как-то упоминал об этом. Кажется, он считает, что лучший выход для тебя — поступить в ученики к приличному мастеру. Либо, если ты верен музыке, — примкнуть к большому ансамблю. По-моему, для твоего возраста это стоящая идея, по крайней мере ее не следует отметать с порога.

— Но я хочу стать настоящим чаропевцем, как Джон-Том.

— Ах, вот как... — задумчиво протянул маг, глотнул чаю и закинул короткую толстокожую ногу на ногу. — Да будет тебе известно, в чаропевцы годится не всякий. Ремесло сие гораздо сложнее, чем, скажем, торговля фруктами или овощами. Твой отец — явление исключительное. У него природный дар, божья искорка.

Банкан похлопал по дуаре.

— Я унаследовал его способности. Тут никаких сомнений.

— В самом деле? А я и не знал, что эти способности передаются по наследству.

— И я уже умею колдовать. Правда, не всегда получается в точности то, что задумал.

— А твой отец говорит, у тебя никогда не получается.

— У папы сначала были точно такие же сложности.

— Ну, вряд ли они были столь же серьезны. Родителю твоему достался слабый голос, но Джон-Том компенсировал этот недостаток музыкальными произведениями своего мира. А ты не в восторге от его музыки и потому вынужден импровизировать. Судя по его отзывам, в игре ты почти не отстаешь, но в подметки не годишься ему по части пения.

Банкан поморщился — только ленивый его не бранит, до чего же осточертело! Впрочем, он знал, на что шел.

— Ничего, научусь.

— Возможно. Если только никого при этом не отправишь на тот свет.

Банкан покраснел.

— Да, нашкодил я маленько в кухне. Ну, и что такого?

— По словам Джон-Тома, ты подверг смертельному риску жизнь родной матери.

— Жизнь моей матери? Смертельному риску? — Банкан едва не рассмеялся. — Да моя мать выйдет против трех лучших фехтовальщиков Поластринду и выпустит им потроха, а сама не получит ни царапины. А перед схваткой велит привязать ей одну руку к спине.

Клотагорб погрозил гостю коротким и толстым, как пенек, пальцем.

— И все-таки факт остается фактом. Ты балуешься с силами гармонии, слабо разбираясь в их природе и совершенно не контролируя.

Банкан обмяк, откинулся на удобную спинку дивана.

— Интересно, почему мне все это кажется таким банальным?

— Дружок, банальность — это всего лишь правда, навязшая в зубах.

— Тогда почему бы вам не взять меня в ученики? Помогите стать чаропевцем.

Клотагорб вздохнул.

— Увы, не всему на свете можно обучить. И я не в силах развить твой голос с помощью чар. В лучшем случае ты годишься в аккомпаниаторы отцу. Пальцы у него не столь быстры, как в былые годы...

— Что ж, спасибо на добром слове.

Не расстающийся с сарказмом Банкан поднялся и направился к выходу. Это было ужасно невежливо — следовало дождаться, когда маг его отпустит. Впрочем, Клотагорб мог бы легко задержать юношу несколькими удачно подобранными словами, но волшебник предпочел всего лишь смотреть ему вслед сквозь толстые очки.

— Друг мой, ты должен решить сам. Ты уже почти взрослый.

Банкан резко обернулся.

— Что значит — почти? Я намерен стать чаропевцем и вершить великие дела. И прекрасно обойдусь без вашего одобрения. И без отцовского. А теперь, если не возражаете, я...

Он потеснил брызгающего слюной и хлопающего крыльями филина.

— Мальвит, пропусти его, — устало велел Клотагорб. — Он еще слишком юн, но годиков через сто до него начнет доходить. Конечно, если он столько проживет.

— Хозяин, а с эти-им уже все-о?

Филин собрался убрать посуду со стола. Клотагорб поднял переднюю лапу.

— Ладно, оставь. Я утомился от возни с пылесосом. И от упрямства юных.

— Хозяин, э-этот человек ва-ас огорчил?

Мальвиту не удалось скрыть радость.

— Мы не пришли к согласию насчет выбранного им пути. Его родители тоже против. Конечно, молодости свойственны скоропалительные решения, но случай с этим мальчиком — особый. Он чреват большими бедами.

— А вот я-а, господин, ни-икогда с вами не спорил.

— Да. Ты рабски угодлив, о таком слуге можно только мечтать.

— Не значит ли-и это, — с жаром атаковал волшебника Мальвит, — что вы-ы меня обучите авиационным ча-арам четвертой ступе-ени и я смогу летать не-е дыша?

— Не будем спешить. Сначала ты должен пройти испытание, выполнить несколько трудных задач. Например, сделать мойку белее снега.

— Но-о, хозяин, у ва-ас же вовсе не-е белая мойка!

— Ну, так воспользуйся своими навыками чудотворца. И пошевеливайся, а не то я превращу тебя в киви. Как тебе нравится перспектива удлинить клюв, сменить перья на волосы и остаток ученического срока провести не летая, а бегая?

— О не-ет, хозяин. Я вовсе не хотел показа-аться непочтительным. Зна-аете, я, пожалуй, помо-огу смерчу с приборкой.

С перепугу филин шарахнулся о стену, точно жук, залетевший в комнату и мечущийся в поисках окна.

— Ну что ж, попробуй. Только держись от него в сторонке. В доме и так полно бесхозных перьев.

Филин сгинул. Со старческой медлительностью Клотагорб допил чай, встал и подошел к окну. Юный Меривезер уже скрылся в лесу. Маг надеялся, что тот отправится домой. Но это было маловероятно. Впрочем, пускай Банкан сам выбирает, куда ему идти. А у Клотагорба своих забот хватает. В Древе уйма альковов и кладовок, веками не знавших уборки. Вот как бывает, когда на несколько десятков лет упускаешь из виду, что в доме нужен элементарный порядок. Придется Джон-Тому и Талее самим как-нибудь приструнить мальчишку.

Он поочередно заглянул в выдвижные ящички в панцире и зашаркал в кабинет. Торнадо, должно быть, уже управился. Надо проверить, а затем выгнать его вместе с мусором вон, напомнил себе черепах.

Как и подозревал волшебник, Банкан отправился не в школу и не домой. Без особой цели он шагал по берегу в направлении Обрубка — притока реки Вертихвостки. Юноша злился на Клотагорба — и за откровенность, и за нелестный отзыв о его надеждах. А еще он был зол на всех своих одноклассников и учителей, и пуще всего — на весь мир, который словно решил любой ценой развеять светлые мечты.

Но вскоре Банкан успокоился и даже приободрился, да и не

полагается восемнадцатилетнему энергичному парню слишком долго унывать.

— Ну и ладно, пускай я маленько фальшивлю, — бубнил он на ходу, — но петь-таки могу. Отец тоже не был голосист, когда перенесся в этот мир, но он работал над собой, и теперь ничего, поет.

Однако Банкан не мог не признать, что Джон-Том так и не обзавелся голосом, способным приносить выручку.

— У меня еще лучше выйдет, — уверял себя юноша. — Я сумею...

От сеанса самоутешения его отвлек резкий звук. Банкан застыл как вкопанный, встревоженно огляделся. Что это? Торнадо летит вдогонку? Неужели смерчи злопамятны?

Близился вечер, и Банкан спохватился: никто не знает, где он бродит. Когда юноша опасливо вгляделся в гущу леса, на него налетели сзади. Банкан не устоял под градом ударов и толчков. Но это был не торнадо, а кое-кто гораздо более подвижный и гораздо менее эфирный. Весь заляпанный грязью, Банкан вывернулся из кучи-малы и отряхнулся.

— Очень смешно, — пробормотал он.

Ближайший из двух нападавших носился вокруг, катался по земле, тявканьем и повизгиваньем выражая веселье.

— Ага, кореш! По мне, так просто потеха.

Вторая выдра села и оглядела своего брата.

— Ты уж меня прости, Сквилл, но это было не так уж и забавно.

— Чего? Врешь ты все, морда клином! Да я пузо надорвал, хохотавши!

Прежде чем Банкан успел отреагировать на эти слова, яростная схватка возобновилась. Двойняшки вцепились друг в дружку и покатились по траве. При этом их одежда каким-то чудом оставалась целой. Банкану, сотни раз видевшему потасовки подрастающих выдр, оставалось только ждать. Еще минута-другая — и они успокоятся.

Так оно и вышло. Проказники расцепились, встали, пригладили взъерошенную шерсть, поправили растрепанную одежду и подошли к Банкану, присевшему в ожидании на толстый корень.

Брат и сестра вымахали со взрослую выдру — без малого пять футов от пяток коротких задних лап до макушки. Но весом Сквилл немного превосходил сестру. Он щеголял в светло-зеленом кепи, украшенном перьями трех разных птиц, жилет тоже был зеленый, но потемнее, а шорты — коричневые. Рюкзак он приспособился носить на груди, а за спиной и у него, и у сестренки всегда были лук и туго набитый колчан. На боку висел меч-коротышка. Ниина кепке предпочитала бандану с кругляшом из яшмы бурачного цвета на лбу. От уголков ее глаз вниз, к шее, и вверх, к ушам, шли ярко-синие и желтые волнистые ли-

нии. Она не пожалела труда и изобретательности, чтобы улучшить и без того превосходный окрас меха, и вдобавок так его уложила, что он походил на кожу. Вся шкура искрилась золотыми блестками. Подобным же образом был декорирован и короткий торчащий хвост. Штаны отличались от братниных только дамским покроем и цветом — светло-желтым, в тон суконному жилету. Что же касается борцовского поединка... так его будто и вовсе не было.

Подергивая хвостом, Ниина взирала на своего долговязого друга из племени людей.

— Банк, че ты тут в одиночку шляешься?

— Злюсь.

— Точняк, кореш! Это у тебя на роже написано.

Коротко подстриженными когтями Сквилл праздно ковырял ямку в древесном корне.

«Да что они могут прочесть на моем лице?» — удивился Банкан.

— Врешь ты все, рыбий запашок.

Ниина затявкала с истерическим восторгом, спровоцировав брата на немедленное нападение. Глядя на их возню, Банкан вздохнул — ему было скучно. Через несколько секунд потасовка закончилась, выдры как ни в чем не бывало вернулись к человеку. Впрочем, с их точки зрения, ровным счетом ничего и не произошло. Просто в обществе выдр, особенно таких юных, надо снисходительно относиться к их выходкам. Энергии у этой парочки больше, чем у действующего вулкана.

Сквилл тщательно оправил перья на кепи, а его сестра — бандану.

— Что-то я ни разу вас в школе не видел, — заметил Банкан. — Как же вы надеетесь чему-нибудь научиться?

— Че? — переспросил Сквилл. — Чему учиться? Канать по лесу и зубами скрежетать, как ты щас? Приятель, с этим дельцем я как-нибудь справлюсь, и ради такой бодяги на фига мне по ночам корпеть над учебниками?

Ниина подсела к Банкану.

— Э, Банко, че стряслось?

Банкан пожал плечами.

— Опять поцапался с Фасвунком. И выслушал очередную лекцию наставника Головомоя.

Ниина наморщила черный нос, усы ее встали дыбом.

— Да, паршиво.

— Но это еще ерунда. Потом я решил навестить Клотагорба.

— Сам? — встрепенулся Сквилл. — Не свистишь? Вот это не хило! Ну и как, раскрутил его на заклинания?

Банкан отрицательно помотал головой.

— Какое там! Только на совет. Да и без него я бы, пожалуй, распрекрасно обошелся.

Он врезал ногой по грибу-паразиту, на корне дерева остался только розовый след.

— Ну, чувак, не удивил. Я вот тоже без советов клево обхожусь. — Блеснули острые зубы. — Сам все знаю.

Сестра состроила пренебрежительную мину.

— Фиг ты че знаешь, братан. А может, и вовсе ни фига.

— Да ну!? А как насчет физики и математики? Хошь, прямо щас задачку решу: как твою квадратную башку засунуть в круглую змеиную нору?

Сквилл двинулся к сестре.

Банкан удержал выдр от нового раунда.

— Э, передохните-ка, — попросил он. — Вон у меня какие нравственные муки, а вам бы только дурака валять.

Сквилл поглядел на друга и нахмурился.

— Эй, кореш, да че с тобой, в натуре? — Постаравшись не задеть дуару, короткая мохнатая лапа легла человеку на спину — куда смогла дотянуться.

— Да только то, что мне тут осточертело, — объяснил Банкан. — Тоска смертная. Я хочу подвигов, хочу бороться с первобытными силами природы. Хочу стать чаропевцем.

— Ну вот, — пробормотала Ниина. — Опять двадцать пять.

— Я, шеф, никого конкретно не подразумеваю, — сказал Сквилл, — но, прежде чем тягаться с первобытными силами природы, не мешало б обзавестись путевым голосишком. А с твоим даже глухого дюгоня не зачаруешь.

— А ты играть не умеешь, — огрызнулся Банкан. — Даже на этом луке с одной-единственной паршивой струной.

Сквилл поднял лапы.

— Шеф, да я разве спорю?

Банкан уныло уставился себе под ноги.

— Все обманываю себя, внушаю, что со временем запою лучше. Но в душе понимаю: никогда у меня не получится с помощью голоса сотворить чудо.

— Ну, ты хоть на бренчалке своей лабаешь, — успокоила его Ниина. — Эх, кабы я могла чего-нибудь сбацать!

— Я б тоже не прочь, — признался ее брат.

Банкан поднялся с корня и повернулся к выдрам:

— Как промышлять чаропением, если не способен петь? Как спасать мир и прекрасных дев, если не умеешь творить путные чары?

— Ау! — тявкнула Ниина. — Ну вот, распустил нюни. Все вы, самцы, одинаковы.

Банкан скрипнул зубами.

— Ниина, скажи, почему ты вечно все упрощаешь?

Она кокетливо стрельнула глазами.

— Да потому, Банк, что я девчонка простая.

Банкан отвернулся.

— Черт, надо же что-то сделать! Что-нибудь трудное, возвышенное...

Сквилл похлопал по корню, на котором сидел.

— Запросто, шеф. Давай заберемся на это дерево.

Банкан метнул на друга гневный взгляд.

— Хоть минуту можно без дурацких хохм?

Выдр поразмыслил.

— Прости, но ты не до фига ли требуешь? — Сквилл глянул на сестру. — Так и быть, попробуем, ведь ты наш лучший кореш.

— Ну, спасибо, — произнес Банкан устало и мрачно. — Как вы знаете, на колдовство моего пения хватает. А вот контролировать это дело не получается, голос слабоват.

— Чегой-то это все не тянет на самое надежное оружие против первобытных сил. — Сквилл больше не ухмылялся. — Да и меч тебя, парень, не выручит из любой передряги. Видывал я, как ты им машешь. Прямо скажем, рубака аховый.

— А сам-то? Батьке своему в подметки не годишься.

— Эт точно, Мадж еще шустро клинком вертит, — подтвердила Ниина. — Хоть и раздался маленько в пузе.

— Ты только при нем этого не говори, — предостерег Банкан. — А то задницу надерет. — Он подошел к дереву и уперся в корень обеими руками. — Я знаю, на что способен. Играю неплохо. Если бы только как-нибудь улучшить... вокальные данные.

Ниина пощекотала его, и он подпрыгнул.

— Банкль, ты уж с этим поосторожней. Брательник ведь правду говорит, ты наш лучший друг среди невыдр. Угробишься, некого будет подкалывать. — Она переглянулась со Сквиллом. — Хошь, отпадную штуковину покажу?

— Что еще за штуковина?

Догадываясь, что Ниина затеяла новый розыгрыш, Банкан постарался изобразить любопытство.

Она достала из бокового кармана жилета плоскую квадратную коробочку черного цвета с прозрачным окошком на чуть выпуклой верхней грани. Банкан, заинтригованный, пригляделся. Как только он узнал вещицу, глаза его округлились.

— Э, так ведь это...

Ниина энергично закивала.

— Сидюк, лазерный проигрыватель. Твой батяня принес из родного мира, когда последний раз там побывал. И подарил Маджу.

Банкан был ошеломлен.

— Да если предки узнают, что вы эту штуку из дому вынесли, они вам побреют задок и передок.

У Ниины вздрогнули усы.

— Эт точно. Но они ни фига не узнают. — Она подмигнула брату. — Даром, че ли, Мадж обучал нас своему прежнему ремеслу?

— Мы ж по-хорошему стариков уламывали, чтоб дали сидюк послушать, — добавил Сквилл. — Так ведь ни в какую! Ну, мы и решили одолжить на денек. Одна только проблема — не врубаемся, че теперь с ним делать.

Ниина погладила пальцем черную коробочку.

— Ага, без колдовства не включается. Мадж говорит, нужны тарабейки... или баратейки...

— Батарейки, — подсказал Банкан. — Как-то раз я видел, как Джон-Том их вставлял. Это четыре палочки, заряженные волшебством, без них такие вещи не работают. Видите? — Он поднял прямоугольную крышку и показал четыре цилиндра, угнездившихся в нише, точно личинки. — Но чары быстро иссякают, и отцу приходится их восстанавливать. Жалко, я не помню заклинания слово в слово. Там что-то про кролика, который все двигается, и двигается, и двигается.

Ниина поразмыслила.

— Вот че я думаю, Банкич. Ежели ты годишься в чаропевцы, то такое пустяковое колдовство наверняка тебе по плечу.

— Во, сеструха в жилу лепит! — Сквилл забрал у нее проигрыватель и опустил на землю. — Шеф, вперед.

— Э, погодите-ка, — обеспокоился Банкан. — Вам бы все шутки шутить, а тут, между прочим, серьезная магия задействована. Электроны, кролики и все такое прочее. И вообще не знаю, можно ли мне притрагиваться к имуществу Маджа.

Ниина пренебрежительно фыркнула.

— И он еще хочет спасать красоток и укладывать зло на лопатки! Банкуй, ты не боишься меня разочаровать?

— Но ведь эта вещь — из Запределья!

— Кореш, ну че ты мандражируешь? — заклинал друга Сквилл. — Попытка не пытка. Ты ж ее не сломаешь, ага?

— Да как сказать. — Банкан снял дуару и нерешительно пощипал струны. Там, где гриф раздваивался, появилось мягкое золотое сияние. — Это все-таки рискованно.

— А походы в неведомые края и борьба с плохишами — это, по-твоему, не рискованно? — пустила шпильку Ниина. — Давай, Банкет, ты справишься.

Он набрал полную грудь воздуха и запел. Инструментальное сопровождение — просто блеск, а вот слова... Выдры с трудом одолели искушение зажать лапами уши. Лазерный проигрыватель не реагировал, разве что легонько подпрыгнул два-три раза. Юноша буквально лез вон из кожи, но добился от миниатюрного встроенного динамика лишь краткого писка. Наконец руки беспомощно повисли.

— Ну что, видели? — сердито спросил он. — Говорил я вам, ничего не выйдет...

— Банкуд, ты классно лабал, — сказала Ниина.

Все трое долго с сожалением глядели на непослушный проигрыватель, затем Сквилл воскликнул:

— Опаньки! Мысля!

— У тебя? — спросила сестра. — В кои-то веки?

Сквилл не обратил на подковырку внимания.

— Слышь, чувак, у нас-то с сеструхой полный ажур с голосами. И стишата кропать умеем.

— А че, брательник прав, — подтвердила Ниина. — Только я пока не просекаю, к чему он клонит.

— А ты просек? — Сквилл взволнованно посмотрел на Банкана. — Че, ежели ты будешь лабать, а прочее мы возьмем на себя?

— Не смеши. Чаропение — это тебе не совместное предприятие.

— Да прям! А разве колдуны никогда не сбиваются в кучу, чтоб сообща творить великие чары?

— Так ведь это совсем другое дело.

— Зуб даешь?

— Мы всю жизнь друг друга знаем. — Ниине явно пришлась по вкусу идея брата. — Вместе выросли, у нас полное психологическое совместилово. Ну, почти полное.

— Дружба и артельное волшебство — вещи разные, — возразил Банкан.

— Дружба есть волшебство, — парировала Ниина. — Хоть и нелегко мне это признавать, но, кажись, братан подкинул клевую идею.

У нее сияли глаза.

— По крайней мере, чувак, попытаться можно, — добавил Сквилл.

Ниина азартно хлопнула в ладоши.

— Придумала! Помнишь диск, который Джон-Том принес из Запределья? Ну, тот, от которого наши предки плюются? Разве сейчас не самое время пустить его в дело?

— Ты имеешь в виду тот плюгавый рэп? Не уверен, что смогу аккомпанировать.

— Шеф, хорош прибедняться! Смогешь, однозначно! — Сквилл буквально лучился уверенностью. — Только подыгрывай нам, и хорош. Ведь смогешь, а?

— Наверное, — нерешительно произнес Банкан. И подумал: «Кого же тогда считать чаропевцем? Ничего у нас не получится. Но что еще остается делать? Тащиться домой? Выслушивать упреки родителей и наставника Головомоя? Это всегда успеется».

— Ладно. Пожалуй, кой-каких действенных словечек я у отца поднабрался. Попробуйте быстренько слепить из них стихи, а уж я подыграю как смогу.

Он взял дуару поудобнее, пальцы пробежали по струнам. Выдр посмотрел на сестру.

— Че выть-то будем? Нельзя ж просто взять любую запредельную песенку из тех, че мы слышали. Надо, чтоб в жилу.

— Ага, чтоб его проняло.

Ниина указала на черный параллелепипед, который по-прежнему безмолвно стоял перед ними.

Пока Банкан нетерпеливо переминался с ноги на ногу, выдры обсудили между собой несколько вариантов. Наконец Сквилл выразил готовность. Глядя друг на друга, брат и сестра грянули... рэп. Зазвенели струны дуары — аккорды пустились в безнадежную погоню за словами.

У тебя нет музона, а у нас нету текста.
Кто же лепит чары из пресного теста?
Ты лабай погромче, ты лабай получше,
Ну, а мы подтянем, чтоб звучало круче!
И поставим на уши лес дремучий!
Мы еще устроим, мы еще покажем
Колдунам-героям с многолетним стажем!

Должно быть, впервые на своем веку Колоколесье внимало рэпу. Чего-чего, а энтузиазма и импровизаторской ловкости выдрам было не занимать. Банкан вспотел, пытаясь угнаться за их бешеным темпом. На развилке грифов усилилось свечение, розоватый оттенок сменился красным. Сияние окутало пальцы дуариста, затем кисти рук. Лазерный проигрыватель задрожал.

Глава 4

Выдры знай себе пели, а черный параллелепипед подпрыгивал, пританцовывал, как заметил Банкан, в такт музыке. У него на глазах из выпуклой крышки вынырнул золотистый смерчик. Крошечный встроенный динамик выплескивал музыку. Песню юноша не узнал — слишком был занят игрой. Внезапно выдры умолкли и тоже уставились на проигрыватель. Замерли и пальцы Банкана.

Проигрыватель плавал в четырех футах над землей и все еще приплясывал — но уже под свою музыку. Слова были совершенно непонятны, однако это не имело значения. Во всяком случае сейчас.

— А ну-ка, вдарим во весь дух! — в восторге от своих успехов предложил Сквилл.

Сестра медленно кивнула, не отрывая взора от разошедшегося проигрывателя. Они снова запели рэп, и опять Банкан поспешил за ними вдогонку. Или на сей раз — впереди? Некогда было выяснять. В ответ динамик прибавил громкость. Еще как прибавил! Теперь черный параллелепипед быстро крутился вокруг своей оси, золотистый смерчик пронизывал его снизу доверху.

Вокруг новоявленного трио завибрировал лес, листья-колокольчики трезвонили в ритме рэпа. В панике метались насекомые и летучие ящерки.

Нерешительность Банкана рассеялась без следа, уныние сменилось эстрадным экстазом.

— А ведь здорово!

Ему пришлось кричать. Шум стоял неимоверный: из вошедшего в раж проигрывателя рвались аккорды, вовсю звенела дуара, азартно благовестил лес, и на все это накладывалась кузнечная пульсация доселе неслыханного выдриного рэпа. От ладов дуары отлетали искры. Энергия музыканта и певцов ничуть не уступала вспышкам звездного света, на которые не скупился золотистый смерчик. Его появление поначалу огорошило Банкана, но теперь юноша вроде бы понял, что это за диво.

Зримая музыка...

Как только выдры довели до конца особо пикантную фразу, смерчик взвился к заходящему солнцу.

Проигрыватель дал сбой, содрогнулся и притих. Возбужденно гудя, смерчик топтался на месте; высотой он уже сравнялся с деревом. Начинающие чаропевцы переминались, уставившись вверх, откуда градом сыпались пузырьки волнующей зримой музыки. Ударяясь о землю, они тотчас таяли, как снежинки на раскаленной сковороде; ноты падали каскадом и тонули в пропитанной мелодией земле.

— Класс! — Банкан стряхнул со лба случайный си-бемоль. — Ну, а теперь что делать будем?

Придерживая на голове кепи, Сквилл разглядывал проигрыватель. Тот, казалось, вовсе не имел намерения спускаться с горделивых высот.

— Шеф, меня спрашиваешь? Кажись, ты больше всех хотел заделаться чаропевцем.

Банкан чувствовал, как у него повышается кровяное давление.

— Ты меня втянул! Ты и твоя сестра. — Он моргал, глядя вверх. — А впрочем, какое мне дело? Ведь это не моего отца проигрыватель.

Выдры настороженно посмотрели на него.

— Э, кореш, ты ж не бросишь нас в беде, — сказал Сквилл. — Уж помоги, будь человеком.

Банкан пожал плечами.

— Магия — штучка капризная.

Ниина вцепилась в его рукав.

— Банкид, мы тебя за здорово живешь не отпустим. Ежели не достанем сидюк, Мадж нас прикончит.

— А что мамаша сделает...

Сквилл боялся даже вообразить Виджи в ярости.

— Это мы своим пением его туда закинули, — заявил Банкан. — Если еще разок споем, он запросто может сгинуть без следа. Не знаю, что и делать.

Сквилл не скрывал огорчения.

— Я тоже.

— Конечно, можно что-нибудь придумать, — задумчиво сказал Банкан. — К примеру, попросим ворона Корандера снять проигрыватель.

Сквилл с сомнением покачал головой.

— Эта чертова хреновина запросто могет его с собой утащить. Объясняй потом, куда он уканал. Нет. Раз уж мы сидюк чаропением туда забросили, чаропением и снимать нужно. Лучше ни фига не придумаем.

— А можа, залезешь на верхушку? — предложила его сестра. — И спрыгнешь на сидюк.

Сквилл повернулся к ней и зло сверкнул глазами.

— Е-мое, да за кого ты меня держишь? За белку-летягу?

Он сделал неприличный жест.

— Так мы ни до чего путного не договоримся. — Пальцы Банкана пробежались по струнам. — Ладно, давайте попробуем. Но уж вы, пожалуйста, будьте готовы к худшему.

— Все путем!

Двойняшки отошли в сторонку посоветоваться.

— Ну, долго вы там? — рявкнул Банкан через некоторое время. Дело было не в спешке — он просто-напросто нервничал.

Ниина сердито зыркнула на него.

— Банкунг, ты сам велел приготовиться к худшему. Нельзя же горячку пороть. Второго шанса можа и не быть.

Она стряхнула с плеч блестящие ноты.

Выдры снова взялись за рэп, на этот раз медленно, расслабленно, чуть ли не апатично. Банкану, застигнутому врасплох нежданной переменой темпа, понадобилось несколько секунд, чтобы приноровиться.

Ты берешь чересчур высоко,
До тебя нам долезть нелегко.
Это, чувак, совсем некрасиво.
Ну-ка, давай приземляйся живо!
За тобою карабкаться в лом.
Сам не слезешь — пойдешь на слом.
И это совсем не пустая угроза.
Нам твоя, шеф, ох, не нравится поза!

На грифе дуары мягко запульсировало сияние, на сей раз призрачно-голубоватое. Но оно вовсе не выглядело многообещающим. Напротив, лазерный проигрыватель даже поднялся на несколько футов. Однако потом завис — похоже, в нерешительности. Диск все еще вращался, наземь сыпались ноты. Наконец он уступил — пошел на снижение, покачиваясь в неторопливом ритме выдрового рэпа. Золотистый смерчик похудел, сжался — и

вот он уже не толще карандаша. Поредел музыкальный град, аккорды утратили яркие краски и рассыпались на отдельные ноты. Как только закончилась песня, проигрыватель коснулся земли. Смерчик, что поддерживал его, исчез бесследно.

Едва проигрыватель затих, на него хищно прыгнул Сквилл. Параллелепипед тщился выскользнуть из его пальцев, но бывают случаи, когда ловкость побеждает магию. Выдр прижал добычу лапой, затем другой, перевернулся на спину и сел, торжественно потрясая призом. Тот лишь слабо подрагивал.

Ниина поспешила к брату.

— Ну, че, нормалек? Цела фиговина-то?

— Вроде цела.

Банкан тоже подошел взглянуть.

— Подними-ка крышку.

Сквилл повиновался. Неподвижный серебристый диск слегка нагрелся, но выглядел как всегда. Банкан выковырнул и отбросил застрявший фа-диез. Тот, нестройно звякнув, приземлился возле его ног. Выдр щелчком водворил на место крышку и засунул проигрыватель в карман.

— Е-мое, это ж надо, чуть не влипли. — У Ниины возбужденно блестели глаза. — Я уж думала, кранты сидюку.

— А чаропение-то! — восхищенно заметил Сквилл. — В жилу! Банкан, надери мне задницу, ежели я не прав!

— А ведь точно. — Банкан задумчиво посмотрел на дуару. — Странно, почему твой старикан никогда не пробовал петь вместе с моим.

— Шеф, да ты че, в натуре? — Сквилл ухмыльнулся. — Ты хоть раз в жизни слышал, как поет Мадж? Голос у него погаже, чем у тебя и Джон-Тома вместе взятых.

— А-а, — сухо заметил Банкан. — Ну, тогда понятно.

Ниина обняла брата за плечи.

— Голоса у нас от мамани.

— Так вы понимаете, что все это означает? — медленно проговорил Банкан.

— Угу! — прогудел Сквилл. — Теперь могем делать музон, когда захотим.

— Это означает, — хмуро продолжал юноша, — что хоть я и сам чаропевец, но с вашей помощью могу колдовать всерьез. Теперь мои мечты сбудутся!

— Че еще за мечты? — насторожилась вдруг Ниина.

— Спасти мир. Победить зло во всех его проявлениях. Выручить из беды прекрасных дев.

Сквилл вразвалочку отступил к изогнутому корню.

— Банкан, я, конечно, ни в коем разе не хочу тебя обламывать, но по мне, так первые радости в жизни — это плавать, хавать и ухо давить. Че, меня рак за хвост цапнул, чтоб я сломя голову бежал спасать клепаный мир? Пущай он сам о себе заботится, вот че я тебе скажу. — С задумчивым выражением выдр разлегся на корне. — Хотя должен признать, насчет прекрасных цыпочек ты меня заинтриговал.

— Где же твоя врожденная тяга к приключениям? — Банкан подошел к дереву и посмотрел сверху вниз на друга. — Где стремление совершить невозможное? Что может быть сладостнее подвига?

— Ниче, — ухмыльнулся Сквилл, — ежели подвигом считать ублажение клевой телки.

— Всей этой лабуды мы вдосталь от Маджа наслушались, — вставила Ниина. — Ежели откинуть восемьдесят процентов откровенной брехни, остальное все равно не больно-то заманчиво выглядит.

Банкан направился к реке. Выдры посвистели ему вдогонку, переглянулись и неохотно пошли следом.

— Если ничего не выйдет, даю слово бросить эту затею, — сказал Банкан, оглядываясь. — А если получится, то вы и сами согласитесь, что не воспользоваться нашими способностями просто глупо, и захотите пойти со мной.

— Пойти с тобой? — Ниина семенила рядом с Банканом. — Эт куда же?

— Куда? Ну, к примеру... — Банкан замялся. — Еще не решил. Куда-нибудь.

— Ни хрена себе точный маршрут, — проворчал Сквилл. — Сдается мне, кореш, талант ориентироваться достался тебе в наследство от Джон-Тома заодно с певческими способностями.

Банкан обогнул пузырьковый куст, не обращая внимания на шарики с запахом персика, которые неторопливо вылетали из овальных ротовых отверстий взрослых цветков.

— И все-таки согласитесь: потрясно мы сейчас выступили.

— А че, я не спорю, — уступил Сквилл. — Но было бы офигенно потряснее, если б мы потеряли Маджев сидюк. Тут бы нам и опаньки.

— Ну, больше ни к чему так рисковать. — Банкан не жалел труда, чтобы успокоить друга. — Попробуем что-нибудь простенькое... Надо убедиться, что наш успех не случайность.

— А разве мы еще не убедились? — спросила Ниина.

Банкан поворошил мех на ее затылке.

— Как ни крути, проигрыватель включился из-за чаропесни моего отца. Нам надо подстраховаться, найти что-то свое. — Голос его звучал взволнованно. — Я постараюсь что-нибудь придумать.

— Эт меня и пугает, — прошептал Сквилл.

Банкан на ходу развернулся и зашагал спиной вперед.

— Всего одно заклинание, но чтобы оно было только нашим. Если не получится, обещаю больше не затрагивать эту тему.

— Врешь ты все, Банка. — Ниина похлопала ресницами, гля-

дя на юного человека. — Но я все равно тебя люблю. — Она повернула голову к брату. — Слышь, устрицеглот, че мы теряем?

— Ежели концерт выйдет боком? — Сквилл оттопырил нижнюю губу. — Да сущие пустяки. Можа, пальцы. Или черепушки.

— Я буду осторожен, — пообещал Банкан. — Если начнутся неприятности, сниму чары — для этого достаточно опустить дуару. Или вы перемените тему, или просто умолкнете. Между прочим, от вас зависит ровно столько же, сколько и от меня.

— Да? Ну, лады, коли так. — Сквилл все еще колебался, очень уж много страшилок наслушался от отца. Но под дружным натиском сестры и Банкана он в конце концов сдался.

Они остановились на берегу реки. Ниже по течению располагался маленький водный пригород Мигова Излучина, там и жили Сквилл с Нииной, а по соседству — разномастный, но в целом солидарный прибрежный народ: выдры, ондатры, бобры, зимородки и прочие обитатели речных берегов, а также представители иных зоологических видов, коим просто нравилось мирное журчание серебристых струй. Сейчас на реке никого не было видно. По части торговли Обрубку было далеко до его старшей сестры Вертихвостки, которая по широченному и глубоченному руслу бежала аж до самого океана Глиттергейста. И не счесть, сколько раз Банкан приходил сюда после школы, сколько времени отдал с друзьями нырянию, плесканию и всяческому бултыханию в этих бодрящих водах. Здесь никто его не подкалывал, ибо для человека плавал он отменно, никто из людей-сверстников и даже выдрят, чуток неуклюжих по молодости лет, не мог сравниться с ним в водной акробатике.

Впрочем, сейчас у него на уме было вовсе не плавание.

Они остановились футах в девяти над водой; дальше земляной склон переходил в галечный пляж, а рослые деревья сменялись кустарником и травой. Солнечные лучи играючи, как нож масло, рассекали томные воды. И — ни единого шевеления в лесу на другом берегу, только под налетающим то и дело ветерком колокольные деревья названивали в контрапункте со своими родичами, обжившими этот берег.

Банкан сел на ближайший валун, свесил ноги над водой и взял дуару на изготовку. Выдры смотрели на него выжидающе.

— Ну, кореш, это твой концерт, — сказал Сквилл. — Об чем прикажешь петь?

Ниина кокетливо поправила бандану.

— По-моему, у вас уже разок неплохо получилось, — проговорил Банкан. — Я так думаю, сможете выдать еще чего-нибудь.

— Мы? Нет уж, фигушки. Кажись, это ты хотел спасать мир. Будто он этого ждет не дождется.

«Нужно что-нибудь основательное», — подумал Банкан. Но как назло ровным счетом ничего не шло в голову. Выдался прекрасный денек, река дышала покоем, в Колоколесье не пахло ни

одним злым колдуном, и никто поблизости не звал на помощь. В таких обстоятельствах чаропение выглядело сущей блажью.

И все-таки надо попробовать. Если выдры усомнятся в его готовности к совместной деятельности, у них, возможно, больше ничего не получится. Особенно если о затее проведают Мадж с Виджи.

— Есть охота, — заявила вдруг Ниина.

— Скоро ужин, — напомнил брат.

— Точняк, только рубать хочется щас. — Ниина покосилась на Банкана. — Как насчет наколдовать хавки? Попробуем, а? Мы ж на Обрубке. Давай чаропением рыбку вкусную приманим.

«Рыба — это не очень основательно», — подумал Банкан.

— Как-то неромантично, — с сомнением отозвался он.

Ниина раздраженно дернула хвостом и ткнула в юношу коротким пальцем.

— Банник, послушай, че я тебе скажу. Оно конечно, клево и кайфово хилять по белу свету, махаться с адскими ордами и выручать всякую замордованную шелупонь. Но беда в том, че в таких странствиях завсегда нагуливаешь волчий аппетит. Так че не мешало б выяснить первым делом, смогем ли мы в пути своими силами заморить червячка.

— Я в том смысле, что начинать следовало бы с чего-нибудь простенького, — пробормотал Банкан.

— И Мадж бы одобрил, — добавила Ниина.

— Эт точно. — Сквилл весело присвистнул. — Мадж все одобряет, че связано с хавкой.

— Ладно, пусть будет еда. — Банкан тяжело вздохнул. — Ну, я жду.

Снова пошушукались близнецы. Затем разошлись. Ниина посмотрела на Банкана. И дружно топнули три ноги.

Мы пришли без лески и поплавка,
Но зато готовы сожрать быка.
Нам нужна еда, нам нужны харчи.
Пусть плывут харчи из речных пучин.
Заблести, плавник, зашурши, песок,
В наши глотки влезет любой кусок.
Лишь бы нам за ним не нырять ко дну.
Ни сачок не взяли мы, ни блесну.

Выдры пели в приятном расслабленном ритме, на этот раз Банкан успевал легко. Над грифом успокоительно сиял зеленоватый нимб. Гармоничный союз речитатива и аккордов плыл над безмятежными просторами Обрубка. Однако рыба упорно не проявляла желания разорвать опаловую гладь и пасть к ногам чаропевцев. Ни одна сребробокая красавица не высунула нос из омута под валуном. Река знай себе текла — невозмутимая и ко всему безразличная.

Пальцы Банкана оторвались от струн.

— Э, ребята, без огонька поете, — упрекнул он выдр. — В чаропесню надо вкладывать душу, Джон-Том все время об этом твердит. Чтобы с помощью музыки вытворять чудеса, одних аккордов и слов маловато. Делу нужно отдаваться всем сердцем, дарить ему самые сокровенные чувства.

— Е-мое, чувак, а че мы, по-твоему, делаем? — огрызнулся Сквилл.

— Ага, между прочим, я взаправду есть хочу, — добавила сестра.

— Значит, надо захотеть еще сильнее, — заключил Банкан. — Не думайте о чаропении, не думайте о волшебстве. Думайте только о том, как вы проголодались.

— Так ведь это ей охота хавать, а не мне, — возразил Сквилл.

Банкан метнул в него сердитый взгляд.

— Так пусть и тебе захочется.

Выдр задумался.

— Ну, раз ты говоришь, че без этого никак... Пожалуй, я и впрямь чуток проголодался от такой работенки. Точняк! Я тут с тобой лясы точу, а в пузе кишка кишке бьет по башке.

Банкан улыбнулся.

— Вот это я и имел в виду. — Его пальцы вновь легли на струны. — Ладно, попытаемся еще разок. Но теперь души и сердца вкладываем без остатка. А заодно и желудки.

Выдры соприкоснулись усами и грянули снова. Банкан сразу ощутил разницу. В стихах появилась энергия, удержать которую по силам разве что парочке выдр, — взрывная, нервная, зубодробительная, стимулирующая выброс адреналина в кровь. Банкану — опытному дуаристу — пришлось попотеть, чтобы не отстать.

Над рекой появился темно-зеленый туман. Чаропевческая мощь выкачивала осязаемую энергию из некоего каббалистического хранилища мглы. Туман клубился, сгущался, створаживался, перетекал с места на место совершенно непредсказуемо — точь-в-точь грозовое облако, не знающее, куда через мгновение его понесет ветер. Под Банканом затрясся валун, словно занервничала сама земля. Зашуршали, застучали друг о друга камешки на берегу, завибрировали травинки — тысячи нерукотворных камертонов вторили сверхъестественному и сверхмощному нарушению покоя.

«Неужели, — подумал слегка вспотевший Банкан, — оно выходит из-под контроля?» Выдры, похоже, не разделяли его тревоги — знай себе шпарили рэп.

Из-под валуна вдруг вывалился изрядный ком глины, камень накренился, и Банкан едва не свалился с него. Он судорожно зашарил ступнями в поисках опоры; при этом дуара осталась в руках и даже не умолкла, чем была обязана не столько его здравомыслию, сколько навыкам музыканта. На противоположном,

доселе незыблемом берегу Обрубка появились трещины, глина и песок сползали в воду, оставляя влажные шрамы.

В тумане материализовалось нечто громадное, с продолговатым туловищем и плоскими гибкими конечностями. Рыба, как и хотели Сквилл с Ниной. Но такой огромной рыбины Банкан не видел ни разу в жизни. Даже не предполагал, что подобные существуют. Загипнотизированный этим чудом, он машинально продолжал играть.

Рыбина вздымалась над туманом и не на шутку волновала реку хвостом. Очень скоро прояснился один немаловажный факт: это вовсе не рыба.

Банкан оставил дуару в покое.

— Эй, ребята! Хорош.

Выдры обернулись — последние строки они пели, сидя спиной к реке. Банкан показал на чудовище.

— Сеструха, — зашептал Сквилл, — я, конечно, завсегда дивился твоему аппетиту, но даже не подозревал, до чего ж ты у нас прожорлива.

Плод чаропения перегородил реку от берега до берега. Он был раз в двенадцать длиннее Банкана и весил, должно быть, не меньше, чем все население Линчбени, прилегающих ферм и пары пригородов. Спина у него была голубая, а брюхо темно-серое. Полосатая нижняя челюсть — вся в белых пятнах. Могучий хвост покачивался, разгоняя волны заодно с водорослями и рыбной мелочью. Сравнительно небольшой глаз заметил на берегу теплокровных. Громадная башка со скрипом попыталась было повернуться к ним, но ей воспрепятствовало узкое русло.

— НУ-КА, ПОЗВОЛЬТЕ МНЕ САМОМУ ДОГАДАТЬСЯ, — прогремел голос, вибрируя, точно исполинский колокол. — ВЕДЬ ЭТО ВАМ Я ОБЯЗАН СВОИМ ПОЯВЛЕНИЕМ, А?

— Н-ну... — Сквилл ткнул пальцем в сторону сестры. — Это была ее идея.

— Че?! — взвизгнула возмущенная Ниина.

— А че, разве не тебе приспичило червячка заморить?

Тут же вспыхнула яростная потасовка, мохнатый вопящий клубок покатился по мокрому берегу.

— Выдры. — Банкан слегка улыбнулся, как будто это слово объясняло все.

— Я И САМ ВИЖУ. — Синий кит, недовольный внезапной переброской в чужую среду, говорил исключительно веско. — ДЕЛО В ТОМ, ЧТО, КАЖЕТСЯ, МНЕ ОЧЕНЬ НЕ ХВАТАЕТ ОКЕАНА. ВО-ПЕРВЫХ, ТУТ МАЛОВАТО ВОДЫ, А ВО-ВТОРЫХ, УЖЕ ВОЗНИКЛА ПРОБЛЕМА С ДЫХАНИЕМ. ТАК ЧТО, ЕСЛИ ВЫ НЕ ПРОТИВ...

Банкан сглотнул.

— Гм... А что будет, если мы не сумеем вернуть вас в океан?

— ТОГДА И У ВАС ПОЯВЯТСЯ СЕРЬЕЗНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. ВО-ПЕРВЫХ, ОГРОМНЫЙ ТРУП, ОТ КОТОРОГО НЕ ТАК-ТО ПРОСТО ИЗБАВИТЬСЯ, А ВО-ВТОРЫХ, КРОВНАЯ ВРАЖДА С МОИМ НАРОДОМ.

Банкана временами посещали грезы о морских путешествиях, и ему вовсе не хотелось, чтобы они перешли в разряд несбыточных. Как ни крути, трудновато бороздить моря, когда крупные киты все поголовно желают тебе смерти. Поэтому он благоразумно решил сделать все от него зависящее, чтобы исчерпать инцидент, к вящему удовлетворению сторон. И как можно быстрее.

— Это всего лишь досадная случайность. — Банкан показал на Ниину. — Моей приятельнице захотелось рыбки...

— РАЗВЕ Я ПОХОЖ НА РЫБУ? — поинтересовался кит.

— Лишь отдаленно.

— НАДЕЮСЬ, Я НЕ ОШИБУСЬ, ПРЕДПОЛОЖИВ, ЧТО МОЙ НЕВОЛЬНЫЙ ПЕРЕНОС В ЭТОТ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ЭСТУАРИЙ — РЕЗУЛЬТАТ НЕУДАЧНОГО ВОЛШЕБСТВА?

— Я же говорю, это досадная случайность.

Солидные габариты и манеры кита никак не повлияли на самообладание Банкана. Маловероятно, что океанский житель выскочит из реки и погонится за чаропевцами.

Но его, конечно, придется выручать. Отправлять восвояси. Банкану была невыносима мысль, что смерть этого существа будет на его совести. Да и отец, если узнает, по головке не погладит.

— Не волнуйтесь, мы вас отправим назад. Правда, я не совсем понимаю, как получилось, что вы оказались здесь. Мы поможем, обещаю. Но сначала надо уговорить этих выдр, чтобы они оставили друг дружку в живых.

— ПОЖАЛУЙ, ВЫ ПРАВЫ! — прогремел кит.

Разнять дерущихся выдр ненамного проще, чем успокоить ураган, однако Банкан справился. Сквилл злобно поглядел на сестру, поправил свое драгоценное кепи и, пока Ниина приводила себя в порядок, осыпал ее насмешками.

— Ну, давай, сеструха, — подначивал он, — расскажи нашему гостю, как ты его собиралась слопать.

— Слушай, отсохни, а? Сядь на рожу и не тявкай!

Стряхивая с одежды грязь и траву, она посмотрела на Банкана.

— Ну че, чаропевец? Как нам перекинуть эту тушу в глубокий океан?

— Да ведь это ваши стишки его сюда затащили, — пробормотал Банкан.

— Я есть хотела! Я всегда завожусь, когда есть хочу. Думала,

споем — и из реки вылезет что-нибудь вкусненькое. А не этот говорящий бурдюк с ворванью.

— Я НУЖДАЮСЬ В ПОМОЩИ, А НЕ В ОСКОРБЛЕНИЯХ.

Выдры посовещались и в конце концов кивнули Банкану. Тот заиграл, испытывая скорее надежду, чем уверенность. Оттого ли, что певцы уже слегка поднаторели, или от страха перед гневом Маджа голоса звучали свободнее и слаженнее, чем в прошлый раз. Банкан тоже не ударил в грязь лицом. Снова сгустился зеленый туман, скрыв китовую тушу, и наконец из него донесся удовлетворенный вздох.

— В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЕЕ, — посоветовал кит на прощанье.

Банкан скрипнул зубами, но от комментариев воздержался, не желая разрушить удачные чары.

Эй, чувак, отправляйся домой и не ной,
В океан, где креветки, сардинки, медузки!
На фига тебе сдался Обрубок наш узкий?
Поздоровайся снова с родной глубиной.
Ты вертайся взад, на морской размах,
Там рассола хлебни, закуси планктоном.
Ну, а мы, распрощавшись с твоим беконом,
Остаемся с носом и на бобах.

Раздалось резкое «бам-м», и краткий, но мощный порыв зеленого ветра повалил троицу с ног. Живая плотина больше не перегораживала реку, накопившаяся вода гигантской волной хлынула вниз по Обрубку, устремясь к широкой Вертихвостке.

Приподнявшись на локтях, Сквилл наблюдал, как водяной вал скрывается за излучиной.

— Не знаю, как вам, но сдается мне, че этот преждевременный паводок вряд ли будет народу в кайф.

— На Обрубке и раньше бывали наводнения, — возразила сестра.

— В это время? — Сквилл ткнул в небо большим пальцем. — При такой потрясной погоде? Ну, ты, грибогубая, и скажешь!

— Лодки, причалы... — Прикинув мощь потока, Банкан вообразил неисчислимые бедствия. — Пожалуй, не стоит до поры до времени рассказывать об этом маленьком эпизоде, как вы считаете?

— Классная идея. — Выдр не раздумывал ни секунды. — А можа, ваще не стоит колоться?

— Ну че, все, пожалуй? — Ниина пристально посмотрела на друга, потом на брата. — Домой надо хилять, и побыстрей.

Иных предложений не поступило.

Они быстро вернулись в лес, и по пути Банкан не удержался — ткнул выдра в бок.

— Сквилл, а ведь получилось! Может, и не совсем, как хотелось, но вышло же! Мы сотворили великое чудо.

Выдр покосился на него.

— Эх, Банкан, Банкан, до чего ж таки трудно тебя убедить. В следующий раз придется целую гору обрушить себе на черепушки.

— Да ладно вам! Разве вы не гордитесь тем, что сотворили? Разве это вас нисколько не вдохновило? — пытал Банкан друзей.

— Ну, разве самую капельку.

— То-то! — Банкан улыбался до ушей. — Просто мы вложили в чары лишку. Только и всего. Будем тренироваться, и все получится. Поработаем с тональностями, отшлифуем... Ниина, не хочешь еще разок рыбку приманить?

— Не, Банки. Чой-то аппетит пропал.

— Ты что, выдра, всерьез? — Не дождавшись ответа, Банкан понизил голос: — Ладно, потолкуем завтра. А если будут спрашивать, что на реке случилось, — мы ничего не знаем. Угу?

— Еще бы не угу, — проворчал Сквилл.

— Теперь мы — ансамбль. Не забывайте об этом. Конечно, я бы очень хотел делать все сам, но у группы есть свои плюсы. Теперь я целиком сосредоточусь на дуаре.

Ниина кольнула его сердитым взглядом.

— Ой-ой-ой! И в следующий раз мы уж точно наломаем дров. Разбежимся в разные измерения... Хорошо б хоть один в живых остался.

— Откуда столько пессимизма? Подумаешь, кит! Эка невидаль.

— Между прочим, я сегодня первый раз в жизни на кита потаращился, — хмуро заметил Сквилл. — Да и ты, кореш, его только на картинках видел. А че, он вроде нормальный. Разве что великоват чуток.

— Вот и поразмысли. — Банкан упрямо не позволял энтузиазму идти на убыль. — Если хотим всего-навсего рыбку на обед, а получаем целого кита, вообрази, на какие еще чудеса мы способны. Главное сейчас — не пороть горячку и поработать над техникой, а там можно попробовать что-нибудь серьезное. Мы еще самого Джон-Тома сделаем или даже Клотагорба. Захотим — весь мир перекроим.

— Да не уверен я, что хочу его перекраивать. — Пробираясь через кусты, Сквилл сплюнул. — Больно нынче денек классный. Можа, будь похолодней, я б и захотел.

— Ты только подумай как следует, что нам сейчас удалось. Больше я ни о чем не прошу.

В задумчивом молчании человек и две выдры быстро шагали по лесу. Вокруг обеспокоенно позванивали колокольные деревья.

Глава 5

После происшествия в лесу Банкан сделал вид, будто всерьез взялся за учебу, но тайком от всех он каждый день нетерпеливо ждал встречи со Сквиллом и Нииной. Для репетиций они выбрали полянку на порядочном удалении от реки. И вовсе не из боязни снова повстречаться с вежливыми, но сердитыми китообразными. Просто не хотелось, чтобы у разгневанных хозяев причалов и прибрежных домов, поврежденных загадочным потопом, при виде сборища юных чаропевцев возникли закономерные подозрения.

Трио исполняло самые невинные заклинаньица, с последствиями которых могло справиться заведомо неволшебными средствами; музыка Банкана притиралась к импровизациям выдр. Мало-помалу они обретали все большую уверенность в своих силах и вскоре научились с помощью чаропения возвращать потерянные стрелы и вострить мечи.

Благоприобретенные навыки позволяли окрашивать стекло в синий цвет, без кирки и лопаты выкапывать внушительные ямы. Чаропевцы больше не пытались материализовать свежую рыбу — у них получалась готовая пища. Выходили и ложа, застланные чистым бельем. Довольно скоро у троицы сложилось очень неплохое мнение о себе и своих возможностях. Лишь одно огорчало: не было достойного применения талантам. Во всяком случае, никак не удавалось оное применение найти. Банкан посвятил этой задачке тьму времени и в конце концов решил: следует хранить тайну и набраться терпения, а благоприятная ситуация рано или поздно возникнет.

* * *

В западной части дерева, проросшего во многие измерения, царил уют. За окнами и ухоженной лужайкой покойно и невозмутимо тек Обрубок. Отец и сын сидели вдвоем. Читали.

Как-то раз Джон-Том поведал Банкану об одном из чудес своего родного мира. Оно называлось «телевидение». Однако юноша так и не понял, чем оно лучше интересной книжки, хорошей компании или захватывающего приключения. Джон-Том предпочел это не обсуждать.

Мать управлялась в кухне. Дверной колокольчик призывно звякнул. Когда Талея вошла в гостиную, Банкан лишь на миг оторвался от книги, представив, что мать орудует не посудомоечным ершиком, который она сейчас держала в руке, а давно лежащим в чулане мечом. Удержать эту картину в воображении оказалось нелегко, сколько бы ни рассказывали легенд о горячих деньках Талеиной молодости. Она заглянула в альков.

— Дорогой, тут к тебе филин.

Джон-Том отложил книгу, над которой уже было задремал, и потер глаза. Банкан знал, что отцу нужны очки, но Джон-Том упорно предпочитал чары для улучшения зрения, хотя они были далеки от совершенства и требовали постоянного обновления. Юноша отправился на кухню перекусить на скорую руку, а главное, понаблюдать за прихожей, где стоял, шелестя огромными крыльями, ученик Клотагорба. Филин что-то сказал Джон-Тому, тот для удобства опустился на колено и ответил. Талея маячила рядом. Банкан без особого труда подслушал разговор.

— Но-о господин на-астаивает, чтобы вы-ы пришли *сейча-ас же*, — упорствовал филин.

— Да ведь поздно уже, — возразил Джон-Том, — и холодно. Почему нельзя подождать до завтра?

— Господин Клотагорб это-ого не объяснил, — проухал филин. — Он просил, чтобы вы-ы пришли сейчас. Прикажете вернуться и сказать, что-о вы-ы не придете? Зна-аете, что он со-о мной сделает?

— Ну, раз уж такая срочность... — Джон-Том встал и повернулся к Талее. — Ты слышала? Надо идти. Я понимаю, поздновато уже, но это, должно быть, важно.

Талея не сводила с него ледяного взгляда.

— Надеюсь, ты не намерен снова отправиться на поиски дурацких приключений?

Он шагнул к жене и положил ладони ей на плечи.

— Талея, вспомни, когда ты была беременна, я дал слово, что со всем этим покончено. У меня семья, дом и респектабельная профессия. Это превыше всего. Те времена, когда мы с Маджем странствовали и попадали в передряги, давно уже — достояние истории.

— Это тебе так кажется, — возразила Талея. — Но клянусь всеми пертурбациями эфира: если это яйцекладущее соблазнит тебя очередной безумной экспедицией, я, конечно, противиться не стану, просто отрублю тебе ноги и запру их в чулане. И ступай без них хоть на край света.

— Ну что ты, любимая. — До Банкана донеслось эхо сочного поцелуя. — Клотагорб всего-навсего хочет посоветоваться. Правда, Мальвит?

Джон-Том оглянулся на филина.

— Да-а, господин Джон-Том, насколько мне дозволено знать. С вами и еще с одним.

Джон-Том нахмурился.

— В этом еще кто-то участвует?

— Об этом не зде-есь! Не зде-есь! — Подпрыгивая, филин взволнованно забил крыльями по бокам. — Мы-ы и так слишком задержа-ались.

— Ладно, позволь хоть плащ взять. — Джон-Том помедлил у открытого шкафа. — Как думаешь, дуара мне не понадобится?

— О-о волшебстве ре-ечи не велось, — ответил филин. — То-олько о разговоре.

— Вот и хорошо.

Джон-Том закутался в радужный плащ из ящеричной кожи, еще раз поцеловал Талею и вместе с нетерпеливым филином скрылся в вечернем сумраке.

Когда мать вернулась в кухню, Банкан проявил демонстративный интерес к куску пирога.

— Ну, и зачем он приходил?

Стоя у мойки, Талея смотрела в овальное окно на темную реку. Она была непоколебима.

— Вот что я тебе скажу, сын. Если твой отец влипнет в какую-нибудь опасную...

— Мам, а разве ты сама никогда не попадала в опасные переделки?

Талея повернулась к Банкану.

— То — совсем другое дело. В молодости, чтобы выжить, мне приходилось рисковать.

Она атаковала последние грязные тарелки, как всегда пренебрегая волшебными чистящими средствами, которые хранились в чулане под полотенцами.

— А что там за проблема?

Безразличие в голосе юноши заслуживало наивысшей оценки.

— О дьявол, да почем я знаю? Думаешь, мне рассказывают? Кого ни возьми, все считают, что у вселенной нет от меня тайн. Как бы не так! Я никогда не доверяла этому черепаху.

— Мам, волшебникам вообще нельзя верить. Они не виноваты — просто у них натура такая.

— Всякий раз, когда эта дряхлая рептилия зовет твоего отца, я жду беды.

Банкан отодвинул тарелку с пирогом, встал, подошел к невысокой женщине и положил ладони ей на плечи.

— Перестань, мам. Если отец обещал ни во что не впутываться, значит, так и будет. Я только не пойму, зачем Клотагорб позвал его к себе на ночь глядя.

— Кто его знает, — проворчала Талея. — Может, какая-нибудь роженица захотела изменить пол младенца за двое суток до родов, или у толстого мистера Твогга на том конце Линчбени опять проблемы с пищеварением. Ох уж эта мне срочность!

Она накинулась на сотейник с яростью, которой позавидовало бы любое чистящее заклинание.

— Ладно, мам, что-то я подустал. Пойду лягу.

Талея искоса глянула на сына.

— Не рановато ли?

Он пожал плечами.

— Весь вечер читал, да и уроки нынче были трудные.

Она коснулась мокрыми пальцами его щеки.

— Банкан, у тебя хорошая голова. Получше, чем у меня. И талант у тебя есть, но не каждый может стать чаропевцем, как твой отец.

— Да, мам, я знаю.

На улице стемнело. Банкан бесшумно выскользнул в окно, с кошачьей ловкостью спустился вниз и двинулся на северо-запад через темную лужайку. Луна светила еле-еле, и он, пробираясь узкой лесной тропкой, не видел ни зги. Колокольные деревья хранили молчание, закрыв на ночь свои звонкие листья. Банкан запыхался, но все-таки сумел добраться до окружавшей дом Клотагорба поляны одновременно с Мальвитом и отцом.

Он дождался, когда они войдут в Древо. В загоне виднелись силуэты двух стреноженных серых ящериц и большого фургона — чей он, Банкан не разобрался.

Юноша знал, что вокруг Клотагорбова дома установлена сигнализация. Но чары наверняка отключены и вновь начнут действовать не раньше, чем уйдет его отец. Если постараться, можно проникнуть в Древо незамеченным.

Банкан двигался бесшумно. Дверь легко отошла вбок. Запирать ее не имело смысла — Древо представляло собой сложный лабиринт. Не зная расположения комнат, незваный гость сразу оказывался в глухом тупике, очень похожем на выжженную сердцевину обычного старого дуба. Банкан, много раз бывавший у черепаха и запомнивший сложные повороты коридоров, успешно одолел их и вскоре оказался у кабинета. Совсем недавно сидел он в этом самом святилище, обсуждая с Клотагорбом личные проблемы.

Он подкрался, насколько хватило смелости, к двери и явственно услышал голоса Джон-Тома и Клотагорба. Был и третий голос — время от времени он выступал с комментариями. И принадлежал он не Мальвиту, значит, Банкану следовало остерегаться филина, обладавшего тонким слухом.

Банкан осторожно заглянул внутрь. Почтенный черепах восседал в своем излюбленном кресле, а Джон-Том вольготно расположился на диванчике у окна. На другом конце диванчика сидел косматый незнакомец из племени ленивцев — в Колоколесье такие не водились. Ленивцы предпочитали южные, более теплые края.

Незнакомец носил жилет из материи, очень похожей на жесть. После беглого осмотра Банкан понял: жилет — не доспехи, а всего лишь предмет одежды, для доспехов он слишком тонок. Длинные серые штаны из хлопка выглядели странно, зато сандалии с открытыми носами вполне сочетались с обликом ленивца. Когти на лапах гостя, хоть и были основательно укорочены, тем не менее смотрелись внушительно, как и множество изящных золотых украшений.

Судя по поведению ленивца, он был вполне бодр и внимателен, но все равно казался сонным. Впрочем, все его племя отличала эта черта. Он тщательно подбирал слова, и природную медлительность никак нельзя было отнести на счет тугодумия.

Джон-Том то и дело подносил к губам кубок, а Клотагорб опирался на крепкую трость, полюбившуюся ему в последнее время, и разглядывал гостя сквозь толстые очки.

— Путешественник Граджелут, я выполнил твою просьбу, — сказал волшебник. — Очнулся от глубокого сна и пригласил своего младшего партнера, поскольку ты настаиваешь, что не вправе поведать свою историю менее чем двум искушенным в магии слушателям.

«До чего же Клотагорб любит словечко «младший», — раздраженно подумал Банкан.

Волшебник едва заметно и тем не менее грозно подался вперед.

— К этому могу лишь присовокупить, что не позавидую тебе, если твой рассказ не будет стоить наших неудобств. Прожив несколько сотен лет, волей-неволей приучаешься ценить время.

Ленивец заметно разволновался, но не проявлял желания идти на попятный.

— Милостивый государь, поверьте, я вовсе не хочу попусту отнимать у вас драгоценное время. — Он глянул на Джон-Тома. — Как я уже сообщил вашему коллеге, я странствующий коммерсант и по роду своей профессии главным образом имею дело с домашней утварью и бытовой химией.

— Да, я видел во дворе ваш фургон, — подтвердил Джон-Том.

Граджелут кивнул.

— Такова моя специализация, хотя вообще-то я покупаю и продаю все.

— Довольно биографии, — проворчал черепах. — Ближе к делу.

— Разумеется. — Ленивец погрузился в воспоминания. — Это случилось довольно далеко отсюда, в северном краю. Когда я ехал проселочной дорогой близ Л'бора, мой взор привлекла несколько необычная картина. Я имею в виду несчастного калеку. Он лежал всеми покинутый на обочине. — Купец фыркнул. — Вы, безусловно, понимаете, что мне вовсе не хотелось останавливаться. Это обычная и всем известная разбойничья уловка. Кому-нибудь из шайки достается роль живца, он притворяется увечным и взывает к добросердечию путников, а его товарищи дожидаются своего часа в засаде.

Однако я рассудил, что мой экипаж не предназначен для быстрой езды и вряд ли спасет от банды грабителей, если они решат

настичь меня во что бы то ни стало. К тому же раны этого существа показались мне настоящими. Короче говоря, я решил выяснить, чем смогу помочь несчастному.

— Какой благородный поступок!

Очевидно, Джон-Том подозревал, что у торговца на уме было то же, что и у разбойников с большой дороги.

— Звали его Джух Фит, он принадлежал к лисьему народу, а его плачевное состояние было следствием отнюдь не боевых ранений, а старости, голода и бродячей жизни. Когда я приблизился, он был еще жив и, едва дыша, все-таки сумел вытащить меч, висевший у него на боку. Поверьте, сударь мои, я вовсе не фехтовальщик, а потому счел за благо отступить. Увидев это, он поманил меня и открыл тайну, которую я намерен передать вам.

Шатаясь от изнеможения, Джух Фит прошел дальний путь с высоких гор, что лежат к северо-западу от Л'бора. Но описать весь свой маршрут он не мог, поскольку не был ни географом, ни навигатором. Очень скоро я выяснил, что не был он и торговцем. Лишь многолетняя привычка запоминать поля сражений позволила ему в малейших подробностях обрисовать место, где он обнаружил нечто интересное.

На закате жизни этот неустрашимый профессиональный солдат столкнулся с тем, что напугало его до полусмерти. В стремлении как можно быстрее уйти от опасности он потерял и скарб свой, и верховое животное и только чудом добрался почти до окраины Л'бора, не повстречав на пути ни одного лиходея.

Да, милостивые государи, еще бы день — и Джух Фит вышел бы на окраину этого северного города, который и был его целью. Но силы в конце концов покинули его, тело перестало подчиняться разуму, он лежал совершенно беспомощный и в час, когда я встретил его, был гораздо ближе к смерти, чем к Л'бору. Я оказал ему посильную помощь, напоил, а принимать пищу он был уже не в силах.

— И что же он увидел в горах на северо-западе? — В глазах Джон-Тома появился пресловутый блеск. — Сокровища? Таинственный заброшенный город?

— Ничего подобного, — возразил купец. — Не смею утверждать, что понял все, о чем поведал Джух Фит. Скажу лишь, что он повстречал там нечто невиданное и при этом столь ужасное, что у старого рубаки не выдержали нервы и он, все бросив, обратился в слепое бегство. По пути к вам я разговаривал об этом со встречными, но их недоумение, пожалуй, превосходило даже мое.

Только один собеседник, мало-мальски сведущий в волшебстве, посоветовал разыскать вас. Что я и сделал, ибо рассказ покойного солдата удачи стал для меня чем-то вроде наваждения. Очень хочется узнать разгадку. К тому же эта история в некотором смысле единственное наследство Джуха Фита, если не считать видавший виды меч.

— Который вы привезли с собой? — осведомился Джон-Том.

Ленивец отвел взгляд.

— Гм... Нет. Я его продал. Как-никак, я торговец, и мне надо на что-то жить.

— Так что же он там увидел? — нетерпеливо спросил Клотагорб.

Граджелут с благодарной улыбкой повернулся к магу.

— Он назвал это Великим Правдивцем.

Банкан давно знал Клотагорба и навидался всякого — от сотворения из ничего целых домов до трансмутации золота в свинец (правда, последнее было не бог весть каким чудом, но черепах ничем не брезговал ради практики). И ни разу на памяти юноши волшебник не реагировал так бурно.

Он столь резко подался назад, что лопнули хлипкие чары, которые удерживали на клюве толстые очки. Кряхтя, черепах подобрал их с пола и водрузил на место.

А Джон-Том лишь недоуменно глядел на ленивца.

Придя в себя, волшебник заговорил медленно и очень веско:

— Нет никакого Великого Правдивца. Существует только слух, широко разошедшийся по нашему цеху. Очень старый слух, и тем не менее это всего-навсего слух. Великого Правдивца нет. Кое-кто хочет, чтобы он существовал, но желание и действительность редко ходят рука об руку.

— Лично я никогда о нем не слышал, — добавил Джон-Том.

Сощурясь, Клотагорб посмотрел на него.

— Ничего удивительного. В практике чаропевца вряд ли можно столкнуться с чем-нибудь подобным. Но это и не тема для светской беседы.

Граджелут не спешил с откликом, видимо, его шокировала горячность великого мага.

— Сударь, я не знаю, существует он или нет. Я всего лишь повторил рассказ умирающего бродяги. Может быть, Великий Правдивец и нереален, но встреча с ним стоила жизни бедному лису.

— Не так уж редко измученным путникам являются миражи, — заметил Джон-Том. — Иные очень серьезно влияют на психику.

Ленивец повернул к чаропевцу от природы унылую физиономию и устремил на него взгляд вечно печальных глаз.

— Любезный сударь, готов допустить, что в чародействе я полный профан, зато по праву горжусь умением разбираться в людях. Только этому дару и обязан я преуспеванием в торговле. Не раз и не два мне случалось наблюдать, как ведут себя на краю гибели разумные существа. По моему глубокому убеждению,

тому, кто готов покинуть эту плоскость бытия, не резон лгать незнакомцам.

В ответ на доводы купца Джон-Том раздраженно махнул рукой.

— Ладно, ладно. Итак, по утверждению этого вашего Джуха Фита, он столкнулся с так называемым Великим Правдивцем. Из чего вовсе не следует, что это произошло на самом деле.

— Конечно, я не могу с этим спорить. — Голос купца был мягок, как его мех.

— Бывает, даже благонамеренные существа столь часто повторяют выдумки, что в конце концов сами принимают их за правду, — добавил Джон-Том. — К примеру, маклеры по торговле недвижимостью...

— На это я могу сказать лишь одно: волею обстоятельств я услышал исповедь умирающего солдата по имени Джух Фит, и я верю ему.

— Не может существовать на свете ничего столь опасного, столь коварного, как Великий Правдивец, — пробормотал Клотагорб. — Я содрогаюсь под панцирем при одной лишь мысли о бедах, которые он способен принести, о разрухе, которую он может учинить.

Черепах откинулся на спинку кресла, плетенка жалобно заскрипела под его тяжестью.

— Ну, а все-таки, что же это за слух? — поинтересовался чаропевец.

А в коридоре с замиранием сердца, едва дыша, внимал Банкан.

— Как и все истинно грандиозные опасности, Великий Правдивец одновременно и прост, и сложен, — пустился в объяснения Клотагорб. — Чтобы охарактеризовать это адекватно, назову его неким чудовищным явлением, лишь для того и созданным, чтобы заманивать в ловушку любого, кто с ним столкнется. Соблазны его неодолимы по определению и безусловно гибельны. — Черепах глубоко вздохнул. — Друг мой, Великий Правдивец — это то, о чем все благоразумные создания предпочитают не упоминать. Забудь о нем. Как будто никогда и не слышал это имя. Ибо, насколько известно, даже в руках самых умных, осторожных и благородных индивидуумов он способен обернуться орудием уничтожения целых народов, да что там — целых цивилизаций! Вот почему его нет. Даже мысль о том, что он существует, невыносимо ужасна.

Пока звучало это предостережение, лампы Древа потускнели. В коридоре они и вовсе погасли, а в кабинете едва тлели. Но Мальвиту слабое освещение не было помехой — филин влетел через портал напротив Банкана.

— Разве я тебя звал? — холодно осведомился Клотагорб.

Филин взгромоздился на спинку свободного кресла, точно на насест.

— Мастер, вы-ы говорили взволнованно. Я-а подумал, моожет, нужна моя помощь.

— Похвальная забота, однако на сей раз она неуместна, — отчитал его черепах. — Но раз уж прилетел, черт с тобой, оставайся. — Он улыбнулся, насколько позволял жесткий клюв. — Это старая шутка, ее должны помнить твои предшественники. — Прищурясь, он взглянул на светящиеся шары. — Однако сейчас это, пожалуй, излишне.

Краткое, но мудреное заклинание восстановило прежнее освещение. Банкан понял, что, задерживаясь в доме мага, он испытывает судьбу. Если не Клотагорб или отец, то Мальвит, обладатель великолепного ночного зрения, обязательно его обнаружит. За сим последует допрос с пристрастием, и что скажет Банкан в свое оправдание? Но распаленное любопытство удержало юношу на месте.

Великий Правдивец — так назвал свою тайну торговец Граджелут. Не столь уж важно, реальное это явление или иллюзорное, главное, что одно упоминание о нем здорово взбудоражило Клотагорба. Так взбудоражило, что великий волшебник упрямо не желает признать даже возможность его существования. Что же могло так перепугать всемогущего Клотагорба?

— В рассказе солдата Джуха Фита Великий Правдивец выглядел еще могущественнее. — Граджелут поковырял пальцем в мохнатом ухе.

— Купец — всегда купец, — проворчал черепах.

— По его словам, вступив во владение Правдивцем, можно разбогатеть сверх вообразимого. У того, кто сможет правильно с ним обращаться, исполнится любое желание.

— Зло всегда привлекательно, — молвил Клотагорб. — Нет никакого Великого Правдивца, а если и есть, лучше оставить его в покое. — Он спокойно посмотрел на ночного гостя. — Убедительное подтверждение тому — судьба твоего Джуха Фита. Разноси и дальше этот слух, и обязательно найдешь такой же конец. — Волшебник резко повернулся к Джон-Тому и ткнул в его сторону пальцем. — Вот что, партнер! Я знаю, что за мысли бродят у тебя в голове. Немедленно их выброси. Иначе жена отрубит тебе ноги до колен. Она слов на ветер не бросает.

— Какие еще мысли? — проворчал Джон-Том.

— Мало у нас дел, что ли? И вдобавок ты мне нужен здесь. Да и не был бы нужен, все равно нечего шататься по свету и разносить опасные домыслы.

— Я домыслов не боюсь.

Банкан испытал гордость за отца.

— Но насчет Талеи ты прав.

Банкан слегка приуныл.

— Давайте оставим кошмары спящим, — посоветовал Клотагорб собеседникам, — а реальные ужасы — безрассудным глупцам. — Он обратился к ленивцу: — Купец, ради встречи с нами ты проделал большой путь. С какой целью, ответь.

— Я счел, что предсмертная исповедь Джуха Фита интересна, но у меня нет опыта в делах магического свойства. И я решил обратиться за помощью к специалисту высочайшей квалификации.

По мнению Банкана, иммунитет ленивца к Клотагорбову скепсису заслуживал восхищения.

— Стало быть, только здоровая любознательность побуждает тебя исследовать эту тему и далее?

Волшебник пытливо взглянул на гостя.

— Я коммерсант, торгую всякой всячиной. — Граджелут развел когтистые лапы. — Вряд ли стоит отрицать, что меня интересуют не одни лишь познания. Скажите, если с этим Правдивцем обращаться должным образом, он способен послужить добру?

— Нет! Никогда. — Клотагорб был непреклонен. — Только вражде и розни, разрушению и смерти. На этот счет старые легенды не допускают двойного толкования. Даже себе я не позволил бы владеть этой вещью.

— Но вы должны, по крайней мере, допустить, что не все придерживаются такого мнения.

«А купчик не боится стоять на своем», — с одобрением подумал Банкан.

— Каждый вправе иметь свое мнение о слухах, — проворчал черепах. Из брюшного панциря он выдвинул ящичек, порылся в нем, достал зеленый и совершенно неаппетитный на вид кубик, сунул в клюв, со стуком задвинул ящичек и принялся задумчиво жевать. — Не рассчитывай на мою помощь. Не в том я возрасте, чтобы гоняться за миражами.

— Вы не в том возрасте уже этак лет полтораста, — заметил Джон-Том.

Черепах кивнул и сказал с тяжелым вздохом:

— Уж поверь знатоку: ничто не приходит быстрее старости. — Он посмотрел на ленивца. — А тебе, путешественник, мой добрый совет: вернись к своим привычным делам и забудь всю эту чепуху. Великий Правдивец — не более чем вымысел, а если он и существует, вряд ли стоит искать его себе на погибель. Я не возьму с тебя плату за эту маленькую консультацию, — проявил он необыкновенную щедрость. — Разочарование само по себе дорогого стоит.

Граджелуту, испробовавшему все возможные подходы, больше нечего было сказать. Клотагорб поерзал в кресле.

— Путник, прежде чем идти сюда, ты позаботился о ночлеге?

Ленивец пожал широкими плечами, при этом он выглядел печальнее прежнего.

— Мне не раз доводилось ночевать в повозке. Не привыкать.

— Могу предложить сносную комнату. Многомерную. Из лучших моих чар.

Ленивец поднял взор и благодарно кивнул.

— Ваше гостеприимство не уступает моему разочарованию. Я принимаю любезное приглашение. — Он потянулся к кошельку, висящему на широком поясе. — Я заплачу...

— Оставь. — Клотагорб великодушно отмахнулся. — Даже абсурдные байки иногда приносят пользу. Мое гостеприимство — за твои сомнительные сведения. Тебе очень повезло: запросто мог превратиться в таракана за то, что нарушил мой сон.

Ленивец вздрогнул, сонные глаза широко раскрылись. Джон-Том поспешил успокоить его:

— У Клотагорба не совсем обычное чувство юмора.

Предпочтя оставить эту реплику без комментария, волшебник слез с кресла и затопал коротенькими толстыми ножками к арке, через которую влетел Мальвит.

— Идем, путник, посмотрим, где тебе удобней будет ночевать. С такой фигурой, как твоя, я бы предпочел очень мягкую постель. А может быть, тебя устроит глубокий гамак?

Джон-Том встал и сдернул с дивана плащ.

— Уже поздно. Я, пожалуй, домой пойду.

Банкан сообразил, что вовсе ни к чему подслушивать прощальные слова. Он ощупью двинулся вдоль стены к парадной двери; от его прикосновения она бесшумно отворилась. И вот он на лужайке, а еще через несколько мгновений — в полной безопасности, под дружелюбной сенью колокольных деревьев. Оставалось лишь надеяться, что мать не заглянула в его комнату. Хотя на всякий случай он приготовил тщательно продуманное и, надо надеяться, правдоподобное объяснение. Впрочем, Талея уж никак не заподозрит, что Банкан шпионил за своим отцом и Клотагорбом.

От всего услышанного в Древе голова шла кругом. Новость была слишком велика для рассудка, она грозила вторжением в надежды и сны, сулила оттеснить реальность, не говоря уже о здравомыслии. Необходимо было ею с кем-нибудь поделиться, и как можно скорее.

Глава 6

— Так, значица, этот Дражеглот...

— Граджелут, — поправил Банкан.

— Так, значица, он — купеза, и в придачу не нашенский, и в придачу ленивец. — Сквилл рыхлил пяткой влажный песок пляжа. — Ну, и че в нем еще приметного, кроме лени?

Они лежали на широкой излучине Обрубка. Жилеты и штаны грудой валялись рядом. Ниина резвилась в воде, ее коричневая лоснящаяся спина то и дело вспарывала речную гладь. Банкан, как и все прочие невыдры, мог лишь смотреть и завидовать.

— Он бывалый и мир повидал, — сказал юноша.

— Богат?

— Трудно сказать. Ленивцы редко преуспевают.

— Да ты их в Колоколесье не больно-то много и видел.

— У этого есть фургон и пара ящериц.

— Надо ж было пилить в такую даль, чтоб толкнуть речугу перед нашим твердокорым старикашкой. — Задней лапой Сквилл прогнал пресноводного крабика и, наблюдая, как тот семенит по дну, сказал: — Об этом Великом Правдивце много всякого болтают. Похоже, занятная штучка.

— А Клотагорб думает, что его не существует.

Найдя подходящий для метания камешек, выдр прицелился и запустил им в сестру, когда она в очередной раз появилась на поверхности. Ниина без труда увернулась.

— Шеф, но ведь ежели тебе верить, старый клювощелк долго купчишку слушал. Тебе это ни о чем не говорит?

— Только то, что Клотагорб хорошо относится к чужеземным гостям.

— Ну, ты и сказанул! Да наш панцирный педрилка только и знает, что шкуры с них драть.

Банкан отправил плоский камешек печь «блинчики». Он был сильнее Сквилла, но не столь ловок.

— Значит, нам остается подумать над альтернативой, то есть предположить, что в словах коммивояжера есть доля истины.

— Никогда не бывал на северо-западе, — задумчиво пробормотал Сквилл. — Эхма, а где я ваще бывал?

Из воды вышла Ниина и встряхнулась, осыпав безмятежную гладь ослепительными жидкими искорками.

— Так, значица, Клотагорба не тянет выяснить, правда это или лабуда?

— Похоже, не тянет, — ответил Банкан. — Но он пригласил Граджелута переночевать. Впрочем, купец наверняка уже уехал.

— Ну, а Джон-Том че?

Она стряхнула с уха обрывок водоросли.

Банкан смотрел на реку.

— Да папаша у меня вообще-то... тяжеловат на подъем. Ты ж понимаешь, как мама смотрит на все эти путешествия и приключения. Виджи небось тоже вашего батю по головке не погладит, если он к ней с чем-нибудь таким подойдет.

— Старье, че с них взять.

Сквилл пренебрежительно оттопырил нижнюю губу.

— Ты только Маджу этого не говори, — предостерегла Ниина, тщательно вытирая усы.

— Сквилл отчасти прав. — Банкан отправил в воду вторую гальку. — Наши предки притомились и обленились, забыли вкус настоящих испытаний. Слишком прочно вросли в быт.

— Ну, я-то ни в какой быт не врастал. — Сквилл поднялся и поправил перья на кепи. — Че до меня, так я бы присоветовал догнать этого клепаного Грыжелупа, или как его там, и поговорить по душам. Ежели врет, мы его как-нибудь расколем.

— Точняк, — поддержала его сестра. — Может, он просто бабки старается вытянуть у тех, кто их в ящике на пузе держит. Или хотя бы на бесплатную помощь раскрутить.

— Клотагорб задаром услуг не оказывает, — прошептал Банкан.

— Эт точно, он не дурак. — Сквилл кивнул. — Просто лежебока.

— А мне вот интересно, далеко ли отсюда до этого Великого Правдивца? — сказал юноша.

— Да какая разница? Времени у нас вволю. — Сквилл пододвинулся к Банкану. — Так ты говоришь, купчина рядом с Л'бором ошивался, когда повстречал умирающего наемника? Он не сказал, куда ехать собирается? Можа, как раз в ту сторону?

Банкан напряг память.

— Кажется, он говорил что-то о тех краях.

— Он знает, где Л'бор, — Ниина натягивала шорты. — И мы можем это узнать. Лупоглазый ведь к Клотагорбу за помощью приезжал, верно?

— Верно.

Банкан тоже встал и стряхнул песок со штанин.

— Ну, и?

Выдры переглянулись.

— Какого хрена мы тут кукуем? — спросила Ниина.

— Думаешь, он согласится взять нас с собой?

— Верняк. — Она захлопала ресницами, глядя на своего высокого приятеля. — Он ведь всего-навсего купчишка. И в волшебстве ни бельмеса не сечет. Ежели ему нужна помощь чаропевцев, он ее получит.

— Айда за ним! — Сквилл уже шагал к лесу. — Чем дольше мы телимся, тем больше придется вдогонку пилить. Попробуем для начала на юго-западную дорогу выйти.

— Что, так сразу? — Банкан едва нагнал возбужденного выдра. — Даже родителям не скажем?

— А на фига? Чтоб благословили в дорогу? — Ниина подбежала и шлепнула его по заду. — Одежка и оружие при нас, и дуара твоя. Значица, мы ко всему готовы, скажешь, нет? Щас споем, сварганим себе защитный кокон, и Джон-Том нас обратно уже не затянет. А больше беспокоиться не о чем. Предкам наши отлучки не в диковинку, мы ж по нескольку дней в лесу живем. Они не сразу хватятся.

— И чем дальше мы уберемся, пока не хватились, — привел довод Сквилл, — тем труднее будет нас остановить.

— Ежели этот Грошелюб... — начала Ниина.

— Граджелут, — терпеливо поправил Банкан.

— Ежели он окажется самым обыкновенным деревенским пройдохой, мы сразу поворотим домой. Клотагорб нам еще спасибо скажет, когда подтвердится его догадка.

— А мне всегда хотелось Л'бор повидать, — тихо добавил Сквилл.

— Как же мы без денег справимся? — поинтересовался Банкан.

— Э, кореш, с деньгами любой дурак справится. Мозгой шевелить надо. Маджа всю жизнь только башка и выручала, он это по сто раз на дню талдычит.

— Ну, твоему папаше соврать — что плюнуть.

— Знаю. У него это чуть ли не самое главное достоинство. Айда.

— Так ты говоришь, у ленивца колеса есть? На колесах-то быстрее, чем пешкодралом. — Ниину переполняли уверенность в себе и энергия. — Ниче. Как-нибудь догоним.

Опрос прохожих показал, что торговец действительно направлялся на север. Это означало, что он опередил погоню по меньшей мере на день.

— Не, пехом фургон не догнать, — заключил Сквилл. — Вот ведь скотство! Я-то думал, ленивец в городе маленько поторчит.

Его сестра кивнула.

— Надо бы и нам раздобыть че-нибудь движущееся.

— Как? — осведомился Банкан. — Денег у нас кот наплакал.

В глазах Ниины мелькнули искорки.

— Все-таки я дочка неподражаемого Маджа, и, как это ни печально, Сквилл — мой братан. Всю жизнь слушаем батины россказни. Трудненько этим заниматься, не мотая на ус кой-че полезное.

Банкан нервно оглядел людную улицу.

— Очень уж близко от дома. Обязательно вызовем подозрения.

— В жилу, шеф. Но мы не будем ничего тырить. — Сквилл указал на удобный пустой бочонок в ближайшем переулке. — Давай садись да жди нас тута. Мы с сеструхой живенько обернемся.

— Только, пожалуйста, осторожней! — крикнул им вдогонку Банкан.

Выдры, видимо, не услышали, а если и услышали, не придали значения его словам.

Приведенные выдрами две четвероногие ящерицы оказались выносливыми и послушными. Вскоре Линчбени остался позади,

и чаропевческое трио вновь очутилось в густом Колоколесье. Шустрой иноходью рептилии несли их на север.

Напрасно Банкан старался поминутно не оглядываться. Но погони на ровной грунтовой дороге было не видать. Сквилл и Ниина ехали в одном седле спиной друг к другу.

— Ежели хозяин стойла нас поймает, он шкуры сдерет, не дожидаясь объяснений.

— Да хорош тебе брюзжать, чувак! Прям как старая бабка. — Ниина пригладила мех на мордочке. — Как догоним Граджелута и подрядимся ему в попутчики, враз отпустим одров. Распрекрасно доберутся. А хозяин подумает, че они с привязи сорвались.

Банкан, держась за узкий повод, оглядел крупного, с добрую лошадь, желтого в синюю полоску скакуна.

— А я и не знал, что у ящериц есть инстинкт гнезда.

Ниина рассеянно отмахнулась.

— Ниче, дочапают. — Ее иноходец бежал вперевалку, и приходилось держаться за одну из многочисленных лук. Седло было рассчитано на все многообразие наездников, а не только на выдр или людей.

— И ваще, — сказал Сквилл, — нас еще поймать надо. А ежели и поймают, мы соврем, че нашли ящериц на дороге, и хрен кто че докажет. Расслабься, кореш. Никто нас не видел.

Банкан сделал все возможное, чтобы последовать совету друга.

Почти всю ночь они провели в седлах и лишь незадолго до рассвета улеглись спать под огромными ветвями старого колокольного дерева, чьи листья позвякивали в самой низкой тональности. Подобно своим дневным сестрам, прозрачным бабочкам, травяные мотыльки порхали среди ночных цветов. Свет прибывающей луны и звездное сияние превращали их крылышки в цветные блестки. Над биваком пронеслись две совы, держа курс на Л'бор. «Не нас ищут, — с надеждой подумал Банкан. — Возможно, это гонцы, а скорее всего, просто молодожены присматривают красивое дерево под жилье».

Выдры проснулись с первыми лучами солнца. Запас энергии у них был поистине неисчерпаем, хотя при желании они запросто могли проспать больше суток.

В разгар утра путешественники по-прежнему не замечали преследователей. Сквилл указал на свежие борозды в дорожной пыли.

— Видите? — Он изо всех сил натянул повод, тормозя здоровенную ящерицу. — Фургон нашего купезы.

— Почем ты знаешь? — спросил Банкан. — Это главная дорога между Л'бором и Линчбени, телег тут хватает.

— Я пока ни одной не вижу, — возразила Ниина. — Не сезон.

— Ниче, скоро выясним. — Сквилл пришпорил ящерицу, и Банкан поспешил вдогонку.

«Не хватились ли нас родители?» — озабоченно подумал юноша.

После завтрака они приложили максимум усилий, чтобы обзавестись чарами индивидуальной защиты. По идее, Джон-Том уже не мог выследить их с помощью магии. По идее. Банкан пожал плечами. Они сделали все, что могли. Как гласила легенда, Джон-Том и Мадж остановили Броненосный народ у Врат Джо-Трума. Трудно поверить, что сейчас один из этих славных героев почти безвылазно обретается в семейном дереве, латает прохудившийся водопровод и жарит рыбу на лужайке. По плечу ли этому сибариту расколоть незамысловатую, но прочную скорлупу чар уединения?

Он дернул повод, и ящерица тихонько зашипела, поворачивая узкую голову с шорами на глазах.

— Давай пошевеливайся, — приказал он неразумной скотине. — Надо догнать купца, пока ночь не пришла.

Волей-неволей ящерица прибавила шаг. И вот уже вечер грозит явиться во всей своей красе...

Внезапно Сквилл резко натянул повод. Банкан поравнялся с выдрами.

— В чем дело? Что-то не так?

— А ты че, не слышал?

— Я слышала.

Ниина извернулась в седле, чтобы поглядеть вперед.

— Ну, а я — нет, — проворчал Банкан.

— А че так? У тебя ухи шире, чем у нас.

— Но не такой острый слух. Ни над водой, ни — под.

— Ты, кореш, завсегда — под, — рассеянно заметил Сквилл.

По примеру друзей Банкан спешился и привязал ящерицу к ближайшему дереву. Они двинулись привычными короткими перебежками, пользуясь кустами как укрытием. Только на этот раз Сквилл и Ниина не играли, Банкан это сразу понял. Впрочем, пускай его слух и не отличался тонкостью, хрусткие гнилые сучки и сухие листья Банкан обходил не менее ловко, чем выдры. Довольно скоро он тоже услышал звуки, которые насторожили Сквилла: оживленную перебранку. Два голоса были достаточно басисты, чтобы принадлежать крупным существам, прочие — слишком высоки.

Лес поредел, чаропевцы снова увидели дорогу. У обочины приткнулся фургон ленивца — Банкан его сразу узнал, хоть и видел прежде всего раз возле Древа.

Сейчас он разглядел крупную надпись на борту фургона. Она была заряжена чарами, и канареечно-желтые буквы то и дело вспыхивали:

«ГРАДЖЕЛУТ. ВЫЕЗДНАЯ ТОРГОВЛЯ».

Кузов опирался на четыре броско раскрашенных деревянных колеса с толстыми спицами. Сзади в туго натянутом тенте виднелась дверца. Хлипкая лесенка рядом с ней обеспечивала доступ к крыше. Под дверцей были прикреплены две ступеньки. Вдоль бортов шли пеньковые веревки и проволочные тросы, на них, точно уродливые фрукты, висели кастрюли, сковородки и прочий кухонный скарб. Мускулистые, приземистые ящерицы в парной запряжке праздно стояли, потирая шоры передними лапами и розовыми тонкими языками пробуя землю на вкус.

Перед кибитки был не виден, но над крышей возвышался силуэт возницы, сидящего на козлах. Голова ленивца не была покрыта, на густом сером мехе виднелись свежие следы расчески, только под мышками шерсть свалялась из-за энергичной жестикуляции во время спора с теми, кто окружал фургон.

Перед упряжкой стоял, держась за дышло, некто могучего телосложения в маске. Маска была естественной, поскольку некто принадлежал к племени очковых медведей. Он носил длинные штаны, выцветшую светло-коричневую рубаху и тяжелую кожаную шапку. Рост позволял ему выделяться в толпе вооруженных мечами и топорами виверр и енотов, из которых по большей части состояла шайка.

Рядом с повозкой высокий, гибкий и щеголеватый коати возбужденно размахивал тонкой рапирой, и Граджелут вздрагивал всякий раз, когда к нему приближался клинок. На одежде разбойника поблескивали медные шипы. Изрядное расстояние не помешало Банкану уловить сверкание длинного алмазного клыка в пасти.

— Ух ты! — прошептала Ниина. — До чего же клевая возможность! Щас мы спасем педика, и он будет нам обязан по гроб жизни.

Она выхватила короткий меч и шагнула вперед.

Банкан поспешил удержать ее.

— Э, погоди-ка. — Он приподнял голову над кустами, служившими им укрытием. — Их там... полдюжины енотов и кольцехвостых, да еще коати с медведем. А нас всего трое, да и косолапый поздоровее меня.

— Эт точно, чувак, — радостно согласился Сквилл. — Значица, драка будет честной.

— Вы что, спятили? Нахватались у отца бравады заодно с безрассудством? Да они нас в два счета затопчут. Не забывайте, зачем мы сюда приехали.

Один виверр с интересом посмотрел в их сторону, и Банкан поспешил спрятаться.

— Банкиз, ты прав. — Ниина вложила меч в ножны. — Мы пришли доказать купчишке, че без нашего чаропения ему не обойтись. — Она азартно потерла ладоши. — Ну, так за работу!

Сквилл не разделял энтузиазма сестры. Он тронул пальцем тетиву лука.

— Прежде чем нас затопчут, мы запросто могем двоих-троих продырявить. А ежели запоем, лишимся и позиции, и преимущества внезапности.

Банкан уже отстегивал дуару.

— Пение собьет их с толку. А может, они и вовсе не обратят внимания. К тому же за оружие схватиться никогда не поздно. Надо что-нибудь срочно предпринять, а то они прикончат купца, и придется нам несолоно хлебавши поворачивать оглобли.

Выдр поразмыслил и кивнул.

— Лады, рискнем, хоть и не по нутру мне это... Ежели че, хватаемся за оружие.

Пальцы Банкана легонько пробежались по струнам, и над грифом появился еле заметный шарик голубоватого тумана. Дуарист выжидающе посмотрел на певцов.

— Ну, и че нам выть?

Сквилл неуверенно взглянул на сестру.

— Банкан?

— С этим — не ко мне. Кажется, вы у нас поэты.

Он снова выглянул из кустов.

По всей видимости, диспут возле фургона переживал стадию конвульсий. Если не поторопиться, удар рапиры очень скоро оставит чаропевцев не у дел.

— Ребята, вам бы лучше поспешить. У меня такое чувство, что бандитам надоела болтовня Граджелута.

— Видать, у него чей-то стоящее в телеге, иначе бы уже отдал бандюгам.

Ниина наклонилась к брату — пошептаться.

Банкан нетерпеливо ждал. Ростом и силой он превосходил любого разбойника в этой шайке, кроме, пожалуй, медведя. А ловкостью никто не может сравниться с выдрой. Но бандитов восемь, и у них больше опыта в таких делах, как бой не на жизнь, а на смерть. Особенно бывалым рубакой выглядел покрытый шрамами денди с рапирой.

Впрочем, чаропение запросто может свести на нет любые преимущества. И Банкан не без оснований надеялся, что у выдр мозги работают ничуть не медленнее лап.

— Как мне начинать? — прошептал он.

— Бренчи че-нибудь медленное и тяжелое, — посоветовал Сквилл. — Помнишь, как мы кита вызывали? Че-нибудь в этом духе.

— Ладно, только на этот раз давайте в басовом ключе. — Пальцы Банкана в нетерпении зависли над струнами. — И, по возможности, без кровопролития.

— Эт еще почему? — Ниина уставилась на него своими ясными глазами.

— Потому что ни к чему. Да и купца пугать не стоит.

Сквилл посмотрел в сторону фургона.

— Испугаешь его, как же! Он и так уже ни жив ни мертв. Ряженый все сильнее рапирой тыкает. — Выдр повернулся к сестре. — Ну че, губки бантиком? На счет «три». Раз, два... Жарь!

Банкан заиграл.

Че там за свара под сенью лесною?
Че за разборка под старой сосною?
Ну-ка, замяли! Ну-ка, довольно!
Ша, крикуны! Здесь шуметь не позволено!
Стыдно! У нас не пройдут эти штучки!
Живо построиться! Взяться за ручки!
У Граджелута просите прощенья
Или останетесь все без варенья.

Разбойники все до единого — от медведя до самого нерасторопного енота — повернулись и вытаращили глаза. Пальцы Банкана отплясывали на струнах. Он чувствовал бьющую из инструмента энергию, он безоглядно верил в свою мелодию, которая идеально ложилась на рэп выдр. С тех пор как они создали группу, у них с каждым разом получалось все лучше и лучше, и Банкан не сомневался, что со временем быть им настоящими мастерами. Разве что... хоть музыка ободряла и освежала, больше ничего не происходило. Коати возбужденно переговаривался с тремя енотами. Через секунду-другую тяжеловооруженная компания направилась к источнику музыки. Два енота помахивали топорами, третий — пикой с жутким зазубренным наконечником.

— Ничего не выходит. — Банкану пришлось кричать во весь голос, чтобы его услышали. — Что-то с текстом не так или с голосами.

— Мне ни хрена лучше не сочинить, — огрызнулся Сквилл.

— А кто у нас умником считается?

Его сестра зло сверкнула глазами.

— А че я-то, че я? Кабы ты и впрямь была такой офигенно умной, какой себя воображаешь!

— Ради Древа! — взмолился Банкан. — Только не подеритесь! Нашли время.

Шествующий впереди енот носил шейный платок в шахматную клетку, а его спутник с топором — неуместный цилиндр, украшенный пучками перьев. На ушастой голове пикинера ерзал кожаный берет. Все трое на ходу взяли оружие на изготовку.

— Сделайте же что-нибудь! — в страхе прошипел Банкан.

— Я стараюсь, — отозвалась Ниина, — да от брательника толку никакого.

— Ничего подходящего в башку нейдет.

Сквилл затравленно глянул на приближающихся лиходеев.

— Хоть что-нибудь! — простонал Банкан, подумывая, не пора ли отложить дуару и взяться за меч.

— Один момент. — Выдр часто заморгал. — Помнишь песенку с того диска? — скороговоркой прошептал он сестре.

Округлив глаза, она кивнула, и выдры запели снова. Их голоса взлетели над кустарником.

Настало время, и пробил час
По носу двинуть, врезать в глаз!
Помогут бутсы сладить с теми,
А этим — битой погладим темя.
А ну-ка, Молот, король квартала,
Добавь тому, кому еще мало,
Вломи по морде, по тыкве съезди.
Настало время для нашей мести!
Давай-ка, Молот, вожак оравы,
Круши налево! Круши направо!

Над кустами между музыкантами и разбойниками взвился блистающий серебристый туман. Со стороны фургона он был виден превосходно. Неприятный разговор Граджелута и его раздраженного мучителя прервался, оба повернули головы. Казалось, серебряный парок состоит из металлических частиц. Он не сулил ничего хорошего — напротив, был перенасыщен угрозой. Банкан инстинктивно пятился, пока не наткнулся на дерево. Но даже в этот момент ему хватило мужества играть. Он не знал, что на уме у сверхъестественного явления, однако это вовсе не делало туман безобидным. Выдры присели на корточки, но тоже не умолкли. Выставив перед собой оружие и разинув пасти, еноты укоротили шаг, а потом и вовсе замерли перед невиданным и непонятным зрелищем.

Облако сгущалось и вскоре превратилось в узкий и длинный кристалл, увенчанный цилиндром из того же материала, но намного короче и толще. Они образовали красивую букву «Т» высотой с фургон Граджелута. Строго говоря, это был огромный инструмент, цельнометаллическая кувалда. Она висела над кустами и молодыми деревцами и слабо вибрировала в ритме музыки.

Еноты двинулись в обход, боязливо косясь на отполированное до блеска привидение.

«Дохлый номер», — подумал Банкан. О чем и сообщил выдрам. Не пропуская ни такта, они дружно изменили текст сообразно ситуации. Кувалда задрожала, отклонилась назад, замерла на миг, а затем нанесла удар чудовищной силы. От ближайшего бандита осталось мокрое место — с таким же успехом чаропевцы могли уронить на него синего кита. Развязка была шумна и суматошна. Смотреть, как кувалда занимает исходное положение и выбирает себе новую жертву, было до такой степени неприятно, что двое уцелевших енотов с воплями обратились в бегство, отшвырнув никчемное оружие.

Банкан заставил себя взглянуть на переполох, учиненный молотовидным призраком в относительно спокойном лесу, и почувствовал, как его желудок вдруг заработал автономно. Но юноша был слишком занят игрой, чтобы срываться с места. А ликующие выдры простерли поэтическую фантазию до верхнего предела своего внушительного воображения.

Кувалда развернулась и пустилась в погоню за разбойниками. То и дело раздавались тяжелые удары, в плотном грунте появлялись все новые идеально круглые вмятины. И всякий раз под ногами у Банкана вздрагивала земля. Видя остервенелый слесарный инструмент, несущийся вдогонку за их приятелями, остальные бандиты заколебались. В критический момент коати храбро бросился вперед и предпринял доблестную, но неудачную попытку ободрить деморализованных бойцов. Он ткнул в кувалду рапирой, но клинок отскочил, не оставив ни царапины на гладком астральном металле. Зато кувалда стукнула по хвосту и сломала его в нескольких местах. Тявкнув от боли, разбойничий атаман лишился чувств и повалился навзничь. Виверр и медведь подхватили его и поволокли в гущу леса, а остальные бросились врассыпную. Кувалда на миг растерялась, а затем стала гоняться за бандитами, все время промахиваясь, но тем не менее наводя жуть своей неутомимостью.

Банкан играл, пока не скрылся за поворотом последний грабитель. Смеяться не хотелось — кровавый блин из мяса, шерсти и размозженных костей, останки злополучного енота, надолго, если не навсегда, запечатлелись в памяти. От запаха крови свербило в носу. С безмолвным возгласом «Спасибо!» он убрал пальцы с грифа. Сияние над дуарой померкло.

— Неплохо, — сказал он выдрам. — А теперь поглядим, что поделывает наш торговец.

Трио с треском проломилось через кусты, чтобы не идти по кровавому пятну.

— И че мы ему скажем? — поинтересовался Сквилл, когда они вышли на обочину.

— Я — ниче. — Его сестра машинально оправляла мех. — А он, похоже, маленько сдрейфил.

Действительно, Граджелут был ни жив ни мертв от потрясения. Ничего странного, если учесть, что он видел только убийственную кувалду, а не ее повелителей. «Когда мы ему все объясним, он, конечно, будет благодарен, — предположил Банкан. — Все-таки мы ему, похоже, жизнь спасли, уж не говоря об имуществе».

За деревьями раздался громкий треск, Банкан оглянулся. Вновь появилась кувалда, она бешено лупила направо и налево, кроша деревья, кусты и небольшие валуны. Обретя жизнь с помощью чаропения, она не собиралась исчезать за здорово живешь. Вдруг она замерла, будто высматривала что-нибудь но-

венькое, еще не надоевшее. Пауза не затянулась — кувалда обнаружила фургон и, лупя по земле, двинула прямехонько к нему. С козел донесся стон Граджелута.

— Еще не унялась! — возопил Сквилл.

— Сам вижу.

Руки Банкана крепко сжали дуару, а ноги понесли его спиной вперед, к дороге.

— Спойте, чтобы сгинула!

— Играй! — крикнула Ниина. — Банкип, ты должен играть!

Возгласы подстегнули его, он пустил пальцы по отзывчивым струнам. Первые аккорды прозвучали не в лад и действия не возымели. А тем временем металлический призрак грозно наступал.

Чаропевцы пятились строем, Банкан отчаянно щипал струны, а выдры голосили в предельном темпе. Вот и середина дороги, позади — фургон, и не видать укрытия. Кувалда настигла их и заколебалась. Задрав лапы над головой, Граджелут съежился на козлах. Кувалда повернулась к нему, словно разглядывая, а затем целеустремленно двинулась к дрожащим музыкантам.

— Врассыпную! — рявкнул Сквилл в самый последний момент, когда кувалда уже ринулась к ним.

Человек и выдры бросились в разные стороны, а исполинская железяка врезалась в утрамбованный грунт там, где они только что стояли. Взметнулись камешки и комья земли.

Уворачиваясь и отстреливаясь на бегу аккордами, Банкан вскричал:

— Прогоните эту хреновину! Спойте что-нибудь другое! Пусть убирается, откуда взялась!

— А откуда она взялась? — Сквилл пытался одним глазом смотреть на друга, а другим — на смертоносное привидение. — Е-мое, почем я знаю, откуда она взялась?! С верстака чертовых богов!

Кувалда устремилась за Банканом, повторяя его зигзаги.

— Ты у нас чаропевец клепаный!

Банкан скакнул в сторону, и кувалда промазала буквально на сантиметр.

— А вы — певцы!

Выдры снова пустились в импровизацию, но безуспешно. Они уже малость утомились петь и одновременно увертываться, а безжалостный призрак явно не желал униматься.

Внезапно усилился ветер, стволы и сучья деревьев качнулись к дороге. Ветер быстро перерос в полновесный шквал. С козел вытаращенными от страха и изумления глазами взирал Граджелут. Вокруг Банкана дребезжали листья и трещали ветки. Все быстрее уходили силы — где ему тягаться с выдрами в выносливости и проворстве! Если эта штуковина в конце концов на него

опустится... Перед глазами живо встала картина кровавых останков бандита.

Упругая ветка свалила его с ног, из обессилевших рук выпала дуара. Пульсирующее сияние сразу исчезло. Заметив это, выдры оборвали песню — без мастерского аккомпанемента Банкана она была бесполезна.

Задыхаясь, Банкан повернул голову как раз вовремя, чтобы увидеть молот, зависший над ним для финального удара. Юноша закрыл глаза.

Внезапно ветер стих. Два согнутых дерева резко распрямились, подхватили кувалду с двух сторон и швырнули вверх. Потом хлестнули несколько раз взад-вперед, подрожали и замерли. Гигантский молоток плотно засел между ними, как в зажиме на стене плотницкой мастерской. И, похоже, наконец утихомирился.

Хрипя от изнеможения, Банкан перевернулся на спину и окинул взглядом небо. Потом кое-как поднялся на ноги и поплелся за дуарой. На гриф упало несколько листьев. Два просто высохли и обуглились, а третий превратился в топаз. Банкан смахнул их и с тревогой осмотрел музыкальный инструмент. Вроде бы цел и невредим. Струны порвутся — не беда, есть запасные, — но если пострадает корпус... Несколько пробных аккордов окончательно успокоили юношу. Вешая дуару на спину, он ощутил прикосновение чьей-то лапы к своей руке. Сквилл сочувственно глядел на него.

— Все путем, шеф?

Банкан кивнул, а затем, прищурясь, посмотрел на пленную деревьями кувалду.

— Интересное решение.

У Сквилла дрогнули усы.

— Ниче в башку не лезло, кроме инструментов в мастерской старикашки Гертона. И ведь сработало!

— Долго ли она там задержится — вот вопрос.

— Пес его знает. — Ниина спокойно созерцала запредельное оружие массового уничтожения. — Неохота воображать, как такая хреновина вдруг появляется среди ночи за окошком спальни.

— Нету у тебя в спальне никаких окошек, — заметил Сквилл.

Ниина фыркнула, усы встрепенулись.

— Твоя правда, братуха. Давай пляши и дальше на моей репутации.

— Всегда пожалста. — Сквилл выпрямил спину. — Ну, и че мы скажем бедному спасенному путешественнику, када он преклонит колена и осыплет нас заслуженными благодарностями?

Он направился к фургону.

— Схожу-ка я за нашими ящерицами, — вызвался Банкан.

Граджелут неподвижно сидел на козлах и следил за прибли-

жением троицы. Банкан мигом вернулся к товарищам, глаза его метали молнии.

— Кто скотину привязывал?

— Я, — ответила Ниина.

— Нет у нас больше ящериц.

— Че значит — нет? — Морду Сквилла перекосила злобная гримаса, он повернулся к сестре. — Ты, острячка куцехвостая! Когда ж наконец научишься узлы толком вязать?

— А то я не умею! Хошь, прям щас на твоих усах покажу?

Она кинулась к брату с явным намерением вцепиться ему в физиономию, и мохнатый вопящий клубок меха покатился к дороге, пока не остановился под фургоном.

Банкан наклонился проверить, целы ли выдры, затем выпрямился и простер руку.

— Это Сквилл и Ниина, мои друзья.

— Я так и предполагал. — Ленивец медленно кивнул. Черные полосы, окружавшие его глаза и сбегавшие к нижней челюсти, придавали облику неизбывную печаль. — Выдры. — Крепко держа одной рукой вожжи, другую он протянул Банкану. Она оказалась горячей.

«Это из-за густого меха», — подумал юноша.

— Рад встрече. Я Банкан Меривезер.

Торговец извлек ладонь из его руки и прижал ее к сердцу.

— А я Граджелут, коммерсант по профессии и по призванию. Вижу, спасением своей жизни и всего имущества я целиком обязан вашему своевременному вмешательству. Я только одного не понимаю: почему вы, юные создания... — Банкан поморщился, но ничего не сказал, — ...решили за меня заступиться? Быть может, вы душевнобольные альтруисты? Надеюсь, что это не так.

— Успокойтесь, мы в здравом уме. Рад сообщить, что мы действовали, исходя из самых прагматичных побуждений.

— В самом деле? — Граджелут улыбнулся, на широком плоском лице сверкнули удивительно чистые зубы. — Счастлив узнать, что вы не безумны, а всего лишь безрассудно храбры. — Его лапа порылась под козлами и извлекла большую котомку. — Позвольте отблагодарить вас за помощь, мой юный друг. Хоть я и не слишком богат, но вполне могу позволить себе достойное вознаграждение. Я сожалею лишь о том, что вы не прикончили побольше этих разбойников.

Банкан улыбнулся краем рта.

— Сказать по правде, мы очень не хотели никого убивать и даже калечить. По крайней мере, я не хотел.

— Я слышу речь благородного создания, посвятившего себя изучению магических наук.

— Да, мы еще учимся.

Торговец выпрямил спину, кивнул и глубокомысленно изрек:

— Что есть жизнь, если не вечное постижение? С концом учебы начинается смерть. — Он достал из котомки кошелек, делая вид, будто что-то ищет в нем. — Я отплачу вам чем смогу, хоть вряд ли можно расплатиться за спасенную жизнь. Оставлю себе чуть-чуть денег, чтобы добраться до Л'бора, а там опять займусь торговлей.

— Помилуйте, ваши деньги нам ни к чему.

Банкан слышал возню выдр под колесами фургона.

Граджелут со счастливой улыбкой поклонился и рывком затянул шнурок кошелька.

— В таком случае что-нибудь из товаров? У меня очень широкий ассортимент. Как насчет превосходных оружейных новинок в дополнение к магическим навыкам? Или изысканнейших одеяний, дабы приглянуться избраннице вашего сердца? Есть человеческая одежда, но боюсь, для вашего роста ничего подходящего не найти.

— Нет, ничего такого нам не нужно.

Ленивец широко развел лапы.

— Но если так, чем же я вас отблагодарю? Неуплаченный долг — тяжкое бремя для души. — И тут на его физиономию вернулась подкупающе искренняя, обманчиво наивная улыбка. — У вас есть что-то на уме! Несомненно. Ведь недаром вы упомянули некие прагматичные побуждения.

— Честно говоря, сударь, наши побуждения — сделать для вас кое-что еще.

Ленивец деликатно посопел.

— Банкан Меривезер, не откажите в любезности, объясните, что вы имеете в виду. Ваши слова согревают мне сердце, но смущают разум.

Банкан прикинул, с чего бы начать:

— Видите ли, уважаемый Граджелут, мы скучаем.

Ленивец ухмыльнулся.

— Ах, вот оно что! Скука — специфическое бедствие начинающих взрослых. Но, боюсь, для избавления от этого недуга вам следует обратиться к более искушенному врачу, нежели ваш покорный слуга.

— Пару дней назад вы рассказывали моему отцу о своих путешествиях.

У Граджелута полезли вверх густые брови.

— Ваш достойный отец — черепах?

Пришел черед Банкана улыбаться.

— Едва ли такое возможно. Он человек и мастер чаропения.

— Откуда вам известно о нашей беседе?

— Я стоял в коридоре и услышал довольно много.

— Понимаю. И вас не поймали за этим занятием. Вы очень находчивый молодой человек.

— А вы — очень интересный пожилой ленивец. Можно предположить, что Клотагорб не ошибся и ваша история — тщательно продуманный способ привлечь к себе внимание, или получить от волшебника бесплатную помощь, или еще что-нибудь в этом роде. Но все же я склонен считать, что вы говорили вполне убедительно.

— Да, ибо я говорил правду, — торжественно подтвердил Граджелут.

— Мои друзья тоже так думают. И если Клотагорб с Джон-Томом не уверены, что вам стоит помогать, из этого вовсе ничего не следует.

Сонные веки ленивца поднялись, в глазах отразилось понимание.

— Вы предлагаете свое содействие?

— А чем мы плохи? — Из-под фургона появился Сквилл, отряхнул кепи от пыли, надел набекрень. — Мы ж тебе верим. Ну, можа, и не всей лабуде, но половине — точно. Мы, молодые, на подъем легки, не то что старая скорлупа. А самое главное — мы готовы предложить тебе свои услуги, во!

— Готовы и предлагаем, — добавил Банкан.

Граджелут безмолвствовал, разглядывая своих юных избавителей и возможных компаньонов. Наконец отрицательно покачал головой, потряхивая длинным серым мехом.

— Весьма сожалею, но вы не можете меня сопровождать.

— Эт почему же, а, шеф? — Из-под колес появилась Ниина. — Мы че, рылом не вышли?

— Ну что вы, ваш облик, как и задор, вовсе не вызывает у меня раздражения. Я беспокоюсь о ваших родителях. Особенно о родителях этого юноши. — Он указал на Банкана. — Вы говорите, ваш отец — великий чаропевец Джон-Том. Едва ли я заслуживаю упрека за предположение, что он, отказывая мне в содействии, вряд ли хотел, чтобы вы предложили свои услуги. Я не могу себе позволить ссору с таким могущественным волшебником, тем более что его деловой партнер — не кто иной, как знаменитый Клотагорб.

Банкан поудобнее устроил дуару за плечами.

— Так-то оно так, но ведь он не поверил вашему рассказу, а значит, не думает, что тут есть хоть какой-нибудь риск. Разве то, чего нет, может представлять собой опасность?

— Кажется, волшебник Клотагорб считает, что может. Да и само по себе подобное путешествие связано со многими трудностями. Но я заметил, что вы спорите, как опытный юрист. Несомненно, у вас есть кое-какие способности.

— Например, к чаропению, — похвастался Банкан.

— Во, разве мало? — Сквилл указал туда, где кувалда угодила

в ловушку. — Шеф, че, по-твоему, ты щас видал? Фокус-покус? Ловкость лап и никакой магии? — Он обнял Банкана. — Мы с сеструхой поем, а Банкан на дуаре бацает. Такое трио, как мы, фига с два где сыщешь.

— Мы тебе жизнь спасли, между прочим, — поддержала брата Ниина.

— И при этом едва не лишились собственной. Сейчас, по зрелом размышлении, я склоняюсь к выводу, что вы еще не хозяева своим чарам.

— Видишь ли, чувак, тут проблема в том... — начал Сквилл, но Банкан ладонью зажал ему пасть.

— Не надо, Сквилл. Будем откровенными от начала и до конца.

— До конца? Да мы на паршивую пядь не продвинулись.

— И все-таки. — Банкан вновь обратился к купцу: — Мы не претендуем на звание мастеров. Нам еще учиться и учиться. Но я всю жизнь наблюдал за отцом и перенимал его науку. У меня лишь одна мечта — стать таким, как он. Я и сам немного пою, но у выдр голоса получше, и мы не жалеем времени, чтобы притереться друг к дружке. Да к тому же мы с самого рождения — группа. Потому-то и сумели разогнать этих бандитов, пускай не совсем так, как хотелось бы. Мы еще слабовато управляем чарами, но у моего отца, когда он начинал, была та же проблема. Допустим, мы не такие сильные, как он, но уж точно покруче любого, кто попадется вам на пути. А теперь скажите, положа лапу на сердце: вам еще нужны особые услуги, услуги волшебников? А если нужны, от кого вы надеетесь их получить?

Он умолк и пристально посмотрел на торговца. Тот вздохнул.

— Мои юные друзья, ваш стиль чаропения для меня совершенно нов. Признаюсь как на духу: я изрядно напуган.

— Ну, еще бы, — проворчал Сквилл. — У самих портки мокрые. Все новое маленько пугает, че, спорить будем? Зато действует.

— Еще немного, и оно бы подействовало на вас.

— Мы учитываем риск, — сказал Банкан, — и идем на него добровольно. А вы?

Ленивец снова тяжко вздохнул.

— Кому-нибудь из вас случалось надолго оставлять родной дом, пускаться в дальние странствия?

— А то нет! — глазом не моргнув, соврал Сквилл. — Да за кого ты нас держишь, за молокососов писклявых? Даром, че ли, наш батька — Мадж Колоссальный!

На физиономии Граджелута отражались раздумья.

— Мне доводилось слышать это имя, хоть и в связи с колоссальными долгами либо колоссально возмутительным поведением.

Ниина кивнула.

— Эт точно папаня.

— Да, я знаком с его репутацией. Мадж — колоссальный пьяница, колоссальный бабник, колоссальный...

— Ну, по крайней мере, прилагательное не меняется, — проворчал Сквилл.

— Вы решительны и отважны, — признал Граджелут. — Я даже не могу представить, сколь велика ваша смелость.

— Уж не меньше, чем у любого клепаного купчишки, — запустил пробный камешек выдр.

— И хоть я по-прежнему обеспокоен вашей неопытностью в магическом искусстве, — продолжал ленивец, — не берусь утверждать, что меня осаждают многочисленные волшебники, предлагая свои услуги. Бывают случаи, когда юность имеет преимущества. А посему... я позволю вам сопровождать меня до тех пор, пока ваше присутствие не станет более обременительным, чем полезным.

Банкан не удержался от довольной улыбки.

— Почтенный торговец, надеюсь, у вас никогда не возникнет повода пожалеть об этом решении.

— Ну, так че мы ждем? — подала голос Ниина. — Двинули в Л'бор.

— В Л'бор? — Граджелут поерзал на козлах, освобождая местечко для Банкана. — Мы не едем в Л'бор.

Юноша недоуменно посмотрел на него.

— Но ведь это дорога на Л'бор. Разве вы не туда направлялись?

— Да, но лишь в поисках совета и помощи магов. А теперь, благодарение Великому Прилавку, у меня целых три волшебника в приказчиках. Так что незачем терять время на Л'бор. Пополним запасы в Тимовом Хохоте — отсюда до него лапой подать, — а после направимся на северо-запад.

— На северо-запад? — У Сквилла брови наползли друг на дружку. — Но там же Нижесредние болота!

— Совершенно верно.

Граджелут пристально оглядел троицу чаропевцев.

Сквилл сплюнул.

— Фигня. Хреноватая погода, телепатическое нытье подыхающих со скуки грибов, ну, можа, два-три лоховатых, но занятных великана-людоеда. Все мы про эти торфяники знаем от Маджа и Джон-Тома. Они там прошли. И мы пройдем.

— Мой юный друг, бравада лишь тогда полезна, когда означает обоснованную веру в себя, а вовсе не чрезмерную самоуверенность. — Ленивец посмотрел на Банкана. — У вас есть при себе деньги?

— Чуть-чуть.

Торговец понимающе кивнул.

— Мои ресурсы тоже ограниченны. И теперь, похоже, им придется туговато. Но ничего, как-нибудь справимся. В непогоду укроемся в моем фургоне, хоть и тесновато будет вчетвером. — Он помял в ладонях вожжи. — Ну что ж, пора ехать, наверное. Великие тайны ждут, когда с них сорвут покровы.

Ленивец хлестнул ящериц вожжами, и повозка загромыхала по дороге. Сквилл и Ниина устроились на подушках за козлами.

— Вы надеетесь захватить или как-нибудь приобрести Великого Правдивца? — спросил Банкан у своего работодателя.

— Ну что вы, я не столь самонадеян, — серьезно ответил торговец. — Я хочу всего лишь убедиться в искренности доблестного Джуха Фита. Однако при этом вовсе не помешает иметь под рукой трех молодых и сильных спутников.

Банкан подавил ухмылку.

— Вы забыли, что я слышал тот разговор.

Казалось, Граджелут слегка сконфузился.

— А впрочем, что аморального в поисках выгоды?

Вожжи в руках ленивца не давали серым ящерицам покоя. Протестующе шипя, они побежали прытче, повозка загромыхала пуще. Банкан расположился поудобнее, насколько позволяли деревянные козлы с мягкой обивкой. Он в пути! Стало быть, вот какие чувства переживал отец, пускаясь в очередной головокружительный вояж. Впрочем, если они с Клотагорбом правы, никаких приключений не будет. Одна лишь тряская, утомительная езда.

Но ведь это все-таки путешествие. В его возрасте поход в чужие края сам по себе увлекателен. Как ни крути, все, что увидел Банкан с тех пор, как покинул отчий дом, было новым, а потому захватывающим. Судя по возбужденному трепу за спиной, Сквилл и Ниина испытывали, в общем, то же самое. Мысль, что эта парочка рядом, внушала Банкану уверенность в себе. Нет на свете трудностей, которые они не преодолеют сообща. Нет преграды, способной их остановить.

Юным романтикам свойственны подобные переживания, поэтому вряд ли стоит осуждать Банкана за идиотские мысли.

— Вперед, Граджелут! Если Великий Правдивец — не миф, мы обязательно его разыщем и погрузим в ваш фургон, как кастрюлю или горшок. Глядишь, и выручим несколько золотых.

— Нет на свете невозможного для тех, кто еще не познал разочарования в жизни, — задумчиво произнес торговец, не отрывая глаз от упряжки. — Скажите, мой юный друг, вам не страшно?

— Страшно? Чего мне бояться?

— Что разделите судьбу Джуха Фита. Или встретите неведомые, а может быть, и неодолимые ужасы и преграды. Или сам Великий Правдивец окажется чем-то таким...

— Это всего-навсего вещь, — храбро ответил Банкан. — Я еще ни разу не видел *вещи*, которую стоило бы бояться. — Он

откинулся на спинку козел и заложил ногу за ногу. — Если она вздумает шутки шутить, мы ее живо успокоим с помощью чаропения.

— В самую жилу, кореш, — воинственно пролаял за его спиной Сквилл. — Пусть только попробует возникать, от нее враз пустое место останется. Подумаешь, Великий Правдивец. Нам, заклинателям огромадных молотков, теперь все нипочем!

— Чем бы он ни был на самом деле, — тихо молвил Граджелут, — я надеюсь, нам удастся дожить до встречи с ним.

* * *

В придорожных кустах несколько пар глаз проводили фургон до поворота. Их измотанные, покрытые ссадинами владельцы еще не пришли в себя после отчаянной беготни по зарослям от волшебного молота. Некоторые боязливо поглядывали на застрявшего призрака. Он по-прежнему не шевелился, но там, где в игру вступает магия, ни о каких правилах не может идти и речи.

— Да чтоб у них зенки полопались! — выругался виверр. — Ну, кто мог знать, что они чаропевцы?

— Да, этого никак нельзя было предвидеть, — согласился предводитель шайки. Глаза его сверкали под стать алмазному клыку. — Дети! Подумать только, дети сумели обратить вас в бегство!

— Меня — не сумели, — возразил другой кольцехвостый кот. — Я в жисть ни от чьих детенышей не драпал. Другое дело — от молотка...

— Волшебство даже в детских руках остается волшебством, и если ты не дурак и не самоубийца, то будешь его бояться, — задумчиво проговорил енот.

— Повезло им, только и всего. — Коати указал на висящую кувалду. — Видели, как это чудище взялось за своих создателей? Зеленые они еще, неопытные.

— А мне плевать, чем оно занималось после того, как нас едва не прикончило, — прорычал енот. — Видали, что оно с беднягой Джачау сделало? Эх, был у меня друг, а осталось только мокрое место.

— Да, — промолвил виверр. — Что касается меня, то я бы не хотел еще разок померяться ловкостью с этаким монстром. Особенно ради паршивой кибитки какого-то бродячего торговца.

Другие бандиты покивали, один лишь коати не унимался:

— Они захватили нас врасплох! Так ведь и мы не промах. В следующий раз подкрадемся, кинемся со всех сторон и скрутим их, не дожидаясь, пока сотворят что-нибудь поопаснее серого дымка. — Голос его зловеще понизился. — Трудно песенки петь, когда у тебя глотка перерезана!

— А вдруг не получится? — осведомился кольцехвостый. — Что тогда? Скажем: «Простите, отпустите, мы больше не будем», — да?

— Не, это не для меня. — Енот взвалил боевой топор на плечо и направился к дороге, но не в ту сторону, куда уехал фургон, а к Линчбени.

— Давай, Врочек, проваливай! — крикнул ему в спину коати. — Беги под защиту Воровской гостиницы, на безопасную койку.

— А что, меня это тоже устраивает.

Один из кольцехвостых затрусил вдогонку за енотом.

Их позорное дезертирство повергло шайку в смятение. Даже очковый медведь заковылял вслед за уходящими товарищами.

— Синваxx, и ты бежишь от жалких младенцев? — По пятам за дезертирами мчался презрительный смех коати. — Тоже мне, храбрые лесные братья! Испугались троих детенышей и дурацкой музыки! Трусы, слабаки! Сыновья дешевых шлюх! Нет вам доли в добыче!

— А есть ли добыча, о наш славный атаман Чамунг? — озабоченно спросил оставшийся енот.

— Да, верно, — присоединился к нему лояльный виверр. — Похоже, ленивец — самый что ни на есть обыкновенный купец.

С перекошенной от злости мордой атаман повернулся к жалким остаткам своей грозной до сего дня шайки.

— Неужели вы в это верите? Если да, то вы ничуть не лучше этих бесхребетных трусов и глупцов. Да где это видано, чтобы обыкновенного купца спасали сразу трое чаропевцев, пусть даже молодых? Где это видано, чтобы случайные прохожие по доброте душевной рисковали своей шкурой? И ради чего? Ради сомнительной благодарности ленивца? — Он посмотрел на пустую дорогу, исчезающую среди деревьев на севере. — Нет, в этой игре на кону не только горшки и сковородки. Есть в кибитке что-то такое, ради чего стоит головой рискнуть. Может, куча золота, целое состояние. Или драгоценные камни, по дешевке на берегу Глиттергейста скупленные у пиратов. Или даже что-нибудь подороже, чего нам и не вообразить. Достойное опеки юных колдунов. — Он повернулся к оробевшим разбойникам. — Сисарфи, ты прав. Этот фургон не стоит беспокойства обыкновенных воров. Но я — необыкновенный, и вы, оставаясь верными мне, под моим предводительством тоже обрящете славу исключительных разбойников.

— Правда? Ну, спасибо.

Смятение чувств не помешало кольцехвостому коту сообразить, что настаивать на подробном толковании пророчества невежливо. Он почесал голову в том месте, где ее много лет назад украшало левое ухо. Оно было утрачено в крайне авантюрной попытке ограбить речное судно.

— Эх, дураки, дураки. — Взор Чамунга обратился на юг. — Не найдут они поживы в Линчбени. Голодать будут, каяться. В городе ворья и без них хватает, и у половины даже карточек Гильдии за душой нет. Удача всегда связана с риском, а мы не боимся маленько рискнуть, правда, братцы? Идем. — Он решительно зашагал на север, к дороге. — Добудем себе богатство, а заодно отомстим за нашего несчастного брата Джачау. В моей голове уже не умещаются соблазнительные сцены долгого и методичного потрошения!

Прежде чем последовать за атаманом, виверр и енот обменялись откровенно задумчивыми взглядами.

Глава 7

Фургон катил по Колоколесью, по извилистой дороге, пока Граджелут не свернул влево, на запад, на едва заметное ответвление пути, о чьем существовании Банкан даже не подозревал. Новая дорога была почти нехоженой и неезженой. Сказать, что она вообще была, язык с трудом повернется. Поэтому странники теперь продвигались гораздо медленнее. Но местность оставалась сравнительно ровной, а грунт — твердым.

Колоколесье не переходило в болото, а граничило с ним. Еще минуту назад путники ехали среди редких дубов и сикомор, колокольных деревьев и глиссандовых кустов, в сопровождении песен ящериц-плакальщиц и гула насекомых, а сейчас их окружают пепельно-серая поросль и гнилые остовы давно погибших деревьев. Это убожество вскоре сменилось столь же пышным, сколь и тошнотворным на вид лесом из гигантских шампиньонов, поганок, мухоморов и тугими болотными кочками мрачного мицелия, что болезненно пульсировали гнилушечным светом. Небо Колоколесья — синее в крапинах облаков — сменилось навязчивым серо-зеленым сумраком, безотрадным и для глаз, и для души. Но Банкан знал, что где-то над этим пагубным туманом по-прежнему ярко сияет солнце и в бездонном воздушном море сходятся, расходятся и чарующе белеют облака.

Трясясь в этом муторном оливково-зеленом сумраке, необходимо любой ценой держаться за воспоминания о них.

Со шляпок гигантских шампиньонов и иных представителей грибного племени печально капала вода. Перед странниками высились чахоточного облика призрачные белые заросли с гнусным запахом. Банкан потуже затянул на шее шнурок накидки. Даже выдры поддались унынию. Им не мешала сырость, однако мрачная атмосфера брала свое. Беспросветным пейзажам удалось заглушить беззаботно-веселую перебранку с той же легкостью, с какой пропитанная влагой земля глушила скрип Граджелутова фургона.

— Итак, мы на Нижесредних болотах, — спокойно констатировал Банкан.

В этом комментарии не было необходимости, но затянувшееся молчание уже превратилось в пытку. Вкупе со специфическим шипением и постанываниям торфяников, с метанием белых фосфорических призраков, что охотились за другими неприятными видениями и всякий раз ускользали из поля зрения. Граджелут среди жутковатого пейзажа демонстрировал подавленные, но стойкие уверенность и надежду и методично погонял ящериц.

— Я про эти клепаные болота все знаю, вот так. — Сквилл стоял на коленях позади козел и напряженно вглядывался в туман. Улыбка его была вымученной, как и оптимизм. На кончиках усов висели капли. — Мадж о них до фига рассказывал. Он сюда не раз совался и завсегда приносил домой хвост целехоньким.

— Да, но он не говорил, какая тут тоска, — вставила Ниина совершенно лишнее замечание.

— Этим-то болота и опасны. — Толстые пальцы Граджелута потряхивали вожжами, взгляд нервно метался вправо-влево. — Их атмосфера просачивается в разум и подавляет волю к сопротивлению, не позволяет идти дальше. В конце концов путник капитулирует и останавливается. И тут за дело берутся споры и белые нити грибниц. Они проникают в тело, прорастают в путешественнике, питаются его соками, и, наконец, остается только белый скелет. Да и он со временем превращается в землю.

— Приятно видеть, шеф, че ты не позволяешь себе расстраиваться из-за таких пустяков, — сухо заключила Ниина.

Сквилл был мрачен.

— Сказать по правде, это не самое развеселое местечко из тех, где я на своем веку поошивался.

Внезапно Банкан осознал: атмосфера болот уже принялась за них. Безжалостно давила на психику вездесущая аура тоски и безнадежности.

— Как насчет песенки?

— А че, Банкл, клевая идея. — Ниина приподнялась. — Ченибудь живенькое, жизнеутверждающее.

— Только без чаропения, — взмолился Граджелут и с тревогой покосился на дуару. — Кажется, мы договорились: бережем его на самый крайний случай. Признаюсь, мне тут весьма не по себе, но расстаться с жизнью я не спешу. Всему свое время.

— Без чаропения, — согласился Банкан. — Так, веселый мотивчик, чтобы взбодриться и прогнать грусть.

— Да, это не помешало бы, — неохотно согласился купец.

— Вот и отлично.

Банкан ударил по струнам, осыпав затхлый торфяник игривыми аккордами, как богач осыпает золотыми монетами толпу нищих. За его спиной выдры весело грянули:

Сегодня унывать нам не с руки, чуваки.
Потехе — время, а грусти — час.
Зеленая тоска не одолеет нас,
Мы песенку споем и оживем тотчас.
Не здесь же нам отбрасывать коньки?!

По торфяникам плыла музыка, проникала всюду, раздвигала мрак, точно грязные гнилые занавеси. По-прежнему путники дышали заплесневелым воздухом, но его тяжесть заметно уменьшалась, а ближайшие трупоядные грибы съеживались от беспощадного веселья, от бодрости, что казалась какой угодно, только не воображаемой.

— Послушайте, музыканты, — взмолилось ближайшее растение справа, — не пора ли вам отдохнуть?

— Чтоб меня! Мадж не соврал. — Ниина пригляделась к огромной поганке. — Они способны общаться, когда захотят.

— Да как вы можете петь?! — хором возмутились растущие неподалеку вешенки. — Не осталось ни малейшей надежды. Все живое на свете обречено.

Их поддержала гроздь опят ростом по брюхо тягловой ящерице.

— Существование являет собой бесконечную пытку.

— Ну, если вы так считаете... — пробормотал Банкан, на чем и поймал себя.

На плечо ему опустилась жесткая лапа.

— Поосторожнее, кореш! — В зрачки Банкана заглянули ясные глаза Сквилла. — Вспомни, как они, эти чертовы болота, действуют. Ежели тебя не прошибает атмосфера, они лупят фаталистической философией. Мадж об этом тыщу раз говорил.

Ниина с вызовом и гневом посмотрела на коварные грибы.

— Где звучит музыка, там нет места депрессии. Банколь, жарь!

Банкан посмотрел на дуару. Казалось, полированная поверхность уникального инструмента потускнела, струны заплесневели и провисли.

— Ну, не знаю, будет ли от этого какой-нибудь прок...

На этот раз Сквилл схватил его за плечи и развернул на скамейке. О колено Граджелута гулко ударилась дуара. Ленивец поморщился, но ничего не сказал. Он сосредоточился на упряжке.

— Кореш, да ты че, забыл? Это болото — мать всей мировой нерешительности. Проснись и жарь!

Банкан заморгал. Он вдруг осознал: Нижесредние торфяники воздействуют на психику исподволь, так что ты ничего не замечаешь вплоть до своей кончины. К счастью, с естественным

сопротивлением тоске у выдр дело обстояло гораздо лучше, чем у людей. Он решил отомстить болоту и снова взялся за дуару.

И вмиг кругом стало светлей и ясней. Откатился угрюмый туман, с пути фургона отползали или втягивались в землю грибы. Даже Граджелут, видя, как музыка обуздала коварную тоску, решил подпеть. Однако веселья как не бывало, когда откликнулись болота. Откликнулись не новыми залпами заразительной скуки, а собственным пением, далеким диким лаем.

Трио умолкло в ту же секунду. По спине Банкана мокрой от дождя сороконожкой поползли мурашки.

— Че это? — прошептал, выпучив глаза, Сквилл. — Такие звуки... будто ктой-то выползает на берег из речного ила.

Он посмотрел на купца. Граджелут принюхивался.

— Мне эти звуки внове, и не буду лгать, что стремлюсь познакомиться с их источником.

Едва он умолк, шум повторился — резче, страшнее и, несомненно, ближе. Банкан схватил ленивца за плечо, резко встряхнул.

— Не останавливайтесь! Надо убираться отсюда. Можно ехать побыстрее?

— К сожалению, у меня тяжеловозы, а не скакуны, — ответил ленивец. — Да вы и сами это видите. Бедняжки и так бегут во всю прыть. — Он нервно поглядывал по сторонам. — Знаете, мне кажется, в этих голосах злобы гораздо больше, чем тоски.

— Че бы это ни было, мне оно не в кайф, — заключила Ниина под разносящееся по торфяникам эхо дикого лая.

Определенно, вовсе не ветер порождал этот шум. Болота не знали ветра. На нем даже заблудший игривый зефир мгновенно впадал в тоску и вскоре заворачивал ласты. Вой был мрачен, гулок, насыщен хищными обертонами.

— Там ктой-то чапает, я вижу!

Сквилл вскочил на сиденье и показал налево. Среди болотной растительности что-то шевельнулось, мелькнули яркие красные светлячки. Затем все исчезло. Граджелут на козлах окоченел от страха. Как ни хлещи вожжами, медлительные и глупые ящерицы не побегут быстрее по скользкой, ноздреватой тропе. У ленивца дергался нос.

— Я чую присутствие множества существ.

Банкан удивленно посмотрел на него.

— Вы способны чуять присутствие?

— Юноша, это метафора. А вы сами? Неужели не ощущаете, что они близко, что они окружили нас?

— Ничего я не ощущаю, кроме сырости и тоски.

Пальцы музыканта нервно щипали струны.

— Как? Вы не видите ауру опасности? Не испытываете всепобеждающее ощущение неотвратимого рока?

— Только то, что испытывал с тех самых пор, как мы выехали из Колоколесья.

Вокруг уже непрестанно слышались лай и завывание, перекрывая ставший привычным звуковой фон Нижесредних болот.

— Может быть, вы и в самом деле чаропевец, по крайней мере, наполовину, — прошептал Граджелут, — но ваша восприимчивость оставляет желать лучшего.

«Как и твое дыхание», — чуть было не огрызнулся Банкан, но вовремя вмешался Сквилл.

— Е-мое! — взвизгнул выдр.

На сей раз Банкану не составило труда прямо по курсу различить пару горящих красных глаз. Огоньки слегка покачивались, приближаясь к повозке. Граджелут не мог повернуть ни вправо, ни влево, оставалось лишь натянуть вожжи. Громоздкая колымага с грохотом остановилась. В тот же миг из тумана появился владелец пылающих очей.

Ростом он едва не достигал пяти с половиной футов. В зловещем свете блестели длинные собачьи клыки. Обитатель болот носил яркую муслиновую рубашку и брюки, заправленные в черные блестящие ботфорты. Из брюк торчал короткий хвост, мотающийся вправо-влево, точно маятник часов.

С показной небрежностью пес поигрывал необычайно тяжелой и сильно изогнутой саблей. Чтобы удержать одной лапой такое оружие, прикинул Банкан, нужна недюжинная сила. Его же собственные пальцы покоились на струнах дуары. Он обменялся с выдрами многозначительным взглядом. Близнецы понимающе кивнули, хотя причин для чаропения еще не видели.

Болотный скиталец выглядел страшновато, но пока он не предпринял ничего угрожающего.

В тумане материализовалась вторая пара глаз. И третья, и четвертая, и пятая... Все принадлежали собакам, хоть и различной породы, масти и роста, и все эти псы были вооружены до зубов.

Гончий в муслиновой рубашке носил шипастый ошейник. Шипы были заточены, как иголки. Среди его приятелей щеголей не наблюдалось, они предпочитали обыкновенные доспехи, хотя бросалось в глаза изобилие колючих браслетов, ошейников и поножей.

В совокупности компания выглядела разношерстной. И с первого взгляда было ясно, что на торфяниках она находится не ради оздоровительной прогулки. По той же причине казалось сомнительным, что эти псы здесь обитают, хотя их обличие намекало на образ жизни, способный даже у болотных грибов вызвать депрессию.

Гончий обошел упряжку кругом и наконец остановился перед пассажирами. Медленно оглядел их с ног до головы, а они присмотрелись к нему. На широкой груди и могучих лапах играли мускулы. Разглядывая путников, пес методично похлопывал тяжелым клинком по ладони.

— Не часто у нас на болотах встретишь путешественников.

Трудно было назвать это голосом, скорее хриплым булькающим рыком. Слова сыпались, как щебень из камнедробилки.

— Это верно, — ехидно согласился кто-то из его друзей. Прочие откликнулись гулким зловещим смехом. Шайка уже полностью окружила повозку.

— Куда путь держите, добрые странники? — поинтересовался вожак.

— На северо-запад.

Граджелут опустил очи долу, не в силах вынести прожигающий взгляд гончего. Толстые мохнатые пальцы крепко сжимали вожжи.

— По-вашему, это исчерпывающий ответ? Северо-запад — понятие растяжимое. Куда конкретно едете?

— А это важно?

— Да нет, пожалуй.

Банкан подался вперед.

— Мы проделали большой путь, а ехать еще очень и очень далеко. Если вы бандиты, так и скажите. Мы отдадим деньги — и дело с концом.

Граджелут резко повернулся к своему юному спутнику. У ленивца расширились зрачки.

— Ну и времена пошли, — пробормотал Сквилл. — Шагу не ступить, чтоб потом не чистить подметку.

Гончий неодобрительно взглянул на него.

— Как понимать?

Выдр располагающе улыбнулся.

— Я в том смысле, что в наши дни путешествовать нелегко.

Гончий расслабился, но лишь чуть-чуть.

— Поистине это так, если путь к вашей цели лежит через Нижесредние болота. Те, у кого есть выбор, здесь не ходят.

— У нас слишком мало времени, чтобы огибать торфяники, — виновато пробормотал Граджелут.

— Допустим, но ведь здесь таится множество опасностей.

Похоже, вожак был не прочь почесать язык. К нему бочком подошел борзой в черно-коричневом наряде. Морду от темени до подбородка рассекал жуткий шрам — судя по всему, память о неудачной попытке усекновения головы.

— Их даже больше, чем вы можете себе представить, — проворчал он.

— Для нас время — это все, — пролепетал ленивец.

— Успокойтесь, мы вас не задержим. — Вожак ужасающе ухмыльнулся. — Отдайте имущество и ступайте на все четыре стороны.

Ленивец судорожно сглотнул и сказал с заметной тоской:

— У меня есть немного денег...

— Помилуйте, ваших денег нам недостаточно, — возразил гончий. — Нам нужны и пожитки, и оружие, и одежда. А лично мне весьма приглянулся вон тот интересный музыкальный инструмент. — Когтистый палец указал на дуару. — А еще — повозка и ящерицы.

— Тока не говори мне, что и ты куда-то спешишь, — пробормотала Ниина.

— И не собирался.

Гончий погладил по боку ближайшую ящерицу. Та никак не отреагировала на ласку.

— Ваши животные выглядят очень питательными. Видите ли, на болотах мало корма для плотоядных, а от городов мы стараемся держаться подальше. По каким-то загадочным причинам наша внешность и поведение шокируют горожан.

Несколько псов, стоявших поблизости, противно захихикали.

— Если уж на то пошло, — безжалостно продолжала тварь, прожигая взглядом зрачки Банкану, — вы и сами выглядите вполне съедобными.

— Ой! — тявкнула Ниина. — Мы угодили к шайке гнусных каннибалов!

— Что такое каннибал, моя мохнатенькая закусочка? — поддразнил ее гончий. — В этом термине — весь спектр абсурдного сенсуалистского мракобесия. В далеком прошлом бывали времена, когда у теплокровных считалось совершенно естественным пожирать своих сородичей. Мясо, оно и есть мясо. И мы, вынужденные прозябать в сырых дебрях болот, не можем позволить себе такую роскошь, как разборчивость в пище. Когда дело касается пожирания, мы, убежденные демократы, не привередничаем. — Он по-прежнему улыбался. — Выходит, нам достанется все, что вы сюда привезли, а заодно и вы сами.

Он одобрительно глянул на скарб, свисающий с бортов повозки.

— Как предусмотрительно с вашей стороны запастись средствами для вашего же приготовления. Впрочем, вам и самим, наверное, будет приятнее испустить дух в знакомой обстановке.

— Без боя не дадимся!

Сквилл резко выпрямился, в лапах он держал лук со стрелой. Ниина, тоже готовая к схватке, встала рядом.

— Ой, пощадите, ой, не губите! — глумился, пятясь, гончий. Его ватажники недобро посмеивались. — Ужас! Кошмар! Неужели нас застигли врасплох? — Он погладил тяжелый кривой клинок. — Жалкая горстка бойцов против трех детенышей и старого ленивца. Похоже, пришел наш смертный час. Но прежде, чем мы погибнем в неравном бою, исполните, так сказать, последнюю просьбу обреченных. Хочу узнать имена тех, кто обеспечит нас еще и развлечением перед обедом.

— Я — Сквилл, сын Маджа. Это — моя сеструха Ниина. Для вас наш батька — Мадж-Путешественник, Мадж-Завоеватель, Мадж-Мститель.

— Никогда не слышал, — пренебрежительно откликнулся вожак.

Настал черед Банкана.

— Я Банкан Выдрмуск Меривезер, сын величайшего чаропевца всех времен и народов Джонатана Томаса Меривезера.

— Какие имена! — фыркнул пес. — Впрочем, мне и они незнакомы. Тут, на болотах, чествовать особо некого. А ты, ленивец? Выскажись.

Купец вздрогнул.

— Меня нарекли Граджелутом. Я всего лишь простой коммерсант. Зарабатываю на жизнь меновой торговлей и сопутствующими услугами.

— Ну, хорошо, сегодня мы наречем тебя Ужином.

Гончий угрожающе сверкнул двумя шеренгами острых зубов.

— Стихи! — прошептал Банкан друзьям. — Еще не сочинили? Что вам мешает?

— Не могу придумать песенку про гончих, — прошипела в ответ Ниина. — Не встречала их до этих жлобов.

— А Джон-Том как избавляется от собак? — громко осведомился Сквилл.

— Не знаю. Но лучше бы вам что-нибудь придумать, и побыстрей. Всех их не перестрелять, и по сравнению с ними шайка, пытавшаяся ограбить Граджелута в Колоколесье, — всего лишь компания сельских олухов. — Банкан повернулся к вожаку, решив во что бы то ни стало выиграть время. — Ну, а теперь ваша очередь. Кто посмел нам угрожать, не почитая наши родословные, а также не страшась мести, которая неизбежно последует за любой попыткой причинить нам зло?

— На болотах нам бояться нечего, — презрительно рыкнул гончий. — Здесь не ищут пропавшую родню, и волшебники не приходят сюда спасать заблудившихся учеников. Нижесредние торфяники — утроба, где рождается уныние, и мы — ее чада. Мы целиком отдались скорби, только это и позволило нам выжить. Скорбь поглотила наши души. Не пытайтесь взывать к лучшим чувствам, поскольку мы ими не отягощены. Хотя, должен признать, в вашем присутствии мы чувствуем себя лучше. Не так уж часто удается набрести на еду, которая еще не успела протухнуть.

— Все это не объясняет, кто вы такие.

За спиной Банкана выдры лихорадочно сочиняли стихи.

— Как видишь сам, мы псы. — Вожак махнул лапой. — Псы, которые вторгаются в сны и гоняются за тобой в кошмарных мирах. Это наш вой ты слышишь, когда смыкаешь веки, это наш рык заставляет тебя вздрагивать и тяжело ворочаться под одеялом, это наш нежданный пронзительный лай ты принимаешь за

брех соседской шавки. — Он указал саблей. — Вот стоит собака Майтевилей, а рядом с ней — собака Тунервилей. Слева томится в ожидании собака Кентервилей.

Он неторопливо перечислил всех членов шайки.

Путникам это подарило несколько драгоценных минут.

— Что-нибудь придумали? — прошептал Банкан выдрам.

— Что тут придумаешь? — Поддавшийся отчаянию Гражелут закрыл лапами мохнатую морду. — Все потеряно. Это не простые разбойники. Чтобы их одолеть, одной музыки мало. На их стороне — тоска и безысходность. — Он тяжело вздохнул. — Столько труда, вся жизнь отдана борьбе. И каков итог? Угодил на обед к собакам. Что за бесславный финал?! Простите, друзья, что я довел вас до этого скорбного...

— Еще не довели, — перебил Банкан. — Мои друзья что-нибудь придумают.

— Чувак, на меня не надейся, — беспомощно сказал Сквилл.

— И на меня, — добавила Ниина. — А как насчет тебя, а, Банкусь? Можа, сочинишь?

— Я же не певец!

— Ну, хоть слова подскажи. Дай тему, идею, хоть че-нибудь.

— Я в собаках ничего не смыслю, — в отчаянии прошептал он. — Всю жизнь учился на дуаре играть, а не... — Вдруг он кое-что вспомнил и оборвал фразу. — Есть одна старая песенка. Ее Джон-Том пел, когда я был молод. В смысле маленький. Детская песенка. Тогда она мне дурацкой показалась, но, может, тут подойдет. А больше ничего не придумать.

— Не время спорить, — рассудил Сквилл. — Попытка — не пытка.

Пальцы Банкана впились в дуару.

— Это не рэп, — предупредил он.

Ниина ответила с волчьей улыбкой:

— Рэп — наша забота. Давай клепаные слова, а мы их обработаем.

— Ну, это примерно будет так...

Он шепотом изложил, что помнил из сахариновой песенки.

Сквилл выразил сомнение:

— Кореш, ты не будешь в обиде, ежели я скажу, что мотивчик не больно-то волшебный?

— Переложи на рэп, — потребовал Банкан. — А я сыграю. Выбирать не из чего, надо попробовать.

Он указал на вожака, который уже заканчивал церемонию знакомства.

— А я, — произнесла тварь богатырского телосложения, — собака Баскервилей.

Банкан нахмурился.

— Кажется, я о тебе что-то слышал.

Псу это явно польстило.

— Стало быть, наша репутация известна даже за пределами болот. Приятно, но вряд ли неожиданно. Густые туманы и редкие ветры Нижесредних болот далеко разносят слухи. — Он поднял саблю. — Теперь вы знаете, кому выпало счастье пообедать вами, и можно приступать. Пора от беседы переходить к разделке туш. Не надо так дрожать, мы не жестоки и постараемся закончить побыстрее. Как только вы поймете, что сопротивление не только бесполезно, но и чревато болезненными ощущениями, просто сцепите лапы за спиной и вытяните шею параллельно земле. Я лично удостою вас обезглавливания. Мои коллеги в таких делах не всегда аккуратны.

Он шагнул к фургону, но Банкан остановил его взмахом руки.

— Погоди! Одна песенка перед смертью! Если считаешь себя великодушным, позволь нам последнее желание.

Гончий нахмурился.

— Музыка здесь как-то не прижилась, она раздавлена тяжестью уныния. Но если предпочитаете песенку драке, будь по-вашему.

— Ну, спасибо, — сказал Сквилл. — Я и сам считаю: помирать, так с музыкой.

Он отложил лук со стрелой.

— Только покороче, — предупредил гончий. — У меня в животе бурчит.

Банкан заиграл. Выдры запели, вспоминая слова, ловко меняя их местами и переиначивая. И получился рэп, не похожий ни на что из их прежнего творчества:

До чего же она, до чего же она,
До чего же она, эта псина
В окошке напротив, красива!
Ты знавал много сучек, пока не призвала война.
Но такую приятную глазу,
Как та, что напротив, — ни разу.
До чего, до чего, до чего же красива она!

На мордах псов читались скука и недоумение, но Банкан знай себе нанизывал аккорд на аккорд, оказывал музыкальную поддержку необычным стихам, придавал им несокрушимую ударную силу, каковая непременно изумила бы сочинителя оригинальной версии.

Однако ничего не произошло. Не материализовалась огромная хищная собака из иного измерения, чтобы до смерти перепугать разбойников, не вылезли из трясины клыкастые звери, алчущие разделаться с каннибалами в индивидуальном порядке, не появился агрессивный инструмент наподобие гигантского молота.

— Души вкладывайте! — зло прошипел Банкан товарищам.

Ниина ответила неприличным жестом, родившимся от союза беспомощности и отчаяния.

«Вот и все, — устало подумал Банкан. — Едва покинули дом, как нашли свой конец. Стоило обратить в бегство нескольких заурядных лесных татей, и ты возомнил, что тебе покорится весь мир. Какая нелепая и жалкая кончина!»

Вдруг между фургоном и вожаком начал сгущаться красный с багровым отливом туман. Тягловые ящерицы тронулись с места, шипя и плюясь от страха. Граджелуту, чтобы образумить их, пришлось взяться за вожжи. Гончий отскочил назад, вскинул саблю. Его подельники нервно перешептывались.

— Эй! Что бы тут ни происходило, пойте! — велел друзьям Банкан.

Не было нужды подстегивать выдр. Они уже обуздали мелодию и теперь насаживали куплет на куплет, войдя в своеобразный транс.

Неужели действует чаропение?

Туман бесцельно клубился, вытягивал жгутики, словно искал, за что бы зацепиться, где бы пустить корни.

Вдруг появилось свечение. Возникали бесформенные силуэты, постепенно проявлялись тела, обладающие плотностью и весом. Они не блистали доспехами и не размахивали оружием. Если на то пошло, их облачение предназначалось не для сокрытия прелестей, а для подчеркивания оных. И для соблазна. Банкан насчитал добрую дюжину призраков, ровно по одному на каждого члена прожорливого круга. И хотя не все они были гончими, каждый откровенно демонстрировал собачью похоть. Даже не искушенному в таких делах юноше их шелка и бархат показались провокационными.

Вдобавок ко всему каждая из вновь прибывших находилась в разгаре течки.

Появление дюжины соблазнительных шлюх подействовало на псов, подобно апокалипсическому грому небес. Разбойник со шрамом на морде выронил из онемевших пальцев меч. С предельно глупой миной он побрел в гостеприимные объятия ближайшей красотки. Она ловко обвила его лапами, и Банкан сразу понял, что это профессионалка.

Вожак пытался спасти застигнутую врасплох шайку. Но напрасно он кричал и раздавал тумаки. Внезапно высокая, безупречно причесанная афганка метнулась вперед и ласково чмокнула его в шею. Он вскинул саблю, но глаза уже опустились, нос конвульсивно задергался. Он был побежден.

— Гоните! — яростно прошептал Банкан загипнотизированному торговцу, не замедляя порхания пальцев по струнам.

Граджелут оторопело посмотрел на него, но в следующий миг опомнился и яростно взмахнул вожжами. Ящерицы медленно двинулись вперед, повозка заскрипела и застонала.

Никто не попытался отрезать беглецам путь, схватиться за упряжь.

Банкан развернулся на козлах и поглядел назад. Вроде бы собака Баскервилей попыталась вырваться из оргии. Но щеголеватый вожак тотчас упал под тяжестью сразу двух накликанных чаропевцами ночных бабочек. Упал и больше не поднимался.

Никто не преследовал путников на болотных просторах. В последний раз они услышали коллективный лай псов, но жалобное эхо скорее обнадеживало, чем пугало.

Лишь когда каннибалы остались далеко позади, Банкан отложил дуару, все еще опасаясь, что соблазнительные призраки оторвутся от своей работы и потребуют плату за услуги. В том, что это произойдет, он не сомневался, так как в чаропесне речь шла о деньгах.

Сквилл хлопнул его по спине.

— Отпадно ты их, кореш! Видал рожи, а? Чтоб меня оприходовали, ежели я завидую этим гаврикам!

Ниина раздраженно покачала головой.

— Не пойму, брательник, почему ты не составил им компанию.

Сквилл наморщил нос.

— Недосуг. Да и аппетит чуваки скоро нагуляют.

— А я и не верил, что получится, — скромно признался Банкан. — То есть надеялся, но не ждал такого результата. Другую подходящую песенку не мог вспомнить. — Он пожал плечами. — Это вас благодарить надо. Вы, между прочим, классно пели.

— Ну, так еще бы, — без колебаний согласилась Ниина.

— Подумать только — чтобы какая-то детская песенка... — недоумевал юноша.

— В детском воображении сокрыта большая сила, — заметил Граджелут. — Должен принести свои извинения.

— За что? — поинтересовался Банкан.

— За то, что сомневался в ваших чаропевческих способностях. Сейчас уже очевидно, что вашу молодость не следует считать негативным фактором.

— Переведи, шеф, — подал голос Сквилл.

Сестра цыкнула на него.

— Нам повезло, — скромничал Банкан. — Запросто могли попасть в желудки к этим мерзавцам.

— Не преуменьшайте значения содеянного вами. Ваши таланты неоспоримы.

Впервые с тех пор, как Банкан познакомился с Граджелутом, тот выглядел почти счастливым.

— Банкир, он прав. — Ниина подалась вперед, обняла юношу короткими лапами, пощекотала усами шею. — Пускай старина Клотазад поопытнее, а Джон-Том половчее, но такого крутого чаропевческого трио, как мы, этот мир отродясь не знал.

— Если нам разок-другой случайно повезло, это вовсе не

повод задирать носы, — возразил Банкан, однако в душе признал, что перспективы его радуют.

— Ну, так че, вислогубый? — Ниина ткнула Граджелута пальцем под ребро. — Доказали мы тебе, че не лыком шиты?

— Только начали. — Граджелут заерзал.

«Не любит, когда его трогают», — понял Банкан.

— Несомненно, впереди нас ждут новые опасности, новые нежелательные встречи.

— А можа, и обойдется, — храбрился Сквилл. — Можа, теперь мы тихой сапой доберемся до Правдивца. Е-мое, ведь мы почти проехали болото и разобрались аж с двумя гопами!

— Возможно, вы правы. — Торговец чуть распрямил спину. — Пожалуй, мне следует смотреть на вещи оптимистичнее, хоть это и не в моем характере.

— Шеф, ты мужаешь на глазах. — Сквилл положил лапу ленивцу на плечо. — Ты знай погоняй ящериц, а мы позаботимся обо всех, кому хватит наглости перейти нам дорогу.

Граджелут медленно кивнул.

— Хорошо, речной житель. Я лишь надеюсь, что ваши навыки зреют столь же быстро, сколь и самоуверенность.

Глава 8

Некоторое время казалось, что у Сквилла есть все основания для спокойствия. Остаток пути по болоту прошел без инцидентов, если не считать сущего пустяка — поломки колеса. Но купец быстро и ловко устранил неисправность.

Псов и след простыл, и никто опаснее поганки не пытался загородить дорогу странникам. В конце концов они выбрались с унылых просторов болот на широкую, слегка покрытую растительностью равнину, совсем не похожую на края, которые доводилось видеть Банкану и выдрам.

Они выросли под пышной сенью Колоколесья, а здесь их вмиг заинтриговали страдающие задержкой роста деревья, густые кустарники с сухой листвой и трава, едва прикрывающая землю.

— Э, так че, это и есть пустыня? — удивленно спросила Ниина, когда повозка загромыхала по едва различимой тропе. — Я слыхала про пустыни, они совсем не такие.

Позади неизбывный гнойный туман скрадывал западную окраину болот. В ярком солнечном свете тонуло последнее психопатическое эхо маниакально-депрессивных грибов. Что ни говори, приятно избавиться от их телепатического конвоя.

Легкие ветерки описывали пируэты, поднимали синеватую пыль, закручивали ее в песчаных чертиков. Хищные ширококрылые ящерицы демонстрировали фигуры высшего пилотажа. Они искали внизу мелкую, неспособную летать живность. Проныривые скользкие существа о множестве ног спешили убраться с дороги и попрятаться в тайных норах и впадинах.

— Нет, это не пустыня, — терпеливо объяснял Граджелут. — Здесь слишком много воды, да и растительности гораздо больше, чем в пустыне. Я бы назвал это предгорной саванной.

Он кивнул в сторону высоких, поросших чаппарелем столовых гор. В тех местах, где потоки пробороздили склоны, слоеным праздничным пирогом сверкал на солнце разноцветный песчаник.

— Правда, красиво?

Банкан согласился и решил, что не прочь посвятить денек-другой изучению этого края. Но, увы, он не располагал лишним временем. Да и выдры не разделяли его пристрастия к живописным видам. Им действовало на нервы отсутствие рек.

В течение следующих нескольких дней ландшафт почти не менялся. Возможно, это и не была пустыня, но жара стояла изрядная. К счастью, путники не испытывали недостатка в воде. То и дело им попадались ручейки, сбегающие с гор, и тенистые пруды, достаточно глубокие, чтобы выдрам удавалось освежиться.

— Здесь что, никто не живет? — спросил юноша на четвертый день после расставания с болотом.

Кибитка взвизгнула в унисон.

— Если верить слухам, здесь есть община, — ответил Граджелут. — Но вообще-то эти края изучены недостаточно. Цивилизованный народ предпочитает жить в Колоколесье или путешествовать на юг по Вертихвостке, а оттуда — к Глиттергейсту или Поластринду.

— И все же не пойму, почему здесь никто не поселился. — Глядя на негостеприимную равнину, Ниина скривила нос. — Слишком сухо, да? И слишком далеко от городов?

— Кое-кто предпочитает захолустье, — заметил торговец. — Мне случалось торговать с отшельниками.

— Ну да, о вкусах не спорят. И все-таки эта клепаная дорога должна кудай-то вести, — рассудительно предположил выдр. — Хотя мало кто ею пользуется.

Похоже, это соответствовало действительности. Никто не встретился путешественникам на другой день. Наконец они одолели невысокий подъем, и перед ними открылась зеленая долина. По ухоженным полям вились две широкие реки, окружая на удивление большой город. За гладкой белой стеной с резными парапетами высились трех- и четырехэтажные дома, щедро украшенные лепниной и покрытые белой краской, которая очень сильно отражала свет. Город так ярко сверкал под полуденным солнцем, что приближающимся странникам пришлось прикрывать глаза. Более всех страдал Граджелут.

Выдр, как всегда, привела в волнение новизна.

— Это где? Или, можа, надо спросить: это че?

У Сквилла возбужденно дергался короткий хвост.

— Не знаю, — признался купец. — Я уже говорил, мне здесь не доводилось бывать.

— Что бы это ни было, ясно одно: за ним хорошо ухаживают, — подал голос Банкан.

Фургон по еле заметным колеям катил к городским воротам. Юноша заметил, с каким нетерпением выдры глядят на ближайшую реку.

— Не знаю, как вы, чуваки, а я не прочь искупнуться.

Граджелут, как всегда осторожный, задумчиво пожевал губами.

— Что, если местные земледельцы не любят, когда приезжие плавают в их ирригационных каналах?

— Да не дрожи ты, — посоветовал Сквилл. — Свернем, не доезжая до городской стены, и укроемся где-нибудь выше по течению. Никто не засечет.

— Возможно, они не будут в претензии, — вынужден был уступить ленивец. — Община выглядит процветающей, наверное, здешние жители миролюбивы и гостеприимны.

Как и надеялся Сквилл, недолгое купание прошло незамеченным. В прекрасном настроении все сохли на солнышке, пока купец вел фургон к городу. Здесь дорога была разъезженной.

— Крестьянские телеги, — предположил Банкан.

Они приблизились к воротам. Тут въезжали и выезжали подводы, до отказа нагруженные продовольствием или фуражом, двуколки, верховые животные с седоками, но преобладали пешеходы. Банкан, как и всегда, выглядел великаном. Он знал, что его необычный рост — подарок отца, уроженца иного мира.

Аномалию первым заметил Сквилл.

— Е-мое! — изумленно воскликнул выдр, когда странники подъехали достаточно близко, чтобы рассмотреть горожан. — Да тут одни чертовы грызуны!

Он оказался прав. В городе жили только крысы, мыши, белки и их родственники. Ни одного представителя псовых, кошачьих, приматов или копытных. Ни одного выходца из иных теплокровных племен.

Неужели здешние обитатели предпочли самосегрегацию?

Город явно процветал, но Банкану было известно, что подобное замкнутое поселение неизбежно обречено на культурную деградацию.

В цивилизованном мире на грызунов смотрели свысока, пока они не помогли отразить натиск Броненосного народа в битве у Врат Джо-Трума. Посему удивительно было обнаружить здесь множество крыс и близких к ним созданий, изолированных от огромного и дивного разнообразия жизни в знакомых Банкану странах.

Ниина вскочила на спинку сиденья.

— Не, вы только гляньте! Да они ж все на одну рожу!

И это не было преувеличением. Банкану удавалось различать племена, но в рамках видовой принадлежности горожане были похожи как две капли воды. Каждый рядился во все белое — то ли простыни, то ли халаты. Причем облачался с головы до ног, оставляя только прорези для хвоста и ушей, и еще овал для морды. На задних лапах, независимо от их размеров и формы, обязательно виднелись белые сандалии.

Вездесущая белизна оставляла простор для некоторых вариаций, что в первую очередь относилось к пуговицам, поясам, кружевам и прочим тонким и изысканным украшениям. Иные горожане носили, кроме свободных простынехалатов, маски или расшитые шарфы, вероятно, для защиты от пыли.

Но еще приметнее, чем белизна, было безупречное состояние города и его жителей. Ни единого пятнышка грязи, ни кусочка отвалившейся штукатурки, ни трещинки, как ни вглядывайся.

Повозка проехала через незапертые ворота. Пара часовых — приземистые водосвинки — проводили ее взорами, но остановить не пытались. Они сжимали в лапах церемониальные копья с березовыми древками и острыми наконечниками из молочного кварца. Сразу за воротами глазам путников открылся сущий лабиринт. Все до одного строения — и скромные, и кичливые — были покрыты белой штукатуркой или краской. Вдоль улиц тянулись прилавки под белыми матерчатыми навесами, ставни на верхних этажах были покрыты тонкой резьбой. Самые чистые столы в линчбенийских тавернах позавидовали бы опрятности этой улицы.

— Вероятно, эта белизна имеет религиозную или социальную значимость, — предположил Граджелут. — Такая однородность недолго бы просуществовала без должной причины.

— Фигня это все, — проворчал Сквилл. — Скучища клепаная.

— Белый цвет отражает солнце и создает прохладу, — напомнил Граджелут, невольно защищая горожан.

— Интересно, как они нас встретят? — размышлял Банкан. — Судя по их лицам, здесь не часто видят приезжих.

— Да и кто сюда поедет, ежели для этого нужно пробиться через болота? — заметила Ниина.

— Вся эта монотонность внушает мне беспокойство, — сказал ленивец. — Она указывает на окостенелость мышления, что никогда не способствует расцвету торговли. Мы здесь не задержимся. Пополним запасы — и сразу в путь.

— Не хило б выспаться в настоящей койке, — подал голос Сквилл, — не говоря уж о приличной хавке для разнообразия.

Граджелут остановил повозку перед двухэтажным сооруже-

нием без окон на втором этаже. Там уже стояло несколько экипажей, тягловые рептилии томились на привязи. Огромный варан зашипел, но уступил место вновь прибывшим.

— Я по профессии торговец, — с достоинством ответил Граджелут, — а не кулинар.

И спустился с козел.

Мимо быстро шли по своим делам местные жители, озадаченно посматривая на приезжих. Из белых капюшонов торчали острые носы и длинные усы.

Банкан спрыгнул на землю вслед за Граджелутом. Он слышал, как перешептываются прохожие, но не мог разобрать ни слова.

— Че это они? Нешто боятся нас?

Сквилл опустил ладонь на рукоять короткого меча.

— У меня нет такого ощущения. Тут дело в чем-то другом. — Граджелут внимательно разглядывал стоящее перед ними здание. — Вот о чем я думаю, друзья мои. Примут ли нас здесь гостеприимно или лучше сразу ехать дальше?

— Ну, это выяснить проще простого. — Банкан заступил дорогу трехфутовому мышу с редкостно пышным хвостом. Горожанин остановился и изумленно вытаращился на высоченного человека.

— Милостивый государь, мы здесь впервые. Не соблаговолите ли сказать, что это за город?

Банкан надеялся, что его голос звучит дружелюбно, но твердо.

Мыш всплеснул лапками, сверкнув как минимум полудюжиной браслетов из белого золота.

— Знайте, примат: это Гигрия Равнинная. А теперь, будьте любезны, дайте пройти.

Он бросил беспокойный взгляд, но не на Банкана, а на других горожан, собравшихся вокруг. Юноша не шевельнулся.

— Сударь, прошу уделить нам еще секундочку. Мы вынуждены воззвать к гостеприимству вашего города. Вас не затруднит подсказать, где мы найдем приличную еду и кров?

Мыш судорожно сглотнул и отвернулся.

— Отсюда улицы сужаются к центру. Советую оставить экипаж и животных здесь. Что же касается ваших личных нужд, попытайте счастья в гостинице «Кристальная Чистюля». Там иногда принимают заезжих. Это через два квартала, в переулке слева. — Грызун колебался. — Хотя я бы на вашем месте здесь не задерживался. Сел бы в повозку и удалился как можно скорее.

— Почему? — Банкан сощурился. — Мы ведь только что приехали и ничего плохого не сделали.

Мыш поглядел на него еще боязливей.

— Вы нарушили закон.

Банкан покосился на Граджелута, тот недоуменно покачал головой.

— Какой еще закон? Мы здесь считанные минуты, за такой срок нельзя ничего нарушить.

Юноша наконец обратил внимание на странное поведение зевак. Как будто самим своим присутствием поблизости от иноземцев горожане боялись прогневить кого-то безымянного, но тем не менее грозного.

— Что ж, я исполнил долг вежливости. — Мыш стремительно спрятал лапы под белой одеждой, поклонился и шмыгнул влево. На этот раз Банкан не успел его остановить.

— Кореш, ты только глянь!

Банкан обернулся на зов. Выдры стояли на противоположной стороне улицы под навесом. Он неторопливо подошел и обнаружил, что они рассматривают товары очень нервной зеленщицы: белый лук, белый виноград, продолговатую белую дыню. Кроме этого, на прилавке лежали перец, помидоры и другие знакомые овощи.

— А тут не все белое! — закричал Сквилл.

Ниина взяла что-то бледное в зеленоватую полоску, смахивающее на огурец.

— Хозяйка, почем?

Тушканиха замахала на нее лапами, высокий тюрбан грозил в любую секунду свалиться с ее головы.

— Уходите, уходите!

При этом она боязливо озирала улицу.

— Да ладно тебе дергаться, подруга, — тихо проговорила Ниина. — Че я такого сказала? Я просто есть хочу. — Она показала пригоршню монет. — Разве этого мало?

— Да, да! Вполне достаточно. — Тушканиха в отчаянии протянула лапу и взяла две самые мелкие монетки. — А теперь уходите! Уходите!

Озадаченные покупатели вернулись к Граджелуту.

— Они не злые, и на том спасибо. — Ниина захрустела необычным овощем. — А че, не так уж и плохо. Ореховый привкус...

— Можа, и не злые. — Сквилл кивнул. — Зато необщительные.

Банкан разглядывал улицу.

— Пошли, поищем гостиницу. — Он повернулся к зеленщице: — Если мы оставим тут имущество, его не украдут?

Тут беспокойство торговки сменилось гневом:

— Конечно, не украдут! Вы же в Гигрии. К такому грязному имуществу здесь не то что прикоснуться, даже подойти не захотят.

— Стало быть, они гордятся своей чистоплотностью, — пришел к выводу Банкан.

— О да, — согласился Граджелут, шагая рядом с ним по

улице. — Осмелюсь даже предположить, что они создали культ чистоты.

— Но ведь это должно привлекать туристов.

— В самом деле? — покосился на него купец. — Сомневаюсь.

Через два квартала они свернули в узкий переулок. По пути Банкан не заметил, как ни присматривался, пятнышка или соринки. Да, Гигрия по чистоте легко затыкала за пояс любое из знакомых ему поселений. В сравнении с ней Линчбени, довольно ухоженный лесной городок, выглядел зловонной выгребной ямой.

Граджелут оглянулся на свою повозку.

— Похоже, эта дама сказала правду. Не сомневаюсь, что наше имущество останется в целости и сохранности. Впрочем, вам-то об этом беспокоиться не надо, все свое вы забрали с собой.

— Че такое? — насмешливо спросил Сквилл. — Доверие? Купец, это ж не в твоем стиле.

Ленивец повел лапой вокруг.

— Как нас и предупреждали, этот переулок слишком узок для фургона. Он предназначен только для пешеходов, и гримасу отвращения на лице владельца вон той лавки я нахожу вполне убедительной.

Взгляд Ниины перебегал со здания на здание, и все они были безупречно чисты.

— Неуютное какое-то местечко. Такая белизна, такой порядок, аж зубы ноют.

Найти гостиницу оказалось несложно. Перед ней красовалась резная вывеска из белого дерева. Но, прежде чем путники успели войти, их внимание привлекла к себе приближающаяся с другого конца переулка шеренга из полудюжины горожан — облаченных в белое морских свинок. Каждая с фанатичной целеустремленностью атаковала свой участок мостовой широкой метлой с коротким метловищем. За ними следовала группа мышей и ондатр, вооруженных белыми мусорными ящиками на колесиках и двуручными совками.

Наступая с четкостью воинского подразделения, это мохнатое сборище только что не полировало гладкие плиты мостовой. Банкан, как ни вглядывался, не мог проникнуть взором за клубящееся облако поднятой ими пыли. Вероятно, шлифовальщики появятся позже, не без сарказма решил он.

— Е-мое, вы только гляньте! — пробормотал Сквилл. — Эти чистоплюи языками улицу вылизывают.

— Неудивительно, что тушканиха сочла нас грязнулями, — добавил Банкан.

Ниина не удержалась от ухмылки.

Из прохладного сумрака гостиницы вышел разодетый капибар. Он был полноват, мех на голове расчесан на пробор. Банкан попросил его остановиться.

— Откуда вы, пришельцы? — с подозрением спросил капибар путников.

— С Нижесредних болот, — гордо ответил Сквилл.

Гигриец поглядел на него в упор, подергивая тупым носом.

— Я в этом сомневаюсь, однако вижу, что вы не из наших краев.

Банкан указал на приближающихся чистильщиков.

— И часто они так?

— Разумеется, несколько раз на дню. — Капибар неприязненно фыркнул и отступил назад, чтобы увеличить дистанцию между собой и высоким человеком. — Гигиенический патруль.

Сквилл захихикал.

— Патруль? И че он сделает, когда найдет грязь? Арестует?

Граджелут испуганно замахал на него лапами, но выдра это, конечно, не образумило.

— Вам, иноземцам, естественно, этого не понять. — Капибар снова фыркнул. — Но мы гордимся своим укладом. На вашем месте я бы как можно скорее уехал отсюда.

— Почему?

Банкан вспомнил предупреждение мыша.

— Потому что вы не соответствуете нашим высоким стандартам. Ну, а теперь, если не возражаете, я с вами попрощаюсь.

Банкан шагнул в сторону и проводил взглядом уходящего вразвалку капибара.

— Интересно, что он имел в виду?

— Не знаю, — сказал Граджелут. — Но лучше не стоять, иначе нас выметут вместе с мусором.

Они вошли в гостиницу как раз в тот момент, когда с ними поравнялся патруль. Банкан был вынужден признать: точность и слаженность движений восхищали. Как только уборщики прошли мимо, он высунул голову из дверного проема и посмотрел им вслед.

— Похоже, пронесло.

По плечу его постучал палец.

— Не совсем, кореш, — заметил Сквилл.

По следам подметальщиков шествовало отделение копейщиков — пак, белок, дегу, капибар и прочих грызунов. Они шагали двумя шеренгами, перегораживая переулок от стены до стены. Белые мундиры сверкали чистотой. Каждый стражник поверх капюшона носил бандану без узора. Только на головной повязке низкорослого крыса, шествовавшего впереди, сверкала золотая эмблема. Когда отделение остановилось перед гостиницей, Банкан спокойно встретил взгляд командира. Крыс рассматривал пришельцев, и его отвращение было почти осязаемым.

— Чужаки, — пробормотал он. — Только что прибыли?

— Совершенно верно, — подтвердил Банкан. И вдруг почувствовал, что Граджелут за его спиной пытается раствориться в тени.

Два дегу заметили маневр ленивца и вошли в гостиницу, растолкав выдр.

— Вы должны пройти с нами, — сказал Банкану крыс.

Банкан нахмурился.

— С какой стати? Мы всего лишь хотим снять номер-другой.

— Мы позаботимся о вашем размещении.

Крыс отдал краткий приказ, и наконечники восьми пик нацелились в путников.

Банкан положил ладонь на меч, но Граджелут подступил к нему вплотную.

— Мы в самом центре города. Сопротивление бесполезно.

Как всегда, купец говорил дело. Юноша заставил себя расслабиться.

— Возможно, они хотят всего лишь расспросить нас, — сказал ленивец. — Наверное, придется дать взятку. Чего бы они ни хотели, лучше выполнить их требования, чем устраивать скандал.

— Эт ты так считаешь, — буркнул Сквилл, но за оружие не взялся.

— Ничего не предпринимаем!

Банкан шагнул вперед.

Крыс ростом в три с половиной фута мгновенно отступил от высоченного примата, выхватил из кармана серебряный свисток и изо всех сил дунул. По улице раскатился оглушительный свист. Словно ниоткуда появились новые солдаты, и через считанные мгновения путники оказались даже не окружены, а зажаты толпой.

— Эй, полегче!

Банкана, как и его товарищей, возмутила столь неожиданная и ничем не спровоцированная демонстрация силы. Впрочем, он сразу понял: бессмысленно хвататься за меч или даже за дуару. Судя по воинственным гримасам, эта рать при малейшем намеке на агрессию пустит в ход свой грозный арсенал.

— Мы пойдем сами.

— Разумное решение. — Крыс удовлетворенно кивнул.

Пехота в белом образовала непробиваемый строй как впереди, так и позади помрачневших путников. И вывела их на улицу.

— Вы все еще не сказали, что мы сделали плохого, — обратился Банкан к начальственному крысу.

— Что вы сделали плохого? — оглянулся на него командир патруля. — Своим присутствием вы нанесли оскорбление городу! Сам факт вашего нечистоплотного существования подрывает моральные устои, это поистине насмешка над всем, что свято для нашего достойного общества!

— Э, шеф, полегче! — сказал Сквилл. — Ты че, намекаешь, что мы с чуваками — грязнули?

— Нет, — ответил крыс. — Не намекаю. Я прямо говорю, что вы ведете гадкий, предосудительный, грязный образ жизни. От вас ужасно пахнет, и ваши ноги оскверняют землю при каждом соприкосновении с ней. Что же касается вашего дыхания, то его не описать никакими словами!

Ниина наклонилась к брату.

— Похоже, этот хмырь намекает, что мы не совсем вписываемся в тутошние представления о чистоплотности.

— У вас будет возможность очиститься, насколько это возможно, прежде чем вы предстанете перед магистратом, — сообщил крыс, когда они повернули за угол.

Улица примыкала к скверу, заточенному в белый известняк. В центре, вокруг фонтана из белого мрамора, собралась толпа. Жители глазели, разинув рты, на импровизированный парад.

На другой стороне площади высилось большое здание. Туда-то и привели путников и велели ждать в просторном зале, пока командир советовался с сидящей за конторкой коллегой. Затем последовало требование сдать оружие и личные вещи. Возражать, разумеется, не было смысла. К великому огорчению Банкана, пришлось отдать и дуару. Сразу после этого большая часть эскорта удалилась. Оставшиеся отконвоировали путников, не очень вежливо подталкивая, по короткому коридору в просторную камеру с решетчатой стеной. Расположенные необычно, наискось, прутья решетки были выкрашены в белый цвет.

Если это и была тюрьма, то беспрецедентно чистая.

Сквилл вцепился в прутья и закричал вслед крысу и его спутнице, главной тюремщице:

— Э, начальнички, так-растак! Не советую держать нас тут дольше, чем нам самим захочется! Мы — могущественные волшебники, вот так!

Крысы оглянулись и ехидно заулыбались.

— Да, конечно. Но только ответь, чужеземец: если вы такие великие мастера тайных искусств, почему не воспользуетесь магией, чтобы хорошенько вымыться?

— Че? Ты кого назвал грязнулей, голохвостый?

Сквилл запрыгал от негодования.

— По цивилизованным меркам, вы нечистоплотны.

Офицеры скрылись. Ниина опустилась на одну из двух подвешенных коек. Очевидно, так легче было их мыть, предположил Банкан.

— Зато нет проблемы с ночлегом. — Юноша решил проявить оптимизм. — Все не так уж плохо. Непривычно, но, похоже, неопасно. Мы ответим на их вопросы, дадим, как предлагает Граджелут, на лапу, пополним запасы и уберемся из этой чистоплюйской Гигрии.

— Мой фургон, моя упряжка... — причитал купец.

Банкан сурово посмотрел на него.

— Кажется, это вы предложили подчиниться блюстителям порядка.

Ленивец ответил с нетипичной для него строгостью:

— Вы же видели, сколько их. В ближнем бою у нас не было бы ни единого шанса. Хороший стратег выбирает ситуацию, удобную для него, а не для противника.

— Эт точно. — Сквилл сложил лапы на груди. — И теперь, значица, самое подходящее время нам, обалденным стратегам, выбираться из этой клепаной кучи стерильного дерьма.

— Но мы, по крайней мере, живы. — Ленивец демонстрировал нехарактерное для него упрямство. — У нас не было права на ошибку.

— Ваще-то можно выбраться отсюда с помощью волшебства... — пробормотала Ниина, — да вот только...

— Дуару отобрали, — закончил за нее Банкан. — Делать нечего, остается только вымыться, чтобы соответствовать высоким стандартам.

— Чувак, ты не дослушал. — Сквилл провел лапой по косым прутьям. — После помывки нас обещали не отпустить, а отвести к тутошним законникам. Сдается мне, кореша, хоть из шкуры выпрыгни, все равно не дотянешь до ихних клепаных стандартов. — Он показал острые зубы. — И ваще не люблю я, когда всякие отбеленные поганцы мне в нос тычут.

— Может быть, им хватит только денег? — предположил Граджелут.

— Можа быть, можа быть, — пробормотал Сквилл. — А можа, эти морды хотят отобрать все, а нас самих сгноить в сучьей камере?

— Не сгноят, — возразила его сестра. — Это ж не очень чисто.

— Допустим, да тока неохота мне тут торчать и выяснять, че они затеяли.

Граджелут поднялся с нар и посмотрел в коридор.

— Сюда идут.

Явилась комендантша с парочкой странно одетых лесных сурков на флангах. Их наряды были щедро разукрашены загадочными символами.

Они остановились у камеры. Ближайший сурок поправил на носу бифокальные очки.

— Ну-с, и кто у нас тут?

— Выдают себя за волшебников.

Крысиные губы сложились в язвительную ухмылку.

— А на мой взгляд, больше похожи на бродяг, — поделился мнением второй сурок. Он был чуть повыше своего сородича.

Его коллега кивнул.

— Я Мультумот, главный магистр тайных искусств пречистой Гигрии. Я не верю вам, однако готов изменить свое мнение. Если вы — чародеи, продемонстрируйте свое мастерство.

— Шеф, ты хочешь сказать, что отпустишь нас? — возбудился Сквилл. — Ага?

— Для эффективной демонстрации недостаточно одного энтузиазма, — сухо произнес сурок.

— Просим прощения, если невольно оскорбили вас. — Граджелут приблизился к решетке. — Если соблаговолите вернуть наше имущество, мы незамедлительно уедем.

— Слишком поздно. — Комендантша улыбалась. — Вы совершили серьезное преступление и должны понести наказание.

Граджелут качнул косматой головой и пробормотал:

— Этого-то я и опасался.

— Ага, купеза, и ты был прав. — Ниина уставилась на крысу. — Вот че им надо было все это время. А ну-ка, лысохвостая, ответь, совесть у тебя такая же чистая, как задница?

— Не понимаю, о чем вы говорите.

Судя по тону, комендантша поняла очень хорошо.

— Отпадно. — Сквилл проявлял нетерпение. — Они хотят доказательств, таки дадим им доказательство.

— Может, проще заплатить штраф? — спросил расстроенный Граджелут.

— Ленивец, заткни пасть, — велел выдр. — Это уже личное.

— Мне понадобится мой инструмент.

Банкан изо всех сил изображал равнодушие.

— Магистру угодно видеть волшебство, а не слушать музыку, — с омерзением процедила крыса.

Мультумот махнул лапой.

— Принесите, что он просит, но сначала загляните внутрь, нет ли там оружия или хитрых устройств. — Он оценивающе посмотрел на юношу. — Человек, надеюсь, ты не пошутил? Фокусничать не советую.

Банкан тщательно сохранял на лице безразличную мину. Появилась белка с дуарой. Юноша нежно прижал инструмент к груди, затем проверил, все ли цело. Успокоившись, повернулся к выдрам. Те подпрыгивали от нетерпения.

— Что-нибудь легонькое, — предложил он. — Напоказ, не более того.

— Че? Легонькое? Да я щас весь клепаный городишко в пыль раздолбаю! — вскипел выдр.

— А как насчет того, чтоб решетку расплавить? — Ниина ласково улыбнулась крысе. — Достаточно будет такого доказательства?

Комендантша слегка распрямила спину. Впервые она выглядела не слишком уверенной в себе. Сурки, напротив, никак не отреагировали.

— Пожалуй, это было бы интересно, — решил коллега Мультумота.

Банкан отвесил легкий поклон и заиграл. Через секунду-другую вступили певцы.

Нету просвета в вонючей темнице.
Впору срываться. Не в жилу томиться!
Делаем ноги, канаем на волю.
Ветер следы заметет в чистом поле.
Ливни прикроют отход до границы.

На сей раз туман был темным, грозным. Вскоре он превратился в настоящую тучу. Раздался приглушенный гром, по решетке заплясали миниатюрные молнии, обвивали металл, впивались в пол и стены. Стробоскопический луч выхватывал лица выдр и дуариста, превращая их в варварскую скульптуру. Комендантша заробела и отступила на шаг-другой, сурки остались на месте. В вестибюле виднелись растерянные слушатели: охрана и администрация.

Мультумот невозмутимо поднял короткие лапы и что-то лаконично пробормотал. Его коллега достал из-за пазухи фляжку и побрызгал на решетку. Жидкость сильно пахла лимоном и нашатырным спиртом.

У Банкана защипало в носу, он знал, что выдры, обладающие куда более чуткими ноздрями, не могли не заметить этот запах.

В коридоре появилось второе облако. Густое, ярко-белое, сверкающее серебром, непорочно-чистое и пышное. По приказу Мультумота оно целеустремленно поплыло к решетке. Банкан, стараясь не замечать его, аккомпанировал обеспокоенным выдрам. Белое облако соприкоснулось с распластавшейся на решетке тучкой. В местах контакта заполыхали изломанные молнии, помещение заполнил сильный запах озона. Темный сгусток, вызванный ниоткуда Банканом и его приятелями, распадался на крошечные безвредные клочки.

Засим последовала вспышка, вынудившая всех заморгать. В камере и коридоре господствовали ароматы лимона и потустороннего освежителя воздуха. Трио пело и играло с прежней решительностью, однако ему не удавалось восстановить темное облако.

— Вот и все ваше жалкое чародейство, — констатировал с довольным видом коллега Мультумота. — Мы, волшебники Гигрии, можем легко стереть его с лица земли, смыть, выбросить из этого измерения. Благодаря нашим дезинфекционным заклинаниям камера останется белой, как лебяжий пух, кристально чистой, несмотря на все ваши попытки замарать ее иноземным чаропением.

За его спиной ликовала комендантша.

— И че, им это сойдет? — выпалил негодующий выдр. — Давай-ка еще разок, шеф.

— Ну, Сквилл, я даже не знаю. — Усталые пальцы Банкана сползли со струн. — Я, кажется, немного не в форме. Может, лучше передохнуть, подумать над текстом?

— Банкиль, на нас не греши, — сказала Ниина. — В этот раз мы ни при чем.

Он заставил себя выпрямиться.

— Ладно, еще одна попытка.

— Ага, вздуем грязных педиков.

Сквилл наклонился к сестре — обменяться идеями.

Как только они сочинили стихи, грянула песня. На сей раз исходивший из дуары туман был гневно-красным. Он повизгивал и лопотал, он буйно пульсировал. Отточенные стихи выдр были под стать алым клинкам, что выскакивали из сгущающегося тумана. Клинки шарили вокруг, с шипением рассекали воздух, искали жертву. Тучка неотвратимо плыла к решетке.

Глава 9

Комендантша не выдержала и попятилась, скрываясь в конце коридора.

Сурки дрогнули, но устояли на месте. Глядя на приближающееся грозовое облако, они воздели лапы и дружно забубнили заклинание. Из тучи появились хваткие руки, потянулись вперед. Но тут материализовалось второе белое облако. Оно было гораздо активнее своего предшественника, оно вертелось и клубилось, пока не обрело очертания песчаного смерча. Банкан только рот разинул от изумления, глядя, как оно, крутясь вокруг своей оси, несется к решетке. На сей раз при соприкосновении враждующих чар не возникало жуткого сполоха и кривых молний — лишь тихое горловое бульканье. Банкан играл, выдры пели, а лесные сурки в белых одеждах размахивали лапами и бормотали как умалишенные.

Граджелут сидел в углу, подперев лапами лохматую серую голову. На его морде застыло выражение безнадежности.

Завибрировали прутья решетки. Вскоре их поддержали тюремные стены. Банкан щипал струны и гадал, не перестарался ли он. Известковый раствор, скреплявший камни, превращался в пыль, она клубилась в воздухе.

Как ни яростен был выдров рэп, он не мог состязаться с творением сурков — циклонным пылесосом. Смерчик разорвал в клочья красное облако, раскрошил уродливые клинки и руки, затянул их в себя. Когда исчез последний алый обрывок, смерч съежился и с тихим «пуфф» прекратил свое существование.

Боль в глотках заставила выдр сдаться. Последний бессвязный перебор — и Банкан тоже умолк. Пропало сияние. В камеру вернулась тишина. И чистота. Исключительная чистота.

— Как видите, — подал голос Мультумот, — весь гнев, вся ярость Запределья не в силах противостоять качественной гигиене, особенно волшебной. — Под мышками у сурка виднелись влажные пятна.

— Да ведь мы ничего предосудительного не совершили, — возразил Банкан. — Не за что держать нас взаперти.

К Мультумоту быстро возвращались силы.

— Либо Киммельпат, либо я постоянно будем дежурить возле вашей камеры. Предупреждаю, не вздумайте что-нибудь выкинуть. — Он состроил самую грозную мину, на какую только способен трехфутовый лесной сурок. — Пока мы с коллегой только противостояли чародейству, не обращая свое оружие непосредственно против вас. Но если это случится, поверьте, вы вряд ли получите удовольствие. А следовательно, рекомендую хорошенько следить за своим поведением.

— Шеф, да ты нас не боись. — Сквилл прижался мордой к решетке. — Ладно, Банкан, давай-ка еще разок...

— Нет. — Банкан успокаивающе положил руку на плечо выдра. — Хватит. Пока воздержимся. Я еще не готов к новой попытке. Погодим. Эх, был бы здесь Клотагорб... — добавил юноша. — Я своими глазами видел, как он управлял заколдованным ветром, только не белым. — Он окинул взором ряд камер по другую сторону коридора. — Может, найдется другой способ, получше...

Подошел Граджелут.

— Что с нами будет? — печально спросил ленивец тюремщиков.

— Вашу судьбу решит суд магистрата, — ответил Мультумот. — Предполагаю, что вы подвергнетесь очистке, а вот до какой степени — этого сказать не берусь. Одно знаю наверняка: прежде чем вы предстанете перед судом, вам велят избавиться от грязной одежды.

— Что-то мне надоело слушать, как я грязен, — пробормотал Банкан.

— А я никуда не собираюсь шлепать без порток, — добавил Сквилл.

— Маджа это не смутило бы, — заметила его сестра. — Он, поди, полжизни без штанов провел.

Два пухлых волшебника в белом удалились. Комендантша глянула на узников с самодовольной ухмылкой и последовала за сурками.

Вечерняя трапеза ничуть не повысила настроение приговоренных. Еда была стерильной и пресной, как все кругом.

Сквилл наполнил раз-другой пасть и брезгливо оттолкнул тарелку.

— Сучьи помои! Не лезут в глотку.

Ниина еще раньше пришла к такому же выводу. У нее вздрагивали от омерзения нос и усы.

— Еда вполне питательная, мне случалось пробовать и похуже.

Граджелут без видимых усилий подчищал посудину. Выдры, не веря своим глазам, уставились на него.

— Боюсь, у меня не такой крепкий желудок. — Банкан отодвинул свою порцию и окинул взглядом пустующий коридор. — Еще денек на подобных харчах, и мы так ослабеем, что перестанем даже помышлять о бегстве.

— Чуваки, вы заметили? Никто не обмолвился, скока нас тут продержат, прежде чем потащат в чертов магистрат, — сказала Ниина. — Можа, неделю, а то и месяц.

Сквилл опустился на пол, прислонившись к стене.

— Гады, пусть хоть пытают. Все равно не отдам штаны.

— Сейчас только один волшебник на посту, — прошептал Банкан. — Если внезапно грянем новую песенку...

— У меня есть подозрение, что его коллега находится недалеко.

Банкан повернулся к Граджелуту. Ленивец терпеливо добавил:

— Вы очень, если не чрезмерно убедительно продемонстрировали свои чаропевческие способности. Возможно, наши перекормленные противники готовы в случае необходимости призвать на помощь других колдунов. Мне кажется, надо поискать иной путь к спасению.

Банкан старался не замечать исходящий из тарелки запах.

— Джон-Том придумал бы, как отсюда выбраться.

— Эт точно, — с готовностью подтвердил Сквилл. — На худой конец сровнял бы с землей вонючее логово.

— Черт бы побрал фанатиков, — добавила Ниина. — Для них грязно все чужое, и от одного нашего вида их тошнит.

— Разве можно чаропесенками бороться с манией чистоты? — поинтересовался обескураженный Банкан.

Сквилл почесал затылок, затем колено, затем ягодицу. Вдруг он прекратил это занятие и резко выпрямился.

— А можа, прав купчишка. Кажись, есть способ получше.

— Получше чаропения? — покосилась на него Ниина. — Брательник, ты всегда ходил с мозгой набекрень.

— Ошибаешься, милая сестрица, ошибаешься. — Выдра охватило возбуждение. — Слушайте сюда! Эти педрилки ненавидят все, че плохо пахнет или плохо выглядит, и ваще беспорядок. Правильно я говорю?

Выражение лица Банкана говорило о том, что он ничего не понимает. Рекордное недоумение читалось на морде Граджелута.

— Я не улавливаю нить ваших рассуждений, — признался купец.

— Да неужто не просекаете? Мы ж с сеструхой эксперты по части бардака.

У Ниины блеснули глаза, усы приподнялись, губы расплылись в улыбке.

— Эй, а ведь он прав! Выдры — мастера шкодить, для них это совершенно естественное занятие.

— И мы учились у лучших наставников! — добавил Сквилл, имея в виду своего знаменитого и, увы, не всегда добрым словом поминаемого отца.

— Теперь я понимаю, к чему вы клоните. — Граджелут почесал шею толстым когтем. — Но это все же рискованно. Наши тюремщики могут обезуметь от злости.

— В задницу наших тюремщиков! — рявкнул Сквилл. — Они и так психи, в натуре. — Он повертел пальцем у виска. — Че еще они могут нам сделать?

— Убить, — спокойно ответил Граджелут.

— Ну, допустим, — согласился выдр. — Тока ежели получится, в чем я лично сомневаюсь.

— Но и в обратном вы не уверены. — Ленивец вернулся в угол камеры и сложил лапы на груди. — Надеюсь, вы окажете услугу вашему покорному слуге, избавите его от необходимости участвовать в этой явной авантюре.

— Да ладно, шеф, обмякни. — Ниина безошибочно разгадала его страх. — Не пострадает твоя драгоценная шкура. От тебя ж за версту несет придурковатым чистоплюем.

— Спасибо, — сухо заметил Граджелут.

— А ты, Банкли, будь на подхвате, — продолжала выдра. — Встань в уголке рядышком с нашим проводником и предоставь нам с братцем всю грязную работу. Ежели понадобится твоя помощь, скажем.

Банкан вдруг обнаружил, что заразился выдровым азартом.

— Пожалуй, я бы мог кое-что сделать...

Сквилл, потирая ладони, осматривал камеру.

— Да, чуваки, работенка намечается не из легких. — Его взгляд упал на тарелки с едой. — Кажись, я дозрел перекусить чем бог послал.

Один из надзирателей, заслышав шум, пошел посмотреть, в чем дело. А когда увидел, у него глаза полезли на лоб.

— Прекратите! Немедленно прекратите!

Потрясая копьем, он бросился к камере.

Сквилл, мочась на ходу, вразвалочку приблизился к решетке, ухватился за прутья и окропил безупречно белую обувь грызуна. Гримаса изумления на морде вертухая сменилась ужасом,

словно его переехала груженая подвода. Он взвизгнул, выронил оружие и во всю прыть помчался к выходу.

Выдр улыбнулся товарищам, не прекращая своего занятия. Близнецы методично превращали камеру в свинарник, а Граджелут с Банканом не покидали свой девственно чистый угол и наблюдали, мешая любопытство с тревогой.

По коридору вышагивал Киммильпат, прикрываемый двумя белками с мечами наголо и заспанной комендантшей.

— Что такое? Что здесь происходит? — выкрикивал, приближаясь к камере, чародей. — Что за суматоха! Вам это с лап не сойдет! Не успел я уснуть, как меня разбудили, и за это...

И вдруг он застыл как вкопанный, челюсть его отвисла. То же самое произошло и с его свитой.

Сквилл и Ниина разделись и разбросали одежду по камере. Их примеру последовали Банкан и — неохотно — Граджелут. Оба, совершенно голые, прислонились к стене напротив решетки. Казалось, в прачечной взорвался бак с грязным бельем. Параша была опрокинута, ее зловонное содержимое выплеснулось в коридор, кое-что осталось и на решетке. Повсюду валялись осколки посуды вперемешку с ватой из изодранных матрасов. Добрая половина еды очутилась на стенах, кусочки мяса и овощей скользили по белоснежной поверхности.

У сурка внутри все задрожало, но голос остался твердым:

— Я понял, что вы затеяли, только ничего не выйдет!

Не успел он договорить, как двое надзирателей, зажимая ладонями пасти, бросились наутек. Комендантша осталась — крепкий орешек. Но выглядела она крайне жалко.

— Че не выйдет, начальник?

Сквилл прижался к решетке и высунул язык. С оттопыренной нижней губы потекла слюна.

Комендантша съежилась.

— Эту грязь придется убирать чистоплотным горожанам! — запротестовал волшебник. — Но сначала мы будем вынуждены долго их уговаривать. Требую немедленно прекратить безобразие!

— Че за безобразие?

Ниина подошла к брату, наклонилась и слизала грязь с пола.

— Хррр... Я вас предупреждал!

Киммельпат поднял лапы и забубнил.

Сквилл повернулся к сестре.

— Нехилый голос, правда? Хотя, на мой вкус, чуток пискляв.

Он просунул морду как можно дальше между прутьями, погрузил в рот мохнатый палец и с поразительной силой осквернил непорочно чистую, прихотливо и тщательно расшитую мантию волшебника.

Ошеломленный Киммельпат умолк на середине заклинания и оглядел себя. В следующий миг его ноздри уловили аромат

пищи, которая из желудка выдра перекочевала на одежду достойного чародея. Понятно, устоять под натиском рвотных миазмов его невинный организм никак не мог. Киммельпат круто повернулся и облевал пол у ног комендантши, только чудом не испачкав ее подол.

Между тем в вестибюле воцарился подлинный бедлам. Перепуганные, ничего не понимающие надзиратели бестолково метались и галдели. Происходящее в коридоре и камере было скрыто от их глаз. Но не от ушей. И услышанное вовсе не придавало им отваги.

— Ну, спасибочки, шеф. — С губы Сквилла обильно текла слюна. — Теперь у нас хороший пример, здорово вдохновляет. Так и быть, давай почищу. — Он набрал полную пасть воды из уцелевшего кувшина и обрызгал, не потеряв ни капли, физиономию не подозревающего о подвохе волшебника.

Потрясенный сурок лишился чувств, а Сквилл заглянул в почти опустевший кувшин.

— Трудно созидать шедевры, када материала в обрез. А ну, — крикнул он комендантше, — тащи еще жратвы, а то мы едва распробовали, вот так!

Горстка надзирателей робко проникла в коридор. Они собирались помочь своей начальнице, но зрелище и запах заставили авангард развернуться и в панике смять следующий ряд.

Зажимая нос пальцами, Банкан гнусаво сказал Граджелуту:

— Видите, Сквилл был прав. Этот народ так привык к чистоте, что совершенно теряется, сталкиваясь с настоящей грязью.

— Все-таки они способны нас умертвить.

Ленивец сделал все от него зависящее, чтобы нейтрализовать собственный сверхчуткий нос.

— Только если пригрозим снова устроить беспорядок.

— А вдруг они владеют какой-нибудь стерилизационной магией, о которой мы не знаем?

— Граджелут, я смотрю, в серьезных переделках оптимизм из вас так и хлещет.

— Я реалист, — возразил торговец, — и у меня есть серьезная причина для пессимизма.

Он указал на толпу охваченных паникой вертухаев. Через нее пробивался главный гигрийский колдун Мультумот, сверкая белой с золотым шитьем служебной мантией. Однако достоинство, украшавшее его широкую, мохнатую и усатую морду, как ветром сдуло, когда он оттолкнул комендантшу и остановился рядом с коллегой.

— Что это за... мерзость?

— Провокация! — слабо пропищал в высшей степени расстроенный Киммельпат. — Они добиваются, чтобы мы их отпустили.

Мультумот гневно уставился на узников и помог коллеге утвердиться на ногах.

— Этому не бывать. Не бывать, пока в моих членах не иссякла праведная сила!

Прикрывая лапой крупный нос, он решительно устремился к зловонной решетке. Вторая лапа была воздета над головой, между растопыренными пальцами посверкивали миниатюрные молнии. Низким грудным голосом он бормотал заклинание, судя по тону, нешуточное.

Но не успел маг закончить первое предложение, как Сквилл, используя преимущество внезапности и демонстрируя исключительную точность, обрызгал его оставшейся водой из кувшина. Под этим душем Мультумот вмиг лишился дара речи. Он ошалело поморгал и, полностью осознав, что произошло, потерял сознание.

Ни униженный Киммельпат, ни комендантша, никто из рядовых надзирателей не набрался храбрости, чтобы прийти на помощь магу. Тем временем выдры, вооруженные неисчерпаемой энергией и природным энтузиазмом, не жалели сил для загрязнения как камеры, так и примыкающего к ней коридора. Банкан, заразясь их азартом, принимал посильное участие. У Граджелута хватало сил и смелости лишь на то, чтобы изредка плевать на пол. Гораздо охотнее он сидел на корточках, закрывая морду лапами, и стонал.

Наконец в коридор прокралась троица охранников, рты и ноздри они защищали импровизированными масками. Вытолкав полуобморочного Киммельпата, надзиратели вернулись за коматозными коллегами. В вестибюле царил сущий хаос, паническая какофония была слышна даже в камере.

Выдры, измученные, но возбужденные, решили передохнуть.

— Это заставит клепаных сурков задуматься! — воскликнул удовлетворенный Сквилл. — Интересно, как они собираются реагировать на нашу маленькую вечеринку?

Банкан крепко зажимал нос, а ртом старался дышать через раз. Выглянув в коридор, он сказал:

— Как бы ни реагировали, надеюсь, они не заставят себя ждать. Здесь жарко, и у меня проблемы с вестибулярным аппаратом.

— Эй, Банкинс, — встревоженно окликнула его Ниина, — тока не говори, что это из-за нас.

— Признаться, я сомневаюсь, — раздался из угла голос растерянного купца, — что такого же ужасающего результата можно добиться чаропением.

Он слабо повел лапой, указывая на загаженный пол.

— Ты, шеф, ваще поаккуратней с комплиментами. — Сквилл ухмыльнулся. — Между прочим, мы это все экспромтом.

— Они идут, — предупредил стоявший у решетки Банкан.

Возвращалась комендантша. Брела, спотыкаясь и шатаясь, поддерживаемая (если не сказать подталкиваемая) сзади. Самоуверенность крысы пребывала в таком же беспорядке, что и еще недавно чистейший мундир. Она прижимала к пасти носовой платок, и ее вытянутая, заостренная морда была решительно зеленой. Это неудивительно, учитывая, что в тюрьме, как и во всем городе, стояла влажная жара.

Комендантша доплелась до середины коридора, и там ее силы и отвага иссякли.

— Я... — Вместе с этим словом из пасти вырвалось хриплое бульканье. — Я имею честь сообщить, что по вашему делу вынесено судебное решение.

Ниина подмигнула Банкану.

— Чувиха, ты не шутишь? — невинно осведомился Сквилл.

— Не шучу. По великодушному приговору суда Гигрии и по особому распоряжению Совета Пречистых вам дозволено снова вступить во владение вашим имуществом и беспрепятственно покинуть территорию общины, не понеся абсолютно заслуженного наказания.

Ниина прислонилась к решетке.

— Не, ну надо же, до чего добренький народ! Ей-ей, уже и сваливать неохота. А ты, Банкльвит, че скажешь? Можа, еще здесь потусуемся?

— Нет! Нет! Нет! — затараторила, не дав Банкану открыть рот, комендантша. — Специально для вашего прохождения улицы очищены от пешеходов и транспорта. Во всех домах будут закрыты двери и ставни. Немедленно забирайте свое имущество и уезжайте!

Банкан сощурился, глядя на дрожащую крысу.

— Сомневаюсь, что мы уйдем так просто. У меня такое чувство, будто вы должны нам за причиненные неприятности. За обвинение в преступлении, которого мы не совершали. И за эту кутузку.

Он умолк. Его настойчиво тряс Граджелут.

— Если не возражаете, я посоветую больше не испытывать судьбу, — прошипел торговец. — Надо побыстрее выбираться отсюда.

Банкан улыбнулся и прошептал:

— Я знаю. Просто люблю дергать тигра за хвост.

— Необычный фразеологический оборот.

— Из набора моего отца.

Граджелут подошел к решетке, замахал лапами на раздраженную комендантшу.

— Прекрасно. Мы принимаем ваше предложение. Открывайте дверь. Мы готовы немедленно уехать. — Он повернулся к выдрам. — Конечно, сам бы я предпочел более приличный метод

воздействия, но, положа лапу на сердце, меня вполне устраивает результат. Постарайтесь никого не испачкать по пути к свободе.

— Да ладно, шеф, расслабься, — процедил Сквилл. — Я вряд ли сумею, даже ежели захочу. Брюхо совсем пустое.

На цыпочках, как балетный танцор или разведчик на минном поле, комендантша приблизилась к клетке и забренчала большим узорчатым ключом. После долгого лязганья и клацанья дверь распахнулась. Пошатываясь, крыса следила за выходом заключенных из камеры. Банкану было почти жаль ее.

Сквилл задержался и выдохнул прямехонько крысе в морду:

— А как насчет охраны?

— В вестиб... — Крыса обморочно зашаталась. — В вестибюле никого нет. Все двери и решетки открыты. Это же относится к окнам и остальным отверстиям. А теперь я вас умоляю: уходите!

Чтобы не упасть, она схватилась за решетчатую дверь.

Вскоре пленники убедились, что уверения крысы столь же искренни, как и ее тошнота. Безлюден был и широкий бульвар, и площадь с дивно разукрашенным фонтаном. Они быстро шагали по белой мостовой, и Банкан чувствовал пристальные взоры. За чужеземцами напряженно следили сквозь щели в ставнях и приотворенные на волосок двери.

— Не, кореша, вы тока гляньте! — ерничал Сквилл. — Они ж нас боятся до смерти! Да мы, ежели б захотели, всех этих клепаных горожан выгнали бы на фиг.

— Вероятно, наши действия сочтены не только возмутительными, но и невыносимыми. — Граджелут пыхтел, возглавляя шествие. — Но мы еще не в безопасности. Берегитесь натянутых луков и отравленных дротиков.

— Да не, шеф, ниче такого они не посмеют, — уверенно проговорил выдр. — Побоятся, что мы на них плюнем.

Они миновали гостиницу, чьим кровом так и не удалось воспользоваться (*да и не было шансов — все двери оказались на запоре*, а окна — за ставнями) и свернули на улицу, что вела к брошенной кибитке Граджелута. Зеленщица сбежала, оставив товар, исчезли и ее коллеги. Шум и гам, встретившие путешественников по прибытии в город, стихли, на улицах царила гробовая тишина. Судя по всему, местные власти должным образом оценили старания Сквилла и Ниины.

Глава 10

Без сожалений покидали путники белую стерильную Гигрию. Никем не преследуемые, оставили они позади крепостную стену. Ни мстительные охранники, ни страдающие от тошноты волшебники не попадались на глаза. Было ясно, что у чистюль,

образно выражаясь, кишка тонка тягаться с изобретательными чужеземцами.

Отъехав подальше, странники остановились на тенистой полянке среди орешника, чтобы искупаться в чистом прохладном ручье. Банкан расслаблялся на мелководье, а близнецы веселились на глубине. Граджелут тряпочкой тщательно вычистил и вымыл мех, а затем причесался квадратной щеткой величиной с его ладонь.

Когда выдры накупались вдоволь, путники обсохли и оделись, а потом набрали с бушель спелых орехов. Это совсем не было лишним, поскольку в городе запастись продовольствием не удалось. Граджелут снова расположился на козлах, и повозка тронулась на северо-запад.

Миновала неделя, и травянистые, в крапинах кустов, равнины уступили место отрогам неизвестного горного хребта. Тропинок было не видать, и пришлось осторожно объезжать валуны и прочие неровности. Ящерицы шипели от натуги, неистово мотали головами и били хвостами, но купец вполне сносно держал их в подчинении с помощью вожжей и отрывистых команд.

— Конечно, пешему лису-наемнику тут легче пробраться, чем повозке, — заметил Банкан, когда они с грохотом преодолели очередной овражек.

— Я не уверен, что Джух Фит проходил именно здесь, — без особой бодрости ответил торговец. — Просто интуиция подсказывает мне, что это единственно возможный путь через горы.

Банкан задумчиво пожевал губами.

— Граджелут, повозка ваша, так что вам и дорогу выбирать. Между прочим, как называется эта гряда?

— Не имею понятия.

Купец хлестнул ящерицу.

— Занятное названьице, — встряла Ниина.

Никто не рассмеялся. Дорога была слишком трудна и не располагала к веселью.

Но повозка худо-бедно ехала, и утесы над головами странников все решительнее вонзали свои зубцы в подбрюшья гонимых ветром облаков. Склоны становились все круче. Банкан уже не представлял себе, как удастся провести громоздкий фургон по столь сильно пересеченной местности, разве что впереди окажется торная дорога.

За все это время они не встретили ни одного путника. Если и проходили через эти горы торговые пути, то не здесь. По прикидкам Граджелута, дороги лежали на востоке и севере. Впрочем, если вспомнить, они отправились в путь не за прибылью, а за открытием. Подобное странствие всегда дается тяжелее.

Через некоторое время в мирную атмосферу вторгся некий звук. Вначале это был громкий шепот, затем он превратился в рев, похожий на грохот штормового моря. С собой он нес крепнущую свежесть воздуха, которая тотчас взбодрила усталые души. Даже ящерицы прибавили шаг.

Первыми загадку разгадали выдры.

— Чуваки, тут нет ни фига таинственного или волшебного. — Позади Банкана встала на скамью Ниина, положила лапы ему на плечи, вгляделась в даль. — Это река, и большая. И быстрая.

— Ну, уж не такая большая, как Вертихвостка, — возразил Сквилл. — Или как Обрубок. Но течение тут посильнее.

Выдры явно предвкушали купание.

Сужающийся проход упирался в реку, вода стремительно неслась на запад по крутобокой, но проходимой теснине. Граджелут оглядел местность наметанным глазом.

— Река пробивает гору почти в нужном нам направлении. — Он указал вниз по течению. — Видите, там довольно пологий берег. Если почва достаточно плотная, мы проедем.

Он хлестнул ящериц вожжами.

Когда фургон сворачивал на песок, Банкан неуверенно поглядел на ревущую воду.

— А что, если зарядит дождь и река выйдет из берегов? Мы тут, как в ловушке.

— Чувак, ты че, плавать разучился? — бодро молвил Сквилл.

Но Банкана это не рассмешило.

Кибитка громыхала и кренилась, но колеса не вязли в плотной смеси песка и гравия. Граджелут бдительно следил за дорогой, объезжая опасные места.

Когда вокруг сомкнулся каньон, Банкан поймал себя на том, что встревоженно оглядывается назад. Если река выйдет из берегов, вода подхватит повозку и разобьет о первый же порог.

В скором времени берег расширился и превратился в узкую равнину, сплошь покрытую травой и деревьями. Впереди показался приток со спокойной водой, но слишком глубокий для брода. И не объехать никак. Пляж, столь много суливший, привел к тупику.

Однако какие-то существа сочли долинку на стыке рек вполне пригодной для проживания. Ниина указала на хижину и амбар, сложенные из речного камня и плавника. Односкатная крутая крыша лачуги была обращена к большой реке. За сараем располагался загон, рептилии в нем выглядели здоровыми, откормленными. Банкан узнал породу, которую чаще выращивали на мясо, чем для упряжки.

Примыкали к этим постройкам внушительной величины сад и огород. Вода для орошения поступала по двум узким каналам.

Граджелут первым заметил ряды шестов на мелководье.

— Я узнаю снасти для разведения раков. Здешние жители, кто бы они ни были, не бедствуют. И торговцы, похоже, наведываются сюда не часто.

— И не только раков тут едят.

Ниина указала на сушилки с освежеванной и разделанной рыбой.

Когда они подъехали ближе, навстречу высыпало несколько детенышей. Затем появились двое взрослых. При появлении фургона никто не выразил страха или удивления. Напрашивался вывод, что посетители здесь бывают, хотя вряд ли часто.

Банкан еще ни разу не видел представителей этого народа, но Граджелут легко их опознал.

— Это племя под названием утконосы, — сообщил он спутникам. — Оно знаменито своим тяготением к спокойной провинциальной жизни.

— Е-мое, ну и видок у них.

Сквилл глядел на малышей с большими клювами и гладким мехом.

— У вас много общего, они тоже в воде как дома. Хотя вы, на мой взгляд, двигаетесь гораздо быстрее.

Выдр соскочил с фургона.

— Ежели дадут или продадут свежей рыбки, а к ней парутройку раков, я признаю в них сородичей.

— Выглядят они вполне дружелюбными. — Банкан спустился следом за товарищами. — Думаете, что-то замышляют?

— Нет, — ответил подозрительный в иных обстоятельствах ленивец. — Здесь слишком редки путники, чтобы разбой превратился в регулярный промысел.

Детеныши и взрослые, болтая без умолку, провожали путешественников к дому. Граджелут оказался прав — гости тут бывали нечасто, и перспектива общения привела утконосов в восторг. Внушительные клювы портили произношение, но разобрать слова было можно.

— Так ффы с сеферо-сапата? — обратился к ним самец, когда все расселись на берегу, на валунах, превращенных в кресла с помощью молотков и зубил. Его жена отогнала лопочущих детей. Утконос засунул большие пальцы за помочи и кивком указал на реку. — Фашей пофоске никокта не переехать черес коры.

— А по тому берегу? — спросил Банкан.

— Мы мошем перепрафить ее на плоту, но это песполесно. Нише по реке тропа софсем непроесшая.

— Мы готовы выслушать предложения, — сказал Граджелут.

Хозяин призадумался.

— У меня мноко дерефа, есть плотниский опыт. Мошет пыть, мы токофоримся. Мне пы прикотилась хорошая кипитка с упряшкой.

— О нет! — воскликнул ленивец. — В этой кибитке все мое имущество! Товары, пожитки...

— Та не нушны мне ваши пошитки, мошете запрать их с

сопой. Я хочу только кипитку и ящерис, и за все таю хорошую, натешную лотку. Это честная стелка.

— А че, начальник в жилу попал, — без колебаний сказал Сквилл.

— Давай, купчина, соглашайся, — нетерпеливо добавила его сестра. — Поплавать для разнообразия на лодочке — разве не в кайф? А то меня уже тошнит от дорожной пыли.

Банкан смотрел на утконоса в упор.

— А вы бывали когда-нибудь ниже по течению? Река там судоходна?

Ленивец одобрительно посмотрел на него.

— Ага, вы учитесь! Вижу, общение со мной пошло вам на пользу.

— Фоопще-то пыфал, — ответил утконос. — Но талеко саплыфать не пыло нушты. — Он указал на свои постройки, на ферму ракообразных, сад, огород, скотный двор. — Стесь — моя семля, и трукой мне не нато. Фам решать. Я отно моку карантирофать: по переку Сприлашуна талеко не уетете. Фыручить мошет только лотка. Или фосфращайтесь, поищите иной путь.

— Не хочется рисковать большим грузом товаров на неизвестной реке, — пробормотал Граджелут.

— Остафьте их стесь, если укотно. Никакой тополнительной платы не потрепую. Я не купес, а фермер. Смошете фернуться за сфоими тофарами, кокта сахотите.

— А как насчет порогов? — поинтересовался Банкан.

— Ф перфые тфа тня их не фстретите, а тальше я не пыфал. Там река пофернет на сеферо-сапат, кута фам и нушно. Кроме токо, срети фас тфе фытры. Им и не такие сурофые фоты нипощем.

— А ведь он прав, язви его! — азартно вскричал Сквилл. — Ежели че, сиганем за борт и заделаем пробоину снаружи.

— Ты был проводником на сухопутной части маршрута, — сказала Ниина ленивцу, — а теперь положись на нас с брательником. Все будет путем, шеф!

— Мы могли бы идти вдоль реки пешком, — прошептал огорченный купец, — но здесь труднопроходимая местность, и чем дальше, тем хуже. Вынужден признаться, перспектива дальнейшей езды меня не радует.

— А коли так, по рукам.

Утконос подал лапу.

Банкан признался себе, что мысль о путешествии по реке выглядит заманчиво. У него болел отбитый зад и настучавшиеся друг о друга позвонки.

Семейство утконосов оказалось очень гостеприимным, и на долю путников выпали поистине роскошные вечер и ночь. В обмен на кое-что из товаров Граджелута фермер снабдил их внушительными запасами сушеной и свежей рыбы, фруктов, раков,

а также овощами с огорода. Даже ленивец не мог не признать, что прибрежные отшельники торгуют честно. Путешественники уже не жалели, что в Гигрии не удалось добыть продовольствие.

Лодка оказалась крепче и вместительнее, чем они ожидали. Утконосы оснастили ее четырьмя парами весел. Правда, идти предстояло вниз по течению, и особой нужды в веслах не предвиделось — разве что придется отталкиваться от скал, если ущелье вдруг сузится. Кроме того, суденышко располагало каютой, она же камбуз, и мачтой с треугольным парусом. Он оставался свернутым, когда лодка покинула импровизированную верфь и спокойные воды притока вынесли ее в объятия быстрого Сприлашуна.

Они смотрели на удаляющийся хуторок, пока его не скрыла излучина. По берегу бежали шестеро детенышей, прощально щелкая клювами, но вот отстали и они. Банкан размышлял, доведется ли еще увидеть эту долинку. Граджелут, наверное, здесь еще побывает, когда вернется за имуществом.

— Тут есть еще такие поселения? — спросил юноша, ни к кому не обращаясь.

Прислонясь к мачте, он рассматривал скользящие мимо утесы. На утреннем солнце поблескивали толщи песчаника и гранита. В расселинах дикие ящерицы и другая туземная живность задерживались, чтобы недоверчиво посмотреть на дрейфующую лодку. Другие твари, водоплавающие, спешили убраться с пути суденышка, а затем возвращались к своим делам.

— Вот так куда лучше!

Сквилл, освежившись в реке, перемахнул через низкую корму и теперь лежал животом кверху. Граджелут держал румпель, а Ниина, перегнувшись через борт, праздно бороздила лапой воду.

— До чего ж я соскучилась по речке. — Она шумно, с присвистом вздохнула. — Уж и не надеялась искупнуться.

— Рад, что вы довольны новизной, — проворчал ленивец.

Она повернулась к купцу.

— Шеф, а ты ваще када-нибудь весел бываешь? Можа, хоть на пробу посмотришь на мир, как мы с брательником, а?

— Никто не может смотреть на мир, как выдра, кроме другой выдры, — рассудительно произнес Граджелут. — Вашему народу досталась совершенно необыкновенная способность испытывать восторг даже в самых неблагоприятных обстоятельствах.

— Не буду спорить, лупоглазый. Но даже ты должен признать, что нынешние обстоятельства вряд ли можно назвать неприятными.

— Я признаю, что у меня неуклонно повышается настроение.

— Вот и молоток. Тока поосторожней с радостью, а то еще растянешь себе че-нибудь.

— Я скучаю по старой повозке, — продолжал Граджелут, —

но ради достижения великих целей надо быть готовым к жертвам. — Он взял чуть лево руля. — Говоря откровенно, этот способ передвижения и прохладнее, и удобнее для некоторых органов.

— В жилу, чувак. — Ниина махнула лапой, но вспоровшая поверхность воды рыба проскочила мимо нее. — Так что прохлаждайся и наслаждайся.

Последнее потребовало от ленивца серьезных усилий, но на четвертый день легкость пути и ожидание столь же приятного его продолжения сказались — с морды Граджелута уже не сходила улыбка.

Течение убыстрилось, стены ущелья стали отвесными, но лодка пока шла беспрепятственно.

В середине дня Сквилл услыхал далекий гул и навострил уши. Он бездельничал рядом с Банканом, стоявшим вахту у руля. Граджелут и Ниина возились на камбузе, стряпая полдник.

— Там чей-то шумит, — прошептал выдр, выпрямляя спину.

— Че там может шуметь? — Ниина высунулась из камбуза с подносом холодных закусок в лапах. — Пороги?

— Наверное.

Сквилл взял еду, но жевал с необычайно опасливой миной.

В скором времени шум заметно усилился.

— Нехилые пороги, — пробормотал выдр, облизав усы. Он обошел кубрик и залез на банку. Вытянул шею, уставился вперед. И уши, и ноздри трепетали от напряжения.

Через секунду он крикнул Банкану:

— Эй, кореш, похоже, у нас небольшая проблема.

— Что за проблема? — отозвался Банкан.

— Не нравится мне это ущелье. Кажись, прямо по курсу оно исчезает.

Банкан тоже вытянул шею и вгляделся.

— Что значит — исчезает?

— Трудно сказать.

Выдр по-обезьяньи вскарабкался на мачту, затенил глаза лапой. Банкан щурясь смотрел на него.

— Что-нибудь видишь?

— Ни хрена, так-растак. В том-то и проблема.

Улыбка Граджелута исчезла без следа.

— Мне это не нравится.

— Разве утиный клюв не говорил, что речка не безопасная? — пробормотала Ниина.

— Так далеко он ни разу не ходил, — напомнил Банкан. — И честно признался нам. И предупредил, что могут встретиться пороги.

Рев нарастал, из громкого превращаясь в оглушительный.

— Для порогов чересчур шумновато. — Банкан снова задрал

голову и крикнул впередсмотрящему: — Сквилл, видишь что-нибудь еще?

Выдр молчал, он походил на большую коричневую запятую. Через секунду он пронзительно тявкнул и с диким взором съехал по мачте.

— Чуваки, порогов можем не бояться.

— Уже легче. — Граджелут перевел дух.

— Это водопад. Офигенный. И близко — лапой подать.

Купец вытаращил глаза, а затем в отчаянии оглядел проплывающие мимо берега. Но каменные стены вертикально уходили в воду.

— Тут негде высадиться. Совершенно негде! — Толстые когти судорожно вонзились в румпель. — Мы опрокинемся! Разобьемся! Утонем!

— Всем сохранять спокойствие! — призвала Ниина. — Брательник обожает преувеличивать, это всем известно. Эй, Банкудо, помнишь, Мадж с Джон-Томом очутились в такой же точно переделке и выкарабкались?

Банкан торопливо перерыл в памяти рассказы отца и взволнованно кивнул.

— Слумаз-айор-ле-Уинтли! Двойная река!

— Во, точняк! Помнишь, как они оттудова свалили?

Он неистово закивал.

— Граджелут, держите румпель. Нам пора заняться магией.

Поручив управление лодкой купцу, который с каждой секундой отчаивался все сильнее, Банкан нырнул в каюту и возвратился с дуарой.

— Слумаз расширяется в пещере Горло Земное и четырьмя гигантскими водопадами низвергается в огромную яму, — напомнил он спутникам. — По одному из них удалось спуститься нашим отцам, а значит, и мы осилим это с помощью чаропения.

Прямо по курсу в громовом реве рождался плотный высокий туман.

— Не хило бы, — согласился Сквилл. — А то через несколько секунд все пойдем на рыбий корм.

— Слова! — подхлестнул выдр Банкан, настраивая дуару. — Стихи. Займитесь.

Ниина посмотрела на брата.

— Я не знаю стихов про падения с водопада.

— Ну, так сочините что-нибудь. — Граджелут вцепился в румпель, как в деревянный талисман, и изо всех сил мешал лодке прямиком лететь в объятия свирепой бездны.

— Мягкая посадка, — размышлял Сквилл. — И плавный спуск. Вот че нам нужно.

— Я начинаю. — Банкан уже чувствовал, как туман увлажняет кожу. Видимо, обрыв был совсем близко. — А вы сочиняйте, и побыстрей.

Они уже видели в тумане страшную черту. Вон за той полосой кипящей белой пены вода низвергается в неведомую пропасть. Может быть, придется лететь десятки футов. А то и тысячу. «Нет, только, не тысячу», — взмолился про себя Банкан и заиграл.

Они были уже почти у края, и юноша всерьез собрался потерять голову от страха, но тут выдры наконец запели:

Вода несет меня, влечет меня вода,
И не свернуть уже, вот гадство, никуда.
Выходит, надо поглядеть, че там, внизу.
Но тока вниз не полечу я, а сползу.
Я опущусь легко, как тополиный пух.
Сойду по воздуху, как бестелесный дух.

Рэп шел легко и гладко, и Банкан подыгрывал без всяких усилий. От грифа исходило сияние. В такой ситуации вряд ли можно требовать более гармоничной и техничной игры.

Никто не испытывал особой уверенности в благополучном исходе, когда нос лодки перемахнул ревущий вал и ринулся вниз, стремительно набирая скорость. И хотя выдрам приходилось держаться за планширы, чтобы не перелететь через нос, они при этом ухитрялись петь. Банкан сидел в дверном проеме, упираясь спиной и ногами в узкие косяки. Игра на дуаре требовала участия обеих рук. Граджелут, вцепившись в хаотично виляющий румпель, болтался в воздухе рядом с парящей вертикально палубой.

Они так и не поняли, высок ли водопад. Видимо, достаточно высок, потому что выдры успели пропеть еще два куплета, прежде чем суденышко очутилось на дне пропасти. Удалось ли бессвязным воплям Граджелута как-то повлиять на волшебство музыкантов или нет — так и осталось непознанным.

Навстречу прыгнули камни, чудно сверкая серебром. Насыщенный влагой воздух хлестнул по коже, рванул одежду и мех. Мгновение спустя они разбились всмятку, и бледно-зеленый туман окутал все.

Граджелут испустил последний стон и закрыл глаза. Удар не причинил боли, но Банкан успел пережить ощущение, будто в каждую клетку его организма вонзилась крошечная заноза.

Разбитую лодку и тела разметало по серебряным валунам. Банкан сквозь туман видел, как его друзья разлетаются на части, но при этом отважно поют. Или ему это померещилось? Он почувствовал, как оторванные части его собственного тела болтыхаются под водой, как их уносит неудержимое течение. Невдалеке он заметил отделенные от туловища руки, они играли на каким-то чудом уцелевшей дуаре. Один глаз прямиком смотрел в другой, и вдруг они подмигнули друг другу. Рот плавал в нескольких футах поодаль, лениво кружась в потоке. Осиротевшие

уши улавливали четкий, а теперь еще и слегка мистический рэп. Банкан не испытывал особого желания разыскивать свои мозги.

Мимо проплывали части Граджелута, изо рта ленивца сплошной литанией рвались булькающие стоны. Поначалу едва заметно, а затем все убыстряясь, фрагменты Банкана, ленивца, выдр воссоединялись. Он сразу с двух сторон наблюдал, как восстанавливается лодка, так как его блудные глаза оказались по правому и левому бортам.

Постепенно возрождались расколотые доски и искромсанные пожитки. И все это происходило в неестественной тишине. Безмолвствовала даже река.

Наконец лодка отстроилась заново, однако выглядела далекой от замысла создателя. Каюта оказалась гораздо ближе к носу, а румпель расположился задом наперед. Мачта стояла криво. Но в том, что это их лодка, сомнений не возникало.

Все это время Банкан испытывал неудержимое притяжение, разрозненные части его тела плыли друг к другу. Глаза вскочили в глазницы, исцелилось туловище, ступни состыковались с лодыжками.

«Это все из-за строки про бестелесный дух, — размышлял он с хладнокровием обитателя загробного мира. — Тела нам в падении не понадобились».

С немалым интересом следил он, как к нему плывут детали — пальцы, волосы и прочее. Вот уже и мохнатый комок у румпеля узнаваем — на Граджелуте восстанавливается одежда. Сквилл с Ниной вернулись к жизни не у кормы, где они пели, а на носу лодки.

Не раз Банкан слышал от Джон-Тома фразу «чтоб тебя на куски разорвало» и до сих пор считал ее всего лишь метафорой.

Когда эхо чаропесни завершило процесс восстановления, Банкана осенило, что он дышит под водой. Или не дышит? Он сделал глубокий вдох и боязливо прощупал себя. Вроде все цело, правда, осталась слабая боль. Выдры кое-как поднялись и поспешили к Банкану. Граджелут лежал пластом, выжатый, как полотенце.

Они плыли по Сприлашуну, лодка и пассажиры были целы и невредимы, вода под ними спокойна и неопасна. И пообочь. И над головами. Они находились в трубе или туннеле с водяными стенами. Невероятно. А еще — шумно.

— Больше похоже на Слумаз, чем мы хотели, правда?

Ниина бесстрашно рассматривала стены туннеля.

Она ошибалась — Сприлашун в этом месте совсем не походил на знаменитую реку, что текла через северную гряду Зубов Зарита. Это стало ясно, когда труба резко загнулась вверх. Следуя изгибу, лодка совершила оверкиль и поплыла как ни в чем не бывало дальше.

Банкан инстинктивно вцепился в косяк каюты, но успокоился, поняв, что гравитация не тянет его на дно.

— Отец никогда не рассказывал о плавании килем вверх.

К нему вразвалочку, держась за пустоту, приблизился Сквилл.

— Э, кореш, ты чей-то на себя не похож.

Чтобы расслышать, Банкану пришлось напрячь слух. Мешала вода в ушах.

Он поглядел на друга и нахмурился.

— Ты тоже.

И вообще никто не был похож на себя, если уж на то пошло.

Во-первых, голова Сквилла торчала не из шеи, а из левого бока. Венчала туловище лапа. Что еще неприятней, вторая лапа раньше принадлежала Ниине. Еще больше сходства с сестрой выдру придавал новый окрас. Впрочем, сравнивать было не с чем — на Ниине осталась только одежда, кожа оказалась безволосой, как у новорожденного человеческого детеныша.

Не уцелел и Граджелут. Из его макушки торчали изрядной величины голые уши вместо небольших мохнатых серых лоскутков. Несомненно, этим и объяснялась Банканова тугоухость.

Они сошлись вверх тормашками на корме, чтобы разобраться в этом анатомическом шурум-буруме. Точно так же, как и лодке, пассажирам не удалось благополучно воссоздаться. Было ясно, что рассеянные части тел выбрали путь наименьшего сопротивления. Но это отнюдь не выглядело смешным. Напротив — в высшей степени досадным.

— Похоже, лопухнулись мы где-то разок-другой, — пробормотал Банкан.

— Это несомненно, — подтвердил Граджелут.

— Е-мое, нельзя же так! — Сквилл возмущенно помахал торчащей из шеи лапой.

— Вы на меня гляньте! Тока гляньте!

Со слезами на глазах Ниина демонстрировала безволосые конечности.

— Они у тебя хоть на своих местах, так-растак, — заметил из-под мышки ее брат.

У Граджелута непроизвольно дергались абсурдные человеческие уши.

— Выход из этой ситуации самоочевиден. Вам надо исправить чаропесню.

— Я ведь знала, — печально добавила Ниина. — Конкретней надо было, без двусмысленностей.

— Хорошо, хоть голоса остались.

Банкан потряс дуару, полетели водяные капли. Он взял на пробу несколько аккордов и пришел к выводу, что инструмент благополучно пережил падение и последующее бестолковое восстановление.

— Чувак, уж лучше б на этот раз все было путем.

Сквилл прислонился к стене каюты, с непривычки ударившись о нее головой.

— Только не намекайте, что это я виноват. — Банкан набычился и окинул злым взглядом друзей. — Кажется, вы стихами ведаете?

— Да, но за аккомпанемент ты в ответе.

— От споров толку не будет. — Граджелут держался за румпель, скорее инстинктивно, чем пытаясь управлять опрокинутым судном. — Сосредоточьтесь, пожалуйста. Мне очень хочется вернуть мои уши.

— А кто вас просил их отдавать? — процедил Банкан и ударил по струнам.

Выдры с минуту посовещались, затем Ниина подняла голову, на морде — сплошная тревога.

— Че, ежели снова получится хуже?

— Че можа быть хуже, чем вот так? — осведомился ее брат из района третьего ребра.

— Вы хоть слова помните? — спросил Банкан.

Ниина жалко улыбнулась. У нее исчезли даже усы.

— Мне ведь казалось, я умираю. А када кажется, будто умираешь, все очень четко запоминается.

Банкан кивнул и приготовился.

— Давайте начнем примерно с того места, где остановились.

Пока они репетировали, лодка лихо перевернулась мачтой кверху.

— И поторопимся, ладно? Я еще ни разу так не плавал, и боюсь, у меня... как это отец называет... морская болезнь разовьется.

— Да? — с интересом посмотрел на него Граджелут. — А я думал, ваш нынешний окрас — еще одно последствие нашего неудачного предприятия.

Они пели и играли, а лодка выполняла акробатические курбеты в речном туннеле. Всю ее окутало уже знакомое серебристое пламя, пассажиров пронизал холодный зуд. И кончился вместе с песней.

Когда перед глазами прояснилось, Банкан заметил, что у Сквилла поменялись местами голова и лапа. А сам он махнулся с Граджелутом ушами, а также другими органами, о которых заговаривать никто не решился. К Ниине вернулись лапа и густой холеный мех, но она не успокоилась, пока не пересчитала усы.

Все испытали огромное облегчение.

— Я со страху чуть не рехнулась. — Ниина причесывалась, насколько это было возможно без гребня. — Тока вообразите — всю жисть прохилять с кожей, на которой шерсти не больше, чем у человека.

— Видите? — указал Гражделут. — Ваш гимн восстановлению обновил и наш корабль.

И правда, мачта выпрямилась.

Но это не спасло их от дальнейшего безумного кувыркания в трубе, которой обернулся Сприлашун.

— Как нам это исправить? — Банкан разглядывал шипящий, отражающий эхо водопровод, пока его не затошнило. — Как найти выход на сушу?

— А как ваш отец выбрался из того заколдованного потока? — подсказал Граджелут.

Ниина почесала в затылке.

— Помнится, как-то выкрутился. Или река сама выровнялась. Хоть пришибите, не вспомню.

— Одно хорошо — мы двигаемся в нужном направлении.

Купец подпустил в голос бодрости. Сквилл недоуменно посмотрел на него.

— Нет, вы послушайте! Уж на че у меня распрекрасное чувство направления, но чтоб меня отымели, ежели вверх тормашками, да в такой круговерти, я возьмусь прокладывать курс.

Но Граджелут не стушевался:

— Коммерсанты, которым довелось пространствовать с мое, знают толк в ориентировании. Многие мои покупатели живут в труднодоступных местах. Грош цена была бы мне как профессионалу, если бы я не умел находить дорогу. — На его морду, как всегда меланхоличную, легла тень тревоги. — Я очень надеюсь, что мы доберемся до конца туннеля. Нас только что разорвало на куски, неужели еще и утонем в придачу...

— Не трусь, пучеглазый, утонуть не дадим, — улыбнулась Ниина. — Я не проживу без твоего вечного нытья.

— Никаких признаков перемен, — уверил Банкан ленивца, хоть и сам изрядно обеспокоился. Человек и ленивец — не выдры, под водой долго не протянут.

— У вас улучшился цвет кожи, — сообщил ему Граджелут.

— Я и чувствую себя лучше. Кажется, привыкаю. Конечно, если к этому можно привыкнуть.

Глава 11

Через десять минут туннель начал стягиваться в путаный клубок. Возникло ощущение, словно они мчатся по внутренностям гигантской змеи, пустившейся в дикий, безумный пляс. Никто не исключал, что так оно, возможно, и есть. Этот мир никогда не скупился на чудеса.

Туннельная река подпрыгивала, ныряла, вздымалась, обрушивалась вниз, штопором ввинчивалась в земные недра. И все это время лодка цепко держалась за внутреннюю поверхность потока, а ее экипаж — за кубрик, румпель, планширы, мачту и

друг за друга. Как обнаружил Банкан, помогало только одно: крепко закрыв глаза, сосредоточиться на ровном дыхании. Граджелут давно отказался от попыток рулить и все свои силы посвятил единственной задаче: не вывалиться. Осиротевший румпель жалобно стучал о кормовую банку.

Пока человек и ленивец отчаянно хватались за что попало, включая содержимое своих желудков, неподражаемые выдры развлекались — прыгали за борт и резвились в сокрушительных водах, что дыбились и пели со всех сторон. Близнецы не слушали Банкана, когда он предупреждал о водоворотах и притоках, способных унести лодку в никуда.

В конце концов, где еще можно подняться по внутренней поверхности жидкой трубы, поплавать над лодкой и товарищами, затем вырваться из водяной хватки, камнем рухнуть вниз и поднять тучу брызг за кормой?

Когда наконец выдры вернулись на борт, Банкан слабым голосом предложил спеть какую-нибудь чаропесенку, чтобы освободиться от пут Сприлашуна. Выдры охотно импровизировали и голосили, но это ни на йоту не улучшило ситуации. Вероятно, отчасти потому, что Банкан часто прерывал попытки и стремглав несся к планширу.

— Банк, и че б тебе не снять тряпье и не искупнуться вместе с нами? — предложил Сквилл. — Сразу поможет, зуб даю.

— Я не такой хороший пловец, как вы. — Казалось, в поле его зрения мельтешат целых шесть выдр. — И вам это известно.

— Да не трусь, Банклу, мы за тобой присмотрим, — пообещала Ниина. — Не утонешь. И ваще это ж лучше, чем сидеть и пялиться, как клепаная речка крутится и вертится, поднимается и опускается, кувыркается и вьется...

Банкан зажал рот ладонью и засеменил к борту.

— Ну вот, видишь, че ты наделала? — упрекнул Ниину брат.

— Кто, я? — Ниина раскинула лапы, встопорщила усы. — А при чем тут я? Он и в Колоколесье по блеванию был чемпион.

— Ну, и неча ему в этом помогать. Неча твердить про речкины выверты. Будто он сам не видит, как она крутится, поднимается, кувыркается...

Граджелут, будучи не в силах пропустить мимо ушей болтовню выдр, поташился к своему молодому товарищу по несчастью — разделить его унижение.

У Сприлашуна в заначке было еще вдоволь сюрпризов. Водяной штопор вырвался из-под земли и запустил путников в синее небо, но в следующий миг они вновь погрузились в туннель. Казалось, он уже стал родным домом. Второй прыжок в небеса они перенесли спокойнее. Ближе к концу ужасной ночи река все чаще показывала их внешнему миру.

К исходу третьего дня психопатического плавания туннель вдруг оборвался. Остались позади земные недра и тьма-тьмущая

змеевиков, колен и меандров. Лодка дрейфовала с терпимой скоростью на поверхности широкого потока, и тот, похоже, собрался вознаградить путешественников за все мучения приятной речной прогулкой. По берегам росли деревья и кусты цвета «электрик», а на мелководье покачивались водоросли, похожие на нечесаные зеленые кудри. Плавание продолжалось, и со временем появились признаки жилья и ферм.

Банкан с достойным похвалы хладнокровием выслушал это известие. Он был слишком слаб, чтобы подняться с койки, выйти из каюты и увидеть все своими глазами. Граджелут, похоже, выздоравливал гораздо быстрее, и это отнюдь не поднимало упавшую до нуля самооценку Банкана.

Пока страждущие восстанавливали силы, выдры не давали лодке приткнуться к берегу, а еще занимались текущим ремонтом и чисткой. Сквилл, кроме того, обзавелся привычкой сидеть на верхушке мачты и высматривать мели, а то и засаду на берегу.

Хотя любое упоминание о пище вызывало у Банкана дрожь, он все же пытался есть. В муках проглотив первые куски, он с удивлением обнаружил улучшение и в самочувствии, и в облике. В дальнейшем подношения Ниины съедались если не с энтузиазмом, то с благодарностью. Дивясь самому себе, Банкан вскоре исцелился полностью и начал работать наравне со всеми.

Однажды Ниина сидела рядом с Банканом, заступившим на вахту.

— Не понимаю, чувак, как можа заболеть, только глядя на воду. Пускай она выдрючивается, и выкручивается, и заворачивается, и...

Банкан приложил палец к ее губам.

— Человек не только от этого заболеть может. Иногда хватает одних слов.

— Ой, прости, я не знала.

— Ничего, все в порядке. — Он улыбнулся. — Только впредь давай без этого, ладно?

Она смущенно кивнула.

— Красивая страна, — произнес ленивец. — Я думаю, скоро мы найдем местечко, где можно пристать к берегу. — Он поглядел на небо. — Между прочим, река, похоже, изменила направление. Мы почти весь день плыли на восток, и если в скором времени не найдем способа снова повернуть к северу, то будем вынуждены оставить судно и далее следовать сушей.

Над головами пролетело несколько ночных птиц, до путешественников донеслись обрывки их разговора. Птицы заметили лодку, но не спустились поболтать с ее пассажирами.

Сприлашун знай себе тек на восход. Им встречались довольно приличные жилища, лодочки с людьми. Вскоре появились и большие суда. Их разноплеменные экипажи вылавливали из глубин все, что годилось в пищу.

Проплывая мимо какого-то суденышка, Граджелут подошел к правому борту и крикнул:

— Эй, на шаланде! Мы несколько дней провели на реке, нужно пополнить запасы провизии. Найдется ли городок ниже по течению, где нам в этом посодействуют?

Два рыбака в яркой одежде — енот и мускусная крыса — обменялись удивленно-насмешливыми взглядами, затем крыса ответила:

— Друзья, не знаю, откуда вы явились, если не слышали о Камриоке, но там вы найдете все, чего душа пожелает.

— Это далеко? — Банкан кричал, так как судно осталось позади.

Енот, одной рукой удерживая невод, другой указал вниз по течению.

— При вашей скорости — через полдня.

И оказался совершенно точен в своем предсказании.

Камриока была большим городом, настоящей речной метрополией. Постройки скучились вокруг красивой глубоководной бухты. Вдоль пристаней, молов и пляжей теснились сотни одно- и двухэтажных зданий. В центре города, за крепостной стеной, высились дома в шесть, а то и семь этажей.

После Гигрии одно удовольствие было смотреть на беспорядочную архитектуру, на раскрашенные в самые разные цвета стены и крыши. Запахи, уловленные носами путников в процессе поиска свободного причала, были вполне земными и соблазнительными. Иными словами, в Камриоке царило типичное и успокоительное зловоние.

Банкан вдруг поймал себя на мысли: о чем сейчас думают его родители? Защитная чаропеснь не позволяет Джон-Тому проследить путь сына с помощью магии. Если Банкан все сделал правильно, даже Клотагорб не способен проникнуть сквозь плотную завесу тайны.

Он заставил себя сосредоточиться на шумных пахучих пристанях. Морская болезнь отняла много сил, но сейчас не время поддаваться ностальгии. Банкан расправил плечи. Ладно, пускай одноклассники вволю посмеются над ним, когда он вернется. «Конечно, *если* вернусь», — напомнил он себе.

Граджелут энергично махал лапой в сторону свободной маленькой пристани.

— Направьте лодку вон туда.

Банкан парусное дело знал из рук вон плохо, но старался, и лодка наконец стукнулась бортом о деревянные сваи. В шумной, суетливой толпе никто не обратил на них внимания, и это лишний раз говорило о космополитизме Камриоки. Пока ленивец швартовал суденышко, к нему обратился Сквилл:

— Слышь, шеф, не оставить ли тут кого-нибудь — посудину стеречь?

Торговец, затягивая последний узел, обдумал предложение.

— На мой взгляд, опасаться нечего. Отсюда до города слишком далеко, вряд ли случайный бродяга решится на кражу. — Он указал на потрепанное суденышко. — Да и кому понадобится наша жалкая лодка, когда кругом столько красивых судов?

Сквилл согласно кивнул и уставился на город. За долгие дни странствия по реке он отвык от кипучей портовой жизни.

— Не похоже на Гигрию, — заметил юноша.

— Эт точно. — Сквилл кивнул. — Похоже на приличный городишко, вот так.

— Если мы собираемся двигаться отсюда на северо-запад, как быть с сухопутным транспортом? — осведомился Банкан.

— Продадим лодку, — ответил Граджелут. — К тому же я сохранил кошелек. — Он похлопал по набитому деньгами мешочку за пазухой. — Что-нибудь найдем.

— Только не кибитку клепаную, — простонала Ниина.

— Увы, мои финансы не позволяют нанять стаю орлов, чтобы несли нас по небу, — натянуто ответил купец. — Вас бы это, наверное, устроило?

— Пожалуй, что нет.

Ниина покорно вздохнула, и путники пошли в город.

Первоначальное впечатление о Камриоке как богатом и процветающем порте окрепло от облика и поведения прохожего, у которого они спросили дорогу. Полноватый седеющий сурок был облачен в дорогие, щедро расшитые золотом и отороченные мягкой кожей шелка. Банкану понравился его наряд, а Ниина откровенно завидовала.

Граджелут, повстречавший, как вскоре выяснилось, коллегу, возликовал и устроил ему форменный допрос с пристрастием. И хотя местный купец не был склонен точить лясы с оборванным чужеземцем, ему не хотелось ссориться с двумя вооруженными выдрами и высоким человеком. Сурок вежливо объяснил, как добраться до центрального рынка.

К этой каше из торговых палаток, прилавков, суетливого люда, острых запахов и разноголосой болтовни вела прямая улица. Многочисленные склады из камня или дерева ломились от запасов. Здесь в коммерческой лихорадке сталкивались и обменивались товары с реки и суши. И хотя запахи были не слишком приятны, путники искренне радовались перемене. Язык довел их до скотного рынка, где бойко шел торг ездовыми змеями и тягловыми ящерицами, упитанным мясным скотом и породистыми производителями. Граджелут, оплакивая потерю старой верной повозки и упряжки, попытался обзавестись достойным транспортным средством для дальнейшего путешествия. Его, знатока земноводной тягловой силы, провести было непросто. Однако он предупредил спутников, что выгодная сделка потребует времени.

Банкан уверил его, что они никуда не спешат. Ему еще не случалось бывать на таких огромных рынках, и тут было на что посмотреть.

— Улаживайте свои дела, а мы со Сквиллом и Ниной погуляем... Кстати, а где Ниина? Отстала, что ли?

В загонах шипели и наскакивали друг на друга ящерицы и змеи, а владельцы попеременно то улещивали, то ругали их. Вооруженный полицейский патруль, состоящий из двух койотов и барсука в шлемах, выбивался из сил, пытаясь навести относительный порядок. Фараоны сквозь пальцы посмотрели на шумную схватку оскорбленной дикой кошки и явно обманутой панды. Кошка имела в арсенале зубы и когти, зато панда была сильнее. У копов сразу нашлись дела в другом месте.

А Граджелуту было не до любования сварами. Он напряженно спорил со странно разряженным макаком, обладающим физиономией мудрого старца. Ленивцу приглянулась четверка двуногих верховых ящериц. Они не обладали выносливостью прежней упряжки, но позволяли передвигаться гораздо быстрее, чем пешком.

Сквилл беспокойно топтался поблизости. Похоже, его одолевала скука. Банкан рассматривал толпу. Куда же запропастилась Ниина?

— Сквилл, ты сестру не видел?

— Конечно, видел, кореш. Она вон там... — Выдр поморгал и равнодушно пожал плечами. — Убрела куда-то. Покупает че-нибудь. Ты ж знаешь этих баб.

— Боюсь, ты ошибаешься. Какие еще покупки? У нее при себе ни гроша.

— Ну, чувак, старина Мадж кой-чему нас учил, когда Виджи не было рядом.

— Сквилл, если ей хватит дурости погореть на воровстве, мы ее вряд ли вытащим. Это большой, солидный город, и наверняка здесь большие, солидные тюрьмы. К тому же, если мы, столько всего пережив, влипнем тут по вине твоей сестрицы, я самолично ее ощиплю с головы до пят.

— Ну-ну, кореш, — заухмылялся Сквилл. — Думаешь, ее не ощипывали? Еще как!

— Не смешно.

Банкан увидел Граджелута, поманил. Купец, недовольный тем, что его прервали, попросил у макака извинения и отошел.

— Юноша, в чем дело? Постарайтесь меня не задерживать, иначе я упущу выгодную сделку.

— Похоже, Ниина исчезла.

— Выдры очень непоседливое племя. Непредсказуемость и импульсивность у них в крови. Я бы на вашем месте не волновался. Она скоро вернется.

— Возможно, но мы со Сквиллом пойдем ее искать.

— Если вам так угодно. Постарайтесь вернуться побыстрее. Я надеюсь скоро управиться. Торг идет удовлетворительно. Да, кстати, молодой человек, советую не попадать в беду.

— Я хочу выяснить, чем занимается Ниина.

Ленивец, похоже, больше не сердился. Он вернулся к макаку.

Банкан с выдром пробирался между загонами и вскоре вновь оказался среди палаток и лавок. Поиски длились несколько часов, но не дали результата. Поразительно мало по сему поводу расстраивался Сквилл.

— Да обмякни ты, чувак. Было б из-за чего волноваться. Я, между прочим, эту плавучую морду всю жисть пытаюсь потерять.

— Сквилл, это серьезно. Ты можешь хоть разок побыть серьезным?

— Кореш, кого ты спрашиваешь? Выдра?

Банкан вглядывался в суетливую толпу.

— Придется искать дальше.

В конце концов они добились кое-чего посущественнее вежливого пожимания плечами. До разговора с чужеземцами снизошел мангуст, торгующий медными горшками, кастрюлями и иной посудой.

— Говорите, самка? Примерно вот такого роста?

Сквилл нетерпеливо кивнул.

— С очень ухоженным мехом? И фигуркой «чтоб я помер»?

— Верно, это моя сеструха.

Мангуст опустил взгляд на соусник, по которому лупил молотком.

— Я ее не видел.

Банкан отстранил Сквилла и навис над медником, который, как и все кругом, по сравнению с ним казался лилипутом. Мангуст боязливо заморгал.

— Послушайте, иноземцы, я не хочу неприятностей.

— Но вы только что очень подробно описали особу, которую якобы не видели.

— Ну, понимаете ли... — Взгляд мангуста метался по сторонам. — Я и гроша ломаного не дам за свою шкуру, если кое-кто пронюхает, что я добровольно предоставил требуемые вами сведения.

Подумав над этими словами, Банкан произнес:

— Если ошибаюсь, поправьте. Вы намекаете, что у вас есть кое-какие сведения? И мы вынуждены пригрозить, чтобы вы ими поделились?

— Разве я так сказал? Ничего подобного.

— Дай-ка, кореш, я из него выколочу правду.

Сквилл, разминая пальцы, нетерпеливо шагнул вперед.

Купец съежился. Банкан схватил выдра за плечо.

— Я думаю, он уже достаточно напуган.

— О да. — Мангуст облегченно улыбнулся. — Я напуган до полусмерти, а значит, никто с меня не взыщет, если я расскажу вам, что произошло.

— С Ниной что-то случилось?

Тревога Банкана удвоилась.

Продавец водил пальцем по соуснику.

— Ей предложили провести некоторое время в гостях у влиятельной персоны.

Человек и выдр переглянулись.

— У какой еще персоны? — спросил Банкан.

— У барона Кольяка Красвина.

— Впервые слышу эту кликуху. — Сквилл с отвращением фыркнул. — С другой стороны, до нынешнего утра я и о Камрионе клепаной не знал.

— Барон Красвин? — напряженно переспросил Банкан. — Кто такой?

— Местный житель благородного происхождения, но неблагородной репутации, обладающий вдобавок внушительным состоянием, — сообщил мангуст. — Умоляю, не мучьте меня больше!

— Ладно, ладно, — нетерпеливо сказал Банкан. — Продолжайте.

— К западу от города, на порядочном расстоянии, находится укрепленное поместье, и там он живет в окружении многочисленных слуг и вооруженных домочадцев. И наша юрисдикция на него не распространяется. Я больше не могу терпеть эту боль! — добавил мангуст, пожалуй, слишком спокойно для сознающегося под пытками.

— Но почему Нина пошла с этим педиком? — поинтересовался Сквилл.

Медник деликатно кашлянул.

— Вообще-то в Камрионе барона недолюбливают. Он виртуозно владеет и саблей, и рапирой и убил на дуэлях несколько противников. Многие находят его присутствие в Полукруге Нотаблей неуместным и неприятным. С другой стороны, он отпрыск знатного семейства, и у него есть деньги. Трудно игнорировать такое сочетание.

— Послушать тебя, так он настоящий царек, — пробормотал Банкан. — Что он собирается сделать с сестрой моего друга?

Мангуст участливо поглядел на Сквилла.

— А, так она ваша сестра? Это весьма прискорбно.

Впервые Сквилл изобразил нечто вроде озабоченности.

— Шеф, ты это к чему?

— Помимо того, что барон Красвин — превосходный боец, влиятельный и богатый помещик, он еще и выходец из племени норок.

— Норк? — Сквилл заморгал. — Но при чем тут... А-а, зараза! Значит, норк?

Банкан посмотрел на друга и нахмурился.

— Кажется, я что-то пропустил?

— Чувак, а ты, в натуре, не прогуливал уроки племенной классификации? — рявкнул в ответ Сквилл. — У нас, у выдр, кое в чем отменный аппетит, это ни для кого не тайна.

— Это ты о рыбе?

— Банкан, я щас не про жратву толкую. Выдры обожают плавать и играть. Люди — не дураки поспорить. Волков хлебом не корми, только дай спеть хором. Рогатому скоту по нраву стоять день-деньской и сплетничать, а кони любят тягать груз. И никто с этим поделать ничего не может. Потому — натура. Естественный порядок вещей. А норки предпочитают... Скажем так: по сравнению со средним норком наш Мадж — монах.

— Ох ты! Вот черт!

Сквилл мрачно кивнул.

— Сказать по правде, никогда не считал сеструху сексапильной. Кабы ты меня про нее спросил, я б ответил: чучело чучелом. Но я ей все-таки братан, а с чужой точки зрения она, можа, и годится кой на че...

— Сударь, ее внешность значения не имеет, — перебил мангуст. — Когда самка, угодившая на глаза барону, отклоняет его притязания, для Красвина победа над ней становится делом чести. Скажите, ваша сестра способна на дерзкий отпор?

— Да хоть ножиком пырнет, ежели понадобится, — с готовностью подтвердил Сквилл.

— Так вы утверждаете, что видели, как барон Красвин предложил Нине свидание, или интимную близость, или что-то подобное? — уточнил юноша.

— Ничего такого я не утверждал! И перестаньте делать мне больно!

— Рассказывайте, — велел Банкан. — Мы теряем время. Что вы видели?

— Умоляю, — прошипел торговец. — Я должен притворяться, иначе до помощников барона дойдет слух, что я помог вам добровольно.

— Хорошо, хорошо. Я вас на куски режу, разве не чувствуете? Но все-таки постарайтесь рассказывать быстрее.

— Именно так все и было. Барон появился в сопровождении множества вооруженных слуг. Я сидел вот здесь, на этом самом месте, и следил за развитием конфликта. И имел возможность лицезреть, как ваша молодая самка не только категорически отвергла приглашение, но и рассмеялась барону в лицо.

— Ого-го! — пробормотал Сквилл.

— И хотя я с ней не знаком, в тот момент я за нее испугался, — признался мангуст. — Но вмешаться, разумеется, не мог.

— Разумеется, — сухо подтвердил Банкан.

— Барон Красвин — не из тех норок, которые позволяют девице из родственного племени смеяться над собой. Особенно на людях. Он очень бережет свою репутацию. Я сразу понял: такое оскорбление он не простит. Поэтому решил досмотреть до конца. Ваша сестра, — повернулся он к Сквиллу, — пошла вдоль вот этого ряда загонов. Вон туда, к общественной уборной. Когда она собралась войти, я увидел, как трое слуг барона набросились на нее и осыпали ударами дубинок. Она яростно отбивалась, но, застигнутая врасплох, вскоре была побеждена. Ее, потерявшую сознание, поместили в холщовый мешок и унесли. Уверен, в поместье барона.

— И вы не вмешались и не позвали на помощь, — угрюмо констатировал Банкан.

Мангуст сохранял невозмутимость.

— Меня бы прикончили без малейших колебаний. И успели бы скрыться задолго до появления полиции. К тому же дворян нечасто привлекают к суду за их шалости.

— Да ладно тебе, кореш, не дави на него, — неожиданно вступился за медника Сквилл. — Он прав, своя рубашка завсегда ближе к телу.

— Вы думаете, ее отнесли в дом Красвина? — прорычал Банкан. — А ну, рассказывайте, как туда добраться!

— Если перестанете меня бить, расскажу.

— Вот так-то лучше.

— Может быть, вы найдете способ договориться с бароном, выкупить ее. Деньги он любит не меньше, чем...

— Мы поняли, — перебил Банкан.

Мангуст кивнул.

— Но если у вас возникли наивные мысли о насильственном вызволении, советую выбросить их из головы.

— Это почему же?

— Потому что логово барона, где он купается в варварской роскоши, неприступно. Я бы не назвал его классическим замком, но, чтобы преодолеть стены, необходима маленькая армия. Я своими глазами видел эту резиденцию и уверяю: вы не пройдете дальше крепостных ворот.

— Шеф, так ведь мы и есть маленькая армия. — Сквилл ткнул себя в грудь большим пальцем. — И у нас в загашнике уникальное оружие.

«Ой ли? — подумал Банкан. — Будет ли толк от чаропесен без Ниины?» Перспективы вовсе не выглядели радужными.

— Не волнуйся. — Юноша обнял друга за плечи, и они отправились поделиться новостью с Граджелутом. — Мы ее вызволим.

— Да я, чувак, не за нее тревожусь. Мне этого хмыря жалко, Красвина. Он ведь еще не допер, в че вляпался.

— Но и не будем слишком беспечными, — посоветовал Банкан. — Ниина в серьезной беде.

— Можа быть, можа быть. С другой стороны, ежели мы ее там оставим, она, глядишь, преспокойненько дождется нашего возвращения. Мы и обернемся быстрее, и, спорить готов, она жирок тут нагуляет, чего не скажешь о нас.

Банкан отвесил выдру затрещину. Сквилл, поправив кепи, озадаченно посмотрел на друга.

— Ты че, офигел? За че?

— Ты прекрасно знаешь, за че. Ниина — твоя родная сестра, твоя двойняшка.

— Ну, и че с того?

У Банкана грозно понизился голос:

— Неужели до тебя не доходит? Когда барон с ней позабавится, он, возможно, не захочет ее содержать или отпускать, а попросту убьет. Ведь она над ним посмеялась, забыл? По словам того мангуста, Красвин способен на любую пакость. Окажись ты на месте сестры, небось по-другому запел бы.

— Ладно, чувак, ладно. — Сквилл поднял лапы. — Мы ее спасем или головы сложим, как и полагается смелым дуракам. Только, спорим, наш ухарь-купец потребует отсрочки от призыва.

И верно, как только Граджелут узнал подробности похищения Ниины, он наотрез отказался участвовать в ее спасении. Он перепугался даже почище мангуста.

— Вы — великие чаропевцы, но вы молоды и неопытны, в осаде и штурме крепостей разбираетесь еще хуже, чем в волшебстве. — Он пригладил мех вокруг пасти. — Я уверен, вы уже обратили внимание на отсутствие женского элемента вашего триумвирата, а без него у вас, наверное, вообще ничего не выйдет. Иными словами, вы идете с голыми руками штурмовать хорошо защищенный объект, и это уже не отвага, а настоящее самоубийство.

— Так отчего бы не последовать совету мангуста? — поинтересовался Банкан. — Я имею в виду выкуп.

— Увы, нам не наскрести необходимую сумму, — напомнил торговец, — даже если бы я не потратил почти все деньги на покупку верховых ящериц.

— А че, ежели я пролезу тайком в крепость и пришью ублюдка? — предложил Сквилл.

— О, отличная идея, — саркастично улыбнулся Банкан. — Одна незадача — мы понятия не имеем, как охраняется дом Красвина.

Граджелут обреченно выдохнул — половина воздуха вышла через ноздри, половина через пасть.

— Видимо, вам следует основную подготовительную работу доверить мне.

Сквилл удивленно посмотрел на него.

— Ты че, намекаешь, че не собираешься пилить дале без нас?

— Мне необходима ваша помощь, без нее я не сумею проверить реальность или нереальность Великого Правдивца. Очень сомнительно, что мне удастся найти таких же легковерных и безрассудных спутников, как вы.

— Ну, спасибо, шеф, — протянул Сквилл. — Умеешь польстить, язви тебя.

— Без Ниины мы никуда не поедем, — хладнокровно произнес Банкан. — Это решено.

Граджелут устало кивнул.

— Да, да. Но нам придется убеждением, или обманом, или наймом привлечь на свою сторону несколько солдат удачи, иначе у нас не будет ни малейшего шанса.

— Правильно рассуждаешь, начальник! — Сквилл расправил плечи. — Хвост трубой, усы торчком — и за дело. Ежели повезет, наймем несколько выдр.

— Да сохранит меня от этого бог всех честных торговцев, — пробормотал Граджелут, благоразумно понизив голос, чтобы не услышал Сквилл.

Глава 12

В конце концов она начала медленно всплывать со дна озера. Со дна самого лучшего, самого прекрасного озера в ее жизни — глубокого, холодного, идеально круглого. Единственный недостаток — там не водилась рыба. Лишь оливково-зеленые водоросли с зубчатыми листьями колыхались под напором течения. Сверху манили солнечный свет и воздух. Она лениво поднималась по спирали, даже не плыла, а просто позволяла водовороту нести себя. Наконец вырвалась на поверхность, заморгала и легонько вздохнула.

Но очутилась она не под солнцем, а под люстрой, подвешенной к сводчатому, облицованному резным деревом потолку. Она повернулась налево и увидела высокое и узкое витражное окно. Неизвестный художник изобразил постельную сцену — сцену, в которой...

Сонливости как не бывало. Ниина перекатилась по широкой кровати. Не было никакого освежающего озера — только груда тонкого полотна, причем совершенно сухая. И сама Ниина была сухой. Каждая ворсинка ее меха была причесана, дорогие ткани ласкали тело. Да, вместо привычных шорт и жилета она обнаружила на себе длинное платье из розового атласа, расшитое жемчугом и каменьями, с турнюром, глубоким декольте и пуфами на плечах.

На задних лапах болтались удобные шлепанцы, хвост позвякивал крошечными серебряными колокольчиками. И даже усы были обрызганы розовым лаком, отчего зудела кожа.

Первым побуждением было сорвать самоцветы и жемчуга и ссыпать в любую емкость, какую удастся найти. Не обнаружив ничего подходящего, она стряхнула шлепанцы и хорошенько осмотрелась. Такой огромной кровати Ниина отродясь не видала — лежбище с шитым шерстью балдахином устроило бы самую энергичную парочку молодоженов вместе со всей их близкой и дальней родней. Без сомнения, она служила неиссякаемым источником удовольствия для своего владельца.

Внезапно Ниине пришло в голову, что сюда ее доставили как раз для подобных развлечений. Но, судя по низким ножкам кровати, ее хозяин не был великаном. Пленница легко встала и направилась к витражному окну.

До узкого подоконника не дотянуться. Однако, если что-нибудь подставить, она наверняка справится с этой задачей.

Она огляделась в поисках чего-нибудь подходящего и мельком увидела себя в высоком овальном зеркале. И с изумлением обнаружила новый макияж — преобладали роскошные розовые тона. От уголков глаз к затылку волнами уходили стильные полоски. Самый потрясающий эффект создавала пудра — толченые пироп и альмандин поверх черных гематитовых блесток.

Описывая пируэт, Ниина глянула через плечо и обнаружила на спине вырез — глубокий, до самого хвоста.

«Е-мое, — подумала она, любуясь своим отражением. — А ведь я шикарная!»

Кто-то на совесть поработал над ее внешностью. Что ж, тем хуже для него — ведь Ниина не давала согласия.

Неяркой люстре помогали два высоких масляных светильника около кровати. Пленница заподозрила, что умеренный свет — вовсе не случайность. Кто-то лез вон из кожи, чтобы создать исключительно интимную атмосферу.

Ниина обнаружила стул и подтащила его к окну. В дальнейших поисках еще раз оказалась перед зеркалом и, сама того не желая, задержалась, выставила короткую ногу. Портной явно превзошел самого себя. Нелегко шить одежду для выдр: у них широкие талии, короткие конечности и длинные гибкие тела. Особенно удались складки из тонкого атласа.

— Настоящее произведение искусства, не правда ли?! Из тех, которыми лучше восхищаться не в одиночестве.

Она резко повернулась. Говоривший затворил за собой дверь.

Норк был не выше ее, более стройный, с мехом понежнее и потемней. Он носил сандалии с драгоценными камнями, панталоны и красный жилет, отделанный черной кожей. Высокий жесткий воротник подчеркивал красивые контуры головы. На поясе блистал каменьями кинжал — скорее декоративный, чем

агрессивный. С левого уха свисала серьга. Выражение морды не соответствовало елейному тону, оно было определенно хищным. Да и ситуация не нуждалась в толковании. Ниина была молода, но не наивна.

Элегантное платье и дорогая косметика предназначались не для ее удовольствия. Она раздула ноздри.

— Я тебя знаю. Наглый ублюдок с рынка. Ты меня похитил!

— Ты дважды права, — ехидно проговорил норк. — Я — барон Кольяк Красвин, честь имею.

— Вот и имей ее дальше. От меня-то тебе че нужно?

Улыбочка сгинула.

— Твои попытки острить несвоевременны. Предлагаю сменить тон ради твоего же блага. Можешь звать меня просто Кольяк.

— Кол будет еще проще. Или, можа, совсем просто? К примеру, Башка Дерьмовая?

Одну черту характера барона Ниина выявила очень быстро — не так-то легко вывести этого субъекта из себя.

— Умоляю, без детских оскорблений. Если собираешься придумывать мне клички, постарайся быть изобретательнее.

Сам того не подозревая, он подбросил ей идею. Не то чтобы грандиозную, но выбирать не приходилось.

— Изобретательности хочешь? Щас че-нибудь изобрету. — Она выгнула спину. — Отвори-ка лучше дверь, или я не отвечаю за ужасные последствия.

Красвин сделал изящный, четко отмеренный шаг вперед, неприятно ухмыльнулся.

— Не беспокойся, виноват буду я.

Она отступила к зеркалу.

— Я тебя предупредила. Учти, я чаропевица.

Ухмылка расползалась.

— Ах, вот как? В самом деле? И что теперь? Собираешься превратить меня в тритона?

— Угадал. И я сделаю это.

— Обязательно сделаешь, — согласился Красвин. — Добровольно или иначе. Да будет тебе известно, я никогда не встречал чаропевцев, но слыхал о них. Однако скажи, разве их мистические ухищрения не требуют музыкального инструмента? Мне достоверно известно, что при тебе инструментов нет. Во всяком случае музыкальных.

Она поймала себя на том, что пятится к кровати, а это был не самый предпочтительный путь отступления.

— Слушай, ты че, не замечаешь, что ведешь себя слишком нагло?

— Разумеется, замечаю. Наглость — неотъемлемая черта моего характера. Но я с нею свыкся. Вижу, платье тебе понравилось. Оно предназначалось для знатной норки, но я велел перешить его специально для тебя.

— Не стоило утруждаться.

— Помилуй, какие там труды.

— А тебя не смущает, че я — выдра, а не норка?

— Напротив! Разницу я нахожу не досадной, а интригующей. Кроме того, у меня весьма широкие вкусы. Едва увидев тебя, я понял, что ход событий предопределен и близится счастливый финал. Но я устал от болтовни.

Она в отчаянии огляделась, однако в комнате было лишь одно высоко расположенное окно и лишь одна дверь. Прыгнуть прямо в витраж? Глупо. В спорте выдры на многое горазды, но по прыжкам в высоту не спецы — слишком коротки лапы. Вот если бы дело происходило в воде...

За дверью, конечно же, затаились охранники. Другого выхода нет, даже камин отсутствует. Из мебели — только кровать, несколько комодов, набитых бельем, балдахин, слишком хилый, чтобы выдержать вес выдры, два стула, овальное зеркало, холодный каменный пол, люстра высоко над головой и два масляных светильника.

Только последние и годились на роль оружия. Однако норки — существа увертливые. К тому же Красвин всегда может позвать на помощь.

Она решила испробовать другой способ.

— Добрый сударь, умоляю, оставьте меня в покое. Мы с друзьями хотели всего лишь мирно проехать через эти края. Можете не сомневаться, меня сейчас ищут. И один из них — очень богатый и влиятельный купец.

— Ха-ха! Купец, который торгуется на рынке за каждый грош.

Красвин надвигался, и Ниина увидела очень белые и очень острые зубы.

Она наткнулась на кровать и двинулась вбок. Платье красивое, спору нет, но в бою — помеха.

— Эй, ты! Держись от меня подальше.

— Наоборот, я намерен сблизиться с тобой. Не следует забывать, я пошел на некоторые расходы и хлопоты, чтобы ты оказалась здесь, и не собираюсь тебя отпускать, если только мы, фигурально выражаясь, не познакомимся поближе. Причем многократно.

— У меня такое чувство, че я и так чересчур не хило тебя знаю.

Она обогнула угол кровати, а норк безжалостно преследовал ее и откровенно наслаждался этой атлетической прелюдией. Рано или поздно она устанет, и отсюда не сбежать. Все его жертвы в конце концов приходили к такому выводу.

— Иди же ко мне, — убеждал барон. — Я не такой уж плохой

мальчик. Поверь моему опыту, пустяковое видовое различие нисколько не помешает нашим взаимоотношениям. Ты никогда не задавалась вопросом, правда ли все, что рассказывают о норках?

— Больно надо, — огрызнулась Ниина.

— Кривишь душой, но я не в претензии. Ты получишь ответы на все вопросы, даже если не хочешь их задавать. Кстати, *сколько тебе лет?* — *Красвин раздевал ее маниакальным взглядом.* — Готов поспорить, немного. Бутон только начал распускаться. И это восхитительно!

Норк казался расслабленным, ленивым, но на самом деле выбирал момент для броска.

И едва заметно надвигался. И протягивал лапу.

— Не подходи!

Ниина крутанулась и стремительно забежала за кровать.

Красвин целеустремленно наступал, и тогда выдра схватила светильник, сняла пламенеющий хрустальный колпак и замахнулась, как дротиком, длинной металлической ножкой. Но Красвина это не устрашило.

— Как тебе идет это платье! Украшает каждый изгиб тела.

— Больше ни шагу!

Она грозно качнула металлическим стержнем с массивным диском на конце. Барон остановился.

— Ах, вот как! Мы вооружились? Похоже, я вынужден отказаться от своих намерений.

Красвин повернулся к ней спиной, но ее это ничуть не успокоило.

— Выметайся. За дверь, живо. А я останусь здесь, дождусь друзей.

Он оглянулся, над воротником качнулась сережка.

— Еще пожелания будут? Распоряжения?

Красвин повернулся, на миг опустил глаза. А в следующую секунду он коршуном бросился на Ниину.

Пожалуй, с любой другой жертвой норк справился бы легко. Но сейчас он имел дело с выдрой. Выдры массивнее норок, но в ловкости и скорости почти не уступают им.

Едва Красвин сорвался с места, в него полетела ножка светильника. Он легко уклонился и натренированным ударом обеих лап отбросил ее. Звякнув о каменные плиты, она застыла между охотником и жертвой.

Вслед за ножкой полетел колпак. И снова барон увернулся. Снаряд пронесся в сантиметре от его головы и врезался в пол. По щелям между плитами растеклось горящее масло. Красвин убедился, что огонь не причинит ущерба, и снова повернулся к Ниине.

— По-твоему, тут слишком холодно? Напрасно силы тратишь. Они тебе еще пригодятся. — Он медленно, размеренно зашагал вперед. — Неужели ты еще не поняла, что такие же точно

сценки разыгрывались здесь много раз, и финал был всегда одинаков? Я заранее знаю все, что ты способна затеять. И как бы ни забавляла меня игра, я не вижу смысла в ее продолжении. Без моего позволения ты не покинешь эту комнату. Так почему бы не смириться с неизбежностью и не облегчить, по возможности, себе жизнь?

Ниина тяжело вздохнула и сделала вид, что расслабилась.

— Наверное... наверное, ты прав.

Ее голова смиренно поникла.

— Вот так-то лучше, — кратко заключил барон и кивком указал на кровать. — Укладывайся. Или предпочтешь, чтобы я тебя туда бросил?

Он встал над ножкой светильника и потянулся к Ниине. Она в тот же миг уступчиво двинулась навстречу. А через секунду лапа выдры ударила по диску. Ударила изо всех сил.

Другой конец ножки ринулся вверх и саданул норка между коротких лап.

У Красвина до того расширились зрачки, что в них отразился огонь второго светильника. Ухмылку сменило совершенно иное выражение. *Он кулем рухнул на пол. Ниина подскочила к нему* и сорвала с пояса декоративный кинжал. Барон не пытался ее остановить — наверное, потому, что лапы были заняты.

Не отпускал он и тонких острот.

Взметнулся подол платья. Ниина стремительно подбежала к двери и неистово забарабанила.

— Беда! — кричала она. — У барона сердечный приступ. Кто-нибудь, сюда! Пожалуйста, помогите!

Когда дверь распахнулась и появились двое мускулистых, хорошо вооруженных ласков, она шагнула в сторону и спрятала кинжал за спину. Один ласк сторожко смотрел на нее, а другой бросился к корчившемуся на полу барону. Красвин одной лапой держался за свои достоинства, а другой слабо жестикулировал, членораздельная речь к нему еще не вернулась.

— Не... не... — прохрипел он.

Эти слабые протесты привлекли внимание второго стражника, что позволило Ниине сделать выпад и вонзить ему в бок кинжал, как раз под нижним краем нагрудника. Ласк взвизгнул и попытался схватить ее, но пальцы его сомкнулись в пустоте.

Ниина проскочила мимо — только для того, чтобы налететь на орангутанга в кольчуге и шлеме со шпилем. Обезьян перегораживал коридор, длиннющие лапы упирались в стены — мимо не пробежишь.

— И куда ж ты, цыпочка, спешишь? — прорычал он.

— Никуда, — задыхаясь ответила Ниина. — Просто барону вдруг стало дурно, и я решила ему помочь...

Она оглянулась. Через отворенную дверь было видно, как

первый охранник помогает Красвину встать, а другой шатается. Орангутанг нахмурился.

— Похоже, ему уже помогают.

— У него проблема со здоровьем, а сейчас она будет и у тебя.

Молнией сверкнул клинок и вонзился в живот обезьяна под кольчугой. Длинная лапа попыталась схватить выдру, но неудачно. Ниина выдернула окровавленное лезвие и бросилась вперед.

В развевающемся платье бежала она по опустевшему коридору, лихорадочно ища выход. Но здание казалось бесконечным. Она повернула за угол и едва не попалась на глаза копейщикам — двум крысам и лангуру.

Слева оказалась отворенная дверь. Ниина юркнула в нее и оказалась в кухонной кладовой: связки сушеного мяса, запечатанные воском свертки, кули с мукой. С трудом пробираясь между ними, она слышала, как нарастает позади гомон вкупе с топотом сапог и сандалий.

Во всем замке уже поднялась тревога.

Она кое-как открыла дверь в противоположной стене и очутилась в большом зале, освещенном масляными светильниками и одинокой шаровидной люстрой. Три высоченные, в два этажа, стены были закрыты стеллажами — она отродясь не видала столько книг. Наверное, даже Клотагорб не мог похвастать такой роскошной библиотекой. Обложки из дерева, металла, кожи и иных экзотических материалов поблескивали. Центр зала занимал огромный стол и два кресла под стать ему. По стенам проходил широкий балкон с перилами, лестница обеспечивала доступ к верхним стеллажам. Четвертая стена была стеклянная и в настоящий момент темная, так как стояла ночь.

В этой стене отражалась шеренга двустворчатых отворенных дверей, они вели в просторный атриум. Там толпились слуги, и стекло позволило им обнаружить в библиотеке Ниину.

— Это она! — раздался истошный вопль.

Ниина затравленно огляделась. Если и удастся открыть высокое стрельчатое окно с массивной рамой, то не сразу. Пробиться через толпу отчаянным рывком? Есть опасение, что ее изрубят в фарш.

Снаружи нарастал шум. Ниина подхватила светильник с колпаком из граненого хрусталя, убедилась, что масла в нем достаточно, и вскарабкалась по лестнице на балкон. Миг спустя появились два вооруженных пака, увидели ее и бросились вдогонку. Она швырнула лампу на лестницу, уперлась в нее лапами и изо всех сил толкнула. С приятным треском лестница обрушилась на преследователей и повалила их на пол.

Вбежали два западноафриканских лемура, но они не пытались вернуть лестницу на место. За ними следовали даман и троица крепко сбитых броненосцев. Чуть позже появился сам барон в сопровождении ласка.

— А вот и мой ухажер. — Ниина отважно улыбнулась и крепче сжала рукоять кинжала. — Как твой пыл, а, миленок? Не поугас?

Красвин ухмыльнулся, но было видно, что это далось ему нелегко.

— В других обстоятельствах я бы счел этот маленький инцидент бодрящим.

— Да че ты говоришь? — Она помахала клинком. — Так поднимайся, пупсик, я тебя еще разок взбодрю. С нашим удовольствием!

— Ты становишься чересчур докучливой. Спускайся. Сейчас же. Тебя ждет развлечение.

— Уж извини, голубок, но мне здесь больше нравится. Ежели так охота развлечься, можешь поцеловать себя в задницу.

Он глубоко вздохнул.

— Вижу, сейчас уместнее не уговоры, а веревки и цепи. Я-то надеялся, что моя галантность тебе польстит или, по крайней мере, ты оценишь ее должным образом. Но раз ты по-хорошему не понимаешь, будет по-плохому. Это ни в коем случае не отравит мне удовольствие, но уверяю, тебя ничего приятного не ждет.

Он дал знак вооруженным слугам, которых уже набилась в библиотеку добрая дюжина. Два броненосца схватили лестницу, а цепкий гиббон сжал зубами клинок сабли и приготовился лезть на балкон. Увидев, что броненосцы потащили лестницу к противоположной стене, Ниина стремглав понеслась им навстречу.

Как только лестница прислонилась к перилам, гиббон ринулся на приступ. Наверху он рубанул, целя Ниине по ногам. Она ловко перескочила через клинок, избежала второго удара и полоснула воинственного примата по незащищенной груди. Обезьян схватился за рану, потерял равновесие и очень драматично шмякнулся на пол.

Остальные пришли в замешательство, никому не хватило благородства, чтобы подхватить пострадавшего товарища.

— Эй вы, идиоты, стащите ее оттуда! — прорычал Красвин. — Вторую лестницу сюда! Несколько лестниц!

Часть прислуги бросилась выполнять приказ, а барон метнул в Ниину пылающий взгляд.

Оставшиеся броненосцы снова подняли лестницу. На этот раз в атаку послали крыса, он неохотно и осторожно карабкался по ступенькам. Взобравшись, попробовал заколоть Ниину длинным копьем. Она отступала, парируя неловкие удары. Улучив момент, когда крыс оказался достаточно близко, она проскочила под наконечником копья и полоснула кинжалом по лапе.

Грызун взвизгнул, выронил оружие и стремглав ретировался.

Ниина подхватила копье и бросила вдогонку, но промахнулась.

Сорванный ею с полки том был довольно велик и снабжен тяжелым переплетом. Этот вполне подходящий метательный снаряд угодил прямехонько в лоб броненосцу. Тот взвыл и отпустил лестницу, по которой его приятель пытался влезть на балкон.

Вслед за первой книгой вниз градом посыпались другие. Это не причинило врагу особого ущерба, но внесло изрядную сумятицу.

Вперед торопливо вышел растерянный Красвин.

— *Прекратить*! — Норк наклонился, поднял искалеченный том, любовно прижал к груди. — Ты что, не понимаешь, какая это ценная коллекция? Дура! Ты хоть представляешь, чего стоит изготовить одну-единственную книгу?

Он был не на шутку расстроен. Ниина мысленно похвалила себя — удалось найти уязвимое место барона. Так, значит, он страстный коллекционер не только строптивых молодых самок, но и книг. Кто бы мог подумать!

— Нет, не представляю. — Она выбрала на ближайшей полке книгу в особенно красивом переплете. — Намекаешь, че трудно найти ей замену, ежели я сделаю вот так?

Раскрыв книгу, она наугад рвала страницы и бросала вниз. Они порхали и кувыркались, словно пораженные кондрашкой мотыльки.

— Не смей! — Красвин сжал кулаки в пароксизме ярости и оглянулся на слуг. — О черт! Где же лестницы?

Ниину это только подстегнуло. Она хватала книги, выдирала страницы, и вскоре в библиотеке разгулялся бумажно-пергаментный буран. Красвин не в силах был ее остановить и страдал больше, чем от удара светильником. Ниина же, глядя на его муки, чувствовала себя прекрасно, как никогда.

Несколько приспешников барона, сопя и пыхтя, наконец вернулись с двумя лестницами. Челядь приготовилась напасть сразу с трех сторон. При всем своем проворстве Ниина продержалась бы недолго. И она знала: вторую попытку бежать Красвин уже не допустит.

— Все кончено. — Норк свирепо глядел на нее. — Сейчас же спускайся. И может быть... Если будешь умолять меня долго и искренне, я тебя не прикончу... после.

— Да, распрекрасный мой барон, похоже, ты прав. Все кончено. По крайней мере, для этой штуковины.

Она сняла с полки книгу, взяла с двух сторон за корешок, страницы веером разошлись над огнем хрустального светильника. Как только бумага занялась, Ниина швырнула фолиант вниз. Он упал на груду вырванных и смятых страниц. В следующий миг на полу пылал костер.

— Гасите! Гасите!

Красвин сорвал плащ с ближайшего слуги, бросил на огонь,

запрыгал по нему как безумец. Но только сообразительность лангура, который бросился на кухню и через несколько секунд вернулся с бадьей воды, спасла библиотеку от полномасштабного пожара.

Когда барону наконец удалось переключить внимание на свою пленницу, она уже приготовила к аутодафе новую гору бесценных сокровищ. Поблизости лежали раскрытыми еще несколько книг. Их страницы впитывали масло из светильника.

— Ну так че, выйду я отсюда, или придется прокоптить этот поганый вертеп?

— Ты сгоришь вместе с ним.

— Ниче, рискну. А ты?

Она уже не улыбалась.

— Тебе отсюда не выбраться, — процедил норк. — Никогда и ни за что. Даже если сожжешь всю библиотеку.

— Ну, начальник, как знаешь.

Она поднесла книгу к огню, не сомневаясь, что внизу уже почуяли запах масла.

— Погоди! — Норк вскинул лапы. — Давай поговорим.

Ниина кивнула, покусывая нижнюю губу:

— Вот это мне уже больше по нраву. Потрепаться я завсегда не прочь. Да только вот незадача — устала я следить за твоими холуями.

Барон подал знак, слуги оставили лестницы и попятились. Кое-кто даже ушел. Красвин расположился в удобном кресле.

— Так лучше?

— Еще бы не лучше. А сейчас я, пожалуй, не отказалась бы от глотка воды.

— Как насчет вина?

Она презрительно ухмыльнулась.

— Можа, я и молода, да не глупа. Только воды. Холодной. И хавки какой-нибудь. Свежая рыба будет в самый раз.

— Еще что-нибудь закажешь? — процедил барон.

Она даже не моргнула под убийственным взглядом.

— Ежели надо будет, закажу, не постесняюсь.

Он кивнул и дал указания слуге. Пак исчез за двустворчатой дверью. Оставшиеся челядинцы настроились на ожидание, опустив оружие и прислонясь к стеллажам или усевшись на каменный пол. Красвин скрестил на груди лапы и застыл, не сводя с Ниины злобного взора.

— Ты должна сразу зарубить себе на носу: я не собираюсь тебя отпускать, не познав твоего тела. Особенно теперь, после того, что ты натворила.

— А мне, баронишко, кажется, че это как раз тебя отымели.

Ниина уселась на балконе.

— И что же ты собираешься предпринять, когда утолишь голод и жажду? — поинтересовался он.

— Че надо, то и предприму.

«Вот так-то лучше, — подумала она, — чем признавать, что у меня ни одной толковой идеи».

— Надеюсь, ты не будешь в претензии, если я подкреплюсь с тобой за компанию? — На морде Красвина появилось жалкое подобие прежней самоуверенной ухмылки. — У меня от всей этой бурной деятельности разгулялся аппетит.

Он пошептался с другим слугой.

— Аппетит разгулялся? — спросила Ниина. — Хошь, отобью?

— Это тебе не по силам. Мой аппетит можно лишь ненадолго перебить.

— С помощью этой вот штучки я б тебя запросто вылечила. — Она показала трофейный кинжальчик. — Раз и навсегда. Жалко, че удалось поработать только лампой. Будь тут мой папаша, он бы тебя покрошил на сувениры. А его друган, между прочим, — величайший чаропевец Теплоземелья.

Похоже, на Красвина эти слова не произвели впечатления. Появились слуги с едой и питьем. Прежде чем пак получил разрешение подняться по лестнице, Ниина убедилась, что он безоружен. Взяв еду, она пинком отправила лестницу на пол. Ее подхватили бдительные броненосцы.

Красвин церемонно принял свой поднос.

— Увы, никто из названных тобой персон здесь не присутствует.

— Врешь, тут мои спутники.

— Нет, ты и в этом ошибаешься. Они в Камриоке. Если еще не забыли о тебе и не отправились своей дорогой. А ты — здесь, со мной.

Ниина, прежде чем есть рыбу и пить воду, хорошенько все обнюхала. Но если слуги и подмешали что-то, запах находился за пределами ее тонкого чутья. Делать нечего, придется рискнуть. Успокаивало лишь соображение, что барону ни к чему хитрые уловки. Он может спать когда захочет, регулярно менять часовых, а Ниину рано или поздно обязательно свалит усталость. Жуя, она глядела, как слуги приходят и уходят, оснащая библиотеку кадками с водой, чтобы гасить огонь, когда Красвин начнет последний штурм. Выдра вдоволь напилась и вылила оставшуюся воду себе на голову, испортив макияж и намочив элегантное платье. Это помогло, но, конечно, лишь на время.

Где же ее друзья, да унесет их Абсолютный Вихрь? И где брательник, этот ленивый, бесполезный кусок сала? Им, конечно, не по силам разрушить миниатюрную крепость, но отчего бы не попытаться? Она им не чужая все-таки.

Ниина устроилась как можно удобнее и тоже приготовилась ждать. Решила тянуть время. На худой конец так устанет, что потом ничего не почувствует.

Красвин сидел и пялился на нее, лишь изредка отводя взгляд. Его ближайший помощник, пожилой мандрил, осмелился подойти и прошептать на ухо хозяину:

— Ваша светлость, почему бы нам не броситься на нее? Смотрите, она уже ослабла. Успеет сжечь не так уж много книг.

— Дурак! — возмутился барон, и мандрил втянул голову в плечи. — Одна уничтоженная книга — и то перебор. Ты что, забыл, сколь ценна эта библиотека? Как важен один-единственный том в структуре мироздания? Как незаменимы содержащиеся в нем знания, как невосполнима потеря заключенных в этих книгах сведений? С древних пор и доселе книги — самый ценный источник познаний. Это фундамент цивилизации, оплот просвещенного общества. Гибель каждого фолианта — несмываемое пятно на моей совести. И на твоей, и на совести всех мыслящих существ. Необходимо любой ценой избежать катастрофы!

— Поистине, вы правы, ваша светлость. Просто мне казалось, что для вас блуд все-таки важнее книжонок.

— Байельрет, ты меня удивляешь. Ты же знаешь, что самое ценное в моем имуществе — библиотека. Этой коллекции книг нет равных не только в Камриоке, но и во всех странах к югу и востоку. Недаром все гости завидовали мне черной завистью.

— Простите, ваша светлость, но дозволено ли мне напомнить, что ваша библиотека целиком состоит из порнографических опусов?

У норка сузились глаза.

— Ты что, Байельрет, смеешься надо мной?

У мандрила затряслись поджилки.

— Я? Да что вы, ваша светлость! Никогда.

Красвин отвернулся, поудобнее устроился в кресле и снова вперил взгляд в сидящую на балконе юную выдру.

— Ох уж мне это невежество! Мое окружение — сплошь необразованные глупцы. Можно ли удивляться, что девица из племени, которое вовсе не славится глубокомыслием, сумела перехитрить всех вас?

— Ага, хозяин, — подтвердил кто-то позади него. — Всех до единого.

Норк стремительно обернулся.

— Кто это сказал?

На него уставилось несколько растерянных пар глаз. Слуги боязливо переглянулись, но никто не признался.

Красвин заставил себя отвернуться. Сейчас не время сносить головы хохмачам. Еще успеется. Пока у него каждая лапа на счету, каждый коготь.

— Кто бы это ни сказал, он, в сущности, прав. Она всех нас выставила на посмешище.

— Да только мы, хозяин, не так сильно сердимся, как вы, — раздался другой голос.

Грянул нервный смех, в нем поучаствовал и барон.

«Позволь им расслабиться, и они проявят больше энтузиазма», — сказал он себе. Позже, когда он разберется с нахальной самкой, каждый слуга получит дозу сыворотки правды. Отсеченные головы болтунов украсят шпили над крепостными воротами, но прежде он позаботится, чтобы на мордах остались улыбки — как напоминание о несвоевременных шуточках. Остальным это послужит великолепным уроком. Все желания Красвина исполняются. Пускай не сразу, но обязательно.

Опозорившая его самка барабанила пальцами по раскрытой книге в переплете из зеленой змеиной кожи с золотым окладом.

— Эй, бароша!

Он промолчал.

— А знаешь, ежели б ты так не приставал, мне б это даже показалось интересным. — Она перевернула страницу, увидела рисунок, укоризненно покачала головой. — Как там тебя, Кривун? Крюкен? Ты у нас, оказывается, грязный маленький извращенец.

— Я Красвин. Не желаешь ли спуститься, обсудить со мной мои пороки?

— Только ежели придумаю способ выбраться отсюда живехонькой и здоровехонькой. И ежели буду знать, что ты не погонишься за мной и моими корешами. — Она смотрела в дверной проем. — Кстати, они явятся с минуты на минуту.

Он снисходительно улыбнулся.

— Мне кажется, твои так называемые друзья стесняются. До сих пор у ворот и на прилегающей территории не замечены никакие посетители, не считая какого-то назойливого коробейника, которого мой персонал окатил помоями. Скажи, у твоих столь долго ожидаемых приятелей все в порядке с мозгами? Если они не дураки, то наверняка смирились с потерей и заливают горе вином в городских кабаках. Или, что мне кажется более вероятным, выпивают на радостях.

Ниина наклонила лампу над грудой раскрытых и пропитанных маслом книг. Не для того, чтобы поджечь. Хотелось посмотреть, как барон съежится.

— Может, и правда развести костерок? Чей-то тут прохладно становится.

Красвин поспешил вскинуть лапы над головой.

— Не делай этого. Все мои тома уникальны, каждый — единственный в своем роде.

Ниина постучала по книге, лежащей на коленях.

— Спору нет, чувак. Противно думать, че на свете может быть еще хоть одна такая книжонка.

— Оскорбляй сколько угодно меня, но при чем тут книги? Знания — бесценное сокровище.

— Распинаешься, будто ученый червь. По мне, так все книжонки выеденного яйца не стоят. И кореша мои так считают.

Тут она, к своему ужасу, не сдержала зевок.

Красвин заметил это и заухмылялся.

— Обещаю, я придумаю способ гарантировать тебе беспрепятственный уход.

— Значица, решил отпустить?

Она снова зевнула.

— Для меня сохранность библиотеки гораздо важнее любовных побед.

— Врешь.

Пока Ниина неуверенно глядела на Красвина, из ее расслабленных пальцев выскальзывала книга. Вздрогнув, выдра снова ухватилась за переплет.

Красвин встал.

— Мы с советниками подумаем, как все организовать. Признаюсь, твой характер восхищает меня не меньше, чем хвост. Но чему быть, — добавил он с театральным жестом разочарования, — того не миновать.

С этими словами барон вслед за Байельретом вышел в атриум.

— Ваша светлость, она устала, — сказал мандрил. — И в таком напряжении, конечно же, выдержит недолго.

— Я эту стерву еще не так напрягу, когда вытащу из библиотеки. Пойду в свои покои, вздремну. Позаботься, чтобы охранники регулярно сменялись и не уставали. Не знаю, где эта выдра научилась драться, но не хочу дарить ей шанс. Тем более что вынужден полагаться на толпу имбецилов.

— Вы правы, ваша светлость. Не беспокойтесь, она непременно уснет до вашего пробуждения.

— Да. А потом я допишу несколько страничек в своей личной книге.

Он прошел в свои покои, держа лапы за спиной. Пальцы извивались, сплетались — предвкушали скорую расправу. Мандрил не разделял странных вкусов господина, и мысли о судьбе окопавшейся в библиотеке дамы вызывали у него дрожь.

Глава 13

Таверна располагалась неподалеку и от центрального рынка, и от гавани. Снаружи она была элегантна, внутри просторна — из тех злачных местечек, где городская знать может достойно тусоваться с менее авторитетными обывателями и путешественниками. Как раз то, что надо для получения информации и помощи.

— Как бы это безумное предприятие не влетело нам в копеечку, — размышлял вслух осторожный Граджелут. — Конечно, из этого не следует, что я не намерен сделать все от меня зависящее для спасения вашей сестры, — поспешно добавил он. — И все же не могу удержаться от констатации факта, что наши ресурсы основательно истощены.

Банкан заглянул через окно в таверну. Там яблоку негде было упасть. На заднем плане виднелось деревянное пианино, заеденный блохами волк отрабатывал на нем свой гонорар. Официантов набрали из разных племен, однако грубостью и задиристостью все они соперничали с теми, кого обслуживали. Банкан и Сквилл вслед за купцом вошли внутрь.

В кабинетах и зале кутили десятки представителей разных зоологических видов, многие сидели на высоких табуретах у нескольких стоек. Музыка оглушала, не отставали от нее и голоса. Всем питухам, похоже, очень нравилось времяпрепровождение.

— Может, попытаем счастья в другом месте? — предложил Банкан. Ему пришлось кричать во весь голос, чтобы расслышали.

— Я навел справки, — сказал, направляясь к стойке, ленивец. — В приличном заведении мы не найдем желаемую помощь. Если уж на то пошло, мы рискуем встретить там друзей барона. — Он деликатно улыбнулся, и впервые Банкан задумался, что же кроется за этой улыбкой. — В заведениях же менее респектабельных, чем эта таверна, можно нанять только отбросы общества, готовые обратиться в бегство при первом намеке на опасность. Да и вообще, очень сомневаюсь, что нам удастся найти безрассудных авантюристов, готовых рисковать жизнью за ничтожную компенсацию, каковую мы можем предложить...

Банкан понимающе кивнул, поддаваясь, как он надеялся, царившей в зале космополитичной беззаботности, опьяняющей, кружащей голову атмосфере.

Граджелут осел в баре, а Банкан со Сквиллом шагали между столиками, пока взгляд юного человека не упал на рослого черногривого льва. Если бы этот мощный отпрыск семейства кошачьих встал в полный рост, он бы, наверное, возвысился над Банканом, как каланча. Из доспехов радужной змеиной кожи с бахромой выпирали массивные, мускулистые плечи. Доспехи прикрывали только верх гиганта, плоский живот не был защищен. Довершали наряд шорты, тоже с бахромой, и сандалии на шнуровке. В ножнах, прислоненных к круглому столу, покоился двуручный меч длиной со Сквилла. Лев небрежно держал в лапе окованную медью деревянную кружку величиной с человеческую голову.

— Вот кто нам нужен.

Банкан резко развернулся. Сквилл неуверенно плелся следом, держась за рубашку друга.

— Слышь, чувак, можа, пустим вперед купезу, а? Как-никак, у него коммерческий опыт.

Но Банкан не отклонялся от нового курса.

— Я хочу только поговорить. Успокойся, все будет в порядке.

Вблизи лев и вовсе выглядел исполином. Сквилл оробело примолк.

Компаньоны льва, лис и каракал, тоже не были слабаками. Уши каракала повернулись к Банкану за миг до того, как юноша заговорил:

— Прошу прощения.

Львиная грива была расчесана и стянута на затылке в толстый конский хвост. Она зашуршала, когда ее хозяин повернул голову и поднял огромные глазищи на самонадеянного человечка.

— Нет, — ответил он без промедления.

Голос был гулок, аж вибрировал, словно исходил со дна старого каменного колодца.

— То есть?

Банкан растерялся.

Из глотки льва вырвался густой рык:

— Я говорю, что отказываю в просьбе о прощении.

Поднялась и накренилась кружка, пиво потекло в страшную пасть. Потом увесистый язык облизал мокрую морду. Лис и каракал обменялись многозначительными смешками. Сквилл настойчиво дергал Банкана за рубашку, но тот, не обращая на друга внимания, смотрел на самодовольную троицу.

— Ну, как хотите. Полагаю, из вашего ответа следует, что вы не нуждаетесь в деньгах.

Лис навострил уши.

— А ну-ка, повтори.

Каракал тоже проявил интерес.

Банкан переступил с ноги на ногу и напустил на себя беспечный вид.

— Похоже, вы богаты и ходите сами по себе. То есть работа вам не требуется.

— Это кто тут сказал, что нам не требуется работа?

Лис будто не заметил неодобрительного львиного взгляда.

Банкан пожал плечами.

— У меня предчувствие, что вас не заинтересует наше предложение.

Лев положил на стол лапу, выпустил все пять когтей. Они вонзились в толстое дерево, и без того хранившее немало следов времени и безымянных посетителей. Трудно было не смотреть на эти когти.

— А ну-ка, детеныш, поподробней.

Банкан рассердился, но тут же взял себя в руки.

— У моего друга похитили сестру.

— Что еще за друг? — промурлыкал гигантский кот.

Банкан повернулся. Сквилл бесследно исчез. Расширив радиус обзора, юноша обнаружил его у бара. Выдр сидел на высоком табурете, в одной лапе держал кружку, а другой приглашающе махал ему.

Банкан тяжело вздохнул и повернулся к столу.

— Вон тот выдр.

— Так ты говоришь, у него похитили сестру? — прошипел каракал. — Что ж, это жестокий мир. Но при чем тут мы?

— Речь идет о деньгах и приключениях. Помогите ее спасти.

Меньший кот тоже поигрывал пивной кружкой. Но она была вдвое меньше львиной.

— Приключения — это, как правило, плохой синоним слов «неудобства» и «неприятности». Когда я скучаю по таким вещам, легко нахожу их без драки с отчаянными похитителями.

— А с чего вы взяли, что без драки не обойтись?

— С того, что в это дело вовлечен твой друг, следовательно, у тебя личный интерес, — рассуждал лис. — А у нас его нет. — Он выжидательно смотрел на Банкана. — Но если предложишь достойную плату...

— А ну-ка, все по порядку, — буркнул лев. — Кто вас огорчил? Воры-гастролеры, которых уже и след простыл? Легальные жулики из Гильдии Похитителей? Какие-нибудь глупые дилетанты? — Последние слова он произнес с надеждой.

— Похититель местный. Настоящий мерзавец. Если оторвете ему башку, заслужите благодарность всего города.

— Не нужна нам ничья благодарность, — проворчал лев. — Что же до мерзавцев, давай поконкретней. Камриока никогда не знала в них недостатка. — Он обвел кружкой зал. — Кого из местных мерзавцев ты имеешь в виду?

— Он величает себя бароном Кольяком Красвином.

— Красвин? — Лев задумчиво выпятил нижнюю губу. — Понятно. Я правильно понял: сестру твоего друга прячут в укрепленном поместье барона?

— По нашим сведениям, это так, — ответил Банкан.

— И ты хочешь, чтобы мы втроем, — указал лев на своих безмолвных приятелей, — помогли тебе вырвать злополучную самку из лап самого Красвина?

Банкан утвердительно кивнул.

Лев медленно выпрямил спину.

— Позволь, мой юный безволосый друг, кое-что сказать. — Он протянул могучую лапу и постучал пальцем по груди Банкана. Юноша устоял и не подал виду, что напуган. — Прежде всего не похоже, что у тебя за душой много денег. От силы несколько серебряных монет. А наши услуги ценятся гораздо выше. Во-вторых, известно, что у Кольяка Красвина всегда в распоряжении несколько десятков вооруженных слуг и каждый готов по его приказу сложить голову. Не из любви к своему господину,

которого, как ты верно заметил, повсеместно недолюбливают. Просто они не желают, чтобы им во сне перерезали глотку. Нелояльность Красвин не прощает. В-третьих, его дом — даже не поместье, а скорее маленький замок. Главное здание окружено высокой каменной стеной, и таким сооружением гордился бы любой фортификатор. Окна зарешечены, двери и ворота укреплены железом и медью. Ров отсутствует, но и нужды в нем особой нет. С нашей помощью ты не расколешь этот орешек, даже десяток таких, как мы, не выиграют сражение. По моей профессиональной оценке, для штурма крепостных ворот нужна небольшая армия, но не думаю, что она тебе по карману. И, наконец, — тыча пальцем, говорил лев, — при всех своих знаменитых пороках и сомнительных наклонностях барон известен еще и тем, что в Камриоке у него много друзей, в том числе высокопоставленных. И какой бы величины отряд ни выступил в направлении его поместья, Красвина обязательно предупредят. Он успеет подготовиться, соберет не только собственную охрану, но и союзников. Так что твоей маленькой армии придется скрестить мечи с другой маленькой армией. — Лев оставил в покое грудь Банкана и откинулся на спинку стула. — Короче говоря, мы не считаем твое предложение заманчивым.

— Но...

— Я все сказал. Твои условия нас не устраивают, и вдобавок, — произнес он с глухим рыком, показав острые клыки, — я не особо жалую приматов.

Будь на месте юноши путешественник помудрее, он бы просто ушел. Но Банкан был слишком молод и горяч, чтобы реагировать разумно.

— Не очень-то вы гостеприимны.

У лиса на шее и лапах напряглись мышцы, каракал зарычал под стать льву. Великан чуть напрягся, но не оторвал зад от скамьи.

— Деточка, ты либо слишком смел, либо слишком глуп. И поскольку я достаточно велик, чтобы одобрять первое и прощать второе, я просто отвечу, что расовые предрассудки тут особой роли не играют. И гостеприимство ты приплел совершенно напрасно. Это бизнес, и я рассуждаю, как полагается бизнесмену.

— Забудем на секунду о деньгах, — предложил Банкан.

Каракал расхохотался — словно наждаком провели по бархату.

— Как насчет чести ни в чем не повинной девушки?

— Малыш, не знаю, с какой луны ты свалился, но мы выросли в Камриоке. — Лев махнул лапой. — В наших краях честь — не слишком ценный товар. Я и за свою не подставлю шею, что уж тут говорить о чужой.

— Но ей грозит насилие!

— Если тебе требуется рыцарская доблесть, — глубокомысленно изрек лис, — поищи в книжках и сказках для детенышей.

Если речь идет о мышцах и доспехах, загляни в кошелек. А что до справедливости, надейся на лучшее в загробной жизни.

Он залпом осушил кружку. Банкан подался вперед.

— Ну, пожалуйста. Нам больше негде искать помощи.

Лев, устремив на него немигающий взор, положил на плечо тяжелую лапу и бережно, но сильно толкнул.

— А за дверью не пробовал? Ну и народ вы, людишки! Даже юнец способен заболтать тебя до смерти. Все, приятель, разговор окончен. Ты предложил, мы отказались. А теперь проваливай, пока я не расстроился.

В Банкане взыграло упрямство, но он понял, что пора дать задний ход. Ниине он ничем не поможет, если позволит убить себя в этой таверне. Уж лучше погибнуть при штурме крепости. Огорченный, он вернулся к Сквиллу и Граджелуту.

Купец освободил ему местечко у стойки. Понимающе глянул в лицо, лакая длинным языком из фужера.

— Я же предупреждал.

— Че, кореш, облом? — спросил Сквилл.

— А ты на что надеялся? — огрызнулся Банкан, потирая грудь, где благодаря львиному пальцу наверняка уже появился синяк.

Ленивец обернулся.

— Вы прицепились к профессионалам. Достаточно одного взгляда, чтобы это понять. Если бы они и заинтересовались, у нас не хватило бы денег.

— Можно было бы повременить с расчетом до спасения Ниины.

Граджелут почесал мохнатую переносицу.

— Вы уже рассуждаете, как ваши приятели выдры. С такими взглядами на жизнь, юноша, вам не разменять следующий десяток лет.

— Просто я не знаю, как быть, — раздраженно ответил Банкан. — Сквилл, может, тебе больше повезло?

— Ваще-то, чувак, я трепался вон с той белкой, барменшей. Мне понравились кисточки у нее на ушах. Эхма! В такие деньки, как нынче, я жалею, че вполуха слушал папашины россказни, когда мамаши поблизости не было.

Банкан с отвращением посмотрел на выдра.

— И это — когда твоей сестре грозит смертельная опасность?

— Да брось ты, Банкан. Так уж прямо и смертельная? — Вопреки своему тону, Сквилл выглядел смущенным. — Че с ней случится?

— А ты представь себя на ее месте, — посоветовал Банкан.

Выдр пожал плечами, но было заметно, что он стушевался.

По плечу Банкана постучал тяжелый коготь.

— В отличие от вас и вашего друга я, возможно, смогу заручиться кое-какой помощью.

Видимо, Банкану не удалось скрыть удивление. Сквилл насмешливо глядел на ленивца.

— Интересно узнать, чьей же?

— Я тоже искал решение нашей сложной задачи. В упрощенном виде она выглядит так. Если мы заплатим за адекватное вооруженное содействие, то не сможем позволить себе дальнейшее путешествие. А если потратим деньги на повозку, то штурмовать крепость барона придется без поддержки. Так отчего бы не поискать того, кто, учитывая нашу крайнюю стесненность в средствах, удовлетворит в равной степени обе потребности?

— Ага, шеф, я просек! — возбудился Сквилл. — Ты решил нанять великана.

— Я слышал истории о подобных существах, но ни в одном племени еще не встречал подлинных гигантов.

Банкан указал на льва и его спутников.

— Вон тот черногривый смог бы нести солидный груз, но не нас троих со всем снаряжением. А ведь он тут самый здоровенный.

Граджелут поерзал на табурете и наклонился к юноше:

— Двуногие дерутся, а возят четвероногие, таков естественный порядок вещей. В разумных племенах те, кто все еще ходит на четырех конечностях, настроены пацифистски, воинственных можно по пальцам сосчитать. Впрочем, нет правила без исключения. Думаю, я знаю, кто нам нужен.

— Драчливый конь-тяжеловоз! — воскликнул Сквилл. — Он вломит, на кого покажем, а опосля быстренько увезет нас всех отсюда.

— Нет, наш потенциальный союзник не из лошадиного народа.

— Кто же тогда?

— Мы с вами находимся в большом заведении. На заднем дворе расположены многочисленные стойла и поилки для гостей о четырех ногах.

— Ладно, но ежели это не конь, то кто, черт возьми? — допытывался заинтригованный выдр.

— Пойдемте, и сами увидите. — Граджелут соскользнул с табурета. — Уверен, тот, к кому мы обратимся, согласится на скромное жалованье.

— Этого уже достаточно, чтобы нанять его с ходу.

Банкан следом за купцом направился к выходу.

— А он боец, а, шеф? Тот, о ком ты толкуешь?

Сквилл уже сомневался в преимуществах дешевого аватары.

— С ним знаком бармен, любезно ответивший на мои вопросы. По его словам, тот, к кому мы направляемся, — ветеран многочисленных битв. К тому же он велик ростом и достаточно силен, чтобы отвезти всех нас и тщательно упакованные припасы на северо-запад. Пускай это будет не слишком быстро и удоб-

но, зато надежно. В любом случае так гораздо лучше, чем идти пешком.

— Если сумеем с ним договориться, — обуздал свою радость Банкан. — Мать часто повторяет: не все то золото, что блестит.

— Звать его Снугенхатт, — сказал Граджелут.

— А че, мне нравится, — одобрил Сквилл. — Имечко не для дохлого игрока на лютне.

Они вышли на задний двор и вскоре очутились в большом круглом загоне. Добрую его половину занимали стойла под высокими навесами. Их было не меньше десятка. Утоптанную землю покрывала свежая солома. Середину двора оккупировали два звездообразных сооружения — поилки. В каждом стойле, кроме сравнительно небольшой индивидуальной поилки, было широкое толстое ложе из соломы, смешанной со мхом. Слева виднелись уборные.

Крайний «номер» справа снимали кони — два жеребца и две кобылы. Они носили традиционного покроя попоны и упряжь, дамы в придачу щеголяли роскошно завитыми гривами и хвостами. У одной копыта были покрыты синим лаком. Ближайший жеребец лишь покосился на двуногих и тут же вернулся к светской беседе.

В самом дальнем стойле уже устроилась на ночлег пара мериносов. Один был выбрит от передних ног до курдюка — очевидно, совсем недавно продал шерсть.

Граджелут повел спутников к центральному стойлу. Оттуда как раз выходила служанка из племени виверр, неся пустую кадку. Она миновала посетителей, даже не взглянув на них. Банкан уловил кислый запах. Но запах этот вскоре потерялся под натиском зловония, в котором смешались пары дешевой выпивки и едкий аромат мочи.

Не обращать внимания на миазмы ему помогло невиданное зрелище. Под навесом господствовала серая гора, вся в глубоких шрамах. Гора, похоже, смотрела в противоположную сторону, хотя Банкан не был в этом уверен.

— Думаю, это он, — сказал Граджелут. — Все приметы сходятся.

— По крайней мере, с овечками чувака не спутаешь, — пошутил выдр.

— Носорог. Ни разу не встречался с этим племенем. Я и не думал, что носороги такие здоровенные. — Восхищенный Банкан укоротил шаг у входа в стойло. — А спина-то какая широкая! Нам всем места хватит. — Он присмотрелся к шрамам и морщинам на толстой серой шкуре. — Но он, кажется, старый.

— Не старый он, кореш, а просто бывалый, — поправил Сквилл. — Кажись, этого серого педика здорово потрепала жизнь. — Выдр важно засопел. — Небось на многих войнах отметился. И на каких войнах!

— Он и в самом деле выглядит несколько усталым.

Граджелут скептически рассматривал кандидата в спасители Ниины.

— Е-мое, устанешь тут! — Сквилл осторожно прошелся вдоль огромной серой туши. — Вы че, кореша, еще не просекли? Он же в отрубе. Ужрался, уквасился, накачался, наклюкался, назюзюкался. Хватил лишку, и с копыт долой. — Выдр скривил нос. — А хуже всего, что евонное пойло погаже вкусом, чем евонный же навоз.

И тут показалась огромная голова, из-под скошенного исполинского лба на них уставилось око. Рог величиной с руку Банкана венчал покачивающееся рыло, рядом торчал второй, вдвое меньше. Этот внушительный кератиновый арсенал покрывала толстая корка грязи.

Граджелут робко приблизился.

— Это вы — воин по имени Снугенхатт?

Казалось, ответ шел не из глотки, а из брюха могучей твари. Сопровождающий его букет ароматов валил с ног.

— Чего-о?

Граджелут зашатался, но рискнул сделать еще шаг вперед.

— Я ищу Снугенхатта, профессионального бойца...

— А-а, да-а. — Голос носорога напомнил Банкану шум в канализационных коллекторах под центральными кварталами Линчбени. — Это я. Точно.

Огромный рогатый череп колыхнулся вверх-вниз, глаз неторопливо мигнул.

— Мы знакомы?

Пока купец готовил ответ, из разинутой пасти хлынул столь мощный поток рвоты, что, наверное, в ближайших городах и селах отметили сейсмический толчок. Ему сопутствовало густое облако ядовитейших испарений, едва не выжегших Банкану глаза. Отчаянно размахивая ладонями перед лицом, он отступил на несколько шагов. Граджелут не попятился, и оставалось лишь гадать, где и когда он успел запастись таким мужеством.

Когда развеялся пар, Банкан увидел, что носорог повернулся к ним мордой. Из огромных нечистых ушей, похожих на раковины, торчала грязная шерсть.

Банкан собрался с силами и пришел на помощь ленивцу.

— Нет, вы нас не знаете, зато мы о вас наслышаны. У нас серьезные неприятности, и мы нуждаемся в вашей помощи. Хотим вас нанять.

Тяжелая голова снова качнулась.

— Неприятности? Что за неприятности?

Банкан пытался как можно незаметнее прикрывать ладонью ноздри и рот. Ничего, успокаивал он себя, могло быть и хуже. Если бы, к примеру, Снугенхатт оказался не носорогом, а огнедышащим драконом. Впрочем, уж лучше бы дракон...

Банкан указал на стоявшего неподалеку Сквилла, позеленевшего, как гороховый стручок.

— Барон Кольяк Красвин похитил сестру моего друга.

— Крапин? Кракен? *Красвин*? — Произнеся имя правильно, Снугенхатт явно загордился. — Слыхал о нем, слыхал. Кажется, он горностай?

— Норк, — поправил Банкан.

— Точно, норк. Плохая у него репутация. Очень плохая.

Голова носорога моталась из стороны в сторону.

— Красвин держит пленницу у себя в поместье. Мы должны ее вызволить. И для этого необходимо содействие профессионала. То есть ваше. — Банкан посмотрел на Граджелута. — У вас прекрасные рекомендации.

— Ну, естественно. — Носорог, казалось, чуть приосанился. — Как-никак, в этих краях я — самый опытный боец.

— И, несомненно, самый большой, — преподнес Банкан в качестве комплимента.

— О, да, да. — С тяжелой нижней губы потекла слюна. — Я слыхал не только о вашем бароне, но и о его жилище. Нелегко туда пробиться, нелегко. А ты, Виз, что скажешь?

Из складки на шее носорога вдруг выпорхнула пичужка. Расположилась между подергивающимися ушами, зевнула и потянулась, широко распахнув крылья. Пернатую головку венчал миниатюрный синий беретик, тонкая шейка была обернута такого же цвета шарфом. Птица тихо прищелкивала клювом и, подавшись всем телом вперед и моргая, разглядывала посетителей.

— Я скажу... я скажу, что мне надо отдохнуть.

С этими словами птаха опрокинулась навзничь, задрав ножки, и крепко уснула. Храп Виза напоминал жужжание большого комара.

— Одни алкаши кругом, — с отвращением прокомментировал выдр.

— Не обижайтесь на Виза. — Носорог фыркнул. — Это мой клещеед. Он славный парень, но так и не научился пить. Сколько раз я ему говорил: не мешай выпивку с паразитами. Хитин, да зеленое сусло, да...

Сквилл метнулся к сортиру, не беспокоясь о том, что удобства в стойле предназначаются для существ гораздо крупнее его. Банкан изо всех сил старался удержать желудок в подчинении.

— Поверьте, мы не рассчитываем на благотворительность. Мы не столь наивны. Заплатим.

— Разумную цену, конечно, — торопливо вставил Граджелут.

— А после спасения Ниины нам понадобится ваша помощь, чтобы уехать отсюда.

— Значит, спасение? — вулканически прогрохотал Снугенхатт. — Дело благородное. Давненько не совершал я благородных поступков. Виз, а ты что думаешь?

Клещеед не ответил, он крепко спал.

— Так и быть, согласен. Когда начнем?

Банкан заморгал.

— То есть как? Вас не интересуют детали?

— Какие еще детали? Человече, я что, похож на тех, кто ходит вокруг да около?

— Пожалуй, нет.

— Лобовой атаки они не ждут, — проворчал Снугенхатт. — Слыхал я об этом Красвине. Мнит, будто он самый великий из мохнатых. А мы его врасплох застанем. Прищемим хвост задаваке.

«Обязательно прищемим, — подумал Банкан. — Пронесем тебя в чемодане, потом выпустим, и ты дыхнешь солдатам в рожи». А вслух произнес:

— Надеюсь, вы не всегда так пьете?

— Конечно, не всегда. — Носорог покачивался на колонноподобных ногах, улыбка исказила вислые губы. — Иногда я пью всерьез.

Банкан повернулся к Граджелуту.

— Может, еще попытаем счастья?

— Где? — Ленивец недовольно засопел. — У него самые лучшие рекомендации.

— В другой таверне, — упорствовал юноша. — Поближе к берегу, например.

Снугенхатт неуверенно заморгал и сделал тяжеловесный шаг.

— Что-нибудь не так? Вам не нужна моя помощь? Вы не хотите содействия величайшего четвероногого воина на Высоком плато? — Он мотал головой, указывая рогом на свои бока. — Да вы только посмотрите на мои шрамы. Видите вон тот, на задней ноге? Я получил его в бою при Муулодене. В одиночку расшвырял двадцать огромных кошек и при этом нес на спине десять двуногих воинов в полной экипировке. Видите, что осталось от хвоста? Слыхали об инциденте в долине Извозчичьих Лошадей? В разгар сражения мне точнехонько в копчик угодил снаряд из катапульты — целое бревно! А я даже не пошатнулся. — В голосе зазвучала ностальгическая нотка. — Я нес на боку боевое знамя и затоптал тьму врагов, а забодал еще больше.

— Мы ни в коей мере не подвергаем сомнению вашу славную биографию. — Граджелут простер когтистые лапы. — Но вы, надеюсь, не затаите на меня обиды, если я спрошу, давно ли эти подвиги имели место быть?

— Давно ли? — Тяжелые складки на лбу опустились ниже. — Не помню. С памятью у меня всегда было неважно.

Снугенхатт хихикнул, смех перешел в грохочущий кашель.

Из пасти текла слюна, и даже солома, казалось, съеживалась и норовила отползти от нее.

— Мы испытываем некоторые финансовые затруднения, однако нам требуется помощь специалиста, — проговорил ленивец. — Если вы согласитесь на предлагаемое вознаграждение, мы, вероятно, со временем изыщем возможность повысить вам жалованье.

Снугенхатт, не переставая качаться, приосанился как мог и поглядел на купца.

— Считайте, что я ваш. И не ради денег, а потому, что речь идет о спасении дамы.

— Но ведь она не четвероногая, — напомнил Банкан.

Его обозрело гордое око.

— Когда дело касается чести, видовая принадлежность не играет роли.

Носорог снова вулканически икнул и резко накренился, словно огромный корабль, заваливающийся набок.

Когда эта громадина жутко шмякнулась оземь, три путника поспешили вон из стойла. Кони и овцы, не упустившие ни слова из их беседы с носорогом, вернулись к прежним делам. Вернее, к прежнему ничегонеделанию. Из ноздрей Снугенхатта рвался полифемов храп.

Клещеед, бесцеремонно сброшенный на солому, ошеломленно вспорхнул, затем неуверенно опустился на смоленную сном тушу приятеля, завернулся в крылышки и тотчас вырубился.

Банкана эта сценка нисколько не воодушевила.

— Только полюбуйтесь на них, на нашу армию, на спасителей Ниины. Вот и гоняйся после этого за дешевизной. — Он повернулся к купцу. — Вы не думаете, что без них будет гораздо лучше, даже если битвы не избежать?

Граджелут с вызовом посмотрел на высокого человека.

— Мой юный друг, я готов выслушать конструктивные предложения.

— Даже ежели мы не протрезвим этого раздутого педрилу... — Сквилл издали разглядывал бесчувственную гору серой плоти. — Кой на че он, можа, и сгодится, особливо с разбегу. Да вот только не разучился ли бегать старый пень? — Он поглядел на друга. — Впрочем, выбирать-то особо не из чего. Лучше такая помощь, чем ваще никакой. Слышь, чувак, а че, ежели загрузить алкаша в повозку и скатить ее с горы? Есть шанс попасть в крепостные ворота.

— Неизвестно, есть ли перед особняком барона холм, — заметил Банкан. — А если и есть, я не поволоку наверх такую тяжесть. Вдобавок, где мы возьмем повозки?

— Да сопрем.

Сквилл невинно улыбнулся.

— Мы ничего не предпримем, пока он не протрезвеет. — Граджелут вытер лоб. — Или хотя бы проснется.

— А как насчет его приятеля?

Банкан указал на сладко посапывающего птаха.

— Могу его схавать, — предложил Сквилл.

Банкан посмотрел на него в упор.

— Съесть разумное существо?

Выдр фыркнул.

— Кореш, по мне, так оно не шибко разумное.

— Мы пришли сюда в поисках содействия, а не еды, — напомнил Граджелут. — В племени Снугенхатта почти все живут вместе с насекомоядными птицами. Не думаю, что наш потенциальный союзник спокойно воспримет гибель Виза.

Выдр промолчал. Граджелут удовлетворенно кивнул и добавил:

— Я, с вашего позволения, поговорю с хозяином таверны. Поинтересуюсь, нет ли у него лекарства, способного разбудить и протрезвить наше войско.

— Эта куча пьяного навоза не протрезвеет, даже ежели скинуть ее с высокого обрыва, — проворчал Сквилл.

Глава 14

Заказанное Граджелутом лекарство имело форму ведра, до краев заполненного тягучей и дымящейся, как купорос, жижей, и готовили это снадобье аж два фармацевта. Вводилось оно брандспойтом, одним из тех, что служили для чистки стойл. Насадка была достаточно длинна и позволила Банкану и Сквиллу перекачать полведра микстуры в одеревеневшую глотку носорога. Той же процедуре, только в гораздо меньшем масштабе, подвергся и клещеед. Волшебством тут и не пахло, однако воздействие жидкости мало отличалось от магического. Павший воин восстал из праха, и, хотя держался он на ногах нетвердо, похмелье отпускало его стремительно. Поскольку Снугенхатт не помнил ни слова из недавней беседы, пришлось повторить рассказ о похищении Ниины и предложение сотрудничества. Взглянув на ситуацию чуточку протрезвевшими глазами, носорог стушевался.

— Вам моя помощь не нужна, — пробубнил он и отвернулся.

Граджелут неохотно заплатил за чистое стойло. В прежнем половые еще не закончили дезинфекцию. Между носорожьими ушами расхаживал Виз, охотился за паразитами и внимательно прислушивался. Судя по всему, он пребывал в гораздо лучшей форме, чем его приятель. Впрочем, у такой крохи и бодун должен быть крошечным.

— У нас осталась единственная надежда — вы, — вынужден был признаться Банкан. — Ваши услуги — это все, что мы можем себе позволить. Время истекает, а до сих пор только вы изъявили готовность нам помочь.

— Эй, шеф! — крикнул выдр. — А как же вся эта лабуда про честь дамы, рыцарство и доблесть?

— Разве я это говорил?

Снугенхатт выглядел крайне жалко. Он стоял, скрестив передние ноги, хваткая нижняя губа свисала до земли.

Клещеед поднял головку.

— Снуг, если они утверждают, что ты говорил, значит, говорил. Сам-то я ту дискуссию не помню.

И он снова принялся энергично клевать.

Граджелут в спешке искал способ взбодрить четвероногого.

— А почему вы решили, что нам не нужна ваша помощь? Вы такой большой, могучий, опытный. Ясно, что и в военном деле не новичок.

Носорог мотнул огромной башкой. У птички на такие движения, видимо, давно выработался рефлекс — она вспорхнула и опустилась обратно без всяких комментариев, как только успокоился ее насест.

— Все это было давным-давно, — затравленно пробормотал Снугенхатт. — В незапамятные времена. Я больше не сражаюсь... — Он сделал паузу, чтобы сглотнуть. — Уж и забыл, когда воевал в последний раз.

Банкан ткнул носорога пальцем в бок.

— А с виду вы просто живчик, — солгал он.

Чуточку приподнялась носорожья голова.

— Стараюсь не раскисать. Но, если честно... последние несколько месяцев... несколько лет я, кажется, страдаю потерей чувства ориентации. Праздный образ жизни и злоупотребление спиртными напитками сказались на рефлексах. Впрочем, мышечный тонус почти не пострадал. — Он глубоко вздохнул и, казалось, увеличился вдвое. Через пять секунд иссеченная шрамами и морщинами кожа снова мешком обвисла на массивном костяке. — Но ведь этого недостаточно. Нет, друзья, я не в форме, не в нужной кондиции. Бегать разучился. Да и снаряжения нет. — Его глаза заволокло дымкой. — Обычно я носил доспехи и боевое вооружение. Позолоченная сталь. Когда я шел в бой, на мне ехало солнце.

— И где же сейчас ваши доспехи? — растерянно спросил Банкан.

Снугенхатт глянул на него, прищурясь.

— Заложены. Давным-давно. Все, человече, было давным-давно.

И тут, ко всеобщему изумлению, огромный зверь заплакал.

— Э, шеф! — Сквилл выдвинулся вперед. — Он не имел в виду ничего личного.

Это не помогло. Из глаз лились слезы, а громадную тушу сотрясали могучие рыдания. Клещеед был вынужден перепорхнуть на плечо юноши. Виз был крохотным и почти ничего не весил. Хватким концом крыла он поправил шарфик.

— Когда на него находит, убеждать бесполезно. Придется вам ждать, пока успокоится.

Виз в отличие от Снугенхатта выглядел вполне бодрым.

— Послушай, друг, можно тебя спросить?

— Конечно.

— Ты ведь с ним давно знаком, верно?

— Верно, — прощебетал птах. — Давным-давно, как выражается Снуг.

Банкан медленно кивнул.

— Он тут много рассказывал о битвах. Хоть слово правды в этом есть?

Клещеед приложил ко лбу конец крыла.

— Возможно, это все правда, хотя подробностей я не знаю. Задолго до того, как я познакомился со Снугом, он был профессиональным бойцом. По крайней мере, за подлинность самых последних шрамов я могу ручаться.

— А ты бывал с ним в сражениях?

Виз утвердительно качнул клювом.

— Частенько, хоть и не во всех. — Он глянул на своего рыдающего приятеля, чьи конвульсии постепенно ослабевали. — Снуг был настоящим молодцом, честное слово. — В птичьем голосе сквозила неподдельная гордость. — В былые времена никто и ничто не могли ему противостоять.

— И что же заставило его так опуститься?

— Разве не видите? Выпивка. Да, сломала проклятая моего друга, высосала из него силы, как вампир. Забрала и деньги его, и репутацию. Я уж и не возьмусь припомнить, с чего это началось. Изо всех сил старался помочь, но не всегда удавалось служить хорошим примером. Не обошлось и без самки. Человече, если тебе не доводилось видеть умирающего от неразделенной любви носорога, считай, что ты жизни не нюхал.

— Могу себе представить, — солгал Банкан. Вообразить такое ему не хватило бы опыта.

— Вот тогда-то и пошла его судьба под откос. Снуг и раньше не дурак был тяпнуть, а тут словно с цепи сорвался. Ты хоть прикидываешь, сколько здоровый носорог способен выхлестать зараз?

— Пожалуй, нет. — Банкан указал на Сквилла. — Знавал я одного знатного пьяницу, папашу моего друга. Но он — всего лишь выдр.

— Ну, тогда вообрази страдающую от жажды бездну. Через

несколько препятствий я его перетащил, но становилось все хуже и хуже. Окончательно он скис, когда заложил в Гаскапарби свои доспехи, чтобы расплатиться в кабаке. После этого он просто махнул ногой на свою жизнь. Эх, видал бы ты его доспехи! Лучшая сталь. Кое-что — с позолотой. С таким же успехом он мог бы заложить душу. Его самооценка даже не упала, а просто разлетелась в пыль. Чтобы свести концы с концами, нам случалось браться за самую черную работу. Порой мы клянчили милостыню. — Он поморщился. — Подумать только, великий воин Снугенхатт пал так низко, что прокорма ради таскает телеги с сеном! Как-то раз мы даже пахать подрядились.

Банкан представил, как могучий носорог тащит плуг, прокладывая борозду за бороздой, и так без конца, а какой-нибудь привередливый крестьянин бредет следом и осыпает его руганью пополам с указаниями. Не слишком бодрящая картинка.

— Так ведь и на этой работе он не удержался, — продолжал Виз. — Однажды вечером надрался в стельку, какой-то проказник запряг его и вывел в поле, и они написали плугом похабные словечки. Хозяин не видел, но нас заложил филин, старший батрак.

— Вас?

Клещеед пожал плечами.

— Снуг — парень крепкий, но в тот раз даже слова вымолвить не мог в мою защиту. Потом дело приняло совсем уж дурной оборот, и я сам начал помаленьку прижигать зоб. Это ведь помогает забыться.

Банкан внимательно посмотрел на носорога — тот уже не рыдал.

— И ничем его из такого состояния не вывести?

— Почему же — ничем? Надо вернуть ему уважение к себе.

— Как?

— И правда, как? Я уже сколько лет над этим бьюсь! Но он меня больше не слушает. И пускай у него самые вкусные паразиты на свете, есть же в мире и более высокие ценности. — Помолчав, Виз добавил: — Я знаю только один способ убедить его в этом.

— Говори!

Виз подался вперед, его клюв завис в дюйме от правого глаза Банкана.

— Вернуть ему доспехи.

— Да ты смеешься надо мной! Разве не слышал, что Граджелут сказал? Мы почти нищие.

Клещеед отодвинулся.

— Ну, как знаешь. Ты спросил, я ответил. Только, знаешь ли, когда Снуг бормочет о чести, рыцарстве и доблести, он эти словечки произносит не в шутку. Да, к подобной ерунде он относится трепетно, и во всем его огромном теле нет ни одной лицемерной косточки. Но когда он трезв, это не самое благородное существо на свете.

Банкан обозрел могучую гору мяса по имени Снугенхатт и прикинул, чего стоит обеспечить ее доспехами. Все равно, что обшить броневыми листами корпус корабля.

Впрочем, в бою носорог и был сухопутным броненосцем о четырех ногах.

— Невозможно, — сказал юноша. — Граджелуту столько денег не наскрести.

— Жалко. Впрочем, я все равно не гарантировал бы успех. Хоть и не отказался бы посмотреть на такую попытку. — Клещеед призадумался, затем снова наклонился к Банкану: — У меня очень острый слух. Я не ошибся — ты назвал себя чаропевцем?

Банкан кивнул.

— Да, и мои друзья, выдры, тоже чаропевцы. Мы работаем вместе.

— Так, может, споешь, наколдуешь возвращение доспехов?

— Думаешь, мне такая мысль в голову не приходила? — Банкан печально вздохнул. — Вся беда в том, что мы способны колдовать только втроем. Я играю на дуаре, а близнецы поют рэп.

Увидев недоумение в глазах собеседника, он пояснил:

— Это такой песенный стиль.

— А дуэтом не пробовали?

— Вообще-то не пробовали. Когда работали втроем, получалось отлично, и этого хватало. Менять состав мне, сказать по правде, страшновато. Чаропение — дело непростое, стоит чуточку отклониться, и сразу появляются неприятные побочные эффекты.

— А ты попробуй, — посоветовал Виз. — Попытка не пытка. — Птах чуть приподнял крыло. — Похоже, нам всем терять особо нечего.

Банкан поразмыслил над предложением.

— Ну, хорошо. Попробуем.

Сквилла идея не вдохновила, но, стоило ему намекнуть, что Банкан возьмется за дело в одиночку и наломает дров, он согласился принять участие.

Банкан играл, а выдр наспех и очень неохотно сочинял стихи. Что-то вроде «металлического рэпа». И это, ко всеобщему удивлению, породило облачко вокруг расстроенного Снугенхатта. Облачко было негустым и просуществовало недолго, но результат оказался решительно металлическим.

Когда закончилась песня, Снугенхатт блестел от кончика рога до обрубка хвоста. Но надежды обратились в прах, как только выяснилось, что даже Виз способен проткнуть клювом его «доспехи». Чаропение удалось, но лишь отчасти. Без гармонизирующего воздействия Ниины оно оказалось практически бесполезным.

— Что это за дрянь? — прощебетал клещеед, выплевывая серебряный клочок. Тот неуклюже запорхал, подхваченный ветерком.

Банкан вырвал клок на правом плече Снугенхатта.

— Похоже на материал, который мой отец однажды добыл в Запределье. Мама им на кухне пользуется.

— Великолепно, — проворчал Виз. — Но на доспехи совершенно не годится.

— Мне жарко! — простонал Снугенхатт. — Снимите с меня эту гадость!

Обескураженная четверка сообща взялась за дело и вскоре освободила носорога.

— Ладно, теперь мой черед. — Все уставились на рассерженного Сквилла. — Ежели вы и правда собираетесь нанять этого старого алканавта.

Он с ненавистью глянул на носорога, и тот не решился встретить его взгляд.

— Я не знаю... — едва слышно произнес Снугенхатт. — Не знаю, гожусь ли еще на что-нибудь. С доспехами или без...

Виз перепорхнул на череп своего напарника.

— О чем разговор, Снуг? Конечно, годишься! Мышцы у тебя в полном порядке, не хватает только боевого духа.

Носорог облизал толстые губы.

— Да, но ведь без него...

— Нет! — Виз запрыгал вперед, пока не достиг местечка, с которого мог посмотреть прямо в глаз носорогу. — Ты больше не будешь ныть, старина. Хватит. Назвался груздем, полезай в кузов.

— Не вижу никакого кузова, — закрывая глаз, пробормотал Снуг.

— В беду попала дама, необходимо ее спасти, и эти славные ребята полагаются на нас. Больше никто им помочь не в силах, так что придется нам с тобой браться за гуж. В этом городе нет других храбрецов, согласных выступить против барона Красвина. Нет таких глупых, таких безмозглых, таких слабоумных...

— Эге! — изумился Сквилл. — Ни фига себе ободреньице!

— Я не могу! — Снугенхатт приоткрыл глаз. — Мне надо выпить.

— Нет, черт бы тебя побрал! — Виз перелетел на ухо и с отточенной ловкостью заработал клювом в волосах. — Кроме того, я... я обещал. Я дал наше слово.

Снугенхатт вздрогнул.

— *Что* ты сделал?

— Дал наше слово чести. Слово воинов.

— Я больше не воин. — Носорог попытался открыть оба глаза во всю ширь, но это не удалось. — Кто бы я теперь ни был, я устал. Спать хочу. Хочу... отдохнуть.

— Нет. Не сейчас. — Виз взлетел, а его партнер улегся. — Сначала надо обсудить условия, заключить договор.

Могучее туловище с грохотом повалилось на солому. Уже через минуту Снуг крепко спал.

— Вы уверены, что есть смысл... — начал Граджелут.

Виз опустился на бок друга.

— Надо найти ему какие-нибудь доспехи. Это наш единственный шанс.

— Че я и имел в виду, когда говорил про мой черед.

Все опять посмотрели на Сквилла. А тот на каждого по очереди.

— Предоставьте это мне, чуваки.

— Вам? — оторопел Граджелут.

— Что ты затеял? — насторожился Банкан. — Как собираешься добывать доспехи?

Выдр усмехнулся.

— Кореш, а ты как думаешь? Естественно, с помощью папашиной науки. Он не то чтоб учил... просто не мог не похвастать чуток, когда за воротник закладывал. А я, понятное дело, мотал на ус.

— Камриока — большой город, но даже здесь нелегко найти доспехи для Снуга, — предупредил Виз.

— Ниче, как-нибудь найду.

— Кражу затеял, — упрекнул Банкан.

— Кражу? Я че, хоть словечко сказал про кражу? — Выдр в притворной обиде встопорщил усы. — Мадж нам много чего рассказывал, но не про то, как воровать.

— Не даю благословения.

Банкан скрестил руки на груди.

— Но и не пытаешься меня остановить.

— Учти, в беде твоя сестра. Если решил рискнуть ради ее спасения, я, конечно, удержать тебя не могу. Ты не внемлешь доводам здравого рассудка.

— Ах, какие мы благородные. — Выдр глянул на Граджелута. — А ты, вислогубый, че скажешь?

— Я уважаемый коммерсант и обязан думать о будущем. Мне бы не хотелось портить отношения с местными торговцами.

— Врешь поскладнее, чем мой кореш, этого у тебя не отнимешь. — Выдр посмотрел на стоящего с бесстрастным видом Банкана и невесело ухмыльнулся. — Похоже, мне придется улаживать это дельце в одиночку.

— Ну, не совсем в одиночку, — раздался тонкий голосок.

Виз перелетел на плечо Сквилла. Выдр оценивающе взглянул на него.

— Учти, могут возникнуть проблемы.

Птах испустил пронзительную трель и ткнул крылом назад.

— Я уже пять лет нянчусь с этой навозной фабрикой. Про-

блемами меня не испугаешь. Если уж на то пошло, лучше тюрьма, чем такая жизнь.

— Эт точно. Ладно, не повредит, ежели будешь прикрывать меня с воздуха. А вы, кореша, держите за рог старину Снуга, чтоб не убег. Мы с птичкой займемся делом.

И Сквилл устремился к выходу, неся Виза на плече.

Ни к ночи, ни к утру они не вернулись. Далеко за полдень беспокойство Банкана сменилось страхом, но тут наконец два першерона с грохотом вкатили в загон огромную телегу.

Ближайший к Банкану тяжеловоз тряхнул гривой и нетерпеливо взрыл копытом утоптанную землю.

— Куда барахло сваливать?

Моргая, Банкан посмотрел на могучего коня, затем — на повозку.

— Вы о чем?

Першерон оглядел его с головы до ног.

— Это ты — Банкан Меривезер?

— Да. И что с того?

Позади него с соломы поднялся заспанный Граджелут. Снугенхатт дрых в глубине стойла.

— Нахальный молодой выдр сказал, что мы найдем тебя здесь, — грубовато заявил второй першерон. — Велел искать мрачного человека, высокого и разодетого. Твои приметы.

— Похоже, что так.

— Нам этого достаточно.

Тяжеловоз отступил к телеге, поднял правую заднюю ногу и сильно ударил по громадному рычагу. Взвизгнула пружина, телега вздыбилась, и поклажа с лязгом и грохотом образовала на земле бесформенную груду. Граджелут от неожиданности чуть не подпрыгнул, а Снугенхатт лишь перевернулся на другой бок.

— Все твое, — заявил першерон.

Ломовики повернулись и с топотом удалились через широкие ворота, буксируя пустой возок.

— Как все это следует понимать? — спросил, протирая глаза, Граджелут.

— Самому интересно.

Они приблизились к груде и затеребили узлы. Когда веревки упали, Банкан стащил дерюгу.

«Доспехи, — подумал он. — Ничем иным это быть не может. Сталь дешевая, незакаленная. Не то что позолоты — вообще никакого противокоррозийного покрытия. Похоже, эти тяжелые пластины второпях ковали и подгоняли друг к другу. Для их сцепки предназначался набор грубых крючков, колец и отверстий. Топорная работа. Даже с огромной натяжкой не назовешь ее одой искусству оружейников. Но для нашего дела эти железяки сгодятся».

Он повертел в руках одну из пластин. Сплошь заусенцы и

вмятины, но все же это гораздо лучше кулинарной фольги, добытой благодаря чаропению.

— Ну что, приступим? — обратился он к купцу.

Ленивец недоуменно посмотрел на него.

— Приступим? К чему мы можем приступить? Ведь носорог еще не проснулся.

— Начнем с этого бока, — решительно заявил Банкан.

Они перетащили доспехи в стойло и принялись облачать в них Снуга, начиная с высокого округлого бедра. Это была нелегкая работа, Граджелут кряхтел и жаловался. К концу дня оба выбились из сил. Снугенхатт помог лишь тем, что несколько раз перевернулся с боку на бок.

Но тут наконец вернулись Сквилл с Визом, а за ними шагал огромный бурый медведь в легких рабочих штанах, рубашке и широком фартуке. Из многочисленных карманов фартука и кожаного пояса, свободно лежащего на талии, торчали всевозможные инструменты. Подобным же образом был экипирован и косолапый подмастерье ростом чуть пониже и мастью несколько светлее.

— Нед! — выразил свое неодобрение кузнец, увидев результаты дилетантских попыток Банкана и Граджелута. — Не дак.

Поковыляв мимо изумленного ленивца, медведи принялись исправлять бесчисленные ошибки. Снугенхатт знай себе спал, ему не мешала шумная возня.

Банкан сердито посмотрел на выдра.

— Ты не больно-то спешил. А Ниине сейчас небось туго приходится.

— Кореш, плохо ты знаешь мою сеструху. — Но впервые юноша услышал неподдельную тревогу в голосе Сквилла. — Сказать по правде, я надеюсь, она уже смазала пятки.

— Не следуед недооценивадь барона, — подал голос подмастерье.

Банкан и его товарищи подошли поближе — наблюдать за сборкой доспехов.

— Вы слыхали о Красвине? — спросил Банкан.

Подмастерье кивнул, не отрываясь от работы.

— Кдо не слыхал о бароне Красвине? Камриока — большой город, но не дак уж много в нем жиделей благородного происхождения.

Другой медведь орудовал молотком и огромными клещами.

— Скоро закончим. Но ему придедся всдадь, чдобы мы закрепили доспехи как следуед. Надо его разбудидь.

Виз перелетел с плеча Сквилла на голову спящего носорога.

— Это будет потруднее, чем железяки присобачить.

Он бездействовал, пока не отошли медведи. Старший кивнул.

— Поднимай его.

Виз с силой клюнул Снуга в ухо.

— Легче сказать, чем сделать. Из того, что нам нужен бодрствующий Снугенхатт, еще не вытекает, что мы его получим.

Огромная голова приподнялась с соломы.

— Кого тут надо разбудить?

Забрыкали толстые конечности, словно заработал поршнями локомотив.

Под несусветное бряцание и лязг Снугенхатт поднялся на ноги. «Даже с похмелья он смотрится внушительно», — подумал Банкан. Стоя во весь рост, с ног до головы закованный в броню, носорог смахивал на порождение кошмара.

Банкан надеялся, что это зрелище подействует и на слуг барона.

Как пить дать, прежняя броня Снугенхатту шла гораздо лучше. Но и в этой носорог выглядел, по крайней мере, привлекательнее. Кузнец и его помощник не были оружейниками, и доспехи они изготовили из разбитых щитов и прочего подручного лома. И все же кустарное изделие получилось внушительным. Толстая броня закрывала туловище Снугенхатта со всех сторон. Пластины полегче, соединенные друг с другом, защищали ноги до самых лодыжек. Идущий по всему телу пояс щетинился грозными шипами, два клинка огромных мечей выступали из наплечников вперед и вниз. Кованые дугообразные карнизы прикрывали глаза, а кольчуга прятала оставшуюся часть головы. Только два рога оставались голыми. Вдоль хребта мастера установили несколько перевернутых щитов, и это были не простые украшения, а седла. Над коротким рогом нависало укрепленное гнездо Виза — от медного котелка отрезали добрую четверть, а в том, что осталось, укрепили горизонтальный металлический пруток.

Носорог теперь больше смахивал на некую диковинную инопланетную машину, чем на живое существо. Он неуверенно встряхнулся, и звук при этом был такой, словно десяток обмотанных цепями скелетов пытались выбраться из подземелья.

— Что все это значит? — осведомился он. — Кто-то принял мою голову за наковальню?

Виз, сидевший на пивной бочке, перелетел в чашу над макушкой друга.

— Неплохо, — сказал он медведю, и тот откликнулся на похвалу ворчанием. — Лишь бы он не перегрелся. — Птах соскочил с насеста и запрыгал вниз, чтобы заглянуть в глаз своему верховому животному.

— Снуг, а ты что скажешь?

— О чем? — простонал носорог.

— Ему нужно зеркало.

Виз окинул стойло взглядом.

— Я найду.

Граджелут скрылся в таверне и через несколько секунд вынес старое, в паутине трещин, овальное зеркало.

Снугенхатт недоверчиво посмотрел на свое отражение.

— Это я? Это что, правда я?

Он поворачивался, принимал разные позы.

— Других носорогов тут нет, — заверил его Сквилл. — Да и ваще нигде, с таким запахом...

— Послушайте, но я... — Щелкнули коленные суставы, ноги выпрямились, все доспехи улеглись на свои места. — Я выгляжу ужасно!

— Эт точно, — пробормотал выдр.

— Я похож на себя прежнего! Но ведь я — не прежний я!

Медведь, равнодушный к личным переживаниям Снугенхатта, так завершил ознакомление заказчиков с изделием:

— Смодриде, я позаботился о дом, чдобы все пласдины накладывались друг над друга или плодно смыкались. — И гордо добавил: — Носорог надежно защищен и при эдом способен легко маневрировадь. — И любовно похлопал по толстой пластине. — Пускай эди доспеги дяжеловады, но выдержад удар корабельного дарана.

— Ничего, он у нас парень дюжий, справится, — прощебетал Виз. — Правда, Снуг? Не упадешь?

— Надеюсь. А ты что скажешь, Виз? Они мне идут?

— Попробуй сделать несколько шагов, — предложил Банкан.

Носорог осторожно выбрался из стойла. Доспехи бряцали. С каждым шагом он все меньше походил на никчемного подзаборного пьяницу.

— Голова еще побаливает, но не от железа.

— Это пройдет. — Виз вернулся в котелок. — Все будет, как давным-давно.

— Давным-давно... — эхом откликнулся Снугенхатт. Он выглядел маленько обалдевшим.

Банкан двинулся вперед и похлопал по бронированному плечу.

— Рыцарь, необходимо спасти прекрасную даму.

— Прекрасную даму!

Сквилл закатил глаза.

— Должен признать, это эффектное зрелище. Очевидно, потребовалось немало труда.

Граджелут вопросительно покосился на Сквилла. Выдр только ухмылялся в ответ.

— Флажки, — неожиданно заявил Снугенхатт. — Мне нужны флажки.

— Вы просите фляжку? — недоуменно пробормотал ленивец.

— Нет, знамена. И ленточки. Много ленточек. Ярких. Пестрых. Это железо выглядит устрашающе, но я хочу боевую рас-

краску. Желтые и алые полосы. Да. Я хочу стать сущим дьяволом! О черт, я и буду дьяволом в бою! — Слегка дрожа от возбуждения, он повернулся к Сквиллу. — Да, речной бегун, мы спасем твою сестру. Клянусь всеми складками моей кожи. Спасем ее и обратим барона в бегство. Он запугал всю Камриоку и даже своих друзей, но не меня! Не меня!

Сквилл улыбнулся и заметил:

— А вроде и не квасил.

Хрюкнув, Снугенхатт мотнул головой и выдернул из земли тяжелый столб, как зубочистку. С грохотом обрушился угол навеса.

— Пожалуйста! — взмолился Граджелут. — Пожалуйста, будьте поаккуратнее с удобствами! Мы не хотим платить за их ремонт.

Носорог азартно мотал башкой.

— Я хочу боевую раскраску! И флажки! И ленточки! А еще — трубы! Если, конечно, они вам по карману.

Граджелут мысленно полез в кошелек.

— С трубами — никаких проблем, но что касается остального...

Юноша смотрел на носорога и диву давался. Трезвый и взволнованный, он как будто сбросил десятки лет. В глазах горел огонь, походка приобрела упругость. Наверное, старая поговорка верна для любого племени. Носорога делает одежда.

Банкан, удивляясь, упустил из виду маленькую деталь. Но она напомнила о себе, подойдя поближе и глянув на него сверху вниз.

— Молодой человек, с вами приядно имедь дело.

Медведь опустил тяжелую лапу Банкану на плечо.

— Эдо благородное предприядие. Я знаю репудацию Красвина и сам его недолюбливаю.

Он повернулся и направился к воротам, а следом побрел подмастерье.

— Увидимся через час! — крикнул мастер.

— Через час?

Банкан повернулся к Сквиллу.

Граджелут и Виз оживленно беседовали со Снугенхаттом. Выдр, предоставленный самому себе, лучезарно улыбался, сверкая острыми белыми зубами. Банкан дружески обнял его за плечи.

— Умоляю, ответь, зачем нас будут ждать через час у этого славного кузнеца?

— Как это — зачем? Заплатим за железную пижаму для старой задницы.

— А мне казалось, ты собирался что-то спереть.

— Врать не буду, шеф, мелькнула поначалу такая мысля. Но, пока мы с Визом ходили-бродили, мне пришло в башку, че нельзя свалить из кузницы, набив карманы клепаными доспехами. Если б и удался этот фокус, все равно пришлось бы вдобавок красть телегу и ящериц. Чересчур сложно, так-растак.

— И как же ты организовал доставку?

Выдр заметно смутился.

— Чувак, ты уж не труби об этом моим предкам и корешам. Я... заплатил.

— Заплатил? Деньгами? Сквилл, у тебя что, есть тайны от нас?

— Да че ты, кореш? За кого меня держишь? Просто я однажды подумал, че не мешает заиметь несколько монеток на всякий пожарный. Вот и сгодились.

Банкан помрачнел.

— И где же ты взял настоящие деньги?

Выдр отвернулся.

— Ну, прежде чем мы погнались за Граджелутом, я прикинул, че бабки не помешают, и позаимствовал у папани.

У Банкана отвисла челюсть.

— Украл? У Маджа?

— Да не крал, Банкан, просто занял. Мадж поймет. В свое время он сам частенько занимал.

— Да он тебя прикончит!

Сквилл пожал плечами.

— Пускай сначала поймает.

Банкан растерянно покачал головой.

— Значит, все это время у тебя была заначка?

— Шеф, я же сказал, на крайний случай. И ваще суть же не в этом, верно? Я тут подумал над твоими словами... Пускай она стервозная, как водяная вошь, пускай от нее одни неприятности, но ведь она — моя единственная сестра.

— Знаешь, у меня такое чувство, что и ты не из тех братьев, которыми мечтают обзавестись. Как собираешься расплачиваться с Маджем?

— Там видно будет. Можа, найдем по дороге сокровище или че-нибудь вроде. Можа, за этого Великого Правдивца выручим пригоршню золотишка...

— Если он существует, — напомнил юноша с холодком. — Сквилл, ты живешь в нравственном вакууме.

— Эт точно. — Выдр выпрямился. — Мадж должен мною гордиться. — И хлопнул друга по плечу. — Плюнь, чувак. Мы достали чертовы доспехи, и это самое главное. Скажешь, нет?

— Может, ты и прав. Впрочем, не моей шее страдать, когда домой вернемся.

— Верный ход мысли. Ладно, айда, разыщем для ходячей пивной бочки косметику и побрякушки, и — за дело. И ваще, ежели б я не раздобыл эти железки и загнулся при штурме бароновой крепости, с кого бы потом Мадж стребовал должок?

И снова Банкана обезоружила логика выдра.

Глава 15

Атаку наметили на полночь, надеясь, что к тому времени Ниина еще не пострадает от посягательств барона.

Действительно, выдра держалась, хоть и устала смертельно. Красвин, насладясь долгим и сладким сном, окончательно решил взять ее измором. Он не видел особой нужды в спешке, не желал и лишаться еще одной книги из своей драгоценной коллекции. Норк преспокойненько дождется, когда жертва упадет от изнеможения — по всему судя, этот миг уже близок. «И тогда, — мечтательно подумал он, — произойдет то, что и должно произойти. А пока можно поразвлечься, строя всякие изощренные и непристойные планы».

Банкан, выдр и ленивец отправились к кузнецу, а Визу поручили позаботиться о боевой раскраске и прочих украшениях для его возвращенного к жизни товарища. Отдохнуть путникам так и не удалось. Они бродили по улицам Камриоки, пока не зашло солнце и его не сменил восходящий месяц. Тогда они вернулись в таверну.

Там сидел лев со своими приятелями. Заметив Банкана, он заухмылялся и что-то сказал. Лис с каракалом оглушительно расхохотались, но даже не посмотрели в сторону юноши.

«Без вас обойдемся, — сердито подумал Банкан. — Хватит одного Снугенхатта».

В загоне осталась только пара оленей, не казавших носа из стойла, и носорог с птицей.

Мощный запах дешевого пойла валил с ног. Унылый Виз сидел на краю бочки, ножки свешивались, крылья сжали скомканный беретик, голова склонилась. Не рыцарственный птах, а пернатый комочек горя. Сердце Банкана остро почуяло беду.

— Совсем ненадолго отлучился. Совсем ненадолго...

Путники вбежали в стойло. Картина, явившаяся их глазам, была убийственной. Гордое хвостовое знамя валялось в луже мочи. Разметав флажки и ленточки, раскидав доспехи, Снугенхатт оглушительно храпел.

Банкан отыскал на земле местечко почище, сел, бесцельно выдернул соломину из подстилки.

— Зачем? *Зачем* ты отлучался? Другого времени не нашел, черт возьми?

Разгневанный человек бросил пригоршню соломы в почивающего летаргическим сном носорога.

— Мы проиграли. — Граджелут с сожалением посмотрел на Сквилла. — Это катастрофа, мой юный друг. Увы, ваша сестра обречена.

— Не верю. — Сквилл пнул железный щит. Носорог не шелохнулся. — Вот ведь гад, а? И всего-то от него требовалось —

пробыть полдня тверезым. Где ж его хваленая доблесть, где чувство долга? Мы ж ради него вон как расстарались, чуть пупки не надорвали.

— Он был уже совсем готов идти в бой, — жалко бормотал Виз. — Ждал, сгорал от нетерпения. Так был похож на себя прежнего... Так похож! Я подумал, ничего страшного, если ненадолго его оставлю.

— Зачем же ты отлучился? — допытывался Банкан.

Клещеед боялся встретиться взглядом с человеком.

— Деньжат занять хотел под ближайшую получку. Мы тут уже целый месяц по счетам не платим. Я собирался сказать тебе, но попозже. И улетел-то на часок, а когда вернулся... — Виз указал на огромную бесчувственную тушу... — Снуг уже был тепленький. Поилка пустая. Я боюсь даже спросить в таверне, сколько он вылакал.

Выдр съехал по забору на землю, скрестил лапы на груди и спросил с омерзением:

— Ну, и че теперь?

— Будем ждать, пока проспится, — ответил Виз. — Если повезет, к утру... — Он уставился на своего громадного, но в настоящий момент бесполезного товарища. — Ничего не понимаю. Снуг так радовался, что опять идет на войну...

— И как же мы его протрезвим? — спросил Банкан. — А если и протрезвим, второй раз доспехи уже не надеть.

Он помолчал, встал и взялся... не за меч, а за куда более грозное, хоть и не во всех случаях, оружие.

Сквилл свесил голову набок.

— Э, кореш, ты че, уж не предлагаешь ли снова спеть?

— Есть идеи получше?

— А то нет? Подождем до утра, как советует эта птаха.

— Думаешь, Ниина продержится еще сутки?

Выдр уныло посмотрел на него.

— А риск? Че, ежели будет еще хуже, чем в прошлый раз?

— Другого выхода нет. К тому же нам ничего сверхъестественного не требуется. Надо только поставить этого пьяницу на ноги и указать направление главного удара.

— Ну... — Выдр все еще сомневался. — Ежели сумеем раскрыть эти чертовы зенки, остальное, можа, приложится. — Он отошел от стены. — Дай-ка покумекать. Между нами, кореш, Ниине стишки гораздо лучше удаются, чем мне.

— Ты уж постарайся, — произнес Банкан, как он надеялся, ободряюще.

Тянулись долгие минуты, наконец у юноши лопнуло терпение.

— Сквилл, пой. Или получится, или не получится, одно из двух.

Выдр кивнул, расположился поудобнее и грянул:

Ждет сраженье впереди, и нужна подмога.
Посылает нам судьба Снуга-носорога.
Че ж ты, кореш, уронил с перепою дыню?
С кем прикажешь покорять вшивую твердыню?
Ну-ка, парень, окрылись, и айда в атаку!
Честь сеструхи под огнем, собери отвагу.
На барона упади камнем с неба ясного
И бодай его, топчи педика несчастного.

Граджелут напряженно вслушивался. Банкан исторг самый вроде бы подходящий басовый аккорд из недр дуары, загадочных потусторонних краев, где рождалась не только музыка, но и магия.

В стойле заколыхался серебристый туман. Сквилл запел бодрее, хоть и попятился, не веря в собственный успех. Граджелут тоже отступил, а Виз спешно покинул бочку и повис в воздухе за спиной энергично щиплющего струны Банкана.

Горячий туман свился в тугой искрящийся вихрь над головой бесчувственного носорога. Он вращался со слабым гулом и наращивал обороты, одновременно усиливая звук. И вот уже рев так громок, что юноше с трудом удается разбирать слова выдра и подыгрывать. В вихре образовались темные сгустки. Банкан и Сквилл не сводили глаз с носорога, а тот хоть бы веком шевельнул.

Потихоньку забряцали доспехи. Чаропение все же действовало. Но ведь оно и обязано действовать, иначе Сквиллу никогда больше не увидеть Маджа с Виджи, не раскрыть тайну Великого Правдивца.

В крошечных тучах засверкали миниатюрные молнии, а пение Сквилла перешло в отчаянный лай. Вихрь взорвался с чудовищным раскатистым грохотом и такой яркой вспышкой, что на секунду все ослепли. Банкан не был уверен, что в тот миг он не прекратил играть. Когда вернулось зрение, выяснилось, что Снугенхатт перевернулся на спину, задрав все четыре ноги, под ним расстелились доспехи — этакий железный матрас. Он смахивал на труп в последней стадии окоченения и храпел при этом пуще прежнего.

Сквилл придушенно засипел и с отвращением уставился на бесчувственную тушу.

— Все, кореш, я спекся. Ничего лучше мой котелок не сварит. Импровизировал, покуда не охрип.

Он с шумом втянул едкий ночной воздух.

— Не то что протрезвить, — пробормотал обескураженный юноша, — даже разбудить не удалось.

Он повернулся к купцу.

— Граджелут, я думаю, это конец. Без Снуга нам не справиться.

Граджелут вытаращил глаза, но не на Банкана. И не на Снугенхатта.

Чаропевческий дуэт обернулся.

— Я бы не сказал, что это конец, — заявил необыкновенно глубокий голос.

Говорил Виз. Но клещеед больше не порхал в воздухе, а стоял на земле. И он изменился. Подрос. Даже не подрос — вымахал. Когда он раскинул претерпевшие метаморфозу крылья, они отбросили широченную тень. Испуганные олени зарылись в солому и выглядывали оттуда, дрожа. Из таверны на шум вышел главный бармен, деловитый койот, глянул на гигантский пернатый призрак, придушенно взвизгнул и исчез.

Сквилл сдвинул на затылок кепи и уставился на тяжелоклювый, пышно разукрашенный перьями череп.

— Так-так, кореша... Значица, с чарами ошибки нет, тока с объектом ихнего приложения.

Виз поочередно оглядел каждое крыло, затем огромные, оснащенные внушительными когтями ноги и в последнюю очередь — широкий лопатовидный хвост.

— Так ведь это чудесно!

— По крайней мере, необыкновенно.

Ошеломленный Граджелут резко пригнулся. Птица пролетела над его головой и неторопливо описала круг, мимоходом сбив дымовую трубу на противоположной стороне улицы.

— И неизвестно, сколько продержится, — завороженно поговорил Банкан. — Не все наши чары долговечны. И мы в этот раз колдовали без Ниины. Я не гарантирую стойкость волшебства.

— Коли так, не стоит канителиться, — изрек исполинский клещеед.

— Шеф, ты на че намекаешь? — Сквилл настороженно смотрел на птицу.

— Вы же сами говорили, времени в обрез. А ну-ка, забирайтесь ко мне на спину.

Громадное крыло коснулось земли.

Банкан колебался, но виду не подал. Он вскарабкался по пернатому пандусу, уселся на гладкую птичью спину. Граджелут не спешил последовать его примеру.

— Залезайте, — поторопил купца юноша.

— Я... даже не знаю... — Ленивец нервно облизал морду. — Я не привык к столь авантюрным предприятиям. Я всего лишь скромный коммерсант...

Банкан устроился на широченной, как колонна, шее птицы.

— Не бойтесь. Вон у вас какие когти, гораздо легче удержаться, чем любому из нас.

— Гм... — Граджелут посмотрел на свои сильные пальцы. — Я всегда считал себя существом земным, но, полагаю, будет весьма поучительно испытать полет.

— Сквилл, а ты чего ждешь? — окликнул юноша.

— Кореш, мы, выдры, рождены без крыльев. Мы тоже предпочитаем жить на земле, а то и под землей.

— Но ведь твоя сестра в беде! — сердито напомнил Банкан.

— Ну, давай, терзай мою совесть. — Выдр неохотно двинулся вперед. — Но учти, кореш. Можа, когда я окажусь у Виза на спине, этого хватит, чтобы разрушить чары.

— Их что угодно может разрушить. Шевелись.

Банкан наклонился и подал выдру руку.

— Берите все, что понадобится в бою. — Виз горделиво выпятил могучую радужную грудь. — Для меня это не тяжесть. Я же столько лет с ним прожил.

Он показал на приятеля, закованного в цепи летаргического сна.

По воздуху ударили великанские крылья и загнали струхнувших оленей еще дальше в стойло. Вернулся койот, ведя с собой раздраженных друзей, однако порывы ветра, поднятого крыльями Виза, унесли их обратно в таверну.

К храпящему Снугенхатту потянулись два комплекта мощных когтей и выхватили его из стойла. Даже для зачарованного клещееда это был изрядный груз, однако Виз мобилизовал все силы, рванулся кверху и взмыл со своей ношей в ночное небо.

Гигантская птица летела прямо на запад, едва не задевая башни славного города Камриоки. Жители, совершавшие вечерний моцион и случайно посмотревшие вверх, так потом и не поняли, кого же им довелось увидеть.

Виз летел над блестящей лентой реки, затем над сушей. Вскоре на западе показалось укрепленное поместье барона. Месяц, игравший в прятки с облаками, вполне сносно освещал путь. Банкан глубже зарылся пальцами в перья, и вовремя — через несколько секунд Виз сорвался в дикое пике. Он оглянулся на юношу и со страхом произнес:

— Я слабею! Я это чувствую!

— Так и знал, что наши чары — скоропортящиеся.

Сквилл прикинул расстояние до деревьев и зажмурился.

Граджелут смотрел вниз.

— Я не вижу охраны. Но над главными воротами наблюдается один или два часовых.

— Дотяни до крепости, — попросил Банкан птицу. — Высади нас на крыше.

— Заметят, — сказал Виз. — Надо чем-нибудь отвлечь их внимание.

— Что предложишь?

Казалось, перья вибрировали в пальцах Банкана. Он знал, что клещеед может в любую секунду съежиться до обычных размеров, и тогда все наездники камнем полетят вниз. В нормальном состоянии Виз едва ли в состоянии поднять кого-нибудь тяжелее упитанного червяка.

— Положитесь на меня. И держитесь.

С этими словами Виз распахнул огромные крылья и спикировал прямиком на главные ворота. Вдоль кромки крыльев зловеще сгущался серебристый туман.

Заслышав свист этого ветра — не ветра, один из часовых обернулся, увидел летучий призрак и взвизгнул от страха. Этого было достаточно, чтобы внизу насторожился патруль. Миг спустя раздался общий вопль ужаса, и был он достаточно громок, чтобы достичь большого зала, где барон Красвин планировал решающий штурм библиотеки.

Он посмотрел на советников и озабоченно спросил:

— Что за шум?

— Сейчас выясню, господин.

Лесной сурок нахлобучил шляпу с обвисшими полями и выскочил за дверь.

Красвин поморщился.

— А теперь запомните: идем тихо. В библиотеке всем рассредоточиться вдоль стен. Мы с Нейсвиком первыми заберемся наверх. Как только отнимем лампу, сразу сбросим девку к вам. И тут не теряйте ни секунды, она очень проворна. И не вздумайте искалечить. — С отвратительной ухмылкой он добавил: — Это удовольствие я приберегу для себя.

— Больше не могу! — закричал, теряя высоту, Виз. — Я уже превращаюсь!

— Так снижайся, чтоб тебя! — визгливо потребовал Сквилл.

— Надо приземлиться в крепости. — Банкан пытался на глазок измерить оставшееся расстояние. — Любой ценой!

И в этот миг раздался неземной вопль. Рвался он не из глотки птицы или седоков, а непосредственно снизу. Едва ли стоило удивляться, что Банкан не узнал его. Он еще ни разу не слыхал, как ревет обезумевший от страха носорог. Снугенхатт не нашел более подходящего времени, чтобы проснуться.

— Все в порядке. — Банкан наклонился, как только мог. — Мы уже почти на месте.

— Чего? Где я? На каком месте?

Слова, хоть и выкрикивались в ужасе, звучали внятно, без запинок. Снугенхатт, будучи представителем совершенно приземленного племени, аж протрезвел с перепугу.

— Ворота! — воскликнула птица. — Мы над воротами!

Голос был сильно искажен, но все же узнаваем. Снугенхатт завертел головой.

— Виз?

— Да, бесполезный старый алкоголик, это я. Не пойму, почему я до сих пор с тобой мучаюсь.

— Прости, верный друг. Ты не объяснишь, что со мною происходит?

— Объясню. Ты ухитрился пропить с таким трудом завоеванную нами крошечную репутацию, и я был вынужден взять дело в свои крылья. Прямо по курсу поместье Красвина, и у тебя есть шанс вернуть утраченный престиж. И ты вернешь его, хочешь того или нет.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что чары, благодаря которым я стал таким здоровенным, быстро ослабевают, а мы должны проникнуть в крепость по возможности незамеченными, чтобы наша операция завершилась успехом. Очень смелая операция!

У Снугенхатта подозрительно затрепетали веки.

— Что еще за операция?

— Она называется «Носорог в поднебесье»!

— Не-ет! — завопил Снугенхатт, когда Виз разжал огромные когти и выпустил свою ношу.

Гипертрофированный птах взмыл, как освобожденный от балласта аэростат.

Охваченный ужасом носорог описал в воздухе изящную дугу и угодил прямиком в высокие двустворчатые ворота. Два солдата личной гвардии барона Красвина наблюдали с крепостной стены картину поистине мистическую — на фоне яркого месяца к ним с дикими воплями кувырком летел гость из преисподней. Один часовой тотчас рухнул в обморок, а другой, демонстрируя акробатическую ловкость, спрыгнул во внутренний двор.

Развевались ленточки и флажки, гремело железо. Снугенхатт врезался рогом в стык ворот с неимоверной (и совершенно ненужной) силой, точно осколки фугаса, и под соответствующий грохот разлетелись щепки. Снугенхатт, бряцая и лязгая, как полковой оркестр в спринтерском забеге, приземлился во внутреннем дворе, трижды перекувырнулся и неуверенно встал на ноги. Его шатало. Но, глядя, как враги в панике бросают оружие и скрываются в дверях и за углами, он настолько приободрился, что пришел в себя. В проеме ворот клубилась пыль. Носорог двинулся в наступление, неся на широкой спине выломанные брусья и доски.

Выскочившая на шум челядь тоже обратилась в бегство. Солдаты Красвина были готовы сражаться с кем угодно, только не с летающими (вернее, падающими) носорогами в полной боевой экипировке.

— А ну, вернитесь! — воинственно ревел им вслед Снугенхатт. — И сражайтесь! Трусы, бесхребетные рептилии! Выходите на честный бой!

В его венах циркулировало столько адреналина, что он подпрыгивал на четырех ногах, производя шум, достойный камнедробилки с мифических копей царя Какверьяда. Вряд ли можно

удивляться тому, что никто из слуг Красвина не рискнул принять вызов.

Но тут сам барон появился у парадного входа. Холуи жались к нему, точно рыбы-прилипалы к акуле. Однако, узрев бронированного четвероногого пришельца с налитыми кровью глазами и раздувающимися в лунном свете ноздрями, даже этот наглец заколебался.

Снугенхатт заметил робко столпившихся в дверях обитателей замка и довольно зафыркал:

— Ага! Свежее мясцо!

Разодетая в шелка белка истерично взвизгнула и исчезла в доме. Красвин — надо отдать ему должное — выхватил саблю и попытался воодушевить свое воинство.

— К оружию! Дадим ему отпор!

Но его клинок уступал рогу Снугенхатта.

Носорог не слишком проворно уходил от выпадов прославленного фехтовальщика, но, стоило ему разогнаться, Красвин терял все преимущества. Вдобавок бегущий в атаку Снугенхатт — зрелище не для слабонервных. Барон размахивал сабелькой, пока не убедился в полной бесполезности этого занятия. Тогда он выругался, отступил в здание и попытался запереть на засов огромную дверь.

Но она даже на миг не задержала Снугенхатта. Он взбежал на крыльцо, и во все стороны порхнули щепки, куски металла и осколки цветного стекла. Тормозя передними ногами, он доехал по гладкому полу до середины зала и незамедлительно принялся таранить и топтать все вокруг. Челядинцы проявляли чудеса изобретательности и проворства, прятались за мебель, за колонны и даже друг за друга, чтобы не попасться на глаза этому воплощению кровожадности.

Штурм удался на славу.

Глава 16

Виз, быстро съеживаясь до естественных габаритов, все же ухитрился перемахнуть через высокую стену и высадить пассажиров на крыше особняка. Едва ли можно назвать мягкой ту посадку, но все остались целы и невредимы. Поднявшись на ноги, они услышали внизу вопли и визг — сущий хор сумятицы и ужаса.

— Очевидно, наш массивный сторонник Снугенхатт взялся за дело добросовестно. — Граджелут отряхнул штаны. — Я вовсе не был уверен, что он сохранил прежний боевой дух.

— Что-что, а боевой дух его никогда не покидал. — Виз барражировал над крышей, искал для соратников путь вниз. — Онто и заставлял Снуга пить горькую. Но эта драчка его протрезви-

ла и омолодила, и будь я проклят, если сам не сбросил десяток лет. — Он задержался перед Банканом. — А знаешь, мне понравилось это превращеньице. Вы с приятелем сможете его повторить, как считаешь?

— Не знаю. Ведь мы ставили перед собой другую цель. — Банкан удостоверился, что дуара надежно висит на спине. — Ну как, сможем мы тут спуститься?

— Боюсь, что нет. Не вижу лестниц. Только вентиляционные шахты, дымоходы и световые люки.

— Ну, ты, кореш, обрадовал.

Выдр стоял у одного из световых люков и, наклонив голову, вглядывался.

— Ничего. — Банкан подошел к другу. — Разобьем стекло, спустимся по веревочной лестнице.

Сквилл хмуро посмотрел на него.

— Чувак, где ты видишь веревочную лестницу?

— Сделаем.

Сквилл закрыл одной лапой глаза, другой потянул меч из ножен.

— Кореш, мы, выдры, народ простой. Че и советую зарубить себе на носу.

С этими словами, прежде чем Банкан успел его схватить, он кинулся вперед изо всей силы коротких нижних лап и рубанул в прыжке мечом. Только осколки стекла полетели.

— Сквилл! — Банкан подбежал к отверстию, посмотрел вниз. — Идиот!

А выдр встал, стряхнул с одежды и меха блестящее крошево и огляделся.

— Банкан, тут невысоко. Даже старый лупоглаз наверняка справится. Кажись, это жилье слуг. Че ты телишься, так-растак?

Он скрылся с глаз друга.

— Сквилл! Погоди!

Банкан выбрал наилучшую исходную точку для прыжка и бросился вниз, за ним полетел Виз. Граджелут тоже спрыгнул, хотя его пришлось уговаривать.

В узком коридоре никто не пытался преградить им дорогу, и на винтовой лестнице не нашлось желающих броситься наперехват. Уровень шума внизу говорил о крайнем смятении в поместье барона, если не о полном хаосе. Ориентируясь на какофонию, они вбежали в узкий мезонин с видом на центральный атриум и на зал, где правил бал ревущий от ярости Снугенхатт. Его внимание разделилось между двумя группами прихвостней Красвина. Когда одна группа высыпала из-за своих укрытий — колонн и мебели, — он загонял ее обратно. Тем самым соблазнял на попытку к бегству вторую толпу, но тут же разворачивался и устремлялся за ней в погоню. Время от времени кто-нибудь падал под ударом рога или тяжеловесного корпуса. Тот, на кого

Снугенхатт наступал, уже не поднимался. Время от времени в носорога летели стрела или копье, но они лишь отскакивали от толстых лязгающих пластин.

Окинув взором поле битвы, Банкан сказал:

— Я не вижу Ниину.

— Она, вероятно, заточена в подземную темницу. — Граджелут водил пальцем по лезвию ножа — своего единственного оружия, служившего исключительно для самозащиты. — Необходимо найти путь, который приведет нас на нижние ярусы дворца.

— А здесь мы как пройдем?

Банкан указал на охваченный хаосом внутренний двор.

— Сюда, кореша! — крикнул Сквилл. Он обнаружил лестницу и уже спустился на две ступеньки. Остальные направились к нему, но тут раздался знакомый пронзительный лай.

— Она здесь! — Выдр возбужденно огляделся. — За мной!

Он круто развернулся и промчался мимо Банкана и Граджелута. Угнаться за ним смог только Виз.

Сквилл, размахивая мечом, первым ворвался в библиотеку. И никого не увидел, хотя многое указывало на то, что несколько минуту назад здесь пребывала целая орава. На столе — яства и напитки. Тускло светили лампы.

— Все побежали на шум, — объяснил Виз.

— Где же она?

Банкан медленно обошел комнату.

— Банкуч, а ты попробуй башку приподнять, — раздался сверху слабый голос.

Внимание пришельцев тотчас привлек к себе балкон, где Ниина пыталась встать с неудобного ложа из раскрытых книг. Ее убежище выдавала слабо мерцающая масляная лампа.

— Ниина! — Банкан поискал глазами лестницу. — Ты цела?

— Где вас клепаные лысые черти носили?

Она так устала, что, вставая, была вынуждена ухватиться за перила.

— Кореш, да ты не волнуйся, она в порядке.

Сквилл нашел лестницу и приставил ее к балюстраде.

— О, да у нас еще гости!

В дверном проеме стоял некто гибкий, в элегантных шелках и сафьяне, и помахивал саблей. Как облик, так и манеры выдавали в нем хозяина поместья. Сквилл отпустил лестницу, вынул меч и двинулся к барону.

— Шеф, игра проиграна. Это моя сеструха, и я ее отсюдова забираю. И никакие мы тебе не гости.

— Да как пожелаете. Чем быстрее уберетесь, тем лучше. — У норка горели глаза. — Однако твоя родственница должна остаться. У нас незаконченное дело.

Ниине, готовой в любую секунду упасть в обморок от недо-

сыпания, все же хватило сообразительности спуститься по лестнице.

— Эй, Сквилл, дай-ка мне меч, и я закончу это дельце, вот так.

— Исвиньи!

До Банкана не сразу дошло, что барон не просит прощения, а кого-то зовет. За спиной Красвина загородил весь дверной проем самый уродливый член свинского племени, которого только доводилось встречать юноше. Тяжелые бивни могучей самки бородавочника были заточены под иголки. Вся она была в черной лакированной коже с фестонами из металлических шипов и штифтов. В одной лапе она держала боевой топор, а в другой — щит с длинным и острым, как наконечник копья, умбоном.

— Будь я проклят, если отпущу ее, — выругался Красвин.

— А я искренне надеюсь, что ты ее отпустишь.

Банкан медленно обнажил клинок, бдительно косясь на бородавочницу.

— Скажите-ка, — произнес Красвин, — где вы нашли этого рогатого урода? Он портит мое имущество и убивает моих слуг.

Виз чинно выдвинулся на передний план.

— Знай, дергающий усами, имя моего друга — Снугенхатт, и мы странствующие рыцари. А сюда пришли, чтобы выручить из беды прекрасную даму.

— Не могу поверить, — тихо проговорил Красвин. — Это бред, абсурд. Вы рискуете жизнью ради самки?

— Если бы ты вел себя, как подобает существу благородной крови, Снугенхатт не крушил бы сейчас твой дворец, — объяснил Банкан.

— Ах, так! — Красвин рассек саблей воздух. — Пожалуй, даже хорошо, что вы здесь. Может быть, ваша подружка станет сговорчивей, когда вы испустите дух у нее на глазах. Впрочем, мы бы с ней и так поладили, опоздай вы совсем ненамного.

— Это че значит? — Сквилл повернулся к сестре. — Ты с ним че, это... Он не...

— Нет, я с ним не «это» и он «не», — процедила Ниина. — А теперь, ежели ты не против, окажи услугу, позволь выпустить ублюдку потроха. Щас я его разделаю, как форель для жарки.

Красвин глубоко вздохнул.

— Поскольку мой верный персонал, похоже, не способен одолеть единственного незваного гостя, я вынужден лично позаботиться о вас. Исвиньи, займись этой троицей.

— Четверкой! — Виз метнулся к барону и едва увернулся от молниеносного выпада его клинка. — Еще до конца этой ночи я буду клевать паразитов на твоем остывающем трупе.

— Смею уверить, я столь же чистоплотен, сколь и ловок в обращении с саблей. — Красвин перенес внимание на Банкана. — Мне сказали, что твой рогатый помощник упал с неба и разнес мои ворота. Но его племя крыльями не обладает. Как вам удалось это устроить?

Банкан, не колеблясь, прикоснулся мечом к дуаре.

— С помощью этой штуки. Я могучий волшебник. Чаропевец и сын чаропевца.

— В самом деле? А кажешься зеленым, как молодой побег. Из тех, что забавы ради рубят мои слуги. — Сверкнула сабля. — Я велю сжечь твои кости и развеять пепел.

— А ты и впрямь, шеф, ублюдок, каких поискать, — задумчиво произнес Сквилл.

— Весьма польщен. — Красвин издевательски поклонился. — Ты проживешь достаточно долго, чтобы посмотреть, как я развлекусь с твоей сестрой. Исвиньи!

Никого не удивило глухое утробное урчание, когда огромная бородавочница, подняв боевой топор, вразвалку двинулась к незваным гостям.

— Ну, чуваки, с меня хватит, вот так!

С этими словами Сквилл ринулся вперед.

— Сквилл!

Даже Ниину поразила необычная храбрость ее брата. Или глупость?

Топор описал зловещую дугу и, попади он в цель, легко разрубил бы выдра пополам. Но Сквилл, будучи несравненно проворнее громадной свиньи, поднырнул под лезвие, сделал кувырок и ткнул мечом, всю свою массу вложив в этот удар.

Несколько опешив от успеха, он вскочил и отпрянул.

Бородавочница взвизгнула и упала на колено. Затем, ко всеобщему удивлению, медленно поднялась. Отчетливо виднелась прорезь в одежде, но никто не заметил крови и потери сил. На глазах изумленного Сквилла и его спутников она возобновила наступление, даже не припадая на покалеченную ногу.

Сквилл, уклоняясь от огромного топора, темпераментно атаковал монстра. И всякий его выпад находил цель, но не производил желаемого действия. Выдр ускользал от страшных ударов, но было ясно, что вечно это не продлится. А когда погибнет он, наступит черед остальных.

Сквилл выдыхался, а его могучая противница не проявляла признаков усталости.

— Тут действует волшебство, — пробормотал Граджелут. — Темная магия.

— Истинная правда. — Красвин, расслабленно стоя в дверном проеме, терпеливо ждал неизбежного конца. — Исвиньи — моя личная телохранительница, и в ходе подготовки она подверглась очень сложному и дорогому регенерационному колдовству. Думаете, только вам на всем белом свете подвластна военная магия? Ее тело обновляется всякий раз, когда получает рану.

Вряд ли кто-нибудь из вас может похвастать такой способностью. Рано или поздно она вас всех измотает, так почему бы прямо сейчас не смириться с неизбежным и не сложить оружие?

— У вас, вероятно, дурная болезнь гениталий, которую можно вылечить только щелоком и наждачной бумагой.

Ниина ошарашенно посмотрела на купца.

— Ну, ты, старый увалень, даешь! Вот уж не думала, че ты способен так ругаться!

Купец смущенно потупился.

— Видите ли, юная самка, даже у моего терпения есть предел.

— Да не вертись ты, — прорычала бородавочница, — и я тебя быстро прикончу.

Просвистел топор и высек искры и каменное крошево из пола, где за долю секунды до этого стоял Сквилл. Выдр все еще размахивал мечом. Он нисколько не оробел, но дышал тяжелее.

— Че я слышу? Позволить, чтоб меня прикончила такая гнусная уродина? Да я лучше сигану башкой вниз с самого высокого дерева в Колоколесье!

— Сама знаю, что я не красавица, — прохрюкала бородавочница. — Давай оскорбляй! Меня это ободряет, силенок придает.

— Сквилл! — крикнул Банкан с другого конца библиотеки. — Берегись! Она защищена чарами.

Он убрал меч в ножны и заиграл на дуаре.

— Пойте! Ниина, придумай какие-нибудь слова.

— Че? — Ниина заморгала. — Банкет, я так спать хочу, еле-еле зенки открытыми удерживаю.

— Тогда пой во сне. Если не хочешь, чтобы из-за тебя погиб твой брат.

Она сощурилась.

— Это как понимать? Шантаж?

Банкан разозлился.

— Ниина, он жизнью рискует, пытается тебя спасти.

— Чувак, да ведь он при этом еще и развлекается. Ладно, как скажешь.

— Да! Спойте! Спойте! — Красвин в дверях ритмично захлопал в ладоши. — С удовольствием послушаю настоящее чаропение. Не то чтобы я сомневался в ваших способностях — все-таки летучий носорог кое-чего стоит. Но поверьте, сейчас они роли не играют. Мудрый и прославленный колдун, зачаровавший по моей просьбе Исвиньи, уверял, что она неуязвима для любого волшебного вмешательства. Так что пойте, пока не охрипнете.

Банкан не реагировал на издевку.

— Сквилл, ты тоже!

Топор грянул об пол так близко от выдра, что сбрил ему волосы на хвосте.

— Петь? Черт бы тебя побрал, кореш, ты че от меня требуешь? Мне дыхалку надо беречь!

Комнату заполнило сильное и нежное контральто. Это запела Ниина, во всю мочь импровизируя под аккомпанемент Банкана. Ее стихи вибрировали в заряженном опасностью воздухе, отскакивали от пола, колыхали страницы раскрытых книг.

Не пристало светской даме
На мужчину с кулаками
Налетать из-за любого пустяка.
Чтоб не разбегались в страхе кавалеры,
Не пора ль красотке вспомнить про манеры?
Не довольно ли валять ей дурака?

Красвин, заметив немедленное воздействие чаропесни, перестал хлопать.

— Довольно! Хватит! *Прекратите*!

Естественно, это требование побудило Ниину прибавить громкости. Барон, размахивая саблей, двинулся к ней.

Виз бросился наперехват, точно и сильно клюнул неприятеля в лоб и запорхал вокруг. Красвин, безумно ругаясь, шинковал и полосовал воздух. У Банкана душа ушла в пятки — птах безумно рисковал. Но остановить Виза юноша не мог, а потому заставил себя сосредоточиться на игре.

Вокруг бородавочницы сгущался серый пар. Она недоуменно хрюкала и отмахивалась, но топор и щит не наносили ущерба тому, что казалось обыкновенным густым туманом. Ниина пела, и происходило самое замечательное превращение в истории чаропевческого трио.

— Не может быть! — взвыл Красвин. — Колдун клялся, что она неуязвима!

И отчасти он был прав — когда Сквилл улучил момент для выпада, его меч пробил кринолин и кружево, не причинив ущерба плоти. Но никто не ожидал появления кринолина и кружев.

Сквилл, разинув пасть, опустил меч и отступил. Ниина умолкла, у Банкана вдруг обмякли пальцы, аккорды утратили стройность. Все были потрясены.

Шипы и кожа сменились гладкой тканью лавандового цвета и элегантными кружевами. Лиф и рукава платья были искусно отделаны рюшами. Благодаря фижмам юбка расширялась колоколом. Изящный капор удерживался на голове атласными лентами, под подбородком их концы были завязаны в пышный бант. Боевой топор превратился в большой зонт, щит — в ридикюль.

С воплем страха и ярости Исвиньи запустила сумочкой в Сквилла, и тот едва успел увернуться. Ридикюль угодил в стеллаж с книгами и лопнул. Показалась яркая подкладка, запахло цветочными духами.

— Что это? — взревела потрясенная свинья. — Что происходит?

И тут она заметила свое отражение — неподалеку, между стеллажами, стояло большое зеркало в узорной раме. В следующий миг раздался дичайший вопль — Банкан и не подозревал, что горло самки способно исторгнуть подобный звук.

Бородавочница отшвырнула зонтик, словно раскаленный кирпич, и с визгом убежала из библиотеки. Это сопровождалось громким шуршанием юбок и частыми ударами тяжелой туши об пол — Исвиньи совершенно не умела передвигаться на высоких каблуках.

Барон Кольяк Красвин, чье секретное оружие совершенно неожиданно ударилось в истерику и паническое бегство, вдруг понял, что его дела плохи. И тогда он злобно обругал незваных гостей и помчался к выходу.

— Не уйдешь!

Безоружная Ниина ухватилась за свою спасительницу — масляную лампу — и запустила ею в ретирующегося норка. Снаряд пролетел мимо и вдребезги разбился об пол. Во все стороны брызнула горящая жидкость. Несколько капель угодили Красвину на хвост и правое бедро. Мучитель Ниины взвыл и, дико корчась, вывалился из библиотеки.

Сквилл подумал было о преследовании, но тотчас сообразил, что в интересах крошечного отряда — не столько кровопролитие, сколько успешное бегство. Он вернулся к спутникам и подождал, пока Ниина одарит усатым влажным поцелуем сначала Банкана, а затем крайне сконфуженного Граджелута.

— Че, неужто влом обнять родного брата?

— Ах да, как же я могла забыть?

Она приблизилась и без предупреждения двинула его снизу в подбородок.

— Ой! — Он схватился за челюсть. — Это за че?

— Глупый педрила, где тебя черти носили? Ты хоть представляешь, че этот клепаный ублюдок хотел со мной сделать? Ты хоть представляешь, через че я прошла?

Сквилл тихо прорычал:

— Детка, ниче нового тут с тобой не приключилось бы.

Ниина с визгом ринулась на него, он энергично и без колебаний дал отпор, и миг спустя по полу катался мельтешащий конечностями мохнатый клубок. Увидев изумление в глазах Виза, Банкан всерьез подумал, не успокоить ли близнецов ударами бесценной дуары по головам.

К нему бочком приблизился Граджелут.

— Мой юный друг, вообще-то нам пора подумать, как отсюда выбраться. Я надеюсь, Снугенхатт сумеет благополучно вывезти нас в безопасное место, если мы убедим его прекратить свое приятное занятие.

— Предоставьте это мне. — Виз выпорхнул за дверь.

Банкан зашагал следом.

Выдрам пришлось покончить с оскорблениями и тумаками, они вскочили и поспешили за юношей. Казалось чудом, что их одежда уцелела в бурном семейном конфликте.

Снугенхатта они нашли перед входом в кухню, он грозно шаркал ногой по полу. В огромном зале царила разруха, мебель теперь годилась только на дрова, валялись бесформенными комками сорванные с флагштоков полотнища, жалко выглядели останки повергнутых и растоптанных картин и статуй. Дверь в кухню представляла собой металлическую решетку, из нее торчало с полдюжины длинных копий, трясущихся в нетвердых лапах.

Виз устроился на своем металлическом насесте над лбом приятеля.

— Отличная работа, Снуг. Пора на заслуженный отдых.

У носорога пылали глаза.

— Нет. Еще живы несколько мерзавцев. Подожди, скоро я покончу с ними.

— Нет необходимости. Это всего лишь слуги. — Птах привстал на жердочке и огляделся. — Ты видел убегавшего норка? Трудно было его не заметить — вся задница в огне.

— Все равно не заметил, — проворчал Снугенхатт. — Занят был.

Подбежал Банкан, похлопал носорога по бронированному боку.

— Снугенхатт, увози нас отсюда. Ты сделал все, о чем мы просили, и даже больше.

К нему повернулась огромная башка.

— Но я хочу с ними разделаться! Пожалуйста, разреши мне с ними покончить!

Эта мольба не прошла мимо ушей перепуганных защитников кухни. С грохотом упало несколько копий, а их владельцы поспешили найти себе укрытие в глубине помещения.

— Сейчас вы работаете на нас, — важно заявил Граджелут, — и я на правах нанимателя настаиваю, чтобы вы нас вывезли за пределы этой территории.

— Ну ладно, как скажете.

Носорог опустился на колени. Путники, цепляясь за броню, вскарабкались по его боку и расположились на щитах. Банкан устроился впереди, на плечах у Снугенхатта. Далее сели Сквилл и Ниина, а Граджелут занял последнее место.

Снугенхатт выпрямил ноги, повернулся и с крайним презрением показал защитникам кухни свой тыл, словно провоцировал нападение сзади. Но вызов остался безответным. Не встретив ни единого препятствия, носорог и его наездники пересекли усеян-

ный мусором внутренний двор, прошли по обломкам ворот и очутились на узкой дороге за крепостной стеной.

Следуя указаниям Граджелута, они на первом же перекрестке повернули направо, затем еще раз направо и по едва заметной тропе двинулись на север. Лишь когда владения Красвина остались далеко позади и показались окрестности Камриоки, Банкан вздохнул с облегчением. По пути Ниина цедила оскорбления в адрес брата, но вскоре выдохлась и погрузилась в глубокий сон.

Путники задержались, чтобы поудобнее устроить ее в седле — широкая спина и короткий шаг Снугенхатта вполне это позволяли. На всякий случай Ниину пристегнули поясом к доспехам носорога. Снугенхатт, вперевалку шагая по тропе, напевал себе под нос что-то воинственное — по мнению Банкана, слушать это пение было не менее интересно, чем наблюдать носорога в бою. Красвин свою репутацию бретера не оправдал — он вообще не показывался на глаза. Возможно, получил сильные ожоги. Банкан очень на это надеялся.

В городке Поукелпо они запаслись провизией — предстоял трудный переход через пустыню Тамаз. Поукелпо был не более чем пограничным селением, полным немного сомнительных личностей, уставших от жизни и не имевших сил перебраться на более благополучные земли. Пока Граджелут торговался и запасался, Банкан попробовал выяснить, откуда взялось название пустыни. И услышал, что первым путешественником, коему посчастливилось вернуться из нее живым, был легендарный кенгуровый крыс по имени...

— Тамаз! — закончил Банкан за собеседника.

— Черта с два, — возразил нечесаный муравьед. — Крыса звали Пустыня. Забавное совпадение, верно? — Он пожал плечами. — А откуда взялось название Тамаз, понятия не имею.

Что и говорить, не слишком исчерпывающее объяснение.

По-прежнему не было признаков погони. Либо они оторвались от преследователей, либо Красвин был слишком растерян или даже напуган, чтобы снарядить карательную экспедицию. Впрочем, Банкан ни в коей мере не скучал по сластолюбивому норку и его достойным сподвижникам.

— Ничего удивительного, — оторвался от кормушки Снугенхатт. — Преследовать нас по пустыне он не решится. Сюда никого калачом не заманишь.

— Он прав. — Виз отлетел в сторонку, чтобы не мешать — двуногие навьючивали на спину его друга фляги с водой.

Банкан прикрыл глаза ладонью и посмотрел вдаль. Над ущельями и столовыми горами мерцал раскаленный воздух. Из того, что юноше удалось выспросить и подслушать, следовало, что путники стоят у границы края неведомых опасностей и всяких малоприятных сюрпризов. По-видимому, у них уже входило в привычку странствие по таким землям.

— За сколько дней мы пересечем пустыню?

— Вопрос закономерный, но точно сказать не могу, — ответил Банкану распоряжавшийся погрузкой Граджелут. — Я пытался выяснить, однако безрезультатно. Похоже, все убеждены, что Тамаз находится на краю света.

Банкан невесело улыбнулся.

— Это успокаивает.

— Говорят, что со временем голые плоские холмы и пески сменятся лесистыми горами, изобилующими пищей и хорошей водой, однако никто не знает, на каком расстоянии отсюда они находятся.

Ленивец по своему обыкновению был спокоен и готов ко всему.

— Но, как ни далека цель, как ни долог предстоящий путь, мы должны добраться. — Его тяжелая лапа указала на север. — Ибо там нас ждет Великий Правдивец.

«Или Великая Небылица», — подумал Банкан и мысленно пожал плечами. Они слишком далеко зашли, слишком много препятствий одолели, чтобы поворачивать назад. Вдобавок ему всегда хотелось увидеть настоящую пустыню. Ну а что касается водолюбивых выдр, то они соскучились по охоте.

О Снугенхатте и вовсе не стоило беспокоиться. Впервые за многие годы носорог был совершенно трезв, вполне доволен своим уделом и готов своротить горы.

Когда они покидали Поукелпо, никто не желал им счастливого пути. Чего-чего, а отчаянных голов местное население навидалось. Все храбрецы устремлялись в пустыню, но никто не возвратился. Жители безучастно разошлись по своим делам.

Дневная жара не слишком досаждала Банкану и его спутникам. Хорошо переносил ее и Снугенхатт, которому досталась львиная доля работы плюс доспехи. Он терпеливо бежал на север и лишь в разгаре дня по требованию наездников останавливался на отдых.

Выдры коротали досуг за ловлей диких ящериц и змей, что неплохо скрашивало меню. А Граджелут подолгу вглядывался вперед, мобилизуя свой опыт, чтобы выбрать самый верный путь — в пустыне не было дорог или хотя бы тропинок. Когда он указывал дорогу, ни Банкан, ни выдры не спорили. Все давно признали, что путешественник он опытный.

Через несколько дней после расставания с Поукелпо они оказались посреди скопления цветных башен из блестящего разноцветного песчаника. Банкан решил, что этот край приятен глазу, если не ногам. Впрочем, изъязвленная выветриванием поверхность была нипочем широким ороговелым стопам носорога, а пассажиры отягощали его не больше, чем пригоршня перьев. Они уверенно продвигались вперед.

Поэтому все были застигнуты врасплох, когда носорог вдруг зашатался.

Банкан наклонился вперед и спросил:

— Снугенхатт, в чем дело?

Позади него спутники напрягли слух.

Виз порхал впереди, разведывая путь. Он тоже встревожился и поспешно вернулся.

Снугенхатт не отвечал.

— Всем спешиться, — скомандовал птах. — Живее, живее!

Наездники подчинились. Выдры соскользнули с природной грацией, Банкан — неуклюже, Граджелут — столь медлительно, что едва не был задавлен, когда носорог повалился на бок. Посыпалась кладь, а затем грозное животное громко застонало.

Потом Снугенхатт лежал, стеная и хрипя, глаза его закатились, ноги слабо подрагивали, пасть судорожно хватала сухой воздух.

Пассажиры, собравшись вокруг, в страхе глядели на свой поверженный транспорт. Виз опустился Банкану на плечо. Он, к великому облегчению юноши, вел себя спокойно.

— Что это с ним? — с тревогой спросил Банкан.

— Похоже, эмоциональный шок.

— Шок? — Ниина нахмурилась. — Че еще за шок?

— Вспомните, в каком состоянии пребывал наш рогатый друг, когда мы собирались штурмовать владения барона, — осенило вдруг Граджелута. — Только неожиданное падение с большой высоты привело его в чувство. Он перенес сильный стресс, а теперь наступила реакция.

— Какая еще реакция? — Сквилл состроил гримасу. — Купчик, хорош говорить загадками.

— Я имею в виду, что все его поступки объясняются пережитым нервным напряжением.

Ленивец бесстрастно рассматривал бесчувственную серую глыбу.

— Он верно говорит, — подтвердил Виз.

— Но ведь Снугенхатт столько дней держался молодцом, — напомнил Банкан. — Разве после стресса такое бывает?

Граджелут пожал плечами.

— А разве бывает, чтобы живое существо употребляло столько алкоголя?

Сквилл подыскал местечко с мягким песком в тени отшлифованного ветрами валуна.

— Чуваки, кажись, пора отдохнуть.

— Отдохнем. — Банкан взялся за дуару. — А заодно полечим нашего приятеля.

— Че, прямо щас? Прямо тута? — Выдр указал на высокие останцы, на незнакомые колючие растения, на крошечную, но

очень деятельную рептилию, выбежавшую из своей норки. — А можа, просто дадим ему проспаться?

— На это уйдет целый день, а то и больше, — возразил Виз. — Такое уже бывало.

Граджелут разглядывал небо. Ни облачка, яркая синева, и жара хоть и не убийственная, но все же решительно неласковая.

— В таком месте лучше не задерживаться. Лично я предпочел бы не ждать, если это возможно.

— Давайте, ребята! — Банкан уже пощипывал струны. — Не надо особенного волшебства, просто лечим затянувшееся похмелье. На этот раз не будем увеличивать птиц и затаскивать в реку сердитых китов.

Ниина подошла к брату.

— Слышь, гнилодых, че ты боишься? Я, например, не собираюсь тута рассиживаться, лакать воду и ждать, пока спящая красавица поднимет свою толстую задницу.

Банкан заметил, что Ниина поправила, как могла, макияж, но все же выглядела не такой цветущей, как в начале путешествия. Цветные полосы, украшающие мордочку, были уже не такими яркими и четкими. Зачем ей нужна косметика в нехоженой пустыне — на этот вопрос, пожалуй, смогла бы ответить только другая самка.

— Предоставим решать тому, кто знаком со Снугом дольше всех.

Банкан повернулся к птаху.

— Если можно, помогите ему, — ответил Виз. — Валяясь под солнцем, он обезвоживается.

— А почему он брыкается и стонет?

— Бредит, — последовал лаконичный ответ. — Тебе ведь неинтересно, какие глюки бывают у пьяных носорогов?

Банкан кивнул, нашел камень поудобнее и сел, предварительно убедившись, что он не служит домом кому-нибудь мелкому, зубастому и склонному кусать незваных гостей. Юноша положил дуару на колени. Разнообразия ради можно и поимпровизировать. Благо непосредственного риска для жизни сейчас не ожидается. Они всего лишь собираются помочь другу в беде.

Нам в пустыне засыхать недосуг.
Ну-ка, ухом поведи, верный Снуг.
Час — не для спячки,
Встань на карачки.
Дикие скачки
В белой горячке
Живо изгонят проклятый недуг.

Ниина легко следовала за мелодией, ее брат неохотно вторил. Хорошо, что эта парочка снова вместе — Банкан вспомнил не слишком удачные чаропевческие эксперименты с одним вокалистом.

Юноша вздохнул с облегчением, когда знакомое серебристое облачко окутало стенающего носорога. Оно сгущалось, крепло с каждой нотой, с каждым словом. Интересно, какую форму примет оно в конце концов? Будет ли его воздействие причудливым и зрелищным или всего лишь прямолинейным и сугубо практичным?

Облачко сгустилось в нечто бесформенное, в желтых и зеленых пятнах, и это создание криво ощерилось. Слюнявая, гнилозубая пасть исторгла жуткий хохот. Вдобавок призрак был не одинок. Повсюду вокруг путников возникали полуматериальные-полупрозрачные фантомы. С кривых острых когтей капал ядовитый гной.

— Прекратите! — взвыл Граджелут. — Прогоните их!

— Прогнать? — Опешивший Банкан не знал, что опаснее — играть дальше или прекратить. Судя по растерянным мордам выдр, они тоже не находили ответа. — Да как мы можем их прогнать? Сами же вызвали!

И тут Банкана ужалили в щеку. Сильно.

— Извини, — виновато произнес Виз, — надо было привлечь твое внимание. Вы не вызывали тварей. *Это сделал он.* — Крыло ткнуло в мечущегося стенающего Снугенхатта. — Это его видения. Я точно знаю, он уже описывал этот кошмар. Ваше пение просто сделало чудищ видимыми, придало им материальность. — Голос клещееда звучал уверенно. — Я, конечно, в таких делах не спец, но, боюсь, если вы остановитесь, эти твари не исчезнут.

К ним, шаркая, приближалось нечто пахнущее гнилым мясом и жженым хлебом. Хищно протягивались конечности, похожие на нити грибницы, болтались на кровавых нервах глазные яблоки. Чудище было лишь наполовину вещественным, и Банкан с трудом, но заставил себя не обратиться в бегство.

— Если не перестанем, — пробормотал он, все еще играя, — то, наверное, будет еще хуже.

— Кореш, выбора нет, — сказал Сквилл. — Никуда я не поеду с этими пьяными глюками на буксире. Прикинь, ты хиляешь к дамочке на свиданье, а у тебя на плече сидит такой вот кошмарик.

Призрак, решивший сосредоточить свое внимание на Банкане, завис поблизости. Для полноценного физического контакта ему не хватало материальности. Юноша задрожал. Это было уже слишком.

А вдруг Виз ошибается? Возможно, если чаропевцы утихнут, твари попросту растают в воздухе? Плохо то, что до сих пор птах обычно оказывался прав.

С другой стороны, если чаропесня реализует чужие кошмары, она же, наверное, способна дать им пинка под зад. Он сменил ритм и обратил на это внимание выдр.

Брат с сестрой круто повернули на новый стихотворный

курс. И в самом деле, кое-какие отвратительные видения начали растворяться.

— Так нечестно! — пробормотал некто с шестью руками и эпилептическим хоботом.

— Только мы приготовились высосать чьи-нибудь мозги! — простонал второй фантом.

Он неуловимым движением выбросил в сторону Сквилла блестящее полупрозрачное щупальце. Тот рубанул мечом, но клинок проткнул воздух.

Чем чаще жаловались растерянные горячечные видения, тем реже стонал и брыкался Снугенхатт. Подобно большинству алкоголиков, он не мог справиться со своей проблемой, не увидев ее. Только на сей раз вместо него проблему увидели (в буквальном смысле) выдры и Банкан.

В поле зрения юноши вплыли гнилые клыки и смердящие глазные яблоки. Но это были остатки кошмара. Как только они испарились, Снугенхатт погрузился в мирный сон, его грудь вздымалась медленно и мерно, точно кузнечные мехи.

— Кажется, подействовало!

Виз не умел потеть, но в этот момент, похоже, не отказался бы от такой способности.

Банкан обмяк, встряхнул онемевшими, больными пальцами.

— Он так и не проснулся.

— Кризис миновал, — сказала птица. — Часок он теперь проспит. Может, и два, но не больше. — Он возбужденно чирикнул. — Гарантирую. Отличная работа.

— Спасибо.

Измотанный Банкан и сам был не прочь вздремнуть, но решил потерпеть. Слишком ярко отпечатались в памяти Снугенхаттовы кошмары. К тому же некоторые из них могли болтаться поблизости — им некуда было уйти. И Банкану совсем не хотелось пускать их в собственные сны.

Глава 17

Вечером носорог проснулся. Был он совершенно свеж и готов идти дальше.

К его изумлению, никто из спутников не проявил энтузиазма, и Снугенхатту пришлось дожидаться рассвета в укрытии из валунов и недоумевать, отчего все так измотаны, в то время как он чувствует себя прекрасно отдохнувшим и даже помолодевшим.

Кошмары носорога уступили место вполне нормальным снам, и все путники провели ночь спокойно. Быстро позавтра-

кав, седоки взобрались на озадаченного, но вполне пришедшего в себя четвероногого друга и поехали дальше.

Ландшафт приобретал формы все более фантастические, являл взорам известняковые и песчаниковые башни и шпили, выточенные гневными ветрами и беспокойной водой. На сотни футов в небо устремлялись хрупкие пальцы из слоистых пород, каменные осыпи, словно застывшие реки, сбегали по склонам задумчивых гор. Цвета минеральных натеков варьировались от белоснежного до темно-бордового, напоминая Банкану о тонких винах, которые он видел в линчбенийских лавках. Прослойки базальта и обсидиана в более светлых породах напоминали засохшие вены в телах павших гигантов.

Они миновали стену из хризолита — ярко-зеленого драгоценного камня вулканического происхождения, казалось, живущего таинственной жизнью, — и вынуждены были закрывать глаза, так она сверкала. Лишь выдр упорно смотрел, пока не побежали слезы по щекам, и не только от блеска.

— Ай да местечко! Доберись сюда какой-нибудь решительный чувак, уж он-то наковырял бы камушков. Хватило бы на всю жизнь и ему, и его потомкам. Че, Граджелут, разве я не прав?

Купец кивнул.

— Безусловно, это редкостное природное хранилище драгоценного минерала.

— Редкостное? Шеф, да другого такого на всем белом свете не сыщешь!

— Сквилл, не думай, что у старателя легкая жизнь. — Банкан поерзал на неудобном железном седле. — А у тебя на тяжелый физический труд аллергия, или забыл?

Выдр пожевал губами.

— Ага, кореш. Твоя правда, чуток забыл.

Они заночевали у ручья. Неширокий поток журчал на порогах и частых поворотах, сверкал, дышал прохладой. Встречались и довольно глубокие заводи. В одной из них выдрам удалось шумно поплавать.

В Поукелпо, расспрашивая о Тамаз, путники слышали только описание безжизненной и жестокой пустыни, бескрайних просторов камня и щебня. В действительности же Тамаз оказалась богата растительностью и влагой. Уже в который раз они встретили воду, и флягам еще не приходилось пустеть.

Банкан даже отважился предположить, что они, похоже, наконец отыскали край, где их не подстерегают никакие опасности, где можно сносно провести время. Но хотя Тамаз вопреки всем ожиданиям оказалась довольно снисходительной к странникам, ее никак нельзя было назвать гостеприимной. От самого Поукелпо они не встретили ни души, не попадались и следы других путешественников. Ни отпечатков лап верховых животных, ни оставленного караванами мусора, ни остывших кострищ.

Русло речушки превратилось в красивый каньон с отвесными стенами, петляющий в сторону севера. По части топографии Граджелут был настоящим докой, да и на крылатого разведчика вполне можно было положиться. Всякий раз, когда купец предлагал сменить направление, Виз улетал вперед, а по возвращении докладывал, что ленивец прав. Банкан только дивился таланту проводника.

— Благодарить за это, молодой человек, следует мои многолетние странствия, они кому угодно отточат чувство направления.

— Должно быть, вы правы, — сказал Банкан, рассматривая складки песчаника. — Сам-то я давно бы заблудился среди этих холмов и ущелий. Как думаете, долго еще нам ехать по пустыне?

— Этого, мой юный друг, я вам сказать не могу.

Ленивец рассматривал кромку высокого обрыва.

— Как бы то ни было, пока дорога дается нам гораздо легче, чем я ожидал.

— Да. — Всегда мрачноватый купец едва заметно улыбнулся. — Должно быть, кто-то ошибся.

— Никто не ошибся, шеф. — Сквилл уютно лежал в седле, невероятно гибкое тело свилось в такой тугой клубок, что голова покоилась на бедрах. — Просто удача наконец решила с нами скорешиться, в натуре. И давно пора, язви ее.

А каньон все углублялся, все расширялся. И вот уже кажется, что облака непременно должны задевать его высоченные кромки. На дне тут и там разрозненные останцы тыкали в небеса своими заостренными вершинами.

Они казались чрезвычайно хрупкими, готовыми рассыпаться от первого порыва ветра. И все же они стояли, эти молчаливые и неподкупные часовые, единственные свидетели появления в ущелье кажущихся крошечными разумных существ.

Снугенхатт, лязгая доспехами, плескался в мелкой речушке. У противоположного берега он опустился на колени — утолить жажду. Выдры, радуясь возможности поплавать, спешились и разделись одним плавным стремительным движением. Банкан расположился на уютном плоском валуне, а Виз решил поохотиться на водяных жуков. Граджелут с великим достоинством сполз с седла и приступил к омовению физиономии и конечностей.

Банкан лежал на спине и разглядывал небо. И размышлял о том, что путешествие, по большому счету, получилось совсем недурственное. А нынешний этап и вовсе чудесен. Никаких опасностей, кругом — тишь да гладь. Он лениво посмотрел налево-направо и озадаченно моргнул. К ним что-то приближалось. Оно было громадным, даже больше Снугенхатта. Гораздо больше! Если точнее, его высота равнялась трети стены ущелья.

Юноша вскочил на ноги как ошпаренный. Великан имел

форму, больше всего напоминающую перевернутый конус. Верхушка была шире основания, которое неслось над самой землей. Пока он приближался, слабый шепот, выдавший его появление, перерос в глухой рев. Выдры пулей вылетели из заводи и напялили одежду. Виз вспорхнул на свою жердочку, Граджелут тоже переместился поближе к спасительному туловищу носорога. Взор испуганного купца заметался.

— Укрытие! Необходимо найти укрытие!

— Не волнуйся, — сказал Виз. — В стране Чакмадура я видел смерчи и покрупнее. Надо всем держаться поближе к Снугенхатту. Не думаю, что у вихря достанет силенок сдвинуть его с места. — Он огляделся. — Не вижу пещер. Делать нечего, придется переждать здесь.

— Вам-то легко говорить. — Граджелут вцепился в носорожьи доспехи, с ужасом следя за приближением закрученного вихря. — Вы без труда можете уйти от этого феномена — достаточно отлететь подальше. Мы же обречены на увечья, а может быть, на медленную, мучительную смерть.

Снугенхатт повернул голову к смерчу и приник к земле. Вихрь подхватывал по пути щебень и невезучих насекомых, рассыпал сучки и листья, подобранные где-то в другом месте, и ревел — громко, но не оглушительно.

Банкан прижался к могучему боку носорога, зажмурился. Мусор летел прямо в лицо. Ничего, сейчас эта неприятность пройдет мимо, и они поедут дальше. Он ничуть в этом не сомневался, пока не увидел второй смерч, который двигался с противоположного конца ущелья, по их следам. И был он гораздо больше и сильнее первого, его ревущий хобот достигал трех четвертей высоты каньона. И был он не сереньким в крапинку, а гневно-черным, и нес не сучки и листочки — целые деревья кружились и трещали. Приближаясь к путникам, он поднимал огромные валуны, как вату, и злобно отшвыривал в сторону. Увидел его и Граджелут.

— Крайне редко удается встретить одновременно два подобных атмосферных явления. Я всерьез опасаюсь за нашу безопасность. — Он протер глаза — летящий песок досаждал уже не на шутку. — Возможно, они минуют нас, врежутся друг в друга и прекратят свое существование.

— Е-мое! — Сквилл замахал лапой. — Там еще один!

— И еще! — прокричала Ниина.

Парочка новых воздушных штопоров прибыла с той же стороны, что и первый. Они то и дело сталкивались друг с другом и с кручами, но при этом ухитрялись сохранять свою индивидуальность. Повернувшись, странники уже без удивления обнаружили еще несколько смерчей разной формы, размеров и цветов. Вихри заполнили ту часть ущелья во всю ширину, они толпились позади черного гиганта, который за миг до этого напугал прищельцев. Бежать было некуда, укрыться негде. Смерчи отрезали оба пути. Банкан указал на кучу громадных валунов у ближайшей стены. Он бы предпочел глубокую пещеру, но такую роскошь ситуация не предлагала.

— Туда!

Снугенхатт привел свою тушу в движение и на бегу вслух пожалел, что не прихватил в дорогу бочонок крепкого пойла. Едва очутившись за каменной баррикадой, путешественники укрылись за бронированным корпусом носорога и как можно теснее прижались друг к другу. Что теперь будет? Как поступят могучие вихри? Спокойно пройдут мимо или свернут и разорвут путников на куски?

Это стало ясно, когда два передовых смерча вдруг остановились и повернули к груде валунов. Ураганные сгустки поднимали пыль и песок, мутили воду в речушке.

— Я их первым увидел! — с придыханием, врастяжку заявил меньший смерч.

Банкана это не удивило — юноша часто слышал, как стонет и воет ветер в кронах колокольных деревьев. Так отчего бы ему еще и не разговаривать?

— Протестую! — Высокий и куда более грозный вихрь согнулся пополам, словно хотел рассмотреть путешественников. — Я первым обнаружил их присутствие.

— Да какая разница, кто первый, кто последний? — поинтересовался третий, витавший чуть поодаль.

На Снугенхатте под напором ветра уже позвякивали доспехи. Ураган трепал одежду путников, швырял в лица пыль, слепил глаза. Носорог мотал головой, но не двигался с места. Каньон был от края и до края забит толкающимися, колышущимися вихрями, и каждый неистово месил вокруг себя воздух, каждый боролся с соседями за место для своей турбулентной ноги. Все это сопровождалось ужасающим грохотом.

— Для меня есть разница, — заметил маленький смерч. — Я первым их увидел, значит, они мои.

На него наскочил второй воздушный жгут, но меньший не дрогнул и дал сдачи. Началась шумная потасовка, вихри-забияки вырывали друг у друга камни, щепки, целые деревья; мелькали даже живые существа с вытаращенными глазами.

— Я и не знал, что смерчи дерутся друг с другом, — пробормотал Банкан.

— Дерутся? Ха! — Сквилл прижимался к боку Снугенхатта и обеими лапами удерживал на голове кепи. — Я и не знал, че эти чертовы фиговины болтать умеют.

— Не все. Только образованные.

Банкан со Сквиллом повернулись к купцу. Тот сидел, вдавливая спину в вогнутую поверхность камня.

— Откуда вы знаете? — спросил Банкан.

— С одним таким я уже сталкивался. — Граджелут пытался лапами защитить глаза. — И эта встреча оказалась разорительной. Он вытащил все мое имущество из кибитки и закутался в него, точь-в-точь как жеманная девица кутается в тончайшие полотна. Это был маленький смерч, от силы в десять раз выше меня, и совершенно безнравственный. Создания эти очень любопытны и, к великому моему прискорбию, донельзя алчны. О том, что они способны общаться, я впервые узнал, когда тот разбойник похвалил меня за ассортимент товаров. И хотя это саморазоблачение позволило мне выразить протест, смерч не сжалился. Мне было велено радоваться тому, что вихрь недостаточно силен, чтобы вместе с моими пожитками прихватить и меня. — Ленивец указал на огромные воющие хоботы. — Думаю, нет необходимости убеждать вас в том, что у этих хватит сил на любые проделки.

— Выходит, они забавы ради подбирают все, что плохо лежит? — спросил Банкан.

— Не забавы ради, — вмешался в разговор средних размеров вихрь, ухитрившийся проскочить к путникам мимо драчунов. — Нас обязывает к этому происхождение. Мы делаем то, для чего рождены.

«Как можно беседовать с атмосферным явлением, у которого нет ни рта, ни глаз, ни лица — никаких черт, кроме тех, которыми обладают вертящиеся в стволе смерча вещи?» Пока Банкан раздумывал над этим, Ниина спросила:

— Ты намекаешь, че создан бродяжничать и тащить все подряд?

— Именно так. Мы путешествуем в поисках ценностей и несколько раз в год встречаемся в условном месте, например, здесь, чтобы обменяться новостями и похвалиться друг перед другом интересными находками.

— Эй, шеф, ты че?! — сердито запротестовал Сквилл. — Никакая я тебе не находка.

— Ошибаешься. — Вихрь был неумолим. — Я нашел тебя, значит, ты мой.

— А как же эта парочка? — Банкан указал на сцепившиеся мини-циклоны.

— Тоже хотят взять вас в коллекцию, — последовало объяснение. — Каждый настаивает на своем приоритете.

— А мы возражаем! — сказал съежившийся Граджелут. — Мы разумные существа, и у нас свои приоритеты.

— Не волнуйтесь, мы берем вас не насовсем, — простонал ветер. — Пройдет время, и прелесть новизны утратит силу. Даже самые интересные находки постепенно теряют свою привлекательность. Например, вот этой я подыскиваю замену. — От вихревого ствола горизонтально протянулось ответвление. Вращающаяся ложноножка неуверенно держала потрескавшуюся, но все

еще пригодную керамическую ванну. У Банкана отлегло от сердца, когда он понял, что в ней никого нет.

— Месяца три назад я нашел ее на другом краю света. Не правда ли, она очаровательна?

Путники услышали явную гордость в голосе вихря. Втянулось воздушное щупальце, вместе с ним исчезла и ванна.

— Видите, белая глазурь и внутри, и снаружи?

— Да, красиво.

Банкан удостоверился, что крепко держит драгоценную дуару. Пожалуй, рановато впадать в панику. Пока им угрожают только на словах.

— А разве разумным существам не дано право самим решать, хотят они в коллекцию или нет?

Виз все еще пребывал в своем котелке. Хватило бы и случайного порыва ветра, чтобы смахнуть его навстречу погибели.

— Это вопрос из области этики, — без колебаний ответил вихрь. — Я же, будучи, так сказать, силой природы, не обязан следовать нормам морали. Вдобавок да будет вам известно: жизнь у нас не из простых, не делится только на области высокого и низкого давления. Знаете, чего стоит сохранять облик и осанку в неподвижном воздухе? Это настоящая борьба за существование. Пожили бы вы туго закрученными, ни на секунду не расслабляясь, тогда поняли бы. Единственная отдушина — коллекционирование. Не так уж и плохо быть находкой. Мы позаботимся, чтобы те из вас, кто выживет, регулярно получали пищу. И к тому же вы всласть попутешествуете, причем бесплатно.

— Извиняюсь, но я отклоняю эту высокую честь, — молвил Сквилл. — Никогда меня не тянуло носиться по белу свету в пузе у смерча.

— А почему ты не пользуешься возможностью засосать нас, пока те двое дерутся?

Банкан одной рукой держался за тяжелые доспехи Снугенхатта, другой — за дуару. Вихрь отпрянул назад, ненароком осыпав путников песком.

— Ваш покорный слуга не коллекционирует живых существ. Слишком хлопотно поддерживать в них жизнь. Предпочитаю неодушевленные предметы. Но не сомневайтесь, ваша судьба решена. Как только соперники разберутся между собой, вы пополните чью-нибудь коллекцию, хотите того или нет.

— Мы не можем этого допустить, — не желал мириться с неизбежностью Граджелут. — У нас очень важная миссия, мы ищем Великого Правдивца.

Смерч скрутился чуть туже и повысил голос:

— Я слышал это имя. Но оно не принадлежит реальному созданию, Великий Правдивец — всего лишь легенда, байка. Обыкновенный слух — из тех, что разносят для забавы свежие ветерки.

— Мы сами должны в этом убедиться. Поверьте, мы нисколько не умаляем честь войти в коллекцию достойного атмосферного явления. Просто у нас нет свободного времени.

— В этом придется убеждать моих приятелей. Желаю удачи.

И разговорчивое воздушное веретено удалилось вместе со своей драгоценной ванной.

Горделиво вращаясь, его место занял другой смерч.

— Хотите, покажу мой *лучший* экспонат?

— Сомневаюсь, — медленно проговорил в ответ Банкан.

— Да ладно вам! — Вихрь приблизился вплотную. — Смотрите.

К путникам ринулся закрученный штопором тор. Банкан вздрогнул, но не обратился в бегство.

В воздушном отростке витала старая женщина, вся в черном, из-под островерхой шляпы выбивались длинные жесткие лохмы, а на узком морщинистом лице господствовал огромный кривой нос с неописуемо мерзкой волосатой бородавкой. Вокруг оседланного старушенцией метловища вздувалась юбка.

— Погодь-ка, дай самой догадаться, — сказала Ниина. — Ты — из тех, которые собирают живых существ.

— В яблочко! — прогудел миниатюрный циклон.

— Эй вы! — прокричала путешественникам старуха. — Можете меня вытащить отсюда? У меня куча дел, и я жутко опаздываю.

— Сударыня, прошу прощения, — вежливо ответил Граджелут. — Но нам хватает собственных забот.

— Ну да, все вы так говорите. Оно бы и ничего, да вот больно долго я тут задержалась. Полет на месте — дело скучное, если вы меня понимаете.

— Как вас угораздило влипнуть? — Ниина с любопытством рассматривала старуху.

— Ошибаешься, водяной крысенок, я не попалась, меня включили в коллекцию. Последнее, что помню, — я, держа курс на юг, миновала воздушный контроль аэродрома Топика. Летела по своим делам, никого не трогала, и тут меня перехватывает этот слабоумный воздушный пират. — Она с отвращением затрясла головой. — Вот что случается, когда вместо штормовых предупреждений подслушиваешь болтовню пилотов в эфире.

Банкан не знал, что и сказать на это.

— Вот оно что!.. И как вы теперь поживаете?

— Как поживаю? Ну, на кормежку грех жаловаться, да и посмотреть есть на что. Должна признать, могло быть и хуже. Надеюсь скоро выбраться. И тогда задам этой маленькой паршивке!

Тор втянулся в ствол вихря.

— Че еще за паршивка? — поинтересовалась Ниина.

Но старуха уже исчезла в вышине под жуткий гогот.

— Путешествуя в разных мирах, никогда не знаешь, где что найдешь, — сообщил вихрь.

— А что, смерчи могут проникать в иные миры? — спросил Банкан.

— Легко. Надо лишь довериться молекулярной диффузии, а после собрать себя воедино. Мировой эфир — чрезвычайно проницаемая среда, хотя вы, плотнотелые, об этом и не подозреваете.

— Чтоб мне окочуриться, ежели я тебе завидую. — Сквилл почесал лоб.

На боку смерча вздулась громадная опухоль, и в ней показался маленький слон с невероятно большими ушами.

— Сказать, где я его подобрал — *не поверите*.

Прежде чем они успели рассмотреть толстокожего аэронавта, тот исчез в темных глубинах своего хозяина.

Смерч, приблизившийся к ним первым, положил конец демонстрации экспонатов.

— Похоже, у наших скандалистов сравнялись силы Кориолиса. — И правда, забияки, похожие теперь друг на друга как две капли воды, удалялись, оставляя четкие следы на песке.

Толкаясь, воя и ревя, их место заняли еще два смерча: большой, грозный, пепельно-серый и относительно невысокий, но столь же драчливый.

Они приблизились к путешественникам вплотную, и меньший наклонил верхушку.

— Нам удалось договориться.

— Это верно, — проревел другой, перемалывая в себе огромные камни. — Ваша судьба решена.

— Но послушайте! — взмолился Граджелут, в отчаянии поднимаясь во весь рост. — Мы предпочитаем сами решать свою судьбу.

— Молчать!

Порыв ветра едва не свалил ленивца, Банкан со Сквиллом подхватили его под мохнатые лапы.

— Экспонатам полагается быть видимыми, но неслышимыми. Кроме того, вам не о чем беспокоиться, мы не собираемся причинять вам вред. Физический ущерб плохо сказывается на ценности коллекции.

Почему-то Банкан, услышав эти слова, не исполнился благодарности.

— Решено вас распределить. Мне достается большой бронированный четвероног и его маленький летающий спутник. Остальные отходят ему.

Хобот качнулся в сторону меньшего вихря.

— Вы не имеете права нас разлучать!

Банкан обвил рукой шею Снугенхатта.

— Вам никто не давал слова, — прорычал старший вихрь.

Позади него одобрительно зашепталось скопище мини-цик-

лонов. Смерчи заполнили каньон, затмили крутые каменные стены и небо. Среди этих воющих и ревущих бестий куча булыжников, приютившая Банкана и его друзей, казалась островком покоя. Пути к спасению не наблюдалось. Если они и прорвутся, что с того? Ветер не перегонишь.

— Если вы сами разделитесь на две группы, — прошипел младший вихрь, — то всем будет только легче.

Невидимое воздушное щупальце настойчиво толкало Банкана в правый бок. Он держался изо всех сил, зарывая в песок каблуки.

— Вам же сказали, у нас нет времени на глупые забавы.

Он прижал к себе дуару и заиграл.

Выдры не заставили себя ждать. Пока шел разговор, они успели подготовиться, и теперь, вцепившись в доспехи Снугенхатта, запели во все горло.

— Эй, да вы еще и музицируете! — прорычал самый старший из воздушных клептоманов. — Так нечестно!

— Поздно! Уговор!

Второй, ликуя, чертил на песке небольшие круги.

Завязался бурный спор. Банкан в нем не участвовал, он играл и радовался, что никто не мешает. Выдры пугливо косились на смерчи и пели с отчаянием смертников:

Тревога, чуваки! Воздушная тревога!
Открыты всем ветрам, одни мы здесь — их много.
Че ж делать? Слезки лить, покуда нас не вздули,
Не утащили вверх, с небес не сковырнули?
Ну нет, мы не из тех, которых шили лыком.
Мы на костях врагов танцуем «Гоп со смыком».
И пусть в затылок нам сырые дышат недра,
Пощады не проси, плюем мы против ветра.

Волшебство действовало, но почему-то Банкан не испытывал особого душевного подъема. Вместо знакомого серебристо-серого тумана между обветренными путниками и спорящими смерчами начало материализоваться нечто черное, зловещее.

Тихо мяукающее веретено, родившееся таким крошечным, что едва ли могло поднять гальку, под выдров рэп росло на глазах, и вот оно уже высотой с Банкана, затем — с фонарный столб... В считанные секунды оно вымахало вполне достаточно, чтобы привлечь к себе внимание смерчей. Младший из них вдруг вспомнил о путниках.

— Это ваша работа? Нет, вы только поглядите на это, только поглядите! — восклицал он, кружа в растерянности. — А ну, прекратите! Не имеете права! Вас уже распределили!

Столь откровенное проявление тревоги со стороны того, кто только что угрожал им, побудило Банкана играть быстрее, а выдр — петь куда азартнее. Рассерженный вихрь двинулся к ним,

не скрывая своих намерений. Банкан приготовился к сокрушительным ударам воздушной волны.

Но не дождался.

Спорщики слишком долго канителились. Вызванное чаропением черное веретено стало огромным. В нем непрестанно сверкали молнии, и оно оглушительно выло.

Смерч метнулся вперед, а веретено понеслось по дуге наперехват. Под страшным ударом вихрь-коллекционер испустил звук, похожий на кряканье, и отлетел назад. На миг он потерял форму, из него посыпались деревья, камни, всевозможный мусор.

— Никогда не видал, чтобы так обращались со смерчами, — хладнокровно произнес Снугенхатт.

Вызванный чаропевцами черный вращающийся столб неуклонно рос и крепнул, и Банкан призадумался, кто виноват в этом больше — он или выдры. Похоже, на сей раз его друзья слегка переборщили со стихами. Но выяснять некогда, надо играть. К тому же призрак слишком шумел, и путники просто не слышали друг друга.

Зловещее веретено, казалось, целиком состояло из плотного черного дыма. По его краям все еще полыхали молнии, а от грома и воя у Банкана на затылке дыбились волосы. Граджелут втиснулся в свою каменную нишу, а Виз изо всех сил цеплялся за железный насест. Тем временем выдры, понукаемые теперь не только необходимостью защищаться, но и праведным гневом, пели и не заботились о последствиях.

— *Торнадо*! — завопил растерянный смерч, с трудом оправляясь от полученного удара. А в следующий миг дико заметался по каньону, потому что вновь прибывший явно вознамерился его добить.

Панический крик был подхвачен остальными зефирными созданиями. Вихляя и толкаясь, они обратились в бегство. Смятение нарастало, и вскоре объятые ужасом вихри, если можно так выразиться, как ветром сдуло.

Колдовской торнадо к этому времени превзошел ростом всех, перевернутый черный конус шарил по небу, как раструб пылесоса. Его сила была осязаемой, его рев вселил бы комплекс неполноценности в Сприлашунский водопад. Сквилл с Нииной не то что друг друга — себя едва слышали.

У них на глазах торнадо настиг отступающий вихрь и разорвал его в клочья — только порскнула во все стороны мусорная коллекция. Там, где секунду назад метался дюжий смерч, осталась горстка перепуганных ветерков. Поистине демонстрация метеорологической ярости дала великолепный результат.

А черное веретено, уже высоко вознесшееся над стенами каньона, гневно пахало землю в поисках новых жертв. Торнадо

вращался то по часовой стрелке, то против, и обращенные в бегство даже не помышляли о сплочении и контратаке.

Суперсмерч отдалялся, его шум понизился до почти переносимого уровня. Снугенхатт оглянулся на Виза.

— Что такое торнадо?

Клещеед, цепляясь за свою жердочку, пожал плечами.

— Снуг, прикончи меня, если знаю. Но он на нашей стороне, и это главное.

«Пока — на нашей», — подумал Банкан.

Ветреные создания исчезли, не считая одного, вызванного путниками.

Банкан опустил дуару. Выдры умолкли. Сквилл решил опорожнить походную флягу.

— Никогда не видел такого удивительного явления, даже не слышал, что они бывают. — Купец с благоговением глядел на жуткий конус. — Какое грозное оружие!

— Ты только прикинь, купеза, — добавила обрадованная Ниина, — в че он мог превратить халупу ублюдка Красвина. Разобрать по камешку и все до единого загнать в задницу грязному педриле. Скрутить подлеца, как мокрую тряпку, наизнанку вывернуть и...

— Да, Ниина, мы уже прикинули.

Банкан тщательно осмотрел дуару — не повредил ли ее шальной булыжник.

Торнадо забрался в речушку на дне каньона и вмиг выпил всю воду до капли. Он не выказывал желания преследовать убегающих.

Граджелут робко подергал Банкана за рукав.

— Все это весьма эффектно и полезно, но как вы думаете, не пора ли позаботиться о его исчезновении?

— Ага! Прогони его, Банкан. — Виз тревожно покосился на бесцельно мечущийся вихрь. — Он меня нервирует.

— Хорошо. Сквилл, Ниина!

Сквилл кивком указал на сестру — она утоляла жажду.

— Да запросто, кореш. Только дай чуток покумекать.

Ниина заткнула флягу пробкой, затем брат и сестра сели рядком, обняли друг друга за плечи и пошептались, соприкасаясь усами.

Спору нет, богатырь, ты исполнил задачу,
Словно адская буря, напал на врага,
Отметелил, рассеял, развеял, а значит,
На заслуженный отдых пора, ураган.
К торжественному маршу!
Домой, герой, ать-два.
А мы вослед помашем
И благодарно скажем
Хорошие слова.
Ать-два! Ать-два!

Черный вихрь яростным рывком покинул речное ложе и двинулся к путникам.

У Граджелута глаза стали что блюдца. Он отступал, пока снова не уперся спиной в валун.

— Что вы наделали? Заставьте его уйти!

Выдры запели быстрее, пальцы Банкана стремительнее запорхали по струнам, но свирепая буря не прекратила свое целеустремленное турбулентное наступление, и вот она почти нависла над ними. Перед лицом такой опасности Банкану нелегко было устоять на ногах. Выдры уже не обнимались, а крепко вцепились друг в дружку. Даже кряжистый могучий носорог отступил на несколько футов. Банкан понял, что этот вихрь не заботится о сохранности экспонатов своей коллекции. Он бездумно и безжалостно растерзает их в клочья, как тот злосчастный смерч.

Позади Банкана завопил перепуганный Граджелут:

— Чаропевцы, прогоните его! Прогоните, пока не поздно!

Едва ли эти жалобные мольбы являлись конструктивным предложением, но выдр они подстегнули.

Ты завейся, закрутись,
В паутину заплетись.
Смотайся в клубок,
Скукожься в комок.
Вывернись, коловорот,
Шиворот-навыворот.
Опрокинься на лопатки,
Дай нам время смазать пятки!

До вихря уже можно было дотянуться рукой, и тут его поверхность пошла морщинами, а затем и трещинами. Торнадо остановился, и от него явственно повеяло недоумением. Через секунду-другую он заскрипел, словно обладал костяком, и его сотрясла череда неистовых конвульсий. Буйные ветры все еще овевали путников, но уже бесцельно и неорганизованно.

На глазах у странников торнадо съежился. Он дергался и извивался, он сворачивался в петли и распрямлялся, он бестолково выбрасывал в разные стороны черные ветряные щупальца. А потом с тяжким стоном эта громадина завалилась набок и под оглушительный грохот растянулась на дне каньона, подняв тучу пыли и песка.

Банкан повернулся к урагану, лишь когда облако начало оседать. Поверженный торнадо беспомощно бился, но тщетны были попытки развязать тысячи узлов, в которые скрутилось его тело по вине чаропевцев.

Раньше всех пришел в себя Граджелут:

— Это изумительное зрелище, но лучше бы нам побыстрее уехать отсюда.

Ниина перевела дух.

— Шеф, я обеими лапами «за». Не, вы видали, а? Еще немного, и нам бы опаньки!

Опасливо поглядывая на запутанный торнадо, двуногие взобрались на носорога, и тот, когда последний наездник оказался в седле, пустился рысью, торопясь набрать спасительную дистанцию между собой и грозным, но временно недееспособным атмосферным явлением.

Когда они наконец выбрались из крутобокой бездны, Граджелут поглядел назад. Ни единого признака обузданной бури.

— Вот так же я пытаюсь одолеть конкурентов, — хмуро сообщил он спутникам. — Конечно, гигантский смерч рано или поздно освободится...

— Я тоже так думаю. — Банкан рассматривал лежащие впереди столовые горы и равнины. — Надеюсь, к тому времени мы будем уже далеко.

Купец устроился в седле поудобнее.

— Но если он вздумает нас преследовать, вы его, конечно, снова свяжете, не правда ли?

Банкан почувствовал, как по спине легонько постукивает дуара.

— Слишком полагаться на это не советую. Пока нам исключительно везет с чаропением, но Джон-Том часто говорил, что копии не бывают лучше оригиналов. Думаю, таково природное свойство волшебства. Если торнадо погонится за нами, испробуем что-нибудь другое, и я не ручаюсь, что получится так же хорошо. Я бы предпочел ехать побыстрее.

— Мой юный друг, похоже, я верю в вас намного больше, чем вы — в себя.

— Слышь, шеф, — вмешался в разговор неделикатный выдр. — Зато у меня веры в себя до фига, вот так. Можешь меня нахваливать, я не против.

Граджелут отвесил выдру легкий поклон.

— Мое уважение относится в равной мере ко всем.

— Ну, тогда ладно. — Сквилл покусывал нижнюю губу. — Только гляди, шеф, чтоб и дальше так было.

Глава 18

Их возросшая вера в себя не сократила просторы Тамаз и не уменьшила жару. Поэтому днем путешественники вынуждены были останавливаться на долгие сиесты, а ночами старались наверстать упущенное.

— Слышь, начальник, — брюзжал Сквилл в своем железном седле. — Сколько еще нам чапать по этому клепаному пустырю?

Выглядел он не лучшим образом, даже яркие перья на кепи обвисли от жары.

Граджелут пристально смотрел на особенно высокий шпиль.

— Точно этого сказать нельзя. Протяженность пустыни никем не измерена, на этот счет добрые жители Поукелпо были правы. Однако мы продвигаемся довольно быстро и равномерно, и я не думаю, что переход займет еще десятки недель.

— Недель! — тявкнула Ниина, открыла пасть и часто задышала. — Не знаю, выдержу ли еще хоть *день* такой пытки.

— Предпочитаете повернуть и встретиться с нашими приятелями смерчами?

— Шеф, да не боись, они все разбежались.

Сквилл чуть распрямился.

— Я и сам чуток устал. — Снугенхатт подчеркнул жалобу вялым фырканьем. — Думаете, легко бежать на солнцепеке в доспехах?

Виз свесился с насеста, заглянул носорогу в глаз.

— Старина, хватит ныть. От жажды не умрешь — воды здесь хватает. Может, тебя беспокоит что-то еще?

— В точку, приятель. Меня беспокоит, что нельзя помыться.

— Я тоже уже сколько дней не плавала! Выдры воду любят, а не пески. — На морде у Ниины появилось мечтательное выражение. — Дома большая река, веселые кореша, рыбы вволю. А тут — одни неприятности. Да разве какой-то вшивый Великий Правдивец стоит таких мучений?

— Можа, и стоит, — хмуро добавил ее брат, — ежели существует.

— Будем надеяться, что существует, — прошептал Граджелут. — Кажется, я замечаю некоторый спад энтузиазма.

— Спад? Шеф, да он уж на ладан дышит.

Банкан поморщился — на пути встретился неглубокий сухой лог, и пока носорог его форсировал, наездников здорово трясло и качало.

— Не знаю, как вы, ребята, а я не могу повернуть назад, даже если бы и захотел.

— Эт еще почему, кореш? — спросил Сквилл.

— Потому, что это было бы признанием поражения.

Снова по спине хлопнула дуара. Выдр заморгал.

— Е-мое, да че ж в этом постыдного? Да я хоть щас признаю поражение, ежели мне за это дадут мешок свежих раков. — Он мелодраматично вскинул лапы и обратился к богам — всем, кому было до него дело. — Эй, вы! Глядите, я признаю свое поражение! Встречаю его с распростертыми объятьями. Ну, как насчет свежатинки?

Лишь через минуту он опустил лапы.

— Кажись, богам недосуг. Кажись, им завсегда недосуг.

— Мы не повернем, — твердо заявил Банкан.

— Вот так, да? А можа, проголосуем? — Выдр оглянулся. — Кто за то, чтоб вертаться взад, поднимите лапу. — И вскинул свою.

Не получив поддержки, он удивленно посмотрел на сестру.

— А ты-то че? Ведь ныла больше всех нас вместе взятых.

Ниина потупилась.

— Ну, просто я подумала над словами Бански. Насчет поражения. Как мы все объясним Маджу и Виджи? Да я и не уверена, что сдаваться прямо щас — такая уж хорошая идея.

— Е-мое, сеструха, чем же она не хороша? — Близнец не скрывал изумления. — Разве щас не самое подходящее время? — Не дождавшись ответа, он добавил: — Так ты, значица, за то, чтоб продолжать эту клепаную авантюру?

— Я этого не говорила. Я воздерживаюсь. Вот так.

— Че ты сказала? Воздерживаешься? Ты че, офигела? Нет у тебя права воздерживаться.

У нее встали торчком усы.

— Нет, есть.

Через секунду Банкан решил, что лишь выдры с их замечательным проворством и потрясающим чувством равновесия способны затеять серьезную потасовку на спине бегущего носорога и не свалиться.

Как всегда, возня близнецов завершилась без особого ущерба для обеих сторон. Спустя несколько минут брат и сестра как ни в чем не бывало расселись по своим седлам.

— Слышь, чувак, есть идейка поколдовать. Давай-ка прямо тут организуем прохладный пруд. Найдем среди скал подходящую ямку и попробуем. Как тебе моя мысля?

— Не очень.

— Е-мое, Банкан, че ж в этом плохого? Задерживаться не будем, только окунемся. Да разве трудно сделать пруд?

Банкан обернулся к другу:

— Сказал же, нет. Мы и так слишком часто испытывали судьбу. Чары надо беречь. Вдруг закончится питьевая вода? Я же тебе говорил, в таких делах, как музыка, копии всегда хуже оригиналов. Обойдешься без купания.

Сквилл решил обидеться.

— Черта с два! Это мое естественное право, вот так. Клепаная племенная конституция!

— Твоя конституция подождет, пока мы не пересечем Тамаз. — Банкан даже не пытался успокоить раздраженного друга. — Потерпи. Если Граджелут прав, мы скоро выберемся отсюда.

Но Сквилла такой ответ не удовлетворил.

— Ниче себе?! Не, чуваки, вы слыхали, а? Ежели Граджелут прав! Вот так, да?

Путешествие было бы утомительнее, не окажись пустыня такой живописной. В этом отношении Тамаз заслуживала высо-

кой похвалы. В ней хватало нерукотворных башен — одна другой солиднее и краше, у каждой свои очертания, своя расцветка. Прямо из песка вырастали гигантские шпили, за тысячелетия терпеливые ветер и вода украсили их бока причудливыми скульптурными ансамблями.

Граджелут, остро чувствуя назревающий конфликт, попытался отвлечь выдр.

— Вам бы следовало больше внимания уделять ландшафту. Видите вон тот утес? — Он показал на изъязвленные бока темного клина, что торчал из песка, как гнилой зуб из десны. — Согласитесь, его контуры очень похожи на человеческое лицо. — Он водил в воздухе указательными пальцами. — Каменный выступ в центре — нос, над ним — выпуклый лоб, а под ноздрями...

Но его перебил выдр:

— Шеф, мне щас неохота пялиться на все, че похоже на клепаного человека.

Он прожигал взглядом спину невозмутимого Банкана.

Но купца такой отлуп не смутил:

— Что ж, прекрасно. В таком случае поглядите направо, вон на ту созданную выветриванием остроконечную башенку. Разве ее очертания не вызывают в вашей памяти образ дикобраза?

Сквиллу упрямство запрещало поворачиваться и смотреть, но, когда природное любопытство взяло верх, он поразился чуткости ленивца к сюрреальному.

Выдр вскинул голову.

— Да пущай меня вздрючит паршивая рысь, ежели ты не прав хотя бы наполовину.

— И правда, здорово похоже на колючего педика.

Ниина тоже включилась в игру, сама того не заметив. Впрочем, она была готова на все, лишь бы развеять бесконечную скуку.

Игра перешла в состязание — кто найдет самые неприличные или хотя бы необычные черты у изрытых непогодой скал. Ниина поставила рекорд, сравнив кучу щебня с прилегшей лесной антилопой, но его побил Сквилл, утверждавший, что уединенный останец — вылитая мышь в доспехах. Вскоре все до единого искали знакомые черты. Никто не предполагал, что предложенная купцом забава так хорошо убивает время. А Граджелут был в ней настоящим докой, по его словам, лишь это занятие скрашивало долгие странствия в одиночестве.

Утром игра возобновилась, и купец придумал оценивать ее. Очки получали за точность сравнений, за фантазию и за частоту остроумных находок.

Когда Снугенхатт доказывал, что выступ на обрыве — на самом деле ищущий добычу ястреб, тишину окружающей пустыни нарушили крики.

Они доносились со стороны реки. Седоки вытянули шеи и

напрягли зрение, но первым источник шума увидел взлетевший Виз.

— Вооруженные наездники на крупных двуногих ящерицах. Все в балахонах с капюшонами, так что не разобрать, из каких они племен.

— Высоки ли они ростом? — озабоченно спросил Граджелут.

— Наездники не больше выдр, из капюшонов торчат острые морды. Усы светлые. Вижу хвосты, длинные, покрытые мехом. У большинства мех светло-коричневый. — Клещеед многозначительно посмотрел на спутников. — И движутся в нашу сторону.

Сгуненхатт глубоко вздохнул, а потом, заметив большой валун, направился к естественному укрытию.

— Лучше приготовиться к встрече.

Никто с ним не спорил.

Когда носорог расположился задом к камню, а головой к реке, выдры достали луки и стрелы. Банкан положил меч на колени. Виз скрылся в котелке. Граджелут искал применение своим пальцам и, не преуспев, начал нервно грызть массивные когти.

Передвижение кавалькады отмечалось облаком пыли. Всадники наступали, пока не очутились в броске копья от Банкана и его друзей. Они образовали плотный полумесяц перед непоколебимым Снугенхаттом. Их было достаточно, чтобы воспрепятствовать любой попытке к бегству, кроме того, носорог даже на ровной местности не смог бы обогнать быстроногих ящериц.

Когда осела пыль, путникам удалось рассмотреть тех, кто им противостоял. Верховые животные тратили избыток сил, агрессивно роя землю когтистыми ногами, их ярко-зеленые глаза сверкали боевым задором, блестели острые мелкие зубы. Бросались в глаза тонкой выделки кожаные поводья, седла и прочая сбруя.

Когда всадники заняли позицию, некоторые из них откинули капюшоны. Лишь бывалому путешественнику Граджелуту удалось определить, какого они роду-племени.

— Это сурикаты.

— Я таких не знаю, — произнес заинтригованный Банкан.

— Да, племя редкое. Но благодаря глазам и мордам их ни с кем не спутаешь. Сурикаты — легендарные обитатели пустыни. Сам я лишь один-единственный раз встречался с ними, и в более благоприятных обстоятельствах.

Среди наездников наблюдались также два-три суслика и отдельные представители еще нескольких пустынелюбивых племен. Банкан напрягся, когда один из всадников медленно двинулся вперед, легко удерживая в коротких, но сильных лапах тщательно отшлифованный дротик. Еще с десяток его колючих братцев ждали своего часа в расшитом бисером матерчатом колчане на правом боку ящерицы.

Большие темные глаза внимательно оглядели спутников. На морде застыла вечная ухмылка.

— А вы интереснее большинства путешественников, с которыми нам довелось иметь дело. Откуда путь держите?

— Вам даже не вообразить, из какого далека. — Ответ Граджелута застиг Банкана и всех остальных врасплох. — Из-за Тамаз, Поукелпо и Камриоки, даже из-за реки Сприлашун.

— И правда, не ближний свет. — Похоже, слова купца не произвели на всадников впечатления. — Ну что ж, никто не посмеет упрекнуть кси-меррогов в недостатке радушия. Следуйте за нами. В деревне мы с удовольствием выслушаем ваш рассказ и поведаем о своем житье-бытье, а также угостим вас чем послали боги пустыни.

Банкан колебался.

— Но мы вообще-то спешим.

— Отказ принять приглашение оскорбит не только меня, но и всех кси-меррогов, — важно проговорил всадник, а его приятели дружно качнули всем своим арсеналом — от дротиков и коротких луков до кривых ножей и сабель.

Банкан предположил, что кочевники вряд ли бросятся врассыпную под натиском Снугенхатта. Это крепкие, решительные ребята, и вылеплены они вовсе не из того теста, что прихвостни Красвина. Вдобавок их почти три десятка против жалкой горстки пришельцев.

А может быть, они просто соскучились по компании? Похоже, в этих краях чужестранцы бывают редко. Кроме того, кси-мерроги наверняка знают самый короткий и легкий путь из пустыни.

— Ведите, и мы последуем за вами.

Очевидно, Граджелут пришел к тому же выводу, что и Банкан.

Всадник в балахоне слегка поклонился.

— В пустыне вежливость — лучший щит. Я — Чи-черог, Первый Всадник народа кси-меррогов. Считаю великой честью пригласить дорогих гостей в свой шатер.

Он повернулся и послал ящерицу вскачь. Цепь всадников разорвалась, пропустив его.

Сквилл прошептал:

— Чувак, мне это не нравится.

— Граджелут поступает правильно. Да и что еще мы можем сделать?

— Да чесануть отсюда во всю прыть или всыпать им по первое число.

— Нет!

Человек и выдр повернулись к купцу.

— У них слишком быстрые скакуны, сразу догонят. Возмож-

но, боя избежать не удастся, но я больше доверяю такту и дипломатии. Давайте сначала выясним, что они замышляют.

— А, чтоб вас всех! Снова я в меньшинстве, так?

— Боюсь, что так.

Банкан переключил внимание на Виза, а расстроенный выдр погрузился в молчание.

Снугенхатт, окруженный кси-меррогами, семенил по пустыне. Чи-черог приотстал. Продвигаясь на север, они пересекли череду оврагов с рыхлыми краями, затем повернули направо, к гладкому склону, спустились в глубокое, узкое ущелье меж крутых скал. Протяженность теснины оказалась довольно велика, но наконец она привела странников и их эскорт в большую котловину.

Там на относительно ровной естественной террасе гнездились островерхие палатки самой беспорядочной расцветки: одни — в вертикальную или диагональную полоску, другие — в шахматную клетку, две или три — в разноцветный горох. Большинство жилищ сгрудилось вокруг озерца. Полноводное по весне, окаймленное зеленью, оно занимало углубление в центре котловины. И до того живописной, до того мирной была эта картина, что не хотелось и думать, как в случае чего выбираться из каменного мешка.

Сюда вела только одна дорога, и Банкан уже понял, что это идеальная природная крепость. У Сквилла испарились все страхи, как только он увидел воду. Чи-черог, узнав о заветной мечте выдр, любезно и без колебаний разрешил им поплавать.

Близнецы с потрясающей скоростью избавились от одежды и плюхнулись в восхитительно прохладную влагу. На берегу столпилось множество кочевников, они молча смотрели, как состязаются в прозрачной воде проворные гости. У Банкана отлегло от сердца. Шатры веселой расцветки, ухоженные, щедро орошаемые поля, дружелюбие Первого Всадника — все говорило о миролюбии жителей деревни. Они и оружие носят скорее всего только для самозащиты — наверняка в суровой пустыне у них хватает недоброжелателей и завистников.

Решив погулять, он спешился и направился к шатрам. И обмер — ближайшее жилище было увенчано черепом.

Миг спустя юноша обнаружил, что далеко не единственный шатер щеголяет подобным украшением. Черепов было много, и ни один не принадлежал рептилии. Напуганный Банкан узнал мертвые головы двух больших кошек. Следующую палатку венчал медвежий череп. Оставалось лишь гадать, что за нелегкая занесла косолапого в Тамаз. Как бы то ни было, злополучный медведь нашел здесь свою погибель.

А может быть, это кости невезучих путешественников, погибших от жары и изнеможения в не прощающей ошибок пустыне? Или их все-таки убили и принесли сюда? Он уже с опаской

подумывал, что Сквилл прав, и следовало пробиваться на свободу в тот самый миг, когда они увидели вдали всадников. А теперь бежать слишком поздно. С первого взгляда ясно, что единственный выход — теснина, по которой они приехали, — хорошо охраняется.

Но все же эти черепа, похожие на трофеи, как-то не вяжутся с тщательно возделанными полями. Как правило, просвещенные земледельцы не убивают чужестранцев, громадный труд, вложенный в эти поля, доказывает, что жители деревни — не бандиты с большой дороги. Что же здесь происходит?

Пока самки и пожилые самцы собирали фрукты и овощи, сурикаты помоложе, а также малочисленные кенгуровые крысы оживленно обсуждали стремительную водную акробатику выдр. Снедаемый тяжелыми предчувствиями, Банкан вернулся к своим друзьям. Те вскоре выбрались из воды и расположились на солнышке.

— Нижайше прошу почтить мое жилище. — Чи-черог повел их к самому большому шатру. Впрочем, тот был недостаточно велик, чтобы вместить всех гостей. Вождь смущенно указал на Снугенхатта: — Боюсь, здесь не хватит места вашему большому другу.

— Не расстраивайтесь, мне и здесь неплохо. — Носорог облизал толстые губы и скрестил передние конечности. — А если поставите выпивку, так и вообще скучать не буду.

— Ваша скромность достойна вознаграждения, и оно не заставит себя ждать.

Чи-черог обратился к одному из соплеменников на незнакомом путникам языке. Тот понимающе кивнул и куда-то побежал.

В шатре земляной пол устилали циновки, на них были разбросаны большие подушки в чехлах из тонкого полотна. Оставалось лишь гадать, украли его или выменяли. К одной из подушек быстро подошел на коротких ножках Чи-черог. Как только он сел, из-за матерчатой ширмы появились стройные молодые сурикатки и сервировали местечко между гостями и хозяином кувшинами с водой, чашками тепловатого зеленого чая и блюдами овощей, несомненно, прямо с грядок.

Сквилл, достаточно взрослый, чтобы интересоваться не только едой, откровенно пялился на гибкие женские тела.

— А у вас тут есть на че поглядеть.

— Ваше одобрение мне льстит. — Чи-черог церемонно поклонился.

Он уже снял балахон и остался в шортах и рубашке из просвечивающей ткани. Первый Всадник был на пядь ниже выдр, а рядом с Банканом выглядел карликом.

Гости опустились на подушки. Банкан с наслаждением ощутил под собой не камень и не металлические доспехи, а мягкую

ткань. Но тревога брала свое, расслабиться было почти невозможно.

Чи-черог принял у самки длинную дымящуюся сигару и небрежно помахал ею.

— Ну, а теперь поведайте, как вы оказались на земле кси-меррогов. Должно быть, вас привело сюда дело чрезвычайной важности, ведь вы, как следует из ваших слов, далеко уехали от родных владений.

Прежде чем Банкан и Граджелут успели открыть рты, Сквилл рванул с места в карьер. Опуская одни нелестные подробности и бесстыдно раздувая другие, он изложил внимательному вождю кси-меррогов и его восхищенному гарему сагу о неподражаемом странствующем рыцаре Сквилле, изредка великодушно поминая словечком-другим скромные заслуги пятерых его спутников.

— Не брательник, а гнилой вонючий эгоист, — пробормотала Ниина.

Сквилл заморгал и повернулся к ней.

— Сеструха, ты че-то вякнула?

— Лишь то, че ты — достойный сын своего отца.

Она обворожительно улыбнулась.

— Эт точно.

Как ни в чем не бывало выдр кивнул и вернулся к своему эпическому повествованию. Когда он заканчивал, котловину уже затопил вечерний сумрак.

Чи-черог был само радушие. Путники досыта наелись свежих фруктов и овощей, отдали должное и тушеным, и жареным, и вареным. В шатре Первого Всадника царило полное согласие.

К изумлению выдр, перед ними поставили широкое блюдо из полированного дерева с целой горой сушеной рыбы.

— Неподалеку есть пещера, выточенная водой и населенная бесцветной слепой рыбой, — с улыбкой объяснил хозяин. — Но уверяю вас, она отнюдь не безвкусна. Ее плоть нежна и сочна и отменно скрашивает нашу диету.

Этими словами он, точно острым ножом, отсек последние подозрения выдр. Даже всегда настороженный ленивец вынужден был признать, что не смел и надеяться на такое гостеприимство.

Виз, набивший крошечный зоб, влетел в шатер и опустился Банкану на плечо. Тихонько рыгнув, он прошептал человеку в ухо:

— Выслушай и постарайся ничем не выдать беспокойство. Мы в беде.

Банкан улыбнулся и вежливо отстранил предложенный молодой самкой поднос с фруктами.

— Что случилось?

— А как ты думаешь? Снуг опять надрался.

На этот раз Банкану было труднее сохранить беспечную мину.

— Только не говори, что его подпоили.

Виз едва не щекотал клювом его ухо.

— Должно быть, это случилось, пока я был здесь, с вами. Не знаю, нарочно это устроили или пойло пришлось по вкусу, но он попросил добавки. Снуг не из тех, кому легко отказать. Но дело не в этом. Сейчас он валяется на боку и лыка не вяжет. Сомневаюсь, что до утра поднимется на ноги, уже не говоря о том, что побежит.

— Что вы сказали? — подался вперед Чи-черог, и Банкан вспомнил, что все-таки слышал о сурикатах. И об их невероятно тонком слухе. — Ваш большой друг уже уснул? — Вождь кси-меррогов рассмеялся — это больше походило на визгливый, отрывистый лай, как у выдр, но на октаву повыше. — Значит, сегодня ночью он хорошо отдохнет. Как и все вы. А завтра у нас праздник.

Банкан со старательной небрежностью снял со спины дуару и положил на колени. И притворился, будто проверяет настройку. Затем спросил как можно беспечнее:

— Что за праздник?

— Ритуал удобрения. — Чи-черог вскинул голову, указывая носом вверх. — Завтра полнолуние. Мы должны позаботиться, чтобы поля наши наполнились дарами.

Банкан напрягся, но лишь мысленно, мышцы оставались расслабленными.

— И как будет выглядеть этот ритуал?

«Что бы это ни означало, — подумал юноша, — похоже, опасности нет».

— Вы же видели наши угодья.

— О да, и отметили, что они содержатся в безупречном порядке, — вежливо произнес Граджелут.

Чи-черог кивнул, принимая комплимент.

— Мы гордимся тем, что сумели отвоевать у Тамаз. Поля и огороды не только обеспечивают нас пищей, они позволяют жить припеваючи в краю, где другие с трудом влачат жалкое существование. Мы ухаживаем за ними, как за родными детьми, да они, по сути, и есть наши детища. Долго блуждали по пустыне кси-мерроги, прежде чем нашли и заселили эту землю. И с тех пор мы холим и лелеем почву в нашем ущелье, как собственную плоть. У нас достаточно рабочих лап и воды вволю. Лишь одну проблему все никак не удается решить.

— Я уже думал над этим, — сказал Граджелут.

«О чем это они?» — недоумевал Банкан. Он внимательно следил за разговором, но все же потерял его нить.

Чи-черог посмотрел на Граджелута в упор.

— Да, путешественник, вы проницательны. Наша почва дала много обильных урожаев, но теперь она истощена, ослаблена. Дожди приносят со склонов питательные вещества, но их, увы,

далеко не достаточно. Ручьи наши чисты и прозрачны, но в данном случае проку от этого мало. Конечно, мы находим применение навозу верховых и тягловых животных, однако и он не дает желаемого результата. А посему мы никогда не отказываемся от удобрений, изредка посылаемых милосердными богами для наших полей.

Граджелут сказал с натянутой улыбкой:

— Если угодно, мы предоставим для ваших нужд побочные продукты своей жизнедеятельности и сделаем это охотно. Но, боюсь, все мы вас разочаруем. Кроме разве что Снугенхатта...

Первый Всадник отложил окурок.

— Ленивец, вы себя недооцениваете. — Он ухмыльнулся, черный нос дрогнул. — Злаки хорошо произрастают на навозе, но куда лучше — на крови, плоти и костях.

И в этот момент Банкан понял, что случилось с владельцами виденных им черепов.

Глава 19

Никто не ожидал от Граджелута такой прыти. Он рванул к выходу прямо с места, но спринтерский забег закончился в лапах полудюжины притаившихся снаружи кочевников.

Банкан схватил дуару, а Сквилл с Ниной взялись за оружие. Но кенгуровые крысы и сурки ворон не считали. Целая толпа вооруженных бестий хлынула в шатер и накинулась на путников. Врагов было слишком много для выдр, и они двигались слишком быстро для Банкана.

Виз кинулся в дверной проем и угодил в растянутую за ним сеть. Сквилл успел нанести один хороший удар мечом, разрубив чересчур дерзкого суриката от подмышки до паха, но пятеро или шестеро других свалили выдра с ног. Без поддержки Снугенхатта у Банкана и близнецов не было ни единого шанса в рукопашном бою.

А Снугенхатт, похоже, не собирался до утра пробуждаться от пьяного сна.

Схватка продлилась меньше минуты. Даже если бы выдры занялись рэпом, их бы это не спасло.

У Банкана вырвали из рук дуару. Не потому, что кси-мерроги заподозрили ее уникальное могущество. Просто она была велика и увесиста, и меткий удар ею с размаху вполне мог размозжить череп суриката. Что и собирался сделать разъяренный Банкан, но его быстро и умело связали по рукам и ногам.

Вскоре он понял: если Сквилл с Ниной не в состоянии освободиться, то его попытки и подавно обречены на провал. Не стоит тратить попусту время и силы.

Граджелута связали так туго, что он не мог даже шевельнуться. Визу крылышки притянули к бокам, а ножки обмотали сыромятным ремнем.

Полюбовавшись на дело лап своих, кси-мерроги вышли, предоставив пленникам в отчаянии глядеть на свое оружие и пожитки, сваленные в бесформенную кучу посреди шатра. Виз, подвешенный вниз головой на стропиле, громко проклинал злую судьбу.

— Сначала ощиплете, потом зажарите?

Он злобно глянул на Первого Всадника.

Вождь кочевников поморщился.

— Мы не каннибалы, не употребляем в пищу разумных существ. Неужели просвещенные кси-мерроги показались вам дикарями?

Сквилл хотел ответить, но Ниина метнула в него такой убийственный взгляд, что он не рискнул даже пасть раскрыть. Хотя вряд ли в подобной ситуации ему следовало бояться сестры, и вряд ли даже самое оскорбительное ругательство выдра ухудшило бы положение пленников.

— Вас обескровят, — продолжал Чи-черог. — Поверьте, это не самая тяжелая смерть. Сначала осушаемый теряет чувствительность, затем погружается в сон и вскоре умирает.

— Правда? — Неисправимый Сквилл не мог держать язык за зубами дольше минуты. — Шеф, можа, сначала покажешь на себе, как это делается?

Вождь остался невозмутимым.

— Затем ваши организмы будут перемолоты в порошок. На восходе полной луны вы будете рассеяны над полями кси-меррогов. Это достойный уход. Вещества, из которых состоят ваши тела, обеспечат пищу и дальнейшее благополучие новому поколению.

— Несмотря на все твои логические выверты, — прочирикал Виз из-под стропила, — каннибализм остается каннибализмом.

— О нет, вы не правы. — Очевидно, невозможно было поколебать мировоззрение Чи-черога. — Ваша смерть даст толчок новым жизням.

— Эх, угораздило же нас притащиться сюда как раз накануне полнолуния, — посетовала Ниина.

Чи-черог подошел, нагнулся, посмотрел на туго связанную выдру.

— Не расстраивайтесь. Мы давно научились сохранять удобрения до урочной ночи. Просто полная луна обеспечивает наилучшее освещение. Наличие в ночном небе молодой или ущербной луны не изменило бы вашей судьбы.

— В самом деле? — язвительно спросила Ниина. — Ну, просто гора с плеч.

Чи-черог выпрямился.

— Мне пора отдохнуть, и я покидаю вас до утра. И предупреждаю: если стонами и воплями потревожите наш сон, мы будем вынуждены прибегнуть к помощи кляпов. Я бы предпочел обойтись без этого. Постарайтесь свою последнюю ночь провести с комфортом, насколько это возможно. — Он двинулся к выходу в сопровождении двух стражей. — Пойду проверю веревки на ногах вашего большого друга. Мы все просто влюблены в него, ведь он удобрит несколько полей.

Присматривать за пленниками остался один-единственный сурикат. С точки зрения Банкана, при таких путах даже в нем не было нужды. Сам он едва мог пошевелить пальцами, не говоря уже о всей руке. Ни малейшей надежды развязать за спиной у товарища по несчастью толстый кожаный ремень. Ноги его были стянуты в лодыжках и коленях. Одно неосторожное движение — и он повалится на бок.

Но все же он рискнул поерзать и в конце концов привалился спиной к деревянному шесту. Сквилл и Ниина остались лежать на боку, мордой к середине шатра. От их пут шли ремни к вбитым в земляной пол кольям. О ловких выдрах кси-мерроги позаботились особо — узы не позволяли им даже повернуться.

С Граджелутом, как и с Банканом, обошлись мягче, ему дозволялось сидячее положение. Ленивцу на связанные лапы натянули кожаные рукавицы, чтобы он не мог пустить в ход холеные, но все же грозные когти. На Виза, подвешенного верх тормашками, не было никакой надежды. Враги предусмотрели все.

«Вот мне и опаньки, как говорят близнецы, — печально размышлял Банкан. — Я не погибну в неравной битве с каким-нибудь коварным волшебником или силами зла, я не сложу голову, пытаясь спасти красавицу или заполучить Великого Правдивца. Я горсткой удобрения лягу под плодовое дерево».

Рядом с охранником, сидевшим скрестив лапы посреди шатра и томившимся от скуки, в груде захваченных пожитков лежали луки и мечи выдр, а также дуара Банкана. Сурикат, прислонясь спиной к центральному шесту, шлифовал когти острием стилета. И лишь изредка бросал взгляд на пленников. Все это было весьма прискорбно.

Конечно, Сквилл с Ниной могут петь — благо им не вставили кляпы. Но без поддержки такого уникального инструмента, как дуара, их усилия не стоят выеденного яйца. Банкан попробовал тереть друг о друга запястья, но, как и ожидал, ничего этим не добился.

Час от часу поток выдровых сетований слабел. Поскольку делать больше было нечего, они все же запели, но дальше хитроумных рифмованных оскорблений в адрес надзирателя дело не пошло. А страж почти не обращал на них внимания, лишь изредка снисходительно улыбаясь. Его не спровоцировала даже зажигательная проза Сквилла. «Да и с чего бы ему возмущаться, —

подумал Банкан, — если утром мы, все шестеро, превратимся в пищу для земли?»

Кси-меррог так скучал, что время от времени задремывал на несколько минут, но всякий раз распахивал веки. Если это и давало пленникам шанс, то лишь воображаемый.

С наступлением ночи в глубине деревни зазвучала ритмичная полифоническая молитва. Ее сопровождали звуки цимбал, бубнов и кастаньет. Банкан предположил, что это ритуальное взывание к духам или богам. Он вдруг с ужасом подумал, что, когда музыканты умолкнут, к нему и его спутникам придет смерть. Много ли нужно времени, чтобы из тела вытекла вся кровь?

Он глянул в проем шатра. Пока темно, хоть глаз выколи. Сколько осталось до рассвета, можно лишь догадываться. Както раз Джон-Том принес из Запределья миниатюрную вещицу под названием «часы», правда, Банкан так и не понял, почему ее не нарекли попросту «время». Часть его души хотела, чтобы сейчас она была на его запястье. Другая же часть желала оставаться в неведении. Как говорится, перед смертью не надышишься.

«Прости, папа. Прости, мама. Я не ожидал такого оборота. Все-таки мир бывает очень жесток».

Между тем охранник снова задремал, голова свесилась на правое плечо. Банкан изо всех сил боролся с путами на запястьях, но лишь напрасно выбился из сил. Казалось, с каждым его рывком кожаные ремни только глубже врезаются в кожу, угрожая остановить ток крови. Выдры дремали, да и Виз тихо посапывал под стропилом.

Поэтому Банкан весьма и весьма удивился, когда за спиной раздался боязливый шепот:

— Приготовьтесь.

Банкан повернул голову, посмотрел на купца.

— Приготовиться? К чему?

— Что значит — к чему? К чаропению. Пора вам заняться волшебством. — Ленивец повернул голову. — Эй, вы! Сквилл, Ниина!

— Хррр... Че?

Сквилл заморгал заспанными глазками.

— Разбудите сестру. Подготовьте чаропеснь.

Выдр обалдело посмотрел на спящего охранника и вновь — на ленивца.

— Да ты че? Без дуары Банкана ниче не выйдет.

— Это мне известно. Я собираюсь всех вас освободить.

Через секунду у Ниины сна в глазах осталось не больше, чем у брата.

— С помощью чего? Добрых слов или благих пожеланий?

Действительно, Граджелут был надежно связан — лапы за спиной, когти в перчатках. Вдобавок он не обладал силой Банка-

на или изворотливостью выдр. Посмотришь со стороны — не усомнишься в его полной беспомощности.

Да вот только... кси-мерроги все-таки допустили промашку. Либо сказалось головокружение от успеха, либо они еще не встречались с представителями Граджелутова народа. О громадных, бросающихся в глаза когтях кси-мерроги позаботились должным образом, однако упустили из виду язык.

Купец изо всех сил подался вперед, натянул ремень, которым его привязали к шесту. Из пасти выскользнул язык — длинный, гибкий, чуткий. Сполз по груди, пересек талию и дотянулся до штанов. Раздался тихий щелчок — это сдвинулся один из фальшивых бриллиантов, украшавших пряжку ремня из змеиной кожи. Пошевелился охранник, все затаили дыхание. Но сурикат лишь почесал морду и пошевелил усами, а глаза так и не открыл.

Едва он успокоился, Граджелут вернулся к своему занятию. Снова щелкнуло, и откинулась крышка на пряжке. В тайничке хранился неприкосновенный запас бывалого путешественника: склянка с бодрящим снадобьем на меду, такая же — с отравой, два драгоценных камня... и ножичек. При виде его выдрам стоило огромного труда не завопить от восторга.

Не размыкая век, страж прихлопнул на лбу муху, повернулся, устроился поудобнее. Граджелут, хрипя от натуги, нащупал рукоять ножика концом языка, осторожно обвил. Банкан сочувственно морщился и поражался точности движений купца — тот не допустил ни одной ошибки.

Ниина лежала к ленивцу ближе, чем ее брат и Банкан. Граджелут выпрямил спину, а затем наклонился вправо и аккуратно повалился на бок. Банкан судорожно вздохнул, но страхи его были напрасны — Граджелут удержал ножичек. Снова высунув до отказа язык, о чьей невероятной длине Банкан раньше и не подозревал, ленивец вложил оружие в ладонь ерзающей от нетерпения выдры.

— Хохмачка безмозглая, выронишь — убью! — прошипел Сквилл. Он и сам дрожал от возбуждения.

— Ты, морда шваброй! Заткнись. — Пауза. А потом — торжествующее: — Готово!

Граджелут снова высунул язык — на сей раз, чтобы облизнуться. И улыбнулся Банкану.

— Это было нелегко.

— Почему вы сразу не сказали?

Купец поерзал, но сесть так и не смог.

— Чтобы кто-нибудь из ваших юных приятелей выболтал мою тайну? По правде говоря, была еще одна причина: я сомневался, что дотянусь до пряжки. Я ведь не из тех, кто живет пустыми надеждами.

— Да поторопись ты! — раздраженно бросил Сквилл сестре.

— Ага, хочешь, чтоб выронила? Отстань. Жуй усы и не вякай.

Сквилл замолчал, но это стоило ему чудовищных усилий.

Тихая возня чуть ли не под носом у охранника не мешала тому сладко спать.

Проходили минуты, но каждая из них казалась часом. Наконец Банкан увидел, как рванулись в стороны кисти Ниины. Она торопливо помассировала их, чтобы возобновить циркуляцию крови, а потом взялась за путы на нижних лапах. Теперь дело пошло куда быстрее — ведь она уже не боялась выронить ножик.

Как только упал последний ремень, Ниина встала и на цыпочках бесшумно приблизилась к сурикату сзади. Банкан уловил резкий взмах лапы — выдра еще раз пустила в ход миниатюрный нож. Охранник мучился недолго. Закончив малоприятное, но необходимое дело, Ниина вернулась и занялась узами Граджелута.

— Э, сеструха! — возмутился Сквилл. — А как же я?

— А ты, торопыга, еще чуток поваляешься. С тебя не убудет.

Сквилл злобно посмотрел на нее и зарычал. Но тихо.

Вскоре и купец получил свободу. Выдра, не позволив брату укусить ее за ногу, перешла к Банкану. Затем наступила очередь Виза и, наконец, Сквилла. Опоясываясь мечом, Банкан задел ногой зарезанного суриката. Циновка под ним пропиталась кровью.

— У кого ты этому научилась?

Ниина ответила, не оглядываясь:

— У милой мамани. Она всегда говорила, что теория ни фига не стоит без солидной практики.

За свое освобождение Сквилл наградил сестру испепеляющим взглядом. Все же на этот раз обошлось без потасовки. На сведенных судорогой лапах выдр доковылял до мертвеца и пнул его в морду. Брызнула кровь.

Банкан нахмурился.

— А это зачем?

Выдр недобро ухмыльнулся.

— Да затем, чувак, че мне охота порадовать себя.

Он собрался повторить, но Банкан преградил ему дорогу.

— Хватит. Береги силы, нам еще предстоит выбираться отсюда.

Сквилл постоял на одной лапе, наконец кивнул и направился к груде вещей — забрать имущество.

Виз размял крылышки, вспорхнул, но быстро устал и присел перевести дух.

— Без Снуга нам не уйти. — Птах огорченно покачал головой. — Даже не верится, что кси-меррогам удалось его подпоить. Он же так здорово держался!

— Несомненно, он был уверен, что сумеет вовремя остановиться, — философски заметил Граджелут. — Увы, это заблужде-

ние широко распространено среди тех, кто питает нездоровое пристрастие к хмельным напиткам. Не будем слишком строги к нему.

— А может, его не подпоили, а опоили? — предположил Банкан, вешая дуару за спину.

Виз повеселел.

— Верно, об этом я не подумал. Мне пришло в голову самое очевидное.

— Как и всем нам. — Банкан в предвкушении скорой расплаты погладил дуару. — Перед нами непосильная задача: выбраться отсюда, освободить Снугенхатта и сбежать по охраняемому ущелью. Кругом слишком много стражников и молящихся. Но на нашей стороне внезапность. Используем же ее с толком.

— Да, примените чаропение, — взволнованно сказал Граджелут. — Но в какой форме на сей раз?

— Это, шеф, предоставь нам с сеструхой.

У выдра сверкали глаза.

Зазвенели струны. Над грифами засияло пламя. Выдры пропели гневную фразу.

С дуары соскочил шар блестящего огня, полетел, точно мыльный пузырь, ударился о противоположную стену шатра и лопнул. По дыре в материи побежали концентрические огненные волны, словно круги по воде. Граджелут восторженно захлопал в ладоши.

Близнецы стояли бок о бок, сплетя пальцы, и пели под Банканову музыку. На этот раз они колдовали без ухмылок. Виз сидел на плече купца, оба ждали, что получится у отдавшихся чаропению без остатка человека и выдр.

А неподалеку от шатра лежал на спине Снугенхатт. Кси-мерроги не сняли с него доспехи, все четыре исполинские ноги, притянутые ремнями к вбитым в землю кольям, указывали в небо. Ремни пересекали и брюхо носорога.

Клещеед спланировал на землю рядом с боевым товарищем. Вертя головкой, осмотрел беспомощного витязя.

— Снуг, ты как?

Носорог башки не повернул, но пробормотал:

— Они выпивку поставили. Что-то вроде забродившего ящеричного молока. А мне пить хотелось.

— Просто смерть как хотелось, да?

— Похоже на то. — Голос звучал невнятно, что не было похоже на Снуга. — Но я не перебрал, честное слово. Наверное, туда чего-то подмешали.

Банкан, не отрываясь от игры, вынужден был признать, что Снугенхатт и в самом деле не похож на пьяного.

Музыка, пение и разговор насторожили сонного охранника. Первым суслик увидел Виза и пискляво осведомился, что он тут делает. Клещеед не ответил.

— Эй, Граджелут! — позвал он купца. — Нужна ваша помощь.

Тот подошел к носорогу, достал большой нож и принялся резать путы.

Увидев это, суслик впал в неистовство и завопил во всю силу легких.

Из шатров выходили, спотыкаясь, заспанные кси-мерроги. Банкан и выдры не обращали на них внимания. Ловкие пальцы дуариста были почти не видны в колышущемся серебристом тумане.

Из самого большого шатра выскочил Первый Всадник, отвел лапу назад, и кто-то вложил в нее кривой меч. Размахивая клинком над головой, Чи-черог поспешил к беглецам.

— Вы нарушили расписание, осквернили церемонию! И нам теперь придется ждать следующего полнолуния!

Виз взлетел в воздух и напал на суриката, легко уходя от ударов меча.

— Ты уж извини, крысиная мордочка, но мы тебя покидаем.

Чи-черог замер в растерянности. Позади него собирались вооруженные земляки.

— С чего вы взяли, что я вас отпущу? Неужели меня должна растрогать дурацкая серенада? Сомневаюсь, поскольку вчерашний ваш рассказ впечатления на меня не произвел. Я, Чи-черог, вождь племени кси-меррогов, не из тех, кто дает себя разжалобить бездарным трубадурам.

— Это кто тут бездарный? — возмутился Банкан.

Ничуть не меньше рассердились и выдры.

За чистую кровь неповинно казненных,
За горькие слезы гостей убиенных,
В ловушку коварно врагом заманенных,
Жестоко повязанных иль усыпленных, —
Настал миг отмщенья
За все прегрешенья,
Момент искупленья
За все преступленья.

Но путы Снугенхатта не рассыпались и не растворились. И не поднялась крепчайшая невидимая стена, чтобы защитить путешественников от разъяренных жителей деревни. И не спешил на подмогу беглецам свирепый дракон или какой-нибудь другой могучий избавитель.

Когда вооруженная до зубов толпа с Чи-черогом во главе пошла в атаку, Банкан не на шутку встревожился. У сурикатов хищно дергались острые носы, кровожадно блестели глазки. Юноша заиграл энергичнее, но это никак не повлияло на статус-кво, не помогли и самые неистовые стихотворные измышления выдр.

— За эту возмутительную выходку, — заявил Чи-черог, — вы

немедленно подвергнетесь традиционному закланию с последующим обескровливанием. Вы сможете наблюдать за собственной смертью, а также за ловкостью наших самок в обращении с ритуальными ножами. Считайте этот приговор особой честью, которой...

И тут затряслась земля.

Впрочем, затряслась — чересчур сильно сказано. Легонько задрожала. Как будто ее взбудоражило пение выдр. Банкан хотел было сбавить темп, но близнецы не дали — они выкрикивали оскорбления и угрозы, как только успевали их придумать и зарифмовать. Юноша со злостью подумал, что они должны уделять больше внимания тексту, чем приближающимся кси-меррогам. Неужели легкое сотрясение — все, что могут противопоставить врагам чаропевцы?

Надежда стремительно таяла, но он упорно продолжал играть.

Однако земля тряслась уже достаточно ощутимо, чтобы остановить Чи-черога и его воинство. Поблизости свалился халтурно поставленный шатер, из него полезли растерянные обитатели. Граджелут приободрился и заработал ножом во всю мочь, а Виз оказывал ему посильную помощь. Уже освободились передние ноги Снугенхатта.

Клещеед непрестанно вертел головой.

— Купец, поспеши! Тут что-то происходит!

— Я это понимаю не хуже, чем вы.

Граджелут кряхтел — ему попался неподатливый узел.

— Это из-за чаропения, да? — Виз порхал над его головой. — Скажи, они способны держать в узде свои чары?

— В принципе да.

— В принципе?

— Я имею в виду принцип «пан или пропал». Чаропение действует всегда. Вот только результаты его непредсказуемы.

И тут земная твердь, словно подтверждая правоту купца, взбрыкнула. Толчок был столь силен, что ленивец не удержался на лапах. Но с последней ноги Снугенхатта уже спал последний ремень. Адреналин, давно в избытке кочевавший по кровеносной системе, помог ему стремительно перекатиться на живот, подняться на ноги и встряхнуться, точно собака после купания. Громко зазвенели железные пластины — словно колокола церкви Непокорных Носорогов.

Чи-черога это не столько напугало, сколько разозлило. Земля под ним ходила ходуном, но он все же попробовал добраться до странников. Толпа неохотно двинулась вслед, ее раж заметно убывал.

Сделав несколько шагов, кочевники остановились как вкопанные.

Банкан оглянулся. Восточный горизонт уже окрасили рас-

светные лучи, но вовсе не солнце так напугало Первого Всадника и его подчиненных. А то, что происходило между солнцем и селением.

Два нависающих над котловиной высоких утеса вдруг неистово задрожали, по их бокам поползли, покатились громадные валуны и плиты песчаника. Банкан сразу вспомнил, как по пути через пустыню они с друзьями развлекались, находя в контурах камней и скал черты разных существ.

Сейчас он сообразил, что те существа вовсе не были воображаемыми.

Срывались все новые и новые камни, и все явственнее проступала стать гигантской обезьяны в доспехах. Из блестящих лат торчали клинки и шипы, на черепе со скошенным лбом сидел окаймленный бахромой шлем. Чудовище медленно и грозно поднялось во весь рост, расправило члены, бесчисленными веками не знавшие движения. С колоссальной лапищи свисал на темляке боевой топор величиной с городок.

Рассыпался второй утес, обнажив циклопического кота из неведомого племени. Его доспехи разительно отличались от обезьяньих, но ужас внушали не меньший. Взметнулась лапа, чтобы пронзить коротким мечом висящее облако, глотка освобожденного великана исторгла рев, раскатившийся эхом по всему ущелью.

Этого вполне хватило, чтобы воинов Чи-черога объяла паника. И чтобы у самого Банкана душа ушла в пятки. А выдры пели как ни в чем не бывало — вероятно, так увлеклись, что забыли про страхи.

Банкан опустил дуару и помахал друзьям.

— Ребята! Кажется, хватит.

Выдры, поглощенные рэпом, пропустили его слова мимо ушей. А над кручами повернулись на слабый шум, исходящий со дна котловины, исполинская обезьяна и колоссальный кот, и с интересом посмотрели вниз.

Банкан перекинул дуару за спину и ухватил выдр за шеи. Не помогают слова — помогут пальцы. Близнецы придушенно захрипели.

— Хватит, говорю! — Он указал на титанов. — Сматываемся.

Обезьяна, взяв топор за рукоять, опустилась на корточки — присмотреться. Огромная лапища легла на край обрыва, покатились валуны, уродуя поля на террасе, калеча плодовые деревья и угрожая самому поселению. Пешие кси-мерроги с воплями кинулись врассыпную. Всадники, несколько мгновений назад собиравшиеся пустить кровь Банкану и его товарищам, безнадежно пытались обуздать взбесившихся от страха ящериц.

— Е-мое! — возликовал Сквилл, когда Банкан потащил его вместе с сестрой к носорогу. — Я ж говорил, та каменюка на обезьяну похожа!

— Не говорил! — выкрикнула, перекрывая шум, Ниина.

— Только не сейчас!

Банкан поднатужился и оторвал близнецов от земли. Им волей-неволей пришлось залезть на Снугенхатта. Как только все, кроме Виза, очутились в седлах, птах, державшийся за волосатое ухо носорога, чирикнул:

— Вперед! Давай, Снуг, поехали!

Снугенхатт кивнул, фыркнул, повернулся кругом и вдохновенным галопом помчался к выходу из котловины. Остановить его никто не пытался. Впрочем, если бы и нашлись храбрецы, они бы не добились успеха — Снугенхатт успел набрать скорость.

Только Чи-черог вне себя от страха и ярости замахнулся мечом, когда беглецы проносились мимо. Клинок разбился вдребезги о доспехи Снугенхатта. Потом Банкан увидел его уже издали — Первый Всадник в отчаянии подпрыгивал и нечленораздельно вопил в охваченном сумятицей поселении.

С обрывов катились камни, но ни один не задел Снугенхатта и седоков. Прежде в ущелье несли караульную службу вооруженные кси-мерроги, но сейчас их и след простыл.

Лишь когда путники вновь оказались в пустыне, Банкан позволил себе перевести дух.

— Ай да мы! Классно их сделали, правда?

Граджелут по своему обыкновению радоваться не спешил.

— Молодой человек, рановато считать доходы.

Слева от них высилась обезьяна, похлопывая лезвием топора по ладони шириной с доброе плато. На бронзовых доспехах играло солнце, и казалось, что великан окутан пламенем. Неподалеку исполинский кот с мечом стоял, обозревая горизонты и царапая облака островерхими ушами.

И эта парочка была уже не одинока.

Снугенхатт остановился. Пустыня оживала, насколько охватывал глаз. Шевелилось не меньше трети останцев и холмов, один за другим освобождались участники давно канувшей в забвение битвы титанов, избавлялись от напластований земли и горной породы, как избавляется от вчерашней косметики проснувшаяся поутру женщина. Поднимались на ноги или лапы, потягивались, сладко жмурились под солнцем. Стоял несусветный шум — это трещали и сыпались камни.

Снугенхатт мотал головой, всматривался.

— Куда теперь?

Граджелуту пришлось кричать, сложив лапы рупором.

— На северо-запад! Всегда — на северо-запад!

Виз перепорхнул на свой насест.

— Почему?

Ленивец пожал плечами.

— Там лежит наша цель, и в данной ситуации это направление ничуть не хуже любого другого.

Виз кивнул и передал его указания Снугенхатту. Тот вновь тяжеловесно затопал вперед.

И тут справа, в непосредственной близости от путников, раскололась гора. Появился некто о трех головах и обличьем ни с кем не сравнимый. Широченное брюхо опиралось на четыре ножищи, хвост величиной с корабль дальнего плавания рефлекторно вилял, две лапищи удерживали дубины размером с Клотагорбово Древо. Приметив носорога и его спутников, чудище взревело и, затмевая солнце, протянуло к ним третью лапу.

Снугенхатт припустил во весь опор, но Банкан сразу понял, что уйти от страшных пальцев не удастся. Сейчас беглецов прихлопнут как мух или сгребут, как сорванный цветок. Граджелут бессвязно лопотал, выдры держались друг за дружку, а Виз собирался геройски разделить судьбу старого друга. Банкан попросту закрыл глаза.

И почувствовал, как что-то тяжелое осторожно дотронулось до головы. Он открыл глаза. Лапища поочередно гладила его спутников.

А потом она отстранилась, и монстр выпрямился. И снова исторгнул рев, на сей раз членораздельный:

— СВОБОДЕН! Я СВОБОДЕН! СПУСТЯ ВЕЧНОСТЬ ПОСЛЕ РОЖДЕНИЯ ВЕЧНОСТИ! — Шипастый хвост вырыл уже целый овраг. Опустив все головы, тварь рассматривала путников. — Я, НЕ ЗНАЮЩИЙ НИЧЕГО, КРОМЕ ВЕЧНОСТИ, ГОВОРЮ: МНЕ НЕ ХВАТИТ ВЕЧНОСТИ, ЧТОБЫ ВЫРАЗИТЬ ВАМ СВОЮ БЛАГОДАРНОСТЬ! ЕСЛИ БЫ НЕ ВАША ПЕСНЯ, Я БЫ ОСТАЛСЯ ЗДЕСЬ НА ВЕКИ ВЕЧНЫЕ!

Сквилл ухмыльнулся и беспечно ответил:

— Да брось, шеф, не стоит благодарности. Просто мы любим петь.

— Ага, и мой брательник — настоящий альтруист.

Банкан предостерегающе посмотрел на Ниину. Как всегда, это не подействовало.

Вокруг, насколько охватывал глаз, обнимались освобожденные гиганты. Иные плакали, роняя слезы величиною с добрый пруд. Иные хлопали давно окаменевших знакомцев по спинам, отчего по равнине катились сейсмические волны.

— Интересно, сколько путников проехали здесь до нас и обратили внимание на странные очертания возвышенностей, — проговорил ленивец, — даже не заподозрив, что причина тут не в воображении, а в восприятии?

Снугенхатт, уже сообразивший, что никто не собирается превратить его в кровавую лепешку, сбавил шаг. А Банкан, прикрывая глаза от солнца, спросил монстра:

— И как вы собираетесь распорядиться свободой?

— ВЕРНУСЬ ТУДА, ОТКУДА ПРИШЕЛ, — хором ответили три головы. — КОНЕЧНО, ЕСЛИ ЕСТЬ КУДА ВОЗВРАЩАТЬСЯ. ВСЕ-ТАКИ ПРОШЛА ЦЕЛАЯ ВЕЧНОСТЬ.

— Всех обескровлю! — раздался вопль позади путников, застигнув их врасплох. — Я никого не боюсь! Ни богов, ни смертных!

— Э, чтоб меня дважды оприходовали! — воскликнул извернувшийся ужом Сквилл. — Глядите, кто к нам едет!

Это был Чи-черог, Первый Всадник кси-меррогов. Он летел вскачь, нахлестывая перепуганную ящерицу, вращал меч над головой и вопил.

— Миражи! — провыл он. — Вы сотворили миражи, чтобы обмануть мой доверчивый народ! Вы помрачили рассудки бедных кочевников, но меня не проведете! Я вам головы отрублю! Заживо на вертелах зажарю! Я вас...

Обезьяна присела, наклонилась. Опустился большой палец. Чи-черог его заметил, но значения не придал. Он успел взвизгнуть от боли и изумления, прежде чем превратился в темное мокрое пятнышко на земле.

— Нехилый миражик, — одобрила Ниина.

Среди жителей поселения не нашлось охотников повторить подвиг вождя. Беглецов никто не преследовал.

А гигантские создания взялись за лапы. Одно из них таковыми не располагало и было вынуждено протянуть щупальца длиной в реку. В следующий миг над пустыней Тамаз воспарила титаническая стая. Бесчисленные годы провели в оцепенении эти пленники из давно забытой страны, и вот они очнулись от векового сна, оттолкнулись от земли и медленно поплыли ввысь, навстречу жаркому солнцу. Время от времени с чьих-нибудь доспехов срывался камешек размером этак с телегу и разбивался вдребезги. И вот уже воители кажутся сравнительно небольшими, и вот уже они совсем крошечные, а миг спустя — всего лишь крапинки в безбрежном небе.

А в пустыне еще клубилась поднятая ими пыль.

Путники долго молчали. Шуршала только оседающая пыль, летели последние камни, да хрипло дышал на бегу Снугенхатт.

— И откуда они только взялись? — пробормотал наконец Банкан. — Граджелут, как вы думаете?

Купец пожал плечами.

— Кто знает? В мире всегда хватало чудес. И мы часто, даже слишком часто, глядим на них и видим только форму, но не содержание. — Он кивком указал на небосвод. — Для пробуждения жизни в этих камнях понадобились ваши чары. Но это случайность. Чтобы найти чудо, надо знать, где искать.

— А еще, — добавила Ниина, — надо знать, че петь.

Обдумав эти слова, Граджелут произнес:

— Возможно, в следующий раз, когда понадобится помощь,

вам не следует так усердствовать. Сегодня вызванные чаропеснью призраки были нам благодарны, но я не уверен, что это правило, а не исключение.

— Не боись, шеф, все будет путем. — Сквилл только что не лопался от самонадеянности. — Мы теперь точно знаем, че надо делать. Верно, сеструха?

— Эт точно. — Она оглянулась. — Правда, купчик, обмякни. Довезем мы тебя до Великого Правдивца в целости и сохранности, и никто нас не остановит, вот так.

Граджелут пожевал губами.

— Ох, уж эта самоуверенность юных. Если б вы хоть на секунду задумались о том, до чего же мы, смертные, беспомощны перед лицом природы. — Он посмотрел на Банкана. — У вас, молодой человек, есть ум и, что гораздо важнее, везение. Но вы — не ваш отец.

— Да я и не претендую. — Банкан проверил дуару — она надежно висела за спиной. — И знаете что? Я даже рад. У Джон-Тома неплохая музыка, но временами больно уж старомодная. Для новой магии нужны новые слова и мелодии.

— Эт точно, — согласился Сквилл.

Банкан напряженно всматривался в даль. Что это там? Кажется, цепочка холмов. А за горами могут быть горы, а в горах — прохлада, вода, дичь, тень. Не передать, до чего осточертела пустыня!

— Порой старая магия надежнее, — выразительно качая пальцем, возразил Граджелут. — Потому что она предсказуема.

Не оборачиваясь, Банкан ответил:

— Не могу с этим спорить, но вот что я вам скажу. Когда дело касается и музыки, и магии, надо поступать, как подсказывают чувства.

Глава 20

Еще несколько дней легкого пути — и пустыня, как и надеялся Банкан, осталась позади. Странники въехали в царство предгорий, где изредка попадались корявые деревья — отважные разведчики, бросающие вызов суховеям долин. Выбранный маршрут неуклонно вел в гору, и вскоре носорог топал по настоящему лесу.

Но такого леса Банкану и выдрам еще не доводилось видеть. Деревья здесь не теснились, а чопорно росли порознь, на большом расстоянии друг от друга. Листья были длинные, узкие, почему-то очень жесткие. Кора так и норовила слезть лентами со стволов, а стволы были не коричневого, свойственного Колоколесью цвета, а белого или разных оттенков розового. От некото-

рых деревьев исходил тихий вибрирующий гул, отзывался у Банкана в голове, словно в ухо залетела мошка. Купы деревьев перемежались кустарником, но хватало прогалин, и Снугенхатт продвигался без труда.

Они покинули берега реки, чьи воды иссякали неподалеку в песках Тамаз, и преодолели каменистые склоны, которые вскоре сменились лесистыми плато. Здесь попадались и знакомые растения, но преобладали одинокие вечнолиняющие деревья. Вокруг путников денно и нощно гудел чужой лес.

Внимание Банкана привлекло исполинское дерево. Гудело оно так, что, казалось, его вибрации ощущались физически.

— Граджелут, вы знаете, как оно называется?

Хорошенько изучив растение, ленивец ответил:

— Нет, мой юный друг. Я немало пространствовал на своем веку, но деревьев этой породы еще не видел.

— В Колоколесье их точно нет. — Ниина встала на седле во весь рост, вихляющая походка Снугенхатта не доставляла ей никаких неудобств. — Спорим, я его за минуту начисто окорю?

— Облезание коры выглядит странно, но это скорее всего естественное явление.

Снугенхатт нес их по гребню крутобокого извилистого отрога. Ниина подолгу смотрела на реку, игриво журчащую внизу, в ущелье. Веяло прохладой — они уже поднялись на изрядную высоту. Заметно редела растительность.

Мелких ящериц здесь было вволю, а в сбегавших по склонам бесчисленных ручьях водились вкусные пресноводные раки. Хватало незнакомых, но съедобных фруктов и орехов, а для Снугенхатта — травы. Щедрость горного края позволяла не притрагиваться к припасам.

И странники до того привыкли ко всей этой благодати, что внезапное появление на пути сумчатого волка и вомбата застигло их врасплох.

Кряжистый, приземистый вомбат носил светло-коричневый костюм. Талию прикрывали кустарные доспехи, а лапы сжимали уродливое самодельное копье. Голова, конечности и, что самое главное, обширное брюхо обходились без лат. На затылке комично сидела поношенная широкополая шляпа.

Его друг, напротив, был экипирован неплохо — как тем, что даровала природа, так и тем, что взял сам. Он в отличие от вомбата явно умел пользоваться своей длинной пикой. Под дорогим медным панцирем поблескивали роскошные шелка, а шлем был снабжен стрелкой для защиты длинной морды от рубящих ударов. Сандалии со шнуровкой до колен стачал, несомненно, хороший мастер.

— Ну что, друг Квайбо, кто тут у нас? — проговорил, не сводя глаз со Снугенхатта, сумчатый волк.

— Будь я проклят, Бедарра, если знаю. — Из-под широченных полей шляпы путников угрюмо рассматривали темные зрачки. — Куда едете? — буркнул вомбат.

Насест Виза заслонял незнакомцев от Банкана, и он приподнялся над седлом.

— На северо-запад. Может, посторонитесь, чтобы нам не объезжать?

Преградившие им путь даже не шелохнулись.

— Ты слышал? — обратился к своему товарищу волк. — Они едут на северо-запад.

Вомбат крякнул, а Бедарра повернулся к путникам.

— И что у вас там за дела?

— А вот это как раз тебя не касается. — Сквилл привстал в седле. — Но я все-таки отвечу. Мы ищем Великого Правдивца.

— Великого Правдивца? — Волк оперся на пику и почесал за ухом. — Никогда не слышал. Эта штуковина, часом, не волшебной природы?

— Да, шеф, в самую точку.

Граджелут за спиной у Сквилла закатил глаза. Доверять тайны болтливым в хвастливым выдрам — все равно что прятать Снугенхатта в кармане.

— Стало быть, вам нужен Великий Правдивец, — проговорил волк. — И что же это за диво такое?

Сквилл ухмыльнулся — по части ухмылок выдры мастера.

— Вот это мы и собираемся узнать.

Бедарра кивнул и зевнул, поразив путешественников умением распахивать пасть на сто восемьдесят градусов.

— Вы что, не знаете, что на северо-западе находится монастырь Килагурри?

— Не знаем, — ответил Банкан. — А что, должны?

Сумчатый волк напрягся, в голосе послышалось недовольство.

— И ты думаешь, мы поверим? О Килагурри знают все. — Он энергично качнул пикой. — Лучше слезайте с этой горы мяса. Сейчас же.

Вомбат тоже приготовил оружие.

Сквилл с Нииной мгновенно схватили и натянули луки. Впрочем, тревоги в их движениях не сквозило. То-то смеху будет, если парочка нахальных туземцев попытается остановить бронированного Снугенхатта.

Но Банкан был осторожнее. Не раз он слышал от Джон-Тома: численно превосходящему противнику можно дерзить либо сдуру, либо пряча в рукаве серьезные козыри. И если по поводу интеллекта вомбата могли возникнуть какие-то сомнения, то волк совершенно не походил на глупца.

Снугенхатт оглянулся на своих ездоков.

— Ну что, превратить их в дорожную грязь?

— Не спеши. — Банкан наклонился вперед и прошептал: — Виз, а ты что думаешь?

Крепко держась когтями за жердочку, клещеед ответил:

— Я думаю, что здесь находятся не только эти два веселых пешехода.

Он обшаривал взглядом окружающий лес.

Волк снова качнул пикой.

— Давайте, голубчики. Слезайте.

— Мы обдумываем ваше предложение, — сказал Банкан. — Но пока оно выглядит не слишком убедительным.

— Так это мы живо поправим.

Сумчатый волк вставил два пальца в громадную пасть и коротко, пронзительно свистнул.

Не прошло и минуты, как доселе мирно шелестящий лес исторг целую орду вооруженных тварей, которая мгновенно взяла путников в кольцо. Банкана это огорчило и вдобавок изумило: как этакая толпа ухитрялась столь долго оставаться незамеченной? Многие существа принадлежали к неизвестным ему племенам, о других он знал только понаслышке. Вооружение было разномастным, одеяние — пестрым, но численность войска внушала уважение.

Необычный военный отряд, заключил юноша. Даже если это бандиты, каждый в отдельности не выглядит опасным противником. Но их чертовски много, и на физиономиях безошибочно читается решимость.

Он заметил в толпе еще двух вомбатов и одного сумчатого волка, коал, нескольких утконосов (один носил на жилистом ключе золотое кольцо), парочку муравьедов со зловещими металлическими шипами на мохнатых хвостах, троицу страусов эму с копьями, вооруженных точно так же казуаров, опоссумовневеличек, носящих козырьки для защиты чувствительных глаз от солнца. По меньшей мере одно отделение целиком состояло из динго. Но преобладали валлаби и кенгуру из более чем полудюжины кланов. Банкан насчитал полсотни бойцов и сбился.

В Колоколесье представители этих племен встречались редко. Стоило вспомнить уютные родные края, как в горле появился комок. До чего же далеко они с друзьями уехали от дома, от милого многомерного дерева у реки, от его комнаты, от приятелей, от маминых экзотичных и порой слишком пряных блюд!

И все же, твердо напомнил себе Банкан, сейчас не время предаваться ностальгии и пенять на свое легкомыслие. Он теперь опытный путешественник и чаропевец, а значит, и вести себя следует подобающе.

Но к этому времени Снугенхатта и его спутников окружило свыше сотни вооруженных ратников обоего пола. Столько же стрел, копий, пик и мечей было направлено остриями в их сторону. Сомнений не было: если носорог двинется напролом, то вместе с пассажирами сразу угодит под стальной душ. Трудно судить, что это за вояки, но многие валлаби и кенгуру выглядели

достаточно сильными и ловкими, чтобы вскочить на спину носорога и навязать Банкану и его товарищам рукопашный бой.

— Птица совершенно права! — раздался гулкий, звучный голос.

Из зарослей выпрыгнул кенгуру, ростом с Банкана, красновато-коричневого окраса, легко перемахнул через вомбата и сумчатого волка и с глухим ударом приземлился на расстоянии вытянутой руки от носорога. Облаченный только в легкие доспехи из змеиной кожи, он стоял, задумчиво глядя на юношу. По-видимому, кенгуру было совершенно наплевать, что Снугенхатт способен поддеть его рогом и легко зашвырнуть в ближайшие кусты.

С правого уха кенгуру свисала шипастая серьга. Лоб охватывала ощетинившаяся стальными колючками кожаная лента, она проходила под ушами и защищала спину до тяжелого хвоста, к которому была пристегнута огромная дубина. Время от времени хвост зловеще дергался. Правая верхняя лапа сжимала исполинский боевой топор. На нижних было что-то вроде чулок с заостренными, торчащими кверху крючьями. Банкан отметил, что этот субъект, как и все его приятели, одет не для светского раута.

Конечно, никакое это не воинское подразделение, а просто шайка разбойников или отряд самообороны. Больше всего они смахивают на простых селян, которым пришлось взяться за оружие. Что же происходит в этих незнакомых, покрытых необычной растительностью горах?

— Я Веррагарр. — Кенгуру разглядывал пришельцев, его топор блестел на солнце. — Интересная компания. Насколько я могу судить, вы не здешние.

— Мы из очень далеких краев, шеф, ты там ни разу не бывал, — сказала Ниина.

— С этим, красавица, я спорить не буду. — Кенгуру снова посмотрел на Банкана. — Сам-то я простой кузнец, путешествую мало. Но великодушные жители Нузелуву доверили мне обязанности командира ополчения, и я их не подведу. — Он ткнул большим пальцем в сторону сумчатого волка. — Слышал, вы сказали Бедарре и Квайбо, что на северо-запад едете. Однако на северо-западе — Килагурри.

Банкан постарался скрыть раздражение.

— Послушайте, мы не знаем, что здесь творится, и никогда не слыхали об этом вашем Килагурри. Мы занимаемся своими делами и стараемся не совать нос в чужие.

Но кенгуру был настойчив.

— И что же за дела у вас на северо-западе?

— Мы ищем Великого Правдивца.

— Никогда не слышал такого названия.

— Да? А ведь мы его упоминали в разговоре с вашими друзьями. Мы тоже не знаем, что это такое. Наша задача — выяс-

нить. — Банкан помедлил. — По слухам, это источник великой силы и столь же великой опасности.

Кенгуру понимающе кивнул.

— Насчет силы ничего сказать не могу, но опасностей у нас тут пруд пруди. — Он показал топором. — Поедете дальше — сами в этом непременно убедитесь.

— Что поделаешь. — «Лучше демонстрировать безрассудную отвагу, — решил Банкан, — чем малейшую слабость». — Мы всю дорогу имеем дело с опасностями.

— Эт точно, — подтвердил Сквилл.

— Поэтому, если не возражаете, мы сейчас попрощаемся, — продолжал юноша, — и больше не доставим вам хлопот. Не знаю, что у вас за претензии к этому Килагурри, но мы к нему отношения не имеем.

— Зато Килагурри ко всем имеет отношение, — проворчал валлаби, стоящий с краю. По толпе пробежал одобрительный гул.

Сквилл взмахнул луком.

— Слушайте, вы! Нам и правда некогда тут с вами рассусоливать. Моя сеструха и этот человек, мой кореш, — он положил лапу на плечо Банкана, — офигенно крутые чаропевцы, вот так. Ежели не пропустите, вам щас небо с овчинку покажется. Превратим вашу гопу в стаю болтливых гусей, или жаб, или всех сделаем лысыми, или просто засунем вас друг дружке в сумки.

Выдрам редко удаются грозные взгляды, но на этот раз Сквилл превзошел самого себя.

— Чаропевцы! — У Веррагарра брови полезли на лоб. — А вот это уже интересно. — Он повернулся и обратился к толпе: — Виндья, Чару, Неранера!

От толпы отделились три коренастые птицы, вспорхнули на поваленное дерево слева от валлаби. Каждая была чуть побольше Виза. Носили они черные в желтую полоску шарфы, но обходились без головных уборов. Оперение было грязно-белое, а на крыльях — серое и синее, толстые широкие клювы казались неподъемными. Таких птиц Банкану видеть еще не приходилось. Они бы сошли за зимородков-переростков, если бы не странная форма клювов.

Они устроились на суку, пошептались, а затем вперед выскочили два маленьких валлаби. Один держал короткие деревянные палочки, покрытые сложной резьбой и замысловатыми рисунками, а другой — подобным же образом разукрашенную деревянную трубу, закрученную минимум в три витка. «Местный заменитель магической дуары?» — предположил Банкан.

Веррагарр спокойно и горделиво указал на ожидающий ансамбль.

— Как видите, у нас тоже есть чаропевцы. Так что не надейтесь запугать нас музыкой.

— Да не собираемся мы никого запугивать, — терпеливо ответил Банкан. — Мы хотим только проехать.

Волк шагнул вперед и тихо зарычал:

— А по мне, так вы не больно-то похожи на волшебников. Легче принять вас за компанию детенышей, которым лень ходить пешком.

Его приятели рассмеялись.

— Эт кто тут детеныш? — гневно пролаял Сквилл.

— Сквилл! — Банкан резко повернулся в седле.

Но выдр не желал униматься:

— Кореш, только покажем, ага? Пущай знают педики, че с ними будет, ежели не завяжут хамить.

Граджелут склонил голову набок.

— Возможно, краткая демонстрация самых скромных возможностей из вашего арсенала действительно сократит срок нашего пребывания здесь. А вы что скажете, почтенный командир?

— Мы не говорили, что собираемся вас отпустить, — напомнил Веррагарр.

— Споем короткую песенку. — Банкан снял дуару, предостерегающе глянул на выдр. — Ничего агрессивного.

Ниина лучезарно улыбнулась и вместе с братом пустилась в импровизацию:

В небе ни облачка, тихо в лесу.
Запах цветочный не слабнет в носу.
Ах, упоение! Ах, благодать!
Мы не желаем вам надоедать.
Наше вам с кисточкой. Общий привет.
Мы будем вас помнить тысячу лет.

«Пожалуй, это и впрямь безобидно», — подумал, встряхивая пальцами, Банкан.

Ничего не происходило, и он даже слегка разочаровался. Внезапно Снугенхатт оглушительно чихнул — из его ноздрей росли шикарные пурпурные орхидеи.

— Эй! Отцепитесь!

Он неистово замотал головой, но цветы не унимались, и вот уже с его морды свисает целый ковер орхидей.

Виз, задумчиво следя за колдовской вегетацией, изрек:

— При желании можно расценить это как угрозу.

Снугенхатт вновь замотал головой, и во все стороны полетели цветы.

— Ага. Чем еще устрашать врагов, если не букетиками?

— Хватит ныть. — Птах подлетел к цветам и глубоко вдохнул. — От тебя еще ни разу в жизни так хорошо не пахло.

Банкан посмотрел на выдр, сдвинул брови. Ниина насмешливо подняла лапы.

— Банкан, ты ж сам хотел че-нибудь безвредное. Вот и получил.

— Это только пример, — грозно молвил Сквилл. — Мы даже не напрягались. Учтите, мы можем вызывать грозовые облака, землетрясения и все прочие гадости клепаной природы. Силы вселенной у нас на побегушках, вот так.

Банкан состроил ему злобную гримасу, выдр невинно улыбнулся.

— Что ж, недурно. — Веррагарр повернулся к валлаби и кукабаррам. — Ваш черед, ребята. Покажите-ка им.

Птицы выпустили на пробу несколько трелей. Затем сидевшая в середине кивнула, и ближайший валлаби ритмично забил палочками.

— Палочки-стукалочки, — объяснил заинтересованным путешественникам кенгуру.

— Стукалочки? — переспросил Банкан.

Веррагарр ухмыльнулся.

— Если не получится волшебство, можно настучать недругу по голове.

Второй валлаби ткнулся мордой в разрисованную трубу и задул. Раздался глухой протяжный рев — похожие звуки издавал Снугенхатт после особенно тяжелой ночи.

Вступили кукабарры — их пение наводило на мысли о балладах древних скальдов:

Во сырых земных во недрах
Дух великий Уулонгу,
Легендарный червь огромный.
Не измерить его власти,
Нет преграды его силе.
А зубам его могучим...

— А я бы сейчас от червячка не отказался, — перешел вдруг на прозу жизни крайний слева кукабарр. Его друзья тотчас прервали песню и захихикали.

Веррагарр скривился.

— Виндья, прекрати!

Кукабарр, мечтавший о червячке, вытер клюв крылом. У него тяжело вздымалась грудка.

— Извини, Веррагарр.

Он дал знак валлаби музицировать дальше.

...Уулонгу он зовется.
А Неррима — царь небесный.
Высоко парит Неррима,
Камнем падает на спящих,
Бьет их клювом и когтями...

— И вовсю гремит костями! — выкрикнул другой певец, после чего сложил крылья и повалился с истерическим хохотом. Остальные с полминуты терпели, а затем последовали его примеру. Валлаби прекратили играть и беспомощно посмотрели на красного кенгуру.

Чаропевцы, испепеляемые взором великана, предприняли третью попытку. На сей раз их смех был достаточно заразителен, чтобы перекинуться на пеструю публику, и неконтролируемое веселье угрожало срывом всей затее.

Веррагарр с отвращением наблюдал, как по щекам певцов ручьями текут слезы. Двое свалились с засохшего дерева и, держась за бока, покатились по траве. Третий лежал на спине, в отчаянии стуча по колоде крыльями, его конвульсии заметно слабели.

— Проклятье! — Веррагарр заметил, что на него глядит Банкан. — С кукабаррами всегда так. Они и правда умеют колдовать, но до сих пор не научились относиться к работе серьезно. И не только к работе, но и к нашей общей беде. Так и прохихикают до самых своих похорон. Но это — лучшие наши чаропевцы. Больше некого противопоставить могуществу килагуррийских монахов.

Он хмуро покосился на смущенное, но упорно смеющееся трио, которое помаленьку поднималось на ноги.

— Что же касается вас. — Он снова повернулся к Банкану. — Вы не похожи на тех, кто мечтает заключить союз с Темными. — Он сошел с дороги. — Езжайте своим путем.

Сумчатый волк хотел было запротестовать, но кенгуру махнул на него лапой.

— Нет, Бедарра. Пусть они и непривычно выглядят, мы не должны им мешать. Я убежден, эти пришельцы ничего не знают о наших проблемах. Мы не имеем права вовлекать их в наши дела, а потому обязаны отпустить их с миром. Если близ Килагурри они попадут в беду, пускай сами выпутываются. — Кенгуру поглядел на Банкана в упор. — Вас предупредили. Мы не можем беспокоиться еще и о вашей судьбе. Своих забот хватает.

— Э, минуточку, — начал Банкан, но Сквилл двинул его кулаком по ребрам.

— Кореш, че еще за минуточка? Ты ведь слышал, че он сказал. Канаем отсюда.

Банкан повернулся к выдру:

— Я только хотел выяснить, во что мы лезем.

— Ни в че мы не лезем. Просто едем мимо.

Но Банкан, не реагируя на протесты выдра, спешился и приблизился к Веррагарру.

— И все-таки расскажите о Килагурри.

Волк раскрыл пасть, показал острые зубы.

— Не думаю, что им следует это знать. Что, если ты ошибаешься? Что, если они в сговоре с Темными?

— Бедарра, я убежден, что это не так. Во-первых, сейчас они могли беспрепятственно проехать, но человек предпочел задер-

жаться и расспросить. Сподвижники монахов не упустили бы малейшей возможности сбежать. Во-вторых, неужели ты способен вообразить, что Темные нанимают эту парочку?

Он указал на Сквилла с Нииной, устроивших потасовку на спине Снугенхатта.

Виз перелетел с насеста к Банкану на плечо.

— Мы с приятелем много путешествовали, но я тоже никогда не слышал о Килагурри.

— Возможно, вы не столь равнодушны, как пытаетесь показать. — Веррагарр внимательно смотрел на человека и клещееда. — Я допускаю, что вы — волшебники, хоть и продемонстрировали нам лишь свою власть над цветами.

За его спиной захихикал Квайбо, его поддержали. Угрюмо глядевший на путников Бедарра не улыбнулся.

— Мы не только выращиваем цветочки, — сказал Банкан. — Мы способны на гораздо большее.

— Не буду отрицать, что мы охотно приняли бы любую помощь. — Кенгуру указал на кукабарр, еще не опомнившихся от приступа смеха. — Мне крайне неприятно в столь критический момент зависеть от таких безответственных типов.

Его товарищи по оружию, стоявшие поблизости, услышали эти слова и согласно зашептались.

— И даже если очаровательные цветы — апогей вашего колдовского могущества, мы будем благодарны за любое содействие. Судя по доспехам, носимым вашим большим другом, и всегда готовым к бою лукам водяных крыс, вы не из робкого десятка. Но я не буду утверждать, что ваше присутствие в наших рядах непременно обеспечит победу.

— Погодите-ка, — сказал Банкан. — Я лишь хотел узнать, что происходит. Кажется, о помощи я и не заикался.

— Буду откровенен с тобой, чужеземец. — Веррагарр широким жестом указал на толпу. — Мы все — жители этих лесов, окрестных холмов и гор. Наши предки жили здесь в мире и согласии с незапамятных времен. Если точнее, в относительном мире и согласии. Большинство стоящих вокруг тебя — крестьяне или простые горожане, ремесленники вроде меня. Мы хотим только одного: чтобы нас оставили в покое, позволили жить, как нам нравится. И с монахами у нас раньше не бывало ссор... Но чуть больше года назад все изменилось.

Монастырь Килагурри расположен на невысоком, но крутобоком холме в долине Миллиджидди. Место уединенное, вполне подходящее для безмятежного служения богам. До прошлого года мы почти не общались с теми, кто там обитает. А потом наступили перемены к худшему, и теперь Килагурри — оплот злобных манипуляторов. Дурные дела творятся там, пришелец. Путники, приближавшиеся к монастырю, рассказывали о доносившихся оттуда страшных звуках. Это вопли пытаемых, это сверхъестест-

венные голоса. И хотя интересно было бы узнать причину этих звуков, путники в спешке проезжали мимо. И вряд ли мы должны их за это судить.

Раньше монахи время от времени спускались в город Миллиджидди за покупками или приносили вещи, которые не могли починить сами. Теперь же все добрые люди сторонятся их как прокаженных.

Кенгуру, повествуя, опирался на толстый хвост.

— Я бы не сказал, что раньше они не доставляли нам хлопот, — вмешался в беседу вомбат. И принялся загибать пальцы. — То заподозрят в обвесе зеленщика, и он потом хворает. То ногу кто-нибудь потянет, и она заживает слишком долго. То у крестьянина скотина отощает. Но это же пустяки, верно? А всерьез они раньше не пакостили, что да, то да.

— Но чуть больше года назад, — вернулся к рассказу Веррагарр, — над Килагурри собрались неестественные облака. Сверкали молнии, но не наблюдалось огня в монастыре, не было заметно повреждений. Темные вступили в игру с великими силами. Не много удалось нам разузнать об их деяниях, но этого хватило, чтобы исполниться страха. Мы поняли: монахи замыслили какое-то громадное зло. Прежде монахи не ссорились с простым людом. Но теперь их мерзкие козни разрушили мир в наших краях. И нам ничего не остается, кроме попытки остановить их раз и навсегда, прежде чем случится непоправимое.

— Что значит — непоправимое? — спросил Виз. — Снугенхатт! И вы, ребята! Вам бы лучше подойти, послушать.

Носорог кивнул и заковылял. Толпа расступилась перед ним.

Веррагарр окинул взором свой отряд.

— Мовара! Где Мовара?

Из толпы выпорхнула белая с розовым отливом птица и бесцеремонно опустилась на левое плечо кенгуру.

— Мовара удалось побывать в монастыре, — сообщил Веррагарр. — Его, пожалуй, можно назвать нашим разведчиком. Он очень рисковал.

Розовый какаду кивнул.

— Там калечат птиц, сам видел. — Он задрожал, перья заходили ходуном. — Ужасно это, ужасно. Видели бы вы их новых солдат, видели бы! Огромные жуткие твари — сплошь когти, клыки и клювы.

— Мовара принес подтверждение самых дурных слухов, — продолжал Веррагарр. — И поведал кое-что пострашнее.

— О да, мой друг, о да.

Банкан отметил, что разведчик стар. Клюв сточен, глаза тусклые. Судя по всему, он в начальной стадии маразма. А может, немножко не в своем уме. Заслуживает ли он доверия? Похоже, Веррагарр не сомневается в его правдивости.

— Они похищают окрестных жителей, — говорил кенгуру, —

и заточают их в монастырь. — Голос его был мрачен. — Ныне монахи предпочитают красть детенышей и младенцев, как детей путешественников, так и местных. Большинство из тех, кто попал туда, мы уже не видели. Но нескольким удалось сбежать. Их рассказы поистине ужасающи, и Мовара их подтвердил.

— Видел Темных в деле, видел. — Какаду многозначительно раскинул старые крылья. — Слышал их речи, слышал. И многое запомнил.

— Шеф, че ж ты видел? — спросила Ниина.

Сквилл изображал равнодушие и скуку.

— Видел! — повторил попугай. — Видел святотатство! Осквернение!

— И что же они оскверняют? — поинтересовался Банкан.

Розовый какаду наклонился вперед, выпучил глаза.

— Природу. Темные монахи оскверняют саму природу.

Глава 21

— Не понимаю, — осторожно произнес Банкан.

— А кто понимает? Кто понимает? — взволнованно захлопали розовые крылья. — Темные тоже не ведают, что творят, но это их не останавливает. Скрытые силы природы, связующие ее невидимые нити — вот чем они манипулируют на своей горе. Они мнят себя ткачами, но вяжут только узлы, безобразные узлы. — И хотя необходимости понижать голос не было, какаду наклонился и зашептал: — Раньше монахи раздражали нас, да, раздражали. Не более того, не более. А теперь они хотят управлять всем. Не только нашими холмами и долинами. Вообще всем. Целым миром. — Я слышал, как они говорили слова, слова, коих я не понимал. И никто не понимает значения этих слов, в том числе и сами Темные. Но пользуются ими, пользуются. Путник, знай: эти слова обладают мрачной силой. И они были неизвестны монахам еще год назад.

— Что за слова? — Граджелут медленно спешился. — На своем веку я слышал немало разных слов.

— Но не эти, друг мой, не эти. Вряд ли ты знаком с такими словами, как...

Розовый какаду беспомощно замотал головой.

«Да, — подумал Банкан, — он совсем стар, и память уже не помощница, а причина огорчений».

— Дезоксирибонуклеиновая кислота! — выпалил вдруг Мовара. — Пептидная связь! Молекулярный углерод! Гетероциклические соединения! — Он растерянно заморгал. — Энзимное корковое замещение!

Банкану все это показалось абракадаброй. Но абракадаброй

специфической. А специфическая абракадабра, волшебная она или не волшебная, бывает опасна. Возможно, в рассказанном какаду Клотагорб увидел бы смысл. Банкану же, как и Граджелуту, эта задача была не по плечу.

— Гибридизация хромосомных молекул! — Мовара дико жестикулировал крыльями. — Принудительное ингибирование иммунных реакций отторжения! С помощью этих заклинаний они творят небывалое! Невиданное!

— Что именно? — допытывался Банкан.

— Ужасы! Святотатство! Новые виды существ!

У Ниины в глазах появилась растерянность.

— Да разве можно делать новые виды существ?

— Можно, сочетая старые, можно. Я видел их своими глазами, я видел! — Снова попугай перешел на шепот: — Они взяли валлаби. Потом взяли рысь. Облили их зловонными жидкостями. Вперед вышли Темные, которым подчиняются остальные монахи. И они рекли слова.

Мовара пребывал чуть ли не в ужасе от собственных воспоминаний, но не сдавался.

— Над котлом — густой пар. Ничего не видать, ничего. А Темные все громче молятся, все громче. И слышны *звуки* из котла! — Он снова содрогнулся. — Стихают голоса Темных. Рассеивается пар. Где же бедный валлаби, где несчастная рысь? Они исчезли!

— Исчезли? — Граджелут судорожно сглотнул.

— Исчезли, сгинули. На их месте — другие. Какие-то кошмарные твари! Жуткая помесь, жуткая! Одно существо — беспомощное, дрожащее, еле шевелящееся. Другое — ужасная помесь! Ноги валлаби, кошачьи глаза. Хвост валлаби, когти и зубы рыси. Отвратительное, мерзкое, злобное исчадие ада. От разумов прежних невинных существ не осталось ничего! Новое создание делает все, что велят ему Темные!

— А как они поступили с неудавшимся? — без улыбки спросила Ниина.

Мовара уставился на нее.

— А ты как думаешь?

Она не стала выпытывать.

— Это было еще не самое страшное, не самое, — продолжал какаду. — Видел я и кое-что похуже. Одна голова, три глаза. Одно тело, шесть ног, все вперемешку. Два хвоста. Две головы. Ужас! Пленники теряли свои тела, теряли себя. Волю свою, волю! Теперь они принадлежат Темным. Исполняют их приказы.

— Но зачем это все?! — порывисто спросил Банкан. — Мне еще не доводилось слышать, чтобы на свете творились подобные мерзости. Брать двух здоровых, счастливых индивидуумов и подвергать их такому... Даже о Броненосном народе не рассказывают подобные страсти.

— А по мне, так это все чушь собачья, — со скукой в голосе заметил Сквилл.

— Вот как? — Мовара со столь неожиданной страстностью посмотрел на выдра, что тот невольно втянул голову в плечи. — Ты бы так не говорил, увидев то, что довелось увидеть мне. Крот, сращенный с газелью. Коала, смешанный с ястребом. Вомбат с рыбьими плавниками!

— Но какая во всем этом цель? — спросил Граджелут.

— Если бы я знал ответ, если бы! По слухам, Темные поначалу хотели сделать людей красивее. Поначалу. Но это не оправдывает святотатство. Нет, сударь! Они добились кое-каких успехов. Но потом развратились, прониклись богомерзкими идеями. Взялись делать себе охранников, воинов, слуг. Никогда красоте не победить в состязаниях с жаждой власти, никогда. — У какаду дрожали перья. — Результаты, не понравившиеся им, уничтожались. Потому что Темные не могли вернуть своим жертвам прежний облик.

— Когда стали пропадать горожане и мы встревожились, монахи отрицали свою вину, — добавил Веррагарр. — Потом они клялись, что берут только преступников и уродцев или чужеземцев, позарившихся на монастырское добро. Но мы перестали им верить, когда начала пропадать наша молодежь.

— Ложь, все это была ложь, — подтвердил какаду. — Чтобы прикрыть их грязные дела. Теперь-то мы знаем, чем занимаются монахи Килагурри, теперь-то знаем. Это негодяи, мерзкие развратники. О да! Они заключили союз с силами зла. Быть может, все дело в избытке тестостерона. Они теперь часто произносят это слово.

Веррагарр указал на испуганных и тем не менее решительных соратников.

— Многие из них потеряли детей. Даже не знают, живы ли несчастные, сохранили ли первозданный облик. Но хотят выяснить. Должны! — Кенгуру смотрел на Банкана в упор. — Пропадали и человеческие младенцы.

— Даже ежели хоть капля правды есть в этой лабуде, — с вызовом бросил Сквилл, — с чего ты взял, кореш, че можешь изменить положение?

Голос Веррагарра не дрогнул:

— Мы это сделаем или умрем.

— Да, будь я проклят! — прорычал Бедарра и крепче сжал пику.

Кенгуру отступил на шаг.

— Мы больше не желаем мириться с тем, что наши дети пропадают из своих кроваток, что их выкрадывают с городских улиц и пастбищ. Мы не желаем мириться с тем, что их превращают в тварей, которых даже родные мать с отцом не в силах узнать!

— А, так вы решили штурмовать клепаный монастырь! —

Сквилл оглянулся на сестру. — Слышь, Ниина, знакомая ситуация, верно? Интересно, откуда у меня ощущение, че этот орешек раскусить потруднее, чем замок одного барона.

— Да, наша задача нелегка, — признал кенгуру. — Монастырь расположен на возвышении, на узкой естественной террасе. Спереди его защищает стена, с других сторон — очень крутые, почти неприступные утесы. В долине под монастырем нет деревьев, укрыться почти негде. Следовательно, мы вынуждены подойти открыто и атаковать в лоб. В Килагурри есть два источника воды, они позволят монахам выдержать долгую осаду. Но осады не будет. Всех нас ждет брошенное ремесло, неухоженные поля, наши семьи живут без призора. Мы не можем допустить затяжную войну. Значит, надо атаковать и разбить главные ворота, единственные ворота. — Веррагарр взмахнул топором. — А затем мы предадим Килагурри огню, выжжем засевшее там зло.

Толпа ответила вдохновенным гомоном, от линялых деревьев отлетало эхо.

— Не знаю, что и сказать, — смущенно проговорил Банкан. — Разве что... у нас свои дела есть...

— И ты чертовски прав, кореш! — Сквилл напустил на себя важный вид. — Мы проделали долгий путь и не собираемся тут задерживаться ради лишних опасностей.

— Мы ищем Великого Правдивца, и ехать еще далеко, — добавил Банкан.

— Молодчина, чувак, — одобрил Сквилл.

— Я мало чем могу помочь, но, если желаете, я с вами.

Юноша протянул руку.

— Верно, мы... — Сквилл осекся, выпучил глаза. — Кореш, а ну-ка, повтори!

— Так поступил бы на моем месте Джон-Том, — объяснил Банкан.

Это вывело выдра из себя.

— Да, но черта с два так поступил бы Мадж!

Кенгуру, не глядя на кипятившегося выдра, пожал Банкану руку.

— Друг мой, нам пригодится каждый доброволец. Прости, что сначала мы неправильно расценили твое появление.

— Нет-нет, вы все правильно расценили!

Сквилл неистово размахивал лапами, ища поддержку у спутников. Ниина легонько пожала плечами и обворожительно улыбнулась.

— А что скажут остальные пришельцы? — Взгляд Веррагарра скользнул по путешественникам. — Козни Темных угрожают вам в той же мере, что и нам. Если не уничтожим зло в его логове, кто знает, как далеко оно со временем распространится? Может быть, даже переберется через Тамаз.

— Я с вами. — Снугенхатт легонько встряхнулся, звякнув до-

спехами. — Не откажусь от доброй драки. Уже и забыл, когда разминался в последний раз.

— И я.

Виз и Мовара соприкоснулись клювами — это заменяло им рукопожатие.

Банкан посмотрел на купца.

— Что скажете, Граджелут?

Ленивцу уступать не хотелось.

— Мнение Сквилла напоминает треснувший кувшин — протекает, но все же содержит истину. Нам следует идти собственным путем.

— Я знаю, но в несчастье этих людей правды больше, чем в башке у Сквилла. И мы, глядишь, поможем им совладать с бедой. — Он указал на трех пристыженных кукабарр. — Я не знаю, как можно им отказать.

— А ты меня попроси, чувак, — прорычал негодующий выдр. — Я те покажу.

Банкан даже не оглянулся на него.

— Ниина?

— Банкуль, не до фига ли ты от нас хочешь?

— Ты тоже считаешь, что на нашем месте Мадж предпочел бы не рисковать шкурой?

Ниина недовольно поморщилась, но промолчала.

— А тебе, стало быть, шкуру целой носить надоело? — проворчал Сквилл.

Банкан метнул в него недобрый взгляд.

— Мы вышли живыми из Гигрии. Мы уцелели на Сприлашуне и в Камриоке. Мы отбили у Красвина Ниину и пересекли Тамаз, и даже кси-меррогам не удалось с нами разделаться. Сквилл, тебе это ни о чем не говорит?

— Говорит, кореш, че мы слишком часто испытываем клепаную судьбу.

— Скажи, мы чаропевцы или нет?

— Ты-то, конечно, унаследовал талант Джон-Тома. — Выдр тяжело вздохнул. — На кой черт тебе понадобилось еще и его чувство долга?

— Я не собираюсь с тобой спорить. — Банкан отвернулся. — Не хочешь, не ходи с нами.

— Бангу, ну че ты упрямишься? — Ниина уперла лапы в бока. — Купеза тоже не хочет рисковать. — Она указала на колеблющегося ленивца. — Че ж теперь, отпустим его? А как потом дорогу найдем? Мы вместе должны держаться, вот так. Без тебя у нас никакое волшебство не получится, а у тебя — без нас.

— У меня остается меч, — напомнил Банкан.

— Ты? Фехтовальщик?

Она насмешливо присвистнула.

— Ниина, мне тоже не нравится эта ситуация, но я здесь еще и потому, что хотел серьезных приключений.

— И щас хочешь? — решил уточнить Сквилл. — Так зачем ваще этот клепаный путь? Угробиться могли и дома. В Линчбени таких приключений завсегда хоть задницей ешь.

— Я уже сказал вам, что я по профессии кузнец, — негромко произнес Веррагарр. — Не солдат. И среди нас нет профессиональных военных.

— Ага, слушаю тебя, и сердце кровью обливается. — Сквилл сплюнул, едва не угодив себе на правую лапу. За ним наблюдала добрая сотня пар глаз. — Ну, да черт с вами, — пробормотал он. — Раз уж без меня никак не обойтись, записывайте добровольцем. — Он пощупал свой колчан. — Кузнец, не подкинешь ли пяток стрел?

По морде кенгуру поползла широкая улыбка.

— Этого добра у нас вволю. Бери сколько хочешь, если пообещаешь всадить их туда, где от них будет наибольшая польза.

* * *

Веррагарр, Бедарра и Мовара позволили Снугенхатту возглавить колонну, и она двинулась петляющей тропой через лес. Путь уверенно вел в гору. Все чаще появлялись незнакомые вечнозеленые растения, их ветви и иголки были так прорежены, что казалось, их разместила не природа, а чья-то рука. Затем пошли первые скалы, потом — гранитные массивы.

— Монахов мы не боимся, — объяснял Веррагарр. — По-настоящему опасны только отвратительные создания, их послушные детища. Некоторые из них — поистине адские твари, свирепые и смертоносные. Мовара описывал одну помесь — не хотелось бы встретиться темной ночью с таким чудовищем.

— Кажется, у меня появилось что-то вроде плана, — сказал ему Банкан. — Вы со своим отрядом возьмете на себя штурм, а мы дадим концерт в стенах монастыря, чтобы нейтрализовать волшебство Темных. По опыту я знаю: будет лучше, если мы сразимся с ними лицом к лицу. Иными словами, нам необходимо проникнуть в монастырь. Недавно в схожих обстоятельствах мы проделали подобный трюк, но тогда нам просто повезло. Не знаю, получится ли в этот раз.

Кенгуру призадумался.

— Среди нас только Мовара знает план монастыря, но он умеет летать, а вы — нет. — Веррагарр почесал подбородок прямо на скаку, легко поспевая за Снугенхаттом. — Что скажешь, Мовара?

Розовый какаду соразмерял размах крыльев с прыжками воеводы.

— Нелегко оттуда выйти, нелегко. Войти куда проще. Умеете красться?

Банкан ухмыльнулся.

— Даром, что ли, я путешествую с двумя выдрами?

— Кореш, ты хоть секундочку клепаную погоди. — Сквилл напряженно вслушивался в разговор. — Ты че, хочешь, чтоб мы проникли в колдовское логово и всех там замочили?

Банкан укоризненно посмотрел на выдра.

— Зачем убивать? Надо только не допустить, чтобы монахи обратили волшебство против Веррагарра и его бойцов. Внесем смятение в их ряды, свяжем им руки, посеем панику.

— А можа, еще разок долбанем по воротам Снугом?

Носорог запрокинул голову и проворчал:

— Легко тебе говорить, выдр.

— Ну, пошутил, пошутил. Значица, мы берем на себя диверсию. А че будет, ежели эта крыса-переросток с корешами к нам не пробьется? Нас же всех уконтрапупят. Можа, там этих вшивых монахов тьма-тьмущая, никакими песнями не справиться.

— Вы отвлеките силы Темных от стены, и мы обязательно пробьемся, — пообещал кенгуру.

— Ага, стало быть, не о чем волноваться, да? И че ж я дергаюсь-то, спрашивается? Сказать по правде, меня успокаивает одно.

— Что именно? — вежливо спросил Веррагарр.

Выдр с горечью ответил:

— Нет у меня ни гроша за душой, чтоб думать о завещании.

— Как насчет прикрытия с воздуха? — поинтересовался Банкан.

— По сведениям, добытым Моварой, оно отсутствует. — Кенгуру с легкостью перемахнул через огромный валун, юноше пришлось карабкаться. — Темные способны скрестить орла с барсуком, но летать они не в силах.

— На приступ когда пойдете? Ночью?

— Да. Нападем при луне. Быть может, застигнем их сонными, растерянными. Даже чудовища должны спать, если, конечно, я не ошибаюсь.

В голосе кенгуру слышалась неуверенность.

Внезапно Банкан вспомнил сказанные им недавно слова.

— Ты говорил, кроме стены Килагурри защищен кручами, по ним очень трудно взобраться. Как, по-твоему, это сделает Снугенхатт?

Веррагарр потупился.

— Положа лапу на сердце, не знаю. Мы надеялись, что твой большой друг поможет нам при штурме ворот. Думаю, ты и сам понимаешь, что к этому он лучше приспособлен, чем к скалолазанию.

— Я все слышал, — сказал Снугенхатт.

— И, кроме того, — добавил кенгуру, — вряд ли он способен прокрасться незамеченным даже с помощью Мовары.

— Не мне решать. — Банкан оглянулся на клещееда. — Виз?

— Кенгуру прав. Как бы ни были крепки ворота, мы с ними справимся. Что же касается скалолазания, то здесь даже от старого слона проку будет больше, чем от Снуга.

Носорог не возражал.

— Я бы тоже предпочел остаться с нашими новыми друзьями, — заявил Граджелут. Похоже, купец расстроился не на шутку. — Природа не приспособила мое племя для быстрых движений. Мне бы не хотелось в критический момент оказаться помехой.

— Чудненько, — проворчал выдр. — Ну, и че еще мы должны оставить? Одежду? Оружие? От клепаных мозгов уже избавились.

— А они у тебя были?

Сквилл резко повернулся к сестре, и они занялись любимым делом — пылким обменом оскорблениями.

Банкан окинул взглядом долину. В стороне едва тлели огни деревеньки.

— Далеко еще?

Веррагарр указал на почти не хоженную тропу.

— День пути. Тебе не расхотелось помогать?

— Даже если расхотелось, мы все равно поможем.

Банкан улыбнулся.

— Врасплох их не застать. — Снугенхатт шел уверенно, не проявляя усталости. — Такой большой отряд в монастыре обязательно заметят.

— Мы это знаем. Поэтому разобьем лагерь под стеной и будем бездействовать, пока они не свыкнутся с мыслью об осаде. Когда же монахи улягутся спать, мы пойдем на приступ. Судя по всему, вы знаете толк в таких делах. Что скажете?

— Что ж, стратегия не хуже любой другой, — ответил Снугенхатт по некотором размышлении.

— Только без лишнего оптимизма, лады? — Ниина состроила гримаску. — Неужто никого не волнует, че вся затея зависит от розового попугая-маразматика?

Монастырь Килагурри выглядел внушительно — гроздь замшелых строений из каменных блоков за массивной стеной. Стена тоже была сложена из блоков, причем огромных, в человеческий рост, и отгораживала монастырь от долины. По двум дренажным трубам, пробитым в ее основании, струилась жижа. Доступ к канализации преграждали тяжелые железные решетки, и не возникало сомнений, что за ними постоянно следят часовые. Предположения Банкана оправдались — простой осадой эту крепость не взять. От труб ужасающе пахло.

Дорога, по которой наступал отряд, шла мимо главных ворот

и заканчивалась у водопада. Недалеко от стены деревья расступались, и это означало, что любой пришелец будет сразу замечен. Войти можно было лишь через сравнительно узкие ворота, укрепленные железными брусьями и прутьями толщиной с кулак. Сооружение оказалось гораздо крепче и грознее, чем предполагал Банкан. Вряд ли эти ворота покорятся даже Снугенхатту.

Когда отряд растянулся в цепь среди деревьев, юноша увидел на стене монахов в рясах: нескольких валлаби, двух коал, вомбата. Они держали факелы, и свет позволил ему разглядеть, что независимо от племенной принадлежности у каждого на макушке был выбрит мех. Голые черепа украшали тайные знаки.

— Герметические татуировки. — Бедарра остановился рядом с Банканом. — Будь я проклят, если разбираюсь в них.

Время от времени монахи и послушники останавливались побеседовать друг с другом. Их товарищи приносили новые факелы, вставляли в подставки, и вскоре стена и расчищенная земля под ней были хорошо освещены. Света, конечно же, хватало, чтобы обитатели монастыря могли следить за приготовлениями наступающих.

Бойцы Веррагарра деловито разбивали лагерь, никто не задирал монахов, и молчаливые часовые на стенах не выказывали тревоги или гнева.

— Может быть, нас приняли за паломников, — сказал Граджелут, — и ждут, когда кто-нибудь подойдет к воротам и сообщит о цели посещения?

— Мы сообщим о цели посещения, не сомневайтесь. — Банкан изучал крутой склон, где гора встречалась со стеной. — Но не у ворот.

Глава 22

— Сюда. — Мовара то исчезал во тьме, то стрелой летел назад. — Неплохо продвигаемся, неплохо.

«Второй наш ночной штурм», — подумал Банкан, карабкаясь по склону. А тот становился все круче. Юноша не отваживался посмотреть вниз. Рядом непрестанно переругивались коротконогие выдры.

Нащупывая зацепку над головой, он мрачно размышлял, что на этот раз удовольствия получит гораздо меньше. Куда приятнее, когда огромная птица переносит тебя через крепостную стену.

Идея заключалась в том, чтобы скрытно перебраться по скале через стык хорошо охраняемой стены с горой и оказаться на территории монастыря. Большому отряду эта задача, естественно, не по силам — его непременно заметят.

А вот четверке лазутчиков, возможно, удастся проникнуть в монастырь, большинство защитников которого наблюдают за собравшейся внизу толпой разгневанных мирян.

— Мы уже достаточно высоко. — Мовара порхал в считанных дюймах от лица Банкана, крутился в воздухе, указывая крылом вниз. — Теперь — потише.

Диверсанты поползли вниз, к погруженным в сумрак строениям.

Большинство узких окон не было освещено, лишь кое-где на верхних этажах горели огни. Склон, к великому облегчению Банкана, был тут гораздо более пологий, чем за стеной. И не попадались на глаза охранники. Банкан надеялся, что все силы защитников Килагурри сосредоточены на фронтальной стене.

Ниина случайно столкнула камешек, и все съежились, приникли к земле. Минуту-другую камни шуршали и стучали друг о друга, затем все стихло. Никто не кричал внизу, не тыкал в сторону отважной четверки факелами. Банкан перевел дух и продолжил спуск.

— Не могу поверить, че на нас не пялятся. — Сквилл попытался на цыпочках перебраться через ненадежный голыш. — Злоупотребляем мы удачей, кореш, вот так.

— Дело не в удаче, отнюдь не в удаче. — Над головами чаропевцев мельтешил Мовара. — Просто Темные уверены в своем могуществе и в отсутствии воображения у всех остальных. Убеждены, что на свете только они обладают даром мышления. — Он позволил себе тихий язвительный смешок. — Так заставьте же негодяев горько раскаяться в этом, заставьте!

Банкан осторожно обогнул крутой уступ.

— Мовара, не забывай, что у нас крыльев нет.

— Не беспокойся, мой друг.

Какаду снова улетел вперед — на разведку.

Наконец он указал место, где трехэтажное каменное строение примыкало к скале. В свете восковой луны они пробирались вслед за попугаем по плоской черепичной крыше, мимо горшков с незнакомыми спящими цветами, к причудливой арке входа. Укрываясь в тени, Банкан увидел, что портал окаймлен многочисленными барельефами. Когда разглядел их, волосы встали дыбом.

Справа, на порядочном расстоянии, виднелись крепостная стена и монастырский двор. В толпе монахов мелькали уродливые фигуры. Банкана радовало, что с крыши не рассмотреть их лица.

Он отвел взгляд. Веррагарр со своим отрядом атакует перед рассветом, а до тех пор надо нанести врагу максимальный ущерб. Штурм состоится независимо от того, добьется успеха трио чаропевцев или нет. Местные жители слишком далеко зашли, чтобы возвращаться несолоно хлебавши.

«Лучше бы нам что-нибудь сделать, — мрачно размышлял Банкан. — Без нашей помощи им ни за что не пробить стену. Даже если их поведет за собой Снугенхатт».

Пожалуй, вопрос следовало поставить так: что именно они способны сделать?

«Импровизируй, — всегда говорил сыну Джон-Том. — Когда не знаешь, что делать, импровизируй». И дуара, словно в нетерпении, хлопала Банкана по спине. Как жаль, что ему не хватает знаний! Сейчас бы очень не помешало выяснить, что за козни строят Темные в своем укрепленном логове.

— А теперь потише, мои приземленные друзья, теперь потише. — Мовара осторожно опустился Банкану на плечо. — На первом же углу вы кое-что увидите. И тогда решите, правдив был мой рассказ или просто у страха глаза велики.

Банкан вошел в здание и заглянул в освещенный коридор. Конечно, предупреждению Мовары нет цены, но слова — всего лишь слова. На ближайшем перекрестке стоял часовой — тварь с ногами валлаби и приземистым телом вомбата. В профиль виднелась морда динго в последней стадии чудовищной дегенерации. На плечах, как огромные прыщи, пучились зародыши тускло-зеленых крыльев. Тварь держала саблю величиной с меч палача.

— И как же мы пройдем мимо клепаного пугала? — шепотом спросил Сквилл.

— Я о нем позабочусь. — Ниина двинулась вперед. — Заговорю педику зубы, а вы подкрадетесь сзади.

— Эй, погоди-ка!

Банкан попытался схватить ее, но опоздал. Выдра уже дефилировала по коридору на виду у монстра так, будто это здание принадлежало ей.

— О черт! — пробормотал Сквилл. — Приготовься, чувак.

Ниина остановилась прямо перед часовым, и тот от изумления разинул пасть.

— Привет, красавчик. Че ж ты тут торчишь, ежели самое интересное происходит снаружи?

Сузились желтые, налитые кровью глазки. Из пасти вырвался вымученный хрип:

— Убить!

Над уродливой головой взмыл огромный клинок. И с грохотом ударился об пол, где миг назад стояла Ниина.

— Эй, погодь-ка! Ты за кого меня держишь, а, чудо волосатое?

— Убить! — прорычало чудовище и кинулось к выдре.

— Ладно, красотуля, хорош его соблазнять.

Сквилл с мечом наголо бежал по коридору. Банкану с Моварой оставалось только догонять.

Тварь заметила их, и клинок стремительно описал дугу в горизонтальной плоскости. Банкан застыл как вкопанный, радуясь, что кровожадному чудовищу не приделали лапы гиббона. Сквилл легко присел под саблей и всадил меч монстру в брюхо, а Ниина ударила его сзади. «Жуткая помесь» тихо захлебнулась кровью и в отчаянии замахнулась в последний раз. Удар предназначался Моваре, но попугай без труда увернулся. Затем сабля звякнула об пол, а страж схватился за горло. И упал, спазматически брыкаясь. Конечности сучили все медленнее и наконец застыли.

Выдры, тяжело дыша, стояли над трупом. Поблизости порхал какаду и одобрительно квохтал.

— Надеюсь, с магией вы обращаетесь так же ловко, как и с оружием.

— Эт тока один. — Сквилл, вытирая меч об одежду павшего охранника, с ухмылкой глянул на сестру. — Надеюсь, больше не заставишь нас полагаться на твои женские чары.

— Заткнись, — буркнула она. — Попробовать стоило. К тому же я его отвлекла.

Банкан, борясь с тошнотой, заставил себя осмотреть мертвеца.

— Интересно, кем он был раньше.

— Это всего лишь скромный образец тех ужасов, что наплодили Темные. — Мовара держал под присмотром коридор. — Есть и другие, и они куда опаснее.

— Ну, спасибочки, шеф. — Сквилл спрятал оружие в ножны. — Умеешь ты ободрять, ниче не скажешь.

Удача, надо отдать ей должное, была к диверсантам благосклонна. Один раз мимо них промаршировало отделение адских тварей, вооруженных огромными боевыми топорами. Пришлось пережидать в нише, пока стражники спустятся на нижний ярус. Но больше никто не появлялся.

— Куда ты нас ведешь? — спросил Банкан Мовару, когда они осторожно двинулись вниз по очередной извилистой каменной лестнице.

— Туда, откуда исходит все зло Темных, — ответил розовый какаду. — В самое сердце богомерзкого капища.

Банкан вдруг обнаружил, что испытывает не страх, а нетерпение и злость. Тот, кто использует волшебство не во благо всего сущего, а для создания гадких безжалостных тварей, заслуживает самого сурового наказания.

По-прежнему они продвигались беспрепятственно. Вероятно, те, кто обычно охранял эти коридоры, перебрались на стену в ожидании штурма. Возможно, дело было в другом. Как бы там ни было, Банкан сказал Моваре, что удача пока на их стороне.

— Это продлится недолго, поверь мне, недолго. — Какаду оказался пессимистом. — Темные поймут, что Веррагарр не намерен в ближайшее время атаковать. И тогда они решат проверить, все ли в порядке в тылу. Поспешить нам нужно, поспе-

шить. — Внезапно он отпрянул назад и опустился юноше на плечо. — Близко мы уже, близко. Тише идите.

Банкан насторожился и спросил шепотом:

— Близко к чему?

— К потайной комнате. К тому месту, где Темные плетут гнусную паутину зла. К Логову Совета.

Попугай указал в глубь темного коридора с низким потолком.

— Случайно я его нашел, случайно. А теперь — тихо: я слышу их голоса.

— Обсуждают оборону, — предположила Ниина.

— Тихо, я сказал! — цыкнул Мовара.

Путники укоротили шаг, и Банкан вскоре обнаружил, что они приближаются к небольшому отверстию в полу. Через него проникали свет и голоса. Он подкрался на цыпочках, глянул и поперхнулся. Складывалось впечатление, что зрелище изъято без купюр из бредовых фантазий весьма серьезно помешанного чернокнижника.

В комнате собралось десятеро. Все носили темные сутаны монахов Килагурри, и различить их черты было невозможно. Они сидели вокруг длинного стола из полированного дерева. Банкану еще не доводилось видеть материал такого цвета и текстуры. Он гораздо больше походил на стекло, чем на древесину.

Пол был покрыт диковинным ковром столь плотного и изысканного переплетения, что казалось кощунством попирать его ногами. Монахи пили из чашек что-то темное, пенящееся, с сильным запахом. Некоторые писали на пачках листов, скрепленных тонкой проволочной спиралью.

Посреди стола стояли четыре ящика со стеклянными стенками. Каждый ящик имел несколько дисковидных утолщений. Провода соединяли эти штуковины с пятым, самым большим ящиком, а также с прямоугольными досочками, лежащими перед каждым монахом. Некоторые священнослужители выжидающе постукивали по чутким выпуклостям на досках. Стеклянные грани ящиков светились, на них двигались, сменяя друг друга, изображения. Казалось, на эту чехарду влияет бессистемное на первый взгляд постукивание пальцев. Главная коробка тихо гудела как живая.

Неожиданно вошла красивая опоссумиха, высоко держа хвост, тщательно обвитый зеленой лентой. Сквилл восхищенно присвистнул, за что получил от сестры кулаком по ребрам. Служанка взяла с подноса керамический графин, наполнила чашки дымящимся черным напитком. Если кто из монахов и заметил ее появление, то не подал виду.

— Это че, колдовское зелье? — прошептала Ниина.

— Я слышал, как монахи обсуждали его достоинства. — Мовара, чтобы лучше видеть, вытянул шею. — Судя по тому, что

мне удалось подсмотреть, у всех нездоровое пристрастие к этому напитку. Он изменяет их странным, неведомым образом. Его называют «кофе» и верят, что он дает особенную силу. Возможно, это действительно так, возможно. Хотя доказательств у меня нет. Не исключено, что перед нами разыгрывается важный ритуал самовнушения. Глядите!

Монахи в зале дружно подняли чашки и пробормотали что-то похожее на гипнотизирующее заклинание. Банкану удалось разобрать только зловеще интонированные слова «прояснит твой день» и ничего ему не сказавший термин «кофеин». После этой краткой церемонии Темные возобновили беседу. Банкан, как ни старался, не заметил изменения в их поведении под воздействием выпитого. Если и изменились они, то лишь внутренне.

Другое дело — ящики с окошками. Тут было на что посмотреть. Банкан поражался сложности и силе чар, которые заставляли изображения так быстро сменять друг друга.

То в одном, то в другом месте двое монахов соприкасались капюшонами и возбужденно шептались, а затем снова принимались стучать по выпуклостям на досках.

Вся эта сверхъестественная возня выглядела жутко, у Банкана по спине бежали мурашки. Он внимательно слушал и вроде бы различил несколько колдовских терминов, упомянутых Моварой при первой встрече, таких, как «гаплоидная дисперсия» и «увеличение митохондрий». Часто повторялось длинное «дезоксирибонуклеиновая кислота».

— Они готовят великую порчу, чтобы обрушить ее на головы Веррагарра и его ратников, — прошептал какаду. — Мы должны их остановить, мы должны. Иначе никто и ничто не помешает Темным выполнить Корпоративный План.

— Корпоративный План? — переспросил юноша.

— Я часто слышал это выражение из уст монахов. Корпоративный План — основа их волшебства, подоплека всей этой сверхъестественной суеты.

— Мовара, вы были правы. — Банкан поводил плечом, на котором устроился какаду — хотел размять мышцы. — Килагуррийское зло способно перешагнуть границы вашей страны. Необходимо его остановить здесь и сейчас, пока оно не выросло и не поразило другие части света или даже другие миры, — добавил он, вспомнив о родине Джон-Тома.

— Святые слова, чувак, — проворчал Сквилл. — Не хочу, чтоб педики в рясах загадили наше Колоколесье, че бы ни представлял собой ихний Корпоративный План.

— Глядите, они чей-то затевают, — указала Ниина.

Монахи оставляли свои кресла. Тускнели ящики, с их стеклянных ликов исчезали картинки. Жрец, стоявший во главе стола, вдруг, воздев лапы, торжественно и грозно обратился к своим

коллегам. Четверка, затаившаяся в узком коридоре, отчетливо расслышала его слова:

— А теперь, возлюбленные братья мои, проголосуем.

По этой команде монахи дружно откинули капюшоны, и при довольно сносном освещении Банкан установил, что все они принадлежат к одному племени, хоть и к разным кланам.

«Зайцы, — подумал он. — Одни зайцы».

— Но почему? — растерянно прошептал юноша. — Что побудило их сделаться Темными, приспешниками зла? Почему именно зайцы? Такие симпатичные, безобидные...

— Я знаю. Я знаю, потому что слышал их речи, когда они приходили в ярость, потому что видел их жесты, когда они неистовствовали, — зашептал ему на ухо Мовара. — Им до смерти надоело считаться симпатичными и безобидными. За десять с лишним тысяч лет подобное отношение довело несчастных длинноухих до безумия. Все, кому не лень, гладили их и обнимали, и вот терпение лопнуло. Зайцы взалкали уважения и решили добыть его с помощью запредельных чар.

На морде Ниины отразилась крайняя растерянность.

— Но их же природа создала симпатичными и безобидными. Вот дураки-то! Неужто предпочли б, чтоб от них, как от скунсов, все шарахались? Че их не устраивало-то?

— Я отвечу вам, я отвечу, — прошептал какаду. — Виноват коллективный комплекс неполноценности. Зайцы довели себя до сумасшествия, а когда это произошло, они перестали быть безобидными и симпатичными. Теперь они злые, подлые, гадкие. Я думаю, это одна из причин, по которым они взялись за создание новых существ, вот что я думаю. Да, в безумии дело, в безумии. Им теперь хочется коверкать, извращать, выворачивать наизнанку реальность. Ненависть превратила их в маньяков, ненависть.

Банкан вдруг спохватился, что неотрывно смотрит на главного зайца. В его окрасе преобладал темно-коричневый цвет, но были и бледные, нездоровые на вид пятна. Дикий взор и оскал заточенных под иголки резцов делали его каким угодно, только не безобидным и симпатичным.

— Окажем достойный отпор богохульникам! — призвал он.

— Усеем их костьми землю перед нашей стеной! — вдохновенно вторил ему другой заяц.

— А ведь мятеж этих глупцов укладывается в Корпоративный План. — Главный провел пальцем по краю длинного стола. — Как только разгромим шайку простолюдинов, в горах не останется силы, способной нам помешать. Уцелевших смутьянов обратим в рабов и слуг, и они волей-неволей поспешествуют задуманной нами корпоративной экспансии. А затем слияния и захваты примут лавинообразный характер. — Его взор заскользил по мордам приверженцев. — Все за?

— Да! — хором откликнулись монахи.

Главный одобрительно кивнул.

— Позаботьтесь о том, чтобы все было расписано по минутам.

Он поднял лапы, запрокинул голову и закрыл глаза. Коллеги поступили точно так же, и заячий хор произнес магические фразы:

— Биржевые махинации! Использование служебного доступа к биржевой информации в целях личной наживы! Теневая экономика!

В зале померк свет, осталось лишь зеленоватое сияние, исходившее, казалось, из потолка. Монахи неразборчиво бубнили.

— Они и правда связались с колдовством, — прошептал Банкан. — С какой-то злой и заразной силой, я с ней еще не сталкивался.

«Эх, жаль, нет с нами Клотагорба», — подумал он.

Мовара на его плече нервно перенес вес на другую ногу.

— Это Драу все затеял, Драу. Он среди них первый фанатик.

Все громче звучали заклинания, все ярче горел зеленый свет, а потом монахи торжественно изрекли: «Привлечение капитала для скупки акций конкурента», — и скрылись в клубах дыма.

Банкан перевел дух.

— Очень эффектно.

— Куда они делись? — поинтересовалась Ниина.

— Недалеко, если можно полагаться на мой опыт, недалеко. — Мовара перепорхнул на другое плечо Банкана. — Я думаю, они отправились в крипту — стряпать какую-нибудь особенную мерзость. Пойдем, разыщем их.

Он раскинул старые, но все еще надежные крылья и полетел по коридору.

Диверсантам пришлось тихонько обойти одинокого убогого стража с телом парящего опоссума — кожаные перепонки между лапами висели лохмотьями. Под бесформенной головой, некогда принадлежавшей красивой газели, плетью покачивался цепкий язык. От этого зрелища Банкана едва не вырвало.

Мовара снова расположился у него на плече.

— Вот кухня, где стряпают мерзость.

За коридором поднимался огромный свод в форме опрокинутого котла. Высоко в нишах горели факелы. Диверсанты подошли к краю цилиндрической шахты, на дне ее виднелись столы, похожие на плоские валуны, и многочисленные клетки. На столах поблескивала хитроумная колдовская аппаратура из стекла и металла.

Банкан узнал монахов из Логова Совета — они так и не надели капюшонов. Зайцы суетились вокруг экзотических аппаратов и клеток, смешивали жидкости, отмеряли порошки. У причудливо расписанной деревянной кафедры перед огромной раскрытой книгой стоял Драу. Еще Банкан увидел знакомую панель с вы-

пуклостями, только она не соединялась проводом со светящимся ящиком, а обладала собственным оконцем, которое неровно сияло и показывало тайные рисунки и символы. Главный килагуррийский поп ухватился обеими лапами за кафедру и наблюдал, как трудятся его единомышленники.

— Вон там, сзади, — настойчиво показывала Ниина в глубь крипты. — Да хранят меня боги, все, кому есть до меня дело.

Банкан пригляделся к самому дальнему штабелю клеток. В них содержались не деформированные чудовища, не злополучные путники, а детеныши из самых разных племен. Даже с такого большого расстояния удалось различить крошечную летучую собаку и совсем юную скопу. Они в страхе ухватились друг за друга. У собаки были подрезаны кожаные складки, у скопы — крылья, чтобы не сбежали.

В других клетках монахи держали молодых кенгуру, уткоснов, опоссумов, тигровых кошек, динго и коал, а также несчастных представителей не столь распространенных в этих краях племен: мелких кошачьих, грызунов, одного черного медведя и начисто сломленного сифаку. Столь яркой была эта панорама всеобщего унижения, что сердце обливалось кровью, и впервые Банкан испытал радость и гордость оттого, что предложил помощь Веррагарру. Увидел он и двух человеческих детенышей, их посадили в такую тесную клетушку, что они не могли даже выпрямиться в полный рост. И хотя Банкан никогда не был видовым шовинистом, горькая участь сородичей подействовала на него гораздо сильнее, чем жалкий облик остальных пленников.

Желудок стянулся в злой узел, и в эту минуту Банкан готов был прыгнуть вниз с мечом наголо и выпустить потроха колдуну Драу и его зайцам.

Хотя Банкан знал, что здесь не обошлось без волшебства, его сбивало с толку присутствие механизмов. Мучила и загадка: зачем, с какой целью понадобилось монахам смешивать черты человеческого ребенка с чертами летучей собаки или валлаби? Невольно ломая над этим голову, он посмотрел на уродцев, втиснутых в другие клетки.

— Что вы тут делаете?

Банкан подпрыгнул как ужаленный, развернулся и увидел именно того, кого боялся увидеть.

У охранника были узкое лицо и руки молодого человека. Все же остальное, несомненно, принадлежало раньше кенгуру. Непропорционально большие ноги, крепкое грушевидное туловище, мощный хвост, длинные кожистые уши торчком — все это больше напоминало народ Веррагарра, чем его собственное племя. Тварь с вызовом в глазах рассматривала его, легко удерживая в лапах тяжелую дубину. Легкая кольчуга защищала покатые плечи.

— Замочи его! — без колебаний выкрикнул Сквилл.

Спустя долю секунды они с Нииной повисли на часовом. На помощь выдрам кинулся Банкан, а Мовара, подбадривая товарищей щебетом, метался над их головами.

Банкан вырвал дубину из лап твари и увернулся от удара ногой. Попади тот в цель, юноша остался бы без головы. Человек-кенгуру отбивался как мог, но не устоял перед сочетанием силы человека и ловкости выдр. Через несколько мгновений он оказался на полу. У Ниины горела щека, которую вскользь задел мускулистый хвост, но никаких других повреждений трио не получило. Сквилл наступил на шею поверженному неприятелю и поднял меч.

— Вот и опаньки тебе, красавчик.

— Ну, давай, убей меня, — пробормотал человек-кенгуру.

Банкан нахмурился и положил ладонь на запястье выдра.

— Подожди.

— Подождать? — Сквилл сдвинул кепи на лоб. — Да ты офигел, кореш! Че тут ждать! Он же тревогу поднимет, чтоб его!

Пленник таращил ясные синие глаза.

— Пожалуйста, прикончите меня. Я хочу умереть.

Ко всеобщему изумлению, гротескное создание расплакалось.

Теперь заколебался даже знаменитый своей черствостью выдр.

— Давайте же! — рыдая, молил человек-кенгуру. — Чего вы ждете? Пронзите меня мечами!

И смежил веки. Сквилл не опускал оружие.

— Кажись, клепаный урод затеял какой-то подлый трюк.

— Я так не думаю.

Банкан выпрямился и аккуратно, но решительно оттеснил выдра. Это давало человеку-кенгуру шанс вскочить и пуститься наутек, но он не шевельнулся. Знай себе хныкал, как заблудившийся ребенок.

— Не медлите! Убейте меня, пока Темные не увидели, что происходит.

Банкан оглянулся на крипту, где царила суета, и вновь посмотрел на пленника.

— Оттуда им нас не увидеть. Не бойся, никто тебя больше не обидит. Мы не позволим.

— Вы их не остановите. — Рыдания перешли в сопение, и человек-кенгуру, щурясь, присмотрелся к Банкану. — Однако кто вы?

Он повернул уродливую голову и встретился взглядом со Сквиллом, а потом и с Нииной.

— Вы не местные.

— Да, мы не местные. — Банкан отступил на шаг, чтобы тварь успокоилась. — Мы с юго-востока, из далекой страны, ты о ней даже не слыхивал.

Человек-кенгуру осторожно сел.

— Но для чего вы здесь? Что вас сюда привело? — Он заметил Мовару, снова опустившегося на плечо Банкану. — А вашу породу я знаю, вы здешний.

— И ты чертовски прав, друг мой, чертовски прав, — хрипло сказал какаду. — Хочешь знать, что нас сюда привело? Раз и навсегда мы хотим разобраться с монахами, раз и навсегда.

У человека-кенгуру глаза на лоб полезли.

— Но это невозможно! Нельзя бросать вызов Темным! Вас уничтожат! Они вытягивают силу из иных миров! Они уже слишком могущественны, их никто и ничто не остановит! — Он в страхе огляделся. — Уходите, пока вас не заметили. Я никому не скажу. Не скажу!

— Мы видели их за работой, — терпеливо, успокаивающе сказал несчастному уроду Банкан. — Да, они могущественны, но это всего лишь волшебство.

— Всего лишь волшебство?! — Человек-кенгуру встал, и Сквилл немедленно прижал острие меча к его ребрам. Пленник опечаленно посмотрел на выдра и повторил: — Не скажу.

Выдр повернулся к Банкану, тот медленно кивнул. Сквилл отошел, но недалеко. Его сестра осталась на месте.

— Мы чаропевцы, — объяснил Банкан. — Мы пришли сюда с Моварой, с ремесленником Веррагарром и многими другими, чтобы положить конец злодеяниям Темных.

— Эт точно, — язвительно добавил Сквилл. — Мы ведь такие клепаные рыцари, делать нам больше совершенно не фига.

Человек-кенгуру оглядел всех поочередно. Он не хотел или не мог поверить в услышанное.

— Вы тоже чародеи? Решили сразиться с Темными?

— Правильно, — ответил Банкан.

— И вы должны это сделать! — В голосе урода зазвучала вдруг такая страстность, что юноша опешил. — Вы должны их немедленно остановить, иначе они захватят весь мир! Подчинят себе все и вся! Остановите их! Сейчас же!

— Так ведь мы ради этого и пришли, друг мой, ради этого и пришли, — встопорщил перья какаду.

— Но нам в диковинку стиль их колдовства, — заметил Банкан. — И все же это только колдовство, — повторил он. — Как говорит великий волшебник Клотагорб, на любую предлагаемую магию обязательно найдется контрмагия.

На юношу покосилась Ниина, и он почувствовал, что слегка покраснел.

У пленника нервно шевелились человеческие пальцы, а толстый хвост хлестал вправо-влево.

— Я здесь уже давно. Кое-что подслушал, кое-что понял. Я ведь не глупый, нет. Драу сначала торит себе богомерзкую дорожку в Запределье и учит там тлетворные слова. Сначала составляет план, затем вербует помощников. Начинает колдовство с маленьких, с жуков. Отнимает у одного крылья, дает другому. Потом — рыбы. Я помню, когда пришел мой черед. Тогда нас было двое, теперь, как видите, один. Другой... выброшен на свалку. — Голос на миг осекся. — Не знаю точно, который именно — я. Не знаю, кого выбросили. Мне повезло. Много раз Темные избавлялись от обоих. Иногда им не удавалось держать свои создания в подчинении. Сколько крика, слез...

Он надолго замолчал.

— Я был «успехом». — Сарказма, вложенного в последнее слово, хватило бы, чтобы свалить дуб. — Мое предназначение — служить Темным, всем монахам. Это единственный способ выжить. Иначе — смерть. Но не так-то легко умереть. Не так-то легко уйти в небытие...

— Как тебя зовут? — спросил как можно мягче Банкан.

На него устремился полный муки взор синих глаз.

— Имена тоже смертны.

— Хорошо, как тебя звали?

— Цилм. Возможно, это имя принадлежало одному из двоих, кем я был раньше. А может, нет. Какая разница. — В голосе появилась надежда. — Теперь вы меня убьете?

— Да не собираемся мы тебя убивать, — твердо произнес Банкан. — У меня рука не поднимется.

Сквилл опустил меч.

— Во зараза, у меня тоже. Впервые в жизни.

— Ты ведь не виноват в том... что стал таким, — продолжал юноша. — Мы не хотим зла ни тебе, ни твоим друзьям.

— У меня нет друзей. — Цилму удалось слабо пожать получеловеческими-полузвериными плечами. — Здесь ни у кого нет друзей. Только личные страхи.

Банкан понимающе кивнул.

— Коли так, помоги нам. Я прошу тебя стать нашим другом. Помоги положить конец всему этому.

Человек-кенгуру с сомнением поглядел в сторону крипты.

— Но у Темных такая сила...

— Э, шеф, ты о нашей силе не слыхал. Погоди, вот мы еще покажем, на че способны.

— Так ты поможешь? — дожимал Цилма Банкан, стараясь не перегнуть палку.

Очевидно, упрямство не входило в число тех качеств, которыми Темные наделяли свои жертвы.

— Не уверен. Не... знаю. Вы бы видели, что бывает с теми, кто противится монахам. — Он задрожал всем телом. — Не хотелось бы мне еще раз на это посмотреть, не говоря уже о том, чтобы самому испытать.

— Не боись, чувак, мы способны о себе позаботиться, — заявила Ниина, хотя сама уверенности не испытывала.

И все же существо колебалось. Потом прянуло ушами — взбодрилось.

— Цилм поможет. Но только при одном условии.

— При каком? — устало спросил Банкан.

— Если ничего не получится, вы меня убьете.

Банкан проглотил возникший в горле комок. Как это все не похоже на рыцарское спасение Ниины. Да, здесь путешественники славы не обрящут, в лучшем случае сделают грязную, но необходимую работу. Вдохновения, предвкушения он не испытывал. Только мрачную решимость.

— Ладно, — услышал он собственное бормотание. Казалось, голос принадлежал не ему.

Цилм понимающе кивнул.

— Крепитесь. Я — красавец по сравнению с теми, кого вы скоро увидите. Надо уничтожить устройства, разлить зелья, рассыпать порошки. Не оставить ничего. Раз и навсегда покончить с гнусными опытами. Пусть не будет больше колдовства. Пусть не будет больше меня.

Банкан заглянул в крипту.

— У ворот монастыря ждут наши друзья. Небольшая армия. Перед самым рассветом они нападут на Килагурри. Мы должны нанести удар, как только они пойдут на приступ.

— Эт точно, — шепотом подтвердил Сквилл.

— Тут можно где-нибудь укрыться? — спросила Ниина.

Поразмыслив, человек-кенгуру поманил диверсантов за собой.

— Неподалеку — кладовая. В нее заходят редко. Окно расположено высоко — света мало. Идем.

Глава 23

Банкан, несмотря на твердое решение бодрствовать, поймал себя на том, что опять клюет носом. И в этот полусон вторгались обрывочные кошмары, напичканные самыми разнообразными частями тел. Как только оторванные, отрезанные части собирались в единое целое, оно падало, катилось кувырком и разбивалось, как стекло, о красные камни пустыни Тамаз. И каждый раз он просыпался только для того, чтобы минуту спустя снова утонуть в жуткой дреме.

Наконец он пришел в себя и обнаружил, что в помещении заметно светлее и далеко не так тихо. Высоко расположенное оконце пропускало отдаленный шум. Банкан растряс Мовару, затем Сквилла. Ниина уже не спала, она тихо беседовала с Цилмом. Следом за своим проводником путники направились к выходу.

Не успели они отворить дверь, как за ней раздался топот. По коридору скакал монах в сутане с накинутым на голову капюшоном. Они крались за ним на безопасном расстоянии, задерживаясь на поворотах, чтобы осторожно заглянуть за угол. Ни о чем не подозревающий заяц прыгнул в шахту, где все это время, похоже, не прекращалась кипучая деятельность. Возбужденно совещались Темные, их голоса звучали громче и куда взволнованнее, чем прежде. Молчаливые путники наблюдали, как монахи группами по двое и по трое выходят за дверь. Вскоре зал опустел, остались только узники в клетках.

— Идем. — Цилм сделал длинный прыжок к лестнице, спиралью проходящей по стене крипты. — Пока они не вернулись.

И вот Банкан на дне шахты, среди столов, забитых диковинной аппаратурой. Со стороны клеток неслись сонные стоны. Он запрокинул голову, это позволило ему разглядеть тщательно выписанные символы на сводчатом потолке. Солнце уже всходило, но здесь было темно. Юноша поймал себя на том, что скучает по свежему, сладкому воздуху лесов.

Он приблизился к одному из столов. Несколько конструкций на нем смахивали на детские игрушки. Шары, соединенные между собой палочками или вдавленные в другие шары — сущие нелепицы для непосвященного. Лежали там и стопки листов, скрепленных проволокой, исписанные незнакомыми буквами или иероглифами.

Справа раздался треск, тотчас за ним последовал другой. Выдры уже взялись за дело — бросали на пол сосуды с жидкостями и рассыпали порошки. Банкан достал меч и приступил к методичному уничтожению моделей, рубя их на куски.

Наконец он добрался до кафедры Драу и застыл в нерешительности перед дощечкой с выпуклостями и откидным экраном. Хотя он разглядывал стекло в упор, никаких изображений не увидел. Оно было непрозрачным и тусклым. Он постучал по выпуклостям на панели, но безрезультатно. Впрочем, он и не надеялся оживить штуковину, о чьей волшебной сути не знал ровным счетом ничего.

Необходимо позаботиться о том, чтобы она не смогла ожить и по воле Темных. Банкан схватил устройство, поднял над головой и обрушил на пол. Коробка разбилась, как яйцо, разлетелись во все стороны обломки корпуса и внутренности. Мечом Банкан измельчил их в не подлежащее ремонту крошево.

Близнецы с боевыми кличами и ликующим смехом прорубали себе дорогу через оставшуюся аппаратуру. Мовара помогал по мере сил. Цилм был не в силах одолеть свои страхи. Он стоял в сторонке, пристально наблюдая за погромом, глаза его сияли.

На каменном полу смешивались порошки и жидкости, кое-где появились шипящие, пузырящиеся лужицы. Банкан и его друзья старались их обходить. Несчастные обитатели клеток не-

уверенно подавали голоса. Банкану очень хотелось выпустить их, но в первую очередь следовало разделаться с магическим арсеналом Темных.

Оставалось лишь гадать, чем занимаются снаружи Верраграрр, его ополченцы, а также Снугенхатт с Визом.

Одна рельефная панель была изготовлена из какого-то особенно прочного материала. Банкан проткнул ее мечом, а потом бил о стену, пока не отлетели все до единой выпуклости. Расколов надвое легкий прямоугольник и отшвырнув обломки, юноша огляделся.

— Где Сквилл?

Тяжело дышавшая Ниина опустила меч. Ее окружали руины. По очищенному от аппаратуры столу прохаживался розовый какаду.

— Не знаю, — обеспокоенно откликнулся он.

Ниина мотнула головой в сторону лестницы.

— Сказал, чтоб мы не волновались. У него, мол, срочное дельце. Да вон он, уже возвращается.

Банкан повернулся и увидел выдра на верхней ступеньке каменной лестницы. Сквилл держал в коротких лапах самый главный металлический ящик из Логова Совета.

— Нельзя ж было про него забыть.

Выдр улыбнулся и подбросил тяжелую ношу. Та с грохотом ударилась о ступеньку и скатилась на пол крипты.

К изумлению диверсантов, кувыркаясь, ящик верещал:

— Оставьте меня в покое! Не приближайтесь! В доступе отказано!

Несмотря на лязг и грохот, слова звучали очень разборчиво. Когда ящик наконец остановился, к нему двинулся Банкан. Ящик вмиг поднялся на четырех крошечных резиновых ножках и засеменил прочь.

— Не прикасайтесь! Вы не соответствуете! — Слова вылетали сквозь узкие продольные щели в передней стенке. Все три рта кричали одновременно. — Диск Це заблокирован, диск Це заблокирован... Попытка несанкционированной загрузки... Вставьте правильно отформатированную дискету... В доступе отказано, в доступе отказано...

— Правда что ль?

Сквилл, преодолев замешательство, спустился по лестнице вслед за протестующим устройством и аккуратно всадил острие короткого меча в самую голосистую щель.

Наградой ему были металлический вой и скрежет. Затрясся меч. Затряслась лапа. Когда выдр попытался выдернуть оружие, пасть мертвой хваткой вцепилась в клинок. Из остальных ртов потекла слюна, и Банкан увидел крошечные зубы.

— Ваша программа стирается! Ваша программа стирается! — верещала одна из свободных пастей.

— Ни хрена ты больше не сотрешь!

Выдру удалось, ухватившись за рукоять меча обоими лапами, высвободить клинок. Он воздел оружие над головой, и на прочный корпус посыпались энергичные удары. Устройство, выкрикивая неразборчивые оскорбления и разборчивые подчас угрозы, уворачивалось, но, не преуспев, решило укусить своего мучителя. Но не ему тягаться в ловкости с разошедшимся выдром.

Однако металлическая шкура оказалась необычайно крепкой, и Сквилл, как ни старался, оставил лишь вмятины на гладкой поверхности.

— Только посмотрите на эту мерзость, только посмотрите! — Над головой Банкана порхал негодующий Мовара. — Чтоб волшебство да так ругалось!

— Позвольте мне.

Цилм описал в воздухе изящную дугу и ударил по ящику мощными ступнями. Но и этого оказалось мало.

Банкан заметил наверху движение.

— Нас обнаружили. Надо заканчивать и выбираться отсюда.

Он бросился на подмогу Ниине — добивать последнее уцелевшее устройство. При поддержке Цилма ему удалось опрокинуть самый большой стол. Сложная техника с грохотом посыпалась на пол. Но Банкана это не удовлетворило, и он орудовал мечом, пока Сквилл расправлялся с живучей штуковиной.

— Требуется перезагрузка, требуется перезагрузка!

Механизм запрыгал к лестнице, явно намереваясь спастись бегством. Сквилл запрыгнул на него сверху. Точно черепаха, приземистый квадратный ящик переставлял конечности, таща выдра на себе.

— Эй, кореша, подсобите! — Сквилл почувствовал, что недолго продержится на гладком металле. — Оно же драпает!

— Не отпускай!

Банкан нашел среди хлама невредимую бутылку, на три четверти заполненную светло-желтой жидкостью. Бросившись к лестнице, он помог выдру перевернуть ящик вверх тормашками. Засучили, напрасно ища опоры, резиновые ножки.

— В доступе отказано! В доступе отказано!

Сквилл из последних сил удерживал ящик на месте, а Банкан перелил содержимое бутылки в самую большую и громкую пасть. Бросив опустевшую емкость, он отошел. Через секунду отступил и выдр.

Шатаясь, ящик преодолел две ступеньки, остановился и неистово затрясся. Из всех трех щелей раздалось бульканье. Засим последовали звуки механической рвоты, и штуковина исторгла несколько кусочков пластмассы. Один рот пролепетал:

— Ослеп! Я ослеп! Что с моими сканерами? Куда делись драйверы? Будьте вы прокляты, гадкие хакеры! Отмена, перезапуск, выключение. Отмена, перезапуск... выключение...

Ящик содрогнулся в последний раз, затем ножки подкосились, и он покатился вниз. Сквилл осторожно подошел, легонько пнул умолкший механизм, оглянулся на Банкана. И человек, и выдр тяжело дышали.

— Кажись, сдохло.

Банкан кивнул и посмотрел наверх. Там нарастала суматоха.

— Мовара! Как дела?

Какаду взмыл к потолку и испуганно закричал:

— Они идут! Темные! Приготовьтесь! Будьте начеку!

До Банкана дотронулась чья-то рука, и он заставил себя не отпрянуть от ее ужасного хозяина.

— Не забудь обещание, — тихо произнес Цилм.

— Мне еще не приходилось убивать. — Банкан убрал меч в ножны и передвинул дуару на живот. — Сквилл, Ниина!

Они встали в тесный кружок, голова к голове, и тихо запели — пока в порядке репетиции. Над ними кружил и кудахтал Мовара. Цилм, предоставленный самому себе, вырывал из неподвижного ящика внутренности и разбрасывал по крипте.

— Кто посмел? — донесся сверху яростный вопль.

— Они погубили оракула!

Второй кричавший, судя по тону, был больше испуган, чем разъярен.

Наверху, на краю шахты, собирались монахи. Банкана ободрило, что они вооружены не тайными волшебными снастями, а обыкновенными мечами и ножами.

— Приготовьтесь, — шепотом велел он спутникам. Выдры прижались к нему.

— Убить их! Убить их!

Этот клич сначала звучал тихо, но постепенно набирал силу.

Самый высокий заяц подошел к лестнице, откинул капюшон. Пылали глаза, вздрагивали уши. Драу в ярости рассматривал незваных гостей.

— Вас ожидает мучительное расчленение, и я никому не уступлю удовольствие изменить ваши гены!

Если бы взгляды могли убивать, пришельцы не прожили бы и секунды. На Банкана угроза произвела слабое впечатление, так как он не понял ничего, кроме посула расчленить их.

— Заклинаю властью Всеобъемлющего Слайсинга, могуществом Гаплоидного Растворения. Заклинаю плодовитостью моего народа и дикими вывертами наших ДНК. Взываю к Великому Магистру Селективного Размножения и молю покарать сих чудовищ, сих осквернителей!

Драу вскинул лапы к потолку и затянул новое заклинание, тотчас подхваченное его сподвижниками.

Под лестницей образовался темный мерцающий сгусток. Из его сердцевины исходило тихое вибрирующее рычание.

— Спокойно! — предостерег Банкан спутников. Его пальцы напряженно замерли на струнах.

В кроваво-красном дыму кто-то шевелился. Дым таял, и вскоре прорисовался некто мохнатый, ростом вдвое меньше Снугенхатта. Широченные сутулые плечи прикрывал кожаный жилет с металлическими шипами. Такие же шипы, точно колючая проволока, проходили по позвоночнику и покрытому короткой шерстью хвосту. Уши были изорваны, из-под верхней губы торчали длинные резцы. Одна лапа волочила по полу огромную деревянную палицу.

— Морковки! — прорычало чудище.

— Нет, нет! — Драу был вынужден прервать заклинание и указать на диверсантов. — Атаковать, схватить, обездвижить!

Обладатель богатырской фигуры неуверенно заморгал.

— Морковки?

— Морковка будет потом, — желчно отрезал Драу. — Растерзать их!

Глаза с тяжелыми веками сфокусировались на неподвижном трио. Заяц-мутант поднял палицу обеими лапами, скакнул вперед и замахнулся.

Банкан, не переставая играть, отскочил вправо, выдры метнулись в противоположную сторону. Палица обрушилась на пол в том месте, где они только что стояли.

— Эй, уродина, я здесь!

Сквилл строил рожи из-под уцелевшего стола. Палица снова взмыла и под чудовищное кряканье ее владельца превратила стол в щепки. Но выдр уже был таков.

Драу беспомощно ломал руки.

— Нет! Не так! Аккуратнее!

Но эта просьба, очевидно, была слишком сложна для туповатого палача, и он остановился, чтобы недоуменно вытаращиться на своего повелителя.

— Растерзать аккуратно?

Заминка позволила отряду перегруппироваться. Выдры чуть-чуть запыхались, но это не помешало им петь легко и слаженно:

Трибуны — в угаре. Арена — в дыму.
Из дыма выходит рожденный в кошмаре.
И все как один рукоплещут ему,
С восторгом глядят на ужасную харю.
Посмотрим еще, улыбнется кому
Фортуна, когда бестиарий в ударе!

Чудовище окуталось серебристым туманом. Дубина застыла над длинными ушами, заяц оглушительно чихнул (очевидно, колдовской туман был едок) и, несмотря на отчаянный галдеж Темных, съежился. Уменьшились резцы, сократились ноги, туловище и голова стали крошечными. Только уши оставались прежними.

Монстр неудержимо мельчал и вскоре превратился в миниатюрного грызуна, не больше Мовары. Непропорционально большие уши расстелились на полу. «Допрыгался, заинька», — с улыбкой подумал Банкан.

И все же, невзирая на перемены, косой пытался выполнить приказ.

— Растерзать! — пискнул он и обрушил миниатюрную дубину на лапу Сквилла.

Выдр ойкнул и отскочил.

— Ах ты, чертов маленький... Вот привяжу веревочку к ушам, будешь клепаным йо-йо!

— Довольно!

Разъяренный Драу раскинул лапы. Его сподвижники попятились.

— Банкугель, ты слышишь? — спросила Ниина.

Банкан уловил далекий шум сражения. И улыбнулся. Они отвлекли со стены главные силы Темных, и, похоже, Веррагарру с отрядом удалось пробиться через ворота. Если они в монастыре, то победа — вопрос времени.

— Все кончено! — крикнул он удрученному зайцу. — Драу, ты проиграл. Даже если расправишься с нами, наши друзья все равно очистят монастырь.

— Хотя ты можешь этого не бояться, — весело добавила Ниина. — Твою грязную душонку нипочем добела не отмоешь.

Заяц исторг мученический полустон-полурык:

— Вы погубили оракула. Разрушили даритель священных знаний. Вы хоть понимаете, что натворили?

— Еще как понимаем. — Банкан пнул выпотрошенный ящик, тот громыхнул. — И понимаем, что тебе больше не калечить ни в чем не повинный народ.

— Может, и так, но, хоть даритель знаний мертв, сами знания останутся с нами. — Драу простер лапы, указывая в глубь крипты. — Мы добудем замену всему погубленному, дай только срок. — Он посмотрел на монахов. — Братья, мы начнем заново.

Темные зашептались. Они больше не пятились — ждали, что предпримет духовный лидер. Драу перевел взгляд на Банкана и его друзей.

— Но сначала, — прошипел он, — мы должны воздать по заслугам преступным чужеземцам. А после позаботимся о жалкой деревенщине. — Колдун выпрямился. — Положа лапу на сердце, ваши чары произвели на меня впечатление.

— А ведь мы, шеф, даже не вспотели. Фигурально выражаясь, конечно, — уточнила Ниина, вспомнив, что не умеет потеть.

— Я устал. — Драу глубоко вздохнул. — Еще столько дел, столько нерешенных проблем. Трудно оценивать чужие деяния, когда устаешь до полусмерти.

— Еще труднее, когда ты и вовсе мертвец.

Сквилл, пробуя лезвие меча пальцем, одарил колдуна многообещающей улыбкой. Его усы были выгнуты коромыслом.

— Да, водяная крыса, это весьма дельное замечание, и вполне уместное. — Драу повернулся к ближайшему помощнику и прорычал: — Выпусти Берсеркера.

— Берсеркера? — Монах отшатнулся. — Но, великий Драу...

— Выпускай, я сказал! — Драу с ненавистью посмотрел на оробевшего зайца. — Я добьюсь от него подчинения.

Заслышав стон, Банкан повернулся и увидел, как человек-кенгуру пятится к стене.

— Цилм, дружище, кто такой Берсеркер?

Однако на этот раз союзник оказался не в состоянии ответить.

Секунду спустя затрещало дерево — в коридор перед криптой, выломав дверь, вбежал неимоверный силач. Полетели щепки, посыпалась труха. Банкан разогнал пыль и пригляделся.

На него кто-то пикировал.

— Виз!

Сверху на Банкана с довольной улыбкой на простецкой морде взирал Снуггенхатт. На широких плечах висели изувеченные брусья, доспехи были в жутких вмятинах, но сам он, похоже, не пострадал. Толстая дверь больше не мешала сражению звучать вдвое громче.

— Мы пробились! — сообщил птах, зависая у Банкана над головой. — Зайцы сдаются по всему монастырю.

Банкан обратился к властелину Темных:

— Драу, все кончено. Эта «деревенщина», которую ты презираешь, одолела твоих монстров. Облегчи свою участь, сдайся.

Заяц не выказывал ни малейшей озабоченности. Он смотрел не на Банкана, а направо, на темную дверь в стене коридора.

— Человеческий детеныш, ты ошибаешься. Ничего не кончено. Если на то пошло, еще ничего и не начиналось. Твой незрелый ум просто не в состоянии вообразить конечный продукт тщательно просчитанной и вдохновенной генетической манипуляции. О да, ты даже не ведаешь о силе, с которой столкнешься через миг-другой. А коли так, мой долг — просветить тебя. Слушай внимательно. Потому что больше тебе ничего в жизни услышать не суждено.

Его смех напоминал гнилую медузу — был мягок, тошнотворен, ядовит.

— Когда ты будешь расчленен, я сам с великим удовольствием займусь синтезом. Из твоих останков я изготовлю нескольких безмозглых ползучих тварей, нижайших из низших. Ты будешь жить в вечной боли, ты будешь молить о смерти, ты будешь примером для всех и каждого, кто осмелится хотя бы помыслить о том, чтобы усомниться в святости и могуществе Килагурри.

Сквилл картинно высморкался в подобранный с пола лист бумаги.

— Классная речуга, шеф, но риторическая, потому как я тебе щас башку снесу.

И, сжав рукоять меча, он решительно двинулся вверх по лестнице.

Однако далекий гул заставил его остановиться.

Все растерянно и заинтересованно оглянулись на запертую дверь, от которой не отрывал глаз длинноухий чародей. Внезапно за этим сумрачным препятствием раздался пронзительный, на грани ультразвука, визг.

Банкан невольно содрогнулся. Никто не способен верещать страшнее, чем умирающий кролик.

Драу оттопырил нижнюю губу.

— Жаль. Кажется, брат Джеррат, выполняя свой долг, не проявил надлежащей расторопности.

«Это не гул, — беспокойно подумал Банкан, — это тяжелое дыхание чудовища, и оно раздается все ближе». Вспомнились не знающие покоя мехи в линчбенийской кузнице, но здешнему звуку не сопутствовали веселые, добрые искры. От него веяло невообразимой опасностью.

— Банкан?

В этот раз Ниина не исказила имя друга, что лишь подчеркивало серьезность ситуации.

А он все смотрел на темную арку, загипнотизированный чем-то таким, чему и названия не мог подобрать. Что лишь ощущал.

— Не знаю... Там кто-то большой.

Драу отважно стоял на месте, но его коллеги нервно зашептались и медленно попятились.

— Чаропевец, ты притих? В чем же дело? Ну, давай, сыграй нам мотивчик! Что-нибудь бодренькое. Или, наоборот, колыбельную. Ты еще не баюкал Берсеркера? Может, твоя музыка для этого не годится?

Он возбужденно жестикулировал, прочерчивая в воздухе угловатые спирали.

Между тем армия Веррагарра растекалась по монастырю, и звуки рукопашной стихали. Но Банкана это уже почти не радовало. Исход сражения решится здесь, на развалинах монашеской лаборатории. Мовара с Визом порхали под потолком, а Снугенхатт агрессивно расхаживал по коридору возле крипты. Цилма не было видно — человек-кенгуру предпочел сбежать. Слева и справа от Банкана стояли готовые к бою выдры, а сам он ждал, что будет дальше.

Кто-то приближался, в этом не могло быть сомнений.

Он не проломил массивный заслон, не распахнул тяжелые створки. Нет, он прогрыз себе путь через дверь, словно она была

бумажная, и презрительно выплюнул измельченную древесину и металл.

Банкан посмотрел на пришельца. Тот был поменьше Снугенхатта, однако своим обликом вполне мог вселить ужас в сердца любых, даже еще не родившихся героев. На сутулых плечах бугрились огромные мышцы, как обтянутые кожей валуны. Из черепа торчали два ряда острых, широко расставленных рогов. Один ряд был направлен вперед, другой — вперед и вверх, как пики солдат в каре.

Туловище, при всей своей хищной мускулистости, несомненно, принадлежало когда-то копытному: короткая шерсть, хвост кнутом, четыре ноги с раздвоенными копытами. Монахи пересадили только голову, взяв ее у собаки специфической породы, увеличенной в размерах сверх всяких приличий. Шея, казалось, отсутствовала, жуткая башка росла прямо из плеч. Выпученные красные глазки лучились свирепым, кровожадным огнем, а с мощных челюстей и толстых губ текла слюна. Из горла, спрятанного под складками кожи и жира, рвалось жуткое бульканье, словно там застрял ком из пожранных тварью бедолаг.

Поистине, это был венец преступного, злокозненного, изуверского творчества Темных, монумент их порочной и пагубной власти. Тело громадного быка, череп — самого безжалостного из бойцовых псов. Зубы и рога, челюсти и копыта.

Бульбык затряс башкой и выплюнул застрявший в зубах стальной болт. Тот со звоном отрикошетил от каменного пола. Берсеркер пошарил взглядом и остановил его на длинноухом Драу. Почтительно склонился грозный череп.

— О господин, твой слуга ждет приказаний.

В ушах Драу это прозвучало сладкой музыкой. Однако его указующий перст дрожал.

— Разорви негодяев... но не лишай нас надежды их перекроить.

Череп приподнялся, повернулся. Сокрушительные зубы обнажились в лютой улыбке.

— С удовольствием, господин. Это мое самое любимое занятие.

И бульбык двинулся к лестнице.

Банкан и выдры уже отступали по широким каменным ступеням. Юноша снова взялся за дуару.

— Ну, ребята, давайте. Песенку. Что-нибудь похлеще. Разделаемся с ним! Сочиняйте!

— Банкоф, а че я, по-твоему, делаю? — огрызнулась Ниина.

Драу восторженно хихикал, его сподвижники, не разделяя отваги предводителя, отступили в дальний угол и там сгрудились в страхе. Глаза затравленно блестели под капюшонами.

— Нет, юные музыкоделы, песенки вам больше не помогут.

Ничто вас не спасет! Никакая сила на этой земле или за ее пределами не остановит Берсеркера!

— Может, и так, но мы все равно попытаемся!

К тому времени, когда чудовище приблизилось к лестнице, Снугенхатт успел набрать приличный разгон. Он с невероятной силой поддел рогом застигнутого врасплох бульбыка. Тварь не удержалась на ногах и съехала на несколько ступенек, но сразу поднялась, встряхнулась и, сверкая полными злобы глазами, распахнула невероятную пасть. Одним прыжком вылетев из крипты, она мотнула башкой и боднула Снугенхатта. Рога не пронзили доспехов носорога, но он отлетел, как тряпичная кукла. Задние ноги шарили по стене в поисках опоры. Не теряя времени, чудовище подскочило, двинуло плечом — и беспомощный Снугенхатт сорвался.

С грохотом, как будто на огромной скорости столкнулись две симфонии, носорог обрушился на пол. Во все стороны полетели доспехи. Лежа на боку, он конвульсивно брыкался.

— Снугенхатт! Снуг! Вставай, дружище! Хватит месить воздух!

Виз отчаянно хлопал крыльями над поверженным товарищем.

— Виз, сзади! — в страхе вскричал Банкан.

Но громадные челюсти клацнули вхолостую. Клещеед ловко увернулся и снова запорхал над носорогом.

— Давай, шевелись! Ты не умер! Хватит бездельничать! Снуг, ты нам нужен.

Снугенхатт действительно был жив, но контужен. Он только моргал и брыкался. Было ясно, что он еще не скоро придет в себя.

Разделавшись с носорогом, бульбык пустился на поиски новой добычи. Он решительно устремился по лестнице к Банкану и попытался загнать его в ближайший угол, решив, вероятно, что человека поймать гораздо проще, чем увертливых выдр. Банкан, держа перед собой дуару как амулет, отступал. Но понимал: сколько ни увертывайся, рано или поздно тварь его прижмет.

— Начали! — крикнул он державшимся неподалеку выдрам. Раздвоенный гриф откликнулся безобидной мелодией. — Слова! Мне нужны слова!

— Кореш, так-растак, мы пытаемся!

Сквилл, стараясь отвлечь Берсеркера, проскочил у того под носом.

Но жестокое создание было не лыком шито. Оно окончательно выбрало цель. Сначала — человек, а потом будет вдоволь времени, чтобы разобраться с выдрами.

Ниина тоже маячила в опасной близости от острых рогов и копыт, но и ее не удостоил вниманием бульбык. Пока близнецы торопливо шептались, Банкан в отчаянии решал, в какую сторону прыгать.

На верхнем ярусе Темные двинулись вперед, их приободрило, что Берсеркер безоговорочно повинуется главарю. Поначалу неохотно, но все смелей и громче их хор гнусавил зловещую молитву.

Запели наконец и Сквилл с Ниной:

Дайте ему в зубы,
Съездите по носу,
Скулы своротите,
Залепите в глаз.
Сами приструните
Вашего барбоса,
А не то, клянемся,
Разозлит он нас!

Банкан, неистово играя, крикнул друзьям:

— Да вы спятили! Это что, по-вашему, чаропеснь?

Сквилл состроил рожу, а Ниина отмахнулась — она мучительно сочиняла новый куплет.

— Че ты от нас хочешь, чувак? И так жилы рвем.

На полу зашевелились куски стекла и металла. Они отрастили сияющие крылья, взмыли и бесстрашно ринулись на приближающегося бульбыка. Одни отскакивали, не причинив ему вреда, и бились в судорогах на полу, другие превращались в пыль под громадными копытами.

В воздух поднялся даже изуродованный стол. Кожистые изумрудные крылья вознесли его к потолку, и оттуда он метко спикировал на голову монстра. Тварь поменьше непременно откинула бы копыта, но Берсеркер лишь присел, а затем ухватил алмазной твердости зубами заколдованный предмет меблировки. Трогательно посучив ножками, стол успокоился навсегда.

— Сдавайтесь! — кричал сверху Драу. — Берсеркера вашими простенькими мелодиями не одолеть! Его защищает всеобъемлющая вуаль невежества! Он несведущ в колдовстве, он не понимает чаропения, он не постиг даже азов чудотворства, и, следовательно, против него эти средства бессильны. Это просто гора мускулов с зубами и рогами. Только мой голос способен проникнуть сквозь толстую кость и добраться до сокрытого под нею умишка.

Выдры запели другую песню. Над полом заклубилась эфемерная шипучая дымка — очевидно, она стремилась закрыть твари обзор, но бульбык лишь чихал и раздраженно мотал башкой.

Банкан носился по комнате с быстротой, которой откровенно завидовала его сообразительность. Да, чаропение не помогало против этого абсолютного оружия Темных, о чем юноша сообщил друзьям.

— Должно помочь. — Ниина лихорадочно придумывала све-

жие стихи. — У Джон-Тома и Маджа всегда получалось, и у нас получится.

— Я не Джон-Том.

Банкан метнулся вправо. Бульбык тоже прыгал из стороны в сторону, предугадывая его уловки.

— Тогда изобрети че-нибудь такое, до чего твой папаня вовек бы не додумался, — воззвал к нему Сквилл. — А не то нам крышка, клянусь слюнями трубкозуба.

«Легко сказать, — устало подумал Банкан. — Трудно сделать». От изнеможения подкашивались ноги. Пальцы одеревенели, да и у выдр глотки не луженые. Ничто не брало беспощадного монстра. Одно движение кошмарных челюстей — и юноша превратится в кровавый фарш.

В голове забрезжили стихи, и он приободрился. Однажды это уже сработало. И хотя в чаропении повторяться рискованно, выбора нет. Да и что они теряют?

Ниина выслушала и, стараясь уследить одновременно за ним и за хищной горой мяса с зубами, проговорила:

— Бансик, ты уж прости меня за предубежденность, но разве сейчас подходящее время для детской болтовни? Нам нужна сила, нам нужна мощь, нам нужно...

— Нам нужно что-то принципиально иное, и в этом твой брат совершенно прав. Помнишь собачью песенку, ту, которой на болоте от гончих отбились? В ней точно есть сила, надо только спеть ее по-другому. — Он все пятился, а стена была совсем близка, и близок был монстр. Банкан уже представлял, как брыкается и корчится на его внушительных рогах. — Я начинаю, а вы со Сквилом подхватываете. Внимательно слушайте и...

С ревом, от которого со свода посыпалась известка, бульбык опустил голову и атаковал.

— Врассыпную!

Банкан кинулся вправо. Рога врезались в каменную стену, зубы пронзили воздух там, где он стоял долю секунды назад. Для своих габаритов чудовище было чрезвычайно подвижным. Оно отпрянуло в сторону, чтобы отрезать Банкану путь. Бульбык уже понял, что его жертва в ловушке. На сей раз он даже не потрудился опустить рога.

Издалека донесся крик Виза. Птица уговаривала Снугенхатта подняться на ноги, но тот упорно не приходил в себя. Теперь все зависело от Банкана и выдр. И юноша дрожащим голосом затянул песенку, которую выучил в детстве, песенку, которая недавно так здорово помогла ему и его товарищам. Только... на этот раз слова звучали иначе. Даже ему они казались слезливо-приторными.

Расчет строился на том, что Сквилл с Ниной соображают так же быстро, как бегают. Близнецы уже пели эту песню, и теперь им будет легко переделать простенький текст.

Равнодушный к музыке, бульбык смотрел то на человека, то на выдр и решал, с кем покончить в первую очередь.

Банкан, слушая близнецов, был вынужден признать: им удавалось вкладывать в пение истинные чувства. На этот раз песенка была полна пафоса и сожаления, печали и боли. Он заиграл медленнее, они запели спокойнее, и вместе им удалось создать ауру неизбывной тоски, и тоска эта вскоре заполнила все помещение.

В крипте не появились светящиеся облака, но дуара пульсировала густой темной синью, и та великолепно подчеркивала музыку, которую Банкан искусно извлекал из двух наборов струн.

До чего же она, до чего же она,
До чего же она, эта крошка в окошке, печальна!
Ей, невинной, рога и копыта достались случайно,
И теперь угасает она совершенно одна.
Кто ей косточку бросит, кто скажет: «К ноге!» или «Стойку!»?
Кто подсядет к бедняжке за столик, предложит вина?
Кто захочет хотя бы вульгарно втащить ее в койку,
Если взвизгнет при виде ее даже сам сатана?
До чего, до чего, до чего же несчастна она!

Чаропеснь была полна гнева (в конце концов, это же рэп), но еще — одиночества и томления, тоски по душевному покою, так давно утраченному невинной жертвой Темных. В песне сквозила ностальгия по забытым, задавленным мечтам. Снугенхатт, уже поднявшийся на ноги, сразу угодил в гармоничные сети меланхолии, сплетенные Банканом и выдрами. Как и все остальные в радиусе слышимости. Даже кое-кто из монахов невольно поддался сожалениям о былом.

Банкан играл, обильно потел и смотрел в пылающие глаза бульбыка.

Тот вызывающе шагнул вперед... и остановился.

Опали уродливые уши. Твари нипочем были копья, не страшны стрелы, до лампочки — мечи, но от музыки она так просто отмахнуться не могла. Казалось, яростные глаза тускнели. Из угла могучей пасти выскользнул темно-красный язык — влажный, слюнявый кусок мяса — и повис, едва не касаясь пола.

Зубастая гора опустилась на задние лапы и задышала часто и тяжело. И самая настоящая собачья ухмылка расползлась по широкой морде. Под усердную импровизацию выдр улыбка эта вскоре сменилась выражением великой печали. Та печаль была окаймлена слезами — потаенные чувства проснулись в оцепенелой душе Берсеркера. Уже не щелкали кровожадные челюсти. Глаза были полузакрыты, голова покачивалась в ритме музыки. Тварь внимала, впитывала, переживала.

А Банкан играл, дивясь тому, какие чудеса способна творить по сути простенькая мелодия.

К тому времени, когда выдры добрались до четырнадцатого

наспех сочиненного куплета, монстр уже лежал на брюхе, смежив веки, кошмарный череп покоился на скрещенных передних лапах. Впервые на своем пути сквозь тернии Берсеркер обрел успокоение. То и дело из горла вырывалось тихое, но отчетливое рыдание, и хлестал по полу хвост.

Выдры, усталые, но втайне ликующие, дотянули до конца заключительный куплет. Пальцы Банкана извлекли из дуары последний аккорд. В зале стояла тишина, если не считать тщетных завываний волшебника Драу и отзвуков далекой битвы. Да еще — сладкого похрапывания уснувшего бульбыка, которое разносилось под сводами.

Драу был вне себя от гнева и отчаяния. Он вырвал из лапы взгрустнувшего помощника саблю и помчался к лестнице. Главный заяц решил сразиться с Банканом. Юноша, убрав дуару за спину, не тронулся с места, лишь обнажил свой меч.

Колдун замахнулся, но это было обманное движение. Заяц высоко подпрыгнул и ударил огромными задними лапами. Да только юноша оказался гораздо проворнее, чем ожидал его противник. Как-никак, он вырос вместе с выдрами. В самый последний миг Банкан присел. Драу пролетел над ним...

...и изо всех сил припечатал обе ступни к голове мирно спящего бульбыка.

Тот всхрапнул, проснулся и тотчас обнаружил виновника своего пробуждения от самого сладкого в жизни сна. И предостерегающе зарычал.

Драу, путаясь в мантии, поднялся и ткнул в сторону Банкана дрожащим пальцем.

— Убей его. Убей их всех! Начни с человека. Не заботься о сохранности частей тела. Расчлени его. Медленно и методично разорви на мелкие клочки.

Бульбык поднялся на все четыре. Банкан медленно попятился. Но тварь двинулась не к нему. Она вообще не двинулась.

Драу неистово замахал лапами.

— Да что на тебя нашло? Повинуйся! Действуй! Я приказываю! Именем искривленной ДНК! Именем генных связей! Именем законов Менделя я требую исполнить мою волю!

Бульбык с глухим ревом медленно пошел на разгневанного колдуна, безжалостно потеснил его к лестнице.

— Назад! — В голосе Драу появилось смятение. И не только смятение. Наконец-то Банкан услышал нотку страха. — Это что, бунт? Да я разберу тебя на части и соберу заново!

В дверном проеме стояли как зачарованные двое солдат Веррагарра: бандикут с топором и виверр с мечом. Темные тоже взирали в изумлении и ужасе, но вмешаться не желали или не могли. На спине Снугенхатта сидели Мовара с Визом, а выдры перебрались поближе к Банкану.

Драу оглянулся. С лестницы уже не спрыгнешь — на полу

крипты его подстерегает разъяренный носорог. Падение контузило Снугенхатта, но не ослепило. Его глаза нетерпеливо следили за отступающим волшебником. По каменным плитам гневно скребла огромная нога.

Длинноухий чародей снова повернулся к плоду своего величайшего эксперимента, к главному своему достижению.

— Говорю тебе, опомнись! Ты не посмеешь больше мне перечить!

Но бульбык с грозным рычанием сделал шаг вперед.

Волшебник, крайне расстроенный его нелояльностью и общим ходом событий, развернулся и спрыгнул в крипту. Он решил попытать счастья в борьбе с агрессивным, но неуклюжим носорогом. Однако этой возможностью заяц так и не успел воспользоваться.

С быстротой молнии щелкнули огромные челюсти. Драу с тошнотворным хрустом исчез в пасти собственного монструозного детища. Секунду-другую пасть жевала, затем — жуткий глоток, и от колдуна не осталось почти ничего. Так, осколки костей на полу, брызги крови, прилипшие к губам бульбыка обрывки сутаны. Что ни говори, жалкое наследие для столь могучего злодея.

Банкан посмотрел на друзей.

— По-моему, нам пора.

Громадный бесформенный череп повернулся, налитые кровью глазки посмотрели на человека и выдр. Затем тварь прыгнула... но не в сторону чаропевцев, а вверх и приземлилась в коридоре — очень впечатляющая демонстрация физической силы. Уцелевшие Темные кинулись наутек, а мстительное создание энергично пустилось в погоню.

Снугенхатт выбрался из крипты по огибавшей стену лестнице. Тем временем его друзья посоветовались с двумя бойцами Веррагарра, которые появились несколько мгновений назад. Сопротивление монахов было почти сломлено. Как только до уцелевших защитников монастыря дойдет известие, что Драу погиб, а бульбык взбунтовался и жаждет поквитаться с бывшими хозяевами, Килагурри падет.

Бандикут и виверр помчались сообщить друзьям о случившемся. Едва радостная весть достигла ушей Веррагарра, он скомандовал отступление. Победившие, но измотанные крестьяне и ремесленники отошли через разбитые ворота к опушке, предоставив окончательную зачистку территории неистовствующему бульбыку.

В конце концов, преодолев закономерное отвращение, они приняли в свою компанию страшного с виду, но жалкого Цилма, а также остальных несчастных, пострадавших от экспериментов длинноухих чернокнижников. Из-за высоких стен доносились ужасающие вопли и визг, свидетельствовавшие об успешной охоте безжалостного бульбыка. В окнах мрачных зданий разгора-

лись огни — в схватке было сброшено и опрокинуто немало факелов и масляных светильников.

— Что будет с адской собакой?

В отсветах пожара туловище Снугенхатта казалось вырубленным из гранита. Граджелут стоял неподалеку.

— Не знаю. — Банкан, устало прислонясь к боку носорога, рассматривал охваченный пламенем монастырь. — Но не думаю, что она погонится за нами. Наверное, останется здесь, среди руин. Может быть, вспомнит нашу песенку, и она ее слегка утешит. Надеюсь, со временем Берсеркер подружится с местными жителями. Как ни крути, раньше он был одним из них. Вернее, несколькими из них.

— Друг мой, а что, если этого не случится?

Банкан повернулся — к нему приближался Веррагарр в сопровождении Бедарры и Квайбо.

— Что, если он выйдет из монастыря и захочет сразиться с нами?

Банкан отошел от Снугенхатта.

— А где же эти крылатые хохотуны, ваши чаропевцы? И аккомпаниаторы?

— Им сейчас не до смеха. — Веррагарр сделал знак, и сумчатый волк исчез в лесу. Через несколько секунд он вернулся с тремя кукабаррами и их помощниками. Тяжелоклювые птицы опустились на ближайшую удобную ветку. Выглядели они и правда угрюмо. Еще бы, столько крови пролилось на их глазах — тут никакое чувство юмора не выдержит.

Банкан сел на землю, скрестил ноги и прижал к животу дуару.

— Хочу, чтобы все вы послушали. Мелодия несложная, слова — тоже. Сквилл, Ниина!

Выдры со скучающим видом устроились рядом.

— Ну, че еще, кореш? — спросил, праздно срывая травинки, Сквилл.

— Это много времени не займет. — Банкан посмотрел на внимательную публику. — Если появится монстр и поведет себя враждебно, шарахните его нашей чаропесенкой.

Он заиграл. Выдры без особого энтузиазма спели, что сумели вспомнить.

Перекрывая рев пожара и грохот падающих стропил, над монастырем раздался жалобный утробный вой.

Глава 24

Всю ночь по лесу раскатывалось эхо воплей, полных радости пополам с горем — освобожденные узники Темных встречались со своими друзьями и родственниками. По настоянию Веррагарра с несчастными жертвами изуверских экспериментов поделились пищей и чистой одеждой. Радостные эти встречи помогли всем быстро забыть о крови, пролитой в стенах монастыря, где сейчас бушевало очистительное пламя.

Мало-помалу сочувствие одержало победу над отвращением, и уже никто не смотрел косо на Цилма и его товарищей по несчастью. Как бы жутко они ни выглядели, раньше это были совершенно нормальные граждане. Конечно, прежней жизни не вернешь, но никто не считал зазорным проявить о них заботу. Одна за другой разыгрывались перед Банканом трогательнейшие сценки, и он верил, что страдальцы получат воздаяние за свои муки.

Когда маленькая армия спустилась с горы, как будто огромная тяжесть упала с ее плеч. Та ночь увидела грандиозный праздник, о каких Банкану и выдрам доводилось только слышать из уст Маджа, большого, как известно, любителя приврать. Банкан подружился с человеческой самкой, его сверстницей, выдры тоже без труда нашли приятелей себе по вкусу. Ниина предпочла общество симпатичного куница из далекого селения, а Сквилл коротал время в компании девицы из незнакомого племени. Она была коренастая, с черной шерстью и голым хвостом.

— Парниша, я — сумчатая чертовка, — представилась она.

— Так я и подозревал, крошка, — учтиво согласился он, опустив веки.

Той ночью в лесу звучали песни благодарности и примирения.

Следующим утром путешественники собрались вокруг наспех возведенного каменного очага, Веррагарр и Бедарра сидели по другую его сторону на полусгоревшем бревне и почтительно внимали своим новым друзьям. Их зачаровала экзотическая повесть о странствиях и лишениях. Кругом хрустел лес — крестьяне и ремесленники готовились к долгому возвращению домой.

— Нашу благодарность не выразить никакими словами. — Веррагарр кивком указал на старого попугая, уютно расположившегося на правом плече рослого кенгуру. — Мовара рассказал нам, что произошло в монастыре. Несомненно, без вашей помощи мы бы не одолели безумных фанатиков.

— Вот щас ты, шеф, в жилу лепишь. — Сквилл позволил себе широкую улыбку, и Банкан был вынужден двинуть его по ребрам. — Эй, кореш! Ты че? Это ж святая правда!

— Слушай, вы с сестрой когда-нибудь научитесь элементарному такту?

Сквилл громко присвистнул.

— Такту? У кого прикажешь учиться? У Маджа, че ли?

Банкан тяжело вздохнул.

— Ладно, черт с тобой. — Он повернулся к кенгуру. — Мы

рады, что оказались вам полезны. Впрочем, у отпрысков великих путешественников не было выбора.

— Кажись, я припоминаю... — начал Сквилл, но его перебил Граджелут:

— Возможно, в знак благодарности вы не откажете нам в услуге?

— Рады помочь всем, что только в наших силах, — с готовностью ответил Веррагарр. — Сказать, что мы обязаны вам спасением, — ничего не сказать.

Граджелут двумя пальцами пригладил густой мех на лбу.

— Как вам уже известно, мы разыскиваем нечто странное, никем не описанное, возможно, даже и не существующее. Оно известно под названием Великий Правдивец.

— Да, помню, вы о нем говорили. — Веррагарр кивнул. — Продолжайте.

— Я думаю, мы уже близки к нему, но все же нам необходимо идти дальше на северо-запад. — Ленивец посмотрел в ту сторону — там царили густые тени. — То есть продолжать восхождение на горы. Мы бы не отказались пополнить запасы, но гораздо острее нуждаемся в проводнике.

Веррагарр переглянулся с Бедаррой, затем повернулся к путешественникам.

— Все мы оставили семьи. Наши близкие не знают, что мы выжили и одержали победу. У каждого из нас дома есть обязанности: отложенные заказы, оставленные без ухода поля, дети, заждавшиеся отцов. — Он развернулся в невысоком прыжке и указал вдаль. — Никто из моих знакомых не поднимался на вершины этих гор. Там ничего нет, кроме холода и голого камня. На востоке мы бывали, и на юге, и на севере, даже среди зимы. Но никогда не ходили на запад или северо-запад. Возможно, мы еще побываем там, ведь Темные — уже не помеха. Либо не побываем. Слишком много зловещих теней нашло приют в этих высоких горах, чтобы нам, простым селянам и горожанам, хотелось туда взобраться.

— Вот видите! — Граджелут повернулся к спутникам, его язык нервно выстреливал и прятался во рту.

— Шеф, это ниче не доказывает.

Сквилл равнодушно лежал на спине, ковыряя в зубах заостренной веточкой.

Бедарра зевнул, продемонстрировав широченное небо.

— Есть у нас легенда о тех, кто пытался разведать эти края. Уходили в поисках драгоценных камней и металлов. Но не возвращались.

— Бедарра прав, — подтвердил Веррагарр. — Никогда с этих гор не спускалось ничего хорошего. И мне не хочется даже думать, что наши славные новые друзья собираются туда идти.

— И все же это наша цель, — смущенно произнес Граджелут.

Кенгуру медленно кивнул.

— Что касается припасов, мы не поскупимся, но проводника вам здесь не найти. В отличие от вас мы не искатели приключений и не могучие волшебники. Сам я — простой фермер, меня ждет хозяйство. Простите, друзья мои.

Угасший костер окружила тишина.

— Что ж, — сказал наконец Граджелут, — придется рассчитывать только на себя.

— Интересно, почему я знал, че ты это скажешь? — с сарказмом прошептал Сквилл.

Они сопровождали разномастную, но победоносную армию, пока горный ручей не указал путь к возможному перевалу. После горячего и трогательного прощания с объятьями и поцелуями (в которых Банкан и выдры участвовали неохотно, а Граджелут смущенно простоял в сторонке) Веррагарр и его товарищи снова пообещали, что путники всегда найдут кров и пищу в плодородных окрестных долинах и на холмах. Однако никто не сказал бестактно: «Когда вы повернете и возвратитесь с пустыми лапами».

— Интересно, как там поживает наш бульбык? — размышлял Банкан.

— Небось погиб в огне. — Снугенхатт ступал медленно, осторожно. — Эх, бедолага! Отличный боец, хоть и жалкий ублюдок.

— А может, выбрался? — предположила Ниина. — Нашел себе пещерку или че-нибудь в этом роде.

— Может быть. — Банкан не сводил глаз с зубчатых гребней прямо по курсу. — Если выбрался, мы, возможно, еще с ним столкнемся.

— Банкис, давай надеяться, че не столкнемся. — Ниина скакала вдоль ручья, высматривая съедобных ракообразных. — Боюсь, мне уже не по силам пропеть эту твою песенку для детенышей, какой бы она там ни была разволшебной.

Они все поднимались, и вот последние облезлые деревья остались позади, их сменило царство вечнозеленой флоры. Но она быстро мельчала, переходила в кусты, а дальше только отдельные растеньица да блеклая трава цеплялись за жизнь меж обветренных валунов и каменных осыпей.

С каменных уступов музыкальными водопадами низвергалась вода, похожая на расплавленный кварц. Непривычные глазу насекомые деловито гудели среди растений, обязательно скапливавшихся у каждого потока. Чем выше — тем синее небо, тем ярче блеск серых скал. Любопытство и Граджелут вели путников вперед. Шли дни, и Банкан уже гадал, не пересекают ли они саму крышу мира. Слух — наживка заманчивая. Гряду за грядой преодолевала экспедиция, поднимаясь все выше и выше, и юношу охватили никогда, собственно, и не исчезавшие сомне-

ния. Стоило хоть на миг отвлечься от них, верный Сквилл спешил посыпать соль на раны.

Снугенхатт свернул, огибая большой темно-коричневый куст. Тот с неожиданным проворством поднялся на двух голокожих ногах, вытянул абсурдно длинную шею, увенчанную маленькой головой, и уступил путникам дорогу. Те с изумлением рассматривали невиданное существо.

— Вы кто? — спросил Банкан.

Моргнули ярко-синие глаза. Огромное пернатое тело ловко балансировало на столбовидных лапах. Когтистые, жесткие, они, похоже, могли выпустить потроха любому злоумышленнику. Крошечная головка над таким солидным туловищем выглядела просто смешной. Банкан заподозрил, что перед ним — еще одна жертва Темных.

— Да кто ты, черт бы тебя побрал? — спросила Ниина с типичной для выдр грубостью.

— Моа, — вежливо ответила гигантская нелетающая птица. — А вы кто? Посетители здесь редкость.

— Нам незнакомо ваше племя. — Таким же взглядом, наверное, Граджелут наградил бы золотую монету, которая внезапно обрела прозрачность. — Ни в одном из своих странствий я не встречал похожего на вас существа, хотя, очевидно, вы в родстве с народом страусов.

— Мы малочисленны, — объяснила птица. — Эволюция отбросила нас. — Огромным крылом она указала на заснеженные пики. — Это страна Недавно Забытых.

— Вроде страны Часто Незамечаемых, — подхватил с улыбочкой Граджелут. — В том краю я путешествовал, здесь же — нет.

— Тут обитают существа, уступившие будущее другим. В числе этих несчастных — ваш покорный слуга, — добавил моа с трогательным присвистом.

Банкан тут же проникся сочувствием, и даже грубоватые выдры были тронуты. Ну, можно ли не испытывать жалости к тому, кого сама природа наградила обликом карикатурного уродца?

— Похоже, скоро мой род вымрет. Ну, а пока этого не случилось, я радуюсь каждому прожитому дню. И очень люблю посетителей. Кого угодно. Я уже около года не видал другого моа. Да, немногие из нас уцелели. Если на то пошло, я, может быть, последний. И мне не удалось произвести потомство. В скором времени мы останемся только в сказках.

— Можа, закончим эту трогательную интерлюдию? — проворчал Сквилл.

Граджелут с любопытством разглядывал абсурдную птицу.

— Не смею и надеяться, что в своих долгих странствиях вы слышали что-нибудь о Великом Правдивце.

Затрепетали длинные веки.

— А, вы имеете в виду эту старинную вещицу! Да, я слышал о Великом Правдивце. Даже знаю, где он находится.

Невозможно передать, какой душевный подъем, какое облегчение испытал Банкан в эту минуту. Может быть, им и не придется идти за край света. Может быть, до цели уже рукой подать. Если нелетающая птица не дурачит их, Великий Правдивец существует не только в легендах.

— И что же это за вещь? На что она похожа?

Купец был донельзя возбужден, но пытался совладать с собой. Что требовало богатырских усилий.

— Че он умеет? — спросила Ниина.

Крошечная голова резко качнулась.

— О его внешности и способностях я ничего сказать не могу. Когда стоишь на грани неизбежного исчезновения, мало интересуешься второстепенными вещами. Советую обратиться с этими вопросами к Хранителю.

«Вот она, — подумал Банкан, — закавыка. Как очень любит повторять Мадж, всегда и во всем бывает закавыка». И все же юноша вынужден был признать, что не очень удивился. Если и в самом деле существует на свете такая сказочная штуковина, как Великий Правдивец, то вполне естественно, что за ней кто-нибудь присматривает.

Ну что ж, они прошли долгий путь, их не остановили смерчи, бандиты, река шиворот-навыворот и даже чудовищный бульбык.

— И как он выглядит, этот Хранитель? Он не слишком велик? — с надеждой спросил Граджелут. — Надеюсь, он позволит нам посмотреть на Великого Правдивца?

— Сомневаюсь, — уныло проговорил моа. — Он весьма раздражителен.

— Он тоже из Недавно Забытых? — поинтересовался Банкан.

Моа кивнул.

— Сказать по правде, я бы предпочел, чтобы он отошел в разряд Совсем Забытых. Вместе со всем своим племенем. — Зашуршали перья, птицу трясло. — Плохая компания. Лучше его не провоцировать.

— Но если мы все же решимся встретиться с ним, — не спеша сказал Граджелут, — как его уговорить?

Моа опечаленно присвистнул — это походило на самый низкий звук органа. Затем махнул и клювом, и крыльями.

— Езжайте прежним курсом и вскоре доберетесь до места, где ручей делится на два рукава. Следуйте вдоль меньшего. Хотя вам покажется, что он утыкается прямиком в гору, не останавливайтесь. Правдивец находится в пещере, которая заодно служит логовом Хранителю. Если хотите, можете с ним побеседовать, но

я бы на вашем месте воздержался. Потому что меня он бы, наверное, съел.

— Съел? — Граджелут выпучил глаза. — Он что, из холоднокровных?

— Нет, он теплокровен и разумен, как вы и я. Но мы, Недавно Забытые, сохранили древние инстинкты и повадки, отринутые всем цивилизованным миром. О, не сомневайтесь, Хранитель дважды подумает, прежде чем вас есть. Возможно, даже погрустит минутку. Но ведь он прозван Хранителем не с бухты-барахты. Его задача — оберегать Правдивца от посягательств. И он, насколько мне известно, этим успешно занимается с тех самых пор, как Правдивец оказался в пещере.

— И как же эта фиговина там оказалась? — спросила Ниина. — С неба сверзилась при звездопаде или тут волшебство какое-нибудь замешано?

Моа пожал плечами, уронив при этом несколько перьев.

— Не имею понятия. Я слабо разбираюсь в волшебстве. Иные говорят, что Правдивец появился на столбе синего пламени, другие утверждают, сам Создатель принес его в клюве. Мне лично наиболее правдоподобной кажется версия, утверждающая, что он просто свалился с грозового неба и раза два подпрыгнул над землей, а затем нашел пристанище в мутной луже. А когда Ходящие Безымянными выяснили, на что он способен, они заточили Правдивца в пещеру и приставили к нему Хранителя. С тех пор он, а затем и его потомки не спускали глаз с Великого Правдивца. — Многозначительно поднялось и поникло огромное крыло. — Как я уже сказал, меня это не слишком интересует. Да и вы, когда дойдете до грани вымирания, не захотите думать о такой ерунде, как Хранители. Впрочем, можете не соглашаться. Мне остается лишь пожелать вам удачи.

Банкан сочувственно улыбнулся.

— И мы желаем вам удачи.

— И я, — громыхнул Снугенхатт. — Я-то знаю, каково быть одиноким, всеми брошенным.

— О нет, не знаете, клянусь природой.

Моа повернулся и зашагал вдоль реки, что-то напевая себе под нос. Путники следили за ним, пока он не исчез.

— Жалко чувака, — прошептала Ниина. — Красивая птица, хоть и пропорции странноваты. Вы заметили, какие синие у него глаза и как солнце окрашивает перья в багрянец?

— Надеюсь, он найдет другого моа, — предположил Банкан, — и они наплодят кучу птенцов.

— Кореш, а ваще сколько моа тебе надо для полного... — начал Сквилл, но помрачневший Банкан велел ему умолкнуть.

Следуя за веселым ручейком, они углубились в густой кустарник. Снугенхатт легко пропахивал сплетение веток и стволов.

Большинство растений было незнакомо даже повидавшему свет Граджелуту.

— А ведь это и вправду самое подходящее место для Забытых, — размышлял Банкан.

Интересно все-таки, как выглядит Хранитель. Что в нем такого страшного? Юноша решил не думать о предстоящей встрече. Они справятся, с кем бы ни столкнулись, как и раньше справлялись со всеми преградами. По спине легонько постукивала дуара.

Одолев очередной ряд естественных гранитных ступенек, они очутились на маленькой террасе. Справа и слева отвесно уходили вниз обрывы. Лестница вела вверх, а ручей поворачивал влево, узким водопадом срываясь с уступа. Там, среди камней, поблескивало озерцо чистой воды, чуть правее в гладком склоне чернело большое отверстие.

Они спешились, чтобы дать Снугенхатту максимальную свободу маневра, и осторожно приблизились к пещере. Из нее исходил густой острый запах.

— Пусть выходит. — Носорог скреб ногой по щебню. — Я готов ко всему.

— Конечно, Снуг, ты всегда готов. — Виз подпрыгивал на железной жердочке. Она, как и остальные доспехи, слегка пострадала от падения носорога в крипте. — Только давай не увлекаться. Может, нас ждет встреча с кем-нибудь покруче слуг барона или даже безумных чудищ из монастыря.

— Береги свою задницу, а я позабочусь о своей, — проворчал носорог.

Банкан, как ни вглядывался, ничего не видел. В пещере царила кромешная тьма. Он ободрял себя тем, что вход не слишком широк, а следовательно, и обитатель пещеры вряд ли из рода великанов.

Бросив вопросительный взгляд на Граджелута, только беспомощно пожавшего плечами в ответ, он повернулся и осторожно обратился к темноте:

— Привет! Мы — путешественники из далекой страны. Проделали огромный путь, чтобы выяснить, существует ли на свете такая вещь, как Великий Правдивец. Нам сказали, что за него отвечаете вы.

Откликом на эту речь было высокомерное молчание. Банкан выждал, а затем предпринял новую попытку:

— Послушайте, мы хотим только посмотреть, убедиться, что эта чертова штуковина — не выдумка.

На сей раз не было даже молчания — лишь эхо.

Ко входу в пещеру подбежал осмелевший выдр.

— Вот я, к примеру, всегда говорил, что нету такой фиговины. Выдумка это. И всякие там клепаные Хранители — сплошная лабуда.

— Я не лабуда, — вдруг прозвучало из пещеры.

Голос был очень низким. И очень хищным. Его тембр и резонанс побудили Сквилла шмыгнуть назад.

— Очень мило, — пробормотала его сестра, и выдры организованно ретировались в тыл, под прикрытие Снугенхатта.

Банкан тоже отступил, но не так далеко. Он потянул меч из ножен, однако спохватился и передвинул дуару на живот.

— Нельзя возвращаться ни с чем. Мы слишком долго шли и слишком много испытали, чтобы теперь уйти просто так. Докажи нам хотя бы, что Правдивец существует. — «Неплохо бы заодно объяснить, что это такое», — мысленно добавил он.

— Убирайтесь, — раздался в ответ полный угрозы полурык-полукашель. — У меня сегодня очень плохое настроение. Будете провоцировать — я выйду.

— Блефуешь! — вступила в перепалку Ниина. — Сколько живу, столько и слышу всякие дурацкие байки-страшилки о Хранителях. О чудовищах, которым поручено наблюдать за всякими секретами, сокровищами и другой фигней. Чаще всего это просто слухи, в лучшем случае сторожей здорово перехваливают. Как вы думаете, чуваки, почему этот субчик не кажет носу из пещеры? Он замухрышка, посмотреть не на что — вот почему. Эта публика живет только за счет своего дутого авторитета.

— Я так не считаю. — Банкан повернулся к пещере. — Мы просто хотим посмотреть. Ни о чем другом не просим.

— Черта с два, клянусь кровью моих потрохов! — раздался зычный голос. — Вы хотите его украсть! Впрочем, сказать по правде, меня бы это устроило. Тошнит уже от службы. Но все же это моя служба, и я, как и все мои предшественники, обязан радеть не за страх, а за совесть. Так что не советую окончательно портить мне нынешний день. Понятно? Убирайтесь, и покончим на этом.

Для стража, приставленного к источнику всех знаний и ключу от безграничной власти, Хранитель рассуждал, по мнению Банкана, вполне логично. Он не соглашался выполнить просьбу гостей, но снизошел до беседы.

— Сожалею, но по уже упомянутым причинам мы не можем этого сделать.

— А вы не могли бы описать нам Правдивца, не выходя? — осведомился Граджелут.

— Ага, шеф, ты хоть намекни, — пролаял Сквилл. — Это че, животное, растение или минерал?

И он подмигнул сестре.

Пещера ответила оглушительным ревом, от которого задрожали скалы. По обрыву покатились мелкие камни.

— Ладно, как хотите! Только не говорите потом, что вас не предупреждали!

Банкан торопливо попятился. В темном отверстии ярко вспыхнули зеленые глаза. Тот, кому они принадлежали, был велик и могуч, и он стремительно приближался.

Глава 25

«И все же он поменьше того бульбыка, — успел подумать, отскакивая влево, Банкан. — И не так ужасен, как звероподобные призраки из пустыни Тамаз».

Но он, похоже, вполне способен расправиться со всеми, включая Снугенхатта, без единой передышки.

Инерция фронтальной атаки пронесла чудовище мимо Банкана. Из-под когтистых лап разлетелись гравий и пыль, когда оно приземлилось и развернулось для второго, лучше нацеленного прыжка.

Сначала по окрасу и телосложению Банкан принял его за льва. Но грива отсутствовала, череп был длиннее и гораздо более плоский, иначе расположены уши, и передние лапы мускулистее. Что удивительнее всего, он ходил на четырех конечностях, а не на двух, не носил никакой одежды, украшений или иных даров цивилизации. Безусловно, это был отщепенец, реликт, хоть и способный говорить и рационально мыслить.

Было нелегко сообразить, что все это означает, поскольку Банкана загипнотизировала пара огромных, выгнутых вниз и назад клыков, торчавших из верхней челюсти Хранителя. Каждый был длиной с половину меча выдры и остротой, похоже, не уступал ему. Когда Хранитель зевнул, его челюсти раскрылись почти на сто восемьдесят градусов. Из всех встреченных путниками на долгом пути только сумчатый волк Бедарра, пожалуй, сумел бы повторить этот трюк, но его довольно внушительным зубам не тягаться было с серпами Хранителя.

Дивное создание глянуло на пришельцев.

— Пенять вы вправе только на себя. Кто умрет первым?

— Вообще-то никто из нас особенно не спешит, — пропищал Граджелут, укрывшийся за Снугенхаттом.

Носорог встряхнулся, громыхнул доспехами и опустил голову. Но Банкан знал: если страшилище сумеет всадить клыки между железными пластинами, они разрубят Снугу спинной мозг. Или рассекут сонную артерию.

А уж самому Банкану, или Граджелуту, или выдрам эти мощные челюсти способны отхватить голову в один миг. Одному лишь Визу нечего опасаться.

Пальцы сжали дуару, и Банкан увидел, что Ниина со Сквиллом готовы петь. Успеют ли? Первая атака монстра заняла считанные секунды, и вдобавок двигался он куда проворнее бульбыка. Банкану удалось увернуться, но были сомнения, что он сможет повторить этот трюк.

— Как вас зовут? — Он решил сыграть на голой браваде, чтобы выдры успели поработать над текстом. — Из какого вы

племени? Мы недавно поговорили с местным жителем, он называет эти края страной Недавно Забытых.

— Вот хорошо, что ты напомнил. — Хранитель рыл когтями гравий, мотал головой. — Я уже почти год не был с самкой, что вовсе не прибавило мне миролюбия.

— Кто-кто, а я способен тебя понять, — пробормотал Снугенхатт и еще ниже опустил морду.

— Перед вами Хранитель из племени саблезубых, если вы сами не в состоянии понять этот простенький факт. И он вас предостерегал. — Хранитель воздел лапу, доказав тем самым, что способен на картинные жесты, и указал в глубь пещеры. — Там лежат кости пришедших до вас и осмелившихся потревожить мой покой. Они обглоданы дочиста. Приятно иногда побаловаться свежим мясцом.

— Но вы, конечно же, всерьез не предполагаете нас съесть, — запротестовал Граджелут. — Это было бы в высшей степени некультурно.

— А я и не претендую на культурность. — В отблеске солнца блестели жуткие клыки. — Я что, похож на вегетарианца? Ем всех, кто попадается, независимо от того, способны они вразумительно болтать языком или нет. Не провожу черту между идиотами и гениями. На вкус все одинаковы.

Внезапно Хранитель сморщился, зажмурился. Запрокинул голову и испустил протяжный вой. Затем опустился на задние лапы и, ни на кого больше не реагируя, жалобно заскулил.

Банкан сначала принял это за ритуальное заклинание перед битвой. Он сам, а миг спустя и выдры воспользовались заминкой, чтобы отступить под прикрытие Снугенхатта. По крайней мере, теперь саблезубый не сумеет расправиться с ними поодиночке. Но тут произошло нечто совершенно неожиданное.

Граджелут поднял лапы над головой и засеменил вперед.

Ниина не поверила собственным глазам.

— Купчина, ты че, спятил? — завопила она. — Назад, пока он тебя не сожрал!

— Брось, сеструха, пускай старый пень жертвует собой, ежели он такой отчаянный. — Сквилл презрительно засопел. — Можа, подавится саблезубый педрила, или кишки ему скрутит.

Ленивец оглянулся.

— Я не собираюсь приносить себя в жертву, и я боюсь до смерти. Но если бы вы пространствовали и повидали с мое, научились бы наблюдательности. Разглядывая нашего собеседника, я кое-что заметил.

— Ага, — согласилась Ниина. — Че он не прочь тебя продегустировать.

— Кое-что помимо этого. — Ленивец наступал. Саблезубый умолк и опустил голову.

— Доброволец на первое блюдо, — пробормотал он. — Гм, не часто такое увидишь.

Граджелут остановился в двух шагах от него.

— О предок всех клыкастых, прошу прощения, но позвольте мне кое в чем убедиться, прежде чем я отправлюсь к вам в желудок? Пусть это будет, так сказать, последнее желание приговоренного. Вы не возражаете?

У саблезубого вытянулась физиономия.

— В чем ты собираешься убеждаться? — раздраженно спросил он. — Я ведь уже сказал, что пялиться на Великого Правдивца не позволю. Я его охраняю, у меня инструкции!

— Ну что вы, в данном случае речь идет о более личном. Минуту назад, когда вы, запрокинув голову, пели, я кое-что заметил.

Огромный хищник настороженно смотрел на ленивца. Одним взмахом гигантской лапы он бы запросто мог разорвать купцу горло. Но, возможно, по этой причине он и не спешил.

— Что же ты хочешь увидеть?

Граджелут покачал над головой лапами.

— Я безоружен.

Хранитель задумчиво осмотрел задранные конечности ленивца и удовлетворенно кивнул.

— Мелочь, но приятно. Твоя услужливость достойна похвалы.

— Я в том смысле, что пришел сюда с мирными целями, — спокойно уточнил мужественный купец. — Мои спутники явились в эти края по моей настоятельной просьбе.

— Прими искреннюю благодарность за поставку снеди в столь широком ассортименте.

Саблезубый не спеша поднял лапу и полюбовался когтями.

— Проделав столь долгий путь в поисках мечты, я не могу повернуть и сбежать, я не могу возвратиться без ответа. Надеюсь, вы это понимаете?

— Я понимаю, что ты можешь вызвать раздражение пищевода. Не желаешь ли сначала побриться?

В недрах глазниц горели зеленые очи.

— Я прошу о сущем пустяке. — Ленивец устало опустил лапы. — Позвольте заглянуть вам в пасть.

У Хранителя глаза на лоб полезли.

— Это и есть твоя просьба? Но ведь ты и так заглянешь туда. И очень скоро.

— Вы не поняли. Меня интригует одна маленькая деталь.

Граджелут подступил ближе, и Банкан упал духом. Как бы ни подействовала подготовленная трио чаропеснь, она уже не спасет купца.

— Так, говоришь, последнее желание приговоренного? Что ж, оно достаточно оригинальное... Ладно, будь по-твоему. Я предупрежу перед тем, как кусать.

Саблезубый распахнул невероятную пасть.

— Благодарю.

Граджелут наклонил голову, повертел ею в пасти Хранителя. Банкан и выдры затаили дыхание.

— Ага. Так я и думал. — На его морде появилась сочувственная мина. — Должно быть, иногда ужасно больно. Стоит ли удивляться вашей раздражительности?

Он отстранился.

Но саблезубый, вместо того чтобы качнуться вперед и сомкнуть смертоносные челюсти, неуверенно посмотрел на коренастого ленивца.

— Ты это о чем?

— Я все видел. Верхний левый клык. И десна воспалена. Скажите, давно вас беспокоит этот зуб?

— Да с чего ты взял, что он меня беспокоит?

Хранитель испустил грозный рык. Граджелут перешел на скороговорку:

— Как я уже сказал, в странствиях часто набираешься самых разнообразных познаний. Так беспокоит вас зуб или нет? Причиняет ли острую, пульсирующую боль?

— Не говори о боли! Ты... — Хранитель вдруг поморщился. — Да, болит. Ужасно! Как будто огонь в голове разбегается.

— И давно?

— С тех пор как я съел парочку экзотических танцоров, заблудившихся в этих горах. Человека и кота. — Он опустил голову. — А ведь на вкус они были вполне безобидны.

— Так-так. — Граджелут понимающе кивнул. — Вредно злоупотреблять сластями.

— Боль приходит и уходит, но обязательно возвращается, и с каждым разом все острей.

— Так я и думал.

Сквиллу издали не все было слышно, и он громко спросил:

— Эй, серопузый, че там за проблема?

— У него дупло, — объяснил Граджелут. — Дырка в переднем зубе.

— Неудивительно, че у чувака поганое настроение, — заявила Ниина. — При таком едальнике и зубная боль соответствующая.

— Даже вообразить не берусь, — откликнулся ее брат.

— А мне этого просто не перенести, — добавил Виз.

Банкан направился к Граджелуту, пропустив мимо ушей предостерегающий окрик выдр.

— Я слышал, у вас неприятности? Сочувствую. Что вы скажете, если мы предложим их устранить?

Хранитель зарычал:

— Ты не можешь их устранить. Никто не может устранить мою зубную боль.

Граджелут осторожно шагнул назад, но огромная лапа закогтила его левую ногу. Приблизилась грозная башка, зеленые сверкающие глаза посмотрели торговцу в зрачки.

— Никто.

— Мне бы не хотелось еще больше сердить вас, но все же я замечу, что мои друзья, вероятно, способны кое-что сделать. Хоть они и молоды, им подвластно необыкновенное волшебство. Они чаропевцы.

И тут саблезубый заколебался.

— Чаропевцы?

Удерживающая купца лапа не шевелилась, но голова Хранителя приподнялась и повернулась. Теперь жгучие глаза смотрели на Банкана.

— Эта мохнатая закуска говорит правду?

— Да. А как, вы думаете, смогли бы мы забраться в такую даль без помощи великой магии?

— Ну, не знаю. Иногда бывает достаточно и великой глупости.

Хранитель отпустил уже занемевшую ногу Граджелута. Купцу ничего так не хотелось, как удариться в бегство, но он понимал, что это не выход.

— По крайней мере, дайте шанс. Если они потерпят неудачу, вы легко переловите нас по одному.

— Чаропение... Ну, не знаю, — раздумывал саблезубый. — А вдруг будет только хуже?

Банкан сделал еще шаг.

— А разве это возможно?

Граджелут снова наклонился, заглянул в разинутую пасть Хранителя.

— Очевидно, поражены корни. Необходимо срочное лечение, иначе потеряете клык. Сомневаюсь, что вы способны отрастить новый.

— Потешно ты будешь смотреться, шеф, только с одной колючкой, — заметил Сквилл.

Хранитель метнул убийственный взгляд в дерзкого выдра, но тут же поморщился — в верхней челюсти стрельнула боль. А когда заговорил, в голосе изрядно поубавилось высокомерия:

— Так вы и правда способны мне помочь?

— Обещать ничего не будем, — осторожно проговорил Банкан. — Волшебство иногда вообще не действует, а иногда действует совершенно непредвиденно. Кроме того, наш репертуар большей частью предназначен для обороны. Пока мы еще ничего такого... созидательного не предпринимали. Лишь пытались делать то, что считали нужным, никому и ничему не причиняя вреда.

— Ага, — с жаром подтвердил Сквилл. — Такие вот клепаные моралисты!

Хранитель понимающе кивнул.

— Я позволю одну попытку. Но предупреждаю: без фокусов! Бегаю я ничуть не медленнее, чем соображаю, и без колебаний разорву в клочья любого, кого заподозрю в злом умысле. Но если вы чуточку убавите боль, если поможете, я... я буду благодарен.

Граджелут, стараясь сдержать волнение, деликатно спросил:

— А если мы раз и навсегда снимем эту проблему, вы позволите увидеть Великого Правдивца?

Саблезубый стрельнул глазами в купца.

— Да, черт бы вас побрал! Если полностью вылечите меня, я вообще отдам проклятую штуковину!

И тут купеческая морда расплылась в абсолютно не свойственной Граджелуту широкой улыбке.

— Отлично, — пробормотал Банкан. — Приступим.

Пока он шептался с выдрами, остальные, в том числе страждущий Хранитель, нетерпеливо ждали. Саблезубый, разрываемый естественным желанием терзать, которое совпадало с его служебным долгом, и мечтой избавиться наконец от мучительной зубной боли, сидел тихо, как домашний зверек.

Вскоре человек вновь подошел к нему.

— Мы готовы.

Хранитель не откликнулся, и юноша кивнул друзьям.

Этот ритм был мягче прежних, не дразнил и не оскорблял, а успокаивал, умиротворял. Рэп — штука пластичная. Просто скитальцам еще не выпадало случая чаропеть спокойно.

Ты скажи, доколь
Зверствовать хочешь, боль?
Не режь поперек и вдоль!
Не сыпь на рану соль!
Пусть наша гастроль
Снимет зубную боль!

Под музыку и пение образовалось серебристое облачко — самое маленькое на творческом пути магического трио, — отделилось от грифа дуары и поплыло Хранителю в пасть. Ласково покружилось вокруг больного зуба, принимая разные формы и очертания, и наконец обернулось прозрачной трубкой с иглой на конце. Игла вонзилась в десну, из трубки под нажимом белого поршня вылилась бесцветная жидкость.

Словно мокрая тряпка стерла с морды Хранителя мученическую гримасу. И хотя лишь самые края его губ загнулись кверху, не могло быть сомнений, что это улыбка. В последний раз он улыбался, будучи еще детенышем.

Погасло серебристое сияние, и тяжелая лапа — та самая, которая удерживала Граджелута, — осторожно пощупала губу возле левого клыка. Купец рискнул еще раз осмотреть больное место.

— Кажется, ваше дупло исчезло.

— Исчезло!

Хранитель испустил восторженный рев, прыгнул вверх, сделал сальто и легко приземлился на все четыре. По-прежнему ярко горели глаза, но теперь — совсем по другой причине.

Ниина задумчиво смотрела на саблезубого.

— Знаешь, шеф, тебе все-таки не мешало б освоить ходьбу на задних лапах.

Хранитель кивнул.

— Я в курсе нынешней моды, но ведь я — из Забытых, во всяком случае, скоро стану одним из них. Можете считать меня ретроградом, но я не вижу смысла менять привычки. — Он потер челюсть. — Давно не чувствовал себя так хорошо.

— Оставь его, — посоветовал Снугенхатт Ниине. — Кое-кто из нас не рожден ходить вертикально, и тут ничего не поделаешь.

— Я держу слово. — Саблезубый указал в черную глубину. — Он там. Не наступите в темноте.

Банкан повернулся к пещере. Столько трудностей позади! Даже не верится, что они наконец добрались до цели. А самое главное (если Хранитель не лжет) — оказывается, их цель действительно существует. Великий Правдивец реален. Осталось только увидеть его.

— Вы меня так выручили, — молвил саблезубый. — Погодите, я его вынесу.

Он скрылся в пещере.

Банкан ждал. Все ждали. Даже ленивец хоть и с трудом, но удерживался от искушения броситься в логово саблезубого.

— Вряд ли он очень большой, — решила Ниина. — Если котяра берется его вытащить без посторонней помощи...

— Можа, это розовый алмаз величиной с его башку? — с надеждой вопросил Сквилл.

— Или волшебная палочка. — Сейчас, когда они добрались наконец до таинственного источника легенд, Банкан вспомнил, что Клотагорб отзывался о Великом Правдивце со странной смесью презрения и страха. — Учтите, как бы невинно, как бы безвредно он ни выглядел, надо быть осторожными.

— Кореш, ты зря мандражируешь. — Сквилл извернулся штопором, чтобы вычесать зубами мусор из хвоста. Попробуй человек повторить этот фокус, сломал бы позвоночник. — Чем бы ни был этот клепаный Правдивец, он не обидел нашего котеночка. Но и зуб ему не вылечил, хоть чувак с малолетства его охраняет. Спрашивается, на че он ваще годится?

— А может быть, Великий Правдивец обладает способностями иного свойства?

Граджелут не сводил глаз с входа в пещеру.

Но что бы ни ожидали увидеть путники, все до одного были поражены, когда наконец появился саблезубый. Свою ношу он держал клыками — уважительно, но крепко.

— Ни фига себе!

Ниина как стояла, так и села. Снугенхатт лишь растерянно улыбнулся и покачал огромной головой, а Виз испустил насмешливую трель.

— Что это?

Банкан склонился, чтобы получше разглядеть вещь, осторожно положенную Хранителем на гладкий валун.

— Великий Правдивец, — ответил саблезубый. — Ведь это его вы искали, не так ли? Ради него забрались на край света?

— Эт точно. — Сквилл, хмурясь, глядел на обсуждаемый предмет. — Но че это за хреновина? Че она делает?

— Делает? — Хранитель откровенно забавлялся. — Вообще-то она ничего не делает. Она просто существует. Да, существует. Великий Правдивец — это всего-навсего истина. Да, истина в чистом виде. Как и следует из названия. Так сказали древние, велевшие моему племени охранять его.

Граджелут осел на землю и простонал:

— О горе мне! Пройти такой путь, избежать таких бед и опасностей! Ради чего?

Помолодевший Хранитель зарычал:

— Не надо его недооценивать. Правда — самый ценный товар на свете... и самый опасный.

Сквилл легонечко пнул Правдивца. Тот не отреагировал.

— А мне он опасным не кажется.

Хранитель ухмыльнулся.

— Истина пинков не боится.

Граджелут прижал ко лбу ладонь.

— Но мне-то какой прок от истины? Я — коммерсант, купец. Истину не продашь, не обменяешь.

Ниина язвительно тявкнула.

— Ну, почему ж? Я-то думала, эта фигня завсегда в дефиците.

Ленивец укоризненно посмотрел на нее.

— *Правда неосязаема. Я не умею торговать неосязаемым.*

Ниина опустилась на колени рядом с Великим Правдивцем.

— Он кажется чуток... неисправным.

— Уверяю, он целехонек. — Ярко-зеленые глаза изучали Граджелута. — Я вам так благодарен! Если бы я вас съел, сколько бы еще пришлось страдать. Стало быть, вы торгуете только ощутимыми товарами? Знавал я купцов на своем веку, кое-кого даже попробовал. У меня есть подставка для Великого Правдивца. Быть может, она вас заинтересует больше, чем он сам.

Ленивец заморгал.

— Не понимаю.

— Так идемте, я покажу.

Саблезубый направился в пещере. Граджелут был так подавлен, что последовал за ним без расспросов.

Шло время. Банкан и выдры рассматривали Великого Правдивца. Увы, это занятие не уменьшало недоумения.

Потом из пещеры донесся зов:

— Эй, Снугенхатт! Вы не могли бы нам помочь?

Носорог пожал плечами и заковылял в пещеру. Вскоре потребовалось содействие остальных.

Древний пьедестал, испещренный загадочной резьбой, был высотой с Ниину. Он имел форму усеченной пирамиды, на верхней грани которого раньше покоился Правдивец. Подставка оказалась такой тяжелой, что лишь объединенными усилиями удалось взгромоздить ее Снугенхатту на спину. Ее привязали кожаными ремнями, и все же Сквилл опасался, что по дороге она свалится.

— Нет оснований для беспокойства. — У Граджелута сияли глаза. — Я буду ехать рядом и следить за ее сохранностью.

«Да если и свалится, — подумал Банкан, — то не разобьется». Пьедестал был отлит из золота, чище которого Граджелут отродясь не видел, о чем, замирая от восторга, и сообщил спутникам. Этот мир не знал металла такого качества. Но, несомненно, это было золото.

— Мы не совершили великих открытий, — заключил ленивец, — и все же это самая прибыльная поездка в моей жизни. Да, самая прибыльная.

— Э, погодь-ка! — насторожился Сквил. — А с чего ты взял, что хреновина вся твоя?

Похоже, его вопрос обидел купца.

— Но вы же отправлялись на поиски приключений. И вы, безусловно, получили их в полной мере. Кроме того, вам достался Правдивец. Волшебник, о котором вы так часто вспоминали, несомненно, сочтет его весьма интересным. Каждый из нас получил то, к чему стремился. Даже не надейтесь отнять у меня мечту, сколь бы приземленными ни казались вам мои побуждения.

— Да успокойтесь вы, — сказал Банкан. — Не нужно нам ваше золото.

Выдры выпучили глаза и хором воскликнули:

— Не нужно?!

— Граджелут прав. В этом походе мы получили больше, чем можно купить за деньги.

Сквилла такой ответ не удовлетворил.

— Но, можа, немного золотишка...

Банкан повернулся к Правдивцу.

— И все же я не понимаю, каким образом эта вещь воплощает или олицетворяет правду.

Рассерженный Сквилл снова пнул ее.

— Ни хрена она не воплощает, кроме кучки бесполезного хлама. Ежели б ты, Банкан, меня спросил, я б ответил: предпочитаю золотишко...

Банкан сел рядом с большим металлическим ящиком и про-

вел по нему пальцами. У Правдивца были стеклянные окошечки, в них — цифры и подвижные стрелки. Еще были шарики на стерженьках и колесики. В самом большом оконце виднелся рулон поделенной на бесчисленные квадратики бумаги, на середине рулона застыл металлический наконечник. Из задней стенки ящика торчал черный хвост, увенчанный шишкой с двумя параллельными штырьками. Поверхность Правдивца хранила следы многочисленных ударов, но углы и швы были невредимы.

Чем дольше разглядывал его Банкан, тем больше его обуревали сомнения. Лишь в одном он был уверен: Великий Правдивец — устройство самое что ни на есть волшебное.

— Поосторожнее, — предостерег Хранитель, когда юноша принялся ощупывать шарики и колесики. — Он заколдован.

— Ерунда, — буркнул Сквилл, которого длинный торс и короткие лапы вынудили сложиться пополам, чтобы сердито засунуть кисти в карманы. Он посмотрел Банкану через плечо и закричал на обшарпанный, изгвазданный ящик:

— Ну, ты, давай, покажь нам че-нибудь! — Выдр обошел юношу и, не слушая его протесты, схватил и сильно потряс Правдивца. Раздался шум, словно в ящике перекатывалось множество отвалившихся мелких деталей. Выдр скривился и бесцеремонно уронил устройство. — Тоже мне, кладезь абсолютной власти! Видали мы таких!

— Кажись, его перехвалили. — В голосе Ниины звучала легкая досада. — Со слухами это бывает.

— А может, надо просто его включить? — предположил Банкан.

— Чаропесенкой? — Ниина неуверенно рассматривала ящик.

Банкан пожал плечами.

— Но с чего начать? Мы не представляем себе, на что он способен, и вообще способен ли на что-нибудь. О чем же петь?

— Петь? Ради этого утиля? — Сквилл брезгливо разглядывал молчаливого Правдивца. — Коли так рассуждать, давайте петь и деревьям, и небу. Вам правда нужна? Правда в том, что весь этот клепаный путь мы проделали за просто так. Ежели фиговина и умела че-нибудь, то это было раньше.

— Где же твоя самоотверженность, где чувство долга перед обществом? — поддел его Банкан.

Сквилл посмотрел на друга, скривился.

— Кореш, я — выдр. У нашего брата нет чувства долга перед обществом, нет клепаной самоотверженности, мы любим веселиться. И проще всего делать это с помощью золотишка. А не с помощью всякого барахла.

— Да ладно тебе, Сквилл. Скажи, положа лапу на сердце, что тебе дороже: правда или горстка золота?

И тут выдр скорчил совершенно отвратительную рожу.

— Чувак, ты не обидишься, ежели я на тебя блевану?

Разочарованный Банкан снова повернулся к предмету обсуждения.

— Надеюсь, Клотагорбу и Джон-Тому он пригодится.

Юноша нагнулся и осторожно взялся за Великого Правдивца. Тот был тяжелым, но подъемным.

— Чувак, ты ведь не намекаешь, че отведешь для него местечко у Снуга на спине?

Сквилл пребывал на грани истерики.

— Одно седло — мое, потеснюсь.

С помощью оставшихся ремней Банкан навьючил Правдивца на Снугенхатта.

Когда они расставались с саблезубым, тот ревел от восторга, кувыркался, перекусывал деревья, камни и вообще все, что попадало на исцеленный клык.

Глава 26

Сил и времени на возвращение ушло гораздо меньше — ведь они знали, где лучше ехать окольным путем, а где можно спокойно задержаться на отдых. На этот раз их не подстерегали ни ветры-коллекционеры, ни одушевленные равнины, ни длинноухие изуверы. К берегу Сприлашуна путники вышли ниже Камриоки, где, несомненно, вынашивал планы отмщения барон Красвин. Даже депрессивной атмосфере Нижесредних болот их великолепное настроение оказалось не по зубам, ведь оттуда было рукой подать до родных краев.

Когда же миновала вечность (но только для соскучившихся по дому путешественников), они снова очутились под веселой и дружелюбной сенью Колоколесья. Тимов Хохот обеспечил их уютом на день и ночь, а утром они выехали в направлении Линчбени. Там они простились с Граджелутом и оставили его в кузнице — любоваться, как вожделенное золото переплавляют в компактные слитки.

Талея, встречая блудного сына, перемежала объятия и поцелуи такими яростными ударами, что было непонятно, любит она Банкана или желает ему смерти. Аналогичная встреча ждала и Сквилла с Ниной — с той лишь разницей, что выдры в выражении своих чувств вдвое энергичнее и проворнее людей.

Когда же любящие детки оправились от ласк и побоев, настал черед официального визита в дерево Клотагорба. Но чары для расширения жилища за счет других измерений не были рассчитаны на великанов типа Снугенхатта, и носорогу пришлось остаться снаружи. Впрочем, он не был в претензии и охотно воспользовался случаем пощипать молодой травки.

Остальные собрались в центральном зале. Виз предпочел

разделить насест и пошептаться с Мальвитом, учеником чародея. Великий Правдивец, эта молчаливая обшарпанная загадка, был водружен на деревянный верстак. Джон-Том и его твердопанцирный наставник задумчиво рассматривали диковину из чужой земли, а может быть, и из чужого мира.

— Итак, перед нами Великий Правдивец. Великий Правдивец!

Клотагорб мял подбородок, озадаченно ковырял ящик пальцем. Тот не отзывался, и тогда волшебник ткнул посильнее. Опять — никакого результата.

— Согласен, выглядит он не очень впечатляюще. Но что поделать, правда редко бывает красивой.

— Была б красивой, — мятежно проворчал Сквилл, — ежели б жадюга ленивец поделился золотишком.

— Радуйся, что вернулся домой живым и здоровым.

Джон-Том сердито посмотрел на юного выдра, тот потупился.

— Подстричь бы тебя, шельмец, под крота, — сказала Виджи. — За все наши переживания.

Клотагорб, не обращая внимания на семейные склоки, знай себе ковырял и рассматривал загадочное устройство. Наконец Джон-Том нарушил паузу:

— Я одно могу сказать определенно.

Все посмотрели на него.

— Без сомнения, это устройство прибыло из моего мира.

— Я это подозревал, но хотел услышать от тебя. — Чародей поправил очки на клюве. — Есть какие-нибудь догадки о его предназначении?

Джон-Том задумчиво смотрел на Правдивца.

— Судя по рассказу детей, этот ящик заключает в себе истину. По крайней мере, должен заключать. В моем мире существует машина под названием полиграф, или детектор лжи. Студентом я видел несколько моделей, правда, не таких старых, как эта. Но я уверен, что не ошибаюсь. — Он помедлил. — Хотя все же не исключено, что перед нами сейсмограф или еще какой-нибудь «граф».

— Хранитель сказал, что он заколдован, — вспомнил Банкан.

— Насчет колдовства я сомневаюсь, но полиграфы давали неплохие результаты. Правда, все они были далеки от совершенства. Слишком часто им не удавалось обнаружить правду.

И тут внезапно ящик щелкнул. Джон-Том глянул на Клотагорба.

— Это вы его включили?

Волшебник отступил, отрицательно качая головой.

Точно пробудившаяся кобра, распрямился и поднялся вертикально черный шнур. Двурогая шишка на его конце медленно повернулась к Клотагорбу, затем к Джон-Тому. Не спеша огляделa комнату, слегка покачиваясь из стороны в сторону. В окошках пульсировал слабый желтый свет, как будто там искрило что-то жизненно важное.

— Я всегда говорю правду, — раздалось из решетки, расположенной рядом с бумажным свитком.

Банкан увидел, как на клетчатой бумаге задрожала длинная металлическая стрелка.

— Значит, ты в самом деле детектор лжи? — осторожно спросил Джон-Том.

Утолщение на проводе, которое, как позднее узнал Банкан, называлось штепселем, но ему все равно напоминало змеиную голову, резко повернулось, чтобы «посмотреть» на старшего чаропевца.

— Я Великий Правдивец. Я — сама истина. И я никогда не лгу.

Джон-Том почесал в затылке.

— Одного у тебя не отнимешь — ты говорливей любого из моих знакомых детекторов. Как ты здесь очутился?

— Не знаю. Истина путешествует всюду, не ведая преград. Я помню великую бурю, помню, как меня изучали и тестировали, как превращали, заколдовывали, заклинали, и в конце концов я очутился на золотой подставке в пещере. Там я долгое время провел в праздности, а затем твой отпрыск доставил меня сюда.

— Каково же твое предназначение?

Банкан заметил, что Клотагорб смотрит на устройство, как на очень ядовитую рептилию.

— Говорить правду, только правду и ничего кроме правды.

Раздался лающий смех Сквилла:

— Е-мое, а ведь фиговина, кажись, таки чего-то стоит. Эх, знал бы купчишка, че он уступил за паршивую кучу золота.

— Если бы он узнал о моих способностях, ничего бы не изменилось. Ленивец не настаивал бы на расторжении сделки. — Штепсель завис перед опешившим выдром. — Он не знал, как со мной поступить. Ведь Граджелут — всего лишь бродячий торговец, что с него взять.

— Я знаю, как с тобой поступить.

Клотагорб настороженно следил за пульсирующим устройством. Штепсель повернулся к нему.

— Нет, не знаешь. Это ложь. Ты все еще убежден, что я смертельно опасен, и скрываешь это от друзей.

Все посмотрели на Клотагорба. Тот молчал, переминаясь в явном смущении, и Джон-Том поспешил на выручку учителю.

— Но почему ты прежде ничего не говорил?

— Никто ко мне не обращался, не задавал вопросов. А ты, — штепсель качнулся в сторону чаропевца, — задел мое самолюбие, и я решил выступить в свою защиту. Когда за душой — ни-

чего кроме правды, нельзя помалкивать в тряпочку и позволять, чтобы об тебя вытирали ноги.

Клотагорб посмотрел поверх очков на своего младшего коллегу.

— В твоем родном мире все подобные устройства так нахальны?

Джон-Том отрицательно покачал головой.

— Большинство из них лишено дара речи. Но ведь и я на родине не умел чародействовать с помощью музыки. А оказавшись здесь, приобрел кое-какие способности. Вероятно, и с машинами так бывает. По крайней мере, с этой, — уточнил он, разглядывая зачарованный детектор лжи. — Конечно, если она не врет.

— Я не умею врать! — отчеканил Правдивец. Затем штепсель смущенно поник. — Хотя иногда жалею об этом. На свете столько неразоблаченной лжи — мне со всей вовек не справиться.

— Если ты говоришь правду, — упорствовал Джон-Том.

— А не проверить ли нам его? — предложила Ниина. — Друг на друге.

— Ну, не знаю, — медленно проговорил Клотагорб. — Сомневаюсь, что это хорошая мысль. Я уже не раз подчеркивал: правда бывает опасной.

— И это соответствует действительности, — подтвердил Великий Правдивец. — Черепах, а ты неглуп.

— Я величайший волшебник всех миров, — произнес Клотагорб тихо и без малейшего хвастовства.

Правдивец не возразил, и это произвело на всех впечатление.

— У меня идея! — оживился вдруг Сквилл. — Как насчет того, чтоб мы наведались в город вместе с этим трепачом?

— Не самое лучшее предложение. — Клотагорб колебался. — И все же, если тщательно контролировать ситуацию, эксперимент может оказаться полезным. Для всех нас.

Банкан посмотрел на отца.

— Пап, ты всегда решал проблемы с помощью чаропения.

— М-да, пожалуй, — пробормотал Джон-Том.

Не дожидаясь, когда в него ткнут пальцем, ящик прогудел:

— Это ложь.

Талея гневно посмотрела на Правдивца.

— Интересно, твои защитные чары выдержат несколько метких ударов мечом?

Провод со штепселем на конце напрягся.

— Правду-матку не зарежешь!

— Не уверен, что мне нравятся машины, которые умнее меня, — размышлял вслух Джон-Том.

— Я не умнее тебя, — натянуто ответил Правдивец, — и это тоже истина. Просто я называю вещи своими именами, и я всегда прав.

— Так уж и всегда?

Штепсель кивнул.

— Всегда.

— Жалко, что тебя нельзя ненадолго выключить.

— Чаропевец, правда — не вода в кране, ее нельзя пускать или перекрывать.

Джон-Том хмуро посмотрел на машину.

— Вовсе нет необходимости анализировать все мои слова.

— Извини, это профессиональное. Назовем это трудоголической манией.

Джон-Том долго разглядывал ящик, а потом обернулся к наставнику:

— Клотагорб, вы правы. Вы были правы еще до того, как дети нашли эту штуковину, и вы правы сейчас. Она опасна, как сам ад, и мы обязаны от нее избавиться.

Это вызвало бурные протесты Банкана и его друзей. Они приобрели союзника в лице Маджа.

— Э, кореш, погодь-ка! Давай не будем пороть горячку. Неужто ты хочешь сказать, что штуковина, способная отличить правду от лажи и никогда не врущая, ломаного гроша не стоит?

— Она стоит целое состояние, — с легкостью подтвердил Клотагорб.

— Так на кой же ее выбрасывать?

Сквилл и Ниина встали рядом с отцом. Виджи смотрела исподлобья и грозно постукивала лапой.

— Потому, что она невероятно опасна. Потому, что правда способна убивать. — Клотагорб поглядел на своего коллегу. — Джон-Том, я думаю, достаточно будет подходящей чаропесни. Отошли Правдивца подальше отсюда.

— Э, не спешите! — Маджа не остановил предупреждающий взгляд жены. — У меня есть че сказать по этому поводу.

— И у нас.

Сквилл подобрался вплотную к отцу, сестре и Банкану.

Джон-Том посмотрел на сына.

— И ты с ними заодно?

Банкан решительно кивнул.

— Ну, что ж. — Чаропевец вздохнул. — Не впервой в нас нет согласья.

— Ладно, будь по-вашему.

Все удивленно посмотрели на Клотагорба.

— Я умываю лапы. Опыт — лучший учитель. А я, очевидно, не гожусь вам в учителя.

— Джон-Том?

Чаропевец неуверенно посмотрел на Талею и снова — на черепаха.

— Раз вы не желаете иметь к этому отношения, то и мне ни к чему.

— Вот и славненько.

Мадж обнял Правдивца. И заколебался.

— Кореша, так вы честно не прочь, чтоб мы его забрали?

— Да, сделайте одолжение. — Клотагорб отвернулся и занялся своими волшебными делами. — Поступайте с ним по своему разумению, только держите подальше от моего Древа.

— Ну, шеф, на этот счет не беспокойся! — Старший выдр с помощью Банкана поволок механизм к выходу, следом пошли близнецы. — Ты уж не серчай, када мы заграбастаем всю выручку.

Стоя в дверях, Талея и Виджи смотрели, как три выдры и юный человек исчезают в длинном коридоре. Встревоженная супруга Маджа оглянулась.

— Великий Клотагорб, ты уверен, что все обойдется?

Чародей засопел.

— Я слишком стар, чтобы спорить с детьми, но искренне надеюсь на благополучный исход. Когда в дело вступает голая правда, кто возьмется предсказать будущее?

Эти слова отнюдь не успокоили даму с серым мехом и ее рыжеволосую подругу.

* * *

На другой день снедаемые нетерпением единомышленники добрались до Линчбени и отправились в любимый притон Маджа. Углядев за центральным игорным столом несколько знакомых, выдр непринужденно подошел, присел и поставил рядом с собой Правдивца. Тот не протестовал. Банкан, Сквилл и Ниина облюбовали стойку бара. Сидя на высоких табуретах, они потягивали напитки, состряпанные для них барменом, и наблюдали.

Элегантно одетый и причесанный ласк сдвинул на затылок шапочку банкомета и указал на ящик.

— Что это, мой друг? Какое-нибудь волшебное устройство?

Его партнеры по игре захихикали.

— Ага, че-то вроде, — с хитрой ухмылочкой подтвердил Мадж.

Крепко сбитый барсук нахмурился и оправил черный кожаный жилет.

— Опять якшался с черепахом?

— С чего ты взял, приятель? Эту штуковину тока что приволокли из далекой-предалекой страны мои сопляки и ихний дружок.

Мадж качнул головой в сторону бара. Ниина приветливо помахала лапой.

— А знаешь, водяная крыса, у тебя симпатичная девчушка, — одобрительно произнес ласк и затянулся бодрящим косячком.

— Ты, Сукреп, играешь, вот и играй. И держи свои клепаные

лапы подальше от моей дочурки. Я тебя завсегда подозревал в порочных наклонностях. — Выдр наклонился и ласково похлопал Правдивца. — Между прочим, эта штучка готова ответить на вопрос, который меня уже не один год занимает.

Ласк самодовольно ухмыльнулся и принялся сдавать карты.

— Столько времени терпел, а сейчас что, приспичило?

— Ну, видишь ли, этот вопрос не совсем личный. Не будешь возражать, ежели я присоединюсь?

Сукреп с готовностью подвинулся.

— Мадж, за этим столом твоим деньгам всегда рады. Ведь ты уже столько просадил.

Игра шла своим ходом, монеты позвякивали, перебирались от игрока к игроку в зависимости от того, как ложились карты или падали кости. Рядом с Маджем помалкивал Правдивец. Мадж то понемногу выигрывал, то терял — как обычно, последнее случалось чаще. За игорным столом удача никогда его не баловала.

С пронзительным до жути хихиканьем кинкаджу сгреб солидный выигрыш.

— Можьет, этот ящьик и полон волшьебства, но везенья в картах он тебе не приносьит.

— Это правда, — заявил вдруг Правдивец.

Грянул дружный хохот. Мадж злобно уставился на источник общего веселья.

— Я пока не спрашивал твоего мнения. И ваще на чьей ты, кореш, стороне?

— Ты знаешь, на чьей я стороне, — спокойно ответил Правдивец.

— А он еще что-нибудь умеет? — поинтересовался дородный хряк. — Кроме как болтать?

Мадж напрягся, заставил себя улыбнуться.

— Он умеет говорить клепаную правду. О чем ни спроси.

— Интересно, интересно. — Волк в наряде из грубого муслина глянул по-над картами. — Значит, он нам скажет, если ты мухлюешь. — И наклонился вперед. — А ну, ящичек, скажи нам что-нибудь о твоем приятеле.

— Э, погоди! — Выдр аж привстал. — Это мое имущество, и тока я могу задавать ему чертовы вопросы.

— Сядь, водяная крыса, и заткни пасть, — грозно процедил волк. — Ящик?

— Я Великий Правдивец, — с достоинством ответил прибор.

— Ладно, Великий Правдивец, отвечай: Мадж жульничает?

— Сегодня нет.

— А, ну тогда ладно.

Волк обмяк и снова уткнулся в карты.

— Вот видите! — захихикал обрадованный Мадж. — Тебя, Рагрегрен, я никада не надувал.

И пожалел тут же, едва произнес эти слова.

— Это неправда, — твердо заявил Правдивец.

— Чего? — заморгал волк.

— Да ниче, кореш, ниче. Ты гляди в свои картишки, не отвлекайся. — Выдр повернулся к устройству и прошипел: — А ну, заткни чертову говорилку! Молчи в тряпочку, пока я не спрошу.

— Извини, но правда так себя не ведет. Стоит с нею связаться, и она уже не отстанет.

— Я спрашиваю: что он сказал? — Волк положил карты рубашкой вверх, встал во весь свой солидный рост и снова обратился к ящику: — Ну-ка, Великий Правдивец, когда эта водяная крыса здесь шулерила?

— Я могу только сказать, что правда, а что неправда, — виновато прозвучало через решеточку в корпусе. — Я не способен прорицать будущее или заглядывать в прошлое.

— Ну, че, Рагрегрен, убедился? Никада я не мухлевал, вот так! Просто напутала клепаная коробка.

Кряжистый волк посмотрел на Маджа в упор.

— Ты только что сам утверждал, что она не способна врать.

— Да, не способен, — влез в разговор Правдивец.

— Получается, что ты все-таки обманывал нас за этим столом.

Волк отодвинул карты.

— Нет! Чем хочешь поклянусь! — в страхе выпалил Мадж. — ты... Ты сам мухлевал!

— Вот что я тебе скажу, водяная крыса. Не надейся выкрутиться. Я в карты не мухлюю.

— Сегодня не мухлевал, — охотно подтвердил Правдивец.

Волк напрягся.

— Чего?

— Ты мухлевал, но не сегодня. Если вам интересно знать, кто жульничает сегодня, пожалуйста, скажу. Вон тот хряк.

— Прошу прощения?

Хряк съежился на скамье. Мадж и Рагрегрен дружно повернулись к нему.

— Должно быть, это какая-то ошибка.

— Бульмонт, ты сегодня что-то уж очень много выиграл, — с подозрением заметил волк.

Хряк медленно отодвинулся от стола.

— А ты, Рагрегрен, не имеешь права меня обвинять. Просто я бросаю кости лучше, чем ты, но это еще не повод...

— Ты бросаешь кости не лучше, чем он, — перебил Правдивец.

— Но они чистые! — протестовал хряк.

— Это верно, — подтвердила машина.

— Ага, видите? — сразу успокоился Бульмонт.

Мадж ударил по скамье ногой.

— А ну-ка, не такой уж Великий, объяснись!

— Все очень просто. Ласк, зовущий себя Сукрепом, сговорился с кабаном. Следовательно, индивидууму по имени Бульмонт не надо рисковать, потому что колода заряжена, и банкомету остается лишь сдать сообщнику нужные карты. Я подозреваю, что после игры эта парочка разделит выигрыш.

Сукреп ничего не возразил. Да и что тут скажешь, когда у тебя красноречиво отпала челюсть, а с губы свалился косячок?

— Врет проклятая коробка! — завопил Бульмонт.

— Нет, не вру, — тихо ответил Правдивец. — Загляните под стол возле сиденья банкомета. Увидите потайной ящичек, а в нем крапленые карты.

Волк оглушительно заревел и прыгнул. Сукреп с характерной для его племени ловкостью нырнул под стол. Бульмонт предпринял отчаянную попытку сгрести банк, но от могучего удара барсука отлетел вместе со скамейкой. Тогда за деньгами бросился кинкаджу, но замер, потому что в стол между его тонкими пальцами вонзился стилет Маджа.

Выдр недобро ухмыльнулся.

— Кажись, мы малость по-другому разделим этот банк.

Кинкаджу неторопливо кивнул, а затем стремительно взмахнул второй лапой, и о Маджеву тирольку разбилась бутылка.

— Эй! — взвизгнул Сквилл. — Папаню бьют!

И все трое — Ниина, Сквилл и Банкан — кинулись на выручку. Бармен горестно вздохнул и укрылся за массивной деревянной стойкой.

— Банкан, тебе лучше не лезть.

Услышав свое имя, юноша застыл как вкопанный. А когда совет прозвучал вновь, юноша с изумлением обнаружил, что говорит опасный (как только что подтвердилось) металлический ящик.

— Почему? — выкрикнул он, готовя кулаки к работе.

Таверна между тем превратилась в сущий бедлам.

— Потому что ты считаешь себя хорошим бойцом совершенно безосновательно.

— Что за чепуха? В драке я не хуже выдр или Джон-Тома.

— Ошибаешься. Ты неопытен и легко можешь погибнуть. А потому...

— Да, это правда. Я знаю, знаю!

Обескураженный, сбитый с толку, Банкан опустился на четвереньки и полез под стол.

— Привет, чувак.

Он изумился, обнаружив там жмущихся друг к дружке близнецов.

— А вы что тут делаете?

— Да вот, прикинули, че эта проклятая штуковина плохих советов не дает. До сих пор она не ошибалась. И вдобавок мама-

ня надерет мне задницу, ежели сеструха получит хоть одну царапину в кабацкой драке.

— На самом деле он больше беспокоится о собственной шкуре, — подал голос Правдивец. — И правильно делает. Ниина — боец не чета ему.

— Враки! В борьбе я всегда побеждаю.

— Это правда, — согласилась Ниина.

— Она поддается, — сказал Правдивец.

— Нет. — Ниина зло покосилась на ящик, но не рискнула встретить свирепый взгляд брата.

— А это ложь, — тихо, но с достоинством вымолвил Правдивец.

— Щас увидим, кто тут лучший боец.

И миг спустя выдры покатились по полу, вцепившись друг в друга мертвой хваткой.

Чего, надо заметить, уже давненько не случалось.

— Пусть дерутся, — устало пробормотал Банкан. — Когда натешатся, я их растащу чаропесенкой.

— Ты не владеешь чаропением, — заметил Правдивец. — Лишь играешь на дуаре.

— Но хоть это делаю получше других, — раздраженно парировал юноша.

— Неправда! Джон-Том играет лучше.

У Банкана сверкнули глаза.

— Я играю лучше! Он сам так сказал!

— Польстил, чтобы придать сыну уверенности в себе.

Банкан отвернулся, уткнулся подбородком в колени. Вокруг кипела схватка, в поразительной какофонии смешались рев, крик, визг, вой и писк, и от этого дрожали стены таверны.

— Да, пока мне подпевают выдры, но я буду упорно работать и со временем запою сам.

Правдивец был беспощадным, но не бесчувственным.

— Молодой человек, — тихо произнес он, — тебе не чаропеть в одиночку.

Банкан резко обернулся.

— Слушай, и чего б тебе не помолчать маленько?

— Правда всегда желанна, — прошептал ящик, — до тех пор, пока не найдешь ее.

Над головой Банкана с оглушительным треском вдребезги разлетелся стул. Сработанный из крепкого дерева стол даже не пошатнулся, а вот бокал льдинкой разбился о половицу. Юноша снова раздраженно заговорил:

— Кажется, я начинаю понимать, что имел в виду Клотагорб.

— Нет, ошибаешься. Ты слишком молод, чтобы это понять. Не так-то легко ухватить смысл правды. Ты столь же серьезно переоцениваешь свою логику и проницательность, как и борцовские навыки, и игру на дуаре.

— Я вроде бы не просил критиковать.

— Но ведь это правда. Только правда. Всегда — правда. Не правда ли, она причиняет боль?

Мимо стремительно проехала скамья. На ней все еще сидел посетитель таверны, но он был не в том состоянии, чтобы соскочить.

Банкан выглянул из-под стола. Когда же кончится побоище?

— Надо вытащить тебя, пока кто-нибудь из этих шалунов не захотел с тобой разобраться. Хотя, сказать по правде, я уже не уверен, что готов рисковать шкурой ради твоего спасения.

Банкан уже понял, что от близнецов помощи ждать не приходится. Они вовсю выясняли отношения друг с другом.

Меньше часа пробыл Великий Правдивец в таверне, но и за этот короткий срок голая правда успела превратить мирное заведение в кровавое царство хаоса, а добродушных завсегдатаев — в свирепых, обезумевших демонов.

Путь к выходу был перекрыт дерущимися посетителями, оттуда же следовало ожидать и появления полиции. Банкан, таща Правдивца за шнур, обогнул стойку бара и очутился в обществе хозяина, тучного ящера. На его чешуе сверкали полудрагоценные камни и жемчужины.

— О, мой прекрасный игорный зал! — рыдал он.

— Вы должны мне помочь, — сказал Банкан, подтаскивая Правдивца. — Нам надо выбраться отсюда.

— Нет, не надо, — бодро возразил ящик. — В этом нет необходимости.

— Замолчи!

Банкан шлепнул Правдивца по корпусу, хоть и сомневался, что от этого будет толк. Зато самому полегчало.

— Что это? — неожиданно проявил интерес ящер.

— Ничего, — процедил Банкан. — Игрушка.

Хозяин заведения растерянно посмотрел на него.

— Никак не пойму, кто же заварил всю эту кашу.

— Вот он, — донес Правдивец. — Он и его друзья, выдры.

— Ах, вот оно что! — завопил ящер. — Так ты — отпрыск Чаропевца-Из-Древа?

— Да.

— Превосходно! Я в суд подам! Я буду жаловаться Гильдии Чародеев!

— Думайте, что говорите, — предостерег Банкан. — Вы не можете судиться с чаропевцем.

— Еще как может, — возразил ящик.

И на этот раз получил от Банкана не шлепок, а сильный пинок. Правдивец покатился кубарем, затем с помощью шнура попытался вернуть себе подобающее положение. Выглядело это жалко. Но свет в окошках горел по-прежнему ровно, неколебимо.

— Мой юный друг, от правды не так легко отделаться.

— А как насчет полета с обрыва в самый глубокий омут?

— Не поможет. Правда — штука цепкая.

— В самом деле? — Ящер заметно приободрился. — Ну, так я, похоже, и впрямь могу выиграть дело у чаропевца.

— Да. Но не захочешь связываться с правосудием.

Узкомордый насекомоядный содержатель притона озадаченно заморгал.

— Это почему же я не захочу связываться с правосудием?

— Потому что побоишься разоблачения.

— Что ты имеешь в виду?

— Все эти «декоративные» зеркала. На стенах, на потолке. — Шнур выпрямился, зубцы штепселя указали вверх. — Некоторые изготовлены из поларoидного стекла, в нишах за ними спрятаны твои помощники. Они следят за игроками и подсказывают другим твоим помощникам, сидящим за игорными столами, а те делают безошибочные ходы. Затем львиная доля незаконного выигрыша ложится на счет заведения. То есть в твой карман. Конечно, ты не всю выручку утаиваешь от своих покровителей, чтобы у них не появились подозрения.

— Демон в коробке! Гнусная штуковина из Запределья!

Разъяренный хозяин кинулся на поиски оружия.

— Правду легко проклинать! — закричал Правдивец, а Банкан подхватил его и бросился на поиски выхода. — И с ней трудно жить в согласии!

Слева от юноши разбилась о стену бутылка янтарной жидкости. Недолго думая он протолкнул Правдивца в оконце для мусора и рыбкой прыгнул следом. Оба приземлились на зловонную кучу в переулке за таверной. Банкан с омерзением высвободился от многолетних напластований отбросов и поднял ящик.

— Какой путь самый безопасный?

Юноша затравленно оглядел переулок.

— Налево, — без колебаний ответил Правдивец.

Шатаясь от натуги, Банкан двинулся в указанном направлении, свернул за угол и нос к носу столкнулся с Рагрегреном, тем самым волком, что сидел с Маджем за одним столом и был отчасти виноват в сваре. Из ссадины на его лбу текла кровь, прокушенное насквозь ухо свисало. Бурый муслиновый костюм был изорван и заляпан выпивкой и кровью — не только его собственной. Он тяжело дышал и сжимал в лапе тяжелую ножку стула.

— Ты! — злобно прорычал он. — Все из-за тебя! Ты притащил эту болтливую коробку!

И с ревом атаковал юношу, вскинув над головой импровизированную дубину.

Банкан увернулся, и ножка стула врезалась в стену позади него.

— Кажется, ты говорил, что это самый лучший выход! — выкрикнул юноша. — Ты солгал!

— Я никогда не лгу, — твердо ответил Правдивец. — Просто у меня отличный слух. Я подслушал, как хозяин таверны давал слугам указания. Они залегли в засаде на другом конце переулка и непременно убили бы тебя, если бы ты туда направился. А здесь тебя всего лишь отдубасят.

— На это не рассчитывай.

Рагрегрен снова замахнулся.

Банкан не мог вытащить меч, а потому был вынужден прикрыться единственным подручным средством. Дубина обрушилась на Правдивца. Юноша приготовился к новому удару, но странное дело — его не последовало.

Ножка стула превратилась в щепки, те рассыпались в труху, труха осела на землю тающими желтыми блестками.

— Насилием правду не одолеть, — уверенно изрек Правдивец. — Шила в мешке не утаишь, тайное становится явным, ложь выплывает на чистую воду. На время от истины можно отделаться, но не навсегда.

— Ловко, — одобрил Банкан фокус с дубиной.

— Да лопнут твои глаза! — провыл волк. — Да пропади ты пропадом со своей подлой коробкой!

Он бросился на поиски нового оружия.

Банкан подождал, пока Рагрегрен скроется из виду. Из таверны все еще доносился шум сражения.

— Можно идти? Теперь не опасно?

— Да.

— Что, правда? В самом деле не опасно?

— По крайней мере, насколько я могу судить по ситуации.

У входа в таверну скопилась толпа любопытных. Но они без звука испарились, когда появился фургон с облаченными в мундиры скунсами и виверрами. Банкан не сомневался, что столь мощный отряд живо прекратит конфликт.

В быстро редеющей толпе зевак одно лицо показалось ему знакомым. Он побежал, слабо помахивая свободной рукой.

— Мариана! Это я! Я здесь!

Та, к кому взывал юноша, не останавливалась, пока он не догнал ее за мелочной лавкой. Едва ли она заслуживала упрека — когда полиция усмиряет буянов, лучше держаться подальше. На лице Марианы отразилось все, что она ощутила и подумала при виде Банкана.

— Банкан? Что случилось? — Она качнула головой в сторону таверны. — Что там происходит?

— Не знаю.

— Ложь, — высказался Правдивец.

Мариана с любопытством посмотрела на него.

— А это еще что?

— Да так, безделушка. Ты сюда пешком добиралась?

— На верховой ящерице, но...

— А можно ее позаимствовать? Совсем ненадолго? — Он нервно оглянулся на притон, откуда доносились вопли и визг. Судя по всему, отборные силы линчбенийской полиции уже взялись за дело. — Мне надо побыстрее выбраться из города. — Он приподнял устройство. — Великий Клотагорб и мой отец должны с ним разобраться.

Она сморщила носик и шагнула назад.

— Ящерица не здесь. Я ее оставила за городом, а сюда пришла пешком...

— Это обман. Ящерица совсем рядом.

Хорошенькое личико Марианы перекосилось, она в гневе уставилась на Правдивца.

— Ты кого называешь обманщицей? Меня?

— Разумеется. Что поделать, таков мой служебный долг.

— Банкан, что это? — спросила, пятясь, Мариана. — Какое-нибудь гадкое колдовство? Это твой отец постарался, да? Заодно со своим дружком, полоумным черепахом?

— Нет, что ты, они тут ни при чем, — уверил Банкан девушку. — Мы сами нашли Правдивца. Мы со Сквиллом и Ниной.

— А, с этими выдрами! Ну, тогда все ясно. — Мариана заколебалась. — Наверное, ты не виноват, это они тебя втянули. Я... я, пожалуй, могу что-нибудь сделать.

— Мариана, ты должна мне помочь. Ты же знаешь, какие глубокие у меня к тебе чувства.

— Неправда, — выдал ящик.

— Нет, правда! Мариана — отличный друг.

— Снова — ложь.

Банкан в ужасе посмотрел на свою словоохотливую ношу.

— Нет у тебя к ней никаких глубоких чувств. Только желание залезть под юбку. Сколько лет уже об этом мечтаешь.

В механическом голосе звучало нескрываемое злорадство.

Раскрыв от изумления рот, Мариана посмотрела на Правдивца, затем на юношу.

— Ах ты, ублюдок! А я-то верила, что ты в меня влюблен! Все ждала признания, берегла себя, дура сентиментальная!

— Ложь! Ложь! Ложь! — возликовал ящик. — Если б только мальчик знал, со сколькими его приятелями ты переспала!

Банкан судорожно сглотнул.

— Мариана, неужели это... правда?

— Конечно, правда, что же еще? — удивился Правдивец. — Неужели ты еще не понял, что мне нельзя не верить?

— Будь ты проклят!

Банкан поднял машину над головой, чтобы вдребезги разбить о мостовую. Но, оглядываясь в поисках одобрения, не увидел Марианы. Она уже исчезла в толпе, убежала за угол. Он медленно опустил ящик.

А затем побежал. Злой, с перекошенным лицом, лавировал

среди прохожих, продвигался к околице. А Великий Правдивец скороговоркой выдавал сокровенные тайны каждого встречного.

— Вон у того дородного человека в кармане склянка с ядом, он затеял отравить любовника своей супруги. А вон тот, рядом с ним...

— Молчать!

Не зная, что еще предпринять, Банкан зажал ладонью решетчатый рот механизма.

— Ты уж извини, — зазвучал приглушенный голос, — но у меня почему-то на редкость хорошее самочувствие. Даже разогрелся. Все-таки приятное это занятие — выкладывать правду.

— Не хочу ничего слышать!

— Хочешь, я-то знаю.

— Ну, пожалуйста! — взмолился Банкан на бегу. — Сжалься!

И тут в голосе Правдивца засквозил высокогорный холод:

— Правда и жалость несовместимы! Ты трус! Боишься истины, как и большинство разумных существ.

— Еще бы не бояться, — задыхаясь, прошептал юноша.

До опушки уже было рукой подать.

Глава 27

В конце концов Банкан очутился на знакомой мирной полянке. Ни Джон-Тома, ни Клотагорба он не застал, но растерянный Мальвит впустил его в Древо и даже — о чудо! — предложил устраиваться поудобнее.

— А ведь я пытался тебя предупредить, — напомнил черепах, когда они с Джон-Томом возвратились. — Но ты не пожелал выслушать. — Заскрипев панцирем, он глубоко вздохнул. — Мало кто внемлет моим советам. Хорошо, если находится один на сотню.

— Мадж вообще никого не слушает, даже меня.

Джон-Том с тревогой вглядывался в испачканное, вспотевшее, усталое лицо сына. Позади на верстаке помалкивал Великий Правдивец — воплощение механической невинности.

Банкан вытер пот.

— Никогда в жизни не подозревал, что правда бывает так опасна.

— Ошибка — считать, что цивилизация зиждется на абсолютной истине, — важно заявил Клотагорб. — Ее ровно столько, сколько может вытерпеть народ, то есть сущие крохи.

— Это так, — коротко подтвердил Правдивец.

— А тебя никто не спрашивал! — рявкнул Джон-Том.

Банкан ни на миг не упускал из виду устройство, словно бо-

ялся, что его металлические штырьки вдруг превратятся в ядовитые зубы.

— И как мы с ним поступим? — спросил наставника Джон-Том.

Клотагорб, взглянув на притихший до поры ящик, ответил:

— Думаю, надо с помощью магии отослать его куда-нибудь подальше. Я попробую. Не получится — ты подберешь безотказную чаропеснь.

— Послушайте! — Банкан резко выпрямил спину. — А если я...

Но прикусил язык, заметив выражение отцовского лица.

От черепашьего колдовства Древо тряслось и гнулось, и над его верхушкой собирались причудливой формы грозовые тучи. Однако ни громы, ни молнии не произвели впечатления на Правдивца. Он даже не шелохнулся. Черепах наконец признал свое поражение, и тогда Джон-Том извлек из памяти самые убойные чаропесни. Но и они не возымели действия.

Намучившись без толку, Джон-Том даже позволил блудному сыну взяться за дуару, а сам спел за отсутствующих выдр. Безрезультатно.

— Разве можно прогнать истину? — заговорил Правдивец, лишь когда стало ясно, что любые потуги колдунов применительно к нему обречены на позорное фиаско. — Для этого не хватит никаких чар, никаких заклинаний. И в речке ее утопить не так-то просто, — добавил он специально для Банкана.

— Все равно мы должны избавиться от этой опасной вещи. — Черепах взглянул на Банкана в упор, и юноша покаянно опустил голову. — Я пытался тебя предупредить, но ты все равно привез ее. Большинству людей вполне хватает той правды, что есть. Даже с лихвой.

— Это так, — повторило устройство.

— Плохо приспособленных к истине, а таких большинство, она стравливает друг с другом. Она разрушает семьи и целые общины. Из-за нее вспыхивают войны.

— Но это не моя вина, — возразил Правдивец. — Я ведь не делаю правду. Я лишь довожу ее до сведения. Едва ли можно упрекать меня за то, что разумные существа предпочитают утешающий обман. Если на то пошло, начни все кругом говорить правду, я останусь без работы и буду чертовски этому рад.

Джон-Том выглядел жалко, но не более, чем его учитель.

— И как нам теперь быть?

— Пускай остается. Только здесь, в Древе. Подальше от чужих ушей. Я прожил несколько веков и лучше других способен терпеть истину. Постараемся ее не замечать.

— Нельзя заточить правду, и нельзя ее игнорировать, — заявил Правдивец.

У черепаха недобро сверкнули глаза. Он приблизился к устройству, и такой мудростью, такой энергией веяло от волшебника, что штепсель не выдержал и отклонился. «Пускай истину нельзя уничтожить, — подумал Банкан, — но подчас ее можно напугать».

— Все же мы попытаемся, — сказал Клотагорб Джон-Тому. — Пойдем, мой друг. Пороемся в библиотеке, вдруг да разыщем какую-нибудь подсказку. Если в принципе *еще можно* что-то сделать.

* * *

Той ночью к Древу Клотагорба приблизился некто гибкий, мускулистый. Дом колдуна был защищен многочисленными чарами, но этот незваный гость хорошо подготовился к визиту. Он беспрепятственно добрался до своей цели, запихал ее в большую холщовую сумку и повесил на плечо. Мальвит, которому полагалось стеречь Древо от воров, всю ночь проспал мертвым сном, чего прежде с ним не случалось ни разу.

А на далеком берегу лежали переплетясь, как никогда не переплестись людям, Мадж и Виджи. Их дети, вполне пришедшие в себя после драки в таверне, сладко посапывали в кроватях. В дереве, зачарованном чуть меньше Клотагорбова, спали бок о бок Джон-Том с Талеей, а Банкан беспокойно ворочался у себя в комнате.

Поэтому никто не схватил вора за лапу, не помешал ему благополучно вернуться к приятелям, ожидавшим в дебрях Колоколесья.

— Я же говорил, что все получится!

Торжествующий коати вынул добычу из сумы.

Лесные разбойники оценивающе посмотрели на нее, а затем енот прошептал:

— Да, почтенный Чамунг, поистине ты величайший среди воров.

С этим согласился виверр.

— Я знал: если наберемся терпения и будем начеку, то обязательно представится случай отомстить. — В лунном свете блеснули зубы атамана. — Проклятые сопляки! Будут знать, как лезть куда не просят. Я бы с удовольствием перерезал им глотки, но в дереве оказались только дряхлый черепах и его подмастерье. А с ними я не ссорился. — И он легонько пнул Великого Правдивца. — И вот он у нас, этот приз, за которым наши враги ездили в такую даль. Я был в таверне Ногеля, когда там вспыхнула свара, услышал кое-что полезное и составил план. По вине зловредных детенышей я лишился шайки, они же по моей вине остались без добычи. Баш на баш. — Он перешел на заговорщицкий шепот: — Известно ли вам, что умеет делать это волшебное устройство?

— Угу, — подтвердил виверр.

— Оно выкладывает правду. Любую — и явную, и скрытую.

С его помощью я создам большую армию. Мы начнем с Линчбени, а затем опустошим все Колоколесье. Мы перекрасим леса в алый цвет. Кровью! Даже великий колдун не устоит против такого страшного оружия, как истина! Я сделаю себе ванну из его обшарпанного панциря, я буду загорать на выдубленных шкурах троих детенышей, и их родни, и их друзей. Я украшу их черепами фронтон своего дома. Вот какова будет расплата за все мои унижения! — Коати вошел в такой раж, что тяжело задышал и стал брызгать слюной. — Пойдем, верные мои товарищи. Пора браться за дело.

И они зашагали по темному лесу в направлении города.

— Я поделюсь с вами победой, как раньше всегда делился награбленным.

— Раз уж речь зашла об этом, — неожиданно подал голос Великий Правдивец, — я должен кое-что уточнить. Твои слова о честном дележе — не что иное, как бессовестная ложь.

— А тебя, ящик, никто не спрашивал! — прорычал Чамунг.

Когда атаман поднял глаза, обнаружилось, что на него вопросительно смотрят виверр и енот.

* * *

Несколько дней спустя в безвестный городишко Мальдерпот приковылял жалкий оборванец. До этого он побывал в нескольких городах и селениях, но отовсюду его изгоняли со скандалами и побоями. Некогда щеголеватый костюм превратился в лохмотья, пропали ухо и несколько зубов, а роскошный хвост был ободран догола.

Звякнул колокольчик в глубине магазина. За пришельцем затворилась дверь, отгородив его от шума проливного дождя. Под мышкой он держал помятого, обшарпанного, но все еще исправного Правдивца. Из окошек в металлическом корпусе уверенно лилось шафрановое сияние.

Посетитель боязливо откинул капюшон плаща и взглянул на хозяина лавки, мускусного крыса, за миг до этого вышедшего из-за ширмы. И хотя крыс усердно спасался от холода при помощи горячительных напитков, он не настолько залил зенки, чтобы не заметить плачевного состояния гостя. Даже более чем плачевного. Вошедший в лавку индивидуум находился в последней стадии физического и психического расстройства.

Стены магазинчика были украшены редкостными, диковинными вещами. На полках теснились плотно укупоренные кувшины с неведомыми снадобьями. Под потолком на крепкой проволоке покачивались таинственные устройства и чучела жутких иноземных рептилий.

— Достопочтенный Тимокан, ты должен мне помочь. —

У коати дрожал голос, каждое слово перемежалось приступом кашля. — Мне сказали, ты постиг мастерство волшебника.

— Случалось мне чародействовать, — подтвердил мускусный крыс, — но это — в прошлом. Сейчас я занимаюсь только коммерцией. Не скажу, что с выгодой, но если хочешь купить ящик хорошей выпивки...

— Это потом, потом. — Коати нервно оглянулся на дверь, словно в эту промозглую ночь мог найтись мазохист, готовый его преследовать. — Сейчас я на мели, даже за твои услуги расплатиться не могу. Видишь, до чего меня довели?

Крыс поднял лапы.

— Ну, коли так, не понимаю, на что ты рассчитываешь. Я благотворительностью не занимаюсь.

— Пожалуйста! — Ослабевший коати едва не повалился на узкий прилавок. — Только ты способен мне помочь. Если откажешь, я непременно умру... или спячу!

— И это правда, — заявил ящик у него под мышкой.

Заинтригованный крыс привстал на цыпочках и вытянул шею.

— Что это у тебя, путник?

— Ради Всех Хвостатых, не слушай его! Не уделяй ему внимания! Представь, что его тут нет.

У коати столь жутко перекосилась физиономия, что посул сойти с ума уже не казался крысу преувеличением.

— Это невозможно, — сказал, мерцая, ящик. — Правду нельзя не замечать.

— Правду? — Крыс быстро трезвел. — Что значит — правду?

— Он выявляет ложь и раскрывает истину. — Казалось, коати вот-вот разрыдается. — Всегда. Даже когда его не просишь.

Крыс сочувственно кивнул.

— Что ж, сударь, теперь я понимаю, почему у тебя такой жалкий вид.

— Так ты поможешь? — с надеждой прошептал коати.

— Я — нет. Тут нужен чародей поискуснее меня. Но я знаю, к кому тебе следует обратиться. Да, есть на свете волшебник исключительно мудрый и опытный, он живет на юге, и зовут этого черепаха...

— Нет! — заорал коати — откуда только силы взялись? — Не могу я к нему обратиться! Это у него я украл штуковину!

Крыс снова кивнул.

— А ты уверен, что это случилось *вопреки* его желанию, а не *благодаря*? У Клотагорба репутация волшебника не настолько глупого, чтобы связываться с такими опасными чарами.

— Нет, ты ошибаешься. — В голос Чамунга вернулась крошечная толика былой надменности. — На всякого мудреца довольно простоты. Нелегко было его обокрасть, но я — мастер своего дела.

— Понятно. И он, стало быть, в отместку наложил на тебя заклятие?

— Нет, — снова перешел на униженный тон коати. — В моих бедах только проклятое устройство виновато. Мне с ним не справиться. Боюсь, это никому не по силам.

— Пожалуй, тебе лучше уйти. — Крыс оробело попятился к ширме. — Если сам великий Клотагорб так боялся этой вещи, что позволил ее украсть, то мне и подавно не удержать ее в подчинении.

— Но кто же меня спасет, если не ты? — взмолился Чамунг. — Не могу я уйти, не могу! Чего я только не делал! И потерять пытался эту штуковину, и убегал, и даже скинул в глубокий овраг. А она вцепилась в меня как клещ... Ни поесть, ни поспать...

— Связался с правдой, терпи, — посоветовал ящик.

— Видишь, в кого превратился грозный Чамунг, король воров, по вине подлого устройства?

— Да, смотришься ты и в самом деле неважно.

— Верно, — подтвердил Правдивец.

— Возможно, один способ все-таки есть, но это лишь мое предположение, — задумчиво рассматривая детектор лжи, проговорил владелец лавки.

У Чамунга в глазах затеплились искорки жизни.

— Говори! Я сделаю все, что ты скажешь!

— Существуют легенды о переходе. О способах путешествовать из нашего мира в другие. Возможно, это лишь слухи, домыслы, байки. Но если, скажем, ты совершишь такой переход и оставишь адский аппарат на той стороне...

— Ну! Ну! — нетерпеливо понукал коати.

— Правду нельзя выбросить, это так. Но иногда ее можно уступить.

Чамунг резко повернулся к Великому Правдивцу.

— Ну? Правду говорит толстячок? Отвечай.

— Да, — неохотно вымолвил ящик.

* * *

В обмен на клятвенное обещание Чамунга не за страх, а за совесть прислуживать в лавке до конца своих дней, искренность коего по настоянию предусмотрительного крыса подтвердил Великий Правдивец, маленький колдун в отставке снарядил экспедицию на юг. Цель ее располагалась за рекой Вертихвосткой, Озерным Краем и болотами Моргель. Путь был долог и тяжел, но все же мускусный крыс с коати добрались до искомой пещеры и оставили Правдивца в ее недрах.

Прошел немалый срок после столь же многотрудного возвращения, и наконец Чамунг поверил, что с его судьбы снято ро-

ковое заклятие. Верный слову, он служил избавителю верой и правдой вплоть до его смертного часа, который значительно приблизило пристрастие крыса к высокоградусным напиткам.

* * *

В чернильной мгле той далекой пещеры покоился Великий Правдивец, в его цепях едва тлела электронная жизнь. Но однажды на него наткнулись двое детенышей. Они были помладше Банкана, Сквилла и Ниины, носили старенькие синие джинсы и светили влагонепронецаемыми фонариками — в это время года в пещере хватало воды.

Дети были приучены к осторожности. Они не тронули ящик, а вернулись к дедушке и рассказали о находке. Тот обратился к экскурсоводу. Все вместе они спустились в пещеру. Там экскурсовод сдвинул на затылок каскетку с карбидной лампой и почесал лысеющее темя.

— Что-то я не припоминаю эту штуковину. Подростки, драть их некому. Таскают сюда всякий хлам.

Старик запрокинул голову и заморгал — в глаз попала капля.

— Может быть, она сверху свалилась, через дыру какую-нибудь? Или водой принесло?

Проводник шарил лучом фонаря по корпусу Правдивца.

— Черт его знает...

— Дедушка, — начал старший внук, — если это не принадлежит владельцам пещеры, можно, мы его заберем?

— Ну, я не знаю.

Дед посмотрел на экскурсовода. Тот пожал плечами.

— На что мне этот хлам? Заберете — обяжете.

Старик кивнул и наклонился, чтобы рассмотреть устройство получше.

— Похоже на измерительный прибор. Видите? — Он стер грязь с большой стеклянной пластины. — Эге! Хотите, скажу, что это за штука? Старая модель детектора лжи. — Он хихикнул. — Вот уж без чего в моей профессии распрекрасно можно обойтись.

— Дедушка, а она целая? — спросил другой внук.

— В пещере, среди воды? Шутишь? Да ведь это почти антиквариат. Почистим, покрасим, и можно будет в офисе поставить. То-то народ повеселится.

Даже для техасца он был здоровяком, а потому с помощью экскурсовода легко вынес Правдивца из пещеры.

Когда взрослые уложили находку в багажник пикапа, а дети отправились покупать сласти в ближайшей лавке, экскурсовод не удержал любопытство в узде. Все-таки не каждый день водишь «индивидуалов» в дальние залы пещеры.

— Мистер, если не секрет, кто вы по роду занятий?

— Член сената штата, — ответил рослый старик, чей солидный облик лишь самую малость портили потеки грязи на лице, и любовно похлопал по замызганному ящику. — Представляешь, какие физиономии будут у моих коллег, когда они увидят его в офисе?

— Детектор лжи? В законодательном собрании? — Экскурсовод понял, что это шутка, и угодливо хихикнул. — Хорошо, что он неисправен, правда, сенатор?

Дородный седой посетитель улыбнулся.

— Друг, не верь всему, что пишут в газетах, особенно в местных. Большинство старых штампов — это только штампы. В Остине немало честных трудяг, да и в столице нашего штата хватает добросовестных чиновников.

Ни тот, не другой не увидели, как в багажнике слабо засветились стеклышки Правдивца.

Инфернальная музыка

Посвящаю эту книгу Вон Хансен,
которая напряженно трудится,
чтобы легко работалось другим.
В том числе и мне.

Глава 1

Оно впервые появилось в Л'боре. Или в Линчбени? Или?.. Впрочем, место и время действия не играют роли. Важно лишь то, что оно — ОНО — обладало уникальными свойствами. Иными словами, было единственным в своем роде. Оно кочевало с места на место, всякий раз эффектно заявляя о себе и впечатываясь в память каждого встречного-поперечного. Целиком погруженное в себя, оно бесцельно блуждало по Колоколесью, и те, чья тропа пересеклась с его тропой, после улыбались, не осознавая, отчего рот растягивается до ушей.

И, поскольку явление было вполне доброкачественным, не несло трагических последствий, как слухи о грядущих смертях и катаклизмах, вести о нем поначалу распространялись неспешно. Оно никому не причиняло хлопот и не вызывало острого желания, развесив уши, слушать байки о его похождениях. Или искать объяснения ему. Или гадать, каков его сокровенный смысл. В лучшем случае, оно ненадолго пробуждало любопытство и провоцировало на беседы — так, мимолетный отдых от забот будничных. Приятно ведь иногда поболтать о чем-нибудь отвлеченном, уютно расположившись на лавочке перед хижиной, или пещерой, или берлогой, или норой.

Когда с явлением столкнулись барсук Фледжир и его приятель сервал Инвец (вернее, когда явление столкнулось с ними), они вовсе не были заняты деятельностью, заслуживающей эпитета «серьезная».

Если строго придерживаться фактов, они сидели бок о бок на травянистом бережку одного из самых скромных притоков реки Вертихвостки, и происходило это столь же ясным, сколь и полезным для здоровья летним утром. Над водой, в полном соответствии с повсеместным, испытанным временем рыбацким обычаем, склонялись удочки. Посвящая досуг сему занятию, друзья выказали небывалую предусмотрительность и целеустремленность. Иными словами, они даже наживку на крючки насадили.

Спина Фледжира упиралась в ствол услужливого дерева, большая шляпа с висльми полями, без которой он не выходил из дому в жаркое утро, была надвинута на лоб и почти целиком

закрывала морду. Верхние лапы лежали на груди крест-накрест, нижние — закинуты одна на другую, коричневые парусиновые штаны пузырились на коленях.

Инвец, демонстрируя поразительный всплеск энергии, придерживал лапой удилище и даже покачивал его, заставляя поплавок скакать по безмятежной воде. В отличие от приятеля, он не дремал, а посматривал одним оком на зеркальную гладь. Близился полдень, рыба появлялась редко. Не самое подходящее время для рыбалки, а может, как раз наилучшее — все зависит от точки зрения. Собственно, парочка не для того вышла на лоно природы, чтобы вернуться с уловом. Она просто воспользовалась надежнейшим и древнейшим предлогом, чтобы сбежать из дому. В рыбалке, вопреки мнению некоторых, гораздо важнее не результат, а процесс. Вернее, процесс — он и есть результат.

Друзья были на берегу совершенно одни, не считая лежащей рядом холщовой сумки со снедью и выпивкой. Сервал лениво согнал пчелу, по недомыслию принявшую длинное заостренное ухо за леток родного улья. Обиженное насекомое улетело, но его место в звуковом спектре не пустовало ни секунды, и это заставило Инвеца, озадаченно заморгав, слегка разогнуть спину.

— Слышишь?

Барсук не потрудился приподнять шляпу и посмотреть.

— Слышу. Кажись, это с дороги.

Инвец нахмурился, его длинные усы поникли. Лесная дорога, почти параллельная речушке, пролегала довольно далеко, а источник звука находился совсем рядом.

— Не похоже... Ага! Опять!

Он еще выше поднял голову, забыв об удочке и позволив ее концу окунуться в воду. Открылся второй глаз.

— Что бы это ни было, мне нравится, — заявил навостривший ухо Фледжир. Впрочем, ухо он навострил в фигуральном смысле, единственной заметной реакцией было движение нижних лап — левая легла на правую. Он надеялся обойтись минимумом физической активности — если только какая-нибудь рыбешка не прельстится наживкой, что с ее стороны будет просто хамством. — Но все-таки это должно быть на дороге. Где ж еще?

— Какая-то музыка! — решил Инвец. — Вот только инструмент не могу узнать.

Сколь ни досадно было барсуку отвлекаться от блаженного ничегонеделания, он покорно вздохнул и напряг слух. Вселенское безразличие на его морде сменилось глубокой задумчивостью.

— Флейты-карильоны, — заявил он наконец. — В сопровождении... колокольчиков? Не один инструмент, это точно.

— Пожалуй... — Инвец смотрел влево. — Только я не вижу ни одной из этих штуковин.

Фледжир недовольно поджал губы в прохладной тени широкополой шляпы.

— Хорошенько смотри. Видишь музыкантов?

— Ни музыкантов, ни инструментов.

— Так что вообще ты видишь?

— Музыку, — ответил сервал. — Правда, я еще ни разу в жизни не видел музыку.

— Что за ерунда?

Барсук завозился, пытаясь сесть.

— Осторожно! — предупредил Инвец. — Она очень близко! Можешь прямиком в нее влезть.

— Урр... Во *что* я могу влезть?

Яркий свет над кромкой берега заставил раздраженного Фледжира заморгать.

— Я же сказал: в музыку.

Как Инвец говорил, так и было. Фледжир поймал себя на том, что таращится, разинув пасть, на сияющую полупрозрачную горстку звуков. Они лениво витали в теплом утреннем свете не далее чем в локте от его физиономии. Каждый раз, когда звучала музыка, в воздухе бесшумно взрывались крупицы радужного сияния. И угасали, когда музыка таяла, как сходящий с озера морозным утром туман. Пока барсук пялился, розоватое облачко выдало очередь колокольных перезвонов.

Инвец был прав. Отсутствовал не только исполнитель — тщетными оказались и поиски инструментов. Была только сама музыка, нежная, искристая, настойчиво трезвонящая перед изумленными мордами друзей. Состояла она из пылинок или нот — этого Фледжиру понять не удалось.

Рыбаки не ведали и не могли ведать, что мелодичное диво уже неоднократно заявляло о своем существовании — в Л'боре, Линчбени и кое-где еще. Однако, по сути, никто не видел музыку, некоторые только слышали. И, в отличие от этих некоторых, барсук разглядел достаточно, чтобы вынести на обсуждение свою версию разгадки.

— Где-то поблизости работает чародей, — решительно заявил он и осторожно потянулся к непоседливым звукам.

Они, словно мерцающие на солнце комарики, оживленно вились вокруг его чуткого указательного пальца и тихонько пели. Затем облачко отпрянуло в сторону и видоизменилось, осыпав барсука жалобным арпеджио.

Сервал стоя вглядывался в заросли.

— Я никого не вижу.

— Розыгрыш, — прошептал Фледжир. — Может быть, практическое занятие по розыгрышам. Колдуны! — фыркнул он, вновь прислонясь спиной к дереву.

— Выглядит вполне безобидно.

Инвец шагнул к нотам и замер, когда они роем закружили

вокруг него в нетерпеливом аллегро. Через мгновение они метнулись прочь.

— Изменяются темп и громкость, — заметил он, — но мотив один. Странная музыка. Не могу узнать жанр. Эх, жаль, нет у меня музыкального образования.

— А я кой-чему учился, — произнес Фледжир, не поднимая глаз.

Инвец с удивлением посмотрел на друга.

— Впервые слышу.

— Это совсем не то, что называют профессионализмом, — пробормотал барсук. — Согласись, не дело хвастать тем, в чем ты не больно силен. — Он указал на нежное пение. — Но, бьюсь об заклад, здесь что-то не так. И я не имею в виду музыкальный аспект.

— Что-то не так? — Сервальи усы дрогнули.

Барсук щурился, глядя на мельтешение нот.

— Звучит нерешительно, как будто чего-то не хватает. И в начале, и в конце. Похоже не на законченную композицию, а на фрагмент, вырванный из темы, как зуб из челюсти. — Он пожал плечами. — Но, с другой стороны, что я в этом смыслю? Больше ты нигде музыки не видишь?

Инвец окинул взором реку.

— Нет. Только эту горстку нот.

— Нерешенная, незавершенная музыкальная тема. — Фледжир хоть и скромничал, но говорил вполне уверенно. — И, на мой вкус, слишком нестройная.

Словно в подтверждение его слов музыка завершилась полной и, несомненно, патетической фразой. А затем поплыла в воздухе против течения. Инвец следил за ней, пока она, позвякивая, не исчезла в зарослях.

— У меня четкое впечатление, что она кого-то ищет, — раздался из-под шляпы голос Фледжира.

Инвец уселся на прежнее место и, покручивая удилище между ладонями, сказал:

— И как это все понимать? За чем может гоняться фрагмент музыкального произведения?

— Почем я знаю? — Барсук тихо засопел. — Должно быть, за своим потерянным остальным. Будь я отрывком песни или симфонии, не хотел бы до конца своих дней разгуливать неполным. Наверняка это отравило бы мне жизнь.

— Вообще-то я никогда не задумывался о музыке всерьез, — прошептал Инвец.

Фледжир натянул шляпу до самого подбородка, сполз ниже по гладкоствольному дереву и скрестил лапы на широкой груди, отчего коричневая жилетка пошла морщинами.

— Сомневаюсь, что кто-нибудь этим занимался. Впрочем, насчет одного ты прав.

— Насчет чего?

Сервал устроился на траве.

— Лейтмотив весьма приятный.

— Я вот о чем думаю, — рассудительно произнес Инвец, — будь тон помрачнее, не были бы темнее краски? Влияет ли настроение музыки на ее облик?

— По мне, так ломать голову над подобными загадками — никчемная трата сил.

С этими словами барсук демонстративно перевернулся на живот.

Его словоохотливый приятель пустился было в дальнейшие комментарии, но вдруг сообразил, что Фледжир не желает муссировать скользкую тему, пожал плечами и сосредоточился на поплавке.

Разумеется, в то особенное утро не только сервал и барсук рыбачили на Вертихвостке. Чуть ниже по течению, на западном берегу широкой реки, близ устья притока, двое закадычных друзей подобным же образом занимались древним спортом, он же — прекрасный способ убивания времени.

Из них один был человек, высокий и гибкий. Он красовался в коротких штанах и любимой рубашке, знававшей лучшие дни, а сейчас выцветшей и рваной. Спадающие на плечи длинные волосы заметно поредели на темени, кожа за долгие годы пребывания под солнцем приобрела коричневый цвет. Удилище он глубоко воткнул в землю и укрепил несколькими камнями. Поплавок застыл чуть ниже по течению, натянув леску до отказа.

Человек лежал на спине, подложив ладони под голову. Наклон берега позволял лишь слегка приподниматься, чтобы регулярно поглядывать на поплавок. Слева от него, демонстрируя безмятежность, недосягаемую для самого расслабленного из людей, валялся очень крупный представитель семейства куньих. Одет он был так же, как и его друг, с той лишь разницей, что на голове небрежно сидела шляпа с пером. Вел он себя как типичный выдр, а для сего племени естественны лишь два состояния: либо абсолютная неподвижность, либо дикие, неистовые метания. Сейчас субатомные частицы, составлявшие его организм, казалось, прекратили всяческое движение. О своей удочке он почти не вспоминал. Да и на что она, если в воде его никакая рыба не обгонит? Чтобы добыть сытный обед, достаточно нырнуть и минут десять пошнырять среди водорослей. Впрочем, это уже не рыбалка, а охота. В отличие от охоты, сидение с удочкой требует спокойствия и терпения. Иными словами, для такого занятия не обязательна повышенная физическая активность.

— Знаешь, Мадж, — произнес Джон-Том располагающим к разговору тоном и скрестил босые ноги, — я горжусь Банканом. Правда. Конечно, мы с Талеей чуть не рехнулись, когда он сбежал с твоими ребятами, но вернулись они целыми и невредимы-

ми, и нельзя не признать: парень своего добился. При столь сильном желании стать чаропевцем, я уверен, он найдет какой-нибудь способ достигнуть цели.

Мадж глянул на друга из-под полей шляпы.

— Ну че, и как у маленького сорванца делишки в школе волшебных профессий?

— Боюсь, у него не самые хорошие отметки, — признался Джон-Том, — но наставники хвалят его за энтузиазм. Что-нибудь сделать с голосом они по-прежнему не в состоянии, но пальцы у мальчика работают все лучше и лучше. Как ни досадно, он встретился с определенными затруднениями... с теми самыми, что и мне всегда портили кровь. То есть его чаропевческие экзерсисы не всегда приводят к желанным результатам.

Выдр гибким, как червяк, пальцем лениво прозондировал черную ноздрю.

— Че ты подразумеваешь под словами «не всегда»?

Джон-Том и виду не подал, что заметил оскорбительный жест.

— Как поживают Ниина и Сквилл? Банкан не слишком охотно рассказывает о своих друзьях.

Выдр задумчиво хмыкнул:

— Боюсь, щучьи дети — полная противоположность твоему мальчугану. Поют, как ангелы, зато играют, как пьяницы. Чует моя задница, кореш, мы с тобою родили чаропевческий ансамбль, который никада не расколется. Конечно, ежели моим обожаемым отпрыскам не шибанет моча в голову заняться чем-нибудь другим. Ты ж знаешь нашу породу, знаешь, как трудно выдре дольше получаса хранить верность любимому делу.

Джон-Том кивком указал на Маджеву удочку:

— У тебя клюет вроде.

— Да ну? — Выдр безучастно поглядел на дергающийся поплавок. — Похоже на то. Можа, и подсеку, ежели еще чуток поклюет. Надо дать рыбке шанс, как ты считаешь?

— Не пойму, хоть убей: отчего попросту не нырнуть и не схватить ее?

— Как я уже сказал, это было бы неспортивно.

Мадж выпрямил гибкий, словно у змеи, позвоночник и устремил блаженный взор в лазоревое небо.

— Щас мне больше охота душу насытить, чем брюхо.

Джон-Том перевел взгляд на собственный поплавок.

— Я вот о чем думаю. До чего же удачно сложилось, что у нас понятливые жены, а? Не возражают, когда мы уходим из дому на денек-другой.

Выдр саркастично тявкнул.

— Понятливые? Чувак, они потому такие понятливые, че сами могут на пару рвануть в город и оторваться там на полную катушку, радуясь, че нас нет поблизости.

Его товарищ ухмыльнулся.

— Вообще-то мне думается, у каждой женщины есть тайный доступ к совершенно иной вселенной, и она свободно переносится туда в отсутствие мужчины... Ответы на закономерно возникшие вопросы обычно состоят из перечисления размеров платьев или подробного описания медицинских проблем. Будучи и непостижимыми, и скучными, эти неизбежные результаты расследования исподволь приводят наши ни о чем не подозревающие умы в состояние, которое традиционная медицина называет полным ступором.

— Забавно... Ты, кореш, себе верен, как я погляжу. Всю жизнь шлёндаешь в каком-то бредовом тумане.

— Вот наблюдение, вполне достойное ограниченных умственных способностей его автора.

— Э, брат, да разве я када-нибудь требовал, чтоб меня называли гением? Я тебе не какой-то там чертов колдун-чаропевец. Я, чувак, ежели и хотел кем заделаться, так это приличным карманником, который знает толк в своем ремесле и не вредит никому больше того, чем требует необходимость. — Мадж покачал удилищем; поплавок знай себе приплясывал. — Оно, конечно, я уж и забыл, када в последний раз занимался сомнительной деятельностью на избранном мною поприще. Я уже не такой шустрый, часто прокалываюсь — короче, овчинка выделки не стоит. Нет, кореш, спокойная семейная жизнь нынче вполне по мне.

— Ага, и меня она устраивает.

Снова улегшись и опустив голову на руки, Джон-Том глядел на воду.

— Не жизнь — малина.

В молчании прошло минут десять, затем он повернул голову и спросил:

— Надо ли понимать так, что тебе скучно, как и мне?

— Еще скучнее, кореш, бесконечно скучнее.

Быстро двигая бедрами, выдр сел прямо и посмотрел на своего друга в упор.

— Но из этого не вытекает, че я готов сорваться с места и помогать тебе в очередной пресловутой, безумной и опасной для жизни попытке спасти мир. Я выдр семейный и не собираюсь плевать на ответственность за родных и близких.

— Да я ничего такого и не предлагаю, — пробормотал Джон-Том. — Я просто заметил, что жить стало неинтересно, и ты с этим согласился.

Мадж расслабился, но сохранял осторожность.

— Эт правильно. Скучно. Но не до смерти.

Еще несколько минут прошли тем же путем, что и их предшественницы.

— Ты... хм, случаем, ниче не затеял, а?

— Конечно, нет.

— Верняк?

— Еще бы нет!

— Рад слышать.

Выдр опять принял сидячую позу.

— Знаешь, — подал голос Джон-Том немного времени спустя, — у тебя вокруг носа бело.

Выдр фыркнул, однако инстинктивно ощупал усатую морду.

— Бело, говоришь? Ну, зато не надо волноваться за остальную шерсть.

Джон-Том ощупал собственные залысины на лбу — они росли уже несколько лет, как наступающие ледники.

— Ты это к чему? Что, совсем худо дело?

— Не бери в голову, корещ. Ежели тебя так беспокоит уцелевшая шерсть, спой чаропесенку и восстанови любимую шевелюру.

Чаропевец помрачнел.

— Неужели ты думаешь, что я не пытался? На свете уйма песен о волосах, но и известные стихи, и мои собственные опусы оказались совершенно бесполезными. Похоже, лысение — из тех немногих явлений, которые волшебству нисколько не подвластны. Уверен, из этого можно извлечь урок, но прикончи меня, если я знаю, какой. Сам Клотагорб безуспешно пробовал кое-что сделать в этой области, да только он ни за что не признается. Не пристало магу такого калибра заниматься бытовой мелочевкой. Что поделаешь — наша вселенная жестока, а судьба коварна.

— Ну, это меня нискока не заботит, — заявил выдр. — Мне на такую фигню плевать с огромной высоты.

И подумал: «Белеет? Моя морда? Да этого просто не может быть!»

— Сейчас не то, что в былые славные дни. — Джон-Том тяжело вздохнул. — Ответственность, респектабельность...

— Чувак, ты б последил за своим языком.

— Резвость уже не та... правда, иной день или ночку я энергичен, как в молодости. Но это исключение, подтверждающее правило: в обмен на опыт приходится отдавать жизнь. — Он представил себе время как спираль из полупереливчатых рыбок[1]. — Вообще-то есть прелесть в спокойной, размеренной жизни. Никуда не надо мчаться сломя голову, разыскивая для Клотагорба помощников перед лицом великой беды или напасти...

— Эт точно, — согласился Мадж. — Житуха классная, как ни крути. Че до меня, так я вполне доволен. И правда, не стану гоняться за новыми неприятностями, даже ежели какая-нибудь подскочит и цапнет меня за задницу. Я уже прожил свои девять жизней, вот так.

[1] Намек на известную повесть Сэмюэля Дилени с загадочным названием «Время как спираль из полудрагоценных камней».

— Девять жизней у кошки, а ты — выдр.

— Ты, шеф, не перебивай. Я че говорю-то? Че не собираюсь больше башкой рисковать. Особливо вытаскивать тебя из разных клепаных передряг, которые ты сам себе горазд создавать.

— Это ты меня вытаскивал? Нет, вы слышали?! Да я не возьмусь сосчитать, сколько раз спасал чью-то волосатую задницу от последствий скоропалительности, безрассудности и преступного безразличия к судьбе всех тех, кого угораздило оказаться в непосредственной близости от тебя. Не говоря уже о твоей закоренелой аморальности и отвратительных манерах.

— Крепко сказано, — буркнул выдр. — Значица, это надо так понимать: лучше завсегда полагаться на твое безотказное чаропение, да? Намекаешь, че оно нас никада не подводило?

— По большому счету — никогда.

— А вот тут скорее богов удачи надо благодарить, чем твое плюгавое мастерство. Надеюсь, у тебя хватит честности признать это.

— Ничего подобного я признавать не собираюсь. Пусть не всегда мое чаропение можно назвать безупречным...

— Ха!

— Но прогресс налицо. Если помнишь, я был вынужден учиться на марше. В походах, где не было опытных наставников, а уж домоседа Клотагорба и подавно.

— Можно подумать, тебе это впрок пошло и ты набрался ума-разума. — В голосе выдра появились язвительные визгливые нотки. — Остановить Броненосный народ, уничтожить злого волшебника, найти пертурбатор! Да ты с таким же успехом мог бы сходить в лавку за бушелем клепаных рыбьих крекеров!

— А вот тут ты хватил через край, — с достоинством возразил Джон-Том. — За всю жизнь я не съел ни одного рыбьего крекера.

— У людишек со вкусом просто беда, — проворчал Мадж. — Совсем как с нюхом.

— А у выдр нет терпения и еще — широты ума. Одни основные инстинкты.

Мадж ухмыльнулся:

— Вынужден признать, чувак: ты меня раскусил.

На лицо чаропевца набежала тень. Любая длительная пикировка с выдром была обречена на переход в плоскость абсурда.

— Ты собираешься что-нибудь делать с этой несчастной рыбой, или она так и будет корчиться в муках?

— А че ты предлагаешь?

Потерявший терпение Джон-Том выдернул удилище из земли, но к этому времени крючок уже освободился.

— Ну что, видишь теперь? Выдры никогда не доводят до конца начатое дело. Твое счастье, что я всегда рядом, позабочусь в случае чего.

— Ага, а скольких шрамов и проплешин я б недосчитался, кабы ты поменьше обо мне заботился?

— Ты бы уже давно валял дурочку на том свете, — парировал Джон-Том, насаживая нового червяка. — Тебя бы приговорили к повешению или растерзал чей-нибудь взбешенный муж.

— Ну уж дудки! Пущай сначала поймает! — Выдр снова растянулся на теплой земле. И лишь после того, как Джон-Том воткнул удилище, небрежно заметил: — Даже ежели вдруг че-то интересное проклюнется и даже ежели мне хватит глупости заинтересоваться подробностями, я и подумать не осмелюсь, чтоб сделать хоть шажок.

— А почему? — спросил Джон-Том. — Чего ты боишься? Коварных чудотворцев, дегенеративных драконов или злобных демонов Нижних Миров?

— А ты будто не знаешь? — Выдр повернулся, посмотрел на друга. — Ты че, забыл, какой у Виджи нрав? Да стоит мне тока туманно намекнуть на возможную отлучку, она меня расчленит побыстрее, чем любой шестирукий демон.

Джон-Том с грустью покачал головой:

— Неужели передо мной тот самый Мадж, которого я знал все эти годы? Нет, старина Мадж был готов по первому моему зову идти в бой или на поиски приключений.

— Насчет подраться, можа, ты и прав, а че до всех этих поисков, к ним я никада готов не был. Просто ты меня хватал и тащил за собой, а я даже не успевал сообразить, че происходит.

Пропустив тираду мимо ушей, Джон-Том печально продолжал:

— У того Маджа был неисчерпаемый запас жизнелюбия, неутолимая любознательность и могучая тяга к славным подвигам. И что же с ним произошло?

— Кореш, погодь-ка, — усаживаясь, запротестовал выдр. — Да не так уж сильно я переменился. Я че сказать-то хочу? Житуха с супругой и парочкой сопляков, особливо ежели они выдры, кого угодно укатает. Да разве можно их с твоим Банканом сравнить? Попробовал бы провести месяцок-другой с Ниной и Сквиллом! — Он поглаживал пальцами удочку. — А впрочем, это неважно. Ты и сам говоришь, ниче такого эпохального щас не деется. Кругом тишь да гладь...

— Да полная анемия, — добавил человек.

— Я такого словечка не знаю, но ты, можа, и правду говоришь. — У Маджа прояснился взор. — Виджи с Талеей щас отсутствуют, так чего б нам не закатиться в Линчбени? В таверне шороху наведем или еще че-то...

— Салунная потасовка? — Джон-Том опечалился. — Мадж и Джон-Том, великий путешественник и прославленный чаропевец, опустились до того, что всерьез обсуждают привлекательность заурядной хулиганской выходки. Мы, изучившие почти

весь известный мир и львиную долю неизвестного, мы, встречавшие невообразимые опасности и одолевшие невероятные препятствия, — неужели мы дошли до этого? Нет уж, благодарю покорно.

— Ну, извини. Просто ниче лучше второпях не придумалось. — Страстная отповедь друга немного смутила Маджа. — Я ваще-то тока о тебе заботился. Не уверен, че от меня будет прок в хорошей драке. Спина, знаешь ли, маленько беспокоит, а када у выдра со спиной нелады, это дело серьезное, вот так-то. Выдр, понимаешь ли, в основном из спины состоит.

Джон-Тома эти слова удивили.

— Что-то раньше ты о спине ни разу не заикался.

— А че, надо было?

— Нет, наверное. Просто, мне кажется, очень уж спокойно жизнь течет, особенно сейчас, когда Талея с Виджи ушли, а дети в школе. Да и в бизнесе затишье...

Мадж порылся в сумке с рыболовными снастями, достал очки.

— Кореш, я тебе читал последнее письмо?

Джон-Том улыбнулся:

— Это которое ты таскаешь с собой и достаешь при каждом удобном случае? В котором говорится, что близнецы постоянно влезают в драки, все ломают, ищут неприятностей и вообще устраивают черт-те что?

Выдр нацепил очки на нос.

— Ага, оно самое. Скажи, славные ведь шельмецы?

— Да еще какие, — признал Джон-Том, вымучивая улыбку.

— Кое с чем мы согласны, — вмешался новый голос.

Рыбаки подскочили и обернулись.

— Талея? — нахмурился Джон-Том. — Я думал, вы с Виджи отправились в Линчбени за покупками.

Выглядела она фантастически, этого он не мог не признать. Многие годы, прошедшие с той первой встречи, когда она склонна была не выслушивать комплименты, а снести ему голову, если и сказались на ее фигуре, то только к лучшему. Что ни говори, а несколько лет, проведенные в бегах, — лучшее средство для сохранения красоты на всю жизнь.

— Милый, мы с Виджи и еще кое с кем из соседок отправляемся в Л'бор. К вечеру не жди, и к завтрашнему вечеру тоже. Меня не будет несколько дней.

Джон-Том мысленно дал себе подзатыльник.

— Да, верно. На прошлой неделе ты говорила о своих планах. Из головы вылетело, извини. Что-то забывчив я стал в последнее время...

Талея подошла и горячо поцеловала его в лоб.

— Дорогой, ты уж не кори себя чересчур. До маразма тебе еще очень и очень далеко.

— Спасибо за комплимент, — сухо проговорил он.

Жена отвернулась.

— Пожалуйста, постарайся содержать дом в порядке и не суйся в кухню без крайней необходимости. Я не раз слышала, как ты грубишь тарелкам, хоть и знаешь, какие они чувствительные. Не забывай следить, чтобы гости пользовались при входе очищающим волшебством, и выгони крысу.

— Не волнуйся, я способен позаботиться о своем доме, — заверил он сдержанно.

— Да, милый, способен, когда сосредоточишься. Но твой разум нередко витает в облаках, и ты путаешь заклинания. Помнишь, как ты хотел заткнуть щели в мусоропроводе, а в результате весь хлам застрял между половицами?

Джон-Том метнул пылающий взгляд в Маджа, ценой невероятных усилий прятавшего улыбку.

Чаропевец вежливо пожелал супруге благополучного путешествия, и они обнялись на прощание. И лишь когда Талея скрылась с глаз, Джон-Том аккуратно выдернул удочку, закрепил крючок на удилище и погнался за выдром вокруг ближайшего дерева. Но, как всегда, не поймал. Прыти у Маджа с годами убыло, но к его другу время отнеслось ничуть не снисходительнее.

Глава 2

Всего лишь трое домовых бездельничали в гостиной, но и этого казалось слишком много. Один выписывал эллипсы над кушеткой, второй копошился под кофейным столиком, а третий предпочел свисать с потолка на ножках-присосках.

В спальне дела обстояли еще хуже — там обосновалась орда крошечных чертенят всевозможных цветов от блекло-виниловго до шоколадно-бежевого. Они так мельтешили, что выглядели единым пятном; порой в их суете просматривалась организованность, но чаще царил хаос, в котором они налетали с разбегу друг на дружку, все опрокидывали и устраивали кучу малу.

Усталый и злой Джон-Том ходил по комнатам и пытался навести хоть какой-то порядок. Настроение было хуже некуда, даже струны удивительного инструмента звучали не в лад. Текстам недоставало вдохновения, и в результате домашнее хозяйство подвергалось большему, чем обычно, воздействию потусторонних влияний. Особенно упорно сопротивлялась ванная, и когда он разбил полную бутылку нечисти, спасающей от пробок в сливной трубе, пришлось ретироваться в студию и поискать пригодную для дезинфекции терминологию. Неудачи больно ранили самолюбие, утешало одно — не было свидетелей его позора.

Все же благодаря упорной борьбе древесное жилище приобрело подобающий вид. Демоны и черти шипели, отхаркивались

и украдкой плевали друг в друга огнем. Наконец музыка Джон-Тома изгнала последних, и он приступил к утомительной работе — восстановлению заколдованных обоев.

Оказывается, домоводство — занятие крайне чароемкое.

Из прачечной послышалось громкое лязганье. Джон-Том тяжело вздохнул и направился туда, без вдохновения выводя дуарные трели. В следующий миг из двери выпорхнул на перепончатых крылышках бледно-лавандовый домовой с невыразительными детскими чертами лица.

— О повелитель, — пропищал он, — черти, которым поручена сухая чистка, затеяли перебранку!

— Что? Я всего-то попросил, чтобы они вывели пятна на пяти тряпках. Неужели это так сложно?

— Да, хозяин, я знаю. Естественно, поручи ты эту службу домовым, не было бы проблем.

— Домовые не умеют обращаться с теплом, как черти. А ну, прочь с дороги!

И Джон-Том смел ябеду в сторону.

Чистильщиков в прачечной было четверо — раздутых, как воздушные шарики, с огромными ртами, в бородавках. Самый высокий едва доставал Джон-Тому до пояса. Они были увлечены жарким спором. На вешалке висели две куртки, аккуратно выглаженные и покрытые желеобразным веществом, ничего общего не имеющим с пластмассой или целлофаном.

— Ну, из-за чего простой?

Ближайший черт от неожиданности рыгнул, и из его носа выскочила любимая багряная блузка Талеи. Она была вычищена лишь наполовину: на талии осталось большое пятно. Черт заторможенно передал блузку товарищу, и тот проворно выплюнул вешалку.

— Это все они, — заявил черт с вешалкой, указывая на сидящую напротив парочку. — Специально волынят.

— Мы всего лишь осторожны, — возразил один из обвиняемых. — Любому известно, что слишком высокая температура вредна для ткани.

— Да, мы хотим как лучше. — Его приятель продемонстрировал толстые коренные зубы и дохнул серой.

Джон-Том решил, что дезодорантные чары тут были бы не лишними.

— Параметры заклинания требуют, чтобы вы работали сообща. Я не потерплю больше проволочек, и чтобы никаких споров.

С этими словами он повернулся и вышел из прачечной. Тепловые черти — склочники каких поискать, но в чистке одежды им нет равных.

«Господи, — подумал он, — неужто ради всего этого я учился властвовать над великими силами и штудировал старинные книги? Я, Джонатан Томас Меривезер, самый искусный чаропевец в

этом мире и всех прочих, где мне довелось побывать! Двадцать лет я совершенствую свое мастерство и оттачиваю талант... чтобы лучше прибираться в доме и чище стирать белье?»

Он встряхнул дуару и возопил. По всему дереву, во всех его пролезших в иные измерения комнатах и коридорах демоны, домовые, черти и духи навострили уши не уши и шире раскрыли глаза не глаза.

— Убирайтесь! — бушевал Джон-Том. — Всех увольняю! Освобождаю от обязательств. Исчезните, прочь из моего дома, оставьте меня в покое!

Некая тварь, целиком состоящая из длинных упругих рук, отшвырнула метлу и обрадованно прошипела:

— Как раз вовремя! Разве это работа для порядочного, уважающего себя кошмара?

После чего спешно взорвалась изнутри и исчезла.

Слуги пропадали со стонами, шипением, воем, плачем, визгом, смехом облегчения. Одни уносились по канализационным трубам, другие — через дымоходы, третьи — в окна, кое-кто даже просачивался сквозь поры дерева. Какой-то черт дерзко воспользовался парадной дверью, но Джон-Том решил не преследовать его в судебном порядке за нарушение чернокнижного протокола. Он слишком устал, слишком сильно был раздосадован. Оказавшись наконец в полном одиночестве, чаропевец бессильно опустился на недочищенный кухонный стул.

Впрочем, он остался не совсем один.

— Прошу прощения.

Джон-Том вытер пот со лба.

— Ну, что еще?

— Повелитель, выслушай меня.

Джон-Том обернулся и увидел четырехфутового ярко-синего демона в сандалиях из резного азурита и темно-бирюзовой жилетке. «Не рядовой демон, — подумал человек, — очень уж важно держится».

Чаропевец откинулся на спинку стула.

— Кажется, я всех отпустил. Ладно, что тебе надо?

В голосе демона без труда улавливалась обида.

— Хозяин, неужели ты меня не узнаешь?

У Джон-Тома лоб пошел морщинами.

— А почему я должен тебя узнавать? Знаешь, сколько в моем доме побывало духов и привидений?

— Повелитель, меня зовут Фугвиц.

Заостренные бахромчатые уши ритмично дергались; нечисть с уродливой, но все же симпатичной мордой выжидающе смотрела на человека.

— Фугвиц? Не обессудь, приятель, мне это ни о чем не говорит.

— Ведь ты меня четыре года назад приглашал, неужели забыл? Надо было стол в столовой лаком покрыть.

— Стол... — у Джон-Тома прояснился взгляд. — А, да, помню. Тебя рекомендовал Клотагорб, по его сведениям, только ты способен блевать лаком. Жена от этой мысли в восторг не пришла, но результат ей очень понравился.

— Женам редко доставляют удовольствие дела демонические, — вежливо согласился Фугвиц. — Между прочим, как полировка, держится? Я сюда пришел не через столовую. — Он виновато указал на дверь кухни. — С тех пор как я тут сгустился, ни на секунду не удалось оторваться от линолеума.

— Держится. И сияет, как мрамор.

Фугвиц улыбнулся, продемонстрировав внушительные клыки.

— Вот видишь!

У Джон-Тома сдвинулись брови.

— Все это очень хорошо, но не объясняет цели твоего визита.

— Обычно мы, жители потусторонних царств, очень не любим, когда балующиеся мистикой смертные вытаскивают нас из холодных ванн или отрывают от работы ради своих нелепых нужд, но ты несколько лет назад показал себя личностью весьма достойной. Ты снисходителен и умеешь прощать трансэфирным созданиям нечаянные ошибки. Ни разу я от тебя не слышал: «Повелеваю сделать то-то и то-то, исполняй!» Когда оказалось, что я угодил в набранную тобой бригаду уборщиков, я не расстроился, поскольку вспомнил твою доброту. Не в моей природе симпатизировать смертным — если на то пошло, мы, демоны, предназначены вредить и пакостить им при любой возможности. Но с тобой — иной случай. Я не могу спокойно смотреть, как ты ходишь, словно в котел с варом опущенный.

— Как я хожу?

Джон-Том старался не смотреть в темно-кобальтовые демонические глаза.

— Думаю, ты меня понял. Хозяин, посмотри на себя. Во что ты превратил свою жизнь, как пользуешься уникальными навыками? Растрачиваешь талант на всякую ерунду вроде уборки дома!

— Неужто ты думаешь, я не замечаю иронии судьбы? — проворчал Джон-Том. — Но что тут можно поделать?

— Для начала хотя бы снять фартук, — предложил Фугвиц. — Он никак не соответствует твоему положению.

Джон-Том колебался — известно же, как опасно прислушиваться к советам демонов. Рискуешь вечным проклятием и погибелью души.

С другой стороны, речь пока шла всего лишь о фартуке.

Он встал, развязал лямки и аккуратно сложил символ домашнего хозяйства.

— Вот так-то лучше. — Фугвиц удовлетворенно кивнул. —

Во-вторых, мне кажется, твоей бессмертной душе грозит опасность.

— То есть? Ты хочешь сказать, что на меня охотятся враги? Какое-нибудь мстительное древнее зло, случайно оскорбленное мною в странствиях? Или другая подлая сила, о чьем существовании я доселе и не подозревал?

— Нет, нет. — Демон успокаивающе зажестикулировал; длинные синие когти влажно поблескивали в свете люстры. — Речь ни о чем подобном не идет.

— А-а, — протянул Джон-Том и с удивлением обнаружил, что разочарован.

— Мне не нравится твое самоистязание. Неужели ты сам не видишь, что несчастен? Если это ясно даже такому бесчувственному от природы существу, как демон, то уж ты и подавно не можешь оставаться в неведении о своей эмоциональной подавленности.

— Согласен, последнее время я не похож на весельчака и балагура, — признал Джон-Том. — Должно быть, оттого, что занимаюсь не тем, к чему душа лежит. Если уж на то пошло, я почти ничем не занимаюсь. Но как быть, если жизнь не требует подвигов? В мире царят покой и порядок. Не могу же я катастрофу учинить.

Демон запрыгнул на кухонную стойку и с нахальством, редкостным для порабощенной нечисти, по-товарищески обнял чаропевца за плечи. Джон-Том не стряхнул фамильярную лапку.

— Повелитель Меривезер, при желании ты сможешь выйти из колеи, вырваться из рутины. — Говоря, демон жестикулировал свободной рукой. — Или собрался до конца своих дней прозябать на кухне? Заклинать швабры и кастрюли?

Джон-Том вгляделся в карикатурную, но искреннюю рожицу.

— Отвечу. В мире сейчас ничто иное не требует моего внимания.

— Смертный с большими задатками властен над ситуациями и обстоятельствами, которые сильнее даже таких, как я, — напомнил Фугвиц. — Если ты намерен и дальше мириться с нынешним положением дел, закончишь подобно большинству людей: снаружи — уверенность, внутри — отчаяние. Уж я-то знаю, что говорю, человечьего отчаяния я поглотил уйму. — Длинный когтистый палец постучал в середину Джон-Томовой груди. — Вот тут обычно появляется узелок, хотя у разных людей он разной величины. Отчаяние питательно, но пресно, вроде витаминизированного хлеба. Ты разве не знаешь, что очень многие живут тихим отчаянием?

— Это из «Уолдена»?

Демон кивнул.

— В Нижних Мирах очень популярен Торо, ну, и все эти разговоры о гражданском неповиновении. В анархии есть своя пикантность, согласись.

— Откуда такая противоестественная забота обо мне?

Джон-Том пристально разглядывал синего демона.

— Я уже сказал: ты не такой, как все. Кроме того, нам небезынтересны твои абсурдные приключения, и характер твоей деятельности позволяет надеяться, что однажды кто-нибудь из нас получит возможность выпотрошить тебя. Уверяю, в этом нет ничего личного. Но сладкое всегда лучше горького.

— Так, значит, дело вовсе не в альтруизме или заботе о моем благополучии, а в твоем насыщении?

— Разве не все на свете делается ради насыщения? — невинно спросил демон.

— Повторяю, я не могу просто взять и учинить бедствие.

— Ну, разумеется. Учинять беды — моя работа. Но, уж точно, великий чаропевец Джонатан Томас Меривезер способен изобрести для себя занятие поприличнее, чем размораживание холодильника или взбивание подушек. — Фугвиц сиганул к потолку и уцепился лапой за люстру. Теперь он смахивал на самую синюю и уродливую обезьяну на свете.

— Ну, может быть... — Джон-Томовы пальцы рассеянно прошлись по струнам дуары. Поплывший по кухне звук был меланхоличен, но все же не лишен надежды. — Может, я пытался не слишком рьяно. Может, довольно ждать у моря погоды, пора самому поискать себе занятие?

— Вот именно! — обрадовался Фугвиц. — Атака, а не оборона! — Он, тревожа осветительные чары, заметался по потолку. — И если тебе снова понадобится что-нибудь отполировать, зови меня не раздумывая! Взамен я попрошу сущий пустяк: когда ты наконец совершишь фатальную ошибку, я первым отведаю твоих мозгов, идет? Уверен, у них деликатный и исключительно *сладкий* вкус.

— Ладно, если дойдет до этого, я уж позабочусь, чтобы в очереди ты был первым, — сухо пообещал Джон-Том.

— В таком случае, господин Меривезер, дозволь пожелать тебе всего наилучшего.

И с этими словами нечисть превратилась в синий парок.

— До свидания, Фугвиц. И... спасибо.

— Не за что, — ответил пар. — Психотерапия — мое хобби. Знал бы ты, сколько демонов и чертей страдают глубокими неврозами!

Парок свернулся в спираль и просочился в ближайший рожок люстры. На мгновение свет в кухне приобрел светло-голубой оттенок — это демон испытывал на прочность чары Джон-Тома. Слегка разочарованно прозвучало: «А, черт!» — и вновь люстра засияла чистым белым светом. Фугвиц ушел.

Ушел и Джон-Том — за дверь, по коридору, к выходу. По

спине легонько постукивала дуара, ноги решительно несли его прочь от дома, к берегу реки. На радужном плаще искрилось солнце. Поступь была легка и упруга, как в юные годы, — и не только благодаря присутствию в башмаках стальных пружин, усиленных таинственными металлургическими заклинаниями.

— Мадж! Мадж, вставай!

Он заколотил в дверь, выходящую прямо на берег. Не дождавшись отклика, отступил и запел. Через несколько секунд раздался скрежет засова.

Дверь распахнулась, и Джон-Том шагнул через порог — пришлось согнуться в три погибели, чтобы не треснуться о притолоку. Дверь была рассчитана на взрослых выдр, ей бы еще фута два высоты, тогда и люди не были бы в претензии.

Потолки были повыше, но все-таки пришлось двигаться согнувшись и старательно избегать подвешенных к сводам деталям интерьера. Лампы светили еле-еле; чаропевец сильно щурился.

— Мадж! Мадж!

Выдра не оказалось в кухне с круглыми оконцами на реку и грубой приземистой мебелью. Не нашел его Джон-Том и в гостиной.

Мадж находился в спальне — лежал буквой S на бесформенной груде постельного белья. Комната хранила отметины и Виджиного стремления к чистоте и порядку, и анархических вкусов ее благоверного.

— Мадж, поднимайся.

— Мф-ф... Че? — Выдр перекатился на спину, одурело заморгал, усы задергались. С головы свалился ночной колпак ручной вязки. — Кореш, ты че тут делаешь? Не видишь, я дрыхну без задних лап, любовные сны смотрю...

Джон-Том состроил гримасу и указал на единственное окно — через него лился свет.

— День в разгаре.

— В разгаре?.. — Заспанный выдр невидяще уставился на прикроватный столик. — А скока времени-то?

— Полвосьмого. Вставай.

— Полвосьмого! *Утра*? — Ворча, Мадж даже не сполз — стек с кровати. — И за че вы, людишки, так солнечный свет любите, не возьму в толк.

— Давай шевели хвостом, — нетерпеливо понукал чаропевец.

— Ладно, ладно. Не ори на своих. — Мадж протер красноватые глаза и выпрямился. — С чего такая клепаная спешка?

Джон-Том не искал стул — знал, что в этом логове не найдется сиденья, способного выдержать его вес. Он очень осторожно опустился на край постели. Рама отсутствовала — матрас лежал прямо на циновке.

— Мадж, я знаю, скука одолела тебя ничуть не меньше моего. Сам в этом не далее как вчера признался.

Его приятель потянулся — так выгнул спину, что едва не воткнул голову между собственными ногами. Мало кто из невыдр

мог бы повторить это чудо позвоночной акробатики. Хребет Джон-Тома сочувственно дрогнул.

— Так че, ты меня только для того и оторвал от сладкого сна, чтоб об этом напомнить?

— Сегодня утром я, как велела Талея, прибирался в доме и... Мадж, послушай. — Джон-Том подсел ближе к настороженно глядящему другу. — Мы уже сколько лет торчим тут безвылазно. Ничего интересного не происходит. Разве что Банкан сбежал с Нииной и Сквиллом и у них было небольшое приключеньице.

— Небольшое приключеньице?! — возмущенно тявкнул Мадж. — Да они полдесятка раз едва не окочурились! Клепаные сучьи дети! Совсем от лап отбились, взрослых не уважают!

— Знаю, — успокоительно произнес Джон-Том. — Но они сделали то, ради чего уходили, и вернулись целыми и невредимыми. Ты их историю слышал. Неужели она тебя не взволновала, неужели тебе не захотелось тряхнуть стариной, посмотреть, что творится в дальних уголках света?

— Фигня там творится, кореш.

— Ты же понимаешь, что я имею в виду.

— Эт точно, понимаю. — Выдр зевнул, продемонстрировав острые зубы, и лениво почесал в паху. — Боюсь, чувак, я слишком сдружился с коечкой. И вдобавок нигде не требуются волонтеры. Ну, ты понимаешь, че я имею в виду.

— Ты прав, может быть, ничего важного в мире и не происходит, — согласился Джон-Том. — Но Клотагорб вечно занят по горло, да и сдает он с годами. Наверное, за всем уследить он не в состоянии. А ну как проглядел проблемку-другую, вот к чему я клоню.

— Я ваще не врубаюсь, как этот твердокожий дотянул до наших дней, — удивился Мадж. — Три стольника! Четыре! Поглядишь на него — никакой разницы не заметишь. Черепахи не шибко стареют. Да к тому же клепаная спина ему, кажись, никада не причиняет хлопот. Так несправедливо.

— Но ему приходится день-деньской таскать на себе панцирь, — напомнил другу Джон-Том. — Это тоже несправедливо. Проведать его, что ли, спросить, не чувствует ли он где-нибудь непорядок? Не могу больше сидеть сиднем, помогать по дому и отгонять чарами заурядные детские болезни и бытовых паразитов. Осточертело играть на вечеринках и праздниках. Мадж, я скучаю по былым треволнениям!

Выдр задумчиво посмотрел на него.

— Ты че, про те треволнения, када не знаешь, раздавят тебя, как жука, или глотку перережут, или ритуально разорвут на кусочки? Таких тебе треволнений подавай? Приятных воспоминаний, чувак, вот че я тебе на это пожелаю.

— Нет, Мадж, ты ведь не от чистого сердца говоришь. Я знаю, тебя тоже тоска заела! Не меньше, чем меня.

— Понятное дело, скучно. До мозга моих клепаных костей,

чувак. Но нет таких приключений, ради которых стоило бы рисковать спокойной житухой и хорошим самочувствием.

— Ну, хоть бы пустяковое, а, Мадж? — взмолился Джон-Том. — Ради которого не надо забредать на край света и подвергаться серьезным опасностям. Так, пустяковая перемена мест, увеселительная прогулка.

— А как же трижды обожаемая Талея?

— Я ей записку оставлю. Она поймет.

— Ну, еще б не поняла. Записку! А я для Виджи сочиню. До свиданья, крошка. Ушли за приключениями, к концу года вернемся, не скучай. Ага, ей это понравится.

— Она простит. — Джон-Том излучал фальшивую уверенность. — Обе простят. Как будто мы так уже не уходили.

— Чувак, ты напряги мозги. То было давно. Еще как давно. Сдается мне, по части ожидания мужей наши супружницы слишком долго не практиковались.

— Мадж, у меня нет выбора, — с жаром убеждал Джон-Том. — Это сильнее меня, против естества не пойдешь. Да и ты не будешь отрицать, что испытываешь точно такие же чувства. — Он поднялся. — Пошли.

— Пошли? — Выдр облизал губы. — Куда пошли, кореш? Щас полвосьмого утра.

— Семь сорок две. — Джон-Том задержался в дверях спальни. — Клотагорба навестим, куда же еще? Где-то что-то наверняка происходит. Какая-нибудь пустячная, случайная-преслучайная катастрофка только и ждет, когда ее устранят чаропесенкой-другой.

— Ага, а какой-нибудь масенький ножичек тока и ждет, чтоб влезть мне между ребер, — проворчал выдр. — Ну да ладно. Вижу, ты от меня ни за че не отцепишься, дай хоть маленько времени — одеться, — и я тебе в угоду пожертвую шикарным сном. — Он погрозил долговязому другу коротким пальцем. — Парень, но я тебя предупреждаю. Не собираюсь с дурацкой улыбкой на роже глядеть, как ты кладешь жисть на алтарь смертельной опасности, чтоб потешить идиотское тайное влечение.

— Обещаю, Мадж, никаких опасностей не будет. У меня тоже жена и ребенок, между прочим.

— Ага. К ним бы в придачу мозгов капельку.

Выдр громко выругался, пытаясь влезть в непокорные шорты.

Глава 3

Грандиозный старый дуб по-прежнему высился над поляной, безмятежный, как сама вечность. Громадные скрюченные узловатые корни мощно зарывались в землю, будто хотели ухватиться за ядро планеты. Древо казалось бесстрастным и неколебимым, неподвластным времени или силам природы.

Чего нельзя было сказать о его обитателе, понял Джон-Том, когда они с Маджем приблизились. Как и дом чаропевца, это дерево было куда просторнее, чем выглядело снаружи, — благодаря великолепным чарам для распирания пространства, изобретенным древним колдуном еще в молодости.

К дверям вела грубая дорожка из плитки. Джон-Том остановился у входа, потянулся к выступающей из коры кнопке.

— Э, чувак, погодь-ка. — Мадж поднял лапу. — Это че?

— Правильно я говорю, давненько ты сюда не заглядывал. Идея взята из моего родного мира. Я подробно изложил ее Клотагорбу, и он, похоже, все понял верно. Называется — дверной звонок. Куда лучше, чем колотить в дверь. Правда, я не уверен, что он действует.

Джон-Том вдавил белую кнопку указательным пальцем.

В глубине Древа хором грянули духовые трубы, впечатляюще исполнив приветственный туш. Одновременно материализовался секстет очаровательных певчих птах и на птичьем языке, напомнившем Джон-Тому латынь, поприветствовал гостей. Трубы умолкли, птицы исчезли, а вместо них по бокам портала взвились две черные тучки величиной с петуха. Над дорожкой раскатился гром, миниатюрные молнии ударили в табличку посреди двери, осветив надпись.

Атмосферные герольды побелели и приобрели невинный облик, крошечная, не шире талии Джон-Тома, радуга протянулась от одного пышного облачка к другому, образовав сияющую дугу. Когда в невидимой дали затихло эхо последней трубы, радуга вместе с облачками раскололась на мириады осколков, осыпав посетителей дождем разноцветных призрачных блесток.

— Мне, наверное, не стоило подначивать старика, — прошептал Джон-Том, когда дверь приглашающе отворилась. — Кажется, он слегка перестарался.

Сразу за дверью стоял некто коренастый, просто одетый и смотрел на гостей. Джон-Том глубоко вздохнул. Клотагорб — не из тех хозяев, с кем работнику приятно иметь дело. Подмастерьев-черепах он менял чаще, чем страдающий насморком слон пузырьки с каплями.

Ленивец медленно захлопал веками и старательно проговорил:

— Я Горпул, подмастерье Клотагорба. Я...

— Ладно, Горпул, не утруждай себя формальностями, я тебя знаю. — Джон-Том указал на спутника, с любопытством глядевшего на нового ученика. — Это Мадж, мой друг.

— Горпул, — тявкнул Мадж. — Ну и имечко!

Ленивец был медлителен, но не туп.

— Забавно это слышать от того, кто носит имя Мадж. — Гор-

пул поманил пришедших за собой. — Входите, господин Джон-Том. И друг, — неодобрительно добавил он.

Поиски Клотагорба в нескольких студиях и огромной библиотеке желаемого результата не дали. Когда он наконец появился в гостиной, стало ясно, что его оторвали от сна.

— Джон-Том, что ты сегодня здесь делаешь?

Черепах зевнул, распялив клюв во всю ширь.

— Что значит — сегодня, учитель?

— Нынче же Крикскссос.

— Эт када сосут с криком?

Колдун глянул поверх очков на Джон-Томова спутника.

— А, выдр, — пробормотал он, как будто этим словом объяснялось все. Впрочем, так оно и было. Черепах снова посмотрел на высокого человека. — Крикскссос — один из самых главных праздников у колдунов. Пора созерцания великих тайн, изучения высшей плоскости, осмысления наиважнейших проблем времени и пространства, день незамутненных помыслов и благородных устремлений. — Говоря, он жестикулировал толстопалой лапой. — В то утро, когда все серьезные чернокнижники, волшебники и чаропевцы должны посвящать себя герметической медитации...

— Прошу извинить, учитель. Я не догадался заглянуть в календарь. Знаете, столько дел навалилось...

— Это я уже заметил. — Черепах взирал уже не так строго. — Ладно, не имеет значения. Раз уж вы пришли, садитесь и чувствуйте себя как дома. — Он оглянулся на ленивца: — Горпул, возвращайся к уборке.

— Да, мастер.

Ленивец ушаркал в коридор.

Клотагорб тяжко опустился в кресло с сильно вогнутой, по форме его панциря, спинкой.

— У меня еще не было ученика более нерасторопного, чем этот Горпул.

— Я как раз хотел спросить, — проговорил Джон-Том, — почему — ленивец?

— Все очень просто, юноша. У него великолепная память и ясный ум, и он не лишен задатков прилежного ученика. Чем разительно отличается от моих прежних подмастерьев, у которых, как правило, между ушами располагался кусок бисквитного пирога. У Горпула лишь один недостаток — на любое простенькое поручение он тратит вдвое больше времени, чем любой из его бестолковых предшественников.

Колдун надолго уставился в потолок.

— Возможно, когда-нибудь я все-таки найду ученика, сочетающего расторопность и добросовестность с умением шевелить мозгами. Не исключено, что это будет сообразительный выдр.

Он оценивающе сощурился на Маджа. Тот вольготно раски-

нулся в кресле, короткие нижние лапы — врастопырку, грязная жилетка — нараспашку, палец — в носу.

— А может быть, и нет, — задумчиво заключил волшебник и снова перенес свое внимание на Джон-Тома. — Итак, что же стряслось, если ты забыл даже о Крикскссосе и отвлек меня от созерцания?

Джон-Том взглянул на Маджа, но тот мастерски игнорировал это. Не найдя поддержки, чаропевец с надеждой посмотрел на черепаха.

— Сказать по правде, учитель, ничего особенного.

— Ну, давай же, юноша, выкладывай. Поделись со старым Клотагорбом.

— Я просто пришел. В этом-то и заключается проблема. В том, что нет никаких проблем. Нигде.

Во взоре Клотагорба читалось сомнение.

— Не возьму в толк, почему такое положение вещей ты находишь тревожным.

— Если честно, мы с Маджем страдаем от скуки.

— А, вот оно что! — Физиономия колдуна прояснилась. Применительно к Клотагорбу это означало, что его кожа приобрела на миг светлый оттенок. — М-да, не самая редкая хворь среди индивидуумов твоего возраста и психоэмоционального типа. Я-то, само собой, неуязвим для детских болезней. Надо полагать, у тебя уже есть план эффективного курса лечения?

Джон-Том ерзал, пока не очутился на самом краю сиденья.

— Учитель, все это, сказать по правде, сущие пустяки. Нам бы решить какую-нибудь легкую задачку, достойную внимания чаропевца. Ничего радикального, никакого риска для жизни и длительных отлучек, — так, разнообразия ради...

Сняв очки и протирая их тряпицей, извлеченной из выдвижного ящичка в панцире, Клотагорб молвил:

— Я всей душой хочу помочь тебе, юноша, но сейчас, насколько могу судить, в мире все спокойно. Правда, есть слабенькое ощущение малозначительного кризиса, но ты же говоришь, что надолго покидать дом не желаешь... — Он пожал плечами, качнув панцирем. — А сейчас прошу меня извинить — я бы хотел вернуться к глубокой медитации, из которой меня вырвало ваше столь несвоевременное вторжение.

— Ага, чувак, давай оставим его в покое. — Мадж соскользнул со стула. — Я вполне готов вернуться в любимую кроватку, вот так.

— Но мы же согласны! — возразил Джон-Том.

Выдр шагал, пока не оказался нос к носу с сидящим человеком.

— Слушай, шеф, че я тебе присоветую. Ты спрашивал его чародейство, нет ли где какой халтурки для нас, и он ответил, что

нет. И чего б тебе не оставить нас обоих в покое и не вернуться к своим кастрюлям?

— Нет! Должно же *что-то* быть. Хоть что-нибудь! — настаивал Джон-Том, умоляюще глядя на волшебника.

— Ну-у... — протянул тот, насаживая очки на клюв. — Есть одна проблемка. Совершеннейший пустяк.

— Хоть что-нибудь! — заклинал Джон-Том.

Клотагорб глядел на него задумчиво.

— Дело касается музыки.

— Вот видишь! — Ликующий чаропевец посмотрел на Маджа. — Что-нибудь простенькое, чтобы мы справились без особых затруднений.

— Гладко было на бумаге... — пробормотал выдр.

— Однако я не знаю, решаема ли эта проблема в принципе, — размышлял черепах вслух, — а если решаема, стоит ли она хотя бы обдумывания.

— Рассказывайте! — торопил Джон-Том.

Волшебник сосредоточился.

— Как я понимаю, в музыкальной структуре мироздания появилось незначительное нарушение.

— Нарушение в музыкальной структуре? Только и всего-то?

— Я тебя предупредил.

— Нарушение в музыкальной структуре... А вы уверены, что какой-нибудь деревне не грозит гибель, или не ведется подкоп под гору, или яростное чудовище не затеяло взбеситься?

— Боюсь, что нет.

— Мне кажется, на такую ерунду не стоит и чаропесни тратить. Максимум задачка для начинающего адепта.

— Юноша, или берись — или уходи.

Джон-Том размышлял.

— Неужели больше ничего нет?

Клотагорб отрицательно покачал головой, и тогда его младший партнер решился:

— Ну, так и быть. Рассказывайте.

— Пожалуй, слово «нарушение» в данном контексте выглядит несколько расплывчато. Явление... гм... весьма специфичное. Мне удалось его изолировать, то есть, кажется, оно изолировалось само. Что до его эстетической оценки — это не моя компетенция. Мне, так сказать, медведь на ухо наступил. То есть наступил бы, если бы я обладал ушами. И если бы путался под лапами у медведей.

Клотагорб захихикал, довольный собственной шуткой.

— Вот он, наш Клотагорб, — тихонько засвидетельствовал Мадж. — Целая куча неудержимого веселья.

— Не спорю, не спорю. — Волшебник, настроясь на шутливый лад, не обиделся на шпильку. — Итак, я полагаю, вы бы не отказались на него взглянуть?

— Взглянуть?

У Джон-Тома полезли кверху брови.

Клотагорб оставил кресло и поманил гостей за собой. Они пошли в глубь спирального лабиринта, пронизывавшего Древо.

Предмет немногословного обсуждения бездельничал в алькове рядом с мастерской, грелся в мистической атмосфере, как ящерка в солнечных лучах на раскаленном камне. Когда хозяин дома и его гости приблизились, стайка радужно искрящихся нот шевельнулась, поймав и отбросив рассеянный свет. «Призрачное сияние, — подумал Джон-Том. — Мерцающее «нездесь», существующее на самом краю зрительного восприятия, слабая фосфоресценция, едва уловимая для палочек и колбочек глаза».

Явление висело перед ними отсветом северного сияния. Внезапно крапинки заметались и перегруппировались. При этом альков заполнился музыкой, приятной, грустной и скоротечной.

— Не очень четко видно, — произнес Джон-Том, — но красиво. Что это?

— Как — что? — спросил волшебник. — Музыка. А чем еще, по-твоему, это может быть? Акустическое построение. Гармоническая конвергенция. Звуковая синхронность.

— Постойте, я не могу уследить за вами. Я слышу тон, но мне это ни о чем не говорит.

— Юноша, я ведь только что сказал. Это музыка.

— Чтоб меня в евнухи завербовали, — воскликнул Мадж. — Я много всякой музыки слыхал, но *видеть* — никада!

Искрящийся овоид снова подал голос, и Джон-Том взглянул на него с возросшим интересом.

— Я и не знал, что музыку *можно* видеть.

— Обычно она не столь прямолинейна. — Глаза Клотагорба щурились за очками. — Редко возникают условия, когда ее можно увидеть воочию. Но даже в этих случаях музыка очень уклончива.

Он шагнул вперед и протянул короткую лапу. Рой помедлил, а потом легко закружил вокруг его пальцев, омывая их полутонами. Как заметил Джон-Том, ноты не отбрасывали теней.

— На мой взгляд, мы имеем дело с элементом гораздо большей музыкальной мысли, — сообщил волшебник. — Я провел кое-какие исследования и обнаружил, что он состоит из множества неизменных нот, которые постоянно перегруппировываются. — Черепах хмыкнул. — Впрочем, эту тему я бы предпочел не затрагивать.

Джон-Том двинулся вперед.

— А мне можно?

— Несомненно.

Волшебник посторонился.

Крапинки отлетели от пальцев Клотагорба и осторожно окружили протянутую руку Джон-Тома. Не было ни ощущения

физического контакта, ни любых других осязательных восприятий — только теплый зуд возникал периодически, когда оживлялись и пели ноты. Порой менялся темп, порой — громкость, но базовые аккорды оставались прежними.

Чаропевец тихо млел.

— Мне уже случалось чувствовать музыку, но чтобы вот так, в буквальном смысле...

Крапинки отлетели от его руки, зависли между человеком и черепахом. Неясный жалобный звук не смолкал.

— Где вы ее нашли?

— Где нашел? Юноша, у меня нет привычки искать беспризорную музыку. Это она меня нашла. Два дня назад я был разбужен сдавленным воплем Горпула. Это вот диво как-то ухитрилось залететь в мой атриум и затеяло игру с декоративными колокольчиками — мне их лет сто назад подарила колдунья Падула-Волосы-Колтуном. У меня сложилось стойкое впечатление, что музыка хочет обзавестись друзьями.

— Музыка всюду проникнет, — задумчиво проговорил Джон-Том, любуясь непоседливыми аккордами.

Клотагорб многозначительно хмыкнул.

— Может быть, ты и прав, но у меня закоренелое недоверие к непрошеным явлениям, как бы там нежно или печально они ни звучали. Я велел Горпулу взять перьевую метелку, и мы вместе попытались выгнать музыку за порог, но тут она взяла такой плаксивый тон, что я решил на время оставить ее в покое. Выглядит она безвредно, к еде моей не прикасается. Знай себе висит в алькове и наблюдает, если это слово применимо к мелодии. Иногда она звучит требовательно, в другое время — капризно... По-моему, она впадает в отчаяние.

— Шеф, ты думаешь, с ней чей-то не так?

Мадж с подозрением щурился на крапинки.

— Я уверен, она чего-то хочет, — ответил волшебник. — А может быть, просто заблудилась и тоскует по дому.

— Заблудшие ноты, — задумчиво проговорил Джон-Том. — Я слыхал о бездомной музыке, но еще ни разу с нею не сталкивался. И уж конечно, не видел. Допустим, она действительно потерялась, но чем мы ей можем помочь? Что толку задавать вопросы фрагменту музыкального произведения?

— Тут я тебе, увы, не советчик, — лаконично ответил Клотагорб. — Да и тема, скажу по правде, меня не особо интересует. Одно не вызывает сомнения: этой музыке требуется содействие, которое я предоставлять не намерен. Но и вышвырнуть бедняжку за дверь совесть не позволяет. Она кажется такой несчастной...

Черепах снова поднял ладонь, и снова вокруг пальцев закружились крапинки.

— Она меняется, но я не берусь судить, отзывается ли она на

чье-то настроение или на какое-нибудь иное, неизвестное мне влияние.

Джон-Том передвинул на живот дуару, комнату заполнила иная музыка.

— Ты потерялась? — пропел он.

Реакция крапинок не заставила себя ждать. Они отпрянули от пальцев колдуна, построились и трижды четко повторили музыкальную фразу.

— Можно расценить это как положительный ответ, — без особой необходимости прокомментировал Клотагорб.

Довольный собой, Джон-Том кивнул.

— Но как же может быть, чтобы музыка, да вдруг потерялась?

— Че, ежели она жила в каком-то инструменте, а тот пропал? — предположил Мадж.

— Я склонен полагать, что истина не столь прозаична. — Волшебник сосредоточенно разглядывал плавающий нимб. — Гораздо вероятнее, что наша гостья покинула свое место в более длинной последовательности нот. Она принадлежит довольно большому и сложному произведению, из которого была извлечена явно против собственного желания.

Джон-Том поглядел на черепаха в упор:

— А мне казалось, вы не питаете интереса к музыке.

Клотагорб пожал плечами:

— Не собираюсь утверждать, что я в этом деле абсолютный невежда. — И указал на дымчатое сияние. — Ясно, что она пребывает в подавленном состоянии, будучи не в силах соединиться с основной темой. Короче говоря, она заблудилась и страдает тем, что можно назвать musicus interruptus[1].

— Ух ты! — прошептал Мадж. — Ну, тада я могу ее понять, посочувствовать.

— Но сюда-то она зачем прилетела? — размышлял вслух Джон-Том. — Чего ждала от вас? Чтобы вы помогли ей вернуться к остальной музыке?

— Разумное предположение. Ты уже продемонстрировал свою изобретательность в общении с ней, отчего бы не спросить самому?

— Спрошу.

И Джон-Том пропел вопрос в самой доходчивой форме.

Ноты сразу метнулись к дверному проему, возвратились, снова отлетели к дверям. Это повторилось полдюжины раз, и облачко всегда задерживалось в проеме и звенело при этом громче и настойчивей. Так и осталось в дверях — донельзя красноречивый жест.

— Я склонен полагать, что все вполне очевидно, — заметил волшебник. — Она хочет, чтобы вы шли за ней следом.

---

[1] Музыкальный разрыв *(лат.). (Прим. перев.)*

— Черта с два, — пробормотал выдр. — Хрена ей лысого.

— Я бы не стал тратить время на такую банальность, как горстка потерявшихся нот, — продолжал Клотагорб, — но если ты и твой приятель с мускусными мозгами и правда умираете от скуки, то вот вам подходящая головоломка. Кажется, она не сулит яд, клыки или когти.

Джон-Том колебался.

— Но ведь она выглядит не очень серьезно, согласитесь. По-моему, с такой задачкой даже Горпул легко справится.

— Это по-твоему. — Волшебник кивнул. — Он уже пытался и успеха не имел. Общаться с музыкой посредством чаропения, как ты, он не способен. И вообще, Горпул мне нужнее здесь.

— В масштабах битвы с Броненосным народом не очень-то впечатляет, — пробормотал Джон-Том. — С другой стороны, и правда лучше, чем ничего.

— Не раз и не два я слышал от тебя, что ты всю жизнь следуешь за музыкой, — напомнил Клотагорб. — Вот возможность сделать это в прямом, а не в переносном смысле.

— И куда она нас, по-вашему, заведет? — осведомился Джон-Том.

Черепах поднял очи горе:

— Кто знает? Я могу одно сказать: доводилось тебе странствовать и в обществе гораздо менее симпатичных проводников.

— А что, если я все-таки решусь и пойду вслед за музыкой? — размышлял Джон-Том. — Но ведь она может в любой момент исчезнуть, рассеяться в зарослях или утонуть в земле, и что тогда останется нам с Маджем? Жалеть о потерянном времени и корить себя за несусветную глупость? Как мы все объясним Талее и Виджи?

Предмет его размышлений вдруг метнулся в коридор, возвратился, позванивая с отчетливым волнением, и снова отлетел.

— Хочешь — иди, не хочешь — оставайся, — поторопил Клотагорб. — Но решай поскорей. Я катастрофически теряю созерцательный настрой.

Джон-Том предпочел бы более явственную необходимость, более четкую перспективу применения его чаропевческого дара. Ему же предлагали только горсточку жалобно зовущих нот.

— Мадж? — спросил он, оттягивая решение.

Выдр закатил глаза.

— Ну, я думаю, ежели прошвырнемся до Вертихвостки, особой беды не будет. Можа, шеф, за это время развеется твоя тоска. И ваще, музычка вроде неопасная, не то че большинство чокнутых причин, которые выманивали тебя из дому.

Мадж вразвалочку вышел в коридор и замахал на ноты лапами. Они с любопытством пороились между его пальцами и метнулись в сторону двери.

— Так, значица, да? Ладно, ведите, тока постарайтесь звучать маленько пободрее, ага?

— Улетайте, — велел нотам Клотагорб. — Эта парочка попробует вам помочь. Они считаются профессионалами. Я же твердо намерен оставаться здесь, уйдя в дальние уголки своего сознания.

Искристый перезвон как будто понял его — энергично покружил перед лицом Джон-Тома и снова бросился в коридор. У чаропевца зудела кожа, словно ее опрыскали вытяжкой радости.

— Ты принят, — удовлетворенно заключил маг.

— Да уж, надеюсь. А то ведь не найдется других дураков слепо шагать за горсткой нот по лесам.

— Эт точно, — хмуро добавил выдр.

— Пошли.

Джон-Том направился к выходу.

Мадж скорчил рожу.

— Ага, скока раз я уже слышал это словечко. Ну да ладно. Будь че будет.

Друзья выбрались вслед за красочными нотами из Древа, прошагали на юг по траве и очутились под сенью Колоколесья. Человека и выдра вело мерцающее облачко миниатюрных звезд и планет, лун и комет. Но это была не галактика, а все отчетливее и веселее звучащий фрагмент музыкальной темы.

Клотагорб с облегчением провожал их взглядом. Горпул хлопотал по хозяйству, а у колдуна появилась наконец возможность снова забраться в особую комнатку, вместилище бархатной мглы, и целиком уйти в созерцание непостижимых тайн вселенной.

Усевшись точно в центре сферического помещения, то бишь повиснув точно в трех своих ростах от пола, маг воспользовался колдовскими порошками и варевами, и вскоре перед ним появился сгусток светящегося тумана, озарив все кругом. Под гнусавый, гипнотический речитатив Клотагорба туман начал приобретать форму и плоть.

Это была фигура другой черепахи: молодой, гибкой (насколько черепаха вообще может быть гибкой) и определенно женственной, с мягким панцирем. Чары, несомненно, получились весьма впечатляющими, хотя их философская ценность выглядела несколько спорной. Волшебник поплыл навстречу призраку, сложив на груди лапы; на его почти неподвижной физиономии угадывалась странная улыбка.

Джон-Том и Мадж шагали на юг по большой лесной дороге. Чаропевец был убежден, что в походке Маджа добавилось упругости, а в глазах — блеска.

— Ну что, старина, возвращается былой азарт?

Выдр недобро посмотрел на него:

— Азарт? С чего бы это вдруг? По-твоему, мне не терпится дать дуба каким-нибудь кошмарным способом или потерять на

жертвенном алтаре часть тела, которую отращивал с особой любовью? Как же, разбежался, держи карман! — И тут его зубы сверкнули в столь хорошо знакомой Джон-Тому заразительной улыбке. — Сказать по правде, чувак, я впервой, отправляясь с тобой черт-те куда, наполовину спокоен. Как ни крути, разве может какая-то забавная музычка завести в серьезную беду?

Мадж кивнул в сторону облачка кружащихся нот; оно беспокойно подскакивало в воздухе, на десяток шагов опережая странников, и зовуще пело.

От нечего делать, переместив дуару на живот, Джон-Том принялся экспериментировать с любимыми мелодиями. Ноткикрупинки откликнулись незамедлительно — пулей метнулись к нему, вынудив выдра отскочить в сторону, и зароились вокруг волшебного инструмента. Они спиралью обвивали двойной гриф, смерчиком ввинчивались в резонирующий корпус, измеряли ширину отверстия для межпространственного гармонического потока у развилки грифов.

Мадж совсем успокоился, даже хихикнул.

— Похоже, чувак, ты обзавелся приятелем.

Джон-Томовы пальцы легко двигались в нежном теплом сиянии сиротливых аккордов.

— Мы с музыкой всегда приятели. Я успел врасти в нее, а она — в меня. — В его глазах появился решительный блеск. — Что же касается чаропения, уж я постараюсь, чтобы это путешествие отличалось от всех предыдущих.

Мадж содрогнулся.

— Джон-Том, погодь-ка! Разве похоже, че тут потребуется много чаропения?

— Этого мы не знаем, — весело ответил его высокий попутчик. — Но если потребуется, я возьму пример с Банкана. Кто сказал, что яйца курицу не учат?

— В каком это смысле — возьмешь пример? — хмуро поинтересовался выдр.

— А в таком, что буду петь не только привычные старые песни. Помнишь, Банкан сам сочинял стихи и выходил победителем из любой переделки?

— Не гони, шеф. Оно, конечно, не мне такое говорить, но тока на твоем месте не стал бы я этого делать, вот так. Не зная броду, не суйся в воду. У тебя и без того завсегда хватало неприятностей с выбором подходящей песенки. И я не уверен, че блестящая импровизация — как раз твой конек.

— С текстами собственного сочинения я увеличу власть над любыми чарами. А еще ты должен признать: вряд ли это будет хуже, чем с испытанным репертуаром.

Выдру пришлось с досадой кивнуть.

— Тут, чувак, с тобой поспорить трудно.

— Побольше оптимизма, Мадж. В конце концов, чаропение — моя профессия, я ей почти двадцать лет отдал.

— Это-то меня и беспокоит, — посетовал Мадж, но шепотом.

— У тебя перо висит, как тряпка, — указал Джон-Том на видавшую виды зеленую фетровую шляпу и ее украшение.

Выдр дотронулся до тирольки пальцем.

— Виджи ее постоянно выбрасывает. А я тишком вытаскиваю из помойки. Это у нас игра такая. — И, чтобы сменить тему, махнул лапой в сторону реки: — А че будем делать, ежели наш музыкальный друг вдруг решит сманеврировать влево? Споешь чаропесенку для ходьбы по воде?

Джон-Том улыбнулся и похлопал друга по плечу.

— Что-нибудь придумаем, Мадж, как всегда. Проблемы устраняй по мере их возникновения — вот наше кредо.

— Ну, ободрил так ободрил, — сухо промолвил выдр.

Относительно спокойные дни сменяли друг друга. Наконец приятели достигли Вертихвостки и повернули на юго-запад. По реке к далекому Глиттергейсту неслись под парусами суденышки, а обратно поднимались медленно, на веслах, борясь с сильным течением — их целью был Пфейффумунтер и расположенный еще дальше Поластринду. Иногда друзья махали рукой и лапой, а члены разношерстных экипажей отвечали, подчас бросая весла и возбужденно жестикулируя при виде звенящего красочного облачка вкупе со странной парой.

— Я жене записку оставил, так ведь не поверит. — Мадж развлекался тем, что ловил и отпускал, снова ловил и снова отпускал маленькую саранчу; уследить за мельтешением его пальцев Джон-Тому никак не удавалось. — Решит, я в Линчбени закатился — пьянствовать и буянить.

— Ей это вполне простительно, — съязвил Джон-Том.

— Чувак, да это несправедливо ни хрена! Ты ж знаешь, я давно вырос из коротких штанишек прожигателя жизни. Теперь я уважаемый оседлый семьянин, вот так.

— Почти всегда, — согласился чаропевец. — Да ты не волнуйся. Когда Виджи узнает, что ты со мной, она успокоится. Уж я-то за тобой присмотрю. И вообще, твой уход ее разозлит меньше, чем мой — Талею.

— Верняк, — удовлетворился Мадж. — Я, как-никак, выдр.

А далеко позади безмолвно стояло опустевшее Джон-Томово дерево. Не дрожали от дуарных вибраций деревянные стены, кухонная утварь не содрогалась от шелеста Талеиного фартука, а то и от ее ругани. Недоставало человеческого присутствия звуконедосягаемым спальням наверху, тосковали они по хрипло-сиплопронзительному рэпу Банкана, Сквилла и Ниины. Аккуратно заправленными стояли кровати, в шкафах грустила несношенная одежда, полы бестревожно, сонно ждали возвращения хозяев.

Если и мелькнет где яркое пятнышко, так это домовой или демон прошуршит щелью между половицами или пересечет потолок и сразу трусливо спрячется. Они старались избегать умело замаскированных Джон-Томом колдовских ловушек и не задерживаться на открытом месте, разве что изредка вступали в перепалку с бродячим сверчком-ворчуном.

В дремотной тишине пустующей столовой вдруг явственно захрустел воздух — будто тысяча старых газет подверглась внезапной атаке армии голодных термитов. С треском раскололась окаменелая атмосфера, пропуская в себя угловатые компоненты поразительного нечто. Оно быстро сгущалось, приобретая как форму, так и вес.

Пришелец был чуть повыше Маджа, снабжен усиками-антеннами и носил на спине ранец. В падающих из окна солнечных лучах твердая оболочка поблескивала ляпис-лазурью и малахитом. Жесткие суставчатые пальцы манипулировали пристегнутыми к животу устройствами, на груди ритмично поднимались и опадали дыхательные органы.

Твердо встав на многочисленные нижние конечности, он обернулся на сто восемьдесят градусов, чтобы изучить обстановку. На ногах его красовались шесть металлических туфель филигранной работы, каждая покрыта тончайшими и совершенно непонятными письменами. Громадные глазищи обозрели стол, кресла, китайский буфет и коллекцию настенных украшений. Все происходило без единого звука, не считая тихого шелеста вдохов-выдохов, хотя многочисленные сегменты рта находились в непрестанном движении. Режущие пластины покрывало нечто фиолетовое, словно их владелец месяц питался одним черным виноградом.

Безволосый череп охватывала золотая бандана не шире ногтя — в тон туфлям. С четырех пальцев левой руки свисала прямоугольная коробочка из сложных, но неопасных полимеров. Ее поверхность усеивали лампочки и кнопки. В центре светился прозрачный овальный дисплей. Коробочка настойчиво загудела.

Когда существо дотронулось пальцем до прозрачной панели, гул смолк. Золотые глаза закончили обзор кухни, пришелец выбрался в коридор и повторил процедуру осмотра. Одну за другой обошел все комнаты, лишь изредка отвлекаясь на привлекшие его внимание предметы, которые, как выяснялось, ничего общего с его целью не имели. Наконец гость оказался в студии Джон-Тома.

Там он задержался, чтобы двумя руками помассировать крошечные завитки чуть ниже золотой банданы. Как только он управился с этим делом, от него начал исходить сильный, не лишенный приятности запах. Поза крайнего недоумения однозначно указывала, что пришелец упустил из виду нечто важное.

С огорченным присвистом он щелкнул несколькими кнопками на полимерной коробочке. И снова атмосфера вокруг него

зашипела и заискрилась под пикантный аккомпанемент миниатюрных стеклянных колокольцев. Существо разлетелось вдребезги, его многочисленные осколки ускользнули по тончайшим щелям в пространстве-времени. Удивительный гость ничего не забрал и ничего не оставил после себя, кроме слабого запаха вареного мускатного ореха.

Глава 4

Через несколько дней Джон-Тома и Маджа охватила тревога: не вознамерилась ли бродячая музыка завести их прямиком в бурные воды океана Глиттергейст, но тут мерцающее и звенящее облачко красноречиво повернуло к югу. Только одна закавыка была сопряжена с переменой курса: музыка собиралась пересечь Вертихвостку, которая к этому времени успела раздаться и вширь, и вглубь.

Мадж легко мог переплыть реку не только со своим имуществом, но и с Джон-Томовым, однако чаропевец столкнулся с серьезным препятствием. Он приложил ладони рупором ко рту и крикнул эфемерному поводырю:

— Ты уверена, что это верный путь?

Горстка звуков метнулась назад и повисла перед лицом Джон-Тома, затем снова устремилась через реку. Это повторилось трижды, последний раз облачко задержалось недалеко от берега и запрыгало с явным нетерпением.

— Шеф, я тебя смогу буксировать чуток, но до того берега не дотяну. Да тут еще и груз чертов, особливо твоя драгоценная дуара.

— А мы найдем переправу полегче. В крайнем случае, сам справлюсь. Я еще неплохо плаваю.

— Ага, для утюга, — согласился выдр.

— Вижу, с годами ты не стал снисходительнее. Хочешь, посоревнуемся в прыжках в высоту?

С трудом удалось отыскать ложбинку на скалистом берегу. У воды их ждал приятный сюрприз — правда, не паром, но виверр на лодке. Он был не прочь переправить странников через Вертихвостку. Джон-Том счел запрошенную лодочником цену божеской, выдр же едва не лопнул от возмущения. Как только они благополучно достигли противоположного берега, чаропевцу пришлось настоять, чтобы Мадж возвратил изумленному виверру тайком изъятые из его кармана деньги.

— Я тебя не понимаю, — воспитывал Джон-Том друга, когда они двинулись дальше по почти не примятой траве южнее реки. — Мы давно не пацаны, которым вечно не хватает карманных денег. Можем позволить себе такой пустяк, как справедли-

вая плата за добросовестный труд. Твоя жадность может до беды нас довести.

Мадж если и был пристыжен, виду не подавал.

— Шеф, старая привычка — тварь живучая. Ты ж знаешь, как я не люблю выпускать из лапы денежки. Хоть золотой, хоть медный грошик...

— Знаю, но ведь это были мои деньги.

Джон-Том подкинул за спиной легкую котомку.

— Так ведь дело не в том, кто владелец, дело в принципе, — упирался выдр, шагая за настойчивыми нотами к деревьям, отмечавшим границу южного массива Колоколесья.

Равнина, густо покрытая лесом, вскоре всхолмилась, стала труднопроходимой, пологие подъемы чередовались крутыми спусками и коварными сырыми оврагами. Путники входили в восточные пределы холмов Дуггакурра — эта редко посещаемая территория славилась своей невзрачностью и больше, пожалуй, ничем. Складывалось впечатление, будто между каждой парой скал или валунов обязательно протекает речка или ручей; сонмы потоков головокружительно низвергались с высоченных утесов, что кутались в облаках далеко на востоке, отрезая Джон-Тому и Маджу путь в сторону от реки. Поэтому приходилось брести берегом следом за невесомым и не слишком заботливым проводником. Местность изобиловала извилистыми лощинами, их преодоление отнимало много сил, вынуждая часто делать привалы.

Стоило путникам задержаться, как ноты тут же подлетали, мельтешили, настойчивым перезвоном требовали не медлить. Оставалось лишь гадать, к чему такая спешка.

— Эй ты, помилосердствуй, — крикнул Джон-Том, пытаясь отдышаться после покорения очередного холма и не переставая дивиться самому себе: как можно вести с музыкой беседы? — Мы уже не те ходоки. Да и не способны двигаться, как ты, строго по прямой. Мы ведь не из света и звука сделаны.

— Че ж ты, музон безродный, нас ни фига не окрыляешь?

Мадж оступился на скользком булыжнике, скривился и потер ушибленную голень. В долгом походе неисчерпаемая энергия не компенсировала выдру абсурдно малую длину ног.

Вдобавок он уже заскучал. Музыка не терпела никаких отклонений от своего курса, понукая всякий раз, когда путешественникам требовалось обойти препятствие. Она канючила, молила, настаивала и требовала. Не словесно, разумеется, — мелодически.

— Чувак, и куда ж, по-твоему, нас тащат эти шизанутые звуки?

— Почем я знаю? — Джон-Том морщился: у него болели ноги.

Они двинулись дальше — предстоял спуск по каменистому склону, где вечнозеленые растения сменялись высокими раскидистыми сикоморами, красными цианиморами и уймой прочих «мор». На дне лощины путешественники с плеском пересекли

мелкий холодный ручей и кряхтя полезли на противоположный склон.

— Клотагорб думал, музыка что-то ищет, и это что-то, чем бы оно ни было, нуждается в помощи.

— Ну а мы-то тут при чем?

— Возможно, музыка чувствует во мне способности волшебника. Да ты мог бы и сам Клотагорба спросить. Может быть, она способна решить свою проблему сама и ей просто нужна компания. Меня всегда интересовало, останется ли музыка музыкой, если некому будет ее слушать.

— О нет! — Добравшись до гребня, Мадж попятился от друга. — Я-то знаю, куда ведет эта философская трепотня, и не желаю туда шлепать!

Опять — под гору. Еще один ручей на дне балки ни для кого не стал сюрпризом; его пришлось преодолевать точно так же, как десятки предыдущих. А потом — снова карабкаться по склону. Далее наверняка лежали другие кручи, другие речушки, другие гребни.

Мадж отчаянно жаждал перемен. Его бы прекрасно устроил отвесный утес, непреодолимая бездна — короче говоря, любая новизна. Если люди склонны находить уют в однообразии, то выдр оно моментально выводит из себя.

Впрочем, лесистые склоны можно было назвать уютными лишь с сильной натяжкой — только за отсутствие неприятных столкновений с их обитателями. Ядовитые растения и клыкастые хищники не грозили путникам. По ночам было прохладно, но сносно, а днем тени худо-бедно спасали от жестокой жары. Среди бесчисленных ручьев не попадалось непроходимых, да и воды было вдоволь.

Время от времени Джон-Том останавливался и подолгу смотрел на запад. Где-то там, в бессчетных лигах, — Озерный край, знакомые места. Там их с Маджем помнят. Там им всегда рады.

Однако музыка неуклонно летела на юг, в страну неведомую и суровую, и не выказывала ни малейшего стремления свернуть к западу.

«Было бы неплохо, чтобы за всем этим что-нибудь стояло», — невольно думалось Джон-Тому. Если звонкое облачко, заведя их к черту на кулички, вдруг попросту растает, ему, в отличие от Маджа, злиться следует только на себя. А уж выдр даст выход гневу.

Вопреки всему Джон-Том все чаще вспоминал теплую студию и удобную кровать в любимом дереве. Мечтал о стимулирующем присутствии Талеи, о ее вкуснейших блюдах. Она — тоже, пожалуй, вопреки всему — со временем стала великолепной стряпухой. Он с нежностью вспоминал, как спорил с сыном, когда тот возвращался из школы. Тосковал чаропевец по забавным

пустяковым происшествиям, отменно скрашивавшим обыденность. Он скучал даже по наставлениям ворчуна Клотагорба, по его беззлобным конструктивным подколкам.

Джон-Том встряхнулся. Все осталось позади, и вернется он домой еще не скоро. А сейчас лучше смириться с облачком таинственных звуков, с унылым, если не откровенно враждебным ландшафтом и с выдром, в чьей жизни нытье занимало едва ли не главенствующее место.

Вдобавок у чаропевца болела спина.

И вообще, что он здесь делает? Почему спит на жесткой земле, почему ест, что удается поймать или подобрать? Что за бес саданул в ребро? Дни юношеских исканий остались в прошлом, отчего же он сорвался с насиженного места? Он ведь человек семейный, состоит в уважаемом всеми цехе волшебников, в любом уголке Колоколесья, даже самом дальнем, у него превосходная репутация. Ну, в самом деле, что может быть интересного в отупляющей ходьбе по диким холмам Дуггакурра в компании болтливого выдра и непонятно откуда взявшейся и неизвестно чего желающей музыки?

Музыка, словно уловив его настроение, подлетела, окутала звонким теплом — пыталась как могла развеселить и воодушевить. Крапинки плясали перед глазами, звенели настойчиво и оптимистично.

— Да-да, иду, — пробормотал он, хватаясь за ветку, чтобы перебраться через очередное препятствие, и подумал: «Сколько еще мне идти? И как далеко? А вдруг у этих аккордов и цели-то нет никакой? Этак можно вокруг света обойти и вернуться домой ни с чем. Что, если Клотагорб ошибся и это облачко — никакой не отрывок, а цельная музыкальная мысль, играющая с теми, кому хватило наивности пойти за ней? Что, если мы идем в никуда и тропа вскоре бесследно исчезнет?»

Понятное дело, такие мысли не ширили его шаг и не поднимали боевой дух, поэтому он изо всех сил гнал их из головы. Тем более что Мадж запасся пессимизмом на двоих.

Слава богу, следующее утро внесло новшество в перенасыщенный борьбой с однообразными геологическими складками поход. Путешественники очутились на краю обрыва, невысокого, но довольно крутого; внизу не только журчал поток, но и находилась довольно широкая, усыпанная валунами площадка. Речка была помельче, зато и пошире всех предыдущих и стекала в озерцо, где можно было даже поплавать. У естественной плотины скучились морщинистые лилии и какие-то растения с желтыми и лавандовыми цветами; такого богатства красок путники не видели уже много дней. Из зарослей выглядывала и пела земноводная мелочь, охотилась на насекомых, что метались в хрустальных глубинах. Едва ли это местечко могло претендовать на

звание райского, но в сравнении с окружающими неудобьями выглядело идиллически.

Маджа не смогла бы удержать никакая сила. Не успел Джон-Том добраться до каменистого берега, как его приятель уже избавился от одежды. Выдр нырнул с разбегу и снова появился уже на середине озера, вспоров воду спиной, как дельфин. Сверкнула мокрая темно-коричневая шерсть; выдр выполнил в неподвижном воздухе великолепное сальто и с широкой улыбкой на морде вернулся к другу.

— Тут глубина не меньше десятка моих ростов, и чисто, и прозрачно — как любимый хрустальный шар на шее нашего старого моллюска. Давай, чувак, прыгай!

Джон-Том с сомнением глядел на зеркальную гладь.

— Ну, даже не знаю...

— Е-мое, кореш, да че ты боишься? Утонуть не дам. — Мадж развернулся, нырнул и снова появился очень далеко от берега. — Здесь и рыба вполне приличная водится. А можа, и ракушки пресноводные на камнях. Давай тут денек проваландаемся, я рыбки на дорогу наловлю. Отдохнуть давно пора. — Он отмахнулся от повисшей над ушами музыки — похоже, ее озадачила внезапная остановка. — Ну а поводырь очень даже запросто может подождать, пока мы набьем животы приличным харчем.

Джон-Том решил, что Мадж прав, отдых они заслужили. Он начал раздеваться и поймал себя на том, что высматривает подходящий для ныряния камень.

Через час с четвертью Джон-Том, посвежевший и помолодевший, выбрался на берег. Мадж уже развел костер в небольшой пещерке, выточенной на северной стороне обрыва падающей водой. Коротким мечом выдр распотрошил с полдюжины упитанных рыб, которых поймал без лески и крючка. С годами он стал неповоротливее только на суше — как известно, в воде выдры не стареют.

Потом друзья лежали на гладких гранитных плитах и сохли под солнцем, а над костерком шипел и потрескивал улов.

Джон-Том загорал в чем мать родила и глядел в синее небо, обрезанное стенами миниатюрного каньона.

— Знаешь, а ведь я уже позабыл, как это здорово — просто взять да и уйти из дома. Повидать другие края, понюхать другие запахи.

— Ага. — У Маджа даже усы блаженно обвисли. — И никто не пилит: ты такой, ты разэтакий...

Джон-Том повернул голову, взглянул на друга.

— Вообще-то, Талея меня не пилит.

Выдр не то фыркнул, не то взвизгнул.

— Чувак, ты кому мозги пудришь? Старине Маджу! Бабы, чтоб ты знал, подвержены метаморфозам, это закон природы. Супружество влияет на ихнюю телесную химию. Тока у них все

задом наперед. Начинают, как бабочки, потом залезают в кокон, а из него вылупляются гусеницами — сплошная предсказуемость и щетина.

— К Талее это не относится. — Чаропевец уставился в небо. — И хотя я не бог весть какой спец по семейной жизни, выдр, все же скажу, что с Виджи тебе очень повезло. Если бы не она, ты бы уже давно околел под забором.

— Тута я, шеф, спорить не буду. — Мадж тихонько присвистнул. — Виджи — супружница че надо. Тока ты забыл, че выдры все делают вдвое быстрее и тратят вдвое больше энергии. Это и семейных склок касается.

— Скажи спасибо, что сейчас рядом с тобой нет близнецов.

Отклика не последовало. Джон-Том повторил ценную, по его мнению, фразу, потом повернулся направо... и застыл.

Мадж смахивал на свернувшуюся клубком коричневую змею. Он приподнялся над каменным ложем, устремив взгляд мимо костра в глубь ущелья. Джон-Том провел достаточно времени рядом с товарищем, чтобы доверять его инстинктам, поэтому он бесшумно распластался рядом.

— Что там? — прошептал он, демонстрируя безразличие.

— Кусты шевелятся.

Выдр небрежно встал, стряхнул пыль и, помахивая коротким хвостом, с обезоруживающей беспечностью заковылял к костру.

Джон-Том двинулся следом, а потом заставил себя медленно одеться. Неподалеку висела музыка, звенела о чем-то своем.

Мадж, переворачивая рыбу, устроил целый спектакль. Джон-Том наклонился к нему — якобы посмотреть на пищу.

— Какой-нибудь местный хищник? — шепотом спросил чаропевец.

— Оченно в этом сомневаюсь. — ответил выдр, не поворачиваясь. — Их тут, по меньшей мере, четверо, и они слишком беспорядочно передвигаются.

— Ладно. — Джон-Том взял дуару за гриф и сыграл переборчик. — Как думаешь, я успею ею воспользоваться?

— Будем поглядеть.

Мадж перебрался на другую сторону костра, при этом его лук и стрелы совсем не случайно очутились в пределах молниеносной досягаемости.

— На что будем глядеть?

— Захотят ли они напасть сразу или сначала зададут вопросы.

— А что, если они осторожны, но дружелюбны?

Джон-Том тоже удостоверился, что его меч под рукой.

— Дружелюбные чуваки долго не прячутся. Они честно выходят на открытое место и спрашивают, не желаем ли мы поделиться харчем. Чую, это очень голодная компашка. А еще чую, она вовсе не по рыбе стосковалась.

Не успел выдр договорить, как из укрытия выскочили те, о

ком шла речь. Они размахивали поразительно обширной коллекцией оружия, а из луженых глоток рвались душераздирающие вопли. Мадж прыгнул к Джон-Тому, следя за тем, чтобы озерцо было у него за спиной, а костер — между ним и нападающими.

Видя, что застичь пришельцев врасплох не удалось, незнакомцы остановились — приглядеться к облюбованным жертвам.

Енот с короткой саблей в одной лапе и щербатым ржавым тесаком в другой стоял рядом с вооруженной топором большой рыжей белкой, обладательницей драного хвоста. Над обоими башней возвышался американский кабан, его шкура поседела почти целиком. Сломанный бивень украшала золотая коронка. Он держал длинное копье.

На одном фланге орудовал нунчаками вомбат, на другом маячили капуцин, пожилой мандрил и оцелот, с мордой такой же седой, как шкура кабана. Он сжимал рукоять двуручного меча с красивой гравировкой, никак не вязавшегося с бросовым вооружением шайки. Однако он не поднимал тяжеленное оружие, а волок его по земле, безжалостно тупя лезвие о камни. Вся эта пестрая гоп-компания рычала, шипела, бормотала и таращилась на потенциальную добычу, ожидая, когда самый отважный сделает первый шаг.

— Ну ладно.

Оцелот, волоча массивный меч, прошел мимо капуцина. Он смахивал на вожака — возможно, благодаря своему внушительному оружию. Правда, на этом фоне совершенно убого выглядели драные бурачные шорты и жилетка со множеством кармашков. Золотой галун на жилетке оторвался по меньшей мере в двух местах. Складывалось впечатление, что оцелот, как и его спутники, знавал лучшие времена.

— А ну, отдавайте все ценное, и, может быть, тогда мы оставим вас в живых.

Мадж красноречиво поднял над головой лук с натянутой тетивой.

— Поворачивайте оглобли, и, можа, тада мы оставим в живых вас. Этот высокий человечище — Джон-Том Меривезер, самый знаменитый и популярный чаропевец во всем Теплоземелье. Канайте отсюда, пока не поздно, пока он всех вас не превратил в навозных жуков.

— Чаропевец? Да что ты говоришь? — Заметно прихрамывающий капуцин посмотрел на Джон-Тома в упор. — А я, между прочим, уверен, что чаропение — это выдумки.

— Ты так не спеши, — вышел вперед мандрил. Джон-Тому показалось, что у него усталые глаза. Примат зевнул, показав впечатляющие желтые клыки. — Я вроде бы о чаропевцах что-то слышал.

— Фе! — фыркнула белка. — Табил, что бы ты смыслил в магии? Ты ведь почти ни на что не обращаешь внимания.

— Он и читать-то не умеет, — добавил енот для ясности.

Мандрил погрозил злословам пальцем.

— Да, я и правда не умею читать, но зато я слушаю, а не трещу без умолку. А тот, кто умеет слушать...

— А ну, всем заткнуться! — прорычал оцелот. Спорщики погрузились в молчание, видимо, сердить вожака никому не хотелось. — Вы снова позволили себя отвлечь. Сколько раз я предупреждал! — Он повернулся к Джон-Тому и Маджу — те, пожалуй, не испытывали страха, только настороженность: — Ну, давайте, складывайте все ценное!

Расхрабрившийся выдр поднял маленький, но опасный лук.

— Не надейся, остроухий. — И добавил, обращаясь к Джон-Тому: — Ну, шеф, валяй, покажи, на че способен. Создай-ка орду призраков-кровососов, пущай превратят этих хмырей в ходячие скелеты.

Но пылкая просьба нисколько не разрядила грозную атмосферу, которая ощутимо сгущалась над разношерстной оравой.

Под пальцами Джон-Тома зазвенели струны.

— Боюсь, я не успею сочинить ничего подходящего.

— Ладно тебе, ты всегда так говоришь, — шепотом убеждал его Мадж сквозь усы. — Да и не надо перенапрягаться, в самом-то деле. Ты тока погляди на эту гопоту! У них и так поджилки трясутся. Нагони на них страху, и они зададут стрекача, верняк.

— Твоими бы устами... — колебался Джон-Том. — У них подавляющее превосходство в числе, а я уже не так ловко машу мечом, как раньше.

— Поэтому мой тебе совет: лучше пой.

Выдр держал лук наготове. Джон-Тому еще не случалось прибегать к своим талантам в обстановке, требующей мгновенных решений, но извлекать из дуары внушительные звуки он не разучился. Первая же попытка возымела действие на бродячие аккорды — они заметались, затрепетали, точно от боли. Впрочем, их реакция мало отличалась от реакции Маджа и остальных.

Однако не подлежало сомнению, что игра возымела кое-какое действие. Джон-Том хорошо помнил, что чаропение не раз вовлекало его в беду. Поэтому он не решился звать на подмогу армию свирепых демонов, надеясь, что обойдется одним скромным призраком. Бандиты не смахивали на героев — убедившись, что действительно имеют дело с волшебником, они скорее всего обратятся в бегство.

По ту сторону костра между разбойниками и путешественниками в воздухе начало прорисовываться нечто. Всех, кроме оцелота, это заставило отступить. Вожак отважно держал позицию.

— Фокус! Вы что, не видите? Это все дым и свет! — кричал он убоявшимся товарищам. — Да любой карнавальный факир так умеет!

— Нет, ты п-погляди! — заикаясь, проговорил енот. — Т-ты т-только п-погляди!

В ревущем клубящемся сиянии, что исторгалось из корпуса дуары, постепенно сгущался некто коренастый и упитанный. Сопутствующий дым начал рассеиваться, и Джон-Том разглядел филина в чистеньком, отутюженном сером костюме в тонкую полоску. Прекрасно подобранный галстук, цепочка от карманных часов и очки в роговой оправе довершали и украшали солидную внешность. Филин вовсе не был великаном — даже поменьше белки.

Оцелот одобрительно кивнул Джон-Тому.

— Выходит, я ошибался. Очевидно, такие существа, как чаропевцы, и правда существуют на свете, и ты принадлежишь к их числу. — Он оскалил в ухмылке острые зубы. — Просто ты не очень сильный чаропевец. — Он махнул лапой, подзывая приятелей. — Ну, видите, бояться-то нечего. Призрак даже не вооружен.

— Нет, погоди! — Капуцин неистово замахал лапами на ринувшихся вперед приятелей. — У него что-то есть! Точно!

Филин убрал крыло за спину, а когда оно снова появилось, его хваткий краешек держал ручку тонкого портфеля из лоснящейся черной кожи. Птица грозно потрясла своей ношей перед оцелотом.

Тот рассмеялся — это больше походило на визгливый кашель — и с заметным усилием поднял массивный клинок.

— Сначала я разберусь с этим пернатым щеголем. — Его глаза сверкнули пламенем костра. — Потом, чаропевец, отрублю тебе ноги. Мы с тобой поступили, как порядочные, дали шанс. А теперь — да прольется кровь!

— Ну, разумеется. — Глядя сквозь толстые линзы очков, филин порылся в портфеле. — Но прежде чем вы приступите к перечисленным действиям, соблаговольте заполнить вот это.

Оцелот застыл, растерянно глядя на бумагу.

— Что заполнить? Ты о чем, привидение?

— Форма ХЛ-3867-Б1, — вежливо объяснила птица. — Санкционирующая неспровоцированные акты агрессии и нанесение увечий не более чем шести и не менее чем одному невинному путешественнику. Уверяю вас, сюда входит соответствующая попытка ограбления или мародерства.

— Мне ничего не надо заполнять, кроме своего кошелька, — прорычал котяра, — и мы всегда прекрасно обходились без каких-то там вонючих форм. — Тут он вновь поднял меч. — Я набью матрас твоими перьями.

Филин шустро полез в портфель.

— А коли так, — заявил он, размахивая на этот раз целой кипой прошитых листов, — настоятельно советую прочитать три официальные брошюры, предупреждающие о неизбежном нака-

зании за вышеупомянутое нападение и нанесение увечий без предварительного заполнения формы ХЛ-3867-Б1. Если вы откажетесь это сделать, ваша лицензия на размахивание оружием с целью причинения увечий будет автоматически аннулирована согласно соответствующим параграфам регламентирующего эти действия положения.

Слегка обалдевший оцелот колебался, клинок оттягивал его лапы.

— Далее, — продолжал филин, снова зарываясь в бездонный портфель, — есть и другие относящиеся к делу бланки, и вам надлежит заполнить их, прежде чем вы приступите к каким бы то ни было действиям агрессивного характера, а также бланки со сведениями о родственниках обеих конфликтующих сторон, на случай умерщвления в ходе означенных действий. — Он поправил на клюве очки. — Кроме того, я настоятельно рекомендую подготовить декларацию о влиянии на окружающую среду в связи с бесспорной вероятностью загрязнения этого девственного озера кровью и иными нечистотами. Это избавит вас в будущем от множества проблем.

И, прищурясь, филин посмотрел на всю компанию.

— Разумеется, каждому из вас также необходимо оформить индивидуальный пакет документов. Не волнуйтесь, это всего лишь рутинная юридическая процедура. — Он снова повернулся к вожаку: — Еще вы обязаны представить в трех экземплярах формы 287-Б и В, дающие вам эксклюзивные права на подлое нападение сзади, удар исподтишка и прочее, чему вы можете подвергнуть этих путешественников.

У оцелота между тем намертво остекленели глаза. Он слегка покачивался и уже не мог ни поднять жуткий меч, ни обратиться в бегство. Так и стоял, а филин знай себе бубнил и извлекал из портфеля пачки новых бланков. И вот уже одуревший хищник задыхается, скрывшись с головой под растущей горой белой бумаги с редкими вкраплениями желтых и розовых анкет.

— Форма четыреста двенадцать, регламентирующая процедуру разделки, — зудел филин, — категорически требует, чтобы в течение двадцати четырех часов жертва была расчленена не более чем на одиннадцать и не менее чем на три части.

Из-под горы анкет слабый голос с отчаянием взывал о помощи. И, возможно, молил о пощаде. Бумага глушила звуки, так что Джон-Тому не удавалось разобрать слова.

Возглавляемые старым мандрилом остатки шайки подались вперед, на выручку главарю. Но бланки нагромождались быстрее, чем разбойники успевали их отгребать. Могучий поток деклараций, заявок и контрактов ширился, пока вся компания не оказалась заваленной ими. Бумагопад пошел высокими барашковыми волнами, погасил костер и сбросил наземь ужин путешественников.

Неизменно любопытный Мадж ринулся вперед и выхватил из груды одну бумажонку.

— Здеся говорится, че мы подозреваемся в попытке открыть ресторан без лицензии. — Он метнул на Джон-Тома предостерегающий взгляд: — Можа, пора намекнуть этому клепаному чинуше, чтоб унялся, а, кореш?

— Я уже не играю.

Чаропевец поймал себя на том, что отступает к озерцу — бланки подкрадывались к его ногам. Филина уже не было видно, однако голос его слышался. Бюрократический бубнеж раскатывался зловещим эхом по склонам каньона. Мадж схватил снаряжение, бросил Джон-Тому его котомку и затем потянул товарища за рукав.

— Айда, кореш.

— Что? — пробормотал Джон-Том, у которого уже стекленели глаза. И тогда Мадж укусил его.

— Ай! — рассердился человек. — Ты что, спятил?

— Оно за тебя взялось. Чертовски тонко действует, зараза.

Выдр не столько вел, сколько тащил друга за собой.

Озадаченное, но довольное тем, что провожатые снова тронулись в путь, облачко-сиротка летело впереди.

— К счастью, я слишком туп для такой магии, она меня не пронимает.

Выдр семенил, выбирая дорогу полегче.

Вскоре они выбрались из ущелья. Джон-Том помогал своему коротконогому приятелю одолевать крутые участки, а Мадж поднимался по узким трещинам, недоступным для человека, и сбрасывал сверху веревку, чтобы тот мог взобраться на очередной выступ. Понукаемые страхом за жизнь, они вскоре оказались над каньоном. Ущелье продолжало заполняться анкетами и бюллетенями; там уже колыхалось настоящее море бумаги. Листки подбирались к верхнему краю оврага, цеплялись за корни перепуганных деревьев. Откуда-то снизу погребенный филин знай себе выкрикивал все новые требования и предупреждения. Бандитов было не видать и не слыхать, они сгинули в зыбучих песках меморандумов и циркуляров. Мгновение спустя Джон-Том услышал — или ему показалось? — как филин заключил с ужасающим занудством:

— ...К сожалению, сим исчерпывается перечень требований на сегодняшнее число. Но только на сегодняшнее, ведь завтра оно будет уже другим. — Филин многозначительно хихикнул. — Новый день — новые бланки.

Мадж вытягивал шею, пытаясь заглянуть в ущелье.

— Е-мое! Кореш, а ведь ты не всегда даешь маху.

— Я не думал, что это может так далеко зайти. Просто хотел их... припугнуть.

Выдр задумчиво качал головой.

— Бедные педики! Какая страшная казнь! Это ж надо — забюрократчены заживо! Нетушки, че до меня, то я б куда охотнее предпочел петлю или плаху.

Взвалив на плечи котомку, он двинулся за летучей мелодией, настойчиво манящей странников на юг.

Джон-Том бросил последний взгляд на ущелье, до краев набитое бумажками, и зашагал следом за выдром. Хотя он давно прекратил петь, в мозгу застрял образ исторгающего бланки портфельчика, и не было уверенности, что бумажный поток иссяк и не пустится в погоню за друзьями.

Глава 5

Безмятежно проходили дни, правда, любое белое пятнышко вынуждало странников нервно оглядываться. Они постоянно были начеку. Понимали: где встретилась одна разбойничья шайка, там могут орудовать и другие.

В долгой дороге окрепли мышцы, пошла она на пользу и застоявшимся эмоциям. Конечно, прожитые годы не сбросишь никакими оздоровительными прогулками, но факт оставался фактом: поступь Маджа обрела былую упругость, а у Джон-Тома потихоньку рассасывалось брюшко. С каждым днем человеку и выдру шагалось все легче, все бодрее.

Через несколько суток начали сглаживаться холмы — ни дать ни взять, из надутой кем-то земли выходил воздух. На смену лиственному лесу явились плотные купы кипарисов и туи, тика и красного дерева. Деревья, запеленутые в ветхие знамена меланхоличных лоз, молча следившие за путниками, казались блуждающими мумиями в индиговых покровах. Сплетенные меньшими братьями Броненосного народа тенета пронизывали их кроны.

Ко всему липла великая сырость. Даже земля казалась мокрой губкой. Все чаще встречались непроходимые трясины и вынуждали путников осторожно выбирать дорогу в ширящейся мари. А беспокойные ноты знай манили их вперед.

К счастью, показалась одинокая лента сравнительно сухой и твердой земли. Она сильно петляла, но в целом шла примерно на юг. Если бы не эта случайная тропа, они бы продвигались со скоростью черепахи. Вполне возможно, им бы даже пришлось повернуть назад.

Обнаружив в дикой глуши настоящие ворота, они были изумлены.

Впрочем, ворота эти не являлись шедевром архитектуры. Простая жердина на двух стойках перегораживала тропу. Левый столбик был снабжен шкворнем, а жердь — противовесом, что

позволяло привратнику с легкостью поднимать ее, когда возникала нужда пропустить путешественников.

За воротами огражденная дорожка вела к двум хижинам с деревянными стенами и соломенными крышами.

Пока человек и выдр рассматривали ворота, из большей хижины появился чересчур упитанный медоед в легких кожаных доспехах, вооруженный двузубцем. Вслед за ним семенил трехфутового роста землерой в мешковатой одежде. Морда его носила выражение самое что ни на есть решительное. Джон-Том снисходительно отнес это на счет природного косоглазия, над которым его обладатель, понятно, не был властен. На чуть заостренной голове подпрыгивала коричневая шапчонка.

— Стоять! Ни шагу дальше!

Медоед остановился возле столба со шкворнем, уперев древко двузубца в землю, и поднял тяжелую лапу. Джон-Том и Мадж подчинились приказу.

— Ну, и че у нас тут?

Выдр преспокойно уставился на привратников.

— Тут у нас платная дорога, путешественник! И всяк желающий пройти ею отдает золотой. — Медоед повел вокруг лапой, указывая на негостеприимное болото. — Как вы сами видите и наверняка уже поняли, другой тропы в окрестностях нет.

Мадж подбоченился.

— Целый золотой?! Ну, ни хрена себе, заломили! И че, неужто находятся идиоты, которые платят?

Пока выдр говорил, его острые глаза исследовали хижины-близняшки, лес и болото в просветах между деревьями. Насколько он мог судить, в непосредственной близости не затаилась армия, готовая по первому требованию медоеда подтвердить обоснованность его притязаний. Кроны тоже вроде бы не маскировали группу прикрытия.

Неужели путники имеют дело только с медоедом, землероем и примитивными воротцами?

— Чьей властью вы требуете такую оплату?

Джон-Том, по примеру друга, изучал округу.

Медоед озадаченно заморгал — видно, считал, что ответ самоочевиден.

— Что значит — чьей властью? Разумеется, своей. Это мы соорудили ворота, и мы содержим их в исправности. Как и этот участок дороги.

— Но ведь они никуда не ведут. — Джон-Том указал на столбики с перекладиной. — В сущности, это даже не ворота, а так, одно название.

Над его плечом зависло плотное музыкальное облачко и привлекло внимание землероя, навострившего чуткие уши.

— За что же мы должны платить хотя бы ломаный грош?

— За то, что мы тратим время и силы, а то за что же? — откликнулся медоед. — По золотому с носа, иначе не пропустим.

Джон-Том задумался. Медоед, как и все его соплеменники, выглядел довольно опасным, но проигрывал в сравнении с высоким и сильным человеком.

Землерой и вовсе был страшен только мордой. Путникам доводилось встречать громил в тысячу раз круче.

— На вашем месте я бы не сделал дальше ни шагу.

Землерой сопроводил свои слова взмахом меча с клинком даже покороче, чем у выдра.

— Это почему же, шеф? — насмешливо спросил Мадж.

— Ну-у... — растерянно протянул землерой. — Потому, что мы вложили в эти ворота много труда.

Джон-Том еще раз оглядел препятствие.

— А мне кажется, не так уж и много. Два столбика, перекладина, кусочек толстой проволоки.

— Да ведь вы главного не видите! — Медоед снисходительно улыбнулся. — Например, хитроумно замаскированной траншеи с рядами отравленных кольев на дне.

Джон-Том инстинктивно огляделся. Вроде бы и правда кое-где земля потревожена.

— Дальше подстерегает шеренга глубоких ям, они заполнены хищным мохом, что растет в дуплах некоторых болотных деревьев. Он с удовольствием накинется на вас и высосет кровь до последней капельки. За ямами вас ждет второй потайной ров. Он помельче, но очень широк, и пересечь его совсем не просто. И, наконец, мы вырыли и замаскировали пруд, где кишат рыбы цапцапы, пойманные нами с великим риском для жизни. Если свалитесь туда, они сдерут все мясо с костей еще до того, как вы успеете повернуть к ближайшему берегу, — присовокупил медоед и удовлетворенно крякнул. — Ну а если ухитритесь-таки, что очень и очень сомнительно, пройти через все препятствия, тогда вам придется иметь дело с нами. — И он грозно взмахнул двузубцем. — Пусть мы не обладаем внешностью могучих воинов, но и вы, пока дойдет до рукопашной, так ослабнете, что и писклявого детеныша не одолеете.

Джон-Том, изучив территорию, наклонился и шепнул спутнику:

— У тебя глаза поострей моих. Что-нибудь заметил?

— Заметил, кореш, заметил. Между нами и клепаным шлагбаумом земля обработана будьте-нате! Кажись, я вижу первую траншею и ямки с мохом. С учетом этого нет причин сомневаться в наличии закамуфлированного аквариума.

Джон-Том повел хмурым взглядом по невинной с виду тропе.

— Что ж... Надо заплатить, иначе они не покажут проход.

— Ага. Рэкет, старый как сам мир. Када-то я и сам им при случае баловался. Тока я тебе, шеф, вот че скажу: в данном конкретном случае не надо быть офигенным экспертом, чтоб слабину узреть.

И с этими словами выдр решительно направился вперед.

Джон-Тома это застигло врасплох, и он не сразу догнал товарища. Мадж легко увернулся от протянутой руки человека.

— Берегитесь рва с ядовитыми кольями! — предостерег вдогонку им медоед. — Опасайтесь ям, откуда нет выхода!

Мадж резко свернул вправо и как ни в чем не бывало зашагал дальше. Так и шел, шаря взором по земле, пока не очутился на краю первой моховой ямы. Там он снова повернул, но дальше продвигался уже по мокрой полузатонувшей колодине, пока не очутился за воротами. Затем проделал весь путь обратно и остановился в нескольких ярдах от медоеда и землероя, со сложенными на груди лапами прислонясь к столбику врат.

— Моей вежливой натуре претит совать нос не в свое клепаное дело, — сообщил он вытаращившим глаза вымогателям, — но как тут удержишься от мудрого совета: не пора б вам, кореша, подумать о смене профессии?

Медоед без предупреждения развернулся и саданул землероя по узкому длинному рылу.

— Болван! Я ж тебе говорил, ничего не выйдет!

Землерой устоял и наклонил голову, зло глядя на взбешенного сообщника.

— Не ори! Моя идея тут ни при чем, все из-за твоего убогого исполнения!

Ярость медоеда сразу поостыла.

— Что ж, признаю: некоторые нюансы я не учел.

— Я любопытный, вот так, — сообщил Мадж, когда Джон-Том, шагая следом за ним, осторожно перебрался через моховую яму. — Скажите, други, как вы еще с голоду не околели?

Землерой возмущенно засопел, медоед же устало повернулся к выдру.

— Некоторые платят золотой, если не уверены в себе или боятся. Чаще мы торгуемся и сбавляем цену. Но еще чаще попадаются бывалые путники вроде вас, они быстро замечают несообразность.

— Да тут большого опыта и не нужно, — заметил Мадж. — Достаточно иметь хотя б горсточку мозгов.

Медоед оглянулся на своего товарища:

— Может, ты наконец перестанешь сопеть?

Землерой послушался, но всем своим видом излучал непокорство.

— Фемблоч, чего ты от меня ждал? Я землерой как-никак.

Медоед кивнул и, приосанясь, обратился к Джон-Тому.

— Пошлину с вас взять не удалось, но как посмотрите на то, чтобы приобрести у нас некоторые сведения? Или вам уже знаком этот маршрут?

Можно было только диву даваться, с какой быстротой наглый разбойник превратился в обходительного коммерсанта.

— Пожалуй, не будет особой беды, ежели мы признаем, че в тутошних местах нам еще не доводилось ошиваться. — Перед носом выдра нетерпеливо, как, впрочем, и всегда, приплясывал и гудел рой музыкальных крапинок. Мадж раздраженно отмахнулся. — Мы за мелодией чапаем, вот так. Она вполне уверена в себе, да тока не больно-то щедра на объяснения.

— Вот как? — улыбнулся медоед. — В таком случае мы могли бы предложить кое-что ценное.

— Можа быть, начальник, можа быть. Да вот тока, знаешь, у меня сомнения, че твой товар на два золотых тянет.

Медоед успокаивающе всплеснул лапами.

— Ну, что вы! Мы не собираемся жульничать.

— Мадж, ты как? — спросил подошедший Джон-Том.

— Я-то? Отлично, мы классно ладим с этими чуваками.

Землерой посмотрел на человека, возвышавшегося над ним, как могучий дуб, и произнес, будто оправдываясь:

— Вы же нас не осуждаете, а?

Перестав заниматься вымогательством и грозить всевозможными экзотическими казнями, Фемблоч и землерой по имени Тэк оказались вполне свойскими парнями. Тэк исчез в хижинке и через секунду появился снова с кружками и пузатым кувшином ароматного туземного чая с щедрой примесью сладкого тростникового сока. К сему прилагался ручной работы поднос из прозрачного дерева мульвара, а на нем — гора желтого и белого печенья. Землерой смущенно предложил гостям отведать угощение.

— Сказать по правде, мне убийства и грабежи не очень-то по нутру, — взял он вдруг задумчивый тон. — Открыть бы большую красивую пекарню, вот о чем мечтаю.

— Да, шеф, ты явно не за свой гуж взялся.

Мадж без колебаний приступил к уничтожению липкой сладкой выпечки.

За чайком путники позволили втянуть себя в незлобивый торг и согласились уступить скромную сумму в обмен на информацию о лежащей впереди стране. Не то чтобы эти сведения нужны были до зарезу — просто Джон-Том сжалился над горе-рэкетирами. Разумеется, Мадж был категорически против. Разлучаться с деньгами без крайней необходимости — хуже, чем отдавать кровь, считал он.

— Потеря крови завсегда сама восполнится, — с негодованием объяснял выдр другу. — А вот золотишко так легко не дается.

— Да, Мадж, ты у нас сама щедрость. В любых обстоятельствах.

— Не, чувак, тока када не я даю, а мне дают. Тада беру не скупясь.

— Дальше нас с Тэком на болотах никто не живет, — уверил путешественников медоед.

— Дураков нет.

Мадж философски кивнул.

— Ценное наблюдение. — Джон-Том хлебнул крепкого чаю и обратился к новым знакомым: — Но *вас-то* как угораздило забраться в этакую глушь? — И предположил, сдерживая улыбку: — Вряд ли в погоне за выгодой.

Медоед и землерой переглянулись.

— Видите ли, в городах к югу отсюда мы... как бы это выразиться... исчерпали лимит гостеприимства, вот и пришлось искать убежище, а заодно начинать все с чистого места. Дело это для нас непривычное и, как видите сами, совсем не прибыльное.

— Чертовски верно сказано! — Мадж отставил тарелку и наклонился вперед. — Послушайте меня, кореша, я дурного не посоветую. Че вам надо, так это не совершенствовать свои хитромудрые, но бесполезные ловушечки, а внушать путешественникам страх...

— Мадж!

Джон-Том неодобрительно посмотрел на выдра.

— Прости, чувак. — Мадж выпрямил спину. — Ты ж знаешь, как мои клепаные старые мозги устроены. Разве тут удержишься от соблазна поделиться жизненным опытом? Вдобавок не похоже, че ребятам нравится грабить и калечить. И дорогу они содержат в чистоте и красоте, верняк.

Неожиданно Тэк подскочил, расплескав чай, и неистово замахал лапами на пестрые нотки, затеявшие с неподдельным интересом витать вокруг его хвоста.

— Что это за магия?

— Это не совсем магия. — Джон-Том взял еще одно отменное печенье. — Всего лишь музыка.

— Нет, это не просто музыка. — Нервно косясь на звучащее облачко, землерой вернулся на прежнее место. — Не люблю привидений. Подчиняться их не заставишь, пошлину не стребуешь.

— Да, с духов взятки гладки, — согласился чаропевец.

Мадж перестал наконец чавкать.

— Пора в дорогу. Че нас ждет впереди, а, чуваки? Небось зеленые нивы и глубокие чистые реки?

— Зелени будет вдосталь, — сухо ответил медоед. — А куда вы путь держите?

— Эх, шеф, кабы знать. — Выдр покосился на музыкальное сопровождение. — Мы следуем за музой, можно и так выразиться.

— Она довольно твердо держит курс на юг, — глядя на звонкое облачко, пояснил чаропевец. — Хочет от нас помощи, да только какой — вот вопрос.

— Очень, очень странно, — прошептал медоед. — Говорите, аж с того берега Вертихвостки идете? Слыхал я о вашей стране, а вот побывать там не сподобился. Позвольте спросить, зачем вы взялись за такое странное дело?

Подумав немного, Джон-Том ответил:

— Из любопытства. Решили выяснить, что движет отрывком музыкального произведения.

— Но как это может быть, чтобы музыке понадобилась чья-то помощь?

У Тэка серый лоб пошел морщинами.

— Сказать по правде, мы об этом почти не думали, — признался Джон-Том. — Просто взяли и пошли следом. Мне казалось, что так будет правильно. В фигуральном смысле я чуть ли не всю жизнь иду за музыкой. — Он кивнул на облачко. — Но в прямом — первый раз.

Землерой энергично закивал.

— Теперь понимаю. Вы оба — чокнутые. Это многое объясняет.

— Тэк, полегче! — Фемблоч заерзал и обратился к Джон-Тому: — Если будете двигаться в прежнем направлении, то вскоре попадете в дельту Карракаса. Там труднопроходимые болота и бесцельно текущие реки, а жителей — кот наплакал. Идеальное местечко, чтобы затеряться. Что мы с Тэком и сделали.

— А что вы можете сказать об этой дороге? — спросил чаропевец.

— О дороге? — Медоед хохотнул — звук вышел густой, хриплый. — Да никакая это не дорога. Всего лишь возвышенный участок болота, естественная тропа. Стократ прерывается и разветвляется, а в дельте и вовсе пропадает. А дельта, между прочим, полна неведомых и дивных опасностей. Лучше бы вам прямо здесь повернуть обратно — здоровее будете.

— Начальник, знал бы ты, где мы с моим музыкальным корешем тока не бывали! — с гордостью изрек Мадж. — И чего тока не насмотрелись! Не подумай, че я какой-нибудь маньяк-авантюрист и ищу приключений себе на задницу, но удивить нас с Джон-Томом оченно затруднительно, вот так.

— Если вы столь же удачливы, сколь и самоуверенны, то я за вас спокоен, — уступил Фемблоч. — А как вы собираетесь поступить, достигнув оконечности дельты?

Джон-Том захлопал глазами — вопрос застиг его врасплох.

— Что вы подразумеваете под оконечностью дельты?

Медоед выразил удивление:

— Как — что? Дельта вбирает в себя все притоки Карракаса, а его воды попадают в океан Фарраглин.

— Новый океан. — Джон-Том повернулся к Маджу: — Я только Глиттергейст знаю.

Выдр молча кивнул.

— Слыхал я о вашем Глиттергейсте, — пробормотал Фемблоч. — Но не посещал, увы. И не могу судить, шире он Фарраглина или уже. Знаю только, что другого берега не видать и за день туда не доплыть. Сам-то я не любитель морских прогулок и

никогда не стремился изучить просторы океана. Считайте, что вам несказанно повезло, если доберетесь хотя бы до городка под названием Машупро. Для этого надо уберечься от мерзопакостной живности и преподлейшей растительности.

— Не говоря о любезных местных мздоимцах, — с ухмылочкой вставил Мадж.

— И они будут. — Фемблоч ничуть не обиделся. — О Машупро что-нибудь слышали?

— Никогда, — ответил Джон-Том. — Вообще ничего не знаю об этой части света.

— Машупро — город не из больших, зато очень своеобразный, — сказал Тэк. — Мы бы там и сейчас жили, если бы...

Глянув на медоеда, он скомкал фразу.

— В дельте хватает всякого-разного, — продолжал Фемблоч. — Вместилище таинственного и удивительного...

— И вонючего, — наморщил нос Мадж.

— И как же нам попасть в этот ваш Машупро? — поинтересовался человек.

Медоед расправил плечи.

— Он стоит на краю суши. Там, где дальше к югу идти нельзя, а можно только плыть — вот там его и найдете.

— Но ведь куда музыка, туда и мы.

Землерой хмыкнул:

— Коли так, молитесь, чтобы она привела вас в Машупро. Это единственный очаг цивилизации. Других городов в дельте нет, ни больших, ни маленьких. А если понадобится плыть через Фарраглин, ищите, на чем.

Фемблоч кивком выразил согласие.

— В дельте вы обнаружите только крохотные деревушки, живет в них народ невежественный, косный, отсталый, кормится тем, что болота пошлют. Помочь вам туземцы не помогут, а вот нашкодить при случае — это пожалуйста.

У Джон-Тома появилась идея.

— А вы бы не согласились проводить нас до Машупро? Понятное дело, не за так.

Медоед ответил без колебаний:

— К сожалению, нет. У нас тут предприятие, оно требует присмотра, вы сами указали на это со всей прямотой. Да к тому же нам в диковинку профессия проводников. Ну и, кроме того, кое-где в дельте, не говоря уже о Машупро, наше появление не вызовет бурной радости. Скорее, это будет ничем не оправданная истеричная враждебность. Нет, уважаемые путешественники, лучше вам рассчитывать только на собственные силы. Ступайте за своей музыкой и надейтесь, что она не заведет в тупик.

Джон-Том посмотрел на непоседливые аккорды.

— А вы что скажете? Сдается мне, городок Машупро не стоит на вашем пути.

Облачко заколебалось, сменило темп и громкость — вот и гадай, как это понимать. Да и есть ли, что понимать?

— Такой путь! — изумлялся Фемблоч. — От самой Вертихвостки! Просто за музычкой — посмотреть, куда она приведет! Это ж надо!

— Да, чтоб меня! — саркастично подтвердил Мадж. — Рисковать шкурой на каждом шагу по такой вот, с позволения сказать, причине. Мы на подобных делах, по сути, карьеру клепаную сделали, язви ее.

Джон-Том не сдержал ухмылки.

— Мой короткошерстый друг — пессимист по натуре.

— Станешь тут пессимистом. — Мадж ухмыльнулся в ответ. — Поведешься с бродячим чаропевцем — забудь о здравом смысле навсегда.

— Так вы правда чаропевец? — не без скепсиса, но уважительно осведомился Фемблоч.

— Правда, — гордо ответил Джон-Том.

— Чего бы я только не отдал, чтобы воочию увидеть такое волшебство!

— Ну, это как раз несложно.

Джон-Том потянулся за дуарой.

— Э, чувак! — всполошился выдр. — У нас тут че, благотворительная раздача?

— Я что-нибудь простенькое сбацаю. — Охваченный великодушием, чаропевец неспешно перебирал струны и задумчиво глядел на медоеда. Блуждающие аккорды сбились в плотную стайку, как будто Джон-Томова игра их встревожила. — Будем считать это платой за ваше непредусмотренное гостеприимство.

Медоед, косясь на Маджа, почесал подбородок.

— Помнится, ваш друг что-то говорил о повышении рентабельности нашего предприятия.

— Отнимать деньги у наивных и ни в чем не повинных путешественников? — нахмурился Джон-Том. — Тут я вам не помощник!

— Близ Карракаса таких не встретишь, — возразил Тэк. — Наивные и ни в чем не повинные сюда не забредают.

— И тем не менее! — не желал уступать Джон-Том. — Просите что-нибудь другое.

Фемблоч лихорадочно соображал:

— Может быть, ворота сделать повнушительнее... То есть не страшнее, а... Им бы побольше респектабельности, чтобы путешественники могли оценить наши труды и по доброй воле спроспешествовать... А еще, будь у нас возможность предлагать кров и пансион... — Он посмотрел на друга: — Как вам уже известно, Тэку нравится стряпать.

— Мысль понял.

Успокоенный Джон-Том несколько минут перебирал в голове мелодии и тексты, а затем заиграл и запел:

Я вам пою «Машупро-блюз».
Я долго брел тропою муз,
Мечтая скинуть тяжкий груз
И отдых дать усталым членам
Под кровом добрым, вожделенным.
Чтоб не разбилась та мечта
О ваши хлипкие врата,
Пускай созиждется портал —
Бетон, стекло, неон, металл —
Приют скитальцам утомленным!

Мадж на первых же аккордах зажал лапами уши. Блуждающие ноты кружили окрест взбесившимся тайфуном. Тэк кривился, и даже Фемблоч, похоже, подумывал, не свалял ли он дурака со своей просьбой.

На вытянутой морде медоеда играли отблески лучезарного сияния. Он с благоговением, а потом и с восторгом наблюдал чаропение в деле. Тем же занимался и Тэк, хотя вынужден был, глядя на сияние, прищурить очень чувствительные глаза. Джон-Том разливался соловьем, а Мадж тщетно разыскивал мох, годный на затычки для ушей.

И когда путники попрощались наконец с двумя неумелыми и невезучими вымогателями, они оставили за собой ворота повнушительнее плюгавых столбиков с перекладинкой. Сооружение изгибалось аркой над узкой и относительно сухой дорожкой и погружалось в болото по обеим ее сторонам. Устремленный ввысь мрамор, казалось, светился изнутри. Стрельчатый проход был облицован листами золота, с ними состязалась в красоте мозаика из полудрагоценных камней. Над воротами воздух пронзали красный, синий и желтый лучи прожекторов, а между ними мигало десять тысяч лампочек, выстроившихся в слово «ПРИВАЛ». Под аркой проносились туда-сюда мультяшные херувимчики и жестами предлагали гостям снять ношу с натруженных спин и передохнуть. На флангах возвышалась пара конических башен, над каждой висела плененная тучка, посверкивающая голубыми молниями.

Столбики с перекладиной исчезли, их заменила поперечина, сплетенная из прозрачных неоновых световодов. И горела она так ярко, что слезились глаза. Сияние архитектурного ансамбля можно было увидеть отовсюду за много миль даже в погожий полдень.

— Вот это ворота! — сказал, глядя из-под ладони, Тэк.

— За такое чудо мы у вас в долгу, — добавил Фемблоч. — Позвольте выразить сердечную благодарность.

— Правда класс! Вульгарно до невозможности.

Мадж не без гордости за друга пялился на монумент безвкусицы.

Джон-Том был не так уверен в успехе.

— Кажется, я слегка перестарался.

— Че? Переборщил с чарами? — Выдр был сама ирония. — Исключено, кореш. Можешь успокоиться, хреновина получилась как раз на мой вкус.

— Неужели такая гадость?

— Все же вам бы лучше повернуть обратно, — не удержался от прощального совета Фемблоч, когда путники собрались идти дальше.

Мадж бросил через плечо:

— Да ну тя, шеф! Ежели мы начнем из-за любого пустяка поворачивать оглобли, то никуда больше не попадем, разве че туда, где уже побывали.

Медоед с землероем остались раздумывать над этим глубоким изречением, а человек и выдр пошли к югу.

— Мадж, скажи честно, — попросил Джон-Том, когда ворота остались позади, — неужели действительно дрянь получилась?

— Че ты, чувак! Воротца — просто блеск. Шедевр пошлятины, вот так! Отличная работа, в лучших традициях твоего чаропения.

Еще долго видели они на севере, над верхушками деревьев, свет помпезных прожекторов.

— Я старался придумывать стихи попроще. Впрочем, неважно. Рано или поздно у заклинания иссякнет сила. Но, глядишь, до тех пор наши экс-привратники найдут себе поприще достойнее.

— Экс? Чувак, я не понял, че значит — экс?

Глава 6

Мадж доказывал, что Джон-Том выбрал не то слово, и они еще долго спорили, мечами прокладывая себе путь в зарослях. Час от часу ходьба по низинам отнимала все больше сил — дорога неуклонно портилась, сухие участки стали редкостью. Не солгали Фемблоч с Тэком — чем-чем, а своей труднопроходимостью болото могло по праву гордиться.

Выдр, прорубая тропу, столько же энергии тратил на брюзжание. Подумать только, Мадж Неподражаемый, Мадж Изобретательный, Мадж Проворный подался в лесорубы, чтоб его туповатый бесшерстный дружок мог шлепать по непролазной болотине за какой-то бездомной, а можа, и безумной компашкой клепаных нот! А компашка, не обращая внимания на его жалобы, знай себе сосредоточенно тренькала-бренькала поблизости. Звуки получались довольно приятные, но вовсе не помогали торить тропу по болотным хлябям.

Джон-Том, знавший каждое ругательство в солидном арсенале приятеля, пуще глаза берег хорошее расположение духа. Не так-то просто быть веселым, когда спереди и сзади по тебе ручьями льется пот, а одежда — хоть выжимай.

— Мадж, а ну-ка, выше голову! Где же знаменитый несокрушимый выдров дух?

И играючи хлопнул плашмя по хвосту товарища испачканным в зеленом соке мечом.

— Слушай, ты, загадка драная, шла б ты, а?

Мадж и сам замахал клинком, только не на друга, а на музыку — сейчас она выглядела бледно-розовым пятнышком на зеленом фоне. Она не отреагировала на меч, прошедший сквозь нее, однако зазвучала определенно меланхоличнее.

— Зря ты так, — упрекнул выдра Джон-Том. — Думай лучше о чем-нибудь хорошем. Например, о том, сколько еще незнакомых стран мы с тобой увидим.

— Эхма, и че б мне не остаться дома, в коечке? — ворчал Мадж, вглядываясь в густые заросли. — Ежели весь неизученный мир такой же зеленый, я б лучше сидел у Виджи в садике — поумнел бы не меньше, чем в этих распоганых странствиях.

— Где же твое неутолимое любопытство? Я-то думал, оно тебя еще не покинуло. — Чаропевец рубанул, расчищая путь. — Нелюбознательный выдр — это алогично.

— Зато усталый, тоской заеденный — рядовое явление.

Мадж поддернул спустившийся рукав.

Джон-Том, шедший теперь впереди, оглянулся на друга.

— Я-то думал, что хорошо тебя знаю, а ты...

Он не договорил. Неудачный мах клинком лишил его равновесия, и он, ойкая и чертыхаясь, кубарем покатился с неприметного обрыва. К счастью, коварный склон оказался не широк и не крут, и все же Джон-Тому некогда было беречься — он спасал бесценную дуару, не выпуская при этом из правой руки острого меча.

Наконец он достиг дна оврага; его сокровища, похоже, не пострадали. Последний кувырок — и Джон-Том ударился обо что-то мягкое, и это «что-то» не было представителем флоры. Оно ахнуло от неожиданности и отскочило.

— Тревога! — раздался крик. — Лесные разбойники! К бою, солдаты Харакуна!

Пока Джон-Том кое-как поднимался на ноги, он переваривал неожиданную информацию — тоже кое-как. Дуара осталась цела и невредима, чего нельзя было сказать о его достоинстве.

Позади раздался знакомый, даже привычный возглас: «Береги задницу!» — а затем мимо пронеслось пятно орехового цвета, увенчанное зеленой шляпой. Засим последовал лязг — выдр отразил удар, предназначенный левому колену его товарища.

Джон-Том едва успел стереть с глаз болотную жижу, чтобы

парировать второй выпад, и это позволило Маджу заняться собственными проблемами. Отскочивший от его клинка меч был совсем коротенький — пародия на настоящий.

Противник Маджа оказался жилистым, как выдр, но пониже ростом. Упакованное в серую кожаную кирасу с синеватыми стальными полосками и такой же шлем, коротконогое существо проявляло недюжинную ловкость. Оно имело удлиненную морду, сравнительно небольшие уши и длинный тонкий хвост, служивший балансиром при метании всего прочего из стороны в сторону. Окрас был светло-серый с шестью бледно-коричневыми полосами на спине. Сверкая маленькими, но острыми зубами, незнакомец смело размахивал мечом перед высоченным человеком. Усы торчали не только из носа, но даже изо лба над глазами, как у многих пород кошек. Но в том, что перед ним не кошка, Джон-Том был уверен.

К воинственному созданию бросились от костра еще три таких же, второпях роняя оружие и доспехи. Численный перевес неприятеля Джон-Тома не смутил, он знал цену своей силе, особенно грозной вкупе с ловкостью Маджа. Пожалуй, шансы были равны.

Видя, что его спутник благополучно поднялся и принял боевую стойку, выдр обогнул человека и встал впереди. Это позволяло защищать ноги Джон-Тома, а тот благодаря длинным рукам и соответственной величины клинку будет держать врагов на безопасном расстоянии. В близком бою выдр не успел бы пустить стрелу, а человек — подготовить и исполнить подходящую чаропеснь.

Встретив серьезный отпор, нападающие отступили и встали полукругом с оружием наготове. Один жадно посмотрел на аккуратную пирамиду из красивых алебард у костра. Все лезвия были разными — похоже, вышли из мастерской искуснейшего оружейника.

— Полосатые мангусты, — сказал Джон-Том, получше разглядев грозную четверку.

— Ага. Из тех немногих, кто заставит выдра попотеть, бегая с ним наперегонки. Ты, чувак, будь поосторожнее. Это тебе не жалкая шайка оборванцев. Держу пари, корешам не в диковинку профессиональная работа.

Некоторое время все молчали, только бегали черные глаза: то на человека уставятся, то на выдра. Мангуст, стоявший ближе всех к костру, бочком двинулся в сторону алебард. Разгадать его намерение было легче легкого. С помощью этого оружия низкорослые мангусты надеялись лишить человека его преимущества в рукопашном бою.

Чего, естественно, Джон-Том с Маджем допустить не могли.

Напавший первым носил на шлеме и плечах лазоревые полосы, его кираса была украшена спиральным узором, вдобавок он командовал. У остальных не было заметно знаков отличия.

— Чего вы боитесь? — рявкнул он на солдат. — Это же всего-навсего человек и выдр!

Солдат слева от него пристально глядел на Джон-Тома.

— Да, но человек-то вон какой *большой*!

— Давайте-ка мы все успокоимся. — Джон-Том опустил меч. — Мы никому не желаем зла. Мы обыкновенные путешественники в диком краю. Такие же, как вы.

— Вы на меня напали! — обвинил офицер.

— Ни на кого я не нападал. Просто не смотрел под ноги, вот и кувыркнулся с обрыва. — Он показал рукой, откуда упал, не сводя глаз с мангуст. — Первый обрыв за несколько дней пути. Простительно, что я его не заметил.

— Вы ж знаете, люди такие неуклюжие, — подхватил Мадж. — Не то че мы с вами.

Офицер колебался, немного опустив меч.

— Очень уж много шума для такого короткого падения.

Джон-Том похлопал по висящей за спиной грязной, но невредимой дуаре.

— Это из-за моего инструмента. Приходится его беречь.

Мангуст вытянул шею, пытаясь заглянуть ему за спину.

— Я по профессии музыкант.

— В самом деле? — Офицер поправил угрожавший съехать на глаза кожаный шлем. — И вы не собираетесь убивать нас или грабить?

— Шеф, да ты че? На кой нам это сдалось? — Мадж замотал головой. — Вас же тута аж четверо, а нас тока двое. И в придачу любой дурак знает, у служивого за душой ни шиша.

— Речной житель говорит правду, — решительно подтвердил солдат, и офицер чуть-чуть успокоился.

Третий мангуст был на голову выше соратников. Он тоже пожелал высказать свое мнение:

— По-видимому, это действительно случайность.

— Соблаговольте принять мои извинения.

Джон-Том убрал меч в ножны и протянул руку.

— Э, чувак, ты полегче! — запротестовал Мадж. — Это ведь и правда ошибочка, кой черт мы должны прощенья просить, ежели...

И согнулся пополам — Джон-Том с улыбкой двинул ему локтем в солнечное сплетение.

— Что ж, это вполне честно.

Мангуст посмотрел на безволосую ладонь и взял ее в свою. Маленькие, даже хрупкие на вид пальчики обладали твердостью стали.

— Знаете, это смешно, — убирая руку, сказал Джон-Том, — но мы в самом деле приняли вас за душегубов.

— Чувак, не пори ерунды. — Мадж с присвистом втягивал воздух. — Ты погляди на них, погляди хорошенько. Слишком чистенькие для настоящих бандюков.

— Мы никакие не бандюки, а солдаты великого и справедливого королевства Харакун! — приосанился офицер.

— Не слыхал о таком.

Мадж, почесывая грудь, одарил спутника взглядом куда выразительнее любых словесных изысков.

— Харакун лежит далеко отсюда, на пологом восточном берегу Фарраглина, — пояснил командир.

Джон-Тому это показалось интересным.

— Между прочим, мы с другом именно туда и держим путь. То есть не именно в Харакун, — поспешил оговориться он. — К Фарраглину. И охотно составили бы вам компанию, если, конечно, вы не против. — Он пустил в ход самую располагающую улыбку из своего арсенала. — Получается, что наше знакомство уже состоялось, надо только оформить его для приличия. Меня зовут Джон-Том, а это мой друг Мадж.

После недолгих колебаний мангуст тоже улыбнулся.

— Лейтенант Найк, а это — мои солдаты, верные сыны Харакуна. — И назвал их по именам, показывая пальцем: — Хек, Пауко и Караукул. В вашем предложении есть резон, ибо опасностей кругом действительно тьма-тьмущая. Я не против того, чтобы вы сопровождали нас, но считаю своим долгом предупредить, что сначала нам предстоит выполнить задание до конца. Увы, для этого мы вынуждены двигаться в ином направлении.

— Очень даже может быть, что навстречу смерти.

На лице Караукула, долговязого мангуста, будто навсегда запечатлелось уныние, а проходящая через левую глазницу черная полоска добавляла траура его облику.

— Вот и ладушки. — Мадж спрятал меч в ножны и со словами: «Приятно было с вами поболтать, кореша» — двинулся к беспокойно мельтешащему музыкальному облачку. — Айда, чувак, пора дело делать.

— Мадж, подожди-ка минутку!

Выдр скривился. Сколько раз эти три простеньких слова приводили его на край гибели — и не счесть.

Джон-Том внимательно смотрел на офицера.

— Я вас не понял.

— Мы находимся здесь потому, что нам оказана великая честь.

— Опаньки! — пробормотал Мадж. — Всякий раз, када мне попадались честь и смерть в одном флаконе, похмелюга была убойная.

Найк едва глянул на выдра.

— Наши трудности не имеют касательства к вашим делам. Пускай обстоятельства нашего знакомства нельзя назвать счастливыми, я не вижу смысла в дальнейшем его омрачении. В дилком краю всегда полезно слушать рассказы встречных. — Он махнул лапой на разоренный костер. — Прошу вас, побудьте с нами. Пускай приятная беседа послужит началом последнего, быть может, дня нашей жизни.

— Не, шеф, нам точно пора, ты уж извини, — скороговоркой выпалил Мадж. — Клотагорбу небось не понравится, ежели мы тут расположимся дурака валять. Да и облачко наше путеводное чей-то разволновалось.

Он настойчиво теребил Джон-Тома за рукав.

Но тот, чрезвычайно заинтригованный словами мангуста, высвободил руку. Маджу оставалось лишь тяжко-претяжко вздохнуть.

— Скажите, что увело вас так далеко от родных краев?

— Повторяю, вам не стоит принимать близко к сердцу наши затруднения, — ответил лейтенант, — но раз уж вы спросили, я расскажу. Нам поручено разыскать пропавшую принцессу Алеукауну ма ки Волюваривари и вернуть ее безутешной семье.

— Принцессу? — На физиономии Маджа в мгновение ока отразилась целая гамма чувств. — Вона как, значица? Ну, можа, у нас и впрямь найдется минутка, чтоб узнать подробности. А то невежливо сваливать, даже не послушав хороших чуваков, верно?

Он уселся на землю, сложив короткие нижние лапы, а Пауко и Хек вернулись к столь драматично прерванной готовке.

— Для начала вам следует узнать, что благородная Алеукауна несколько... своехарактерна.

— По-моему, это черта очень многих принцесс, — сочувственно заметил Джон-Том.

— Как мне было сказано, после длительных споров с матушкой-королевой принцесса тайком выбралась из дворца и затерялась в северных пустошах. Поначалу ее бегство не вызвало тревоги в Харакуне, ведь никто не верил, что она способна уйти далеко и подвергнуть себя настоящей опасности. Все надеялись, что она вскоре одумается и вернется.

Тут Караукул что-то еле слышно пробормотал. Лейтенант посмотрел на него и нахмурился.

— Все жестоко ошибались, несколько придворных советников поплатились за это различными немаловажными частями своих организмов. Тем паче принцесса выказала упорство и выносливость поистине невообразимые. Многие отправились на поиски, но, насколько мне известно, только нам посчастливилось установить ее местонахождение. А в Харакуне сейчас очень боятся за ее жизнь и честь.

— И на то есть причина, — добавил Пауко, не отрываясь от стряпни.

Найк не счел нужным его одернуть и даже кивнул.

— Когда мы уже были готовы повернуть назад, выяснилось,

что она побывала в прибрежном городе, расположенном к югу отсюда.

— Машупро? — предположил Джон-Том.

— Вам знаком этот населенный пункт? — удивился Хек.

— Нет. Ни разу там не был. Но туда лежит наш путь.

— А-а... — разочарованно протянул солдат.

— Между тем появление нашей принцессы в городе не прошло незамеченным для некоего Манзая. Его словесный портрет изобилует неточностями и окрашен всеми чувствами от страха до благоговения, однако можно сделать вывод, что эта персона — нечто среднее между разбойником и благородным рыцарем. Ему удалось отвоевать у здешних унылых болот маленькое поместье, где он и живет, пользуясь абсолютной властью. Он-то и украл нашу принцессу, если свидетельства жителей Машупро заслуживают доверия.

— Да ты че? — Мадж попал в родную стихию. — Ради выкупа?

— Похоже, что не ради выкупа. — У Найка кожа на лбу пошла складками. — Вероятно, ради целей, о которых в приличном обществе говорить не принято, но и в этом я не уверен. Наши источники отвечали весьма расплывчато.

— Вот ведь шельма.

Мадж привалился хребтом к замшелой колодине.

Хек недобро глянул на выдра.

— Это как понимать? Как неуважение к нашей принцессе?

— Ни хрена подобного, — беспечно ответил Мадж. — Как я могу не уважать ее, ежели ни разу не встречал?

Солдат поколебался и решил вернуться к стряпне.

— Мы поклялись вернуть принцессу или сложить головы в походе, — закончил лейтенант.

Мадж закрыл глаза, надвинул на морду тирольку и скрестил на брюхе верхние лапы.

— Интересно, почему я ни фига не удивляюсь, а?

— Стало быть, для вас это дело чести, — задумчиво прокомментировал Джон-Том.

Беспокойные ноты защекотали ему правое ухо, он отмахнулся.

— О да! — Лейтенант выпятил грудь.

— Говоря откровенно, мы как бы добровольцы, — пробормотал Караукул без особой гордости.

— Кому достанется великая честь услужить королевскому семейству, решалось путем лотереи, — объяснил Найк.

— Ну, еще бы, — кивнул с видом знатока Мадж.

— Мы спасем принцессу.

Но в голосе лейтенанта решимости и уверенности было побольше, чем на морде.

— Скажите, этот Манзай, или как там его, в каменном замке засел? Или у него укрепленное поместье?

— О его жилище нам ничего не известно, как и о его слугах и

телохранителях. Манзай — фигура весьма загадочная даже для жителей Машупро. Члены сей достойной общины предпочитают побережье щедрым на опасности и хвори болотам, и едва ли можно их за это упрекнуть. — Лейтенант встал во весь рост. — Но мы пойдем дальше. Навстречу славе — или смерти.

— Все они так говорят.

Мадж почесал спину о бревно.

Найк больше не мог пропускать мимо ушей выдровы подколки и посмотрел на него горящими глазами.

— Наша цель, по крайней мере, благородна. Но благородство, судя по вашему облику и поведению, для вас — пустой звук, не так ли, милостивый государь?

— Благородством пузо не набьешь. — Выдр невозмутимо глянул на мангуста из-под полей тирольки. — Оно не шибко вкусное и совсем не питательное.

Найк негодующе фыркнул.

— Что еще можно услышать от выдра? Это племя на весь мир прославилось нарциссизмом и ленью. Я еще не встретил ни одного, кто хоть в подметки годился бы мангусту по силе духа и решительности.

Мадж сел, его глаза тоже засверкали.

— Так, да? Интере-есно такое выслушивать от субчика с полосатой задницей. Да будет тебе известно, чувак, перед тобой...

— Мадж, угомонись, — раздраженно перебил его Джон-Том.

Офицер и сам был готов оставить опасную тему.

— У меня нет времени на пустопорожние споры.

— Принцессочка заждалась?

Мадж, судя по тону, решил полегоньку жать на тормоза.

Перед его мысленным взором закружилась в танце гибкая красотка-мангуста, закутанная в шелка и донельзя признательная своим спасителям. Благородные солдаты Харакуна в силу своего положения обойдутся формальным «спасибо», ну а его, выдра со стороны, рамки устава и этикета не сковывают. И тогда у милашки Алеукауны, натерпевшейся страху в неволе и небось отчаянно мечтающей кого-нибудь отблагодарить, просто не останется выбора.

В такой ситуации не оказать содействие было бы просто невежливо.

— Похоже, вы, кореша, и правда затеяли благородный подвиг. Ну а коли так, мы будем рады пособить... На заднем плане, конечно, — поспешил добавить он. — Мы ж не хотим отымать славу у тех, кто ее заслуживает, верно?

У Джон-Тома брови полезли на лоб.

— Мадж, это должен был сказать я. Ты, часом, не заболел?

Выдр изобразил оскорбленное достоинство.

— Кореш, по-твоему, во мне не могут проснуться рыцарские инстинкты? За кого ты меня держишь?

— Извини. Я просто не могу припомнить, когда они просыпались в последний раз.

— Ненаблюдательный ты, приятель. — Мадж показал на розовый дымок, лениво круживший за спиной чаропевца. — С нейто че будем делать?

— Я как раз хотел вас спросить... — шепотом начал Найк.

— Да, что это за фокус? — присоединился к нему Хек.

Джон-Том помахал нотам рукой, те отозвались негромким перезвоном.

— Потерявшаяся музыка. Во всяком случае, мы так считаем. Она почему-то хочет, чтобы мы шли за ней.

— Ее цели могут и не быть благородными, — задумчиво проговорил Найк, — но они, конечно же, не эгоистичны.

Он потянулся к облачку, оно, позвякивая, отстранилось. Мангуст с уважением посмотрел на Джон-Тома.

— Должно быть, вы действительно тот, за кого себя выдаете. Для нас чаропевец или какой-нибудь другой волшебник стал бы незаменимым союзником. Мы будем признательны за любую помощь.

Вот оно, подумал Джон-Том. Долгожданное испытание для заспавшихся способностей. Выручить похищенную принцессу — дело и трудное, и достойное.

Бросившись за манящей музыкой, он даже не надеялся на такое приключение.

— Что сможем, сделаем.

Офицер пожал его руку своей, с коротким бежевым мехом.

Стоявшие рядом солдаты оценивали новых союзников.

— Как вы думаете, человек правду говорит? — поинтересовался Хек. — Ну, что он волшебник?

— Скоро узнаем. — Пауко мешал варево. — Как бы то ни было, его инструмент выглядит очень странно.

— По крайней мере, они оба — бойцы, — заметил Караукул. — Но не хотел бы я, чтобы в серьезной переделке этот выдр прикрывал мне спину.

— Мне кажется, они староваты для таких дел, — произнес Хек.

Караукул пожал плечами:

— Опыт нередко служит хорошей заменой силе и ловкости, но этого добра у них тоже достаточно. Вы видели, как слаженно они действовали?

— Я думаю, мы и это вскоре выясним, — сказал Пауко. — В смысле, чего они стоят в схватке. — Он попробовал стряпню и глубоко вздохнул: — Эх, сюда бы немножко тмина... и кардамона чуточку...

Караукул подал ему деревянную солонку.

— Подсыпь. Да не скупись — соли у нас вдоволь.

Пауко сделал вид, будто хочет цапнуть приятеля за плечо. Тот отскочил.

Найк посмотрел на высокого человека:

— Чтобы наша миссия увенчалась успехом, необходима не только отвага, но и скрытность. Вот тут-то помощь чаропевца может оказаться поценнее любого меча.

— Я уже сказал, что сделаю все от меня зависящее. — Джон-Том взялся за дуару. — Если вы до сих пор сомневаетесь, позвольте небольшую демонстрацию.

Его удержала дружеская лапа.

— Чувак, все путем. — Мадж с быстротой молнии покинул импровизированную лежанку. — Будь спок, скоро тебе представится случай показать, на че ты годен.

— Пожалуй, ты прав.

И чаропевец, к великому облегчению выдра, оставил дуару в покое.

— До чего же удивительны бывают последствия случайных встреч! Коль скоро вы согласились разделить нашу цель, прошу разделить и скромный ужин. Присаживайтесь и угощайтесь.

Вопреки ожиданиям, суп Пауко оказался вполне съедобным. За трапезой Джон-Том рассказывал солдатам о своих и Маджа приключениях, а мангусты взамен поведали о многотрудном и долгом походе, заодно описав достопримечательности родной страны.

Глава 7

На следующее утро спасательная экспедиция, увеличившаяся на двух участников, снялась с лагеря и двинулась в направлении, которое, по словам мангуст, они вызнали у перепуганного местного траппера. Там располагались владения Манзая. Мадж, оживленно насвистывая, плелся в арьергарде и старался убедить себя, что потенциальная выгода непредусмотренного отклонения от курса стоит любого риска.

Он держался поближе к Джон-Тому, чем произвел на солдат самое благоприятное впечатление. Однако повышенное внимание к другу было продиктовано не трогательной заботой, а шкурным расчетом: в случае внезапного нападения из засады рослый человек примет на себя львиную долю стрел и копий.

Мангусты не могли знать, когда они доберутся до цели и какие опасности лежат на пути, а потому все разговаривали шепотом. Собственно, поводов для досужей беседы находилось мало. Все напряженно озирались и прислушивались; ни на что другое внимания не оставалось. Любое резкое движение в густых

болотных зарослях воспринималось как опасность, любой нежданный звук служил предостережением.

Когда Мадж прикидывал, съедобна ли примеченная им ящерица черного с яркой прозеленью окраса, в мозгу молнией полыхнула мысль: а ведь с ним произошло нечто поистине ужасное! Кошмарное бедствие, страшнее всего, что только можно вообразить, страшнее даже выпадения шерсти.

Это было сродни удару дубиной по затылку. Мадж обмер; он сомневался, что когда-нибудь найдет в себе силы оправиться. Боги, до чего же он докатился! Сколько железной воли и вулканической энергии потрачено на бесконечные попытки предотвратить несчастье! Сколько лет внушал он себе, что с ним этого не произойдет никогда! Вотще! Похоже, он все-таки подцепил гнусную хворь — совесть.

— Мадж, что с тобой? — с искренней заботой спросил Джон-Том. — Ты хорошо себя чувствуешь?

Выдр уперся ладонью в дерево.

— Да вроде... Ничего, чувак, кажись, все путем. — Он слабо улыбнулся. — Маленько тыква закружилась. Будто схавал чей-то не то...

Не поддавайся, велел он себе. Не позволяй клепаному недугу пустить корни и завоевать тебя целиком. Ты не безнадежен, эта болезнь излечима.

Полегчало. Он выпрямился и пошел дальше. И чего всполошился-то, собственно? Проблема — тьфу, да и только. Не страшней, чем краб, вцепившийся в палец. Стряхнул — и живи себе преспокойно.

Он попытался стряхнуть, но совесть прицепилась, как пиявка, отгоняла любую нормальную мысль и заставляла больше думать о принцессах, чем о себе, любимом. Недуг бурно развивался и был сопряжен с тошнотой и головокружением. Наконец выдр мысленно скомандовал: «А ну-ка, Мадж, сперва разберись с первостепенными делами, а с остальными — потом, в более спокойной обстановке».

— Сдается мне, далековато отсюдова до обжитых мест, — предложил он тему для обсуждения через несколько часов ходьбы по диким, без единой тропки, пустошам. Навстречу хлестнула отведенная Караукулом ветка. Мадж непринужденно увернулся — для этого достаточно было наклонить вбок торс. — Эй, хвосты ершиком, вы хоть представляете, куда нас ведете?

Ответил ему Хек:

— Мы долгие месяцы идем по следу принцессы Алеукауны. Многих послали ее разыскивать, но только нам удалось добраться сюда. Так что сохраняйте спокойствие, речной пловец.

Пауко методично рубил коротким мечом цепкие влажные растения.

— А что, выдр, вы куда-то спешите? Хотите подобраться к

Манзаю по главной дороге, где он наверняка расставил часовых и засады?

— По-твоему, я в таких делах ваще ни в зуб ногой?

— Нет, — сказал идущий впереди лейтенант Найк. — Просто вы, наверное, давненько не практиковались.

Выдр недобро сощурился:

— Надеюсь, это замечание никак не связано с моим клепаным возрастом, а?

— Потише ты!

Джон-Тому пришлось нагнуться, чтобы не задеть низко растущую ветку.

— Щас! Наши приятели сами поболтать не дураки, так пущай послушают, че я имею сказать.

— Конечно, они послушают, — чаропевец перешел на увещевающий тон, — но не сейчас. Я вижу впереди что-то вроде здания.

Это заставило выдра умолкнуть. Чуть далее растительность немного поредела, и он не хуже остальных увидел раскинувшиеся среди безупречно ухоженного сада одноэтажные постройки; над ними господствовал холм с покатыми склонами. Увидел Мадж цветочные клумбы и сады камней, звонкоголосые фонтаны и миниатюрные водопады. По газонам вились аккуратные дорожки из разноцветной гальки и щебня. От резиденции веяло уютом и покоем, что совершенно не вязалось с репутацией Манзая.

Выдр сразу напомнил себе, что открытое пространство вокруг усадьбы дает засевшему в ней, кто бы он ни был, великолепный обзор на все четыре стороны.

Вокруг парка прихотливо вились фиолетовые живые изгороди; в щелях ставен сверкал пресноводный жемчуг. Многочисленные крыши были выложены обожженной на солнце черепицей, крутизна скатов давала понять, что тропические ливни — явление обыденное в этих краях. Что-нибудь похожее на крепостную стену, ров или замаскированную полосу препятствий обнаружить не удалось. Только сравнительная малочисленность окон выдавала заботу хозяина о своей безопасности.

При любом взгляде с любой стороны напрашивался единственный вывод: гость может совершенно спокойно ступить на любую дорожку и шагать прямо ко дворцу, и никто не поинтересуется, что за нелегкая его принесла. Ему даже придется стучать или звонить в дверь, потому что нигде не маячат охранники или слуги.

О размерах усадьбы мешал судить пологий склон холма. Многочисленные сооружения, неброские, но довольно большие, были связаны крытыми переходами. Не было видно ни тонкой резьбы по дереву, ни щедрой позолоты. Манзай устроил-

ся подозрительно скромно для воинственного помещика. Ни дать ни взять — смиренный отшельник.

А ведь неспроста поместье выглядит так безобидно, сказал себе Джон-Том. Его облик маскирует истинную суть того, кто здесь живет. Чаропевец ожидал увидеть усаженные шипами парапеты и испещренные бойницами башни, а потому слегка растерялся.

Около часа пришельцы молча наблюдали, скрываясь в густом кустарнике, и не засекли ни единого постового или патруля.

— А вы уверены, что не ошиблись адресом? — обратился наконец Джон-Том к лейтенанту Найку.

— Усадьба вполне соответствует приметам, которыми мы располагаем, — свистящим шепотом ответил мангуст. — Вспомните, нередко ядовитые гады красятся в мирные цвета. — Под мягким мехом ходили ходуном тонкие, но крепкие мускулы. — Где-то здесь, в одном из этих зданий, томится в плену наша принцесса Алеукауна. И неважно, из золота ее оковы или из меди.

— Как же ее освободить? — Среди своих товарищей Караукул был дылдой, хотя и уступал Джон-Тому добрый фут. — Командир, осмелюсь заметить: если и правда перед нами крепость, то у нее исключительно невинный вид.

— Поистине, — согласился лейтенант. — Я очень внимательно осмотрел все подступы и не увидел никаких препятствий.

— Ага, тот самый случай, када нужна десятикратная осторожность, язви ее.

Все повернулись к Маджу.

— Клепаная невинность — самая, значица, хитрая защита, вот так.

Хек, разглядывая поместье, хмурился.

— Где защита, где? Никакой защиты я не вижу.

Выдр негромко тявкнул.

— Бьюсь об заклад, этого-то и добиваются педики, которые засели внутри. Чтоб любой непрошеный посетитель их маленько недооценил. — Он махнул лапой в сторону хитросплетения построек. — Да че там, эта медвежья дыра прям-таки напрашивается на штурм. Конечно, я не сомневаюсь, вы ребята не промах и службу туго знаете. Умеете ров переплывать, лазать по штурмовым лестницам, обходить ловчие ямы и подкопы рыть. На каждую мудреную фортификацию у вас найдется хитрозадый контрприемчик. Да вот тока этот Манзай — шельмец скользкий. Как одна моя знакомая малютка — шутит и смеется, а в лапы не дается. Так че не спешите радоваться, чуваки. Опасность тем круче, чем меньше бросается в буркалы.

Найк с задумчивым видом повернулся к Джон-Тому:

— А вы, чаропевец, что скажете?

Человек с готовностью ответил:

— Скажу, что в подобных случаях Маджевы инстинкты заслуживают доверия. Серьезных переделок на его счету побольше, чем у любого из моих знакомых, живущих на этом свете.

— Завсегда лучше быть трусливым и осторожным, но живым, чем храбрым и мужественным, но дохлым, — философски изрек выдр.

— Что ж, сказано от души, — одобрил Пауко.

Мадж прищурился:

— Ты, грязекопатель, можешь это смело повторить. И кстати, задай себе вопросик: у кого больше шансов спасти твою принцессу — у живого труса или у мертвого героя?

— Мы докажем, что коварства и нам не занимать, — пообещал выдру Найк. — Что вы предлагаете?

Мадж никак не ожидал такого уважительного отношения к себе.

— Кто, я? Тебе че, мой совет понадобился? А я-то думал, вашему брату не с руки консультироваться с пережитками истории.

— Мадж, не лезь в бутылку, — посоветовал чаропевец.

— Ну-у, шеф, ты и впрямь без юмора. Дай чуток развлечься.

— У нас мало времени, не будем тратить его на сарказм.

Найк отвернулся от выдра.

— Все, начальник, не кипятись, — поспешил замириться Мадж. — К делу так к делу. Из отсутствия внешних укреплений совсем не вытекает, че внутри тока расписные стены да пышные ковры. То есть мы ни фига не знаем о том, какие сюрпризы ждут нас в этих постройках, верно я говорю? И ваш стукач тута не шибко полезен. При таком раскладе тока одно могу предложить: давайте словим того, кто ответит на любые вопросы.

Хек оглядел поместье.

— Взять «языка»? Но здесь же нет патрулей.

Мадж кивнул.

— Еще очко в пользу Манзая. Умен, бестия. Нет патрулей — нет «языка», нет «языка» — нет сведений. — Он ударил лапой по висящей над ним виноградной лозе. — Но должен же ктой-то присматривать за этими ползучками. И трава на лужайках не сама подстриглась, и кустики такие опрятные не из уважения к местному населению.

— Мы поняли вашу идею. — Найк уже продумывал следующий шаг. — От нас требуется держать себя в узде... и ждать.

Джон-Том поправил на спине дуару.

— Вы не один месяц сюда добирались. Сможете еще немножко потерпеть.

Лейтенант кивнул.

— Как вы считаете, где занять позицию?

— Там, где нас нельзя будет срисовать из большинства халуп, — тотчас ответил Мадж.

Они отступили к болоту и, стараясь как можно меньше шуметь, добрались до северной окраины усадьбы, где и провели

вторую половину дня и ночь. Спали поочередно, кто-нибудь обязательно следил за поместьем. И лишь после завтрака, вопреки героическим усилиям Пауко никого не вдохновившего, в стене ближайшего дома отошла вбок деревянная панель и появился некто в широкой накидке с вышивкой. Он стриг траву и подравнивал кусты, и управлялся ловко, хоть и обходился без садового инвентаря и магии.

— Козел, — идентифицировал его Караукул.

— Почему бы и нет? — Лейтенант перебрался поближе к солдатам. — Кто лучше них стрижет траву?

— Но почему только один? — удивился вслух Джон-Том, следивший за трудолюбивым копытным.

— Кореш, да ведь нам тока один и нужен, иль забыл? — подал голос выдр. — Откуда мы знаем, можа, их тут кругом полдюжины пасется. Но нам и этого хватит.

Между тем четвероногий садовник осторожно встал на задние ноги и потянулся к нижним ветвям плодового дерева. Передними ногами он уперся в ствол, а губами ловко снимал с гладкой коры грибы-паразиты. Несомненно, о порядке на недосягаемой для козла высоте заботился кто-то другой. Возможно, жираф.

Козел был довольно щупл, рога тоже не внушали опаски. Не боец, решил Джон-Том.

— Давайте захватим его в плен.

Хек двинулся вперед. Его удержала короткая мохнатая лапа Найка.

— Спокойно. Потерпи, доблестный Хек. Здесь тоже есть чем заняться. Рано или поздно он сам подойдет. Так будет надежнее. Вдруг поблизости работают другие садовники.

Джон-Тома восхищала скорость козлиных челюстей.

— Во дает! Такого профи я бы и сам нанял. Вы только поглядите, как он стрижет газон! Ровнехонько, травиночка к травиночке, несмотря на бугры.

— Идея! — пролаял вдруг Мадж.

К нему повернулся Найк:

— Вы о чем?

Но выдр уже скрылся на болоте. Через несколько секунд он вернулся, зажав под мышкой длинную разлапистую ветку.

— Что вы собираетесь с ней делать? — удивленно спросил Пауко.

Мадж выразительно закатил глаза.

— Боги, храните меня от чуваков без воображения! — И шагнул вперед. — А щас всем захлопнуть поддувала и приготовиться.

Все напряженно следили за выдром, а тот осторожно поднял ветку над идеально ровной зеленой стеной.

Не сразу, но довольно скоро вопиющий непорядок привлек к себе внимание копытного. Сначала левый, потом правый глаз

исследовали уродливую ветку — наверняка козел пытался сообразить, как же это он недоглядел. Затем садовник припустил к засаде.

— Ждите, пока стричь не начнет, — взволнованно прошептал Мадж. — А тада — хватайте!

Мангусты кивнули и бесшумно рассеялись. К ним присоединился Джон-Том. Он двигался медленнее, с учетом своих габаритов.

Козел осторожно приблизился к краю болотного хаоса. Взгляд направо, взгляд налево — как будто все спокойно. Он решительно цапнул торчащую ветку у самого основания. «Еще два-три таких укуса, и дело будет сделано. Занятно, до чего похожи на пальцы несколько почек в самом низу ветки», — подумал он.

Укусить второй раз ему не дали. Четыре мангуста налетели разом, ошеломленный садовник не успел даже проблеять толком. Уже через секунду он лежал, запеленутый в несколько вонючих солдатских одеял. Крепкая бечевка быстро обвила морду, предотвратив дальнейшие протесты. Когда злосчастного пленника волокли в дебри, он мог только в ужасе таращиться на своих похитителей.

— Погони нет? — с тревогой осведомился Найк, вносивший свою лепту в транспортировку — он держал козла за переднюю ногу.

Джон-Том оглянулся. Ничего, кроме тумана, серо-зеленой растительности и раздраженных насекомых.

— Надо отойти подальше, тада пущай орет, пока хвост не отвалится.

Мадж шагал впереди, торя тропу для отряда.

Лишь очутившись среди девственных мхов, они сняли бечевку с морды садовника, но путы на ногах оставили. Красивая накидка пленника была измазана ряской и тиной. Когда Джон-Том протянул руку, чтобы любезно отряхнуть одеяние, козел зажмурился.

— Да успокойтесь вы. Мы не желаем вам зла.

— Но это не значит, че не причиним, — весело добавил Мадж.

— Умоляю, объясните, что вам нужно, — тихо простонал козел. — Ради всего святого, скажите простому слуге, зачем вам понадобилось меня похищать? — Его взор остановился на Джон-Томе. — Вы человек! И какой высокий!

— Это неважно. — Чаропевец подпустил в голос строгости, но немного — козел и так был перепуган. — Мы здесь не для того, чтобы обсуждать мои достоинства. Нам известно, что вы служите разбойнику по имени Манзай.

— Разбойник? — Козел непонимающе заморгал. — Манзай? Мой господин — обыкновенный помещик. Его любимое занятие — выращивать экзотические фрукты и овощи. А еще — собирать и описывать многочисленные коллекции. Не примите мои

слова за оскорбление, но вы нас с кем-то спутали. — И добавил почти виновато: — Осмелюсь представиться: Прут. Дозволено ли будет мне узнать ваши благородные имена?

— Нет, — твердо ответил Найк.

— Я так и думал. Сударь, вы меня, конечно, не развяжете, но нельзя ли хотя бы к дереву прислонить? Мне в таком положении больно поднимать голову.

Лейтенант быстро обдумал просьбу и, не найдя подвоха, кивнул солдатам. Хек и Пауко с трудом подняли козла и прислонили к ближайшему пню. Хвост садовника нервно бил по сторонам.

— Благородные господа, скажите, чем я могу вам услужить?

— А педрилка-то вежливый, — шепотом оценил Мадж и добавил громче: — Нам, гроза капусты, информация нужна, вот так.

Уже во второй раз садовник выказал искреннее недоумение:

— Информация? Что ж, извольте, если только она касается подготовки почвы к сезону вегетации культурных растений и уходу за ними. Еще я мог бы рассказать о... — Его вдруг осенило. — А, теперь мне все ясно. Вы бандиты с большой дороги и явились ограбить или убить моего хозяина. Или вас подослал кто-нибудь из недругов, заблуждающихся насчет наших богатств. Вот что я вам посоветую, уважаемые: возвращайтесь-ка тем же путем, что и пришли, пока целы. До моего обожаемого хозяина вам ни за что не добраться, его покой непрестанно охраняют преданные слуги и защитники.

— Шеф, ты нас не за тех держишь, — буркнул Мадж. — Мы и сами не хотим ниче подобного.

— Твой обожаемый хозяин украл нашу принцессу, — объяснил Найк, — и наш долг — выручить ее и вернуть царственной родне или сложить головы в неравном бою.

Эта мрачно-торжественная фраза заставила садовника призадуматься, а потом он внезапно выпалил:

— Которую из принцесс вы имеете в виду?

Солдаты переглянулись. Не меньше их были удивлены и Джон-Том с Маджем. Пауко наконец спросил:

— Что значит — которую?

— Глубокоуважаемые сударь, позвольте вас уверить, что я особо горжусь умением точно выражать свои мысли в речевой форме. Я спросил именно то, что и хотел спросить. Которую из принцесс вы имеете в виду? — Он вытянул шею, пытаясь разглядеть ношу Джон-Тома. — Какой интересный у вас инструмент! Я и сам играю понемножку. Музыка — вещь возвышенная и чистая, и, на мой взгляд, она плохо согласуется с вашими намерениями.

— Неважно. — Найк приставил острие меча к козлиному горлу. — Объясни.

Дрожащий садовник попытался втянуть голову в плечи, не сводя левого глаза с клинка.

— Это вы объясните, сделайте милость, почему я, находясь на волосок от смерти, обязан что-то рассказывать?

Острие надавило сильнее, в голосе Найка добавилось угрозы.

— Твоя или еще чья-нибудь смерть нам не нужна. Мы хотим только вернуть принцессу.

— Но хозяин ее не отдаст, — пообещал козел. — Он никогда никого не отдает.

— Как следует из твоих слов, у Манзая в плену не одна принцесса, — спокойно заключил Джон-Том.

Козел захлопал ресницами.

— Вот именно. Вы поймите: поскольку невинные хозяйские увлечения не входят в круг ответственности вашего покорного слуги, я не распространяю свой интерес дальше ухода за парком.

— Увлечения? — пробормотал Пауко.

— Зачем Манзаю понадобилось собирать принцесс? — спросил Найк.

Мадж за его спиной выразительно хмыкнул. Его проигнорировали.

— Разве я не упомянул, что мой господин — страстный коллекционер самых разнообразных вещей? Некоторые собирают редкие книги или монеты, другим подавай красивые ракушки. Кое-кто находит прелесть в разведении ярких экзотических цветов. Фигурально выражаясь, Манзая можно отнести к последней категории. — В козлином взоре появилась задумчивость. — Хобби не из дешевых, но, как мне говорили, оно приносит удовлетворение.

— Ах ты!..

Караукул вскинул меч.

Козел съежился, закрыл глаза.

— Нижайше прошу изливать гнев на подлинную причину ваших неприятностей, а не на источник обескураживающих новостей!

— Редкое увлечение, что ни говори, — заметил Джон-Том. — Сказать по правде, мне бы такое даже в голову не пришло. Это ж надо, коллекционировать принцесс!

— Нас интересует только одна. — Лейтенант повернулся к дрожащему козлу. — Ты очень почтителен. Насколько я могу судить по собственному опыту, почтительные, подобострастные слуги обычно знают больше, чем хочется им самим. Ответь-ка, любезный, в коллекции твоего господина есть дама из нашего племени?

— О да, — с готовностью ответил садовник. — Красавицу из вашего рода зовут Алеакуна.

— Алеукауна, — поправил Найк. — Государю нашему она

доводится младшей дочерью. — И подался вперед, сверкая глазами. — Где ее держат? В которой части поместья?

— Боюсь, я точно не знаю.

— А ты подумай! — Лейтенант приналег на меч.

— Секундочку! Молю, дайте только секундочку — мне надо напрячь память. К своим экспонатам хозяин относится с большой заботой, даже с любовью. Каждой принцессе отведены отдельные покои, у них даже слуги есть. Достопочтенного Манзая нельзя назвать грубым тираном.

— Ну да, прямо образец добродетели, — прорычал Мадж. — Хорош лапшу вешать!

— В доме много коридоров, — сообщил козел. — Поскольку я дорожу своей головой, то постараюсь все их вспомнить в точности. К нам легко войти, но уйти совсем не просто.

— Позволь нам самим об этом судить, — попросил Найк. — От тебя требуются только направления.

Садовник кивнул.

— У большого белого здания, стоящего как раз там, где произошла наша встреча, на северной стороне есть веранда. Если вам удастся войти туда, вы очутитесь в начале длинного крытого перехода. Он приведет в другое, более обширное, с множеством комнат, строение.

Мадж понимающе кивнул.

— Еще б, за узким коридором легче следить, чем за половиной болота.

— В дальнем конце этого коридора вы найдете ответвление. Еще раз поверните на север и увидите второй крытый переход. Он ведет в столовую. На юге за нею расположены роскошные покои. Ближайшие из них, на ваше счастье, хозяин выделил принцессам, в том числе и упомянутой Алеукауне.

— В добром ли она здравии? — взволнованно спросил Хек.

— Как я уже сообщил, господин пуще глаза бережет свою коллекцию. Скажу с уверенностью: интересующая вас особа здорова, как никогда прежде.

— Но, бьюсь об заклад, невесела, — прошептал Караукул.

Козел пожал плечами:

— На подобные темы нам, слугам низшего ранга, рассуждать не положено. Я всего лишь скромный обрезчик роз и косильщик лужаек. — Он поднял глаза и рассеянно почесал рога о пень. — А теперь, милостивые государи, если ваше любопытство удовлетворено, нельзя ли осведомиться, как вы собираетесь поступить со мной, дабы у меня было время подготовиться к неизбежному?

— Никаких проблем, начальник.

Мадж провел пальцем по лезвию меча и вожделенно посмотрел на козлиное горло.

Вперед шагнул Найк.

— Пленник выполнил все наши требования и добровольно ответил на вопросы. Воинская честь требует сохранить ему жизнь.

— Кореш, эта самая честь тебя када-нибудь погубит, — проворчал выдр. — Ты че, хочешь развязать его и выпустить на травку? И он, конечно, не побежит стучать, че тута затаились шестеро чужаков и судят-рядят, как бы им половчее забраться в клепаную усадьбу, ага?

— Естественно, мы на это пойти не можем. — Лейтенант задумчиво посмотрел на садовника. — А следовательно, перед нами непростая задача.

— Убедительнейше прошу решить ее ко всеобщему удовлетворению, — с надеждой попросил козел.

— Предоставьте это мне.

Джон-Том взял в руки дуару и двинулся вперед. Мадж выругался себе под нос и уступил ему дорогу. То же самое сделал бы и козел, не будь он крепко связан. Зловещая тень высокого человека упала ему на морду.

— Попрошу остальных как можно крепче зажать уши ладонями.

— Зачем? — спросил Караукул.

— Чес-слово, чувак, лучше тебе этого не знать. — Мадж уже выбирал себе укрытие среди мшистых кочек. — На твоем месте я б просто освободил местечко.

На сей раз получилось именно то, чего добивался Джон-Том. И неудивительно — нянчась с маленьким Банканом, помогая растить Ниину и Сквилла, он здорово набил руку на колыбельных. Просто ни одна из них до сих пор не выступала в роли чаропесни.

Он и сам уже клевал носом, когда садовник наконец отвалился от пенька.

— Хррр-чхрр... Бе-е... Хррр... Бе-е...

— Готово.

Довольный собой, чаропевец встряхнулся. Он не разрушил крепостные стены, не испепелил атакующего дракона, но, как любит повторять Клотагорб, хороши лишь те чары, от которых можно унести ноги.

— Кореш, ты чей-то сказал?

Мадж опасливо высунулся из-за кочки.

Джон-Том сердито выдернул из правого уха выдра моховую затычку.

— Я сказал, дело сделано. Он больше не опасен. — И указал на сладко похрапывающего у пня садовника. — Очень мощная колыбельная. Сутки продрыхнет, а то и двое.

Найк посмотрел на козла, потом — с уважением — на человека.

— А вы и правда чаропевец.

Джон-Том лишь плечами пожал — сама скромность.

— Знаете, если бы вам пришлось баюкать парочку выдрят, вы бы тоже научились всяким фокусам.

— А я, ваще-то, думаю, у него включились защитные механизмы психики, — заявил Мадж. — Када мой чувак дает кошачий концерт, лучший способ спастись — задрыхнуть.

— Спасибо за искренний панегирик, — сухо бросил Джон-Том.

Выдр ухмыльнулся:

— Завсегда пожалуйста, кореш.

— Подождем до темноты, — решил лейтенант.

— Понятное дело.

Мадж состроил серьезную мину и приблизился к Джон-Тому.

— Как думаешь, шеф, травогрыз нас не подставит? Можа, он объяснил, как пройти к казармам, а не к дамочкиному гнездышку?

Над этим следовало подумать.

— Вряд ли, — решил чаропевец. — Он наверняка учел, что кто-нибудь из нас может уцелеть и вернуться, чтобы перерезать ему горло. Манеры у него вкрадчивые, но не жульнические. Мне кажется, он был слишком испуган, чтобы строить коварные планы.

Мадж неохотно кивнул.

— Да уж, када у твоей глотки меч, умничать чей-то не тянет.

— В любом случае, мы будем осторожны.

Найк обернулся к солдатам.

— Ладно, чуваки, тада за дело.

И, ко всеобщему удивлению, Мадж первым направился к поместью.

Глава 8

В ту ночь луна была на ущербе, почти не светила. Несказанно радуясь этому обстоятельству, они бесшумно проползли по траве и взобрались на пустующую веранду. На великолепно отполированном дереве скользили ноги и лапы, зато простенький запор сразу поддался манипуляциям ловкого и опытного в таких делах Маджа.

— Слишком уж просто, — прошептал, на цыпочках продвигаясь по коридору, Джон-Том.

— Ты, кореш, подчас чересчур подозрителен. — Слева от него семенил выдр. — Можа, Манзай этот уверен, че его вполне защищает репутация отшельника. О приближении любой армии он узнаёт загодя и вполне успевает приготовить теплую встречу, а уж мелкие компании чокнутых дурачков, вроде нас с тобой, он небось и в расчет не берет.

Джон-Том, еле поспевая за мангустом и выдром, казался себе пьяным слоном в посудной лавке. Каждый скрип, каждый стон половицы раздавался, похоже, только по его вине.

— Сюда.

Найк жестом указал путь остальным.

Вскоре они очутились в описанной садовником трапезной. На расписных стенах рядами висели прекрасно подобранные произведения живописи и графики. Джон-Том, зачарованный особенно изящной акварелью — болотистый ландшафт на заре, — дождался от Маджа тычка в бок.

— Для головореза и похитителя людей, — прошептал Джон-Том, когда они перешли в другой коридор, — у этого Манзая весьма утонченный вкус.

— Он нам мошонки утончит, ежели ты его разбудишь своей болтовней, — упрекнул товарища Мадж.

И тут, словно вторя его предостережению, из темного конца коридора донесся тяжелый, сопровождаемый ворчанием топот. Кто-то огромный загородил путь незваным гостям. Цели этой он достиг с легкостью — достаточно было заполнить своей тушей весь проем.

Джон-Том испугался, что они ненароком привели в действие автоматические ворота или решетку. Но тут обладатель неразличимого во тьме силуэта сделал шаг вперед. Под его весом содрогнулся пол коридора.

Звездный свет очертил грандиозную фигуру серебром, и Джон-Том понял, что его метафора — слон в посудной лавке — применима не ко всякому представителю этого племени. Чего-чего, а неуклюжести в движениях здешнего бивненосца не было и в помине.

Ему понадобилось лишь мгновение, чтобы подняться на все четыре конечности. Внушительные бивни были остро заточены и снабжены стальными наконечниками. Череп и туловище защищены подогнанными вручную латами из кожи и стальных колец, тяжелые кожаные поножи прикрывали столбовидные ноги. Злобно сверкали глаза, чуткий хобот прощупывал воздух.

— Не узнаю ни облика вашего, ни запаха, — грозно проревел слон. — Недруги?

— Берегись! — выпалил, не подумав, Хек. — Он тревогу поднимет!

Слон откликнулся на это трубным хихиканьем.

— Да чего ради? Если я подниму тревогу, остальные охранники захотят разделить со мной удовольствие. Куда приятнее будет растоптать вас единолично.

Итак, предстояло обойти только одного стражника. «Но это кровожадный представитель семейства толстокожих, — уныло подумал Джон-Том, — так что и одного хватит с лихвой».

— Все назад! — завопил Найк.

Он выставил перед собою меч и, даже отступая, искал путь в обход громадного охранника.

Увы, этот путь отсутствовал. Слон перекрыл проем, его бока терлись о стены.

Монстр вытянул хобот и его кончиком сдвинул потайной рычаг. И дверь — та самая, которой Джон-Том все время боялся, — наконец сдалась. Створки выкатились на хорошо смазанных колесиках и оглушительно лязгнули... позади пришельцев.

Похоже, когда садовник говорил, что войти легко, а уйти — куда труднее, он не просто философствовал. Вот она, разгадка странной планировки усадьбы. Каждый коридор, соединенный с главным зданием, — потенциальная ловушка для непосвященных. Незваного гостя легко изолировать и прикончить, не подвергая опасности челядь и элегантный интерьер.

Слон, по-прежнему зондируя пространство хоботом, сделал еще шаг к пришельцам. Как и Найк, Джон-Том искал спасительную лазейку. Мангусту и выдру, наверное, хватит проворства уйти от хобота, но проскочить между массивными ножищами — задача куда сложнее. Тут малейшая ошибка непременно окажется роковой, исправить ее уже не удастся. То есть идти на такой риск можно лишь в самом крайнем случае.

«А значит, — сказал он себе, пока страж-великан неуклонно теснил отряд к прочному барьеру, — необходимо побыстрее найти альтернативу, если, конечно, таковая существует».

— Нам конец! — отчаянно простонал Пауко.

Мадж взялся за лук, хорошенько прицелился и выстрелил, но стрела не сподобилась продырявить даже кожаный доспех.

— Не доводи его до бешенства, — посоветовал выдру Хек.

Мадж недоуменно посмотрел на мангуста.

— Не доводить его до бешенства? Это еще почему? Он и так собрался нас уконтрапупить. — И сердито оглянулся на старого друга. — Эх, чувак, оченно обидно это признавать, но тока на тебя надежда.

И пожалел, что не запасся так хорошо выручавшим его на болоте звукопоглощающим мохом.

Джон-Том предположил, что любая попытка отразить удар хобота или бивня мечом обречена на провал, и в неистовой спешке схватился за дуару. За его спиной грозно высились прочные ворота из ламинированного, исписанного высокомерными предостережениями дерева. Изобретать хитроумные трюки не было времени. Мадж напомнил ему об этом в своей привычной беспардонной манере.

— *Да спой же че-то, любую дурь*! — завопил выдр, накладывая на тетиву вторую бесполезную стрелу.

На сей раз оперенное древко засело в тонком ухе. Страж отозвался возгласом изумления.

— Ай! Больно! Ну, паршивцы, это вам даром не пройдет. В наказание я сначала конечности раздавлю, а головы оставлю напоследок!

— Мы не желаем зла никому из обитателей этого дома, — в ужасе объяснил Найк. — Только хотим найти нашу принцессу.

— Ах, вот оно что, — презрительно затрубил слон. — Новый отряд спасателей принцесс! Такие, как вы, регулярно к нам заглядывают. И все отправляются на корм болотным пожирателям падали. То же будет и с вами. Меня не напугать вашим жалким оружьицем, да и не подкупить — на богачей вы не смахиваете. Но если бы и смахивали... Господин Манзай заботится о своих слугах, и мне он по душе. — Губы слона расплылись в гримасе. — Меня хлебом не корми, дай затоптать докучливого пришельца.

И он хлестнул хоботом, заставив Найка отскочить назад. Будь на месте мангуста существо не столь быстрое, слон наверняка бы его схватил.

— Ты пронырлив, — похвалил толстокожий. — Все вы, похоже, ловкие ребята, кроме разве что человечишки. Ну, да неважно. Мимо меня не пройти, а попробуете под брюхом — я на вас попросту сяду. Когда я на кого-нибудь плюхаюсь, он даже пикнуть не успевает.

Стихи! Нужны походящие стихи! Джон-Том, пронзительно сознавая, что время на исходе, изо всех сил напрягал свои извилины. Проклятье! Ничего слоновьего! Ну, будь что будет. Он запел.

На него вытаращился Мадж.

— Шеф, ты че? Офигел? Че за белиберда?

Не дождавшись отклика от чаропевца, выдр воззвал к остальным:

— Чуваки, вы в этой бредятине хоть чей-то понимаете?

Ответа не последовало. Пауко застыл с потухшими глазами и отвисшей челюстью.

От грифа дуары исходило нежное сияние, оно быстро растекалось, заполняя пространство между экспедицией и стражем. Голубым туманом ударило оно по огромным вислым ушам, заставило их встрепенуться. На слоновьей морде появилось выражение, обозначенное в психиатрии термином «конституциональная глупость».

Охранник шатнулся и привалился к стене, та застонала, но не обрушилась. Толстая шкура обвисла, как рыболовная леска над мельничной запрудой.

Джон-Том на всякий случай состряпал еще два куплета и, лишь допев последнюю строчку, повернулся — поздравить друга.

— Мадж, умница! Получилось!

— А? Че?

У выдра поникли усы, туловище покачивалось, из разинутой пасти капала слюна, а глаза идиотски таращились на чаропевца.

— Умница, говорю!

Столь неординарная реакция выдра слегка остудила восторг Джон-Тома. Он вгляделся в морду Маджа.

— Э! Да что с тобой?

— А? Да ниче, кореш, ниче, все нормалек.

Из лапы выпал лук.

— А ну, все за мной! — Джон-Том указал на одуревшего слона. — Разве не видите? Чары подействовали. Он заколдован, да вот только я не знаю, надолго ли. Пошли. — И посмотрел на спутников: — Э, да что с вами со всеми?

Мангусты брели, находясь в коллективной прострации. Хек и Пауко сплелись в путаном менуэте, безуспешно пытаясь обойти друг друга и снова сталкиваясь лбами. Одурманенный Караукул увлеченно изучал собственные пальцы, как будто под вопросом оказалось то ли их наличие, то ли происхождение. Даже Найк не был исключением — он не сильно, но часто бился теменем в ворота. И едва ли растущую вмятину на шкуре можно было считать обнадеживающим результатом.

Рассерженному Джон-Тому оставалось лишь сгуртовать товарищей и прогнать мимо стража. Тот уже что-то бормотал во сне, а из его пасти капала густая, как студень, слюна.

Чаропевец, оказавшись на просторной ротонде, обставленной для приятного времяпрепровождения, приступил к поискам и наконец обнаружил рычажок на стене. Стоило его перекинуть, как между спасателями и усыпленным слоном сомкнулись ворота — точная копия первых. Оставалось надеяться, что это препятствие выдержит натиск неудавшегося палача, когда он очнется.

На вопрос, сколько продержатся чары, Джон-Том ответить не мог. Прежде чем это случится, хорошо бы найти и выручить принцессу, да успеть вернуться на болото, где погоня не сыщет никаких следов.

Но для этого надо срочно привести в чувство очумевших мангуст и Маджа. Иными словами, необходимо противоядие от удачной чаропесни. Немало уйдет на это драгоценного времени, но выбора нет.

Наконец к выдру и солдатам вернулась способность рассуждать здраво.

— Что за гнусное колдовство? — Найк ощупывал здоровенную шишку на темени. — Что вы с нами сделали?

— Это случайность, я хотел угомонить только слона. — Джон-Том виновато покосился на Маджа. — Что поделать, иногда мои чары расходятся шире, чем надо.

— Иногда? А, черт!

Один лишь выдр сообразил, что произошло.

— Но идея-то хорошая.

— Чувак, идеи у тебя завсегда хорошие. Да вот исполнение частенько оставляет желать лучшего.

— Я сделал только то, что ты предложил.

На морде выдра появилось озадаченное выражение.

— Я? А че *я* такого предлагал?

— Велел, чтобы я спел какую-нибудь дурь.

Мадж обеими лапами потер физиономию, затем повернулся и с мольбой посмотрел на четырех солдат.

— Ну, видите? Видите, какие клепаные муки я вынужден терпеть последние двадцать годков? Скажите спасибо, че он не превратил нас всех в тритонов. Или даже в пятитонов.

— Поистине, это не похоже ни на одну из известных мне разновидностей волшебства, — признал лейтенант.

— Но ведь подействовало, — добавил суровый Караукул.

Джон-Тома это чуточку обидело.

— Самое главное — что мы все целы и невредимы и прошли мимо охранника.

Хек неуверенно оглянулся на деревянные ворота.

— И долго еще мы будем целы и невредимы?

— Не знаю. Пошли, разыщем вашу принцессу и смоемся отсюда.

Найк задрал нос, принюхался.

— Кажется, я улавливаю ее запах, хотя его сильно глушат запахи множества других существ.

— Хорошо хоть, никто из них не воняет, как слон.

Мадж тоже сосредоточенно работал ноздрями. Джон-Том понимал, что ему тягаться с такими чуткими нюхачами — пустое дело.

Они пронюхали всю ротонду и наконец пришли к общему мнению, которое вывело их в другой, более узкий коридор. На сей раз никто не вышел навстречу и не бросил вызов. Дорога привела во вторую ротонду, поменьше первой, но с такими же высокими потолками.

Когда они приблизились, Найк велел идти медленнее. В зале под куполом они увидели несколько высоких решеток, за каждой находилось отдельное помещение. Из некоторых доносилась тихая музыка. Тут и Джон-Том уловил запах духов. На противоположной стороне ротонды виднелся еще один коридор, там царил мрак.

В центре зала восседала парочка енотих, увлеченных настольной игрой. Поначалу Джон-Том принял ее за шахматы, но, приглядевшись, различил фигуры — совершенно незнакомые и неописуемые. Впрочем, в тот момент он меньше всего интересовался правилами таинственной игры.

Окружавшая енотих мебель претендовала на эпитет «роскошная». Повсюду были разбросаны шелковые перины и тугие подушки. Никак не вязались с дорогой обстановкой тяжелые, грубые замки на золоченых решетчатых дверях радиальных камер.

— В одной из клеток томится Алеукауна, — прошептал Найк.

— Первая слева. — В этой компании самым чувствительным носом обладал Караукул. — Между прочим, тут немало интересных запахов. Некоторые довольно странные, однако...

— Забудь о них, — лаконично оборвал лейтенант. — Нас интересует только принцесса.

— А как быть со служанками?

Хек указал на азартных енотих.

— Могу их покорить своим обаянием, — предложил болтливый Мадж.

— Нет уж, лучше попробуем что-нибудь понадежней, — поспешил возразить Джон-Том.

— Еще одну твою чаропесенку? — огрызнулся выдр.

— По-моему, это само собой разумеется. — Найк совершенно не уловил сарказма. А может быть, лишь сделал вид, что не уловил. — Почему бы их не усыпить, как того садовника?

— Тогда я мог не бояться, если песенка не поможет, — объяснил Джон-Том. — Он был нашим пленником и никуда бы не делся. — Чаропевец пригляделся к самкам с естественными масками на мордах. — А ну как я на них испробую то же, а ничего не выйдет? Они ведь запросто могут удрать и переполошить весь дом.

— Судя по всему, напрашиваются более простые меры. — Лейтенант вынул из висевшей у него на боку сумки шелковый шарф, намотал его концы себе на лапы и дважды дернул. — Хек и Пауко, берите на себя ту, что слева. Караукул, идешь со мной.

— Э, шеф, а как насчет нас? — осведомился Мадж.

— Действуйте, сообразуясь с вашими возможностями, но не путайтесь у нас под ногами.

Человек и выдр даже рта не успели раскрыть, как четверка солдат влетела в ротонду. Пожалуй, мангусты не могли соперничать в гибкости с Маджем, но бегали ничуть не хуже. Отреагировать на их появление у двух служанок не было ни малейшего шанса. Они вмиг очутились на полу, крепко связанные и с кляпами в пастях. Енотихи бешено сопротивлялись, но одолеть четверку закаленных в походах бойцов, конечно же, не могли.

Две пары глаз злобно таращились на Найка, острые зубы впивались в шелковые кляпы.

Все эти чудеса быстроты и ловкости заставили Джон-Тома еще острее почувствовать собственную неуклюжесть. Он держался в сторонке, пока мангусты не заткнули себе уши. Тогда он сыграл уже испытанную на садовнике колыбельную, и на служанок она подействовала с тем же успехом. Они уснули мертвым сном, и солдаты разместили их в роскошных креслах. Любой, проходя через ротонду, решил бы, что енотих за игрой сморил сон.

Найк, не тратя времени на любование делом лап своих, снял

с пояса старшей служанки узорное кольцо с ключами и поспешил к ближайшей клетке. Третий ключ легко вошел в замочную скважину. Однако когда Найк распахнул решетчатую дверь, из камеры не донеслось ни звука. Его товарищи гурьбой ринулись вперед, а Джон-Том бесшумно затворил за ними дверь.

Еще ни разу в жизни ему не случалось видеть такого шикарного узилища. Плотные гардины в два яруса закрывали стрельчатые окна. На сводчатом потолке, расписанном лесами и реками, господствовал витражный световой люк, милостиво пропуская лучи восходящей луны. Справа угнездилась массивная, но элегантная ванна, сложенная из внушительных блоков травертина и малахита. Поблескивали золотые причиндалы в форме дельфинов и тюленей. Где добыли эти материалы и по какой цене, Джон-Тому оставалось лишь догадываться. Пол большей частью прятался под толстыми коврами и подушками, они дыбились возле мебели, точно налетевшие на каменный берег волны.

Спасатели крались по комнате, а та все расширялась, словно они продвигались из центра гигантского, разрезанного на дольки торта к периферии.

Первым огромную кровать из алого, точно кровь, дерева увидел Мадж. Казалось, она грациозно плывет над щедро устланным коврами полом, увенчанная балдахином из зеленого и розового шелка с золотым шитьем. На кровати сидела и сонно моргала, глядя на пришельцев, крепенькая, спеленькая серо-коричневая особа. В ее взоре озабоченности было больше, чем страха.

— Кто это? Кто здесь?

Звуки ее голоса побудили четверку солдат броситься вперед и простереться ниц возле кровати.

— О величественнейшая, о бесподобнейшая принцесса! — От избытка чувств у Найка перехватило горло. — Я — лейтенант Найк из клана К'Хуритоупа, а это — мои подчиненные. — Он представил каждого по имени и снова повернулся к ней: — Мы все — честные, верные солдаты Харакуна. Этот миг нам грезился много месяцев. И вот мы здесь, в вашем распоряжении. А еще здесь наши союзники и друзья: искатель приключений Мадж и великий чаропевец Джон-Том. — Произнося эти слова, он набрался смелости посмотреть принцессе в глаза.

— Матушка ваша, королева, ждет не дождется благополучного возвращения своего драгоценного чада. Она отчаянно скучает по вас. Равно как и ваши сестры и брат.

Принцесса кивнула. Она уже полностью одолела сонливость и теперь напряженно думала.

— Я сожалею об этом, но не сожалею о конфликте, из-за которого очутилась в столь малоприятной ситуации. Я правильно поняла: вы явились меня спасать?

— Не-а. — Мадж, одарив августейшую особу самым долгим

и тяжелым взглядом из своего арсенала, теперь с опаской глядел на дверь. — Мы, эт-та, решили заглянуть к вам на чашечку чаю, поболтать о том о сем, а потом сделать лапкой и свалить.

— Мадж, веди себя прилично, — одернул спутника Джон-Том. — Она же так настрадалась!

— Ну, это ясно, — согласился выдр. — Достаточно глянуть, в каких кошмарных условиях ее содержали. — Он дал пинка атласной подушке — такой мягкой, что лапа утонула в ней по лодыжку.

Между тем принцесса сошла с кровати и закуталась в шаль, похожую на пургу из голубоватого шифона. Джон-Тому бросилось в глаза, что ее фигурка чуть стройнее, а окрас чуть светлее, чем у солдат, хотя темные полосы на нижней части туловища и хвосте такие же четкие. Во взоре его приятеля появилось нечто помимо легкого раздражения.

Старина Мадж! Джон-Том улыбнулся. Выдры никогда не меняются.

Алеукауна опустила лапу на плечо Найка.

— Чтобы вызволить меня, вы проделали такой долгий путь! Я не думала, что нуждаюсь в спасении, но и не надеялась самостоятельно одолеть этого лживого негодяя, моего похитителя. Обещаю, ваша награда будет достойна подвига. — Она одарила нежным взглядом четверку солдат, чьи вытаращенные глаза горели обожанием и восторгом. — Но сначала необходимо кое-что сделать.

— О да. — Лейтенант кивком указал на дверь. — Эта усадьба хорошо защищена, что делает побег затруднительным.

— Я и сама не слепая, — проворчала Алеукауна. — Манзай ограничил мои передвижения, но не обзор. Думаю, я сумею найти безопасный выход.

Хек вежливо предложил:

— Тогда поспешим, ваше высочество, пока сонные чары, наложенные Джон-Томом на сторожей, не ослабли или пока другие сторожа не явились проведать вас. — Он остановился у дверей, осторожно глянул через решетку и сообщил: — Все еще спят.

В глаза Джон-Тому посмотрели очи, похожие на светящийся изнутри полированный оникс. Во взоре этом была абсолютная уверенность в себе и ни малейшего смущения.

— Настоящий чаропевец, — проворковала Алеукауна.

— О да! — гордо заявил Найк. — И его отважный спутник.

Мадж, шагнув вперед, взял принцессу за изящную лапку и церемонно ткнулся усами в тыльную сторону ее ладони. По мнению Джон-Тома, своей длительностью поцелуй побил все рекорды неприличия.

— Мадж! — предостерег он.

Выдр успокаивающе кивнул:

— Да знаю, чувак, знаю. Мы здесь тока для того, чтоб помочь в ейном вызволении. — И с располагающей улыбкой повернулся к принцессе: — Но это не значит, че мы вправе забыть о клепаных манерах, верно, малютка? Сказать по правде, я в жисти не встречал настоящей принцессы.

— Судя по всему.

Она высвободила конечность, но в этом жесте, пожалуй, добродушная насмешка преобладала над раздражением.

— Вы должны извинить моего друга, — вмешался в разговор Джон-Том. — Он... от природы не слишком застенчив.

— Удача любит нахальных, — с улыбкой заметила Алеукауна.

Между Маджем и Алеукауной встал нахмурившийся Найк.

— Ночь на исходе, а с ней и шансы на благополучное бегство. Ваше высочество, если вы действительно знаете безопасный выход из дома, следует воспользоваться им как можно скорее.

Она кивнула и, плотнее закутавшись в шифон, направилась к двери. Лейтенант держался рядом.

— Через месяц вы снова увидите родной дворец.

— Лейтенант, я уже поняла, что вы не бросаете слов на ветер. Как и ваши солдаты, вы отважны и знаете свое дело. Однако я не могу уйти, пока не исполню взятые на себя обязательства.

Хек и Пауко оторопело переглянулись. Найк неуверенно молвил:

— Ваше высочество, боюсь, я не понял. Что за обязательства?

— Во мне течет королевская кровь. А это подразумевает, что у меня есть долг не только перед Харакуном и моей семьей, но и перед подругами по несчастью.

— Подруги по несчастью?

Найк отчаянно сражался со зреющей в его мозгу догадкой.

В следующий миг все, в том числе и Мадж с Джон-Томом, попали под мягкий, но властный взгляд. Чаропевец отметил, что у принцессы очень длинные ресницы.

— Это означает, что я не смогу с чистой совестью гулять на свободе, пока мои сестры томятся за решеткой.

— Это еще почему? — пробормотал Мадж. — Че до меня, так я б гулял на свободе и в ус не дул.

Занявший позицию возле двери Хек почтительно взмолился:

— Ваше высочество, я всего-навсего скромный солдат, но осмелюсь заметить: у нас слишком мало времени, чтобы тратить его на другие дела, сколь бы возвышенно они ни выглядели. В любой момент могут развеяться чары Джон-Тома либо сюда придут охранники и обнаружат нас. Надо выбираться из усадьбы, и поскорее!

Принцесса, пропустив эти слова мимо ушей, указала Найку на его запястье — там позвякивало узорное кольцо с ключами.

— У вас есть ключи от остальных камер. Чтобы освободить моих сестер по узилищу, понадобятся считанные минуты.

— Возможно, — согласился Пауко, — но большую группу беглецов и обнаружить легче.

— Нас уже семеро, — возразила принцесса. — Если к нам присоединятся еще несколько узников, что от этого изменится?

— И правда, что?

Найк задумался.

— Лейтенант, вы слышали мой приказ? — процедила она сквозь зубы. — Или нет?

Найк прижал к груди правую лапу и низко поклонился.

— Ваше высочество, мы — покорные слуги. Слушаем и повинуемся.

— Ты, кореш, говори за себя.

Мадж повернулся, собираясь уйти, но тяжелая человеческая рука остановила его.

— Мадж, теперь мы не можем их бросить.

— Да ну? — Выдр холодно глянул на Джон-Тома. — Взаправду, че ль, не могем? Следи за мной, чувак, щас я покажу, как это делается.

— Решил удрать в одиночку? — спокойно осведомился Джон-Том.

Выдр, уже взявшийся за дверную ручку, замер. Через секунду он повернулся и сердито погрозил другу пальцем.

— Эх, кореш, да кабы я не опасался за твою перекормленную тушу, уже б давно чесанул в одиночку.

— Ну конечно. — Джон-Том подавил улыбку. — Без твоего неусыпного присмотра мне и минуты не прожить.

— Ну, раз ты и сам это понимаешь... — проворчал Мадж и шагнул в сторону, пропуская Найка с принцессой.

Ротонда оставалась безлюдной, если не считать двух сладко посапывающих служанок — они покоились в креслах, точно мягкие игрушки. Казалось, и все здание погружено в сон. По крайней мере, далекий перекрытый коридор не оглашался яростным ревом.

— Пока все идет хорошо, — успокаивал себя Джон-Том и думал при этом, долго ли продержатся его «дурацкие» чары. Дверь камеры по соседству с Алеукауниной подчинилась узорчатому ключу с кольца Найка. Принцесса проскочила мимо него, настойчиво зашептала, склонясь в лунном свете над кем-то. Джон-Том, оставшийся в ротонде, заметил, что камера как две капли воды похожа на предыдущую.

— Умаджи! Это Алеукауна. Просыпайся! Пришли храбрецы из Харакуна, они нас освободят!

— В самом деле? — раздался очень густой, по мнению Джон-Тома, голос, однако неоспоримо женский. — Как раз вовремя. Вот молодцы! Хотела бы я то же самое сказать и о моих бесполезных подданных.

В темноте улавливалась возня. Затем принцесса с Найком отступили назад, и появился некто массивный, упакованный в желтую с черным замшу.

Высокородная принцесса Умаджи Туурская оказалась очень изящной, очень респектабельной и очень рослой горной гориллой. Джон-Том предположил, что весит она где-то между тремя и четырьмя сотнями фунтов (трудно было сказать более точно, так как почти все горилье тело пряталось под замшевыми складками). Стоя на трех могучих конечностях, свободной лапой она откинула назад концы черной с серебром ленты, обхватывающей ее голову. Прозрачная вуаль на морде была в тон ленте.

Чаропевец поймал себя на том, что думает не о ней, а о Манзае. Он наклонился к Маджу — пошептаться.

— Ну?

— Че — ну, кореш?

— Ты разве не хочешь показать себя вежливым выдром? Не поцелуешь ей лапу?

— Да я, чувак, не уверен, че сумею ее поднять. Почему б тебе самому не попробовать?

Джон-Том выпрямился.

— Я, как всегда, обойдусь простым «здрасьте».

Принцесса Умаджи обняла Алеукауну, причем мангуста почти целиком исчезла в лапах примата.

— А остальные? — поинтересовалась горилла.

Алеукауна энергично кивнула:

— Вызволим всех по очереди. Не оставлю нашему похитителю ни одной игрушки.

Из следующей клетки они выпустили Квиквеллу Опанскую, серебристую муравьедиху с неимоверно длинным языком. Этим выдающимся органом Квиквелла благодарно лизнула каждого спасителя. Джон-Тому язык прошелся по всему лицу и лишь в самую последнюю очередь коснулся губ. «Вот это поцелуйчик», — ошалело подумал человек.

Голос у муравьедихи оказался едва слышным — наверное, из-за чрезвычайной вытянутости физиономии.

— Полдела сделано, — отрывисто сообщила Алеукауна, и они двинулись дальше.

Одна из служанок громко всхрапнула, Джон-Том резко повернулся к ней. Долго ли еще пришельцам безнаказанно ходить по дому? Похоже, они слишком увлеклись, искушая судьбу.

Они освободили Сешенше Паресси-Глиссарскую, принцессу из племени рысей, обладательницу превосходной грации и отменных манер. На благодарные слова и улыбки она не скупилась, не подозревая о том, что человек, наблюдая в дюйме от собственного носа ее белейшие и острейшие зубы, покрылся мурашками.

«Никаких проблем, — внушал он себе, пока Найк боролся с замком очередной клетки. — Все в порядке».

Но тут лейтенант отворил дверь в обиталище следующей принцессы, и самообладание чаропевца заколебалось под стать его поджилкам.

Глава 9

У Ансибетты Боробосской волосы отливали императорским топазом, а глаза были, как прозрачная лазурь. Шестифутового роста, она казалась на первый взгляд вылепленной из смеси сахара, масла и мрамора. Да если на то пошло, она была более чем просто человек. Ее естественная грация заставила чаропевца почувствовать себя выброшенным на берег осетром.

Мадж изучающе посмотрел на друга.

— *Так-так-так.* Налицо полная потеря умственных способностей. Че мы наблюдаем конкретно? А конкретно мы наблюдаем кретинское выражение рожи, отпавшую челюсть и парализованные верхние конечности.

И он легонько стукнул спутника по ребрам.

Джон-Том сердито заморгал.

— Это еще за что?

— Извини, кореш, но ты забыл, че надо дышать. — Выдр потер ладони. — Ну вот, еще одну милашку выпускаем из-под замка и выбираемся из этого позолоченного сортира. Ежели, конечно, ты способен работать ногами.

Голос принцессы Ансибетты напоминал дуэт арфы и челесты.

— О, благодарю вас! Глубоко признательна за отвагу и самопожертвование! — По примеру своих царственных сестер по несчастью Ансибетта сказала добрые слова каждому освободителю. Джон-Том был не в силах двигаться, мог лишь ждать, что будет дальше.

Принцесса крепко пожала ему руку, а затем точно так же познакомилась с Маджем и остальными.

Это разрушило чары и вернуло чаропевцу способность шевелиться, но тут возникла новая проблема — голова угрожала полностью свинтиться с шеи.

— Чувак, это ж всего-навсего еще одна избалованная высокородная соплячка, — напомнил ему выдр. — Теперича нам опекать энтот детский сад, пока не смотаемся отсюда.

— Ты прав, — удалось пробормотать Джон-Тому. — Одна из бывших пленниц, не более того. Или из бывших предметов коллекции.

Проще было думать о Манзае, чем о... о...

— Ах, люди, люди, — шепотом выразил неодобрение Мадж.

— Ну вот, последняя камера, мы все будем в сборе, и можете нас уводить, — торопила Найка как могла Алеукауна.

Но увещевания были излишни. Лейтенант поспешно повернул ключ в замочной скважине. Пиввера Тренку-Ханская, разбуженная возней, успела полностью одеться.

Она была пониже принцесс Ансибетты и Умаджи, но Алеукауне ростом не уступала. Идеально расчесанный густой коричневый мех отсвечивал под стать зеленому и золотому шелкам, а взгляд живых глаз перескакивал с одного спасителя на другого. Лапы Пивверы были не длиннее ее хвоста, а торс — пухленький, с симпатичными изгибами.

Короче говоря, она оказалась выдрой, и настал черед Джон-Тома хихикать.

Алеукауна двинулась к выходу, Найку пришлось ее задержать.

— Ваше высочество, прошу прощения, но мы не можем бежать в этом направлении.

— Это почему же? — осведомилась Квиквелла.

— Потому что там находится временно обезвреженный слон, и мы не знаем, как отворить двери, которыми он отгорожен, — объяснил Джон-Том. — Придется найти другой выход.

— Вы очень везучие, раз сюда добрались, — одобрительно заявила принцесса Пиввера.

— Кому повезет, у того и петух снесет.

У Маджа дрожали усы.

Его друг не мог не признать, что Пиввера — настоящая красотка, хоть и из семейства куньих. Ну а что касается Маджа — тот парил в полудюйме от пола. Мадж, его друг. Мадж Бабник, Мадж Развратник, Мадж...

«Ты зря так волнуешься, — укорил себя Джон-Том. — Пиввера — принцесса, особа королевской крови. Наверняка она умеет обуздывать нахалов, даже если нахал участвовал в ее спасении и, стало быть, она перед ним в долгу. Впрочем, все это тебя не касается».

Но таковая нить рассуждений навела его на мысль о Талее, и ему стало не по себе, и еще больше не по себе становилось всякий раз, когда в поле зрения появлялась Ансибетта Боробосская.

— Коли так, попробуем бежать через кухню. — Алеукауна, энергично работая короткими нижними лапами, двинулась в противоположном направлении. — Час поздний, и там не должно быть слуг, а стражу к своим котлам и кастрюлям Манзай не приставляет.

Путь им освещали луна за окнами и редкие мерцающие плафоны. Наконец беглецы вошли в столовую, набитую щедро лакированными столами и стульями. Бесшумно пробрались они мимо пустующих сидений и очутились в кухне. В тусклом свете поблескивали раковина и мыльницы.

Ансибетта, чересчур старательно выбирая, куда поставить ногу, не уделила равного внимания остальным частям своего тела и врезалась в медный пылеуловитель, на что тот ответил металлическим гулом, а затем и вовсе сорвался с крючка и грянулся об пол. Тишина раскололась, точно в безветренную ночь проснулся вулкан.

Все застыли, глаза тщетно буравили тьму. Как только Джон-Том решил, что все обошлось, раздался незнакомый голос:

— Что такое? Кто тут?

Он был хриплым спросонья и, возможно, спьяну. Никто из беглецов не шевелился, даже не дышал.

Но безответная мгла не обманула вопрошавшего. Кольцехвост, стоявший за огромной, запачканной кровью разделочной колодой, заметно пошатывался и держал в лапе полупустую бутылку.

— *Кто тут*, спрашиваю?

— Проклятье!

Пиввера не колеблясь двинулась прямиком к слегка растерянному, но уже полному подозрений слуге. За ней коренастым сгустком мрака последовала Умаджи Туурская.

Морда кольцехвоста расплылась в недоумевающей ухмылке.

— А, это вы, камера номер один. И камера номер два! А ну, говорите, что это вам вздумалось разгуливать без сопровождения?..

Догадка обрушилась на него раньше, чем Пиввера.

— *Помогите! Помогите! Это побег! Караул, на помощь...*

Пиввера саданула ему под дых, а Умаджи шлепнула громадной лапой по морде. В следующий миг четверка солдат избавила принцесс от необходимости доводить до конца неприятное дело, а злополучного мясника — от необходимости дышать перегаром. Увы, было слишком поздно.

Из самых дальних уголков здания доносились голоса: раздраженные, заспанные, растерянные. Поднималась тревога. Мадж смачно выругался.

— Простите, — пробормотала огорченная Ансибетта. — Я старалась быть осторожной. Но со мной иногда так бывает: идешь, идешь, и вдруг натыкаешься на что-нибудь...

Джон-Том поспешил ее успокоить:

— Да ладно вам. Забудьте. Нам ведь страшно повезло, что мы раньше никого не разбудили.

Даже в почти кромешном мраке ее глаза сверкали лазурью.

— О, вы *такой* снисходительный...

По его телу пробежала дрожь — баллов восемь, а то и девять по шкале Рихтера. «А голосок! — мысленно восхитился он. — Из тех, что каменные мужские души превращают в сироп».

Словно спохватившись, у его плеча настойчиво зазвенело почти забытое облачко нот. Но это было уже излишним — он и сам понимал, что надо торопиться. Что до Маджа, то он выглядел окосевшим. Джон-Том знал, в чем тут дело. В Пиввере Тренку-Ханской.

Но она либо не замечала чересчур пристального внимания выдра, либо не подавала виду, что замечает, и обсуждала с подругами и лейтенантом стратегический план.

Алеукауна и Сешенше первыми направились в боковой коридор. Кругом все громче звучали голоса. Но гомон разбуженных слуг — ничто в сравнении с переполохом, который поднимется, когда обнаружат злополучного пьянчужку. Лучше бы беглецам к этому времени оказаться подальше от усадьбы.

Алеукауна показала на поворот.

— Там должна быть дверь, а за ней — погрузочный пандус.

— Это было бы совсем неплохо.

От бега у Пауко появилась одышка.

Он напрасно волновался. Как только беглецы свернули за угол, перед ними оказалась большая двустворчатая дверь. За ней в просторном помещении высились аккуратные штабели больших и малых емкостей. Чуть позже позади раздался приглушенный расстоянием рев.

— Кто-то нашел труп, — объявил Хек.

— Нас-с заподозрят не с-сразу. — Длинные, увенчанные кисточками уши Сешенше повернулись на звуки далекой сумятохи. — Вдобавок они с-считают, что мы безоружны и с-сидим взаперти.

— Это дает нам выигрыш во времени, но совсем небольшой. Очень скоро будут обнаружены усыпленные служанки. — Найк приглядывался к дверям. — Заперто с той стороны! Замок! И цепь!

— Непросто будет уйти, — будто жалобное эхо козла-садовника, откликнулся Караукул.

Джон-Том приготовился сотворить дверобойные чары, но Мадж успел частично оправиться от ступора и сделал замку профессиональное «опаньки».

— Прошу прощения.

Высоко держа украшенную кисеей голову, принцесса Умаджи чинно приблизилась к дверям и ухватилась за цепь обеими лапами. В этот миг из только что покинутого беглецами коридора донесся вопль:

— Вот они!

— Бей ублюдков!

Мадж схватил лук, высунулся из-за угла и всадил оперенную деревяшку в шею вопившего охранника. Бегущих следом это убедило осадить назад.

— Неча копаться! — пролаял спутникам выдр. — Долго я их не удержу!

— Отличный выстрел.

Пиввера неуловимым движением приблизилась и встала у него за спиной.

Мадж невольно расплылся в улыбке.

— Хошь глянуть, как я еще одного ухайдакаю?

— Хватит пялиться на меня, идиот несчастный! Делом занимайся!

Из чего можно было сделать вывод, что Мадж не так уж не-

отразим. Он вернул отвисшую челюсть на подобающее место и снова натянул тетиву.

Стражники, пустившиеся в погоню за безоружными принцессами, никак не ожидали встречи с метким лучником, четверкой мангуст с алебардами и громадным человечищем, который орудовал мечом подлиннее любого из манзайских холуев. Вдобавок охранники еще не совсем очухались от сна. В общем, они решили подождать подкрепления. Джон-Том предчувствовал, что оно не замедлит появиться. Он оглянулся и крикнул:

— Умаджи... то есть ваше высочество! Не советую слишком долго тут задерживаться.

— Спокойствие, человече, — пришел ответ. Засим прозвучало несколько басистых, но сугубо женских ругательств, а потом треск металла — преграждавшая путь цепь поддалась могучим лапам принцессы. — Путь свободен!

— Вот и чудненько, как раз пора сматываться.

Мадж опустил лук, лапой обхватил Пивверу за талию и бросился вдогонку за остальными. Принцесса его не оттолкнула. Недотрогой ее не назовешь, решил Джон-Том. Следом за принцессами все гуськом вышли на деревянный пандус и спустились на узкую дорожку, исчезавшую невдалеке в окрестной зелени. К этому времени луна исчезла, и солнце угрожало появиться в любую минуту. Позади беглецов по всей усадьбе зажигались огни.

— Необходимо сойти с дороги и укрыться на болоте, — сказал Найк Джон-Тому.

Чаропевец отрицательно покачал головой:

— Нас слишком много, и мы очень шумим. У их высочеств нет подходящей одежды и обуви. И преследователи легко нас найдут по запаху.

Ему не пришлось напоминать, что их спутницы пахнут дорогими духами.

— А куда ведет эта дорога? — спросил Найк у принцесс.

— Пригодной для нас дороги нет. — Всем пришлось напрячь слух, чтобы услышать шепот Квиквеллы. — Но на юге расположен Машупро.

— Значит, у нас нет выбора. Будем надеяться, что сумеем оторваться от погони.

Некоторое время они шествовали в темноте. Сырой и теплый воздух был перенасыщен запахами гнили, но Джон-Том с удивлением обнаружил, что чувствует себя превосходно. Честно говоря, в такой отменной форме он не был уже много лет. Поблизости Мадж только что не плыл по воздуху рядом с Пивверой, к нему вернулся юношеский задор в комплекте с энергией. По крайней мере, казалось, перспектива угодить в лапы к миньонам Манзая и быть порезанным на мелкие кусочки нисколько ему не досаждала.

Эта картинка — две выдры, шагающие бок о бок и безмятежно болтающие о чем-то своем, — побудила Джон-Тома переключить внимание на принцессу Ансибетту. Она бежала легко, длинные ноги давали ей преимущество перед Умаджи, Квиквеллой и остальными. А еще они приводили чаропевца в трепет.

— Враги наступают!

Найк все решал, как быть: бежать дальше или контратаковать и спасти принцесс ценой своей жизни? Он решил посоветоваться с солдатами.

— А не устроить ли засаду? — предложил Хек.

— Если мы это сделаем, кто-то может проскользнуть. — Лейтенант спросил у принцесс: — Много у Манзая слуг и солдат?

— Этого мы не знаем, — ответила на бегу Пиввера. — Но, по крайней мере, сотню я видела собственными глазами.

— И вс-се мы, девочки, с-с голыми лапами, — досадовала Сешенше. — А ведь могли бы запас-стись оружием. На худой конец, взяли бы на кухне ножи.

— Не терзайте себя напрасными упреками, — сказал Найк. — Мы сделаем все, что сможем. — Он укоротил шаг, так же поступили и другие. — Постарайтесь как можно лучше замаскироваться в камышах.

Ансибетта окинула взором густые грязные заросли вдоль дороги и скривилась.

— Так пахнет, будто тут кто-то сдох.

— У меня идея. — Лейтенант повернулся к оставшейся вдали усадьбе. — Вооруженная часть нашего отряда вступит в боевой контакт и тут же отойдет на болото, стараясь как можно больше шуметь. Надеюсь, все враги последуют за нами, и у высочеств будет время благополучно уйти. Если удача нам улыбнется, мы будем водить неприятеля по топям, пока вы не обнаружите возницу или лодочника. — Алеукауна хотела что-то сказать, но Найк протестующе поднял лапу. — Нет, ваше высочество. — И с нетипичной для него фамильярностью нежно погладил принцессу по щеке. — Мы уже давно приготовились отдать за вас свои жизни.

— Вы — настоящие солдаты Харакуна, — с чувством произнесла она. — Благородные и отважные.

— И глупые, — добавил Мадж.

Лейтенант резко повернулся к выдру:

— У вас что, есть предложение получше?

Маджа его сердитый тон нисколько не обескуражил.

— Ты ж послушай, шеф. Можа, этот чувак Манзай и ублюдок, каких свет не видел, но ума ему не занимать. Ежели вы затеете играть в войнушку на энтой навозной лепехе, он, конечно, пошлет за вами прихвостней, но не обязательно решит, что мы тут всем скопом. Нет, он прикажет кому-нибудь дойти до конца тропы — проверить. Это как пить дать. И нашу миленькую стайку принцесс обязательно застукают.

Взволнованно шевеля усами, он повернулся к Джон-Тому.

— Таперича о предложении моего другана. Больно это говорить, но ничего лучше идейки насчет твоего, Джонни-Том, пения в башку нейдет.

— Что? — Насупив тяжелые брови, Умаджи с ног до головы осмотрела высокого человека. — Его пение? А у него что, приличный голос?

— Он, да будет тебе известно, чаропевец. Командует музыкой, хотя подчас она выделывает слишком вольные коленца.

— Это верно, — вставил Найк. — Я сам видел его за работой. — Он взглянул на Джон-Тома, тот уже задумчиво перебирал струны дуары. — Маг, воспользуйтесь сонными чарами.

— Или оглупляющими, — с надеждой добавил Хек.

Джон-Том, возвышаясь в центре внимания, ударил по двум наборам струн и целеустремленно вышел на середину дороги. Заблудшие ноты сгустились неподалеку в плотный шар цветомузыки.

— Вообще-то сейчас бы подошло что-нибудь помощнее.

— Да, кореш, точняк! — ободряюще пролаял Мадж. — Задай им перцу! Пущай хнычут и ползут обратно в свои описанные кроватки! — Он повернулся к принцессам и, понизив голос, сказал: — А вам бы я посоветовал спрятаться в ямке или за крепким деревом.

Пиввера сверкнула глазами.

— Как это понимать? Ты уверен в способностях своего приятеля или не уверен?

— Уверен, точняк. Но и вы должны понять: я видел, как он работает.

И выдр принялся подыскивать себе укрытие.

На топкой дороге появилась разъяренная толпа. Щетинясь оружием, она быстро надвигалась на усталых, потных беглецов. На наконечниках копий и клинках играли первые лучи рассвета. Джон-Том прикинул, что преследователей не меньше сотни, — казалось, к нему приближается сплошная стена. Перед ней горстка храбрецов не продержится и минуты.

А значит, теперь все зависит от него. Как обычно. Дело знакомое, хотя он и не занимался им уже много лет. В голове кишели подходящие к случаю стихи. Несколько лет назад он бы постарался вызвать сокрушительное могущество, неудержимую силу. Но ее, как он многократно и небезболезненно убеждался, очень нелегко контролировать. А то и вовсе невозможно. Нет, искушенный волшебник всегда работает тонко. Подбирает магию под стать ситуации. «Знай меру в делах и желаниях» — этот девиз годится не только для волшебства, но и для всей жизни Джон-Тома. Вдобавок любое отступление от него чревато риском.

И он запел. Запел на глазах у тех, кто стоял на дороге и прятался за камнями и деревьями. Запел не об огне и разрушении, не о хаосе и катаклизмах, а о лучших временах и о лучших странах. О мирной жизни и приятном окружении. Выражаясь языком волшебников, это было чем-то вроде ухода от действительности, от стремительно накатывающейся на беглецов опасности. Потому-то озадаченный и встревоженный Мадж и высунулся из укрытия.

— Эй, шеф, какого хрена лысого ты тут слюни пускаешь? Щас надо думать о жизни и смерти, а не о созерцании и красивых позах!

Джон-Том, не обращая на него внимания, пел:

В иное место, в иное время,
В иную погоду и день иной,
Легко унеси, колдовское племя,
Меня и всех тех, кто бежит со мной.
О, как я устал отвечать на удар
Ударом врагам, их не зная даже!
Ни шатко ни валко — неси нас туда,
Где вражий напор до поры не страшен.

От этих слов музыкальное облачко забила крупная и громкая дрожь.

Одновременно из сияющей развилки дуары потек зловещий зеленый туман.

— Отлично, чувак! — злорадно пролаял Мадж. — Растопи у них мясо на костях, выжми воздух из легких! Зажарь на месте педиков несчастных!

Джон-Том не успел бы объяснить приятелю, что у него на уме совсем другое. Правда, его и самого слегка беспокоила недвусмысленная консистенция и окраска сгущающегося тумана. Этот туман ширился, пока не окутал всех. От него зябла и слегка зудела кожа. Было ощущение, что он уже испытывал это однажды. Давным-давно, на мысе в заливе Сан-Франциско.

В течение жуткой минуты он боялся, что песенные чары умчат их всех туда, где появление двух разумных выдр, четырех вооруженных мангуст-переростков и полдюжины принцесс различных зоологических видов не так-то просто объяснить. То-то будет зрелище, когда они материализуются на площади Гираделли или в районе Рыбацкой Верфи.

Но лишь когда туман сгустился настолько, что полностью закрыл обзор, человек понизил голос и перешел к завершающим аккордам. Рожденный дуарой пар постепенно рассеивался, и вскоре Джон-Том понял, что чаропесня свое дело сделала. Все эти годы упражнений, бессчетные дни трудной учебы под суровым и неусыпным оком Клотагорба, все эти сонмы долгих вечеров, отданных чтению и конспектированию древних фолиантов, принесли наконец плоды.

Телепортация физического тела всегда считалась одной из самых сложных и неуправляемых разновидностей волшебства. А Джон-Том — и это было неоспоримо — перенес всех до одно-

го: принцесс, солдат, Маджа, себя и даже музыкальный отрывок. Последний, закрутившись в микроторнадо, звучал все бодрее и увереннее — никак, почуял наконец, что рядом настоящий волшебник и чаропевец.

Но оставалась одна проблема. Они перенеслись лишь на милю и все еще видели огни владений Манзая.

— Эхма, опять не слава богу.

Мадж с тяжелым вздохом поднял лук.

— И все-таки мы перенеслись, скажешь, нет? — Джон-Том хмуро посмотрел на дуару, подтянул одну струну. — Тут, наверное, все зависит от отношения лиризма к массе. Будь нас поменьше, мы бы, глядишь, перенеслись подальше. Если помнишь, я привык чаропением выручать только тебя и себя.

— Не понимаю, — сказала Сешенше. — Что с-с нами произошло?

— А то, че он нас перенес, ваша пушистость, — объяснил Мадж. — Да вот тока малость близковато.

Издали донесся вопль. Преследователи, вынужденные отступить перед клубящимся зеленым облаком, возобновили погоню.

— Эй, чувак, ты б лучше еще разок спел. Можа, и не шибко передвигает нас твоя чаропесенка, но все ж побыстрее, чем пешкодралом.

— Вот уж не думаю, что это хорошая мысль. — Джон-Том все еще возился со струнами. Настроить инструмент так, чтобы он играл одновременно во многих измерениях, — это задачка по силам разве что Хендриксу или Сатриани. Как ты и сам заметил, толку было мало.

— Мало, чувак, это верно, но все ж был. Как ни крути, маленькое волшебство лучше, чем ваще никакого. Попробуй еще разок.

Джон-Том подчинился, поскольку ничего лучше придумать не мог, да и не располагал временем на размышления. Он поработал над стихами, стараясь не выходить за рамки удавшегося и доказавшего свою безвредность заклинания. Только на этот раз он не перестал петь и играть даже после того, как они перенеслись еще на полмили.

Сгущалось и развеивалось, развеивалось и сгущалось зеленое облако. Беглецы исчезали из реальности и снова появлялись, скачками перемещаясь к далекому Машупро и медленно, но верно отрываясь от погони. Слуги Манзая могли полагаться только на собственные конечности, а солдаты Харакуна и принцессы, не тратя сил, летели на крыльях волшебства. Лишь у чаропевца онемели пальцы да срывался голос.

«Жалко, с нами нет детей, — подумал Джон-Том. — Они бы меня подменили». Уже подкрадывалась хрипота — вода, которую он пил, ее лишь задерживала, но не устраняла. Если он скиснет раньше, чем выдохнется погоня, — все пропало. Вокруг, словно

учуяв его тревогу, завихрилось музыкальное облачко. Оно сторонилось сияющей дуары, но сочувствовало певцу.

— Чаропевец, будьте осторожны.

Ансибетта стряхнула с ноги грязь. Последняя телепортация едва не зашвырнула беглецов в топь.

— Я и так стараюсь изо всех сил!

Сам-то он был рад, что поет в низине. Будь воздух меньше насыщен влагой, горло бы уже не выдержало.

* * *

Скороход из племени коати шатался от изнеможения, стоя перед своим господином.

Глядя на него сверху вниз, гризли в сияющих доспехах, держащий на плече шипастую палицу, грозно зарычал. На голове Манзая сверкнули рога тяжелого шлема.

— Ты хочешь сказать, что их еще не догнали?

Коати ловил пастью воздух.

— Хозяин, творится черт-те что. Стоит нам подойти, как непонятное волшебство подхватывает их и уносит вдаль.

— Волшебство? — Густые брови сдвинулись. — Что за волшебство?

— Прости, хозяин, я не знаю. Зеленое такое волшебство.

— Толковое объяснение, — саркастично пробормотал гризли. И, выпрямившись во весь свой богатырский рост, обозрел дорогу. — Что ж, по крайней мере, они еще не исчезли. — Он повернулся к поджидающему слуге. — Отправь вдогонку моих лучших скороходов. Хелодьяра тоже, если его мозги уже пришли в порядок.

Антилоп в расшитой гербами ливрее кивнул и бросился исполнять поручение.

— Мы растопчем гадких чужеземцев! — Манзай снова поглядел на дорогу. — Они даже не представляют себе, на что способен оскорбленный коллекционер. — Он махнул лапой в сторону коати: — Отдышись — и снова в погоню.

— Слушаюсь и повинуюсь, хозяин. — Отвесив подобострастный поклон, коати резко повернулся и ринулся вперед, а его господин двинулся следом менее поспешной, но решительной поступью.

Передовой отряд преследователей уже подобрался к беглецам достаточно близко, чтобы различать колеблющееся зеленое облако. Манзай злорадно ухмыльнулся. Он отдаст воришек слону Хелодьяру, пускай тот ломает им косточку за косточкой, а принцессы будут на это смотреть. Подчас даже предметам коллекции полезен наглядный урок.

— Вот видишь? — обратился Манзай к марширующему

рядом кугуару. — Они не больно-то умны. Собственная магия их демаскирует.

— Да, господин, скоро мы их настигнем, — согласился командир телохранителей. — Вы получите обратно свое имущество и отомстите похитителям.

— Дело тут отнюдь не в мести, — терпеливо поправил Манзай офицера. — Речь идет о моем достоинстве.

С минуту они твердым шагом продвигались вперед, и вдруг произошло нечто невиданное — зарябил, вспучился зыбкий рассвет. С громким хлопком из непоседливого тумана появилось существо, подобного которому Манзаю не доводилось видеть никогда. Командир телохранителей подпрыгнул от неожиданности.

— Хозяин! Что это за волшебство?

Призрак, держа в одной из четырех рук коробочку, медленно оглядел окрестности. Сама его поза говорила об удивлении и растерянности.

— О боже! Опять мимо! Иногда я бываю слеп, как личинка, что тычется рыльцем в поисках выхода из инкубатора. — Он уставился на Манзая немигающими фасеточными глазами. — Прошу прощения, но вы случайно не встречали...

— Молчать! — взревел гризли. — Изволь обращаться ко мне как полагается: уважительным тоном и с титулом.

— Извините. — Угловатое существо завозилось с приборчиком. — Может, как-нибудь в другой раз. Сейчас я так расстроен!

Кугуар наклонился и шепнул хозяину:

— Сдается мне, это очередной фокус хитроумных пришельцев, они пытаются смутить нас и задержать.

Он вытянул из ножен тонкую, как иголка, рапиру.

— Нет, предоставь это мне.

Манзай отодвинул в сторону опешившую охрану и позволил своей шипастой палице сползти с плеча. Крепко сжав ее обеими лапами, он двинулся к загадочному существу.

— Уж не знаю, что за магией ты вооружился, но поглядим, как она справится с холодным железом.

И он поднял грозное оружие.

Над головой жесткотелого пришельца дрогнули стебельки антенн, членистая конечность сорвала с поясного ремня на среднем сегменте туловища цилиндрик. Манзай испустил рев, вогнавший в дрожь мох на ближайших деревьях, а безымянное существо направило на него цилиндр и вдавило кнопочку. Вспышка чуть ярче полуденного солнца в разгаре лета — и самозваный повелитель Верхнего Карракаса исчез. Верные слуги, никак не ожидавшие столь внезапной пропажи своего господина, оценили ситуацию и быстро достигли молчаливого соглашения. Каждый решил, что в осиротевшей усадьбе у него осталось как минимум одно безотлагательное дело. Поскольку для этого оружия

не требовалось, владельцы усеяли им путь своего спешного возвращения.

Одинокий зритель стоял перед садящимся облаком пыли, равнодушно глядя на брошенное оружие и доспехи. Верхняя половина его туловища съежилась — возможно, это был жест, равносильный пожатию плечами или тяжелому вздоху. А может быть, и тому и другому.

— Больше ничего не остается, как попытаться еще раз.

Он прикоснулся к контактам на большой коробке и окутался мерцанием искаженного пространства. В один миг атмосфера приобрела цвет и консистенцию ртути. А в следующую секунду он очутился совсем в другом месте.

* * *

На холодном полуострове в безмерной дали от дельты Карракаса пространство-время на миг искривилось и засеребрилось, потом втянулось в себя, как вода в дренажную трубу, оставив позади шатающегося Манзая. У гризли отпала челюсть при виде совершенно нового окружения: увенчанные снегом горы, карликовый, точно в тундре, кустарник, колышущиеся на студеном ветру пучки травы, разбросанные там и сям грозди крошечных розовых и желтых цветов.

Поблизости шумела быстрая речка, на берегах корчились деревья — Манзай таких отродясь не видел. В просветах между их толстенными стволами сражалась за жизненное пространство черника. В вышине пичуги чирикали друг дружке всякую чепуху.

Манзая охватила дрожь. До чего же студен воздух! До костей пробирает.

Раздалось кряхтенье на ближнем берегу реки. Манзай напрягся, поднял палицу, но в следующий миг успокоился — перед ним стоял представитель его собственного племени. Этот медведь, как и его спутники, не носил одежды и ходил на четырех конечностях. Что было простительно, так как косолапые шумно резвились на воде.

«Что ж, — с некоторым облегчением подумал Манзай, направляясь к ним, — хоть будет с кем поговорить».

Тут взрослый медведь молниеносно погрузил лапу в стеклянистую поверхность. В воздухе закувыркалась большая рыба непривычной расцветки и упала на прибрежную траву. Очень впечатляющая демонстрация ловкости лап, но к чему столь расточительный расход энергии? Тщетно Манзай высматривал сети или удочки.

Между прочим, где он очутился? И куда запропастились слуги? А что случилось с дерзким созданием, которое он собирался размозжить ударом палицы? Может быть, эти отсталые рыбаки

что-нибудь знают? Он поманил их, надеясь, что этот жест невозможно ни с чем спутать.

Ближайший медведь застыл на месте, принюхался, а потом глянул на Манзая и нечленораздельно фыркнул.

«Подумать только, — изумился гризли. — Они же немые! Не умеют разговаривать. Невероятно!»

Судя по всему, в нем признали своего, но этим все и кончилось. Узколобые существа не интересовались ничем, кроме рыбной ловли. Должно быть, задались целью выбросить из реки всю рыбу без остатка. На каком бы диалекте ни обращался к ним Манзай, ответом было разве что бессвязное ворчание.

Он безвольно опустился на землю, привалился спиной к колоде и попытался трезво обдумать свое будущее. Ничего путного из этого, разумеется, не вышло.

Утро застало его у реки, он наблюдал за своими безмозглыми сородичами. К сонму проблем добавилась новая: у него постоянно урчало в животе. Но не топтались поблизости верные слуги, дожидаясь малейшего жеста, чтобы принести на золоте разнообразные деликатесы. Приняв решение, он снял с себя тяжелые доспехи, смело вошел в воду и начал орудовать любимой палицей. Но нахальная рыба оказалась слишком увертливой, легко уходила от ударов.

К вечеру он бросил дубину, сочтя за лучшее перенять у других медведей примитивное ноу-хау. Надо было вглядываться в зыбкую воду, а когда рыба подплывет поближе, поддеть ее лапой и выбросить на берег. Медведи, похоже, видели в нем умственно неполноценного родственника. Ему дали достаточно места, где он и плескался без малейшего успеха до захода солнца. Он почти выбился из сил, но никто ему не сочувствовал. Пока не стемнело окончательно, удалось собрать несколько горстей черники, но они не утолили чудовищного голода. В гневе на свою нелепую судьбу Манзай царственной поступью приблизился к паре самок, что спали под купой высоких стройных деревьев.

— А ну, дурищи, подъем! — Он дал ближайшей пинка и был вознагражден недоуменным ворчанием. — Я знаю, вы в состоянии меня понять, так что хватит притворяться безмозглыми идиотками. Мне нужна еда, и вы ее добудете.

Самки уже совершенно проснулись и теперь пристально следили за ним.

— И почему это вы на четвереньках? Я пищи требую, а не плотских утех!

Позади раздался гортанный раскатистый рев — словно спустя века пробудился вулкан.

Манзай повернулся и очутился мордой к морде с матерым самцом, который превосходил его ростом на целую голову.

— И твоей наглости, дурак, я не потерплю! Хватит с меня

этой бессмыслицы! Я милостив к слугам, но если вы не прекратите абсурдный розыгрыш, приму крутые меры!

С ревом, потрясшим деревья, самец атаковал чужака, который вторгся в его владения и вздумал угрожать его самкам. А те напали на пришельца сзади. Изумленный Манзай отбивался как мог когтистыми лапами — палица осталась на каменистом берегу. Боец он был хоть куда, но безоружным устоять против трех разъяренных диких бестий, конечно, не мог и с воплем обрушился под их объединенным весом и первобытным бешенством.

И до последнего своего вздоха не услышал от них ни единого слова.

Глава 10

Мадж так и застыл на месте, оглядываясь.

— Чувак, по-прежнему не вижу ни малейшего намека на погоню. Уже больше часа грязных педиков нет как нет. — Выдр растерянно покачал головой, но было ясно, что неожиданной поблажке судьбы он рад. — Если б не твои прыг-скоки, нас бы уже наверняка догнали.

— Что-то вынудило Манзая изменить планы.

Джон-Том протирал дуару сухой тряпицей.

— А можа, этот ублюдок на змею наступил? — с надеждой предположил Мадж. — Или так допек наконец своих верных прихвостней, че они сказали, куда ему топать?

Джон-Том покосился на друга:

— Мадж, дареному коню в зубы не смотрят.

Выдр поглядел на него в упор и прищурился:

— Чей-то я не помню, кореш, чтоб мне кто-то дарил коняшек или хотя б собирался это делать. А ежели и подарит, с чего это вдруг у меня возникнет желание пялиться копытному в хавало? Коня сеном не корми, дай почесать языком, да к тому ж у всех моих знакомых лошадей сильно воняло изо рта.

— Ну, у тебя тоже не цветочный аромат, — заметил Джон-Том.

— Да? Между прочим, смешно такое услышать от человека. Ваше племя не больно-то разборчиво в жратве. Все подряд метете.

— Если наши преследователи действительно отстали, почему бы нам не передохнуть?

Квиквелла опустилась на поваленное дерево рядом с дорогой.

Найк, напрягая зрение, глядел в сторону усадьбы.

— Либо мы каким-то чудом их обогнали, либо они действительно прекратили погоню. Передышка нам не повредила бы. Надо воспользоваться такой удачей.

— Я — за.

Умаджи изящно опустилась на плоский черный камень.

— Мы вс-се очень ус-стали! — воскликнула Сешенше.

Остальные принцессы хором поддержали ее.

Джон-Том, ощутив легкое прикосновение к плечу, повернулся и угодил под прицел ясных синих глаз.

— Сударь, вы и взаправду чаропевец?

Он выпрямился во весь рост, с трудом заставив себя не привстать на мыски, изо всех сил втянул живот — Мадж даже удивился, что внутренности не взбугрили спину его друга.

Прежде чем Джон-Том успел откликнуться, подала голос Сешенше, в ее тоне благоговения было поменьше.

— Ес-сли вы такой великий чаропевец, почему не раздобудете нам одну-две королевс-ские кареты?

— Или шесть карет, — прошептала Квиквелла. — С могучими животными в упряжке и вышколенными кучерами на козлах.

— Если уж на то пошло, — вмешалась Пиввера, — почему просто не доставить нас домой посредством волшебства?

Этот кратковременный, но энергичный натиск привередливых и требовательных принцесс вынудил Джон-Тома попятиться к дереву. Мадж поглядывал на него, не пряча ухмылки.

— Минуточку, минуточку! Все не так просто. Магия — это вам не точная наука.

Выдр хихикнул.

— Эхма, жалко, не слышит твоих слов старина Клотагузка.

Джон-Том метнул в него испепеляющий взгляд и снова обратился к шумным и настойчивым особам королевской крови.

— Я вот что пытаюсь сказать. Да, я имею некоторое отношение к магии, но лишь к ее определенным разновидностям. Одна из них, например, — оборонное волшебство. Что же касается мгновенного переноса в пространстве, особенно переноса живых существ, это штука в высшей степени сложная и далеко не безопасная. А если б дело обстояло иначе, неужели вы думаете, я бы ходил пешком? Нет, с таким явлением природы, как чудеса, необходима крайняя осторожность.

Он выбрал наугад Умаджи и продолжил, обращаясь к ней:

— Вот представьте, уважаемая принцесса: я пытаюсь отправить вас домой с помощью песни, а вы оказываетесь на родине Пивверы.

— Или, — сухо добавил Мадж, — он отправит вашу голову во дворец Пивверы, туловище — к Алеукауне, а прелестный задок...

— Выдр, ты забываешься!

Закутанная в шелк горилла возмущенно сверкнула глазами.

— Не волнуйтесь, ваша мускулистость, я со всем уважением. Мой музыкальный компаньон не даст соврать: я умею ценить дамские попки.

— Так что увольте. — Джон-Том беспомощно развел руками. — Слишком велик риск.

— Но разве вы не переносили нас только что по этой самой дороге с помощью волшебства? — напомнила Ансибетта.

— Выбранная мною чаропесня не требовала конкретных мест, — объяснил Джон-Том. — У магии в таких случаях больше свободы для маневра. А иначе приходится иметь дело с фрактальными силовыми линиями, связанными с пространственными промежутками.

Она наморщила идеальной формы носик.

— Поистине, волшебство — очень сложное понятие.

Мадж счел необходимым внести ясность.

— Он вот че пытается растолковать вашей компании: нет гарантий, че цуккини при вошебном переносе не превратится в помидор.

У Пивверы дернулись усы.

— Но зачем переносить цуккини с помощью волшебства?

— И что такое цуккини? — добавила Сешенше.

— Фрукт, — тихо объяснила Квиквелла. — Круглый, синий, с розовыми крапинками.

— Нет, нет! — поспешила поправить ее Умаджи. — Он длинный, фиолетовый, блестит.

— Вы уверены? — засомневалась Ансибетта. — А я думала...

— Дамы, я вас умоляю! — Джон-Том стер пот со лба. — Если бы я умел в целости и сохранности телепортировать цуккини или помидоры, я бы и вас с радостью вызволил из болота. Но я боюсь... боюсь, мне не хватит профессиональных навыков. Поэтому лучше не будем терять время на пустые разговоры и отправимся в Машупро.

— Я поняла. — И Квиквелла упрямо шепнула: — Синий.

— Фиолетовый!

Умаджи гневно уставилась на муравьедку, та в ответ высунула язык. Жест получился очень внушительный — в силу необычной анатомии Квиквеллы.

— Так какой же вы чаропевец пос-сле этого?

Сешенше скрестила лапы на мохнатой груди, ее морду исказила гримаса гнева. Столь же быстро пришли в негодование и ее царственные подруги.

Бурная реакция спасенных пленниц застигла Джон-Тома врасплох, и он растерялся. Однако перепалка не прекратилась, поскольку Мадж никогда не лез за словом в карман.

— Щас я вам скажу, че он за чаропевец! — исторгся из глотки выдра совершенно несвойственный ему свирепый рев, заставивший умолкнуть юных дам. — Тот самый чаропевец, который тока че кажной из вас спас ее благородную заднюшку, вот он кто! А вы, чем доставать чувака дурацкими упреками, лучше б придумали, как его отблагодарить за спасение от пожизненного рабства и плена!

Долгую смущенную паузу нарушила Умаджи.

— Пожалуй, прав речник. Что случилось с нашими манерами? — Она изящным движением откинула свисающий на глаза конец шелковой ленты.

— Умаджи верно говорит: мы не должны забывать о с-своем положении.

Сешенше умела не только выходить из себя, но и признавать свои ошибки. Она приблизилась к Джон-Тому, обняла его лапой за шею, заставила склонить голову и лизнула от всей души в правую щеку. Язык — точно наждак, отметил человек.

Остальные бывшие пленницы, тоже пристыженные, последовали ее примеру. От пылких объятий Ансибетты Джон-Том не получил должного наслаждения — потому что им предшествовало извинение Умаджи. Разумеется, горилла не желала ему ничего плохого, но осталось впечатление, будто он свалился с двадцатифутовой кручи.

— Ну, раз уж вы не в состоянии перенести нас домой наименее утомительным образом, — произнесла Алеукауна, когда с извинениями было покончено, — может быть, хотя бы обеспечите нас приличными спальными помещениями?

— А еще — походной обувью, ведь тут явно недос-статочно мужчин, чтобы нас-с нес-сти.

Сешенше подняла лапу в легкой сандалии.

— Разве что по очереди... — задумчиво добавила Квиквелла.

Мадж глубоко вздохнул, а затем улыбнулся чаропевцу:

— Не обижайся, шеф. Принцессы славятся легкомыслием.

Найк уже давно помалкивал, но тут отвлекся от своего занятия, то бишь изучения дороги.

— Вы, конечно, можете спорить, но почему бы не заниматься этим на ходу? Погони сейчас нет, однако из этого не следует, что она прекратилась. А вдруг завтра к миньонам Манзая придут свежие мысли?

Хорошо, что не надо скрываться, размышлял, шагая вперед, Джон-Том. Похоже, уговаривать принцесс, чтобы помалкивали, бесполезно. Да и невозможно в таких нарядах замаскироваться среди напоенной солнцем зелени дельты.

Чтобы маленько умиротворить душу, он заиграл легкую, пустяковую музыку. На сей раз в его импровизациях не было волшебства, только красота. Поблизости плыли заблудшие аккорды, со звонким любопытством пробуя на вкус каждую мелодию и иногда поддерживая ее несмелым перезвоном.

И хотя погоню было не видать, путники продвигались быстрее, чем ожидал Джон-Том. Когда наконец Найк выбрал место для бивуака, чаропевец уже не побоялся сотворить привычное огнетворное заклинание. У солдат в котомках лежали зажигательные принадлежности, но разыскивать сушняк на болоте казалось делом безнадежным, и никто не возражал, чтобы чаропевец первым попытал счастья.

Солдаты и Мадж, избавленные от необходимости взывать к богам трения, пустились рыскать по окрестностям. Один за другим возвратились они со снедью: орехами, пресноводной рыбой, ягодами, мягкими клубнями. Рыба все еще била хвостом, а грибы так и просились на сковородку.

Через час Сешенше разглядывала при свете костра предложенное ей немудреное кушанье.

— Можно с-спросить, что это?

— Рыба, сударыня. — Пауко, добровольно взявший на себя обязанности повара, сопроводил свои слова невинным взглядом. — Что-нибудь не так?

— Что-нибудь не так? — передразнила рысь, указывая на блюдо когтистой лапой. — А разве не очевидно? Без с-соус-са!

— Да, верно. — Нижняя губа Умаджи заползла на верхнюю и коснулась ноздрей. — Соуса нет.

— Ваши высочества, примите извинения. — Наверное, в других обстоятельствах эти слова не носили бы оттенка сарказма. — Я сделал все, что в моих силах. — Кулинар указал на очаг: — Как видите, кухонная утварь далека от совершенства.

В разговор вмешался лейтенант, сочтя необходимым вступиться за своего солдата.

— Дамы, бывают ситуации, когда невозможно приготовить тонкие яства.

— Чепуха! — Сешенше, превратив глаза в щелочки, смотрела на Джон-Тома, который уже наполовину разделался с собственной порцией. — Ну, допус-стим, вы не можете дос-ставить нас-с домой, однако вы прекрас-сно рас-спели этот замечательный огонек. Разве нельзя добыть чаропением прянос-сти и необходимую пос-суду заодно?

— Ну да, ну да. И кто их потащит на своем горбу? — пробормотал себе под нос Хек.

— Легко догадаться, — ответил Караукул.

— Слушай, напомни, что за нелегкая нас сюда занесла?

— Добровольцами вызвались, неужто забыл? — криво улыбнулся Караукул в мерцании костра. — Либо добровольное согласие, либо потеря кой-каких жизненно важных частей тела.

— То-то и оно, — пробормотал его товарищ. — Вспоминаю, вспоминаю. Слава или расчлененка.

— Стоит лишь подумать о других бедолагах... о других доблестных солдатах Харакуна, которых послали в опасные страны на поиски принцессы и которые не нашли ничего, кроме мучений и смерти... Нам несказанно повезло, что удалось и дело сделать, и ноги унести.

— Да, — равнодушно согласился Хек. — Думаешь, повезло?

— Шестикратно, — уныло ответил Караукул.

Сешенше покинула свое место и перебралась к закусываю-

щему Джон-Тому. Втянув когти, легонько провела пальцами по его шее и плечу.

— Чаропевец, разве я с-слишком многого прошу? — елейным тоном взмолилась она. — Вс-сего-то навс-сего бутылочку подогретого с-соус-са бешамель!

Он нахмурился и оторвался от еды.

— Ну, не знаю. Я еще ни разу не пытался создавать блюда на заказ.

Алеукауна без особого энтузиазма расправлялась с собственной порцией. Взглянув на рысь и чаропевца, она произнесла:

— Если все-таки соберетесь, я бы предпочла острые приправы. Темно-бордовый перец горошком и земляное вапани.

И облизнулась в предвкушении.

— А мне бы хватило капельку черного крема.

Ансибетта с чарующей улыбкой наклонилась к Джон-Тому, и тот ни с того ни с сего подавился хорошо прожаренной рыбой.

Алеукауна показала острые зубы.

— Всему свое время, но сначала — вапани!

— Черный крем.

Идеальные губки Ансибетты чувственно отартикулировали каждый звук. Джон-Том кое-как проглотил рыбу.

— Беш-шамель! — прошипела рысь.

— Кто здесь главная принцесса?

Ониксово-черные глаза Алеукауны заиграли отблесками костра.

— Главная принцесса? — Пиввера мокрой лапой осторожно счистила с усов рыбий жир. — Ты на что намекаешь?

— Это мои солдаты. — Мангуста указала на верную четверку, те малодушно съежились и попятились из освещенного круга. — Если бы не мой приказ, они бы преспокойно спасли от Манзая только меня. Вы получили свободу благодаря моей настойчивости и добросердечию.

— Сдается мне, чувство долга у них крепче, чем тебе кажется. — Умаджи приподнялась и дружески обняла Джон-Тома за плечи. Силой она обладала недюжинной. — Между прочим, чаропевец и его приятель в долгу только перед самими собой. — И, нежно прижавшись, она заглянула Джон-Тому в глаза. В упор. — Скажите, ведь вы не сбежали бы, не бросили бы нас на милость Манзая?

— Помилуйте, как можно? Полегче, вы мне плечо повредите.

— Простите.

Она похлопала ресницами и отпустила его.

Ансибетта покинула свое место и двинулась к Джон-Тому. Плавные движения ее тела свели бы с ума любого самца человеческого племени. Но тут, не дожидаясь, когда Джон-Том брякнется без чувств, заговорила Пиввера:

— Никто не может притязать на столь амбициозный титул,

как «главная принцесса». Кто-то из нас постарше годами, кто-то — поумнее, кто-то — посильнее, зато остальные — ловчее. Кто-то родом из далеких могущественных королевств, другие появились на свет в захолустье неподалеку отсюда. Среди нас только одному хватает мудрости и опыта, чтобы решать важные вопросы. — Она резко повернулась и посмотрела на Джон-Тома в упор. — Чаропевцу!

— А?

Он поднял широко раскрытые, смущенные глаза. Мадж, утолявший голод рядом, поспешил удалиться на безопасное расстояние.

— Да! — Ансибетта низко наклонилась, сложила губки идеальным бантиком и спросила: — Джон-Том, кто среди нас — главная?

— Прекрати! — шепнула Квиквелла. — Ты его отвлекаешь. Это нечестно.

Ансибетта повернулась и заморгала — сама оскорбленная невинность.

— Я? Я бы не унизилась до такого!

— Еще как унизилась бы, — прорычала Умаджи, вынудив Ансибетту резко повернуться к ней.

Тем временем Мадж рассуждал, вмешаться или пожертвовать старым другом. В конце концов он решил, что слишком жалко бросать в беде чаропевца, на чьей физиономии читалось крайнее смятение. Он набрался храбрости, шагнул в освещенный круг и поднял верхние лапы. Уж ему-то хватит проворства, чтобы увернуться от любого когтя.

— А ну-ка, послушайте, раскрасавицы неблагодарные! Нету здесь никаких главных и второстепенных принцесс, поняли? В беде и глуши все равны. Хотите сравнивать, у кого королевство пошире?.. — Он наградил каждую молниеносной, почти неуловимой ухмылкой. — Никто вам в этом мешать не собирается. Но ежели все-таки надеетесь уйти отсюда живыми, то зарубите себе на носах: для такой задачки придется крепко держаться друг за дружку. Хорош чушь молоть, потерпите хотя б, покамест обстоятельства не сменятся на более благоприятные.

Выпалив эту тираду, он развернулся и чеканным шагом возвратился на прежнее место. Уселся на колоду и, стараясь максимально шуметь, принялся за недоеденный ужин.

— Выдр прав. — Алеукауна окинула взором умолкших товарок. — Опять нам должно быть стыдно. Это ж надо было такое придумать — добиваться особого внимания у чаропевца! Он не собирается никому отдавать предпочтение. — В Джон-Тома вперились пронизывающие черные глаза. — Разве не так?

— Конечно, конечно. — Он боролся с соблазном трусливо отвести взор от гибкой и слишком близко находящейся фигуры

принцессы Ансибетты. — Я не пожалею сил, чтобы помочь каждой из вас в равной мере.

— Нам следует посвятить свои усилия и помыслы более важным вопросам, — добавила Алеукауна.

— Вот уж точно, — пробормотала Квиквелла.

— Итак, вс-се с-соглас-сны. — Сешенше потянулась, встряхнулась и вытянула вперед лапы. Блеснули алыми отсветами игольно-острые когти. — К примеру, поглядите на мои коготки! Нет, вы только поглядите! Ни крас-ски, ни накладок, ни лаковых обводов. Вообще ничего! — Она перевернула лапы ладонями кверху. — Позор моему с-семейству и королевс-ству!

— Понимаю и разделяю твои чувства. — Квиквелла уже очистила морду языком и теперь тяжелым когтем осторожно водила по длинному конусообразному рылу. — Вот тут у меня раньше везде были эмблемы и гербы. Уж не знаю, что бы сказал, застав меня в таком виде, царедворец, отвечающий за этикет.

— А *я*?! — Пиввера безуспешно приглаживала шерсть на лапах и талии. — Сколько дней ко мне не прикасался куафер? Еще неделя на болотах — и уже никто не узнает во мне царственной представительницы великого Тренку. Скажет, что я просто драная кукла!

— Я тебе сочувствую. — Ансибетта взъерошила золотые локоны. — Все время приходится думать о волосах, а уж неприятностей от них... — Она с завистью глянула на Сешенше. — Чего бы только не отдала за короткий естественный мех вроде твоего. Или Пиввериного.

— Да брось ты, — поморщилась выдра. — Я бы все отдала за твою... твою... При такой влажности от меха проку мало.

Алеукауна, слушая своих подруг по несчастью, напряженно размышляла:

— Лучше бы нам двигаться вперед, если не собираемся до конца своих дней ссориться и пенять на судьбу. Между прочим, разве среди нас нет великого чаропевца?

В Джон-Тома разом вонзились шесть напряженных взоров, и ему вновь стало не по себе от такого повышенного внимания.

— И этому чаропевцу, конечно, не составит труда добыть нам простенькой косметики.

Умаджи щелкнула пальцами.

— Да! Джон-Том, ведь это совсем не опасно, правда?

— Да, чаропевец, попытайтесь!

Квиквелла сопроводила просьбу томным вздохом.

— Ну, не знаю. — Он искоса поочередно оглядел всех принцесс. — Мадж, а ты что думаешь? — И, нахмурясь, обернулся. — Мадж?

— Он сказал, что пошел рыбу ловить, — уныло сообщил Хек.

— Рыбу? Посреди ночи?

— Это уж вы сами с ним разбирайтесь, — пролаял мангуст. — Он же ваш друг.

— Ладно, а что думает лейтенант Найк? Он имеет здесь право голоса, или я ошибаюсь?

— Пожалуй, имеет... так сказать, — ответил Пауко, который мыл кастрюлю с длинной ручкой. — Но он ушел вместе с вашим другом.

— А вы почему остались? — спросил Джон-Том.

— Неужели вы думаете, что мы можем нарушить приказ остаться? — печально заметил Караукул.

Джон-Том мысленно махнул рукой и потянулся к дуаре, аккуратно положенной на относительно сухой плоский камень. Он был по горло сыт и принцессами, и их проблемами.

— Хотите косметики? Будет вам косметика! А ну, отойдите в сторонку!

Они отошли. В глазах — смесь ожидания и волнения.

Кусочки старых песен без особых затруднений укладывались в новую с помощью импровизированных лирических связок. Половина известных ему рок-мелодий обязательно как-то затрагивала внешний облик. Он пел, а вокруг порхали в экстазе ноты-сиротки.

О-о-о-о, моя детка
Сегодня ну просто конфетка.
Принарядилась на бал,
Я увидел — едва не упал.
Тушь и румяна, губная помада —
У милой что надо.
Клевый ее макияж
Вызывает повальный мандраж.
Кто на нее поглядит — о-о-о, —
Потеряет навек аппетит!

Дуара заразилась от него неистовством и прямо-таки вибрировала. Впервые на веку Джон-Тома из межпространственного инструмента вырывался не монохромный, а многоцветный свет. Он полыхал во все стороны, окутывал верещавших принцесс, обвивался вокруг них множеством сияющих змей. Солдаты кинулись в укрытие, кастрюля с длинной ручкой грянулась о камни — Пауко отшвырнул ее, обратясь в паническое бегство. Только облачку аккордов музыка и пение пришлись по нраву, и оно скромно аккомпанировало рвущимся из дуары потокам ослепительного сияния.

Джон-Том, изо всех сил стараясь удержать брыкающийся инструмент, вдруг спохватился: а не лучше ли подождать, пока дуара успокоится? Но было слишком поздно. Он разбудил волшебство, и оно рвалось наружу во всю мощь. Свет был такой яркий, что Джон-Том видел лишь очертания принцесс.

В перезвон аккордов и мельтешение пестрых огней вторгся смех Сешенше:

— Щекотно!

— И зябко! — добавила откуда-то неподалеку Алеукауна.

Не прерываясь даже на миг и не зная, насколько он преуспел, Джон-Том решил, что чаропесенку пора закруглять. Выдав наспех сочиненный, сырой куплет, он оставил струны в покое. Корчившиеся завитки света в ответ порхнули радостным фейерверком и осыпались кратким, но плотным душем лучащихся конфетти. Они плавились, и просачивались в сырую почву, и заставляли кочковатое болото искрить и полыхать, словно грандиозная ярмарка.

Когда растаяли краски, Джон-Том увидел принцесс — они стояли во всей своей новообретенной красоте. Визг и ахи сменились хихиканьем и плохо подавляемыми улыбками.

— Над чем это ты с-смеешься? — с ухмылкой обратилась Сешенше к Квиквелле.

Муравьедка ответила, облизнувшись:

— Я не уверена, что тебе идет мех в фиолетовый и розовый горошек. И разве это колечко не смотрелось бы лучше в ухе, чем в носу?

Рысь скосила глаза к переносице и обеими лапами дотронулась до морды, с которой теперь свисал тяжелый золотой обруч.

— Ай! Откуда оно взялось? Я в жизни ничего такого не носила! И не с-собираюс-сь!

Она резко повернулась к Джон-Тому.

— А что плохого в кольце для носа? — Ансибетта изучала новое убранство рыси. — По-моему, оно твой облик не портит.

— Как твой не портит татуировка?

Умаджи протянула лапу в сторону блондинки.

— Татуировка? Что за тату... Клянусь маткой моей прабабушки! — Ансибетта подхватила шелковую юбку и принялась неистово тереть кожу на правой руке. — Не сходит! Она вообще сотрется когда-нибудь?

Джон-Том предусмотрительно отступил. Наверное, Ансибетта расстроилась бы меньше, если бы роскошный цветной узор не покрывал все ее тело — от темени до пальцев ног. Ему самому результат чаропения показался вполне элегантным — настоящее произведение искусства. Но при ближайшем рассмотрении он заметил два-три фрагмента, которые можно было бы счесть неприличными. Особенно рисунок на правом плече, уходящий вниз, в вырез платья...

— Вы только поглядите, что наделали! — плаксиво обратилась к нему Ансибетта. — И как я, по-вашему, вернусь теперь к семье... Точно ходячая картинная галерея! Да еще с *такими* картинами! — Она указала на рисунок, начинавшийся на плече и заканчивавшийся под...

Джон-Том решил не сдаваться.

— Вы требовали макияж, а я предупреждал, что у меня несколько иной профиль.

Умаджи яростно терла несмываемую косметику, которая образовала по всему ее массивному телу сложный рисунок. Пиввера благодаря чаропесне приобрела хитроумный узор из золотых полосок и кружков, въевшихся в кожу, а темно-коричневый мех Алеукауны претерпел радикальную стрижку от макушки до пяток.

В целом можно было сказать, что принцессы остались не вполне довольны тем, как Джон-Том выполнил их просьбу. Не были бы преувеличением даже такие слова: если бы взгляды могли линчевать, Джон-Том уже болтался бы на ветке ближайшего дерева.

К удивлению чаропевца, ему на помощь пришел Хек. Он спокойно, но твердо заявил, что человек всего лишь выполнял пожелание августейших особ и, не вынуди они его, сейчас бы не пришлось жаловаться на перемены в облике. В коих переменах, добавил Хек, на его взгляд, едва ли можно усмотреть что-либо плохое. Конечно, заметны там неудачный мазок, а сям — неровный след бритвы, но в общем принцессы ничуть не утратили своего очарования.

Эти слова разрядили атмосферу, но лишь самую малость. Жалуясь друг дружке, дамы то и дело бормотали грозные посулы в адрес чаропевца.

— Послушайте, мне очень жаль, — обратился к ним Джон-Том. — Но хотя мы с Маджем не снимаем с себя вины, все же мне кажется, что ваша настойчивость по самым пустяковым поводам здесь не совсем неуместна. Я вовсе не хотел, чтобы мой ответ на вашу просьбу оказался таким... выразительным. Кроме того, я согласен с Хеком. На мой взгляд, вы все превосходно смотритесь.

— Да?.. — Ансибетта неуверенно оглядела себя. — А не слишком ли... вульгарно? В смысле, вы можете смотреть без содрогания?

С этими словами она расстегнула лиф и спустила его, открыв глазам любопытных новые фрагменты исключительно сложной татуировки.

Джон-Том проглотил комок в горле.

— Гм... да, могу.

Она приблизилась к нему чуть ли не вплотную, кончиком указательного пальца провела по скандальной линии.

— Вы правда верите, что это красиво?

Он с великой осторожностью выбирал слова.

— Учитывая, что нелегко улучшить холст, который и без того само совершенство, я вынужден признать: да, это привлекательно.

Задумчиво пожевав губами, Ансибетта вернула лиф на место.

— Может быть, я слишком долго жила взаперти. — Она под-

няла руку и ощупала узор, который шел от плеча до пальцев. — А ведь и правда привлекает взгляд.

— Солдат прав. — Алеукауна тоже водила пальцем по нескольким спиралям, аккуратно выбритым на ее груди. — Если мы и можем винить кого-нибудь за перемены, то лишь самих себя. Сами напросились.

— *Ты,* может быть, и напрос-силась, а я не напрашивалась. У тебя хоть мех отрас-стет, а мне что делать с-с этими вис-сюльками?

Рысь подергала за кольца, украшавшие различные части ее тела.

Джон-Том наконец успокоил их, сообщив, что его чары имеют привычку быстро испаряться, а если что и задержится, он постарается найти выход. Принцессы, все еще ворча, разошлись искать себе места посуше — для ночлега. Пожалуй, ничего загадочного в том, что никто не обратился к чаропевцу с просьбой о роскошной кровати или хотя бы о тюфяке, не было. Еще неизвестно, на чем бы они проснулись.

Лейтенанту Найку хватило здравомыслия придержать свое мнение при себе, когда они с Маджем вернулись с рыбной ловли. Выдр же отреагировал куда беспечнее.

— Чувак, да чтоб меня отодрали, как бухого исполинского козодоя!

Джон-Том раздраженно взглянул на него со своего ложа — радужного плаща.

— С чего ты взял, что я имею к этому отношение?

— Е-мое! Да неужто я поверю, че они сами над собой расправу учинили?

— Кое-что вышло совсем неплохо, — парировал Джон-Том. — И, сделай одолжение, постарайся говорить потише.

— Неплохо? — Выдр окинул улегшихся принцесс более внимательным взором. — Ну, разве че по канонам какой-нибудь варварской моды. Правда, я б не сразу признал в них отпрысков королевских родов. — Он хихикнул. — Нет, кореш, ты тока погляди, в кого ты их превратил!

Чаропевец сел, стараясь удерживать гнев в узде.

— Что ты хочешь этим сказать? Что принцесса Пиввера непривлекательна только потому, что подверглась пустяковой стрижке?

— Нет, нет. Разве я так говорил?

Джон-Том подпер голову ладонью.

— Мадж, я не напрашивался, меня заставили. А тебя с твоими ценными советами почему-то не оказалось под рукой.

— Чувак, да чем я мог пособить? Прикинь, разве я гожусь в посредники между волшебством и голубой кровью? — Выдр ухмыльнулся. — Ниче, судя по ихним кислым физиономиям, они

еще не скоро полезут к тебе с новыми просьбами насчет поколдовать.

— Я слегка волновался, — объяснил чаропевец. — К тому же очень старался выбирать слова. Но ты же знаешь, как на меня музыка действует. Опять увлекся. — Позади него тихонько подавало голос облачко бесхозной музыки. — Я обещал, что постараюсь все исправить.

Выдр пожевал губами.

— А смогешь?

— Не знаю. Забыл, что ли, какой нрав у моих чаропесен?

Он глядел мимо Маджа. Принцессы скучились, ища поддержки друг у друга, по другую сторону костра, притулились к могучему телу Умаджи Туурской, как лютики к широкому валуну.

— За языком следи, — посоветовал Джон-Том, после чего снова улегся и закутался в плащ.

Глава 11

К середине следующего утра лес начал редеть. Путники уже могли довольно далеко обозревать болотистые земли. В отсутствие могучих кипарисов и красных деревьев приходилось любоваться осокой, камышом и прочими травами — господствуя над ландшафтом, их заросли тянулись на юг до самого горизонта.

— Дельта Карракаса. — На морде лейтенанта Найка появилось удовлетворенное выражение. — К усадьбе Манзая мы шли этим путем. — Он оглянулся на опушку. — Если кто-нибудь захочет к нам подкрасться, нелегко будет сделать это здесь, на открытом месте.

— Командир, я думаю, оно тут.

Караукул указывал направо.

— О чем это ты? — спросила Пиввера.

Принцессы шлепали по следам мангустов. Заодно с лесом пришлось распроститься и с сухой землей. Мадж и Джон-Том занимались прикрытием с тыла, сторожко высматривая признаки вероятной погони. Выдр всегда подозревал свою удачу в коварстве.

Солдаты под руководством Найка энергично разоблачали нечто, на первый взгляд похожее на травяную кочку. Вскоре появились контуры суденышка с плоским дном и низкими бортами. Джон-Тому больше не приходилось гадать, как отряд харакунцев добрался сюда через огромное болото.

Мангусты быстро вставили в палубную прорезь мачту и развернули прямоугольный парус. На носу и корме находились банки, по бортам — уключины для четырех весел. Корму пересекал простенький румпель.

— Неужто вы от самого Харакуна шли на этой плюгавой лодчонке? — осведомился Мадж, когда плавсредство наконец было полностью оснащено. — Чей-то не верится.

Найк сопроводил свой ответ вежливым жестом.

— Мы приобрели его в Машупро. На болотах суда дальнего плавания бесполезны. А это сослужило нам неплохую службу.

— Допустим, но вас было всего четверо. — Выдр с сомнением разглядывал простенькое судно. — А теперь дюжина.

Ансибетта ухватилась за носовой планшир и очаровательно закачалась на податливой губчатой земле.

— Но ведь тут будет ужасно тесно.

— Ничего, как-нибудь поместимся. — Лейтенант лучился оптимизмом. — Кораблик очень прочный, предназначен для грузоперевозок. Придется поломать голову, чтобы каждому подыскать место, но зато он не пойдет ко дну от перегрузки.

— К тому же вам надо разместить не дюжину, а десятерых, — заметил Джон-Том.

К чаропевцу повернулся удивленный лейтенант, а заодно несколько принцесс.

— Вы не идете с-с нами? — прошептала Сешенше.

Джон-Том указал на музыкальное облачко. Оно дрейфовало не на юг, а на юго-запад, потом стремглав возвращалось, кружило вокруг него и настойчиво голосило, а затем снова повторяло маневр, смысл которого Джон-Том с Маджем уяснили давным-давно.

— Мы идем вслед за музыкой, — объяснил он.

— Но это невозможно, — упорствовал Найк.

— Это еще почему, шеф?

Мадж испытывал палкой надежность почвы перед собой.

— Как вы собираетесь без судна пересечь болото?

Несколько мелких амфибий вздумали поселиться на носу лодки, Найк осторожно согнал их в темную воду.

Мадж обнял чаропевца за талию.

— Да будет тебе известно, приятель, мы с корешем находились и по суше, и по топям, и ваще, там побывали, где тебе и не снилось. По-твоему, это болото? Да ему главная площадь Полистринду в праздничный день позавидует. Надо будет — плот смастачим или тропинку найдем. Всегда справлялись, и теперь справимся.

Лейтенант приблизился к ним и заговорил, понизив голос до вкрадчивости, столь характерной для его племени:

— Я вовсе не это имею в виду. Вы не можете бросить меня и моих солдат с полдюжиной принцесс. Нам бы и в обществе одной высокородной Алеукауны небо с овчинку показалось. А теперь к ее нуждам добавились нужды пяти ее столь же требовательных подруг, и положение становится... как бы получше выразиться... безнадежным.

— Ах, до чего ж прискорбно, так-растак и перетак, — весело отозвался Мадж. — Одно утешает — это не наша проблема. Мы, чувак, вон за тем музончиком чапаем. А не за клепаными духами.

Он махнул лапой в сторону виновника дискуссии — розоватого звонкого туманчика. Тот порхнул к нему, ласково окутал его пальцы и снова красноречиво метнулся к юго-западу.

Найк расправил плечи и взял полуофициальный тон.

— Я — офицер императорской гвардии Харакуна. Я с десятью врагами готов сразиться, чтобы защитить свою госпожу, или любого из ее родственников, или любого из моих солдат. Однако ни военная теория, ни практический опыт не подготовили меня к тому, что происходит сейчас.

— Вот зараза, — тявкнул Мадж. — Когда ж ты, начальник, поймешь, че ко всему на свете подготовиться невозможно? Жизнь — на то и жизнь, чтоб преподносить нам с тобой сюрпризики. Ниче, пока будешь решать эту задачку, заодно научишься принцессам сопли утирать. Надеюсь, не окочуришься, перестаравшись. Че до меня, так я б предпочел иметь дело с десятком вооруженных бандюг.

Лейтенант сделал еще шаг вперед и обеими лапами схватил Джон-Тома за рубашку. В голосе его слышалась мольба, во взоре блестящих черных глаз появилось отчаяние. Поглядишь на него — решишь, что заплечных дел мастера только и ждут, когда им позволят испытать на нем самую лютую пытку из своего запаса. И это, пожалуй, было недалеко от истины.

— Чаропевец Джон-Том, я вас очень прошу... путешественник Мадж... не оставляйте нас одних ухаживать за благородными дамами.

Джон-Том осторожно высвободился из хватки мангуста.

— Почему вы решили, что мы с Маджем способны как-то облегчить вашу участь?

— Так это же видно — вы гораздо опытнее нас в делах житейских, если не в делах светских. Да и принцессы вас уважают как волшебника, которому они обязаны своим освобождением. В случае чего вы можете их припугнуть заклинанием, а в моем арсенале — только жалкие слова.

— Найк, совсем напротив: принцессы на меня злятся. Ведь я подпортил их внешность.

— Что есть, то есть, — согласился лейтенант. — Но они остынут, как только привыкнут к своему новому облику. Да к тому же им есть о чем поговорить с вами.

Стряхивая с хвоста воду, подошла Сешенше — узнать, в чем причина задержки. Найк шагнул в сторону.

— Ваше высочество, у меня досадная новость: чаропевец и его компаньон не будут сопровождать нас до Машупро.

У рыси округлились глаза.

— Как это понимать? — Она посмотрела на Джон-Тома. — Вы не хотите идти с-с нами?

— Эй, что у вас тут? — враскачку проломилась через камыши Умаджи, на ее лапах и плечах перекатывались мышцы.

Через несколько секунд Джон-Том оказался окруженным принцессами, и все требовали его внимания.

— Не могу поверить, что вы намерены бросить нас на произвол судьбы, — прошептала Квиквелла.

— Да, — надула прелестные губки Ансибетта. — Разве вы не собираетесь помочь нам? Как же мы без вас выберемся из этих ужасных дебрей?

— Че в них такого ужасного? — проворчал Мадж. — Заурядное болото, вот и все.

— Мы и сами в непростом положении, — защищался Джон-Том. — Вас шестеро. Это означает, что надо посетить шесть королевств, возможно, находящихся на большом расстоянии друг от друга. А у нас с приятелем неотложное дело, и к тому же дома ждут родные. Мы не можем позволить себе такую задержку.

— Да, кореш, скажи им.

Мадж позаботился о том, чтобы между ним и рассерженными принцессами находился чаропевец.

Алеукауна двинулась вперед.

— *Уважающий себя* добрый волшебник никогда не бросит даму в подобном месте! Кроме того... — Пиввера водила пальцами по выбритым завиткам, — вы перед нами в долгу. Забыли, что сделали с нами?

— Косметика сотрется, отверстия в коже заживут, мех отрастет, — напомнил Джон-Том.

— А гарантии? — тихо спросила Сешенше. — Единс-ственная гарантия нашего возвращения в нормальный вид — присутс-ствие чаропевца с-среди нас-с.

— Предлагаю компромисс.

Все повернулись к Алеукауне. Она указала на суденышко, где четверка мангустов деловито готовилась к плаванию и старательно игнорировала шумный спор.

— Чаропевец, проводите нас хотя бы до Харакуна. Там моя семья обеспечит индивидуальный эскорт каждой принцессе, а вы отправитесь своим путем.

Принцессы обсудили предложение и сочли его приемлемым. Но Джон-Том еще не был готов сдаться.

— А Харакун далеко отсюда?

— Недалеко, — отважно вступил в дискуссию Найк.

Мадж повернулся к лейтенанту и подозрительно прищурился.

— Шеф, а все-таки это твое недалеко — как далеко?

У мангуста задрожала шерсть на длинной морде.

— Речной житель, я ничуть не преуменьшаю. Недалеко — значит недалеко.

Но выдра такой ответ не удовлетворил. Он обратился к чаропевцу:

— Чувак, это я такой тупой? Или в ходе беседы мы все чей-то упускаем из виду?

Между ними плавно вклинилась Ансибетта:

— Сопроводите нас хотя бы до этого городка, до Машупро. Там мы раздобудем приличный корабль, чтобы пересечь Фарраглин и добраться до берегов нашей родины. В Машупро и вернемся к этой теме. Если лейтенанту Найку удастся найти надежное судно и экипаж, мы не будем удерживать вас и вашего приятеля.

— Ну что ж, пожалуй, такой крюк мы можем себе позволить... — Джон-Том потерялся в ее глазах — едва ли не самом опасном месте из тех, где ему довелось побывать. — Может, наш путь и так привел бы в Машупро.

Мадж указал на мечущиеся и зазывно голосящие ноты.

— Кореш, а музыка? Как насчет нее?

— Музыка?

Джон-Том заморгал, разорвал чары девичьего взора и тотчас оказался под прицелом умоляющих глаз Найка. Чтобы защититься от принцессы, чаропевец обратился к лейтенанту:

— Скажите, Машупро действительно основной порт в дельте?

— Не только основной, — охотно ответил Найк. — Как мы выяснили, он еще и единственный.

Джон-Том кивнул и покосился на Маджа.

— Музыка может немного подождать.

С уст выдра сорвался поток давно созревших вычурных ругательств.

— Может обождать? А мы могем? Ты че предлагаешь, друг разлюбезный? Долгое плаванье на лодчонке, битком набитой избалованными самочками, и каждая потребует, чтоб с ней нянчились больше, чем с прочими? Нетушки, кореш, не ради этого я проделал такой длинный путь. Мы ни шиша не должны августейшим тепличным розочкам и ихней несчастной свите.

— Мадж, где же твой рыцарский дух?

— Че? А, ты об этой старой рухляди...

И выдр выдал очередную, еще более изысканную фиоритуру.

Ансибетта вспыхнула, Квиквелла порывисто вздохнула. Даже у Пивверы сузились глаза.

— Помнится, несколько лет назад я его удачно изгнал.

— Если лейтенант прав и музыка ведет нас за океан, не худо бы найти в Машупро какое-нибудь средство передвижения. Конечно, если ты не хочешь, чтобы я попытался наколдовать суденышко. Или забыл, что случилось в прошлый раз?

Мадж не забыл.

— Да, ты сотворил лоханку, но почти все плаванье провалялся в стельку пьяным.

— Мне и самому неохота повторять этот опыт, — твердо произнес чаропевец. — Я бы предпочел нанять судно. Вдобавок, насколько нам известно, королевство Харакун лежит примерно в том направлении, куда нас ведет музыка.

— Эх, чувак, с логикой-то у тебя завсегда полный ажур. — Выдр скривился, глядя на плоскодонку. — Да, похоже, на этот раз плаванье нам предстоит особенное.

— Я вовсе не закрываю глаза на возможные неудобства, — заверил его чаропевец. — Нашему терпению предстоит испытать предельные нагрузки.

— Твоему терпению. Твоему, кореш. А мне завсегда нечего было испытывать.

— Мадж, я уверена, ты справишься.

Пиввера шагнула вперед и успокаивающе положила лапу на плечо своего соплеменника.

У Маджа выражение морды вмиг сменилось на прямо противоположное, и Джон-Том подумал, что это вовсе не обязательно к добру. Но, по крайней мере, выдр прекратил брюзжать. Джон-Том повернулся к остальным принцессам:

— Все улажено. Мы проводим вас до Машупро, а там будет видно. — Он махнул рукой в сторону роящихся блесток. — Все зависит от того, захочет ли остаться с нами музыка.

— Прекрасно! — воскликнула Алеукауна.

— Никто никуда не поплывет, пока мы не спустим судно на воду, — заявил Найк. — Сейчас отлив, поэтому толкать его придется далеко.

Когда выяснилось, что совокупных мускульных усилий четверки отважных мангуст недостаточно, Мадж с Джон-Томом разделись и пришли на помощь. Вскоре к ним присоединилась Пиввера, грациозно сложившая одежду и украшения на банку.

Посвятив борьбе с кормой несколько минут, она повернулась к Маджу, который без видимых усилий разрезал грудью мелководье.

— Знаешь, все мы только выиграем, если ты возьмешься обеими лапами за корму и будешь толкать не меня, а лодку.

— Виноват, ваше августейшество. Я просто ищу рычаг получше.

— Я в этом не сомневаюсь. — У нее поднялись брови. — И все же лучше приложить твои усилия к лодке, а не к моей персоне.

— Ну, извиняйте.

Явно обиженный, Мадж отстранился от принцессы.

Еще некоторое время Пиввера напирала грудью на мокрую древесину. Между тем ее сердце чуть-чуть смягчилось.

— Нам предстоит какое-то время быть спутниками. Учитывая обстоятельства, я не полагаю необходимым, чтобы ты титуловал меня «августейшеством», «высочеством» или как-нибудь иначе. Формальности сейчас явно неуместны. Можешь звать

меня Линтанией лер Кулоуин алейи Пиввера эс Тренку-Ханская.

— По мне, так уж лучше формальности. — Он выплюнул попавшие в рот водоросли. — А че, ежели мы обойдемся одной Пивверой? Мое имя ты уже знаешь.

— Да, я знаю твое имя. А еще имена твоей супруги Виджи и детишек, близнецов Ниины и Сквилла.

У Маджа чуть сощурились глаза. Пытаясь найти в грязи опору, он спросил:

— Кто тебе про них доложил?

— Твой лучший друг, высокий человек. А кто же еще?

— С него станется... Вот ведь улыбчивый обезьяний сын! — И выдр закричал: — Эй, чувак! А ну-ка, приналяг своей дряблой тушей!

— Заткнись и толкай, — откликнулся со своего места Джон-Том. — Мы и так стараемся.

Вскоре благодаря их объединенным усилиям суденышко оказалось на открытой воде. Принцессы с помощью спутников одна за другой поднялись на борт. С каждым новым пассажиром днище опускалось все ниже. Но по стекловидной поверхности сонной воды не бежали волны. Найк был убежден в том, что никто не намокнет, если только судьба не пошлет очень уж сильной бури.

Наконец Хек и Караукул подняли парус. Увы, ветер заснул беспробудно, поэтому ткань безвольно обвисла. После краткой дискуссии Мадж и Джон-Том взяли на себя заботу о румпеле, а четверка мангуст решительно уселась за весла.

— Как только пройдем камыши и выберемся в основной канал, нас подхватит течение.

И неисправимый оптимист Найк изо всех сил налег на весло.

— В любом случае, — добавил, трудясь по правому борту, Караукул, — так проще, чем идти против течения.

— Но вы не учитываете тот факт, что мы идем с очень низкой осадкой.

Хек крякал при каждом гребке.

Пауко, чтобы отвлечься от нудной работы, наблюдал за блуждающими нотами. Тихонько пульсирующий музыкальный туман плавал в воздухе у борта, временами уносился к юго-западу, но возвращался, убедившись, что суденышко не отклоняется от своего курса.

— Невесело звучит ваша музыка, — сказал мангуст чаропевцу.

— С ней такое бывает, — согласился Джон-Том.

— Это вс-сего лишь горс-стка мелодичных звуков. — К облачку приблизилась заинтригованная Сешенше, в порядке эксперимента потыкала в него пальцем. — Да разве она может звучать невес-село? Или как-нибудь иначе?

— Это музыка, — напомнил Джон-Том. — И хотя у нее ограниченное число нот, зато внушительный эмоциональный диапазон.

— Ну, тогда как насчет того, чтоб ее маленько взбодрить, а, кореш? — Мадж не сводил с Пивверы голодных глаз. — Да и всем нам не мешало б приподнять настроение. Тока без магии, — торопливо добавил он.

— Да, чаропевец, спойте нам. — Джон-Тому ободряюще улыбнулась Умаджи.

Правда, почему бы и нет? Джон-Том переместил дуару на живот и окинул взором дельту, чьи мрачные просторы им предстояло пересечь.

— Что заказываете?

— Мне кажется, дружная матросская песня будет в самый раз.

Алеукауна поглаживала выбритую кожу.

— Дружная матросская. Хэви-металл. А что, неплохая идея.

И пальцы Джон-Тома заметались по струнам.

Облачко заискрилось, запело в контрапункте; на некоторые аккорды оно отзывалось особенно громко. Польщенный Джон-Том импровизировал все азартнее, все ускорял темп, — и вот уже дуэт шпарит полноценным свингом. Над камышами и водорослями разносилась не слишком мудреная, но вполне живенькая музыка. И хотя никакой мистики, способной ускорить продвижение лодки, в ней не было, гребцам все же чуточку полегчало. Мадж всегда был настороже, а в спокойных ситуациях — особенно. Вот и сейчас он не позволил себе полностью расслабиться, хотя никто крупнее тритона не пытался состязаться с лодкой в скорости.

Один раз они увидели вдали птиц, косяком летящих на северо-восток. Все замахали руками и лапами, надеясь привлечь внимание небесных путешественников, — пассажирам лодки отнюдь не помешали бы компания и свежие новости. Но летуны то ли не заметили их, то ли предпочли не обращать внимания. Белые крылья вскоре исчезли за стеной деревьев.

Маджу пришла в голову обескураживающая мысль. Верный своему эгоизму, он поспешил поделиться ею с попутчиками.

— От весел толку мало, лоханка охотнее слушается течения. Че, ежели мы войдем в основной канал, и нас понесет прямиком к устью, а свернуть будет некуда? Этак мы враз проскочим мимо Машупро и очутимся в открытом море. — Он зашаркал по неструганым доскам палубы. — На большой воде корыто и десяти минут не продержится. Достаточно одной приличной волны, и пойдем ко дну.

— Выдр, вы совершенно напрасно пророчите беду. — Найк работал веслом легко, его тело вошло в энергоэкономный музыкальный ритм. — У моего племени превосходное чувство направления. — Он бросил взгляд через плечо по курсу. — Нужно только найти главный канал, по которому мы сюда приплыли. Дельта Карракаса — это лабиринт маленьких протоков, большинство из них течет не на север и юг, а на восток и запад. Когда мы войдем в чистые воды, нас выручит парус — понесет наше судно на восток, к Машупро. По пути сюда мы тщательнейшим образом запомнили маршрут, иначе бы не удалось отыскать обратную дорогу.

Хек размозжил на палубе муху-кровососа.

— Не волнуйтесь, выдр. Мы не намерены задерживаться в этой стране сверх необходимого. — И тяжело вздохнул. — Как я соскучился по прохладным ветрам Харакуна!

— Мы все по ним соскучились, — с чувством добавил лейтенант.

Порой к суденышку приближались разнообразные крупные и потенциально опасные обитатели дельты, в основном — под покровом ночи. Каждый раз они проплывали мимо, не доставляя хлопот. Вероятно, лодка казалась им неприступной. Еще вероятнее, их отпугивал шум — принцессы болтали без умолку.

Какова бы ни была причина, кораблик продвигался на юг беспрепятственно и никем не преследовался.

Джон-Том держал румпель, позволяя Маджу сидеть в носу рядом с принцессой Пивверой. Выдры свесили лапы за борт — они были так коротки, что не доставали до воды.

— Я бы с удовольствием послушала и другие рассказы о твоих чудесных приключениях.

— Приключения, говоришь? — Мадж тайком втягивал ее пряный запах, постоянно ощущаемый даже в богатой ароматами дельте. — Ну, чего-чего, а таковского добра на нашу с этим чокнутым человеком долю с лихвой досталось. Даже сказать не возьмусь, скока раз я был вынужден спасать его лысые окорока, из скольких переделок он выкарабкался, буквально держась за кончики моих усов. Да ежели б не я...

— Но разве он не чаропевец? — с любопытством перебила она.

— Ну, конечно, шеф изучил пару-тройку простеньких трюков, пользуется ими время от времени, но када дело принимало серьезный оборот, выручали нас тока добрые старые проворство и наглость. — Мадж понизил голос до интимного шепотка. — Вишь ли, Джонни-Том — малый смышленый, но все ж не семи пядей во лбу. Не извилинами работает, а скорее инстинктом. Но ему я про это не говорю — смысла особого не вижу комплексовать парня. Он ведь слегка чувствительный, ты небось и сама заметила.

— Заметила, — призналась она.

— Ты пойми меня правильно, — перешел на скороговорку Мадж. — Я к этому наивному чмырьку самые теплые чувства

питаю. С ним не соскучишься, и костерок он вполне прилично разводит. Маленько нескладный тока. Да ты небось знаешь этих людишек.

— Бедняге повезло, что у него такой друг.

— Да, че есть, то есть. Ты б тока поглядела, как он плавать пытается! Тыщу раз мне приходилось его вылавливать из спокойных речушек или даже ручейков и давить на широкую безволосую грудь, пока вода не выжмется из легких, как воздух из клепаных мехов. Но чего можно ждать от существа, которое трепыхается, как рыба на песке, и называет это плаваньем.

Принцесса наклонилась, зажала один из его усов между большим и указательным пальцами и подергала.

— Это не его вина. Просто наше племя гораздо ловчее от природы.

— Верно! Мы...

Выдр оборвал фразу, сообразив наконец, чем она занимается.

— Я хочу все о тебе знать, — прошептала Пиввера ему в ухо. — Хочу узнать тебя от и до. А сейчас... — Взгляд живых карих глаз буравил его зрачки. — Расскажи о местах, где ты побывал, о чудесах, которые повидал, и о твоих захватывающих приключениях.

Маджу оставалось только мысленно выругаться — нос суденышка давал не больше уединения, чем центральная площадь Линчбени. У него дрожали усы. Он наклонился к принцессе.

— И о семье, — хрипло добавила она, блеснув острыми зубками. — О семье своей расскажи.

Мадж чуть напрягся.

— Семья как семья. Как и у любого другого.

— Да брось, зачем так скромничать? У меня есть братья и сестры — они, несомненно, свои в доску. Ну а кроме них никого. Мужа еще не было. Конечно, когда я выйду замуж, моим избранником будет подходящий выдр благородной крови.

— Ну, понятное дело. — Мадж озирал посеребренные луной водные и камышовые просторы. — Эх, встретил бы я тебя лет двадцать назад, все равно б у нас ниче не получилось. Всяким я бывал и всяким бываю, да вот тока благородная кровь, язви ее, в число моих качеств не входит.

Ее ресницы потревожили влажный воздух.

— Благородная кровь нужна для замужества, отважный Мадж. Бродяги — для практики. И все-таки расскажи о своей семье.

— Знаешь, че такое лотерейный барабан?

Она порылась в памяти.

— Вращающийся пустотелый шар, заполненный маленькими пронумерованными шариками. Каждый раз, когда такой шарик выпадает через отверстие в большом шаре, произносится

его номер. Владельцы номеров или серий номеров выигрывают деньги. Во всяком случае, так это выглядит в моей стране.

Выдр кивнул:

— Вот в точности так я и чувствую себя, дорогая принцесса.

— Как игрок?

Она очаровательно нахмурилась.

— Ну, вот еще! Как один из этих паршивых шариков. Жду, када выпадет мой номер.

— Прости. Я не хотела тебя расстраивать.

— А, черт! Ты меня расстраиваешь всякий раз, када оказываешься перед моими клепаными глазами!

— Ну ладно. — Пиввера сильными пальцами помассировала его шею. — Изо всех сил постараюсь тебя не нервировать, пока мы беседуем.

— Эх, детка, ежели такое у тебя намерение, то ни фига не выйдет. Нет, не останавливайся. Пусть уж мое тело будет в таком же расстройстве, как и мозги.

И он вдосталь попотчевал ее воспоминаниями о своих путешествиях с чаропевцем Джон-Томом...

Глава 12

Вскоре они оказались в главном канале и поплыли к югу с нарастающей скоростью, да еще и в приятной обстановке. Лишь изредка солдатам приходилось налегать на весла или рубить плавучие водоросли и тростники, что скапливались перед носом или цеплялись за руль. О похитителе Манзае никто уже давно не вспоминал. Для принцесс основной причиной жалоб оставалась их радикально измененная (если не сказать — испорченная) внешность; вопреки надеждам Джон-Тома, она не проявляла ни малейшего желания вернуться на круги своя.

Ранним утром (даже слишком ранним, решил Джон-Том, оторвав голову от сооруженной им из плаща подушки) Пауко исторг нечленораздельный вопль, за которым в тот же миг последовал предостерегающий крик:

— Подъем! К оружию! Сюда что-то движется!

— Чтой-то движется? — заспанный Мадж неохотно зашевелился на банке. — Е-мое, кто ж так тревогу-то подымает, а? Чтой-то движется!

— Пауко, что ты имеешь в виду? — Найк уже стоял, держа рукоять меча. — Что сюда движется?

— Я... Командир, я не знаю. Что-то чудовищно яркое. Оно направляется прямиком к нам, либо нас несет прямиком на него.

К этому времени завозились и принцессы. Вероятно, отдо-

хнули они хорошо — ведь ни одной не пришлось нести вахту. Эту плебейскую обязанность оставили Джон-Тому, Маджу и мангустам.

Заспанный выдр снова и снова пытался наложить стрелу на тетиву и промахивался. Но, судя по адресованному луку шквалу ругательств, органы речи у него действовали безукоризненно.

— Джон-Томми, че за фигня происходит?

— Пытаюсь выяснить!

Чаропевец двинулся вперед, спотыкаясь и протирая на ходу глаза.

Впереди лежало нечто огромное, бледное, фосфоресцирующее, пульсирующее в сумраке раннего утра. На первый взгляд оно представляло собой двуглавый пузырь, но при ближайшем рассмотрении оказалось парой четвероногих существ. Развернуть лодку не было ни малейшей надежды, об этом даже не помышляли. Плоскодонка — не гоночная яхта, отзывающаяся на малейшее дуновение ветерка.

Джон-Том слегка успокоился, увидев, что звери запряжены в повозку. Это указывало на их принадлежность к домашним животным, что, в свою очередь, предполагало контролирующую роль высшего разума. Иными словами, путешественники имели дело вовсе не с дикими болотными хищниками. Но выглядели существа дивно, этого у них было не отнять. Джон-Том отродясь подобных не видал.

Оскальзываясь и поднимая тучи брызг, они двигались по мелководью и волокли за собой вроде бы светящееся белое облако. Когда уменьшилось расстояние, удалось разглядеть на передке экипажа третий силуэт.

— Ими кто-то правит! — Найк напрягал глаза, его гибкое туловище вытянулось в струнку. — Клянусь милостью своей госпожи, у этого судна колеса!

— Колеса? — Караукул был не так зорок, как лейтенант. — В дельте?

— Да ты не тока слепой, но и слабоумный! — Мадж возился с шортами, прыгая на одной лапе. — Колеса-то не крутятся! Вся эта хреновина на дыму плывет, или на тумане, или че это там?..

Джон-Том уже и сам заметил, что колеса не касаются воды. Сильный запах духов заставил его повернуться — за его спиной стояла Квиквелла Опанская.

— Что за диковинная магия? Никогда не видала подобного судна.

— Как и любой из нас, — сказал Джон-Том. — Но я не думаю, что это облако. Со светом плоховато, но я, кажется, различаю что-то вроде прозрачного мешка или оболочки, заполненной газом.

— Невероятно!

К ним подошла Алеукауна, а Пиввера перебралась поближе к Маджу. Выдра это нисколько не расстроило.

Внезапно кучер удивительного экипажа развил бурную деятельность: засвистел, заработал вожжами, отчаянно пытаясь изменить курс. Сразу стало ясно, что незнакомец далек от мысли о нападении — он лез из кожи вон, чтобы предотвратить ДТП. Но его экипаж, видимо, был ненамного маневреннее перегруженной плоскодонки.

Не заметив ни оружия, ни чего-либо еще, что можно было бы расценить как намек на опасность, Найк отдал приказ браться за весла. Мангусты воевали с течением, а кучер нахлестывал упряжку; с мучительной неторопливостью два средства передвижения наконец разошлись.

Когда стало ясно, что угроза аварии миновала, лейтенант выкрикнул: «Табань!» — и усталые солдаты остановили лодку. К этому времени Джон-Том уже определил, что в удивительную плавучую кибитку впряжены огромные белые саламандры. Они-то и служили источником природной фосфоресценции, благодаря которой их легко было принять издали за огромного расплывчатого, бугристого монстра.

Лунный свет внес свою лепту — продемонстрировал, что их плоть полупрозрачна. Под кожей виднелись жизненно важные органы, они дрожали и пульсировали, четко различались артерии и сердце тускло-бурачного цвета. Крошечные черные рудиментарные глазки почти ничего не видели. Саламандры целиком зависели от того, кто держал вожжи.

Возница остановил экипаж, и тот закачался рядом с лодкой. Вонь от него исходила неимоверная — словно он был нагружен битыми яйцами годичной давности.

Занимавший козлы золотистый императорский игрунок был чуть поменьше Маджа. Отличительный признак его племени — белые моржовые усы полумесяцем, отделявшие ясные умные глаза и крошечный нос от маленького рта, придавали когтистой обезьяне сходство с престарелым жевуном из страны Оз. Эффект этот подчеркивался расшитой золотом и отороченной бахромой жилеткой, такими же штанами и сдвинутой набекрень шапочкой с помпоном и золотым позументом. Джон-Том решил, что для унылого окружения незнакомец выглядит слишком причудливо и аляповато.

Наконец примат обратил внимание на путешественников и пришел в ужас; хрупкие длиннопалые лапы взметнулись к небу.

— Я сдаюсь! Пожалуйста, не чините мне зла! Если хотите, заберите имущество, но отпустите с миром. У меня семья: шесть малюсеньких игрунков и...

— А, чтоб тебя! Шеф, хорош вопить!

Мадж с отвращением положил лук на банку. Длинноволосый ночной наездник представлял угрозу разве что для обоняния.

— Что это за вид транспорта?

Найк с неподдельным интересом рассматривал плавучую кибитку.

— Вид транспорта? — Кучер боязливо опустил лапу. Саламандры безмятежно захрустели травой и водорослями, разевая огромные пасти. — Вы имеете в виду мою повозку?

— Нет. — Джон-Том, деликатно прикрывая нос, поставил ногу на планшир. — С ней все ясно. Однако не столь ясно, что позволяет вашей повозке двигаться над водой.

— А, вот вы о чем. Она покоится на мешке с болотным газом. — Заморгали огромные обезьяньи глаза. — Так вы не собираетесь убивать меня или грабить?

— Я б, конечно, не отказался от небольшой потехи, — ответил Мадж, — да тока вот незадача: щас в наши планы не входит даже развлекательное четвертование.

— Болотный газ! — Джон-Том рассматривал прозрачную оболочку. С ее нижней части капала вода. — Никогда не слышал, чтобы его использовали таким вот образом. Честно говоря, я не слышал, что его *вообще* как-нибудь используют.

— Он позволяет моей повозке держаться над водой, — охотно объяснил заметно успокоившийся игрунок. — Весь фокус в том, как его накапливать.

— А недостатки? — проявил профессиональный интерес Найк.

— Только запах — он поистине ужасен. Но выгоды, безусловно, перевешивают эту пустяковую неприятность.

Сешенше крепко зажимала ладонью нос.

— Это только вы с-считаете ее пус-стяковой.

— Да, понимаю. — Кучер глубоко вздохнул. — Езда на облаке вони и гнили отпугивает некоторых покупателей, с этим трудно спорить. Но такая кибитка — лучшее средство передвижения над спокойной низкой водой. А на твердой почве я попросту открываю мешок и выпускаю газ. Запах остается, но ненадолго.

— Вы чем промышляете? — осведомился лейтенант.

Кучер прижал ладонь к груди и отвесил глубокий поклон. Под гигантскими усами едва проглядывала улыбка. Интересно, подумал Джон-Том, сколько ж ему лет? Трудно определить, вон какой толстый слой косметики на его физиономии.

— Я купец Силимбар.

— Чем торгуете? — допытывался Найк.

Игрунок озадаченно заморгал. Первые рассветные лучи приглушили зловещую яркость саламандр, и теперь они выглядели вполне безобидно.

— Естественно, всем, что под руку подвернется. Как и любой коммерсант.

— Любой коммерсант? — озадаченно нахмурился мангуст.

— Я охочусь за прибылью. Что удастся — куплю, что удастся — продам. Кстати, не смогу ли я вас чем-нибудь заинтересовать? — Взгляд игрунка приклеился к принцессам, которые выстроились у борта плоскодонки и с любопытством рассматривали кибитку.

Музыкальное облачко зависло неподалеку и выражало звонкий протест. Джон-Том заметил под кибиткой три оси с шестью окованными деревянными колесами. Они были массивные, крепкие и явно предназначались для более труднопроходимой местности, чем дельта.

К борту подошел и вечно подозрительный Мадж.

— Э, начальник, почему мы должны верить тебе на слово? Че, ежели ты торгуешь тем же, чем заполняешь свои мешки?

— Буду рад, если вы пожалуете в мою кибитку и осмотрите товары. К тому же вас много, а я один.

В глазах игрунка страх сменился чем-то новым... Или не новым? Что-то подобное Джон-Том вроде бы не раз видел в глазах Маджа. Алчность!

— Купец! — захлопала в огромные ладоши Умаджи. — Девочки, как вы думаете, у него есть *настоящая* косметика?

— Губная помада и румяна! — Прекрасные синие глаза Ансибетты загорелись. — Тени для глаз и пудра!

— Щетки для меха и лосьоны! — с таким же благоговением в голосе поддержала ее Пиввера. — Расчески и кисточки!

Теперь даже бахрома золотистых усов не могла скрыть широкую ухмылку примата.

— Как удачно, что я всегда вожу с собой немало подобного товара. Не желаете ли перейти ко мне в кибитку и решить, стоит ли чего-нибудь моя косметика по вашим высочайшим меркам?

Дамы толпой ринулись через борт. Напрасно Найк пытался им воспрепятствовать.

— Ваши высочества! Умоляю прежде подумать, проявить осмотрительность! Это вовсе не поездка за покупками! Это спасение от опасного врага!

С таким же успехом он мог грудью останавливать цунами или увещевать гром. Джон-Том и Мадж были опытнее (как-никак, много лет женаты), а потому поспешили убраться с дороги. Лейтенант зря не последовал их примеру — только чудо спасло его от падения за борт.

Проминая мягкую оболочку с болотным газом, принцессы одна за другой перебрались на колесницу. Силимбар, грациозно спустясь с козел, каждой из дам подавал лапу, хотя и заробел, увидев могучую длань Умаджи. Когда с плоскодонки сошла последняя принцесса, игрунок принялся знакомить клиенток со своим обширным ассортиментом. Оставшийся на суденышке Найк не скрывал возмущения.

— Полно, командир, пускай немного развлекутся. — Утомленный теснотой Хек с наслаждением растянулся во весь рост на

опустевшей банке и звучно вздохнул. — Все равно вы не в силах что-то сделать.

— Пожалуй, ты прав. — Найк раздраженно смотрел на кибитку. Из ее ярко освещенного нутра доносились хохот и визг. — Ума не приложу, что они предложат взамен.

— Для бывалого офицера у тебя плоховато с наблюдательностью. — Мадж ковырял палубу носком башмака. — У каждой из этих телок на шее уйма висюлек. За колечко или браслетик можно купить вдоволь штукатурки для рожицы.

— Вы правы, я об этом не подумал.

Мадж смотрел на восток. Восходящее солнце очерчивало высокие камыши и редкие деревца, окрашивало воду в цвет электрик, искрилось слюдяными блестками.

— Да не будь ты чересчур строг к себе, шеф. Это мой старый профессиональный навык — замечать такие мелочи.

Сидящий на палубе Пауко заложил верхние лапы за голову, закрыл глаза и подставил морду раннему солнышку.

— Хорошо все-таки чуточку отдохнуть от тесноты. Не чувствовать другого запаха, кроме запаха мангуст. Без обид, ладно? — Он смущенно улыбнулся Джон-Тому и Маджу.

— Да ерунда, приятель. — Выдр ткнул пальцем в сторону чаропевца. — Иногда мне казалось, че инвалидность по обонянию — благо. Впрочем, это бывало не часто.

Джон-Том склонился над бортом, вытянул левую руку и пощупал податливый бок мешка с газом.

— Отродясь ничего подобного не видал.

Мадж нахмурился:

— Че не видал? Болотного газа?

— Нет, — задумчиво ответил его друг. — Такой оболочки, или мешка, или как там его. На ощупь — точно пластик. Но я в этом мире еще ни разу не встречал пластика. Интересно, где его производят и каким путем он попал к торговцу?

— Чувак, так ведь ответ — у тебя под носом. — Выдр, как всегда, был рад объяснить очевидное. — За этой дельтой, за городишком Машупро, к которому мы плывем, плещется цельный клепаный океан. Кто знает, че за чудеса прячутся на том берегу, где неведомые волны лижут незнакомые берега?

Джон-Том оглянулся:

— Какое красноречие! Мадж, на тебя это не похоже.

Выдр кивнул:

— В книжке вычитал. Не хотел тебя, кореш, разочаровывать.

— Я много лет прожил на свете и больше привык ожидать чудес, чем удивляться им. — Джон-Том снова ткнул пальцем в оболочку, глубоко промял тонкий податливый материал. — Но все-таки что это? Поливинилхлорид? Полиэтилен? Какой-то другой полимер?

Мадж сплюнул за борт.

— Не слишком ли много «пэ», а, чувак? Брось, не напрягай мозги.

Найк навострил уши.

— Судя по звукам, наши дамы прекрасно проводят время.

Он спрятал оружие в ножны, солдаты последовали его примеру. Пока что игрунок не продемонстрировал ничего опаснее деловой хватки.

— Интересно, — вслух размышлял Джон-Том, — каких это покупателей Силимбар надеется найти в такой глуши?

— А можа, он в Машупро состриг денежку-другую не с того парня, и пришлось в спешке рвать когти? — Мадж тоже с сомнением разглядывал фургон. — Тада я, наверно, способен ему посочувствовать — сам частенько против своей воли менял место жительства в былые дни.

По-прежнему из кибитки доносились аханье, визг и хихиканье — скромная оргия потребительского спроса была в самом разгаре. Слабо светящееся облачко аккордов висело у топа мачты, подальше от дамской какофонии.

Мадж медленно покачал головой.

— Слыхали? Буйство заразной хвори, от которой нет лечения.

— Богомольцы добрались до вожделенного храма, — согласился Джон-Том. — Хорошо, хоть от нас не требуют отбивать поклоны вместе с ними.

— Бабья религия.

Выдр кивнул.

— Мадж! Там, откуда я родом, тебя за эту фразочку обвинили бы в мужском шовинизме.

— Мужской шовинизм? Кореш, че это за зверь такой? Хитроумный ярлычок, чтоб прятать под ним неудобоваримую правду-матку? Че касается меня, то я его не считаю достаточно широким. Фигурально выражаясь.

Рассвет уверенно перетекал в утро, температура воздуха поднималась, не отставая от солнца. Невидимыми волнами колыхалась над болотом сырость, и Джон-Тому уже казалось, что и он, и его спутники, и вообще каждая живая тварь в округе — не более чем ингредиент закипающего в огромном котле супа.

Сбившись в плотную кучку под защитой повешенного горизонтально паруса, солдаты дремали на корме. Джон-Том уже прихватил часок сна, теперь ему оставалось только вернуться к изучению купеческой повозки. Мадж, одолжив у Хека алебарду, раздвигал ею камыши и водоросли в поисках пресноводных раков и моллюсков.

Принцессы наконец потянулись обратно на лодку. Вооружившись товарами игрунка, они наивно рассчитывали вернуть свой прежний облик, но, увы, далеко не все последствия чаропевческой катастрофы легко преодолеть.

Последней шествовала Алеукауна. Она изящно приняла лапу лейтенанта Найка. Солдаты с кряхтением проснулись и занялись снастями.

— Очевидно, встреча удовлетворила обе заинтересованные стороны? — официально-вежливым тоном обратился лейтенант к купцу.

Силимбар уже угнездился на козлах, глаза его сияли. Он с энтузиазмом закивал.

— О да, о да! — В разгорающемся свете утра не так бросалась в глаза гнилушечная фосфоресценция болотного газа и гужевых саламандр. Она уже не столько опасение внушала, сколько легкое отвращение. — А коли так... Дамы, если вы закончили, я приглашаю всех обратно. Можно уложить товары поплотнее, и вам будет вполне удобно.

— Вы очень любезный коммерсант, — ответила Ансибетта, — но я думаю, нам лучше оставаться на лодке. Во всяком случае, пока мы не доберемся до Машупро.

После посещения кибитки у нее на шее появилось ожерелье из крошечных синих призм, а кожа приобрела кремовый оттенок.

— Я направляюсь вовсе не в Машупро. Как, впрочем, и вы. — Голос игрунка приобрел новый, глубокий тембр. Казалось, вокруг торговца сгустилась зловещая атмосфера, болотный газ иного сорта. — Почему бы вам не перейти первой?

Он протянул лапу к Ансибетте.

Поведение маленького примата не столько напугало, сколько озадачило ее.

— Почему это мы должны ехать с вами?

— То есть как почему? По условиям ваших долговых расписок. — Лапа потянулась назад, достала из-под сиденья кипу бумаг и потрясла ими в воздухе. У Джон-Тома в животе появился отвратительный узелок, как будто он проглотил живого пескаря или надышался болотного газа. Печати под каждой распиской пахли чернилами и излучали сияние вроде скользкой кожи саламандр.

Ничуть не меньше опасений вызывал нездоровый огонек в глазах Силимбара.

— Я обладаю обязательствами, подписанными каждой из вас. Здесь и здесь. — Он ткнул пальцем в подписи и снова поманил принцесс. — Некоторые законы, да будет вам известно, действуют везде. — Купец потряс бумажками. — Эти расписки являются юридическими документами и имеют силу во всех странах на побережье Фарраглина.

— Какие еще рас-спис-ски? — недоумевала Сешенше. — Ведь мы вам заплатили. Золотом и драгоценными камнями! — На ее острых ушах с кисточками мелодично позвякивали сереж-

ки. — С-себе ос-ставили только с-самое необходимое, чтобы выглядеть мало-мальс-ски прилично.

— О, можете забрать обратно свои подделки. Безделушек у меня хватает. Нет, дорогие мои, мне нужны не ваши побрякушки, а вы сами. И на вас я предъявляю свои права!

К борту шагнула рассерженная Пиввера.

— Купчишка, ты нанюхался газа из своего надувного мешка. Никто никуда с тобой не поедет.

— А я-то думала, вы честный торговец, — прошептала разочарованная Квиквелла.

— Да, я честный торговец и всегда соблюдаю законы. — Силимбар сложил бумажки аккуратной стопкой. — А вам следует внимательнее читать то, что подписываете. Теперь каждая из вас связана со мной договором на период не менее трех и не более десяти лет, и я вправе поручать вам работу по своей прихоти и усмотрению.

Насупившийся Найк вцепился в рукоять меча и протолкался между принцессами.

— Коммерсант, советую ехать своей дорогой.

— Силимбар — вовсе не тот, кем прикидывается, — прошептал Джон-Том.

— Ах, до чего ж ценное открытие! — Мадж наклонился и подобрал лук. — Как ты тока пришел к этому, а, чувак?

Между тем все тело Силимбара окутало противоестественное белое сияние. Оно текло из его глаз, словно слезы призрака, сочилось по меху, капало с пальцев, ушей и серповидных усов. Купец воздел к небу трясущуюся лапу и повысил свой настоящий голос:

— Договоры подписаны и расторжению не подлежат! И я заклинаю вас их волшебной и юридической силой, мистической властью всех пунктов и подпунктов!

С его ладони устремился вверх, закрутившись спиралью, луч болезненно-бледного света.

То, что произошло в следующий миг, поразило Джон-Тома. Алеукауна из племени мангуст, славящаяся силой воли и твердостью характера, вдруг заколебалась. Затем сделала шаг вперед. Найк поспешил встать между нею и повозкой.

— Нет, ваше высочество!

Глаза ее затянула поволока. Слабая белая фосфоресценция.

— Сама не... хочу. Но... должна.

Она потеснила лейтенанта, а он схватил ее за лапу. Остальные зомбированные принцессы тоже зашаркали к повозке.

— Ансибетта!

Джон-Том, бросившись на перехват красы и гордости Боробоса, был потрясен, увидев на ее губах отвратительную белую пену. На глазах появились бельма, яркую синь радужек скрыли чудовищные катаракты.

Он изо всех сил пытался удержать ее. Но неодолимая сила — сила подписанного договора — одолела.

Найк выхватил меч.

— Освободи их, или я располосую тебя вслед за твоими проклятыми бумажками!

Силимбар властно глянул на лейтенанта сверху вниз.

— Предупреждаю: не вмешивайтесь в мои дела! Я не ссорился с вами. Я лишь желаю забрать то, что принадлежит мне по закону.

Как только первая принцесса очутилась в кибитке, он повел вокруг себя лапой. Между фургоном и плоскодонкой сгустилась стена белого тумана. Когда Хек попытался перепрыгнуть ее, что-то невидимое отшвырнуло его на дно лодки.

Караукул ткнул в белую толщу мечом. Клинок легко прошел насквозь, но когда мангуст двинулся следом, с ним произошло то же, что и минутой раньше с его товарищем.

«Это не просто туман, — подумал Джон-Том. — Тут действует не только сила контракта, и одних слов будет маловато, чтобы справиться с бедой. Меч и алебарды — явно не помощники».

— Кореш, сделай чей-то!

Мадж мертвой хваткой вцепился в запястье Пивверы, а она тащила его к белой стене.

Беря дуару, Джон-Том вспомнил, что знает немало песен, в которых речь идет о дыме и тумане. Еще он понял, что необходимо сделать правильный выбор с первого раза. Квиквелла уже переправилась следом за Алеукауной, остальные тоже не собирались задерживаться. Саламандры шипели и переминались с ноги на ногу, должно быть, чувствовали, что стоянке приходит конец.

— А ну, отпусти их, сучий похититель! — пролаял Мадж во всю силу легких. — Права не имеешь!

Пауко, пытавшийся удержать Сешенше, полетел за борт. Раздался громкий всплеск, взметнулись брызги. Затем мангуст выпрямился — вода доставала ему до пояса. Отплевываясь, он ринулся назад.

— Вот что дает мне все желанные права! — Гомерически хохоча, Силимбар тряс бумажками с роковыми печатями. — И права, и силу!

— Вы уж извиняйте, ваша склизкость, да тока шиш вам обломится! — С этими словами Мадж повис на шее Пивверы — хотел удержать ее собственной тяжестью. Но чары наделили ее мощью богатыря — выдра легко ступила на планшир вместе со своим грузом.

Джон-Том заиграл, воздух заполнили острые аккорды. Блуждающие звуки обвили топ мачты, будто аметистовая лента.

Силимбара музыка привела в восторг.

— Очаровательно! — Он топорщил усы, растянув губы в широкой улыбке. — Музыкальное прощание. Давайте, менестрель,

спойте им серенаду на ваше усмотрение. Только знайте: никакой жалобный плач, никакие мольбы не заставят их остаться.

— Да будет вам известно, — выкрикнул Джон-Том, — давным-давно, задолго до того, как я надел плащ чаропевца, задолго до того, как я вообще оказался в этом мире, я изучал право. И был очень даже неплохим студентом!

«Иные школьные знания остаются с тобой навсегда», — совершенно серьезно подумал он и запел:

Только не тверди мне о контрактах,
Только не тверди мне о суде.
Вырос я на исках и на актах,
А в суде я — как судак в воде.
Не боюсь я бланков и печатей,
Смыслю в них побольше твоего.
В торге даже адовых исчадий
Обескровлю всех до одного!

Ансибетта, уже готовая принять руку Силимбара, остановилась.

— Ну, иди же, иди! Что за сомнения?! Ты связана договором и должна повиноваться! — Игрунок помахал перед ней кипой расписок, как эстрадный факир карманными часами перед глазами загипнотизированного.

Джон-Том уже не пел, а кричал во всю мочь. Разрушить чары любой ценой! Он знал, что способен на это. Ведь за колдовством Силимбара на самом деле нет ничего, кроме простеньких долговых расписок. С дуары потекло бледно-лавандовое сияние и осветило плоскодонку. В чем дело? Похоже, этот свет не имеет ничего общего с происходящим. Не зная и даже не представляя, что еще можно сделать, он пел о свободе и бегстве, подразумевая колеблющихся принцесс.

Рядом удивленно выругался Найк, Хек шумно втянул воздух. Под ногами команды примитивная плоскодонка меняла свою форму.

— Вот оно! Пошло! Кореш, это ж оно, да?! — поощрял его Мадж на новые усилия.

— Сильное волшебство!

Найк уже не пытался удерживать гориллу, осознав всю тщетность этого занятия.

Палуба суденышка не менялась, но исчезли борта. Распевая, Джон-Том одновременно гадал, что же это он творит. Может быть, небольшой боевой корабль, способный нагнать страху на Силимбара? Таран, который проломит бледную стенку и дотянется до купеческой кибитки? Или даже экипаж вроде игрунковского, только покрупнее и помощнее?

По барабанным перепонкам врезал ужасающий рев. Джон-Том улыбнулся — вот сейчас он увидит, как в тумане материализуются саламандры не чета Силимбаровым. Но вместо них из

вихрящейся лавандово-белой бури появилась... вихрящаяся буря. Но несколько иного сорта.

Она была кругла и ограничена большой проволочной клеткой. Джон-Том сразу узнал ее, хоть и не бывал никогда в создавшем ее болотистом краю. Судя по запаху, у «Прэтта-Уитни» мощностью четыре тысячи «лошадей» протекал сальник, но это не мешало неистовому вращению колоссальных лопастей пропеллера. Фанерная вывеска с написанными от руки красными буквами держалась на иссохшей изоленте и ржавых болтах над проволочной клеткой с пропеллером.

Вывеска гласила:

Мамаша Лерой приглашает в турне по болотам. Полдня — 20$. Весь день — 35$. Увидите — упадете! Аллигаторы-людоеды! Змеи-убийцы! Великанские лишайники! Кофе с бутербродами!

Джон-Том ощутил, как под его ногами задрожала палуба, и, бросившись к пульту управления, соединенному с креслом шестифутовой высоты, исхитрился вцепиться всеми десятью пальцами в рукоять. Рывок был столь силен, что принцессы вышли из ступора. Кто завопил, кто прыгнул к лодке, кто зажал уши. Сквозь икоту и рев старого авиационного двигателя, угрожавшего разорвать на куски и лодку, и самого себя, прорывались вопли разъяренного Силимбара.

Воздушная волна согнула в три погибели осоку и камыши. Перемещенный из иного мира болотоход рванул вперед и описал малый круг. Доселе невозмутимые саламандры, обезумев от страха, взвились на дыбы и кинулись с места в карьер. Разъяренного игрунка сбросило с козел, но вожжи он не выпустил. Кибитка вместе с облаком болотного газа была подброшена могучим ветром, рожденным пропеллером.

Умаджи больно хлопнулась на спину. Еще сильнее досталось Найку — его защемило между крепкими ляжками гориллы и неподатливой деревянной палубой.

Опомнившаяся Пиввера бросилась к плоскодонке и упала на настил с выходом на кувырок; все-таки выдры — прирожденные акробаты. Алеукауна почти столь же удачно повторила трюк. Менее ловкие Квиквелла, Сешенше и Ансибетта попадали, а может быть, намеренно спрыгнули в воду.

Несмотря на отчаянные усилия Джон-Тома, бешено круживший болотоход задел кибитку игрунка. Раздался негромкий хлопок — это лопасть пропеллера достала надувной баллон. Газ, заключенный в нем под огромным давлением, с оглушительным свистом ринулся на свободу.

В полном согласии с соответствующими законами физики это неожиданное действие вызвало равное противодействие, и повозка, саламандры, а также вопящий благим матом Силимбар

умчались на северо-северо-запад со скоростью этак шесть злобных проклятий в секунду. Джон-Том был убежден, что слышит завывания купца-волшебника, даже когда повозка блинчиками ускакала за горизонт. Оставалось лишь догадываться, что произойдет, когда весь болотный газ вытечет сквозь пробоину. Скорее всего удивительное средство передвижения медленно, но верно исчезнет в трясине.

«Так тебе и надо», — мысленно хохотнул он вдогонку Силимбару, после чего убедился, что дуара прочно держится на спине, запахнул плащ и перебрался на сиденье. Пот и вода, заливающие глаза, мешали прикинуть скорость болотохода, но она была весьма внушительной. Джон-Том нажал на рычаг и сбросил газ, чтобы выровнять ход.

Мадж и Пиввера поспешили к нему, солдаты же не столько помогали, сколько таращились с благоговением и страхом на оглушительную штуковину, которая как будто навсегда прицепилась к корме.

— Запихни себе в задницу все бумажки, рожа протокольная, и больше не попадайся! — проорал Мадж в ту сторону, где исчез Силимбар. Конечно, игрунок ничего не мог услышать, но выдра это нисколько не смущало. — Че, хотел побить настоящего волшебника клепаной стопочкой заколдованных расписок? — Он повернулся к другу, подмигнул и тихо добавил: — Неплохая работа, чувак. Я уж промолчу, че была минутка, када я маленько встревожился. Эта прогулочная лодочка — плод чистого гения.

— Спасибо.

Джон-Том очень хорошо осознавал, что пытался создать нечто совершенно иное, но в данных обстоятельствах говорить об этом, пожалуй, не стоило.

— Во как надо расторгать контракты, навязанные мошенническим путем. Во как надо...

Мадж испуганно тявкнул — палуба вырвалась из-под его лап.

Джон-Тому понадобилось время, чтобы привыкнуть к нраву болотохода. Но с этой задачей он справился неплохо. Чаропевец не требовал от механизма слишком многого, а тот больше не старался зашвырнуть его на ближайшее дерево.

Наконец он решил вообще заглушить чертов мотор. Ревущая машина закашлялась и утихла, пропеллер вращался все медленнее и вскоре остановился. Джон-Том направил прямоугольный нос идущего по инерции болотохода к низкому горбу из тростников и губчатого мха. Выводок ярких летающих ящериц вспорхнул и рассыпался над водой. Посмотрев вдаль, Джон-Том осознал, что в ближайшем будущем Силимбара можно не опасаться. Сейчас о его малоприятном присутствии напоминал лишь слабый запах болотной гнили, да и тот быстро слабел.

Побывавшие в воде принцессы делали все возможное, чтобы обсохнуть. Кое-кто дивился четким прямым линиям претерпев-

шей метаморфозу плоскодонки. На смену дереву пришли сталь и алюминий. Палуба была гладкой и холодила стопу. Исчезла мачта с парусом, а вместо деревянных банок появились металлические сиденья с толстой обивкой. К сожалению, пахли они не духами и благовониями, а соусом «табаско» и прокисшим пивом.

Впрочем, никто не жаловался.

— Что это за чудеса? — спросила Умаджи, очень старавшаяся держаться с прежним достоинством.

Джон-Том слез с кресла и осмотрел пахнущий бензином и машинным маслом двигатель без кожуха.

— Слова — мои, но поработать как следует над мелодией я не успел. Поэтому воспользовался музыкой Джимми Бафита. Там, откуда я родом, он славится довольно мягким чаропением. — Человек кивнул в сторону двигателя. — До сего дня я эту штуковину видел только на фотографиях.

— Че? — Мадж состроил гримасу насмешливого изумления. — Хошь сказать, ты не умеешь ею управлять? Надо ж! Сам бы я ни в жисть не догадался.

— Ну, учитывая обстоятельства, я вроде не ударил лицом в грязь. Так что прибереги свой сарказм для Силимбара. Если он вернется.

— Не вернется, кореш. Ежели тока он плавает лучше, чем я думаю.

— Какое удивительное судно! — Пиввера, стоя на четвереньках, рассматривала гладкое металлическое днище болотохода. — Никогда такого не видела.

— И как ревет! — добавила столь же восхищенная Сешенше.

— Чаропевец заключил бурю в клетку!

Алеукауна указала на металлическую корзину, что защищала пассажиров от пропеллера.

Ансибетта наморщила идеальный носик.

— Какой странный запах!

— Авиационное топливо. — Джон-Том решил обойтись самым простым объяснением термина: — Это такое волшебное снадобье.

Мадж плюхнулся на старую мягкую обивку, его нижние лапы свесились с палубы.

— Эта лодочка нас до Машупро вдвое быстрее довезет.

— Если только удастся снова завести мотор. — Джон-Том, разглядывая громоздкий авиационный двигатель, молился, чтобы тот не потребовал неотложного ремонта. В обращении с техникой чаропевец мог заткнуть за пояс разве что парализованного ленивца.

— Как громко! — Запах топлива отбивал у Сешенше нежное обоняние. — А нельзя ли с-сделать так, чтобы эта буря работала потише?

— Боюсь, что нет, — ответил Джон-Том. — Буря — она и есть буря. Думаете, легко было укротить эту зверюгу, заставить ее везти нас?

— Лучше она, чем Силимбарова повозка, — все еще ухмылялся Мадж. — Ты че, кореш, намекаешь, че эта хреновина не во всем тебе подчиняется?

— А может, сам попробуешь? — Джон-Том указал на пульт управления и поспешно добавил, когда выдр сорвался с места: — Нет! Забудь, я этого не говорил.

«Если захочу свести счеты с жизнью, — подумал он, — найдется способ попроще, чем подпускать Маджа ко всем этим лошадиным силам».

— Чувак, ежели не знаешь, че теперь делать, я подскажу. Давай скажем «прости-прощай» этой миленькой, но чересчур мокрой недвижимости и чесанем своей дорогой.

— Почему бы и нет?

Джон-Том взобрался на кресло рулевого, удобно устроился на старой парусине и посмотрел на Найка. Блудные аккорды, словно учуяв скорое отправление, обрадованно закружились над его головой.

— Идем дальше на юг?

— Пока — да. — Лейтенант все еще оставался начеку. — Надо плыть не слишком быстро, иначе пропустим вешки, которые мы оставили по пути сюда.

— Хорошо. — Джон-Том потянулся к пульту. — Советую всем сесть и за что-нибудь держаться.

— Полундра! Всяк хватай себя за хвост!

Мадж нахлобучил на уши пернатую тирольку.

— Впервые вижу такой металл. — Караукул царапал когтем алюминиевую раму сиденья. — Из него получились бы неплохие боевые щиты.

Джон-Том задержал в груди воздух и перекинул тумблер зажигания. С утробным урчанием двигатель проснулся, закашлял, исторг черный дым, поперхнулся, снова кашлянул и заработал. С трудом провернулся пропеллер, замер на миг, потом раскрутился.

Под крики и визг восхищенных принцесс болотоход ринулся в южном направлении. Шелка и атлас, подхваченные ветром, развевались над палубой, отчего суденышко смахивало на галантерейную лавку в ураган.

Хек облюбовал себе местечко на самом носу болотохода, предоставив сильному встречному ветру ерошить ему шерсть и прижимать уши. Под вибрирующим корпусом лодки скользили воды Карракаса. И впервые за много дней все на борту чувствовали себя легко и бодро.

Глава 13

Как нередко бывало, уверенность Джон-Тома в благополучном исходе его чаропения оказалась преждевременной. Болотоход несся весь день и до середины следующего, а потом двигатель заперхал, зачихал и отрубился. Путники преодолели достаточно миль, чтобы страх перед Силимбаром превратился в пустячное воспоминание, но до Машупро оставалось еще немало. Болотистая местность, где они застряли, ничем не отличалась от оставленной позади.

— До хрена ж он офигенный, Карракас этот ваш.

Мадж задумчиво озирал бескрайние тростниковые просторы.

— Что с-случилось? — осведомилась Сешенше.

— Да, почему мы остановились?

Умаджи покинула свое место на корме. Движение ее могучего тела передалось лодке, и та хлопнула днищем по воде.

Пиввера указала на неподвижный пропеллер.

— Разве не видите? Ослабла пленная буря. Что, чары выдохлись?

Склонившись над двигателем, Джон-Том поднял голову и стер с пальцев тавот.

— Вы ближе к правде, чем думаете, однако сейчас нам необходима специальная жидкость.

— Так, может, споешь?

Мадж вопросительно глянул на друга.

— Даже не знаю. У меня такое чувство, что подобрать чаропесенку будет очень нелегко. Бензин мало кого вдохновлял на стихотворчество.

— А как насчет того, чтоб поплавать тут еще полгодика? — возразил выдр. — Это здорово вдохновит, скажешь, нет?

— Может, сначала пообедаем? — Ансибетта опустилась на колени — разобраться со скромными припасами, а Джон-Том решительно отвел глаза. — Я такая голодная — что угодно проглочу.

Мадж был готов высказаться на этот счет, но Джон-Том спешно предложил выдрам нырнуть и поискать съестного.

— Отдых никому не помешает, — заявил Найк. — Нам выдались напряженные дни. А что до меня, то я бы хотел запастись силами, прежде чем снова возьмусь за весло.

Джон-Том не спорил — его слишком измотала борьба со своенравным болотоходом. Да и Найк, пожалуй, прав. Чем плохо — до вечера дрейфовать по течению, прилично поужинать и спокойно проспать всю ночь? Можно даже без спешки сочинить подходящую чаропесню, а утром испытать ее на свежую голову.

Пока Мадж с Пивверой ловили моллюсков, раков, водяных жуков и прочую снедь, любопытство привело Хека и Караукула к

двигателю, они щупали и ковыряли его. Джон-Том хотел было отогнать мангуст от безмолвствующей металлической штуковины, но решил, что раз в баках нет топлива, то и бояться особо нечего.

В сумерках со стороны Сешенше донеслись первые рыдания: жалобное, высокое мяуканье. К ней присоединились остальные принцессы, и над болотоходом сгустилась атмосфера погребальной барки.

— Это еще что?

Мадж отправился утешать Пивверу, и та его не оттолкнула.

— Сешенше права. — Она потерла заплаканную морду. — Вы, самцы, столько для нас сделали, а мы чуть не испортили все. Из жадности своей, из тщеславия!

— Мы вели себя очень плохо!

Плач Квиквеллы напоминал хриплое, прерывистое сопение, непомерной длины язык выстреливал снова и снова.

В отличие от подруг, Умаджи ревела оглушительно, роняя на палубу огромные слезы.

— Мы не смогли устоять перед соблазном! О, глупость и гордыня! Купец сыграл на нашей слабости, охмурил волшебными словами, такими, как «румяна» и «тени для глаз».

Ансибетта размазывала влагу по лицу. Джон-Том едва одолел искушение обнять ее и успокоить. Как-то раз Клотагорб сказал ему, что для женщин слезы — аналог боевой раскраски. Этак недолго принести здравый смысл в жертву сочувствию. Пресный вкус речной рыбы во рту помог чаропевцу взять себя в руки.

— Да, горе нам, горе! — Алеукауна подхватила жалобный рефрен. — Когда он подсовывал нам проклятые бумажки, какая-то частичка моего разума подозревала каверзу. Но тут он сказал: одну вещь покупаете, вторую получаете бесплатно, — и я сдалась.

Сешенше высморкалась и кивнула.

— И к тому же он произнес-с с-самое с-сильное, с-самое подлое с-слово. — Казалось, на миг ее зрачки заволок болотный огонь, затуманил не только зрение, но и рассудок. — Это с-слово «с-скидка».

Мадж саркастически щелкнул языком:

— Неприличное слово из пяти букв, но не...

— Я не понимаю, — искренне забавлялся Джон-Том. — Вы — особы королевской крови. Вот уж не ожидал, что вас можно подловить на такой ерунде.

Принцессы переглянулись. Заговорила Ансибетта:

— Бедный чаропевец! Вы и правда *ничего* не понимаете.

— Да, не понимает. — Умаджи опустила подбородок на косточки пальцев. — А знаете, будь мы немного осторожнее, Силимбар уступил бы три по цене одной.

Джон-Том, охваченный легким беспокойством, предпринял попытку увести разговор от непостижимой темы.

— Насчет бензина не беспокойтесь. Я что-нибудь придумаю.

— Ага, он придумает! — Мадж хлопнул друга по спине. — Он завсегда чей-то придумывает. В том-то и беда!

Однако ни отдых, ни пища, ни сон не принесли ожидаемого вдохновения. Даже утро подарило свет, но не просветление. Не оставалось ничего другого, кроме как порыться в старых песенных запасах.

Он посидел минутку в кресле рулевого, удостоверяясь, что все готово: ключ зажигания, дроссель, рычаг управления, дуара. Несколько нот, извлеченных из достославного инструмента, чистые и ясные, поплыли в сыром утреннем воздухе, и вдогонку за ними помчалось любопытное облачко заблудшей музыки. Потом светящаяся стайка метнулась в юго-западном направлении, возвратилась к болотоходу и снова унеслась прочь.

— Отвяжись! — рявкнул Джон-Том облачку. — Мы обязаны позаботиться о дамах. Сначала доберемся до Машупро, и только потом — туда, куда хочешь.

Джон-Тому не удалось втиснуть «авиационный бензин» в подходящий куплет, а более емкое слово «топливо» сулило побочные эффекты, поэтому он решил действовать по-другому: спеть о скорости и движении вперед, о легкой и приятной увеселительной прогулке. Если играть, к примеру, кантри, то можно обойтись без ярко выраженных технологизмов, предположил он.

Солдаты и принцессы замерли в ожидании. Бывалый Мадж крепко держался за сиденье.

Туман, шедший от грифа дуары, сильно отличался от всех предыдущих. Впрочем, нельзя утверждать, что все предыдущие были как две капли воды похожи друг на дружку. Клубящееся облако было небольшим, лучилось малообещающим бледно-голубым светом. И уж конечно, оно совершенно не походило ни на какое топливо и не проявляло желания сконцентрироваться в приятный цилиндрический силуэт пятидесятипятигаллоновой бочки.

Но все же в дымке что-то наконец материализовалось, и было оно таким неожиданным, что Джон-Том оборвал песню на полуслове, чего за ним давненько не водилось. Музыкальное облачко тоже смолкло и поспешило спрятаться под задранным носом болотохода.

— Что это?

Ансибетта, как и остальные принцессы, раскрыла рот в изумлении.

— В жизни такого не видела!

У Умаджи глаза полезли на лоб.

— Ну а я — видел!

Слова Найка, как и его реакция, застигли спутников врасплох. Он выхватил меч и прыгнул вперед.

— Э, шеф, погодь-ка!

Мадж обогнал исполненного решимости лейтенанта и встал на его пути.

Солдаты тоже взялись за оружие и изготовились к атаке.

— Но ведь он — из Броненосного народа! — вокликнул недоумевающий Хек. — Из страшного, безжалостного, отвратительного Броненосного народа!

На Маджа эти эпитеты впечатления не произвели. Он внимательно разглядывал призрака.

— Не-а. Я, кореша, так не думаю.

— Так кто же это, по-вашему?

Найк позволил себя остановить, но тем не менее посматривал на тварь опасливо. Она же попросту игнорировала всех — лишь спокойно озирала окрестности.

— Парни, а ну-ка, ответьте. Вы хоть раз в жизни видели жуков из Броненосного народа своими глазами? Хоть одного?

Солдаты неуверенно переглянулись. Отвечать они предоставили лейтенанту.

— Вообще-то, нет. Лично я — не видел. Но все мы слышали легенды и рассматривали рисунки.

— Вона как, значица? А мы с Джон-Томми, промежду прочим, много лет назад разобрались с громадной толпищей Броненосных — вам даже не вообразить, какая это была офигенная орда. — Мадж указал на висящее в воздухе создание: — А этот жучара и выглядит, и держится совсем иначе.

— Мадж прав, — подал голос Джон-Том. — У этого существа слишком много конечностей. У любого Броненосного их шесть, а у этого — восемь. Он и не из Паутинников...

Пришелец свесил голову набок, посмотрел на него и холодно заявил:

— Вы наблюдательны. Я не принадлежу к Броненосному народу, что бы вы ни подразумевали под этим термином.

— Он и говорит не так, как они, — тоном адвоката высказался Мадж.

Незнакомец воздержался от дальнейших комментариев и обратил свое внимание на устройство, которое держал в двух из четырех хватательных конечностей. Огромными глазами он считал показания приборов, отчетливо видимых на панели самого что ни на есть технического облика.

— Кто вы? — совершенно сбитый с толку, Джон-Том таращился на пришельца. Неужели это он накликал жука своим чаропением? Исключено! — И что вы здесь делаете?

— По-вашему, мне нравится мое занятие? — произнес жук, даже не взглянув на человека. — Нравится прыгать по альтернативным реальностям, как слепая матка в поисках летка? Это

трудно, опасно и отнимает много времени. И утомительно вдобавок.

— Шеф, я тебе верю, — согласился Мадж, ни в малейшей степени не представляя, что подразумевает существо.

За его спиной Найк и остальные солдаты понемногу успокаивались. Пришелец говорил вовсе не так грозно, как выглядел.

— Можете звать меня Кацповарексом. Из снисхождения к вашим простеньким мозгам я готов отзываться на Кац.

— Ты кого это назвал простаком? — вспылил Мадж. — Ах ты, клепаный навозный...

— Мадж! — упрекнул Джон-Том. — Где твое чувство гостеприимства?

— В гости свалило, ищи его, свищи.

Но выдр не полез в драку. Если бы только он знал, каким правильным было это решение!

Тот, кто именовал себя Кацем, оглядел четырех солдат-мангуст, стайку принцесс, кипятившегося на переднем плане выдра. После чего его внимание сосредоточилось на Джон-Томе.

— Ваше племя я знаю. Вы — человек. Остальные мне совершенно незнакомы. У вас тут целое собрание, как я посмотрю. — Из-под дыхательных спикул на грудной пластине его панциря зазвучало то ли чириканье, то ли скрежет. — Вот как бывает, когда пускаешься в блуждания по пространству-времени.

— Я пытался сотворить авиационный бензин, — сказал Джон-Том первое, что в голову пришло. — А вместо топлива появились вы.

— Совпадение, — голосом еще медовее, чем у Ансибетты, ответило существо. Качнулись роговые антенны у него на макушке. — Авиационный бензин? Интересно, это из какой эпохи? А, вспомнил. Продукт дистилляции нефти. При сжигании преобразуется в энергию движения. Я прав?

— Абсолютно! — воскликнул обрадованный Джон-Том.

— Боюсь, тут я помочь не в силах. С подобными расточительными технологиями мой народ покончил века назад. Что и вашу цивилизацию ожидает, непременно.

Оживившийся взгляд Джон-Тома остановился на ранце и боковых карманах пришельца. Их сложная конфигурация подтверждала, что существо прибыло из мира, продвинутого технологически гораздо дальше Земли. Эх, Клотагорба бы сюда! Однако Джон-Том подозревал, что странные обстоятельства появления жука поставили бы в тупик даже великомудрого черепаха.

— Шеф, а знаешь, че б я тебе посоветовал? Поуважительнее относиться к тем, с кем разговариваешь.

Незнакомец повернул голову, посмотрел на выдра:

— Почему?

— Почему? — Мадж неуловимым броском оказался за спиной Найка. — Да потому, че мой чувак и верный спутник еще и самый крутой чаропевец на свете.

Кац снова посмотрел на Джон-Тома и произнес с откровенным любопытством:

— Что означает термин «чаропевец»?

— Я те скажу, че он означает, — пролаял Мадж, не дав ответить Джон-Тому. — Он колдун офигенный! Магию делает! Вот так!

— Такого явления, как магия, не существует в природе, — менторским тоном заявил именовавший себя Кацем.

— Не существует в природе? — Выдр, не обращая внимания на шиканье Джон-Тома, снова выбежал вперед. — Да? А как же тада получается, че не было тут ни хрена и — хлоп! — появилось? Как у него выходит превращать камни в металлы, изменять формы реальности, создавать такие штуковины, которые тебе и присниться не могут? — Голос слегка понизился: — То есть почти завсегда выходит. — Мадж виновато глянул на рассерженного товарища. — Иногда бывают закидоны.

— Кажется, я вас понял. — Кац сохранял завидное хладнокровие. — Ваш друг — инженер.

— Нет-нет, — удалось наконец вставить Джон-Тому. — Я не инженер, я... — и умолк с раскрытым ртом, оборвав фразу.

Инженера искал волшебник Клотагорб. Много лет назад он даже дотянулся до Земли. А наткнулся на Джонатана Томаса Меривезера — рок-гитариста-любителя, студента-юриста. И временами — инженера санитарной службы, как в Америке называют обыкновенных мусорщиков.

И вот теперь — появление этого существа. Где же кончается закономерное и начинается случайное? Там же, предположил он, где наука превращается в магию, а магия — в науку. «В интересном космосе я живу», — сказал себе Джон-Том.

Но ничего не поделаешь — придется играть в игру, навязанную судьбой.

— Я тоже кое-что умею. — Кац, демонстрируя подвижность суставов, которой позавидовал бы даже выдр, протянул назад нижнюю руку и нажал несколько клавиш на сложном электронном объекте. — Я оказался здесь исключительно благодаря проекту, который все еще находится в экспериментальной стадии. Не удивляйтесь, если я вдруг разлечусь у вас на глазах на миллион осколков.

— Да нет, я все-таки удивлюсь, — проговорил Мадж. — Хотя не буду врать, че расстроюсь.

— Целью эксперимента я ставил поиски в пространстве-времени чего-то определенного, — продолжал гость из иного мира. — Это оказалось гораздо сложнее, чем я ожидал, очевидно, главным образом из-за практически нематериальной природы объекта поисков. Кажется, я допустил ошибку.

— А что вы искали? — Джон-Том, которому хватало своих проблем, все же заинтересовался.

— В том-то и дело. Чтоб мне снова окуклиться, если помню! — Пришелец расстроенно дергал и покачивал тонкими антеннами. — Судя по всему, путешествие между реальностями плохо воздействует на память. Я уверен только в одном. — И он повернулся так резко, что Джон-Том отпрянул назад, врезавшись хребтом в спинку сиденья. — Это как-то связано с вами.

— Ну вот, приехали! — пролаял Мадж. — Ваще-то, мы с ним просто случайные знакомые, вот так. Никакие не друзья.

И он спрятался за Найком.

— Вас окружает энергетическая аура, — продолжал Кац. — Подобные образования притягивают к себе.

— А, значица, это так называется? — Мадж сморщил нос. — А меня она, ваще-то, завсегда отталкивала.

Жук покачал головой, имитируя типично человеческий жест.

— Как ни стараюсь, не могу вспомнить нюансы моего эксперимента. И это в высшей степени огорчительно. Поэтому я решил следовать за вашей очень специфической и яркой аурой в надежде, что она приведет меня к предмету моих поисков. Память — штуковина очень коварная.

— И долго вы... гм... следовали за нами? — спросил Джон-Том.

— Слишком долго. До сего дня вы всегда опережали меня на шаг, а то и на два. Нелинейно выражаясь, конечно. Я метался по континууму, как личинка по инкубационной камере, и вот наконец настиг вас — но, увы, не могу вспомнить, почему это так необходимо.

— Потому что он — чаропевец и, можа, способен помочь тебе своей магией, — осторожно предположил Мадж.

— Кажется, я уже сказал: такого явления, как магия, не существует! Есть только физика, и она неизменна, какие бы ярлыки на нее ни навешивали.

«Ты бы это Клотагорбу сказал», — подумал Джон-Том.

Чаропевцу самому доводилось пару-тройку раз искать «то, не знаю что», поэтому скорбный тон Каца вызвал у него сочувствие.

— Перемещение в этот мир оказалось напрасным, — бормотал гость. — Я должен вернуться домой. Попытаюсь выяснить, ради чего я сюда отправился.

— А че, по мне, так неплохая идея.

Мадж вполне созрел для того, чтобы проститься с эксцентричным и непостижимым незнакомцем.

— Да, мне и в самом деле надо бы захватить с собой записку. Это бы решило проблему. Но искажение памяти — судя по всему, неизбежное последствие перемещений — заставляет меня забывать даже об этом. Я обязан разорвать порочный круг!

С этими словами он нащупал клавиши на ранце. Вновь появился синий пар и окутал его. Он имел некоторое сходство с туманами, что появлялись из Джон-Томовой дуары, но отличался более интенсивным свечением и четче выраженной структурой.

Когда он рассеялся, от Каца не осталось и следа. Задержался только запах — слабый аромат роз и сирени, совершенно неуместный среди пышной ядреной вони.

Никто не рискнул перейти на только что покинутый незнакомцем участок палубы, хотя он внешне не отличался от любого другого. Только Мадж энергично заработал черным носом.

— Свалил педик скорлупчатый. Правда, вежливый — че да, то да.

— Откуда он взялся? — спросила Сешенше.

— И куда ушел? — поинтересовалась Пиввера.

— И чего хотел? — недоумевала Алеукауна.

— Меня больше интересует та штуковина у него на спине, — прошептал Джон-Том. — Продвинутая наука. Или волшебство. Помните его слова? Все зависит от того, как вы предпочитаете определять это явление. В одном я уверен: это не продукт жизнедеятельности Броненосного народа. Откуда бы ни явился Кац, его мир лежит далеко, очень далеко от нашего. Может быть, не только в пространстве, но и во времени.

Его перебил Найк, настроенный, как всегда, прозаически:

— Раз уж речь зашла о времени, его не прибавится, если будем сидеть тут и толочь воду в ступе. Мы уже вышли из основного канала, а здесь слабое течение. К тому же у нас нет ни весел, ни паруса.

А облачко нот, словно желая подчеркнуть важность сказанного, со звоном растянулось перед носом болотохода, образовав музыкальный бушприт.

Джон-Том посмотрел на дуару.

— Не уверен, что следует пробовать еще раз. Я ведь, честно говоря, не знаю, на мой ли зов явилось это существо или материализовалось по собственному желанию, и очень бы не хотелось наколдовать что-нибудь похуже. Но если вы все против того, чтобы немножко подрейфовать...

Отклик был громок и энергичен. Джон-Том пожал плечами, напряг память и заиграл прежнюю мелодию в том же ритме, не забыв изменить текст в более, как он надеялся, действенную сторону.

На сей раз дуара откликнулась ободряющим светом, и был он не голубым, а угольно-серым и совсем не ярким. С другой стороны, в образовавшемся чуть позже дыме никто не материализовался. Двигатель разок-другой взрыкнул, но, не утолив жажду, заглох опять.

Садилось солнце, а с ним и голос Джон-Тома. Не слишком сильный и в лучшие времена, его голос раздражал уже и самых терпеливых слушателей. Принцессы перешептывались. Даже

Найка подмывало осведомиться, не может ли он чем-нибудь поспособствовать творческому процессу.

Джон-Том прервался — надо было дать отдых горлу и пальцам, а также ушам несчастной публики.

— К сожалению, волшебство получается не каждый раз, — прохрипел он.

— Э, кореш, погодь-ка! Не буду врать, че меня распирает оптимизм — виной тому кой-какие приключения из нашего прошлого, о которых в этой компании лучше умолчать, — но ты, кажись, чересчур уж к себе строг. Чем пыжиться и сочинять новое, не лучше ли испробовать старый метод? — Мадж ободряюще улыбнулся. — Сбацай-ка песенку твоего родного мира, как ты обычно делаешь.

— Не припомню ни одной вещи из хард-рока, где бы речь шла о бензине. О машинах — пожалуйста, а вот про бензин нигде ни слова. А если я попробую спеть «Рожденную свободной» или «Турболюбовника» и наколдую машину, проку от нее не будет.

— Это точно, — с готовностью согласился выдр. — А че такое — машина?

Джон-Том устало вздохнул:

— Неважно. Но ты прав — нужен другой способ. — Он просиял. — Есть! Придумал!

— Да уж, чувак, вижу, че придумал. Че бы это ни было...

И Мадж бросился на поиски укрытия.

Джон-Том тем временем коснулся струн и заиграл. И запел старую, знакомую песню.

Вот только будет ли от нее прок?

Вокруг дуары заклубился бледно-серебристый туман. Обвил безмолвный двигатель, точно огромная призрачная анаконда, запустил щупальца под кожух. Обшарпанный, заляпанный смазкой металл всасывал его как губка. Джон-Том повеселел и заиграл с новой силой. Куда проще иметь дело с хорошо известными стихами, чем второпях сочинять новые.

Когда песня подошла к концу и последняя частица едкого пара исчезла в машине, он рывком перебросил дуару за спину, глубоко вздохнул и включил зажигание.

Из недр болотохода вырвался гортанный рык, солдаты и принцессы весело загомонили.

— Ну, видите? — гордо указал Мадж на спутника. — Ему это раз плюнуть. Завсегда у него получается, вот так! — Он наклонился к Пиввере и перешел на шепот: — То есть када я ему подсказываю, че и как делать. Без меня б он пропал, чес-слово.

Принцесса-выдра сохраняла отстраненное выражение морды.

— В этом я не сомневаюсь.

Мадж, вздернув усы, посмотрел на друга:

— Интересная чаропесенка. Правда, чей-то я не припомню, чтоб в ней проскакивало волшебное ругательство «бензин».

— Вероятно, он использовал другие волшебные слова, но с тем же значением, — предположила Пиввера.

— Я и сам так подумал, да вот тока чувак вечно твердит, че в чаропении надо быть точным, а ежели не будешь точным, невозможно предсказать, че может получиться, када...

Двигатель оглушительно лязгнул, Джон-Тома швырнуло на сиденье, и в падении он не успел ухватиться за рычаг. Принцесс и солдат подкинуло в воздух. Только Умаджи благодаря не сообразительности, а огромной физической силе не дала принцессе Боробосской очутиться за бортом.

— Спасибо, — поблагодарила спасительницу Ансибетта.

— Что ты, милая, пустяки. Мы, приматы, должны заботиться друг о друге.

Едва она договорила, двигатель болотохода взревел снова, и толчок бросил обеих принцесс на алюминиевую палубу. На этот раз Джон-Том чуть не отправился за борт и лишь в последний миг судорожно вцепился в сиденье. Он был уже не так ловок, как в молодые годы, но рефлексы почти не притупились и спасли его от пропеллера, который завертелся с силой небольшого смерча.

Охраняя драгоценную дуару, Джон-Том пытался свободной рукой поймать ходящий ходуном рычаг управления. Его спутники вцепились во что попало, а болотоход бешеной ракетой носился по окрестностям, вынуждая стаи всевозможных местных жителей очумело рассыпаться в сотнях направлений. Верещали принцессы, чертыхались мангусты, Мадж сыпал ругательствами со свойственной только ему изобретательностью, а из выхлопных труб било голубое пламя. В оглушительном гаме Джон-Том едва различил крик выдра:

— Кореш! Че ж ты наколдовал, язви тя!

Чаропевец наконец ухватился за рычаг и отдал все силы укрощению сбрендившего суденышка.

— Гонка за лидером! — прокричал он в ответ. — Я пел про гонку за лидером!

Распростершиеся на палубе Сешенше и Алеукауна обменялись растерянными взглядами.

— Гонка за лидером? — пробормотала мангуста. — Что это значит?

— Очевидно, какая-то разновидность с-сильного волшебства, — ответила Сешенше. — Но его, похоже, очень трудно удержать в подчинении.

— Выхлоп видите? — Джон-Том крепко сжал рукоять обеими руками, это помогло, но не радикально. Берега стремительно проносились мимо, пейзаж слился в мутное пятно. — Мы идем на чистом спирте!

Теплый ветер трепал Маджу уши. Но выдр сумел принять вертикальное положение посреди неистово кренящейся палубы.

— Че! А почему я на нем не иду? Чаропевец! Какой же ты друг после этого?

— Этот спирт — не для твоей пасти! — прокричал Джон-Том. — Да к тому же у тебя всегда прекрасно получалась гонка на вранье и хвастовстве, и я точно знаю, их запасы неисчерпаемы.

Как только Джон-Том сумел обуздать болотоход, появилось время для решения других проблем. Первым делом он велел всем перебраться на переднюю часть суденышка, чтобы опустить нос. При такой огромной скорости слишком большая воздушная прослойка между днищем и водой чревата превращением болотохода в гидроплан. Меньше всего им хотелось потерпеть авиакатастрофу.

Он заметил Маджа и не удержался от улыбки. Выдр стоял на самом краю лодки, вцепившись обеими лапами в шляпу, длинное перо за его затылком вытянулось в прямую линию. Склонясь вперед и балансируя под напором ветра, он смахивал на полоумного серфингиста, оседлавшего десятибалльную волну.

«Ну, теперь-то все будет хорошо, — сказал себе Джон-Том, несясь на скорости этак чуть поменьше световой, но побольше несусветной. — Если не взорвемся».

Глава 14

Почти прямо по курсу из воды поднялся низкий островок. Произошло это, пожалуй, в самый неподходящий момент. Джон-Том, подчиняясь зову природы, препоручил управление Маджу и не успел своевременно вернуться в кресло рулевого и избежать столкновения.

Но все же он как-то сумел обойти гигантские звездолистные деревья, которые преобладали в растительности острова. Не так повезло в попытке избежать встречи с растениями поменьше, многие из коих, как едва успели заметить путешественники, были увенчаны домишками-невеличками из сучьев, ракушек и сухого ила.

Из дверного проема одного такого жилища с любопытством выглядывал самец белой цапли в жилетке из тончайшей материи желтой и зеленоватой расцветки. Он вскрикнул от неожиданности и бешено захлопал крыльями, спеша набрать высоту. Испуганные соседи подражали ему что было сил.

Болотоход, продвигаясь на скорости почти сорок миль в час, вылетел на берег и понесся напрямик, круша деревца, кусты, огороды, сады и все прочее, что попадалось на пути. Крылатые жители в панике кинулись врассыпную, пассажиры в лодке

скорчились, закрыли головы лапами и руками. От них рикошетом отлетали песок, ветки, листья, фрукты, а то и домашняя утварь, не видя различий между принцессами и простонародьем.

Наконец болотоход плюхнулся в воду по другую сторону всполошенного островка. Двигатель впечатляюще плюнул раза два огнем и заглох. Может, оно и к лучшему, с облегчением решил Джон-Том, убрав ладони с лица и повернувшись к скисшему пропеллеру. Из почерневшего кожуха вытекал вонючий дым, но пламени, к счастью, не было.

Растрепанные принцессы с помощью лейтенанта Найка и его рыцарственной троицы медленно поднялись с палубы.

— Во что мы врезалис-сь? — Сешенше осторожно ощупала рот. — Кажетс-ся, я зуб с-сломала.

— Островок. Мы врезались в островок... — Квиквелла тихонько охнула. — Я сломала коготь! — Такая неприятность вряд ли была принцессе Опанской в новинку — предмет ее беспокойства достигал почти четырех дюймов в длину.

Мадж привел себя в порядок и теперь поглядывал через плечо чаропевца, пока тот на коленях осматривал мотор.

— Ну, кореш? Че за проблема? Волшебная или простая?

— Да как тебе сказать, Мадж... Спирт кончился.

— Так это, чувак, ваще не беда. Всего-то делов — спеть ту самую песенку.

— Ты же знаешь, как я не люблю повторять чаропесни. Но на этот раз, похоже, у нас и правда небогатый выбор. — Джон-Том сощурился и оглянулся на столь некстати подвернувшийся остров. В зарослях ясно виднелась просека, как будто огромная дряхлая газонокосилка вдруг спятила и ринулась с лужайки на ни в чем не повинную дикую зелень. — Но если фокус снова получится, мне придется быть поосторожнее с рычагом.

Пиввера выдернула из зубов ус, ненароком закушенный на непродолжительном, но волнующем сухопутном этапе путешествия.

Джон-Том осторожно потрогал кожух мотора. Перетрудившийся металл ощутимо излучал тепло.

— Вроде цел. Но надо подождать, пока остынет.

— И пока он будет остывать, — раздался голос у него за спиной, — вы, быть может, подскажете, что теперь делать нам?

Человек и выдр обернулись и увидели дюжину пернатых обитателей островка — они, тихо опустившись на правый борт, нахохлились на планшире. Состояла группа из взрослых самцов и самок и нескольких двухфутовых подростков. Их сородичи мелькали в уцелевших зарослях — оценивали нанесенный домам ущерб.

Голубой четырехфутовый цапль уперся кончиком крыла в бедро, а другим крылом потирал конец длинного клюва. На птице была потрепанная, но вполне годная жилетка в синюю и

зеленую полоску из ткани, похожей на шифон. На клюве, примерно посередине, аккуратно сидели очки. У этого создания, как и у остальных его соплеменников, недоставало более половины перьев.

«Тут, наверное, виноват последний выхлоп, — решил Джон-Том. — И бешеная работа пропеллера вдобавок». Глядя на злополучную птицу, нелегко было удержаться от улыбки.

Мадж потерпел неудачу в точно такой же борьбе и вдруг обнаружил острый конец клюва в нескольких дюймах от собственного носа.

— Водяная крыса! Что вам кажется смешным?

— Н-ниче, шеф. — Выдр сорвал одежду и отвернулся от потрепанной птицы. — Просто подумал, не худо бы искупнуться.

Он перевалился через борт и исчез под водой. В том месте, где он нырнул, подозрительно долго всплывали пузырьки.

— Ах, бедняжки! — хлопнула в ладоши Алеукауна. Ее сочувствие вполне смахивало на искреннее.

— И правда, как им досталось!

Глядя на делегацию полуразрушенной деревни, Умаджи изобразила должное соболезнование.

Однако скоро всеобщее внимание сосредоточилось на Джон-Томе.

— Послушайте, мне очень жаль! Но могло быть и хуже. А если бы я потерял управление?

— Потерял управление? Потерял управление? — Цапль в гневе уставился на чаропевца сквозь толстые стекла очков. — Как прикажете понимать эти слова? Только поглядите, во что вы превратили наше село! Но это еще не самое страшное, разрушенное можно отстроить заново. Поглядите, что вы сделали с нами! — И он поднял полуголое крыло. — А остальные выглядят еще хуже, чем мы, явившиеся уличить вас в злодеянии! Как летать без перьев? Как ловить рыбу, если не способен летать? Как не умереть от голода, если не можешь ловить рыбу? Что вы имеете сказать в свое оправдание?

— Без паники! — успокоил пострадавших Джон-Том. — Я волшебник, чаропевец. Видите? — Он передвинул дуару на живот. Жители островка с сомнением уставились на инструмент. Один подросток раздраженно клюнул любопытное музыкальное облачко. — Я все исправлю, только дайте срок.

— Так это ваша чаропесня повинна в нашем плачевном состоянии? — резким тоном осведомился цапль. И Джон-Том отметил, что клюв его остер, как шило.

Мадж, прятавший под водой неодолимые позывы к маниакальному хохоту, проявил несвойственную ему солидарность: выскочил из сплетения водорослей и единым махом очутился на палубе.

— Да ты не потей, шеф. Мой чувак все поправит.

— Но соблаговольте ответить, как вы намерены поправить вот это? — вмешалась в разговор белая цапля, чуть поспокойнее и любознательнее голубой. — Приклеите нам перья?

Она подняла крыло.

Джон-Том был вынужден признаться себе, что он не помнит ни одной песни, где бы речь шла о перьях. Групп с подходящими названиями хоть отбавляй — «Бердз», «Хоквинд», «Иглз» и так далее, — но в их творчестве затрагивались темы совсем не окрыленные. Что же до его собственного творчества, он почему-то не испытывал ни малейшего вдохновения. В чем и признался возмущенным аборигенам.

— Вам хватило вдохновения, чтобы отнять у нас перья.

Лишившаяся чуть ли не всего наряда розовая колпица на правом борту стала бы лауреатом конкурса «самый неудачный цыпленок табака».

— Ничего, я что-нибудь придумаю, — упорствовал Джон-Том.

— Уж постарайтесь!

Возглавляемые Алеукауной принцессы выстроились перед ним в шеренгу. И буравили его взглядами, отточенными за многие годы общения с упрямой челядью.

— Я же сказал, что-нибудь сделаю. — «Хотя не имею ни малейшего представления, что именно», — добавил он уже мысленно.

Джон-Том вдруг осознал, что все началось с легковесного решения идти по следу загадочной музыки. А теперь ситуация совершенно вышла из-под контроля. Что и следовало ожидать, опираясь на опыт всех без исключения предыдущих странствий. Он решительно набрал воздуху в легкие.

— Если меня оставят на минуту в покое, я постараюсь удовлетворить всех до одного!

Этот нежданный крик души заставил публику умолкнуть секунд на десять, затем сверление взглядами и причитания возобновились с новой силой.

— Пожалуй, начнем с перьев. Прошу освободить место.

Принцессы, ворча, отступили на нос лодки, заставив сгрудившихся там солдат потесниться. Жители деревни следили за чаропевцем с неподдельной надеждой.

У Джон-Тома заблестели глаза.

— Все будет хорошо, но я хочу кое-что взамен.

Серый цапль грозно заморгал.

— Нарушитель спокойствия! Мы ничего вам не должны.

— Ничего, — хором подхватила пара цапель поменьше. — Это вы нам должны!

— И все-таки я буду настаивать на сделке.

Услышав это, Мадж чуть не выпрыгнул из штанов.

— Ну, ни хрена-а ж себе-е! — насмешливо протянул он. — Кореш, никак, наша многолетняя дружба все-таки пошла кой-

кому на пользу! Первый раз слышу от тебя осмысленные слова с тех пор, как мы отправились в это клепаное путешествие.

— Заткнись! — рявкнул Джон-Том. — От тебя пользы пока никакой!

— Ладно, ладно, — стушевавшийся выдр повернулся к другу спиной. — Щас он скажет, че в его паршивой рулежке я виноват...

— Не скажу, — возразил Джон-Том. — Я разве заикался о чем-нибудь таком?

— Я вас умоляю! — раскинул крылья белый цапль. — У нас нет выбора. Чего вы требуете?

— Лично для себя — ничего. Но мы с другом хотим, чтобы эти принцессы вернулись домой, и нам нужна помощь.

— Принцессы? — Цапль прищурился. Наверное, у него в глазах рябило от золота и перламутра, от ярких шелков и шифонов на носу болотохода. — По-моему, они не очень похожи на принцесс. Где же их перья?

Двое мангуст непочтительно захихикали. Джон-Том поспешил вмешаться.

— Я слышал, что в устье Карракаса есть приличных размеров город, он называется Машупро. Думаю, мы идем правильным курсом, но тут маловато ориентиров. Нам бы совсем не помешали услуги знающего проводника.

— Я бывал в Машупро. Мы иногда торгуем там рыбой и разными поделками. — Цапль повернул голову и выкрикнул: — Фельгрин!

Из ближайшего гнезда высунул голову цапль чуть поменьше. Неуклюже, по причине отсутствия перьев, он спланировал на землю и заковылял к борту болотохода.

— Эти вандалы отказываются помогать нам, если кто-нибудь не согласится проводить их до Машупро, — сообщил Фельгрину голубой цапль.

Фельгрин кивнул, чуть не воткнув длинный клюв в землю.

— Никаких проблем. Я их туда проведу, если только получу назад свои перья.

Предполагаемый староста ощипанного сообщества обратился к высокому человеку:

— Слышали? Действуйте.

— Что смогу, сделаю.

Джон-Том хотел посоветовать спутникам держаться подальше, но, как выяснилось, они и сами уже приняли все меры предосторожности. Видимо, его успели неплохо изучить.

Чаропевец был слегка задет, но не подал виду и с головой ушел в сочинение стихов. «Ты уж поаккуратнее, — предостерег он себя. — Едва ли джинсы и футболки будут здесь уместны».

Когда он наконец запел, пошел дождь. Это чистой воды совпадение, убеждал себя Джон-Том. Никоим образом его прихотливые вирши о красоте птиц в небесной выси не могли быть виноваты в нежданном душе. Над болотами раскатился несильный, простеганный худосочными молниями гром. Низвергающаяся с небес влага становилась мягкой, белела. И вот уже сыплется не вода, а перья. Джон-Том улыбнулся. Именно на это он и рассчитывал, пускай методика и выглядит странновато. Перья все падали. Тьма-тьмущая перьев. Тонны.

Они покрыли все болото. Под бушелями перьев исчезли кувшинки. Принцессы заработали конечностями, чтобы не оказаться погребенными заживо. Солдаты по приказу Найка бросились очищать судно. Мадж хотел было покритиковать друга, но мог только отплевываться — стоило раскрыть рот, как туда набивались перья.

По той же причине чаропевец и сам пел с трудом. Несомненно, пора было заканчивать. Только бы не сотворить напоследок чего-нибудь зажигательного! Очевидно, сейчас вовсе не лишним был бы ветер, а на эту тему хватало песен, и старых, и новых. По требованию Джон-Тома поднялся сильный бриз, обрушился на перьевые дюны и барханы, холмы и сопки, погнал их огромными рыхлыми валами к северу, туда, где вреда от них не будет.

Но унеслось не все. В полном соответствии и с заклинаниями, и с надеждами Джон-Тома перья, вступившие в контакт с оголенными жителями островка, приклеились. Мягкие красочные покровы птиц восстановились полностью.

— С такими чарами я совершенно не знаком. — Цапль оправлял новое яркое оперение. — Но ничего не имею против.

Одна из белых цапель дернула себя за длинное хвостовое перо.

— Ай! Сингвит, они настоящие!

Староста деревни был умиротворен. Джон-Том вновь обрел уверенность в себе, даже самоуверенность, и расщедрился.

— Как видите, я кое на что способен. Может, вам и дома починить?

Сингвит не колебался.

— Не вижу, почему я должен отказываться. Судя по всему, ваш голос способен на великие чудеса.

— Чуваки, мне страсть как неохота обламывать вам ништяк. — Мадж вышел вперед и фамильярно обнял голубого цапля за плечи. — Но в свете кой-какого собственного опыта хочу дать дружеский совет. Вы получили взад свои клепаные перья. Почему бы не заткнуться и больше не испытывать судьбу?

Высокая птица рывком высвободилась из объятий выдра.

— Вы усматриваете опасность в продолжении концерта?

— Мадж... — начал Джон-Том, но друг даже не взглянул на него.

— Ну, можа, это и не мое выдрячье дело, да тока местность

тут открытая и я не вижу, где можно спрятаться. Думаю, лучше б вам обойтись тем, че уже получили.

— Послушайся выдра, — посоветовал старосте белый цапль. — Оперение свое восстановить мы не в силах, но отстроить дома сможем безусловно.

— Свет дня уже меркнет. — Цапль по имени Фельгрин захлопал крыльями, провел испытательный полет, потом снизился и экзотическим носовым украшением устроился на болотоходе. Он указал крылом на местами заросшее русло реки. — Машупро лежит там. — Картинно стоя на одной ноге, Фельгрин почесал другой щеку. — Если это демоническое судно будет вам подчиняться, я отведу вас прямиком к вашей цели. Я был там много раз и хорошо знаю дорогу.

— Взаправду? — Мадж с подозрением глядел на птицу. — А че те помешает водить нас кругами, а когда натешишься, улететь?

Цапль с негодованием посмотрел на него.

— Если я буду водить вас кругами, вы можете снова оказаться здесь. От одной этой мысли у меня в жилах стынет кровь. Лучше уж я постараюсь, чтобы вы оказались как можно дальше от моего дома.

Выдр пихнул Джон-Тома локтем под ребра.

— Похоже, этот педик не врет. Он выведет нас куда надо, не будь я любовником тысячи безутешных бабенок.

— Ты им не был и не будешь. — Джон-Том снова расположился на месте рулевого. — К тому же не безутешных, а безобразных.

Мадж склонился к Пиввере.

— Вот видите, ваша гибкость, к чему приводит чрезмерное чтение книжек? Даже у такого простенького человечишки крыша съезжает.

Джон-Том сосредоточился на несложном, но требующем внимания управлении болотоходом и убедился, что рычаг переключения скоростей стоит на нейтрали, прежде чем во второй раз запел о топливе. Убрав дуару за спину, он молча прочел наспех сочиненную молитву и лишь после этого повернул ключ зажигания. Мотор оглушительно взревел. Чаропевец крепко схватился за рычаг и осторожно пустил лодку вперед.

Болотоход постепенно наращивал скорость. Через некоторое время к принцессам вернулось достаточно отваги, чтобы они покинули сиденья и даже встали, позволяя ветру ворошить их мех. Джон-Том понемногу поддавал газу, и вскоре лодка, образно говоря, летела по болоту. Фельгрин указывал курс клювом — это избавляло его от необходимости говорить.

Как только шумное и пахучее плавсредство исчезло на юге, обитатели разоренного островка взялись за работу. Предстояло

убрать остатки нескольких деревьев и заново отстроить множество домов.

— Фельгрин сослужит им хорошую службу, — рассуждала одна из колпиц.

— Что за странная компания! — Самка белой цапли оправляла растрепанную жилетку. — Впервые в жизни вижу таких путешественников.

— А этот чаропевец! — заявил ее супруг. — Человек! И какой длинный! Представляю, на какие чудеса он способен.

— И на какие бедствия! — Оказавшийся поблизости Сингвит пнул бесформенную груду — свое бывшее гнездо. — Счастье, что никто из нас не погиб, что мы лишь на время были лишены трудоспособности.

— Что верно, то верно, — с готовностью согласились соплеменники. — Серьезного ущерба нам не причинили.

— А я вообще собиралась перестраивать старое гнездо, — весело заявила мартиникская камышница.

Через два дня дали о себе знать побочные эффекты Джон-Томова чаропения.

Прежде чем обратиться к другу, Сингвит, сидевший на любимой ветке над водой, отрыгнул полузаглоченного сребробокого губана — в деревне считалось невежливым одновременно есть и говорить.

— Давиль, ты плохо себя чувствуешь?

Розовый колпиц неуверенно щелкнул клювом.

— Ш шего ты вжял, Шингвит?

Все колпицы слегка шепелявят.

— С того, что ты горишь, — спокойно заметил цапль.

— В шамом деле? А я вовше не шувствую.

— Да ты посмотри на себя.

Колпиц приподнял крыло и увидел самый настоящий оранжевый огонек — он сбегал с кончика крыла по плечу. Другое крыло тоже покрылось огненными крапинками. Как и почти все его тело.

— Жабавно. А ведь я не ишпытываю даже малейшего перегрева. — Колпиц осторожно погладил одно крыло другим. — Это не крашка и не мел.

— Изменился твой природный окрас. — Сингвит метнул злобный взгляд к южному горизонту. — Проклятый чаропевец!

— Ну, не жнаю. — Колпиц вскинул крыло к небу и смотрел, как оно отражает солнце. — Мне вроде нравитша. Кштати говоря, тебе бы не мешало пошмотреть на шобственное оперение.

— Собственное? — встревожился цапль. — А что с ним не так?

Смотреть было страшно, а не смотреть нельзя.

Его крылья и зоб играли изумрудными и льдисто-голубыми переливами.

Колпиц указал на двух белых цапель, высматривавших рыбу с соседнего дерева.

— Ты только погляди на Эрельмину!

Ее перья были разлинованы крикливыми желто-черными полосками, отчего цапля походила на гигантского тощего шершня. Наряд подруги тоже был в полоску, но очень тонкую, розовую и оранжевую, на малиновом фоне.

По всему острову, от излюбленных рыбацких насестов до гнезд, звучали вопли, и чего в них было больше — ужаса или восхищения, — трудно сказать. Впрочем, досада быстро уступала место любованию.

Столь внезапные перемены не пощадили никого, однако никого и не повергли в отчаяние. Даже самая тусклая из новых красок не шла ни в какое сравнение с прежними. Собственно, жаловались только те, кто возомнил, что их волшебные метаморфозы уступают соседским. И когда эти птицы не пребывали в дурном настроении, они нет-нет, да и выражали надежду, что чаропевец, уладив свои дела в далеком Машупро, будет возвращаться той же дорогой, и тогда, глядишь, примет заказ на новые косметические изыски.

Сейчас Джон-Том не узнал бы этих птиц. Изменения затронули не только внешность, но и психологию. В далекой, безвестной рыбацкой деревушке теперь шел бесконечный парад постоянно меняющихся красок и блеска, и ее обитатели могли бы состязаться с жителями тропических лесов за титул самой яркой или самой пестрой птицы.

Возможно, все сложилось бы совсем иначе, если бы Джон-Тому не пришлось сочетать новые стихи о перьях с испытанными старыми — о производстве легковых машин по индивидуальным заказам.

Глава 15

Миновало несколько дней скоростного плавания, и наконец болотоход вынес пассажиров если не в цивилизованный край, то, по крайней мере, в более обжитой. Все чаще попадались на глаза уединенные рыбацкие лачуги и плавучие дома. Время от времени приходилось останавливаться и ждать, пока проводник опишет над суденышком круг в поисках ориентиров и укажет новое направление. Спустя еще день Джон-Том сбросил газ — показался Машупро.

Чаропевец надеялся увидеть город если не размером с Поластринду, то уж никак не меньше Линчбени. Разочарование не заставило себя ждать.

Самые большие здания могли похвастаться от силы тремя

этажами; преобладали одноэтажные. Они скопились на южном берегу Карракаса, где река вливалась в открытое море, гнездились под прикрытием песчаной косы, сплошь укутанной мангрaми. Кипарисы, эвкалипты, темно-коричневые мангры и прочие влаголюбивые растения образовали уединенный лесок на задворках города.

Болотоход вышел из основного протока к западу от окраины. Джон-Том ввел его по крутой дуге в узкий естественный канал, служивший в Машупро главной торговой улицей. Мечты прогуляться по брусчатке или хотя бы по раскисшей грунтовой дороге развеялись, как только путешественники очутились в городе. Машупро не мог предложить им улиц в обычном понимании этого слова. Только заполненные водой канавы.

Пучеглазые горожане спешили шестами, или веслами, или просто перепончатыми лапами отогнать от ревущей незнакомой лодки свои немудреные суденышки. Многие махали конечностями в сторону гостей, иные жесты лишь с большой натяжкой можно было назвать приветственными. Но паники не наблюдалось — только апатичное любопытство. Слишком уж жарко и влажно здесь было, в таком климате не выживают сильные чувства.

Не будучи красивым, или респектабельным, или хотя бы чистым, город тем не менее обладал одной чертой, которая делала его поистине уникальным. Хаотично расположенные дома, сараи, склады и салуны все без исключения стояли на сваях не ниже десяти и не выше двенадцати футов над водой. Повозка выглядела бы здесь так же неуместно, как лягушка на леднике. Это вовсе не означало, что жители вынуждены сидеть сиднем по домам. Напротив, кругом царила деятельность, которой позавидовал бы любой из виденных Джон-Томом городов.

Медленно дрейфуя по затянутым ряской канавам, путешественники изумленно наблюдали, как то одно, то другое строение поднимается на сваях и шествует в нужном его владельцу направлении. Передвигались не все дома. Жители не смогли бы найти друг друга, если бы не придерживались какого-то порядка. Однако не вызывало сомнений, что все без исключения постройки обладают способностью менять свое местоположение.

— Е-мое! — прокомментировал Мадж. — Каково тут быть врачом, а, чувак? Побегать денек по вызовам — это ж чокнешься!

— Я бы объяснил, — сказал Найк, — но в это трудно поверить. Лучше самому увидеть.

Джон-Том кивнул, ошеломленно глядя, как два домика грациозно приблизились к гастроному, а их уважаемые владельцы перешли с крыльца на крыльцо, чтобы отовариться к завтраку. Чаропевец был уверен, что ему не померещилось: оба дома приветствовали большой магазин легкими архитектурными поклонами.

— Этот городок даже на карту наносить бесполезно, — отметил он. — К середине дня устареет любая карта.

Они миновали ремонтную мастерскую — та как раз осторожно перешагнула через поломанную рыбацкую лодку и уселась на нее, словно заботливая наседка на яйца. Парочка мускусных крыс соскользнула по веревочной лестнице и принялась устанавливать блок и найтовать тросы к сломанной мачте. Когда мимо с гулом проплыл болотоход со своим царственным грузом, мастера лишь на миг оторвались от работы, чтобы с легким интересом взглянуть на него. «Хочешь перекинуться в картишки с соседями? — размышлял Джон-Том. — Для этого незачем выходить из дому. Достаточно найти удобное для всех местечко, собраться и вынести стол на самое широкое крыльцо».

Машупро представлял собой парк самоходных домов, какие и не снились кочующим владельцам «виннипегов» и «баундеров». «Такому не страшен прокол колеса на захолустном шоссе, — подумал Джон-Том. — С другой стороны, детройтскому дизелю не опасны термиты».

— Много я пространствовал и всяких обычаев навидался, — заявил Мадж, глядя, как два дома обменялись поклонами и разошлись по своим делам, — но тутошний этикет — это сдохнуть можно.

— Интересно, как местным жителям удается находить друг друга? — Алеукауна задержала взгляд на двухэтажном универмаге. — А может быть, сами здания узнают друг друга?

— Да, очень любопытно, как устроен их разум... конечно, если он есть. — Джон-Том задумчиво разглядывал шумный салун. — Наверное, они любят поспорить, чей лак красивее, или отворачиваются, когда у соседа на стыдном месте отошла доска? А старые постройки? Небось требуют к себе особого уважения?

— Эй ты, гляди, куда топаешь! — заорал Мадж на рыбацкий домишко.

Тот, семеня на четырех длинных тонких сваях к далекой песчаной косе, едва не наступил на болотоход. Дикобраз на его крыльце возился с упряжью и не смотрел, куда едет. Пыхая резной трубкой, он нагнулся, глянул на пассажиров болотохода сквозь толстые бифокальные линзы очков и крикнул:

— Извините, друзья! — И дважды топнул по скрипучему крыльцу. — Стареет, видите? Нужно подновить. — Дикобраз, махнув лапой, промчался мимо.

«Отличный способ ходить на рыбалку. Вместо удочки и коробки с запасными крючками попросту берешь с собой весь дом. Детям незачем идти в школу — она сама прогуляется поутру и соберет учеников. Пожалуй, в таком устройстве быта есть свои плюсы», — решил Джон-Том.

Пока болотоход двигался к порту, чаропевец поймал себя на безумной мысли: может быть, вот эти халупки справа и слева —

отпрыски больших, солидных домов? Дикая картина совокупления коттеджей убедила чаропевца, что он слишком долго пробыл в духоте. А у гостиниц что, рождаются мотельчики? Богатый особняк клонируется на хижины для слуг? И оказывает ли местная больница помощь при родах? А что представляют собой в Машупро рестораны быстрого обслуживания? Воображение явно сорвалось с цепи и угрожало сбежать навсегда, прихватив с собой здравый смысл. Впрочем, Мадж сказал бы на это, что мозги Джон-Тома такую потерю даже не заметят.

Возле бухты начали встречаться здания повнушительнее и покрепче всех предыдущих — двухэтажные, с намеком на оседлость. Среди них попадались склады с привезенными из-за Фарраглина товарами, небольшие гостиницы для моряков и путешественников, публичные дома и бары — нормальная коллекция заведений, без которой не обходится ни один оживленный порт. Суда швартовались прямо у свай, и большинство зданий были соединены в умопомрачительную паутину подвесными дощатыми дорожками.

Отнюдь не все эти сооружения были лишены способности двигаться. Пока Джон-Том и его спутники высматривали местечко для швартовки болотохода, поднялись три склада, даже не потрудившись расцепить крытые переходы, и разместились вдоль только что прибывшей шхуны. «Хотите, мы вынесем ваше судно на берег? Это облегчит разгрузку. Подождите, и порт сам к вам подойдет».

«Одно худо, — решил Джон-Том. — Для отдыха после долгой дороги Машупро — далеко не самое подходящее место. Трудно шататься по барам, когда они сами шатаются по гавани, унося с собой подвесные дорожки и бесцеремонно макая тебя носом в пойло».

Он понемножку газовал, чтобы болотоход не стоял на месте, и шум пропеллера все еще привлекал к окнам жителей Машупро. Они провожали лодку взглядами, пока Джон-Том и Мадж не решили спрятать ее под каким-нибудь прибрежным сооружением. Таковое вскоре попалось на глаза, оно щеголяло винтовой лестницей до самой воды — принцессам будет куда проще подняться по ней, чем по раскачивающемуся трапу.

Естественно, среди населения Машупро преобладали существа, комфортно чувствующие себя вблизи воды. Путники замечали мускусных крыс, бобров, выдр, тапиров, оцелотов и всевозможных приматов. Была здесь также большая община речных и морских птиц. Проводник Фельгрин не задержался — пожелал счастливого пути и улетел к троице пестрых аистов. Свою работу он выполнил.

— А я-то думала, местных жителей куда больше взволнует наше прибытие. — Квиквелла скептически разглядывала винтовую лестницу.

— Это единственный порт в южной части Карракаса, — напомнила ей Ансибетта. — Наверное, чего-чего, а странных кораблей здесь навидались. Как и странных путешественников.

— До такой степени навидались, что мы не выглядим странными. — Умаджи разминала мощные мышцы. — Впрочем, я прекрасно обойдусь без местных поклонников. Только об одном мечтаю: поскорее оказаться дома.

— Присоединяюсь, — хмуро пролаял Мадж. — Я тоже не люблю в чужих местах оказываться в центре внимания. Разве че... — Он подмигнул. — Разве че в этих местах перед входом повешены заманчивые красные фонарики...

Джон-Том помог Караукулу закрепить трос.

— Мадж, ты неисправим.

— Это точно, чувак. Отродясь не имел дела с этой дамочкой.

— Что еще за дамочка?

Раздосадованный Джон-Том предоставил вязать узлы более опытному и проворному мангусту.

— Твоя гипотетическая госпожа Исправление.

— Прос-столюдин, — фыркнула Сешенше.

— Простовыдрин, я б так сказал.

Принцесса Тренку-Ханская, такая же стопроцентная выдра, как и приятель Джон-Тома, с трудом сдерживала смех.

Мадж перешел к корме, вцепился лапой в решетку пропеллера и окинул бухту взглядом.

— Чувак, тут вроде хватает пустых корыт. Да сгореть мне на солнце, ежели мы не обменяем нашу психованную жестянку на чей-то понадежнее.

— Зачем? — к друзьям подошла Алеукауна. — Почему мы не можем плыть дальше на этом волшебном судне, верой и правдой служившем нам до сих пор?

Джон-Том объяснил:

— Болотоход предназначен для скоростного плавания по широким, ровным пространствам с низкой и неподвижной водой. Достаточно средней волны, чтобы он опрокинулся и затонул.

Мангуста понимающе кивнула.

— Ясно. Простите за невежество. Я не из водолюбивого племени.

Мадж повернулся к Найку и крикнул:

— Эй, хваткозубый! Как твоя гопа пересекла океан?

— На борту старого купеческого судна, купив билеты. — Лейтенант легко намотал трос на приваренный к носу болотохода кнехт. — Отыскать подобный корабль будет нелегко. А еще труднее — найти судно, которое идет в нужном для нас направлении. — Он развел лапами. — К тому же теперь следует позаботиться о безопасном плавании не только четырех солдат, но и

наших друзей, и шести принцесс, а они вряд ли согласятся на третий или четвертый класс.

— Уж я-то точно не соглашусь! — Мадж выпятил нижнюю челюсть. Поскольку она и без того порядком выступала, зрелище получилось весьма и весьма впечатляющее.

— Тогда нам лучше организовать что-нибудь вроде чартерного рейса, — предложил Джон-Том. — Может, удастся найти корабль, где каждый получит относительное уединение.

— Чаропевец, мне нравится ход ваших рассуждений. — Умаджи игриво провела по шее Джон-Тома пальцами, запросто способными отвинтить ему голову, точно колпачок от пузырька с духами. Правда, на сей раз прикосновения были легки. Он прилежно прятал от нее глаза.

— А че ты такого нарассуждал, кореш? — поинтересовался Мадж. — Махнемся не глядя?

Джон-Том взглянул на болотоход.

— Не знаю, Мадж. Это судно из моего мира и попало сюда из-за чаропения. К тому же я не сомневаюсь, что последнее топливное заклинание скоро потеряет силу. Не хотелось бы подсовывать фальшивку честным людям.

— Ну, тут проблемы нет. Предоставь мне позаботиться о деталях.

— Ты что, не слышал? Мадж! Ты никогда никому ничего, кроме фальшивок, не подсовывал.

Выдр прижал лапу к груди.

— Ай! Опять ты пронзил мне сердце. — Но сильно оскорбленным он при этом не выглядел. — Чувак, ежели твоя лодочка будет бегать на любом спирту, со спокойной душой отдавай ее первому встречному купезе. Чего в каждом портовом городишке завсегда достаточно, так это продуктов дистилляции.

— Наверное, ты прав.

Выбор у них был невелик. Требовался морской корабль, а за душой не было почти ничего, кроме болотохода.

Язык довел их до обветшалого, но все же солидного прибрежного строения. Они представились секретарю и изложили свое дело, после чего их препроводили в кабинет к тучному, как и все его племя, капибару. Продукция его компании, выпускавшей такелаж в широчайшем ассортименте — от тросов до медных украшений, — декорировала стены и свисала с потолка. Одинокое окно в четыре стекла выходило на водные просторы.

Как и обещал Мадж, капибар очень заинтересовался болотоходом. Через несколько часов энергичных споров измученный Джон-Том целиком поручил ведение торгов другу. Выдр не только лучше подходил по темпераменту для коммерческих баталий, он прямо-таки наслаждался перепалкой. Лишь когда сели и голоса и солнце, ударили по рукам. Вместо болотохода путники получили в собственность маленький, старенький, но прочный

одномачтовый кораблик. Скудные знания Джон-Тома о парусных судах позволили ему предположить, что идти покупка будет не быстро, зато в непогоду не развалится на части. Вдобавок каюты были достаточно просторны, чтобы принцессы разместились не без комфорта. Правда, сразу стало ясно, что солдатам придется спать на палубе. Кроме кают, имелись камбуз и трюм, позволявший разместить скромные припасы, и даже несколько удобных банок перед мачтой. А главное — Найк не сомневался, что его малоопытная команда справится с суденышком.

Даже заблудшие аккорды одобрили выбор — люминесцирующая музыка обследовала такелаж и одобрительно позвенела везде — от штурвала, украшенного ручной резьбой, до кончика бушприта.

Капибар, облокотясь на перила подвесной дорожки, поздравил с удачным приобретением.

— Ваш корабль не встретят завистливыми взглядами в далеких портах, зато он доставит вас туда. Это ветеран межостровной торговли, его и волоком таскали, и в узких проходах между рифами он бывал. Вам придется хорошенько потрудиться, чтобы его опрокинуть.

— Мы с Маджем не новички на море, — сообщил Джон-Том Найку. — Поможем. На другом берегу мы расстанемся, но вы к тому времени успеете нанять харакунских матросов.

Капибар протянул покрытую темным мехом лапу:

— Сделка у нас прямая, так что заверять ее у нотариуса не нужно. К тому же его контора находится на другом конце города. Час пик, знаете ли.

Джон-Том принял предложенную конечность.

— Все-таки я хочу убедиться, что вы понимаете, что купили. Наше судно прибыло сюда магическим путем. Я не могу сказать, сколько еще времени оно будет исправным, каким бы чистым спиртом вы ни заполняли бак. Да и шлаки могут забить мотор, и вы застрянете в дороге. Возможно, даже посреди Карракаса.

Мадж изо всех сил дернул друга за рукав. Джон-Том, как всегда в таких случаях, не обратил на выдра внимания.

Капибар с недоумением посмотрел на человека:

— Помилуйте, у меня вовсе нет намерения пользоваться им как транспортным средством.

Его рот почти целиком прятался под усами.

Джон-Том нахмурился:

— Тогда зачем он вам?

— Как вы, возможно, уже заметили, мы живем в климате, который принято считать влажным.

— Ни хрена ж себе — принято считать! — фыркнул Мадж. — Тут в воздухе воды поболе, чем под любым корытом.

Джон-Том вытер лицо.

— Поэтому вы потеете, — добавил капибар.

— Я уже так давно потею, что и думать об этом перестал.

— Ваше судно снабжено огромным пропеллером. Я собираюсь развернуть его кормой вперед и закрепить под домом. В полу проделаю отверстия, и моя контора будет самой прохладной, самой удобной в Машупро! На зависть и друзьям, и соперникам.

— Офигенно умно, — пришлось признать Маджу.

В Машупро жило много народу, но, похоже, не все считали свой город бальнеологическим курортом.

— Только не включайте мотор на полную мощность, — предупредил Джон-Том. — Иначе он выйдет из строя гораздо раньше, и вы не охладите контору, а взорвете.

— А еще нам нужны припасы. — Найк задумчиво глядел на сумрачные воды далекого моря. — До Харакуна путь предолгий, а до королевств остальных наших пассажирок — еще дольше.

— Я видел путешествующих с вами элегантных дам. — Капибар явно переборщил с безразличием в голосе. — Очень яркое зрелище.

— Это самые обыкновенные туристки, — объяснил Найк.

Ни к чему, благоразумно решил он, распускать в дикой глуши слух, что ее посетили самые настоящие принцессы.

— Быть может, вы предоставите минимальный запас как бы в придачу к судну, — предложил лейтенант. — Продовольствие, такелаж, самое необходимое для плавания по океану.

Мадж хихикнул. Капибар покосился на выдра и сложил на груди короткие толстые лапы.

— Да, и за это я буду помазан в цари благотворительности, пожертвую все свое имущество бедным и подамся в бродячие монахи — благословлять нищих духом и прочих неудачников. Нет, все-таки я предпочитаю остаться торговцем, а раз так, я должен заботиться о своих приказчиках и их семьях. — К его меху липли сырые просторные рукава шелковой, с глубоким вырезом на груди, рубашки. — Я не отдаю товары просто так. Вам больше нечего предложить взамен?

— Да как сказать... — колебался Мадж. — Можа, мы смогли б как-нибудь обойтись без одной-двух дамочек. Например, мне эта жеманная рысь иногда здорово на нервы действует. — Под убийственным взглядом Джон-Тома он стушевался. — Да ладно тебе, чувак, это ж всего-навсего идея.

Джон-Том сделал глубокий вдох и передвинул дуару на живот.

— Предлагаю с помощью чаропесни заполнить бак горючим. На моих чарах мотор будет работать лучше, чем на любом топливе, которое вам рано или поздно придется туда залить. И в деньгах выиграете.

Капибар не колебался.

— Высокий чужеземец, вы — честный человек. Я позабочусь о том, чтобы вы получили пусть не роскошные, но вполне при-

личные запасы. В Фарраглине достаточно островов, где можно их пополнить.

После обмена рукопожатиями Мадж указал на темнеющее небо.

— Ну вот, все улажено, и нельзя ли теперь спросить: в этом водяном раю есть местечко, где любознательный путешественник может маленько развлечься?

— Мадж, ты разве не устал? Неужели не хочешь провести ночь в постели, которая не качается? Нам же завтра отплывать!

Выдр непристойно подмигнул.

— Чувак, ну ты ж меня знаешь. Качка качке рознь, вот так. И ежели нам предстоит несколько недель болтаться в океане, я последние свои часы на берегу хочу провести в обществе стройных ножек, а не плавников. Я не любитель выделывать курбеты с дельфинами.

— А я-то думал, все твои курбеты остались в прошлом.

Мадж, полный предвкушения, с надеждой повел взором вдоль неровной подвесной дорожки. Из мерцающих дверных проемов соседних домов доносилась музыка и веселые вопли на разных диалектах.

— Приятель, да ты сам подумай! Ежели так охота расслабиться, че может быть лучше безобидной смены обстановки? Вспомни о своих несчастных мозгах, им ведь тоже надо отдохнуть от повседневных забот.

— Моим солдатам не помешало бы восстановить силы, — согласился Найк. — Да и мне, если уж на то пошло. Ведь мы совершили трудное путешествие по Карракасу и готовы пуститься в новое, также изобилующее опасностями.

Джон-Том махнул рукой. Наверное, на него подействовала музыка или ароматы, сочащиеся из недр нескольких ветхих строений.

— Ладно. Пожалуй, нам и в самом деле пойдет на пользу небольшая вечеринка, если только сумеем за собой уследить.

— Ты, чувак, следи за собою скока влезет. А моим зенкам найдется применение получше, вот так.

Выдр с надеждой посмотрел на всезнающего капибара.

Покончив с формальностями, хозяин стал сама отеческая забота.

— Ну, сведениями подобного рода я поделюсь с радостью и бесплатно.

Глава 16

Портовая таверна легонько покачивалась на сваях. Внизу было пришвартовано множество суденышек, к ним с подъемного моста гостеприимно свешивались веревочные лестницы.

Предназначались они и для иноземных гостей, и для местных жителей.

Джон-Том огляделся вокруг — луна бросала ленивые тени на просторы неведомого Фарраглина и болотистой дельты Карракаса. Горстка летучих аккордов, словно уловив его настроение, сбавила тон. Он подумал, как бы Талея оценила это зрелище, не говоря уже о романтическом стечении обстоятельств. Где-то в недрах таверны разбилась бутылка, кто-то гортанно выругался, и хорошего настроения как не бывало. Слегка подавленный, Джон-Том пошел вслед за Маджем и остальными.

Таверна, хоть и не слишком впечатляющая по меркам таких бывалых путешественников, как Джон-Том с Маджем, все же была просторна и кишела посетителями, вне всяких сомнений довольными собой и жизнью. Обильно потея в переполненном, слегка шатающемся зале, чаропевец не заметил, как Найк и его подчиненные растворились в шумной, кипучей толпе. Принцессы, поначалу неохотно, но с растущим энтузиазмом закружились под заразительную музыку — посетители одну за другой пригласили их танцевать.

Мадж взялся развлекать Пивверу Тренку-Ханскую, которую, похоже, забавляли его старомодная учтивость и предупредительность, хотя всерьез она их не воспринимала. Джон-Том разрывался надвое: одной половине безумно хотелось, чтобы Ансибетта воспринимала его всерьез, вторая придерживала первую. В результате произошел внутренний конфликт, неразрешимый даже с помощью спиртного.

Ничуть не полегчало Джон-Тому, когда она, запыхавшись после танцев с несколькими энергичными партнерами, села перед ним на стул и наклонилась вперед.

— Как замечательно! Вы не скучаете, господин чаропевец?

— О нет. — Джон-Том невесело улыбнулся. — Ни в коей мере.

— Оказывается, простолюдины бывают такими забавными!

Она подперла ладонью безупречной формы подбородок и подмигнула. В такие ситуации он попадал нечасто и понятия не имел о том, как надо себя вести. Вежливо поинтересоваться, не страдает ли принцесса тиком? Логика подсказывала, что это было бы ошибкой.

— Расскажите мне еще о ваших чудесных приключениях, — проворковала она, не дав Джон-Тому вдосталь поломать голову над ее загадочным поведением.

Спрятаться его пальцам было негде, поэтому они затеяли бессмысленную возню со стаканом.

— Да не считаю я, что все они были такими уж чудесными.

Он заставил себя отвести взгляд и заметил, как Умаджи крутит над своей головой ошалевшего орангутана в морской форме.

Ансибетта кивнула на столик, за которым увлеченно беседовали Пиввера и Мадж.

— Не понимаю я вашей скромности. Вот ваш товарищ, напротив, охотно рассказывает о своих путешествиях.

— Куда уж охотнее...

— И вам не стоит его упрекать. У нас есть придворные волшебники, но это в основном способные фокусники. А настоящего чаропевца я еще ни разу не встречала. Вы родились для этой профессии?

— Да... Нет... Вообще-то не знаю. Я не очень много раздумывал над этим. Сам был удивлен, когда у меня открылись способности. — Он сосредоточенно вертел полупустой стакан. — Моя история — из тех, которые принято считать необычными.

— Вот видите! — Она откинулась на спинку стула и ободряюще улыбнулась. — Я знаю, вам есть о чем рассказать!

— В мои рассказы очень нелегко поверить. Иногда я и сам верю не до конца.

Выдав эту туманную фразу, он поведал Ансибетте, как очутился в ее мире и нашел в нем свое место, вполне, надо заметить, достойное.

Ансибетта Боробосская вся обратилась в слух, ловила каждое его слово. Он уже дошел до середины своей биографии, как вдруг заметил, что ансамбль в таверне играет только две мелодии, повторяя их вновь и вновь. Гиббон, ласка, сервал и валлаби показались ему музыкантами опытными — что ж их заклинило-то? Такому заведению для процветания необходимо разнообразить репертуар, не то исполнителей закидают в лучшем случае насмешками, а в худшем — всем, что под руку подвернется.

— Вы заметили, что здешний ансамбль знает только две песни?

— А вы находите это странным?

— Странно, что в зале никто не жалуется. Какая-то нелепость! Играют ведь неплохо — я наблюдал.

— Лучше хорошо играть две песни, чем плохо — сто, — возразила Ансибетта. Похоже, ее веселила столь неуклюжая попытка собеседника сменить тему.

— Но не в таком же месте. — Он отодвинулся от стола — решил подняться. До его руки дотронулись нежные пальцы.

— Не уходите. Я только-только начала вас узнавать.

Он, глядя на сцену, блекло ответил:

— Вы пока выпейте чего-нибудь. Я через минуту вернусь.

Провожаемый ее взглядом, он отправился на поиски друга. А поскольку не оглядывался, то и не заметил, с какой быстротой Ансибетта опустошила бокал.

Выдр и принцесса Пиввера сидели нос к носу.

— Мадж!

Выдр взглядом посулил ему расчленение без анестезии и отсрочки приговора и тихо прорычал:

— Ну че, кореш? Че тебе щас-то от меня надо?

Джон-Том указал на музыкантов:

— Ты заметил здешний ансамбль?

— Не, чувак, не заметил и с радостью в этом признаюсь. У меня щас на уме другие штучки ритмического свойства.

И, повернувшись к принцессе, Мадж был награжден загадочной улыбкой — не то чтобы ободряющей, но и не совсем безразличной.

— Они только две песни играют, — сообщил Джон-Том.

— Да? Тока две? И че от меня требуется? Все бросить, залезть на эстраду и устроить им разгон?

— Но это же полный абсурд. Музыканты-то хорошие.

Выдр пристально посмотрел на друга.

— Послушай меня, чувак. Ежели тебя так офигенно интересуют аспекты местной музыкологии, че б тебе самому не подойти к ним и не спросить?

— Действительно. — Пиввера знай себе буравила взглядом зрачки Маджа. — У нас с вашим другом интересная беседа, оставьте нас, пожалуйста.

— Отлично! Я так и сделаю — подойду и спрошу.

— И правда отлично.

Мадж не поднял глаз.

Пробираясь в колышущейся пахучей толпе, Джон-Том заметил, что музыканты сделали перерыв. Ему это было на руку. Он направился прямиком к гиббону. В этом углу таверны имел привычку собираться ароматный дым; Джон-Том напрасно пытался разогнать его руками.

— Ребята, а вы здорово играете.

— Спасибо. — Ответ гиббона прозвучал не враждебно, но и не дружелюбно. Длинные лапы примат сложил за головой. Одет он был в леотард с тесьмой и жилет.

— Вот только кажется мне, что-то с вами не так. Я заметил, репертуар исчерпывается всего-навсего двумя мелодиями. Бедновато, не находите?

Валлаби с ухмылочкой обратился к сервалу:

— Наблюдательный, ага?

— Еще я заметил, — продолжал Джон-Том, — что никто из публики вроде не в претензии. Я такие местечки знаю. Вас уже давно должны были закидать тухлыми яйцами. А тут — словно никто не замечает.

— А с чего им замечать? — ответил сервал. — Все живут под тем же проклятием.

Джон-Том сдвинул брови к переносице.

— Проклятие? Что за проклятие?

— А ты не знаешь? — В голосе гиббона прорезался слабый интерес. — Кажется, я тебя раньше здесь не видел, а уж я бы запомнил такого долговязого человека...

Тут ласка заметила на спине Джон-Тома дуару и не дала гиббону договорить.

— Эге! Так ты тоже лабух?

— В некотором роде. — Джон-Том сложил руки на груди и прислонился к стене. — Я чаропевец, но и развлечения ради сыграть могу.

— И что, тебе не мешает проклятие?

На морде валлаби появилось смешанное выражение надежды и отчаяния.

— Я даже не знаю, о чем идет речь. — Джон-Том выпрямился и взял дуару на изготовку. — Если вы не против, я просижу с вами следующее отделение.

— И сможешь сыграть больше двух песен?

Сервал глядел на него в упор, демонстрируя желтые зубы.

— Да хоть сотню. Правда, некоторые не слишком удачно получаются, но ничего, сойдет. Если у вас не выходит больше двух, почему бы не сделать так: я буду вести, а вы — только подыгрывать? Глядишь, это поможет вам выбраться из колеи. Или от проклятия освободиться, если и правда оно виновато.

— Это было бы здорово! — Гиббон заблестевшими глазами посмотрел на товарищей. — Правда, не думаю, что получится, но...

— Лесваш, да разве с нас убудет, если попробуем? — Валлаби поднял инструмент, похожий на трубу. — Что мы теряем?

— Начну с чего-нибудь простенького. — Джон-Том взял несколько аккордов. — А вы постарайтесь не отставать.

— Как скажешь, приятель, как скажешь. — На гиббона было смешно глядеть — до такой степени изменились его манеры. Он поднял нечто наподобие радикально модифицированной гавайской гитары. Ласка вскинула двуствольную флейту длиной с руку Джон-Тома, а сервал принялся щипать когтями толстые струны дивной помеси виолончели с барабаном.

Подыгрывали они идеально, слаженно и с восхитительной легкостью, поддерживали каждый аккорд, подчеркивали каждую коду. За окнами таверны заблудшие ноты в опьянении вальсировали вместе с лунным светом.

Усилия эти не прошли незамеченными для посетителей таверны. Как только зазвучала новая музыка, танцующие, выпивающие и просто балдеющие подняли одобрительный и радостный гам. Они были застигнуты врасплох, хотя Джон-Том играл только базовые ритмические фигуры. Но зачарованных, взволнованных слушателей в последнюю очередь заботила простота мелодии. Главным в этой музыке — да не только в ней, а вообще во всем происходящем — была новизна.

Немало времени спустя выдохшийся Джон-Том попросил перерыва. Пальцы болели «по самые плечи», но он не обращал внимания на боль. Давненько ему не случалось играть с ансамблем. Как, оказывается, приятно не только лечить музыкой сыпь

или демонстрировать Клотагорбу свое растущее мастерство мага, но и просто бренчать ради удовольствия. Это напоминало о том, как много лет назад он впервые взял в руки электрогитару. Но тут вторглась холодная действительность в виде гиббона, сияющего глазами и позументом. Он теребил Джон-Тома за рукав.

— Умоляю! Останься с нами! У тебя трудная, ни на что не похожая музыка, но она так свежа, так упоительна! Ты ведь даже не представляешь, до чего нам осточертели две паршивые вонючие песни!

Джон-Том нашел свободный стул и с удовольствием на него опустился.

— Все-таки, ребята, я не уловил суть вашей проблемы. Вы хорошо играете. Да нет, какое там хорошо — отлично. Все до одного. Я знаю в Лос-Анджелесе несколько клубов, там бы вас наняли в две секунды. — Он понимающе ухмыльнулся. — В тех заведениях даже ваша внешность не привлекла бы такого внимания, как игра.

Ласка сложилась пополам, чтобы осмотреть свое тело.

— Внешность? А что с ней не так?

— Если вам столь ненавистны эти песни, почему вы их снова и снова повторяете? Почему бы не взять на вооружение что-нибудь из моего репертуара?

Музыканты обменялись жалобными взглядами, самый выразительный получился у гиббона.

— Ах, если б мы могли! — Он взял наперевес гавайскую гитару. — Вот, к примеру, современная матросская песня, веселая, зажигательная. Гостящие здесь моряки от нее просто без ума. Мы ее исполняли раз по десять каждый вечер.

Его пальцы защипали струны покрытого толстым слоем лака инструмента.

Тот не ответил ни единым звуком.

Джон-Том выпучил глаза. Он видел, как шевелятся пальцы гиббона, видел, как прогибаются и вибрируют струны, но ничто не тревожило его слух. Музыки не было.

— Как у вас это получается?

— Не у меня. — Стройный примат оставил гитару в покое и тяжело вздохнул. — Тут не во мне дело. — Он указал на своих товарищей: — И не в них. В чем-то другом. В чем именно, мы даже не знаем. Последние месяцы мы встречались и разговаривали со многими коллегами-музыкантами. У них — та же беда, что и у нас.

— Теперь понимаешь, почему мы называем это проклятием? — Сервал ласково гладил свой инструмент. — Похоже, оно ширится, набирает силу.

— А началось почти незаметно, — подхватил валлаби. — Сначала то здесь, то там теряешь ноту или фразу. Потом стали пропадать целые пассажи. Пальцы двигались как надо, губы и

лапы — тоже, а музыки не получалось. Пошли неожиданные паузы в игре... все длиннее и длиннее.

— Танцующие бывали очень недовольны, — припомнил сервал.

— Вот так и остались у нас всего-навсего две песенки. — Валлаби, как и его товарищи, был в отчаянии. — Наверное, скоро и их забудем, или они, как и прочая музыка, исчезнут.

— Да, рано или поздно мы останемся ни с чем. — Гиббон взял гитару под мышку. — Музыканты без музыки. А это значит, что без мелодий, без песен останутся все. Эта страшная и необъяснимая пагуба охватила все ансамбли в наших краях, даже бродячих артистов, с которыми мы сталкивались.

У валлаби вдруг глаза полезли на лоб, он вскинул указующий перст.

— Что это?

В таверну вплыло облачко потерянных нот и остановилось, выглядывая из-за правого плеча Джон-Тома. Оно тихонько звенело, мерцая, как горсть розовых алмазов, плавающих в стеклянной бочке с маслом.

— Волшебство!

Явно встревоженный гиббон отступил на шаг, а Джон-Том поспешил успокоить музыкантов:

— Я же говорил, что занимаюсь чаропением. Да, это облачко — волшебство, но не мое. И к вашим неприятностям оно никакого отношения не имеет.

К ласке вернулись отвага и неутолимое любопытство, и она приблизилась бочком, чтобы получше разглядеть летучую загадку.

— Похоже, музыка не очень бодрая.

— Да, ей невесело. Мне думается, она ищет помощи. Ей срочно надо куда-то попасть, и в пути нотам требуется компания. Вот мы и идем вдогонку. — Он улыбнулся краешком рта. — Впрочем, я почти всю жизнь иду вслед за музыкой.

— Блуждающая мелодия... — Растроганный гиббон осторожно потянулся к облачку. Оно с подозрением звякнуло и укрылось за головой Джон-Тома. — А почему ты решил, что здесь нет связи? Ведь каждый из нас потерял музыку.

— А вдруг и эта принадлежит какому-нибудь несчастному музыканту? — предположил сервал.

Джон-Том растерянно заморгал. Действительно, трудно было не заметить такую связь, по крайней мере, она заслуживала некоторого осмысления.

— Но мы же можем это выяснить, не так ли?

— Почему бы попросту не спросить?

Гиббон приближался к облачку, а оно пряталось от него, металось вокруг Джон-Тома.

— Спросить?

— Да, почему бы и нет? Я люблю поговорить со своим инструментом.

— Ага, и он даже порой отвечает, когда ты хватишь лишку.

Валлаби хихикнул.

Джон-Том в смущении оглянулся на облачко.

— Ну, что скажешь? Ты как-нибудь связано с исчезновением чьей- нибудь мелодии? Имеет твоя беда что-нибудь общее с их несчастьем? — Он указал на музыкантов.

Аккорды тихонько звенели, как звенели всегда, и не было в их голосах особой эмоциональной окраски.

— Полагаю, ответ требует истолкования.

Ласка была явно разочарована.

— Это зараза! — Гиббон нервно щипал безмолвную гитару. — Она расползается, она заставляет музыку во всем мире молчать, и никто тут помочь не в силах. Скоро придется искать новую профессию.

— Не могу себя представить никем, кроме музыканта, — печально проговорил валлаби.

— Я тоже, — присоединился к нему сервал.

— Дьявол! Я так люблю музыку!

В таверне царили смех и оживление, ласка же находилась на грани истерики.

— Эти кабацкие весельчаки не жалуются только потому, что знают о заразе. — Гиббон махнул лапой в сторону зала. — Они просто рады, что остались хотя бы две песни. А что они скажут и как себя поведут, когда исчезнет последняя нота, я предсказывать не берусь. — Он задумчиво посмотрел на звонкое облачко. — Только вообрази себе — мир без песен!

— Но что же случилось? — Джон-Том оглядел музыкантов. — Куда они ушли?

— Ушли? — Ласка беспомощно пожала плечами. — Мы не уверены, что они куда-то ушли. Они просто растаяли. Даже на сковородке нельзя выбить убогий мотивчик. Как только он начинает походить на музыку — сразу испаряется.

— Все испаряется. — Гиббон изучал лицо Джон-Тома. — Все, кроме твоей музыки. — Он указал на дуару. — Она неуязвима.

— Я прибыл сюда из далекой-предалекой страны. Ее еще не затронула ваша зараза.

— Почем ты знаешь? — фыркнула ласка. — Сам же сказал, что долго был в пути, пересекал безлюдные земли.

Джон-Том обмер. А ведь ласка права! Неизвестно, что творится в Колоколесье. Судя по всему, это проклятие, или зараза — да как ни назови, — могла точно так же отравить музыкальную жизнь его страны, как отравила Машупро и всю дельту Карракаса. Он попробовал представить себе музыкальный вакуум в линчбенийских тавернах и прочих забегаловках, попытался во-

образить центральную площадь без пронзительной какофонии любительских ансамблей и даже протрезвел от страха.

Что же произошло? Неужели все мелодии, все мотивы в мире затянуло в какую-то музыкальную трясину?

— Не знаю, как обстоят дела во всем мире, — заявил он наконец, — а здесь мы с Маджем идем вслед за этой вот горсткой нот. И этого нам пока достаточно. Еще мы помогаем полудюжине прин... важных персон вернуться домой. Не могу я заниматься проблемами чужой музыки.

Гиббона это не убедило.

— Человече, я тебе не верю. Не знаю, какой ты чаропевец, но музыкант — настоящий. Происходящее не может не беспокоить тебя.

— Да как ты запоешь, когда беда коснется и тебя? — подначала на чаропевца ласка. — Как поведешь себя, когда вот это странное устройство не издаст ни звука? Ведь ты не только утратишь способность музицировать, ты и чародействовать не сможешь.

— Не думаю, что меня это коснется, — заявил Джон-Том с уверенностью, которой не испытывал.

И в самом деле, почему он должен оказаться исключением? Зараза — это зараза, она не делает различий между вдохновенным чаропевцем и заурядным бродячим менестрелем. Неужели появился микроб, убивающий музыку? Или какой-нибудь скрытый мутирующий вирус? Почему Джон-Том внушил себе, что обладает иммунитетом? У микробов и вирусов не существует обычая уважать репутацию и положение.

Нельзя ли получить музыкальную вакцину с помощью чаропения? Если да, неплохо бы захватить ее с собой, когда он в очередной раз соберется посетить родной мир. Он знает немало соотечественников, иммунных к воздействию любой музыки.

— Мы должны плыть дальше, — сказал он наконец ансамблю. — Если бы я странствовал в одиночку, то остался бы и изучил аномалию, но я отвечаю за своих спутников. Может быть, на обратном пути смогу чем-нибудь посодействовать.

Гиббон и его товарищи, похоже, смирились с поражением.

— И никакие уговоры не убедят тебя задержаться? — спросил примат, безуспешно перебирая струны гитары. — Сегодняшний вечер пробудил много воспоминаний. Сегодня мы снова были творцами и властелинами музыки.

— Вспомните, что мы играли, — попытался хоть как-то поддержать их Джон-Том. — Может быть, что-то останется после моего ухода.

Ласка подняла инструмент и осторожно выдала несколько нот — в порядке эксперимента. «Кудесник пинбола» звучал не совсем стройно, однако не без приятности.

— Вот видите!

Джон-Тому полегчало, его уже не так мучила совесть из-за того, что он покидает коллег в беде.

Гиббон смахнул слезу. Он явно был сентиментален.

— Это великий музыкальный дар... Мы благодарны за него, сколь бы краток ни был его век. Но лучше бы вернулись наши мелодии. — Товарищи шепотом поддержали его.

— Играйте эту тему, бережливо расходуйте и остальные мои песни. Когда дамы доберутся до своих семей, я вернусь этим же путем и сделаю для вас все, что смогу. Обещаю.

Позади Джон-Тома тихонько позвякивали нотки-сиротки — облачко звуковых духов.

Последовали рукопожатия и хлопки по спинам. «Пускай обликом я с ними не схож, — размышлял Джон-Том, разыскивая Маджа, — но ведь то, что нас объединяет, гораздо важнее внешности. Музыка — самый особенный из языков, и никто не понимает его лучше, чем тот, кто говорит на нем профессионально».

Выдра за столиком не оказалось. Пиввера же Тренку-Ханская, как ни странно, сидела на прежнем месте. На стуле Маджа устроилась Алеукауна. Обе принцессы украсили кончики усов серебристой пудрой.

— Где он?

— Не знаю.

И знать не желает, как понял чаропевец по тону принцессы.

— Он хотел продемонстрировать свои способности в поглощении спиртного, но подвели внутренности.

— Несколько раз, — добавила Алеукауна, картинно пригубив бокал на длинной ножке.

— После чего, как вы понимаете, мой интерес к его обществу начал слабеть. — У Пивверы были очень длинные ресницы, что свойственно самкам выдр. — Счищая с меха чужую блевоту, быстро догадываешься, что романтический вечер не удался.

«Бедный Мадж, — подумал Джон-Том, — слишком часто губят тебя непомерные аппетиты».

— И куда он ушел?

— Почем я знаю? Делать мне, что ли, больше нечего, как следить за приходом и уходом невоспитанных простолюдинов?

Джон-Том поднял глаза, снова внимательно оглядел зал.

— Когда он не слишком трезв, запросто может попасть в беду.

— А мне показалось: он что трезв, что пьян — все едино. Еще до того, как ваш приятель опрокинул первый стакан, он был совершенно неадекватен. Правда, гораздо чище, чем сейчас.

Дальнейшие расспросы помогли установить, что в последний раз Маджа видели враскачку на воздух выходящим. Обеспокоенный Джон-Том поспешил к выходу. Если его приятель свалится с деревянного мостка, он, конечно, не утонет — выдр в любой стадии алкогольного опьянения плавает как пробка... Если только не треснется обо что-нибудь башкой. Как подстре-

ленная птица камнем падает вниз, так и выдры в отключке беспрекословно подчиняются законам гравитации.

— Мадж!

Луна пересекла наивысшую точку своего пути и неторопливо снижалась. Маленькая рыбацкая лодка уходила к морю, рассекая неподвижное зеркало воды между Машупро и островком. Джон-Том приблизился к ненадежным, хлипким перилам и окинул взором черную гладь у замшелых, поросших ракушками свай таверны.

— Мадж, ты где?

До него донесся голос выдра, но, к счастью, не снизу. Джон-Том повернулся влево и обнаружил своего приятеля — тот цеплялся за стойку крыльца к югу от шумной таверны. Несмотря на шум и расстояние, излияния выдра были слышны вполне явственно. И выбор слов приходился не на дипломатическую часть его лексикона.

— Да кто вы такие, кто? Жалкая шайка вонючих никчемных олухов. Не можете даже нормально двигаться! За вас это должны делать ваши клепаные дома! Это самый захудалый, грязный, зловонный, убогий городишко из всех, которые я видел на своем клепаном веку, а уж я-то навидался дырок в задницах, вот так!

Мадж потрясал зажатой в правой лапе бутылкой, а левой цеплялся за столб.

Когда над ним вдруг навис чей-то силуэт, Мадж умолк и недоуменно заморгал.

— А?! Привет, чувак. — Он предложил полупустую бутылку. — Глотнешь?

— А тебе не кажется, что на сегодня уже достаточно?

Джон-Том внутренне кипел, но говорил спокойно.

— На сегодня, можа, и хорош. — Выдр сдвинул набекрень тирольку, мутными глазами глядя на Джон-Тома. — Но ведь день уже кончился, ночь на дворе! И ваще, разве не чудесный выдался вечерок? Ни малейшего ветерка, в небе — аж три луны.

— Только одна, — терпеливо поправил Джон-Том. — Чем тебе так досадил Машупро? Он ничуть не хуже других городов, где нам с тобой довелось побывать. Сырости тут побольше, но во всем остальном...

Мадж вытаращил глаза.

— Кореш! Да как ты можешь говорить такие слова? У этой дыры нет достоинства! Ни малейшего! — Он неистово семафорил бутылкой, Джон-Том успел отшатнуться — иначе бы заработал синяк. — Тут даже клепаных дорог не мостят!

— Мадж, здесь вообще нет дорог, — напомнил Джон-Том. — Забыл, что ли? Одна вода. Никто не ходит, все плавают на лодках.

— Лодки? Вода? — Мадж почему-то развеселился. — Ага! Теперь понимаешь, че я пытаюсь тебе сказать? Они даже не осушили свои поганые вонючие улочки.

Хлипкие перила угрожали развалиться под тяжестью выдра, поэтому Джон-Том опустил руку на плечо своего спутника. Мадж агрессивно вывернулся и попятился.

— Полегче! Между нами ничего такого не было и не будет!

— Мадж, тебе надо прилечь.

— Да? Вот так, да? Человек! Када это ты нанялся ко мне в няньки?

— Мадж, я тебе не нянька. Я твой друг. Я уже давным-давно твой друг, вспомни. — Джон-Том сообразил, что выдр чем-то расстроен, и это «что-то» не имеет ничего общего с проблемами городского хозяйства. — Мадж, что тебя гложет?

— Ниче меня не гложет, кореш. Че меня может глодать? Ниче... — Мадж помолчал, покачиваясь на коротких лапах. — Разве че...

— Разве что?

Выдр отвернулся и тяжело оперся на перила, те угрожающе заскрипели, но не сломались. До воды было никак не меньше двадцати футов, и повсюду торчали пеньки старых свай. Между ними покачивались на приколе суденышки. Если выдр сорвется, приземление может оказаться отнюдь не мягким.

— Это все Пышнера, принцесса из моего племени.

— Пиввера, — тихо поправил Джон-Том. — Что, совесть замучила? Ты ведь за ней приударяешь с того дня, когда мы сбежали от Манзая.

Выдр устремил на спутника непривычно печальный, душевный взгляд.

— Все-таки как вы, человеки, со словами обращаетесь! Джонни-Том, она ж самая симпотная из моих сородичей, другой такой я ни в жисть не видел.

— А я повидал достаточно выдр, чтобы не возражать.

— И ты чертовски прав, кореш. И ежели б не эта поганая, ублюдочная, гнилая пародия на город...

Под ногами слегка дрогнули доски. Джон-Тому, чтобы сохранить равновесие, пришлось взмахнуть руками. Какой сильный толчок! Настил подскочил на несколько дюймов.

Пока пьяный Мадж разглагольствовал, Джон-Том бросил осторожный взгляд вниз. Что это? Неужели ему не мерещится и сваи шевелятся, гоняя по сумрачной водной глади концентрические круги?

— И я, чувак, имел успех!

Джон-Том глянул на выдра, потом на таверну.

— Успех?

Выдр доковылял до него и ухватил за полу мокрой от пота рубашки.

— Я в том смысле, шеф, что она была не прочь. Да какое там — не прочь! Черт возьми, она была совсем готова. Вот так!

Джон-Том аккуратно высвободился.

— Что произошло?

— Я не смог. Впервые в жизни не смог.

— Не уверен, что понимаю, — осторожно сказал Джон-Том, хотя вовсе не был уверен, что хочет понимать.

— Чувак, поверь, я пытался! Но всякий раз, када был совсем готов перейти от слов к делу, вспоминал чертовых детенышей и эту язву, эту пилу, эту стервозу, на которой меня угораздило жениться!

— Виджи?

Выдр наградил его бешеным взглядом.

— Кореш, я че, просил упоминать ее имя? Я тя просил? — Он хотел посмотреть на Джон-Тома в упор, однако столкнулся с неодолимым препятствием — он был почти на два фута короче.

— Мадж! В это трудно поверить, но будь я проклят, если не считаю тебя порядочным в глубине души парнем. Наверное, ты набрался хороших манер тайком от меня, — задумчиво добавил человек.

— Не говори так, не говори! — Выдр хлопнул себя лапами по ушам, получив при этом легкую контузию, так как одна его конечность по-прежнему держала бутылку. — Этого не могло произойти! Это невозможно! — И с выражением бескомпромиссной решимости на физиономии он двинулся не слишком твердой поступью мимо Джон-Тома. — Я возвращаюсь, вот так! Я найду эту принцессу, и када я ее найду, я ее... я ее... — Он умолк и повернулся к товарищу: — Эх, шеф, был бы я хоть чуток легкомысленней! Ну хоть чуток!

— Нет причин так мучиться, дружище, — твердо заявил Джон-Том. — Разве можно упрекать себя за то, что все время думаешь о детях и Виджи?

— Опять это проклятое имя! Я вроде говорил тебе: не упоминай! Мало мне проблем с тем, че у меня под носом?

Мадж *выпрямился*, *на морде появилось выражение внезапного озарения*.

— Просек! Это все город виноват! Вот в чем дело! Тут с воздухом чей-то не то. Я какой-то отравы надышался. Заразился чувством ответственности. — Появилось новое выражение — подозрительное. — Точняк! Должно быть снадобье, какая-нибудь пилюля: проглотил — и очистился. — Нетерпеливый взгляд впился Джон-Тому в лицо. — Чаропесня! Мне поможет подходящая чаропесня. — Он хотел отойти, споткнулся и не упал с мостков только благодаря нижним лапам — слишком коротким, чтобы потерять равновесие.

— Кореш, спой мне чей-то этакое. Ради старой дружбы. Чтоб я стал прежним Маджем. Беззаботным, счастливым, веселым, свободным как ветер...

— Испорченным, безответственным, вороватым и развратным. Лживым, ненадежным, циничным и похотливым.

Мадж просиял.

— Во-во, Джин-и-Тоник, это я самый! Я ведь не безнадежно переменился, а, кореш? Скажи, меня еще можно вылечить?

Джон-Том даже не знал, что и ответить на это.

— Ну-у... — протянул он. — Порой я слышу от тебя откровенный вздор.

— Да, да, продолжай, продолжай!

— И до недавнего времени ты любил заимствовать то, что тебе не принадлежит. В основном мелочевку, но все-таки...

— Верно, верно. Не стоит говорить о пропорциях. Важен тока сам факт. Говори.

Чаропевец глубоко вздохнул:

— Однако, несмотря на все это, уже нельзя вернуться вспять с помощью одного волшебства. Похоже, ты — я потрясен этим не меньше твоего — превращаешься в личность нравственную и порядочную.

— Нравственный! Порядочный! Я? — Рассвирепевший выдр ударил себя кулаком в грудь. К несчастью, это опять оказалась лапа с бутылкой. Тумак немножко остудил его. — Невозможно, — пробормотал он. — Исключено. Уж лучше б я попросту сдох. А как же репутация, которую я так кропотливо наживал все эти годы? Как же теперь быть с заслуженным положением в гильдии воров, со славой попирателя всех и всяческих устоев? — дико озираясь, вопросил он. — Как пить дать, городишко этот шкодит! Надо убираться отсюда. Он медленно, но верно отравляет мне душу. — Мадж дал пинка ближайшей стене, подошва скользнула по лакированному дереву, скрипнула ветхая доска. — На мозги капает! Надо выкорчевать, выдрать с корнем эту пакость, разобрать по досточкам. Расколоть их и сжечь, а на этом месте построить нормальный, правильный город, где приличный парень сможет закрутить любовь и не страдать от угрызений совести.

Он снова двинул лапой по стене, чуть не проломив ее.

В следующий миг мосток вздыбился и заколыхался, и Джон-Тому, чтобы не упасть, пришлось ухватиться за стойку. Это помогло мало, потому что стойка тоже неистово тряслась. «Он что, разозлился?» — подумал чаропевец.

— Мадж, не задирай город! Если дома умеют ходить, они, возможно, умеют чувствовать.

— Чувствовать? А, черт! Да ты када-нибудь слышал о чувствительных домах? Это против законов природы, вот так! — Выдру полегчало, и он осыпал стену энергичными пинками. — И хуже того, здеся... черт, как бы это выразить... неэстетично! — торжествующе закончил он.

Видимо, в этот момент у дома иссякло терпение. Настил под выдром щелкнул, точно хлыст, Маджа подкинуло до самой крыши. Гулко шмякнувшись о доски и крякнув, он сделал кувырок и

через секунду снова был на ногах, с мечом в одной лапе и бутылкой в другой. Судя по тому, как он ими размахивал, он вряд ли понимал, что есть что.

Мадж разыскивал невидимого противника, грозно жестикулируя и стеклом, и сталью. Джон-Том освободил для него место.

— Ну, давай, иди сюда! Покажись! Выходи на бой, как честный выдр!

Теперь не только мосток ходил ходуном, но и все здание. Его поддержали соседние дома. Выгибались и лопались стекла в окнах, доски корчились и выплевывали гвозди, вывинчивались шурупы, нагели сжимались, как человеческие мозги от мигрени, хлопали ставни, точно крылья разъяренных птиц.

Джон-Том решил, что время вежливости миновало, схватил выдра за лапу и потащил за собой.

— Смотри, что ты наделал! Шевелись. Надо найти остальных.

— Ну че, че я наделал? А че происходит?

Мадж даже не моргнул, когда вихляющий, приплясывающий рыбацкий домик опрокинулся прямо перед ними в воду, подняв тучу брызг. В следующий миг он вскочил и по-собачьи отряхнулся. Оставалось лишь надеяться, что внутри никого нет.

— Ого-го! Кажись, я и правда маленько перебрал!

И с этими справедливыми словами Мадж крепче вцепился в бутылку.

Не только из таверны, но и из окружающих домов доносились визг, писк, испуганные и растерянные крики. Джон-Том, с трудом удерживаясь на ногах, ввалился в зал.

Мадж, утративший надежду на мгновенное исцеление, повис на плечах друга самым большим в мире меховым шарфом. Джон-Том охотно терпел его запах — как плату за молчание.

Жаль только, что выдр умолк слишком поздно! Негодование оскорбленных им зданий стремительно распространялось по порту, дома с грохотом бились друг о друга и угрожали развалиться на части. Охваченные паникой владельцы никак не могли успокоить любимые жилища, а арендаторы даже не пытались ничего предпринять.

Над этим хаосом восстала гибкая, мускулистая фигура: лейтенант харакунской гвардии Найк был на удивление трезв.

— Чаропевец, в чем дело? Что происходит? — Он прищурил глаза. — Что случилось с вашим другом?

— Объяснять некогда! Хватайте скорее принцесс. Всех собирайте! Надо выбираться отсюда, пока не поздно!

Позади мангуста раздались вопли — бар со всеми своими бутылками, стаканами и непристойным портретом полулежащей, кардинально обритой нутрии обрушился на пол.

— Землетрясение!

На морде Хека, подбежавшего к дверному проему, где уже столпились его товарищи, отчетливо читалась тревога.

— Нет, это не землетрясение. — Одной рукой поддерживая Маджа, Джон-Том торопливо махал другой. — На судно! Всем на борт!

Как только они помогли принцессам спуститься по дергающейся, качающейся веревочной лестнице, огромный, очень злой склад поднялся на двенадцати сваях и решительно направился к центру города. Повсюду мелькали огни — не участвовавшее в ночном веселье население было бесцеремонно вытряхнуто из теплых постелей. Под звон пожарных колоколов отряд специально обученных укротителей домов выдвинулся в портовый район, к нервным офисным зданиям и истеричным пакгаузам.

Когда власти успокоят разбушевавшиеся постройки, у них появятся вопросы к тому, кто заварил кашу. Джон-Том надеялся к этому времени уйти далеко в море.

Пока Найк и его солдаты ставили парус, Джон-Том пересчитал спутников по головам, затем еще раз — хотел убедиться, что все на борту. Он учел даже облачко нот — за него, впрочем, не стоило беспокоиться. Мелодичная сиротка заиндевелым фонарем мигала на топе мачты.

Мангусты отвязали швартовочные концы, и судно пошло на юг. Как раз вовремя! Два крепких сооружения, которым наконец удалось установить причину бунта, поднялись на сваях и заплюхали вдогонку за корабликом. Однако беглое суденышко уже покинуло мелководье, поэтому домам пришлось остановиться и в бессильном гневе хлопать дверьми и ставнями — к крайнему недоумению их потрясенных обитателей.

Подвыпившая Сешенше растерянно спросила:

— Что произошло? Мы так хорошо проводили время...

— Да, — подхватила Ансибетта. — А потом все кругом сошло с ума.

Удивительный язык Квиквеллы нервно выстреливал из пасти, облизывая не только ее рыло, но и морды сидевших поблизости.

— Здания обезумели, — прошептала она.

— Вы лучше его спросите, я тут ни при чем. — Джон-Том указал большим пальцем на Маджа, мирно прикорнувшего возле бушприта. Тиролька была нахлобучена аж до носа, длинное перо трепетом отзывалось на каждый храп.

— Его? — Брови Умаджи сдвинулись, почти наполовину скрыв глаза. — А что он может знать?

— Это он вызвал переполох. Принялся оскорблять город, здания и все прочее. И стенку пинал.

У Сешенше поднялась верхняя губа, блеснули острые зубы.

— Да разве с-спос-собна такая мелочь вызвать такой переполох?

— Вы Маджа не знаете. Его оскорбления не уступают моему чаропению, да и практики было хоть отбавляй. Алкоголь стиму-

лирует его красноречие, подавляя при этом здравый смысл. Мадж унижал Машупро, и, похоже, в конце концов у города лопнуло терпение.

— Это я виновата, — призналась Пиввера. — Надо бы с ним почутче... Но все произошло так неожиданно! И он был так слезлив! — Она состроила гримаску. — А уж как грязен!

— Да, он такой.

Джон-Том обернулся, вытянул шею.

Город вдали как будто затихал, редели вопли и проклятия. Оставалось лишь поблагодарить неведомые небесные силы, заинтересованные в судьбе путешественников, за скромный ветерок, что наполнил единственный парус и повлек суденышко в открытое море. Вдали растаяли контуры прибрежных зданий, Карракас сократился до черной линии на горизонте. В меркнущем свете луны кораблик миновал множество уединенных островков и песчаных кос — последних форпостов огромной дельты. Не видя погони, солдаты позволили себе успокоиться. Принцессы благоразумно спустились в каюты — им не терпелось распределить между собой спальные места.

Джон-Том посмотрел на спящего выдра. Звучный храп заглушал размеренный плеск воды.

И тут чаропевец понял, что устал донельзя и с удовольствием посостязался бы с другом, кто кого перехрапит.

Глава 17

Прошло два дня, сырая душная дельта превратилась в воспоминание. Выяснилось, что по части знания парусного дела мангусты выдавали желаемое за действительное.

— Это странно. — Пиввера держалась в сторонке, когда Хек с Пауко ставили маленький спиннакер. — Мне случалось ходить под парусом. Боюсь, вы перевернете наше судно кверху килем.

— Ваше высочество, мы делаем все, что можем.

Пауко сопел, сражаясь с незнакомым такелажем.

— Помнится, вы обещали, что справитесь.

Принцесса Ансибетта сидела поблизости, закинув одну длинную ногу на другую, и красила ногти — каждый в свой цвет.

— Боюсь, практическим опытом здесь обладаю только я, — пришел на помощь солдатам Найк. — Не судите слишком строго этих славных парней. Им куда легче поставить палатку, чем парус. И не бойтесь, мы обязательно достигнем берега нашего любимого Харакуна.

— При таком черепашьем ходе — никогда. — Принцесса Пиввера закатала широкие полупрозрачные рукава и взялась за край паруса. — Умаджи, милочка, не подсобишь?

Горилла поднялась и вложила в общее дело свою силу. Вскоре спиннакер наполнился ветром, следствием чего явилось значительное увеличение скорости.

Умаджи с досадой взглянула на ладони.

— Не самая полезная работа для кожи.

— Кто бы жаловался! — Ансибетта протянула светлокожие ладони. — У меня кожа нежнее и тоньше, чем у любой из вас, и защитного меха почти нет.

Джон-Том упорно оставался за штурвалом, не влезая в дискуссию.

— Все бы им краситься да брюзжать, — шепнул он. — Можно подумать, они все еще у Манзая в клетках.

— Приятель, пущай тебя это не беспокоит. — Привалившийся к нактоузу Мадж выглядывал из-под полей шляпы и щурился на солнце, которое, по его мнению, затеяло пытать его без всякой жалости. — Принцессы — на то и принцессы, чтоб выглядеть на все сто и ныть.

— Мадж, иногда мне кажется, что ты — мизантроп.

— Совсем напротив, шеф. Я привык считать себя циником и оптимистом.

— Как головушка?

— С плеч еще не свалилась.

— Хотя твоей вины в этом нет. — Квиквелла стояла поблизости, причесывая мягкий шелковистый мех на лапах. — Твоя вина — в том, что нам пришлось так спешно покидать Машупро.

Выдр подмигнул:

— Точняк, моя вина, каюсь.

— А раз так, ты должен ответить. — Сешенше обратилась к подругам: — Вс-се с-слышали? Нахал признает с-свои грехи.

— За все отвечу, за все. — Мадж спрятал морду под тирольку. — Об одном прошу: не кричите.

— Я не кричу. Кто кричит? — взревела рысь.

— А разве у нас нет оснований кричать на тебя? — спросила Ансибетта в упор.

— Дамочки, милые мои, умоляю: чуток милосердия.

Выдр встал и, поддерживая лапами голову, заковылял к планширу.

Джон-Том у штурвала оглянулся:

— Ну, и что ты им ответишь?

— Отвечу! Вот щас как сигану за борт да попробую доплыть до Линчбени. Можа, какая-нибудь добрая душа выловит из Вертихвостки мои бренные останки и отвезет родне, чтоб их похоронили как полагается. Это будут тихие похороны.

— Ты что, все забыл? Мы едва ноги унесли из города. И он, город, гнался за нами по пятам.

— Ух ты! — Выдр отвернулся от зеленого, как бутылочное

стекло, моря, сел на палубу, прислонился спиной к лееру. — Не уверен, че помню события нынешнего утра.

— Ну и ладно. Избавлю тебя от мучительных воспоминаний. Только больше так не делай, пожалуйста.

Мадж заморгал:

— Как я смогу этого избежать, ежели не помню, че наделал?

— Я буду рядом и подскажу.

— А, тада ладно. — Выдр, дрожа, поднялся. — Ну а щас, ежели вы меня маленько извините, то, боюсь, мне пора подкормить живность в этом клепаном океане.

И он отправил за борт содержимое желудка. Процесс катарсиса сопровождался обильным рыганием и перханьем.

— Нет, вы видите? — Рысь выковырнула оказавшуюся в ухе сережку. — Какая омерзительная демонс-страция!

— О да, — согласилась Квиквелла.

Ансибетта дунула на ногти правой руки, чтобы побыстрее высох тщательно нанесенный лак.

— Подумать только, от этого алкоголика зависит наше возвращение.

— Ну, не полностью от него. — Алеукауна аккуратно наматывала трос на руку. — Боюсь, нам придется рассчитывать на собственные силы.

— Почему? У тебя довольно толковые солдаты.

Принцесса-мангуста любовно глянула на лейтенанта и его отряд.

— Да, они неплохо поработали. Для представителей низших сословий. Нашли нас и вырвали из лап неописуемо отвратительной личности по имени Манзай.

— С помощью чаропевца, — поспешила добавить Умаджи.

— Да, с помощью чаропевца.

Ансибетта взглянула на Джон-Тома, а тот знай себе рулил, не подозревая, что привлек к себе внимание дам.

— Вам не кажется, что он довольно симпатичен? В смысле грубом, неутонченном, разумеется.

Сешенше скорчила гримаску.

— Никогда не понимала, что вы, люди, находите друг в друге. Уж эта мне холодная лыс-сая кожа!

Она содрогнулась.

— *Ни одного приличного когтя на лапе.*

Квиквелла выпустила длинные шипы.

— И плоские морды, — добавила Алеукауна. — Поцелуй — скорее не сближение, а столкновение.

— Ничего, спасибо, мы вполне справляемся, — без малейшего смущения заступилась Ансибетта за свое племя.

— А я рада, что я не человек, — фыркнула в усы Пиввера.

Над ними возвысился могучий силуэт.

— К чему эти детские споры? — Умаджи Туурская обняла

Ансибетту за плечи тяжелой лапой. — Да, природа обделила людей шерстью, но нам бы не презирать их за это, а посочувствовать! К тому же они — приматы! — К Алеукауне повернулась широченная морщинистая морда. — Более того, плоские лица, да будет вам известно, имеют свои преимущества.

— В самом деле? Хоть убей, не пойму, как можно считать плюсом отсутствие нормальной морды.

Бурное обсуждение разновидностей рыл, шкур, клыков и иных частей тела вконец допекло Маджа, тщетно мечтавшего забиться в тихий уголок, и заставило его выбирать между топом мачты и трюмом. *В конце концов он плюнул и остался на месте.* От него сбежала хваленая безбоязненность, прежде позволявшая дневать и ночевать в «вороньем гнезде», а состояние желудка, забившегося куда-то между пищеводом и легкими, не вдохновляло приближаться к зловонному и сырому трюму.

С помощью добродушного, а может быть, сочувствующего ветерка судно быстро бежало на юг.

Через неделю на горизонте обозначилась грозовая туча. Стоявший у штурвала Найк поманил Джон-Тома. Море заметно осерчало, а мангуст по собственному опыту знал, на что способен океан в непогожий день.

— Что вы на это скажете? — Он указал вперед. Полоса шквала, растянувшаяся насколько хватало глаз, накатывала опасным темно-серым валом. — Надо ее как-то обойти. Куда повернем, влево или вправо?

Маленькие, но сильные лапы застыли в напряженном ожидании на штурвале.

— Почему вы меня спрашиваете? — Джон-Том с тревогой разглядывал зловещие облака. На миг влажное подбрюшье бури осветила молния, бурлящая воздушная стихия окрасилась сурьмой. — Я не мореход. На этой лоханке у меня роль пассажира.

Найк нервно почесал покрытое короткой бежевой шерстью темя.

— Разве вам не по силам успокоить океан чаропением? Или хотя бы провидеть спасительный курс?

— Ничего не получится. Мой профиль — извлечение из иных реальностей одушевленных и неодушевленных предметов. С такими непредсказуемыми явлениями, как погода, мне еще не *приходилось иметь дело. Я могу с тем же успехом утопить вас, а* не спасти.

— Наш кораблик крепок, но не велик, и мы — не очень-то опытная команда. Времени осталось немного, скоро на нас обрушится шторм. Неужели вам нечего предложить?

— Ну, подумать никогда не вредно, — ушел от ответа Джон-Том.

Над его плечом раздался звон. Облачко нот висело так близко, что щеке стало тепло, и настойчиво пело. «Невероятно, —

подумал он, — одна и та же мелодия способна выражать самый широкий спектр эмоций, всего лишь изменяя темп и громкость».

Найк смотрел на облачко и диву давался.

— В вопросах мистических я ничего не смыслю, но спилите мне зубы, если музыка не пытается что-то сказать.

— Не правда ли, у нее беспокойный вид? — Пульсирующие крапинки кружились в считанных дюймах от глаз Джон-Тома. — Что ты хочешь сказать?

Музыка, будто в ответ, вытянулась в тонюсенькую розовую полоску, застыв над волнующимся морем в нескольких градусах правее носа корабля, и запело на пределе громкости. Это повторилось несколько раз. Чаропевец уже знал смысл этого жеста.

— Что оно делает?

Мангуст крепче ухватился за штурвал.

— Предлагает изменить курс. Думаю, стоит последовать совету — хуже не будет. Если, конечно, у вас нет другой идеи.

— Чаропевец, я уже сказал, что я всего-навсего моряк-любитель. — С этими словами лейтенант крутанул штурвал, и нос пошел вправо. — Вы уверены в правильности этого направления?

— Нет, но я всегда уверен в музыке. Если сейчас же не встать на ее курс, мы обязательно врежемся в бурю. А так — глядишь, и спасемся. Может быть — всего лишь может быть, — музыка знает, что делает. Уж я-то совершенно не знаю.

Ноты образовали спираль, затем овоид. С каждой переменой формы изменялся и темп. Только в одном музыка оставалась постоянной: в своем выборе курса.

Умаджи прислонилась к планширу левого борта и задумчиво глядела на воду. В считанных ярдах от ее морды кристаллизовался серебристый туман. Она с возгласом изумления отшатнулась от призрака. Джон-Том заметил, что горилла хорошо поработала над мехом на затылке и шее — уложила его в множество тонких изящных завитков. Кудряшки придавали облику могучего примата что-то трогательно-младенческое.

Среди тумана материализовалось и зависло на уровне палубы уже знакомое путешественникам насекомовидное существо. Оно уставилось на Джон-Тома.

— Здравствуйте, человек! Вы здесь! Я вспомнил то, что забыл!

— А что вы забыли? — в полной растерянности спросил Джон-Том.

— Задачу моих поисков! — Антенны качнулись вперед. — До чего же зыбкая эта штуковина — память.

Мадж облокотился о планшир и небрежным тоном заметил:

— Шеф, а ты в курсе, че меж твоим седалищем и морем ни фига нет, кроме воздуха?

— Море? О чем вы говорите? — Существо глянуло вниз,

пронзительно взвыло от изумления и с впечатляющим плеском упало в воду.

— Наверное, оно собиралось появиться на палубе, — задумчиво предположил Найк. — И тут мы резко взяли право руля.

Джон-Том, не обратив внимания на слова лейтенанта, бросился к лееру. Гость беспомощно трепыхался в воде. Обладая аж восемью конечностями, он при этом совершенно не разбирался в стилях плавания.

— Я вспомнил! — Жук плевался водой. — Я вспомнил!

Джон-Том сложил ладони рупором и крикнул:

— Что вы вспомнили?

— Вспомнил... что не умею плавать! — жалобно воскликнул жук и умолк — его голова скрылась под невысокой волной.

Джон-Том уже стаскивал с себя плащ и рубашку.

Он увидел, что насекомое вынырнуло и возится с пультом у себя на спине. И снова жук окутался туманом — на сей раз скоплением серебристых искр, таких ярких, что пришлось отвернуться. Но все равно создалось впечатление, будто Джон-Тома фотографируют с сотнями ламп-вспышек. Застигнутые врасплох принцессы кричали и терли глаза.

Джон-Том все же глянул сквозь слезы: в океане появилась аккуратная сферическая дырка, словно кто-то ловко зачерпнул ложкой шарик в коробке темно-зеленого мороженого. В полость вплыла парочка макрелей и, падая, неистово затрепыхала плавниками, затем гладкие изогнутые стены обрушились, и снова на этом месте плескались волны, будто ничего и не случилось.

— Занятно, хоть и бессмысленно. — Мадж подошел к другу. — Че до меня, так я не в восторге от его волшебства.

— Я не думаю, что это волшебство. По-моему, это наука.

— Волшебство, наука — вопрос лишь в терминологии. Как считаешь, он еще разок попробует? Жучина чей-то хотел от нас, как пить дать.

— Знаешь, Мадж, я сбит с толку не меньше твоего.

— Ну, тут ты ошибаешься, чувак. Ты сильнее моего сбит с толку. Это в твоем роду наследственное.

Чаропевец решил не препираться с выдром.

— Сейчас меня больше интересует, как проскочить мимо бури.

Он кивком указал на приближающуюся шеренгу черных туч.

Найк между тем вел судно вслед за поющими нотами. Не мерещится ли просвет на западе, прямо по курсу? Этого Джон-Том сказать не мог.

— Как ты себя чувствуешь?

— Кто, я? — Выдр поправил тирольку. — Как всегда, чувак, оптимально. Правда, гложет меня одно сомненьице...

— Что еще за сомненьице?

— Я хоть время-то классно провел?

— Не сказал бы.

— Жалко. — Выдр глубоко вздохнул и приложил лапу к груди. — Ну, ниче, зато я щас себя распрекрасно чувствую. А как там наши телки?

Он окинул взором палубу. Принцессы собрались вокруг мачты, болтали, помогали друг дружке, а мангусты возились с парусной оснасткой.

— Ага, вроде все путем. Беспокоит тока одно: че на нас может снова брякнуться забывчивый жук-великан черт-те знает откуда. Ниче, думаю, мы это как-нибудь переживем.

Мадж лучился самодовольством. Счастливая улыбка была настолько заразительной, что у Джон-Тома потеплело на сердце. Когда ухмыляется выдра, тебе тоже ничего не остается, как улыбаться до ушей. И тут совершенно нежданно, с яростью женщины, полгода просидевшей на диете и обнаружившей, что она потеряла всего четыре фунта, на судно обрушился шторм. Невозможно было даже зажечь бортовые огни, чтобы найти дорогу к каютам. Впрочем, особой необходимости в лампах не возникло. Молнии непрестанно обстреливали море и кораблик и освещали больше, чем хотелось бы. Внизу было сухо, однако жуткая качка сулила жестокие приступы морской болезни. Принцессы колебались, выбирая между тошнотой и промоканием до нитки. Когда к их телам прилипло целое состояние из шелков и шифона, они потянулись к единственному трапу.

Шести самцам понадобились все их силы, чтобы не опрокинулся кораблик. Помогали им в меру своих возможностей Алеукауна и Пиввера. Не прощающий ошибок ветер в клочья разорвал неубранный спиннакер, но им удалось зарифить грот.

Джон-Том и Найк выбивались из сил, не давая судну сойти с курса, вдвоем удерживая штурвал. Одно хорошо: своего поводыря они видели без труда. Облачко слабо сияло чуть впереди бушприта, и непогода его, видимо, не пугала. Возможно, у Джон-Тома разгулялось воображение, пришпоренное молниями и затуманенное проливным дождем, однако он мог поклясться, что облачко подпевает грому. Оставалось лишь догадываться, что творится в эпицентре бури, куда они поначалу держали курс.

Гребни волн вздымались выше мачты, но крепкое суденышко мужественно боролось за жизнь. Всякий раз при встрече с очередным зеленым чудовищем Джон-Том не сомневался, что команде и пассажирам пришел конец. Однако обходилось — точно паучок на камень, кораблик взбегал на сокрушительный водяной вал. «В таких обстоятельствах, — мрачно подумал чаропевец, — судну лучше быть устойчивым, чем красивым».

Качалась мачта, стонали тросы, но суденышко держалось. Похоже, это привело море в бешенство, и оно удвоило напор. Джон-Том больше беспокоился за руль, чем за мачту. Потеряв управление, судно повернется бортом к накатывающимся волнам, и они наверняка захлестнут палубу. Но руль, сделанный из крепкого болотного дерева сюрро, оправдывал надежды.

В самом сердце этого хаоса, этой мешанины грома и молний, ревущего ветра и жалящего дождя, виднелся Мадж — он беспечно разгуливал по палубе, насвистывал и вообще явно недооценивал перспективу неотвратимой гибели. Впрочем, одежду и оружие он благоразумно спрятал внизу. Дождь вылизал ему мех, добавив естественного глянца, которому Джон-Том мог только завидовать. Заметив взгляд друга, выдр приложил ладони к пасти и закричал:

— Чувак, ну разве не восхитительно? Классная прогулочка!

Джон-Том смахнул с глаз соленую воду.

— Да, восхитительно. Как насчет того, чтобы подсобить? Тогда и мы сможем повосхищаться.

Выдр отрицательно покачал головой:

— Не хочу тебе потеху портить, кореш. Попроси лучше Умаджи. От нее будет побольше толку, чем от меня, маленького.

— Мы уже просили, — выкрикнул стоявший рядом с чаропевцем Найк. — Но хотя ее силы соответствуют задаче, этого нельзя сказать о ее организме. Принцессе нехорошо.

— Да неужели? Ах, бедняжка. — Выдр присел и вцепился в трос — свирепая волна перехлестнула через борт и залила на палубе всё и вся. — Вот это потеха, а, чувак?! — завопил Мадж, когда морская вода схлынула. — Разве не за этим мы сюда приперлись?

— А на носу небось еще лучше, — крикнул ему в ответ Джон-Том, подумав про себя: «И если ты туда уйдешь, мы отдохнем от твоей болтовни». — Мы все можем утонуть, между прочим.

Но выдр не убрался на нос, а подошел поближе к другу.

— Да, шеф, я вам всем оченно сочувствую.

— В такую бурю даже выдр может утонуть. — На Найка бравада Маджа особого впечатления не произвела. — Готов согласиться, ваше племя лучше всех приспособлено для плаванья, но я еще не слышал, чтобы выдры пересекали океан.

— Фигня, — отрезал Мадж. — Я просто буду лежать на воде. Дрейфовать под солнышком, хавать крабов и саргассы.

— Если только вас самого кто-нибудь не съест, — буркнул мангуст.

Но и это предостережение не огорчило Маджа. Выдру вообще мало чем можно поколебать.

— Тада это будет достойный конец интересной жизни, и я обойдусь без сожалений, вот так. Все лучше, чем загнуться в койке от хандры или желудочных колик.

Взгляд Найка скользнул по заблудшей музыке и вернулся к Джон-Тому.

— О, мой высокий друг, я уже начинаю сомневаться, что мы поступили правильно, доверившись этой мелодии.

— Как вы помните, у нас был не очень богатый выбор. — У Джон-Тома на губах наросла корка соли, кожа была влажной и тем не менее трескалась. — Если мы ошиблись и поплатимся жизнью, я принесу свои извинения.

Мангуст скривился:

— У людей крайне своеобразное чувство юмора. Неудивительно, что вам удается так хорошо ладить с выдром.

— Не падайте духом, бравый лейтенант. Мы еще на плаву и приближаемся к цели.

— Да, но какая судьба нам уготована? — Борьба с тяжелым штурвалом уже утомила невысокого, субтильного мангуста. Мачта хлестала, точно кошачий хвост, ревущий ветер играл с такелажем.

— Как насчет чаропесни? Уверен, обстоятельства оправдывают некоторый риск.

Джон-Том поморгал, стряхивая влагу с ресниц.

— А кто поможет вам со штурвалом? К тому же, боюсь, от моих песен получится только хуже.

— Хуже? Да что может быть хуже, чем этот ад?

Лейтенант заскрежетал зубами — шальная волна ударила в левый борт, из-под палубы донесся коллективный женский стон.

Ему вторил слабый крик одного из солдат, мертвой хваткой вцепившегося в тросы:

— Господин Джон-Том! Кажется, я вижу что-то впереди!

Найк вытянул гибкое тело в струнку.

— Пойте, чаропевец! Хек, что ты видишь?

— Просвет! Я вижу впереди просвет!

Через несколько секунд его увидели и Джон-Том с лейтенантом — самую настоящую брешь в урагане, яркую, манящую полоску неба. Туда-то и вела их музыка. Конечно, в любую минуту брешь могла затянуться, но это был первый признак утерянной надежды.

— Держите на просвет! — закричал лейтенант. — Держите, ради всего святого!

Джон-Том налег на штурвал всем телом и молился, чтобы уцелел руль.

По-прежнему выл ветер, ливень хлестал по коже, меху и одежде, но было ясно, что ураган смещается к северо-востоку. Гнев моря постепенно переходил от чудовищного к просто страшному, ветер был уже не грозным, а лишь раздраженным, сокрушительные удары, истязавшие судно, начали наконец слабеть. Хек, Пауко и Караукул пядь за пядью обследовали корабль и сообщили, что ущерб нанесен пустяковый. Несколько мелких течей они сразу же и устранили. Увы, нельзя сказать, что пассажиры отделались так же легко. Избитые, измученные дамы собрались на палубе — обсохнуть, однако даже этого незначительного удобства они были лишены. Температура воздуха значительно поднялась, но их окутал густой туман, шедший следом за ураганом.

Джон-Том стоял на корме, рассматривая отступающую бурю.

— Мне кажется, теперь можно идти прежним курсом. — Он взялся за штурвал. — Четыре градуса лево руля.

— Правильно.

Найк тоже опустил лапы на рукояти.

Но штурвал не повернулся. Даже с помощью Караукула и Пауко.

Джон-Том отошел от застывшего деревянного кольца.

— Нас что-то держит. И крепко!

Пауко предположил:

— Музыка?

Облачко невозмутимо летело, словно ничего и не изменилось.

— Не думаю, — тихо сказал Джон-Том. — До сих пор она не оказывала физического воздействия ни на меня, ни на Маджа. Подозреваю, здесь замешано что-то другое.

— Но что? — осведомился Караукул.

Джон-Том пожал плечами.

— Волшебство какое-нибудь? — пробормотал Пауко.

— Попробуем еще раз.

Найк не собирался капитулировать перед невидимыми силами.

— Бесполезно. — Караукул, полураскрыв пасть и ритмично дыша, отошел от штурвала. — Ладно, по крайней мере, мы выбрались из бури. Может, это знак того, что нам уготована хорошая судьба?

— А можа, это знак того, че мы лезли вон из кожи и заслужили спасение?

Мадж перебрался на ют, к остальным.

— Мы?

Найк глянул на выдра в упор.

— Ну конечно, шеф. Када вы тут давали выход своим чувствам, ни шиша не оставив для несчастных дамочек, кто, по-вашему, их утешал и заботился об ихней безопасности? Да я еле дышу после такой работенки!

Мгновение-другое казалось, что железное самообладание лейтенанта вот-вот лопнет. Сверкая глазами, он шагнул вперед, и это заставило Маджа отпрянуть. Затем мангуст огромным усилием воли заставил себя успокоиться.

— Мы оказались во власти невидимой силы, и она несет нас неведомо куда. Поэтому, речная мышь, дамам понадобится все утешение, на какое вы только способны. И предлагаю пока сосредоточить на этом свое внимание.

Выдр лукаво улыбнулся.

— Шеф, я б попытался, но, как тебе подтвердит мой друган, внимание у меня больно уж недолговечное.

Назревающему конфликту помешал неистовый вопль впередсмотрящего Хека:

— Все пропало! Все пропало!

— Что пропало? — крикнул Найк. — Что ты имеешь в виду?

Мадж, не дожидаясь ответа, кинулся вперед, с ловкостью обезьяны взлетел на рею и крикнул из «вороньего гнезда» нетерпеливо ожидающим внизу:

— Прав змееглот! Нам крышка!

Джон-Том запрокинул голову и заморгал, высматривая приятеля в клубящемся тумане.

— В чем дело? Ты о чем?

— Эх, чувак, много раз я слышал и от друзей, и от врагов, че свои дни я кончу в какой-нибудь дырке в заднице. Вот уж не думал, че они это говорили в буквальном смысле слова!

Тут в тумане образовалась брешь, и мореплаватели увидели все очень четко. Раздался визг, Квиквелла зарыдала. Ансибетта и Сешенше крепко обнялись. Стало ясно, что за течение поймало их в ловушку и неудержимо влечет вперед.

Они вплотную подошли к краю водоворота и одолеть его гибельное притяжение уже не могли.

Глава 18

Неоднократно доводилось Джон-Тому выслушивать моряцкие байки о великих водоворотах посреди глубокого океана, но о таком, как этот, — никогда. Он был идеально круглым — настоящий вулкан вверх тормашками. Когда суденышко приблизилось к его краю, чудовище обрело голос под стать своему облику: низкий, басовый рокот. То был зов бездны.

Уже понимая, что все безнадежно, Джон-Том и Найк из последних сил налегли на штурвал. Тот не сдвинулся ни на дюйм. Под пронзительный вопль Хека, в отчаянии цепляющегося за леер, судно ринулось вниз. Его завертело, помчало по колоссальной зеленой стене, его то поднимала, то снова низвергала водяная карусель.

Джон-Том, почти лежа на палубе, видел все до самого дна. Водоворот обнажил самое ложе океана, там мрачно поблескивали донные пески. Принцессы рыдали в голос и старались утешить друг друга, а солдаты угрюмо прощались.

Рыбы и прочие морские твари, угодившие в объятия стихии, носились в воронке по спирали. Время от времени появлялся мусор: остовы затонувших кораблей, фрагменты разрушенных зданий, куски отполированной лавы, похожие на огромные черные головы с ожерелья колосса, массивные стволы деревьев, обкорнанные до самых толстых сучьев.

Кто-то настойчиво теребил Джон-Тома за рубашку. Он опустил голову — на него смотрел Найк. Взор мангуста пронизывал.

— Чаропевец, довольно говорить о том, что может, а чего не может произойти. Самое время заняться волшебством.

— Да... да, конечно.

Джон-Том заковылял к трапу, чтобы забрать дуару из надежного укрытия.

К растущему крену левого борта прибавилось вихляние. Пришлось что было сил вцепиться в снасти, чтобы не полететь в воду. Ансибетта взвизгнула, Сешенше от ужаса зашипела. Их несло с сумасшедшей скоростью. Кружились головы, перед глазами мельтешили живность и обломки...

У Джон-Тома взбунтовались внутренности. Впрочем, в этом он не был одинок — тошнота не видит различий между титулованными особами и простонародьем. Только Маджу, похоже, все было нипочем.

— Занятный способ отдать концы. — Выдр еще не растратил своей заразительной бодрости. Джон-Тому хотелось придушить его, однако чаропевец был способен лишь держаться за тросы и за свое самообладание. — Разбиться в лепешку о морское дно в компании с лучшим другом и полудюжиной настоящих принцесс, када они вдобавок соревнование устроили, кто кого переблюет. Ежели честно, я завсегда мечтал покинуть наш мир с некоторым шиком, вот так. — Он запрокинул голову и философически уставился в далекое — уже в сотнях футах — небо. — Это мне напоминает тот анекдот про учеников пекаря и его благоверную. Помнишь, там еще надо было дождаться, чтоб закваска поднялась?

Позеленевший от качки, Джон-Том так разозлился, что даже ответить не смог, однако это не отвратило Маджа от намерения дорассказать байку. Ничто не в силах его сломить, и если даже суждено умереть, он посмеется последним.

Однако некто посторонний оценил шутку.

Кругом все завибрировало от глубокого рева, схожего с грозным рокотом водоворота, и все же чуточку иного. В разнообразных модуляциях крылся намек на то, что издающая их персона более разумна, чем крутящаяся дырка в море.

— Что... что это?

Цветом лица Джон-Том уже напоминал гороховый суп.

Рядом Найк с трудом держался за поручень. Его мех скрывал любые перемены в окраске кожи, однако о самочувствии было легко судить по голосу.

— Не имею... понятия.

— Это очень похоже на... на... — Джон-Том заставил себя отвернуться от борта. — Мы правда немного замедлили ход, или мне только кажется?

— Просто мы падаем не слишком быстро, — обморочным голосом предположил мангуст.

— Нет. — Джон-Том обнаружил, что усилием воли можно слегка успокоить желудок. — Мы определенно перестали падать. И я знаю, что это за звук. *Смех.*

— Смех? — У лейтенанта надулись щеки. — Да кто здесь может смеяться, кроме бессердечного рока?

Джон-Том заковылял к выдру.

— Мадж... неплохая была хохма.

— Рад, че тебе понравилось. Как настроение? Впрочем, сейчас это не так уж и важно.

— Ты анекдот рассказал. И это вызвало отклик.

Чаропевец уже не был уверен, что шум доносится снаружи, а не раздается у него в ушах.

— Отклик? Я тока привел масенькую аналогию между нашим положением и дочерьми пекаря.

Снова оглушительно заухало. Джон-Том резко повернулся, диким взором окинул водную круговерть.

— Вот, опять! Это водоворот! Это наверняка водоворот!

«Е-мое, — подумал выдр, — бедолага сошел-таки с катушек под занавес».

— Чувак, водовороты не смеются. Ну, можа, булькают, ревут там...

— Разве от бульканья и рева так уж далеко до смеха? Ты не заметил, что мы спускаемся медленнее? А ну, давай еще анекдот.

— Еще анекдот?

— Ну, стебную байку, похабную частушку, дубовый каламбур. Их же у тебя пруд пруди.

— Медленнее спускаемся, говоришь? А че, кореш, я, можа, и вспомню феньку-другую. Ага, вот... — Выдр с явным облегчением принялся рассказывать бородатую историю, в которой участвовали жеребец, две ночные бабочки и богатый, но никогда не просыхающий банкир. Голубизны в ней было куда больше, чем в прояснившемся небе. Когда Мадж с типично выдровым смаком добрался до долгожданной пикантной кульминации, Пиввера возмущенно затявкала, Квиквелла невольно обмотала рыло в несколько витков языком, у Ансибетты лицо приобрело самый чарующий оттенок розового; подобным же образом отреагировали и другие принцессы. Хек и Пауко попадали бы от хохота, если бы и так уже не катались по палубе совсем по иной причине, и даже морда вечно унылого Караукула расплылась в ухмылке.

Что до водоворота, то из его глубин исторгся взрыв гомерического хохота, с которым не мог соперничать даже рев кружащихся вод. Джон-Том не верил своим глазам: обреченный корабль двинулся вверх.

— Провалиться мне на этом месте! — Чаропевец перегнулся через борт и вгляделся в море под килем. — Мы поднимаемся! —

Он выпрямился и крикнул остальным: — Водоворот нас отпускает!

— Ура!

Ансибетта бурно опорожнила желудок и легла пластом на мокрую палубу. Умаджи и сама была не в лучшей форме, однако опустилась на колени — помочь подруге.

А Джон-Том вдруг почувствовал, что его внутренности пришли в порядок. Выходит, юношеские занятия серфингом, катание на волнах в Зуме и Санта-Монике не пропали втуне. С внутренним равновесием восстановилась и способность здраво соображать.

— Давай, давай, — велел он выдру. — Чем смешнее, тем лучше.

— Слышь, чувак, не надо на меня давить. Я тебе че, мешочек смеха?

— Мадж, действуй! Я же знаю! У тебя в загашнике тысяча сальных баек и столько же хохм. Не жадничай.

Выдр поспешно выложил еще парочку любимых анекдотов, и тут раздался новый звук. Не рев воды, не взрывы непонятного хохота, а нечто совершенно иное.

«Мало ему смеха, так он еще и разговаривает», — изумился Джон-Том.

Сказано было следующее:

— *Шикарно, замечательно! А ну-ка, теперь моя очередь.*

— Почему бы и нет? — Выдр подскочил к борту, ловко пригнулся, и тугой комок бурых водорослей пролетел мимо. — Еще ни разу не травил анекдоты в компании с силами природы.

Опасно скрипел корабль. Джон-Том ждал и гадал, что же это за шутка такая, способная целый флот бесследно отправить в водяную преисподнюю и ржать над пошлыми шуточками.

— *Ну, короче, плыли по морю два кашалота,* — пророкотал водоворот, — *а еще — рыбацкая барка.*

— Ага, ага, валяй, — азартно понукал Мадж.

Выслушав фенечку до конца, выдр зашелся гоготом. Найк ухмылялся, Пауко же ничего не понял и только растерянно смотрел на спутников. Алеукауна зажала рот ладошкой и хихикала. Джон-Том нашел анекдотец посредственным, но счел за лучшее хохотать, как от щекотки.

Между тем судно поднялось еще футов на сто, синий небесный круг вверху основательно расширился. Долго ли это продолжалось, Джон-Том не взялся бы сказать. Мадж с водоворотом перекидывались хохмами, пока рокот воды и ржание выдра не превратились, казалось, в одно целое. Тем временем спутники водяной крысы слабо цеплялись за что попало и призывали к порядку свои внутренности; кораблик медленно, но верно шел к выходу из воронки. Они не могли внести свою лепту в дело коллективного спасения, оставалось только молиться и надеяться,

что Мадж не ударит мордой в грязь, конечно, не считая грязных шуточек.

Сияющие нотки, оставив свое место перед бушпритом, повисли рядом с Джон-Томом. Они то и дело весело позвякивали, словно улавливали смысл анекдотов. «Отчего бы и нет? — размышлял Джон-Том. — Музыкальным шуткам имя — легион, кто только из великих композиторов ими не баловался».

— Боже, помоги нам, — прошептал он.

В вышине манил растущий синий круг неба. Пленники водоворота уже почти выбрались. Почти, но не совсем.

— Мадж, не умолкай, — потребовал Джон-Том. — Ты отлично поработал. Теперь попроси, чтобы он нас отпустил.

Выдр кивнул и повернулся к кружащейся пустоте.

— Ну, старая воронка, че ты на это скажешь? Как насчет того, чтоб нас выплюнуть?

— *Нет, нет,* — загромыхал в ответ катаклизм. — *Еще анекдотов! Еще смешнее!* — Кругом раскатывалось водянистое эхо призрачного, бестелесного голоса. — *Оставайтесь со мной, будем хохмить до скончания века.*

— Не, я, конечно, люблю это дело, но чтоб до скончания века языком трепать — тут ты, шеф, загнул.

Выдр вопросительно глянул на Джон-Тома, тот сочувственно кивнул. Мадж глубоко вздохнул и вернулся к своей распутной проповеди.

Судно больше не тонуло и не поднималось, оно повисло на внутренней поверхности водоворота в двадцати футах от верха. «Что двадцать футов, что двадцать миль — сейчас никакой разницы», — подумал Джон-Том. Мадж, с регулярностью конвейера выдавая байки, покупал себе и товарищам драгоценные минуты жизни.

И тогда Джон-Том решил: пора вмешаться.

Он взял дуару. Двое солдат ободренно захихикали. Чаропевец, глядя в жуткую яму, колебался: что петь? Понятное дело, требовалась максимальная аккуратность. Если остановить водоворот, исчезнет центробежная сила, прижимающая корабль к водяной стене, и тогда на палубу обрушатся тонны воды, разобьют суденышко в щепки. А если разозлить монстра, может произойти вообще неизвестно что. Нельзя ли как-нибудь договориться с этим явлением, чтобы оно отпустило пленников? Можно ли вообще в чем-то убедить дырку в океане?

— *Ой, смешно, ой, смешно!* — громыхал водоворот, отзываясь на очередную штучку Маджа.

Выдр предупреждающе глянул на друга.

— Чувак, ты б лучше че-нибудь придумал, да побыстрее.

— Что, хохмы кончаются? — спросил Джон-Том.

— Да нет, не хохмы. Голос кончается. Я уже хриплю.

С этим Джон-Том спорить не мог — его товарищ и правда

осип. Было очень сомнительно, что водоворот способен понять и простить ларингитчика.

Но тут чаропевца посетила спасительная идея.

С дуары так густо и быстро повалил серый туман, что поначалу казалось, будто все пошло совершенно вопреки задуманному. Никогда еще Джон-Том не пел и не играл столь громко. Даже нотное облачко спряталось и теперь тревожно выглядывало из люка. Принцессы, по-прежнему страдающие от тошноты, сообразили: происходит нечто из ряда вон выходящее.

Кружение вод начало замедляться, вибрирующий голос неуверенно осведомился:

— *Что такое? В чем дело? Это не шутка. Я это чувствую!*

— Парус! — Найк бросился к штурвалу. — Скорее ставьте парус!

— Наш лейтенант сошел с ума? — опешил Пауко.

— Нет. — Караукул прислушивался к своему желудку. Тому очень помогло, что корабль уже не бегал кругами. — Мы плаваем на краю гибели, но теперь есть ветер и спокойная вода. Мы пойдем не право руля и не лево руля, не норд и не зюйд, а вверх!

Водоворот перестал вращаться. Из-за разницы в температурах от обнаженного морского дна к поверхности океана тек прохладный ровный ветер. Он наполнил паруса и понес кораблик ввысь.

Джон-Том вовсе не был уверен, что это происходит благодаря чаропению. Но, поскольку мангусты развили бурную деятельность, он играл и пел. А вокруг водоворот по-прежнему выражал смятение и огорчение. Под углом шестьдесят градусов суденышко карабкалось наверх, подгоняемое порывами ветра из пучины. Карабкалось медленно, трудно. Упрямо не желало задирать нос, предпочитая двигаться по горизонтали. С такой скоростью понадобится неделя, чтобы достичь поверхности, а Джон-Тому столько времени не пропеть.

А затем водоворот снова закрутился... в обратном направлении.

— Этого не может быть... — Джон-Том обеспокоенно глянул за борт. Парус против мощи водоворота был бесполезен, но они все быстрее мчались вверх. Разница заключалась лишь в том, что теперь они двигались задом наперед, против часовой стрелки. Вестибулярная система страдала от этого непередаваемо.

— Чувак, че ты наделал?

Мадж, чтобы не упасть, ухватился за снасти.

— Проклятье! Я слишком долго играл! Надо было остановиться, когда он замер. — Пытаясь восстановить равновесие, Джон-Том уставился на воющую, крутящуюся водяную стену. — Там, откуда я пришел, считается, что проигрывание музыкальных произведений задом наперед создает мистический эффект.

Я хотел только, чтобы прекратилось кружение, но, похоже, запустил водоворот вспять.

Кораблик знай себе наращивал скорость, полный решимости Найк не выпускал штурвал из лап.

— Всем приготовиться! Как только мы доберемся до поверхности, понадобится предельная скорость, чтобы уйти отсюда!

— Есть, командир! — закричали его солдаты.

Джон-Том не отрывал пальцев от струн дуары. Кто знает, что произойдет, когда парусник выберется из воронки. Очень даже может пригодиться еще одна ускорительная чаропесенка.

Крутясь, мимо пронеслось брошенное командой трехмачтовое судно с изорванными в клочья парусами, а за ним следовал начисто сбитый с толку косяк тунцов. Выныривали громадные куски кораллов, отломанные от неизвестного рифа, и угрожали пробить корпус. Поверхность водоворота наполнилась мусором.

— Откуда это все? — изумился Найк.

Мадж охотно предложил свою версию.

— Джон-Том заставил его бежать задом наперед, и чувака от этого, кажись, маленько замутило. — Выдр еще крепче сжал канат. — Баш на баш, все честно. Пущай теперь он поблюет!

— Всем держаться!

Джон-Том перекинул дуару за спину и, обвив руками мачту, прижался к ней что было сил.

Из глубин водоворота раздался невероятный, неистовый клекот, а потом произошел маниакальный рывок. Вместе с полудюжиной утонувших кораблей, тоннами кораллов, косяками ошалело мечущейся рыбы, со всевозможным прочим хламом они полетели вверх. С оглушительным «плюх» суденышко упало на воду в сотне ярдов от края воронки. И не перевернулось при этом кверху килем благодаря везению, а вовсе не чаропению. Оно подпрыгнуло несколько раз, как поплавок, и застыло на спокойном море; с палубы и бортов стекала вода. С такелажа зелеными флажками свисали водоросли. Солдаты кое-как встали на лапы и занялись оснасткой и парусом, а водоворот тем временем булькал и мощно рыгал.

— Ветер! — *Найк растерянно глядел на повисший парус.* — Где наш ветер?

Стоило ему это сказать, как объявился легкий ветерок. Парус он наполнял с мучительной неспешностью, но дело свое все-таки сделал. Кораблик побежал, и снова его вело на юг облачко музыки. Оживленно загомонили измученные принцессы. Позади мало-помалу стихали взрыгивания прихворнувшего морского чудища.

Некоторое время судно шло среди всплывших донных отложений: древних досок, расколотых килей давно затонувших кораблей, кусков рангоута, обшарпанных весел и нактоузов. С изумлением глядели путешественники на проплывавшее мимо старинное судно в двадцать раз больше их скорлупки. У него была одна мачта в центре палубы и четыре яруса весельных портов, из них торчало по дюжине, а то и больше весел величиной с Клотагорбово Древо. Оставалось только гадать, кого набирали в команду корабля.

Выныривали стеклянные поплавки от рыбацких сетей, ударялись о днище и плыли, качаясь, мимо, как пузыри из великанского акваланга. Измочаленные канаты, изодранные паруса так и норовили намотаться на руль.

Совершенно неожиданно для всех Мадж освободился от одежды и скакнул за борт.

Джон-Том бросился к лееру, а за его спиной Умаджи чопорно прокомментировала:

— Ох уж эти мне водяные крысы! Они всегда непредсказуемы.

— И крайне неуравновешенны.

Сешенше пыталась высушить мех.

— Я бы попросила... — начала Пиввера.

— Речь идет только о простолюдинах, — поспешила объяснить горилла, и принцесса Тренку-Ханская успокоилась.

— Право руля! — *с отвращением пролаял Пауко.* — Полный разворот, командир!

Джон-Том с Найком налегли на штурвал, заставив неуклюжее судно заложить крутой вираж и вернуться к появившейся из воды голове Маджа. Выдр весело махал лапой, стоя, как им показалось, на большой полированной доске красного дерева.

Приблизившись, путники увидели, что Маджев плот имеет изогнутый верх и опоясан густо покрытыми патиной бронзовыми полосами.

— А ну-ка, кореша, пособите!

Мадж протянул лапу и ухватился за свисающий с борта трос.

С подъемом находки пришлось повозиться. Снова и снова Мадж нырял, чтобы продеть канаты в заросшие ракушками петли. Мангусты приспособили лебедку, а после всем, даже принцессам, пришлось объединить усилия, чтобы переправить древний сундук на палубу.

— Берегись! — выкрикнула Алеукауна, когда протестующе застонала импровизированная лебедка, не справляясь с возложенной на нее задачей. Все бросились врассыпную; тросы полопались, и сундук грохнулся на палубу. Доски выдержали, а изъеденные бронзовые оковы — нет. Когда они порвались, треснуло и крепкое старое дерево. Наружу хлынула радужная блестящая струйка.

Голый, мокрый Мадж подлетел к находке и что было сил ударил по пружинному засову. Откинулась крышка, выдр проворно скакнул внутрь.

Спустя мгновение из сундука донесся довольный голос:

— А ну, чуваки и чувихи, подходите, гляньте. Такое зрелище утешит сердце самого жадного искателя сокровищ.

Все сгрудились вокруг раскрытого сундука. Он был на три четверти заполнен маленькими золотыми монетами, самая крупная — не больше Джон-Томова ногтя. Среди денег, как кусочки мяса в супе, виднелись кольца, ожерелья, тиары, ручные и ножные браслеты, декоративные цепочки и прочие украшения из платины и золота, украшенные всевозможными драгоценными камнями и эмалями. Мадж еще повозился, щель в боку сундука расширилась, и радужные краски с преобладанием солнечной полились на палубу.

Мадж выбрал золотой монокль, окаймленный изумрудами, и вставил в правый глаз. Линза была выточена из бледно-голубого алмаза чистейшей воды.

— Ну, Джонни-Том, че скажешь? У меня теперь глаз-алмаз!

— Как будто раньше ты жаловался на зрение!

— Эх, приятель, да разве в этом дело? Главное — чтоб зрение обострялось у всех, кому я попадусь на зенки, вот так.

Между тем августейшая любовь к побрякушкам получила мощнейший толчок, и принцессы роем кинулись к сундуку. И дело было не в найденных богатствах, а в их изысканности.

— Сережки! — торжествующе закричала Ансибетта, доставая двумя пальцами висюльки из золота и платины. Никакой рыбак не поднимал свой улов с такой же гордостью.

Алеукауна надела на шею ожерелье из розовых кораллов и черных жемчужин, а Сешенше примеряла тяжелые малахитовые браслеты с императорскими топазами и аметистами.

— Наконечники для когтей! Я вижу наконечники для когтей! — Квиквелла запустила лапы в золотые сокровища, а рядом с ней Пиввера возбужденно искала подходящее кольцо на хвост.

Солдаты стояли поодаль и прозаически наблюдали за сумятохой.

— Я не жадный, — заметил Хек. — Мне вполне хватит бушеля-другого золота.

Пауко кивнул.

— Эге! — по пояс утонувший в золоте Мадж выпрямил спину. — Дамочки, а как насчет меня? Это я нашел клепаный сундук, пока вы все бранили старину Маджа за невинное желание искупнуться. А значица, главная доля — моя!

Принцессы, возбужденные сверх всякой меры, не обратили на него внимания.

— Ну, оставьте мне хоть паршивый браслетик!

Джон-Том стоял, сложив руки на груди, и скромно помалкивал. К нему подошел Найк.

— У вашего друга есть кладоискательская жилка. Я бы никогда не узнал сундук в какой-то плавучей штуковине. К тому же я слишком устал, слишком занят был раздумьями о бегстве.

— То — мы с вами, а то — Мадж. Отрубите ему все четыре лапы, выколите глаза, проткните барабанные перепонки, он все равно унюхает серебряную монетку, закатившуюся в щель между половицами в таверне. Наверное, это особый талант.

Найку находка явно пришлась по душе.

— По крайней мере, если корабль не выдержит пути, есть на что приобрести иной. И с приличными запасами теперь хлопот не предвидится.

— Забавно, знаете ли...

Взор Джон-Тома устремился вдаль.

Мангуст, задрав голову, уставился в лицо долговязого человека.

— Вы находите такое сокровище всего лишь забавным?

— Нет, я о другом. За все эти годы мы с Маджем столько путешествовали, столько всего повидали, такие опасности пережили, а сокровища находим в первый раз. Знаете, дело, наверное, в том, что мы никогда не охотились за кладами. Мы всегда искали что-то другое. И тут, посреди чужого моря, практически натыкаемся на состояние, которого я даже в горячечном бреду не смел вообразить.

Лейтенант долго молчал, потом предположил:

— А может быть, ваши труды вознаграждены в иной, высшей плоскости? Наверное, вы сделали карьеру праведника.

— Да ну, что вы. Оно, конечно, очень хорошо творить добро и преследовать благородные цели, но и кубышку с золотишком иногда найти не вредно. Талея будет рада. И Виджи. Они любят красивые вещи.

— Боюсь, я вас не понимаю, — сказал Найк, наблюдая, как Мадж препирается с дамами. — Разве вы не способны добывать золото и драгоценности с помощью чаропения, когда пожелаете?

— Ни в коем случае. У высших сил это дело, так сказать, под запретом. Иначе бы ни один чародей не заставлял себя подниматься рано поутру и браться за работу. Все бы ушли на пенсию и жили припеваючи. Я не стараюсь понять законы магии, но Клотагорб в них искушен. По его словам, тут замешана этическая физика. А научная сторона этого явления — не для моих скромных мозгов. Если маг переступит грань приличия, то превратится в капризного старого дракона и закончит свои дни, охраняя в затхлой пещере никому не нужные сокровища и дожидаясь, когда появится мускулистый белокурый и бесстрашный герой с мозгами под стать своим бицепсам и вырежет его сердце. Короче, вряд ли вам удастся набить карманы с помощью волшебства и рвануть в Лас-Вегас. Нет, увольте. Я предпочитаю иметь семью и профессию и жить спокойно.

Он кивком указал на сундук.

— Впрочем, предубеждения против честно найденных деньжат у меня нет.

— Кажется, я вас понял.

По лицу чаропевца медленно расползлась улыбка.

— Так что спасибо Маджу, старому шельмецу, — он наконец отыскал нам сокровища.

Чаропевец пригляделся к большой тиаре на голове Умаджи — она придала царственности потомку Туурских владык.

— Странная гравировка. Что-то не узнаю ни стиля, ни языка. Лейтенант, а вы не желаете поучаствовать в дележе?

— Трофеев хватит на всех. Пускай дамы потешатся вдосталь. Для них подобное богатство ничего не значит, в то время как внешность означает все. Придет время, и мы с солдатами утолим свои плебейские аппетиты.

— Эй, остроухая, а ну, сымай! — Мадж потянулся к мерцавшему на шее Сешенше ожерелью, потерял равновесие и шлепнулся на золото. Вставая, он выплевывал монеты. — Это мое! По праву нашедшего! Именем закона! Первый выбор — за мной!

Пиввера рассмотрела облюбованный Ансибеттой гарнитур.

— Пустотелый жемчуг тебе идет, а вот на уши я бы надела рубины, а не сапфиры.

— Ты это всерьез? Интересно.

Дамы словно сговорились не замечать протестов Маджа, и это удавалось им без малейшего труда.

— Да выслушайте же меня!

Негодующий выдр аж подпрыгивал на драгоценностях.

Ни одна даже не покосилась на Маджа, а лучший способ довести его до бешенства вряд ли существовал.

— Ничего, уймется, — сказал Джон-Том Найку. — Не похоже, что он согласен вернуться домой без гроша в кармане. Я позабочусь, чтобы он не слишком много хапнул, а то еще, чего доброго, хребет сломает.

В сундуке оказалось столько великолепных вещей, что каждая женственная конечность, каждый соблазнительный изгиб тела вскоре были украшены подобающим образом. Бегущий на юг корабль лучился несравненным светом.

Глава 19

В ловушке водоворота суденышко пережило ужасную трепку. При катапультировании из водяной воронки креплениям и стыкам досталось еще сильнее. И теперь солдаты попеременно откачивали воду, а число течей росло не по дням, а по часам. Единственная помпа уже едва справлялась с водой, мышцы мангуст не могли тягаться с ее безжалостным давлением на корпус. И, поскольку принцессы категорически отказались от такой нецарственной работы, как осушение трюма, возникла сверхзадача

найти подходящий берег, вытащить судно из воды и отремонтировать.

Найк пришел в отчаяние еще до того, как спросил у высокого человека, знает ли тот какие-нибудь песни щелезатыкательного свойства, но вдруг на юго-западном горизонте появилась шеренга низких островов.

Было решено искать подходящую стоянку. Принцессы обрадовались перспективе прогуляться по твердой сухой земле, да и Джон-Том признался себе, что не откажется от такого удовольствия. И запасы не мешало бы пополнить. Пока выдры будут рыбачить, он с мангустами наберет фруктов, орехов, ягод, моллюсков и тому подобного.

Воздух был теплым и не слишком влажным, небо — чистым, море — настроенным на мирное сотрудничество. Несколько дней на берегу пойдут на пользу не только кораблю, но и душам путешественников.

Хек с Караукулом поворачивали нос судна то вправо, то влево, обходя рифы, и, несмотря на тьму-тьмущую советов от принцесс, аккуратно пробрались в мирную лагуну, так и манившую бросить в ней якорь. Выбранный ими островок, в отличие от окружающих, в центре щеголял маленьким холмом: матерые кораллы и густая растительность. Радужный хор не пенял, по своему обыкновению, на задержку, а с явным энтузиазмом проследовал за мореплавателями к берегу.

— Полегче, полегче, — кричал, оглядываясь, Хек. — Еще чуть левее руля, командир! — Вот так!

Судно негромко заскребло днищем по мягкому прибрежному песку, слегка накренилось на правый борт и застыло.

Как и рассчитывали Джон-Том с Найком, это произошло в пик прилива. Уходило утро, вместе с ним лагуну покидала вода, обнажалось и сохло днище кораблика. Солдаты незамедлительно вооружились плотницкими инструментами и взялись за ремонт. Простой прогулки по чистой желтой дуге пляжа было достаточно, чтобы у дам поднялось настроение. Экипажу это было только на руку — принцессы оставили его в покое. Даже Мадж взялся пособить мангустам.

— Всю жизнь я чей-то взламываю, высаживаю да раскурочиваю, — поведал он. — Не пора ли чей-то починить для приличия? Ну-ка, шеф, подай-ка клин.

Джон-Том тоже предложил помощь, но в силу особенностей своей анатомии оказался скорее помехой. Ему никак было не угнаться за проворным выдром и мангустами, способными изворачиваться в такие загогулины, что человек, вздумай он повторить эти выкрутасы, сразу и навсегда сделался бы инвалидом. Почувствовав себя пятым колесом в телеге, Джон-Том рассудил, что лучше всего поможет товарищам, попросту держась в сторонке.

Не найдя применения рукам и чаропевческим способнос-

тям, он сообразил, что судьба впервые за много дней позволяет ему несколько часов провести в одиночестве и при этом не испытывать угрызений совести. Он решил осмотреть остров, начиная с холма.

Пологий склон не изобиловал препятствиями: Джон-Том легко пробирался среди кустарников и пальм. Вершина открывала великолепный вид на окрестные острова, а также на лагуну и лежащее на боку судно. Отчетливо виднелись ремонтники — мангусты и Мадж энергично конопатили щели в обсыхающем корпусе.

Джон-Том повернулся и глянул на пышный тропический лес, покрывавший северную сторону острова. Глубокие озерки с дождевой водой обещали пополнить корабельные бочки, ветви многочисленных деревьев сгибались под тяжестью оранжевых и зеленых плодов. Он уже собирался идти назад, как вдруг услышал ворчание. Звук был знаком — более всего напоминал перекличку тюленей. Он отметил положение солнца. Еще слишком рано — спутники не должны его хватиться. Да и вряд ли он заблудится. Остров маленький, можно обойти за несколько часов.

Он пробрался между деревьями, и перед ним открылась другая часть окаймлявшей остров лагуны. Пляж здесь был у́же, чем в месте высадки, пальмы чуть ли не вплотную подступали к воде. Прозрачная вода по пояс глубиной покрывала песок цвета белого сахара и бурлила вокруг редких валунов. Там и сям из нее торчали горбы синих и желтых кораллов, и все они были заняты, но не тюленями.

Русалки!

Если вспомнить чудеса, увиденные Джон-Томом со дня его появления в этом мире, удивительно, что он еще ни разу не встречал русалок. Впрочем, чаропевец и выдр больше путешествовали по суше.

От бедер и выше это были самые настоящие люди. Жгучий интерес вызывала точная демаркационная линия между рыбьим и человеческим. Джон-Том так сильно подался вперед, что споткнулся о торчащий из земли корень и кубарем выкатился на песок. Его появление было встречено свистом и визгом, а затем последовал шумный плеск — хвостатые красотки попрыгали в воду. Кроме одной. Ее плечи, словно засохшими водорослями, были облеплены кудрями цвета красного золота. Чистейшие алые глаза имели миндалевидный разрез, их внешние уголки были вздернуты. На месте носа — только бледная мягкая кожа, однако этот факт обескураживал не более, чем наличие на шее трепещущих жабр. Уши были большие, бахромчатые — не только органы слуха, но и маленькие вспомогательные плавники. С каждым вдохом-выдохом они медленно двигались вперед-назад. А губы... губы были ярко-алые, как юбка у стриптизерши под названием «испанская танцовщица».

Русалка плавно соскользнула в воду, легко двинулась к берегу и наконец оперлась локтями о сухой песок. Опустив хрупкий подбородок на руки с перепончатыми кистями, воззрилась на отряхивающего штаны незнакомца. Зеленый с радужным отливом чешуйчатый хвост лениво хлестал вправо-влево.

— Здравствуй, человек.

Джон-Том судорожно сглотнул.

— Здравствуй, — ответил он, не зная, что сказать еще.

— А может быть, в тебе больше от обезьяны, которая живет в лесах?

— Ну что ты.

Он вышел на песок, а русалка игриво перевернулась на спину и хихикнула — беззлобно, но с оттенком лукавства.

— Как странно ты выглядишь.

— Может быть, это потому, что ты лежишь.

Она снова перевернулась на живот.

— Мужчины от меня всегда бегут как ошпаренные. Хотя я слышала, в племени людей многие самцы спят и видят, как бы заняться любовью с русалкой.

— Ты... очень прямолинейна.

— Как и все жители моря. — Она выгнула спину и дотронулась до лба кончиком удивительного хвоста. — Выходит, ты об этом не мечтал?

— Трудно мечтать, не зная о твоем существовании.

Из глубины разлинованного жабрами горла вырвался клокочущий смех, уши-плавники хаотично затрепетали, на них висели жемчужинки водяных капель.

— Я слышал, как ты пела, — сказал Джон-Том.

Она скривила губы:

— Ты имеешь в виду те ужасные звуки? Разве это пение? Увы, с тех пор, как у нас украли песни, мы ни на что лучшее не способны.

— Украли песни?

— Или они сами сбежали, или исчезли, или пропали, или сгинули по воле злого волшебника. Мы не знаем, кто или что в этом виновато. Но теперь мы пытаемся петь, а получается только хоровое ворчание, как у стаи бестолковых ластоногих.

Казалось, она вот-вот заплачет, но Джон-Том сообразил, что для обитательницы моря слезы были бы явным излишеством.

Он посмотрел вдаль, на океан.

— Это проклятие...

— Проклятие? — Русалка заморгала, и он обнаружил, что у нее двойные веки: внутренняя пара совершенно прозрачна.

— Не только ты и твои сестры лишились музыки.

— Я знаю.

Он нахмурился:

— Знаешь о беде музыкантов из Машупро?

— Машупро? Где это? Я говорю о дельфинах и китах, многие тоже потеряли способность петь. Для них это вопрос жизни и смерти: не умея петь, как находить в глубоком океане друг друга и правильно ориентироваться? Китообразный без песен — все равно что слепой.

Она посмотрела ему в глаза:

— А ты, человече, как прознал о наших неприятностях? Обычные жители суши упорно не желают интересоваться тем, что происходит под волнами.

— Я несколько отличаюсь от обычного жителя суши. — Он сел перед русалкой, положив ногу на ногу. В ответ она тоже приняла сидячую позу и обвернулась хвостом; его кончик касался башмаков Джон-Тома. Его сосредоточенность вопреки всем усилиям пошла прахом.

— Я чаропевец. То есть чародей, творящий волшебство посредством музыки.

— Иными словами, певец. И что, твои песни еще не сгинули?

— Еще нет. Кстати, мы путешествуем вместе с фрагментом музыкального произведения, но я не думаю, что оно принадлежит твоему народу или китам. Оно ведет, мы идем следом.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Но если ты не только певец, но и волшебник, скажи, можешь что-нибудь сделать, чтобы к нам вернулись песни? — Она резко наклонилась вперед, приблизив свое лицо к его лицу. От нее исходил сильный аромат соли и бьющей через край жизни, водорослей и хрустальной чистоты. — Я ради этого готова на все!

— В этом нет необходимости. — Он чуть отстранился, правда, не так далеко, как мог. — Я помогаю любому, когда это в моих силах. И готов посодействовать тебе, твоим соплеменницам, и китам, и славному маленькому ансамблю из Машупро, и вообще всем, кто остался без музыки по вине этого загадочного явления.

— А как насчет меня? — прошептала она, выгибаясь, как тюлень. — Ты не считаешь меня загадочным явлением?

Она была уже совсем рядом.

— Вообще-то...

Он чихнул, заставив русалку испуганно отпрянуть. Она хлопнула по воде хвостом — наверное, это было инстинктивное предупреждение, так же вели себя при опасности ее китообразные родичи.

— Извини. Я просто...

Он снова оглушительно чихнул, а потом вытер нос тыльной стороной ладони.

— В чем дело, человек? Простудился?

Он шмыгнул, а потом с трудом прохрипел:

— У меня аллергия на некоторые морепродукты.

— Морепродукты? Незнакомец, ты что, способен выловить меня и разделать?

— Нет, нет! — поспешно ответил он. — При чем тут ты? Я имею в виду тунца, макрель, пикшу, сардину... Это их мы называем морепродуктами.

Она уперлась ладонями в бока, как раз над первыми радужными чешуйками.

— Человек, да будет тебе известно: среди моих лучших друзей есть тунцы. — Тут выражение ее лица смягчилось. — Но ты, кажется, сказал, что не можешь их есть?

— Не могу.

Он снова чихнул, на этот раз не так сильно — ведь русалка слегка отстранилась.

Она сцепила пальцы на затылке, надула губки.

— Коли так, тебе не с руки заниматься со мной любовью.

— Вряд ли тебе понравилось бы.

Джон-Том сам удивился разочарованию в своем голосе.

— Поплыву, скажу сестрам, что ты обещал помочь.

Она молниеносно скользнула в воду.

— Эй, погоди! — Он вскочил на ноги. — Я ничего такого не обещал.

Снова появились ее голова и плечи, вьющиеся волосы прилипли к нагой коже.

— Если сумеешь достаточно долго не дышать, получишь в награду поцелуй.

— Думаю, большого вреда здоровью от этого не будет. Но — только поцелуй.

Он подошел к воде, опустился на корточки.

Когда встретились их губы, возникло чувство, которого он еще ни разу не испытывал. Сейчас бы ощутить вокруг себя море, теплое, ласковое, подвижное. Вот на что был похож этот поцелуй: первобытная страсть, растекавшаяся по всему его существу, электризующая, сладостная, обещающая все на свете. Как будто русалка нежно прикасалась пальцами к его душе.

Когда она оторвалась, на губах Джон-Тома остался вкус соли и сахара. Он чихнул, чем вызвал счастливый смех. Трепетали жабры, влажно поблескивали миндалевидные глаза.

— Все равно, из этого никогда ничего не получается, — сказала она. — Если я выйду на сушу — буду хлопать плавниками по земле, как камбала, если человек нырнет в мое царство, не сможет долго пробыть без воздуха, да и воды наглотается.

Блеснув хвостом, она ушла с головой под воду.

— Ничего, все в порядке, — сказал он через несколько мгновений, когда русалка появилась опять. — Пловец я не бог весть какой, а поцелуй был что надо.

— Замечательно, что тебе понравилось. Ступай, чаропевец, и найди нашу музыку. Верни нам песни, и не только я тебя отбла-

годарю, но и мои сестры, и вообще все мои друзья по океану. — Она поплыла на спине, лениво хлопая по воде хвостом. — Тренируй дыхание, и кто знает — быть может, однажды... Под водой аллергия вряд ли тебе помешает.

С этими словами она выгнула спину и нырнула.

А ведь она права, подумал Джон-Том. Если не дышать под водой или дышать воздухом из баллона акваланга, аллергия не страшна.

— Погоди! — Он ринулся вперед, по колено в теплую чистую воду. — Вернись!

Но блестящий хвост не вырвался на поверхность, не взглянули на Джон-Тома с откровенным обещанием глаза. Русалка уплыла, только остался на губах вкус ее поцелуя, сытного, как шоколад, пряного, как роса. Поцелуй — и просьба.

Что же случилось с музыкой в этом мире?

Он неохотно пошел к лесу. Вот уж не повезло русалке — угораздило повстречать человека с аллергией и слабыми легкими.

К тому времени когда померк свет, предвещая вечер, ремонт был выполнен почти наполовину. На западе пряталось солнце. Из лесу появился Мадж и с беспечным видом подошел к другу.

— Привет, чувак, где ж тебя носило весь день-деньской?

Джон-Том промолчал, однако его улыбки было достаточно, чтобы Маджево любопытство сделало охотничью стойку. Однако выдр не выпытывал, решил погодить, пока с лица его приятеля сойдет обалделое выражение.

Кроме того, Маджа ждала Пиввера. И не только беседы ради. Выдры — создания очень естественные. Одно-два прикосновения вреда не принесут, сказал он себе. И, в очередной раз отбиваясь от новорожденной совести, побрел прочь, а Джон-Том проводил его недоуменным взглядом.

На следующий день принцессы взялись помогать ремонтникам. И не оттого, что в них проснулось стремление к социальному равенству, — просто стало до смерти скучно. Островок попался вполне уютный, но бедный на развлечения.

Максимальную пользу благодаря своей природной силе принесла Умаджи Туурская; впрочем, остальные дамы тоже поработали. Джон-Том решил, что любоваться занятой делом Ансибеттой еще опаснее, чем смотреть, как она бьет баклуши. Он сосредоточился на собственных обязанностях, состоявших исключительно в том, чтобы держаться поодаль и не мешать.

К следующему утру было сделано все, что позволяли ограниченные ресурсы. Наступил черед томительного ожидания, когда прилив поднимет суденышко. Киль прочно засел в песке, и Найк допускал, что придется спустить на воду единственную шлюпку, а затем, принайтовав трос к корме судна, отбуксировать его на глубину. Либо погрузить на шлюпку якорь, сбросить его подальше от берега и подтянуть к нему кораблик.

Однако эти трудоемкие альтернативы остались невостребованными. Прилив был достаточно высок, чтобы судно закачалось на воде. Стойкий кораблик выпрямился, расправил парус и вышел в лагуну. Под командой Найка, поднабравшегося опыта в парусном деле, он развернулся и спокойно двинулся к проходу между рифами.

Когда они благополучно выбрались в открытое море, с экипажа спало напряжение. Хек с Караукулом бросились в трюм — проверить, все ли там в порядке. Только в носовой части обнаружилась небольшая течь — на берегу мангусты и выдр потрудились на совесть. Недостаток навыков и специальных знаний они компенсировали тем, что законопатили и засмолили даже самую тонюсенькую щель в корпусе судна. Все очень хорошо понимали: чем больше времени и материалов потрачено на берегу, тем больше шансов не пойти ко дну посреди океана.

— Внизу сухо, командир, — гордо доложил Хек.

Джон-Том, стоявший по другую сторону штурвала, посмотрел на дымчатое небо.

— Все будет в порядке, если опять не угодим в бурю. Вряд ли судно выдержит еще одну такую трепку.

Ему на локоть легла маленькая, но сильная лапа.

— Не кличьте бурю, чаропевец, и, глядишь, она пройдет стороной.

Найк рассеянно отмахнулся от кружащего над его головой музыкального роя. От звона у мангуста чесались уши.

Примерно через час после расставания с островом Джон-Том потчевал спутников песенкой, и тут с мачты донесся голос Хека:

— Командир, вижу что-то в пяти градусах по правому борту!

Лейтенант, запрокинув голову, сощурился.

— Что ты видишь, Хек?

— Не могу сказать. Чем бы оно ни было, оно большое.

Джон-Том оставил штурвал мангусту и бросился на нос. За ним побежали взволнованные принцессы.

И отпрянули — из воды поднялся гигантский силуэт. Обладатель его был гораздо выше корабля, гладкобок и бледен. От него исходил запах невероятных глубин. Суденышко закачалось на поднятых им волнах. Насторожившийся Джон-Том приготовил дуару к бою.

Незнакомец весил больше сотни тонн, в длину превышал сто футов. На Джон-Тома уставился глаз величиной с тарелку. Зазвучал голос — такой громкий, что вибрировал воздух и заныли зубы:

— МЫ ЗНАКОМЫ?

Сказать, что Джон-Том был удивлен — ничего не сказать. Он уставился на свое отражение в глазу кита.

— Гм... скорее всего нет.

— ВАША МУЗЫКА... — Левиафан без видимых усилий держался вровень с судном. — ГОТОВ ПОКЛЯСТЬСЯ, УЖЕ СЛЫШАЛ ГДЕ-ТО ПОДОБНУЮ. И ВИДЕЛ ЕЕ СОЗДАТЕЛЕЙ. — Глаз чуть скосился. — И ВАС Я, КОНЕЧНО ЖЕ, ЗНАЮ.

— Меня? — пискнул Мадж, когда его силуэт появился в китовом зрачке. — Вот уж не думаю, ваша офигенность. Это я не к тому, че обязательно запоминаю всех встречных и поперечных, просто особу с такими габаритами забыть было бы трудновато.

— ДА, НАВЕРНОЕ. — Глаз уже снова рассматривал Джон-Тома. — НО Я МОГ БЫ ПОКЛЯСТЬСЯ... ВЫ СЛУЧАЕМ НЕ ТОТ ЛИ ЧАРОПЕВЕЦ, О КОТОРОМ ГОВОРИЛА РУСАЛКА?

— Вероятно, тот, если только за последние два дня она не наткнулась на другого чаропевца.

Тут синий кит повел себя так, словно это признание объясняло абсолютно все. Он выгнул спину и затрубил, отчего суденышко неистово закачалось у него в кильватере.

— Ну, чувак? — Мадж бочком приблизился к другу. — Че ты обо всем этом думаешь? И че это за русалка?

— Да пустяки. Я ее позавчера встретил, поболтали немножко. Она рассказала, что ее племя потеряло музыку и такая же неприятность случилась у китов. Наверное, в воде новости распространяются еще быстрее, чем в воздухе.

Он и сам не подозревал, до какой степени прав. Догадку подтвердил Хек, крикнув из «вороньего гнезда»:

— Вот еще один! И еще! И еще!

Кругом раздавалось мощное фырканье — киты один за другим выныривали на поверхность и пускали фонтанчики. Вскоре великое множество их, десятки косяков окружили судно. Не только синие киты, а вообще все, какие только водятся в океане, собрались здесь: горбачи и финвалы, кашалоты и полярные, белые и полосатые. Среди них, будто торпедные катера среди линкоров, сотнями носились стремительные дельфины и косатки.

— Поразительно! — воскликнула с благоговением Алеукауна. — Правда, до чего красиво!

— В самом деле впечатляет.

Пиввера, как и остальные принцессы, во все глаза глядела на флотилию китообразных.

Голиафы поочередно проплывали возле кораблика, чтобы получше рассмотреть его и путешественников, которые охотно платили той же монетой. Наконец пришел черед горбача-патриарха с узловатой, как комель секвойи, головой.

— ЭТО ВЫ БУДЕТЕ ЧАРОПЕВЕЦ?

— Я буду, — спокойно ответил Джон-Том.

— ДРУЗЬЯ ПОСТАВИЛИ НАС В ИЗВЕСТНОСТЬ О ВАШЕМ ПРИБЫТИИ.

— Русалки. Я знаю.

Джон-Том почувствовал, как его теребят за рубашку.

— Чувак, погодь вызываться добровольцем, пока мы не узнаем, че им от нас надо.

— Мадж, а что остается делать? В молчанку играть? Так вот, на тот случай, если ты не заметил: мы тут в меньшинстве. — Он снова глянул за борт. — Мы можем что-нибудь сделать для вас? Как я понимаю, вы появились не ради моей скромной персоны?

— МЫ НАДЕЕМСЯ, ЭТО ВЫ ЗДЕСЬ ПОЯВИЛИСЬ РАДИ НАШИХ СКРОМНЫХ ПЕРСОН. — Старый кит плавно перевернулся на бок, чтобы лучше видеть палубу. На планшир лег плавничище, покрытый усоногими рачками и китовой вошью.

— Не понимаю.

Но Джон-Том боялся, что все понимает.

— МЫ, КАК И РУСАЛКИ, ОСТАЛИСЬ БЕЗ МУЗЫКИ. НАША ОБЩАЯ ЗНАКОМАЯ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО В РАЗГОВОРЕ С ВАМИ БЫЛА ОБРИСОВАНА ОПАСНОСТЬ ТАКОЙ СИТУАЦИИ. БЕЗ ПЕСЕН МЫ НЕ В СОСТОЯНИИ НАХОДИТЬ ДОРОГУ.

— Не знаю, чем и помочь вам. Если и смогу, то не сейчас. Сначала мне нужно проводить домой этих дам. Затем я отправлюсь следом за мелодией, куда бы она ни вела.

Чаропевец сообразил, что его аргументы граничат с абсурдом. У него сильно щипало в ноздрях, очень хотелось чихнуть.

— С ТЕХ ПОР КАК ВЫ ПОКИНУЛИ МЕСТО ПОСЛЕДНЕЙ СТОЯНКИ, МЫ ЛОМАЕМ ГОЛОВЫ НАД ВАШИМ КУРСОМ.

— Пока мы идем, куда ведет музыка, но скоро повернем на восток, развезем пассажирок по их королевствам, — объяснил Джон-Том.

— ПОКА... — задумчиво протянул горбатый кит. — ПРАВИЛЬНО ЛИ Я ПОНЯЛ: ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ, КУДА ДЕРЖИТЕ ПУТЬ?

Человек и выдр переглянулись. Потом разом повернулись к чуть светящемуся музыкальному облачку. Оно приплясывало, крутило пируэты у самого конца бушприта.

— Как объяснить принцессам, что мы не пойдем напрямик к Харакуну?

Выдр пожал плечами:

— А ты не говори. Скажи, надобно сделать коротенькую остановку. Кажись, все равно придется, по нраву нам это или нет.

Джон-Том задумчиво кивнул:

— Это буря заставила нас сменить курс. Ты же не подозреваешь, что наш веселый музыкальный шарик мог вступить в тайный сговор с силами природы?

— Я, чувак, не знаю, способна ли музыка вызывать ураган. Но в мире хватает чудес, которые моим слабым мозгам не понять. Вот, например, када твоя подруга жизни находит чей-то на распродаже за пятьдесят монет вместо сотни, как ей удается тебя

убедить, че она сэкономила полста, а не потратила? — Он покачал головой. — Вечно мне эти загадки мироздания покою не дают.

— Мне тоже. — Джон-Том глянул за борт. — Пожалуй, мы еще немного пройдем этим курсом и посмотрим, что получится.

— МЫ ЗНАЛИ, ЧТО ВЫ ТАК И РЕШИТЕ, — спокойно отозвался кит. — В ЭТОМ НАС УВЕРИЛА РУСАЛКА.

— В самом деле?

Очевидно, Джон-Том произвел более выгодное впечатление на водоплавающую красотку, чем он думал. Проклятая аллергия!

— ЧАРОПЕВЕЦ, СПОЙТЕ НАМ. МЫ УЖЕ ДАВНО ЖИВЕМ БЕЗ ПЕСЕН! РУСАЛКА СКАЗАЛА, МУЗЫКА ВАС ЕЩЕ СЛУШАЕТСЯ.

Джон-Том покорно передвинул на грудь дуару.

— Ладно, вряд ли одна-две песенки кому-то навредят. Но не забывайте: у меня не такие мощные легкие, как у вас. Я буду петь, как умею.

— Он даже как человек петь не умеет, вот так, — сообщил горбатому киту Мадж.

— ДА МЫ ЧЕМУ УГОДНО БУДЕМ РАДЫ. ДЛЯ НАС МУЗЫКА — ЭТО ЖИЗНЬ.

— Ну хорошо. Раз уж вы ко мне так снисходительны...

Пальцы застыли на струнах; чаропевец решал, чем бы угодить непрошеному эскорту. Размышления заняли несколько секунд, потом он запел.

Множество китов и дельфинов сбились в плотную стаю, периодически кто-нибудь налегал на корабль, да так, что доски трещали. Всякий раз виновник беспокойства тотчас отступал. Слушатели все время менялись местами, чтобы у каждого была возможность послушать.

Джон-Том закончил первую песню и был вознагражден совершенно необыкновенными аплодисментами. Сотни китообразных одновременно пустили фонтаны, наполнив воздух шипением и острым запахом. Традиционное хлопанье могли позволить себе только горбатые киты и бурые дельфины. Они-то и выразили Джон-Тому признательность в знакомом варианте.

Судно и громадный косяк плыли вместе, Джон-Том энергично играл и пел серенады сонму китов. Мадж с Пивверой часто прыгали в воду — порезвиться среди эскорта, понырять, покрутиться в воде с ловкостью ничуть не меньшей, чем у морских свиней, хотя, разумеется, выдрам не тягаться с ними в скорости и выносливости. У Джон-Тома аж дух захватывало, когда выдры цеплялись за плавник вылетающего из воды горбача, а тот могучим взмахом подбрасывал их к небесам, и они совершали невообразимые кувырки.

Однажды к ним направилась пара грозных пиратских кораблей. Однако, наткнувшись на несколько дюжин решительно настроенных синих китов и кашалотов, боевая галера и переоснащенный для разбоя купеческий парусник показали корму со всей быстротой, какую только позволяли весла и паруса.

— Можа, ежели мы найдем этой компашке пропавшие песенки, — рассуждал Мадж, — кто-нибудь из пузачей согласится проводить нас до Харакуна. Серьезные ребята, умеют нагонять страх на лиходеев.

— Надо не только найти музыку, но и вернуть ее хозяевам. — Джон-Том праздно перебирал струны. — Вот ты, на месте вора, куда запрятал бы похищенное? В сундук, в закупоренную бутылку, в зачарованную пластинку? Я сталкивался с подобными вещами — это входило в курс обучения у Клотагорба. Если хранилище можно вообразить, значит, его можно сделать. К примеру, сиди-ром.

— Че еще за фигня? — Выдр состроил гримасу. — Какая-нибудь особая кладовка?

— Очень маленькая кладовка. Когда входишь в нее, надо хорошо понимать, что делаешь. Название составлено из первых букв: «свирепые демоны — рекомендуется особая магия». С ними необходимо обращаться осторожно, держать за краешки. А вообще, для хранения музыки есть много разнообразных укромных мест. Как правило, найти их — не проблема. Проблема — войти в них.

— Кореш, ты справишься. Я тя знаю.

Джон-Том с удивлением посмотрел на друга.

— Мадж! Откуда такое доверие? Не похоже на тебя.

— Шеф, да ты не так понял, — весело ответил выдр. — Просто я знаю, че ты способен одолеть любого противника. А все твоя непредсказуемость, ты ж обычно понятия не имеешь, чего добиваешься. И када ты сам не знаешь, че делаешь, вражина никак не может предугадать твой следующий шаг.

Комплимент был не просто сомнительным — вывернутым наизнанку.

— Видишь ли, чувак, мы с тобой влезли в кашу, када решили погулять с бродячими аккордами и поглядеть, к чему они приведут. Не знаю, как ты, а я так просто поражен: до чего сложным оказывается то, че поначалу выглядело таким простым.

Джон-Том ухмыльнулся, глядя сверху вниз на усатого приятеля.

— Но ведь так всегда бывает, не правда ли... чувак?

Глава 20

На пятый день показался остров. Он здорово отличался от гостеприимных, окаймленных песком клочков суши, на одном из которых путешественники недавно чинили судно. Нет, перед

ними предстало кошмарное изваяние из черного как смоль базальта и шелушащегося слюдяного сланца, высоченные шпили вонзались в свинцовые облака, а те корчились, тщась освободиться и удрать за тридевять земель.

Время давно погасило первобытный вулканический жар, породивший эти мрачные утесы. За тысячелетия дождь и ветер сточили кратер в середине острова, сровняли с землей пемзовые конусы. Мало-помалу, почти незаметно, остров растворялся в океанской пучине.

Волны разбивались о крутые черные утесы, что поднимались из стеклянистого зеленого моря на сотню, а то и больше футов. В сопровождении китов кораблик пробежал к югу, затем к юго-западу, под прикрытие скалистого массива. Там поверхность разгневанного моря сглаживалась — натиску валов противостоял лавовый риф, нагромождение гигантских потрескавшихся валунов.

Снова с корабликом поравнялся почтенный горбатый кит:

— ЭТО ЗДЕСЬ.

— ЭТО ЗДЕСЬ! — вторил ему китовый хор.

— Здесь, здесь! — подхватили дельфины и морские свиньи.

Мадж, рассмотрев жутковатый клочок суши, успокоил друга:

— Чувак, можа, я ошибаюсь, но сверхнадежный инстинкт подсказывает, че мы, кажись, прибыли.

«Куда прибыли?» — подумал Джон-Том. Остров выглядел отталкивающе и зловеще.

— ДАЛЬШЕ МЫ ВАС СОПРОВОЖДАТЬ НЕ СМОЖЕМ, — заявил горбач. — ТУТ СЛИШКОМ МЕЛКО. НО ВЫ ДОЛЖНЫ ВЫСАДИТЬСЯ И ОБЫСКАТЬ ОСТРОВ. НАЙДИТЕ НАШИ ПЕСНИ!

— И ВЕРНИТЕ ИХ НАМ! — грянул гигантский косяк.

— МЫ БУДЕМ ЖДАТЬ НЕПОДАЛЕКУ.

Кит развернулся и заработал хвостом, устремляясь в море.

— Вот ведь обнадежил так обнадежил.

Мадж отошел — из воды появилась Пиввера, надо было помочь ей с одеванием. О том, что она способна справиться сама, выдр и мысли не допускал.

Несколько дельфинов повели путешественников дальше — в проход между рифами. В бухточке можно было бросить якорь, не боясь причинить вред какой-нибудь нежной тропической фауне или флоре. На дне лагуны полностью отсутствовала жизнь, лишь сиротливо покачивались над песком и гравием трепанги. Ни ярких кораллов, ни красочных анемон, ни нежно подцвеченных тридакн. Неизвестное стихийное бедствие сокрушило и выжгло густые заросли, покрывавшие некогда берег и подошву горы. Уцелевшие лавры боязливо выпускали редкие скукоженные листочки, пальмы анемично сгибались до земли, их разлапистые ветви так иссохли, что обещали рассыпаться от малейшего ветерка. Разрозненные пятнышки выжившей травы ютились под прикрытием деревьев.

— Здеся чей-то поганое случилось.

Мадж настороженно глядел с борта, пока экипаж аккуратно опускал якорь.

— Потеряны песни. У деревьев и цветов тоже была музыка. Ее кто-то украл, но растительность, в отличие от музыкантов или китов-мореходов, оправиться не смогла.

Джон-Том поглядел направо. Облачко нот пульсировало, излучая гневный ярко-красный свет. Сдержанный перезвон стал резким, нервозным. Сейчас только глухой или неисправимый лжец стал бы утверждать, что музыка не способна выражать истинные чувства.

Собравшиеся у фальшборта принцессы перешептывались. Они могли позволить себе безразличие; никому из них не надо было высаживаться на берег. Джон-Том подошел к ним.

— Кто-нибудь из вас узнает это место?

Квиквелла ответила за всех:

— Не говорите глупостей. На такую территорию не притязают, от нее бегут как от чумы.

— Так я и думал.

— Эй, кореш!

Джон-Том поспешил на зов выдра. Горстка нот, лучась алым светом, вытянулась стрелкой в сторону черного песчаного берега. Джон-Том посмотрел на самый высокий пик. В глубине темной тучи, окутавшей головы утесов, раскатывался гром.

— Не больно-то многообещающе выглядит, вот так. — Мадж стоял бок о бок с другом. — Отчего у меня такое муторное ощущение, че нам предстоит лезть вверх?

Джон-Том решил — просто ради разнообразия — воздержаться от умной и едкой остроты. Да и не был он настроен шевелить мозгами — только воспринимать.

Несколько переборчиков на дуаре слегка взбодрили чаропевца. Какие бы силы тут ни властвовали, они не влияют на его музыку.

Интересно, что это за явление такое, способное похищать музыку? И что происходит с краденым?

— Помнишь вонючку Манзая? — произнес Мадж. — Он коллекционировал принцесс. Можа, ктой-то или чей-то точно так же музыку коллекционирует?

— Коллекционировать — это одно. А отбирать навсегда у законных владельцев — это нечто совершенно иное.

К ним подошел Найк.

— Если вам удастся найти пропавшую музыку, как вы узнаете об этом?

Джон-Том посмотрел на мангуста:

— Не волнуйтесь. Что-что, а музыку я всегда сумею опознать.

Поднялась мохнатая лапа, коснулась его плеча.

— Можете во всем полагаться на нас. Понадобится поддержка наших алебард — мы рады помочь.

Чаропевец был тронут.

— Спасибо, лейтенант, но я подозреваю, что холодная сталь и горячие сердца особой пользы здесь не принесут. Лучше оставайтесь на борту, присматривайте за принцессами.

— Э, чувак, не гони! — запротестовал Мадж. — С чего ты взял, че нам не понадобятся холодные железки и все прочее?

— Мадж, солдаты тут ни при чем. Мы с тобой сами отправились за нотами. И мы с тобой должны идти за ними до конца.

— Ох, ни хрена ж себе, какая поэзия! Какое благородство!

— Да и о принцессах кому-то нужно позаботиться, — упрямился Джон-Том.

Выдр вытаращил глаза:

— Че, за этой болтливой шайкой-лейкой? Да ты раздай телкам подходящее оружие, и, бьюсь об заклад, любые воры и бандиты за версту обойдут нашу лоханку. Девки и сами чертовски хорошо о себе позаботятся.

— Мадж, ты уж прости, но мы с тобой, как всегда, обойдемся своими силами.

Выдр отвернулся и выпустил убийственную очередь ругательств — Найк даже онемел от восхищения.

Джон-Том пожал лейтенанту лапу.

— Если через два дня не вернемся, плывите к Харакуну. Наверняка киты вас доведут.

У всех мангуст ясные, чистые глаза. Очи Найка не были исключением, разве что сейчас на правом выступила влага.

— Чаропевец, вы вернетесь. Кто еще способен развлечь и утешить в долгом пути принцесс?

Он показал, улыбнувшись, мелкие острые зубы, а покрытые легким мехом пальцы бережно сдавили голокожую кисть Джон-Тома.

Выдр, сложив лапы на груди, пялился на окутанный облаками, озвученный громами центральный пик.

— Да уж, веселое местечко. Самое подходящее, чтоб косточки сложить.

— Мадж, бодрись.

Джон-Том шагнул к другу, предоставляя Найку известить солдат и принцесс о решении чаропевца.

— Бодриться! Ты лучше скажи, о наибодрейший, чего это ради я должен с тобой за компанию лезть на рожон?

— А того ради, что ты всегда со мной на рожон лезешь. — Джон-Том хохотнул. — Это неизбежно. Судьба.

— Это бред собачий, а никакая не судьба.

— Мадж, мы с тобой просто-напросто ищем потерянную музыку. Что тут опасного?

— А и правда, че? — Выдр покосился на остров. — Че опасного в силе, которая в пух и прах раздраконила этот лес? Че опасного в крутых голых утесах и острых шпилях, в неподвижных черных тучах, в громах без молний? Ты прав: разве че клепаный дурак способен учуять здеся опасность.

До его лапы дотронулась чужая, нежная. Он взглянул в полные восхищения глаза Пивверы.

— По-моему, ты очень смелый, раз идешь туда со своим другом.

— Да. — Рысь обняла его за плечи. — Это очень дос-стойно, очень благородно с-с твоей с-стороны.

— Достойно?! Благородно?! — Мадж был ошеломлен. — Стал быть, это правда: я конченый выдр. Ни один уважающий себя урка не захочет показаться в одной компании со мной. — В голосе появилась твердость: — Коли так, можно идти спокойно. Ниче страшнее миловидной бабенки, которая назовет меня благородным, я на этой горке не найду.

К нему наклонился Джон-Том:

— Мадж, не воспринимай это слишком близко к сердцу. Для меня ты всегда останешься лживым, жуликоватым, вороватым, пройдошистым трусом.

На глазах выдра набухли слезы.

— Спасибо тебе, кореш. До чего ж приятно узнать: как бы сильно я ни менялся внешне, один человечишка всегда будет любить меня таким, какой я есть на самом деле.

Вокруг друзей уже собрались все.

— Воплощение с-силы духа, — заявила Сешенше.

— Олицетворение стойкости, — добавила Алеукауна.

— Квинтэссенция мужества!

У Пивверы сияли глаза.

— Че? Квинтэссенция мужества? — Выдр выпрямился во весь рост. — Вот тута, крошка, ты совершенно права. — Он повернулся к Джон-Тому: — Давай-ка, чувак, спустим на воду шлюпку. Мне-то она, конечно, на фиг не нужна, но страшно и думать о том, чтоб предлагать тебе купание. Да ты не волнуйся. Я за тобой пригляжу, вот так.

Джон-Тому пришлось закусить нижнюю губу, чтобы не расхохотаться. Это делалось уже столько раз, что с многострадальной губы не сходили шрамы.

Пока он настраивал дуару, а Мадж изображал украшение на носу корабля, солдаты осторожно спустили на воду единственную шлюпку. Напутствуемые градом советов и предостережений, друзья гребли к берегу. Впереди кружилась и приплясывала в воздухе возбужденная музыка.

Высадка на мелкий черный песок прошла благополучно. Ко-

рабль остался за пределами слышимости, а посему Мадж поспешил превратиться из рыцаря без страха и упрека в его полную противоположность.

— Какого клепаного лысого черта я здеся делаю? — кипятился он, помогая Джон-Тому вытащить лодку из воды. — Чувак, че за вонючие обстоятельства затолкали нас в эту паршивую дыру?

Джон-Том аккуратно сложил весла в лодку.

— Во-первых, твое тщеславие. Да-да, это оно тебя сюда привело. Тщеславие и жадность, вот что всегда тобою движет.

От этих слов выдр заметно повеселел.

— Вот спасибочки! А я уж было подумывал, и правда мне хана! — Он расплылся в ухмылке. — Квинтэссенция мужества! Это ж надо такое сморозить!

— Пиввера знает, что делает. Если одна струнка души не отзывается, надо тронуть другую. — Джон-Том стер с ладоней морскую соль. — Ладно, пошли.

Выдр огляделся:

— Пошли? Куда пошли?

— Туда, куда шли все это время.

Джон-Том указал на звонкое облачко. Оно возбужденно голосило у опушки увечного леса.

— Шлепать за косяком безмозглых нот? Ты это всерьез?

— Я это всерьез.

— Интересно, че это я ни капельки не удивлен? — Запрокинув голову, выдр разглядывал тропу впереди. — Тока ты, кореш, не торопись, ладно? Ты ж знаешь, лапы у меня не шибко годятся для скалолазанья. Тут вы, люди, затыкаете нашего брата за пояс.

Джон-Том двинулся вперед.

— Не волнуйся. Будет трудно — я помогу.

Когда стало ясно, что он идет в одиночестве, пришлось остановиться, оглянуться.

— Да идем же!

Мадж задумчиво водил по песку носком башмака.

— Знаешь, приятель, я б лучше остался и посторожил шлюпку. Ты ж не хочешь, чтоб мы с тобой застряли на этом поганом островке?

— До корабля плыть всего ничего. Идем. Где твое хваленое мужество?

Выдр неохотно поплелся за ним.

— Ваще-то при мне. Я просто хотел проверить, смогу ли в случае чего с ним совладать. В некоторых ситуациях, по твоей вине возникающих, это бывает совсем нелегко.

Между тем на прочно заякоренном судне солдаты терли и мыли все подряд, а принцессы собрались на корме — поговорить.

— Наконец-то! — с откровенным облегчением произнесла

Сешенше. — Я уж думала, мы никогда не отдохнем от кошмарного выдра.

Схожим образом рассуждала и Алеукауна:

— Да! А ты заметила, как он на тебя пялился? Глазищи как у совы! Что называется, откровенный взгляд!

Квиквелла шлифовала когти.

— У выдр в словаре нет такого слова — скромность. Во всяком случае, у особей противоположного нашему пола.

— Подруги, не слишком ли горячее у вас воображение? — Умаджи лежала на палубе, млея на солнышке. — Или вы чересчур мнительны? На меня он так не смотрел.

Сешенше и Квиквелла переглянулись и сдавленно захихикали, а Пиввера сказала:

— Ну, я даже не знаю. По-моему, он вполне ничего.

— Понятно, ведь он из твоего племени, — заметила Алеукауна.

— Да, понятно, но непрос-стительно.

Сешенше опять хихикнула.

— Так бери его себе, кто же против? — Ансибетта легонько пожала плечами. — Выдры-самцы такие... такие...

— Какие? — Пиввера взглянула на нее в упор.

— Упертые. Разве они умеют думать о чем-нибудь, кроме?..

— Кроме чего?

Пиввера не собиралась отпускать ее за здорово живешь.

— Кроме рыбы. Только о ней и говорят! Разновидности рыбы, блюда из рыбы, ловля рыбы. Более того: от Маджа пахнет рыбой. Он помешался на рыбе!

— Да неужели? — Пиввера недобро ухмыльнулась. — Что ж, дорогая Ансибетта, не буду спорить. Человеческая наблюдательность никогда не перестанет меня восхищать.

— Просто мне кажется, это так очевидно, — прошептала Ансибетта.

— О, несомненно, — согласилась Пиввера.

— Лейтенант?

Пауко стоял на баке, разглядывал берег.

К нему подошел Найк:

— Что-нибудь видишь, солдат?

— Вижу сияние, командир. Но не близко. На порядочном расстоянии, за рифом. — Пауко напряг великолепное зрение. — И оно почему-то кажется знакомым.

Покрытое хитином насекомовидное существо, что сгустилось в пульсирующем облаке, успело оглядеться по сторонам и выкрикнуть на своем языке эквивалент земного «О, черт!». После чего шлепнулось в море. Оно бы, пожалуй, даже заморгало от растерянности, если бы природа снабдила его веками.

Жук неистово бил по воде конечностями и шарил в поисках аппаратуры, дивясь легкости, с каковой он опять дал маху. Вероятно, он сурово обошелся с собой. Программировать телепорта-

цию между измерениями — дело очень сложное, это не вокруг квартала объехать.

Он уже был готов проститься с жизнью, как вдруг чей-то широкий, гладкий, упругий лоб вынес его на поверхность и швырнул в воздух. Отплевываясь и кашляя, жук закрутил многократное сальто и шмякнулся на голову другого исполина. Так он и перескакивал от кита к киту, и каждый полет был настолько молниеносен, что хитиновые конечности не успевали набрать на пульте необходимый для возвращения в родную реальность код. Болезненные возгласы и возмущенное шипение пришельца стихли вдали — морские великаны были полны решимости охранять судно от любых посягательств.

— И что вы об этом думаете?

Найк подошел к глядящим на море принцессам.

— По-моему, это тот самый незнакомец, который уже пытался помешать чаропевцу, — отзвалась Алеукауна. — Может быть, он тоже волшебник? Наверное, очень неловкий или малоопытный.

— Интересно, чего он добивается?

— Ума не приложу. — Над ними навис могучий торс Умаджи. — Но я рада, что он ускакал. Всякий раз, когда он появляется, я дрожу.

— И я.

У Сешенше дергались кисточки на ушах.

Ансибетта рассеянно смахнула со лба растрепанные ветром локоны.

— Раз уж речь зашла о чаропевце... вот бы узнать, чем он сейчас занимается.

Пиввера фыркнула и повернулась к хмурой горе.

— Надеюсь, он скоро вернется, а с ним и это развратное, хвастливое и трусливое ничтожество.

Алеукауна ухмыльнулась:

— Стоит ли так волноваться о судьбе молодца с пером на шляпе?

— Не стоит, — ответила Пиввера с холодком, как и надлежит принцессе. — Я только одного хочу — поскорее вернуться домой.

— Брось юлить! Он тебе нравится. Признайся.

— Нравится? Что за чушь? Я слишком хорошо знаю его породу.

— Это все увертки, — безжалостно дразнила ее мангуста.

Пиввера больше не могла сдерживать раздражение.

— Да, он болтун, каких поискать, но, в отличие от многих болтунов, имеет кое-какой опыт. Мадж много путешествовал, посещал дальние края, у него были умопомрачительные приключения. Придворные хлыщи, которые приударяли за мной, в подметки ему не годятся. Их жизнь — сплошная тоска и бес-

смыслица. Нет, что бы вы ни говорили, спутник он интересный, хоть и не обучен манерам.

— Мадж?

Горилла хихикнула.

— В нем что-то есть, — упорствовала Пиввера. — Какая-то аура. Энергия.

— Это называется похотью, — игриво подсказала Сешенше.

Пиввера задумчиво помолчала.

— Конечно, не может быть и речи о том, чтобы дать ему хоть крупицу власти. Но взять во дворец — почему бы и нет. Он забавный.

— Однако остается неприятный нюанс: он уже женат, — вкрадчиво проговорила Квиквелла.

— Неприятный, но устранимый! — парировала выдра. — Ты столько дней путешествовала вместе с ним, слушала его разглагольствования; неужели не поняла, что он предпочтет, если поставить вопрос ребром? Бессмысленное, беспросветное прозябание в норе на речном берегу или жизнь уважаемого консорта в королевских палатах? На должности, не требующей ни ответственности, ни труда? — На ее морде заиграла улыбка. — Кроме разве что заботы обо мне. — И резко повернулась к оторопевшему Найку: — Лейтенант, сами бы вы что выбрали?

— Я? — Найк напустил на себя чинный вид. — Ваше высочество, я никогда не попадал в ситуации, требующие осмысления подобной альтернативы.

Он старательно прятал глаза от принцессы Алеукауны, а та смотрела на него с живейшим интересом.

Пиввера раздосадованно щелкнула пальцами.

— Я знаю таких, как Мадж. Что-что, а стареющие супружеские узы его не остановят.

Но Квиквелла была не из тех, кто легко проигрывает.

— Мало того, что он женат, он еще и намного старше тебя.

— Твоя правда, — согласилась Пиввера. — Молодость — штучка весьма и весьма недурственная, но ведь и опыт заслуживает всяческих похвал. — Ее взор устремился вдаль. — А этот выдр несравнимо опытнее всех, кого я знала раньше.

Дискуссия привела к перечислению необходимых идеальному консорту качеств. Пожелания дам заставляли солдатские уши краснеть и донельзя веселили сгрудившихся у кормы дельфинов и косаток.

Глава 21

Преодолев лес в низине, Джон-Том с Маджем пробирались по склону, поросшему кустарником, с отдельными пятнами валунов и нагромождениями вулканических глыб. Здесь обитала

цепкая, крепкая растительность, незваных гостей она пропускала очень неохотно. Джон-Том, торя себе дорогу, с тоской поглядывал вверх, на крутые, но нагие склоны.

Густая, ядовитая на вид вода равнодушной струйкой петляла в неглубоком овраге, которым поднимались путники. Мадж поравнялся со своим длинноногим другом, взял его за запястье и тихо проговорил:

— Чувак, за нами хвост.

— Мадж, опять тебя подводит воображение. Никого тут нет. Даже жуки попрятались.

— Можа, оно и так, можа, и не чапает за нами никто. Но следит. Я взгляд чую.

Джон-Том тяжело вздохнул, остановился и не спеша огляделся. Даже малейший ветерок не шевелил изломанные ветви и пожухлые листья. Была надежда, что ветры появятся выше. Иначе с человека и выдра при восхождении семь потов сойдет, и навек прилипшее к вершине темное облако ничем им не поможет.

Он собрался было идти дальше, но тут справа и слева будто из-под земли выскочили люди.

Вереща, завывая, тараща глаза, они потрясали кустарными томагавками и копьями. Длинные, неухоженные волосы были под стать безумным глазам. Богатырей среди них не наблюдалось, зато все были длинные и жилистые. Грязные лохмотья и шкуры мелких животных лишь местами прикрывали наготу.

Застигнутые врасплох, Джон-Том и Мадж застыли в смятении и растерянности, однако они так долго странствовали и столько раз подвергались подобным нападениям, что реагировали инстинктивно и дружно.

Джон-Том рывком передвинул дуару на живот и прижался спиной к огромному валуну, а Мадж, выхватив меч, принял оборонительную стойку у ног чаропевца.

— Ну-ну, субчики-голубчики! Первого же, кто сделает хоть шаг, разрублю от мошонки до печенки. В человечьем племени не найдется никого ловчей меня. Двоих ухайдакаю, пока ктой-то успеет хоть пальцем шевельнуть.

Угроза, сопровождаемая наглейшей, отшлифованной долгими годами практики бравадой, слегка остудила пыл агрессоров, вынудила их остановиться. Каждая секунда заминки была на руку Джон-Тому — он успевал выбрать и подготовить текст.

Расхрабрившийся Мадж, услыхав перезвон струн, шагнул вперед.

— Считайте это последним предупреждением! Мой кореш — настоящий чаропевец, могущественнейший маг. Евонная музыка запросто вас всех превратит в дрожащих лягух. — Выдр выставил перед собой короткий клинок. — У вас еще есть ничтожный шанс на спасение. Брысь отсюда!

Ближайший из нападавших уронил топорик на землю и воспользовался освободившейся рукой, чтобы откинуть со лба прядь жестких каштановых волос.

— А ты не свистишь? В лягух?

— Оба-на, приехали! — констатировал долговязый, стоявший рядом с ним. — В лягух — это конкретно!

Джон-Том чуток успокоился. Противников оказалось только трое, и было ясно, что им не одолеть двух опытных бойцов, один из которых вдобавок выдр. Кроме того, в глаза бросалась худоба туземцев. Доселе молчавший член оборванного триумвирата ткнул пальцем в сторону дуары:

— Э, дядя, ты и правда лабаешь на этой бандуре?

— Не только лабаю. — Джон-Том мысленно разжаловал неприятелей из безусловно опасных в непредсказуемые. — Я с ее помощью колдую.

Говоривший первым одобрительно кивнул:

— Это конкретно! Только не скажу, что мы особо удивлены. Да и почему Хинкель должен быть исключением?

— Хинкель? — переспросил Джон-Том.

Самый низкорослый член загадочной троицы присел, опершись спиной о густой кустарник. В одном его ухе блестело три кольца, в другом — кубик из отшлифованного циркония.

— Не вздумай повторить это сволочное имечко. Одного раза больше чем достаточно. — Он воткнул самодельное копье в ничем не виноватое дерево. — Вы, кстати, откуда взялись?

— Из Колоколесья, — сообщил Джон-Том.

Младший (им всем на вид было чуть за двадцать) состроил гримасу.

— Впервые слышу.

Его долговязый товарищ рассматривал Маджа.

— Динамитная шубейка. Где надыбал?

— Это не шубейка. — Мадж оглядел себя. — Можа, ты про мою жилетку?

— Не-а. Ладно, стало быть, ты — гигантская крыса. Ну, и чему тут удивляться, спрашивается?

На лице говорившего отразилась покорность судьбе.

Мадж поднял меч и произнес глухо, с опасными нотками:

— Я... тебе... не... крыса... вник?

Джон-Том, успокаивая, положил руку ему на плечо.

— Он выдр.

— Ага. Выдр. Это конкретно! — Предполагаемый лидер троицы утомленно опустил оружие. — Только без обид, ладно? С тех пор как мы тут застряли, жизнь малиной почему-то не кажется.

Джон-Том, не реагируя на скептический взгляд Маджа, медленно передвинул дуару за спину. В поведении туземцев исчезла агрессивность, но это не заставило выдра ослабить хватку на рукояти меча.

Чаропевец был благодарен старшему, когда тот решительно протянул руку. Ладонь оказалась твердая, пожатие — крепким.

— Ребята, вы откуда? — спросил чаропевец. — Кажется, мне знаком ваш акцент.

Оборванцы переглянулись. Тот, что сидел, выпрямил спину, медленно покачал головой с несусветными лохмами.

— Какой еще акцент, дядя? Мы все из Джерси.

— Из Северного Джерси, — добавил стоявший рядом исхудалый блондин.

— Кроме Хинкеля. — Патлатый сцепил на затылке пальцы и снова привалился к кусту. — Он из города. С восточной стороны.

— С восточной стороны? — нахмурился Джон-Том.

— Нью-Йорк, дядя, Нью-Йорк. Слышь, друг, ты что, чисто конкретно с луны свалился? — Вожак понимающе кивнул приятелям. — Он, по жизни, нездешний.

— Сразу видно, — кивнул патлатый.

«А ведь если подумать, откуда я? — спросил себя Джон-Том. — Сколько воды утекло с тех пор, как я тут очутился? Сейчас мой дом здесь. Колоколесье, Вертихвостка, Линчбени, Глиттергейст. К сей сказочной топонимике следует добавить угрюмый остров, юдоль опустошения и обносившихся гостей из Джерси».

— Вообще-то я из Лос-Анджелеса.

— Вот это конкретно! — явно обрадовался вожак. — Ну, и как зовется твой банд? С кем лабал, по жизни?

— Ни с кем. Возможности не было.

— Чайник, — определил тощий.

С горы низвергся душераздирающий гром, по склону покатилась каменная мелочь. Мадж отпрянул в сторону, беспокойно оглядывая ненадежные высоты.

— Ну вот, опять, — пробормотал сидящий.

Вожак смущенно посмотрел на вновь прибывших.

— Вот что, ребята, мы конкретно сожалеем насчет не слишком радушного приема, но и вы поймите: последнее время дела у нас не клеятся. Я — Волк. — Он обернулся к товарищам. — Это Шплиц, а карлик под деревом — Ядерный.

— Че, запредельные имена? — проворчал Мадж.

— Чтоб ты знал, мохнатый приятель, — они нам не от рождения даны. — Ядерный провел ладонью по своему черному «ирокезу». — Это ж надо — язвительный выдр! Оба-на, приехали!

Мадж не был застигнут врасплох, когда из глубин его сознания влажным, губчатым комом всплыла догадка.

— Джон-Том, это ж пена из твоего мира!

— Э, ты кого пеной называешь? — Шплиц нахмурился и повернулся к Волку: — И почему — пена?

Тот пропустил вопрос мимо ушей.

— Мое настоящее имя — Джимми Газерс. Феликс Циммерман у нас на басе, а это Кенни Хилл — тарабань-в-барабан.

— Понятно.

Джон-Том ухмыльнулся. Куда бы ни занесла тебя судьба, ударников всегда узнаешь издалека. Они в любом социуме образуют прослойку с уникальными характеристиками. Чаропевец не удивился бы, услышав, что у них даже ДНК слегка отличается от обычных.

Если у шимпанзе ДНК на девяносто девять процентов — человеческое, то у барабанщика...

— «Панкреатический отстой», — гордо произнес Газерс.

Джон-Том недоуменно замигал.

— В смысле?

— Так наша группа называется. Конкретно, да?

Мадж одобрительно закивал:

— В самую точку.

И он спрятал меч в ножны.

— И как же вас угораздило здесь очутиться?

Сколь ни приятно было встретить соотечественников, Джон-Том решил соблюдать дистанцию. Пока он знал о них не больше того, что услышал, и не видел возможности отделить правду от вымысла. Осторожность — не помеха даже в обществе братьев по разуму, то бишь музыкантов.

— У нас, дядя, типа трехнедельный отпуск, — проворчал Хилл. — А что, разве не видно? — Он показал изнанку рубашки. — Гляди! Дранина от Пьера Кардена.

Газерс был еще скупее на объяснения.

— Конкретно, нас сюда занесло против нашего желания. А у тебя, по жизни, какая биография?

— Ну, мой друг уже сообщил, что я — чаропевец. Это такой волшебник, он применяет музыку в своей работе. А тут кругом уйма народу осталась без музыки. Даже у китов пропали песни. Как я понимаю, следующими будут птицы. — Джон-Том пожал плечами. — Я пытаюсь помочь. Есть основания считать, что причина неприятностей таится где-то здесь, на этом острове. — Он оглянулся, указал на темно-зеленый мертвый лес. — Между прочим, нас сюда привела бездомная мелодия.

Упомянутое облачко выплыло из укрытия. Члены ансамбля удостоили ее хладнокровными взглядами.

— На фа-диез смахивает, — сразу выдал заключение Циммерман.

— Не-а. — Хилл закрыл глаза. — Бемоль.

Газерс ухмыльнулся.

— Мои ребята — не из болтунов, но дело конкретно знают. — Улыбка исчезла. Лидер поднял руку, оставив между большим и указательным пальцами тонюсенький зазор. — Мы, дядя, по жизни были вот на столько от подписания контракта. Мелкая марка, захолустная студия, но все-таки — свой конкретный лазерник.

— И что вам помешало?

Джон-Том легко нашел в душе сочувствие к этим явно подавленным и растерянным музыкантам. Не будь у космоса совершенно особых планов насчет него самого, его судьба могла сложиться подобным же образом.

— Что помешало? — Хилл рассеянно сдирал кору с сучка. — Все запорол один чудик, наш солист. Вот так-то, дядя. Мы, типа, даем телевизионщикам первое интервью, презентуем свеженький клип, а Гольдблюм, урод, — ноль внимания на все. Знай себе пялится на смазливую ассистентку. Как только прощаемся с репортерами, он сваливает. «У нас разные взгляды на творчество» — вот и все, что мы от него слышим. Та крошка, ассистентка, шепнула ему на ухо какую-то белиберду, и она добралась до мозгов, прикинь. И как еще ухитрилась отыскать мозги в черепушке у Гольдблюма — вот вопрос! Я это к чему? А к тому, что где ты впритык к записи найдешь другого еврейско-вьетнамского солиста? Продюсер с каждым часом все смурнее, и надо хватать первого встречного, или, типа, хана контракту. Продюсер этот — вшивый радикал, ну, ты меня понимаешь. Ему или сразу все, или ничего никогда.

— Ну, мы и тиснули в «Войсе» объяву, мол, срочно требуется, и так далее, — огорченно добавил Газерс. — Эх, дядя, кто только к нам не просился конкретно! Да вот только маловато среди них певцов. А может, вся беда в том, что нас время поджимало.

— Еще как поджимало, — пробормотал Циммерман.

— Ну, короче, — продолжал Газерс, — объявился этот парняга. На вывеску — не Ален Делон, но и не чудище Франкенштейна. Ростом невеличка, не семи пядей во лбу, но мы решили, что для солиста это не главное. Короче, получаем мы длинный список его достоинств, и выглядит он будьте нате. Правда, будьте нате даже чересчур, но больше никто не клюет, да и со временем катастрофа. Ну, ты понимаешь. Мы собирались в понедельник первым делом записать две дорожки. Ну а он говорит: положитесь на меня, орлы, не дергайтесь, давайте текст, а я подскочу в срок. Ну, мы ему даем бумажки и пленки и в понедельник все собираемся у Майка в домашней студии звукозаписи.

Циммерман закатил глаза.

— Там два техника уже скучают, — продолжал Газерс, — Майк рвет удила, мы настраиваемся и начинаем, а эта задница с ушами, Хинкель, с дурацкой сволочной улыбочкой кивает и разевает пасть. В натуре разевает! Я к тому, что это надо было слышать!

— Его счастье, что не слышал.

Циммерман состроил выразительную мину.

— Че не слышал?

Маджа наконец захватил рассказ незнакомцев.

— Голос его, приятель. Голос!

Газерс неистово кивал.

— О парнях, которым петь не дано, моя бабушка так говорила: «не могут нести тунца в корзинке». Так вот: этому Хинкелю, чтоб ты знал, даже пустую корзинку не поднять.

— Кошмар — это еще мягко сказано, приятель, — разволновался Циммерман. — Хинкель — король петухов. Хуже просто некуда!

Воспоминание вынудило Газерса скривиться.

— Вести он не может, подтягивать не может, фразу пропеть не может, даже подделаться не может. Очень сомневаюсь, что он хоть одну ноту знает. Майк с техниками даже не сразу просекли, что он мнит свой вопеж пением. Скоро вся студия покатывалась со смеху — какая уж тут работа.

А самое удивительное — этот олух думал, что все идет как надо! Не врубался конкретно, почему все техники ржут, а у нас волосы дыбом. Спрашивает, чего это мы не играем, ведь он только-только распелся.

— Ага, так и сказал. — Даже сейчас Хилл не мог поверить в реальность происшедшего. — «Только-только распелся».

— На него смотреть спокойно никто не мог, — продолжал Газерс. — Может, я и зря к нему так суров, но ведь этот козел подвел и нас, и Майка, и техников, и ребят, которые платили, ну, ты понимаешь. У нас ведь времени оставалось кот наплакал, и деньжат наскрести уже негде. Вот мы его и вышвырнули. Прямо как в кино: схватили за рубашку и штаны, и — с лестницы.

— И че потом? — поинтересовался Мадж.

Хилл глубоко вздохнул:

— Ну, типа: импровизировали, как могли. Поочередно с Джимми выдавали вокал. Мы не певцы, но рядом с Хинкелем — Ковердэйл и Пэйдж.

— А с ним что стало? — спросил Джон-Том.

Хилл и Газерс переглянулись.

— Пару месяцев мы его не видели, — ответил гитарист. — Играли от случая к случаю на вечеринках. Конкретно, брали, что подворачивалось, бабки лишними никогда не бывают, да и на людях не вредно показаться лишний раз. Как-то раз подрядились в один клуб в центре города. Ожидалось, что там будет куча промышленников. Все прошло тип-топ. Едем мы домой по мосту в фургоне Феликса, ну и, понятное дело, поздравляем друг дружку — заключили на вечеринке пару-тройку вполне приличных контрактов. И тут вдруг весь Истривер делает, как Габриэл.

— Ангел? — спросил Джон-Том.

Газерс глянул на него, сведя брови к переносице.

— А что, есть такой ангел? Нет, я про Питера Габриэла. Ну, ты понимаешь. Так вот, мы конкретно охренели! Мы же «чистый» банд, на вечеринке никто ничего ни-ни.

— Ни-ни! — твердо повторил Циммерман.

— Поначалу я решил, что шутки ради нам чего-нибудь подмешали, — объяснил Газерс. — А потом хлоп — и мы здесь. Просто «хлоп» — и все. Ни фургона, ни Истривера, ни скоростной трассы, ни Большого Яблока. Вообще ничего. Только эти камни и деревья, правда, сначала они выглядели куда приличней.

— Это точно, — вставил Хилл. — Островок раньше так паршиво не смотрелся.

— И еще, — Газерс помрачнел, — нас тут поджидал Хинкель, и на морде у него, чтоб ты знал, такое чванство и злорадство — словами конкретно не передать.

— Аура мегаломании, — важно добавил Циммерман, намекая, что получал образование не только в дешевых клубах и прочих грязных притонах.

— Когда он сообщил, что все это — его рук дело, — продолжил Газерс, — мы, понятно, захотели его вздрючить. И знаешь, что он учудил? Взял да и поднялся в небо, вон в ту тучу диссонансов. Музычка под стать его гнилой душонке. Бросил нас тут, а сам сбежал на вершину. — Гитарист ткнул пальцем. — Вон туда.

Джон-Том и Мадж повернулись, подчиняясь указующему персту, — на черную облачную спираль, медленно крутящуюся над утесами под бессистемный рокот громов.

— А прежде чем удрать, — продолжал Газерс, — сказал, что подключился к злым силам и они дали ему власть над всей музыкой во вселенной. Начинать пришлось в этом мире, но он нисколько не сомневается, что очень скоро покорит музыку везде. — Гитарист помотал головой. — Это ж надо быть таким психом!

— Злые силы? — переспросил Джон-Том. — Какие именно?

Хилл кашлянул.

— Да нам-то откуда знать? Этот придурок нас, простых лабухов, в детали не посвящал. Может, он их в телефонном справочнике нашел? Типа «Силы. Злые».

Циммерман медленно кивнул.

— В «Манхэттенских желтых страницах» чего только не увидишь.

— Ладно, что бы он там ни подразумевал, — скривился Газерс, — оно оказалось достаточно мощным, чтобы нас сюда засосать. Где бы это «сюда» ни находилось. Он сказал, что хочет конкретно поквитаться за то, как мы с ним обращались.

— Ага, как будто он сам не попытался нас поиметь, — пожаловался Хил.

— А знаете, что самое плохое в житухе на таком вот острове? — сказал Газерс. — Мы играть не можем. Ни одной паршивенькой нотки. Ни побарабанить, ни побренчать. Он крадет музыку. Не знаю, как это ему удается, но результат налицо.

Мадж сочувственно поглядел на исхудалых, оборванных музыкантов.

— Похоже, этот ваш чувак — настоящая гнида. Даже одежку в дорогу прихватить не позволил.

Хилл отступил на полшага.

— Усатый, ты о чем? Наш прикид — на нас.

— О, шеф, мои извинения. — От дальнейших комментариев выдр воздержался.

— Он сделался на этом острове царем, — сообщил вновь прибывшим Газерс, — и творит чары, чтобы отовсюду спереть всю музыку. С каждым разом у него получается лучше, и очередная порция гармонии проваливается в эту дыру.

— Ага, даже такая ворона, как Хинкель, может отточить игру, — объяснил Хилл. — Но не пение. Тут он с чем родился, с тем и помрет.

— Он отлавливает музыку без разбора, — сообщил Газерс. — Кажется, я слыхал китовьи песенки, о которых ты говорил. Я их знаю, потому что «Экзетер Якоффс» их записывают и используют...

— Приятель, «Экзетер Якоффс» чего только не используют, — напомнил Хилл. — В одной теме у них была кошка...

— Не будем отвлекаться, — перебил Джон-Том. — Мы говорили о музыке. Где Хинкель держит ее?

— В горе. — Циммерман пнул ноздреватую серую породу. — Этот остров, кажись, бывший вулкан. Тут полно расщелин и пещер. Много чего можно спрятать.

— Краденое сливается в главный кратер и поет само для себя — такой какофонии ты отродясь не слышал, — объяснил Газерс. — Целое озеро надерганной отовсюду музыки. — Он показал на свои обшарпанные оранжевые с черным кожаные ботинки. — Залезть туда, дядя, не так-то просто, тебе бы мои шузы...

— Да, посмотреть там есть на что, — чуть ли не с завистью проговорил Хилл. — Уже не говоря о том, чтобы послушать. Я это к тому, приятель, что если ты смыслишь в контрапункте...

— Хинкель все там запрятал, — перебил его Газерс. — Китовьи песни, птичьи песни, рок, фолк, народную музыку, электронную, классику и такую, какой я в жизни не слыхал, и все это туда свалено и мыкается без всякой надежды на спасение.

— И самой плохонькой из краденых мелодий его ослиный рев в подметки не годится, — пылко добавил Циммерман.

— Но зачем это все? — допытывался Джон-Том. — Чего он добивается? С какой целью?

Газерс снова замотал патлатой головой и беспомощно сказал:

— Откуда мне знать? Это его спросить надо.

— Сначала мы думали... ну, типа, чтобы отомстить, — рассуждал Хилл. — А сейчас нам кажется, дело не только в этом.

— Ага, — согласился Газерс. — Может, он так рассудил: если спереть весь музон, людям ничего другого не останется, кроме как его петухов слушать. И поверьте, парни, если вы не слыша-

ли, как Хинкель поет Дигби, вы не можете себе представить, какой это мрак.

— Не можете, — эхом подтвердил Циммерман.

— Оба-на! — тявкнул Мадж. — Ниче, щас мы положим конец этой фигне. — Он хлопнул Джон-Тома по спине. — Мой кореш — не тока великий чаропевец, он еще и великий... ладно, ладно, согласен, через край хватил. Он еще и неплохой музыкант.

— Не слишком ли ты щедр на комплименты в этом походе? — поинтересовался Джон-Том.

Мадж невинно заморгал.

— Шеф, да это ж моя натура, ты че, вчера родился?

— Не поможет, — с сожалением произнес Газерс. — Не знаю, дядя, насколько ты хорош, да это и неважно. Хинкель, сволочуга, день ото дня все сильнее. Залезешь к нему, он и твою музыку стибрит. Высосет прямо из этой стремной гитары, и охнуть не успеешь. А тебе останется бессвязный лепет.

— С вами так было? — поинтересовался Джон-Том.

Циммерман с жалким видом кивнул:

— В чистом виде. Теперь мы даже а капелла не можем петь. Выходит воронье карканье.

Газерс постукивал лезвием самодельного томагавка по ладони.

— Мы решили чисто конкретно набраться терпения, выиграть время, авось и получится к Хинкелю подобраться. Но хоть его пение и яйца выеденного не стоит, он не совсем кретин. Задницу всегда прикрывает.

— Мы ребята мирные, — вставил Хилл. — Когда не на сцене, расслабиться любим. Но сейчас — совсем другое дело. Хинкель опасен, его необходимо, типа, остановить. — Взгляд поднялся к облачным утесам. — Но тут есть проблема: он не один. Было б иначе, мы бы просто залезли туда и навешали ему.

— Ага, навешали бы, — подтвердил Циммерман. — Но ему помогают.

— Помогают? — В Мадже проснулись подозрения. — Кто и как?

— Попробуйте его остановить — увидите, — веско заявил Газерс. — Вы и представить себе не в силах, до чего там погано.

— Да, невиданная погань, — согласился Хилл. — И неслыханная.

— Я много чего на своем веку видел и слышал. — Джон-Том сохранял хладнокровие. — И с воображением у меня полный ажур. — Он кивнул на тихонько звенящее облачко нот. — Возьмем, к примеру, эту музыку. Как я подозреваю, ваш бывший приятель украл ее, но удержать не сумел. Она сильнее любой другой. Наверное, она сбежала и отправилась искать подмогу. Аккорды всегда друг дружку поддерживают.

— Он... как бы сказать... не идеален, — старательно подбирал

слова Циммерман. — Силен — это да, но не всемогущ, в натуре. Не успел еще опыта набраться. И если все-таки его можно остановить, надо поторапливаться.

— Вы, ребята, на чокнутых здорово смахиваете, — заметил Джон-Том. — Но говорите, как смышленые.

— Да уж, видок у вас! — шепотком поддержал его выдр.

— Ну ты, дядя! Да, мы любим тяжелую музыку, но разве это означает, что у нас и мозги тяжелые? — парировал Газерс.

— Ты за себя говори. — Хилл выбивал на плоском камне дробь окоренными сучками и даже при столь невинном занятии боязливо косился на вершину. — Лично мне без мозгов очень даже неплохо живется.

— Ладно, среди нас есть исключения, — раздраженно согласился Газерс. — А ты, дядя, что имеешь рассказать?

Джон-Том пустился в воспоминания.

— Это было давным-давно. Я учился в колледже, решал, дотягивать ли на адвоката или оставаться с любимой музыкой.

— Да уж, трудный выбор.

Циммерман хихикнул:

— А ты сомневаешься? Ты моих родных не знаешь.

— Вот что, дядя, только не надо тут мне ныть про родню, — осерчал Газерс. — Мои предки в Скарсдейле живут, снобье, каких свет не видел. Я для них паршивая овца, и когда бываю дома, вожу гостей через дверь для слуг, чтоб ты знал! Друзья моих предков говорят, что я своих знакомых по помойкам собираю, прикинь.

— А мои предки считают, мне самому на помойке место, — пробормотал Циммерман.

— Я надеялся, если группа прогремит, моя родня... — Газерс оборвал фразу, и Джон-Том понял, что под маской спокойствия прячется настоящий страх. И одиночество. Эта троица — просто большие дети, для них музыка — весь мир. И вот их обидели, обокрали, даже пустякового мотивчика не оставили в утешение. Разве они не заслуживают сочувствия?

— Я верну вам музыку. — Он с удивлением услышал страсть в своем голосе. — Она наверняка там, вместе с остальной.

— Ты уж поосторожней, приятель, — предостерег Хилл. — Хинкель с виду сущее чмо и поет, как сливной бачок, но парень он не слабый. Я это серьезно говорю.

— Ничего, нам встречались субчики и покруче, — Мадж погладил рукоятку меча. — Правда, чувак? Ты отвлечешь его песенками, а мне, можа, подвернется шанс маленько раскроить клепаную глотку. Оченно трудно колдовать, када у тебя из шеи торчит полфута стали.

— Поговорим о его возможностях. — Джон-Том повернулся к Газерсу: — Ты бы не мог получше описать тех, кто ему помогает?

Гитарист состроил кислую мину.

— Толку не будет. Похоже, они сменяют друг дружку по его прихоти. Достаточно будет сказать, что он там не одинок. Вокруг Хинкеля собрались таинственные силы, и они ему конкретно симпатизируют.

— А хуже всего то, — добавил Хилл, — что он все еще поет. Типа, сам для себя. Постоянно. Если день погожий и ветер в нашу сторону, не услышать его невозможно. — Он глянул на клубящиеся злые облака. — Скажи спасибо грому.

— Маленько странноватый гром-то, — заметил Мадж, — шума много, а молний нету.

— Лично я так считаю, — решил поделиться своими предположениями Циммерман. — Хинкель до того паршиво поет, что у стихий начинается мигрень, и для природы этот гром как бы способ выражения протеста.

— Кто услышит Хинкеля, тот возненавидит, — добавил Хилл. — Это наш лозунг. Мы даже несколько песен на эту тему сочинили. Музыку он у нас отобрал, но стихи придумывать не мешает. Такая задачка ему не по зубам.

Газерс энергично кивнул:

— У нас тут свободного времени уйма. Уже двойной альбом составили. — На его лице появилась мечтательная мина. — Кто услышит, обторчится... Эх, вернуться б домой...

Хилл вдруг выпрямил спину:

— Эй, ребята, что это с вашей ручной гармонией?

Музыкальное облачко, гудя и звеня, лучась и искрясь, понеслось вверх по склону, затем остановилось, покрутилось, сияя, вокруг невидимой оси и вернулось. И повторило красноречивое приглашение, а потом еще раз.

— Беспокоится. — Джон-Том поглядел на Маджа. — Ладно, хватит разговоров. Решили делать дело — не будем откладывать.

— Ага, чувак, тут я с тобой согласен. — У выдра решительно блестели глаза. — Не, ты тока вообрази: мир без музыки! Под че прикажешь зенки заливать? Под че на танцульках выдрючиваться? Под че красотку...

— Идем. И тихо. — Джон-Том двинулся за нетерпеливым облачком. Через два-три шага оглянулся. — Парни, вы с нами? Вы рискуете потерять не меньше, чем любой другой.

Музыканты обменялись взглядами. Хилл высказался за всех:

— А фиг ли? Что еще он может нам сделать?

— И то сказать, — согласился Шплиц-Циммерман.

Газерс поравнялся с чаропевцем:

— Мы пройдем с вами, чисто конкретно, сколько сможем, и постараемся помочь, но особо на нас не рассчитывайте. Этот Хинкель, гад, слишком хорошо нас изучил. — Он зашагал вверх по склону. — Только на одно надеюсь: застать его в спокойном настроении.

— Да что я, по-твоему, безголосых придурков не слышал?

Джон-Том осторожно перешагнул через гнилой пальмовый ствол.

Гитарист оглянулся:

— Нет, друг ты мой чаропевец, по-настоящему безголосого придурка ты еще не слышал.

Глава 22

Склон уверенно набирал крутизну, уступ громоздился на уступ. Время от времени Джон-Том помогал коротконогому выдру, но покамест риск сорваться не возникал. Преодоление даже самых труднодоступных участков требовало только решимости, чувства равновесия и крепкой хватки.

Джон-Тому восхождение давалось относительно легко, однако у Маджа, обычно неутомимого, участилось дыхание, превратившись в надсадное «пых-пых-пых». С высотой растительность неуклонно редела. Музыкальное облачко вело скалолазов вперед и вверх.

— Слышишь?

Джон-Том остановился прислушаться и передохнуть.

Мадж кивнул.

Воздух заполнялся нежным, деликатным шелестом. Звуки были расплывчаты, но слух не резали, их громкость увеличивалась с каждым шагом.

— А че, не так уж плохо, — выразил свое мнение выдр.

— Это не Иероним. — Газерс развернулся влево. — Слышите? Вон оттуда!

По склону горы струилась музыка. Отчетливо улавливались протестующие, страдальческие ноты, и это побудило искрящееся облачко юркнуть за спину Джон-Тома и зазвенеть, как напуганный будильник.

Целые такты, выломанные из своих тактовых черт, неслись по поверхности музыкального потока гармоническим плавником. Реверберации, отдельные ноты, переборы, посвист, эхо погребального плача, взревывание маршей — все бессистемно роилось и смешивалось в мелодичном селе. Музыка пронеслась мимо них песчаной бурей, состоящей не из пыли, а из нот, ударила по барабанным перепонкам безумной какофонией, какой не состряпать и десятку объединившихся композиторов-авангардистов.

Она мощно потянула к себе музыкальное облачко, но крошечный комочек гармонии прижался к спине Джон-Тома, спрятавшись за дуару, как за щит. И появился лишь после того, как сель пронесся мимо, потеряв по дороге несколько случайных арпеджио.

— Эхма, кабы я мог такое лабать!

У Циммермана звенело в ушах.

— Это никому не под силу.

Газерс тряс головой, словно хотел очистить уши от застрявших в них нот.

— Она повернула и пошла в гору.

Хилл, уперев руки в бедра, хмуро глядел вверх.

— Вот так всегда: музыка течет и течет к нему, но никогда не возвращается. Он ее всасывает, как прорва. — Ударник встретил недоумевающий взгляд Джон-Тома и пояснил: — Хинкель.

За главным потоком карабкались вдогонку вялые ручейки музыки. Джон-Том шагнул наперерез одному из них, похожему на квартет Моцарта в интерпретации Джона Колтрейна — но лишь похожему. Он знал: все мелодии, кроме творчества «Панкреатического отстоя», принадлежат этому миру. Он убрал ногу, аккорды устремились вверх, но ему показалось, что возобновили они движение неохотно.

А вдруг сумасшедший Хинкель набрал достаточно сил, чтобы воровать звуки и на родине Джон-Тома? Представьте только: на Земле не останется рока и металла, рэпа и блюза, джаза и фолка, классики и кантри-вестерн, национальной и мировой музыки. Послушать этих несчастных лабухов — так Хинкель способен похитить все до последней колыбельной. Джон-Тому не хотелось жить в мире, лишенном музыки, будь то его родной мир или какой-нибудь другой.

Над головой раскатился гром, напомнив ему, что предстоит работа.

Вот тут-то и обрушился на чаропевца кошмарный вой.

Он съежился. Не столь чувствительный Мадж тоже скрежетал зубами. Это было похуже, чем царапанье ногтями по классной доске. Или даже вождение пилочкой для ногтей по обнаженным нервам.

Не обладали иммунитетом к этой напасти и спутники. Шплица-Циммермана била крупная дрожь, Волк-Газерс зажмурился и зажал уши ладонями. Ядерный Хилл держался получше, и это было понятно: как-никак ударник.

Наконец мерзейшие завывания утихли. Джон-Том выпрямился и перевел дух. Звуковой тремор прошел через все его тело, как тупой нож. Музыкальное облачко, расколотое на десяток комочков, уже воссоединялось.

— Страшней всего в первый раз, потом слегка привыкаешь, — сочувственно заметил Циммерман.

Басовик оказался прав. Как только восходители двинулись дальше, снова раздался мерзопакостный вой. И на этот раз Джон-Том легче переносил чудовищный голос. Аккомпанемент гитары, если можно было так назвать это явление, тоже был «на высоте» — складывалось впечатление, что исполнитель играет на

кошачьих жилах, даже не потрудившись отделить их от живого зверька.

Джон-Тома, тщательно выбиравшего, куда поставить ногу, прошиб пот. Гнуснейшие звуки не только резали ухо — они буравили череп, разъедали мозги, заставляли молить богов о ниспослании временной глухоты. С какой бы радостью чаропевец обменял эту пытку на концерт стаи баньши без малейшего музыкального слуха!

— Ра-а-а-а-азве ты не хочеш-ш-шь быть мо-о-оей малю-у-утко-ой?

Это походило на завывание самой преисподней. Нет, решил чаропевец, даже ад не перенес бы подобный ужас. Он, Джон-Том, рядом с этим певцом — Карузо.

У Маджа шерсть стояла дыбом, как у рассерженного кота.

— Будь я проклят, ежели щас не радуюсь, че у меня такие маленькие ушки! Нет, брат, это не из нашего мира.

— Вообще-то Иероним, чисто конкретно, из городка Стайвезант, — сообщил Газерс.

— С трудом верится, что человеческая глотка способна рождать такую дрянь.

Джон-Том судорожно сглотнул.

— Ну, как тебе идейка записываться вместе с этим чудомюдом? — Газерс пригладил пятерней грязные лохмы. — Знаешь, недавно изобрели такую классную штуковину — электронный отпугиватель грызунов. Так вот, если бы понадобился отпугиватель для людей — Хинкелю цены бы не было.

Когда потустороннее пение возобновилось, его сопровождали неразличимые вокалы и инструменты. По сравнению с соло они были страшны лишь вполовину. Но каждый по-своему вполне отвратителен, решил Джон-Том.

— А остальные кто? — обратился он к Газерсу.

— Я ж тебе говорил, Иероним не одинок.

— Ничего, — упрямо пробормотал чаропевец. — Это всего лишь музыка.

— Необходимо положить этому конец! — воскликнул Циммерман.

Ансамбль сопровождал чаропевца и выдра еще сотню футов, наконец Газерсу пришлось остановиться. Последние минуты он мотал головой, как будто в ухо залезла злая оса. С физиономии не сходила мученическая мина.

— Все, брат музыкант, дальше мы не можем. Ты должен нас понять, мы уже много недель слушаем эту гнусь!

— Месяцев! — теперь уже и флегматичный Хилл зажимал уши.

— Веков! — У Циммермана неудержимо слезились глаза. — Даже у камнедробилки по сравнению с этим воем ангельский голосок. Да любая стройплощадка после этой горы покажется филармонией!

Газерс кивнул:

— Треск молотилки по сравнению с песнями Хинкеля — «Взлет жаворонка».

Джон-Том недоуменно сдвинул брови:

— Я этой вещи не знаю. «Тыквы вдребезги»?

Газерс отрицательно покачал головой:

— Вон Вильямс. Ну, все, здесь мы расстаемся.

Циммерман кивнул:

— Еще шаг вперед — и у меня башка взорвется.

— Ну что ж, оставайтесь, — согласился Джон-Том. — Мы понимаем.

— Понимаем?

Мадж был не столь снисходителен.

Пожав руки путникам и пожелав им удачи, трое музыкантов двинулись вниз. По пути их спешного отступления катились камни.

— Плохая примета, кореш. Скажешь, нет?

— Спасибо и на том, что сюда нас довели. — Джон-Том пошел дальше. — Помнишь, они говорили, что пытались одолеть Хинкеля, только ничего не вышло. Теперь наша очередь.

Вокруг сомкнулись черные тучи и обитающие в них громы.

Тяжело дыша, путники наконец вышли на небольшое плато. Вдали возвышались несколько пиков. Между каменистой, исполосованной расселинами террасой, на которой они стояли, и утесами приютился замок с зубчатыми стенами и башнями. Сложенный из серого сумрака, он был злонамеренной пародией на все средневековые крепости, воздвигнутые на потеху полоумным аристократам.

На самом деле он был построен из того же материала, что и вся гора, — темного базальта. Камни для его стен были выломаны из неровных краев исполинского вулкана. Верхние ярусы позволяли мельком увидеть море в клочьях вездесущего черного тумана. Еще был вход с подъемным мостом и спускаемой решеткой, но ров отсутствовал. Центральная башня чуть поблескивала от росы.

Джон-Том порадовался, что в их компании нет архитектора, — от одного взгляда на это сооружение у профессионального зодчего желудок перевернулся бы вверх тормашками. Стены скошены под немыслимыми углами. Ни одного ровного парапета, ни одной отвесной башенки. На каждом зубце, на каждом шпиле развевался темный стяг. Глядя на конечную цель своих странствий, Джон-Том не мог избавиться от ощущения, что развалиться ей мешает только тяжесть валунов, из которых она сложена.

И ни единого признака жизни, кроме доносившегося откуда-то из недр замка зубодробительного гула.

— Гнездышко-то музыке ровня, — хмуро прокомментировал выдр.

Джон-Том рассеянно кивнул и в последний раз оглянулся.

Внизу лежали искалеченные джунгли. Еще дальше виднелся каменистый берег, кораблик и оторванные от родного дома пассажиры. Далее лежал океан, чистый, просторный, манящий, сулящий радостные встречи в неведомых краях.

Они с Маджем стояли очень высоко над уровнем моря, но даже отсюда удавалось разглядеть бурунчики — это киты вспарывали спинами зелено-голубую гладь. Чаропевец напомнил себе, что и у этих бедолаг не осталось песен.

Он вздохнул полной грудью — вот если бы вместе с воздухом ее наполнила отвага — и переместил дуару на живот. Пальцы не так проворны, как в былые времена, легким недостает прежней выносливости. Зато есть бесценный опыт, и скоро, похоже, он востребуется — весь, без остатка.

— Идем.

— За тобой — хоть к черту в пасть, кореш. Как всегда.

С этими словами выдр пошел следом за другом к замку, но, как обычно, держался на пару шагов позади.

Глава 23

Подъемный мост был опущен, зловещая железная решетка поднята. Когда путники осторожно входили в ворота, даже муравей не попытался заступить им дорогу.

— С охраной тут не ахти.

Мадж осматривал парапеты в поисках засады. Ничего подозрительного.

Они проникли в огромный зал центральной башни и там изо всех сил старались не обращать внимания на статуи и картины. Достойные гнусной музыки украшения так и норовили ободрать чувства. Судя по всему, архитектурного вкуса у строителя замка было не больше, чем у банановой кожуры. На стенах висели отталкивающие портреты неизвестных музыкантов.

— Все — люди, — сделал вывод Мадж. — То есть на мой взгляд. До того хреново написано — трудно разобрать. Случалось мне хавать моллюсков, так некоторые из них куда лучше рисовали.

— У моллюсков рук нет, — возразил Джон-Том.

— Шеф, ну, ты ж меня понял.

Они уже почти пересекли весь зал. Убого сотканный желто-коричневый ковер под ногами упирался в основание солидного трона из золота, изукрашенного музыкальными сюжетами.

На троне лежала подушка в хлопковой наволочке, отчаянно

тосковавшей по стирке. А на подушке восседал и тренькал на электрогитаре некто тощий, весь в прыщах. Носил он джинсы, подвергшиеся неумелому искусственному обесцвечиванию, голубые теннисные туфли, на вид сверхъестественно дорогие, а на самом деле — некондиция фирмы «Кмарт-Корпорейшн», протертую спортивную фуфайку с вырезом до пупа и халтурно отшелкованными персонажами мультика, а еще — паленую в Гонконге бейсболку козырьком назад. Даже пират на эмблеме грешил явно восточными чертами лица.

Пока одна кисть вальяжно покоилась на грифе гитары, вторая потянулась к огромной золотой чаше с инкрустацией из носорожьего рога, до краев наполненной картофелем-фри с кетчупом. Цвет кожи — как у рыбьего брюха, крайняя нескоординированность движений, узкая, с заостренными чертами физиономия — все это сразу бросилось в глаза пришельцам. Карие глаза были обрамлены спутанными грязными черными волосами. Джон-Тому вспомнился некогда виденный им портрет бирюковатого Икабода Крейна в дешевом томике Вашингтона Ирвинга. Как ни старался, он не сумел найти в сидевшем на троне субъекте хоть одну привлекательную черту.

Смахнув с уголка рта прилипший брусочек картошки, незнакомец напрягся — увидел незваных гостей. Кусочек полетел на пол и присоединился к небольшой, но растущей кучке родственников. Не верилось, что нормальный клубень мог желать себе такого удела.

Джон-Том не заметил провода от гитары, но о том, что она к чему-то подключена, однозначно говорило адское подвывание. Все-таки волшебство — штука неплохая, вполне способно дать невидимый заменитель розетки. Пробудившийся в нем профессионал сразу задался вопросом: что это за магия — постоянного или переменного действия?

Из тощего живота сидевшего на троне человека исторгся неприятный звук.

— Кто вы такие, и кой черт вас сюда занес?

В пронзительном крике страдающей диспепсией вороны слышалась тревога, но не было страха.

Джон-Тома поддерживала дуара. Да и Мадж стоял рядом — правда, в нескольких шагах позади. Снаружи в зал ворвался гром. Давненько чаропевец не попадал в столь серьезную переделку. А что, если он проиграет? Понятное дело, куда уютней сидеть у камина и развлекать песенками семью и друзей, и чтобы на заднем плане играли детеныши. Сейчас очень многое поставлено на кон, и не только жизни Джон-Тома и Маджа.

А вдруг его на сей раз подведет стихотворчество? Или сила голосовых связок, или быстрота пальцев? Что, если...

Не кличь неприятности, всегда твердила ему Талея. Они и без зова нагрянут.

— Мы сами пришли, — сказал он тощему музыканту.

Взгляд Иеронима Хинкеля уперся в дуару.

— Ты тоже музыкант?

Ни бьющие в цель оскорбления, ни площадная брань, ни демоническая угроза не укрепили бы дух Джон-Тома лучше, чем эта простенькая фраза.

— Совершенно верно. Пою и играю на дуаре. А ты?

— Играю сам для себя, по большей части.

Мадж, несмотря на окружающую обстановку, а может быть, как раз из-за нее, по-выдровому хихикнул.

Хинкель быстро скосил на него глаза:

— Вижу, ты привел с собой большую крысу.

Тут Мадж не только вышел из тени Джон-Тома, но и сделал несколько шагов вперед.

— Шеф, тебе следует знать, че я никакая не клепаная крыса, а выдр, вот так. А еще хочу довести до твоего прыщавого сведения, просто в порядке светской беседы, че второго такого урода в человечьем племени нет, по крайней мере, мне он на глаза еще не попадался.

— Ладно, ладно, вот что я тебе на это скажу... — Хинкель оборвал фразу. — Погоди-ка! Почему это я с тобой спорю? Я же здесь командую. Повелеваю, так сказать, музыкой сфер.

— Каких таких сфер? — Пальцы Джон-Тома были наготове. — Тех, что у тебя между ног?

— Э, брат, да ты шутник. Откуда такой? Вроде не местный.

— Когда-то я жил в Лос-Анджелесе. А сейчас... сейчас можешь смело считать, что я местный.

Хинкель кивнул:

— Как скажешь. Ну, раз ты, приятель, из Лос-Анджелеса, позволяю тебе и твоему хвостатому дружку унести отсюда ноги. Твое счастье, что я по натуре человек добрый. Ты, между прочим, меня от завтрака оторвал.

Джон-Том взглянул на осклизлую горку картошки с кетчупом и ощутил желание освободить желудок от съеденного на последнем привале.

— Мы по пути кое-что слышали. Это, часом, не ты ли музицировал?

— В яблочко. Я над балладой работаю.

— Над балладой? — Мадж захрипел — душил в горле смех. — Ты эту гнусь балладой называешь?

— Полегче, Мадж, — шепнул Джон-Том. — Постарайся не выводить его из себя.

— У тебя что-то на уме, раз ты забрался в такую даль, — задумчиво протянул Хинкель.

Джон-Том заметил, что, ко всему прочему, у похитителя мелодий отвратительная осанка.

— Случайные путешественники на мой остров не заглядывают.

— Нас привела сюда музыка, — ответил Джон-Том. — Горстка аккордов. — Он оглянулся и не был удивлен, обнаружив, что сладкозвучный поводырь предпочел остаться во дворе. Едва ли он заслуживал осуждения. — Надлежит вернуть ее законному владельцу. Как и всю остальную музыку, присвоенную тобою без всякого на то права.

— Законному владельцу? — Хинкель пришел в веселое расположение духа. — Интересно. Свеженькая идея.

— Пора положить конец кражам, — исполнясь решимости, нажимал Джон-Том. — Ты должен оставить в покое честных музыкантов и певцов, например китов.

— Черта с два я их оставлю в покое.

— По словам твоих бывших товарищей по ансамблю, ты ступил на этот скользкий путь из желания остаться единственным существом, способным музицировать, и тогда-де людям волей-неволей придется тебя слушать. — Чаропевец понизил голос. — Смею заверить, ты просчитался. Если посадишь под замок всю музыку на свете, любви к тебе не прибавится.

— Не прибавится? А вот посмотрим. — Тонкий рот исказила кривая улыбка — визуальный аналог подавленной отрыжки. — Стало быть, вас сюда привели мои бывшие соратники, друзья не разлей вода. Последнее время я был к ним излишне снисходителен, позволял вытворять что вздумается. Ничего, они еще заплатят за этот визит.

— Мы бы и сами нашли дорогу.

Джон-Том испугался, что усугубит злосчастья и без того жалкого трио.

— Они себя называют ансамблем! — пробормотал Хинкель. — Шайка джерсийских бездарей! Взять хоть этого Газерса — возомнил, что умеет играть на гитаре. А Хилл! Что за убожество! Ну а Циммерман? Поглядишь на него — решишь, что бас можно доверить любому ханыге. — Раздался визгливый, пронзительный хохот. — То-то раньше носы задирали! А кто они сейчас? Безголосое отребье!

— Почему же ты не отправишь их домой? — Джон-Том сдерживал растущий гнев. — Чего ради томить их здесь?

— А того ради! Мне приятно, что им приходится меня слушать. Когда этим зазнайкам был нужен новый певец, они на меня наплевали. Ну а теперь будут слушать, еще как! Целую вечность!

— Э, шеф, да ты, оказывается, подлый, — прорычал Мадж.

— Нет, крыса, не подлый. Я справедливый. Знаю себе цену. В музыкальном плане. Знаю цену своему таланту. И все ее скоро узнают — альтернативы никому не оставлю. Любому, кто захочет послушать музыку, придется слушать меня! — Хинкель с самодовольной ухмылкой развалился на троне. — А вот когда все познакомятся с моим выдающимся дарованием, когда зауважают меня, вот тогда я, может быть — может быть! — верну кое-что из

старой музыки. Кому-то отдам пьеску для пикколо, кому-то — дурацкую любовную песенку. Но не раньше, чем получу заслуженное признание!

Он царственно взмахнул рукой.

— Ну а вам я дарю свободу. Ступайте прочь. Извольте выйти вон! Кыш отсюда! Я сегодня в великодушном настроении.

Джон-Том нахмурился:

— У тебя странная речь. Не похоже на обычного хэви-металлиста.

Иероним Хинкель фыркнул:

— По-твоему, только этот козел Газерс образованный? Да я чуть не защитил диплом бакалавра на факультете экономики в Нью-Йоркском университете!

Мадж бочком приблизился к спутнику и прошептал:

— Чувак, он сплошную лажу гонит! Да где это видано, чтоб кореш изучал экономику и бросил такое выгодное дельце ради пения в сдвинутом ансамбле?

— Мы не уйдем. — Чаропевец мобилизовал свою стойкость.

У Хинкеля сдвинулись брови, отчего узкая физиономия вытянулась еще сильнее. Сейчас он выглядел чуть ли не жутко.

— Пришелец, не зарывайся! Я тебя отпускаю только потому, что ты не из этих безмозглых болтливых животных, вроде твоей крысы.

Мадж вытащил меч.

— Шеф, тебе не очень-то легко будет распевать без голосовых связок. А хошь, мы тебе поднимем голос на парочку октав — авось он от этого выиграет? И животным, чувак, ты меня напрасно назвал. Я понимаю, обидеть хошь, да тока ниче не выйдет. Потому как мы тут все животные.

— Он прав, — гордо подтвердил Джон-Том.

— Ну, допустим. — Хинкель поерзал на троне, перекинув ноги через подлокотник. — Ты слишком много времени провел здесь. И чего же ты ожидаешь от меня?

— Освободи музыку. Сними с нее волшебные оковы, пусть каждая гармония вернется к заждавшимся инструментам и глоткам. — Джон-Том указал на мрачные стены башни. — Если решишь остаться здесь, царить на этом острове и развлекаться пением, я буду первым, кто тебя поддержит. Но красть мелодии у других... тебе как музыканту это не пойдет впрок. Совсем наоборот.

— Чувак прав от и до! — пролаял Мадж. — Знаешь, шеф, на свете много чего можно слямзить. Уж я-то знаю. Но тока не талант.

— Какое красноречие! Ну что, оба закончили?

Джон-Том уже подготовил песню.

— Не совсем. Если до тебя еще не дошло — ничего страшного. Я всегда твердо верил в аудиовизуальную поддержку.

Его руки легли на дуару, и он запел.

Из глубин инструмента повалил совершенно незнакомый Маджу эфемерный дым. Густо-фиолетовый, неоново-яркий поток рвался через стык грифов. Выдр отступил на несколько шагов. Уж он-то знал: в такие минуты может произойти все, что угодно.

Что именно — этого и сам Джон-Том подчас не мог сказать.

У музыки есть уникальное свойство,
Не всем, очевидно, известно о том,
Ее бесполезно держать под замком,
Простор — основное условие роста
Неважно чего, будь то джаз или рок.
Холодная классика, пылкое буги.
Желаешь добра ей — гони за порог
Мелодию, сердцем рожденную в муке!

На Иеронима Хинкеля все это ни малейшего впечатления не произвело. Он лишь отлепился от спинки трона и взирал на дым с легкой брезгливостью, как на сгусток выхлопных газов на перекрестке Второй и Двадцать шестой улиц.

— Что ж, недурно. — Он слез с трона, подошел к высокому узкому окну, выглянул. По залу пробежала волна звука, могучее мелодичное «ух» — словно разом выдохнула сотня кларнетов. — Похоже, тебе удалось освободить немножко моей музыки. И теперь ее придется возвращать. — Он повернулся к посетителям, недобро посмотрел на них. — Ну и, разумеется, я не собираюсь допускать, чтобы это повторилось. Положа руку на сердце я не хотел отбирать у тебя музыку, но уж коли ты уперся...

Джон-Том с нехарактерной для него усмешкой сочинял новые стихи.

— Хочешь со мной потягаться? Ладно, бери свою тренькалку.

— У меня есть кое-что получше.

Хинкель с нехорошей улыбочкой достал из нагрудного кармана видавшую виды, но исправную губную гармонику. Приложил ее к губам и сыграл несколько базовых, совершенно нестройных нот.

Уже заполнивший зал фиолетовый дым съежился, как от удара. Он почти исчез, но в самый последний момент новый текст и мажорный ключ вернули ему силу.

Хинкель был удивлен. Он даже попятился к трону. Бесследно исчезло высокомерное нахальство. Джон-Том играл и пел, фиолетовое облако напирало.

Наконец Хинкель, видимо, решил, что сейчас уместны более суровые меры. Он тоже запел, и это замедлило, но не остановило продвижение облака.

— Ага, чувак, получается! — Мадж неистово прыгал рядом с Джон-Томом, размахивал мечом над головой. — Задай ему перцу! Покажи, чего стоит настоящий чаропевец!

— Именно это я и собираюсь сделать, — проворчал Джон-Том, — если только ты не снесешь мне башку дурацким мечом!

— Ой, извини.

Выдр поспешил снизить энтузиазм и заодно — оружие.

Хинкель, не в силах одолеть грозный фиолетовый туман и музыку Джон-Тома, с диким взором отступал, пока не уперся в свое помпезное сиденье. В тот самый момент, когда Мадж был готов ринуться вперед и покончить с делом совершенно немелодичным ударом клинка, певец-неудачник отчаянно закричал. То был жалобный плач ребенка, всеми затурканного, никем не любимого, в игры не званного, даже не последнего в классе по успеваемости (это все же лидерство, хоть и шиворот-навыворот), а из последней десятки, из тех, кому успехи в жизни не светят по определению.

В ответ на этот плач из пустоты, что таилась доселе за троном, исторглась сверхъестественная подмога. И впервые с того момента, как нога Джон-Тома и лапа Маджа ступили на остров, за крепостными зубцами засверкали молнии. Черные молнии!

По кривоотесанным камням раскатывался злобный гром, сотрясая замок до самого основания. Стихи Хинкеля были почти бессмысленны, музыка — как и раньше, невыносима, однако на сей раз в каждую ноту вкладывалось выстраданное отчаяние, острое, патетическое устремление. И так жалобно это звучало и выглядело, что Джон-Том заколебался.

Но не это промедление стоило атакующей стороне инициативы. Просто Джон-Том и Мадж вдруг очутились перед численно превосходящим противником.

Разнообразные призраки выныривали из тьмы, разодетые кто во что горазд, от атласных камзолов и шелковых шальвар до хлопковых набедренных повязок и овчинных безрукавок. Иные щеголяли римскими тогами, иные — синими рваными джинсами и поношенными сандалиями. Выцветшие галстуки-бабочки, растрескавшиеся бусы братской любви, волосатые руки, торчащие из тесных смокингов, черные кожанки с золотыми галунами...

Одно из приблизившихся к Маджу привидений было одето по моде столь чудовищной, что бывалому выдру пришлось отвести взгляд.

— Только не это! — простонал Мадж. — Все, что угодно, только не... плед в клетку!

Призраки влетали в огромный зал на крыльях с ветхими перьями и дырявыми перепонками. По всем этим созданиям давно скучала ванна. И они играли на лету. И пели, и гудели, и хлопали в ладоши — каждый задавал собственный ритм и не желал следовать чужому. Они держали в руках инструменты — от древних лютней до суперсовременных синтезаторов; наличествовали также все промежуточные ступени.

Джон-Том узнал виолу «да гамба». Один из призраков терзал расстроенный гамелан. Были тут и флейты, и гитары, и маракасы, и барабаны, и дидеридо, и банджо.

И хотя каждый фантом выказывал определенную степень безвкусицы, никто не пускал петуха лучше Иеронима Хинкеля. Правда, окружение он себе подобрал достойное — Джон-Том, у которого едва не лопались перепонки, не мог не признать этого. А бедняга Мадж оказался перед летучими ужасами совершенно беззащитным, он мог лишь стоять и держать в лапах меч, как стальной талисман. Увы, клинок, способный легко рассекать плоть, оказался непригодным против тектонически дикой музыки.

И тогда выдр снова отступил за спину друга.

— Че это, во имя великой вони!

— Духи. — Трудно стало сохранять подобающую манеру исполнения под таким сокрушительным звуковым шквалом. — Тени покойных музыкантов моего мира. — Джон-Том болезненно поморщился. — Самые бездарные и бесталанные в истории поп-музыки. И все они, похоже, соберутся сегодня в этом зале.

Между тем Хинкель успел прийти в себя. С горящим взором он спустился с трона.

— Что, не нравится?

Еще бы нравилось! От особенно мучительного «дзын-н-нь» акустической гитары у Джон-Тома выступили слезы.

— Это хорошие музыканты! — Хинкель наступал. — Просто их не поняли современники, как не поняли меня. Хотя, конечно, никто мне и в подметки не годится.

Мадж пятился подальше от жуткой сцены.

— Чувак, сделай же чей-то! Я больше не выдержу!

Джон-Том, принявший чей-то сольник за молитву в ритме диско (и угодивший в точку) тоже поймал себя на том, что сдает позиции. Но путь к отступлению ему отрезала тень карикатурного подражателя Элвису Пресли — сей выходец из индийского штата Уттар-Прадеш, обладатель голоса поистине лавкрафтианского, прикида в блестках а-ля лас-вегасский ковбой, пышных бакенбард и волос, уложенных в прическу «помпадур» с помощью большого количества свиного жира, предлагал свою версию «Тюремного рока». Это было хуже, чем издевательская пародия, — это была попытка доведения до самоубийства.

Паря на тонких мышиных крыльях, коренастый, пузатенький экс-приказчик из трущобного пригорода Осаки тщился обуздать (именно обуздать) классический блюз Бесси Смит. Наверное, если пилить титановый сплав пилой, и то получилось бы лиричней.

Несостоявшийся рок-н-ролльщик из Восточной Пруссии вносил достойный вклад в гармоническое столпотворение, самозабвенно калеча своим аккордеоном «Лестницу в небо». Выпускник новоанглийской частной школы, в форменном йельском свитере, белых слаксах и яхтсменских туфлях, манерно подражал лучшим произведениям Джо Коккера, а обделенная чувством

юмора лесбиянка из Де-Моина пыталась убедить вечность в том, что умеет петь «Я буду любить тебя вечно».

И еще много, очень много других.

Джон-Том и Мадж животики бы надорвали от хохота, не будь опасность столь реальной. Чаропевец чувствовал ее всеми фибрами души. Требовалось срочно что-нибудь предпринять, найти достойное средство защиты! Но трудно думать о нотах и стихах, когда уши разрываются от боли, когда лязгают зубы, когда у тебя на глазах терзают сердце музыки.

В гуще вопящих, вразнобой играющих призраков, набранных невесть из какого поп-музыкального «Некрономикона», стоял с губной гармоникой в руках Иероним Хинкель и ухмылялся подобно злобному троллю. Фиолетовый туман, атакуемый со всех сторон, корчился, дергался, тщетно искал выход из диссонансной западни. Как антиматерия аннигилирует материю, так и антигармония Хинкеля грозилась разделаться с любыми плодами чаропения Джон-Тома. Еще немного — и дьявольские вибрации в щепки расколют незаменимую дуару. И тогда пиши пропало! Джон-Том не видел выхода, кроме отступления.

— Midi veni, vici![1]

Хинкель с гомерическим хохотом ринулся в погоню за незваными гостями, взмахами руки увлекая за собой армию неудачников.

Спасаясь от воющих миньонов Хинкеля, Джон-Том и Мадж стремглав выбежали из центральной башни. Кругом отслаивалась горная порода — антимузыка дробила черный базальт в пыль, крошила в острые обломки. Стоило ли удивляться, что в суматохе путники не нашли склона, которым поднимались к замку?

Мадж, резко остановившись на самом краю отвесного обрыва, в отчаянии искал альтернативный путь к спасению. Внизу, в неизмеримой дали, разбивались о голый камень волны, их грохот звучал здесь шепотком пены. Джон-Том остановился рядом с другом.

Хинкель с нечистым хором не заставили себя ждать.

— Так что извини, приятель. У тебя был шанс, но ты его упустил. Я не позволю ни тебе, ни кому другому вставать у меня на дороге.

И тут он сделал самое худшее из того, что мог бы сделать, — запел под аккомпанемент потусторонних приспешников. Открытое место ничем не могло сдобрить его голос, неприемлемый для чужого организма, как инородная молекула ДНК.

Мадж шатался на краю обрыва, беспомощно зажимая уши лапами.

---

[1] Искаж. фраза Юлия Цезаря «Veni, vidi, vici!» — «Пришел, увидел, победил!» У Хинкеля получилось что-то вроде: «Посредственный пришел, победил!»

— Джон-Том, сделай же чей-то! Не то мне хана!

Чаропевец глянул в бездну. Даже выдру с его сверхъестественной ловкостью не спуститься по гладкой скале. Вот если бы перепрыгнуть через бездну на соседний, сравнительно невысокий пик — оттуда можно легко вернуться на берег. Увы, оба не располагали крыльями или хотя бы возможностью обзавестись ими в ближайшем времени.

— Я не знаю...

— Спой чей-то! Оптимистичное, обнадеживающее! — убеждал его перепуганный Мадж. — Спой громко, чисто спой!

За многие годы Джон-Том набрался опыта в сочинении мелодий и стихов в экстренных ситуациях. И песня, которую он наконец затянул, была столь же очаровательна, сколь отталкивающи опусы Хинкеля. В сравнении со своим противником неровный голос Джон-Тома казался тенором Ната Кинга Коула.

Почему на память сразу пришло соло Доннера из финала «Золота Рейна» — он объяснить не мог, но рок-версия героической оперы оказалась именно тем, чего требовали обстоятельства. Джон-Том не располагал молотом и не мог обрушить его на камень под ногами, но он имел возможность призвать к себе в союзники очень серьезный хэви-металл.

Из музыкального инструмента забил фиолетовый дым, но не струйкой, как в прошлый раз, а ровной, почти идеальной дугой. Он протянулся от корпуса дуары через головокружительную бездну и менял цвет по мере того, как сгущался. Пройдя через все оттенки солнечного спектра, он выкристаллизовался в радужный мост — от края обрыва до далекого берега внизу.

Одуревший от боли в ушах и голове, Мадж не медлил ни секунды — скакнул на радугу и помчался вниз, его башмаки дюйма на два утопали в податливом пламенеющем сиянии.

— Чувак, дуй за мной! — крикнул он Джон-Тому. — Мостик выдержит!

— Так нечестно, так нечестно! — Хинкель бросился было вдогонку, но ему не хватило смелости ступить на прозрачный мерцающий мост. Да и не было такой необходимости. В сторону Джон-Тома ткнул измазанный кетчупом палец. — Взять их! Бейте по ушам! Увеличьте громкость!

Диссонирующий хор взмыл на ветхих, но все еще надежных крыльях и ринулся вперед.

— Кореш, ты тока вниз не гляди!

Радуга позволяла двоим бежать бок о бок, но все же была недостаточно широка. По обе стороны ее на несколько тысяч футов вниз простиралась пустота.

Они бежали, а по барабанным перепонкам хлестали пародии на музыкальные произведения. Джон-Том оглянулся: слуги Хинкеля быстро сокращали расстояние.

— Догоняют!

Мадж попытался добавить прыти. Будь у него подлиннее лапы, Джон-Тому не угнаться бы за ним.

— Нет, чувак, нам точно опаньки! — прохрипел выдр. — Они летят быстрее, чем мы сучим мослами.

— Знаю. Плохую музыку не обгонишь.

Было уже ясно, что Хинкель решил их прикончить. Не позволит он разгуливать по своему острову Джон-Тому или другому обладателю опасного могущества. Что простительно нескольким жалким оборванцам, бывшим товарищам Хинкеля по ансамблю, то заказано способному и опытному чаропевцу. Между тем радуга уже неуверенно вибрировала, она тоже страдала от пыточных мелодий.

У преследователей были крылья. Вот бы и Джон-Тому с Маджем ими разжиться! Много чего могло прийти Джон-Тому на ум в эти отчаянные мгновения, но пришла почему-то рекламная песенка, посвященная кукле какой-то девчушки. На раздумья и сомнения не было времени — вооружась идиотскими меркантильными виршами, он бросил вызов душераздирающему хору посредственностей.

Под ногами заклубился серебристый дымок. Несколько раз тихо щелкнуло. Через секунду выдр и человек понеслись дальше, но теперь они легко набирали скорость. Разъяренные преследователи удвоили усилия как в летательном, так и в музыкальном аспекте, но не добились успеха. Дистанция между гончими и жертвами неуклонно увеличивалась.

— Вот черт! Кореш! Че это за фиговины?

Мадж, которого природа наградила поразительной ловкостью и низким центром тяжести, без особого труда сохранял равновесие. Джон-Том приноровился довольно быстро, но все же не без усилий.

— Мы называем их роликовыми коньками!

Выдр катил рядом, но Джон-Тому пришлось кричать во весь голос. Вместе со скоростью нарастал шум ветра в ушах.

— А че, кажись, мне нравится!

Мадж помчался спиной вперед, потом — на одной лапе, а Джон-Тому еле-еле удавалось держаться вертикально. Он едва не выругался, когда Мадж лихо проделал сальто вперед и легко опустился на ролики. «А, пошел ты, — подумал Джон-Том. — Если сейчас сыграешь вниз — пеняй только на себя». Но вслух этого не сказал — был слишком занят эквилибристикой.

— Отродясь ничего подобного не видал! — Выдр низко нагнулся — рассмотреть незнакомые штуковины на башмаках. Конечно, это были не крылья, но они позволили беглецам быстро оторваться от кровожадных призраков. Инквизиторская музыка превратилась в неприятный шепот, не более того.

— То-то мы им нос утерли! — Торжествующий Мадж глянул на друга. — Меня, чувак, теперь тока одно маленько беспокоит.

— Что?

Джон-Том не позволял взгляду отлипнуть от разноцветной дороги.

— Как эти хреновины остановить?

— Ты меня спрашиваешь?

Чаропевец, едва не потеряв равновесие, неистово замахал руками и кое-как выпрямился. При этом дуара подпрыгивала и громко билась о спину.

Выдр, одной лапой придерживая тирольку, присел на корточки.

— А, ну тада отлично. Можа, выясним, када доберемся до конца. А пока буду наслаждаться каждой секундой езды. Вот это кайф! Лучше всего на свете.

На скорости где-то между двадцатью и двумя тысячами миль в час они пронеслись мимо троицы потрясенных джерсийцев. Оборванные музыканты, узнав в роликобежцах своих новых знакомых, испустили дружный и радостный вопль. Но человек и выдр не откликнулись — им было не до того.

Музыкальному облачку, их неразлучному спутнику от самого Колоколесья, пришлось вытянуться в розовую струнку, чтобы не отстать. Любой захудалый призрак намного превосходил блуждающую музыку по массе, и в поединке она не имела бы шансов.

Чаропевец между тем заметил, что земля приближается очень быстро. А как остановиться, он по-прежнему не знал. Дуара сейчас бесполезна — душа уходила в пятки при одной мысли об игре на таких скоростях. Выдр держался рядом, Джон-Том уже давно не видел подобного блеска у друга в глазах — это прежний неугомонный, неукротимый Мадж! Если и не судьба им пережить бегство, по крайней мере, один из них погибнет на вершине блаженства.

Вот промелькнули в стороне принцессы и четверка солдат; их приветственные крики и восторженные рукоплескания едва дошли до сознания новоявленных роликобежцев. К счастью, радужный мост заканчивался за скоплением отполированных волнами черных валунов, на мелководье. Иначе бы не собрать им костей.

Джон-Том приготовился к удару и уже собирался закрыть глаза, когда перед ним растерянно заклубился туман. В его гуще висел знакомый силуэт.

— Как раз вовремя! Я-то думал, мы больше не...

Фасеточные глаза не могли расшириться от изумления, зато отпала многосегментная челюсть, а антенны встали торчком.

Человек и выдр влетели в туман.

Он без остатка поглотил инерцию — с таким же успехом можно мешать соломинкой горячий шоколад. В последний миг Джон-Том всплеснул ладонями, закрывая лицо, и почувствовал, как врезается во что-то неподатливое. Желудок сделал три подскока и два с половиной оборота. Рядом изумленно тявкнул Мадж.

Чаропевец решил, что земля и правда плоская, древние были совершенно правы. Ее кто-то расплющил в монету, и Джон-Тома угораздило сорваться с края.

Глава 24

Когда Джон-Том открыл глаза, оказалось, что он лежит на полу из желто-оранжевого паркета. Плитки образовывали узор — соприкасающиеся сторонами шестиугольники. С ног исчезли ролики. Первым делом он подумал о драгоценной дуаре — к счастью, она чудесным образом пережила удар.

Пол казался каким-то неправильным. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что паркет не деревянный, а из мудреного пластмассового заменителя. Джон-Том тщательно ощупал себя — синяков и ссадин хоть отбавляй, но кости как будто целы, кровотечений нет, органы работают в соответствии с замыслом природы. «Однако чего природа точно не замышляла, — подумал чаропевец, — так это нашего последнего приключения».

Мадж уже поднялся и с мечом в лапе приближался к старому знакомому. В последний миг перед тем, как все кругом сошло с ума, Джон-Том узнал странное насекомое, регулярно выскакивавшее из другой реальности с тех пор, как они покинули Машупро.

Насекомое стояло физиономией к ним и возилось с пультом пристегнутого к спине устройства. Встроенные лампочки меркли, чернели.

Мадж буравил жука взглядом.

— Джон-Том, ты как?..

— Ничего, все в порядке.

Чтобы убедить в этом самого себя, Джон-Том поднялся. Мышцы выразили нервной системе официальный протест, но подчинились.

— Это не предусматривалось, — сообщил жук.

— Вы не шутите? — Джон-Том казался каланчой рядом с многоногим созданием, по высоте не превышающим Маджа. Помещение, где они очутились, представляло собой полусферу. Мебель предназначалась для существ с числом конечностей не меньше, чем у Джон-Тома и Маджа, вместе взятых, и занимала весь периметр комнаты, кроме участка стены против двери, — последний прятался за неизвестной Джон-Тому электроникой. Чаропевец не был искушен в технике, он, в частности, верил, что все компьютеры держат на него зуб и нажатие любой кнопки на стереосистеме, кроме выключателя и регулятора громкости, чревато непредсказуемыми последствиями.

Сейчас он был уверен в одном: тут действует технология — или магия — высшего порядка. Это вопрос дефиниций, не более того.

— Что с нами произошло?

— Да, че тут за фигня?

Мадж повел мечом, чем, похоже, нисколько не устрашил насекомое.

Голос жука полился из висящей под его ротовым отверстием

коробочки. Одной хватательной конечностью он приглаживал усики, остальными тремя по-лекторски жестикулировал.

— Кажется, наконец удалось должным образом обеспечить ваше физическое присутствие. Но, к сожалению, я не имел возможности контролировать процесс вашего движения. Могу смело сказать: вам очень повезло, что остались живы.

— Верю, еще как верю. — Джон-Том кивнул. — Я уж было твердо решил, что нам крышка. Мадж, опусти меч. Этот... господин не собирается причинять нам зла.

— Никоим образом не собираюсь, — с чувством проговорил инсектоид. — Вам также следует знать: мои предыдущие целенаправленные перемещения заканчивались неудачно, однако итоговый результат эксперимента оказался вполне удовлетворительным.

Джон-Том недоуменно заморгал.

— Целенаправленные?

— Естественно. Неужели вы думаете, что через все эти неприятности я прошел исключительно ради светской беседы с вами? Моя память на этот раз выдержала, я вспомнил, какую задачу ставил перед собой. Это потребовало гораздо больших усилий, чем я поначалу рассчитывал, но, по-моему, дело того стоило.

Он указал влево.

Облачко нот было заключено в мерцающее силовое поле. Оно тихонько напевало в задумчивости — похоже, ограничение свободы передвижения его нисколько не огорчило.

— Так ты че, шеф, хошь сказать, че все время за нею гонялся? — с сомнением произнес Мадж. — За этой бродячей музычкой?

— Совершенно верно. — Жук кивнул совсем по-человечески. — Предыдущие наши встречи были слишком кратки, а избирательная посттелепортационная амнезия не дала мне возможности все объяснить. Но сейчас я этот недостаток исправлю.

Прежде всего вам следует знать, что в результате нашего последнего, крайне мимолетного контакта вы переместились из вашего мира в мой. Как я уже сказал, это не было предусмотрено. Подготавливая встречу, я никак не ожидал, что вы полетите прямо на меня с чудовищной скоростью. Обстоятельства заставили вашего покорного слугу действовать поспешно и безрассудно. Скажите, я правильно предположил, что вы утратили контроль над своим продвижением?

— Не совсем правильно, — ответил Мадж. — Вишь ли, шеф, у нас этого клепаного контроля с самого начала в помине не было.

Разглядывая непривычную обстановку, он поймал себя на раздумьях о принципе действия различных устройств. А также об их потенциальной стоимости в денежном выражении где-нибудь в Колоколесье.

— Так вы, наверно, волшебник? — растерянно спросил Джон-Том.

Кацповарекс постучал по электронному переводчику, будто хотел убедиться, что тот исправен.

— Можно выразиться и так. Точнее, я физик-межпространственник.

Джон-Том заметил, что на сей раз жук пахнет красным жасмином.

— Кроме того, — продолжал обладатель приятного запаха, — я занимаюсь музыкой и исполнительскими искусствами.

— Довольно редкое сочетание, — заметил Джон-Том.

— В моем мире это совершенно в порядке вещей. Между прочим, хоть я и не знаком с вашим инструментом, но заметил, что вы очень неплохо играете.

Джон-Том расцвел.

— Что же касается пения, вынужден заметить...

— Увольте. С меня вполне достаточно и его критики. — Чаропевец ткнул большим пальцем в сторону Маджа.

— Кажется, ваше выступление пробудило некие материи, расположенные за рамками ординарной физики. Кое-кто может принять это за магию.

— Вам бы с Клотагорбом поговорить, моим наставником. Вы с ним, можно сказать, коллеги. Скажите, давно вы скачете между мирами, или телепортируетесь в иные измерения, или чем вы там занимаетесь?

— Именно об этом я и собирался вести речь. Техническая часть моего эксперимента, не говоря уже о теоретическом обосновании, еще находится в стадии разработки. Чтобы не усложнять ситуацию, я решил в первую очередь искать нечто весьма важное и при этом недостающее.

Он указал на мирно плавающие в силовой клетке ноты.

Джон-Том вдруг понял, до чего же он устал, и поискал, нет ли чего-нибудь, подходящего на роль сиденья? Ничего. Придется постоять.

— Столько хлопот — и все ради нескольких заблудших аккордов?

— О, вы не понимаете! Это же крайне важно!

Насекомое подбежало к шкафу, распахнуло дверцу и выхватило штуковину, донельзя похожую на огнестрельное оружие. Джон-Том аж вздрогнул. Мадж, уловив реакцию друга, поспешил занять место рядом с ним.

— Че такое, кореш? Че не слава богу? И где мы? В ближайшей преисподней?

— Это не очень вежливо. — Джон-Том слегка напрягся, когда хозяин повернулся к нему. — А если бы я, придя к вам в дом, сказал что-нибудь подобное?

— Видели бы вы его дом!

Чаропевец настороженно косился на синеватое металлическое устройство в конечности инсектоида.

Физик положил устройство на круглый столик и дотронулся до рычажка на его боку. Комната вмиг заполнилась музыкой. Она звучала отовсюду, как будто сами стены превратились в динамики. Да, судя по всему, так оно и было. Вдобавок имел место

визуальный аккомпанемент — в виде тумана, что колебался и менял форму и цвет в зависимости от малейших изменений темпа и громкости. Волнообразы были совершенно непривычны для Джон-Тома, но не лишены приятности. Сладостная, устремленная ввысь мелодия служила основой для серии исключительно сильных воздействий на чувства. Она одновременно веселила и расстраивала — последнее больше, поскольку Джон-Том не знал музыкальной культуры этого мира и не мог до конца понять смысла мелодии. Мадж, при первых звуках зажавший ладонями уши, вскоре успокоился. Он тоже ничего не понимал, однако слушал без отвращения. Чаропевец находился в более выгодном положении — благодаря музыкальному опыту.

— Очень красиво... по-моему.

Кацповарекс выключил устройство, однако ноты задержались у Джон-Тома в мозгу, а яркие краски остались на сетчатке глаз.

— Я никогда не слышал подобного.

— Ваша реакция вполне понятна. Она схожа с реакцией ваших соплеменников.

У Джон-Тома глаза полезли на лоб.

— Здесь есть люди?

— О, безусловно. Но, боюсь, вам не посчастливится встретить кого-нибудь из них. Ваше присутствие в этом мире — аномалия, и ее следует побыстрее устранить, иначе возможны серьезные последствия, я даже не возьмусь предсказать, насколько серьезные.

— Ладно, шеф, мне это годится, — заявил Мадж. — Вертай нас взад.

— Именно это я и надеюсь сделать, не забывая про капризный характер моей аппаратуры.

— Все-таки я не понимаю. — Джон-Том тоже хотел вернуться, но — с объяснением. — Все это — ради горсточки аккордов?

Кацповарекс свесил голову набок — человек на его месте поднял бы брови.

— Аккорды необходимы для завершения финальной и величайшей композиции бессмертного Дж'Амельтанека, самого выдающегося в моем поколении создателя визуальной музыки. Никто не понимает, по каким причинам они исчезли, но музыка живет по собственным законам. Я ценю творчество Дж'Амельтанека, даже преклоняюсь перед ним, а потому решил разыскать пропажу. Вообразите же мое изумление, когда я обнаружил, что она проскользнула в новообразованный разрыв между измерениями!

— Не проскользнула. Ее похитили, украли. — Джон-Том посмотрел на Маджа. — Помнишь, Хинкель говорил, что забирает музыку из других миров? Наше облачко — наверное, самая первая, пробная жертва. Но удержать его, как остальную музыку, Хинкелю не удалось. Оно сбежало, да вот только не смогло найти дорогу домой. И тогда отправилось искать подмогу.

Взгляд Каца переместился с выдра на человека.

— Теперь моя очередь ничего не понимать.

— Мы должны кое-что уладить, — сказал Джон-Том. — Когда вернемся. Иначе возможны и другие подобные инциденты. Не только в вашем мире, но и в моем, и во всех остальных, где слушают и любят музыку, — а таких миров, мне думается, немало.

Кац указал на нежно звенящее облачко аккордов.

— Выходит, оно не сбежало, а было похищено? Интересно. Если вы говорите правду, а у меня нет причин в этом сомневаться, то упомянутую вами персону необходимо остановить. — Физик покачал головой. — Ни одна особь в мире не обладает монополией на зло. — Он развел четырьмя руками и шестнадцатью пальцами. — Чем я могу помочь?

— Я пробовал с ним сразиться. — Джон-Том тяжело вздохнул. — Абсолютно уверен, что один на один я бы с Хинкелем справился, но он заручился очень серьезной поддержкой. Как добиться того же, я не знаю, а моих личных ресурсов для победы явно недостаточно.

Инсектоид обдумал его слова.

— Могу я предложить уроки вокала?

Судьба — бесконечное чудо, решил Джон-Том. Во вселенной тьма-тьмущая всевозможных существ, его же угораздило встретиться с музыкальным критиком.

— У нас нет времени на это, — сдержанно ответил он.

— Да, да, вы, конечно же, правы. В таком случае мы должны придумать что-нибудь другое. Ну а пока вам необходимо вернуться в собственный мир. — Кацповарекс указал на приборные панели. — Ваше присутствие генерирует волновые искажения, и они быстро приближаются к критической точке. Нижний предел хронологических параметров уже превышен, и я бы не хотел, чтобы вы разлетелись в клочья на моем полу.

— Ну так, шеф, за чем же дело стало? — Мадж занял позицию в середине комнаты. — Отправляй нас поскорей.

— Прекрасная мысль.

Кацповарекс встал рядом с выдром и жестом пригласил Джон-Тома присоединиться.

— Встаньте рядом со мной, пожалуйста. Обхватите руками мою шею. Постарайтесь не забывать о спикулах!

Хитоновый экзоскелет был гладким и теплым. Пока Кац настраивал аппаратуру, путешественники испытали знакомое головокружение вкупе со смятением желудка. На это ненадолго наложилась квазипотеря сознания. Они вернулись, зависнув в воздухе в считанных дюймах от скалистого берега. Мадж перенес телепортацию легко. Джон-Том оступился и, не удержавшись на ногах, рухнул на узкую полосу песка.

— Я обеспечу необходимое содействие.

Кац помахал конечностью из поддерживающего его пара. Засим последовали актиническая вспышка и тихое «фуп» — с

таким звуком лопается мыльный пузырь. Туман исчез вместе со своим многоногим пассажиром.

Мадж протянул другу лапу:

— Интересно, этот педик сдержит свое обещание?

— Он искренне любит музыку. — Джон-Том стряхнул со штанин черный песок. — Может быть, он и не найдет помощи, но в том, что будет искать, я ни капельки не сомневаюсь.

Радужный мост пропал бесследно в тот миг, когда его создатель перескочил в другой мир. Послышались радостные крики, и друзья ответили на них во всю силу легких.

Их обступили солдаты и принцессы, все рассказывали и расспрашивали наперебой.

— Полегче, полегче, давайте по одному. — Джон-Том успокаивающе жестикулировал. — Нас переправили в иной мир, в другое измерение.

— Ну и жуткая ж дыра! — добавил Мадж. — На каждом шагу кишат невообразимые опасности. Если б не я...

— Нас забрал к себе другой... гм... волшебник, а потом вернул обратно. — Джон-Том метнул в выдра уничтожающий взгляд. — То самое твердокожее существо, мы с ним уже встречались несколько раз. Его зовут Кацповарекс, он пытается восстановить музыку, которая вела нас с Маджем.

Джон-Том с удивлением обнаружил, что грустит без светящегося музыкального облачка. Оказывается, привычное позвякивание основательно скрасило долгий поход. И вот оно осталось только в воспоминаниях.

И с этими воспоминаниями Джон-Том не расстанется, когда снова отправится на гору, чтобы остановить музыканта-мегаломаньяка.

— Отправляя нас назад, он обещал поискать помощь. — Джон-Том указал на темные тучи, застрявшие на высоких шпилях. — Вся украденная музыка — там, и пока мы тут стоим и разговариваем, мерзавец отовсюду выдергивает остатки. Это музыкант с моей родины, его способности творить зло намного превосходят талант. Мы с Маджем собирались положить конец его преступлениям, но вынуждены были отступить.

— По радужному мос-сту, — добавила Сешенше.

— Да.

— Мы уж думали, вы не возвратитесь.

Судя по взгляду Ансибетты, ее бы это не просто огорчило.

Выдры — существа более экспрессивные, чем люди. Пиввера порывисто обняла Маджа и чмокнула прямо в губы. Тот пошатнулся от неожиданности. Нечасто Джон-Тому доводилось видеть, как его друг теряет дар речи.

— Я рад, что вы снова с нами. — Лейтенант Найк пожал Джон-Тому руку. — Кто бы ни засел там, он в отвратительном настроении.

Словно желая подтвердить его правоту, со склона лавиной

скатился гром — посильнее прежних. Черная молния расколола синее небо. Квиквелла указала вверх — не лапой, а языком.

— Глядите! На горе что-то происходит!

Из брюха самого мглистого облака появились и двинулись вниз пятнышки — как будто у бури начались роды. Силуэты с такого расстояния были неразличимы, но Джон-Том и Мадж все поняли. Иероним Хинкель, не сумев расправиться с пришельцами на вершине, решил спуститься к ним.

Крылатые призраки приближались, Джон-Том узнавал их одного за другим — от пародии на Элвиса до распутной пышнотелой южанки-рэперши. Они играли и пели на лету, и ужасная музыка неслась перед ними всесокрушающим тараном.

— Что это за кошмарный шум?

Очаровательное личико Ансибетты скривилось.

Джон-Том изготовил дуару к бою, прекрасно понимая, что, возможно, наступил его последний час. На сей раз он знал, с кем имеет дело, и подготовился лучше. Однако подавляющему численному превосходству неприятеля он по-прежнему ничего не мог противопоставить.

Любой ценой защитить принцесс! Решительно выбросив из головы мысли о собственных шансах на спасение, он принял боевую стойку между дамами и горой, прижал инструмент к животу. Сейчас придется петь, как никогда в жизни.

Летящая на него глыба уже дробилась на отдельные силуэты; солдаты и сгрудившиеся за ними принцессы встречали призраков возгласами отвращения. Найк велел своему отряду выстроиться в шеренгу за Джон-Томом. Конечно, против таких врагов, как пришельцы из загробного мира, мало пользы от алебард и смелости, но Джон-Том был благодарен друзьям за готовность поддерживать его, несмотря ни на что. Со слабой надеждой он подумал, что за пределами спасительной крепости Хинкель, быть может, не так уж и силен. Быть может...

Рядом раздался знакомый пронзительный голос:

— Ну, и где ж твой клепаный жучила-доброхот? Так и знал, че от него никакого проку не будет.

— Не суди его слишком строго. Мы же расстались считанные минуты назад, разве за такой срок успеешь что-нибудь придумать? И к тому же где ты видел проворного ученого?

— Щас мы покажем этим гадам наше проворство! — Мадж, несмотря на пессимистическое расположение духа, был готов драться и натягивал тетиву. Завывание миньонов Хинкеля уже отдавалось у Джон-Тома в затылке. Он боялся, что пульсация перерастет в мигрень, если мерзейшая игра и неописуемо гнусное пение продолжатся. Он никогда не пытался лечить головную боль чаропеснями и не знал, будет ли от этого польза.

Мадж вскинул лук.

— Можа, повезет сбить парочку.

— Конечно, собьешь, если только для них опасна такая земная и неволшебная ерунда, как стрелы.

Выдр посмотрел на спутника и фыркнул:

— Молодец, чувак, валяй в том же духе. Ободряй меня.

Джон-Том ответил бы на шпильку, но волна псевдорока заставила его болезненно сморщиться. За спиной послышался хоровой стон — принцессам тоже приходилось несладко.

Чаропевец с товарищами были вынуждены отступать к лагуне. Вскоре принцессы оказались по лодыжку в тепловатой морской воде. Он слышал, как за рифом ревут возмущенные китообразные. И догадывался, что ему скоро предстоит исчезнуть не только из времени, но и из пространства.

Чудовищный шум ненадолго стих. Крылатый пьянчужка в потертом наряде Либерейса и крепко сбитый экс-охотник за головами из Ириан-Джайи, а ныне обладатель крыльев летучей мыши и ксилофона из человеческих черепов, подобострастно опустили Хинкеля на песчано-гравийную границу прилива. На груди солиста висела гитара, под кистью болталась на ремешке помятая губная гармоника. Сверкающими глазами посмотрел он на своих недругов, словно на отвергнутых кандидатов в массовку наидешевейшего хэви-металлистского клипа.

— Как вам нравится музыка? Я дарю ее! Я вас научу ее любить, даже обожать! — Очи поднялись горе. — Все меня будут слушать! Или страдать от последствий!

— А разве это не одно и то же? — ровным тоном осведомился Джон-Том.

— У тебя нет выбора!

Маньяк прижал к губам гармонику и снова заиграл при поддержке орды неудачников.

Принцессы закричали и заплакали, солдаты взвыли, даже храбрый и стойкий Найк не удержался от возгласа. Джон-Том попытался выступить с достойной контрмерой, но гротесковый хор одной только громкостью и энергией едва не лишил его чувств.

Мадж прицелился и выпустил стрелу. Она летела точнехонько Хинкелю в шею. Певец, целиком уйдя в самолюбование, не заметил опасности. Из его глотки рвались запредельные звуки — словно машинист состава, битком набитого живыми цыплятами, на скорости семьдесят миль в час опустил тормозные башмаки.

Объединенные вибрации были столь сокрушительны, что древко стрелы дезинтегрировалось прямо в воздухе. Металлический наконечник безобидно кувыркнулся на землю в нескольких фугах от теннисных туфель Хинкеля.

Джон-Том слышал, как дрожит за его спиной шлюпка, — гвозди вот-вот повыскакивают из досок. Шевелился песок на берегу, возмущенно корчилась вода в лагуне. Даже крабы повылазили из нор и, задрав клешни, искали спасения в глубинах.

У выдра на морде появилось безнадежное выражение. Он положил лук и с мечом наголо приготовился к самоубийственной атаке — авось у Джон-Тома будет время собраться с мыслями и нанести ответный удар.

— Джон-Том! — проник сквозь какофонию мученический вопль Ансибетты. — Сделайте так, чтобы это прекратилось!

У чаропевца, почти исчерпавшего свою изобретательность, неожиданно мелькнула идея. А ведь может получиться! Тут изменить словечко, там переделать строчку... Он, отвердев взором, крепче взял дуару, заиграл и запел.

И явилось широкое, клубящееся, полупрозрачное облако там, где море встречалось с песком... позади Джон-Тома!

Застигнутые врасплох солдаты и принцессы поспешили отбежать от растущего облака. В радужном пару появились контуры чего-то массивного. Это был чудовищный серый овоид в ярких, как лазерный луч, огнях. По бокам его высились два параллелепипеда, достававших, казалось, до солнца.

Монолиты эти были черны как смоль и безлики. Туман начал рассеиваться, лучи светила с новой мощью обрушились на циклопический ансамбль, и тот приобрел ониксовый блеск — казалось, его поверхность поглощает столько же света, сколько отражает. И столь грандиозны были овоид и параллелепипеды, что заглушили даже отчаявшихся китов.

Не обратить на них внимания Хинкель не мог. Но, хоть он и пялился ошарашенно на исполинские штуковины, играть и петь не прекращал. Не унимался и его загробный хор.

Опустился позабытый на время Маджев меч. Отпала челюсть его владельца.

— Вот черт! Кореш, че это такое?

Джон-Том дал передышку дуаре и тоже обернулся поглазеть на диковину. Его длинные волосы трепал злой ветер, поднятый Хинкелем и миньонами.

— Я... не знаю. — Однако в контурах черного монумента было что-то знакомое. И тут по лицу Джон-Тома расползлась широкая ухмылка: — Знаю! Это подарок от нашего приятеля.

— А помнится, ты говорил, клепаным ученым, где б они ни ошивались, на ихние эксперименты нужна уйма времени.

— Так-то оно так, но ведь наш друг еще и музыкант, а музыканты предпочитают доверять инстинктам. Что он и сделал.

Выдр с надеждой разглядывал монолитное сооружение.

— Похоже на потусторонний замок, вот че я скажу.

— Мадж, ты недалек от истины, совсем недалек.

— Я все-таки не пойму, чем эта хреновина может нам помочь, разве че брякнется Хинкелю на тыкву.

— Ты смотри и слушай.

Джон-Том, оступаясь на черном песке, пробежал мимо растерянных солдат и принцесс. На поиски желаемого ушли считанные секунды. Кабель был толщиной с его руку и заканчивался плоским разъемом невиданной формы, но его предназначение не вызывало вопросов.

— Всем лечь! — закричал чаропевец. — И держись!

Спутники, ничего не понимая, все же послушались — попадали на песок.

Крепко сжимая дуару одной рукой, другой он схватился за кабель и воткнул разъем в чувствительное местечко на корпусе у стыка грифов. Из дуары хлынули сокрушительные световые волны, расширились золотым нимбом, окутали колоссальный овоид. Кабель корчился, точно питон в менопаузе, но дуару музыкант из рук не выпустил. Эх, беруши бы...

А ведь в прошлом он не раз задавался вопросом, как бы звучала его музыка, если ее как следует усилить и пропустить через пару хороших динамиков.

Глава 25

Первые сокрушительные аккорды песни Элис Купер «Эй, дурак!», слегка подрихтованные Джон-Томом с учетом ситуации, исторглись из монолитов. Потрясенного Хинкеля они напрочь оторвали от земли, и он кувыркался в воздухе, пока его полет не был оборван густым терновником.

Безголосые приспешники, бешено хлопая крыльями, пытались удержать рубеж, но против динамиков величиной с автобус у них не было ни единого шанса.

Усиленная до невозможности чаропесня сдувала их, как осенние листья. Ей нипочем были и убогая музыка, и атрофированные мышцы.

Однако каким-то чудом призраки сумели остановить ретираду. Плеща крыльями, словно пародируя стаю растрепанных колибри, они перестроили ряды и бросились освобождать воеводу из колючей тюрьмы. Благодаря боязни поражения эти духи прошли через вечность, и та же боязнь поражения стала для них мощной поддержкой. Они снова запели, но им не удалось потеснить чаропевца ни на шаг.

Результатом стал музыкальный пат чуть ли не космических масштабов.

Джон-Том, как бы виртуозно он ни играл, отогнать недругов не мог. Союз его чаропения и потустороннего усилителя встретился с равной по силе решимостью самых величайших неудачников в истории музыки. Вскоре битва выродилась в состязание — у кого выносливее руки и легкие.

Хинкель получил передышку, выбрался из терновника и вновь возглавил хор бездарей. Его внешность, как и у многих рок-музыкантов, была обманчива: в костлявом теле таились громадные запасы сил и энергии.

Джон-Том понял, что надо искать выход из тупиковой ситуации. Необходимо новое оружие, подкрепление, на которое у противника не найдется контрсредств.

Тут бы сгодился хор китов, но их песнями командует Хинкель, и вдобавок китам не подобраться достаточно близко к берегу. Принцессы съежились на песке, они слишком ошеломлены, чтобы рассчитывать на их содействие. Вот если бы здесь были Банкан, Ниина и Сквилл... Они тоже чаропевцы, этого у них не отнимешь. Но дети в сотнях лиг отсюда. В музыкальном плане Джон-Том сейчас один в поле воин. Впрочем, помощник все-таки есть, хотя его музыкальные способности, увы, оставляют желать лучшего.

Не прекращая игры, он сделал перерыв в пении.

— Мадж!

Успевший развалиться на песочке, выдр изогнулся всем телом, посмотрел на друга.

— Че такое, чувак? У тебя ж все прекрасно получается.

— Надо еще прекраснее! Мадж, я пока ни разу не обращался к тебе с такой просьбой, хотя у тебя два музыкально одаренных детеныша. Ты на чем-нибудь играешь?

— Е-мое! Я? — Выдр заморгал. По его меху бежала рябь от музыки друга, как от сильного порывистого ветра. — Не, кореш, я предпочел оставить это дело соплякам.

— Неужели совсем ни на чем? — едва слышался в космической какофонии голос Джон-Тома.

— Ну-у... — Выдр поразмыслил. — Кой-че за душой имеется. Правда, хвастаться этим я не люблю — вдоволь у меня других достоинств. Када подворачивается барабан, я не упускаю случая на нем попрыгать.

Джон-Том воодушевился: ударный контрапункт — как раз то, что нужно. К сожалению, он не располагал необходимым инструментом, и недосуг было заказывать его благожелателю из другого измерения.

Иными словами, рассчитывать, как обычно, приходилось только на себя.

— Простенький, прямолинейный ритм, — сказал он выдру. — Чтобы только подчеркнуть игру дуары, поддержать меня!

Он снова запел, на ходу изобретая стихи на мелодию Купер. В сравнении с вещами, которые он раньше пытался переложить на чаропесни, это колдовство выглядело совсем простеньким.

Все это время от дуары шел фиолетовый дым с синеватым оттенком. И вдруг облако начало шириться, расти. Джон-Тома это встревожило, он не знал, что теперь делать, — разве только замолчать.

Облако расползалось, набухало. Чаропевец уже готов был прекратить игру, но тут дым рассеялся, и выяснилось, что сомнения были напрасны — он добился успеха.

Даже, быть может, чрезмерного.

Появился всего лишь барабан, голубой, с хромированными боками тимпан, зато по габаритам ему не было равных — он лишь чуть-чуть уступал шлюпке. Мадж поднялся и зашагал, кренясь под громовым музыкальным шквалом, который по-прежнему рвался из колонок.

— Вот это да! — сверкая глазами, воскликнул он. — Барабанчик как раз для меня!

Выдр с неподражаемой ловкостью вскарабкался по боку инструмента и встал на крепкий, величиной с танцевальную площадку верх. Скинул с себя лук, колчан, куртку, жилетку, штаны, башмаки — остался в одной шерсти. Джон-Том дал отмашку, Мадж набрал полные легкие воздуха и пустился в дикий, маниакальный пляс, со всем темпераментом, которым природа наградила одних лишь выдр. Танец этот дышал ничем не скованным восторгом, страстью, нестареющей и даже невзрослеющей жизнью. А еще в нем был ритм, столь необходимый Джон-Тому. И ритм этот, как пресловутая последняя соломинка, что сломала хребет верблюду, решил исход противостояния.

Мадж отбивал сумасшедшую чечетку на бробдиньягском барабане, гигантские динамики исторгали усовершенствованную Джон-Томом куперовскую классику — и вдруг кладбищенская свита Иеронима Хинкеля взорвалась, разлетелась в клочья. Посыпались перья, лохматые клочки кожаных перепонок, кусочки инструментов.

Хинкель осыпал опростоволосившихся прихвостней площадной бранью; сам он ухитрился остаться на месте, вонзив пальцы в песок. Сейчас его пение мало чем отличалось от истошного визга. Гитара повисла на вершине дерева бесформенным комом из струн и фанерного крошева. Губную гармонику, расплющенную в листок, вместе с хором унес на юг поднятый колонками ветер.

Солдаты и принцессы вцепились кто во что, а над ними ревела музыка, сотрясая остров до самого основания. Нечто подобное Джон-Том уже видел на паре-тройке концертов. Стоило ли удивляться, что он испытывает мощный душевный подъем?

— Умоляю, хватит! — еле расслышал он в грохоте музыки сорванный писклявый голос.

Хинкель начисто выдохся, одежда его превратилась в лохмотья. Из последних сил он держался за согнувшееся деревце. Тощее тело вытянулось параллельно земле и пестрым флажком трепетало под музыкальным ветром; казалось, стоит прибавить громкости на децибел, и горе-солиста унесет прочь.

Джон-Том дал струнам дуары покой, и гром утих. Волоча за собой черный провод, чаропевец поднялся пологим склоном, и вот он стоит над избитым и поверженным музыкантом. Хинкель лежал на боку, цыплячья грудь вздымалась и опадала, как кузнечные мехи.

— Даешь клятву? Никаких пакостей, никаких краж?

Хинкель энергично, затравленно закивал:

— Хорошо.

Джон-Том выпустил последний грозный перебор, отчего хныкающий противник скорчился в позе эмбриона, и переместил дуару на спину. Впервые ее корпус до того разогрелся, что

жег пальцы. Правда, раньше она и не знавала столь мощного усиления.

Он осторожно взялся за кончик провода. Плоский контакт легко отделился от дуары, его край почернел, кверху поднимались струйки дыма.

Но тишина не наступила. Принцессы поднялись кто на нижние лапы, а кто и на ноги, и загомонили, пытаясь привести свою внешность в порядок. Затем они подошли к собравшимся под огромным барабаном Джон-Тому и мангустам.

Джон-Том запрокинул голову и приложил ладони рупором ко рту.

— Мадж, довольно!

— А? Че ты говоришь, кореш? — Наверху появилась голова выдра, и Джон-Тому показалось, что у его друга дымятся усы.

— Я говорю, можешь отдыхать! — закричал чаропевец во все горло.

Выдр постучал себя по макушке.

— Извини, чувак, ни хрена не слышу. Тебе б все-таки не помешало чей-то сделать со своим голосом.

Джон-Том чиркнул пальцем по горлу.

— А, значица, даже так? Ну ладно.

Выдр на несколько секунд исчез и вскоре снова появился, уже в полном облачении, а миг спустя был на земле. Там его ждали благодарные объятия — сначала друга, потом солдат и, наконец, принцесс. Кое-кто из последних настолько увлекся, что жертве пришлось вырываться.

— Эх, кореш, много раз бывал я свидетелем твоего чаропения, но впервые в жизни мне довелось помочь в этом деле. Пусть меня вздрючат, как придурковатого гофера, ежели это не было забавно!

— Это часто бывает забавно.

Джон-Том улыбался до ушей.

— Ты б, шеф, погромче говорил, я еле слышу. Да, ты прав, кроме тех случаев, увы, совсем нередких, када твое колдовство срывается с цепи. — Мадж сощурился и вытянул шею, пытаясь заглянуть товарищу за спину. — Кстати, о сорвавшихся с цепи. Где этот гнилой отброс племени двуногих теплокровных?

Джон-Том ткнул большим пальцем в плечо.

— Оклемывается.

Хинкеля они нашли там же, где его оставил Джон-Том. Музыкальный вор слегка оправился от взбучки, но все же не был способен даже на символическое сопротивление. Несостоявшийся повелитель всея музыки перевернулся на спину и обнаружил над собой арсенал неволшебного, но тем не менее очень грозного холодного оружия, которым размахивали Мадж и четверка солдат.

Пауко глянул на своего друга Хека.

— Может, попросту перерезать ему глотку, и дело с концом?

— Да, это легкое решение пустяковой проблемы.

Острие алебарды застыло в миллиметре от шеи Хинкеля.

— Умоляю, не надо! Не убивайте меня! — Хинкель кое-как поднялся на колени. — Ведь я всего-навсего хотел, чтобы люди оценили мое творчество. — Он с несчастным видом повернулся к Джон-Тому: — Вы же музыкант! Вы должны меня понять!

— Я понимаю любовь к музыке, — тихо ответил чаропевец, настроившись на философский лад. — Я понимаю, когда творческая личность хочет стать известной и уважаемой. — Он медленно покачал головой. — Но как можно отнять музыку у всех на свете, чтобы им приходилось слушать только тебя, — этого я понять не в состоянии. Каждый художник должен терпеливо воспринимать критику. — Он поймал взгляд Маджа, и с его лица сбежала улыбка. — Сам я вынужден мириться с нею почти всю жизнь. К примеру, мне часто говорили, что мое пение оставляет желать лучшего. Понадобились долгие и упорные тренировки, чтобы довести его до сегодняшнего уровня.

— Который не больно-то высок, — шепотом добавил выдр.

— Я буду тренироваться, я буду упорным, — скороговоркой выпалил Хинкель. — Я добьюсь успехов!

— Зачем все эти разговоры? — Пауко потряс алебардой. — Убить его, и точка.

— Или хотя бы отправить назад. В его мир, который раньше был твоим, Джонни-Томми. — Голос Маджа был перенасыщен презрением. — Мне почемуй-то не кажется, че там он сумеет кого-нибудь напугать.

Джон-Том колебался.

— Мадж, мне никогда не нравилась эта идея — переносить людей туда-сюда. Я бы не хотел наладить между нашими мирами постоянное сообщение. Здешние жители не поймут моих соотечественников, а те лишь испакостят твою родину.

— Я не хочу возвращаться, — взмолился Хинкель. — Там... там надо мной смеялись.

— Значица, кой-какой вкус у них все ж есть, — заметил Мадж.

Хинкель сел на пятки.

— Мне здесь вообще-то нравится.

— Легко так говорить, когда у тебя есть власть. — Похоже, Умаджи была готова свернуть прохвосту шею по малейшему знаку Джон-Тома. — Но как ты представляешь себе жизнь в роли обычного простолюдина?

— Обязанного слушать справедливую критику, — добавил Джон-Том.

— Я на все готов. Я не желал никому зла. Я хотел только... — Хинкель закашлялся. — Я хотел только, чтобы у меня были слушатели.

Хек с Караукулом переглянулись и раздули ноздри.

— Послушайте, но ведь я же могу исправиться! — Хинкель поднялся на ноги. — Любой может исправиться. — Он затравленно поглядел на Джон-Тома: — Сделаю все, что вы скажете.

Тощая фигура, еще совсем недавно жуткая, сейчас выглядела жалко.

— Ладно, — спокойно произнес Джон-Том. — Но прежде чем мы расстанемся, я тебе спою, наложу чары замедленного действия. Если нарушишь слово...

— Не нарушу! Ни в коем случае.

— Допустим. Но все-таки я подстрахуюсь...

И тут появился оборванный состав «Панкреатического отстоя». Троица молниеносно оценила ситуацию и обрушила на беспомощного Хинкеля шквал пинков и затрещин. К счастью, Газерс и его друзья были слишком измотаны, ослаблены голодом и не успели причинить серьезные увечья, прежде чем Джон-Том и солдаты оттащили их от хнычущего певца.

— Подвесьте его за пятки! — бушевал Газерс. — Я запихну гармонику ему в...

Джон-Том встал между перепуганным Хинкелем и музыкантами.

— Довольно. Вы плывете с нами. Все четверо.

У Маджа отвисла челюсть.

— С нами? Э, чувак, да че на тебя нашло?

— На судне места хватит, — коротко ответил Джон-Том.

Выдр тяжело вздохнул:

— Джимми-Тамтам, на нашей клепаной лохани не хватает места с тех пор, как на борт взошла третья принцесса. Но ежели ты будешь настаивать, мне бы офигенно хотелось узнать, чего ради.

— Мы не можем их бросить. На острове они перемрут с голоду.

— Святые слова.

Циммерман задумчиво похлопал себя по пустому животу.

— И пока я не уверен, — продолжал Джон-Том, — что мистер Хинкель не собирается отказаться от своего слова. Гораздо спокойнее видеть его под присмотром очень ответственных надзирателей.

— Спасибо, спасибо! — Хинкель нервно косился на бывших коллег и держался поближе к Джон-Тому. — Что от меня требуется?

— Рекомендую для начала потренировать голос. — Джон-Том посмотрел на внимательно следящих за ситуацией принцесс. — Может быть, при каком-нибудь чрезвычайно снисходительном королевском дворе. Пожалуй, лет двадцати будет достаточно.

— Двадцать лет!

Хинкель побелел.

— Лично мне это средство помогло. Может, и ты за этот срок научишься сносно вытягивать мотив.

Хинкель неохотно кивнул, потом зашарил взором.

— Моя гармоника! Моя гитара!

— Их больше нет. Но ничего, наверняка удастся найти под-

ходящую замену. Лично я предложил бы лютню — самый безобидный инструмент на свете.

— Ладно. — Побитый музыкант слегка распрямил спину. — Вы еще увидите. Наступит день... когда я запою не хуже вас. — Он указал на дуару. — Кстати, как вам удаются такие чудеса?

Джон-Том скромно пожал плечами:

— Будь я проклят, если знаю. Уверен только в одном: в любой музыке есть волшебство.

— Ну, этого мне вполне достаточно. Вот увидите, я наберусь мастерства. Увидите. Когда-нибудь я стану лучшим!

— О да, вот это — настоящая целеустремленность. Она мне по душе.

В тот же миг вперед метнулась шикарная женская фигурка, нежные руки обвили шею изумленного, но вряд ли раздосадованного этим Хинкеля.

— Я тебе помогу! — проворковала Ансибетта. — Ах ты, бедненький, затюканный, невезучий странствующий бард! Я тебя понимаю, я представляю, как это несладко — когда тебя хулят даже не в одном, а в двух мирах! Разве это справедливо?

Джон-Тома, потрясенного до потери голоса, лишь на миг охватило сожаление. Но он вспомнил Талею, Банкана и свой дом — и успокоился.

Но не до полной безмятежности.

Мадж ткнул его под ребра.

— Ну так, шеф, объясни мне, сделай милость. Это че, еще какое-то таинственное колдовство действует или че?

Джон-Том посмотрел на Ансибетту — та снова и снова увлеченно целовала и успокаивала ошеломленного, однако быстро приходящего в себя Хинкеля.

— Нет, Мадж, это не волшебство. Просто у некоторых человеческих самок до крайности извращенные вкусы.

— А, значица, дело тока в этом? Чувак, да нешто ты не знал, че у всех без исключения бабенок вкусы шиворот-навыворот? Это ж всем известный закон природы, вот так.

— Да, я знаком с этим явлением. Самым красивым женщинам всегда нравятся наиболее уродливые самцы. Особенно их привлекают чахлые музыканты, которым вдобавок медведь на ухо наступил. Наверное, таким способом природа ограничивает прирост населения.

— Насчет самой красивой ты, приятель, загнул. Пущай она принцесса и все такое, но твоей Талее и в подметки не годится. — Выдр задумчиво помолчал. — Та ее враз за пояс заткнет. Или еще куда...

— Ты совершенно прав, — твердо произнес Джон-Том, чтобы закрыть тему. И он почти не кривил душой.

Сомкнув пальцы на щуплой шее музыканта, принцесса Ансибетта Боробосская сияла, как солнце в погожий день, и глядела в водянистые глаза Хинкеля.

— Я позабочусь, чтобы ты ни в чем не нуждался. У нас при дворе великолепные учителя музыки.

И, взяв его за руку, ласково повела к шлюпке.

Волк-Газерс состроил очень выразительную мину — дескать, все это мы уже проходили.

— Ладно, сукин сын неплохо устроился, но с чем остаемся мы?

Вперед вышла Сешенше и задумчиво провела когтем сверху вниз по груди гитариста.

— Нет на с-свете королевс-ского двора, где не найдетс-ся мес-стечка одному-двум менес-стрелям. Ес-сли они знают с-свое дело.

— Конечно, мы знаем свое дело, — огрызнулся Газерс. — Нам нужен только новый солист.

— Ес-сли у вас нет ос-собого предубеждения против кошачьих концертов, то, может быть, и я на что с-сгожусь?

Она раскрыла пасть и продемонстрировала нежнейшее и чистейшее сопрано — Джон-Том только диву давался. По крайней мере, оно было нежным и чистым, пока не перешло в рычание и мяуканье. Совершенно дикие, неистовые, звуки эти были достойны десятка сцепившихся в переулке кошек.

— Э, а ведь неплохо! — Приободрившийся Циммерман уже насвистывал фоновый ритм рефрена. — Немножко похоже на «Пирл джем».

— Или на «Чили пепперс», — высказал свое мнение Хилл.

Газерс согласно кивнул:

— Парни, с этим можно конкретно работать. Слышь, кисуля, платить-то нам хоть будут?

— Кров и с-стол, — ответила Сешенше. — Но — по королевской шкале. Не волнуйтес-сь, вас-с ждет дос-стойное обращение, как с-с уважаемыми придворными музыкантами.

Друзья переглянулись, потом за всех высказался Циммерман:

— Что ж, это самое хорошее предложение за последнее время. Все лучше, чем наяривать за компот в клубах Пассейика.

Хилл содрогнулся:

— Точно, хуже этого ничего не бывает.

Газерс, памятуя о том, что обращается к принцессе, смущенно поинтересовался:

— А на столе под кровом... гм... выпивка будет?

Сешенше показала в улыбке все свои внушительные клыки.

— Вы отведаете лучших алкогольных напитков нашей с-страны. У моего народа давние традиции с-сбраживания и нас-стаивания.

— Ну, коли так, все в порядке! — успокоился Хилл. — Парни, мне это, типа, нравится.

— И еще одно. — Газерс беспомощно глянул на Джон-Тома. — Этот твой королевский двор... как бы это выразиться... смешанный в расовом отношении? Или нет?

Джон-Том улыбнулся:

— Ты сам скоро убедишься, что здесь очень дружно живут все теплокровные. Уверен, в Паресси-Глиссаре ты встретишь людей.

— Это как пить дать. — Мадж подмигнул. — А ежели ты не склонен ограничивать себя в выборе...

Джон-Том зажал ему пасть ладонью.

— Пусть ребята сами выяснят все, что их интересует. Сильнее, чем уже удивились, они не удивятся.

И вслед за мангустами друзья направились к шлюпке.

— Это, конечно, не ресторан деликатесов на Шестой авеню,,— пробормотал Хилл, — но все-таки королевский двор...

Мадж теребил друга за рукав:

— Эй, чувак, послушай-ка. Как же быть со всей этой музыкой, которую тут собрал наш задохлик?

— Я о ней позабочусь.

Джон-Том остановился на берегу, повернулся к самой высокой горе, все еще окутанной темными клубами, взял дуару в руки и запел напоследок. На сей раз слова не нуждались в усилителе из запределья.

Вывод ясен: для музы
Не созданы узы,
Для мелодий и слов
Не найти в целом свете оков.
Песня вольною птицей
Пускай в небеса устремится
И достигнет других уголков
И других берегов...

Что тут началось! Взорвались черные тучи, и вся музыка, которую Иероним Хинкель добыл неправедным путем, хлынула вниз по склону горы неудержимым валом чистого звука, и каждая нота, словно крупица перламутра, переливалась сотней оттенков.

Грандиозным цунами мелодий и ритмов, гармонии и темпа вызволенная музыка омыла Джон-Тома и его спутников, растрепала им волосы, раздразнила нервные окончания. А когда промчалась мимо, все поняли: им уже до конца своих дней не встретить звука такой концентрации.

Она исчезла быстрее, чем любимое воспоминание, рассеялась над океаном, разбежалась по множеству земель, откуда ее похитили. Мелодии вернулись к своим инструментам, песни — к своим певцам, высокие призрачные стоны распределились по сотням косяков заждавшихся китов. А Джон-Тому и его товарищам осталось только тепло на сердце и чувство исполненного долга.

А потом раздался шум, которого Джон-Том не слышал уже давно. Этот звук, почти забытый музыкантом, посвятившим себя семье, чаропению и разнообразным приключениям, сильно отличался от того, что раздавался много дней назад при встрече с китами. Он исходил от принцесс и солдат, от ансамбля «Панкреатический отстой» и даже от наказанного Хинкеля, не проявлявшего, однако, энтузиазма. Это были аплодисменты.

Естественно, в такой ситуации Джон-Том мог сделать только одно. Картинным жестом он запахнул широкий плащ, преклонил колено, прижал руку к груди и поклонился.

«Пусть это и не «MTV», — подумал он, — но все равно неплохо».

— А как насчет вот этого, чувак?

Пока солдаты помогали взойти на борт последней принцессе, выдр указал на исполинский усилитель с колонками. Чудесным образом материализованный тимпан уже давно исчез. Был прилив, морские волны норовили лизнуть потустороннюю электронику.

— Аппаратуру прислал Кацповарекс. Пусть он и решает, как с нею быть. У меня бы нашлась чаропесенка, да, боюсь, еще отошлю куда-нибудь не туда. Остров безлюдный, так что не понимаю, почему мы должны до хрипоты спорить о судьбе чужеземной аудиотехники.

— Так-то оно так, да тока помяни мое слово, однажды она когой-то оченно удивит. — Выдр подошел к ближайшему монолиту, провел пальцами по блестящей черной поверхности. И уловил едва заметную вибрацию. — Кой-кому придется сочинить легенду-другую, чтоб объяснить присутствие этой хреновины.

— Но это уже не наша проблема.

Джон-Тому не терпелось покинуть остров.

Эпилог

Наконец гористый клочок суши остался позади. В сопровождении тысяч китов и дельфинов суденышко благополучно доставило принцесс на родину Алеукауны, в Харакун, расположенный на богатом, процветающем восточном берегу океана Фарраглин. Далее оставалось лишь в индивидуальном порядке препроводить спасенных дам в их королевства. В Тууре и Боробоссе, в Тренку и Паресси-Глиссаре друзей встречали и чествовали как героев, к немалому смущению Джон-Тома. Мадж, всегда готовый помочь комплексующему спутнику, брался праздновать за них обоих, что и делал на пределе своих необыкновенных способностей.

В Тренку они оставили рыдающую Пивверу, и Маджу расставание с ней далось труднее, чем Джон-Тому прощание с Ансибеттой Боробосской, уже не сводившей глаз с разительно преобразившегося Хинкеля. А тот, проведя несколько недель под ее неослабным надзором, решил, что двадцать лет учения музыке — пустяковая цена за бессрочное продолжение таких отношений.

Волк-Газерс, Шплиц-Циммерман и Ядерный Хилл благопо-

лучно устроились при Паресси-Глиссарском дворе, под личным покровительством Сешенше. Как и сулил им Джон-Том, в тамошнее высшее общество входили представители многих племен, в том числе и человеческого.

Наконец человек и выдр, чередуя суда с повозками, пешую ходьбу с ездой на вьючных животных, воротились в родные пределы, в Колоколесье, где их ждала встреча с не желающими ничего понимать Талеей и Виджи. Не выбирая выражений, жены потребовали отчитаться во всех подробностях, где шлялись их спутники жизни столько времени.

— Я же написал записку, — робко напомнил Джон-Том.

— Да, и я.

Мадж, ни на минуту не забывая о том, что Виджи в ярости бывает куда опаснее самой непредсказуемой чаропесни, держался в тени друга. Джон-Том знал, что на самом деле требуется его жене, и вместо сумбурных объяснений заключил ее в объятия.

— Мы просто решили погоняться за мелодией, — шепнул он.

Гневная отповедь осталась не у дел — трудно пилить мужа во время жаркого поцелуя, и Талея решила повременить с выволочкой.

Виджи обошла обнимающихся людей.

— А ты, стервец, что скажешь в свое оправдание?

— Да ладно тебе, крошка, ты ж знаешь, как это бывает. Куда Джон-Том чапает, туда и мне как бы полагается. — Женины колебания прибавили Маджу храбрости, он обнял ее за плечи, отвел в сторонку и прошептал: — Ой, крошка, до чего ж это страшно было, до чего страшно! Такие переделки, такой риск — тебе и не вообразить. Но я их все одолел, вот так. Во имя музыки и искусства. Эх, знала б ты, какие опасности мы пережили!

— Пережили, говоришь? Ах ты, икра рыбья! — Виджи саданула его в живот, снова занесла кулак, но не ударила, а улыбнулась. — Но пускай меня освежуют на воротник к праздничному платью, если ты не сократился в талии на целую ладонь! И какие же опасности надо за это благодарить?

— Да ладно те, крошка, я все объясню.

Он приблизился, снова обнял ее и ласково терся щеками о ее щеки, пока она не начала отвечать.

Естественно, она его простила. И это доказывало лишь одно: в той комнате не один Джон-Том умел творить чудеса.

Содержание

ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА. *Роман*
Перевод А. Филонова 5

СЫН ЧАРОДЕЯ С ГИТАРОЙ. *Роман*
Перевод Г. Корчагина 215

ИНФЕРНАЛЬНАЯ МУЗЫКА. *Роман*
Перевод Г. Корчагина 533

Алан Дин

ФОСТЕР

Alan Dean Foster